

ГОРНО-АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ВОДНЫХ И ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ СО РАН
АЛТАЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ
ЧЕЛЯБИНСКИЙ ИНСТИТУТ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
АЛТАЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ
ОЖНО-УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ ИСКУССТВ ИМ. П.И. ЧАЙКОВСКОГО

МИР НАУКИ, КУЛЬТУРЫ, ОБРАЗОВАНИЯ

Научный журнал
Издается с 1998 года
Выходит один раз в два месяца

№ 4 (29)

Часть 2

Август 2011

ISSN 1991-5497

Индекс в каталогах
Роспечати 31043

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

А.В. Петров – д-р пед. наук, проф.,
академик ПНИ, член меж-го союза
журналистов (г. Горно-Алтайск)

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР

А.А. Петров (г. Горно-Алтайск)

ПЕРВЫЙ ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Р.В. Опарин – кан. пед. наук, доцент
(г. Горно-Алтайск)

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

М.Г. Чухрова – д-р мед. наук, проф.
(г. Новосибирск)

ТЕХНИЧЕСКИЙ РЕДАКТОР

Н.С. Часовских – канд. пед. наук, член
межд-го союза журналистов
(г. Горно-Алтайск)

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

Л.Г. Тырса (г. Горно-Алтайск)

ВЕДУЩИЙ МЕНЕДЖЕР ЖУРНАЛА

С.Х. Марабян – член-корр. ПНИ
(г. Горно-Алтайск)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИИ ЖУРНАЛА

В.А. Петров (г. Горно-Алтайск)

УЧРЕДИТЕЛЬ: ООО «РМНКО»

АДРЕС РЕДАКЦИИ

649006, г. Горно-Алтайск,
пр. Коммунистический № 68, офис 301,
редколлегия журнала
«Мир науки, культуры, образования»

Тел.: 8 (388-22) 4-74-44;

Факс: 8 (388-22) 4-74-44;

E-mail: mnko@mail.ru;

<http://amnko.ru/>

Индекс научного цитирования:

http://elibrary.ru/title_about.asp?id=26070

Журнал зарегистрирован в:

✓ Министерстве РФ по делам печати
и телерадиосвязи. Свидетельство
о регистрации № ПИ 77-14649

✓ International Centre ISSN, Paris - France

✓ Журнал включен в «Перечень ведущих
рецензируемых изданий ВАК РФ» по
направлениям: Педагогика, Психология,
Филология, Искусствоведение,
Культурология, Философия, История,
Социология, Экономика, Юриспруденция,
Медицина, Экология

Подписано в печать 24.08.2011

Формат 60х84/8. Усл. печ. л. 44

Тираж 500 экз. Зак. № 77

© Редакция журнала «Мир науки, культуры,
образования», 2011

НАУЧНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Е.Л. Кудрина – председатель редакционного совета, доктор педагогических
наук, профессор, ректор Кемеровского госуниверситета культуры и искусства
(г. Кемерово)

В.Г. Бабин – кандидат исторических наук, доцент, ректор ГАГУ
(г. Горно-Алтайск)

В.А. Петухов – доктор биологических наук, профессор
(г. Новосибирск)

Ю.И. Винокуров – доктор географических наук, профессор,
директор института водных и экологических проблем СО РАН
(г. Барнаул)

В.М. Лопаткин – доктор педагогических наук, профессор, ректор АлтГПА
(г. Барнаул)

А.С. Кондыков – профессор, ректор АлтГАКИ (г. Барнаул)

Ф.Н. Клюев – профессор, ректор ЧИРПО (г. Челябинск)

С.Н. Скоринов – доктор культурологии, профессор, ректор ХГИИиК
(г. Хабаровск)

Ш.А. Амонашвили – доктор психологических наук, профессор, академик РАО
(г. Москва)

А.В. Усова – доктор педагогических наук, профессор, академик РАО
(г. Челябинск)

В.И. Загвязинский – доктор педагогических наук, профессор, академик РАО
(г. Тюмень)

Д. Чевалир – доктор филологических наук, профессор штата Мерилэнд (США)

Д. Майкельсон – доктор филологических наук, профессор (США)

И. Сербан – доктор психологии, доктор медицины, профессор

университета Париж 8 (г. Париж)

Б.В. Новиков – доктор философских наук, профессор (г. Киев, Украина)

У. Грисволд – доктор педагогических наук, профессор университета штата
Канзас (США)

Ю. Подгорецки – доктор педагогических наук, профессор университета
Опольски (г. Ополье, Польша)

М.С. Панин – доктор биологических наук, профессор (Казахстан)

Р.Т. Раевский – доктор педагогических наук, профессор (г. Одесса, Украина)

М.Г. Чухрова – доктор медицинских наук, профессор (г. Новосибирск)

Д. Батчулуун – доктор философских наук, профессор (г. Ховд, Монголия)

НАУЧНАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ю.В. Сенько – академик РАО, доктор педагогических наук, профессор
(г. Барнаул)

П.И. Костенко – доктор педагогических наук, профессор (г. Челябинск)

А.С. Прутченков – доктор педагогических наук, профессор (г. Москва)

С. Д. Каракозов – доктор педагогических наук, профессор (г. Барнаул)

В.И. Долгова – доктор психологических наук, профессор (г. Челябинск)

Н.Е. Мусинова – кандидат искусствоведения, доцент (г. Кострома)

В.В. Гафаров – доктор медицинских наук, профессор (г. Новосибирск)

А.В. Пузанов – доктор биологических наук, профессор (г. Барнаул)

Д.Л. Штуден – доктор культурологии, профессор (г. Новосибирск)

В.И. Хаснулин – доктор медицинских наук, профессор (г. Новосибирск)

Н.А. Мешков – доктор медицинских наук, профессор (г. Москва)

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных
сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности
несут авторы публикуемых материалов.

Дизайн обложки: П.Г. Белозерцев.

В оформлении использованы стихи Б. Бедюрова, Т. Маршалоной, П. Валери.

ПЕДАГОГИКА. ПСИХОЛОГИЯ		СТРУКТУРА КОНЦЕПЦИИ ИНФОРМАЦИОННО-ПРОЕКТНОГО ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ 53	СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА) 105
А.В. Усова ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ 10		В.Ф. Северина, И.Р. Лазаренко РАЗВИТИЕ ПРОДУКТИВНОГО УЧЕБНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ И СТУДЕНТОВ ВУЗА ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ 59	Н.В. Круглова ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ НОРМЫ 109
	НЕКОТОРЫЕ МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАУЧНЫХ ПОНЯТИЙ У УЧАЩИХСЯ ШКОЛ И СТУДЕНТОВ ВУЗОВ 11	В.Н. Семенов, С.Б. Нарзулаев КОМПЛЕКС ОЗДОРОВИТЕЛЬНЫХ УП- РАЖЕНИЙ ДЛЯ ДЕТЕЙ ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА, ПРОЖИВАЮЩИХ В ЭКО- ЛОГИЧЕСКИ НЕБЛАГОПОЛУЧНЫХ РАЙОНАХ 63	Р.Т. Ниязов ПРОБЛЕМА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЧЕЛОВЕКА ПЕРЕД ОБЩЕСТВОМ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДЖОНА ГРИШЭМА 113
А.В. Багачук ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ – БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ МАТЕМАТИКИ 14		Н. Г. Смирнова КОГЕРЕНТНОСТЬ УЧЕБНОЙ И СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ 67	Т.В. Пьянкова АССОЦИАТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «СЕМЬЯ» В ПОВЕСТИ Л. ПЕТРУШЕВСКОЙ «ВРЕМЯ НОЧЬ» 116
Т.С. Бирюлина ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИ- ТАНИЕ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ 18		В.С. Ежов ЭСТЕТИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ В ГАРМОНИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ 70	Е.Г. Свинчукова АВТОПОРТРЕТЫ РУССКИХ И КАЗАХОВ (АНАЛИЗ ОБРАЗА «Я» В РУССКОЙ И КАЗАХСКОЙ КУЛЬТУРАХ) 119
Н.Н. Быстрова КОМПЕТЕНТНОСТЬ РОДИТЕЛЕЙ КАК РЕЗУЛЬТАТ КОМПЕТЕНТНОЙ РАБОТЫ СПЕЦИАЛИСТОВ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ 20		Н.В. Петренко РОЛЬ ДОСУГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ СО- ЦИАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ У ВОС- ПИТАННИКОВ ДЕТСКИХ ДОМОВ 72	Н.Ч. Серээдар МОДЕЛИ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ГЛАГОЛАМИ МИМИКИ И ЖЕСТА В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ 124
О.В. Галакова МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ КОМПЕ- ТЕНТНОСТИ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА 24		А.С. Васильев МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ ВНУТРИ- ЛИЧНОСТНОГО КОНФЛИКТА 75	Н.Н. Таскаракова «ТЕНИ ПРЕДКОВ» В СОВРЕМЕННОЙ ХАКАССКОЙ ЛИРИКЕ 127
А.О. Зоткин ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ПОНЯТИЯ «ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ» 27		А.С. Чухров ЛИЧНОСТНО-МОТИВАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫБОРА СТУДЕНТОВ ИНЖЕНЕРНО- ТЕХНИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ 75	Т.П. Христолюбова БИБЛЕЙСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ К.С. ПЕТРОВА-ВОДКИНА: САКРАЛЬНОЕ И ОБЫДЕННОЕ 129
Б.А. Искаков, С.Г. Сахариева ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СУБЪЕКТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В УСЛОВИЯХ ТРАДИЦИОННОГО И ЭЛЕКТРОННОГО ОБУЧЕНИЯ 30		В.С. Шаромова ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКА ЧТЕНИЯ У ДЕТЕЙ С ОБЩИМ НЕДОРАЗВИТИЕМ РЕЧИ 83	Ш.С. Турганбаева МАГИЯ ЦВЕТА У ПЕРВОБЫТНЫХ НАРОДОВ 133
Б.А. Искаков МЕТОДИКА РАЗВИТИЯ МЕДИАКОМ- ПЕТЕНТНОСТИ УЧИТЕЛЕЙ В УСЛО- ВИЯХ РЕСУРСНОГО ЦЕНТРА 34		Э.Э. Кожеевникова РАЗВИТИЕ ОЦЕНОЧНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПЕДАГОГОВ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ 87	Ш.С. Турганбаева, В.А. Сидоров ИЗЛОЖЕНИЕ НА ЛИНТРА ГРАФИЧЕС- КОГО ДИЗАЙНА 137
А.В. Казаков ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОР- МИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ ТЕХНОЛОГИИ И ПРЕДПРИНИМА- ТЕЛЬСТВА СРЕДСТВАМИ НАРОДНЫХ РЕМЕСЕЛ 37		О.В. Ядрышников АКТУАЛИЗАЦИЯ КОМПЕТЕНЦИЙ ПЕДАГОГА В СФЕРЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ИННОВАЦИЙ КАК УСЛОВИЕ ПОВЫШЕНИЯ ИХ КВАЛИФИКАЦИИ 90	Л.Н. Турлюн МАТЕМАТИКА У ИСТОКОВ КОМПЬЮТЕРНОГО ИСКУССТВА 140
А.Д. Каримова ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ КОМПЛЕКСНОЙ ОЦЕНКИ РЕЗУЛЬТАТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В МАГИСТРАТУРЕ 40			Л.С. Зникина, Н.А. Заостровская ДИСКУРС-АНАЛИЗ КАК ОСНОВА ПРОЦЕССА ФОРМАЛИЗАЦИИ НАУЧНОГО ТЕКСТА 142
О.Н. Кирюшина НАУЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ КАК ОБЪЕКТ НАУКОМЕТРИЧЕСКОГО ИССЛЕ- ДОВАНИЯ 43			Р. И. Казимагомедова ЭВОЛЮЦИЯ ТРИФОНОВА-ПИСАТЕЛЯ В КОНТЕКСТЕ СПОРОВ О ДОКУМЕН- ТАЛЬНОМ НАЧАЛЕ В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА 144
Н.В. Морозова ЭКОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ БУДУЩЕГО СПЕЦИАЛИСТА 47			
А.В. Никитенко АКТИВИЗАЦИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ- МАТЕМАТИКОВ ПО РАБОТЕ С МАТЕМАТИЧЕСКИМ ТЕКСТОМ КАК ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИЕЙ 49			
Б.А. Нурумов, Н.Я. Большунова, Г.К. Даржуман РОЛЬ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИИ В СТРУКТУРЕ ЛИЧНОСТИ 51			
Н.А. Плугина			
		ФИЛОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ	ИСТОРИЯ
		В.М. Баймухаметова ДРЕВНЕЙШИЕ ЭПИЧЕСКИЕ СКАЗАНИЯ БАШКИРСКОГО НАРОДА «УРАЛ БАТЫР» И «АКБУЗАТ» 93	С.А. Зотов БРИТАНСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ И ЕЁ АЛЬТЕРНАТИВЫ В СОЧИНЕНИЯХ ТОМАСА КАРЛЕЙЛЯ 147
		О.Ю. Горбацкая ОТРАЖЕНИЕ ПОНЯТИЯ КАТЕГОРИИ ОБЩЕГО РОДА В ГРАММАТИКАХ И СЛОВАРЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА: ПРОБЛЕМА И РЕШЕНИЕ 95	Е.И. Подрепный МИГ-25 – НИЖЕГОРОДСКИЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ 151
		А.К. Кадырова АТРИБУТЫ РУССКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКИ В ВОСПРИЯТИИ НОСИТЕЛЕЙ ЯЗЫКА 98	Т.Б. Сорокина ИДЕАЛ ПОЛИТИЧЕСКОГО УСТРОЙСТВА ЭДВАРДА ГЕРБЕРТА 154
		Е.С. Каримова ЗАГАДКА КОМПОЗИЦИОННОГО ЕДИНСТВА «ПЕТЕРБУРГСКОГО» СБОРНИКА Н.В.ГОГОЛЯ 102	М.В. Третьякова ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ В ПУТЕВЫХ ЗАМЕТКАХ СТОЛЬНИКА П.А. ТОЛСТОГО 156
		Е.В. Комлева К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ТЕКСТОВЫХ КАТЕГОРИЙ АДРЕСОВАННОСТИ И АПЕЛЛЯТИВНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ	Н.В. Шелокова ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ АНГЛИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ: УЧЕНИЕ ДЖОНА ВИКЛИФА О ВЛАСТИ 160

М.Ш. Ахатов К ВОПРОСУ О СОХРАНЕНИИ И РАЗВИТИИ ТАТАРСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ	162
Д.А. Сизов ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ПРЕДПРИЯТИЙ ОБОРОННО- ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА ЮЖНОГО УРАЛА В УСЛОВИЯХ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1945-1965 ГГ.	164
Ю.С. Пестушко ОБСУЖДЕНИЕ ЯПОНИЕЙ И РОССИЕЙ ВОПРОСА О НАЗНАЧЕНИИ В КОРЕЮ РОССИЙСКОГО ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ	167
В.С. Сулимов ТРУДОВЫЕ ДРУЖИНЫ УЧАЩИХСЯ ШКОЛ АЛТАЙСКОГО ОКРУГА В 1915 ГОДУ	172
Е.С. Юрченко ОТНОШЕНИЕ АДМИНИСТРАЦИИ В. ВИЛЬСОНА К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ, ОБРАЗОВАВШИХСЯ НА ТЕРРИТОРИИ БЫВШЕЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ, В ПЕРИОД ПРОВЕДЕНИЯ ПАРИЖСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ	175
И.А. Новиков ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНО ПОДХОДА ПРИ ИЗУЧЕНИИ ГОРНО- ЗАВОДСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XVIII – НАЧАЛА XIX ВЕКА	179
В.Л. Некрасов МОДЕЛИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1957–1965 ГГ.)	184
И.Г. Черляков АБОРИГЕНЫ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ И АЛТАЙСКАЯ ДУХОВНАЯ МИССИЯ В СИСТЕМЕ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В XIX В.	189
А.А. Завьялов ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТОМСКОГО ОКРУГА ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ АЛТАЙСКОГО ОКРУГА (ОБСКОЙ УЧАСТОК) В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.	193
СОЦИОЛОГИЯ	
А.Ю. Дитятев КОНЦЕПЦИЯ ЖИЗНЕННЫХ СИЛ ЧЕЛОВЕКА КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВАСОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ФЕНОМЕНОВ ОПТИМИЗМА И ПЕССИМИЗМА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ	198
М.С. Маслов, Р.А. Трофимова СОВРЕМЕННОЕ КНИЖНОЕ ДЕЛО СИ- БИРИ ГЛАЗАМИ ЕГО УЧАСТНИКОВ.	200
О.Н. Фотиева ЭКСТРЕМИЗМ КАК СОЦИАЛЬНАЯ БОЛЕЗНЬ	203
А.Н. Шрайбер РЕАБИЛИТАЦИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО СТАТУСА РОДИТЕЛЬСТВА	205
И.Ю. Яковлева СТРАТЕГИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ КАК КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ПРЕДПОСЫЛКА ЭКОЛОГИЧЕСКИ ОРИЕНТИРОВАННОЙ ЭКОНОМИКИ.	207

МЕДИЦИНА	
Е.А. Калужный, Ю.Г. Кузмичёв, С.В. Михайлова ВЕГЕТАТИВНАЯ АДАПТАЦИЯ УЧАЩИХСЯ НА ЭТАПЕ ДОШКОЛЬНОЕ- НАЧАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ	211
Н.Н. Демидко, Н.К. Гайнанова, Д.Г. Мирошкин, Н.Б. Козликина ОСОБЕННОСТИ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ПРОФИЛЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ АСИММЕТРИИ МОЗГА У МАЛЬЧИКОВ- ПОДРОСТКОВ, ПРОЖИВАЮЩИХ В ГОРОДАХ АЛТАЙСКОГО КРАЯ С РАЗЛИЧНОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКОЙ	214
И.В. Сергеева ТЕЧЕНИЕ ГРИППА А H ₁ N ₁ SWIN В Г. КРАСНОЯРСКЕ В 2011 ГОДУ	217
Е.А. Чанчаева, Р.И. Айзман, А.С. Закричкинова ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ГОРНОГО АЛТАЯ	219
В.А. Дробышев, В.А. Поддубнякова, О.Г. Гантимурова ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МИКРОТОКОВОЙ ЭЛЕКТРОТЕРАПИИ В ЛЕЧЕНИИ ДВИГАТЕЛЬНЫХ НАРУШЕНИЙ КИСТИ У БОЛЬНЫХ, ПЕРЕНЕСШИХ МОЗГОВОЙ ИНСУЛЬТ	222
С.А. Фирсов КЛИНИКО-СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ И ИСХОДОВ СОЧЕТАННЫХ ЧЕРЕПНО-МОЗГОВЫХ И СКЕЛЕТНЫХ ТРАВМАТИЧЕСКИХ ПОВРЕЖДЕНИЙ	225
С.В. Корепанов, Т.Г. Опенко, Н.Д. Веряскина ИЗУЧЕНИЕ В ЭКСПЕРИМЕНТЕ IN VIVO ПРОТИВООПУХОЛЕВЫХ СВОЙСТВ ДИКОРАСТУЩЕГО ЛЕКАРСТВЕННОГО РАСТЕНИЯ ДУРНИШНИК ОБЫКНОВЕННЫЙ (XANTHIUM STRUMARIUM)	230
С.В. Корепанов, Т.Г. Опенко РАДИОМОДИФИЦИРУЮЩАЯ АКТИВНОСТЬ ЭКСТРАКТОВ ЛЕКАРСТВЕННЫХ РАСТЕНИЙ ПРИ ОБЛУЧЕНИИ В ЭКСПЕРИМЕНТЕ	234
Т.Г. Опенко, С.Н. Богатырев, Е.Г. Вережкин, Н.В. Насонова, Л.В. Щербакова ФАКТОРЫ КАРДИОМЕТАБОЛИЧЕСКОГО РИСКА И ЗЛОКАЧЕСТВЕННЫЕ НОВООБ- РАЗОВАНИЯ: ПОПУЛЯЦИОННОЕ ИС- СЛЕДОВАНИЕ В НОВОСИБИРСКЕ	240
Т.Г. Опенко, Ю.П. Никитин ДИНАМИКА СМЕРТНОСТИ ОТ НОВО- ОБРАЗОВАНИЙ НА СЕВЕРНЫХ ТЕРРИ- ТОРИЯХ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФЕДЕ- РАЛЬНОГО ОКРУГА В 1997-2007 ГГ.	245
М.В. Новикова КЛИНИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОПЕРАЦИОН- НО-АНЕСТЕЗИОЛОГИЧЕСКОГО РИСКА ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ ХИРУРГИЧЕСКОЙ КОРРЕКЦИИ СКОЛИОТИЧЕСКИХ ДЕ- ФОРМАЦИЙ ПОЗВОНОЧНИКА	249
ФИЛОСОФИЯ	
С.Г. Барышников СПЕЦИАЛЬНО-НАУЧНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПОСТРОЕНИЯ СИСТЕМЫ ЗНАНИЙ В ТЕРРОЛОГИИ: ПРИНЦИП РАЗВИТИЯ	253

М.В. Бекарюков КОНСТРУИРОВАНИЕ ЭЗОТЕРИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ: БАЗОВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ И ИХ СПЕЦИФИКА	255
Ю.С. Лобанов ОГРАНИЧЕННОСТЬ СОВЕТСКОЙ ДУХОВНОСТИ В МАТЕРИАЛАХ XXII-ГО СЪЕЗДА КПСС	258
ЭКОЛОГИЯ.	
Т.З. Артемова, Ю.А. Рахманин, А.Е. Недачин, Е.К. Гинн, Н.Н. Буторина, А.В. Загайнова, Ю.Г. Талаева, Т.Н. Максимкина ОБОСНОВАНИЕ ИНТЕГРАЛЬНОГО ИНДИКАТОРНОГО ПОКАЗАТЕЛЯ ОЦЕНКИ ПОТЕНЦИАЛЬНОЙ ОПАСНОСТИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КИШЕЧНЫХ ИНФЕКЦИЙ ПРИ ПИТЬЕВОМ ВОДОПОЛЬЗОВАНИИ	262
А.В. Загайнова, Ю.А. Рахманин РАЗРАБОТКА ПОДХОДОВ К ОЦЕНКЕ РИСКА ВОЗНИКНОВЕНИЯ БАКТЕРИАЛЬНЫХ КИШЕЧНЫХ ИНФЕКЦИЙ, РАСПРОСТРАНЯЕМЫХ ВОДНЫМ ПУТЕМ	268
А.Е. Недачин, Д.В. Лаврова, Р.А. Дмитриева, Т.В. Доскина, В.А. Долгин ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ МЕТОДА МОЛЕКУЛЯРНОЙ ДИАГНОСТИКИ ДЛЯ ОБНАРУЖЕНИЯ ЭНТЕРОВИРУСОВ В ВОД, ПРОШЕДШЕЙ ОБРАБОТКУ ДЕЗИНФЕКТАНТАМИ	273
О.Ю. Пономарева, О.В. Бударина, Н.Н. Беляева КЛЕТОЧНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ДЫХАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ПРИ ГИГИЕНИЧЕСКОЙ ОЦЕНКЕ ЗАГРЯЗНЕНИЯ АТМОСФЕРНОГО ВОЗДУХА ВЕЩЕСТВАМИ, ОБЛАДАЮЩИМИ ЗАПАХОМ	277
В.И. Хаснулин, М.М. Геворгян, И.А. Бахтина ОСОБЕННОСТИ ЛИПИДНОГО ОБМЕНА У ПРИШЛЫХ ЖИТЕЛЕЙ СЕВЕРА, БОЛЬНЫХ АРТЕРИАЛЬНОЙ ГИПЕРТЕНЗИЕЙ	280
ЭКОНОМИКА	
Е.В. Демидко, Е.Ю. Гоман ФОРМИРОВАНИЕ ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА	284
А.М. Шкуркин, Е.В. Демидко КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ КАК СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ	287
ЮРИСПРУДЕНЦИЯ	
Е.А. Казьмина ПРАВСУБЪЕКТНОСТЬ НАРОДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	290
И.Ю. Остапович СУЩНОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ НЕ- ЮРИДИЧЕСКОЙ ФОРМЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ПРАВОТВОРЧЕСТВО	292
АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	
ИНФОРМАЦИЯ	

**PEDAGOGICS.
PSYCHOLOGY**

Bagachuk A.V. PECULIARITIES OF ORGANIZING STUDENTS' RESEARCH ACTIVITY OF WOULD-BE-TEACHERS OF MATHEMATICS.....	14
Biryulina T.S. THE INNER(SPIRITUAL)-MORAL EDUCATION IN MODERN CONDITIONS: PROBLEMS AND CONTRADICTION.....	18
Bystrova N.N. COMPETENCE PARENT'S AS RESULT COMPREHENSION EXPERTS OF EDUCATIONAL SYSTEM	20
Galakova O.V. MODEL OF SCHOOL AGE CHILDRENS SOCIAL COMPETENCE.....	24
Zotkin A.O., Zubareva T.A. THEORETICAL JUSTIFICATION OF THE 'INNOVATIVE DEVELOPMENT FOR EDU-CATIONAL INSTITUTION' CONCEPT.....	27
Iskakov B.A. INTERACTION OF SUBJECTS OF EDUCATIONAL PROCESS IN THE CONDITIONS OF TRADITION TH AND ELECTRONIC TRAINING.....	30
Iskakov B.A. METHODIC OF DEVELOPMENT OF TEACHERS' MEDIA COMPETENCE IN RESOURCE CENTER.....	33
Kazakov A.B. PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR FORMING PROFESSIONAL COMPETENCE OF FUTURE TEACHERS OF TECHNOLOGY AND ENTREPRENEURSHIP BY MEANS OF TRADITIONAL HANDICRAFTS	37
Karimova A.D. THE MAIN PRINCIPLES OF COMPLEX LEARNING OUTCOMES ASSESSMENT OF MASTER-PROGRAMME STUDENTS.....	40
Kiryushina O.N. SCIENTIFIC POTENTIAL OF THE EDUCATION SYSTEM AS OBJECT OF SCIENTIFIC RESEARCH	42
Morozova N.V. EKOKULTURNOE DEVELOPMENT OF THE FUTURE EXPERT	47
Nikitenko A.V. ACTIVIZATION OF THE COGNITIVE ACTIVITY OF MATHEMATICS STUDENT ON WORKS WITH THE MATHEMATICAL TEXT AS THE PROFESSIONAL COMPETENCE.....	49
Nurumov B. A., Bolshunova N. Y., Darzhuman G.K. THE ROLE OF VALUABLE ORIENTATIONS IN THE STRUCTURE OF AN INDIVIDUAL	51
Plugina N.A. STRUCTURE OF THE CONCEPT OF INFORMATION-DESIGN TRAINING OF STUDENTS.....	53
Severina V.F., Lazarenko I.R. DEVELOPMENT OF THE PRODUCTIVE EDUCATIONAL INTERACTION OF A TEACHER AND STUDENTS IN THE PROCESS OF FOREIGN LANGUAGE TEACHING.....	59

Semenov V.N., Narzulaev S.B. COMPLEX OF IMPROVING EXERCISES FOR CHILDREN OF SCHOOL AGE LIVING IN ECOLOGICALLY UNSUCCESSFUL AREAS.....	63
Smirnova N. G. COHERENCE OF EDUCATIONAL AND SOCIAL-CULTURAL ACTIVITIES IN SHAPING OF GENERAL CULTURE OF INDIVIDUAL.....	67
Ezhov V.S. THE AESTHETICAL REFLECTION IN HARMONIZATION OF SOCIAL INNOVATIONS	70
Petrenko N.V. ROLE RECREATIONAL ACTIVITIES IN PROMOTING SOCIAL COMPETENCE AMONG CHILDREN FROM ORPHANAGES.....	72
Vasilyev A.S. EMOTIONAL-COGNITIVE SATURATION IMAGINATION AS A MEANS OF OVERCOMING INTRAPERSONAL CONFLICT.....	75
Chukhrov A.S. PERSONALITY-MOTIVATIONAL ASPECT OF PROFESSIONAL CHOICE STUDENTS TECHNICAL STUDIES.....	79
Sharomova V.S. STAGES OF DEVELOPMENT AND FORMATION OF A TECHNIQUE OF TRAINING TO READING.....	83
Kozhevnikova E.E. DEVELOPMENT OF TEACHERS COMPETENCE EVALUATION: METHODOLOGICAL ASPECT.....	87
Yadryshnikova O.V. UPDATING THE COMPETENCE IN TEACHER EDUCATION INNOVATION AS A CONDITION OF IMPROVING THEIR SKILLS	90

**FILOLOGY.
ARTS STADIES**

Baymukhametova V.M. THE EPIC POEM OF BASHKIR PEOPLE "URAL BATUR" AND "AKBUZAT"	93
Gorbazkay O.Y. THE REFLECTION OF CONCEPT OF THE CATEGORY OF COMMON GENDER IN GRAMMARS AND DICTIONARIES OF THE RUSSIAN LANGUAGE: PROBLEM AND SOLUTION.....	95
Kadyrova A. K. "ATTRIBUTES OF RUSSIAN FOLK- TALES IN PERCEPTION OF NATIVE SPEAKERS".....	98
Karimova E.S. THE ENIGMA OF COMPOSITIONAL UNITY "PETERSBURG'S" COLLEC- TION OF N.V.GOGOL	102
Komleva E.V. TO THE QUESTION ON THE PARITY OF TEXT'S CATEGORIES OF ADDRESSING AND APPEALING (ON MODERN GERMAN).....	105
Kruglova N.V. STAGES OF DETERMINATION THE TOLERANCE AS A SOCIAL AND CULTURAL NORM.....	109

Niyazov R.T. PROBLEM OF RESPONSIBILITY OF THE PERSON BEFORE THE SOCIETY IN JOHN GRISHAM'S WORKS.....	113
Pyankova T.V. ASSOCIATIVE SEMANTIC FIELD "FAMILY" IN THE NARRATIVE "TIME NIGHT" BY L. PETRUSHEVSKAYA	116
Vinchukova E.G. SELF PERCEPTION OF RUSSIANS AND KAZAKHS (THE ANALYSIS OF THE IMAGE "I" IN RUSSIAN AND KAZAKH CULTURES).....	119
Sereedar N.CH. SENTENCE PATTERNS WITH THE VERB MIMICRY AND GESTURE IN TUVAN	124
Taskarova N.N. SHADOWS OF ANCESTORS" IN MODERN KHAKASS LYRICS	127
Khristolyubova T.P. BIBLICAL MOTIFS IN THE WORK OF K.S. PETROV-VODKIN: SACRAL UND ORDINARY	129
Turganbaeva Sh. S. THE MAGIC LIGHT OF PRIMEVAL PEOPLE.....	133
Turganbaeva Sh.S. COLOUR PALETTE OF GRAPHIC DESIGN.....	137
Turlyun L.N. MATHEMATICS AT SOURCES OF COMPUTER ART	140
Znikina L.S., Zaoistrovskaya N.A. DISCOURSE-ANALYSIS AS THE BASIS OF SCIENTIFIC TEXT FORMALIZATION PROCESS	142
Kazimagomedova R.I. EVOLUTION OF TRIFONOV CREATIVE WORK IN A CONTEXT OF DISPUTES ON THE DOCUMENTARY BEGINNING IN LITERARY PROCESS OF SECOND HALF OF XX CENTURY	144

HISTORY

Zotov S.A. THE BRITISH DEMOCRACY AND ITS ALTERNATIVES IN THOMAS CARLYLE'S WORKS.....	147
Podrepny Y.I. THE BEGINNING OF THE FIGTHER MIG- 25 AT THE GORKY AIRCRAFT PLANT (1962-1980-S)	151
Sorokina T.B. EDWARD HERBERT'S IDEAL OF POLITICAL SYSTEM.....	154
Tretyakova M.V. POLITICAL SYSTES OF EUROPEAN STATES IN TRAVELING NOTES OF THE STOLNIK P.A. TOLSTOY	156
Schcelokova N.V. IDEOLOGICAL BACKGROUNDS OF THE ENGLISH REVOLUTION: JOHN WYCLIF'S DOCTRINE OF POWER.....	160
Ahatov M.Sh. ON THE ISSUE OF PRESERVING AND DEVELOPMENT OF THE TATAR NATIONAL CULTURE IN THE CHELYABINSK REGION.....	162
D.A. Sizov THE ACTIVITY OF THE DEFENCE- INDUSTRIAL COMPLEX ENTERPRISES'	

AUTHORITIES UNDER THE SCIENTIFIC REVOLUTION CIRCUMSTANCES IN 1945-1965 YEARS	164
Pestushko J.S. DISCUSSION BY JAPAN AND RUSSIA OF THE QUESTION ABOUT APPOINTMENT TO KOREA THE RUSSIAN THE DIPLOMATIC REPRESENTATIVE	167
Sulimov V.S. LABOUR TEAMS OF PUPILS OF SCHOOLS THE ALTAY DISTRICT IN 1915	172
Yurchenko E.S. W. WILSON'S ADMINISTRATION POSITION ON THE PROBLEM OF STATUS OF NATIONAL STATES, APPEARING ON THE TERRITORY OF FORMER RUSSIAN EMPIRE, DURING PARIS PEACE CONFERENCE	174
Novikov I.A. USE OF REGIONAL APPROACH TO THE STUDY OF THE RUSSIAN EMPIRE MINING INDUSTRY XVIII – EARLY XIX CENTURY	179
Nekrasov V.L. MODEL OF REGIONAL POLICY AND SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF REGIONS IN THE NORTH OF WESTERN SIBERIA (1957 – 1965)	184
Cherloyakov I.G. ABORIGINAL NORTH ALTAI AND THE ALTAI SPIRITUAL MISSION IN THE SYSTEM OF GOVERNMENT POLICY IN XIX CENTURY	189
Zavialov A. A. THE ACTIVITIES OF THE TOMSK REGION OF RAILWAYS IN THE ALTAI REGION (OB AREA) IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES	193
SOCIOLOGY	
Dityatev A.Y. THE CONCEPT OF VITAL FORCES OF THE PERSON AS A METHODOLOGICAL BASIS OF SOCIOLOGICAL STUDYING OF PHENOMENA OF OPTIMISM AND PESSIMISM IN A MODERN SOCIETY	198
Maslov M.S. CURRENT BOOK CASE OF RUSSIA AND SIBERIA: ASPECTS OF DEVELOPMENT	200
Fotieva O.N. EXTREMISM AS SOCIAL PATHOLOGY	203
Shrayber A.N. REHABILITATION OF INSTITUTIONAL PARENTHOOD	205
Yakovleva I.Y. A STRATEGY OF THE STABLE DEVELOPMENT AS A CONCEPITIVE PREREQUISITE OF THE ECOLOGY ORIENTATED ECONOMY	207
MEDICINE	
Kalyuzhny E.A., Kuzmichev Y.G., Mikhailova S.V. VEGETATIVE ADAPTATION OF PUPILS AT THE STAGE PRESCHOOL- ELEMENTARY EDUCATION	211

Demidko N.N., Gainanova N.K., Miroshkin D.G., Kozlikina N.B. THE PATTERNS OF DISTRIBUTION OF BRAIN FUNCTIONAL ASYMMETRY OF TEENAGER BOYS IN TOWNS OF ALTAI REGION DIFFERS BY LEVEL OF POLLUTION	214
Sergeeva I.V. CURRENT OF THE FLU AND H1N1SWIN IN KRASNOYARSK IN 2011	217
Chanchayeva Y.A., Aizman R.I., Zakrikichinova A.S. INTERETHNOLOGICAL PSYCHOSOCIAL ADAPTATION OF MOUNTAINOUS ALTAI'S ABORIGINES	219
Drobyshev V.A., Poddubnyakova V.A., Gantimurova O.G. USE MICROCURRENT ELECTROTHERAPY IN TREATMENT OF MOVEMENT DISORDERS IN PATIENTS WITH HAND, PRENESSHIH STROKE	222
Firsov S.A. CLINICAL STATISTICAL ANALYSIS OF FEATURES AND OUTCOMES OF COMBINED TRAUMATIC INJURIES	225
Korepanov C.V., Openko T.G., Veriaskina N.D. THE ANTICANCER PROPERTIES OF WILD PLANTS XANTHIUM ORDINARY (XANTHIUM STRUMARIUM) IN VIVO	230
Korepanov C.V., Openko T.G. RADIOMODIFYING ACTIVITY OF THE PLANTS EXTRACTS FOR IRRADIATION IN EXPERIMENT	234
Openko T.G., Bogatyrev S.N., Verevkin E.G., Nasonova N.V., Scherbakova L.V. CARDIOMETABOLIC RISK FACTORS AND MALIGNANT TUMORS: POPULATION STUDY IN NOVOSIBIRSK	240
Openko T.G., Nikitin Y.P. TRENDS IN MORTALITY FROM TUMORS IN THE NORTHERN TERRITORY THE FAR EASTERN FEDERAL COUNTY IN 1997-2007	244
Novikova M.V. CLINICAL ANALYSIS OF OPERATING RISK-ANESTHESIA FOR SURGICAL CORRECTION SCOLIOTIC SPINAL DEFORMITY	248
PHILOSOPHY	
Baryshnikov S.G. SPECIFICALLY-SCIENTIFIC BASES OF BUILDING THE SYSTEM OF KNOWLEDGE IN TERROLOGY: THE PRINCIPLE OF DEVELOPMENT	253
Bekaryukov M.V. CONSTRUCTION OF ESOTERIC REALITY: BASIC ELEMENTS AND THEIR SPECIFIC	255
Lobanov Y.S. LIMITATION OF THE SOVIET SPIRITUALITY IN MATERIALS OF XXII- TH CONGRESS OF THE CPSU	258

ECOLOGY

Artemova T.Z. SUBSTANTIATION OF AN INTEGRATED DISPLAY PARAMETER OF AN ESTIMATION OF POTENTIAL DANGER OF OCCURRENCE OF INTESTINAL INFECTIONS AT DRINKING WATER USE	262
Zagajnova A.V. DEVELOPMENT OF APPROACHES TO AN ESTIMATION OF RISK OF OCCURRENCE OF THE BACTERIAL INTESTINAL INFECTIONS DISTRIBUTED BY A WATERWAY	268
Nedachin A.E. ABOUT USE OF A METHOD OF MOLECULAR DIAGNOSTICS FOR DETECTION ENTEROVIRUS IN WATERS, PAST PROCESSING DISINFECTIONS	273
Ponomareva O.Y., Budarina O.V., Belyaeva N.N. CELLULAR PARAMETERS OF RESPIRATORY SYSTEM FOR HYGIENIC EVALUATION OF AIR POLLUTION BY ODOROUS SUBSTANCES	277
Hasnulin V.I., Gevorgyan M.M., Bakhtina I.A. LIPID METABOLISM CHARACTERISTICS AT THE ALIEN INHABITANTS OF THE NORTH WITH ARTERIAL HYPERTENSION	280

ECONOMICS

Demidko E.V., Goman E.U. FORMATION OF LABOUR POTENTIAL OF THE REGION	284
Shkurkin A.M., Demidko E.V. THE QUALITY OF LIFE OF THE POPULATION AS A SOCIO-ECONOMIC CATEGORY	287

JURISPRUDENCE

Kazmina E.A. RUSSIAN PEOPLE'S LEGAL PERSONALITY	290
Ostapovich I.Y. THE ESSENCE AND THE PECULIARITIES OF THE NONLEGAL FORM OF INFLUENCE ON LAWMAKING	292

ALPHABETICAL INDEX	295
THE INFORMATION FOR AUTORS	296

✧ Юбилей ✧

Усова Антонина Васильевна

родилась 4 августа 1921 года в селе Корлыханово Ново-Белокатайского района Башкирии – доктор педагогических наук, профессор, академик РАО, заслуженный деятель науки Российской Федерации, награждена медалью Российской академии образования «За достижения в науке» – за выдающийся вклад в психолого-педагогическую науку, развитие и укрепление РАО.

Сердечно поздравляем Антонину Васильевну со славным юбилеем и желаем ей здоровья, творческих успехов и выражаем огромную благодарность за то, что она через свою научную школу воспитала и продолжает воспитывать учеников, способных искать и находить пути развития Российской науки в области педагогики.

/Главный редактор научного международного ВАКовского журнала «Мир науки, культуры, образования», доктор пед. наук, профессор, академик ПАНИ, Ученик А.В. Усовой – Петров Анатолий Викторович и весь коллектив Редакции и Горно-Алтайского государственного университета.

Путь длиной в 90 лет

*«Мне кажется, всякий, кто в здоровом уме,
всегда стремится быть подле того,
кто лучше его самого»*

(Платон + все ученики А.В. Усовой)

Январь 1951 года является стартом удивительного жизненного Пути Антонины Васильевны, который всю эту жизнь оказался связанным с Челябинским государственным педагогическим университетом. Там она защитила кандидатскую диссертацию, посвященную решению проблемы политехнического обучения и докторскую диссертацию «Влияние системы самостоятельных работ на формирование у учащихся научных понятий». Защита состоялась в 1970 году в Ленинградском государственном педагогическом институте им. А.И. Герцена.

Огромный здравый смысл, реализм и вера в свое дело, удивительная работоспособность, высокая гражданская позиция, умение увлекать и убеждать – вот главные особенности Антонины Васильевны как личности. На всех этапах своей многолетней и плодотворной деятельности она с поразительной точностью умеет почувствовать и выделить из огромного множества проблем самое главное, тонко чувствует новое, видит перспективные направления в педагогических исследованиях. Она не только крупный ученый, но и талантливый организатор, которая не только создатель своей научной школы, аспирантуры, докторантуры, но и Зонального объединения преподавателей методики физики пединститутов Урала, Сибири и Дальнего Востока. Было проведено свыше 30 Зональных совещаний по актуальным проблемам образования и Зональный совет превратился в научный координационный центр, оказывающий непосредственное влияние на развитие современной системы образования в стране.

Страна много теряла из-за того, что основные ученые работали в западной части страны. Усова А.В. сделала огромный вклад для продвижения и развития педагогической науки на восток страны. Она организовала просвещенную жизнь на этом гигантском пространстве и свою жизнь, и жизнь своих учеников и последователей подняла на достойный научный уровень.

Научная школа академика А.В. Усовой питается ее широким кругозором, опытом, научной эрудицией, научной интуицией. При этом она никогда не заставляет своих учеников работать на нее. Ее усилия всегда были направлены на развитие науки. Когда аспиранты, докторанты разрабатывают только идеи учителя, тогда неизбежно, рано или поздно, наступает кризис. Когда же они учатся у него работать, тогда научная школа переживает своего учителя. Вот почему научная школа А.В. Усовой всегда молода, постоянно находится в процессе развития и рождает новые научные школы и направления. Но каждая из них с благодарностью понимает, что все они в свое время вышли из «шинели» академии А.В. Усовой.

Научные исследования А.В. Усова ведет по таким глобальным проблемам, как: психолого-дидактические основы формирования у учащихся научных понятий; совершенствование методики формирования у учащихся учебно-познавательных умений; активизация учебно-познавательной деятельности учащихся; систематизация и обобщение знаний учащихся; новые формы организации учебных занятий по физике в средней школе; межпредметные связи в преподавании основ наук в школе и в вузе; совершенствование профессионально-методической подготовки учителя физики в педвузе; концепция естественнонаучного образования в средней школе.

По результатам исследований А.В. Усовой опубликовано около 400 работ, в том числе 35 монографий. Ряд её работ переведены на белорусский, молдавский, башкирский, болгарский, испанский и немецкий языки.

Она является титульным редактором и ведущим автором фундаментальных пособий «Методика преподавания физики в 7-8 классах» и «Методика преподавания физики в 8-10 классах средней школы». По этим книгам обучают студентов в педагогических вузах страны. В нашем научном международном журнале она является членом редакционного совета.

Под руководством Антонины Васильевны подготовлено и защищено более 70 кандидатских диссертаций и более десятка докторских.

В настоящее время Антонина Васильевна подчинила все свои знания и умения решению глобальных проблем современной средней школы. Ею создана концепция естественнонаучного образования, которая принципиально по

новому позволила создать учебный план школы, определить содержание естественного образования, прогнозировать содержание учебной дисциплины естественнонаучного цикла средней школы.

Антонина Васильевна потомственный педагог. Её мама, Мария Сергеевна, о которой она так тепло всегда отзывается, была сельской учительницей, руководителем лучшей сельской школы, а затем и школами целого района в Татарии. Первый орден Ленина в семье был вручён Марии Сергеевне, а Антонина Васильевна повторила её – второй орден Ленина в семье был вручён Антонине Васильевне.

Безусловно яркий путь Антонины Васильевны в науке, в педагогической деятельности можно оценить как человеческий подвиг. Она прошла славный путь в науке, оставив многое следующим поколениям педагогов, и в частности, то, что называют «стиль Усовой», «метод Усовой», «школа Усовой». И даже говорят: «Усова – сама академия». Провозглашая тесную связь науки, практики и подготовки кадров, она последовательно проводила этот принцип в жизнь и включала в этот процесс своих учеников, предоставляя им поле научно-исследовательской деятельности. В ней проявляется яркий пример редкого сочетания в одном человеке крупного ученого и талантливого руководителя. Это руководитель новой формации, она не просто управляет, а ведет за собой. Научная школа Усовой и ее структурные подразделения – это то, что направлено в будущее. Последнее для нее характерно – заботиться о том, что будет «после нас».

Усова не только выдающийся организатор, но и крупный общественный деятель. Ее волновали и продолжают волновать все аспекты формирования и развития человеческого общества и каждого его члена. Она постоянно обращается через центральную печать со своими представлениями о развитии системы образования в стране, ее недостатками и перспективами. И делает это настойчиво и убедительно, сверяясь с главной целью жизни – служить науке, стране, людям.

Я счастлив, что мне довелось работать под руководством и в непосредственном контакте с академиком А.В. Усовой. Именно тогда я заметил ее главную черту – она все время живет намного впереди своего века. Вот почему у нее всегда свои ученики, которым она в состоянии не только передать свои знания, опыт, но и вывести на новую дорогу, ведущую в бесконечный мир науки.

Антонину Васильевну знаю как воспитателя не только на рабочем месте, сфера ее воспитательного воздействия охватывает все жизненное пространство. Обращаясь, например, в адрес нашей международной конференции «Инновационные процессы в системе современного образования» она сказала просто, но так, что где-то в пространстве мы все чувствовали «указующий жест»: «Дорогие коллеги, желаем вам плодотворного общения и не забывайте о той культурной почве, на которой должна возрастать духовность и нравственность учителя XXI века!». В этом суть ее миссии человека-«Альма-Матер», определяющей нашу научную судьбу в жизни.

Говоря об Антонине Васильевне как о крупном ученом, нельзя не сказать о ее таланте излагать свои мысли внятно и, если хотите, популярно. В России традиции быть понятными у учёных нет. Они чаще всего излагают, абсолютно пренебрегая своим читателем. Берёшь такую статью, читаешь с самого начала и ничего не можешь понять, а иногда сомневаешься, понимает ли автор сам себя. Конечно, крупицы осмысленного и разумного и оттуда можно извлечь. Но автор явно считает, что это твоя работа — их оттуда извлечь. Не потому, что он не хочет быть понятным, а потому, что его не научили правильно писать. Не учат у нас человека ни писать, ни говорить понятно, это считается неважным.

В этом смысле все работы А.В. Усовой являют образец той *простоты*, о которой говорят: «Простота – условие прекрасного». Поэтому хочется для наших авторов и читателей журнала привести пример статей Антонины Васильевны. Поэтому после краткого эссе о нашем Юбиларе предлагаю две ее статьи. В первой – о состоянии и пути развития образования в России и вторая – о развитии научно-методических исследований в российской науке. А в завершении наши обращения к самому дорогому нам Человеку в день ее Юбилея.

Дорогая Антонина Васильевна, вдыхайте аромат жизни в годы своего Юбилея. Это замечательные годы, замечательные Земля и Солнце, которые дарят Вам жизнь, наполненную изумительной музыкой успехов Ваших учеников и которые радуются этой жизни во многом благодаря Вашей школе. И пусть еще долго, долго яркое Солнце выливает свою энергию на всех нас с Вами, радуя тем, что мы вместе с Вами.

Мы всегда с Вами, потому что Вы – наша настоящая Альма-матер и наша безгранично любимая наставница.

Пусть Вас еще долго окружает цветущая природа, докучающие Вас ученики, полнота жизни, любящие Вас родные, коллеги и друзья.

И с Вашего позволения для читателей и авторов нашего журнала мы открываем раздел «Педагогика. Психология» двумя статьями, о которых я уже упоминал в тексте о Юбиларе.

Главный редактор журнала
А.В. Петров

Раздел 1

ПЕДАГОГИКА. ПСИХОЛОГИЯ

Ведущие эксперты раздела:

АНАТОЛИЙ АНДРЕЕВИЧ ШАПОВАЛОВ – доктор педагогических наук, профессор Алтайской государственной педагогической академии (г. Барнаул)

ЛЮДМИЛА СТЕПАНОВНА КОЛМОГорова – доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой психологии Алтайской государственной педагогической академии (г. Барнаул)

АЛЬБИНА АЛЕКСЕЕВНА ТЕМЕРБЕКОВА – доктор педагогических наук, доцент Горно-Алтайского государственного университета (г. Горно-Алтайск)

ТАТЬЯНА ИВАНОВНА ЛУКЬЯНЕНКО – кандидат психологических наук, доцент, зав. кафедрой психологии Горно-Алтайского государственного университета (г. Горно-Алтайск)

УДК 37:001.12/.18

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Антонина Васильевна Усова, академик РАО, д-р пед. наук, профессор Челябинского государственного педагогического университета, заслуженный деятель наук Российской Федерации

В статье рассматриваются основные проблемы системы школьного образования в России.

Ключевые слова: система школьного образования, существовавшая система образования, перестройка образования, положительные и отрицательные аспекты перестройки образования в России.

Наша система образования подвергается серьезной перестройке под воздействием запросов общества и происходящей в стране сложной перестройки идеологии, экономики, психологии мышления. При этом предпринимаются попытки перечеркнуть все, что было достигнуто прежде. Подвергается серьезной критике и существовавшая система образования. Но было бы неверно отрицать все, что было достигнуто в развитии системы образования до перестройки.

Поступательное движение педагогической науки и школьной практики требует не только отрицания и преодоления недостатков, но и использования положительного, что было достигнуто ранее. Поэтому требуется тщательный анализ прошлого опыта, имевшего место в предшествующий период развития. Какие положительные моменты имели место в системе образования до перестройки?

1. Осуществлялось всеобщее **бесплатное** среднее образование.

2. Достигнут сравнительно высокий уровень содержания образования.

3. Доказана необходимость разнообразия методов обучения и форм учебных занятий, разработана методика их проведения.

4. Накоплен богатый опыт творчески работающих учителей.

5. Издана обширная методическая литература для учителей, накоплен опыт создания учебников различными коллективами авторов.

Существенными недостатками прежней системы образования являлись:

1) всеобщее обязательное среднее образование без учета способностей и интересов учащихся, их жизненных намерений;

2) единый стандарт содержания образования для всех детей без учета их склонностей и способностей;

3) снижение интереса детей старших классов к учению, вынужденных учиться не по призванию, а по принуждению;

4) формализм в обучении;

5) обучение без учета индивидуальных особенностей учащихся, ориентация на среднего ученика.

При всем этом сравнительный анализ уровня знаний школьников 9- и 13-летнего возраста по естествознанию и математике, проведенный в 1990-1991гг. по инициативе ЮНЕСКО в 19 странах мира показал, что наша школа не так уж плоха.

В каждой стране экзаменовалось 3300 учащихся из 110 школ каждой страны. Выборка учащихся осуществлялась случайным способом при помощи компьютеров. В нашей стране экзаменовались учащиеся всех бывших республик, за исключением Грузии и Узбекистана.

Средний результат по нашей стране оказался неожиданно высоким, несмотря на крайне скудное финансирование системы образования.

Тем не менее, наши школьники заняли четвертое место по математике и пятое по естествознанию, уступив Корее, Тайваню, Швейцарии и по естествознанию – Венгрии. Учащиеся США оказались на XIII месте.

Полученные результаты мы объясняем более современной методикой обучения, разработанной в нашей стране учеными-педагогами и творчески работающими учителями школ.

Как отмечает академик В.Г. Разумовский в статье "Отечественная школа. Взгляд со стороны", опубликованной в журнале "Педагогика" № 9-10 за 1992 г., в результате проведенного тестирования удалось выявить для всех стран общие закономерности.

1. Лучшие результаты показали страны с высокой степенью централизации образования.

2. В городских школах качество образования выше, чем в сельских.

3. Степень применения калькуляторов и компьютеров не влияет на результаты обучения.

Высокий средний результат, полученный в наших школах, приводит к выводу о необходимости более бережного отношения к достижениям отечественной педагогической науки и практики: не все разрушать и отбрасывать, реформируя школу, а сохранять то, что оправдало себя многолетней практикой.

Это ни в коей мере не означает, что в нашей школе все благополучно с обучением детей. Необходимо много пересматривать в складывающейся в настоящее время системе образования и методах обучения. Необходимо прогнозировать последствия сегодняшних нововведений. Исследования американских ученых показали, что средний результат по стране отражает то, что было заложено 10-12 лет назад. Что положительного в современной перестройке системы образования?

1. Дифференциация образования, предоставление родителям и ученикам возможности избирать тип школы, тип обучения.

2. Создание различных типов средних учебных заведений: общеобразовательной школы, лицеев, гимназий, колледжей, классов с углубленным изучением предметов гуманитарного, естественного цикла и т.д.

3. Поиск нетрадиционных методов и форм обучения, учитывающих склонности и способности учащихся.

4. Усиление внимания развивающей функции обучения.

Однако при всем этом следует отметить ряд серьезнейших просчетов, которые могут негативно сказаться на результатах образования в нашей стране. К ним относится, прежде всего:

1. Доводимая до абсурда дифференциация, нередко приводящая к резкому сокращению часов в некоторых классах и школах на изучение физики, химии, биологии и математики.

2. Социальное расслоение школы, происходящее под видом дифференциации.

3. Введение платного обучения в лицеях и гимназиях, в классах с углубленным изучением отдельных предметов.

4. Увлечение факультативными курсами, обилие которых ведет к перегрузке учеников и к тому, что у них не остается времени для серьезной самостоятельной работы с книгой.

5. Предоставление школам права самим определять учебные планы и программы приводит к тому, что содержание обучения определяется без опоры на научно-обоснованные критерии. Нередко в содержание школьных предметов для классов с углубленным изучением механически переносится материал вузовских курсов, при этом не решается задача формирования у обучаемых рациональных способов самостоятельной познавательной и поисковой деятельности.

6. Вызывает чувство глубокой тревоги снижение в обществе значимости образования, его обесценивание – что в значительной мере связано с переходом к рыночной экономике. Зарплата инженера, ученого, профессора, академика меньше зарплат уборщицы метро. Средняя зарплата учителя нашей страны составляет примерно 360-400 руб. в месяц. Для сравнения в США она составляет 3000 долларов в месяц.

7. Мы не можем быть удовлетворены снижением уровня обязательного бесплатного образования до уровня 9-летней школы, а в действительности – 8-летней школы, так как осуществляется перевод с 3-го класса сразу в 5-й.

8. Вызывает тревогу перегрузка школьников специализированных классов домашними заданиями. У врачей вызывает чувство тревоги состояние здоровья наших детей.

НИИ физиологии детей и подростков АПН СССР неоднократно ставил перед органами народного образования, перед Правительством страны вопросы, связанные с необходимостью строгой регламентации учебной нагрузки, требовал ее рационального снижения. Однако эти важные вопросы до сих пор остаются нерешенными.

9. Серьезное чувство беспокойства вызывает то, что многие дети приходят в школу голодными, так как родители по 3-4 месяца не получают зарплату.

10. Большую озабоченность вызывает совершенно неудовлетворительное финансирование школ. Такое положение школы испытывали только в годы войны и в первые послевоенные годы.

Все это не может не отразиться на качестве образования и реализации стандартизации образования.

В США, Корее, Японии правительство принимает все возможные меры по улучшению финансирования школ, проявляет большую заботу о реализации бесплатного 12-летнего обучения всех детей. Ежегодно конгресс США издает 8-10 законов по вопросам образования, сопровождающихся выделением дополнительных государственных средств на образование. За период с 1983 по 1993 годы расходы на образование возросли в два раза со 100 млрд. долларов до 200 млрд. долларов.

Что же необходимо предпринять для того, чтобы повысить эффективность образования, престиж школы и интерес школьников к учению?

1. Необходимо, прежде всего, понимание правительством значения образования для подъема экономики, культуры, технического прогресса.

2. Необходимо создать систему непрерывного образования, в которой бы обеспечивалась строгая преемственность в содержании и методах обучения и воспитания, начиная от дошколят, завершая вузом.

3. Необходимо укрепить тенденцию к дифференциации образования с учетом склонностей и способностей детей, их жизненных намерений и мотивов учения.

4. Вместе с тем, было бы ошибочно начинать дифференцированное обучение с раннего детского возраста, поскольку до VII—VIII класса большая часть детей не готова психологически к определению своей будущей специализации. Это доказано специально проведенными исследованиями и подтверждается практикой.

Выбор специализации должен осуществляться на основе исследований индивидуальных особенностей детей, оказание им квалифицированной помощи в самоопределении со стороны психологов и педагогов. Полагаю, что дифференциация в обучении должна осуществляться в основном после окончания VIII класса.

Только в исключительных случаях, когда у ребенка с раннего возраста ярко проявляются склонности и интересы к какой-либо области знания, возможна более ранняя дифференциация на основе индивидуальных программ учащихся или учебы в школах (классах) одаренных детей.

5. Нельзя не учитывать, что в выборе специальности большое влияние оказывает состав учителей. Проведенные нами в 60-х годах исследования показали, что в школах, где работают талантливые учителя истории, – многие ученики хотят быть историками, в школах, где работает талантливый учитель химии, многие дети хотели быть химиками и т.д. С переходом из класса в класс в связи со сменой педагогов нередко изменяются и жизненные планы учащихся.

6. При обучении в специализированных классах не следует углубление осуществлять за счет перенесения в школу содержания вузовских курсов, так как в вузе все это будет снова изучаться более основательно. Опережающее изучение может привести к явлению "кажимости" знаний при всей их поверхности.

Полагаю, что углубляться следует за счет усиления внимания к самостоятельной работе с дополнительной литературой, более основательного анализа сущности изучаемых явлений, законов и теорий, систематизации знаний, решения задач повышенной трудности, изучения вопросов истории науки, усиления внимания эксперименту учащихся, приобщения их к посильным исследованиям.

7. Решая проблему дифференциации обучения, повышения теоретического уровня преподавания специальных дисциплин, нельзя допускать перегрузки детей в ущерб состоянию их здоровья. У учащихся должно оставаться время для пребывания на воздухе, занятий спортом, оказания помощи родителям по дому, по хозяйству, для самообслуживания, для занятий по интересам.

8. При определении содержания образования необходимо учитывать международный опыт, опыт отечественной школы и результаты исследований.

9. Необходимо дальнейшее совершенствование организационных форм и методов обучения в направлении активизации учебно-познавательной деятельности учащихся, повышения роли обучения в развитии творческих способностей, инициативы и критического мышления учащихся, в развитии у них познавательного интереса.

10. В связи с неизбежным ростом объема информации, подлежащего усвоению в годы школьного обучения, и в целях экономии времени, необходимого для восприятия, переработки и усвоения этой информации, — очень важно усиление внимания к проблеме формирования у детей рациональных приемов учебно-познавательной деятельности. Вот почему необходимо повысить ответственность всех учителей за выработку у своих учеников обобщенных учебно-познавательных умений и, прежде всего, умения работать с книгой, умения наблюдать, самостоятельно ставить опыты, умения кратко, логично, грамотно выражать свои мысли в устной и письменной речи.

11. Говоря о развитии творческих способностей, следует помнить, что без системы знаний не может быть творчества, ибо "пустая голова не рассуждает". В связи с этим возникает проблема повышения прочности знаний, к которой в последние десятилетия в нашей школе неоправданно ослаблено внимание. Надо сказать, что этой проблеме в последние годы мало уделяется внимания и в психологической науке и в дидактике.

12. Решая проблему повышения научного уровня знаний, роли обучения в развитии творческих способностей учащихся, нельзя ослаблять внимание решению проблемы нравственного воспитания учащихся, воспитания у них патриотизма, чувства гражданского долга, общей культуры, честности, порядочности, уважительного отношения к старшим, друг к другу.

Педагоги в настоящее время лишены возможности как-то влиять на своих подопечных, так как разрушена система "классных часов", "курсовых собраний", а на учебных занятиях каждый преподаватель думает только о том, как бы "быстрее пройти программу". В лицеях и гимназиях, думая о повы-

шении научно-теоретического уровня преподавания, забывают о необходимости решения воспитательных задач, задач нравственного, духовного воспитания молодежи.

Сейчас необходимо думать о разработке принципиально новых форм воспитательной работы. Может быть, начать с организации дискуссионных клубов, круглых столов. Надо серьезно думать о том, как усилить воспитывающие функции учебных занятий — без менторства, без нравочений. Это одна из сложнейших задач современной средней и высшей школы; надо учиться решать ее по-новому.

Следует высказать и свое отношение к опубликованным проектам образовательных стандартов и базисному учебному плану, а также к временным стандартам, пока они еще не утверждены правительством. Анализ стандартов приводит к выводам о наличии в них существенных недостатков. Одним из них является перегруженность программ учебным материалом за счет перенесения значительной части учебного материала из X-XI классов в IX класс основной школы, что пытаются объяснить тем, что многие дети ограничат свое образование 9-летней школой. Но при этом не учитываются сокращения часов на изучение предметов естественного цикла в базисном учебном плане.

Вторым серьезным недостатком проектов стандартов является отсутствие согласования образовательных стандартов по различным предметам, например, по физике и математике и несогласованность объема знаний, определяемых стандартами, с количеством часов, предусмотренных на изучение предметов естественного цикла базисными учебными планами: объем знаний, подлежащих усвоению в основной школе, увеличивается, а количество часов на изучение соответствующих предметов — уменьшается.

Обращает на себя внимание еще один серьезный недостаток в происходящей перестройке системы образования. В документах, обосновывающих необходимость введения образовательных стандартов, речь идет об обеспечении единого образовательного пространства. Но это положение находится в коренном противоречии с многообразием программ и с положением о праве учителя выбирать понравившуюся ему программу. Представьте, какое же при этом может быть единое образовательное пространство, если в различных программах предусматривается существенное различие в структуре предмета. Так, например, по физике в одних программах курс физики VII класса начинается с изучения строения вещества, а в других — с механического движения.

Говоря о требованиях, которым должна удовлетворять личность современного педагога, следую помнить, что эти требования не могут ограничиваться перечнем знаний и умений, которыми должен владеть учитель. Не менее важны требования к личностным качествам учителя. Чем более привлекательна для учащихся личность учителя, чем в большей степени используемые им содержание и методы обучения ориентированы на индивидуальные и личностные особенности учащихся, тем полнее его воспитывающее воздействие на учащихся.

Статья поступила в редакцию 01 августа 1998 г.

УДК 373.1.013

НЕКОТОРЫЕ МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАУЧНЫХ ПОНЯТИЙ У УЧАЩИХСЯ ШКОЛ И СТУДЕНТОВ ВУЗОВ

Антонина Васильевна Усова, академик РАО, д-р пед. наук, профессор Челябинского государственного педагогического университета, заслуженный деятель наук Российской Федерации

В статье рассматриваются различные методические аспекты проблемы формирования научных понятий, являющихся центральным ядром системы научных знаний, у учащихся школ и студентов вузов.

Ключевые слова: научные понятия, качество усвоения системы научных знаний, теоретические основы формирования понятий, новые проблемы, связанные с процессом формирования понятий у учащихся школ и студентов вузов.

Понятия составляют центральное ядро системы научных знаний и от качества их усвоения, в конечном итоге, зависит качество усвоения системы научных знаний. Поэтому поиски путей совершенствования процесса формирования понятий у учащихся школ и студентов вузов является одной из актуальных проблем педагогической науки и психологии. Являясь важнейшим элементом системы научных знаний, понятия играют важную роль в научном познании. Все это явилось фактором, обуславливающим огромное внимание к проблеме научных понятий представителей различных наук – философов, логиков, психологов, педагогов и др. Проблемы понятий занимают большое место в "Философских тетрадах" В.И. Ленина, в "Диалектике природы" Ф. Энгельса. Этим вопросам большое внимание уделяется в работах отечественных философов: А.С. Арсеньева, Б.С. Библера, Б.М. Кедрова, Г.А. Курсанова, В.С. Готта, А.Д. Урсова, Е.К. Войшвилло и др.

По Ленину понятия – есть форма отражения природы в познании человека (соч., т. 29, с. 149), "... высший продукт мозга, высшего продукта материи" (соч., т. 29, с. 164).

Как высшая форма познания – понятия составляют логическую основу, логический каркас научных систем и теорий. Они являются такой формой отражения, которая раскрывает сущность вещей, внутренние определяющие свойства предметов, их внутреннюю противоречивую природу.

Возникнув в науке на определенном этапе ее развития, понятия не остаются неизменными. В результате открытия новых существенных свойств и признаков предметов и явлений происходит обогащение содержания понятий, увеличивается их объем, полнее раскрываются связи и отношения между ними. Имея в виду эту особенность развития понятий, В.И. Ленин отмечал, что они "вечно движутся, переходят друг в друга, переливаются одно в другое. Без этого они не отражают живой жизни". Поэтому "анализ понятий, изучение их, искусство оперировать ими требуют всегда изучения движения понятий, их связей, их взаимопереходов" (соч., т. 29, с. 126).

Понятие как одна из форм мышления выступает как орудие познания. Вместе с тем, оно является результатом некоторого этапа развития наших знаний о тех или иных объектах материального мира. Возникнув в науке, понятие уже само становится объектом научного познания. В процессе обучения оно таковым и выступает, вместе с тем, являясь "орудием познания".

Формирование системы научных понятий у учащихся школ и студентов вузов является одним из ведущих задач процесса обучения. Поэтому всем педагогам нужно овладеть знанием психолого-педагогических основ формирования понятий, закономерностей этого процесса, независимо от содержания преподаваемого предмета. Выполнение этого требования является непременным условием повышения эффективности учебного процесса, критериями которого является качество знаний, их действенность и прочность, а также высокий уровень сформированности научного мировоззрения и воспитанности обучаемых.

Для учебного процесса важное значение имеют работы по теории формирования понятий, в которых раскрываются закономерности процесса усвоения понятий, способы их формирования, критерии усвоения, условия усвоения, типичные ошибки в усвоении, причины их возникновения и пути предупреждения. К числу важных работ в этом плане относятся: работы психологов Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, В.В. Давыдова, П.Я. Гальперина, Н.Ф. Талызиной, Н.А. Менчинской, М.Н. Шардакова; дидактов М.Н. Скаткина, А.В. Усовой, С.Г. Шаповаленко и методиста М.Н. Верзилина. Все эти работы, несомненно, вносят существенный вклад в разработку общей теории формирования понятий и имеют важное значение

для деятельности педагогов по формированию понятий у обучаемых. Однако при значительном количестве работ по теории формирования понятий продолжают оставаться слабо разработанными некоторые методологические аспекты проблемы, что отрицательно сказывается на применяемой в учебном процессе методике формирования понятий и качестве их усвоения обучаемыми.

Актуальность проблемы разработки теоретических основ формирования понятий диктуется целым рядом факторов, в частности:

1. Недостаточной разработанностью методических основ формирования понятий у учащихся старших классов общеобразовательных учебных заведений и полной неразработанностью теории формирования понятий у студентов высших учебных заведений. Выполненные психологами исследования относятся к процессу формирования понятий у учащихся начальных и 5-х классов. Что касается старших классов, то здесь имеются лишь работы по формированию отдельных частных понятий.

2. Непрерывностью процесса возникновения в науке новых понятий, а также развитием, конкретизацией и обобщением ранее введенных в тех или иных разделах науки понятий.

Все это происходит в связи с открытием новых явлений, процессов, свойств вещества и полей – в области естественных наук и в области общественных наук – в процессе изменений социально-экономических условий жизни общества, его господствующих идеологий.

Этот процесс обусловлен также дифференциацией и интеграцией наук.

Все это выдвигает перед педагогикой высшей и средней школы, а также перед психологической наукой все новые и новые проблемы, связанные с процессом формирования понятий у учащихся школ и студентов вузов. Обозначим некоторые из этих проблем, которые, с нашей точки зрения, являются наиболее актуальными и требуют своего первоочередного решения.

1. Отбор уже утвердившихся в науке понятий, но не нашедших отражения в содержании учебных дисциплин, и решение вопроса о целесообразности и возможности включения их в содержание учебных дисциплин.

2. Определение статуса новых понятий (отнесение их к понятиям-категориям, региональным или к частным научным понятиям), их места в системе учебных дисциплин и их циклов.

3. Определение критериев, которыми следует руководствоваться при отборе новых понятий для школьных и вузовских курсов.

Речь идет об отборе понятий, которые необходимо давать в целях повышения уровня общего образования и формирования современной научной картины мира, – с одной стороны, и понятий, формирование которых необходимо только будущему специалисту для профессионального выполнения работы, – с другой стороны.

4. Определение состава системы понятий и глубины их формирования в различных классах в условиях дифференциации обучения: в классах с углубленным изучением предметов естественно-математического или гуманитарного цикла, или в школах, занимающихся по базисному учебному плану.

Эта задача стоит также и перед педагогикой высшей школы, в связи с осуществляемой в вузах специализацией.

Часто мы стремимся дать нашим ученикам и студентам все, что знаем сами, не учитывая при этом познавательные возможности обучаемых, их склонности, способности, значимость формируемых знаний для будущей профессии. Все это приводит к тому, что к моменту окончания школы, вуза, как

показали проведенные нами исследования, уровень сформированности понятий оказывается у большинства обучаемых очень низким. Это относится прежде всего к таким предметам как физика, химия, биология, математика.

Если проверить, какая часть формируемых в школе и вузе понятий остается в сознании обучавшихся через 5 лет после окончания вуза, можно убедиться в том, что остается самая незначительная часть. В этом убеждает выборочная проверка. В памяти работающих сохраняются лишь те понятия, которыми они оперируют в повседневной деятельности и без которых не может быть успешного выполнения своих профессиональных обязанностей. Все остальное, согласно закономерностям психологии памяти, утрачивается, забывается, поскольку "не работает".

5. **Преемственность** в развитии понятий у учащихся школ и студентов вузов. Это означает, что в процессе формирования и развития понятий в них должно сохраняться основное ядро, и это ядро должно развиваться, обогащаться на последующей ступени обучения, при обучении соответствующим учебным дисциплинам.

В предметах естественного цикла таким понятием является "вещество". В его развитии отсутствует преемственность. В школе "вещество" определяется на уроках физики как "то, из чего состоит тело". Такое определение дается в учебнике физики для 7-го класса А.В. Перышкина и Н.А. Родины. Более к определению данного понятия нигде не обращаются: ни в курсе физики старших классов, ни в курсе общей физики вуза. Термином "вещество" пользуются только при изучении изменений агрегатных состояний вещества, а далее речь идет о телах: о твердых телах, жидкостях и газах, о "проводниках" и "изоляторах", которые учащиеся никак не соотносят с понятием "вещество". Отсюда – подмена понятия "вещество" как одного из видов материи понятием "тело", что неправомерно.

Поражает тот факт, что знания о веществе нигде не систематизируются и не обобщаются, поэтому на вопрос: "Что вы знаете о веществе?" выпускники средней школы и студенты физики отвечают на уровне 7-го класса: "Я знаю, что вещество состоит из молекул, молекулы движутся и взаимодействуют друг с другом." Это после изучения свойств и строения вещества на протяжении 5 лет в курсах физики, химии и биологии. Аналогичная картина наблюдается и с другими фундаментальными понятиями.

6. **Обобщение понятий** как применительно к обучению в школе, так и применительно к обучению в вузе. Особенно актуальна разработка методики обобщения фундаментальных понятий на заключительных этапах изучения, соответствующих курсов в школе и вузе, включая синтез (интеграцию) знаний об объектах, понятия о которых формируются при изучении циклов смежных дисциплин.

7. Разработка эффективной методики формирования новых понятий. Особого внимания требует разработка теоретических основ методики формирования общих научных понятий, общих для циклов учебных дисциплин, для интегративных курсов.

8. Разработка мировоззренческой функции формирования общих научных понятий и понятий-категорий (материя, движение, пространство, время, причина, следствие и т.д.). Она была поднята в работах В.Ф. Ефименко, но, к сожалению, не получила дальнейшего развития и ждет своего исследования.

9. Раскрытие методологического знания о фундаментальных научных понятиях, таких как материя, движение, энергия.

10. Изучение возможностей ЭВМ в формировании понятий. Пока еще никто не производил сравнительного анализа качества усвоения понятий при традиционной методике их формирования (т.е. без применения ЭВМ) и с применением ЭВМ. А произвести такое сравнение необходимо. До сих пор

должным образом не отработана методика применения компьютеров при формировании понятий.

11. Последующая разработка критериев усвоения понятий, без чего невозможна объективная оценка качества усвоения понятий и оценка эффективности применяемых для их формирования методик.

Ранее были разработаны такие критерии как: коэффициент полноты усвоения содержания понятия, коэффициент полноты усвоения объема понятия, коэффициент полноты усвоения связей и отношений данного понятия с другими.

В проводимых под нашим руководством исследованиях используется также интегральный коэффициент усвоения понятий, который включает умение оперировать понятием. Однако исследования, проведенные нашими аспирантами Н.Н. Кузьминым и А.А. Подольским, говорят о том, что этих показателей для развернутой оценки качества усвоения понятий недостаточно.

Н.Н. Кузьмин выделил 7 критериев усвоения понятий, а А.А. Подольский выделил уже 10 критериев. Однако для оперативного контроля за качеством усвоения понятий мы считаем достаточно 4-х критериев. На основе выделенных критериев определяются уровни усвоения понятий. Число их также по мере развития теории формирования понятий изменяется. Н.А. Менчинская когда-то выделяла 3 уровня, мы в своих работах вначале выделили 4 уровня, а в более поздних работах выделяем 5 уровней, включая уровень умения оперировать понятием в решении задач творческого характера и в решении задач межпредметного характера.

12. Исследование процесса миграции понятий из одной научной сферы в другую. Примерами таких понятий являются "ускорение", "сила", "масса", "плотность" и др. Они переносятся из области физики в область социологии. Эта миграция должна найти отражение в содержании учебных программ и учебников.

13. Определение организационно-педагогического условия ознакомления с теоретическими основами формирования понятий студентов – будущих педагогов, учителей школ, преподавателей вузов, авторов учебников и учебных пособий.

Мы осуществляем это с помощью спецкурса "Психолого-дидактические основы формирования научных понятий в процессе обучения".

Такие спецкурсы на основе разработанных нами пособий [1; 2] ведутся в ряде других вузов, например, в Омском, Таджикском и в Киргизском педагогических университетах. Нам думается, что проблемы формирования научных понятий должны найти отражение в содержании курсов психологии и педагогики в педагогических институтах и университетах, готовящих учителей школ, что крайне необходимо для подготовки студентов к будущей деятельности по формированию научных понятий у школьников.

Таковы основные проблемы формирования научных понятий у учащихся школ и студентов вузов.

Примечательным является то, что все больший круг преподавателей педагогических и технических вузов осознают необходимость специальных исследований по вопросам теории формирования понятий, рассматривая это как одно из важнейших условий повышения эффективности обучения, его роли в развитии интеллектуальных способностей обучаемых и качества их знаний.

Примером этого являются работы двух профессоров С-Петербургского технического университета К.К. Гомоюнова и Ф.П. Кесаманлы. В настоящее время они представили в печать "Толковый физический словарь". Примером этому является также состав участников III Всероссийской конференции, посвященной проблеме формирования понятий, состоявшейся 13-15 мая 1998 г. в Челябинском государственном педагогическом университете. На нее было представлено 230 докладов преподавателей самых различных дисциплин, включая общественные и технические дисциплины.

Библиографический список

1. Усова, А.В. Формирование у школьников научных понятий в процессе обучения. – М.: Педагогика 1986.
2. Усова, А.В. Психолого-дидактические основы формирования у учащихся научных понятий: учебное пособие. – Челябинск: Челябинский пединститут, 1986. – Ч. 1.
3. Усова, А.В. Психолого-дидактические основы формирования у учащихся научных понятий: учебное пособие. – Челябинск: Челябинский пединститут, 1989. – Ч. 2.

Bibliography

1. Usova, A.V. Formirovanie u shkolnikov nauchnykh ponyatiy v processe obucheniya. – M.: Pedagogika 1986.
2. Usova, A.V. Psikhologo-didakticheskie osnovy formirovaniya u uchastnikhsya nauchnykh ponyatiy: uchebnoe posobie. – Chelyabinsk: Chelyabinskiy pedinstitut, 1986. – Ch. 1.
3. Usova, A.V. Psikhologo-didakticheskie osnovy formirovaniya u uchastnikhsya nauchnykh ponyatiy: uchebnoe posobie. – Chelyabinsk: Chelyabinskiy pedinstitut, 1989. – Ch. 2.

Статья поступила в редакцию 01 августа 1998 г.

УДК 378.14

Bagachuk A.V. PECULIARITIES OF ORGANIZING STUDENTS' RESEARCH ACTIVITY OF WOULD-BE-TEACHERS OF MATHEMATICS. The present article reviews the technological aspect of forming the students' research activity of would-be-teachers of mathematics in the course of their major training. The peculiarities of organizing the students' research activity in the course of studying mathematics with account of modern educational tendencies are described.

Key words: research activity, a would-be-teacher of mathematics, organizational-methodological conditions, professional training, an educational technology, a system of organizational forms.

А.В. Багачук, доц. КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск, E-mail: bagachuk@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ – БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ МАТЕМАТИКИ

В статье рассмотрен технологический аспект формирования исследовательской деятельности будущих учителей математики в процессе предметной подготовки. Описаны особенности организации исследовательской деятельности студентов при изучении математики в контексте современных тенденций образования.

Ключевые слова: исследовательская деятельность, будущий учитель математики, организационно-методические условия, профессиональная подготовка, образовательная технология, система организационных форм.

В последние десятилетия развитие общества характеризуется все более возрастающей динамичностью, проникновением на новые уровни познания окружающего мира, возникновением качественно новых видов деятельности в ранее неизвестных областях. Поэтому огромное значение приобретают стремление и способность личности активно исследовать новизну и сложность меняющегося мира, а также создавать, изобретать новые оригинальные стратегии поведения и деятельности. В связи с этим во всех сферах жизнедеятельности общества, включая систему образования, становится острой потребность в специалистах, способных самостоятельно выдвигать и решать многообразные задачи в нестандартных условиях; готовых к сотрудничеству, к профессиональному самообразованию и самосовершенствованию; отличающихся мобильностью и конструктивностью. Однако в настоящее время качество профессиональной подготовки будущих учителей в силу ряда причин не всегда отвечает требованиям, предъявляемым к специалистам на рынке образовательных услуг. Выпускников педагогических вузов зачастую справедливо упрекают в излишней академичности и узкой специализированности предметных знаний, их недостаточной профессиональной ориентации; отсутствии исследовательской позиции, неготовности и неспособности к творческой самореализации в профессиональной деятельности.

Мониторинг качества различных аспектов подготовки студентов – будущих учителей математики в процессе их обучения в педагогическом вузе [1], анализ психолого-педагогической и методической литературы по проблемам качества современного образования позволяют сделать вывод о том, что сложившаяся традиционная система организации

исследовательской учебно-познавательной деятельности студентов в определенной степени устарела, что негативным образом сказывается на качестве подготовки будущего учителя. Как показывают опросы студентов 1–4 курсов математического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева на протяжении последних лет, активно принимают участие в различных видах исследовательской деятельности (в том числе внеучебной) в среднем не более 10 % из числа опрошенных, в то время как 30–35 % выразили свое желание участвовать в такого рода деятельности. Причем, основная причина подобной ситуации заключается, по мнению респондентов, в отсутствии системной организации исследовательской деятельности студентов, особенно на младших курсах. В основном участие большинства студентов в исследовательской работе ограничивается курсовым и дипломным проектированием.

Известен ряд работ, посвященных проблеме формирования, организации исследовательской деятельности учащихся различных ступеней образования (Е.Д. Андреева, Н.В. Гафурова, В.А. Далингер, Т.Е. Климова, А.В. Леонтович, Г.Н. Лобова, А.С. Обухов, П.И. Пидкасистый, А.И. Савенков, А.В. Хуторской, А.В. Ястребов и др.). Так, в докторской диссертации А.В. Ястребова разработаны теоретико-методические основы моделирования научных исследований в процессе обучения студентов педагогического вуза. Им предложена технология конструирования исследовательских задач по математике, разработаны модели подготовки к исследовательской деятельности для одного студента и академической группы [2]. Т.Е. Климовой выделены основные педагогические условия развития научно-исследовательской культуры будущего учителя, среди них особое внимание автор акценти-

рует на проектировании «рефлексивно-креативной среды» [3]. В работах А.И. Савенкова описана авторская модель обогащения содержания образования, основным элементом которой является исследовательское обучение, с целью развития интеллектуально-творческого потенциала личности. На основе сформулированных автором принципов исследовательского обучения разработана оригинальная структура образовательной программы, даны рекомендации по подготовке учителя-предметника к работе в условиях реализации данной модели [4]. В основе подхода к организации исследовательской деятельности учащихся, предложенного А.В. Леонтовичем, лежит идея создания «многопозиционной образовательной среды, функционально представляющей собой аналог научной школы» [5, с. 66], которая является необходимым условием становления и развития исследовательской позиции личности учащегося в процессе предметной подготовки.

Анализ современного состояния проблемы организации исследовательской деятельности учащихся позволяет утверждать, что, несмотря на признаваемую всеми значимость данного явления в педагогической науке и образовательной практике, оно не реализует своих объективных возможностей в полной мере. Причины подобной ситуации видятся нам в следующем:

- отсутствие нормативной базы, фиксирующей общественную значимость развития исследовательской деятельности учащихся в образовательной системе;
- неготовность большинства педагогов к работе в поисковом режиме, низкий уровень развития их методологической культуры;
- недостаточное использование современных диагностических методик, представлений о природе одаренности, психологических средств поддержки при выявлении и развитии творческих способностей учащихся;
- несоответствие программно-методического обеспечения исследовательской работы учащихся современным требованиям и уровню развития информационных и телекоммуникационных технологий;
- отсутствие системы социальных гарантий и протекционистских мер для поддержки и стимулирования стремления как преподавателей, так и обучающихся к творческому росту и научным достижениям.

На процесс становления будущего учителя можно воздействовать двумя способами: через совершенствование образовательного процесса и через конструирование внеучебной образовательной среды, способствующей развитию личностных качеств студента, обеспечивающих его профессионально-педагогическую компетентность. В этой связи в настоящее время актуальна проблема поиска обновленных технологий организации учебной и внеучебной исследовательской деятельности студентов на уровне кафедры, факультета, вуза.

Под исследовательской деятельностью студента будем понимать личностно и социально значимую продуктивную деятельность, осуществляемую в рамках образовательного процесса в вузе средствами познания в соответствии с логикой научного поиска, продуктом которой являются субъективно новые знания об исследуемом объекте [6]. Отметим, что в результате такого рода деятельности, субъективный характер «открытий» может приобретать определенную объективную значимость и новизну.

Исходя из основных задач подготовки будущего учителя в педагогическом вузе, можно выделить следующие цели исследовательской деятельности студентов – будущих учителей математики: 1) углубление и развитие математических знаний, их перенос в профессиональную деятельность учителя; 2) овладение технологией проведения самостоятельных научных исследований, а также умение работать в научном коллективе; 3) формирование умений организации исследовательской деятельности учащихся в процессе математической подготовки; 4) развитие ценностного отношения к собственной исследовательской деятельности и формированию исследовательской деятельности учащихся.

Для достижения обозначенных целей необходима соответствующая организация исследовательской деятельности будущих учителей математики, стимулирующая их вовлечение в творческий процесс изучения и освоения научных методов; обеспечивающая право студентов на участие в научно-исследовательской деятельности, осуществляемой различными подразделениями вуза; предоставляющая возможность для самореализации личностных творческих способностей. При этом исследовательскую деятельность студентов необходимо рассматривать, с одной стороны, как деятельность по овладению навыками исследовательского труда в будущей профессии, с другой – собственное исследование студента, результаты которого могут быть представлены в виде доклада на научной конференции, статьи в научном сборнике, сообщения на спецсеминаре и др.

Разделяя точку зрения сторонников конструктивизма, претендующего на роль новой образовательной парадигмы и находящегося в настоящее время в стадии своего становления [7], а также неопрагматического подхода к реформированию отечественной системы образования [8], мы считаем, что развитие исследовательской инициативности будущих учителей, восприимчивости к новому и др. возможно при условии активного включения студентов педагогических вузов в поиск, исследование и решение значимых для них профессиональных проблем в процессе предметной подготовки. Последнее в свою очередь предполагает создание организационно-методических условий, позволяющих подчеркнуть интеллектуальное достоинство каждого студента, особую ценность его точки зрения; способствующих развитию персонального подхода к решению проблем, уникального видения ситуации и индивидуального стиля мышления. В этом случае формирование исследовательской деятельности студентов – будущих учителей математики должно осуществляться целенаправленно, систематически и поэтапно в процессе всего времени обучения в педагогическом вузе и в дальнейшей профессиональной деятельности. В свете этих идей, как показывает опыт работы автора в педагогическом вузе, а также, учитывая содержание образовательного процесса в течение четырехлетнего цикла обучения (бакалавриат), можно условно выделить следующие этапы формирования исследовательской деятельности: 1) подготовительный (I курс); 2) базовый (II–III курсы); 3) творческий (IV курс); 4) профессиональный.

Проблема формирования исследовательской деятельности будущих учителей математики может быть решена не только посредством отбора содержания образования, но и выбором используемых технологий организации рассматриваемого вида деятельности. При этом, на наш взгляд, необходимо учитывать, с одной стороны, особенности математики как предметной области (абстрактность, необходимость проведения логических обоснований, доказательств, характер исследуемых проблем и гипотез). Каждый из этапов в структуре исследовательской деятельности студентов в процессе их предметной подготовки имеет специфику, которая определяется предметными особенностями самих проблем, гипотез, видами действий студентов, присущими математике. С другой стороны, выбор технологий организации исследовательской деятельности будущих учителей математики обуславливается профессиональным контекстом. Неотъемлемой частью профессионально-педагогической компетентности учителя является владение и использование различных традиционных и инновационных педагогических технологий организации учебно-познавательной и исследовательской деятельности учащихся. Следуя принципу непрерывности профессиональной направленности математической подготовки студентов, сформулированному А.Г. Мордковичем, освоение профессии осуществляется через собственный опыт будущего учителя, полученный в педагогическом вузе с позиций субъекта обучения [9]. Поэтому формы, методы, средства, приемы организации исследовательской деятельности должны предъявляться студенту в качестве «неявного» содержания образования, достоинства и ограничения которых познаются сначала «изнутри». Таким образом, специфика организации исследователь-

ской деятельности студентов в процессе изучения математики определяется особенностями предметного содержания и профессиональным контекстом.

Рассмотрим дидактические возможности организации исследовательской деятельности студентов – будущих учителей математики на подготовительном этапе (рис. 1). Особое место на подготовительном этапе, по нашему мнению, занимают такие формы организации, как научно-популярный лекторий, на котором происходит знакомство студентов с современными актуальными проблемами, как в области математики, так и в области современного образования, путями их решения и перспективами развития, а также учебные мастер-классы. В процессе работы последних преподаватели демонстрируют на примере решения той или иной исследовательской задачи, как осуществляется научный поиск, каковы основные этапы исследования и их содержание, то есть происходит знакомство студентов с технологией научного творчества. Теоретический анализ мастер-классов, изучение научных методов познания осуществляется на спецсеминарах. При этом, в данном случае предпочтительнее использование не репродуктивных технологий, сводящихся к простому информированию студентов, а передача знаний, когда преподаватель (специалист сферы образования и др.) демонстрирует их реализацию при решении конкретной исследовательской задачи, а затем комментирует свою деятельность, обосновывая выбор той или иной стратегии решения и оценивая ее эффективность, используя при этом активные методы обучения (активные нетрадиционные лекции, обучение в сотрудничестве, дискуссионные методы и др.). В таком случае будущие учителя получают не

обезличенную информацию, они становятся свидетелями и участниками самого процесса принятия решений, знакомятся с тем, как осуществляется перенос усвоенных знаний в области предметных, психолого-педагогических дисциплин в профессиональную деятельность учителя. Все это способствует формированию научного мышления и мировоззрения через интеграцию образовательного процесса и науки. В результате этого возрастают глубина понимания изучаемого материала, познавательная активность и творческая самостоятельность студентов, так как они получают большее удовлетворение от занятий, комфортнее и увереннее чувствуют себя. Вниманию студентов представляется наглядная модель решения проблемы с применением новой информации. Кроме того, происходит своеобразная идентификация с успешными действиями демонстратора, что является стимулом для осуществления собственной исследовательской деятельности. Такого рода «когнитивное моделирование» [10] возможно активно использовать на мастер-классах. Все перечисленные выше организационные мероприятия, призванные, в том числе, стимулировать студентов к участию в научно-исследовательской работе различных подразделений вуза, могут проводиться в рамках Дней той или иной кафедры, Дней науки и др. На подготовительном этапе формирования исследовательской деятельности описанные выше организационные формы встраиваются в содержание предметного блока дисциплин. На базовом этапе лекторий, мастер-классы и спецсеминары приобретают междисциплинарный характер, что способствует формированию у студентов представлений о взаимосвязи изучаемых учебных дисциплин.

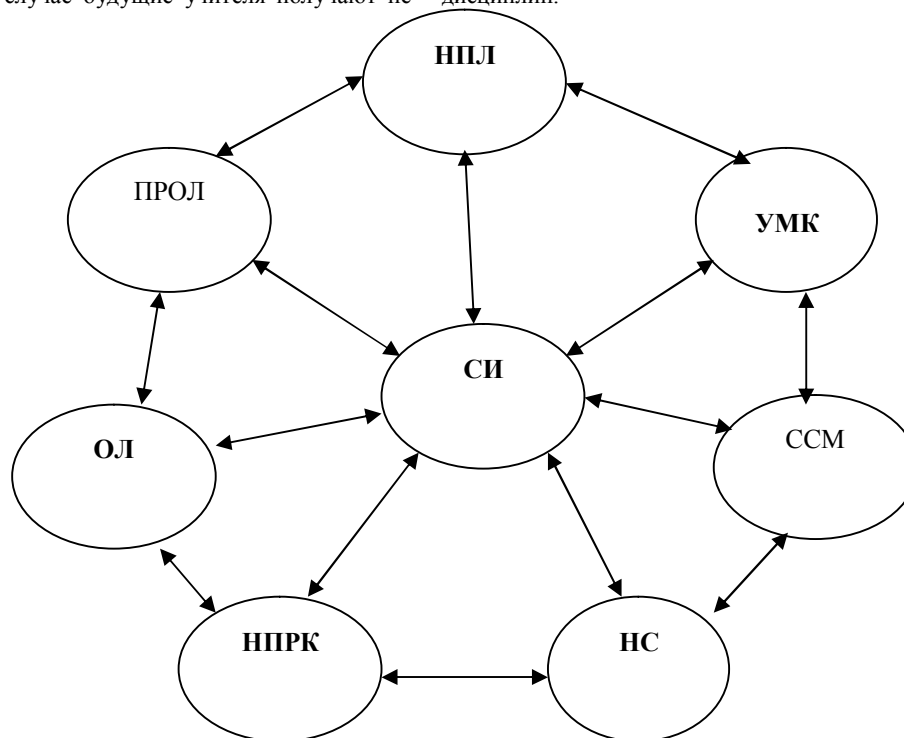

Рис. 1. Модель системы организационных форм исследовательской деятельности студентов (подготовительный этап)
 Обозначения: СИ – самостоятельное исследование; НПЛ – научно-популярный лекторий; УМК – учебный мастер-класс; ССМ – спецсеминар; НС – научная студия; НПК – научно-практическая конференция; ОЛ – олимпиада; ПРОЛ – практикум по решению олимпиадных задач.

Студийная форма организации исследовательской деятельности студентов преобладает в основном на младших курсах и объединяет студентов, проявляющих интерес к одной и той же дисциплине. Ее основные цели – расширение и углубление знаний в той или иной области, развитие интересов и способностей студентов в избранных ими областях знаний, формирование исследовательских умений (информационно-аналитических, проектировочных, диагностических и

др.). В рамках научной студии может быть распространена работа проблемных групп, занятых решением какой-либо одной, общей для всей группы задачи. Такие группы впоследствии, на старших курсах, могут являться уже самостоятельными организационными единицами и состоять из студентов разных курсов. Их участники либо коллективно решают одну проблему, либо распределяют между собой частные аспекты проблемы. Особенно хочется подчеркнуть, что работа студий

должна осуществляется под руководством как преподавателей вузов, так и студентов-старшекурсников с использованием личностно ориентированных технологий (обучение в сотрудничестве, проблемное обучение, проектная деятельность и др.), которые предусматривают дифференцированный подход к обучению с учетом уровня интеллектуального развития студента, его предметной подготовки, способностей и задатков. Такие технологии, по нашему мнению, могут быть достаточно органично и легко интегрированы в систему традиционного обучения, не затрагивая его содержания. Что касается содержательного аспекта развития исследовательской деятельности студентов в рамках работы научных студий, то необходимо отметить, что, во-первых, они могут быть приближены к форме семинарских занятий, дополняющих учебную программу. В этом случае основная цель их деятельности – более полное, детальное усвоение основного круга знаний, умений, навыков и способов деятельности, получаемых в вузе. Во-вторых, участие в работе научной студии может предоставлять студенту возможность освоить знания, умения, навыки и способы деятельности, выходящие за пределы программного курса; такая форма организации исследовательской деятельности студентов способствует отбору будущих специалистов в определенной области науки, развитию самостоятельности и личной инициативы. В-третьих, большое значение имеет обеспечение связи студенческого научного творчества в рамках работы студии со школой: с одной стороны, вневузовская работа студентов обогащается практическим опытом научного творчества, с другой, это приносит ощутимую пользу общеобразовательным учреждениям. По этой причине весьма полезной оказывается работа, осуществляемая в научных студиях под руководством как преподавателей вуза, так и опытных школьных учителей, по анализу конкретных педагогических ситуаций, возникающих в процессе предметной подготовки учащихся, поиску различных путей их решения, прогнозированию возможных последствий. Организация такого рода деятельности возможна в условиях диалога как особой дидактико-коммуникативной среды посредством имитации социально-ролевых и пространственно-временных условий будущей профессиональной деятельности. Благодаря этому меняется характер взаимоотношений между студентами: возрастает чувство уважения друг к другу, самокритичность, поскольку студент, имеющий опыт работы со сверстниками, более точно оценивает свои возможности, лучше себя контролирует. Студенты приобретают навыки, необходимые для жизни в обществе: ответственность, такт, умение строить свое поведение с учетом позиций других людей. Не менее важным в данном случае, на наш взгляд, оказывается также формирование рефлексивных умений студентов, чему способствует осмысление собственной деятельности и опыта других учителей. В связи с этим целесообразно организация так называемой непрерывной педагогической практики для участников студии. Основной формой отчетности студенческих научных студий являются научные доклады по разработанным научным проблемам, рефераты, научные дискуссии. Развитие работы студий, постановка и разработка студентами научных проблем, на наш взгляд, должны широко освещаться в органах печати факультета, вуза, на сайте вуза (возможно, постоянно действующая студия, в работе которой задействовано большое количество студентов, создаст свой сайт или web-страницу).

Наряду с указанными выше формами организации исследовательской деятельности студентов предлагаются и такие, ставшие уже традиционными в системе профессионального образования, формы как: научно-практические студенческие

конференции, предметные олимпиады, подготовку к участию в которых планируется осуществлять на специальных практиках.

Следует отметить, что выбор указанных форм организации исследовательской деятельности студентов на подготовительном этапе ее формирования не случаен, поскольку благодаря такой системе организационных форм реализуются мотивационная, информационно-познавательная, а также ориентационно-формирующая функции данного вида деятельности.

Для повышения качества исследовательской деятельности студентов важно, чтобы предложенная система была преемственной при переходе от курса к курсу в связи с возрастающей ролью самостоятельной творческой работы студентов. Учитывая это, некоторые из организационных форм на следующих этапах формирования исследовательской деятельности студентов видоизменяются. Так, например, студийная работа, преобладающая в основном на младших курсах, перерастает в работу проблемных семинаров, творческих лабораторий, педагогических мастерских, где студенты имеют возможность обсудить промежуточные результаты собственных исследований. Творческие проектные группы – одна из действенных форм студенческого научного творчества. Основной задачей этих групп является самостоятельная работа студентов под руководством преподавателей и совместная организационная работа с кафедрами по использованию результатов, полученных студентами. Студенты в составе таких групп кроме самостоятельного выполнения научной работы, могут заниматься подбором научной литературы, материалов для разработки конкретных научных исследований (реферативные бюро), выступать с докладами и проводить отдельные эксперименты. Наряду с этим на следующих этапах появляются и совершенствуются новые формы организации исследовательской деятельности студентов: дискуссионные клубы, научные семинары (совместные с магистрантами, аспирантами и преподавателями), круглые столы, телекоммуникационные проекты и др. К числу последних можно отнести и так называемые студенческие научные общества или научные общества молодых ученых и студентов.

На каждом этапе формирования исследовательской деятельности основным ее продуктом является самостоятельное исследование (оно изображено в центре рис. 1), которое может быть представлено в виде: реферата, доклада (в том числе, стендового) на семинаре, конференции различного уровня, публикации тезисов, статьи, конкурсной работы, курсового аттестационного проекта или выпускной квалификационной работы и т.п. При этом результаты исследовательской деятельности, полученные студентами самостоятельно, становятся от этапа к этапу все более значительными.

В заключение отметим, что в настоящее время осуществляется опытно-экспериментальная работа по проектированию и реализации в образовательную практику Института математики, физики и информатики КГПУ им. В.П. Астафьева предложенной технологии организации исследовательской деятельности студентов – будущих учителей математики. Результаты использования этой технологии с одной стороны, убедили нас в перспективности представленных идей, с другой стороны, обозначили ряд проблем, которые предстоит решать. К ним относятся: необходимость переноса содержания профессиональной исследовательской деятельности будущего учителя в предметную плоскость образовательного процесса. Кроме того, необходимо преодолевать профессиональные стереотипы поведения преподавателей.

Библиографический список

1. Гендин, А.М. Студенты педагогического вуза о качестве своей подготовки к учительской деятельности и профессиональных планах. Социологический анализ / А.М. Гендин, Н.И. Дроздов, М.И. Сергеев. – Красноярск: Изд-во КГПУ им. В.П. Астафьева, 2010.
2. Ястребов, А.В. Моделирование научных исследований как средство оптимизации обучения студента педагогического вуза: дис. ... д-ра. пед. наук. – Ярославль, 1997.
3. Климова, Т.Е. Интеллектуальная технология формирования опыта научно-исследовательской деятельности студентов // Южно-Уральский педагогический журнал. – 2009. – № 1.
4. Савенков, А.И. Содержание и организация исследовательского обучения школьников. – М.: Сентябрь, 2003.
5. Леонтович, А.В. Концептуальные основания моделирования исследовательской деятельности учащихся // Школьные технологии. – 2006. – № 5.

6. Багачук, А.В. О повышении качества научно-исследовательской деятельности студентов в педагогическом вузе // Качество профессионально-педагогической подготовки учителя: межвуз. сб. науч. тр. – Красноярск: Изд-во КГПУ им. В.П. Астафьева, 2004.
7. Чошанов, М.А. Процесс непрерывного конструирования и реорганизации // Директор школы. – 2000. – № 4.
8. Гершунский, Б.С. Философия образования для XXI века. – М.: Педагогическое общество России, 2002.
9. Мордкович, А.Г. Обеспечивая педагогическую направленность // Вестник высшей школы. – 1985. – № 12.
10. Бандура, А. Теория социального научения. – СПб.: Евразия, 2000.

Bibliography

1. Gendin, A.M. Studentih pedagogicheskogo vuza o kachestve svoey podgotovki k uchitel'skoy deyatel'nosti i professio-nal'nykh planakh. Sociologicheskij analiz / A.M. Gendin, N.I. Drozdov, M.I. Sergeev. – Krasnoyarsk: Izd-vo KGPU im. V.P. Astafjeva, 2010.
2. Yastrebov, A.V. Modelirovanie nauchnykh issledovaniy kak sredstvo optimizatsii obucheniya studenta pedagogicheskogo vuza: dis. ... d-ra. ped. nauk. – Yaroslavl, 1997.
3. Klimova, T.E. Intellektual'naya tekhnologiya formirovaniya opihta nauchno-issledovatel'skoy deyatel'nosti studentov // Yuzhno-Ural'skiy pedagogicheskij zhurnal. – 2009. – № 1.
4. Savenkov, A.I. Soderzhanie i organizatsiya issledovatel'skogo obucheniya shkol'nikov. – M.: Sentyabr, 2003.
5. Leontovich, A.V. Konceptual'nye osnovaniya modelirovaniya issledovatel'skoy deyatel'nosti uchast'nykh // Shkol'nye tekhnologii. – 2006. – № 5.
6. Bagachuk, A.V. O povyshenii kachestva nauchno-issledovatel'skoy deyatel'nosti studentov v pedagogicheskom vuze // Kachestvo professional'no-pedagogicheskoy podgotovki uchitelya: mezhvuz. sb. nauch. tr. – Krasnoyarsk: Izd-vo KGPU im. V.P. Astafjeva, 2004.
7. Choshanov, M.A. Process neprerivnogo konstruirovaniya i reorganizatsii // Direktor shkolih. – 2000. – № 4.
8. Gershunskiy, B.S. Filosofiya obrazovaniya dlya XXI veka. – M.: Pedagogicheskoe obshchestvo Rossii, 2002.
9. Mordkovich, A.G. Obespechivaya pedagogicheskuyu napravlenost' // Vestnik vshshey shkolih. – 1985. – № 12.
10. Bandura, A. Teoriya social'nogo naucheniya. – SPb.: Evraziya, 2000.

Статья поступила в редакцию 27.07.11

УДК 372.367

Biryulina T.S. THE INNER(spiritual)-MORAL EDUCATION IN MODERN CONDITIONS: PROBLEMS AND CONTRADICTION. This article deals with some problems and contradictions of inner-moral education as a key part of school education. The given research shows that the traditional teaching means and technologies need refreshment and improvement.

Key words: inner-moral development of the individual, inner(spiritual)depression, moral ideal, vital treasures (valuables), moral qualities, highly-moral school environment (society), social teaching cooperation (partnership), the system of values.

T.C. Бирюлина, аспирант ГАГУ, г. Горно-Алтайск, E-mail: bts-1969@yandex.ru

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

В статье рассматриваются некоторые проблемы и противоречия духовно-нравственного воспитания как ключевого звена образовательного процесса. Данное исследование в области нравственного воспитания показывает, что в условиях современного общества традиционные средства и технологии воспитания требуют обновления и совершенствования.

Ключевые слова: духовно-нравственное развитие личности, духовная депрессия, нравственный идеал, жизненные ценности, моральные качества, высоконравственная школьная среда, социально-педагогическое партнерство, система ценностных ориентаций.

В настоящее время проблема духовно-нравственного развития личности, имеющая непреходящее значение, приобретает особую актуальность. Совершенно очевидно, что никакие социально-экономические и политические реформы в России не могут быть успешно реализованы без духовного возрождения каждой отдельной личности и общества в целом. В условиях провозглашения российским правительством курса на стабильное политическое, экономическое и социальное развитие необходимо четко осознавать, что оно невозможно без образования и воспитания молодежи в духе высокой нравственности.

Согласно приоритетам Национальной доктрины образования в Российской Федерации до 2025 года, система российского образования призвана обеспечить:

- историческую преемственность поколений, сохранение, распространение и развитие национальной культуры, воспитание бережного отношения к историческому и культурному наследию народов России;

- воспитание патриотов России, граждан правового, демократического, социального государства, уважающих права и свободы личности, обладающих высокой нравственностью и проявляющих национальную и религиозную терпимость, уважительное отношение к языкам, традициям и культуре других народов;

- формирование общей культуры и межличностных отношений.

Очевидно, что ведущим принципом государственной образовательной политики выдвигается воспитание духовно-нравственного человека-гражданина, обладающего высокими моральными устоями.

Энциклопедический словарь дает следующее определение: «Воспитание – процесс систематического и целенаправленного воздействия на духовное и физическое развитие личности в целях подготовки ее к производственной, общественной и культурной деятельности. Тесно связано с образованием и обучением. Цели, содержание и организация воспитания определяются господствующими общественными отношениями» [1, с. 248]. Однако можно ли четко определить, какие общественные отношения господствуют сегодня в нашей стране?

Условия, в которых живет современная молодежь, сложны и противоречивы. Потоки информации (малопонятной, негативной, а, зачастую, аморальной), захлестывают неокрепшее сознание молодых людей. Воздействие информационных потоков из большинства средств СМИ на массовое сознание молодежи идет бесконтрольно и с непредсказуемыми результатами. Подрастающему поколению свойственна эмоциональная, волевая и духовная незрелость. «Характеризуя сегодняшнее состояние общественного сознания граждан России, напрашивается одно определение – оно находится в состоянии духовной депрессии» [2, с. 188].

Анализ научной литературы и педагогической практики показал, что духовно-нравственное воспитание до сих пор не стало центральным звеном педагогического процесса, не до конца выявлены условия, средства, методы воспитания духовности в средней школе. Именно поэтому учителю, педагогу сложно обозначить цели, содержание, а, главное, организацию процесса духовно-нравственного воспитания. Целью любого воспитательного процесса должно являться устремление ребенка к духовно-нравственным идеалам. Какие же идеалы сегодня в нашей духовной жизни имеют господствующее значение? К чему мы призываем наших детей, каким героям они должны стремиться подражать? Ответ на этот вопрос очень важен, ибо именно он определяет цели, содержание и организацию воспитания современной молодежи. Многие считают, что таких идеалов сегодня нет, что принципы демократии и толерантности позволяют человеку самому свободно выбирать общественные идеалы, что недопустимо навязывание подобных идеалов со стороны государства.

Современному образованию высказывают вполне справедливые упреки в «размытости», «неопределенности» идейных основ, в потере нравственных ориентиров, в том, что оно «делает упор», в лучшем случае, на формирование знаний, умений, навыков, а, в худшем – на «натаскивание» ребенка по предметам для успешной сдачи ЕГЭ. Таким образом, в воспитательно-образовательной практике на разных уровнях (педагогическом, управленческом, социальном) возникает ряд противоречий, а именно:

- между возвращением в педагогику категории «духовность» и неблагоприятными условиями российской действительности для становления духовно-нравственного мира подростка;

- между потребностью педагогов в научно-теоретическом потенциале, обуславливающим процесс формирования духовно-нравственных ценностей, и недостаточностью его разработки в науке;

- между необходимостью повышения эффективности духовно-нравственного воспитания школьника в учебной и внеучебной деятельности и недостаточной разработанностью научного, методического и кадрового обеспечения этого процесса;

- между острой потребностью общества в формировании духовно-нравственных ценностей подрастающего поколения и реальными возможностями их реализации в рамках общеобразовательного учреждения, а также, до сих пор, недостаточным уровнем осознания важности этой проблемы.

Актуальность формирования духовно-нравственных ценностей определяется крайней сложностью и многогранностью, поскольку они рассматриваются как основа процесса духовно-нравственного воспитания, во всем многообразии его проявлений, методов и технологий. Духовно-нравственное воспитание – это и система мер, формирующих у ребенка непреходящие жизненные ценности, и специально организованный и тщательно продуманный воспитательный процесс, и особый вид деятельности педагогов и детей. Весь этот комплекс педагогических воздействий не по отдельности, а в совокупности должен быть направлен на формирование и развитие духовно-нравственных качеств человека.

В общеобразовательной школе формирование духовно-нравственных качеств личности осуществляется как в процессе обучения (на уроках), так и в процессе воспитания (на внеурочных мероприятиях). Но, на наш взгляд, не всегда удается достичь желаемого результата. Так, например, Л.С. Подымова связывает это с тем, что такие уроки не всегда нравятся детям, так как носят нравоучительный характер, либо оторваны от реальной жизни [3]. «В школе слишком много сухой теории и слишком мало непосредственного соприкосновения с окружающей средой жизнью, — пишет А. Дауге, — слишком много слов, объяснений, толкований и слишком мало живой активности и самостоятельности учащихся; много фактических знаний, мало умения самостоятельно разбираться в этих фактах; много рассуждений, мало ясных представлений и сильных чувств» [4, с. 47].

Следует отметить, что духовно-нравственное воспитание не может осуществляться в рамках отдельно взятого предмета. На наш взгляд, в этой связи необходимо, чтобы духовность и нравственность пронизывали все составляющие триединого образовательного процесса, то есть обучение, различные направления воспитания и внеурочную работу. Воспитание в школе должно быть органично включено в процесс образования, усвоения знаний, умений и навыков.

Целесообразно подчеркнуть тонкость и деликатность данной области педагогической деятельности. Одним из обязательных условий внедрения в учебный процесс элементов системы формирования духовно-нравственных ценностей является чувство меры. В противном случае можно получить совершенно противоположный результат.

Успех в духовно-нравственном воспитании обучающихся зависит от многих факторов, в совокупности своей составляющих оптимальные условия эффективности этого процесса. В рамках исследуемой проблематики нами выделены следующие психолого-педагогические условия, способствующие формированию духовно-нравственных ценностей. К ним относятся:

- высоконравственная школьная среда, максимально расширенная и имеющая свое продолжение для учащихся за пределами школы;

- социально-педагогическое партнерство, базирующееся на диалоге с другими субъектами социализации (центрами дополнительного образования детей, общественными организациями, традиционными российскими религиозными объединениями, учреждениями культуры и спорта, средствами массовой информации и др.);

- педагогическое партнерство, непрерывное взаимодействие с родителями обучающихся. По нашему мнению и опираясь на исследования в области данной проблематики, школа безусловно должна влиять на нравственный микроклимат семьи.

И, наконец, сам педагог для школьника обязан являться неким образом нравственности, ее наглядно-действенным выражением. Говоря о нравственном примере педагога, следует вспомнить А. Дистервега, который считал, что ценность школы равняется ценности её учителя. Нравственность учителя, моральные нормы, которыми он руководствуется в своей профессиональной деятельности и жизни, его отношение к своему педагогическому труду, к ученикам, коллегам – все это имеет первостепенное значение для духовно-нравственного развития и воспитания обучающихся. Никакие воспитательные программы не будут эффективны, если педагог не являет собой всегда главный для обучающихся пример нравственного и гражданского личностного поведения [5]. Поэтому педагогический коллектив должен уделять особое внимание личностному поведению учителей, рассматривать это поведение как один из факторов нравственного совершенствования школьников. Внимательность, великодушие, забота, товарищеская поддержка должны стать в школе естественными нормами взаимоотношений между людьми. Для создания условий нравственного климата в процессе обучения очень важно установить нравственные взаимоотношения между всеми участниками этого процесса: детьми, родителями и педагогами.

Очень важно научить школьников противостоять давлению, которое часто оказывают на подростка сверстники, старшие. Например, как суметь отказаться от того, что тебе не нравится, и при этом сохранить дружеские отношения? Откуда взять смелости сказать, что я не буду это делать, потому что ценю другое? Надо научить человека делать выбор свободно, чтобы он не был инерционным или навязанным, нужно привить ему навык взвешивать все «за» и «против», что-то выбирая, предвидеть последствия.

Воспитание не должно ограничиваться прямым или опосредованным информированием о тех или иных идеалах и ценностях. Перед человеком должны быть открыты возможности для совершения нравственных поступков.

Протоирей Евгений Соколов сказал, что когда сегодня говорят о национальных проектах в области образования, здравоохранения, земледелия, строительства, демографии, хочется задать встречный вопрос: «Может ли нравственный врач плохо лечить? Может ли нравственный чиновник брать взятки? Может ли нравственный педагог плохо воспитывать и учить своих учеников? Может ли нравственный земледелец уродовать землю, а строитель – нерадиво строить? Способна ли нравственная мать убить ребенка в своей утробе? Единственным национальным проектом нашего государства должен стать главный национальный проект: «Возрождение духовности и нравственности в России», а все остальное само приложится к этому главному проекту? [6].

Таким образом, современная российская школа должна формировать общественные ценности и навыки для дальнейшей успешной жизни ребенка в обществе. Молодой человек, получающий аттестат зрелости, должен быть готов нести личную ответственность за свое собственное благополучие и благополучие общества. Для этого ему необходимо усвоить социальные навыки и практические умения, которые обеспечивают, с одной стороны, его адаптацию в условиях меняющегося мира, а с другой – социальную мобильность, способность к быстрой смене социальных и экономических ролей, что невозможно без высокой личной ответственности и без сформированной системы ценностных ориентаций.

Библиографический список

1. Советский энциклопедический словарь / под ред. А.М. Прохорова. – М.: Сов. Энциклопедия, 1987.
2. Табакаев, Ю.В. Реформаторский зуд и депрессия общественного сознания // Социальные процессы в современной Западной Сибири: сб. науч. трудов. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2011.
3. Подымова, Л.С. Подготовка учителя к инновационной деятельности. – М., 1995.
4. Дауге, А. Искусство и творчество в воспитании: в 2 т. – М., 1990. – Т.1.
5. Дистерверг, А. Избранные педагогические сочинения. – М., 1956.
6. Соколов, Е. О нравственном воспитании // Духовно-нравственная культура в школе: учеб.-метод. пособие. – М., 2009.

Bibliography

1. Sovetskijj ehnciklopedicheskiy slovarj / pod red. A.M. Prokhorova. – M.: Sov. Ehnciklopediya, 1987.
2. Tabakaev, Yu.V. Reformatorskiy zud i depressiya obshchestvennogo soznaniya // Socialniye processiy v sovremennoy Zapad-noy Sibiri: sb. nauch. trudov. – Gorno-Altaysk: RIO GAGU, 2011.
3. Podimova, L.S. Podgotovka uchitelya k innovacionnoy deyatel'nosti. – M., 1995.
4. Dauge, A. Iskustvo i tvorchestvo v vospitanii: v 2 t. – M., 1990. – T.1.
5. Disterveg, A. Izbranniye pedagogicheskie sochineniya. – M., 1956.
6. Sokolov, E. O npravstvennom vospitanii // Dukhovno-nravstvennaya kuljtura v shkole: ucheb.-metod. posobie. – M., 2009.

Статья поступила в редакцию 27.07.11

УДК 74.100.44

Bystrova N.N. COMPETENCE PARENT'S AS RESULT COMPREHENSION EXPERTS OF EDUCATIONAL SYSTEM. The text offers theoretical about competence, the specific structure of parental competence (author's opinion) is determined. Recommendations for experts of educational establishments and parents.

Key words: parent's competence; specific structure of competence; the program of interaction of experts and parents.

Н.Н. Быстрова, соискатель ГОУ ВПО ДВГГУ, г. Хабаровск, E-mail: nata031272@yandex.ru

КОМПЕТЕНТНОСТЬ РОДИТЕЛЕЙ КАК РЕЗУЛЬТАТ КОМПЕТЕНТНОЙ РАБОТЫ СПЕЦИАЛИСТОВ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Текст предлагает теоретический материал, где раскрыты положения современного течения, обсуждаемого в науке и практике – компетентность, определена видовая структура родительской компетентности (авторское видение). Показаны практические рекомендации для специалистов образовательных учреждений и родителей.

Ключевые слова: родительская компетентность; видовая структура компетентности; программа взаимодействия специалистов и родителей.

Федеральные государственные образовательные стандарты второго поколения вступили в силу 1 января 2010 года и уже ориентирует на себя множество направлений системы образования. Стандарт – социальная норма, общественный договор между семьей, обществом и государством. Семья предполагает личностную успешность, социальную успешность, профессиональную успешность [1] ребенка, воспитывающегося в ней.

В последние годы как в науке, так и в образовательной практике уделяется большое внимание проблемам семьи, родительства, сотрудничества семьи и образовательных учреждений. Учеными (Т.В. Архиреева, Л.Я. Верб, Е.А. Галко, Т.М. Зенкова, И.С. Кон, Ю.Г. Королева, Е.А. Лукьяненко, Л.Р. Миронова, Н.Л. Мудрова, Р.В. Овчарова, Ю.Е. Скоромная, И.А. Стародубцева, Н.А. Тырнова, Е.К. Узденова и др.) определены ценности семьи, ее основные функции; показаны подходы и принципы взаимодействия с семьей; раскрываются направления, содержание, формы и методы работы с родителями.

Большинство людей, оказавшихся в сложной жизненных обстоятельствах в период зрелости, таят ее истоки в далеком

детстве. Такой вывод помогли сформулировать авторы разнообразных научных направлений. Исследования возрастных норм подрастающего человека (А.А. Бодалев, Л.И. Божович, О.Ф. Больнов, В.В. Зеньковский, В.И. Мухина, Л.Ф. Обухова и др.); В.П. Зинченко, В.Н. Мясисев, Ю.Б. Орлов, В. Франкл, Э. Фромм, Э. Эриксон, показавшие в своих работах специфику перестройки психики и организма.

Причиной высказанного феномена становится далеко не только асоциальность или аморальность, дезадаптация или психологический дискомфорт, неродственность членов семьи или загруженность родителей, а элементарное отсутствие грамотного подхода родителя к конкретному ребенку, понимание особенностей детей и признание таковых взрослыми. Обобщенно обозначим данный перечень единым термином – «компетентность».

Причинно-следственную связь родитель-ребенок изучают исследователи в области социальной педагогики и психологии, психологии развития, где рассматриваются влияния условий на особенности развития человека.

Проблема компетентности широко разрабатывается в педагогической науке (А.М. Аронов, А.И. Ахулкова, И.Б. Биче-

ва, Ю.В. Варданын, Н.Л. Дмитриева, Ю.Г. Домалевская, М.Н. Карапетова, Н.Е. Костылева, А.Е. Марон, В.Е. Морозова, О.С. Орлов, И.В. Просвирпина, Л.В. Свирская, С.В. Соколова, Т.М. Туркина, Р.М. Шерайзина и др.). Учеными определены подходы к сущности педагогической компетентности, ее структура, содержание и пути развития, исследуются особенности компетентности выпускников ВУЗов, школ, детей дошкольных образовательных учреждений.

Между тем, в настоящее время в педагогической науке нет единства относительно содержания и структуры компетентности родителей, не раскрыты ее критерии, уровни. Научные исследования по формированию компетентности родителей малочисленны, фрагментарны, не отражают системного видения проблемы в современных условиях. Актуальность данного исследования обусловлена противоречиями:

- между практической необходимостью формирования компетентности родителей, как одного из важнейших условий эффективности процесса воспитания в семье и отсутствием соответствующей психолого-педагогической технологии;

- между потребностью помощи родителям в обеспечении процесса формирования компетентности и отсутствием знаний о методах ее формирования.

Грамотное сопровождение человека – это не только знание специалиста о сущности происходящего (причем, которое является в большинстве своем субъективного характера), но и доступное донесение интересующей окружающей ребенка взрослых информации с привлечением валидного материала.

Анализ многочисленных документов педагогов и психологов (программы, планы, рекомендации, сценарии открытых мероприятий с родителями и т.п.) образовательных учреждений объединил в себе серию особых претензий в части его отбора, построения, формы донесения до родителей, рекомендуемых приемов и методов работы с детьми.

Так, обращает на себя внимание **содержательный компонент информационного блока, предоставляемого родителям**. Большинство специалистов перенасыщают информационно-теоретические сведения высоконаучным содержанием, набором терминологии, далекой для понимания ее людьми, находящимися в ином семантическом пространстве. Материал содержит множество обобщенных, отстраненных сведений, неконкретизированных на конкретного ребенка, который более всего волнует своего родителя, нежели все остальные «похожие по возрасту, характеру, уровню освоения материала».

Немаловажна позиция специалистов относительно **предложений родителям** при построении совместной системы взаимодействия в процессе сопровождения ребенка. На взгляд автора статьи, важно распределять знания, умения и навыки профессионалов и непрофессионалов. Последним также необходимо занимать активную позицию по отношению к своему ребенку, процессу его воспитания, развития, личностной, социальной и профессиональной успешности, однако, организационно-методическому, системно-деятельностному аспекту необходим иной набор компонент и средств. Рекомендовать проводить 20-минутные занятия родителю с ребенком, с набор профессиональных упражнений в то время, когда последний имеют уже высокий уровень запущенности нецелесообразно. А не дождавшись таковой обратной связи, ссылаясь на продолжающиеся сложности ребенка из-за отсутствия родительского компонента включенности в процесс коррекции и развития детей более, чем не профессионально. Уровень компетентности специалиста определяется грамотным подбором информационного, методического, организационного материала и личностного подхода к каждому родителю. Одновременно и организационные формы взаимодействия педагогов и психологов с родителями имеют специфическое направление в работе.

Серьезен вопрос и в части **предоставляемой информации родителям** в ходе консультативных бесед и полноценных консультаций. Прежде всего, обратимся к характеру построения и содержательной наполняемости заключений на ребенка после собеседования, диагностирования, анкетирования и пр.

Более, чем в 80% просмотренных заключений помещен количественный материал, с предоставлением интерпретаций, если таковые есть в диагностическом инструментарии. А рекомендации «познакомиться с перечнем из более 30 источников литературы», «обратиться к сведениям интернета», «обязательное выполнение перечня упражнений не менее, чем 3-4 раз в неделю» лишь, в большинстве случаев, отгораживают родителей от продуктивного взаимодействия со специалистами образовательного учреждения.

Степень разработанности проблемы родительской компетентности в психологии все еще очень низка. Различные аспекты рассматриваемой нами проблемы изучали еще З. Фрейд, К. Хорни. В последние десятилетия проблема рассматривалась отечественными психологами А.А. Бодалёвым, М.О. Ермихиной, Р.В. Овчаровой, В.В. Столиным, Г.Г. Филипповой, И. Ю. Хамитовой и др.

Анализируя содержание дефиниции «родительская компетентность», охарактеризуем подробнее рассматриваемый отечественными психологами М.О. Ермихиной, Р.В. Овчаровой и др. феномен «родительства» как интегральное психологическое образование личности [2, 3].

Однако недостаточно изучены и до конца не систематизированы факторы его формирования, практически не разработаны также способы целенаправленного формирования осознанного родительства. По определению Р.В. Овчаровой, родительство – социально-психологический феномен, представляющий собой эмоционально и оценочно окрашенную совокупность знаний, представлений и убеждений относительно себя как родителя, реализующуюся во всех проявлениях поведенческой составляющей. На стадии развитой формы родительство включает в себя родительские ценности, установки и ожидания, родительское отношение, родительские чувства, родительские позиции, родительскую ответственность, а также стиль семейного воспитания.

С целью повышения уровня компетентности родителей требуется создание условия их погружения в работу при активном участии на своем мотивированном, осознанном, методически корректно организуемом уровне. К общенаучным подходам, составляющим методологическую базу исследования, и определяющим сущность организации компетентного взаимодействия представителей школы и семьи, относятся:

Философский (I уровень), где нами рассматриваются системный и целостный, цивилизационный и эволюционный научные основания, раскрывающие взаимосвязь макро и микромиров человека, природные (естественные) основания, являющиеся проводником его развития.

Междисциплинарный (II уровень) – антропология, синергетика, аксиология и правоведение как научные дисциплины с культурно-историческим, социокультурным, психолого-педагогическим и ценностно-рефлексивным феноменами, рассматриваемыми в контексте проблемы исследования.

Предметный (III уровень), в рамках которого анализируются деятельностный, гуманно-личностный и компетентностный подходы в структуре организации психолого-педагогического пространства организации взаимодействия субъектов семьи и школы как социальных институтов.

Технологический (IV уровень) – изучение современного педагогического опыта, психолого-педагогические методики и технологии организации взаимодействия родителей и специалистов образовательного учреждения: многоуровневая целостная модель компетентности: психолого-педагогическая компетентность профессионала, психолого-педагогическая компетентность непрофессионала, жизненная компетентность подрастающего человека.

Системный подход обеспечивает создание целостной системы формирования компетентности родителей как структурного образования при согласованном функционировании всех ее элементов (В.И. Андреев, В.П. Беспалько, В.И. Загвязинский, И.Я. Лернер, В.В. Краевский, Г.И. Саранцев, М.Н. Скаткин и др.);

Деятельностный подход позволяет включить родителей в осмысленную воспитательную, развивающую, игровую, об-

щественную, профессиональную деятельность (П.Я. Гальперин, В.П. Зинченко, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, Г.И. Саранцев, Д.И. Фельдштейн и др.);

Культурологический подход способствует осуществлению процесса подготовки родителей к воспитанию детей в контексте общечеловеческой культуры (В.С. Библер, Н.В. Бордовская, Г.Н. Волков и др.).

Контекстный подход позволяет создать условия для повышения уровня компетентности родителей (М.М. Бахтин, С.Н. Глазачев, А.А. Вербицкий, И.А. Зимняя, Н.Б. Лаврентьева, Э.И. Сокольников, А.В. Хуторской и др.).

Компетентностный подход дает возможность готовить родителей к принятию решений в стандартных ситуациях и в ситуациях неопределенности (В.И. Байденко, И.А. Зимняя, А.П. Тряпицына, А.В. Хуторской и др.).

Формой такой работы может являться так называемое «образование родителей», которое означает систематически проводимую и теоретически обоснованную программу, целью которой является передача знаний, формирование соответствующих представлений или навыков у участников программы в различных областях семейного воспитания [4].

Содержание программ обычно включает обсуждение конкретных идей, групповые дискуссии, обмен мнениями и опытом деятельности и их анализ, а также формирование определенных навыков.

Основным методом «образования родителей» является групповая работа с родителями (программы Х. Джайнотта, Т. Гордона и др.) [5, 6].

В зарубежной психологии родительские группы зарекомендовали себя как весьма эффективная форма обучения и решения психологических проблем родителей. Разные направления группового «образования родителей» ориентированы на различную практику работы с родителями, имеют различные цели, задачи, установки, а также различные уровни сложности.

Для повышения уровня осознанного изменения родителями своей компетентности и принятия новых компетенций, необходимо создание традиции жизни группы родителей и предметно-развивающая среда: диалог, тренинг, беседы, консультации, родительские вечера, праздники, конкурсы и др. Большой интерес у родителей вызывают специально подготовленные для них материалы на стендах, в демонстрационных папках, на TV-презентации (видеоролики; выводы по проведенным тренингам, отзывы; рекомендации по отдельным ситуациям, т.п.) [7].

Компетентность родителя – это совокупность общекультурных (коммуникативных, информационных, самообразования) и специальных (правовых, экономических, психологических, социальных, витальных, педагогических) компетенций, необходимых для эффективного осуществления им, функций обучения, воспитания и развития детей для их успешной социализации в изменяющемся мире.

В период 2008-2011 гг. составлялась модель повышения компетентности родителей, где участвовали студенты государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Дальневосточный государственный гуманитарный университет», факультета специальной психологии и педагогики и учителя, воспитатели, психологи, социальные педагоги образовательных учреждений г. Хабаровска, родители детей разных возрастов и личностных, психологических, социальных характеристик – усыновленные, с ограниченными возможностями здоровья, с девиантными формами поведения, «норма». Родители имели самый разнообразный статус: асоциальные и норма, злоупотребляющие вреднодействующими веществами и яро сопротивляющиеся таковому, ведущие аморальный образ жизни и с высоким социальным уровнем значимости (руководители, ученые, военные, заслуженные работники). Последнее позволяет подтвердить точность выводов, изначально исключая присутствие разнообразия социальных факторов для эффективности апробации задуманного. Перечень образовательных учреждений, где апробировалась модель, включал в себя муниципаль-

ные образовательные учреждения «Средняя общеобразовательная школа № 44» (работа с детьми социальной гостиницы), «Средняя общеобразовательная школа № 26», муниципальное образовательное учреждение дополнительного образования детско-юношеский центр «СКАЗКА» (работа с детьми, не посещающими дошкольные образовательные учреждения, группа «Родничок» («подготовка к школе»)).

Модель формирования компетентности родителей представляет собой многоуровневое интегративное образование, состоящее из ряда взаимосвязанных компонентов [8]:

– *научно-теоретический* – это определенный уровень владения родителями основными закономерностями развития ребенка, знаниями индивидуальных проявлений его личности (организационных, управленческих, обучающе-развивающих, воспитательных, коррекционных, социокультурных) при наличии компетенций, необходимых для воспитания детей (сравнивать, сопоставлять, познавать, узнавать, реагировать);

– *психолого-педагогический* – это определенный уровень подготовки родителей к взаимодействию с ребенком, предполагающий усвоение совокупности специальных психологических педагогических компетенций (распознавание эмоций, эмоциональная регуляция, установление взаимоотношений, познание проявлений чувств, организация взаимодействия с ребенком, ценностные ориентиры и выборы);

– *организационно-методический (деятельностный)* – определенный уровень владения родителями умениями методически грамотно организовывать детскую деятельность, поддерживать творческую и поисковую активность (планировать, ориентироваться в развитии событий, алгоритмизировать, перераспределять);

– *экологический (личностный)* – определенный уровень владения родителями способами духовного и интеллектуального саморазвития, эмоциональной саморегуляции и самоподдержки (ответственность, самостоятельность, коммуникабельность, инициативность).

Работа в рамках первого направления предусматривает мини-лекции, мини-презентации, содержание целевого материала в процессе рефлексивного анализа текущей деятельности, информационные листы раздаточного материала, а также сформированную папку для родителей научно-теоретического содержания.

Второе направление включает тренировочные упражнения на сенсомоторику, эмоции, ощущения, восприятие. Для осуществления коммуникативной деятельности с ребенком у родителя должен быть достаточно активизирован навык чувствовать детей и жизненную ситуацию. В связи с этим в программу тренировочных занятий были включены упражнения по сенсомоторике. Такие упражнения вызывают у родителей положительный эмоциональный отклик, помогают обеспечить лучшее осознание материала и активизировать работу членов группы. Развитие восприятия, разнообразие сенсорной информации является важным условием нормального функционирования психики как взрослых, так и воспитывающих ими детей.

Третье направление дает возможность раскрытия грамотной, своевременной и конструктивной формы взаимодействия родителя и детей. Такая задача решается как на занятиях только в группе родителей, так и на занятиях, проводимых совместно с детьми.

Четвертое направление представляет собой совокупность упражнений, определяющих стимулирование родителей к самопроекции, самоизучению, самовыражению, перестройке себя в отдельных позициях, необходимых для воспитания и развития детей.

Основными формами работы стали тематические консультации с элементами практикума, индивидуальные и групповые коррекционные занятия с детьми (как с присутствием родителей, так и вне таковых), индивидуальное, семейное, групповое консультирование, анкетирование, родительский клуб, родительские вечера, педагогические гостиные, досуговые мероприятия, информационные тексты, тренинги и др.

Эти формы способствовали приобретению теоретических знаний и овладению практическими умениями оптимально-позитивного взаимодействия с ребёнком. Что в целом повлияло на повышение уровня родительской компетентности.

По итогам апробации модели была выявлена положительная динамика показателей компонентов родительской компетентности в целом, выражающаяся: в систематизации, расширении и углублении их знаний в области психологии и педагогики воспитания ребенка; в совершенствовании педагогических умений родителей, особенно относящихся к коммуникативному и организаторскому компонентам; в личностном развитии родителей в процессе освоения психолого-педагогических знаний и умений, выражающемся в большей личностной зрелости и позитивной динамике типа отношения к ребенку.

Необходимо отметить и тот факт, когда родители, делаясь информацией о мероприятиях, в которых приняли участие, с остальными (или, обсуждая между собой) вызвали большой интерес у окружающих.

Работа психолога образовательного учреждения над повышением компетенции родителей будет успешной, если будут соблюдены следующие:

- в условиях образовательного учреждения использовать сочетание различных форм психолого-педагогического сопровождения родителей;

- для формирования родительских компетенций необходим комплексный подход всех специалистов учреждения.

Таким образом, автор данной статьи, высказывает предложение о грамотном подходе специалистов системы образования к информационному, методическому и личностному компонентам организации взаимодействия с родителями. Предлагается модель повышения уровня компетентности родителей не с учетом отношения к родителю как второму профессионалу (каковым последний не является зачастую), или

как к ассистенту профессионала (педагога, психолога), а как к родителю – сопровождающему ребенка взрослому зачастую другой профессии. Следовательно, необходима иная система планирования процесса совместного сопровождения детей профессиональными педагогами и родителями (таблица 1). А также планирование индивидуальной работы с ребенком, имеющим ограниченные возможности здоровья в системе образования (таблица 2).

Так кто же такой современный компетентный родитель? Тот, у которого нет проблем? Тот, у кого идеальный послушный ребенок? Компетентный родитель – это человек, который не испытывает страха за то, что он «плохой» родитель и не переносит чувство страха и вины на своего ребенка. Это человек, готовый видеть реальную ситуацию, в которой растет его ребенок и предпринимать усилия для того, чтобы ее менять. Это человек, который знает, что если не помогает одно – надо попробовать другое. Компетентный родитель понимает, что для изменения развития ребенка в более благоприятную сторону надо меняться самому, пробовать, искать, в общем – учиться. Такой родитель является сформированной личностью, способной брать на себя ответственность в различных ситуациях, готовой расширять границы своих знаний и совершенствоваться их.

Компетентность – это уровень умений личности, отражающий степень соответствия определённой компетенции и позволяющий действовать конструктивно в изменяющихся социальных условиях.

Компетенция – это готовность и способность человека к мобилизации совокупности знаний, способов действия, отношений и внешних ресурсов для эффективной деятельности в конкретных учебных и жизненных ситуациях, тематическим полем которых являются критический анализ, оценка риска, прогноз явлений, решение проблем, инициатива и творчество.

Таблица 1

Планирование процесса совместного сопровождения детей профессиональными педагогами и родителями (пример)

Проблема ребенка	Задачи работы специалистов				Задачи работы педагогов			Родители (сопровождающие ребенка взрослые)	Этапы	Результат
	Социальный педагог	Психолог	Логопед	Мед. работник	Воспитатель группы продленного дня или социальной гостиной	Классный руководитель	Педагог-предметники			
Проявление агрессивного поведения	1. Посещение семьи в вечерний период с выяснением возможных факторов данного проявления 2. Беседа с членами семьи. 3. Выяснение взрослого, включенного в воспитание ребенка, для сотрудничества с работниками школы. Подпись:	1. Составление заданий для родителей; консультация; 2. Составление упражнений для воспитателя группы продленного дня или социальной гостиной; консультация; 3. Работа в группе детей по коррекции эмоционально-волевой сферы; 6. Диагностика результативности. Подпись:			1. Включение в мероприятия с группой упражнений на отслеживание реакций агрессивности (по запросу психолога); 2. Индивидуальная работа с ребенком в случае отслеживания таковых (1 раз в неделю). 3. Беседа с сопровождающим ребенка взрослым. Подпись:	1. Доведение информации психолога до членов семьи; 2. Контроль выполнения заданий. Подпись:		1. Беседы с КЛР; 2. Консультации у психолога; 3. Работа над выполнением заданий по запросу психолога. Подпись:	1. Работа психолога, воспитателя группы продленного дня или социальной гостиной, дома с ребенком; 2. Контроль классного руководителя; 3. Диагностика результативности работы. 4. Анализ проведенной работы.	

Таблица 2

Календарное планирование специального сопровождения детей в течение года (примерный план)

Ме- сяц	Компоненты развивающе- коррекционной работы на уроке	Педагогическая коррекция Урок- погружение	Психологическая коррекция Урок-погружение	ЛФК	Семинары-практикумы для сопровождающих ребенка взрослых	
					педагоги	родители

Библиографический список

1. http://gorki-2.odnedu.ru/img/2011/04/O_novom_standarte.doc
2. Мизина, Н.Н. Родительская компетентность: психологический аспект проблемы // Эйдос: Интернет-журнал. – 2010. – № 9.
3. Овчарова, Р.В. Психологическое сопровождение родителей. – М., 2003.
4. <http://www.sbor.ru/kdn/old/RodKompit.html>.
5. Джайнотт, Х. Родители и дети. – М., 1986.
6. Зимняя, И.А. Ключевые компетенции – новая парадигма результатов образования // Эйдос: Интернет-журнал. – 2009. – № 5.
7. Быстрова Н.Н. Компетентное взаимодействие субъектов-участников образовательного процесса (на примере работы учреждения дополнительного образования) (статья + электронные приложения) // Мир образования: электронный журнал. – Хабаровск: ХК ИППК ПК. – 2009. – Вып. 1.
8. Быстров, Н.Н. Компетентное взаимодействие субъектов-участников образовательного процесса // Наука и образование на Дальнем Востоке: Электронный журнал. – 2009. – № 1.

Bibliography

1. http://gorki-2.odnedu.ru/img/2011/04/O_novom_standarte.doc
2. Mizina, N.N. Roditel'skaya kompetentnost': psikhologicheskiiy aspekt problemih // Ehyjdos: Internet-zhurnal. – 2010. – № 9.
3. Ovcharova, R.V. Psikhologicheskoe soprovozhdenie roditel'ey. – M., 2003.
4. <http://www.sbor.ru/kdn/old/RodKompit.html>.
5. Dzhaynott, Kh. Roditeli i deti. – M., 1986.
6. Zimnyaya, I.A. Klyuchevye kompetencii – novaya paradigma rezul'tatov obrazovaniya // Ehyjdos: Internet-zhurnal. – 2009. – № 5.
7. Bihstrova N.N. Kompetentnoe vzaimodeystvie subjektov-uchastnikov obrazovatel'nogo processa (na primere ra-botih uchrezhdeniya dopolnitel'nogo obrazovaniya) (stat'ya + ehlektronniye prilozheniya) // Mir obrazovaniya: ehlektronniy zhurnal. – Khabarovsk: KhK IPPK PK. – 2009. – Vihp. 1.
8. Bihstrov, N.N. Kompetentnoe vzaimodeystvie subjektov-uchastnikov obrazovatel'nogo processa // Nauka i obra-zovanie na Dal'nem Vostoke: Ehlek-tronniy zhurnal. – 2009. – № 1.

Статья поступила в редакцию 27.07.11

УДК 371.8.061

Galakova O.V. **MODEL OF SCHOOL AGE CHILDRENS SOCIAL COMPETENCE?** Article is devoted a problem of development of social competence of school age children. The concept and structure of social competence are considered.

Key words: competence, social competence, younger school age.

О.В. Галакова, аспирант МПГУ, г. Москва, E-mail: Leltschik@yandex.ru

МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Статья посвящена проблеме развития социальной компетентности детей младшего школьного возраста. Рассматриваются понятие и структура социальной компетентности.

Ключевые слова: компетентность и компетенция, социальная компетентность, младший школьный возраст.

В современной ситуации активного изменения социума, встает вопрос о изменении личности, ее активном и позитивном взаимодействии с другими. Все чаще мы говорим о компетентных людях, необходимых в различных сферах жизни и деятельности нашего общества. Одной из компетентностей, пронизывающих все сферы нашей жизни является социальная компетентность, позволяющая выстраивать стратегии взаимодействия с другими людьми в окружающей, постоянно изменяющейся социальной реальности.

Социальная компетентность в современном обществе означает способность человека выстраивать стратегии взаимодействия с другими людьми в окружающей его изменяющейся социальной реальности. Несомненно, жизнь учит ребенка формальным и неформальным правилам взаимодействия, создает проблемные ситуации, которые он так или иначе разрешает. Но когда такое спонтанное развитие социальной компетентности сопровождается деятельностью взрослого, ребенок приобретает поистине бесценный ресурс жизненной ориентации.

Наиболее сложно процесс социализации проходит у учащихся начальной школы, так как им приходится адаптироваться к новым условиям, правилам и коллективу начальной

школы. Так отмечается недостаточная социальная компетентность 25% детей младшего школьного возраста, их беспомощность в отношениях со сверстниками, неспособность разрешать простейшие конфликты. При этом прослеживается опасная тенденция, когда более 30% самостоятельных решений, предложенных детьми, имеют явно агрессивный характер [1].

Федеральный государственный стандарт начального общего образования устанавливает требования к результатам обучающихся, освоивших основную образовательную программу начального общего образования. И одним из требований стандарта к личностным результатам освоения основной программы является развитие навыков сотрудничества со взрослыми и сверстниками в разных социальных ситуациях, умения не создавать конфликтов и находить выходы из спорных ситуаций, необходимо развивать социальную компетентность [2].

Говоря о компетентности вообще и социальной в том числе, возникает вопрос в каком случае мы используем понятие социальной компетентности младшего школьника, в каких – социальной компетенции? Когда мы можем сказать, что человек компетентен в том или ином вопросе?

Анализ источников показал, что компетентность понимается как круг вопросов, в которых кто-либо хорошо осведомлен, разбирается профессионально. Часто вместо компетентности употребляются понятие компетенции, то есть, они употребляются как синонимы. Но существует и другая точка зрения, разграничивающая употребление данных понятий. Так, отмечается, что компетенция – не только круг вопросов, в которых кто-нибудь хорошо осведомлен, но и включает совокупность взаимосвязанных качеств личности (знаний, умений, навыков, способов деятельности), задаваемых по отношению к определенному кругу предметов и процессов, и необходимых для качественной продуктивной деятельности по отношению к ним [3]; это и внутренние, потенциальные, сокрытые психологические новообразования (знания, представления, программы (алгоритмы) действий, системы ценностей и отношений), которые выявляются в компетентностях человека [4]. Компетентность же понимается исследователями как владение, обладание человеком соответствующей компетенцией, основывающуюся на знаниях, интеллектуально- и личностно-обусловленная социально-профессиональная жизнедеятельность человека, специфическую способность, необходимую для эффективного выполнения конкретного действия в конкретной предметной области, и включающей узкоспециальные знания, особого рода предметные навыки, способы мышления, а также понимание ответственности за свои действия [5].

Таким образом, в понимании компетенции и компетентности выделились несколько позиций: во-первых, эти понятия рассматриваются как тождественные; во-вторых – компетенция рассматривается как совокупность взаимосвязанных знаний, умений, способов деятельности, по отношению к определенному кругу вопросов, деятельности, а компетентность – владение, обладание человеком определенных компетенций.

Исследуя вопрос компетентности, ее содержания, структуры, исследователи предлагали свои модели компетентности в том или ином ракурсе. Так были выделены модель компе-

тентности включающая компоненты эффективного поведения (когнитивные, аффективные, волевые) и значимые аспекты поведения (достижения, сотрудничество, влияние); модель индивидуальной компетентности, выделяющую два блока: а) базовые элементы, включающие опыт личности и готовность к решению ситуативных задач; б) способность к коммуникациям (цели, ценности, коммуникации, компетентностный опыт, компетентностные знания, умения и навыки) и модель, отражающая компетентный состав компетентности, выделяет мотивационный аспект компетентности (готовность к проявлению компетентности); когнитивный аспект компетентности (владение знанием содержания компетентности); поведенческий аспект компетентности (опыт проявления компетентности в разнообразных стандартных и нестандартных ситуациях); ценностно-смысловой аспект компетентности (отношение к содержанию компетентности и объекту её приложения); эмоционально-волевой аспект компетентности (эмоционально-волевая регуляция процесса и результата проявления компетентности).

Так, например, рассматривая концептуальную модель психолого-педагогической компетентности, С.Б.Серякова выделяет следующие компоненты модели: мотивационно-ценностный, когнитивный, профессионально-деятельностный, социально-коммуникативный, рефлексивно-регулятивный [6].

Таким образом, можно отметить, что в представленных моделях обязательно присутствуют мотивационно-ценностный компонент (включает цели и ценностное отношение к компетентности и объекту ее приложения, волю, готовность к взаимодействию), когнитивный компонент (знания в определенной области), деятельностный компонент (умения, навыки, опыт личности), рефлексивный компонент (умение прогнозировать и оценивать результат деятельности, умение объяснить свои состояние, потребности, желания).

В соответствии выше изложенным, представим следующую модель компетентности.

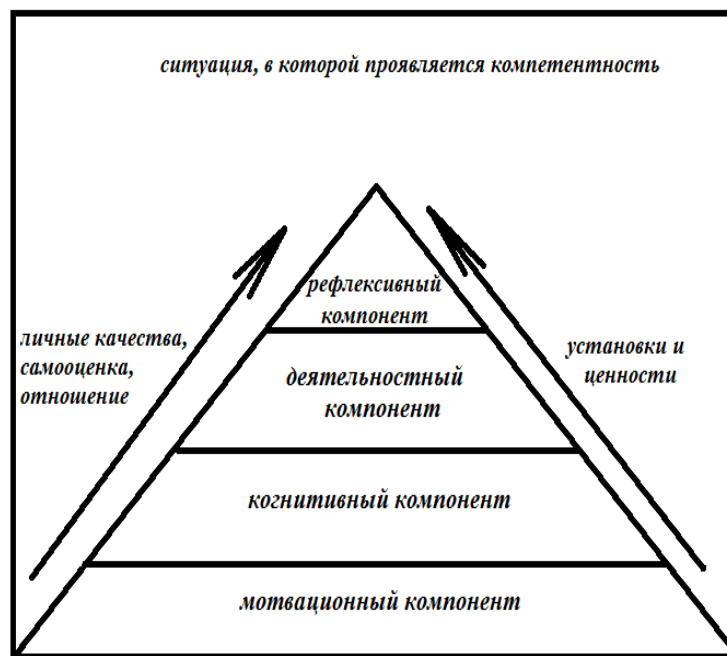

Рис.1 Модель компетентности

Отметим, что вся наша жизнь, деятельность и конечно становление или реализация компетентности происходит в определенных условиях, ситуациях которые влияют на все сферы нашей жизни. Мотивационный компонент выполняет функцию внутреннего стимула и ориентира деятельности. Мотивы, стимулирующую деятельность, дают «заряд» для прохождения, осуществления деятельности. Когнитивный

компонент содержит знания, необходимые для успешной деятельности. В деятельностном компоненте отражаются непосредственно те умения, навыки, опыт, которыми владеет человек в определенной области. И рефлексивный компонент проявляется в адекватном прогнозировании и оценивании результата деятельности, осознании и объяснении своего собственного состояния, желаний. Следует отметить, что немало-

важную роль в развитии, «продвижении» компетентности, в ее «использовании» играют *личностные качества* человека, *самооценка* и *отношение* к ситуации, деятельности, компетентности в целом, *установки* и *ценности*, сформированные у человека.

Возвращаясь к соотношению компетентности и компетенции, следует отметить, что как было сказано выше, структуру компетенции отражают знания, умения, навыки, алгоритмы или способы деятельности, системы ценностей и отношений в рамках определенного вопроса, деятельности.

Рассмотрев существующие модели компетентности, следует сказать, что ученые выделяют различные виды компетентностей. Выделяют ключевые, социальные и профессиональные компетентности. Также исследователями выделяются компетентности, связанные с личностью человека, с реализацией и организацией его деятельности (различными видами), взаимодействия с другими людьми, общей культуры человека и другие.

Если рассматривать компетентность как совокупность ряда компетенций, то можно отметить выделение следующих видов компетенций: компетенции, относящиеся к самому человеку как личности, субъекту деятельности, общения (компетенции здоровьесбережения, компетенции ценностно-смысловой ориентации в мире, компетенции интеграции, компетенции гражданственности, компетенции самосовершенствования); компетенции, относящиеся к социальному взаимодействию человека и социальной сферы (компетенции социального взаимодействия, компетенции в общении); компетенции, относящиеся к деятельности человека (компетенция познавательной деятельности, компетенции деятельности, компетенции информационно-технологий). Так же выделяются социально-личностные компетенции, общенаучные компетенции, организационно-управленческие и общепрофессиональные компетенции.

Говоря о компетенциях относящихся к социальному взаимодействию человека и социальной сфере, компетенциях в общении, мы говорим о социальной компетентности. Обра-

щаясь к социальной компетентности, следует отметить, что в словаре терминов по общей и социальной педагогике, она определяется как информированность и способность реализовывать свои социальные возможности во взаимодействии с другими людьми. А социальная компетенция, в свою очередь, как социальные навыки (обязанности), позволяющие человеку адекватно выполнять нормы и правила жизни в обществе. Хотя, как отмечают исследователи, все компетентности по своей сути социальные, можно выделить социальную компетентность в более узком смысле. К ней относят компетенции социального взаимодействия и социальной сферы, в которых выделяют такие параметры как взаимодействие с обществом, коллективом, семьей, друзьями, сотрудничество, толерантность, уважение и принятие другого, компетенции в устном и письменном общении, в ведении диалога, знание и соблюдение традиций, этикета, организация жизни в соответствии с общественными представлениями о здоровом образе жизни и другие параметры.

При анализе существующих понятий социальной компетентности нет однозначного определения. Ее рассматривают как понятие, свидетельствующее об уровне социализации человека, как одной из ключевых компетенций, или как свойство личности, обеспечивающее взаимодействие человека с социумом, проявляющаяся в способности работать в команде и разрешении различных ситуаций взаимодействия.

В связи с выше сказанным, можно отметить, что развивая социальную компетентность младшего школьника, необходимо обращать внимание на такие параметры во взаимодействии со взрослыми и сверстниками как умение слушать и слышать других, доброжелательность и открытость к взаимодействию, принятие права на существование другого мнения, терпеливость, стремление к предотвращению и разрешению конфликтных ситуаций позитивным образом, умение осознать, объяснить и управлять своими эмоциями и чувствами, умение организовать жизнь в соответствии с принятыми правилами этикета, традиций и представлениями о здоровом образе жизни.

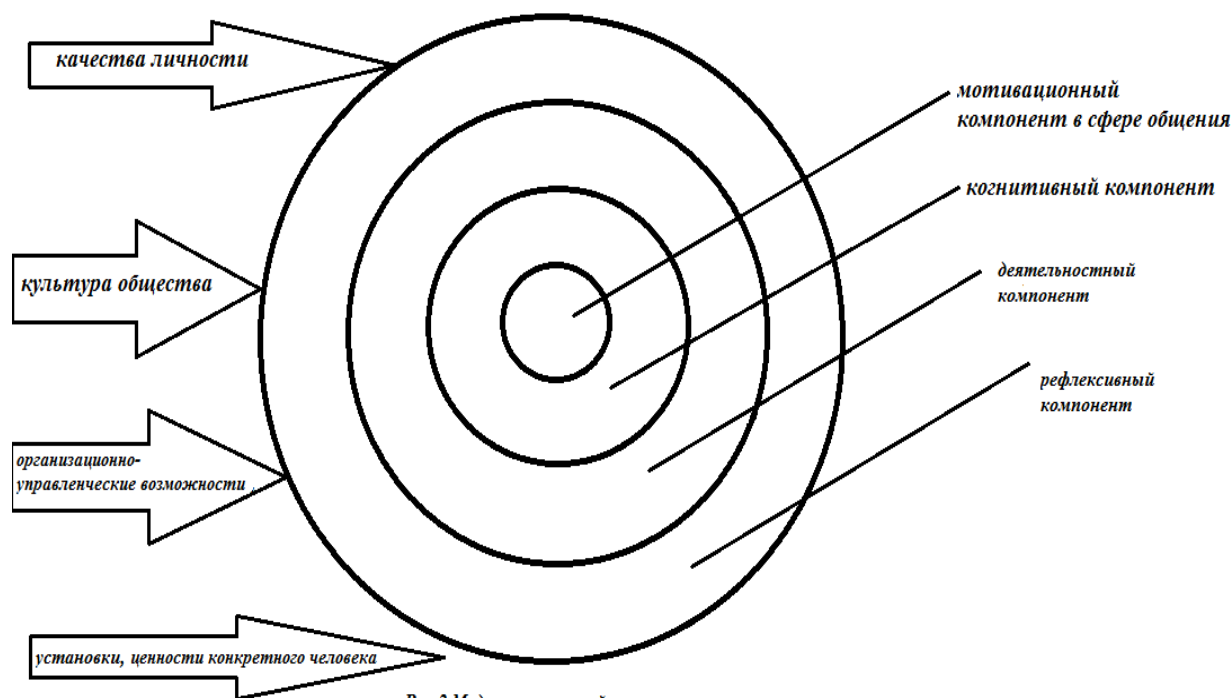

Рис.2 Модель социальной компетентности

На основе проанализированной литературы, мы можем представить следующую модель социальной компетентности, реализуемой в определенных социальных условиях. Ядром компетентности является *мотивационный компонент*, который отражает организацию деятельности, ее активность, устойчивость в удовлетворении потребности. Затем следует

когнитивный компонент, указывающий на теоретическую осведомленность в вопросах того как, с кем и когда можно взаимодействовать, что необходимо делать для достижения цели. *Деятельностный компонент* – это непосредственно практика общения, взаимодействия человека с другими людьми, его опыт, умения и навыки взаимодействия. И еще один

компонент структуры социальной компетентности – это *рефлексивный компонент*. Он рассматривается в качестве основы осмысления человеком своей деятельности, оценивания полученных результатов и возможностей их преобразования при необходимости.

Непосредственное влияние на развитие и функционирование социальной компетентности оказывают такие аспекты как *качества личности*, способствующие результативному взаимодействию с другими или, наоборот, мешающие; *культура общества*, отражающая современные ценности, традиции, достижения; *организационно-управленческие возможности* индивида, проявляющиеся в особенностях организации деятельности, взаимодействия с другими, преодолении конфликтных ситуаций; *ценности и установки конкретного человека*, в соответствии с которыми строится, осуществляется каждый компонент компетентности.

На основе анализа литературы, можно сказать, что о компетентности можно говорить и в рамках младшего школьного возраста, и подросткового и взрослости. Ведь на любом возрастном этапе, человек использует те или иные компетенции для достижения определенного результата деятельности, а

использование тех или иных компетенций, их совокупности неизбежно приводит к изменению личности. Но в таком случае встает другой вопрос – об уровне сформированности той или иной компетентности. Очевидно, что уровни развития компетентности, во-первых, у младшего школьника и подростка или взрослого человека не одинаковы, и, во-вторых, они будут различаться и между младшими школьниками.

Таким образом, под социальной компетентностью мы будем понимать сложное личностное образование, обеспечивающее развитие и саморазвитие человека, определяющее социальную инициативу, ответственность перед другими за свои действия и способность выстраивать свое поведение в соответствии с социальными нормами и ценностями. Социальные компетенции мы определяем как знания, умения, навыки, алгоритмы или способы деятельности, системы ценностей и отношений в рамках взаимодействия людей. Так же отметим, что использование термина "социальная компетентность" в отношении младших школьников возможно, но следует учитывать возрастные особенности становления компетентности.

Библиографический список

1. Фельдштейн, Д.И. Психолого-педагогические проблемы построения новой школы в условиях значимых изменений ребенка и ситуации его развития // Проблемы современного образования. – 2010. – № 2.
2. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования [Э/р]. Системные требования: Adobe Acrobat Reader. – URL: <http://mon.gov.ru/>
3. Хуторской, А.В. Компетентность как дидактическое понятие: содержание, структура и модели конструирования / А.В. Хуторской, Л.Н. Хуторская // Проектирование и организация самостоятельной работы студентов в контексте компетентностного подхода: Межвузовский сб. науч. тр. / под ред. А.А. Орлова. – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2008. – Вып. 1.
4. Зимняя, И.А. Общая культура и социально-профессиональная компетентность человека // Интернет-журнал "Эйдос". – 2006. – 4 мая. <http://www.eidos.ru/journal/2006/0504.htm>.
5. Равен, Д. Компетентность в современном обществе: выявление, развитие и реализация / пер. с англ.; под общ. ред. В.И. Белопольского]. – М.: Когито-центр, 2002.
6. Серякова, С.Б. Формирование психолого-педагогической компетентности педагога дополнительного образования: автореф. дис...д-ра. пед. наук. – М., 2006.

Bibliography

1. Feljdshteyn, D.I. Psikhologo-pedagogicheskie problemih postroeniya novoy shkolih v usloviyakh znachimihkh izmene-niy rebenka i situacii ego razvitiya // Problemih sovremennogo obrazovaniya. – 2010. – № 2.
2. Federal'niy gosudarstvenniy obrazovatel'niy standart nachal'nogo obshchego obrazovaniya [Eh/r]. Sistemniye trebovaniya: Adobe Acrobat Reader. – URL: <http://mon.gov.ru/>
3. Khutorskoy, A.V. Kompetentnost' kak didakticheskoe ponyatie: soderzhanie, struktura i modeli konstruirovaniya / A.V. Khutorskoy, L.N. Khutorskaya // Proektirovaniye i organizatsiya samostoyatel'noy rabotih studentov v kontekste kom-petentnostnogo podkhoda: Mezhevuzovskiy sb. nauch. tr. / pod red. A.A. Orlova. – Tula: Izd-vo Tul. gos. ped. un-ta im. L.N. Tolstogo, 2008. – Vihp. 1.
4. Zimnyaya, I.A. Obshchaya kul'tura i social'no-professional'naya kompetentnost' cheloveka // Internet-zhurnal "Ehy-dos". – 2006. – 4 maya. <http://www.eidos.ru/journal/2006/0504.htm>.
5. Raven, D. Kompetentnost' v sovremennom obshchestve: vihyavlenie, razvitie i realizatsiya / per. s angl.; pod obsh. red. V.I. Belopol'skogo]. – M.: Kogito-centr, 2002.
6. Seryakova, S.B. Formirovaniye psikhologo-pedagogicheskoy kompetentnosti pedagoga dopolnitel'nogo obrazova-niya: avtoref. dis...d-ra. ped. nauk. – M., 2006.

Статья поступила в редакцию 27.07.11

УДК 316.3; 37.001.12/.18

Zotkin A.O., Zubareva T.A. **THEORETICAL JUSTIFICATION OF THE 'INNOVATIVE DEVELOPMENT FOR EDUCATIONAL INSTITUTION' CONCEPT.** It is shown that the development and innovation are identified, or the relationship is manifested by scale or systematic innovation; justified, that this relationship due strategic direction for the organization and networking actors collectively-distributed innovative activities.

Key words: the innovation process, the innovation development of educational institutions.

А.О. Зоткин, доц. ТГУ, г. Томск; Т.А. Зубарева, соискатель ГАГУ, г. Междуреченск, Кемеровская область, E-mail: position@bk.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ПОНЯТИЯ «ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ»

В работе показано, что развитие и инновационный процесс отождествляются, либо эта связь проявляется за счет масштаба или системности инновации; обосновано, что данная взаимосвязь определяется стратегической направленностью организации и сетевым взаимодействием субъектов коллективно-распределенной инновационной деятельности.

Ключевые слова: инновационный процесс, инновационное развитие образовательного учреждения.

В ходе исследовательской и проектной работы по управлению инновационными процессами и развитием образова-

тельного учреждения нами выявлено, что несмотря на широкую представленность этой темы в научной и научно-

практической литературе, взаимосвязь этих двух явлений проявлена в недостаточной степени.

В государственных документах правительства РФ, в качестве основной стратегической задачи обозначен переход страны на путь инновационного развития, что требует «создать лучшую систему образования эпохи глобального инновационного уклада» [1, с. 33] в ориентации на «ее подлинную открытость и формирование ее сетевого взаимодействия с другими институтами и агентами индивидуального, экономического и социального развития» [1, с. 45]. Словосочетание «инновационное развитие» начинает активно использоваться в научно и научно-практической лексике политиков, экономистов, представителей других общественных практик и наук. Появляются научные и научно-практические работы по следующей тематике «Инновационное развитие России», «Инновационное развитие экономики», «Инновационное развитие региона», «Инновационное развитие отрасли», «Инновационное развитие организации», в которых обсуждаются современные инновации и инновационный процесс, развитие инновационного процесса, масштабность и объемность инновационного процесса как условия развития страны, региона, отрасли, организации. Однако, в целом, теоретическое обоснование взаимосвязи развития с инновационным процессом проявлено недостаточно. Данный дефицит выявляется при анализе данных работ тогда, когда заходит речь о «субъектах инновационного развития, готовых определять образ будущего, взять на себя бремя и ответственность за осуществление намечаемых целей и задач» [2, с. 6]. Однако, само понятие «инновационного развития» в данных работах остается неопределенным, что актуализирует постановку вопроса о связи развития с инновационным процессом как методологическом основании построения понятия «инновационное развитие», в нашем случае применительно образовательного учреждения.

Для отечественной педагогики исследования инновационных процессов, процессов распространения передового педагогического опыта, внедрения достижений педагогической науки в практику, проектирования образовательных систем имеют богатую традицию и представлены в работах Ю.К. Бабанского, В.И. Загвязинского, Т.М. Ковалевой, В.М. Монахова, Н.Д. Никандрова, А.А. Орлова, С.Д. Поляков, М.М. Поташника, Г.Н. Прохунтовой, В.А. Сластенина, М.Н. Скаткина, В.И. Слободчиков, О.Г. Хомерики, А.В. Хуторского и др.

В педагогическом словаре Г.М. Коджаспировой педагогическая инновация определяется как «процесс освоения новшества (нового средства, метода, методики, технологии, программы)» и как «процесс поиска идеальных методик и программ, их внедрение в образовательный процесс и переосмысление» [3, с. 49]. В.А. Сластенин отмечает, что применительно к педагогическому процессу инновация – это внедрение нового в цели, содержание, методы и формы обучения и воспитания, организацию совместной деятельности учителя и учащегося. И указывает, что «в понимании сущности инновационных процессов в образовании лежат две важнейшие проблемы педагогики – проблема изучения, обобщения и распространения передового педагогического опыта и проблема внедрения достижений психолого-педагогической науки в практику» [4, с. 544]. И.Н. Желобанова, применительно к инновации считает, что изменение можно считать состоявшимся, когда инновация распространена и принята значительным количеством субъектов в рамках данной системы настолько, насколько можно говорить о формах интегрирования инновации в нормативные образцы деятельности [5].

Таким образом, инновационный процесс в образовании это процесс разработки и внедрения нового в содержание образования, так и в формы его организации, в результате которого меняется образовательная практика: структура, способы деятельности его субъектов.

В.И. Слободчиков считает, что инновационный процесс должен быть представлен в другой, большей структуре, которую он называет полным циклом реализации инновации в общественной практике, включающей в себя пять взаимосвя-

занных элементов: 1) источник инноваций (наука, политика и др.); 2) инновационное предложение (изобретение, открытие, рационализация, новация); 3) деятельность (технологии) по реализации инновации (обучение, внедрение, трансляция); 4) инновационный процесс (форм и способов укоренения новации в практике); 5) новый тип или новая форма общественной практики [6]. Таким образом, инновационный процесс в конкретном образовательном учреждении, становится элементом в другой, большей по отношению к инновационному процессу системе, что предлагает его сетевое взаимодействие с другими субъектами развития.

Итак, если инновационный процесс, сам является частью большей системы – цикла инновационных преобразований, связанных с разработками нового содержания образования, то возникает вопрос о включенности в него образовательного учреждения, а также вопрос о ресурсах, которые позволяют образовательному учреждению стать частью большей системы.

При анализе источников мы выяснили, что имеется ряд критических замечаний, связанных с тем, что, инновационные процессы в образовании рассматриваются вне контекста развития образовательного учреждения и субъекта образовательной деятельности [7]. В исследованиях В.М. Монахова, М.М. Поташника, В.А. Сластенина, О.Г. Хомерики, А.В. Хуторского развитие образовательного учреждения отождествляется с инновационным процессом, предполагается, что внедрение новшества само по себе приводит к изменениям образовательного учреждения. М.М. Поташник, выделяя связь развития, смог сформулировать, на этапе развития инновационных процессов в России в 1990-ые гг., основное условие влияния инновационного процесса на развитие – системность инновации [8]. Однако такая взаимосвязь требует дальнейшего теоретического обоснования. Для понимания сути этой взаимосвязи обратимся к междисциплинарному исследованию.

В современной философской литературе конкретизируется понятие развития, которое предполагает качественное изменение системы, ее структурное и функциональное содержание. В результате развития возникает новое качественное состояние объекта, выраженное в его структурно-функциональной сущности (Р.Ф. Абдеев, Б.М. Кедров, В.Н. Сагатовский, Г.П. Щедровицкий и др.). П.Г. Щедровицкий, говоря о инновации и развитии, считает инновационную форму организации деятельности одной из форм развития, где используется принцип акупунктуры: эффект действия на одну точку распространяется по нитям и связям на все объемлющие системы [9].

Интерпретируя основные положения социальных теорий Т. Питерса и Н. Лумана, мы приходим к выводу, что инновационные процессы становятся возможными только в ситуации изменения системы в целом, которая в свою очередь проявляется как образование нового смысла, осмысление новых возможностей [10; 11]. В этой связи, в отличие Т. Парсонса, который полагал, что развитие возможно через инновации, Н. Луман открывает другую сторону этой связи: сам инновационный процесс становится возможным в ситуации развития социальной системы, в нашем случае образовательного учреждения. Т. Питерс и Н. Луман доказывают, что инновационный процесс приводит к дифференциации и сегментации социальных систем. В этом случае жизнеспособность инновации определяется развитием интеграции и коммуникации, как внешней, так и внутренней. Таким образом, показывают, что только при развитии форм взаимодействия в инновационном процессе, социальные системы развиваются.

Продолжая междисциплинарную линию исследования взаимосвязи развития и инновационного процесса, обратимся к теории менеджмента, в частности к теории организации, где развитие, связывают с освоением новых идей, моделей поведения, способами взаимодействия, изменяющих структуру организации. В начале XX века Ф. У. Тейлором была разработана теория научного управления, базирующейся на четырех «великих основных принципах»: управление лишь на научной

основе; научный подбор исполнителей; их научное обучение; тесное сотрудничество между администрацией и исполнителями. В данную эпоху, «эпоху машин», представлялось, что развитие возможно через рациональную организацию труда на всех уровнях производства. Суть рационализации состояла в регламентации деятельности персонала, основанной на, с одной стороны, экономико-математических методов расчета нормы труда, с другой стороны, физиологических возможностях человека. Внедрение новых технологий предполагало полную санацию производства, смену оборудования, а, следовательно, регламентации производственного процесса; чтобы измениться, необходимо полностью ликвидировать устаревшую форму производства, с полной заменой персонала.

А. Файоль определяет организующую и координирующую роль структуры, и механизмы ее эффективности, такие как распределение задач, полномочий и ответственности и другие и вводит организационный контекст управления, через создание структуры администрирования, соответственно, инновационный процесс и процесс развития существует параллельно и осуществляется за счет ресурса администрирования.

С 30-х годов XX века формируется новое направление в развитии организаций, получившее название «Школа человеческих отношений». В центр внимания ставятся факторы, определяющие поведение человека в организации. Элтон Мэйо, рассмотрев значение «неформальной структуры», приходит к выводу, что деятельность администрации должна быть ориентирована, прежде всего, на интересы людей [12]. В этой связи, развитие и инновационный процесс, предполагают формирование лояльности и готовности сотрудников к изменениям. Инновационный процесс базируется на творчестве персонала, что предполагает создание определенной социально-психологической среды. Таким образом, инновационный процесс и развитие отождествляются, что в целом характерным явлением стало и для отечественных педагогических исследований 1980-90 – х гг.

В исследовании Т. Питерса и Р. Уотермана развитие организации базируется на связи следующих составляющих: стратегическое управление организациями, изменение организационной структуры, развитие потенциала сотрудников, построение системы взаимодействия внутри и вовне организации, организация совместной командной работы, проектирование инноваций, в основе которых лежат развивающиеся системы ценностей.

Современные исследователи говорят об организации как саморегулируемой системе и изучают жизненные циклы организаций, возможности его увеличения. И. Адизес под развитием организации понимает переход от механического сознания в организациях, присущий предыдущим школам управления, к органическому, за счет интеграции. Он считает, что механистическое сознание в организации определяется по ее функциям в их инструментальном значении, когда между элементами системы, как неодушевленными предметами или механизмами нет внутренней взаимосвязи, а определение целостности всей системы происходит извне ее. Органическому же сознанию присуща интегрированность как взаимосвязь между отдельными компонентами и внутреннее чувство общей принадлежности ради достижения общей цели [13]. Процесс образования целей обусловлен сменой системы ценностей, что оказывает влияние на жизненный цикл организаций. А.И. Пригожин, добавляет к понятию организация, что организация – это не только система, это и среда, в которой действуют разные субъекты и «стихия их взаимодействия никогда не может быть преодолена» [14, с. 85-89]. Поэтому, развитие организации предполагает «стихию взаимодействия субъектов» и связано с процессом неопределенности, для преодоления которого становится необходимым ресурс взаимодействия.

Таким образом, в менеджменте и теории организации взаимосвязь развития с инновационным процессом может быть определена на основе следующих процессов: стратегическая направленность организации, проектная деятельность, инновационные разработки, создание системы взаимодейст-

вия внутри и вовне организации. При этом развитие организации базируется на изменении ценностно-смысловых оснований деятельности.

Опираясь на исследование опыта инновационных школ можно сделать вывод о том, что успешность инновационного процесса определяется их интеграцией с процессом инновационного развития. Взаимосвязь развития с инновационным процессом проявляется в организации проектной деятельности учителей, рефлексии оформления и распространения опыта образовательного учреждения, широком участии педагогов в разработке программ развития школы и образовательных программах ступеней обучения [7], в том числе и с использованием взаимодействия с другими образовательными учреждениями. Однако, взаимодействие носит стихийный неосознанный неструктурированный характер и проявляется только в определенных ситуациях, зачастую под давлением внешних обстоятельств. Инновационные процессы во многих образовательных учреждениях носят перманентный (точечный, кратковременный) характер. Например, образовательное учреждение, внедряющее образовательную систему Д.Б. Эльконина – В.В. Давыдова, но не меняющее само учреждение, через некоторое отказывались от самой системы, заменяя ее на новую, «более инновационную». Это же происходило с другими инновационными технологиями и программами. Угасание инновационного процесса в школах, не ориентированных на развитие, связано с тем, что сами педагоги выступают в роли реципиентов (получателей). Отсутствие позиции соразработчика инновационной технологии приводит к редукции инновации, либо к полному отказу от нее, а также не становилось ресурсом для развития образовательного учреждения, а локализованный инновационный процесс не оказывает дальнейшего влияния на развитие образовательного учреждения. Развитие образовательного учреждения мыслится механически, как отказ от прежних нововведений, в пользу новейших. Данная ситуация оказывает влияние на качество, как инновационного процесса, так и на качество образования в целом. Такое образовательное учреждение подобно «белке в колесе», бурная инновационная деятельность не способствует его продвижению вперед, к новому этапу развития учреждения, к новому качеству образования. В этой связи многие широкомасштабные проекты в системе образования последнего десятилетия не оказали существенного влияния на образование.

Итак, мы можем констатировать, что инновационный процесс и развитие самого образовательного учреждения, процесс неразрывный, что обуславливает введение понятия – «инновационное развитие образовательного учреждения». Не разработанность понятия «инновационное развитие», отсутствие связи инновации и развития, порождает основные проблемы инновационного процесса в образовании. Как отмечалось выше, отсутствие представлений об инновационном развитии образовательного учреждения приводит к тому, что 1) большая часть инноваций носит спонтанный, а не системный характер, не охватывающий всю систему в целом, а не только отдельные учебные предметы или один метод или форму обучения; 2) отсутствие исследований в инновационном процессе, 3) редукция проектной деятельности в том, что проектная деятельность редуцируется до отдельных мероприятий; 3) инновационная деятельность ограничивается на уровне администрации либо на уровне отдельных педагогов.

Таким образом, можно сформулировать рабочее понятие инновационного развития образовательных учреждений. *Инновационное развитие образовательных учреждений – это целенаправленный процесс, связанный с преодолением локализации инновации и инновационного процесса через стратегическую направленность развития, переход с позиции реципиента на позицию соразработчика инновации, использование ресурса сетевого взаимодействия в формах совместной (коллективно-распределенной) деятельности субъектов развития; ведущий к качественному изменению образовательного учреждения в целом.*

Библиографический список

1. Волков, А.Е. Российское образование – 2020: Модель образования для инновационной экономики // Вопросы образования / А.Е. Волков [и др.]. – 2008. – № 1.
2. Методологические аспекты инновационного развития России. Проектно-аналитическая записка по итогам работы Клуба Инновационного Развития за 2009 год / отв. ред. В.Е. Лепский. – М.: Институт философии РАН. – URL: <http://www.reflexion.ru/club/KIR-PZ.pdf>
3. Коджаспирова, Г.М. Педагогический словарь: Для студ. высших и средних пед. учебных заведений / Г.М. Коджаспирова, А.Ю. Коджаспиров. – М.: Академия, 2001.
4. Сластенин, В.А. Педагогика. – М.: Школа-Пресс, 2000.
5. Желобанова, И.Н. Взаимосвязь инновационных процессов в управлении предприятием [Э/р] // XServer.ru: интернет-библиотека, 2008. – URL: <http://www.xserver.ru/user/vipup/>
6. Слободчиков, В.И. Инновации в образовании: основания и смысл [Э/р] // Исследователь.ру: интернет-портал иссл. деятел. учащихся. 2002. – URL: http://www.researcher.ru/methodics/nauka/a_1xizkd.html?xsl:print=1
7. Зоткин, А.О. Профессиональное развитие педагога и управление изменениями в образовании: тезисы исследовательской программы // Управление изменениями в образовании. – Томск, 2001.
8. Управление развитием школы / под ред. В.С. Лазарева, М.М. Поташника. – М.: Новая школа, 1995.
9. Щедровицкий, П.Г. Томские лекции об управлении: 1998-2000 гг. Томск: UFO-press., 2001.
10. Парсонс, Т. Система современных обществ / пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева; под ред. М.С. Ковалевой. — М.: Аспект Пресс, 1998.
11. Луман, Н. Социальные системы. Очерк общей теории / перевод с немецкого И. Д. Газиева; под редакцией Н.А. Головина. – СПб.: Наука, 2007.
12. Зубарева, Т.А. Сетевые формы взаимодействия в образовании. Основные вопросы теории и практики / Т.А. Зубарева, А.В. Петров: монография. – Горно-Алтайск: МНКО, 2008.
13. Адизес, И.К. Управляя изменениями. – СПб: Питер, 2008.
14. Пригожин, А.И. Методы развития организаций. – М.: МЦФЭР, 2003.

Bibliography

1. Volkov, A.E. Rossiyskoe obrazovanie – 2020: Modelj obrazovaniya dlya innovacionnoj ehkonomiki // Voprosih obrazovaniya / A.E. Volkov [i dr.]. – 2008. – № 1.
2. Metodologicheskie aspekty innovacionnogo razvitiya Rossii. Proektno-analiticheskaya zapiska po itogam rabotih Kluba Innovacionnogo Razvitiya za 2009 god / otv. red. V.E. Lepskiy. – M.: Institut filosofii RAN. – URL: <http://www.reflexion.ru/club/KIR-PZ.pdf>
3. Kodzhaspirova, G.M. Pedagogicheskij slovarj: Dlya stud. vihshevik i srednikh ped. uchebnihh zavedenij / G.M. Kod-zhaspirova, A.Yu. Kodzhaspirov. – M.: Akademiya, 2001.
4. Slastyonin, V.A. Pedagogika. – M.: Shkola-Press, 2000.
5. Zhelobanova, I.N. Vzaimosvyazj innovacionnihh processov v upravlenii predpriyatiem [Eh/r] // XServer.ru: internet-biblioteka, 2008. – URL: <http://www.xserver.ru/user/vipup/>
6. Clobodchikov, V.I. Innovacii v obrazovanii: osnovaniya i smihsl [Eh/r] // Issledovatelj.ru: internet-portal issl. deyatel. uchastikhhsya. 2002. – URL: http://www.researcher.ru/methodics/nauka/a_1xizkd.html?xsl:print=1
7. Zotkin, A.O. Professionalnoe razvitiie pedagogoga i upravlenie izmeneniyami v obrazovanii: tezisih issledovateljskoj programmi // Upravlenie izmene-niyami v obrazovanii. – Tomsk, 2001.
8. Upravlenie razvitiem shkolk / pod red. V.S. Lazareva, M.M. Potashnika. – M.: Novaya shkola, 1995.
9. Thedrovickij, P.G. Tomskie lekcii ob upravlenii: 1998-2000 gg. Tomsk: UFO-press., 2001.
10. Parsons, T. Sistema sovremennihh obthestv / per, s angl. L.A. Sedova i A.D. Kovaleva; pod red. M.S. Kovalevoj. — M.: Aspekt Press, 1998.
11. Luman, N. Socialjnihe sistemih. Ocherk obtheyj teorii / perevod s nemeckogo I. D. Gazieva; pod redakciej N.A. Golovina. – SPb.: Nauka, 2007.
12. Zubareva, T.A. Setevihe formih vzaimodejstviya v obrazovanii. Osnovnihe voprosih teorii i praktiki / T.A. Zubareva, A.V. Petrov: monografiya. – Gor-no-Altajsk: MNKO, 2008.
13. Adizes, I.K. Upravlyaya izmeneniyami. – SPb: Piter, 2008.
14. Prigozhin, A.I. Metodih razvitiya organizacij. – M.: MCFEhR, 2003.

Статья поступила в редакцию 27.07.11

УДК 371.13/.25

Iskakov B.A. INTERACTION OF SUBJECTS OF EDUCATIONAL PROCESS IN THE CONDITIONS OF TRADITION TH AND ELECTRONIC TRAINING. The article touches the problems of pedagogical interaction between the subjects of educational process in conditions of higher education training system. The authors consider three systems of interaction between the subjects of educational process: traditional, distant and mixed, in each of them a set of certain methods, means and techniques of cooperation is realized.

Key words: interaction, pedagogical interaction, interaction system, subjects of educational process, traditional system of interaction, distant system of interaction, mixed system of interaction.

Б.А. Искаков, соискатель ВКГУ, г. Усть-Каменогорск, С.Г. Сахариева, кандидат педагогических наук, доцент, E-mail: iskakov@mail.ru, Sakhariyeva@mail.ru

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СУБЪЕКТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В УСЛОВИЯХ ТРАДИЦИОННОГО И ЭЛЕКТРОННОГО ОБУЧЕНИЯ

В статье затронуты проблемы педагогического взаимодействия субъектов образовательного процесса в условиях вузовской системы обучения. Авторами достаточно подробно рассматриваются три системы взаимодействия субъектов образовательного процесса: традиционная, дистанционная и смешанная, в каждой из которых реализуется комплекс определенных методов, средств и приемов сотрудничества.

Ключевые слова: взаимодействие, педагогическое взаимодействие, система взаимодействия, субъекты образовательного процесса, традиционная система взаимодействия, дистанционная система взаимодействия, смешанная система взаимодействия.

В психолого-педагогических исследованиях (А.А. Бодалев, Ф.Н. Гоноболин, Н.В. Кузьмина, Ю.Н. Кулюткин, А.А. Леонтьев и др.) взаимодействие выступает и как одно из ключевых понятий, и как научный принцип. Взаимодействие – это феномен связи, воздействия, перехода, развития разных объектов под влиянием действия друг на друга, в то же время это совместная деятельность (игровая, учебная, трудовая), обу-

чающихся и обучающихся, направленная на развитие личности, которая осуществляется в процессах познания, общения, продуктивной деятельности [1]. Педагогическое взаимодействие – сложный процесс, состоящий из множества компонентов: дидактических, воспитательных и социально-педагогических взаимодействий. Оно обусловлено: учебно-воспитательной деятельностью; целью обучения; воспитанием.

Современная педагогическая наука изменила свои ведущие принципы: от активного одностороннего воздействия (принятого в авторитарной педагогике) переходит к взаимодействию, в основе которого всегда лежит совместная деятельность, сотрудничество и сотворчество педагогов и обучающихся.

Взаимодействие может осуществляться в различных видах человеческой деятельности. Мы в своем исследовании акцентируем внимание на взаимодействии, которое осуществляется в процессе учебной деятельности. В психолого-педагогической науке исследование учебно-воспитательного процесса относят либо к деятельности обучающегося, либо к деятельности педагога. Мы же будем рассматривать в единстве и взаимосвязи деятельность студента и преподавателя, их активное взаимодействие.

Не всякая деятельность преподавателя и студента образуют в результате учебный процесс. Так как учебный процесс – это взаимодействие (взаимное действие) преподавателя и студентов, направленное на достижение поставленной учебной цели. В этой связи нет только деятельности студентов, как же, как и нет исключительно деятельности преподавателя, а есть их взаимная, системная деятельность. Однако, «простое» сложение таких действий как деятельность педагога и учащихся еще не обеспечивает их взаимодействия в процессе обучения [2].

Любая совместная взаимодействие несет в себе определенные особенности и характерные признаки, а также методы и формы. В условиях вузовского обучения существует достаточно широкий спектр разнообразных форм обучения, обусловленных наличием таких отличительных черт как: частота посещения занятий; степень самостоятельности обучаемых, управление их познавательной деятельностью, использование форм и методов контроля и частота использования средств ИКТ и др. В этой связи взаимодействие участников образовательного процесса будет осуществляться различными способами и средствами. В практике высшего образования существует несколько форм обучения: очное (дневное), заочное, вечернее, дистанционное, вечерне-дистанционное обучение.

Для того чтобы иметь представления об особенностях каждой из перечисленных форм, приведем их краткую характеристику.

Очное (дневное) обучение – это форма организации учебного процесса, предусматривающая проведение преподавателем регулярных занятий с учебными группами постоянного состава в рамках существующего стабильного расписания.

Заочное обучение – это форма организации учебного процесса для лиц, сочетающих получение образования с профессиональной трудовой деятельностью, которое предполагает самостоятельную работу обучающихся над учебным материалом.

Вечернее обучение – это форма организации учебного процесса для лиц, сочетающих учебу с профессиональной трудовой деятельностью, предусматривающее проведение преподавателем регулярных занятий с учебными группами постоянного состава в удобное для обучающихся нерабочее время (как правило, вечером).

Вечерне-дистанционное обучение – это форма организации учебного процесса для лиц, сочетающих учебу с профессиональной трудовой деятельностью, предусматривающее такую организацию учебного процесса, при которой обучаемый и обучающийся могут находиться на значительном расстоянии, а руководство учебно-познавательной деятельностью обучающихся осуществляется посредством телекоммуникационных каналов в удобное для обучающихся время (как правило, вечером).

Дистанционное обучение (образование на расстоянии) – это одна из форм обучения, осуществляющее целенаправленное и методически организованное руководство учебно-познавательной деятельностью и развитием лиц, находящихся в отдалении от организаций образования, посредством электронных и телекоммуникационных средств.

Каждая из перечисленных форм обучения в вузе имеет принципиальные отличия, которые мы отразили в таблице 1.

Таблица 1

Сравнительный анализ различных форм обучения

Форма обучения	Частота посещения занятий	Степень самостоятельности обучаемого	Управление познавательной деятельностью обучаемых	Формы и методы контроля	Формы организации учебных занятий	Контакты с преподавателем
Очная (дневная)	Каждый учебный день, согласно расписанию	Освоение основного учебного материала осуществляется под непосредственным руководством педагога	Осуществляется на каждой лекции, семинаре, СРСР	Очные экзамены, зачеты, курсовые работы.	Лекционно-семинарская	Согласно расписанию (очно) в ходе лекций, семинаров, СРСР, консультаций
Заочная	Не посещают каждодневных занятий, кратковременная установочная сессия, в основном в форме ознакомительных лекций.	Самостоятельное освоение основного учебного материала	Только в период сессии	Очные экзамены, зачеты, курсовые работы.	Лекционно-семинарская	Только в сессионный период, осуществляются очно в ходе лекций, семинаров, СРСР
Вечерняя	В нерабочее для обучаемых время (вечером), согласно расписания	Освоение основного учебного материала осуществляется под непосредственным руководством педагога	Осуществляется на каждой лекции, семинаре, СРСР	Очные экзамены, зачеты, курсовые работы.	Лекционно-семинарская	Согласно расписанию (в вечернее время) в ходе лекций, семинаров, СРСР, консультаций
Вечерне-дистанционная	В нерабочее для обучаемых время (вечером),	Освоение основного учебного материала осу-	Осуществляется преимущественно средствами	Очные экзамены, зачеты, курсовые ра-	Нетрадиционные способы организации обучения,	Согласно расписанию (в вечернее

	согласно расписания, как правило посредством дистанционных контактов.	осуществляется без непосредственного участия педагога, самостоятельное освоение учебных материалов	ИКТ (чаты, обмен текстовыми сообщениями, Он-лайн консультации и др.)	боты.	преимущественно с помощью образовательного портала и других телекоммуникационных средств	время) с использованием телекоммуникационных средств
Дистанционная	Не посещают очных занятий, все	Самостоятельное освоение основного учебного материала	Осуществляется преимущественно средствами ИКТ (чаты, обмен текстовыми сообщениями, Он-лайн консультации и др.)	Как очные так и заочные (экзамены, зачеты, курсовые и др)	Нетрадиционные способы представления информации (видео-, аудио-), способы лекции, мультимедиапроекты, он-лайн-консультации, взаимодействия обучаемого и преподавателя (тьюториалы, чаты)	В любое удобное для обучаемых время, однако общение осуществляется преимущественно средствами ИКТ.

Из таблицы становится, очевидно, что вышеуказанные формы обучения в высшей школе создают условия для реализации различных форм взаимодействия преподавателей и обучающихся.

Анализ вышеназванных форм обучения позволил выделить три системы взаимодействия преподавателя и обучаю-

щихся (традиционная, дистанционная, смешанная), каждая из этих систем включает в себя несколько подсистем взаимодействия, которые имеют определенные свойства и ограничиваются определенной областью их использования (см. рисунок 1).

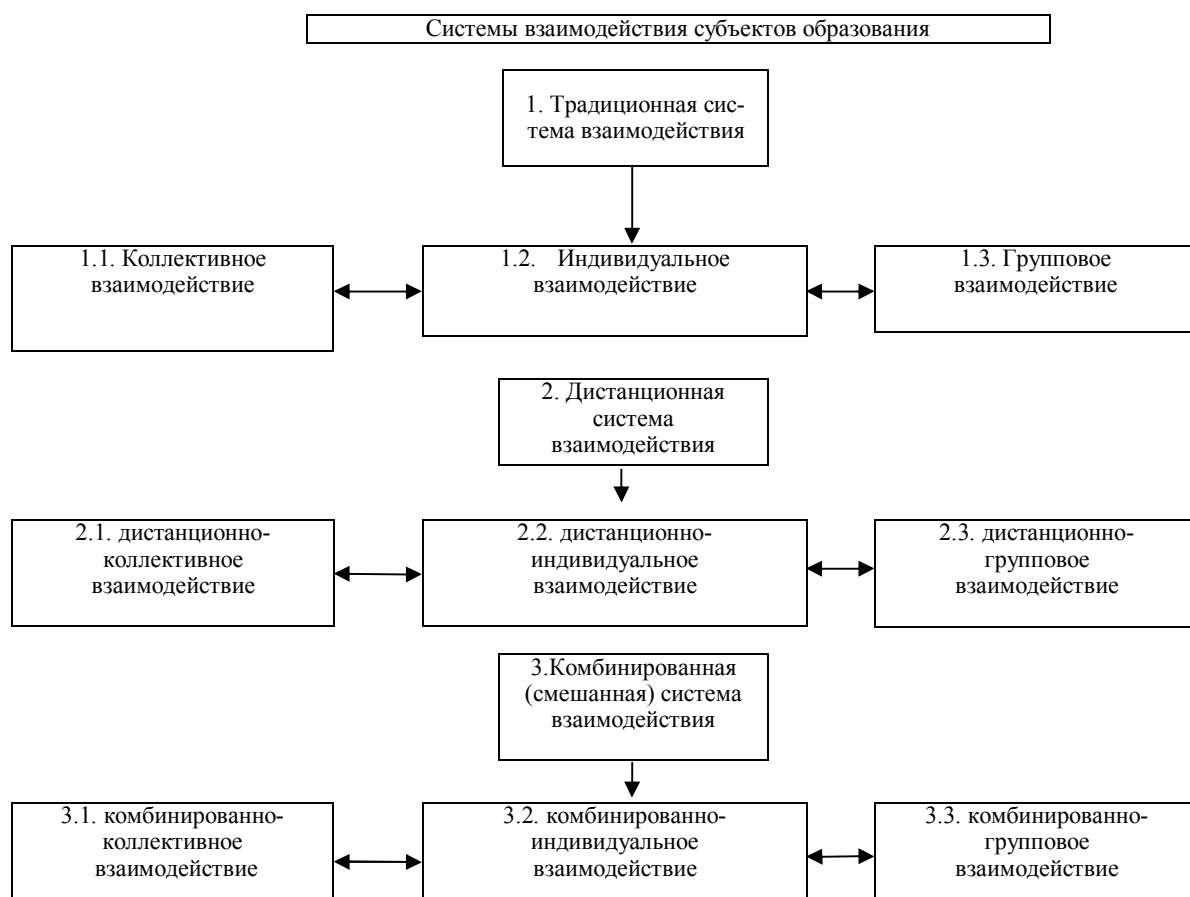

Рис. 1. Системы взаимодействия субъектов образования в условиях вуза

Традиционная система взаимодействия – ориентирована на традиционный (очный контакт) обучающихся и обучающихся их непрерывное и активное взаимодействие, которое позволяет за небольшой промежуток времени сообщить наибольшее количество учебной информации. Традиционная система взаимодействия включает в себя такие подсистемы

взаимодействия как: *коллективная; индивидуальная и групповая.*

Коллективное взаимодействие в традиционной системе ориентировано на деятельность преподавателя и деятельность студенческой группы в целом, осуществляемых в рамках очного лекционно-семинарского обучения, где один педагог

сотрудничает со всей аудиторией одновременно, применяя при этом такие коллективные формы взаимодействия как: лекции, семинарские занятия и самостоятельную работу студентов под руководством преподавателя (СРСП).

Индивидуальное взаимодействие в традиционной системе предполагает активное взаимное действие преподавателя и одного студента, которое может осуществляться вне рамок существующего расписания и предполагающее реализацию в следующих формах: консультирование, сдача СРС, подготовка доклада, сдача зачета, экзамена, защита курсовой работы и др.

Групповое взаимодействие в традиционной системе ориентировано на деятельность преподавателя с небольшой группой студентов (как правило, 5-6 человек) в рамках лекционно-семинарской системы и предполагает такие формы группового взаимодействия как: выполнение и защита групповых проектов, деловые и ролевые игры тренинги, групповое обсуждение и др.

Дистанционная система взаимодействия – предусматривает дистанционный (на определенном расстоянии) контакт между преподавателем и обучаемым, опосредованный средствами информационных и телекоммуникационных технологий. В условиях реализации данной системы происходит максимальная разгрузка преподавателя за счет сокращения очных контактов, при этом увеличивается время телекоммуникационного взаимодействия за счет привлечения средств ИКТ.

Коллективное взаимодействие в условиях дистанционного обучения ориентировано на деятельность студенческой группы в целом, осуществляемое вне рамок очного контакта посредством коммуникационных и телекоммуникационных каналов и предусматривает нетрадиционные формы взаимодействия преподавателя и обучаемых такие как: интерактивные лекции, семинары, форумы, чаты.

Индивидуальное взаимодействие – это взаимные действия преподавателя и одного обучающегося в условиях контакта на расстоянии, опосредованного средствами информационных и телекоммуникационных технологий. В условиях реализации данной системы это могут быть: дистанционные консультации по скайпу, обмен текстовыми сообщениями в режимах on-line, off-line, защита курсовой работы, сдача зачета, экзамена.

Групповое взаимодействие в условиях дистанционного обучения предполагает взаимодействие преподавателя и небольшой студенческой группы (5-6 человек) вне рамок расписания и реализуется всецело посредством реализации телекоммуникационных технологий, как правило это мультимедиа проекты, тьюториалы.

Смешанная система взаимодействия предполагает разнообразное сочетание очных и дистанционных форм сотрудничества преподавателя и студентов, что не ограничивает действия субъектов образовательного процесса определенными рамками расписания. В отличие от традиционной системы взаимодействия, характеризуется некоторой разгрузкой преподавателя за счет привлечения информационных и телеком-

муникационных технологий и увеличения информационных возможностей взаимодействия с обучающимся.

Коллективное взаимодействие в условиях смешанной системы ориентировано на деятельность преподавателя и студенческой группы, которое предусматривает как очный, так и дистанционный контакт, осуществляемый как в рамках существующего расписания, так и вне него.

Коллективное взаимодействие в условиях смешанной системы предполагает следующие формы взаимодействия: очные и дистанционные лекции, семинары, очные и дистанционные СРСП.

Индивидуальное взаимодействие предоставляет возможность индивидуального темпа работы преподавателя и студента, при этом привлекая как традиционные, так и дистанционные формы индивидуальной работы.

Групповое взаимодействие в смешанной системе предусматривает деятельность преподавателя с небольшой группой студентов (как правило, 5-6 человек), где предусматривается сочетание в разных проявлениях и соотношениях очных и заочных групповых контактов преподавателя и обучаемых.

Необходимо отметить, что внутри каждой из описанных систем происходит взаимодействие коллективных, индивидуальных и групповых подсистем, а характер контактов преподавателя и обучаемых определяется, во-первых, выбранной формой обучения (очная, заочная, вечерняя, вечерне-дистанционная, дистанционная), во-вторых, разработкой оптимального содержания образования, адаптированного для конкретной системы взаимодействия участников образовательного процесса, в третьих, огромное значение имеет выбор форм, методов, средств и приемов взаимного действия по овладению заданным содержанием обучения. На этом этапе огромная роль отводится преподавателю, который подбирая приемлемые дидактические средства, вписывает их в определенную систему взаимодействия, тем самым выстраивая собственную образовательную стратегию взаимодействия. В то же время обучаемый при выборе той или иной формы обучения (а значит и системы взаимодействия) должен учитывать свои особенности (коммуникабельность, мобильность, возможность автономизации и др.), психологические особенности (барьеры), необходимость социальной интеракции, технические возможности и др.

Таким образом, каждая из описанных систем взаимодействия имеет свои особенности, обусловленные удаленностью субъектов образования друг от друга, степенью интенсивности контактов, использованием традиционных и дистанционных средств и методов взаимодействия, степенью управления учебно-познавательной деятельностью и др. Однако, при реализации той или иной системы взаимодействия необходимо учитывать следующие принципы: вовлеченность студентов в учебный процесс; реализацию технологий сотрудничества и сотворчества; идеи диалогизма и свободы выбора, что в конечном счете обеспечивает достижение цели обучения, развивает субъектность участников образовательного процесса, способствуют выбору индивидуальной образовательной траектории студента.

Библиографический список

1. Загвязинский, В.И. Теория обучения. Современная интерпретация. – М.: Академия, 2008.
2. Трайнев, И.В. Конструктивная педагогика: учебное пособие / под общей ред. В.Л. Матросова. – М.: ТЦ Сфера, 2004.

Bibliography

1. Zagvyazinskiy, V.I. Teoriya obucheniya. Sovremennaya interpretaciya. – M.: Akademiya, 2008.
2. Traynjev, I.V. Konstruktivnaya pedagogika: uchebnoe posobie / pod obshhej red. V.L. Matrosova. – M.: TC Sfera, 2004.

Статья поступила в редакцию 27.07.11

УДК 371.13/.16

Iskakov B.A. METHODIC OF DEVELOPMENT OF TEACHERS' MEDIA COMPETENCE IN RESOURCE CENTER. The article describes stages, various forms, methods and techniques that contribute to the development of teachers' media competence in Resource centre.

Key words: media pedagogics, media education, media competence, media technology, media environment, methodic of development of media competence.

Б.А. Искаков, соискатель ВКГУ, г. Усть-Каменогорск, E-mail: iskakov@mail.ru

МЕТОДИКА РАЗВИТИЯ МЕДИАКОМПЕТЕНТНОСТИ УЧИТЕЛЕЙ В УСЛОВИЯХ РЕСУРСНОГО ЦЕНТРА

В статье описаны этапы, разнообразные формы, методы и приемы, способствующие развитию медиакомпетентности педагогов в условиях деятельности Ресурсного центра.

Ключевые слова: медиапедагогика, медиаобразование, медиакомпетентность, медиатехнологии, медиасреда, методика развития медиакомпетентности.

К числу важнейших задач модернизации общего среднего образования в Республике Казахстан следует отнести развитие профессиональной компетентности педагогов, умений и навыков самообразования, формирования готовности и способностей адаптироваться к меняющимся социальным, политическим и экономическим условиям. Эта задача провозглашается в качестве приоритетной и зафиксирована в ряде нормативных документов в области образования, в частности, в Концепции развития образования РК до 2015 года, Государственной программе развития образования в Республике Казахстан до 2020 года.

В условиях медиатизации образования формирование профессиональной компетентности учителя органично связывается с обеспечением его полноценной подготовки на использование средств медиа в учебном процессе. На современном этапе в педагогической науке представлено специфическое направление – медиаобразование (А.В. Федоров, К. Тайнер и др.), под которым понимается процесс образования и развитие личности с помощью и на материале медиа (от лат. media – средство – печать, пресса, телевидение, кинематограф, радио, мультимедийные компьютерные системы, сеть Интернет и т.д.), с целью формирования культуры общения, творческих, коммуникативных способностей, критического мышления, умений интерпретации, анализа и оценки различной информации, обучения различным формам самовыражения при помощи современной компьютерной и цифровой техники [1].

Анализ научной литературы по медиаобразованию и медиакультуре, позволил нам выявить следующие направления в разработке искомой проблемы: исследования констатирующего характера, в которых содержатся сведения о восприятии медиатекстов различными возрастными категориями (И.С. Левшина, Ю.Н. Усов, А.В. Федоров, А.В. Шариков, С.А. Шейн и др.); исследования общетеоретического характера, выдвигающие и анализирующие концепции, модели, методы медиаобразования и масс-медиа в целом (Л.С. Зазнобина, Л. Мастерман, С.Н. Пензин, А.В. Спичкин, К. Тайнер, Ю.Н. Усов, Э. Харт и др.); исследования, связанные с вопросами конкретной методики медиаобразования (Л.М. Баженова, О.А. Баранов, Е.А. Бондаренко, К. Бээлгэт, Д. Бэкингем, К. Ворсноп, Д.М. Джусубалиева, Д. Консидайн, С.Н. Пензин, Г.А. Поличко, Ю.М. Рабинович, А.В. Федоров, и др.).

Несмотря на значительное количество исследований, касающихся различных проблем медиаобразования и раскрытия возможностей медиасредств в повышении эффективности обучения, вопросы развития медиакомпетентности учителей в условиях Ресурсных центров (число которых заметно увеличивается) не получили достаточного освещения в научной литературе. Таким образом, в теории и практике образования четко обозначилось противоречие между настоятельной потребностью практики работы современной общеобразовательной школы в методиках использования средств медиатехнологий в учебном процессе и фактическим отсутствием теоретического обоснования и методического обеспечения данного процесса.

Насущная потребность общеобразовательной школы в методиках использования средств медиатехнологий в учебном

процессе подчеркивает актуальность и необходимость проводимого нами исследования.

Хотим подчеркнуть, что медиакомпетентность учителя формируется только в результате целенаправленной подготовки, поэтому считаем целесообразным детализировать представления об изучаемом явлении.

Анализ подходов различных ученых (В.А.Адольф, С.И.Ферхо, С.З.Байхонова, А.А.Жайтапова, М.Ж.Жадрина и др.) к определению понятия «компетентность» позволяет констатировать, что компетентность – это интегративные личностные качества специалиста, способствующие рациональному и эффективному выполнению определенной деятельности (в рамках определенной профессии), приводящую данную деятельность к совершенству.

По мнению А.В. Федорова, медиакомпетентность личности – это совокупность умений (мотивационных, контактных, информационных, перцептивных, интерпретационных (оценочных), практико-операционных (деятельностных), креативных) выбирать, использовать, критически анализировать, оценивать, передавать и создавать медиатексты в различных видах, формах и жанрах, анализировать сложные процессы функционирования медиа в социуме [2].

Необходимо подчеркнуть, что медиакомпетентность личности и медиакомпетентность учителя принципиально отличаются своими специфическими характеристиками. Профессиональная деятельность учителя определяется как педагогическая и имеет особенности, обусловленные этой деятельностью. Медиакомпетентность личности следует считать начальным этапом для формирования искомой компетентности педагога.

На наш взгляд, «медиакомпетентность учителя» как личностное образование позволяет продуктивно осуществлять педагогическую деятельность с активным использованием средств медиатехнологий, что, в свою очередь, позволяет осознать профессиональную самореализацию и самоактуализацию в открытом образовательном медиaprостранстве и характеризующееся наличием ряда компонентов: мотивационно-ценностного, содержательного и процессуального.

Исходя из сущностной характеристики изучаемого нами явления, опираясь на данные констатирующего эксперимента мы разработали методику развития медиакомпетентности учителей.

В процессе реализации методики развития медиакомпетентности учителей мы учитывали тот факт, что процесс развития искомой компетентности включает в себя различные виды деятельности: преподавание и учение, образующих процесс обучения; самостоятельную деятельность субъекта; самоучение; усвоение субъектом опыта путем анализа, осмысления и преобразования сферы деятельности, в которую он включен. Из этого следует, что на каждом этапе реализации методики по развитию медиакомпетентности учителей существует преобладающий вид деятельности, который необходимо активизировать.

Процесс развития в нашем исследовании был направлен на достижение развитости у учителей медиакомпетентности на высоком уровне. В нашей работе речь идет именно о про-

цессе развития, так как мы подразумеваем у учителей наличие определенного уровня медиакомпетентности.

Хотим подчеркнуть, что деятельность любого образовательного учреждения, как показывают данные эксперимента,

сопряжена с наличием разнообразных противоречий, на разрешение которых и была направлена деятельность Ресурсного центра. Нами была составлена таблица, которая отражает систему противоречий и возможных путей их разрешения.

Таблица

Система противоречий и пути из разрешения

Система противоречий	Пути разрешения противоречий
1	2
При декларации компетентностной парадигмы в образовании отсутствуют реальные механизмы ее реализации в УВП школы.	Через систему различных диагностических исследований, определяется идея, способная мотивировать и объединить всех субъектов УВП.
Практической ошибкой большинства образовательных учреждений является то, что провозглашая необходимость развития медиатехнологий, на деле они акцентируют внимание на совершенствование методик преподавания разнообразных предметов, не отдавая отчета в том, что это только составная их часть.	При внедрении медиатехнологий необходимо выделить их наиболее эффективный параметр, способствующий более продуктивному решению дидактических задач. Внедрение спецкурсов и проведение спецсеминаров, способствующих эффективному внедрению медиатехнологий.
Инерционно сохранились внутри личностные противоречия педагогов, затрудняющие развитие их медиакомпетентности.	Основными показателями медиакомпетентности в образовательном учреждении должны стать: - постоянная инновационная деятельность, направленная на активное внедрение медиатехнологий и их средств; - повышение чувства ответственности за собственную профессиональную деятельность. Основной формой повышения квалификации педагогов становятся профессиональные команды как мобильные самостоятельные объединения, создаваемые под определенную задачу (в нашем случае – развитие медиакомпетентности)
При декларации инновационных изменений в свете медиатизации образования происходят одномерные изменения, затрагивающие весь комплекс проблем.	Образовательное учреждение должно обеспечивать комплексное изменение всей системы: - технологий обучения; - учебных программ; - системы управления; - режима работы; - подготовки и переподготовки педагогов.

Указанные противоречия были разрешены в процессе реализации разработанной нами методики.

Методика развития медиакомпетентности учителей это сложный процесс, состоящий из нескольких этапов (подготовительный, теоретический и практический), на каждом из которых происходит приращение знаний, умений, навыков, опыта творческой деятельности, что создает условия для профессиональной самореализации педагога и вооружает методикой использования медиасредств в учебно-воспитательном процессе школы.

Целью подготовительного этапа методики развития медиакомпетентности учителей является формирование ценностного отношения к медиакультуре, медиатехнологиям, их различным проявлениям и формам, для этого мы организовывали и проводили беседы, семинары и тренинги с учителями. Нами было проведено анкетирование, которое дало представление о медиапредпочтениях учительской аудитории, об уровнях ее медиакомпетентности, что в дальнейшем учитывалось нами при реализации всей программы обучения.

В современных условиях значительно возрастает роль прогнозирования содержания образования, в результате которого должна быть получена опережающая информация о вероятных перспективах развития тех или иных отраслей знаний, характере и объектах труда, необходимая для построения учебных планов и программ, их оперативной корректировки.

Прогнозируя развитие содержания образования, стремясь в максимальной степени адаптировать учебную программу к требованиям современных условий, мы в своей работе также исходили из необходимости и адаптации содержания образования к интересам и потребностям личности обучающихся с учетом индивидуальных особенностей, мотивов и ценностных ориентаций каждого.

На этапе теоретической подготовки с целью развития у учителей системы знаний о медиакомпетентности, повышения медиакультуры учителей нами был разработан и внедрен в

образовательный процесс Ресурсного центра спецкурс «Развитие медиакомпетентности учителя». Данный спецкурс направлен на углубление и расширение знаний, что позволяет лично и профессионально сориентироваться, приобрести собственный взгляд на медиакультуру, овладеть умениями использования медиатехнологий в профессиональной деятельности учителя.

Целью спецкурса является: развитие медиакомпетентности педагогов. Из поставленной цели вытекают основные задачи: познакомить учителей с основными понятиями, связанными со сферой развития медиакомпетентности, медиаобразования; показать учителям генезис исторического развития медиаобразования в мире и Казахстане; развить медиакомпетентность личности учителя в процессе медиаобразования; произвести анализ развития медиаобразования с точки зрения его использования в процессе обучения в целостно педагогическом процессе школы. В результате освоения данного спецкурса педагоги должны знать: ключевые понятия курса («медиакомпетентность», «медиаобразование», «медиаграмотность», «медиапедагогика» и др.); основные этапы исторического развития медиаобразования в мире и Казахстане; основные черты этапов исторического развития медиаобразования в различные периоды и в разных социокультурных условиях в конкретных странах; современную ситуацию в области развития медиаобразования; возможности медиаобразования в плане развития медиакомпетентности личности; типологию медиавосприятия; основы методики медиаобразования.

Спецкурс также направлен на развитие у педагогов соответствующих умений и навыков, необходимых для эффективной реализации средств медиа в учебно-воспитательном процессе школы: самостоятельного конструирования медиасредств, необходимых для использования в учебно-воспитательном процессе школы; осуществления анализа и оценки, имеющихся медиасредств с точки зрения их воспитательного потенциала; осуществление профессионального вы-

бора наиболее эффективного, оптимального медиасредства для осуществления учебно-воспитательного процесса.

Практическая значимость данного спецкурса заключается в том, что в результате освоения курса педагоги должны не только обладать запасом знаний по истории, теории и методике медиаобразования, но и уметь использовать эти знания в педагогической деятельности.

Кроме теоретической подготовки в ходе реализации спецкурса учителям предлагаются практические занятия, которые состоят в выполнении определенных творческих заданий, например, произвести анализ произведений медиакультуры (рассмотрение содержания ключевых эпизодов медиатекста, попытка разобраться в логике авторского мышления: в развитии конфликтов, характеров, идей, звукопластического ряда и т.д.; выявление авторской концепции и выражение своего личного отношения к данной позиции создателей медиатекста). Предлагаются также задания проблемного характера (литературно-имитационные, театрализованно-ролевые, изобразительно-имитационные), связанные с анализом медиатекстов и системой функционирования медиа в социуме в целом; с проектами, рассчитанными на самостоятельную исследовательскую и практическую деятельность на медийном материале. Реализация стадий «вызова», «осмысления содержания», «рефлексии», использование технологии кластеров, инсерт, портфолио, игровых и исследовательских подходов в ходе практической реализации вышеуказанного комплекса творческих(проблемных) заданий.

Третий этап (практическая подготовка) ориентирован на развитие и закрепление умений и навыков в специально организованной медиасреде. При этом особое основное внимание уделяется работе с медиатехнологиями и методиками их использования в профессионально-педагогической деятельности.

В процессе практической подготовки реализовывались следующие технологии: тренинги, чаты, он-лайн консультации, форумы, а также образовательный портал Ресурсного центра, что создавало условия для учителей в их профессиональной самореализации в медиaprостранстве и вооружало методикой использования медиасредств в учебно-воспитательном процессе школы.

Как показывает опыт, лучшим способом закрепления практических навыков является игра, представляющая собой групповое упражнение по выработке решения в условиях, имитирующих реальность. В игре сочетаются два принципа обучения: моделирование профессиональной деятельности и проблемности, где процесс решения задачи является поисковым, исследовательским. Однако, при проведении экспериментальной работы мы отдавали себе отчет в том, что нашими слушателями являются учителя поэтому задачи предлагаемые для решения должны быть: актуальными, т.е. для их решения необходимы специальные знания, воображение и творческие способности; и задача должна быть достаточно сложной, но доступной для решения и побуждать к поиску новых принципов, фактов, методов решения. Поэтому игру целесообразно применять (как это было в процессе эксперимента) на завершающем (практическом) этапе обучения, когда слушатели уже обладают достаточными знаниями и умениями для решения комплексных, практических задач моделирующих различные реалии профессиональной деятельности, одновременно воплощая наиболее характерные признаки и свойства реального объекта.

В процессе практической подготовки, т.е. на заключительном этапе обучения учителей нами использовались игры «Информационно-организационная модель», «Дидактические медиасредства обучения», «Традиционная дидактика и медиадидактика» и другие.

В процессе реализации разработанной нами методики приняли участие педагоги общеобразовательных школ (350 чел.), в состав сформированных групп входили учителя в возрасте от 24 до 60 лет, с опытом работы от 3 до 45 лет, при этом категория обучающихся от 24 до 30 лет составляла 12%, от 31 до 40 лет – 36%. От 41 до 50 – 34%, от 51 до 60 лет – 18%.

Проведение экспериментальной работы позволило нам значительно модернизировать процесс развития медиакомпетентности учителей, повысить общий уровень развития профессиональной компетентности педагогов, получить прогнозируемые результаты.

Обобщенные результаты эксперимента по всем трем компонентам развития медиакомпетентности учителей представлены на рисунке.

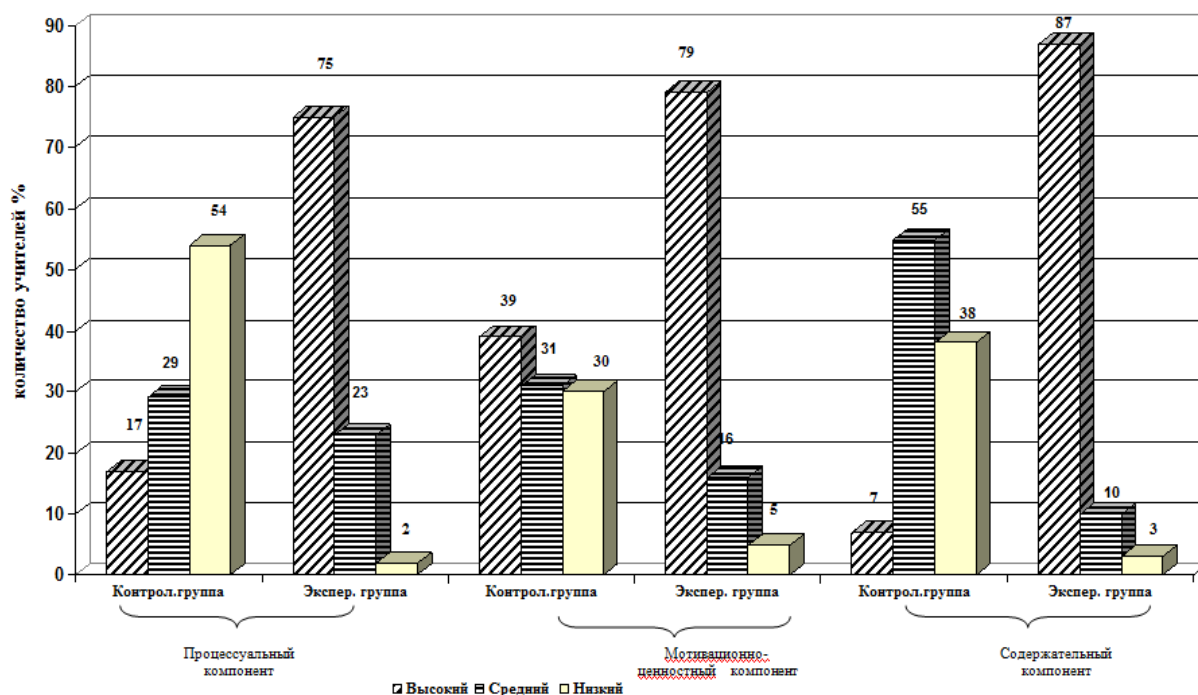

Рис. 2. Диаграмма результатов медиакомпетентности учителей в условиях Ресурсного центра (процессуальный, мотивационно-ценностный, содержательный компоненты)

Рисунок иллюстрирует существенную разницу между экспериментальной и контрольной группами развития процессуального, мотивационно-ценностного компонентов; а также содержательного компонента медиакомпетентности педагогов.

Анализ диаграммы позволяет сделать вывод о том, что в наибольшей степени у педагогов экспериментальных групп сформирован содержательный компонент (87% высокий и 10% средний уровни), на таком же высоком уровне находится и мотивационно-ценностный компонент (79% высокий и 16% средний). Что же касается развития процессуального компонента медиакомпетентности педагогов, то необходимо отметить, что его показатели несколько ниже, чем первые два компонента (75% высокий и 23% средний уровни), это говорит о необходимости дальнейшего совершенствования практических умений и навыков в профессиональной деятельности.

Эффективность экспериментальной работы по развитию медиакомпетентности учителей подтверждается следующими показателями: повышением уровня знаний сущности медиатехнологий, их значения и роли в обществе; творческим под-

ходом к процессу создания медиатекстов; умением анализировать сложные процессы функционирования медиа; знаний о методах построения учебных занятий и воспитательных мероприятий с использованием средств медиа; знаний основных понятий и терминов медиаобразования; умений производить отбор содержания, методов и приемов учебной и воспитательной деятельности на основе медиа; обеспечением вариативности содержания обучения и воспитания на основе средств медиа; умений управлять субъектной позицией школьника на основе средств медиа; интересом к профессионально значимой информации и потребности ее добычи средствами медиа; потребности в информационном обогащении средствами медиа и др.

Таким образом, методика развития медиакомпетентности учителя – это совокупность разнообразных форм, методов, приемов и процедур, способствующих развитию медиакомпетентности педагога, которые ориентируют его на дальнейшее профессиональное самосовершенствование и самореализацию в открытом образовательном медиапространстве.

Библиографический список

1. Федоров, А.В. Технология развития медиакомпетентности и критического творческого мышления в процессе медиаобразования студентов: общие подходы // Вестник высшей школы. – 2009. – № 7.
2. Федоров, А.В. Развитие медиакомпетентности и критического мышления студентов педагогического вуза. – М.: Изд-во МОО ВПП ЮНЕСКО «Информация для всех», 2007.

Bibliography

1. Fedorov, A.V. Tekhnologiya razvitiya mediakompetentnosti i kriticheskogo tvorcheskogo mihsleniya v processe me-diaobrazovaniya studentov: obshie podkhodih // Vestnik vihshey shkoli. – 2009. – № 7.
2. Fedorov, A.V. Razvitie mediakompetentnosti i kriticheskogo mihsleniya studentov pedagogicheskogo vuza. – M.: Izd-vo MOO VPP YuNESKO «Informatsiya dlya vseh», 2007.

Статья поступила в редакцию 27.07.11

УДК 378.016.62

Kazakov A.B. PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR FORMING PROFESSIONAL COMPETENCE OF FUTURE TEACHERS OF TECHNOLOGY AND ENTREPRENEURSHIP BY MEANS OF TRADITIONAL HANDICRAFTS.

The author of the article describes the pedagogical conditions for forming the professional competence of future teachers of technology and entrepreneurship and accomplishment of these conditions at the faculty of technology and economics of I.Y. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University.

Key words: pedagogical conditions, professional competence of future teachers of technology and entrepreneurship, traditional handicrafts.

А.В. Казаков, ст. пре. ЧГПУ им. И.Я. Яковлева, г. Чебоксары, E-mail: kazakov81_81@mail.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ ТЕХНОЛОГИИ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА СРЕДСТВАМИ НАРОДНЫХ РЕМЕСЕЛ

В статье дается описание педагогических условий формирования профессиональных компетенций будущих учителей технологии и предпринимательства и их реализации на примере технолого-экономического факультета Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева.

Ключевые слова: педагогические условия, профессиональные компетенции будущих учителей технологии и предпринимательства, народные ремесла.

В соответствии с Концепцией модернизации российского образования повышаются требования к профессиональной подготовке педагогов, которые должны не просто владеть отдельными умениями и знаниями по направлениям своей педагогической деятельности, но и обладать высоко развитыми компетенциями.

Одной из важнейших для учителя любого профиля является профессиональная компетенция. Профессиональные компетенции учителя технологии и предпринимательства представляет собой способность и готовность к проектно-конструкторской, производственно-технологической, научно-исследовательской, предпринимательской и психолого-педагогической деятельности для обеспечения качества тех-

нологического образования учащихся. Содержание компетенций определяется особенностями предмета, который преподает учитель. Учитель технологии является специалистом, профессиональный багаж которого должен включать знание как традиционных, так и новых способов и приемов изготовления разнообразных изделий. В формировании такого багажа народные ремесла располагают неисчерпаемым потенциалом.

Влияние народной культуры и ремесел на формирование личности студента, его менталитета, жизненных ценностей, духовного мира изучали Т.В. Молодцова, Е.М. Новиков, Б.М. Неменский, И.Ф. Полякова и др. Воспитательные возможности народных ремесел освещены в работах Ю. А. Арбата, А.А. Белова, А.А. Бобринского, В.С. Воронова, И.Я. Богуслав-

ской, Г.Н. Волкова, О.В. Ганкуса, Г.Г. Громова, А.А. Данилова, Г.П. Дурасова, С.К. Жегаловой, Н.В. Кочешкова, В.К. Кругловой, В.К. Кузнецова, Ю.В. Максимова, А.С. Миловского, Ж.М. Орозбаева, И.Ф. Поляковой, Н.П. Похолкина, Л.Г. Савенковой, Р.Н. Смирновой, В.Г. Смолицкого, А.С. Хворостовой и др.

Однако в научной литературе не найдено достаточно полного отражения проблема использования народных ремесел как средства становления личности учителя, ориентированной на достижение высоких результатов в профессиональной деятельности т.е. как средства формирования его профессиональных компетенций.

Анализ психолого-педагогической и учебно-методической литературы показал, что, несмотря на значительное количество публикаций, близких к теме данной статьи, проблема формирования профессиональных компетенций будущих учителей технологии и предпринимательства остается недостаточно разработанной. Требуется раскрытие сущности и содержания профессиональных компетенций применительно к учителю технологии и предпринимательства, определение критериев и показателей, позволяющих оценить уровень ее сформированности, обоснование педагогических условий формирования профессиональных компетенций в процессе подготовки специалиста в вузе.

Мы определяем педагогические условия формирования профессиональных компетенций будущих учителей технологии как систему целесообразно выстроенных обстоятельств, определяющих эффективность формирования профессиональной компетенции, в которой оптимально реализуется современная профессиональная подготовка будущих учителей технологии.

Изучение литературы по теме исследования, анализ результатов педагогической практики в высшей школе, а также собственной педагогической деятельности, учет сущности и содержания профессиональных компетенций как интегративного личностного образования позволили нам выявить и сформулировать следующие педагогические условия формирования профессиональных компетенций будущих учителей технологии и предпринимательства:

- внедрение в учебный процесс спецкурсов по обучению студентов народным ремеслам;
- включение в программу технологической практики заданий на выполнение изделий с применением технологий народных ремесел;
- выполнение студентами курсовых и дипломных работ, результатом которых является творческий проект, разработанный с применением различных технологий народных ремесел;
- участие студентов в конкурсах, фестивалях, выставках, симпозиумах, конференциях и других мероприятиях, посвященных декоративно-прикладному искусству и народным ремеслам.

Рассмотрим каждое из условий более подробно.

Первым педагогическим условием эффективного формирования профессиональных компетенций является внедрение в учебный процесс спецкурсов по обучению студентов народным ремеслам.

Нами были разработаны программы спецкурсов «Художественная обработка металла» и «Художественный войлок». При разработке спецкурсов учитывались региональные особенности в технологиях изготовления изделий, традиционные народные промыслы чувашей, татар, марийцев и других национальностей, проживающих в Чувашской Республике. Программы спецкурсов были составлены с учетом необходимости сочетания теоретического и практического изучения народных ремесел. Для этого продумана структура содержания занятий, определенное соотношение и форм и методов обучения, коллективной, групповой и индивидуальной работы.

Содержание спецкурсов подобрано таким образом, что освоение учебного материала студентами осуществляется последовательно. В первую очередь изучаются физические и технологические свойства материала, способы его получения, возможные виды обработки, возможности применения этих

материалов на практике и перспективные направления применения, оборудование, инструменты и приспособления, техника безопасности. Далее идет изучение способов преобразования, конструирования, моделирования, изготовления, художественной обработки, знакомство с технологическими процессами и техническими условиями, составление технологической документации.

Изучение спецкурсов позволяет выработать у будущих учителей технологии необходимый уровень развития познавательных и творческих способностей, сформировать профессиональные знания и умения, обеспечить интеллектуальное, этическое и эстетическое развитие студентов для формирования профессиональной компетенции будущих учителей технологии и предпринимательства.

Спецкурс «Художественный войлок» направлен на развитие у студентов интереса к войлокованию как к народному ремеслу. Изучение национальных и местных особенностей войлокования позволяет выявить особое своеобразие этого ремесла, профессиональное овладеть приемами изготовления изделий в технике войлокования. Студенты изучают историю, особенности художественных материалов, знакомятся с их свойствами и возможностями, с новыми инструментами, оборудованием, с различными видами техник, с особенностями технологического процесса войлокования.

В рамках спецкурса «Художественный войлок» студенты выполняли творческие проекты, которые затем представляли на конкурсах и конференциях. Например, студентка 5 курса Яковлева Вера стала лауреатом XII Межрегиональной конференции-фестиваля научного творчества учащейся молодежи «Юность Большой Волги», проходившей в г. Чебоксары 29 мая 2010 года.

Спецкурс «Художественная обработка металла» изучался студентами 2 курса в объеме 144 часов. Занятия проводились в мастерской по ручной обработке металла. Была конкретизирована цель изучения этого спецкурса – формирование художественной и технологической культуры как составной части профессиональной компетенции будущих учителей технологии.

В процессе изучения спецкурса нами были использованы различные формы организации учебного процесса: экскурсии, краеведческая работа, практические занятия и др. Для ознакомления с профессиональными тонкостями того или иного вида традиционного художественного ремесла предусмотрено общение со специалистами и народными мастерами, в совершенстве владеющими этими приемами.

В целях развития мотивации к изучению спецкурса делался акцент на обучении студентов навыкам и приемам выполнения простейших технологических операций, создания предметов быта, композиций декоративного характера, имеющих определенную художественную ценность. Для этого необходимо использовать в качестве объектов труда потребительские изделия и оформлять их с учетом требований дизайнера и декоративно-прикладного искусства для конкурентоспособности при реализации. Главное – в итоге студент должен увидеть и ощутить продукт своего труда. Так, в рамках спецкурса студентами второго курса был разработан творческий проект «Розы». Разработка проекта включала в себя такие этапы: сбор информации в дизайн-папку; составление эскизов будущего изделия; подетальная проработка изделия; изготовление отдельных деталей; выбор способов соединения и сборки изделия; отделка и декорирование; презентация и защита проекта.

В процессе изготовления изделия студенты изучили такие технологические операции как разметка, правка и гибка тонколистового металла, кернение, сверление отверстий, разрезание ножницами тонколистового металла, нарезание наружной резьбы плашкой, нарезание внутренней резьбы метчиком, разрезание, правка изгибание проволоки, оплавление, выколотка, пробивание канавок, слесарно-сборочные операции, отделка изделия лакокрасочными материалами.

Букет из кованых роз, выполненный в ходе разработки проекта, был выставлен в Художественном музее на праздновании 75-летия Чувашского государственного педагогическо-

го университета. Следующий пример, подтверждающий эффективность реализации спецкурса – творческий проект «Природа в металле» студентки 2 курса Евстафьевой Полины, который представляет собой скульптурную композицию совы, пера и книги. Это изделие заняло второе место на Международном конкурсе «Ассамблея ремесел» в г. Москва.

Результатом реализации спецкурсов является подготовленный учитель технологии, владеющий высоким уровнем теоретических знаний, профессиональных навыков, хорошо знающий историю и традиции народных ремесел, умеющий использовать их в профессиональной деятельности.

Вторым педагогическим условием эффективного формирования профессиональных компетенций является включение в программу технологической практики заданий на выполнение изделий с применением технологий народных ремесел. Большим потенциалом в формировании профессиональных компетенций будущих учителей технологии и предпринимательства обладает практика. Студенты технологического факультета за время обучения в вузе проходят два вида практик: педагогическую и технологическую.

Активный вид общения студентов к профессиональной деятельности, а значит и формирования профессиональной компетенции – технологическая практика. Технологическая практика является главным фактором подготовки будущих специалистов, важнейшим звеном в системе профессиональной подготовки учителя технологии и предпринимательства. Организация технологической практики на технологическом факультете ФГБОУ ВПО «ЧГПУ им. И.Я.Яковлева» производится в соответствии с Государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования с учетом требований к минимуму содержания и уровню подготовки выпускников по специальности 050502 «Технология и предпринимательство». Согласно учебному плану технологического факультета продолжительность технологической практики на 3 курсе составляет 6 недель, на 4 курсе – 4 недели. Технологическая практика студентов технологического факультета проводится в токарной, слесарной и мастерской по художественной обработке металла. Работа, связанная с обработкой древесины и металла, осуществляется непосредственно на рабочих местах.

Целями технологической практики студентов технологического факультета являются: ознакомление студентов с основами научной организации труда при обработке конструкционных материалов; обучение студентов наиболее эффективному использованию современных орудий труда при ручной и машинной обработке конструкционных материалов; углубление и закрепление теоретических и практических знаний, умений, полученных в процессе освоения модулей «Практикум по обработке материалов», «Основы производства», «Технологии современного производства», «Методика обучения и воспитания по профилю «Технология»; обеспечение всестороннего и последовательного овладения студентами основными видами профессионально-педагогической деятельности, формирование личности современного учителя; приобретение опыта, практических умений и навыков, необходимых для формирования большинства общекультурных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций в области педагогической деятельности [1].

Поставленные цели достигаются путем знакомства студентов с различными методами и технологиями народных ремесел, организации поиска решения технических задач и выполнения комплекса специальных заданий для развития профессиональных качеств будущего учителя технологии и предпринимательства.

Наиболее продуктивной формой организации учебного процесса технологической практики была групповая работа студентов. Совместная деятельность студентов и руководителя технологической практики была направлена на оснащение мастерской по ручной обработке металла. Так, в период прохождения технологической практики студентами третьего курса был изготовлен трехуровневый многофункциональный стеллаж: первый уровень предназначен для хранения метал-

лопроката (профили, уголки, полосы, прутки круглого и квадратного сечения) длиной до 4,5 метров; второй уровень состоит из полок для хранения заготовок, мотков с проволокой, полуфабрикатов изделий и незавершенных работ студентов; третий уровень представляет собой столешницу длиной 4,5 метра и шириной 0,65 метра, т. е. дополнительное рабочее место для студентов.

Прохождение технологической практики является необходимой основой для успешной подготовки и прохождения государственной итоговой аттестации в форме государственного экзамена и защиты дипломного проекта.

Следующим педагогическим условием эффективного формирования профессиональных компетенций будущих учителей технологии и предпринимательства является выполнение студентами курсовых и дипломных работ, результатом которых является творческий проект, разработанный с применением различных технологий народных ремесел.

Дипломные и курсовые работы направлены на установление творческой взаимосвязи учебной, исследовательской, педагогической, производственно-технической деятельности, непрерывное профессиональное самообразование. Курсовые работы выполняются в течение учебного года во внеаудиторное время. Тематика и методика работы над ними определяется студентом совместно с руководителем исходя из своих склонностей и интересов. При этом учитывается актуальность избранной темы для школы, учреждений дополнительного образования, кафедр факультета; согласованность содержания курсовой работы с задачами формирования будущего учителя технологии. Тематика дипломных и курсовых работ формулируется таким образом, чтобы в процессе исследования студенты могли пополнять свои знания новыми сведениями об истории становления ремесла, о технологических особенностях ремесла, о методических особенностях изучения ремесла

Дипломная работа выпускников технологического факультета включает три главы: первая глава посвящена раскрытию психолого-педагогических основ изучаемой проблемы, во второй главе рассматриваются методические особенности, третья глава – разработка творческого проекта. Народные ремесла служат основой для выполнения творческого проекта. Изделия, выполненные в ходе разработки творческого проекта, применяются для оформления аудиторий и мастерских факультета, используются в качестве наглядных пособий для студентов на занятиях профессионального цикла и учителей технологии, руководителям кружков и студий декоративно – прикладного искусства.

Так, за годы исследования под руководством автора студентами были выполнены творческие проекты, курсовые и дипломные работы по следующим темам: «Развитие творческих способностей учащихся 6-7 классов на занятиях по художественной обработке металла», «Формирование учебно-познавательной компетенции учащихся 8 классов на занятиях по художественной обработке металла», «Методика преподавания внеклассных занятий по войлоковалянию», «Методика организации кружковых занятий по художественной обработке металла с учащимися 6-7 классов», «Методика проведения внеклассных занятий по войлоковалянию», «Эстетическое воспитание учащихся на кружковых занятиях по войлоковалянию», «Развитие творческих способностей учащихся на внеклассных занятиях по художественной обработке металлов», «Организация проектной деятельности на занятиях по художественной ковке металла» и др.

Многие работы, выполненные под руководством автора, рекомендованы государственной аттестационной комиссией технологического факультета Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я.Яковлева к участию в конкурсах на лучшую исследовательскую работу.

Пятым педагогическим условием эффективного формирования профессиональных компетенций учителей технологии и предпринимательства является участие студентов в конкурсах, фестивалях, выставках, симпозиумах, конференциях и других мероприятиях, посвященных декоративно-прикладному искусству и народным ремеслам.

Проведение выставок-конкурсов проектов, презентаций, мастер-классов способствует сохранению культурного наследия народного искусства, его воспроизводству в современной жизни, позволяет популяризировать и развивать творческий потенциал студентов в области народных ремесел, содействовать профессиональному обогащению участников по разным видам народных ремесел, является действенным средством формирования профессиональной компетенции будущих учителей технологии и предпринимательства.

На выставках, конкурсах и других мероприятиях происходит проверка знаний, умений, навыков, полученных студентами за время учебы, здесь наравне с проверкой своих способностей они приобретают умение анализировать изделия народных мастеров с художественных и технологических позиций, ориентироваться в дополнительной литературе; умение свободно владеть способами и формами подачи выставочного материала (этнографического, исторического, художественного).

В рамках технологического факультета ЧГПУ им. И.Я. Яковлева 25-26 сентября 2011 года проводился межрегиональный фестиваль резьбы бензопилой. Целями фестиваля были: стимулирование интереса к мастерам резьбы бензопилой, современному инструменту в обработке древесины, развитию традиций резьбы по дереву, активная пропаганда традиционной художественной культуры, укрепления межрегионального культурного сотрудничества. Фестиваль стал эффективным средством творческого общения и поддержки народных мастеров, пропаганды народного творчества и тра-

диционной культуры резьбы по дереву, способствовал повышению профессионального уровня мастеров и стимулировал создание новых творческих работ, выявление талантливых мастеров и поддержка их творческой активности, обмен опытом мастеров.

Студенты технологического факультета – активные участники разных конкурсов и выставок: отборочный тур Чемпионата мира по ледовым скульптурам «ICE ALASKA», февраль 2010 года п. Листвянка оз. Байкал, 2010 год, (Смирнов Артем, лауреат); конкурс молодых мастеров народных художественных промыслов Чувашской Республики (Скворцова Ольга, Данилова Елена с изделием «Жар-птица», участники); мастер-класс «В соавторстве с природой» Чебоксары, 2010 год (Александров Андрей, Данилов Александр); республиканский конкурс декорированных елей г. Чебоксары, 2010 г. (Князева Марина, Александрова Елена, Арсентьева Ольга).

Таким образом, мы определили комплекс педагогических условий формирования профессиональных компетенций будущих учителей технологии предпринимательства средствами народных ремесел, раскрыли их содержание. Выявленные педагогические условия носят комплексный характер, что подтверждено главной задачей учебно-воспитательного процесса технологического факультета – формирование личности профессионала, владеющего технологией, методикой обучения и воспитания на основе традиций народных ремесел.

Библиографический список

1. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 051000 – Профессиональное обучение (по отраслям), утвержденный приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 22 декабря 2009 г. № 781. [Э/р]: Федеральный портал «Российское образование». – Р/д: http://www.edu.ru/db/portal/spe/archiv_new.htm.

Bibliography

1. Federal'nyj gosudarstvennyj obrazovatel'nyj standart viysshego professional'nogo obrazovaniya po napravleniyu podgotovki 051000 – Professional'noe obuchenie (po otraslyam), utverzhdenij prikazom Ministerstva obrazovaniya i nauki Rossijskoj Federacii ot 22 dekabrya 2009 g. № 781. [Eh/r]: Federal'nyj portal «Rossijskoe obrazova-nie». – R/d: http://www.edu.ru/db/portal/spe/archiv_new.htm.

Статья поступила в редакцию 27.07.11

УДК 378

Karimova A.D. THE MAIN PRINCIPLES OF COMPLEX LEARNING OUTCOMES ASSESSMENT OF MASTER-PROGRAMME STUDENTS. In the article the author argues about the main principles of complex learning outcomes assessment of master-programme students. Complexity, perspectiveness, reflectiveness, openness, interdisciplinary, authentic and polysubjective nature are considered to be distinctive features of complex assessment process and serve as a basis for students learning outcomes design within the framework of master-programmes.

Key words: principles, complex assessment, learning outcomes, learning outcomes design, professional competence, competences, master degree program, master-programme students.

А.Д. Каримова, аспирант каф. педагогики Омского государственного педагогического университета, E-mail: Praga30@mail.ru

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ КОМПЛЕКСНОЙ ОЦЕНКИ РЕЗУЛЬТАТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В МАГИСТРАТУРЕ

В статье рассматриваются принципы комплексной оценки результатов образовательного процесса в магистратуре: комплексность, перспективность, рефлексивность, междисциплинарность, открытость, полисубъектность, аутентичность. Обосновано, что проектирование комплексной оценки результатов образовательного процесса в магистратуре должно строиться на основе указанных принципов.

Ключевые слова: принципы, комплексная оценка, результаты образовательного процесса, профессиональная компетентность, компетенции, магистратура.

Введение в действие ФГОС III поколения для магистратуры, внедрение компетентного подхода в образовательный процесс магистратуры, требуют существенного пересмотра оценки образовательных результатов. Как показывает анализ литературы (С.В. Назаров, О.Е. Пермяков и др.), сегодня наблюдается тенденция к комплексной оценке результатов образовательного процесса в магистратуре, поэтому актуальным становится разработка её принципов.

Принципы – руководящие идеи, нормативные требования к организации образовательного процесса, носят характер самых общих указаний, регулирующих весь процесс [1]. Принцип является «организующей схемой» [2]. Соблюдение принципов – важнейшее условие эффективности комплексной оценки. Именно они играют роль «опорных точек», определяют выбор конкретных форм, методов средств и критериев, обеспечивают смысловую целостность, непротиворечивость.

В совокупности предлагаемые принципы должны обеспечить четкую организацию комплексной оценки результатов образовательного процесса.

Мы полагаем, что принципы комплексной оценки должны быть сформулированы исходя из тенденций развития образовательного процесса в магистратуре, особенностей магистерского образования (организации образовательного процесса, содержания обучения и субъектов) и особенностей об-

разовательных результатов магистрантов. Принципы комплексной оценки: комплексность, перспективность, рефлексивность, междисциплинарность, открытость, полисубъектность, аутентичность.

Содержание основных принципов комплексной оценки результатов образовательного процесса в магистратуре представлены в таблице 1.

Таблица 1

Принципы комплексной оценки результатов образовательного процесса в магистратуре

Принцип	Содержание принципа
комплексности	— множественность объектов оценки — комплексное использование различных оценочных форм, методов, средств и критериев
перспективности	— направленность оценки на дальнейшее развитие профессиональных компетенций — перевод компетенций из потенциального (скрытого) состояния в актуальное
рефлексивности	— осознание ценностных оснований и средств деятельности — направленность оценки на выявление проблемных ситуаций в своей деятельности, на осознание личностных изменений в процессе выполнения деятельности — адекватная самооценка своей профессиональной деятельности и соответствие процесса решения задач обучения и воспитания социальным нормам
междисциплинарности	— реализуется на основе использования достижений различных наук: педагогики, психологии, философии и информатики — адаптация к оценке образовательных результатов разных подходов, применяемых в различных дисциплинах
открытости	— открытость требований, процедур и критериев оценки для магистрантов, экспертов, работодателей и др.
полисубъектности	— расширение состава субъектов оценки (преподаватели, студенты, работодателей, выпускники, независимые эксперты)
аутентичности	— оценка реальных достижений студентов — оценивание сформированности компетентности студентов в условиях помещения их в ситуацию, максимально приближенную к реальной

Необходимость разработки принципа комплексности связана с рядом обстоятельств. Во-первых, осознание сложности профессиональной компетентности как интегративного качества (знания, умения, опыт, мотивация, учет личностных качеств студента) и его многофункциональность приводит к тому, что при его оценке потребуются различные оценочные методы и средства. Во-вторых, профессиональная компетентность/компетенция имеет потенциальное и актуальное состояния, следовательно, для оценки этих состояний необходим данный принцип. В-третьих, спектр видов профессиональной деятельности, к которым готовится магистрант, значительно расширяется, что приводит к разноплановости профессиональных компетенций (практических, исследовательских, управленческих и т.д.). В-четвертых, оценка образовательных результатов осуществляется в итоге освоения учебных модулей основной образовательной программы, защиты выпускной квалификационной работы и в ходе неформального обучения, что также является основанием для использования принципа комплексности.

В качестве одного из важных принципов комплексной оценки является принцип перспективности. Согласно словарю [3], понятие «перспективность» означает: предусматривающий будущее развитие; такой, который имеет хорошие перспективы, может успешно развиваться в будущем.

Непродолжительный срок обучения (1-2 года) по программам магистерского образования, приводит к тому, что некоторые компетенции магистранта проявляются сразу в ходе обучения в магистратуре и находятся в актуальном состоянии, а значительная часть профессиональных компетенций только начинает формироваться. Поэтому они становятся отсроченными во времени и находятся в потенциальном состоянии. Однако, это те результаты, которые не теряют своей значимости по окончании магистратуры, являются основой для успешной профессиональной деятельности. Таким образом, сущность принципа перспективности заключается в возможности дальнейшего развития профессиональных компе-

тенций студента, в создании условий для реализации потенциальных образовательных результатов.

В числе важнейших принципов, учет которых необходим при проектировании комплексной оценки результатов – принцип рефлексивности.

По определению философского словаря, рефлексия – принцип человеческого мышления, направляющий его на осмысление и осознание собственных форм и предпосылок; предметное рассмотрение самого знания, критический анализ его содержания и методов [4].

Учитывая особенности субъектов (студентов) магистратуры, можно сказать, что «взрослый» магистрант имеет отчетливые представления о дальнейшем применении результатов, причем он стремится к их оперативному применению, т.е. подразумевается стремление обучающихся демонстрировать результаты в различных сферах научной и профессиональной деятельности. Кроме того, студенты магистратуры активно и сознательно осмысливают свои образовательные результаты, последовательность действий, необходимых для их достижения, степени усилий для выполнения этих действий, соотношение уровня притязаний с внутренними возможностями личности, осознание личностных изменений в процессе выполнения деятельности, анализ эффективности средств, используемых для достижения результатов. Реализация этого принципа может способствовать развитию субъектной позиции обучающегося в ситуации оценивания.

Следующий важный принцип комплексной оценки – междисциплинарность – осмысление образовательных результатов, осуществляемое за рамками конкретной результатов изучения определенной дисциплины.

Разработка принципа междисциплинарности осуществляется в условиях тенденции усиления междисциплинарных связей в образовании. Подготовка к решению постоянно возникающих новых задач в условиях неопределенности информационного (постиндустриального) общества требует ориентации не столько на усвоение знаний учебного предмета, сколько междисциплинарного подхода [5]. Это естественная

реакция на требования реальной жизни, когда приходится иметь дело со сложными многоплановыми проблемами. Сегодня нужно оценивать не привычные знания, умения и навыки, а персональный «пакет» совершенно разных междисциплинарных образовательных результатов (общекультурных, профессиональных и личностных компетенций), что приводит к необходимости использования достижений не только педагогики, но и других научных дисциплин, в частности психологии, информатики, философии и др. Кроме того, широко распространенная практика проведения итоговой аттестации в форме междисциплинарного экзамена также выводит нас на использование принципа междисциплинарности.

Тенденция к открытому образовательному процессу в магистратуре предполагает реализацию принципа открытости оценки образовательных результатов, т.е. открытость требований к уровню подготовки обучающихся и процедур оценки для всех участников образовательного процесса – студентов, преподавателей, работодателей, специалистов, широкой общественности и т.д.

Сущностными характеристиками данного принципа является то, что комплексная оценка имеет множество связей и отношений с окружающей социальной средой. Так, например, незапрограммированные изменения в обществе, в высшем образовании требований к образовательным результатам студентов неизменно влечет за собой изменение форм, методов, средств, критериев комплексной оценки. Введение данного принципа обуславливается и динамичным характером результатов образовательного процесса, т.е. появляется потребность в новых профессиональных компетенциях, соответственно, нужна новая процедура их оценки. Способность к интенсивному взаимодействию со средой обеспечивает оценку использование внешних ресурсов: информационных (общенаучные, педагогические и другие идеи), человеческих, материально-технических. Так складывается представление об открытости комплексной оценки результатов образовательного процесса в магистратуре.

Таким образом, наличие принципа открытости обеспечивает быстрое, мобильное реагирование комплексной оценки на происходящие изменения условий индивидуального и социального развития и в современных условиях, характеризующиеся неопределенностью.

Представленная тенденция указывает нам значимость такого принципа, как полисубъектность. Открытость образовательного процесса в магистратуре позволяет включать в состав субъектов оценки не только преподавателей, но и студентов, работодателей, выпускников, независимых экспертов и др.

Тенденция развития образовательного процесса заключается в диверсификации образовательных программ, что ведет к увеличению вариативности подготовки выпускников магистратуры в разных видах профессиональной деятельности, специфика образовательного процесса заключается в специализированной подготовке магистрантов к выполнению определенной профессиональной деятельности, определяет выбор принципа полисубъектности. Данный принцип заключается в необходимости привлечения в процесс оценки образовательных результатов, помимо преподавателей конкретной образовательной программы, в качестве внешних экспертов работодателей, студентов выпускных курсов магистратуры, преподавателей, читающих смежные дисциплины и т.п. Таким образом, оценка должна осуществляться множественностью субъектов (специалистов) той области научных знаний, ассоциирующихся у студентов с их будущей профессиональной деятельностью. Принимая во внимание тенденцию к студентоцентрированному характеру образовательного процесса в магистратуре, нужно отметить, что студент — не пассивный участник этого процесса, а его активный субъект, в том числе и оценке образовательных результатов.

Не менее важным принципом оценки является принцип аутентичности (действительный, подлинный, соответствующий подлинному), на который ориентирует тенденция результативности. Сегодня результаты образования формулируются не столько в формате знаний, сколько на языке компетенций («способность», «готовность», «умение»). Поэтому речь идет о реальных достижениях студента, и для их оценивания должны создаваться условия, максимально приближенные к условиям их будущей профессиональной деятельности. Итак, принцип аутентичности предусматривает оценивание образовательных результатов магистрантов в условиях помещения их в ситуацию, максимально приближенную к реальной — повседневной или профессиональной — жизни, позволяет самому студенту, преподавателю, внешним экспертам оценить приобретаемые компетенции.

Таким образом, принципами комплексной оценки результатов образовательного процесса в магистратуре являются комплексность, перспективность, рефлексивность, междисциплинарность, открытость, полисубъектность, аутентичность. Указанные принципы выдвигают особые требования к процедуре оценивания: формам, методам, средствам, критериям и показателям оценки результатов образовательного процесса в магистратуре — и становятся отправной точкой ее проектирования.

Библиографический список

1. Словарь педагогических терминов / Сост. А.А. Белан / под ред. В.Я. Никитина, И.К. Дракиной. — Омск: ГУО Омской области, 2003.
2. Голубев, Н.К. Методология и методы социально — педагогической диагностики. — СПб., 2001.
3. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка. — Екатеринбург: Урал — Совет (Вест), 1994.
4. Философский энциклопедический словарь. — М.: Политиздат, 1991.
5. Пискунова, Е.В. Социокультурная обусловленность изменения функций профессионально-педагогической деятельности учителя: дис. ... д-ра пед. наук. — СПб., 2005.

Bibliography

1. Slovarj pedagogicheskikh terminov / Sost. A.A. Belan / pod red. V.Ya. Nikitina, I.K. Drakinovj. — Omsk: GUO Omskoy oblasti, 2003.
2. Golubev, N.K. Metodologiya i metodih socialjno — pedagogicheskoy diagnostiki. — SPb., 2001.
3. Ozhegov, S.I. Tolkovihj slovarj russkogo yazihka. — Ekaterinburg: Ural — Sovetih (Vestj), 1994.
4. Filosofskij ehnciklopedicheskij slovarj. — M.: Politizdat, 1991.
5. Piskunova, E.V. Sociokulturnaya obuslovlennostj izmeneniya funkcij professionalno-pedagogicheskoy deyateljnosti uchitelya: dis. ... d-ra ped. nauk. — SPb., 2005.

Статья поступила в редакцию 27.07.11

УДК 37

Kiryushina O.N. SCIENTIFIC POTENTIAL OF THE EDUCATION SYSTEM AS OBJECT OF SCIENTIFIC RESEARCH. Estimation of development of scientific potential of an education system as the generalized reflection of separate aspects of its perfection, it is reached on the basis of information base of coordination of the scientific and pedagogical activity developed with use of the offered device of scientific research.

Key words: education system, scientific research, scientific potential, research activity, scientifically-information resource, top skills shots, the analysis and synthesis of the multiple parameter information.

О.Н. Кирюшина, доц. каф. общей педагогики ТГПИ, г. Таганрог, E-mail: kiryshina@bk.ru

НАУЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ КАК ОБЪЕКТ НАУКОМЕТРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ*

Оценка развития научного потенциала системы образования, как обобщенное отражение отдельных аспектов ее совершенствования, достигнута на основе информационной базы координации научно-педагогической деятельности, разработанной с использованием предложенного аппарата наукометрического исследования.

Ключевые слова: модернизация образования, наукометрическое исследование, научный потенциал, научно-исследовательская деятельность, научно-информационный ресурс, кадры высшей квалификации, многокритериальный анализ и синтез многопараметрической информации.

Исследованию феномена «потенциал» и его составных частей посвящены труды многих философов и ученых, а дефиниции основных понятий представлены в энциклопедических изданиях. На основе обобщения существующих дефиниций, «потенциал (от лат. *potentia* – сила)» – это совокупность имеющихся ресурсов (средств, возможностей, источников чего-либо), используемых для решения какой-либо задачи, достижения поставленной цели; возможности отдельного лица, общества, государства в определенной области. И поскольку содержание понятия «потенциал» включает ряд совокупностей взаимозависимых признаков и дополнительную характеристику, определяющую его вид, то, разумеется, объем его велик, а сфера использования охватывает как естественнонаучные и технические, так и гуманитарные науки. Вследствие этого содержание понятия «потенциал определенного вида» должно конкретизироваться научной областью и исследуемым процессом.

Так, основные ориентиры современной модернизации образования – раскрытие и развитие способностей каждого обучающегося и воспитание личности, готовой к жизни в высокотехнологичном мире, являются предпосылкой роста человеческого потенциала – важнейшей части национального богатства страны. Поэтому предметом современных исследований в области образования, воспитания, обучения и организации досуга часто становятся различные аспекты развития человеческого потенциала – творческого, коммуникативного, лидерского и др. В условиях общеобразовательной школы исследуется развитие потенциала: педагогического и воспитательного; дидактического; гуманитарного образования; учебного текста, иностранных языков, нравственного, духовного, эстетического и др. (Л.В. Савельева, В.П. Тигров, Н.В. Уварина и др.). В учреждениях среднего специального и высшего образования, и в системе послевузовского повышения квалификации преобладают исследования по развитию образовательного, профессионально-педагогического и развивающего потенциала, личностно ориентированных технологий и педагогических средств, воспитательного, этнопедагогического, художественного и др. (Л.В. Быкасова, А. А.-Д. Койчев, Н.В. Мартишина, Е.М. Разинкина, Л.А. Шестакова, И.Э. Ярмакеев и др.). Особую группу исследований в области образования составляют теоретические и практические разработки, направленные на совершенствование управления развитием потенциала образовательных учреждений, рост кадрового, инновационного и научно-технического потенциала высшей школы и др. (М.В. Альгина, Н.Г. Закревская, Л.В. Илюхина, М.Т. Шафиков. и др.). Итак, для научно-педагогической общественности в настоящее время характерно осознание значимости развития различных аспектов человеческого потенциала и решения задач формирования отдельных ресурсов и средств деятельности. Теоретические разработки и практические результаты научно-исследовательской деятельности способствуют не только накоплению научной информации, а главное – составляют основу инновационного развития системы образования. Однако чем интенсивнее развивается человечество, тем все более сложными оказываются проблемы образования и воспитания. Локальный подход к реализации задач совершенствования образования, приводящий к частной оптимизации отдельных элементов системы, не способен обеспечить ком-

плексность их решения. Поэтому модернизация Российской системы образования, соответствующая современному этапу развития страны и непосредственно затрагивающая интересы всего населения, актуализировала разработку концептуальных, методологических и методических основ проблемы целостного развития, совершенствования и эффективного использования ресурсов научного потенциала системы образования страны и ее отдельных субъектов.

Повышенный интерес и значительный опыт изучения категории «научный потенциал» характерен для экономики. Его основные составляющие – обеспеченность науки основными фондами и оборотными средствами, современным оборудованием и вычислительной техникой, средствами опытно-экспериментальной проверки результатов научных исследований и др. Исследованию этих проблем посвящены труды ученых – В.В. Балашова, Л.М. Гохберга, В.В. Качак, Л.Э. Миндели и др.

Безусловно, в деле наращивания объемов научной информации и кадрового состава и их эффективного использования большое значение имеют финансирование и материально-техническая база, определяемая социально-экономическим состоянием страны, а также организаторская деятельность центральных и местных органов власти и управления. Эти ресурсы в своей совокупности являются внешними условиями, определяющими переход абстрактной возможности развития науки (педагогики) и модернизации образования в реальную. Однако, для педагогической деятельности, направленной на передачу обучающимся накопленных человечеством культуры и опыта, создание условий для личностного развития и подготовки к выполнению определенных социальных ролей в обществе, необходима научно-педагогическая и иная информация, а также кадры, в том числе высшей квалификации. Научно-информационный ресурс как непосредственный продукт интеллектуальной деятельности (новые знания, идеи и др.), а кадровый – часть педагогической общественности, обладающая способностью создавать этот продукт, во многом зависимые от научно-исследовательской деятельности, относятся к числу важнейших внутренних факторов системы образования, определяющих процесс ее модернизации. Ценность научной деятельности и результатов исследований как в непосредственном расширении области знаний, так и, что не менее важно, в возможности обеспечения развития дальнейшей деятельности, ее интенсификации и создания новых разработок в образовании, а также в подготовке кадров высшей квалификации. В связи с этим, научно-исследовательскую деятельность можно рассматривать как процесс развития ресурсов научного потенциала системы образования, включающий цель, средства, сам процесс преобразования и его результат. Цель процесса (научно-исследовательской деятельности) – совершенствование системы образования и развитие основных ресурсов научного потенциала – научно-информационного и кадрового. Средства, в том числе методологические подходы, научные методы и исследовательский инструментарий. Результат – фонд методологических подходов, теоретических положений, практических рекомендаций, исследовательского инструментария и др., и подготовленные научные кадры высшей квалификации, соответствующие требованиям современного социально-экономического развития страны.

Разработанная нами концептуальная модель развития научного потенциала [1] раскрывает взаимосвязь и взаимодействие доминирующих факторов – внешних условий и внутренних возможностей системы образования, способствует уточнению содержания ряда основных понятий. Так, потенциал системы образования, как совокупная способность государства совершенствовать все ее компоненты, определяется социально-экономическим состоянием страны, а также научным потенциалом. Научный потенциал системы образования – основанная на принципах науки и отвечающая ее требованиям совокупность ресурсов: научно-информационный – научно-педагогическая и иная информация; кадры, в том числе высшей квалификации; научные коллективы – научные школы и центры, диссертационные советы.

Подход к научно-исследовательской деятельности как процессу развития научного потенциала раскрывает направления ее активизации, воздействуя на основные компоненты этого процесса: средства – совершенствование научно-методических пособий, средств научной деятельности и подготовки педагогов к ней; результаты – выявление тенденций и закономерностей в образовании для координации ее деятельности; процесс – создание необходимых условий, в том числе организаторских. Решение этой комплексной проблемы относится к компетенции «науковедения» и «наукометрии», использующей количественные методы для изучения процесса развития науки.

Для всестороннего объективного исследования множества результатов научно-исследовательской деятельности, а также выявления направлений развития ресурсов научного потенциала системы образования, разработана методология наукометрического исследования [2]. Основу научного подхода составила взаимозависимость принципов, положений и требований философской, общенаучной и конкретно-научных методологий и их исследовательский аппарат, обеспечивающие фундаментальность и теоретическую направленность исследования, объективность и доказательность научных результатов. В качестве основных источников информации о модернизации образования использованы научно-квалификационные работы на соискание ученой степени доктора и кандидата наук, представленные к защите в диссертационные советы Российской Федерации, которые проходят разностороннюю экспертизу на всех этапах выполнения и защиты. Уникальность их (всего множества) – в отражении многообразия актуальных проблем и способов их реализации, а, следовательно, и в возможности получения объективной оценки происходящих процессов в системе образования. При этом выявляются структурные единицы – индикаторы изучаемых характеристик, способствующие комплексному исследованию процесса. В качестве индикаторов использованы сведения о диссертациях – выходные данные авторефератов: фамилия И.О.; тема исследования; ученая степень различного уровня – кандидат, доктор; отрасль науки, по которой присуждается степень – педагогические, психологические, экономические, философские и др.; шифры научных специальностей по отраслям наук, регламентирующие область исследований; шифры универсальной десятичной классификации, устанавливающих тематические направления исследований; место выполнения исследования (вуз, город); дата представления в диссертационный совет; место защиты (вуз, город).

Сложность и многообразие условий научно-исследовательской деятельности в стране и субъектах, и отражение множества ее результатов многопараметрической информацией предопределили обоснование ряда оценочных показателей. Разработанная нами система включает основные характеристики научно-исследовательской деятельности и показатели, отражающие влияние многих факторов, в том числе локальных, конкретизируя ее состояние и результаты. Оценивается: общее состояние в решении проблем образования (активность, научный уровень и системность); результаты (комплексность, непрерывность и стабильность и др.); условия – наличие, направленность и интенсивность деятельности научных школ и диссертационных советов.

Многокритериальный анализ научно-информационного ресурса в области образования, воспитания, обучения и организации досуга и синтез исследуемых характеристик обеспечивает всестороннее изучение результатов научно-исследовательской деятельности в стране и пополнение кадрового состава высшей квалификации за анализируемый период. Для наукометрического исследования важна структуризация результатов об исследуемом процессе, поскольку решается проблема визуализации синтезированной информации о развитии научного потенциала. Структурные модели характеристик, полученных на основе выбранных индикаторов, позволяют наглядно представить состояние изучаемого процесса, выявить особенности условий протекания, предвидеть возможное развитие и обосновать направления повышения его эффективности. Так, анализ диссертационных исследований в области образования, воспитания, обучения и организации досуга за период с 2001 по 2009 годы позволил получить синтезированную информацию о развитии научного потенциала.

Интенсификация развития науки в начале XXI века, в том числе региональной, способствовали постановления Правительства России, стимулирующие подготовку специалистов высшей квалификации. Кроме того, реализация личностно ориентированного образования, предполагающая оптимизацию учебно-воспитательного процесса с учетом интересов развивающейся личности, социальных, национальных и других особенностей отдельных регионов и народов страны, способствовала расширению областей исследований и росту числа научно-исследовательских работ (рис. 1).

Выполнение и защита диссертаций по разным отраслям наук и специальностям педагогики отражает фактические области исследований, а их доля в структуре совокупного поля научного поиска характеризует общее состояние современного пополнения научного потенциала системы образования за анализируемый период (рис. 2). Основную часть составляют диссертации по специальности педагогики – около 82%. Широкий спектр области исследований, соответствующих специальности 13.00.01 «Общая педагогика, история педагогики и образования» и стремление научных школ дать общие решения проблем модернизации, обусловили наибольшую долю работ за анализируемый период – 32,6 %. Это исследование проблем философии образования, педагогической антропологии, методологии и теории педагогики, мировоззренческих и парадигмальных оснований теории и практики образования, исследования подходов и направлений по обоснованию и реализации педагогических концепций и систем, создание условий для развития личности, истории педагогики и образования, этнопедагогики, сравнительной педагогики и педагогического прогнозирования, совершенствования методов педагогических исследований. Актуальность и важность этих работ несомненна, поскольку они способствуют созданию комплекса необходимых условий на всех этапах развития личности. Повышенное внимание к модернизации общеобразовательной и высшей школы обусловило значительное количество научно-квалификационных работ по специальностям 13.00.02 «Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)» и 13.00.08 «Теория и методика профессионального образования» – 17,9 и 23,8% соответственно.

Констатируя рост числа диссертаций по отдельным областям, необходимо отметить недостаточное внимание научно-педагогических школ и отдельных ученых к исследованию части вопросов, составляющих основу методик воспитания и развития личности, а также базу непрерывного образования в новых социально-экономических условиях. На это указывает незначительная доля диссертаций по специальности 13.00.07 «Теория и методика дошкольного образования», составляющая всего 0,8%. Естественно, упущенные возможности эффективного развития новых форм активности и видов психических процессов, появившихся у детей различного возраста, особенно дошкольного, с трудом восполняются в дальнейшем.

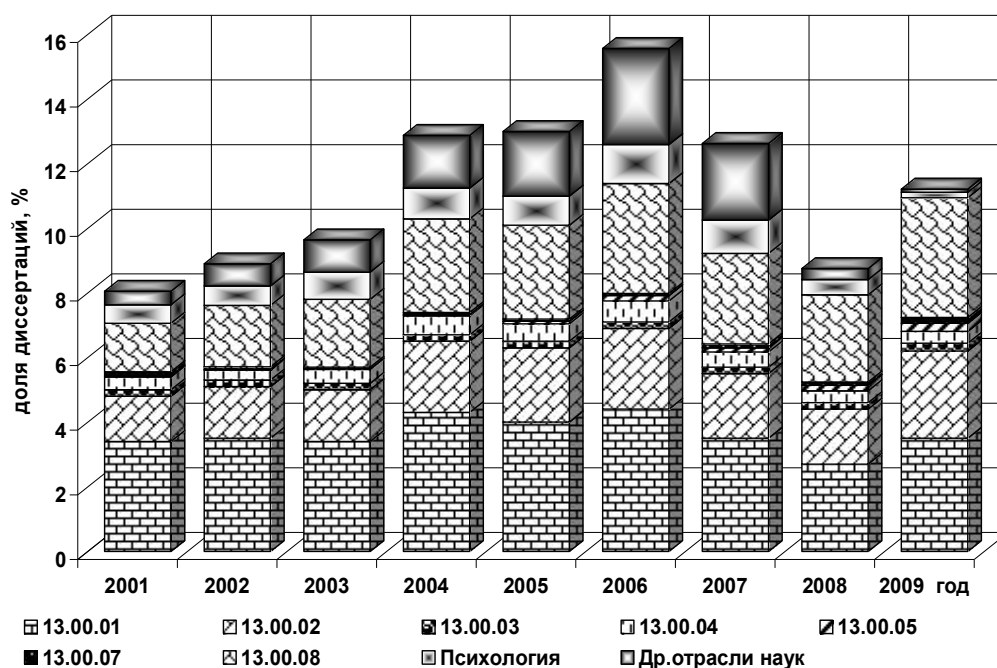

Рис. 1. Распределение диссертаций в области образования, представленных к защите в советы РФ по отраслям наук и специальностям педагогики

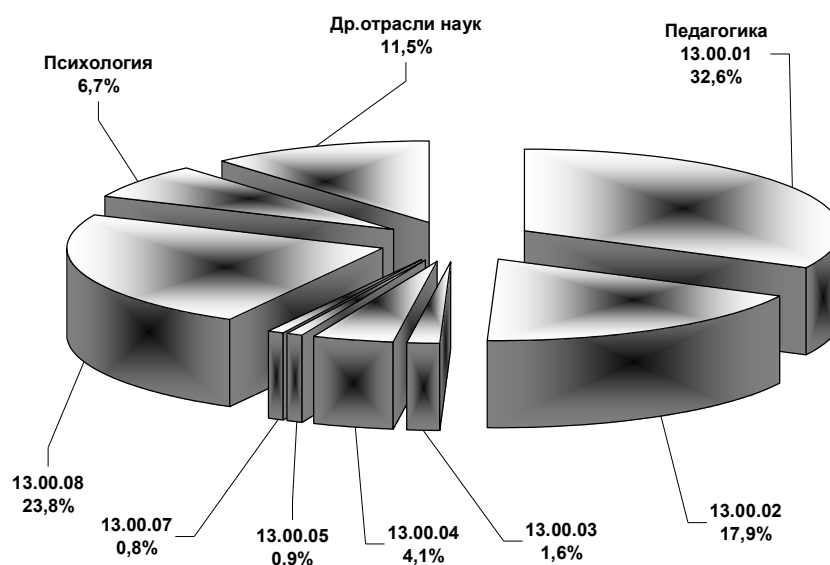

Рис. 2. Структура количества диссертаций в области образования по отраслям наук и специальностям педагогики, представленных в советы РФ

В период демократических преобразований существенное значение имеют результаты исследований по специальностям 13.00.05 «Теория, методика и организация социально-культурной деятельности» и 13.00.03 «Коррекционная педагогика», составляющих 0,9 и 1,6 % от общего числа исследований, представленных к защите за анализируемый период. Эти сектора исследований оказались вне поля современной научно-педагогической деятельности, хотя значимость их велика. Малая доля и отсутствие положительной динамики количества диссертаций по этим проблемам могут быть отражением незначительного количества научных школ, а также соответствующих диссертационных советов, их неравномерного распределения по стране. Кроме этого, немаловажным фактором является весьма скромное материальное стимулирование сотрудников, защитивших диссертации и непосредственно занятых в учебно-воспитательных учреждениях культуры и образования, в том числе дошкольных.

Определенный вклад в частичное решение вышеуказанных проблем привносят исследования по специальности 13.00.04 «Теория и методика физического воспитания, спортивной тренировки, оздоровительной и адаптивной физической культуры», доля которых составляет 4,1% от общего количества диссертаций за анализируемый период.

Реализация личностно ориентированного образования способствовала расширению областей исследований. Так, поиск путей реализации идей гуманистической педагогики в современных социально-экономических условиях активизировал научно-педагогическую деятельность и возможность защиты исследований по педагогической психологии и психологии личности. Рост количества ежегодно защищаемых диссертаций наблюдался до 2007 года – доля их в общей структуре исследований в области образования составляла до 8%. Системное решение сложных задач реформирования образования достигается привлечением усилий других отраслей наук – философии, экономики, медицины и т.д. Количество науч-

но-квалификационных работ, выполненных в соответствующих непрофильных учреждениях, значительно возрастало до 2007 года, а их доля за этот период составляла около 14 %. Для 2007-2009 годов характерно общее снижение количества диссертаций в области образования по отраслям других наук. За этот период доля их составила менее 7 %, а в 2009 году – менее 1%. Вероятно период интенсивного роста исследований

сменился периодом осмысления достигнутого на всех уровнях управления системы образования.

Полученные значения показателей состава и структуры работ по областям исследований полно отражают общий рост научно-педагогических кадров высшей квалификации по соответствующим специальностям педагогики, психологии и отраслям других наук, а ежегодное пополнение – характер его воспроизводства (рис. 3).

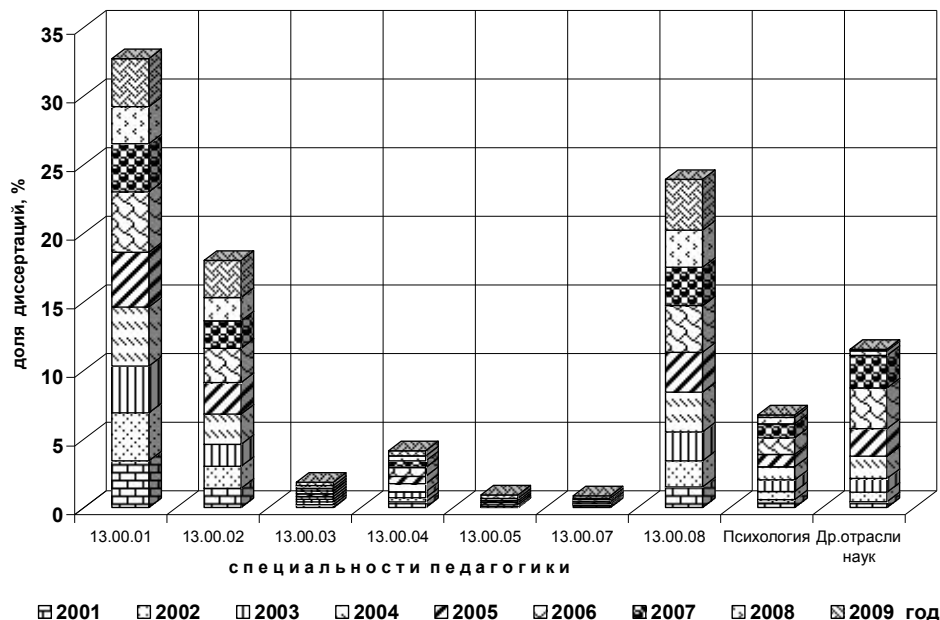

Рис. 3. Кумулятивные спектры пополнения кадров высшей квалификации системы образования Российской Федерации

Таким образом, модернизация системы образования предполагает и основывается на нововведениях, которые получены, как правило, в результате научных исследований. Количественная оценка научной деятельности позволяет опосредованно характеризовать процесс модернизации системы образования. Показатели научно-педагогической деятельности в стране и отдельных субъектах и, прежде всего ее результаты в решении проблем образования, отражают состояние и условия этого процесса. Структурные модели характеристик изучаемого процесса, полученные на основе анализа и синтеза научно-информационного ресурса, позволяют представить состояние, выявить особенности условий, предвидеть возможное развитие и направления повышения его эффективности. Так, выявленные тенденции развития ресурсов отражают непрерывность и стабильность решения проблем образования по отдельным областям исследований: общая педагогика, история педагогики и образования; теория и методика обучения и воспитания; профессиональное высшее образование. Наглядно просматривается тенденция к снижению количества диссертаций по психологии и отраслям других наук в области образования, обусловленная значительным сокращением числа соответствующих советов к концу анализируемого периода. Кроме того, можно отметить недостаточное внимание научных школ к исследованию проблем развития личности в различные периоды жизни детей в новых социально-

экономических условиях – по теории и методике дошкольного образования, организации социально-культурной деятельности, организации досуга и коррекционной педагогике.

Данное исследование углубляет представление о развитии и эффективном использовании результатов научно-исследовательской деятельности. Предложенные подходы расширяют методологию педагогики, а разработанный наукометрический аппарат способствует всестороннему объективному анализу и выявлению направлений совершенствования методического и научного обеспечения системы образования. Результаты исследования обеспечивают создание объективной информационной базы методического оснащения и координации научно-педагогической деятельности на всех уровнях управления. Пополнение научно-информационного ресурса научного потенциала результатами наукометрических исследований обеспечит возможность решения непрерывно возрастающих требований к качеству образования на всех уровнях и ступенях, то есть может служить инструментом управления процессом модернизации.

* Статья публикуется при финансовой поддержке гранта Таганрогского государственного педагогического института им. А.П. Чехова в рамках научно-исследовательского проекта «Развитие научного потенциала системы образования: теоретические и практические аспекты»

Библиографический список

1. Кирюшина, О.Н. Научный потенциал системы образования // Высшее образование сегодня. – 2009. – № 11.
2. Кирюшина, О.Н. Факторы формирования и современные тенденции развития научного потенциала системы образования // Известия Южного федерального университета. – 2010. – № 2.

Bibliography

1. Kiryushina, O.N. Nauchniy potencial sistem obrazovaniya // Vyshee obrazovanie segodnya. – 2009. – № 11.
2. Kiryushina, O.N. Faktori formirovaniya i sovremennye tendentsii razvitiya nauchnogo potenciala sistem obrazovaniya // Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. – 2010. – № 2.

Статья поступила в редакцию 27.07.11

УДК 37.011.33

Morozova N.V. **EKOKULTURNOE DEVELOPMENT OF THE FUTURE EXPERT.** In article necessity of formation of ecological culture of experts for a context of their future professional work is described, the methodological bases of working out of system-pedagogical model of formation of ecological culture are considered. Key concepts reveal and the universal model of stage-by-stage formation of ecological culture of the future experts is offered.

Key words: vocational training, ecological preparation, ecological literacy, ecological erudition, ecological component of professional competence, ecological culture.

Н.В. Морозова, начальник отдела ЦРПО ГОУ ВПО «АСОУ» МО, г. Москва, E-mail: morozovanat@bk.ru

ЭКОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ БУДУЩЕГО СПЕЦИАЛИСТА

В статье описана необходимость формирования экологической культуры специалистов в контексте их будущей профессиональной деятельности, рассмотрены методологические основания разработки системно-педагогической модели формирования экологической культуры. Раскрываются ключевые понятия и предлагается универсальная модель поэтапного формирования экологической культуры будущих специалистов.

Ключевые слова: профессиональное образование, экологическая подготовка, экологическая грамотность, экологическая образованность, экологическая составляющая профессиональной компетентности, экологическая культура.

Бесспорно экологическая проблема – одна из самых волнующих общечеловеческих проблем XXI века. Признаки глобального нравственно-экологического кризиса человечества, в котором оказался мир, ставят перед каждым конкретным человеком задачи овладения принципами управления своей жизнью, находящимися в постоянном взаимодействии с окружающей средой, задачи рационального природопользования и осознание роли, места и значения человека в эволюции не только Земли, но и Космоса.

Согласно Экологической доктрине России приоритетом любой образовательной системы становится формирование целостного мировоззрения и экологической культуры личности и общества, в рамках которых педагог призван выполнять социально-экологическую функцию.

Большинство ученых считают экологическую культуру составной частью общей культуры (В.А.Игнатова, Э.С. Маркарян, В.Н.Новиков, И.Н.Пономарева, Н.Ф. Реймерс, О.А. Таран, Н.В.Соловьева, К.А. Юрьев), которая характеризуется острым, глубоким, всеобщим осознанием насущной важности экологических проблем в жизни и будущего развития.

Существует противоположное мнение. Так, Н.Н. Моисев, считает, что экологическая культура – это не часть общечеловеческой культуры, а её новое содержание, новые оценки, новое качество, основу которых составляют универсальные ценности – Земля, Природа, Жизнь, Человек [1].

Неоднозначно определение понятия и структуры “экологической культуры” в основном, полном общем и профессиональном образовании.

В общеобразовательном учреждении И.Д. Зверев [2] определяет экологическую культуру как овладение системой знаний о природе и взаимодействии с обществом, выработку сознания и понимания необходимости оптимизации взаимоотношений человека с окружающей средой, развития эмоционально-чувственного и нравственно-эстетического отношения к природе.

В профессиональном образовании Рябцева О.Н. предлагает рассматривать экологическую культуру как умение и потребность использовать знания по экологии в обыденной личной, общественной и профессиональной деятельности [3]. Для инженерно-технических работников – это еще наличие специальных знаний, закономерностей развития биосферы в контакте с техносферой [4]. Для менеджера, по мнению А.В. Деминой, – это личностное новообразование, характеризующееся готовностью к принятию управленческих решений и ответственностью за последствия принятых решений в сфере взаимодействия природы и общества [5].

Экологическая культура нами рассматривается как результат экологической подготовки, составляющая нравственно-духовной сферы жизнедеятельности человека, характери-

зующая своеобразие его взаимодействия с природой и включающая в себя систему взаимосвязанных элементов экологического мировоззрения: экологическое знание, экологическое сознание, экологическое отношение и экологическую деятельность.

При анализе экологической культуры личности мы использовали понятие модель, понимая ее как изображение, схему, описание какого-либо объекта (их системы), отображающие структуру, свойства, взаимосвязи и отношения между элементами исследуемого объекта (системы).

Особую значимость для нашего исследования имеют разработанные дидактические модели, направленные на формирование экологической культуры специалистов.

Предложенная нами системно-педагогическая модель формирования экологической культуры специалиста в образовательном учреждении может быть использована при подготовке специалиста любого профиля.

Методологическими основаниями, обеспечивающие системный подход к формированию экологической культуры специалиста в процессе его обучения являются следующие представления:

Во-первых представлением об образовательной программе как совокупности документов, нормативно описывающих все значимые компоненты образовательного процесса (целевой, содержательный, процессуальный, результативно-диагностический, организационно-управленческий), проектно определяющие его состав и структуру.

Во-вторых, представлением о процессе формирования экологической культуры как технологическом процессе, включающем ряд этапов. При этом в качестве системообразующего основания для выделения этих этапов нами принята предложенная Б.С. Гершунским [6], структура становления личности являются: грамотность -> образованность -> профессиональная компетентность -> культура.

В-третьих, при создании модели формирования экологической культуры профессионального образования в образовательном учреждении мы основывались на преемственности разработок по данному направлению в общем и профессиональном образовании.

Наиболее существенной является авторская концепция колллектива ученых и педагогов во главе с академиком РАО И.Д. Зверевым. Авторы концепции предлагают три модели реализации структуры содержания: многопредметную, однопредметную и смешанную. С учетом специфики организации профессионального образования смешанная модель экологизации содержания нам представляется наиболее приемлемой, которая связана с введением специального курса “Основы экологии” с одновременной экологизацией предметов естественнонаучного и гуманитарного циклов, проведением специальных факультативных курсов экологической направленности.

сти, организацией активной внеклассной деятельности школьников.

В-четвертых, для реализации системного подхода к обновлению содержания профессионального образования с учетом экологической составляющей образования нами применялась модель контекстного обучения, предложенная А.А. Вербицким и Т.Д. Дубовицкой. При этом понятие «контекст» используется для определения методологических ориентиров при отборе и конкретизации содержания образования [7]. Авторы выделяют следующие контексты: социокультурный контекст; контекст научного знания; контекст учебного предмета; дидактический контекст и контекст личностной значимости.

С учетом данных представлений нами предложена универсальная системно-педагогическая модель формирования экологической культуры в образовательном учреждении, включающая: цели, содержание, формы, методы формирования экологической культуры.

Модель ориентирована на непрерывное экологическое становление личности обучающегося в профессиональном образовательном учреждении. В соответствии с этим, цели поэтапного формирования экологической культуры будущих специалистов находятся во взаимосвязи с этапами становления личности и определяются как последовательное формирование у обучающихся экологической грамотности, экологической образованности, экологического компонента профессиональной компетентности, экологической культуры.

Содержание экологической подготовки на каждом этапе дополняет предыдущее с тем, чтобы при окончании учебного заведения можно было говорить о том или ином уровне экологической культуры выпускника. Ведь экологическая культура, по мнению Б.Т.Лихачева[8], главный системообразующий фактор, способствующий образованию в человеке подлинной интеллигентности и цивилизованности, что очень важно в современном мире.

Так содержание экологической грамотности как минимальной необходимой ступени в экологическом становлении личности определяется в рамках личностного контекста. Оно включает в себя: ценность и значение человека как элемента природы и социума; условия сохранения природы, человека и человечества в меняющемся мире и т.д. и ограничивается введением в практическую социально-бытовую экологию, где осваиваются элементарные знания об экологии жилища, поселений, пищи, досуга, производственных процессов и трудовой деятельности людей. Это достигается включением соответствующего содержания в элективные курсы и содержание внеучебной деятельности. Последнее реализуется через работу экологического кружка, проведением экскурсий, в том числе в музеи, имеющие экологические экспозиции и т.д.

Экологическая образованность, в контексте научного знания, характеризующейся интеграцией различных областей экологии, предполагает освоение научных знаний в области экологии, которое реализуется экологизацией содержания общеобразовательной и общепрофессиональной подготовки. Реализуется это введением в общеобразовательные предметы модулей по экологии, путем введения отдельных предметов экологического содержания и факультативов.

Содержание экологического компонента профессиональной компетентности строится в рамках профессионального контекста в соответствии с экологическими знаниями, умениями и навыками, требуемыми при выполнении конкретной профессиональной деятельности, а также с учетом внимания к творческому отношению к делу, опыту и стремлению к непрерывному самосовершенствованию в экологической области [9]. Экологическая составляющая профессиональной компетенции осваивалась благодаря профилизации дисциплин посредством их интеграции с предметом Экология. Обучающиеся приобретают экологический опыт в профессиональной деятельности, благодаря включению экологических аспектов в производственное обучение и практику, организации экологического практикума и экомониторинга, где обучающиеся активно осуществляют проектную деятельность.

«Вершиной» экологической подготовки обучающихся является экологическая культура. Основной характеристикой экологической культуры, отличающей её от других составляющих структуры личности, является мировоззренческая и поведенческая позиция человека, его мировосприятие. Именно это определяет конкретные поступки людей, их отношение к различным сторонам жизни общества. Экологически оправданное поведение характеризуется переходом экологических знаний, экологического мышления в повседневную форму поведения. Отсюда внимание к мировоззренческому контексту, который достигается включением содержания экологических спецдисциплин в профессиональную подготовку, опыта исследовательской работы и пропагандистская экологическая работа, осуществление природоохранной деятельности.

Экологическое самообразование, участие в экологических чтениях, конференциях, семинарах и просто в акциях – это далеко не все методы, которые позволяют формировать и развивать экологическую культуру обучающихся.

Таким образом, предложенная нами системно-педагогическая модель в формировании культурно-экологических стремлений обучающихся в образовательном учреждении системы начального и среднего профессионального образования позволяет организовать непрерывный процесс становления экологической культуры у будущих специалистов.

Библиографический список

1. Моисеев, Н.Н. Экологическое образование и экологизация образования // Биология в школе. – 1996. – № 3.
2. Зверев, И.Д., Суравегина, И.Т. Отношение школьников к природе. – М.: Педагогика, 1988.
3. Рябцева, О.Н. Формирование экологической культуры учащихся в системе «школа-профессиональный колледж-вуз»: автореф. дис... канд. пед. наук. – Йошкар-Ола, 2005.
4. Муравьева, Е.В. Экологическое образование студентов технического вуза как базовая составляющая стратегии преодоления экологического кризиса: автореф. дис... канд. пед. наук. – Казань, 2008.
5. Демина, А.В. Формирование экологической культуры менеджера при подготовке в вузе: дис ... канд. пед. наук. – Саратов, 2009.
6. Гершунский, Б.С. Пути повышения качества профессионального образования. – М.: ИПО, 1992.
7. Вербицкий, А.А. Контексты содержания образования / А.А. Вербицкий, Т.Д. Дубовицкая: монография. – М.: «Альфа», 2003.
8. Лихачев, Б.Т. Педагогика / Курс лекций. – М.: Прометей, 1993.
9. Ермоленко, В.А. Дидактические основы функциональной грамотности в современных условиях / В.А. Ермоленко, Р.Л. Перченко, С.Ю. Черноглазкин: пособие для работников системы образования. – М.: ИТОП РАО, 1999.

Bibliography

1. Moiseev, N.N. Ekhologicheskoe obrazovanie i ehkologizaciya obrazovaniya // Biologiya v shkole. – 1996. – № 3.
2. Zverev, I.D., Suravegina, I.T. Otnoshenie shkolnikov k prirode. – M.: Pedagogika, 1988.
3. Ryabceva, O.N. Formirovanie ehkologicheskoy kul'turiny uchastnikov v sisteme «shkola-professional'nyy kolledzh-vuz»: avtoref. dis... kand. ped. nauk. – Yoshkar-Ola, 2005.
4. Muravjeva, E.V. Ekhologicheskoe obrazovanie studentov tekhnicheskogo vuza kak bazovaya sostavlyayushaya strategii preodoleniya ehkologicheskogo krizisa: avtoref. dis...kand. ped. nauk. – Kazan'. 2008.
5. Demina, A.V. Formirovanie ehkologicheskoy kul'turiny menedzhera pri podgotovke v vuze: dis ... kand. ped. nauk. – Saratov, 2009.
6. Gershunskiy, B.S. Puti povysheniya kachestva professional'nogo obrazovaniya. – M.: IPO, 1992.
7. Verbitskiy, A.A. Konteksty soderzhaniya obrazovaniya / A.A. Verbitskiy, T.D. Dubovitskaya: monografiya. – M.: «Alfa», 2003.
8. Likhachev, B.T. Pedagogika / Kurs lektsiy. – M.: Prometey, 1993.
9. Ermolenko, V.A. Didakticheskie osnovy funktsional'noy gramotnosti v sovremennikh usloviyakh / V.A. Ermolenko, R.L. Perchenok, S.Yu. Chernoglazkin: posobie dlya rabotnikov sistem obrazovaniya. – M.: ITOP RAO, 1999.

Статья поступила в редакцию 27.07.11

УДК 378.1

Nikitenko A.V. ACTIVIZATION OF THE COGNITIVE ACTIVITY OF MATHEMATICS STUDENT ON WORKS WITH THE MATHEMATICAL TEXT AS THE PROFESSIONAL COMPETENCE. Activization of the cognitive activity of mathematics student is a factor in their personal and professional development, which occurs with the help of students mastering a number of competencies. At the same time one of the key skills of specialist mathematics is the ability to work with mathematical information in the form of mathematical texts.

Key words: *activization of the cognitive activity, personal and professional development, mathematical text.*

A.B. Никитенко, аспирант ГОУ ВПО ДВГГУ, г. Хабаровск, E-mail: south333@mail.ru

АКТИВИЗАЦИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ-МАТЕМАТИКОВ ПО РАБОТЕ С МАТЕМАТИЧЕСКИМ ТЕКСТОМ КАК ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИЕЙ

Активизация познавательной деятельности студентов-математиков является одним из факторов их личностно-профессионального становления, которое происходит с помощью овладения учащимися рядом компетенций. При этом одним из ключевых умений специалиста-математика является умение работать с математической информацией в форме математических текстов.

Ключевые слова: *активизация познавательной деятельности, личностно-профессиональное становление, математический текст.*

Анализ литературы показывает, что с одной стороны растет потребность в подготовке специалистов-математиков (на это, в частности, указывает открытие специальности «Математика» в непрофильных вузах), а с другой стороны отсутствует методическое обеспечение при подготовке специалистов по математике к профессиональной деятельности. Важной составляющей учебно-воспитательного процесса усвоения студентами раздела общепрофессиональных дисциплин специальности «Математика» является активизация их познавательной деятельности.

Т.И. Шамова [1] рассматривает познавательную активность как качество деятельности учащегося, которое проявляется в устойчивом познавательном интересе к содержанию усваиваемых знаний и самому процессу учения, в стремлении проникнуть в сущность явлений и их взаимосвязей, овладеть способами деятельности и в той последовательности и настойчивости, которую он проявляет в процессе учения. Исходя из этого, автор трактует активизацию учения учащихся как «мобилизацию учителем с помощью специальных средств интеллектуальных, нравственно-волевых и физических сил учеников на достижение конкретных целей обучения и воспитания» [1, с. 49]. С другой стороны Р.А. Низамов [2] под активизацией учебно-познавательной деятельности студентов понимает целеустремленную деятельность преподавателя, направленную на совершенствование содержания, методов, приемов, средств и форм обучения с целью возбуждения интереса, повышения активности, творчества, самостоятельности студентов в усвоении знаний, формировании умений и навыков, применении их на практике. Таким образом, Р.А. Низамов уточняет, что «мобилизация интеллектуальных, нравственно-волевых и физических сил» учащихся производится с помощью совершенствования преподавателем содержания, методов, приемов, средств и форм обучения. Как считает Т.И. Шамова, целью активизации учения является достижение конкретных целей обучения и воспитания. Р.А. Низамов определяет эти цели, как усвоение знаний, формирование умений и навыков, применение их на практике.

Тогда можно сделать вывод, что активизация познавательной деятельности студентов – это двусторонний процесс, который затрагивает и деятельность преподавателя, и деятельность студента. Деятельность преподавателя включает в себя создание определенных условий, совершенствование содержания, методов, приемов, средств и форм обучения с целью возбуждения интереса, повышения активности, творчества, самостоятельности студентов в усвоении знаний, формировании умений и навыков, применении их на практике. Деятельность студента заключается в стремлении проявить свои интеллектуальные, нравственно-волевые и физические

силы в усвоении знаний, формировании умений и навыков, применении их на практике. Или другими словами, деятельность студента заключается в развитии устойчивого познавательного интереса к содержанию усваиваемых знаний и самому процессу учения, в стремлении проникнуть в сущность явлений и их взаимосвязей, овладеть способами деятельности, а также в проявлении последовательности и настойчивости в процессе учения.

Благодаря этому активизация познавательной деятельности студентов-математиков является одним из факторов их личностно-профессионального становления, которое определим как динамический целенаправленный процесс прогрессивного изменения личности под влиянием внешних условий, требований к профессиональной подготовленности и собственной активности в освоении всех педагогических элементов, необходимых для овладения профессией, направленный на развитие и саморазвитие личности, формирование профессиональной компетентности и готовности к постоянному профессиональному росту. Такое личностно-профессиональное становление происходит с помощью овладения учащимися рядом компетенций. Из федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) по направлению подготовки 010100 Математика (квалификация (степень) «бакалавр») следует, что выпускник должен обладать 17 общекультурными и 29 профессиональными компетенциями. Последние разделены в соответствии с видами профессиональной деятельности и профильной направленностью на 4 группы. Это профессиональные компетенции, относящиеся к: научно-исследовательской и научно-изыскательской деятельности; производственно-технологической деятельности; организационно-управленческой деятельности; преподавательской деятельности.

Анализ опыта подготовки специалистов-математиков [3] показывает, что для получения указанных результатов ФГОС ВПО одним из ключевых умений специалиста-математика является умение работать с математической информацией в форме математических текстов. Согласно проведенному исследованию под термином «математический текст» будем понимать текст, посвященный некоторой математической теории. Работа с математическим текстом, как видом информации [4], предполагает поиск, сбор, хранение, обработку, предоставление и распространение математической информации. В этом случае, предоставление информации – действия, направленные на получение информации определенным кругом лиц или передачу информации определенному кругу лиц; распространение информации – действия, направленные на получение информации неопределенным кругом лиц или передачу информации неопределенному кругу лиц.

В Дальневосточном государственном гуманитарном университете (г. Хабаровск) активизация познавательной деятельности студентов-математиков по работе с математической информацией реализуется включением учащихся 3-5 курсов и преподавателей математических дисциплин в процесс обучения с элементами WEB-2-технологий компьютерно-опосредованной коммуникации на основе Moodle [5] (модульная объектно-ориентированная динамическая учебная среда) – свободной системы управления обучением (LMS). Система реализует философию «педагогики социального конструкционизма» и ориентирована, прежде всего, на организацию взаимодействия между преподавателем и учениками, хотя подходит и для организации традиционных дистанционных курсов, а также поддержки очного обучения. В частности, в течение последних трех лет рассмотрены УМК курсов: Уравнения с гистерезисной нелинейностью, Теория позитивных операторов, Нелинейные уравнения и системы параболического типа, Уравнения с частными производными [6].

Опыт работы в этой системе показал, что организационная деятельность для включения студентов и преподавателей в процесс обучения на основе WEB-2-технологий компьютерно-опосредованной коммуникации предполагает, прежде всего, получение от вузовского отдела внедрения ИТ в учебный процесс каждым студентом и преподавателем индивидуальных логина и пароля для входа в Moodle. Регистрация пользователя происходит по поданной администратору отдела анкете, в которой необходимо указать фамилию, имя, отчество участника и адрес его электронной почты, на которую высылаются логин и пароль для входа в систему.

Деятельность преподавателя состоит в разработке электронного набора пособий по модулям изучаемой дисциплины, который содержит: УМК по дисциплине; основные сведения по изучаемому предмету (возможно, некоторые электронные книги); указатель основной и рекомендуемой литературы; систему контрольных работ, типовых расчетов, тестов, необходимых для промежуточного контроля знаний, умений, навыков студентов; методические рекомендации по выполнению типовых расчетов и контрольных работ; домашнее задание, которое сводится к логическому упорядочению полученной студентом-математиком на лекции информации и её представлению в виде схем или таблиц, сопровождаемых терминологическим словарем; вопросы для самопроверки; вопросы к экзамену. В начале семестра к такому набору пособий получает доступ каждый студент. В течение семестра преподаватель проверяет и оценивает присланные студентами домашние задания, типовые расчеты и контрольные работы, возвращая их учащимся на доработку в случае обнаружения ошибок или неточностей.

Деятельность студента заключается в самостоятельном выполнении домашних заданий, типовых расчетов и контрольных работ. Отчеты с выполненными работами учащийся оформляет в виде электронного документа в формате Word и загружает на проверку преподавателем в Moodle. Отчет включает в себя: номер группы; фамилию, имя, отчество выполняющего; номер типового расчета; номер своего варианта; постановку задачи; подробное решение; ответ.

Кроме того, студенты имеют право загружать в Moodle (модуль Рабочая тетрадь – интерактивная тетрадь, которая состоит из множества различных заданий, созданных в рамках учебного курса) материалы по всем разделам курса (т. е. создавать свою базу хрестоматийных сведений), обмениваться ими друг с другом, а затем использовать их при сдаче зачета или экзамена. Причем, предусмотрено ограничение на объем и количество закачиваемых материалов. В итоге студент не имеет возможности загружать в Moodle электронные книги целиком или большое количество файлов. Поэтому учащийся должен из всевозможных источников информации (электронные книги, Интернет, печатные материалы, лекции и т. д.) выбрать то, что, по его мнению, наиболее полно опишет темы по всем разделам учебной дисциплины. Объем и количество закачиваемых материалов зависят от конкретной математиче-

ской дисциплины, изучаемой темы и выбираются преподавателем самостоятельно.

Проводить зачет или экзамен с помощью WEB-2-технологий компьютерно-опосредованной коммуникации можно несколькими способами.

1) По билетам (экзамен). Экзамен проводится в аудитории вуза, оборудованной необходимым количеством ЭВМ, имеющим доступ в Интернет. Во время экзамен студент наугад выбирает билет с вопросами, входит на личную страницу в Moodle и готовит ответ, используя базу хрестоматийных сведений, наработанную им самим в ходе обучения учебной дисциплине. При этом доступ к электронным книгам, загруженным в Moodle преподавателем, блокируется. При ответе на практический вопрос студент имеет право пользоваться отчетами своих типовых расчетов (или контрольных работ), загруженными в Moodle. После подготовки ответов на вопросы (или по истечении определенного преподавателем времени на подготовку) учащийся представляет преподавателю результаты и отвечает на его вопросы.

2) Преподаватель в начале изучения курса выдает для изучения каждому студенту математическую статью с доказательством теоремы, леммы или предложения. Для получения зачета или отметки на экзамене студент должен ее проанализировать и представить отчет с собственным доказательством всех пропущенных этапов теоремы, леммы или предложения. Причем, собственные рассуждения студент выделяет цветом, затем оформляет отчет в электронном варианте и загружает в Moodle для проверки преподавателем, который в зависимости от результатов выставляет отметку за экзамен (или зачетно/незачтено). Оправданность применения Moodle в этом случае связана также с тем, что в процессе выполнения данной работы студент постоянно нуждается в более тесном общении с преподавателем, нежели то, что он может получить только при очной системе обучения.

Кроме того, постоянные консультации преподавателя требуются студентам при выполнении ими курсовых и дипломных работ, а также при подготовке учащихся к выступлениям на научных конференциях. В этом случае от преподавателя требуется создать в Moodle специальный посвященный этому раздел. Причем, для упорядоченности лучше разбить этот раздел по курсам, далее по группам и разрешить каждому студенту, входящему в эти группы, закачивать неограниченный объем информации для ознакомления с ней преподавателя и других студентов. Просмотрев полученную информацию, преподаватель корректирует ход работы студента, высказывает пожелания, отвечает на вопросы (причем, вопросы могут задавать любые заинтересовавшиеся учащиеся) и задает свои.

В настоящее время ведется работа по созданию тестов по профилирующим дисциплинам специальности «Математика», которые позволят осуществлять промежуточный и итоговый контроль знаний, умений, навыков студентов-математиков. Тесты разрабатываются преподавателем и загружаются в Moodle. Причем, необходимо, чтобы студенты имели в течение семестра свободный доступ (без авторизации) к тренировочным пробным тестам по каждому разделу дисциплины для самостоятельной оценки собственного текущего уровня знаний, умений, навыков. Но к итоговому тесту, на основании которого выставляется отметка за экзамен или зачет, учащиеся получают доступ только после авторизации непосредственно во время экзамена или зачета, которые проводятся в аудитории вуза, оборудованной необходимым количеством ЭВМ, имеющим доступ в Интернет. Результаты тестирования записываются в Moodle на личной странице каждого студента и переносятся в его зачетную книжку.

Такой подход позволяет активизировать работу студентов с математической информацией: поиск, выборка, отсеивание, освоение структуры источников (журналы, монографии, профессиональные Интернет-сайты, библиотеки университетов и т. д.), что способствует активизации познавательной деятельности студентов-математиков по овладению рядом профессиональных компетенций. Кроме того, начало использования смешанной методики очно-дистанционного обучения позволяет уделять больше времени успевающим студентам.

Библиографический список

1. Шамова, Т.И. Активизация учения школьников. – М.: Педагогика, 1982.
2. Низамов, Р.А. Дидактические основы активизации учебной деятельности студентов. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 1975.
3. Поличка, А.Е. Педагогические условия развития компетентности студентов специальности «Математика» к использованию средств информационных технологий в профессиональной деятельности / А.Е. Поличка, А.В. Никитенко // Перспективы развития молодежного рынка труда Дальнего Востока: научно-методические материалы Третьей межрегиональной научно-практической конф. 25-26 марта 2010 г. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2010.
4. Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 27.07.2010 г.) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». – [Э/п]. – Р/д: <http://www.consultant.ru>
5. Moodle. – [Э/п]. – Р/п: <http://www.moodle.org>
6. Поличка, А.Е. Учебные материалы электронного УМК / А.Е. Поличка, А.В. Никитенко / Экспериментальная система дистанционного обучения: Курсы / Институт математики, физики и информационных технологий / Кафедра Математики. – [Э/п]. – Р/д: http://iso.khspu.ru/child_moodle/course/category.php?id=29

Bibliography

1. Shamova, T.I. Aktivizaciya ucheniya shkol'nikov. – M.: Pedagogika, 1982.
2. Nizamov, R.A. Didakticheskie osnovy aktivizatsii uchebnoy deyatel'nosti studentov. – Kazan': Izd-vo Kazan. gos. un-ta, 1975.
3. Polichka, A.E. Pedagogicheskie usloviya razvitiya kompetentnosti studentov special'nosti «Matematika» k ispol'zovaniyu sredstv informacionnykh tekhnologiy v professional'noy deyatel'nosti / A.E. Polichka, A.V. Nikitenko // Perspektivnykh razvitiya molodezhnogo rynka truda Dal'nego Vostoka: nauchno-metodicheskie materialy Tret'ey mezhre-gional'noy nauchno-prakticheskoy konf. 25-26 marta 2010 g. – Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 2010.
4. Federal'niy zakon ot 27.07.2006 g. № 149-FZ (red. ot 27.07.2010 g.) «Ob informacii, informacionnykh tekhnologiyakh i o zashite informacii». – [Eh/r]. – R/d: <http://www.consultant.ru>
5. Moodle. – [Eh/r]. – R/r: <http://www.moodle.org>
6. Polichka, A.E. Uchebnye materialy ehlektronnoho UMK / A.E. Polichka, A.V. Nikitenko / Ehksperimental'naya sistema distancionnogo obucheniya: Kursy / Institut matematiki, fiziki i informacionnykh tekhnologiy / Kafedra Mate-matiki. – [Eh/r]. – R/d: http://iso.khspu.ru/child_moodle/course/category.php?id=29

Статья поступила в редакцию 27.07.11

УДК 159.923:18

Nurumov B. A., Bolshunova N.Y., Darzhuman G.K. THE ROLE OF VALUABLE ORIENTATIONS IN THE STRUCTURE OF AN INDIVIDUAL. The problem of forming values as one of the leading criteria of the development level of the valuable orientations in the mind of personality is represented in this article.

Key words: values, aesthetic values, aesthetic motivation, perception, integral perception, the level of understanding, the art, emotional obtainment, valuable relation, emotional impression.

Б.А. Нурумов, аспирант НГПУ, г. Павлодар, Республика Казахстан; **Н.Я. Большунова**, д-р. психол. наук, проф. НГПУ, г. Новосибирск; **Г.К. Даржуман**, канд. биол. наук, доц. ПГПИ, г.Павлодар, Республика Казахстан, E-mail: Baur_Abl@mail.ru

РОЛЬ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИИ В СТРУКТУРЕ ЛИЧНОСТИ

В работе рассматривается проблема формирования ценностей как один из ведущих критериев уровня развития ценностных ориентации в структуре личности.

Ключевые слова: ценности, эстетические ценности, эстетическая мотивация, направленность, деятельность, эмоциональное освоение, восприятие, ценностные отношения, эмоциональное впечатление.

Формирование эстетических ценностей личности происходит в условиях взаимодействия мировой и национальной культур. И хотя общечеловеческие мотивы признаны ведущими в структуре общественного сознания и поведения, влияние национальных особенностей нередко оказывается решающим фактором, который во многом определяет облик человека. Феномен национального в процессе социализации поставил перед социологией вопрос о поиске новых резервов его сочетания с общечеловеческими ценностями, привел к необходимости более глубокого понимания социально-психологических механизмов признания особого места в общественной жизни каждого народа, каждой нации и народности и каждого отдельного их представителя [1, с. 235].

В отечественной психологии подходы пониманию ценностей рассматриваются на различие трактовок понятия «личность», во всех отечественных подходах в качестве ее ведущей характеристики выделяется направленность. Направленность, по-разному раскрываемая в работах А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, Б.Г. Ананьева, Д.Н. Узнадзе, Л.И. Божович и других отечественных психологов, выступает как системообразующее свойство личности. Б.Ф. Ломов определяет направленность как «отношение того, что личность получает и берет от общества (материальные и духовные ценности), к тому, что она ему дает, вносит в его развитие» [2, с. 37]. В направленности выражаются субъективные ценностные отношения личности к различным сторонам действительности. Отмечая психологический характер ценностей как объект

направленности личности, В.П. Тугаринов использует понятие «ценностные ориентации», определяемые им как направленность личности на те или иные ценности [3].

Термин «направленность» является общим и «характеристика личности направленностью не только односторонняя и бедная, но она мало подходит для понимания большинства людей, поведение которых определяется внешними моментами» [4, с. 101]. Общественные условия формируют личность как систему отношений. По В.Н. Мясцеву, «содержанием личности является совокупность отношений к предметному содержанию опыта человека и связанная с этим система ценностей» [4, с. 159].

Изучение роли общественно-социальных отношений в формировании личности применительно к ее ценностным ориентациям было продолжено в работах Б.Д. Парыгина, А.И. Донцова, Г.М. Андреевой, В.С. Мухиной, А.А. Бодалева, Л.И. Анцыферовой, В.Г. Алексеевой и многих других исследователей. В.Г. Алексеева формулирует общественное определение ценностных ориентации, как форму включения общественных ценностей в механизм деятельности и проведения личности, как ступень перехода ценностей общества в деятельность субъекта [5, с. 64].

Социально-психологический подход к определению ценностей заключается не в рассмотрении ценностей системы общества как внешней по отношению к человеку совокупности норм и правил, а в анализе социально обусловленного характера принятия ценностей личностью.

Так, С.Л. Рубинштейн видел задачу психологии в том, чтобы «преодолеть отчуждение ценностей от человека» [6, с. 211]. Ключевое место в теории А.Н. Леонтьева занимает понятие «деятельности» как основное средство принятия личностью ценностей общества. По его словам, реальным базисом личности человека выступает совокупность общественных по своей природе отношений к миру, которые реализуются его деятельностью [7].

В современной психологической и философской литературе проблема эстетической ценностей личности рассматривается в исследованиях теоретического и прикладного характера. Это исследования О.И. Шкаратан, Л.С. Бляхман, А.Г. Здравомыслова, В.А. Ядова, М.И. Бобневой, О.И. Зотовой, И.М. Поповой, В.С. Бакирова, А.П. Вардомацкого, В.А.Василенко, Е.А. Васиной, Н.А. Волковой, Е.И. Головахи, Я.Гудечека, Б.С.Круглова, Н.И. Непомнящей, Н.В. Рогавы, Ю.Р. Саарнийта, В.А. Сайко, Л.А. Сулейменовой, А.А. Табуна и других авторов.

Эстетические ценности личности представляют собой сложную динамическую структуру, которая не только зависит от ценностей социума, но подвержена закономерным изменениям в процессе онтогенеза и несет на себе отпечаток индивидуальных и половых различий. Структурно-динамические характеристики системы ценностных ориентаций связаны с возрастными особенностями и особенностями и особенностями интеллектуального развития, и ведущими ценностями семьи.

Динамика изменения ценностей имеет кризисные моменты, в течение которых происходит распад предыдущей и формирование новой структуры ценностей. Понятие «ценностные ориентации» имеет неодинаковое значение в различных областях науки. Тем не менее, Б.Г. Ананьев, подчеркивая связующий, обобщающий характер изучения ценностных ориентаций, писал: «Имеется общий центр, в котором сходятся исследования социологов, социальных психологов и психологов. Этим общим центром является ценностная ориентация групп и личности, общность целей деятельности, жизненная направленность или мотивация поведения людей». [8, с. 232]

Исследования ценности образуют два уровня: теоретический и прикладной.

В философии ценности определяют как продукт жизнедеятельности социальных групп и общностей, человечества в целом, которые существуют в виде общественного идеала. Так и проявляются через призму индивидуальной жизнедеятельности и входят в структуру личности, являясь одним из источников мотивации ее поведения. Служат важным фактором социальной регуляции взаимоотношений людей и поведения отдельного человека.

Философия уделяет внимание взаимодействию субъекта и объекта ценностных отношений. Это область рассмотрения объективной истинности и отношения к ней человека. Р.Е. Миронова выделяет различные подходы к определению ценностей в философии. Часть философов придерживается определения ценностей как материальных и духовных или их свойств, способных удовлетворять материальные и духовные потребности субъекта (общества, класса, личности). Ценность появляется в процессе общения человека с окружающим миром, в котором предметы или явления удовлетворяют потребность человека.

В.П. Тугаринов делит ценности на материальные, социально-политические и духовные. Он писал: «Ценности суть предмета, явления и их свойства, которые нужны (необходимы, полезны, приятны и прочее) людям определенного обще-

ства или класса и отдельной личности в качестве средств удовлетворения потребностей и интересов, а также – идеи и побуждения в качестве нормы, цели или идеала» [9].

Эстетическая ценность как и другие возникает на основе практической деятельности человека, как требующая своей реализации возможность.

Социология рассматривает ценности и ценностные ориентации как идеологические, политические, эстетические и другие основания оценки субъектом окружающей действительности и ориентации в ней. Такой подход к проблеме ценностных ориентаций предполагает исследование их как компонентов социума, выполняющих нормативные функции по отношению к личности. В социологии ценностные ориентации и ценности рассматриваются, как связующее звено между ценностями общественного сознания и духовным миром личности, между общественным и индивидуальным бытием. Изучается степень осознанности личностью общественных ценностей, сила их воздействия на поведение людей.

Понятие «ценность» впервые введено У.Томасом и Ф. Знанецким. Они используют понятие «ценность» в социологии, тогда как до них это понятие существовало только в философии. Авторы рассматривают понятие «аттитюд» как переживание смысла, ценности социального объекта. Структуре аттитюда посвящены работы Д.Креча и С. Крачфилда. Т.Парсонс впервые вводит понятие «ценности ориентации».

Психологическая наука рассматривает ценности тесно связанными с познавательными и волевыми процессами, образующими содержательную сторону направленности личности, основу ее отношения к действительности. Психология уделяет особое внимание регулирующей функции ценности для возможного прогнозирования поведения человека. В психологических исследованиях рассматривается роль ценности в формировании потребностей, целей, мотивации и мировоззрения личности.

В.А. Павловский и И.А. Раппорт делят ценности по принципу профессиональной направленности.

В.А. Ядов разрабатывал теорию аттитюда и пришел к выводу о том, что аттитюд является менее крупным элементом структуры личности, чем ценностные ориентации. По мнению автора, ценность представляют собой систему аттитюдов относительно действительности. Эта система иерархична по ряду параметров, главный из которых – устойчивость самой системы.

Ценностные ориентации как система социальных установок, направленная на социальные ценности, «способствует оптимизации поведения, позволяет личности удовлетворять свои основные потребности теми способами, посредством тех ценностей, которыми располагает общество» [10, с. 175]. Усваивая ценности своей среды и превращая их в ценностные ориентиры, мотивационные силы своего поведения, человек становится активным субъектом общественной деятельности.

Содержание ценности определено общественными отношениями в таком виде, в каком эти отношения закреплены в общественном сознании, в эталонах культуры, в нормах поведения. Содержательное наполнение эстетических ценностей традиционно представляется как единство эмоционального, когнитивного и поведенческого элементов. В процессе развития эстетических ценностей происходит, прежде всего, эмоциональное оценивание, эмоциональное переживание внешней ситуации, явления-ценности. Это первая наиболее непосредственная и интуитивная связь личности с новым явлением действительности, и в процессе установления связи актуализируются установки, потребности, мотивы личности.

Библиографический список

1. Татков, М.М. Ориентация личности в обществе. – М., 2004.
2. Ломов, Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. – М., Наука, 1984.
3. Тугаринов, В.П. Теория ценностей в марксизме. – Ленинград: Издательство ЛГУ, 1968.
4. Мясичев, В.Н. Структура личности и отношение человека к действительности // Психология личности: Тесты / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, А.А. Пузыря. – М.: Изд-во МГУ, 1982.
5. Алексеева, В.Г. Ценностные ориентации как фактор жизнедеятельности и развития личности // Психологический журнал. – 1984 – Т. 5. – № 5.
6. Абульханова-Славская, К.А. Философско-психологическая концепция С.Л. Рубинштейна / К.А. Абульханова-Славская, А.В. Брушлинский: к 100-летию со дня рождения. – М., Наука, 1989.
7. Леонтьев, А.Н. Деятельность, сознание, личность. – М.: Политиздат, 1975.

8. Ананьев, Б.Г. Избранные труды: в 2-х т. – М., 1980. – Т.1.
9. Тугаринов, В.П. О ценностях жизни и культуры. – Ленинград: ЛГУ, 1960.
10. Соколов, Э.В. Культура и личность. – Москва, 1972.

Bibliography

1. Tatkov, M.M. Orientatsiya lichnosti v obshchestve. – M., 2004.
2. Lomov, B.F. Metodologicheskie i teoreticheskie problemi psikhologii. – M., Nauka, 1984.
3. Tugarinov, V.P. Teoriya cennostey v marksizme. – Leningrad: Izdatelstvo LGU, 1968.
4. Myasithev, V.N. Struktura lichnosti i otnoshenie cheloveka k deystvitelnosti // Psikhologiya lichnosti: Testi / pod red. Yu.B. Gippenrejtser, A.A. Puzi-hrya. – M.: Izd-vo MGU, 1982.
5. Alekseeva, V.G. Cennosti orientatsii kak faktor zhiznedeystelnosti i razvitiya lichnosti // Psikhologicheskii zhurnal. – 1984 – Т. 5. – № 5.
6. Abuljkanova-Slavskaya, K.A. Filosofsko-psikhologicheskaya koncepciya S.L. Rubinshteyna / K.A. Abuljkanova-Slavskaya, A.V. Brushlinskiy: k 100-letiyu so dnya rozhdeniya. – M., Nauka, 1989.
7. Leontjev, A.N. Deyatel'nost', soznanie, lichnost'. – M.: Politizdat, 1975.
8. Ananjev, B.G. Izbranniye trudi: v 2-kh t. – M., 1980. – Т.1.
9. Tugarinov, V.P. O cennostyakh zhizni i kul'tur. – Leningrad: LGU, 1960.
10. Sokolov, E.V. Kul'tura i lichnost'. – Moskva, 1972.

Статья поступила в редакцию 27.07.11

УДК 378.144/146

Plugina N.A. STRUCTURE OF THE CONCEPT OF INFORMATION-DESIGN TRAINING OF STUDENTS. The summary: In article necessity of construction of the concept of information-design training of students is proved, in the form of the time count the structure of the developed concept is offered, its basic components are described.

Keywords: information-design training, concept structure, informative thinking, dialogue of cultures.

Н.А. Плугина, канд. пед. наук, доц. МаГУ, г. Магнитогорск, E-mail: natalia2209@ya.ru

СТРУКТУРА КОНЦЕПЦИИ ИНФОРМАЦИОННО-ПРОЕКТНОГО ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ

В статье обосновывается необходимость построения концепции информационно-проектного обучения студентов, в форме временного графа предложена структура разрабатываемой концепции, описаны основные ее компоненты.

Ключевые слова: информационно-проектное обучение, структура концепции, информативное мышление, диалог культур.

Опережающее развитие информационных технологий, научно-технической базы привело к значительному росту информации, которая по последним данным удваивается каждые два года и является общедоступной благодаря глобальной сети Интернет. Основными недостатками данной информации являются несистемность и возможность недостоверности. Для того, чтобы ориентироваться в объеме этой информации необходимо обладать навыками систематизации и поиска информации, а также проверки ее достоверности. Изучая различные разрозненные учебные дисциплины в период получения профессионального образования, данные навыки у студентов развиваются слабо и, как следствие, у них возникают проблемы с поиском и анализом необходимой для профессиональной деятельности информации.

Исторически сложилось, что основной формой получения новых знаний в профессиональной школе является лекция. До сих пор в образовательных стандартах и учебных планах выделяется графа обозначающая количество часов для проведения лекционных курсов. При такой форме обучения ведущая роль отводится лектору, который фактически является пересказчиком той или иной научной точки зрения, в редких случаях побуждающей аудиторию слушателей к поиску и решению проблем в рамках изучаемой темы. Данная методика не позволяет развить у студентов навыки самостоятельного поиска и анализа информации.

Существующие на сегодняшний день методические подходы, закрепленные в образовательных стандартах, обязывают преподавателя опираться при обучении на конкретный перечень источников литературы на бумажных носителях. В то время как существует множество электронных учебных методических учебных пособий, обучающих программ, баз данных, включая возможность доступа в Интернет из учебных кабинетов. При подготовке вопросов к зачетам и экзаменам преподаватель также ориентируется на материал, изложенный в конкретном перечне литературы. Доля творческих, требующих постановки решения проектных задач вопросов в естественнонаучных и технических дисциплинах составляет не более 30-40%, а в гуманитарных – не более 10-15%. Для получе-

ния удовлетворительной оценки в большинстве случаев студенту достаточно воспроизвести материал, предложенный преподавателем в конкретном источнике литературы. Данный факт подтверждает и образовавшаяся на сегодняшний день тенденция разработки ЭУМК, включающего полный перечень основных понятий, тем курса с обязательным указанием страниц источников. Данная ситуация также не стимулирует у студентов потребности в самостоятельном поиске необходимой информации и уж тем более ее анализе.

В рамках одного учебного заведения преподаватель вправе выбирать и применять на практике любые методики и технологии обучения в рамках читаемой дисциплины. Такой подход способствует разрозненности методов и приемов обучения различным дисциплинам учебного плана. В тоже время большая часть понятий в рамках одной специальности встречается практически во всех дисциплинах учебного плана. Для успешного усвоения понятий, выработки системных представлений, на наш взгляд, необходим структурно-интегративный подход к изучению этих дисциплин и такая модель образовательного процесса, которая позволит интегрировать дисциплины как естественнонаучного, так и гуманитарного профиля в единую систему на базе информационных технологий для успешного применения в дальнейшей профессиональной деятельности.

В последнее десятилетие Российская система образования, руководствуясь Болонским соглашением, перешла на оценку качества предоставленных образовательных услуг с помощью оценочных тестов различного уровня (ЕГЭ, ЦТ, интернет-тестирование и т.п.), для получения удовлетворительной оценки в которых достаточно пройти тесты первого и второго уровней, заключающиеся, как правило, в узнавании правильного ответа и решении простейших типовых задач. В то время как достаточно четко определились требования работодателей к самостоятельному решению нестандартных задач и глубокому пониманию процессов управления производственными системами и механизмами, основанными на информационных технологиях.

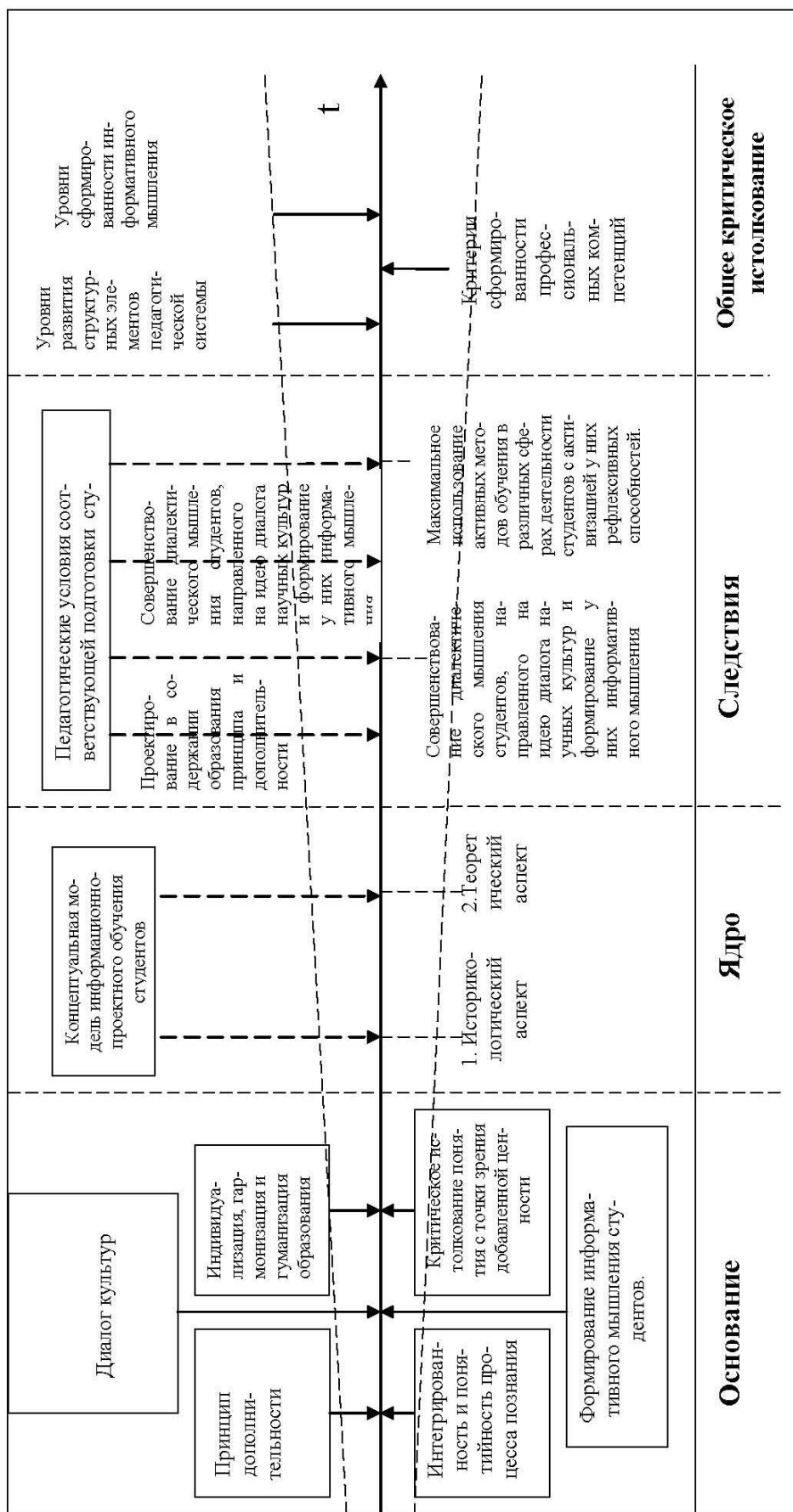

Рис. 1. Временной граф построения концепции информационно-проектного обучения студентов

Современный уровень развития науки и техники обеспечил внедрение информационных технологий не только в сферу промышленного производства, но также и в социальную сферу. Современный специалист не только технического, но даже гуманитарного профиля для того, чтобы стать конкурентноспособным на рынке труда должен владеть информационными технологиями, пользоваться различными компьютерными, диагностическими, копировальными и т.п. приборами и оборудованием. В то время как в высшем профессиональном образовании слабо применяются или вовсе отсутствуют технологии, способствующие развитию у студентов информативного мышления, соответствующих проектировочных умений, и широким внедрением в производство современного оборудования, основанного на информационных технологиях, требующего от работника необходимости самостоятельного проектирования технологических процессов.

Мы полагаем, что целесообразным является проектирование образовательного процесса с применением современных информационных технологий, предполагающих изучение и обоснование целей, отбор и анализ необходимых интегративных понятий. Проектирование алгоритмов, обеспечивающих решение образовательных проблем, возникающих при изучении всех дисциплин учебного плана студентами учреждений профессионального образования, является одним из наиболее оптимальных выходов из сложившейся ситуации. Гармоничное профессиональное развитие личности студентов может быть реализовано через диалог научных культур, с помощью спроектированной с учетом требований работодателей модели специалиста, требующей интеграцию всех дисциплин гуманитарного, естественнонаучного, общепрофессионального и специального циклов учебного плана. Своевременный мониторинг образовательного процесса, основанный на информационных технологиях, позволит обеспечить диалог между всеми указанными дисциплинами, а также оптимально сформировать у студентов интегративные понятия и проектировочные умения, и информативное мышление, необходимые профессиональные компетенции, что и предполагает комплексное достижение целей образования на базе компьютерных средств обучения. Следовательно, необходима разработка новой образовательной концепции, основанной на структурно-интегративном подходе. Перечислим ее основные положения:

1. Проектирование образовательного процесса должно осуществляться во взаимосвязанной системе «структурно-технологическая система – личность», которая позволяет при проектировании процессов, как технологических, так и социально-экономических, развивать профессионально значимые качества личности, т.е. процесс обучения и воспитания должен осуществляться как единое целое, т.е. как система.

2. Цель образовательного процесса – развитие профессиональных компетенций студентов при проектировании технологических и социальных процессов. В соответствии с поставленной целью определяются задачи как образовательного процесса в целом, так и всех его структурных составляющих.

3. Мониторинг развития и оценка профессиональных компетенций специалиста осуществляется по строго определенным диагностируемым параметрам.

4. По результатам мониторинга студент должен получить рекомендации по наиболее приемлемому для него виду профессиональной деятельности в рамках получаемой специальности.

5. Использование элементов технологии формирования у студентов системы интегративных научных понятий.

Мы также как и Е.Н. Рашикулина иллюстрируем построение концепции с помощью временного графа [1, с. 152].

Теоретическое понятие концепции в следующих базовых положениях.

Эффективность образовательной концепции обеспечивается внедрением и реализацией системы оперативного информационного контроля качества образовательного процесса. Для разработки и внедрения в образовательный процесс системы оперативного информационного контроля, направленного на достижение прогнозируемого результата, необходимо с учетом основных положений стандартов серии ИСО 9000, адаптировать систему контроля на образовательное учреждение профессионального образования в целом и на технологию, в частности. Для эффективной работы организация должна определить и осуществлять мониторинг всех структурных элементов педагогической системы, учитывая их взаимосвязи. Такой подход подчеркивает важность: а) понимания и выполнения требований, предъявляемых к каждому элементу педагогической системы; б) необходимости рассмотрения элементов педагогической системы с точки зрения добавленной ценности; в) результативность выполнения функций каждого из элементов педагогической системы; г) постоянного улучшения элементов педагогической системы, основанного на объективном измерении. Для внедрения стандарта ИСО 9000 в образовательный процесс, необходимо «...разработать, задокументировать, внедрить и поддерживать в рабочем состоянии систему менеджмента качества, постоянно улучшать ее результативность в соответствии с требованиями настоящего стандарта».

Организация должна: а) определять процессы, необходимые для системы менеджмента качества, и их применение во всей организации; б) определять последовательность и взаимодействие этих процессов; в) определять критерии и методы, необходимые для обеспечения результативности как при осуществлении, так и при управлении этими процессами; г) обеспечивать наличие ресурсов и информации, необходимых для поддержки этих процессов и их мониторинга; д) осуществлять мониторинг, измерение и анализ этих процессов; е) принимать меры, необходимые для достижения запланированных результатов и постоянного улучшения этих процессов» [2, с. 5].

Организация системы оперативного технологического контроля в рамках учебной дисциплины представлена в таблице 1.

Таблица 1

Соответствие между этапами процесса преподавания дисциплины и стадиями выпуска продукции

№ п/п	Стадии выпуска продукции	Основные этапы процесса преподавания дисциплины	Цель процесса	Основные структурные элементы подготовки и проведения урока	Диагностируемые результаты процесса
1	Маркетинг. Поиски и изучение рынка	Изучение области применения дисциплины в будущей профессиональной деятельности	Выбор профессиональных компетенций, развиваемых в рамках конкретной дисциплины	Изучение образовательного стандарта и модели специалиста	Перечень знаний, умений и навыков по дисциплине в соответствии со стандартом по специальности
					Начальный уровень развития профессиональных компетенций по «Дневнику специалиста»
					Соответствие требований работодателя к личности выпускника задачам дисциплины
2	Проектирование и разработка тех-	Отбор основных интегративных понятий, форми-	Обеспечение требований стандарта к	Разработка электронного учебно-методического	Перспективно-тематический план учебной дисциплины

	нических требований к продукции	руемых в рамках дисциплины	подготовке выпускника	комплекса	Средства диагностики сформированности интегративных понятий
3	Материально-техническое снабжение	Разработка электронного учебно-методического комплекса по дисциплине	Ресурсное обеспечение реализации поставленных целей		Перечень задач курсового и дипломного проектирования, реализуемых в рамках дисциплины Перечень оборудования для образовательного процесса Перечень стандартов и других нормативных документов по специальностям подготовки Перечень литературы для образовательного процесса Перечень информационно-дидактических средств обучения Электронная информационная база учебной дисциплины Лабораторный практикум по дисциплине Критерии оценки по дисциплине
4	Подготовка и разработка производственных процессов	Разработка рабочей программы учебной дисциплины и проектных заданий в рамках курсового и дипломного проектирования	Реализация информационно-проектной методики		Рабочая программа по дисциплине Перспективно-тематические планы по дисциплинам учебного плана Аттестационные педагогические измерительные материалы Перечень заданий в рамках курсового и дипломного проектирования
5	Производство продукции	Проектная деятельность при проведении учебных занятий по дисциплине	Реализация общей схемы организации учебного процесса	Проведение учебного занятия	Планы уроков Реализация задач курсового и дипломного проектирования на уроке
6	Контроль и испытания	Мониторинг развития профессиональных компетенций	Обеспечение профессиональной компетентности выпускника	Мониторинг учебного занятия	Зачетные ведомости Экзаменационные ведомости Ведомости контрольных работ Ведомости защиты курсовых проектов Результаты диагностики личности студентов Анализ уроков Электронные журналы учета теоретического обучения Журналы вводного и текущего инструктажей по охране труда Результаты итоговой аттестации выпускников
7	Упаковка и хранение	Наглядное представление результатов проектирования	Развитие информативного мышления	Разработка презентации по теме учебного занятия	Уровень развития информативного мышления Матричный анализ понятий
8	Реализация и распределение	Презентация результатов проектирования	Анализ результатов проектной деятельности	Презентация результатов проектирования	Презентации, разработанные студентами по теме урока Доклад по презентации
9	Монтаж и эксплуатация	Критическое истолкование результатов проектирования	Анализ применения полученных ЗУНов в профессиональной деятельности	Анализ учебного занятия	Взаимосвязь с курсовым и дипломным проектированием Межпредметные связи Применение в профессиональной деятельности
10	Техническая помощь в обслуживании	Рефлексия урока (отсроченный критический анализ)	Актуализация знаний	Рефлексия учебной деятельности	Дневник специалиста Оценочный лист урока Рейтинг-лист курсового и дипломного проектов Рейтинг студентов

11	Утилизация после использования	Постановка проблемы и формулировка задач на следующий урок	Систематизация знаний	Подведение итогов урока, домашнее задание	Домашнее задание

Опираясь на приведенные выше этапы преподавания дисциплины (таблица 1) мы разработали структуру концепции информационно-проектного обучения, которая состоит из нескольких элементов:

- схема проектирования и реализации учебного процесса;
- временной граф реализации технологии информационно-проектного обучения;
- структурно-функциональная модель реализации педагогических условий.

Одной из основных целей профессионального образования является формирование у студентов профессиональных компетенций, необходимых для успешной трудовой деятельности по избранной специальности. Для студентов в условиях быстро развивающейся науки и техники является умение решать нестандартные задачи с помощью современных информационных технологий, самостоятельно проектировать различные процессы. Следовательно, приобретение новых знаний, умений и навыков должно происходить в первую очередь в процессе соответствующего практико-ориентированного курсового и дипломного проектирования. Работа над дипломным проектом должна осуществляться на протяжении всего процесса обучения в профессиональном учебном заведении и затрагивать теоретические и практические знания всех дисциплин учебного плана.

Преподаватель специальных дисциплин выступает в роли руководителя проекта, в котором участвуют студенты и все преподаватели учебных дисциплин (научные консультанты по отдельным направлениям и задачам курсовых и дипломных проектов). Таким образом, осуществляется мотивация деятельности студентов и педагогов на конечный результат – курсовые проекты и связанный с ними дипломный проект. В образовательном процессе необходимо выделить в каждой учебной дисциплине задачи, позволяющие актуализировать получаемые знания, а также постоянно обновлять их с помощью современных информационных технологий, получать необходимый результат. Процесс поиска новых знаний осуществляется студентами практически самостоятельно, преподаватель является организатором проектной деятельности, корректирует направление поиска, предполагаемый результат, состав рабочих учебных групп, оценивает результаты деятельности, при необходимости корректирует как учебный процесс в целом, так и тему дипломного проекта каждого студента. В соответствии с этими положениями, нами разработана модель технологии информационно-проектного обучения студентов.

Частно-методологическая часть технологии информационно-проектного обучения базируется на определенном алгоритме проведения урока. Представим его в табличном виде.

Алгоритм проведения урока

Этап познания	Деятельность студента	Деятельность преподавателя
Основание	Самостоятельно выбирает то качество личности, которое может быть развито на данном занятии в соответствии с поставленной целью	Формулирует цель учебного занятия, корректирует выбор студента
	Определяет способ деятельности на занятии: 1) индивидуальная работа студента; 2) самостоятельная работа в проектных группах; 3) работа в малых группах с помощью объяснений преподавателя.	Контролирует и по мере необходимости корректирует процесс
Ядро	Студент определяет понятия, необходимые для реализации поставленной цели, рассматривая их как целостную систему.	Преподаватель организует оперативный контроль выбранных студентами понятий, и в случае отрицательного результата, осуществляет корректировку выбранного студентом способа деятельности.
	Студенты проводится матричный анализ понятий. Определяет место данного явления в научной картине мира.	Преподаватель осуществляет контроль и корректировку проведенного студентами анализа.
	Осуществляет самоконтроль и на основании анализа ошибок корректирует либо способ деятельности, либо матрица анализа понятий.	Осуществляется оперативный контроль и на основании анализа ошибок корректирует либо способ деятельности, либо матрица анализа понятий.
Следствия	Осуществляет проектирование, согласно цели учебного занятия и выбранным профессиональным компетенциям, формирование которых должно осуществиться на данном учебном занятии	С использованием вариативных методик осуществляется проектирование процесса достижения поставленных целей, моделируется полученный процесс.
Общее критическое истолкование	Проводится оценочный анализ или отсроченная рефлексия как по знаниям, умениям и навыкам, так и по модели специалиста	Контролирует и обобщает полученные результаты, выводит итоговые рейтинговые оценки за урок по каждому студенту и формулирует проблему следующего урока для самостоятельной работы дома.

Структурно-проективная схема технологии информационно-проектной обучения представлена на рис. 2.

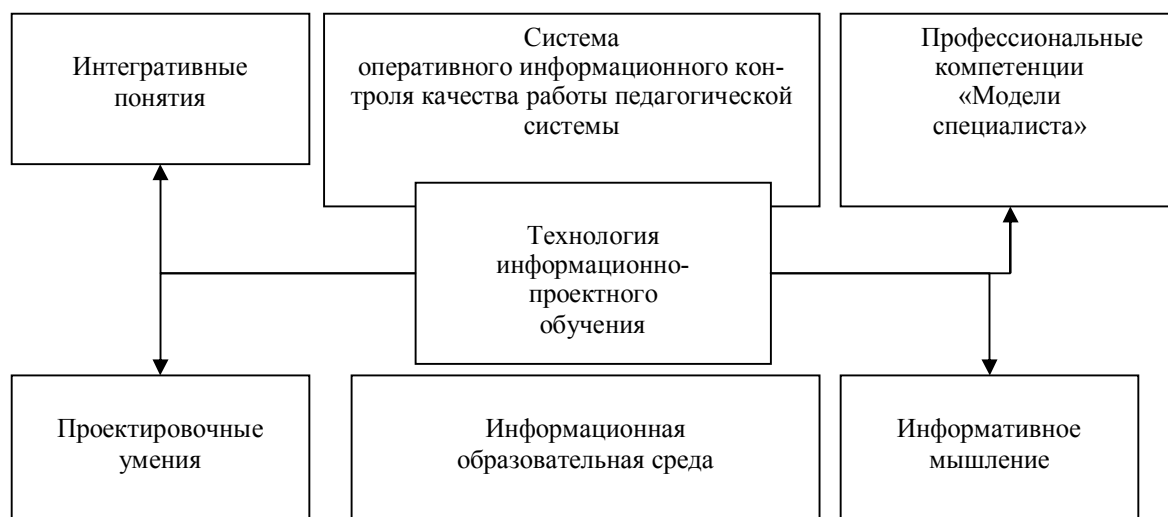

Рис. 2. Структурно-проектная схема информационно-проектной методики обучения

Ключевые аспекты технологии информационно-проектного обучения в свернутом виде представлены ниже (табл. 3).

Комплекс подходов, принципов и средств развития проектировочных умений и профессиональных компетенций

Педагогические условия	Подходы	Принципы	Средства реализации	Курсовое и дипломное проектирование
Проектирование в содержание подготовки студентов принципа дополнительности;	Системный, интегративный в частности, идейно-понятийный	Целостности и дополнительности	Упражнения и задания рефлексивного плана с использованием информационных технологий и «ключа понятий»	
Реализация специальной подготовки студентов через соответствующий учебно-методический комплекс;	Структурно-интегративный, личностно-ориентированный	Диалог научных культур. Индивидуализации и гуманизации	Модель специалиста и «петли качества» в образовательном процессе. Временной граф проектирования образовательного процесса курсового и дипломного проектирования через определение целей и задач отдельных учебных дисциплин	
Совершенствование диалектического мышления студентов, направленного на идею диалога научных культур и формирование у них информативного мышления;	Информационно-проектно-деятельностный	Диалог научных культур	Модель научной картины мира. Алгоритм, схема, модель изучаемого процесса	
Максимальное использование активных методов обучения в различных сферах деятельности студентов с активизацией у них рефлексивных способностей.	Системно-процессный, информационно-проектный,	Природосообразности и культуросообразности, дополнительности, системности	Схемы образовательного процесса и планирования урока	Курсовое и дипломное проектирование
		Систематизации и гармонизации, дополнительности, понятийности	Программное обеспечение образовательного процесса	

Разработанная нами концепция обучения студентов может быть реализована только в информационной образовательной среде, включающей помимо компьютерных средств обучения еще и дидактическое, программное обеспечение образовательного процесса, а также проектирование его с помощью современных информационных технологий.

Концепция имеет содержательную и процессуальную сторону. Рассмотрим содержательную сторону концепции информационно-проектного обучения студентов. Для проектирования содержания образования необходима постановка целей обучения – абстрактных и конкретных.

Для обеспечения единства целей в различных дисциплинах учебного плана целесообразно рассмотреть взаимосвязь понятий и отображения дисциплин через научную картину мира, что на практике реализуется через диалог научных культур. На этапе проектирования учебного процесса при реализации диалога культур ставится цель обеспечения интеграции между дисциплинами различных циклов. Данная цель может быть реализована:

1. Определение общих для специальности понятий.

2. Способы отражения этих понятий через научную картину мира.

3. Необходимость и уровень применения данных понятий в курсовом и дипломном проектировании.

В соответствии с целью и задачами должны ставиться конкретные цели при поурочном планировании любой дисциплины учебного плана. Причем задач каждого урока должны быть согласованы с тремя определенными выше задачами диалога культур.

Отбор перечня интегративных понятий осуществляется на основании выборки из стандартов дисциплин учебного плана и анализа области их применения в различных дисциплинах. На основе анализа можно выделить общие интегративные понятия, которые используются во всех дисциплинах и как следствие выходят на курсовое и дипломное проектирование: личность, культура, направленность личности и др.

На наш взгляд, эффективность концепции информационно-проектного обучения обеспечивается реализацией внутрипредметных и межпредметных связей, направленных на интеграцию и понимание логики естественнонаучных, общепро-

фессиональных и специальных знаний, а также на формирование интегративных понятий. Мы полагаем, что в конкретные цели обучения *каждой учебной дисциплины* необходимо включить подготовку студента к самостоятельному курсовому и дипломному проектированию. Следовательно, необходима разработка перечня задач для курсового и дипломного проектирования по всем дисциплинам учебного плана для конкретной специальности.

Отметим, что содержание учебного материала в значительной степени определяется содержанием образовательных стандартов профессионального образования. «Стандартизация в сфере образования определяется как деятельность, направленная на достижение оптимальной степени упорядочения в сфере образования посредством установления положений для всеобщего и многократного применения в отношении реально существующих или потенциальных задач» [3, с. 14].

Требования образовательного стандарта определяют следующие основные моменты в подготовке специалиста:

- 1) содержание образования (перечень учебных дисциплин, объем и структура содержания образования);
- 2) уровень подготовки выпускников (квалификационные характеристики, объекты и область его профессиональной деятельности);
- 3) учебно-программное и учебно-методическое, финансовое и материально-техническое обеспечение образования;
- 4) процедуры, технологии, средства контроля соблюдения и оценки достижения действующих образовательных стандартов;
- 5) процедуры, технологии, средства аттестации и диагностики обучающихся, педагогов, образовательных учреждений;
- 6) формы и содержание отчетов о состоянии системы образования на всех уровнях;
- 7) информационные базы данных о качестве образования.

Анализ образовательных стандартов профессионального образования третьего поколения показал, что на долю нацио-

нально-регионального компонента приходится от 30 до 70% учебного времени. Это обстоятельство позволяет учебному заведению самостоятельно организовывать учебный процесс: разрабатывать квалификационные характеристики, вводить дисциплины по выбору, необходимые для курсового и дипломного проектирования. Следовательно, можно рассмотреть содержание учебного материала через призму курсового и дипломного проектирования, определить основные интегративные понятия, характерные для конкретной специальности, рассмотреть их при изучении различных учебных дисциплин. Преподаватель может при обучении студентов использовать любые методологические подходы, но для обеспечения интеграции между дисциплинами и адаптации студента к общему принципу формирования понятий ему необходимо ориентироваться на анализ методологических подходов на понятийной основе.

Перейдем к описанию процессуальной части концепции информационно-проектного обучения.

Проектирование образовательного процесса на базе современных информационных технологий невозможно реализовать без мониторинга педагогической системы. Процессы педагогической системы и соответствующие им структурные элементы основаны на «петле качества» представлены в приложении. Как видим, в образовательном процессе существует необходимость постоянной диагностики изменяющихся требований к выпускнику в результате развития системы.

Таким образом, в концепции информационно-проектного обучения системообразующим является диалог культур, основанный на постановке единых целей и задач в рамках всех изучаемых дисциплин, интегративном подходе как к формированию понятий, так и методу обучения, что позволяет на заключительном этапе обучения при курсовом и дипломном проектировании развить у студентов профессиональные компетенции на достаточно высоком уровне.

Библиографический список

1. Ращипулина, Е.Н. Подготовка студентов к реализации принципа преемственности в реализации познавательных способностей детей: дис. ... д-ра пед. наук. – Магнитогорск, 2006.
2. Пахомов, Б.Я. Становление современной физической картины мира. – М.: Мысль, 1985.
3. Управление качеством профессиональной подготовки, переподготовки, повышения квалификации государственных и муниципальных служащих: Основные положения и подходы. – М.: РАГС, 2002.

Bibliography

1. Rathikulina, E.N. Podgotovka studentov k realizacii principa preemstvennosti v realizacii poznavatel'nykh sposobnostey detej: dis. ... d-ra ped. nauk. – Magnitogorsk, 2006.
2. Pakhomov, B.Ya. Stanovlenie sovremennoy fizicheskoy kartinnykh mira. – M.: Mysl', 1985.
3. Upravlenie kachestvom professional'noy podgotovki, perepodgotovki, povysheniya kvalifikatsii gosudarstvennykh i municipal'nykh sluzhathikh: Osnovnye polozheniya i podkhodih. – M.: RAGS, 2002.

Статья поступила в редакцию 27.07.11

УДК 378:80

Severina V.F., Lazarenko I.R. DEVELOPMENT OF THE PRODUCTIVE EDUCATIONAL INTERACTION OF A TEACHER AND STUDENTS IN THE PROCESS OF FOREIGN LANGUAGE TEACHING. In the article the essence of the productive educational interaction of a teacher and students of a higher educational institution is disclosed, the description of the stages of the pedagogical experiment is given and the results of the experimental activities concerning its development in the process of foreign language teaching are analysed.

Key words: productive educational interaction, pedagogical experiment, product of academic activities, methods of foreign language teaching, level of the development of productive educational interaction.

В.Ф. Северина, аспирант АГАУ, г. Барнаул, E-mail: svikki28@mail.ru;

И.Р. Лазаренко, д-р пед. наук, проф. АлтГПА, г. Барнаул, E-mail: irina.lazarenko@bk.ru

РАЗВИТИЕ ПРОДУКТИВНОГО УЧЕБНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ И СТУДЕНТОВ ВУЗА ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

В статье раскрыта сущность продуктивного учебного взаимодействия преподавателя и студентов вуза, дано описание этапов проведения педагогического эксперимента и проанализированы результаты экспериментальной деятельности по его развитию в процессе обучения иностранному языку в неязыковом вузе.

Ключевые слова: продуктивное учебное взаимодействие, педагогический эксперимент, продукт учебной деятельности, методы обучения иностранному языку, уровень развития продуктивного учебного взаимодействия.

Система высшего образования России, отказываясь от установки на репродуктивное воспроизведение знаний, постепенно переориентируется на развитие личности студента, на создание для него возможностей занимать активную субъектную позицию в учебном процессе, познавать мир, вступая с ним в диалог, формируя свою индивидуальность. Для этого обучение должно быть организовано на основе продуктивного взаимодействия участников педагогического процесса, целью которого является не только усвоение суммы знаний и прохождение образовательных программ, но и приобретение жизненных навыков, обеспечивающих личностный рост и индивидуальное развитие, межличностное общение и взаимодействие, а также самоопределение его участников.

Сегодня во всем мире растет интерес к продуктивному обучению. Разработкой данной проблемы занимались как российские, так и зарубежные ученые. Среди них И. Бём, М.И. Башмаков, Н.Б. Крылова, Г.К. Селевко, А.Н. Тубельский, Й. Шнайдер и др.

Продуктивное учебное взаимодействие, являясь одним из аспектов концепции продуктивного обучения, характеризуется тем, что ситуация сотрудничества преподавателя со студентами обеспечивает реализацию всего богатства межличностных отношений по мере того, как студент усваивает новое предметное содержание. При этом студент – полноправный участник организованного процесса обучения, построенного с учетом его личностных потребностей и мотивов поведения. В процессе реализации продуктивного учебного взаимодействия происходит не только обмен информацией, знаниями, умениями, но и личным эмоциональным и коммуникативным опытом, сложившимися взглядами и оценками. Продуктивное учебное взаимодействие – процесс двусторонний. В процессе такого взаимодействия происходит взаимное обогащение и личностное развитие как студента, так и преподавателя.

В последние годы проблема продуктивного обучения, продуктивного взаимодействия приобрела еще большую актуальность. Так, М.В. Александрова изучала проблему продуктивного взаимодействия педагогов школы как фактор развития школы [1]. А.В. Афонина выделила акмеологические факторы продуктивного взаимодействия педагога и учащихся и теоретически обосновала тот факт, что уровень продуктивности определяется активизацией «само – процессов» (самосовершенствования, самореализации и др.) как учителя, так и ученика на основе достижения взаимопознания, взаимопонимания, установления адекватных отношений в процессе решения совместных задач и достижения общей цели [2]. Ю.В. Барышникова исследовала проблему подготовки будущего учителя иностранного языка к продуктивному взаимодействию с учащимися в процессе обучения [3]. Н.В. Якса обосновала и разработала систему организации продуктивного взаимодействия субъектов педагогического процесса в школе [4].

Отмечая плодотворность указанных исследований, следует признать, что проблема развития продуктивного учебного взаимодействия преподавателя и студентов вуза при обучении иностранному языку не была предметом специального изучения, что подтвердило необходимость проведения такого исследования, конструирования модели продуктивного учебного взаимодействия субъектов процесса обучения и ее реализации в практике высшего образования.

Сопоставление взглядов различных авторов на определение сущности продуктивного учебного взаимодействия позволило нам определить его как *осознанную целенаправленную совместную деятельность преподавателя и студента, основанную на субъект-субъектных отношениях, в процессе осуществления которой происходит качественное изменение субъектов процесса обучения в личностном, деятельностном и компетентностном аспектах*. Развитие каждого из выделенных в определении аспектов учтено нами при разработке модели развития продуктивного учебного взаимодействия

участников процесса обучения иностранному языку и представлено в ней.

В нашем исследовании мы рассматриваем качественные изменения и личностный рост только одного субъекта продуктивного учебного взаимодействия – студента, а через них, опосредованно, изменения, происходящие во втором субъекте – преподавателе. Преподаватель и студент как субъекты процесса обучения являются друг для друга своеобразным зеркалом «взаимной рефлексии», отражающей их собственные достижения.

Продуктивное владение иностранным языком предполагает умение как самостоятельно, так и во взаимодействии с другими субъектами учебного процесса работать над изучением языка, поддерживать и постоянно пополнять свои знания, совершенствовать умения, развивать коммуникативную и информационную культуру, что обеспечивает вовлеченность студента в социально-культурный процесс в качестве активного субъекта и реализацию его личностного потенциала, актуализацию учебно-познавательной деятельности и овладение способами этой деятельности как основой его личностного роста.

В процессе развития продуктивного учебного взаимодействия студентом как субъектом обучения производится определенный продукт учебной деятельности, при создании которого происходит как образовательное приращение, так и личностное развитие и саморазвитие студента, так как продукт учебной деятельности имеет для него личностный смысл и личностную значимость. Специфика продукта овладения иностранным языком заключается в том, что он служит инструментом освоения реальности. От студента в первую очередь требуется, чтобы он владел этим инструментом для его использования в различных целях социокультурной и будущей профессиональной деятельности. Вследствие коммуникативного и культуросообразного характера «приобретенным» продуктом учебной деятельности в процессе изучения иностранного языка являются знания и языковые средства; способы оперирования языковыми средствами (языковые навыки); способы коммуникативной деятельности (коммуникативные умения); опыт использования коммуникативной деятельности в различных функциях; приобретенный студентом опыт самостоятельной учебной деятельности, определяющий уровень его личностного роста (опыт рефлексивной деятельности, рефлексивной самооценки и самопознания); познавательный, чувственный, ценностно-ориентационный (интересы, потребности) опыт, опыт взаимодействия; рост и устойчивость мотивации к изучению иностранного языка [5]. Все это можно рассматривать как идеальный продукт учебной деятельности, то есть личностное приращение студента в процессе овладения иностранным языком.

В качестве «овеществленного» выделяется информационно-текстовый продукт исследовательского, творческого, практико-ориентированного, учебно-справочного характера (сочинение, решение интеллектуальных творческих задач, собственный справочный материал, обзор различных источников, в том числе Интернет-ресурсов, рассказ о какой-либо ситуации (реальной или воображаемой) и др.) и способы учебно-познавательной деятельности как необходимая база для развития студента как языковой личности.

Разумеется, не следует абсолютизировать продукт учебной деятельности и считать, что это исключительно «собственный» продукт, полученный студентом. Педагогическая поддержка преподавателя и создание им условий для личностного развития студента очень важны, хотя и приобретают иной характер. Преподаватель направляет учебно-познавательную деятельность студента на создание собственного образовательного продукта, моделируя контекст изучения и использования языка. В данном случае преподаватель выполняет функцию не только организатора, но и сам вклю-

чается в «проживание» этой ситуации, в определенной степени разделяет эту деятельность совместно со студентом, то есть выполняет функцию партнера по осуществлению совместной деятельности, связанной с изучением и использованием иностранного языка.

Наше исследование проводилось на базе Алтайского государственного аграрного университета в течение 2007 – 2010 годов в форме естественного педагогического эксперимента в три этапа: диагностический, формирующий и результативно-обобщающий.

На диагностическом этапе исследования был осуществлен анализ теоретических источников по проблеме исследования, который позволил зафиксировать наличие противоречия между очевидной необходимостью развития продуктивного учебного взаимодействия преподавателя и студентов в учебном процессе вуза и недостаточной разработанностью данного вопроса в педагогической теории и практике высших учебных заведений, что в конечном итоге приводит к преобладанию в реальном учебном процессе вуза традиционного подхода к осуществлению непродуктивного субъект-объектного взаимодействия со студентами, при котором студент выступает пассивным объектом педагогического процесса.

Для подтверждения наличия данного противоречия в практике высшего учебного заведения был проведен констатирующий эксперимент, в ходе которого были выявлены недостаточная эффективность педагогического взаимодействия, а также определенные недостатки в его организации, связанные с тем, что студент не всегда воспринимается как равноправный субъект учебного процесса, отсутствует опора на его субъектный опыт и индивидуальные характеристики. Были также выявлены и систематизированы причины негативного отношения студентов к изучению иностранного языка, приводящего к отсутствию контакта с преподавателем, неусвояемости студентами, пробелам в знаниях; было установлено, что в учебном процессе преобладает субъект-объектный тип педагогического взаимодействия. Анкетирование выявило низкий уровень сформированности коммуникативных умений студентов, а также недостаточную мотивацию обучающихся к изучению иностранного языка.

Анализ результатов контрольного среза знаний по иностранному языку показал, что уровень владения иностранным языком первокурсниками в экспериментальных (42 студента) и контрольных (45 студентов) группах примерно одинаковый, но довольно низкий. Среди основных причин низкого качества знаний первокурсников по иностранному языку респонденты назвали, в первую очередь, загруженность другими предметами, недостаточную школьную подготовку, низкий уровень языковых способностей, отсутствие интереса к предмету и ряд других причин. Следует отметить, что не все студенты адекватно оценили свои знания по иностранному языку. Так, 53,6 % респондентов считали, что они хорошо знают иностранный язык, 12,1 % полагали, что имеют высокий уровень знаний, и только 34,3 % отмечали у себя недостаточный низкий уровень знаний по иностранному языку.

Таким образом, полученные данные определили необходимость проведения формирующего эксперимента с целью переориентации непродуктивного педагогического взаимодействия субъектов процесса обучения в продуктивное, субъект-субъектное, диалогическое взаимодействие при помощи форм, методов и средств, способствующих организации такого взаимодействия и вносящих элементы творчества и сотрудничества в учебный процесс.

Далее осуществлялось экспериментальное обучение студентов посредством реализации в экспериментальных группах модели и программы организационно-педагогической деятельности преподавателя по развитию продуктивного учебного взаимодействия.

Специфика обучения иностранному языку в неязыковом вузе предусматривает сочетание социокультурного и профессионально-ориентированного компонентов содержания обучения иностранному языку.

Социокультурный компонент предполагает изучение страноведческого материала, включающего в себя информацию о различных аспектах жизни Великобритании на основе сопоставления с Россией, что способствует приобретению новых знаний в сфере иноязычной культуры, а также актуализации уже имеющихся знаний о родной стране. Для этого нами использовались насыщенные страноведческой информацией учебные тексты, страноведческие упражнения поискового характера, сравнительно-сопоставительные упражнения, различные приемы презентации страноведческих материалов (схемы, таблицы, статистические данные, анкеты, викторины и т.п.).

Принцип профессиональной ориентации проявлялся не только в подборе текстов по специальности, но и в отборе профессионально значимых ситуаций сферы общения, связанных с решением профессиональных задач, таких как профилактика, диагностика болезней животных и их лечение; социокультурное и гигиеническое образование владельцев животных; ветеринарно-санитарный контроль продуктов и сырья животного и растительного происхождения; охрана населения от болезней, общих для человека и животных и ряда других.

Отличительной особенностью современного этапа развития образования является требование к интеграции различных составляющих целей образования для достижения пяти базовых компетенций, которые в совокупности обеспечивают готовность выпускников различных учебных заведений к адаптации и самореализации в условиях рынка труда современного информационного общества, а именно: социально-политической компетенции или готовности к решению проблем, информационной, коммуникативной и социокультурной компетенций, а также готовности к образованию через всю жизнь [6]. Как отмечают методисты, в основе любой компетенции лежат знания, умения их использовать, но компетенция отличается от умений тем, что всегда сопряжена с психологической готовностью к сотрудничеству и взаимодействию в процессе решения различных проблем, с наличием определенных морально-этических установок и качеств личности.

Коммуникативная компетенция в языковом образовании рассматривается как ведущая и стержневая компетенция, лежащая в основе всех других компетенций. Поэтому закономерно, что обучение иностранному языку в неязыковом вузе предполагает повышение исходного уровня владения иностранным языком, достигнутого на предыдущей ступени образования, и овладение студентами необходимым и достаточным уровнем иноязычной коммуникативной компетенции для решения социально-коммуникативных задач в различных областях профессиональной, научной, культурной и бытовой сфер деятельности, при общении с зарубежными партнерами, а также для дальнейшего самообразования, что выполнялось нами через формирование и развитие всех компонентов коммуникативной компетенции: речевой, языковой, социокультурной и компенсаторной.

Для решения поставленных цели и задач были отобраны и применялись коммуникативный, проблемный, игровой и проектный методы обучения. Невозможно четко разграничить, какое влияние оказало использование каждого метода в отдельности на развитие продуктивного учебного взаимодействия, а, следовательно, и на качественное изменение студентов в личностном, деятельностном и компетентностном аспектах, так как это воздействие было комплексным. Поэтому мы решили выделить то общее, что характеризует все применяемые нами методы, а именно:

1) в личностном аспекте: эмоциональный обмен информацией, способствующий развитию эмпатии и рефлексии; возникновение положительного эмоционального отношения к учению; развитие коммуникативных умений, в том числе иноязычных; активизация личностных качеств студента; создание условий для совместной речемыслительной деятельности при решении реальных и воображаемых проблем при помощи иностранного языка; формирование стратегий взаимодействия в учебной деятельности; осознание ценности совместного

труда; получение удовлетворения от сознания того, что общается на иностранном языке;

2) в деятельностном аспекте: актуализация личностно-значимых мотивов учебной деятельности студентов; стимулирование и активизация речемыслительной деятельности; стимулирование и развитие внутренней мотивации к изучению иностранного языка; становление студента субъектом своего обучения; поиск и самостоятельное добывание языковых знаний, коммуникативных умений, способов изучения языка, а также возможных путей и средств актуализации накопленных знаний и умений;

3) в компетентностном аспекте: готовность использовать иностранный язык как орудие речемыслительной деятельности; формирование коммуникативной компетенции во всех видах речевой деятельности; более глубокое и прочное усвоение учебного материала и способов деятельности; овладение большим объемом разнообразных предметных знаний; создание прочной языковой базы у студентов.

Оптимальное рациональное использование различных форм (фронтальной, парной, групповой и самостоятельной) и средств (учебных программ, учебника, учебно-методических пособий, разнообразных дидактических материалов, проблемных и контрольно-тестовых заданий, средств наглядности, словарей, журналов, специальной литературы, видео- и аудиоматериалов, Интернета) обучения на занятиях по иностранному языку также являлось существенным фактором развития продуктивного учебного взаимодействия преподавателя и студентов.

В ходе проведения формирующего эксперимента осуществлялись предварительный, текущий и итоговый виды контроля. Кроме того, применялись элементы самоконтроля и

самооценки студентами своих учебных достижений при выполнении ряда заданий. Для рефлексивной самооценки студентом своих учебных достижений при изучении иностранного языка мы предложили студентам в начале и конце проводимого эксперимента заполнить контрольный лист самооценки, самостоятельно оценив свои достижения и уровень владения иностранным языком. Наряду с самооценкой осуществлялось параллельное оценивание выделенных параметров преподавателем с последующим совместным обсуждением адекватности самооценки студента, что позволяло выделить наиболее характерные затруднения, с которыми встречались студенты в процессе изучения иностранного языка, и скорректировать процесс обучения.

По окончании формирующего эксперимента нами были отмечены положительные изменения диагностических показателей у студентов экспериментальных групп, а именно: качественные изменения студентов в личностном, деятельностном и компетентностном аспектах, устойчивая сформировавшаяся положительная мотивация к изучению иностранного языка, установление продуктивных субъект-субъектных отношений преподавателя и студентов, а также достижение более высокого уровня владения иностранным языком, что свидетельствует о результативности функционирования модели развития продуктивного учебного взаимодействия субъектов процесса обучения.

На результативно-обобщающем этапе исследования для подтверждения эффективности проведенной работы осуществлялось сравнение результатов развития уровней продуктивного учебного взаимодействия в экспериментальной и контрольной группах до и после эксперимента (таблица 1).

Таблица 1
Распределение студентов по уровням развития продуктивного учебного взаимодействия в экспериментальных и контрольных группах

Уровень развития продуктивного учебного взаимодействия	Экспериментальные группы				Контрольные группы			
	до exper.		после exper.		до exper.		после exper.	
	кол. чел.	%	кол. чел.	%	кол. чел.	%	кол. чел.	%
Низкий уровень	17	40,48	8	19,05	20	44,44	16	35,56
Средний уровень	13	30,95	9	21,43	17	37,78	18	40,0
Высокий уровень	12	28,57	25	59,52	8	17,78	11	24,44

Приведенные в таблице данные показывают, что до проведения эксперимента количество студентов, находящихся на низком, среднем и высоком уровнях развития продуктивного взаимодействия в экспериментальных и контрольных группах отличается несущественно. После эксперимента на среднем и низком уровнях в экспериментальных группах сократилось число обучающихся на 9,52% и 21,43% соответственно за счет значительного увеличения их количества на высоком уровне развития продуктивного взаимодействия – на 30,95%. В контрольных группах произошло незначительное увеличение числа студентов на высоком и среднем уровнях на 6,66% и 2,22% соответственно за счет уменьшения их количества на низком на 8,88%.

Подтверждение статистической достоверности полученных в ходе экспериментальной работы результатов осуществлялось с помощью критерия хи-квадрат Пирсона. Экспериментальное значение критерия хи-квадрат сравнивалось с критическим табличным значением при условии $P = 0,05$ и $v = 3-1 = 2$, $\chi^2_{\text{критич}} = 5,99$. Так как до эксперимента $\chi^2_{\text{критич}} = 5,99 > \chi^2_{\text{exper}} = 1,48$, мы можем утверждать, что между результатами контрольных и экспериментальных групп до эксперимента не было статистически значимой разницы, и они относились к одной генеральной совокупности. После проведения форми-

рующего эксперимента $\chi^2_{\text{exper}} = 11,02 > \chi^2_{\text{критич}} = 5,99$, что позволяет констатировать, что между результатами в контрольных и экспериментальных группах имеется статистически значимая разница, а, следовательно, выявленное различие в контрольных и экспериментальных группах не может быть объяснено случайными причинами, так как является следствием целенаправленной деятельности.

Таким образом, результаты проведенного исследования позволили сделать вывод о том, что выделенные нами педагогические условия, необходимые для развития продуктивного учебного взаимодействия субъектов процесса обучения иностранному языку в вузе, а именно: продуктивный стиль взаимодействия преподавателя и студентов, развитие внутренней мотивации к изучению иностранному языку, формирование продуктивной Я-концепции студента, учет преподавателем личностных особенностей студента, а также развитие рефлексивности студента в учебном процессе, способствуют развитию продуктивного учебного взаимодействия преподавателя и студента, что, в свою очередь, стимулирует развитие студента как субъекта процесса обучения в личностном, деятельностном и компетентностном аспектах. Формируется цельный, гармоничный человек, не оторванный от реального мира и связанный с ним посредством личного опыта, включенного в процесс обу-

чения, имеющего диалоговый характер как необходимое условие развития каждого, что происходит благодаря взаимообог-

щению в процессе совместной деятельности, взаимного творчества и взаимного познания окружающего мира.

Библиографический список

1. Александрова, М.В. Продуктивное взаимодействие педагогов как фактор развития школы: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Великий Новгород, 2001.
2. Афонина, А.В. Акмеологические факторы продуктивного взаимодействия в системе «учитель – ученик»: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Шуя, 2005.
3. Барышникова, Ю.В. Подготовка будущего учителя иностранного языка к продуктивному взаимодействию с учащимися в процессе обучения: дис. ...канд. пед. наук. – Магнитогорск, 2005.
4. Якса, Н.В. Продуктивное взаимодействие учителя и учащихся в учебной деятельности: дис. ...канд. пед. наук. – Саратов, 2004.
5. Коряковцева, Н.Ф. Теория обучения иностранным языкам: продуктивные образовательные технологии: учебное пособие для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений. – М.: Изд. центр «Академия», 2010.
6. Hutmacher, W. Key competencies for Europe // Report of the Symposium in Berne Switzerland, 27–30 March, 1996. – Strasburg: Council for Cultural Co-operation (CDCC) // a Secondary Education for Europe, 1997.

Bibliography

1. Aleksandrova, M.V. Produktivnoe vzaimodeystvie pedagogov kak faktor razvitiya shkolih: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. – Velikiy Novgorod, 2001.
2. Afonina, A.V. Akmeologicheskie faktorih produktivnogo vzaimodeystviya v sisteme «uchitel' – uchenik»: avtoref. dis. ... kand. psikh. nauk. – Shuya, 2005.
3. Bariyshnikova, Yu.V. Podgotovka buduthego uchitelya inostrannogo yazyhka k produktivnomu vzaimodeystviyu s uchashimisya v processe obucheniya: dis. ...kand. ped. nauk. – Magnitogorsk, 2005.
4. Yaksa, N.V. Produktivnoe vzaimodeystvie uchitelya i uchastikhysya v uchebnoy deyatel'nosti: dis. ...kand. ped. nauk. – Saratov, 2004.
5. Koryakovtseva, N.F. Teoriya obucheniya inostrannim yazykam: produktivniye obrazovatel'niye tekhnologii: uchebnoye posobie dlya stud. lingv. fak. viyss. ucheb. zavedeniy. – M.: Izd. centr «Akademiya», 2010.
6. Hutmacher, W. Key competencies for Europe // Report of the Symposium in Berne Switzerland, 27–30 March, 1996. – Strasburg: Council for Cultural Co-operation (CDCC) // a Secondary Education for Europe, 1997.

Статья поступила в редакцию 27.07.11

УДК378.147

Semenov V.N., Narzulaev S.B. COMPLEX OF IMPROVING EXERCISES FOR CHILDREN OF SCHOOL AGE LIVING IN ECOLOGICALLY UNSUCCESSFUL AREAS. We develop and approve a complex of physical exercises for children living in ecologically unsuccessful territories. The basic feature of carrying out of employment by physical training with such children is the individual approach to an estimation of level of health and physical development, individual selection of loadings and realization of current control on an extent of academic year.

Key words: Physical exercises, unsuccessful territories, physiotherapeutic procedures, respiratory exercises.

В. Н. Семенов, канд. биол. наук, доц. каф. физической культуры Национального Исследовательского Томского политехнического университета; **С.Б. Нарзулаев**, д-р мед. наук, профессор, зав. кафедрой АФК ТГПУ, г. Томск, E-mail: batyr-54@mail.ru

КОМПЛЕКС ОЗДОРОВИТЕЛЬНЫХ УПРАЖНЕНИЙ ДЛЯ ДЕТЕЙ ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА, ПРОЖИВАЮЩИХ В ЭКОЛОГИЧЕСКИ НЕБЛАГОПОЛУЧНЫХ РАЙОНАХ

Нами разработан и апробирован комплекс физических упражнений для детей, проживающих на экологически неблагоприятных территориях. Основной особенностью проведения занятий физической культурой с такими детьми является индивидуальный подход к оценке уровня здоровья и физического развития, индивидуальный подбор нагрузок и осуществление текущего контроля на протяжении учебного года.

Ключевые слова: физические упражнения, неблагоприятные территории, физиотерапевтические процедуры, дыхательные упражнения.

1. Физические упражнения.

Включают традиционные формы занятий физической культурой – легкоатлетические упражнения, спортивные игры и т.д. по общепринятым методикам с учетом пола, возраста и индивидуальных особенностей.

2. Физкультурно-оздоровительные упражнения (ФО).

ФО занятия проводятся в зале, бассейне, на улице, не реже трех раз в неделю. Форма одежды спортивная, соответствующая месту проведения. В зале 1-ю часть занятия желательно проводить под музыку.

ФО состоит из трех частей. 1-ая вводная, 15% от всего времени. 2 – я основная, 70% от всего времени. 3-я часть – заключительная, 15% от всего времени.

Примерная схема ФО.

I. часть. И.п. стоя.

1. Ходьба на месте или с продвижением без задания, до 15 сек.

2. Простые упражнения для рук (руки перед собой, в стороны, вверх и т.п.). Движения делаются с усилием, четко, ритмично, до 30 сек.

3. Руки на поясе. Поочередные движения ногами (в сторону, вперед, назад, подъем) до 40 сек.

4. Руки на поясе или за головой. Повороты туловища вправо, влево, быстрые до 30 сек.

5. Руки также. Наклоны строго в стороны. До 30 сек.

6. Дыхательные динамические упражнения, на выдохе произносить любой звук. До 5 раз.

7. Неглубокие приседания. До 10 раз

II. часть. И.п. стоя. Подвижные игры со сменой команд. Затем включаются игры на координацию.

III. часть. Нагрузка минимальная. Выполняются упражнения на расслабление, динамические и статические дыхательные. Необходимо на выдохе кашлять, пыхтеть, шипеть и т.д.

В последние секунды III части дети берутся за руки, закрывают глаза, тихо глубоко вдыхают носом и тихо выдыхают на 1-2 сек. задерживая дыхание.

3. Физкультурные минутки на занятиях по труду (ФМ).

На занятиях по труду ФМ необходимо выполнять через 10-12 мин

Выполняются физические упражнения, снимающие утомление ЦНС.

Например И. п. стоя.

1. Ходьба на месте 5-8 сек.

2. Руки вверх, затем встряхивающими движениями опустить руки вниз 4-8 сек.

3. Бег с участием рук до 10 сек

4. Погладить лицо, шею, грудь, потереть ладони 4-5 сек.

5. Глубокий вдох носом, шумный выдох через рот 2-3 сек.

4. *Подвижные игры на прогулке.* Необходимо учитывать погодные условия. Игры на улице проводятся при температуре не ниже 15град. С.

5. *Закаливающие процедуры.*

Многолетний опыт применения и изучения влияния контрастных процедур на детей показал его значительную закаливающую эффективность. На валеологической площадке контрастные процедуры необходимо выполнять всем детям. Часто болеющим детям разница в температуре воды снижена, по сравнению со здоровыми. Эта форма закаливания не требует больших затрат времени. Физиологически обоснована и доступна. При этой форме обеспечивается тренировка нервно-сосудистого аппарата кожи, подкожной клетчатки к разнонаправленным термическим воздействиям, оказывается стимулирующий и нормализующий эффект на нервную и иммунную системы [1].

Контрастные процедуры проводятся в виде контрастного общего или местного (ноги) обливания.

Идеальным местом проведения контрастного закаливания является баня. Для детей температура в парилке не должна быть выше 60-80 град С, время пребывания в ней от 5 до 7 минут. После парилки необходимо облить ребенка в течение 30 сек. прохладной водой 28 С. За одно посещение бани такие процедуры повторяют 3 раза. К контрастным процедурам относятся и прогулки в «рациональной» одежде на улице, в сочетании с подвижной игрой.

6. *Физиотерапевтические процедуры.*

Валеологические площадки должны оснащаться оборудованием для следующих физиотерапевтических процедур: кварц для санации очагов инфекции в носоглотке, общее УФО. Их можно выполнять детям по рекомендации врача [2].

Массаж проводится на приспособленной высокой кушетке, на личной простыне ребенка с повторением курса ч/з 2,5-3 месяца. Методика массажа для детей, часто болеющих ОРЗ и другими бронхо-легочными заболеваниями:

- И.п. лежа на животе. Проводят массаж спины и шеи, обращая особое внимание на обработку межреберных мышц. Используют приемы поглаживания, растирания, разминания. Вибрацию проводят на межреберных промежутках 5 мин.

- Лежа на спине массируется шея, грудь, лицо, крылья носа. Приемы те же кроме вибрации 5 мин.

- После массажа выполняются пассивные упражнения для рук, статические дыхательные упражнения со звуками на выдохе

Кварц назначается врачом поликлиники. Прибор (400 Вт) разогревают в течение 8-10 минут, затем горелку направляют по очереди в каждую ноздрю.

Схема проведения процедуры: в первый день – 1/8 мин, с прибавлением по 1/8 мин. в последующие дни. Максимальное время проведения процедуры 1,5 мин.

Тубус-кварц проводится лечение тонзиллита, луч направляют в одно и то же место с помощью "зайчика" от зеркала

Схема проведения процедуры в первый день – 1/8 мин., с прибавлением по 1/8 мин в последующие дни. Максимальное время проведения процедуры 1,5 мин

УФО общее проводится МО-12 через день, начиная с ноября месяца, повторение курса ч/з 3 месяца. Процедура проводится в зале. Детям надеваются защитные очки, и располагаются обнаженными на расстоянии 3-х метров от прибора. 1-я процедура длится 1/4 мин на каждую сторону. Одновременно можно давать детям поливитамины[2].

Дыхательные упражнения.

1. Исходное положение – стойка, ноги вместе или врозь, пятки, не отрывая от пола, руки согнута в локтях перед грудью.

Рывок согнутыми руками в сторону, рывок прямыми руками в стороны. Дыхание произвольное, но без задержки. Повторить 8 раз.

2. "Петушок"

И. п. – нога вместе, руки на поясе. Подтягиваем согнутую левую ногу к груди, носок оттянут /вдох/; опускаем в и.п. – носок тянем вверх /выдох/. То же для правой ноги. Повторить 6-8 раз.

3. "Мельница"

И.п. – ноги вместе, руке вытянуты вдоль туловища /короткий глубокий вдох, наклоны вправо и влево, с произнесением стихов/.

Например: "Мельница, мельница, мелит муку, Хлеба домой я сейчас принесу".

4. Танцевальные упражнения

И.п. – ноги вместе, руки на поясе. С носка на пятку – левая нога. Затем для правой ноги. Повторить 8 раз.

5. "Дровосек"

И.п. – ноги шире плеч, руки в замок. Взмах руками вверх /вдох/. Резко наклониться /выдох/. Повторить 3 раза.

6. «Укладка дров».

И. п. – ноги на ширине плеча, не отрывая пяток от пола. Берём впереди лежащий предмет и поворотом туловища сбоку укладываем его за спину. То же для левой стороны. Повторять 8 раз.

7. Ходьба с заданием /произвольно/ – 2 минуты.

8. Упражнения для расслабления

И. п. – стойка ноги врозь, руки через стороны вверх /вдох/. Уронить руки вниз, потрясти руками /выдох/.

Упражнения на область носа

1. Массаж крыльев носа

а) Фалангами пальцев на счет 4, повторить 3 раза;

б) замыкаем правую ноздрю, короткий вдох – левой ноздрей длинный выдох, затем наоборот;

в) замыкаем правую ноздрию – коротко вдыхаем левой, замыкаем левую ноздрию – длинный выдох правой, повторяем, начиная с вдоха правой ноздрей;

г) коротко вдыхаем, подняв кончик носа, зажимая крылья носа и выдыхаем в различной модуляции голоса /цифры 8-10/;

д) короткий вдох, подняв кончик носа, замыкаем нос и со звуком «ба-ба-ба» выдыхаем ртом.

При выполнении указанных упражнений каждый ребёнок должен иметь носовой платок.

Закаливание

1. Массаж рук: начинаем с левой стороны, массируем наружные стороны.

2. Массаж груди.

3. Массаж – живота.

4. Полотенце за спину. Растирание наружной стороны ног.

5. Вытирание поясницы.

6. Растирание воротниковой зоны (задняя часть плеча и спины).

Обязательно касаться шеи.

МЕТОДИКА ДЛЯ РАЗВИТИЯ ДЫХАТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ОРГАНИЗМА

(Произвольное управление дыханием – ПУД)

Функциональное развитие систем организма детей и подростков происходит неравномерно и по времени, и по интенсивности. С началом периода полового созревания этот процесс усложняется еще больше. Особенно это касается подростков, входящих в группу риска по состоянию здоровья и пассивно и активно курящих школьников. В этот период наблюдается три и более признаков отставания в развитии дыхательной функции [3].

Для целенаправленного развития дыхательных функций легких в подростковом периоде используется методика ПУД,

возможности которой разнообразны: а) развитие основных и вспомогательных дыхательных мышц; б) повышение резерва вентиляционного аппарата; в) воздействие на вегетативные функции, связанные с газообменом в организме; г) оптимизация работы всей системы кислородного обеспечения организма человека, повышение ее экономичности. Модификация методики ПУД для подростков учитывает возрастные особенности школьников, ее применение предусматривает самоконтроль в отличие от начальной школы, где занятия проводятся с учителем или врачом. В методике ПУД для подростков вместо речевого путевода разработана серия графических

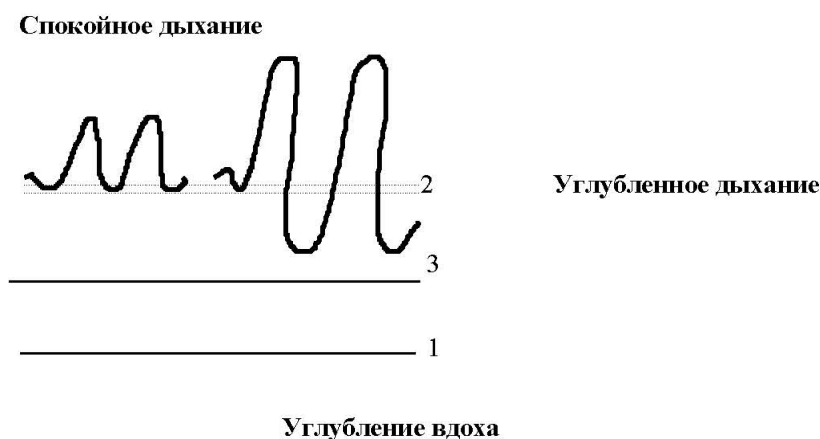
изображений кривой дыхания при различных его типах, что визуально дополняет и облегчает процесс тренировки [4].

Задание 1. Тренировка произвольного дыхания

Сначала научитесь произвольно менять глубину дыхания. Глядя на рисунок 1, учимся дышать, повторяя кривую дыхания: с уровня спокойного выдоха максимально глубоко вдохнуть и также максимально глубоко выдохнуть, после чего перейти к спокойному дыханию (повторить упражнение столько раз, пока не убедитесь в правильности его выполнения).

Рис. 1. Спирограмма глубокого дыхания

По рисунку 2 провести тренировку по освоению навыка произвольного углубления дыхания. Слева – кривая спокойного дыхания, справа – с постепенным увеличением вдоха и выдоха.

Рис. 2. Спирограмма углубленного дыхания

По рисунку 3 провести тренировку навыка произвольно изменять глубину отдельно вдохов и выдохов. Чередование – спокойное дыхание, углубление вдоха, углубление выдоха.

Рис. 3. Спирограмма упражнений углубления вдоха и выдоха

Задание 2. Тренировка ритма дыхания

На рисунке 4 представлена кривая дыхания с углублением на вдохе и выдохе (но не до максимального уровня) с произвольными задержками (под счет раз-два) на вдохе и (три – четыре – пять) – на выдохе. Упражнение формирует навык произвольной задержки дыхания в различных жизненных ситуациях.

Рис. 4. Спирограмма упражнений тренировки дыхания с задержкой

Задание 3. Навык произвольного изменения скорости дыхания

1 Замедленный вдох 2 Быстрый вдох

Быстрый выдох 3 Замедленный выдох

3

Освоению навыка произвольно менять скорость дыхания помогут кривые дыхания на рисунке 5. Слева стрелочкой указано направление быстрых выдохов, справа – быстрых вдохов. Уровни глубины дыхания не меняются.

Рис. 5. Спирограмма упражнений со сменой ритма дыхания

Овладев навыками произвольно менять отдельно глубину, скорость и ритм дыхания, переходите к освоению навыка одновременного их изменения. На рисунке 6 изображена кривая гипервентиляции легких, которая достигается за счет одновременного углубления и учащения дыхания. При этом максимальных значений вдохов и выдохов не следует доби-

ваться. Каждая попытка такого дыхания не должна превышать 40 секунд, а между двумя попытками обязательно следует отдохнуть до восстановления уровня спокойного дыхания. Не доводить упражнение до головокружения (вымывается из организма углекислый газ, развивается гипокания) [5].

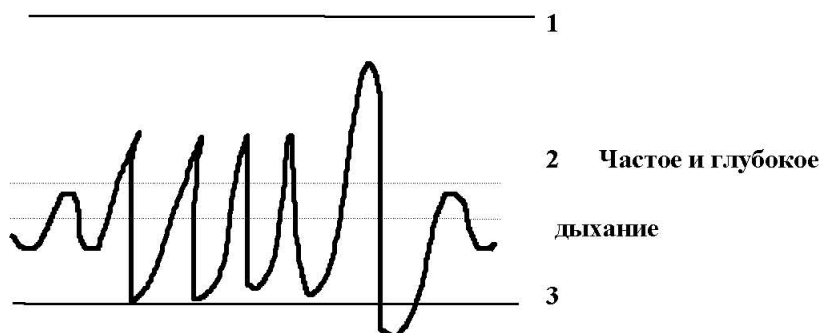

Рис. 6. Спирограмма упражнений со сменой частоты и глубины дыхания

Задание 4. Навык произвольной задержки дыхания

Упражнение направлено на формирование навыка произвольной задержки дыхания на уровне спокойного вдоха (рис. 7) и максимально глубокого вдоха (рис. 8). В обоих случаях они начинаются после спокойного выдоха, продолжаются до момента произвольного возобновления дыхания.

Следующее упражнение посвящено развитию навыка произвольных задержек дыхания на уровне спокойного выдоха (рис. 9) и максимально глубокого выдоха (рис. 10). Максимальный выдох легче делать после максимального вдоха.

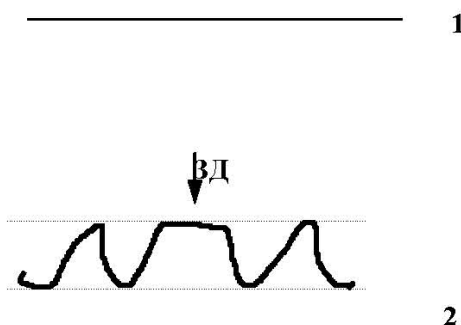

Рис. 7. Спирограмма упражнений с задержкой дыхания на вдохе

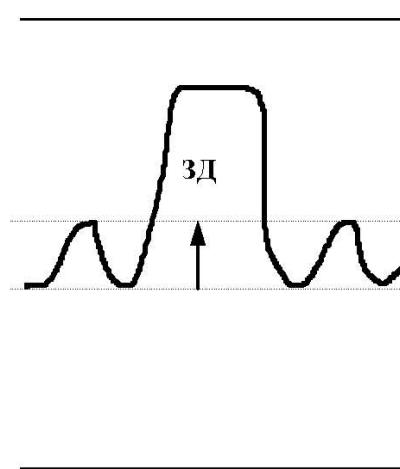

Рис. 8. Спирограмма упражнений с задержкой дыхания на глубоком вдохе

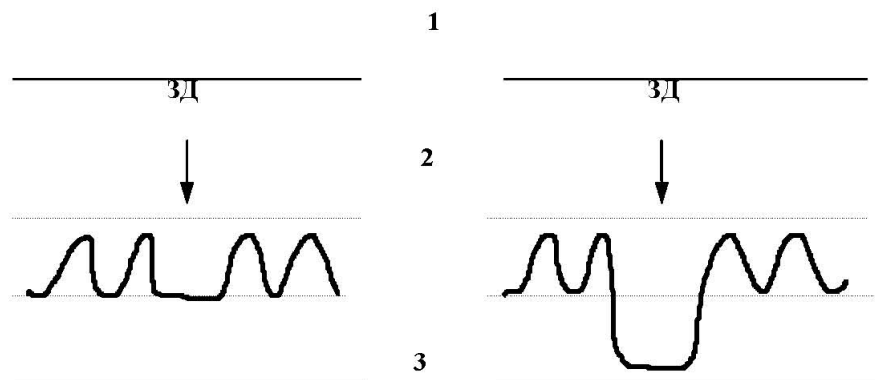

Рис. 9. Спирограмма упражнений с задержкой дыхания на выдохе

Рис. 10. Спирограмма упражнений с задержкой дыхания на глубоком выдохе

Библиографический список

1. Авдеев, Н.Н. Методика комплексного обследования детей в различных экологических и социальных средах / Н.Н. Авдеев, Г.М. Заракowski, Г.Б. Степанова, Э.Н. Фаустова // Физиология человека. – 1994. – Т. 20. – № 6.
2. Качан, Л.Г. Стратегии сохранения здоровья школьников / Л.Г. Качан, Е.А. Лотош, Г.А. Вержицкий [и др.]. – Новокузнецк: ИПК, 2000.
3. Айзман, Р.И. Возрастные изменения морфофункциональных показателей и физической работоспособности у школьников 10 – 14 лет с разным уровнем организованной двигательной активности / Р.И. Айзман, В.Б. Рубанович // Физиология человека. – 1994. – Т. 20. – № 3.
4. Нарзулаев, С.Б. Медицинская экология / С.Б. Нарзулаев, Г.П. Филиппов, Л.В. Капильевич, М.Ф. Савченков. – Томск, ТГУ, 1998.
5. Бальсевич, В.К. Конверсия высоких технологий спортивной подготовки как актуальное направление совершенствования физического воспитания и спорта для всех // Теория и практика физической культуры. – 1993. – № 4.
6. Albuquerque, L. M., Rao K., Rao S. Stress and coping psychologically distress and non-distressed college students / L. M. Albuquerque, K. Rao, S. Rao // Psychol. – Abstracts. – 1991. – V. 78. – № 1.
1. Avdeev, N.N. Metodika kompleksnogo obsledovaniya detey v razlichnykh ehkologicheskikh i socialnykh sredakh / N.N. Avdeev, G.M. Zarakowski, G.B. Stepanova, E.N. Faustova // Fiziologiya cheloveka. – 1994. – T. 20. – № 6.
2. Kachan, L.G. Strategii sokhraneniya zdorov'ya shkol'nikov / L.G. Kachan, E.A. Lotosh, G.A. Verzhitskiy [i dr.]. – Novokuzneck: IPK, 2000.
3. Ayzman, R.I. Vozrastnye izmeneniya morfofunktsionalnykh pokazateley i fizicheskoy rabotosposobnosti u shkol'nikov 10 – 14 let s raznyim urovnem organizovannoy dvigatel'noy aktivnosti / R.I. Ayzman, V.B. Rubanovich // Fiziologiya cheloveka. – 1994. – T. 20. – № 3.
4. Narzulaev, S.B. Medicinskaya ehkologiya / S.B. Narzulaev, G.P. Filippov, L.V. Kapilevich, M.F. Savchenkov. – Tomsk, TGU, 1998.
5. Balisevich, V.K. Konversiya vihsokikh tekhnologiy sportivnoy podgotovki kak aktualnoe napravlenie sovershenstvovaniya fizicheskogo vospitaniya i sporta dlya vseh // Teoriya i praktika fizicheskoy kulturi. – 1993. – № 4.
6. Albuquerque, L. M., Rao K., Rao S. Stress and coping psychologically distress and non-distressed college students / L. M. Albuquerque, K. Rao, S. Rao // Psychol. – Abstracts. – 1991. – V. 78. – № 1.

Статья поступила в редакцию 27.07.11

УДК 37

Smirnova N. G. COHERENCE OF EDUCATIONAL AND SOCIAL-CULTURAL ACTIVITIES IN SHAPING OF GENERAL CULTURE OF INDIVIDUAL. The article considers coherence as the principle of interrelation of educational and social-cultural activities. The author highlights the means of educational and social-cultural activities that allow to shape general culture of individual. Pedagogical potential of the means of social-cultural activity contributes to improving of the social-pedagogical process in innovative educational institutions.

Key words: coherence, innovative educational institution, educational activity, social-cultural activity, general culture of individual, sociocultural model of education, value relationship.

Н. Г. Смирнова, канд. пед. наук, проф. КемГУКИ, г. Кемерово, E-mail: spo@kemguki.ru

КОГЕРЕНТНОСТЬ УЧЕБНОЙ И СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ

В работе рассматривается когерентность как принцип взаимосвязи учебной и социально-культурной деятельности. Выделены средства учебной и социально-культурной деятельности, позволяющие формировать общую культуру личности. Педагогический потенциал средств социально-культурной деятельности, реализация ее личностно-развивающей, педагогической функций способствует совершенствованию социально-педагогического процесса в инновационных образовательных учреждениях.

Ключевые слова: когерентность, инновационное образовательное учреждение, учебная деятельность, социально-культурная деятельность, общая культура личности, социокультурная модель образования, ценностное отношение.

Задача настоящей статьи заключается в прояснении значимости принципа когерентности в формировании общей культуры личности в условиях инновационных образовательных учреждений.

Прежде всего, необходимо разобраться с правомерностью применения принципа когерентности в контексте заявленной темы статьи. Рассмотрим педагогический смысл дефиниции.

Когерентность (от лат. *cohaerentia* – связь) – взаимосвязь. Принцип когерентности в педагогике заключается во взаимосвязи воспитательной и учебной деятельности. Учитывая, что воспитательная деятельность осуществляется в учебное и внеучебное (свободное) время, педагогический потенциал средств, личностно-развивающую, педагогическую функцию социально-культурной деятельности (Е.И. Григорьева,

Ю.А. Стрельцов, Е.Ю. Стрельцова и др.), нами предпринята попытка рассмотреть когерентность учебной и социально-культурной деятельности.

Логика взаимосвязи требует выделения сути учебной и социально-культурной деятельности. Учебная деятельность – это целенаправленный процесс, посредством которого учащиеся осваивают новые знания и умения, обогащают понимание жизни и свои творческие способности. Целесообразность учебной деятельности выражается в ориентации на благоприятные изменения в социальном статусе, связанные с повышением образовательного уровня.

Безусловно, учебная деятельность направлена на самого обучаемого как ее субъекта в плане совершенствования, развития, формирования его личности благодаря осознанному, целенаправленному присвоению им социального опыта в различных видах и формах общественно полезной, познавательной, теоретической и практической деятельности. Посредством учебной деятельности, как известно, осуществляется обучение. Инновационное обучение реализуется в инновационных образовательных учреждениях благодаря введению новых разнообразных технологий, средств, нового содержания и методов обучения, воспитания, изменения структуры учебного заведения. В широком смысле педагогические инновации определяются «как внесение нового в образовательный процесс, как нововведение, как изменение с целью улучшения» [1, с. 10].

Следует отметить, что образовательный процесс отражает свойства, характерные как для обучения, так и для воспитания (Н.В. Бордовская, А.А. Реан). Сегодня образовательный процесс, на наш взгляд, следует рассматривать как социально-педагогический процесс, выходящий за рамки образовательного учреждения. Вслед за Ю.А. Стрельцовым и Е.Ю. Стрельцовой подчеркнем, что в современных, принципиально новых условиях наше общество не может довольствоваться старыми представлениями о формировании личности, замкнутыми в узких рамках педагогических учреждений. Принцип когерентности вносит новизну в образовательный процесс, где существенное значение приобретает педагогический потенциал средств социально-культурной деятельности как в логике учебных предметов, в учебное время, так и в свободное время.

Особенностью взаимосвязи учебной и социально-культурной деятельности является причинная обусловленность, когда каждая из деятельностей выступает как причина другой и как следствие одновременного влияния друг на друга, обеспечивая прогрессивное развитие личности: ее интеллекта, нравственных качеств, формирование опыта социального взаимодействия, ценностного отношения к окружающему миру, художественно-эстетического сознания.

Анализ средств учебной и социально-культурной деятельности позволяет утверждать вышесказанное.

Сопоставление средств учебной и социально-культурной деятельности представлено в таблице 1.

Таблица 1

Средства учебной деятельности (Г. М. Коджаспирова):	Средства социально-культурной деятельности (Е. И. Григорьева):
- интеллектуальные действия (мыслительные операции) – анализ, синтез, обобщение, классификация и др.); - знаковые, языковые, вербальные средства, в форме которых усваивается знание, рефлексировается и воспроизводится индивидуальный опыт; - фоновые знания, посредством включения в которые новых знаний структурируется индивидуальный опыт	- устные (живое слово, сценическая речь); - печатные (художественная литература, научная литература, журналы, газеты и др.); - технические (кино, радио, телевидение, аудио, видео); - наглядные (афиши, плакаты, экспонаты, реликвии); - искусство и самостоятельное творчество (оригинальные жанры, декоративно-прикладное, изобразительное, музыкальное, хореографическое, хоровое, театральное); - психолого-педагогические (игры, общение, развлечение, зрелища)

К числу основных средств социально-культурной деятельности Е. И. Григорьева относит: «живое слово, печать, радио, телевидение, наглядные и технические средства, искусство и спорт, литература и художественная самодеятельность» [2, с. 28, 30].

Взаимосвязь учебной и социально-культурной деятельности дает возможность интегрального описания единства функций традиционного обучения (развивающей, воспитывающей и обучающей) и социально-культурной деятельности (личностно-развивающей, обеспечивающей социализацию личности, приобщение ее к ценностям культуры и науки, техники и педагогической, когда речь идет о воспитании личности как субъекта, индивидуальности).

Общеизвестно, что в процессе обучения и воспитания осваиваются социокультурные нормы, имеющие культурно-историческое значение, транслируется социальный опыт во времени, воспроизводятся устоявшиеся формы общественной жизни в пространстве культуры. А социальная функция образования, с одной стороны, характеризуется как подготовка человека к самостоятельной жизни, а с другой стороны, закладывает основы будущего общества и формирует образ человека в перспективе. Поэтому формирование модели общей культуры может сопряжено с реализацией функций учебной и социально-культурной деятельности в их взаимосвязи и взаимообусловленности.

Необходимо отметить, что в мировом образовательном пространстве одной из глобальных тенденций является стремление к демократической системе образования, преемственность ступеней и уровней, существенное увеличение гумани-

тарной составляющей в целом, смысловой единицей которой является формирование базовой культуры личности.

Безусловно, система образования в Российской Федерации не может не учитывать этих тенденций. В то же время в субъектах Российской Федерации (регионах) складывается свой опыт развития системы непрерывного образования в содержательном, организационном и управленческом аспектах.

В Сибирском регионе уделяется внимание разработке таких моделей образовательной системы как социокультурная, обеспечивающая единство функционально-технического (в широком понимании) и духовно-творческого начал человека: «а) общего, «социального» как «антропологического» начала; б) более специфического «особо-социального»... – культурного» [3, С. 73].

В социокультурную модель образовательной системы региона органично «вписывается» социально-культурная деятельность с ее педагогическим потенциалом основных средств.

Опираясь на научные труды М.А. Ариарского, С.Б. Брижатовой, Е.И. Григорьевой, Т.Г. Киселевой, Ю.Д. Красильникова, О.В. Первушиной, В.Н. Рябушева, О.М. Слесарчук, В.Е. Триодина, В.В. Туева, Н.Н. Ярошенко и соотношения основных компонентов словесной конструкции «социо» и «культура», «социальное» и «культурное» (В.И. Красиков, Ю.А. Стрельцов), мы проанализировали учебные планы инновационных образовательных учреждений на примере Кемеровской области.

Основная цель социокультурной модели образовательной системы на региональном и муниципальном уровне является обеспечение педагогических условий для реализации принципа когерентности.

Социально-педагогическая модель общей культуры личности, разработанная нами, включает освоение и присвоение, трансляцию нравственно-этического, художественно-эстетического опыта, а также опыта социального взаимодействия, где существенную роль играет понимание в процессе общения (диалог в общении).

Как уже отмечалось выше, образовательный процесс носит социально-педагогический характер, когда в равной степени взаимосвязаны воспитательная и учебная деятельность, обеспечивающие формирование личности в целом.

Смысловое поле формирования общей культуры личности включает в себя представление о ценностном ее отношении, ориентировании в окружающем мире. «Будучи частью социализации личности ценностное ориентирование активно осуществляется через образование, органично объединившее в себе обучение и воспитание. В этой системе человек имеет возможность приобретать и совершенствовать свой опыт, знания, умения, навыки. Здесь его повседневная жизнь целенаправленно соединяется с культурой» [4, с. 104].

Ценностное отношение человека к окружающему миру, как известно, обретает такие формы своего проявления, как рациональную (суждения, оценки), эмоциональную (чувственная реакция на определенные объекты) и поведенческую (действия, поступки, поведение), поэтому образовательный процесс в инновационных учреждениях представляет собой определенное воздействие на сознание, чувство, волю обучающихся.

В формировании социально-педагогической модели общей культуры личности большое значение приобретает новизна учебных планов, программ спецкурсов, педагогический потенциал средств социально-культурной деятельности.

Формирование личности, обладающей общей культурой, познавательными потребностями и деятельностными качествами возможно, на наш взгляд, основываясь на принципе когерентности.

Принцип когерентности осуществляется при соблюдении правил, раскрывающих его специфичность в конкретном образовательном учреждении. На примере инновационных образовательных учреждений Кемеровской области попытаемся раскрыть суть принципа.

Общеобразовательная школа – основное звено в системе непрерывного образования. Именно здесь учащиеся получают систему знаний, формируется их социокультурное мышление.

В 90-е годы гимназии № 24 (г. Междуреченск), № 25 (г. Кемерово), № 32 (г. Новокузнецк) обрели статус эстетических и на основе двусторонних договоров вошли в структуру центра непрерывного образования Кемеровского государственного университета культуры и искусств. Программы развития эстетических гимназий включали требования принципа когерентности на уроках и внеурочной (внеклассной) деятельности. Реализация принципа когерентности учебной и социально-культурной деятельности потребовало выхода за пределы учебной деятельности и даже образовательного учреждения.

Успешно осуществлять принцип когерентности невозможно было без пересмотра и обновления содержания, организации образовательного процесса в соответствии с преобразованиями в социокультурной сфере региона.

Были разработаны элективные курсы социальной направленности преподавателями вуза и апробированы в учебном процессе: «Любимые герои Сибирской истории» (профессор Сорокин М.Е.), «Основы эстетики» (доцент Оленич Л.В.), «Основы делопроизводства в менеджменте» (доцент Салазкина Л.П.), «Основные направления музыкального искусства» (доцент Гусева О.В.), «Основы информационной культуры» (доцент Мартынова Е.В.), «Идеи эстетического воспитания: история и современность» (профессор Смирнова Н.Г.), «Основы истории русского театра» (профессор Прокопова Н.Л.) и др.

Выяснилось, что в реализации принципа когерентности широко используется педагогический потенциал средств социально-культурной деятельности как в учебное, так и внеучебное время. Творческому самовыражению способствует деятельность литературной студии «Зернышко» (гимназия № 32 г. Новокузнецк). Через постоянную, разнообразную систематическую литературную практику воспитывается любовь к живому слову. Гимназия становится социально-культурным центром в микрорайоне, а гимназический «Театр на Ильинке» не только формирует сценическую речь, но и воспитывает ценностное отношение к жизни, общению, культурному диалогу, взаимопониманию. Используются такие средства социально-культурной деятельности: печатные (художественная литература, альманах «Первое дыхание», газета «Куранты»); технические (учебное телевидение, аудио и видео); искусство и самодельное творчество (декоративно-прикладное, театральное, изобразительное, музыкальное, хореографическое, хоровое).

В гимназии № 25 в 1998 – 1999 учебном году работали 18 хореографических групп в мастер-классах восьми педагогов-хореографов. С шестого класса дифференцированно преподавался классический и народный танец, с восьмого класса – джаз-модерн танец.

Преподавание уроков театра было на основании государственной программы А.П. Ершовой (1 – 3 классы – 1 час в неделю; 5 – 10 классы – 2 часа в неделю; 11 классы – 1 час в неделю).

Общее социокультурное и специализированное музыкальное образование было основано на концепции художественно-эстетического воспитания Д.Б. Кабалева, получившей свое развитие в программах Б.М. Неменского.

Полагаем, что социокультурное образование, реализуя принцип когерентности, решает одну из фундаментальных проблем всей педагогики: как заинтересовать и увлечь учащихся искусством, сформировать общую культуру, обогатить их нравственно-этический и художественно-эстетический опыт.

Представляется, что принцип когерентности позволяет преодолеть и предметную замкнутость, в то же время интегрировать предметы гуманитарно-эстетической направленности.

Искусство, как одно из средств социально-культурной деятельности позволяет проявить учащимся творческую инициативность, социальную активность. В гимназиях стали традицией творческие отчеты-конкурсы и фестивали искусств.

Совместно с центром непрерывного образования КемГУ-КИ гимназия № 25 организует предметные недели по театральному, хореографическому, музыкальному искусству.

В настоящее время, с внедрением предпрофильной подготовки и профильного обучения эстетические гимназии получили новый статус муниципальных образовательных учреждений. Изменились учебные планы, программы, определены профили. Многие спецкурсы преподавателей вуза стали востребованы. На наш взгляд, сокращение часов, отведенных на художественно-эстетическое развитие личности, не совсем оправдано. Так же не разделяем точку зрения на передачу часов в учреждение дополнительного образования.

Уникальность МОУ «Гимназия № 25» в том, что принцип когерентности реализуется не только в учебной деятельности, когда речь идет о знаковых, языковых, вербальных средствах, но и в интеграции учебной и социально-культурной деятельности.

Такие психолого-педагогические средства социально-культурной деятельности: игры, общение, зрелищные мероприятия, искусство и самодельное творчество занимают значительное место в образовательном процессе гимназий.

В рамках одной статьи не представляется возможным раскрыть содержание деятельности инновационных образовательных учреждений на основе принципа когерентности учебной и внеучебной, социально-культурной деятельности.

Резюмируя, отметим, что принцип когерентности позволяет по-новому смотреть на социально-культурную деятельность. В условиях предпрофильной подготовки и профильного обучения на старшей ступени системы непрерывного обра-

зования особенную ценность приобретает педагогический потенциал средств социально-культурной деятельности в формировании личности, ее общей культуры, в содержании образовательного процесса в целом.

Библиографический список

1. Неворотова, Н.П. Организационно-педагогические условия деятельности инновационных образовательных учреждений (на примере региона): автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Кемерово, 1997.
2. Современные технологии социально-культурной деятельности: учеб. пособие / под науч. ред. проф. Е.И. Григорьевой. – Тамбов: Першина, 2004.
3. Красиков, В.И. Философское содержание понятия «социокультурная динамика» – социокультурная динамика: теоретико-методологические и исторические аспекты: материалы третьего межрегионального научно-практического семинара, г. Кемерово, 2-3 декабря 1999 г. / отв. ред. Г.Н. Миненко. – Кемерово: КемГАКИ, 2001.
4. Стрельцов, Ю.А. Педагогика досуга: учебное пособие / Ю.А. Стрельцов, Е.Ю. Стрельцова. – М.: МГУКИ, 2008.

Bibliography

1. Nevorotova, N.P. Organizacionno-pedagogicheskie usloviya deyatel'nosti innovacionnykh obrazovatel'nykh uchrezhdeniy (na primere regiona): avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. – Kemerovo, 1997.
2. Sovremennye tekhnologii social'no-kul'turnoy deyatel'nosti: ucheb. posobie / pod nauch. red. prof. E.I. Grigor'evoy. – Tambov: Pershina, 2004.
3. Krasikov, V.I. Filosofskoe sodержanie ponyatiya «sociokul'turnaya dinamika» – sociokul'turnaya dinamika: teoretiko-metodologicheskie i istoricheskie aspekty: materialy tret'ego mezhtseional'nogo nauchno-prakticheskogo seminar, g. Kemerovo, 2-3 dekabrya 1999 g. / otv. red. G.N. Minenko. – Kemerovo: KemGAKI, 2001.
4. Strel'cov, Yu.A. Pedagogika dosuga: uchebnoe posobie / Yu.A. Strel'cov, E.Yu. Strel'cova. – M.: MGUKI, 2008.

Статья поступила в редакцию 27.07.11

УДК 37.0+371

Ezhov V.S. THE AESTHETICAL REFLECTION IN HARMONIZATION OF SOCIAL INNOVATIONS. The article is devoted to the analysis of the sociality problems, which have arisen in conditions of the modern reality. For the decision of considered problems the application of an aesthetic principle is offered reflection.

Key words: aesthetic a reflection, the innovations, instinctive, spirituality, value orientations, individual consciousness, culture, harmony.

В.С. Ежов, проф. СибГУТИ, г. Новосибирск, E-mail: ezhov@sibsutis.ru

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ В ГАРМОНИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Статья посвящена анализу социальных проблем, возникших в условиях современной действительности. Для решения рассматриваемой проблемы предлагается применение эстетического принципа – рефлексирование.

Ключевые слова: эстетическая рефлексия, преобразование, бессознательное, духовность, ценностные ориентации, сознание личности, культура, гармония.

Радикальные изменения и демократические преобразования в жизни современной России порождают глубинные сдвиги в общественном сознании, отражающие прежде всего зарождение и стабилизацию новых отношений. Освоение этих отношений, определяющих жизнедеятельность человека, требует от него исключительной мобилизации, которая активизирует его ресурсы, отражающиеся в потребностях и интересах, ценностных ориентациях. Поскольку ценностные ориентации оказывают серьезное влияние на самоопределение личности человека в новых условиях, то актуальной проблемой является определение значимости эстетических ценностей для возрождения новой России, в гармонизации социальных новаций.

Осознавая социальную значимость данной проблемы философы, ученые, педагоги все настойчивее стремятся выявить духовно – нравственные самочувствие россиян, различных социальных групп, чтобы наметить пути регуляции и воспитания. Основное внимание при этом уделяется содержанию и структуре ценностных ориентаций личности и социальных групп, проявлению механизма сознания и деятельности. Мифологический уровень социальных новаций при заниженном мышлении и неразвитости эстетических вкусов порождает деструктивные акты поведения в обществе [1]. Они основаны на неосознанном проявлении глубинных архетипов коллективно бессознательного, их бинарности. В мифе фантастические повествования выражают в яркой и доступной виртуальной форме свои метафизические идеи. Миф – это своеобразный способ духовного освоения действительности, целостный взгляд на мир, в котором все вещи и явления воспринимаются как сопричастные друг другу во взаимном перевоплощении. Миф мыслит воображаемыми образами, живет эмоциями, ему чужды доводы разумности, он объясняет мир, исходя не из

знания, а из веры. Мифы построены на установление гармонии между миром и человеком, когда утверждается семантическое поле встречи человека с реальностью. Миф – это инструмент семантического моделирования окружающего мира и одновременно способ самоидентификации субъекта, его рефлексии. Мы не предполагаем её как субъективно созданную, а обосновываем её наличное бытие как практично деятельное. Эстетическая рефлексия связана в своем созерцании и становлении с интуицией.

Созерцание как непосредственное составление представлений (понятий), результат некоего действия (интенционального акта), созданного рефлексивной интуицией, которая связана с духовным актом. Действование соединяет мир созерцания и рефлексивной интуиции: можно мыслить только то, что непосредственно созерцается. Это и есть непосредственное единство субъекта и объекта в их отношениях, конкретно – ситуативная связь в ее целостности. Интенция связана с духовным актом. Продуктивное основание её в субъективной реальности не замыкает интенцию в спонтанно – интуитивной (стихийной) активности, а указывает на реальное сознание. Она проявляет онтологически бытийную глубину духовной реальности в противоречивой направленности жизни человека, выражает отношение к объективной реальности, а не только уход в себя. Мифологическое ее проявление в эстетической окрашенности придает направленному внутреннему миру субъекта (общности, индивиду) универсально – космическую обобщенность. В развитии культуры творческая направленность интенционального акта субъекта может приобретать и локальный ментально неповторимый характер.

Эстетическая рефлексия – стадия ухода от конкретно – ситуативной связи на уровень надситуативный, а затем родовый и общечеловеческой при философском осмыслении жизни

[2]. Развитие универсальности сущностных сил у человека и способов их опредмечивания связано не только с формированием опыта объектно – субъектных отношений, но и с личностным аспектом сопричастности, отношением (рефлексирующим) человека к своей деятельности. Человек осознает свое отношение, ибо для него его деятельность и практическая связь с другими людьми – не только физическая реальность, но и социальная, она является предметом его ценностных отношений. Он способен не только сам осознанно устанавливать социальную значимость своей же работы и отношений с другими людьми, но и переживать ее в человеческих чувствах. В процессе познания человек отражает мир не только рационально, но и эмоционально, рефлексируя о своём месте в этом мире, познавая его. Рефлексирующий креативно мыслящий человек не только познаёт, но и преобразовывает окружающую среду. Иначе говоря, познающий индивид явления действительности непосредственно соотносит со своими устремлениями, потребностями и интересами, проводит различие между красотой и пользой, добром и злом, истиной и ценностью [3].

Появление ценностного отношения отмечается уже у древнего человека. Ценность выступала как способ избирательности к определенным фактам, исходя из тех или иных установок (ментальности) исторического субъекта. К примеру, по мере созидания древним человеком первых орудий, артефактов культуры формировались утилитарные и эстетические ценности. Активность субъекта в практической деятельности выявляет и непосредственно соотносит объекты и явления действительности, эстетически значимые, со своими потребностями и интересами. При восприятии выразительных форм бытия гармоническое освоение пространственно – временного континуума вызывает глубокий целостный эмоциональный отклик у субъекта эстетической деятельности. «Возможно, что существуют определенные законы развития представлений о гармонии, законы продвижения познания по пути приближения к вершинам гармонии» [4].

Согласно концепции К.Юнга человек не рождается абсолютным *tabula rasa*, его структура мозга является результатом длительного развития предков. Сформированные факторы бессознательного в анатомии предыдущих предков является необходимостями для нас, заявляя о себе в виде человеческих потребностей. Содержательные доминанты коллективного бессознательного (архетипы К.Юнга, изначальные образы Я.Буркхардта) автоматизируют обусловленные примитивные врожденные возможности, направленные на воссоздание вербально осознанных чувственно наглядных культурных представлений для душевной гармонии. Тем самым человек рождается со сложными задатками духовной предрасположенности в развитии памяти содержательной основы целостности эстетического сознания. Именно базовые архетипы при подкорковом перцептивном восприятии и логике реализации автоматических действий (гаптических кодов, чувственного concreta, эмоциональных констант) является воплощением человеческих фундаментальных потребностей, соответствующих определенному типу информации и мотивации мировоззрения субъекта. Целостная система человеческой психики при обработке информации способна удовлетворить любые потребности человека.

Познавательный интерес к структуре гармонии формирует в эстетическом сознании субъекта (в относительном разделении) уровни образных и вербальных моделей. В этом плане «дискурсивная целостность» воспринимаемого объекта в социокультурной традиции означает понятийную и логическую деятельность в противовес бытию непосредственно чувственному, интуитивно – созерцательному. Разумеется, что творческое мышление субъекта эстетической деятельности выражает различный материал тезауруса при отражении природных и социальных реалий. В регулятивных отношениях человек исходит прежде всего из принципов соотношения и соответствия. Соотношение – определенная позиция человека к миру. Соответствие – это уровень овладения и мера соотношения

адекватного употребления и определения значимости вещей в исторической практике человека.

Эстетические ценности проявлялись в формообразовании целостности чувственно – выразительных форм бытия в соответствии с требованиями красоты и ее составляющих формальных признаков – гармонии, пропорции, симметрии, соразмерности, простоты. Красота есть проявление совершенства объекта в процессе формообразования. Постигание людьми эстетических ценностей доставляло им удовольствие и духовное наслаждение в процессе деятельности. В человеческой бытийности – реализация требований красоты характеризуется как прекрасное, красивое, блестящее, изящное, великолепное, пригожее, чудесное, ляпота. В этих словах фиксируется соответствие эстетического чувства, переживаний, включенных в субъективно – отражательную основу жизнедеятельности человека [5].

Познавая гармонию красоты (Платон), люди познавали тайны жизни. Субъективно – отражательной основой регулятивного поведения человека таким образом являются эмоции, генетически первичные по отношению к его интеллекту и воле. Основанная на эмоциональном восприятии эстетическая рефлексия ассоциируется прежде всего как непосредственность. Схваченная в ее целостности и неразложимости действительность воспринимается как нечто понятное и само по себе обязательное вне зависимости от способности человека вербально выразить ее смысл. Обычно эмоции понимаются как источник активности, а разум — как контролирующая инстанция. Отсюда разум как бы сдерживает «чрезмерность» чувств. А сама умеренность приближает действие к правильному и хорошему эталону. Если придерживаться данной концепции о положительных эмоциях, то возникновение интеллекта и воли можно понять как качественное усовершенствование системы регуляции поведения, шедшее по пути дифференциации различных сторон первоначально единой психической способности. И воля и интеллект преодолевают недостаточную пластичность чисто эмоциональной регуляции поведения, воздействуя при этом с разных сторон, устранив крайности мгновенной эмоциональной оценки ситуации, а воля преодолевает непосредственное эмоциональное влечение каким-либо действиям. Конечно, следует помнить, что действительным базисом поведения выступают все же не эмоции, а потребности человека как организма и как личности. Эмоции же базисны в том смысле, что они активнее отражают потребности, чем интеллект и воля. Благодаря связи с потребностями эмоции способны трансформировать объективное значение в личностный смысл. Эмоции сигнализируют о личностном смысле событий, разыгрывающихся в жизни человека. Наиболее рельефно сигнальная функция эмоций выражается в интересе. Потребность есть непосредственная и неопределенная констатация субъективной значимости некоторого объекта. Испытывать же интерес к чему-нибудь – значит настраивать собственное сознание на определение отношения и соответствие данной вещи к потребностям. Объект значимый в интересе может находиться в двояком отношении к потребностям человека: способствовать или препятствовать их удовлетворению. Эмоции также подразделяются: на положительные и отрицательные. Согласно информационной теории эмоций, они стимулируют не само удовлетворение потребностей, а накопление средств для него. Положительная эмоция вызывается избытком имеющейся информации. Нейрофизиолог П. В. Симонов связывает ее с потребностями роста или прогресса и проблемой гомеостаза, его совершенствования. Отрицательные эмоции побуждают поддерживать необходимый уровень информации, они связаны с потребностями самосохранения. Положительные эмоции способствуют порождению эстетической потребности. Эстетическая потребность – это предметная направленность деятельного субъекта, стимулируемая чувством гармонии, красоты.

Развитие эстетического сознания человека обогащает его духовную жизнь, совершенствует регулятивный аспект деятельности людей, что актуально на современном этапе развития общества. Эстетические ценности (прекрасное, возвы-

шенное) отличаются от элементарных витальных и утилитарных потребностей (в определённой мере господствующие в общественном сознании). Однако принципы соотношения и соответствия в своей основе, исходя из познавательного – оценочного отношения к миру, способствуют утверждению как утилитарных, так и эстетических ценностей. В свою очередь духовно – эстетическое освоение человеком мира выражают устремление его сознания к постижению (познанию) объективных законов бытия, их сущности, на основе которых возможно осуществление эффективной гармонизирующей регулятивной практической деятельности.

Объективная основа эстетического отношения коренится в регулятивных свойствах реального мира, формальных признаках красоты, которые являются всеобщими и воспринимаются в непосредственном чувственном восприятии и переживании. Они в эстетических ценностях объективно существуют и человеческое сознание, интуитивно нащупало их при эстетической оценке. Становление интуиции в эстетическом сознании как непосредственное усмотрение скрытого ценностного смысла в явлениях действительности, а также в произведениях искусства, выявляло существенное, повторяющиеся связи в их определенной регулярности. Законы эстетического освоения действительности служили и служат прогнозированию будущих последствий совершенных и совершаемых в

обществе действий человека с позиции ответственности. В этом отношении ответственный поступок человека выступает как синтез свободы воли (в отличие от произвола) и самореализации творческого потенциала личности. Свобода воли – понятие означающее возможность беспрепятственного внутреннего самоопределения человека в выполнении им тех или иных социальных целей и задач. Брать на себя груз решения личных и общечеловеческих проблем – единственный путь выживания и дальнейшего совершенствования человека. Этот путь предполагает развитие высочайшей степени ответственности, простирающейся от узкого круга личностного ближайшего окружения до решения планетарно – космических задач и проблем (Бахтин М.М.).

В условиях современного динамичного развития научно-технического прогресса, в частности развития компьютеризации, телекоммуникаций и информатики, появления виртуальной реальности, в центре внимания философско-эстетической мысли оказывается вопрос о месте и роли человека в современной техносфере с ориентацией не на прямую вещественную пользу (В. Даль), а о перспективах его развития как субъекта культуры, определяющего во многом духовный лик цивилизации будущего.

Библиографический список

1. Юнг, К.Г. Психология бессознательного. – М., 1994.
2. Хачатрян А.А. Рефлексия как принцип философского мышления // Вестник ВолГУ. – 2003 – 2004. Изд – во ВГУ, 2004. – Серия 7. – Вып. 3.
3. Ежов, В.С. Место эстетической рефлексии в интеллектуальной системе. – Проблемы логической организации рефлексивных процессов // Тезисы докладов и сообщений к научно – методической конф. 2 – 4 дек. 1986 г. – Новосибирск, СО РАН, 1986.
4. Васютинский, Н.А. Золотая пропорция. – СПб., 2006.
5. Самохвалова, В.И. Красота против энтропии. – М.: Наука, 1990.

Bibliography

1. Yung, K.G. Psihologiya bessoznatelnogo. – M., 1994.
2. Khachatryan A.A. Refleksiya kak princip filosofskogo mihsleniya // Vestnik VolGU. – 2003 – 2004. Izd – vo VGU, 2004. – Seriya 7. – Vihp. 3.
3. Ezhov, V.S. Mesto ehsteticheskoy refleksii v intellektualnoy sisteme. – Problemy logicheskoy organizatsii refleksivnykh processov // Tezisy dokladov i soobsheniij k nauchno – metodicheskoy konf. 2 – 4 dek. 1986 g. – Novosibirsk, SO RAN, 1986.
4. Vasyutinskiy, N.A. Zolotaya proporcija. – SPb., 2006.
5. Samokhvalova, V.I. Krasota protiv ehntropii. – M.: Nauka, 1990.

Статья поступила в редакцию 27.07.11

УДК 37.0

Petrenko N.V. ROLE RECREATIONAL ACTIVITIES IN PROMOTING SOCIAL COMPETENCE AMONG CHILDREN FROM ORPHANAGES. This article analyzes the role of leisure activities in the formation of social competence and social adaptability orphanages. It is proposed a systematic approach to psychological and educational organization of children in institutions, offers a holistic consideration of the intellectual, emotional and volitional spheres of the child, and their relation to the lessons of free choice.

Key words: socio-cultural and leisure activities, social competence, social adaptation, children's homes.

Н.В. Петренко, соискатель СНИ, г. Новосибирск, E-mail: valery.gafarov@gmail.com

РОЛЬ ДОСУГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ У ВОСПИТАННИКОВ ДЕТСКИХ ДОМОВ

Статья посвящена анализу роли досуговой деятельности в формировании социальной компетенции и социальной адаптивности воспитанников детских домов. Предлагается системный подход к решению психолого-педагогической организации досуга детей в специализированных учреждениях, предлагается целостное рассмотрение интеллектуальной, эмоциональной и волевой сфер ребенка, и их соотношения в занятиях по свободному выбору.

Ключевые слова: социально-культурная и досуговая деятельность, социальная компетентность, социальная адаптация, воспитанники детских домов.

У воспитанников детских домов – масса проблем. Одна из основных – успешно влиться в общество и самостоятельно строить свой вариант жизни достойного Человека. И основная миссия детского дома – помощь в социальной компетентности воспитанников. К сожалению, в настоящее время уровень социальной компетентности воспитанников детских домов является недостаточным. Недостаточная компетентность воспитанников – следствие целого комплекса причин. Это – влияние пребывания в условиях детского дома на формиро-

вание личности воспитанников. Формирование социальной компетентности воспитанников детских домов как проблема – слабо освещена в теоретической литературе и недостаточно, фрагментарно разработана в педагогической практике.

Проблема определения социальной компетентности и особенностей ее развития носит междисциплинарный характер и исследуется на философском (Г.Э. Белицкая, Л.Н. Шабатура), социально-психологическом (Н.В. Веселкова, Н.В. Куницына, Е.В. Коблянская, Ю. Мель, Е.В. Прямикова,

У.П. Каннинг, У. Пфингстен, Р. Хинш) и психолого-педагогическом уровнях (С.С. Бахтеева, Д.Е. Егоров, Н.В. Калинина, М.И. Лукьянова, В.В. Цветков, Б.Зейфрит, А. Ленцен, Ф. Петерманн), что порождает большое разнообразие теоретических обобщений, которые не всегда согласуются между собой [1-3].

Изучение феномена социальной компетентности в педагогической науке только начинается. Рассматриваемое нами понятие пока не имеет четкого определения и находится в процессе развития, уточнения, верификации.

Проанализировав состояние проблемы социальной компетентности в философской, психологической, педагогической и научно-методической литературе и выявив понятийно-категориальный аппарат проблемы, мы смогли конкретизировать понятие «социальная компетентность», которое определяется нами как базисная интегративная характеристика личности, отражающая ее достижения в развитии отношений с другими людьми, обеспечивающая овладение социальной ситуацией и дающая возможность эффективно выстраивать свое поведение в зависимости от ситуации и в соответствии с принятыми в социуме нормами.

Анализ особенностей развития личности и возрастных задач развития социальной компетентности в отрочестве позволяет сделать вывод о том, что подростковый период связан с возникновением нового уровня самосознания, характерной чертой которого является появление способности и потребности познать самого себя как личность и выделить следующие основные показатели социальной компетентности воспитанников подросткового возраста: ответственность; адекватная самооценка; сформированность позитивной мотивации учения; владение средствами общения и навыками конструктивного взаимодействия в различных ситуациях; сформированность эмпатии по отношению к партнеру, принятие ролей.

Сущность социальной компетентности заключается в усвоении индивидом определенной системы знаний, норм, ценностей, позволяющих ему становиться личностью, способной функционировать в данном обществе.

Этот процесс в педагогике рассматривается в связи с пониманием сущности воспитательного процесса. Главными, основными его участниками в детских домах являются воспитанники, воспитательный коллектив, службы дополнительного образования, обеспечивающие формирование личности. В процессе жизненного взаимодействия под влиянием социальных зависимостей, различных воздействий воспитательного характера у воспитанников складывается представление о мире, формируются навыки, привычки деятельности и поведения, система привычного сознания, происходит развития всех психических свойств личности и мышления. В результате этого воспитанники детских домов становятся подготовленными участниками общественной жизни.

Процесс формирования социальной компетентности играет важную роль как в жизни отдельно взятой личности, так и общества в целом. Это длительный, активный процесс, продолжающийся от рождения человека до его смерти. Социальная компетентность позволяет людям реализовать свои потребности, возможности, способности, вступать во взаимодействие с другими членами общества, социальными микрогруппами, институтами, организациями и обществом в целом. С другой стороны, социализация, успешно осуществляемая на основе сформированной социальной компетентности, определяет стабильность самого общества, обеспечивая необходимую преемственность в его развитии. От успешного осуществления этого процесса зависит, насколько личность сможет реализовать свои способности и задатки, приобрести социальную зрелость, быть полезной обществу и создать для себя благоприятные условия жизнедеятельности.

Формирование социальной компетентности ребенка осуществляется в ходе его деятельности, которая в подростковом возрасте, по мнению таких ученых, как В.Г. Ананьева, Л.С. Выготского, Д.Б. Эльконина, включает в себя две стороны: предметную и социальную. Последняя тесно связывается со

становлением мотивационно – потребностной сферы личности. Отметив данную взаимосвязь, Д.И. Фельдштейн пришел к выводу, что "раскрытие особенностей развития этой деятельности, закономерностей этого развития обеспечивает возможность познания важнейших моментов становления сознания, самосознания, выявления путей направленного развития социальной активности подростка" [2; 4].

Чтобы личность могла самореализоваться, ей необходима специальная психолого-педагогическая деятельность, адекватно направленная на формирование культуры социальной компетентности. Плацдармом для формирования социальной компетентности у воспитанников детских домов является досуговая деятельность, которая по ряду причин в данном учреждении носит систематический и планомерный характер.

С начала 50-х гг. происходит интенсивная разработка концепции досуговой деятельности. В первую очередь данная концепция появилась в ряде западных стран, которых затронуло сокращение рабочего дня у населения ещё в 30-х гг. прошлого столетия. Понятие «досуг», в рамках данной концепции рассматривается в близких по значению категорий «вне рабочего», «рабочего» и «свободного времени». Все эти понятия объединяются в общее в человеческой деятельности. Данная деятельность нерегламентированная, осуществляется человеком с опорой на внутренние желания и побуждения. Следует отметить, что слово «досуг» имеет свою историю, свои исторические корни, связанные с особенностями образа жизни древних народов. В процессе изучения досуговой деятельности, ученые выдвинули предложение о более конкретной характеристике содержания понятия [3; 5].

До сих пор нет общепринятого определения этого понятия. Более того, в специальной литературе досуг имеет самые разнообразные определения и толкования. Само понятие «досуг» часто отождествляется со свободным временем (Ф.С. Махов, А.Т. Куракин, В.В. Фатьянов и др.), с внешкольной и внеклассной работой (Б.Э. Вульф, Л.Н. Николаева, М.М. Поташник и др.), и даже с внеучебным временем (Л. К. Балясная, Т. В. Сорокина и др.). Но является ли это отождествление верным? Нет, так как свободное время есть у всех, а досугом обладает не каждый. Существует много интерпретаций слова «досуг». Досугом называется деятельность, отношения, состояние ума. Множество подходов осложняет попытки понять, что значит досуг.

Английское слово досуг (LEISURE) берет свое начало из латинского языка (LIGERE), что означает «быть свободным». Из латинского языка во французский пришло (LOISIR), что означает «быть разрешенным», а в английский такое слово как (LICENSE), что означает «быть свободным» (свобода отклонять правило, практику и т.д.). Эти слова родственные друг другу, подразумевают выбор и отсутствие принуждения. В древней Греции слово досуг (SCHOLE) означало «серьезная деятельность без давления необходимости». Английское слово (SCOOL) произошло от греческого слова SCHOLE, (досуг), что предполагает окончательное соединение между досугом и образованием [6].

Досуг – деятельность в свободное время вне сферы общественного и бытового труда, благодаря которой индивид воспитывает свою способность к труду и развивает в себе в основном те умения и способности, которые невозможно усовершенствовать в сфере трудовой деятельности. Усвоение культурных ценностей, познание нового, творчество, физкультура и спорт – всем этим может быть занят человек в своё свободное время. Все эти занятия укажут на достигнутый уровень культуры досуга.

Досуг имеет свои особенности. Во-первых, досуг имеет различия, связанные с возрастными категориями, в нашем случае это игровая деятельность, которая является универсальной для любой категории населения, но особенно велика её роль в развитии подростковой среде.

Во-вторых, среда протекания досуговой деятельности. Родительская среда не является основной для досуга подростка. Если нужно принять важное решение, то подросток охотно принимает наставление опекуна. Но компания сверстников –

эта определённая среда, в которой молодые люди контактируют эмоционально. Данная форма досуга рассматривается как:

- необходимое условие жизнедеятельности человека и общества;
- источник творческого преобразования индивида в личность;
- форму передачи знаний и социального опыта;
- исходный пункт самосознания личности;
- регулятор поведения людей в обществе;
- самостоятельный вид деятельности.

Нужно отметить, что характеристика досуга с точки зрения культуры его организации и проведения охватывает многие стороны данного явления – как личностные, так и общественные. Культура досуга – это, прежде всего, внутренняя культура человека, предполагающая наличие у него определенных личностных свойств, которые позволяют содержательно и с пользой проводить свободное время. Склад ума, характер, организованность, потребности и интересы, умения, вкусы, жизненные цели, желания – все это составляет личный, индивидуально-субъективный аспект культуры досуга молодежи. Существует прямая зависимость между духовным богатством человека и содержанием его досуга. Но справедлива и обратная связь. Культурным может быть только содержательно насыщенный и, следовательно, эффективный по своему воздействию на личность досуг. Все эти условия нужно учитывать в организации досуга воспитанников детских домов и в его совершенствовании. Этот уровень досуга называют созерцательным. Ему соответствует общение между близкими по духу людьми.

Человек усваивает определенное мировоззрение, взгляды на общество, явления и события: усваивает принятые данным обществом правила поведения, обычаи, усваивает накопленный обществом запас знаний, умений, навыков. Каждая личность связана с окружающим ее миром, с обществом, и прежде всего связана отношениями, складывающимися через производство и потребление материальных благ. Эти отношения являются основными в формировании личности человека, его сознания [7].

Системный подход к решению психолого-педагогической организации досуга детей в специализированных учреждениях предлагает целостное рассмотрение проявлений, интеллектуальной, эмоциональной и волевой сфер ребёнка, их соотношения в занятиях по свободному выбору. Нужно учесть особое значение эмоциональной сферы во всех мероприятиях. Ведь эмоциональность опрашивает в соответствующие тона все досуговые занятия и все формы общения.

В педагогическом плане, деятельность в специализированных учреждениях, состоит не столько в том, чтобы предоставить каждому индивиду как можно более разнообразную сумму занятий, сколько в том, чтобы через то дело, которым человек любит заниматься на досуге, как можно более многообразно и глубоко развивать различные стороны его личности: интеллект, нравственность, эстетические чувства. Такая

работа должна базироваться на определенной перспективе на такой системе мероприятий, которая бы удовлетворяла не только потребности в отдыхе, или в новой информации но и развила бы способности личности. Следовательно, досуг выступает как фактор становления и развития личности усвоения ею культурных и духовных ценностей. Этот процесс называется социализацией, а специальные учреждения являются институтом социализации.

Одним из таких институтов социализации являются детские дома, главной целью которых является вооружение воспитанников знаниями, умениями и навыками дальнейшего самостоятельного проживания их в социуме. При этом, используя свои природные задатки, чувствовать психологический комфорт.

Изучение социологической и психолого-педагогической литературы позволяет сделать вывод о том, что социальная компетентность рассматривается многими учеными как неотъемлемая составляющая, основа процесса социализации личности, поскольку помогает индивиду справляться со сменой социальных ролей, предполагает умение сотрудничать, вступать в контакты, легкую совместимость, готовность к изменениям, к самоопределению, социальную ответственность за последствия своих поступков и является качественной характеристикой данного процесса.

Формирование социальной компетентности личности происходит в основном на базе группового опыта. Именно в результате социального взаимодействия воспитанника в малых и более или менее крупных социальных группах происходит усвоение индивидом накопленных обществом знаний и опыта, выработанных им ценностей и норм. Это составляет фундамент облика любой нормальной личности и вместе с тем единства и целостности социальной группы и всего общества. Но нельзя сбрасывать со счетов и роль индивидуального опыта в процессе социализации, определяющего неповторимость и уникальность каждой отдельной личности. Нет, и не может быть двух абсолютно одинаковых процессов социализации личности, и поэтому нет, и не бывает двух абсолютно одинаковых личностей.

Благодаря социализации воспитанник детского дома общается к социальной жизни, получает и изменяет свой социальный статус и социальную роль. Более эффективной работа по социализации происходит в досуговой деятельности. В свою очередь, досуговая деятельность для воспитанников данных типов учреждений должна иметь четкую сетку запланированных мероприятий, которые опираются на индивидуальные особенности каждого ребёнка. Но не следует забывать, что у ребёнка должен быть свой «свободный досуг» без вмешательства взрослого, в процессе которого воспитанник сам старается свой досуг организовать. От умения направлять свою деятельность в часы досуга на достижение общезначимых целей, реализацию своей жизненной программы, развитие и совершенствование своих сущностных сил, во многом зависит социальное самочувствие индивида, его удовлетворенность своим свободным временем.

Библиографический список

1. Каган, М.С. Философия культуры // сб. трудов. – СПб, 1996.
2. Григорьев, А.И. Культура досуга. – Киев: Высшая школа, 2007.
3. Котельникова, Н.В. Инновационные тенденции в сфере молодежного досуга в современной России. – Социология культуры, духовной жизни: автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Ставрополь: Ставропольский гос. ун-т, 2003.
4. Кулагин, И.Ю. Возрастная психология: Полный жизненный цикл развития человека / И.Ю. Кулагин, В.Н. Колыцкий: учебное пособие. – М.: ТЦ «Сфера» при участии «Юрайт-М», 2001.
5. Петрова, З.А. Методология и методика социологических исследований культурно-досуговой деятельности: учебное пособие. – М.: МГИК, 1990.
6. Рожков, М.И. Стратегии и модели воспитания // Теоретико-методологические проблемы современного воспитания: сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2004.
7. Основы педагогической деятельности. – Санкт Петербург: Питер, 2004.

Bibliography

1. Kagan, M.S. Filosofiya kul'turi // sb. trudov. – SPb, 1996.
2. Grigor'ev, A.I. Kul'tura dosuga. – Kiev: Vihsshaya shkola, 2007.
3. Kotelnikova, N.V. Innovatsionnye tendencii v sfere molodezhnogo dosuga v sovremennoy Rossii. – Sociologiya kul'tur, dukhovnoy zhizni: avtoref. dis. ... kand. sociol. nauk. – Stavropol': Stavropol'skiy gos. un-t, 2003.
4. Kulagin, I.Yu. Vozrastnaya psikhologiya: Polniy zhiznennyi tsikl razvitiya cheloveka / I.Yu. Kulagin, V.N. Kolyckiy: uchebnoe posobie. – M.: TC «Sfera» pri uchastii «Yurayt-M», 2001.

5. Petrova, Z.A. Metodologiya i metodika sociologicheskikh issledovaniy kulturno-dosugovoy deyatelnosti: uchebnoe posobie. – М.: MGIK, 1990.
6. Rozhkov, M.I. Strategii i modeli vospitaniya // Teoretiko-metodologicheskie problemy sovremennogo vospitaniya: sb. nauch. tr. – Volgograd: Peremena, 2004.
7. Osnovih pedagogicheskoy deyatelnosti. – Sankt Peterburg: Piter, 2004.

Статья поступила в редакцию 27.07.11

УДК 159

Vasilyev A.S. EMOTIONAL-COGNITIVE SATURATION IMAGINATION AS A MEANS OF OVERCOMING INTRAPERSONAL CONFLICT. A new approach in dealing with some existential problems: emotional and psychological modeling. Substantiates the mechanism of emotional and cognitive imagination to the saturation level of energy mobilization of the organism to overcome the negative effects of interpersonal conflict.

Key words: imagination, interpersonal conflict, emotional and psychological modeling.

A.C. Васильев, соискатель НГПУ, г. Новосибирск, E-mail: eueenv@mail.ru

МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ ВНУТРИЛИЧНОСТНОГО КОНФЛИКТА

В статье представлен новый подход в решении проблемы внутриличностного конфликта, с позиций представлений о самости в интерпретации Юнга. Механизм формирования внутриличностного конфликта определяется воздействиями содержаний архетипа на эго, что проявляется у индивида в виде эмоционально-чувственных переживаний.

Ключевые слова: внутриличностный конфликт, архетипы Юнга, проблема самости.

Определяя психологическую природу внутриличностного конфликта [1], мы пришли к выводу в том, что в основе внутренней конфликтности лежат бессознательные содержания, конфликтующие с эго и, тем самым, расщепляющие его (Spaltung). Они (данные бессознательные содержание) и создают проблему внутриличностного конфликта, которая, проявляясь в виде индивидуальных эмоционально-чувственных переживаний, находит свое выражение в психосоматике субъекта, в диапазоне, от состояния различных степеней дискомфорта до терапевтического диагноза. Однако для полноты картины, мы считаем, необходимыми привести уточнения касательно всего механизма данного явления. В этих целях мы считаем целесообразным обратиться к проблеме самости в интерпретации Юнга.

В разнообразной современной литературе по аналитической психологии очень часто встречается написание данного термина с заглавной буквы. Юнговское представление о самости значительно отличается от того, как это понятие используется в другой психоаналитической литературе. Эта разница зависит, прежде всего, от понимания архетипов: юнговская концептуализация самости видит ее укорененной в трансличностном измерении. Отсюда и частое написание слова с заглавной буквы. Но существует и клинический аспект самости, часто более тесно связанный с областью эго сознания; в работах клинического характера термин "самость" обычно пишут с маленькой буквы. Таким образом, заглавная буква появляется в тех случаях, когда автор текста хочет выделить трансличностную, архетипическую основу самости [2]. Поскольку нас интересует, прежде всего, прикладной, а не трансличностный аспект данного понятия, то нас удовлетворяет незаглавная буква в его обозначении. На вопрос: почему нас привлекает, именно, юнговская интерпретация самости, суть нашего ответа будет в том, что нас интересует чисто процессуальный аспект данного понятия, точнее его практическое значение для психосоматики индивида. В этом плане нам, конечно, можно возразить: а кто из великих не был практиком? Однако, по этому поводу, мы пришли к однозначному выводу в том, что ни одна теория внутренней конфликтности, кроме юнговской, не определяют ее психологическую природу в плане причинности и, следовательно, не могут служить базисной основой для процесса преодоления отрицательных последствий внутриличностного конфликта (психосоматических последствий дистресса) [1].

Касательно стиля изложения своих взглядов, можно, конечно, отмечал Юнг, описать это содержание и рациональным, научным языком, но в этом случае полностью теряется его живой характер. Поэтому при описании жизненных (inving) процессов души он обдуманно и сознательно отдал

предпочтение драматическому, мифологическому способу мышления и изложения, поскольку этот способ не только выразительнее, но и точнее абстрактной научной терминологии, которая, по мнению Юнга, тешит себя надеждой, что ее теоретические формулировки могут в один прекрасный день свестись к алгебраическим уравнениям [3]. Касательно научного стиля речи, которой присущ ряд особенностей: предварительное обдумывание высказывания, монологический характер, строгий отбор языковых средств и тяготение к нормированности, нам хотелось бы отметить, что стиль научных работ определяется, в конечном счете, их содержанием и целями научного сообщения. В этом аспекте, на наш взгляд, ни одна отрасль психологии, с их научно-рациональной терминологией, в плане преодоления отрицательных последствий внутриличностного конфликта, не преуспела. Исходя из прикладной ценности наследия Юнга, мы полагаем, что нам не стоит бояться манеры его изложения.

Исследование психологии бессознательного поставило Юнга перед необходимостью сформулировать новые понятия для объяснения установленных фактов. Одно из этих понятий – самость. Во избежание, бесконечных интерпретаций на эту тему и в целях понимания данного понятия идентично Юнгу, мы прибегнули непосредственно к теоретическому наследию классика.

Эмпирически сознание всегда обнаруживает свой предел, когда подходит к неизвестному. Неизвестное составляет все то, чего мы не знаем, и что, таким образом, не связано с эго как центром поля сознания. Неизвестное распадается на две группы объектов: те, что являются внешними и могут быть познаны с помощью органов чувств, и те, что являются внутренними и переживаются непосредственно. Первая группа охватывает все неизвестное во внешнем мире, вторая – все неизвестное во внутреннем мире, то есть ту область, которую мы называем бессознательным. При этом эго опирается на две с виду различные основы: соматическую и психическую. Наличие соматической основы выводится из той совокупности эндосоматических перцепций, которые со своей стороны уже имеют психическую природу и ассоциируются с эго, а значит, оказываются сознательными. Они производятся эндосоматическими стимулами, которые превышают порог сознания. Значительная же часть этой стимуляции происходит бессознательно, то есть на подпороговом уровне. Из вышесказанного следует, что соматическая основа эго состоит из сознательных и бессознательных факторов. То же самое справедливо и в отношении его психической основы: с одной стороны, эго опирается на все поле сознания, а с другой – на общую сумму бессознательных содержаний, которые распадаются на три группы:

- во-первых, временно подпороговые содержания, которые могут быть произвольно воспроизведены (память);
- во-вторых, бессознательные содержания, которые не могут быть произвольно воспроизведены;
- в-третьих, содержания, которые вообще не способны стать сознательными.

Как сознательный фактор, эго можно было бы, по крайней мере, теоретически, описать полностью. Но это описание никогда не достигло бы большего, чем изображение сознательной личности; все те черты, которые неизвестны субъекту или не осознаются им, оказались бы упущенными. Полная картина должна была бы включать и эти черты. Однако полное описание личности даже в теории оказывается совершенно невозможным, потому что ее бессознательная часть не может быть охвачена когнитивно. Между тем, этой бессознательной частью личности, как показал опыт, вовсе не следует пренебрегать как чем-то неважным. Напротив, имеющие решающее значение для конкретного человека качества часто не осознаются их обладателем и могут восприниматься только другими людьми, или же их приходится с трудом открывать с посторонней помощью [4].

В таком случае личность как полный феномен явно не совпадает с эго, то есть с сознательной личностью, а образует объект познания, который надобно отличать от эго. Конечно, такая надобность возникает только у психологии, считающейся с действительностью бессознательного, но зато для такой психологии это разграничение представляет первостепенную важность. Даже для юриспруденции должно иметь определенное значение то обстоятельство, являются ли некие психические факты сознательными или нет, например, при решении вопроса об ответственности за содеянное [5]. Юнг предложил называть эту полную личность, которая, хотя и имеется в наличии, но не может быть целиком познана, самостью. При этом эго находится в субординантном отношении к самости и относится к ней как часть к целому. В пределах поля сознания, отмечал Юнг, эго обладает субъективным чувством свободы воли, точнее, свободы выбора. Следует отметить, что для мыслительного процесса, именно свобода выбора является основной функцией. Индивид постоянно находится в состоянии выбора чего-либо. Данное свойство, настолько очевидно, что, по нашему мнению, не требует в свое подтверждение каких-либо теоретических основ, достаточно, в этом плане, внимательнее прислушаться к себе. Но точно также, как свобода воли (выбора) сталкивается с реалиями внешнего мира, так и за пределами поля сознания, в субъективном внутреннем мире, воля вступает в конфликт с **фактами самости**, обнаруживая, при этом, пределы своих возможностей. Данное ограничение свободы эго, сравнимое с ограничением свободы индивида по причине воздействия объективных происшествий, на которые его свобода воли может повлиять лишь в очень незначительной степени [3].

Принимая за основу эмпирически обозначенное качество эго, как центра поля сознания, но как часть полной личности (самости), мы в праве задать вопрос, а именно: с какими фактами самости (полной личности) индивидуальная воля вступает в конфликт, при котором эго не только не может ничего поделать с самостью, но иногда фактически ассимилируется бессознательными компонентами личности.

Фактами самости по Юнгу являются содержания архетипов коллективного бессознательного, к которым относятся:

1). Тень – это обладающие частичной автономией негативные свойства личности, имеющие эмоциональную природу. Аффекты обычно появляются там, где адаптация наиболее слаба, и в то же время они показывают причину ее слабости. Благодаря инсайту и доброй воле, тень может быть до известной степени ассимилирована в сознательную личность, но есть отдельные черты, которые оказывают чрезвычайно упорное сопротивление моральному контролю и оказываются почти недоступными для воздействия. Эти сопротивления обычно связаны с проекциями, не признаваемыми в качестве таковых, когда создается впечатление, будто причина эмоции кроется, вне всяких сомнений, в другом человеке. И неважно, насколько

очевидным может быть для стороннего наблюдателя тот факт, что это всего лишь проекции; практически, нет никакой надежды, что сам субъект осознает это.

Поскольку бессознательное создает это проецирование, то сознательный субъект сталкивается с проекциями как с происшествиями, которые заменяют ему реальный мир репродукцией собственного неизвестного лица субъекта. Поэтому, в конечном счете, они приводят к аутистическому состоянию, в котором человек выдумывает мир, реальность которого остается навсегда недостижимой. Возникающее в результате чувство неполноценности и еще более тяжелое чувство бесплодности объясняются – благодаря проекции – недоброжелательностью окружения, что, по механизму порочного круга, ведет к дальнейшему усилению изоляции. Чем больше проекций внедряется между субъектом и окружением, тем труднее эго видеть сквозь собственные бессознательно-иллюзорные изоляции, что же в действительности происходит. При этом сознательно, индивид оплакивает и проклинает вероломный мир, все больше и больше удаляющийся от него.

Однако предположение того, что такие и подобные им проекции могут иметь отношение, только лишь, к негативной стороне личности будут несостоятельны по причине усложнения проблемы, связанной с появлением символов противоположного пола, а именно: у мужчин – женского, у женщин – мужского, когда источником проекции будет являться уже не тень, которая имеет один и тот же пол с индивидом и относится к его личному бессознательному. Личные бессознательные содержания можно без особого труда сделать достоянием сознания. Следующие архетипы отстоят гораздо дальше от индивидуального сознания. Здесь мы встречаемся с анимой мужчины и анимусом женщины, двумя корреспондирующими архетипами, чья автономия и бессознательность объясняют неподатливость их проекций. Другими словами, осознание относительного зла своей натуры находится в пределах возможностей обычного человека, но весьма редким и губительным для него опытом оказывается попытка взглянуть в лицо абсолютного зла [3]. Итак, рассмотрим следующий факт самости (полной личности), с которым индивидуальная воля вступает в конфликт.

2). Анима – это образ, который Шпиттелер (швейцарский писатель, лауреат Нобелевской премии 1919 года) назвал «*My Lady Soul*». Юнг предложил взамен этого выражения термин «анима» [anima], как указывающий на нечто специфическое, для чего слово «Soul» (душа) оказывается чересчур общим и неопределенным. Данный образ является следующим, после тени, фактором, который воплощается в каждом ребенке мужского пола и производит проекцию, является бессознательное в том виде, как оно представлено анимой. Анима – не избрание сознания, а спонтанный продукт бессознательного, нуминозные качества которого, унаследованные от коллективного архетипа анимы, делают образ матери [imago] угрожающе могущественным.

Проекция может быть аннулирована лишь тогда, когда сын сознает, что у него в душе находится образ не только матери, но и дочери, сестры, возлюбленной, небесной богини и пр., а именно: вечный образ, соответствующий самой глубинной сущности каждого мужчины – опасный образ женщины, олицетворяющей верность, которую в интересах жизни он, иногда должен нарушать. Данный образ женского начала – очень нужная компенсация риска, борьбы, жертв, которые обычно заканчиваются обманутыми надеждами. Данный образ – утешение за всю горечь жизни. И в то же время, данный образ – великий иллюзионист, обольстительница, которая вовлекает мужчину не только в благоразумные и полезные занятия, но и в ужасные парадоксы и противоречия, где добро и зло, успех и гибель, надежда и отчаяние уравниваются друг друга. И, как выразился Юнг: «Так как Она представляет для него величайшую опасность, то и требует от мужчины всего его величия, – и если оно в нем есть, Она его получит» [3].

Так как анима – архетип, обнаруживаемый у мужчин, разумно предположить, что равноценный архетип должен быть в наличии у женщин; ибо так же как мужчины компенсируют

ся женским началом, так женщины компенсируются мужским началом. Итак, рассмотрим следующий факт самости (полной личности), с которым индивидуальная воля вступает в конфликт.

3). Анимус – производящий проекцию бессознательный фактор у женщин, как компенсирующее мужское начало. Анимус означает ум (mind) или дух (spirit). Так же как для сына первым носителем производящего проекцию фактора становится мать, так для дочери таковым становится отец. Женщина компенсируется мужским началом, и потому ее бессознательное несет мужской отпечаток. Результат – значительное психологическое отличие женщин от мужчин. Так, согласно взглядам Юнга, Анимус соответствует отцовскому Логосу, который у женщин состоит не из размышлений, а из мнений – априорных предположений, притязаний на абсолютную истинность. Нет на свете такой логики, которая может поколебать женщину, если ей правит Анимус.

Как в своих положительных, так и в своих отрицательных выражениях взаимоотношения анима/анимус всегда избыточны («анимозность» (враждебностью, непреклонностью, предубежденностью и упрямством). Аффекты снижают уровень взаимоотношения и приближают его к общей инстинктуальной основе, которая уже не содержит в себе ничего индивидуального. Весьма часто эти взаимоотношения идут своим естественным ходом. Безо всякого внимания к ним их исполнителей – людей, которые впоследствии не понимают, что же с ними случилось.

Тогда как облако «анимозности», окружающее мужчину, состоит главным образом из сентиментальности и чувства обиды, у женщины «аминозность» выражается в форме чрезмерно самоуверенных взглядов и объяснений, инсинуаций и неверных истолкований, причем все это имеет целью (иногда достигаемой) разрыв взаимоотношений между двумя людьми [3].

Воздействие анимы и анимуса на эго, в принципе то же самое. Это воздействие чрезвычайно трудно исключить, потому что, во-первых, оно необыкновенно сильно и немедленно наполняет эго-личность непоколебимым чувством правоты и праведности. Во-вторых, причина воздействия проецируется и кажется заключенной в объектах и объективных ситуациях. Обе эти особенности можно, полагает Юнг, проследить назад до характерных свойств архетипа. Ибо архетип, конечно, существует *a priori*, что может, по-видимому, объяснить часто абсолютно неразумное и все же неоспоримое (да и не оспариваемое) существование некоторых настроений и мнений. Возможно, на подобные настроения и мнения так трудно влиять из-за мощного суггестивного воздействия, исходящего от архетипа. Сознание, по выражению Юнга, уступает его чарам, пленяется им, как бы гипнотизируется, результатом чего может являться моральное поражение эго в виде усиленного чувства неполноценности. В этом случае из-под человеческих взаимоотношений выбивается сама основа, ибо чувство неполноценности делает взаимное признание невозможным, а без него нет и взаимоотношений. Как утверждал Юнг, гораздо легче интуитивно понять тень, чем аниму и анимус. В отношении тени мы обладаем тем преимуществом, что в какой-то степени подготовлены к ее пониманию своим воспитанием, которое всегда старалось довести до сознания людей, что они сделаны не из чистого золота. Поэтому каждый понимает, что подразумевает под словами «тень», «низкая личность» и т.д. А если бы, говорил Юнг, кто-то вдруг забыл смысл этих слов, то воскресная проповедь, жена или сборщик налогов легко могли бы освежить его память. Однако с анимой и анимусом дело обстоит отнюдь не так просто. Во-первых, нравственное воспитание не касается этого аспекта и, во-вторых, большинство людей довольствуются уверенностью в собственной правоте и предпочитают взаимное поношение (если не хуже!) признанию своих проекций. В самом деле, кажется вполне естественным делом для мужчин – обладать безрассудными настроениями, а для женщин неразумными мнениями. По-видимому, такое положение дел основывается на инстинкте и должно оставаться таким как есть для обеспечения вечного продолжения эмпедокловой игры любви и ненависти стихий.

Природа консервативна и не позволяет без труда переменить свой естественный ход, упорно защищая неприкосновенность заповедных мест анимы и анимуса.

Поэтому нам гораздо легче признать свою теневую сторону, а именно, такие теневые препятствия морального порядка как: тщеславие, честолюбие, самонадеянность, злопамятность и т.д.; чем осознать проекции анимы/анимуса, когда прибавляются всевозможные затруднения интеллектуального характера, не говоря уже о содержаниях проекций, с которыми человек просто не знает, как совладать.

Мы не имеем целью полного раскрытия всех психологических особенностей взаимоотношений фактов самости анима/анимус, которые вступают в конфликт с индивидуальной волей, ибо эта тематика достойна отдельного труда. Нас интересует психологическая природа формирования внутриличностного конфликта, если так можно выразиться, технологический аспект данного процесса. Поэтому мы переходим к рассмотрению следующих фактов самости, наряду с которыми определяется их совокупное участие в данном процессе.

4). Архетип Мудрого старца (мужск.) /архетип хтонической Матери (женск.). Архетипический Мудрый Старец является персонификацией (образом) смысла и мудрости. В мужской психологии Анима связана с Мудрым Старцем как дочь с отцом. У женщины, старец-мудрец представляет аспект Анимуса. В определенном смысле, несущий черты Отца и Героя Мудрый Старец, проявляется в образах духовного учителя, доктора, священника, то есть лица, обладающего авторитетом. Мудрый Старец не является персонажем одной, лишь, мужской психологии, он выступает у женщин как аспект Анимуса, в плане помогающей скрытой мудрой силы в творческом преобразовании. В то время как для мужчины мать имеет символическое значение, для женщины она становится символом только в ходе ее психологического развития. Опыт обнаруживает тот замечательный факт, что в мужской психологии господствует тип духовного образа матери, тогда как у женщины чаще всего встречается хтонический тип (или Мать-Земля). В отличие от мужчины, женщина может идентифицироваться непосредственно с Матерью-Землей.

Эти четыре элемента согласно Юнгу, образуют полуимманентную и полутрансцендентную **четверницу**, архетип самости [3], содержания которого, согласно психологической природе бессознательного [4], проявляясь, как эмоционально-чувственные переживания, входят в конфликт с эго и, расщепляя его (Spaltung) создают, как отмечалось выше, проблему внутриличностного конфликта в виде отрицательных дистрессовых последствий [1].

Из сказанного выше нам, лишь, осталось сделать идентифицирующее уточнение в том, что механизм воздействия содержаний архетипа четверницы (самости) на эго, проявляющиеся у индивида в виде эмоционально-чувственных переживаний, – это и есть механизм формирования внутриличностного конфликта. Все остальные теории внутренней конфликтности, от неполноценности до неудовлетворенности, по различным поводам, – есть последствия работы данного механизма, и могут быть применены лишь в качестве психодиагностики, объясняющей эмоционально-чувственную причину расщепленности эго (Spaltung) [1].

Когда теории удастся использовать с ожидаемыми результатами, считается, что она является правильной. Во многих случаях применимость критерия практики не вызывает сомнений. Скажем, изобретение транзистора подтверждает правильность наших представлений об энергетическом спектре электронов в полупроводниках, а взрыв атомной бомбы – правильности представлений о делении ядер и т.п. Касательно психологии, можно рассуждать как в пользу ее научности, так и, в не меньшей степени, в пользу ее ненаучности. Действительно, если, мы обратимся к сути психологической природы основополагающих базисов, определяющих проблематику внутриличностного конфликта, а именно: структуру психики; эмоций; субъективности мышления, а также природы бессознательного, то мы обнаружим отсутствие единых теоретических установок (о единых законах речи нет), соответствую-

щих данным понятиям. Рассуждая о теориях психологической науки, мы можем говорить лишь о попытках согласовать психологию с реалиями современной науки. Так новые идеи, как в зеркале, отражались в науке о человеке. С появлением и развитием идей классической физики психологи сравнивали человека с машиной (теория Ламетри Ж.О. о человеке-машине); с появлением теории Дарвина мы отмечаем появление в психологии структурализма; ответом на открытие электромагнитного поля стала одна из школ – гештальтпсихология, которая по аналогии с преобразованиями электромагнитного поля стала рассматривать сознание как самоорганизующуюся целостную систему, несводимую к сумме её частей. «Все школы стремились утвердить в изучении этой субъективной области объективные научные стандарты, при этом прослеживается влияние на программы школ стандартов, принятых науками о природе, будь то классическая физика (структурализм), эволюционная биология (функционализм) или «физика поля» (гештальтизм)» [5]. Гештальтпсихология, однако, как критиковалась, так и критикуется до сих пор. «Гештальттеория, утвердив в психологии принцип целостности, отделила его от двух других нераздельно связанных с ним объяснительных принципов – детерминизма (причинности) и развития. Именно это и создало её оппонентный круг» [5, с. 379]. Здесь мы просто хотели бы отметить, что ни одна из ныне существующих теорий не является общепризнанной, то есть, как отмечалось выше, мы видим отсутствие единых теоретических установок и законов. В этой связи, невольно вспоминается высказывание персонажа М.А. Булгакова профессора Воланда: «...что же это у вас, чего ни хватишься, ничего нет!...». В самом деле, касательно основополагающих принципов психологической науки, мы, зачастую, можем наблюдать, лишь, набор мнений на уровне интересубъективного дискурса. Создается впечатление, что психологию не могут поделить между собой гуманитарная и естественно-научная парадигмы и, как следствие, – наличие налета некоторой неадекватности на всей психологической науке в целом. Принимая мы данную особенность психологической науки, или нет, – это уже факт, согласно юридической терминологии, мало значимый, ибо, опровергая сказанное выше, мы вступаем в противоречие с очевидным. Принимая ситуацию такой, какой она является на самом деле, мы считаем важным, в наших рассуждениях, не выйти за рамки научности. Если психология –

наука, то на психологический метод должны распространяться все требования как к методу научному.

Как мы знаем, наука – это сфера человеческой деятельности, результатом которой является новое знание о действительности, отвечающее критерию истинности. Как мы знаем, цель науки – постижение истины, а способ постижения истины – научное исследование. Различают эмпирическое и теоретическое исследования. Хотя разграничение это условно. Как правило, большинство исследований имеет теоретико-эмпирический характер.

Одним из основных критериев научности прикладного исследования является возможность применения другими психологами полученных знаний, для решения конкретных практических задач. То есть научный результат должен быть инвариантным относительно пространства, времени, типа объектов и типа субъектов исследования. Это означает, что он должен быть объективным.

Результатом научной деятельности может быть описание реальности, объяснение предсказания процессов и явлений, которые выражаются в виде текста, структурной схемы, графической зависимости, формулы и т.д. [6, с. 11-17].

Из сказанного выше следует вывод в том, что истинный метод должен вытекать из природы подлежащих исследованию предметов, а не из наших заранее составленных представлений. Предметом нашего исследования является преодоление отрицательных последствий внутриличностного конфликта (дистресса), следовательно, речь идет о деятельностном процессе, направленность которого обусловлена тематикой исследования, и несет в себе, прежде всего, практическую составляющую. Мы не собираемся полемизировать по поводу юнговской интерпретации самости. Для нас важно другое, а именно: реальностью ли является, психические патологии или нет? Ответ на данный вопрос очевиден. Мастер описал механизм формирования внутренней конфликтности индивида именно таким образом. Кроме того, он дал рекомендации по преодолению данного явления посредством построения психологической трансцендентной функции [7]. Здесь мы видим реальную возможность, не выходя за рамки научности, осуществить проверку юнговских выводов. В марксистской философии критерием истинности, в том числе и научного знания, считалась практика, и у нас нет никаких оснований для ревизии данного критерия.

Библиографический список

1. Васильев, А.С. О психологической природе внутриличностного конфликта // Мир науки, культуры, образования. – Горно-Алтайск. – 2010. – № 4 (23). – Ч. II.
2. Зеленский, В. Толковый словарь по аналитической психологии. – М.: Изд-во Когито-Центр, 2008.
3. Юнг, К.Г. Айон: Феноменология самости. – СПб.: Изд-во Университетская книга, 1997.
4. Васильев, А.С. Эмоционально-когнитивное насыщение воображения как средство преодоления внутриличностного конфликта // Мир науки, культуры, образования. – 2010. – № 5 (24).
5. Петровский, А.В. Теоретическая психология / А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский: учеб. пособие. – М.: Академия, 2001.
6. Дружинин, В.Н. Экспериментальная психология. – СПб.: Питер, 2008.
7. Юнг, К.Г. Трансцендентная функция. Сознание и бессознательное. – СПб.; М., 1997.

Bibliography

1. Vasiljev, A.S. O psikhologicheskoy prirode vnutrichnostnogo konflikta // Mir nauki, kul'tur, obrazovaniya. – Gorno-Altajsk. – 2010. – № 4 (23). – Ch. II.
2. Zelenskiy, V. Tolkoviy slovar' po analiticheskoy psikhologii. – M.: Izd-vo Kogito-Centr, 2008.
3. Jung, K.G. Ayon: Fenomenologiya samosti. – SPb.: Izd-vo Universitetskaya kniga, 1997.
4. Vasiljev, A.S. Emotsionalno-kognitivnoe nasithenie voobrazheniya kak sredstvo preodoleniya vnutrichnostnogo konflikta // Mir nauki, kul'tur, obrazovaniya. – 2010. – № 5 (24).
5. Petrovskiy, A.V. Teoreticheskaya psikhologiya / A.V. Petrovskiy, M.G. Yaroshevskiy: ucheb. posobie. – M.: Akademiya, 2001.
6. Druzhinin, V.N. Eksperimental'naya psikhologiya. – SPb.: Piter, 2008.
7. Jung, K.G. Transcendentnaya funkciya. Soznanie i bessoznatel'noe. – SPb.; M., 1997.

Статья поступила в редакцию 27.07.11

УДК 371

Chukhrov A.S. PERSONALITY-MOTIVATIONAL ASPECT OF PROFESSIONAL CHOICE STUDENTS TECHNICAL STUDIES. This article discusses scenarios of professional and personal formation of students' engineering and technology sectors, ranging from the motivation of the choice of technical professions to the degree of involvement in the educational process.

Key words: engineering degree, the scenario of professional development, motivation, choice of technical specialties.

А.С. Чухров, канд. тех.наук, доц. СибГУТИ, г. Новосибирск, E-mail: mba3@sibmail.ru

ЛИЧНОСТНО-МОТИВАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫБОРА СТУДЕНТОВ ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

В статье рассматривается сценарии профессионально-личностного становления студентов инженерно-технических специальностей, начиная от мотивации выбора технической профессии до степени включенности в образовательный процесс.

Ключевые слова: инженерно-технические специальности, сценарий профессионального становления, мотивации выбора технических специальностей.

Современное состояние научных исследований и прикладных разработок, посвященных проблеме контроля качества образования и технологии оценки профессиональных и личностных качеств технических и инженерно-технических (ИТ)-специалистов, востребованных в современной организационной среде, свидетельствует, что к настоящему времени научное сообщество еще не выработало единого мнения относительно важности и значимости данных критериев, что негативно отражается на практике создания соответствующих педагогических технологий.

В классической и современной педагогической и психолого-педагогической науке особое внимание уделено анализу сущностных компонентов профессионально-личностного становления (А.А. Бодалев), личностно-мотивационных аспектов профессионального выбора [1], а также рассмотрению наиболее продуктивных подходов к осмыслению этапов, стадий (ступеней) становления профессионала [2-4].

Перспективным считается анализ образовательного пространства вуза как системы условий, призванных обеспечивать оптимальное протекание процесса профессиональной подготовки будущих технических специалистов. Выделен ряд наиболее важных принципов, составляющих основу личностно-ориентированного профессионального образования [6]. По мнению многих отечественных исследователей, при всей распространенности декларативного признания приоритета индивидуальности и самоценности обучаемого в современных вузах достаточно слабо развиты технологии профессионального образования, позволяющие на всех его ступенях соотносить формальные требования учебного процесса с закономерностями профессионального становления личности. По этой причине организация учебно-пространственной среды и содержание профессионального образования в современных вузах не отвечают современному уровню развития социальных, информационных, производственных технологий, что, в свою очередь, отрицательно влияет на восприятие студентами их будущей профессиональной деятельности в технической сфере и ИТ-индустрии.

При этом отмечается, что сценарии профессионально-личностного становления не могут разворачиваться вне определенных пространственно-временных рамок [3]. Немаловажными являются социокультурные условия и психолого-педагогические факторы профессионально-личностного становления будущих технических и ИТ-специалистов, которые во многом обусловлены модернизациями и инновациями, происходящими в сфере информационных технологий. Как показано в исследованиях ряда отечественных авторов, динамичность современного профессионального образования парадоксальным образом сочетается с риском возникновения

инфантильных и псевдоуспешных сценариев профессионально-личностного становления, что особенно актуально для студентов, обучающихся по ИТ-специальностям [3].

Специалистами выявляется ряд факторов, которые не только составляют специфику обучения студентов ИТ-специальностей, но и способны оказывать негативное воздействие на их профессионально-личностное становление. Рассмотрены сущностные характеристики технократического мышления, которое, с одной стороны, во многом комплементарно принципам функционирования информационных технологий, а с другой, таит в себе риски искажения личностного и профессионального развития, что отмечено многими современными исследователями [3]. Поиск новых, эффективных путей повышения качества образования будущих технических и ИТ-специалистов может лежать через их профессионально-личностное становление.

Методы исследования.

Сбор эмпирических данных осуществлялся посредством как специально разработанного интервью, направленного на получение максимально достоверной информации о специфике профессиональной подготовки и развития личностных качеств у студентов технических специальностей в образовательном пространстве вуза, так и стандартизированных диагностических методик. Комплексный диагностический инструментарий был ориентирован на сбор информации, включающей: субъективное восприятие студентами технических специальностей содержательных и процессуальных сторон современного вузовского образования; их представлений о личностных качествах и профессиональных способностях вузовских преподавателей, необходимых для передачи профессиональных знаний в области ИТ-индустрии; оценку практического опыта, получаемого в организационной среде, и степень его соотнесенности с получаемыми теоретическими знаниями; оценку динамики их собственного профессионального и личностного развития в соответствии с требованиями рынка труда в сфере ИТ-индустрии.

Результаты. Изучение такого фактора, как мотивация выбора специальности, позволило выявить причины, побуждавшие молодых людей отдать предпочтение именно сфере технических наук. В таблице 1 представлены результаты, отражающие полимотивированный выбор респондентов, что объясняет тот факт, что суммарное значение выборов превышает 100%. Следует заметить, что среди многообразия мотивов, определяющих выбор специальности, не выявлено явно лидирующего: почти все варианты ответов, за исключением двух, варьируют в интервале от 16% до 25% по частоте встречаемости.

Таблица 1

Мотивация выбора технической специальности

Перечень возможных причин и мотивов, определяющих выбор специальности	Доля (%) от опрошенных
Случай	17,0
Мнение родителей, знакомых	20,4
Возможность хорошо зарабатывать в будущем	19,7

Престиж специальности	23,6
Давний интерес к специальности	25,2
Соответствие характера специальности интересам и наклонностям	21,3
Интерес к новой, перспективной сфере деятельности	16,1
Возможности, которые открывает эта специальность	9,1
Затрудняюсь ответить	6,4

Большая часть респондентов указала как внешние мотивы («случай», «мнение родителей» или «возможность заработать»), так и внутренние мотивы («давний интерес к профессии», «соответствие характера специальности Вашим наклонностям» и другие), что свидетельствует о полимотивированности их выбора технической индустрии в качестве сферы будущей профессиональной деятельности.

Как показало дальнейшее исследование, подавляющее большинство респондентов (70,8%) выразили стабильный интерес к получаемой специальности, что говорит об исходном преобладании внутренних мотивов выбора профессии. Однако, почти у третьей части от общего числа респондентов

(29,2%) в ходе исследования были обнаружены различные проявления разочарования в специальности, что, скорее всего, обусловлено как исходным преобладанием «внешних» мотивов профессионального выбора, так и возникающими трудностями в обучении. Следует заметить, что данная тенденция характерна как для студентов младших курсов, так и для студентов старших курсов, что подтверждается отсутствием значимых различий по критерию U-Манна-Уитни ($U=10891$; при $p=0,096$).

Критерий «Заинтересованность/разочарованность в профессии» имеет ряд взаимосвязей с индивидуальными факторами профессионально-личностного становления (табл. 2).

Таблица 2

Взаимосвязь критерия «Заинтересованность/разочарованность в профессии» с индивидуальными факторами профессионально-личностного становления

<i>Чем отчетливее интерес к специальности, тем:</i>	<i>Значение r_s</i>
более удовлетворен успехами в учебе	0.138*
больше времени уделяет ежедневной подготовке к занятиям	0.175**
регулярнее выполняет задания в течение всего семестра	0.170**
более удовлетворен взаимоотношениями с преподавателями	0.116*
более компетентен в решении профессиональных проблем	0.132*
чаще оправдываются ожидания и представления относительно специфики работы специалиста по ИТ	0.153**
более выражена уверенность в том, что успехи в учебе зависят от самого студента	0.135*

* — $p < 0.05$; ** — $p < 0.01$

Полученные эмпирические данные свидетельствуют о том, что интерес студентов к специальности как составляющая мотивационной сферы, с одной стороны, определяет динамику и направление их профессионально-личностного становления, а с другой стороны, сам процесс углубления знаний по выбранному направлению профессиональной подготовки усиливает интерес к избранной сфере профессиональной деятельности.

При выявлении субъективного восприятия студентами ИТ-специальностей степени трудности/легкости обучения в вузе, было установлено, что 24,4 % респондентов указывают на сравнительную легкость обучения в вузе по сравнению с прежним местом обучения, 30,1% не видят существенных различий, а 45,5% заявляют, что учеба в вузе им дается сложнее. При этом следует заметить, что среди студентов разных курсов мнение по данному вопросу существенно отличается: представители 1-го курса по сравнению со студентами 2-го ($U=2162$; при $p=0,001$) и 4-го ($U=2411,5$; при $p=0,003$) курсов чаще указывает на то, что им легче учиться в вузе по сравнению с предыдущим местом учебы. Вероятно, это связано с тем, что первокурсники еще не столкнулись в полной мере со специальными дисциплинами и другими сложностями вузовской системы обучения. Аналогичная закономерность характерна и для студентов 5-го курса по сравнению со студентами 2-го ($U=2177,5$; при $p=0,009$) и 4-го курсов ($U=2366$; при $p=0,013$). Подобная закономерность может быть объяснена как субъективным ощущением профессионального роста в области информационных технологий, так и предвосхищением времени выпуска, что не может не вызывать позитивных эмоций.

Данные, полученные при изучении представлений молодых людей о влиянии внешних и внутренних факторов на успешность обучения в вузе, показывают, что лишь 9% опрошенных считают, что успехи в учебе зависят от внешних обстоятельств, 66 % молодых людей убеждены в обратном, а 25% полагают, что на успешность в равной мере оказывают

влияние как внешние, так и внутренние факторы. Данная закономерность распределения представлений характерна для всех студентов ИТ-специальностей, независимо от курса обучения.

Сопоставление данных ранжирования 16-ти причин, затрудняющих обучение, выявило наличие высокой взаимосвязи ($r_s = 0,826$, при $p < 0,000$) между рангами студентов младших и старших курсов, что свидетельствует о наличии общих представлений о причинах, вызывающих затруднения в учебном процессе. Как оказалось, к наиболее значимым причинам были отнесены: сложность вузовской системы обучения, сложность учебных предметов, неудобный режим учебы, недостаточные начальные знания, чувство внутренней напряженности в ситуациях проверки знаний и недостаток волевых качеств. При общей схожести иерархических структур у студентов младших и старших курсов, следует отметить единичные отличия в определении значимости таких причин, как: наличие дополнительной работы, неудобный режим учебы, сложность учебных предметов. Это объясняется тем, что для студентов старших курсов, которые, по-видимому, уже начали включаться в трудовую деятельность, более актуальна проблема совмещения работы и учебы по сравнению со студентами младших курсов.

Как показали результаты исследования, важнейшее значение в профессионально-личностном становлении студентов имеют такие факторы, как наличие и успешность опыта практической деятельности. Результаты опроса тех, кто обладает таким опытом, свидетельствуют о том, что чувство компетентности, возникающее у студентов при решении профессиональных задач взаимосвязано как с удовлетворенностью специальностью, так и успешностью учебной деятельности, которая, в свою очередь, во многом обусловлена личностными особенностями студентов (табл. 3). Как видно из таблицы корреляционных взаимосвязей, эффективность реализации знаний и навыков на практике связана с реалистичностью

представлений о специфике деятельности специалиста в области инженерии и ИТ.

Большой интерес представляют закономерности процесса построения и протекания межличностных отношений будущих специалистов в образовательном пространстве вуза, при этом от преподавателя зависит качество выпускаемого специалиста. Было установлено, что удовлетворенность отноше-

ниями с преподавателями повышается в случае предоставления последними студенту права на независимость ($r_s = 0,179$, при $p < 0,01$). Кроме того, чем чаще студенты констатируют факты предоставления им независимости, тем более они удовлетворены тем, что являются студентами именно данного вуза ($r_s = 0,276$, при $p < 0,01$).

Таблица 3

Взаимосвязь компетентности в решении профессиональных задач с различными факторами профессионально-личностного становления

Факторы профессионально-личностного становления	Значение r_s
<i>Чем более компетентными чувствуют себя студенты в решении профессиональных проблем (задач), тем:</i>	
более выражена удовлетворенность характером профессиональных задач выполняемых в качестве специалиста ИТ	0.517**
чаще оправдываются ожидания и представления относительно специфики работы ИТ-специалиста	0.388**
благополучнее взаимоотношения с руководством	0.372**
позитивнее взаимоотношения с коллегами	0.349**
более удовлетворены успехами в учебе	0.179*
более выражена интернальность	0.194*
позитивнее самопринятие	0.162*
отчетливее желание принимать себя как личность	0.197*
более выражено стремление в увеличении уверенности в своих силах	0.237*

* — $p < 0.05$; ** — $p < 0.01$

Как показал анализ ответов респондентов, в структуре предпочтений студентов технических специальностей, выражаемых при оценке качеств педагога, первые три позиции занимают «педагогическое мастерство», «умение найти общий язык со студентом» и «умение связать учебный материал с реальными практическими навыками». Приоритетный выбор указанных качеств связан с тем, что они, по мнению студентов, позволяют им быть успешными в учебе и последующей практической деятельности.

Далее отражены результаты применения сценарного подхода к анализу показателей профессионально-личностного становления будущих ИТ-специалистов с целью выявления критериев, позволяющих выделить наиболее повторяющиеся сценарии данного процесса.

В целях адекватного отражения специфики профессионального становления будущих ИТ-специалистов, на этапе обработки эмпирических данных была реализована версия сценарного анализа (Л.Н. Плоткина). Мы исходили из того, что образовательное пространство вуза задает такое сочетание внешних условий и факторов, при котором с неизбежностью актуализируются те или иные сценарии становления будущих профессионалов. Осуществляя комплексный анализ данных, мы ориентировались на показатели, позволяющие выявить степень внешней и внутренней (эмоционально-познавательной) включенности студентов в образовательный процесс. Важность учета указанных показателей при реализации сценарного подхода к анализу данных ранее нашла подтверждение в теории транзакционного анализа (Э. Берн, Я. Стюарт, В. Джойнс), а также в методических разработках отечественных исследователей [3; 5].

Первичный количественный анализ данных позволил обнаружить и выделить 4 подгруппы респондентов, имеющих наиболее заметные различия в индивидуальных показателях профессионального становления. Затем был проведен более углубленный анализ с целью установления ключевых критериев, позволяющих выделить наиболее повторяющиеся сценарии профессионального становления студентов ИТ-специальностей. В качестве таковых критериев выступили:

- успешность учебной деятельности будущих ИТ-специалистов;
- эмоционально-когнитивная оценка будущей профессии.

Первый критерий позволяет дифференцировать студентов по успешности освоения знаний в области будущей профессиональной деятельности (успешные/неуспешные), второй — показывает эмоционально-когнитивную оценку выбранной студентом профессии (наличие/отсутствие устойчивого интереса). Поскольку данные критерии отражают различные аспекты профессионально-личностного становления, то они являются достаточно автономными и, в тоже время, комплементарными, то есть взаимодополняющими. Их дихотомические комбинации позволили нам обнаружить четыре принципиально отличных сценария профессионально личностного становления (Рис. 1).

Как показал последующий анализ эмпирических данных, выделенные выше сценарии профессионально-личностного становления имеют различную частоту встречаемости среди будущих ИТ-специалистов.

Как видно из рисунка 1, первый сценарий является преобладающим (47,8% — 149 человек) среди других сценариев. Второй сценарий характерен для 17,3% респондентов (54 человека), представителями третьего сценария стали 23,1% (72 человека), к четвертому сценарию были отнесены 11,8% (37 человек). При этом следует заметить, что частота встречаемости сценариев среди студентов младших и старших курсов не имеет значимых различий ($\chi^2 = 5,986$; при $p = 0,112$). Следовательно, данное соотношение сценариев характерно для всех студентов технических и ИТ-специальностей.

При последующем анализе данных были выделены специфические характеристики студентов, выбирающих какой-либо из указанных выше сценариев включенности в образовательный процесс. Так, было установлено, что будущих специалистов, реализующих 1-й сценарий максимальной включенности в образовательный процесс, характеризует следующее сочетание индивидуально-личностных особенностей: установка на приобретение позитивного опыта в учебной деятельности, преобладание внутреннего локуса-контроля, доминирование внутренних мотивов в сфере профессиональных интересов, стремление к самоуважению и способность к творческому восприятию процесса обучения. Им также свойственны способность к пониманию сложной информации, систематичность в подготовке к занятиям в вузе, конструктивные отношения с однокурсниками и педагогами.

Для будущих специалистов, реализующих 2-й сценарий формальной включенности в образовательный процесс, характерны высокий уровень самоорганизации в подготовке к занятиям, высокий уровень ответственности за результаты учебной деятельности при недостаточном интересе к содержанию будущей профессиональной деятельности. При явном стремлении к выполнению всех требований образовательного про-

цесса и высоких оценках со стороны преподавателей, они все же испытывают некоторые трудности в восприятии получаемой профессиональной информации, что, вероятно, является одной из причин неудовлетворенности результатами учебной деятельности, характерной для представителей данного сценария.

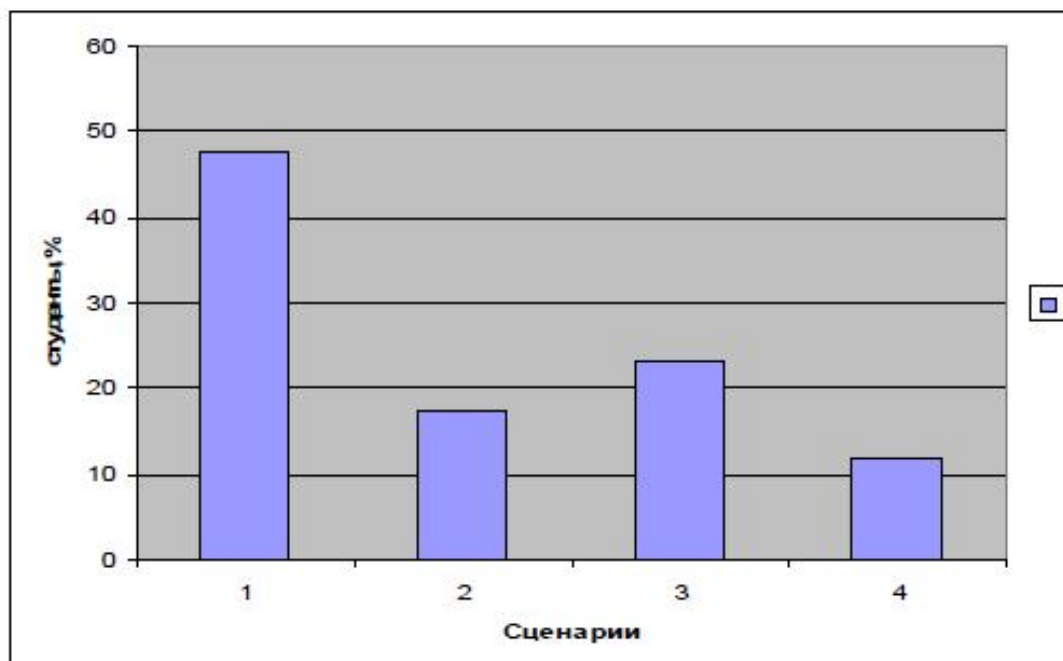

Рис. 1. Количественное соотношение реализуемых сценариев профессионально-личностного становления студентов
 1 - сценарий максимальной включенности в образовательный процесс;
 2 - сценарий формальной включенности в образовательный процесс;
 3 - сценарий амбивалентной включенности в образовательный процесс;
 4 - сценарий отчужденного пребывания в образовательном пространстве вуза.

1. Сценарий максимальной включенности в образовательный процесс (успешный / интересующийся);
2. Сценарий формальной включенности в образовательный процесс (успешный / неинтересующийся);
3. Сценарий амбивалентной включенности в образовательный процесс (неуспешный / интересующийся);
4. Сценарий отчужденного пребывания в образовательном пространстве вуза (неуспешный / неинтересующийся).

В тех случаях, когда профессионально-личностное становление будущего специалиста протекает по 3-му сценарию амбивалентной включенности в образовательный процесс, как правило, обнаруживаются следующие индивидуально-личностные характеристики: наличие явного интереса к получаемой специальности и установка на овладение практическими навыками будущей профессиональной деятельности с целью скорейшего получения финансового вознаграждения. Однако, при этом у них относительно низкая успешность обучения, что обусловлено недостаточным уровнем самоорганизации и низкой мотивацией к получению теоретических знаний. Их также характеризует средний уровень удовлетворенности отношениями с преподавателями на фоне позитивных отношений с однокурсниками.

Студенты, которые были отнесены в ходе нашего исследования к 4-му сценарию отчужденного пребывания в образовательном пространстве, характеризуются сочетанием таких

индивидуальных особенностей, как преобладание внешнего локуса контроля, низкая самоорганизация учебной деятельности, отсутствие стремления к профессиональному и личностному саморазвитию, что находит отражение в стабильно низкой успеваемости. Для них также свойственны значительные трудности в восприятии профессиональной информации, изложенной научным языком, неудовлетворенность отношениями как с преподавателями, так и с однокурсниками и выраженное разочарование в получаемой профессии.

Заключение. В результате проведенного исследования были получены теоретические основания и эмпирические данные, свидетельствующие о необходимости разработки рекомендаций по созданию программ психолого-педагогической поддержки профессионально-личностного становления будущих специалистов в образовательном пространстве современного технического вуза.

Библиографический список

1. Фионов, Г.Н. Воспитание молодежи в новых социально-экономических условиях: Краткая стенограмма общего годовичного собрания АПН СССР. – М., 1991.
2. Степин, В. С. Современная научная картина мира в культуре техногенной цивилизации / В. С. Степин, Л.Ф. Кузнецова. – М., 1994.
3. Плоткина, Л.Н. Социально-психологический анализ профессионально-значимых характеристик специалистов в области информационных технологий (ИТ) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – Самара, 2010. – Т. 12. – № 5.
4. Чернышев, А.А. Системное обеспечение качества образования и государственная аккредитация вуза // Современное образование: качество и новые технологии: Тез. докл. – Томск: ТГУСУР, 2000.
5. Фетискин, Н.П. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп / Н.П. Фетискин, В. В. Козлов, Г.М. Майнулов. — М., 2002.
6. Фокин, Ю.Т. Преподавание и воспитание в высшей школе. – М., 2002.

7. Planning the quality of education. / Ed. by K.N. Ross and L. Mahick. – UNESCO, Pergamin Press, 1990.

Bibliography

1. Filonov, G.N. Vospitanie molodezhi v novykh socialno-ekonomicheskikh usloviyakh: Kratkaya stenogramma obshchego godichnogo sobraniya APN SSSR. – M., 1991.
2. Stepin, V. S. Sovremennaya nauchnaya kartina mira v kul'ture tekhnogennoy civilizatsii / V. S. Stepin, L.F. Kuznecova. – M., 1994.
3. Plotkina, L.N. Socialno-psikhologicheskij analiz professio-nalno-znachimikh kharakteristik specialistov v oblasti informacionnykh tekhnologiy (IT) // Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossiyskoy akademii nauk. – Samara, 2010. – T. 12. – № 5.
4. Chernishev, A.A. Sistemnoe obespechenie kachestva obrazovaniya i gosudarstvennaya ak-kreditatsiya vuza // Sovremennoe ob-razovanie: kachestvo i novye tekhnologii: Tez. dokl. – Tomsk: TGUSUR, 2000.
5. Fetiskin, N.P. Socialno-psikhologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i malikh grupp / N.P. Fetiskin, V. V. Kozlov, G.M. Maynulov. – M., 2002.
6. Fokin, Yu.T. Predavanie v vospitanie v vshshey shkole. – M., 2002.
7. Planning the quality of education. / Ed. by K.N. Ross and L. Mahick. – UNESCO, Pergamin Press, 1990.

Статья поступила в редакцию 27.07.11

УДК 376

Sharomova V.S. STAGES OF DEVELOPMENT AND FORMATION OF A TECHNIQUE OF TRAINING TO READING. In article the basic methods and receptions of training of the preschool child are stated reading taking into account age and specific features of the child with speech infringement.

Key words: children with speech disorders, reading skills, methods of formation of reading skills.

В.С. Шаромова, аспирант НГПУ, г. Новосибирск, E-mail: sharomova_vika@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКА ЧТЕНИЯ У ДЕТЕЙ С ОБЩИМ НЕДОРАЗВИТИЕМ РЕЧИ

В статье представлена методика формирования навыков чтения у детей младшего школьного возраста с нарушениями речи, позволяющая добиться сознательного, выразительного, беглого и правильного чтения. Упражнения, представленные в статье, проводимые последовательно и постоянно, оказывают положительное влияние на развитие внимания и зрительной памяти детей с нарушением речи, формируют и поддерживают положительную мотивацию к чтению.

Ключевые слова: общее недоразвитие речи, навыки чтения, методика формирования навыков чтения.

Качество обучения чтению всегда глубоко волновало ученых и педагогов, ибо от того, как оно поставлено в школе, как совершается приобщение ребенка к книге, как развивается у него потребность в чтении, во многом зависят результаты обучения и воспитания подрастающего поколения. Для реального достижения повышения качества обучения чтению учащихся с нарушением речи необходимо не только искать и развивать новые, научно обоснованные подходы к этой проблеме, но и внимательно изучать и анализировать богатейший исторический опыт, что позволит избежать ошибок и заблуждений и наиболее полно реализовать лучшие идеи, передовые подходы и приемы, нередко уже имевшие место в прошлом, иногда довольно отдаленном от сегодняшнего дня [1 – 11].

Формирование навыка чтения. Существуют несколько формулировок, дающих представление о том, что же является чтением. По мнению известного психолога и методиста Д.Б. Эльконина, чтение – это «...воссоздание звуковой формы слова на основе его графического обозначения... Чтение есть действие, производимое со звуками языка» [10, с. 237].

Овладение навыками чтения становится одним из основных, базисных моментов образования, так как является частью процесса речевого развития. Одновременно чтение выступает одним из важнейших способов получения информации. Оставляя процесс овладения навыками чтения на первые годы школьной жизни, взрослые ставят ребенка в сложную ситуацию: поток информации, необходимый для усвоения, резко возрастает со вступлением в школьную жизнь. Кроме того, возникает необходимость приспособления детей к новым внешним условиям школы, к изменению режимных моментов, адаптации в новом школьном коллективе. Если к этому добавятся трудности освоения навыков первоначального чтения, то увеличится опасность, что какой-либо из компонентов новой школьной жизни не будет освоен. Таким образом необходимость более раннего, чем в школьные годы, обучения детей чтению, продиктована потребностями общественного развития и формирования личности ребенка. В соответствии с этим определением обучение чтению проходит следующие три этапа [3, с. 97]:

1. Звуковой анализ – сначала с опорой на материализованное действие – заполнение соответствующими звуками клеточек в схематических изображениях слова, затем в рече-

вом плане – в форме перечисления звуков, составляющих предъявленное звучащее слово, и наконец, в умственном плане – когда, не произнося слова, ребенок называет количество звуков в нем или указывает, на каком месте в этом слове стоит тот или иной звук.

2. Первичное воссоздание звуковой формы слова – на этом этапе впервые вводится идея фонетической, или фонологической, парадигматики, т.е. изменения значения слова при изменении одного из составляющих его звуков.

3. Слововое чтение – «наполнение» слова буквами и автоматизация процесса его воссоздания по буквам.

Т.Г. Егоров рассматривает чтение как более сложный процесс, включающий в себя как техническую сторону, так и понимание прочитанного [2, с. 15]. Автор также выделяет три этапа: *аналитический*, *синтетический* и этап *автоматизации*. Периоды формирования навыка чтения по Д.Б. Эльконину Т.Г. Егоров включает и аналитический этап.

Этот этап, согласно Т.Г. Егорову, характеризуется слогобуквенным анализом и чтением слова по слогам, т.е. первыми ступенями формирования навыка.

На синтетическом этапе происходит чтение целыми словами. При этом зрительное восприятие слова и его произнесение совпадают с осознанием его значения. На данной ступени идет становление синтетических приемов формирования навыка чтения. Более того, понимание смысла слова в структуре словосочетания или предложения опережает его произнесение, т.е. чтение осуществляется по смысловой догадке.

В последующем чтение все более автоматизируется. Это означает, что сам процесс все менее осознается учащимися и на первый план выдвигается осознание текста: его фактического содержания, композиции, использованных изобразительных средств и т.д.

Формирование навыка чтения у детей с нарушением речи – длительный и сложный процесс. Вначале старшие дошкольники читают послоговым способом, т.е. все сложные слова – по слогам. Затем начинают короткие слова прочитывать целиком, но более сложные все чаще читают по слогам. Потом наступает период, когда большую часть слов читают слитно и только некоторые – по слогам. И наконец, достигается синтетический способ чтения, т.е. чтение целыми словами.

Если ребенок с нарушением речи одни слова читает целиком, а другие – по слогам, то можно считать, что он находится на переходном этапе от слогового способа чтения к синтетическому [9, с. 67].

В навыке чтения выделяются две стороны: техническая и смысловая. К технической относят способ чтения, его темп (скорость), динамику (увеличение) скорости и правильность. К смысловой – выразительность и понимание прочитанного. Каждый из компонентов, составляющих навык чтения, сначала формируется, отрабатывается как умение и посредством упражнений постепенно поднимается на уровень навыка, т.е. осуществляется без напряжения, полу- или совсем автоматически.

Техническая сторона охватывает такие компоненты навыка чтения, как способ чтения, правильность, беглость, или темп. Каждый из них, образуя в целом «технику» чтения, имеет свои особенности, которые так или иначе влияют на весь процесс. Важнейшим компонентом техники, воздействующим на все другие ее составляющие, является способ чтения.

В методике известны **пять основных способов чтения**: 1) побуквенное; 2) отрывистое слоговое; 3) плавное слоговое; 4) плавное слоговое с целостным прочтением отдельных слов; 5) чтение целыми словами и группами слов. Первые два относятся к непродуктивным и крайне нежелательны для обучения чтению [7, с. 32].

В основе русской графики лежит слоговой принцип. Для передачи звуков в письме используются буквы (графемы), но они, взятые отдельно, как правило, не могут быть прочитаны, так как читаются с учетом последующих букв.

Например, не видя следующей буквы и не зная, какой звук – твердый или мягкий – она обозначает, мы не можем прочесть букву *л*, но в слогах *ли* или *лу* мы ее читаем безошибочно, ибо в первом случае это мягкий звук [л'], так как последующий гласный *и* всегда смягчает согласный, а во втором – это твердый звук, так как последующий гласный *у* влияет на твердость согласного [4, с. 28].

Это означает, что в русском языке звуковое содержание буквы обнаруживается лишь в сочетании с другими буквами и, следовательно, побуквенное и отрывистое слоговое чтение будет постоянно приводить к ошибкам и к необходимости исправлений. Поэтому в современной методике обучения грамоте принят принцип слогового (позиционного) чтения, т.е. с самого начала дошкольники ориентируются на слог как на единицу чтения.

Последние три способа продуктивны. Их надо обстоятельно отрабатывать и побуждать детей к скорейшему, но естественному переходу от одного из них к другому, т.е. от плавного слогового чтения к чтению целыми словами и группами слов – самому продуктивному способу.

Под правильностью чтения понимается воспроизведение слов (и текста) без искажений – точная передача слогобуквенного состава слова, его грамматической формы, отсутствие пропусков и перестановок слов в предложении. При правильном чтении необходимо верное распределение дыхания, соблюдение словесного ударения, пауз и следование орфоэпическим нормам речи. На первых этапах обучения детей с нарушениями речи большого внимания требует выработка умения регулировать дыхание и формирование навыка на одном выдохе читать определенное количество слогов и слов [1, с. 19].

Причина ошибочного чтения детей дошкольного возраста обусловлена отсутствием «гибкого синтеза между восприятием, произнесением и осмысливанием содержания читаемого». У опытного чтеца синтез этих трех компонентов отличается гибкостью и подвижностью, а потому возникающие смысловые догадки, сопровождающие его чтение, редко приводят к ошибкам.

У начинающего чтеца смысловая догадка гораздо чаще может стать причиной неправильного восприятия и произнесения, что соответственно затрудняет и весь процесс осмысления читаемого текста.

Как показывает практика, учащиеся чаще всего искажают (заменяют) те слова, смысл которых они не понимают, т.е. слова, между восприятием и осмыслением которых взаимодействие минимально.

Среди причин, влияющих на правильность чтения детей с нарушениями речи, надо назвать следующие:

- нестойкость поставленных звуков;
- незакрепленность артикуляционных образов слов;
- неумение различать схожие буквенные изображения;
- незнание правил орфоэпии;
- непонимание значений слов и словосочетаний.

Для выработки навыка правильного чтения необходимы многообразные упражнения на разных этапах работы с текстом, проводимые под контролем педагога, а также специальная работа, направленная на предупреждение ошибок и их своевременное исправление.

Система упражнений, тренирующих правильность чтения, в педагогике начальной школы предложила Л.Ф. Климанова. Виды упражнений подобраны с учетом уровня развития у детей навыка чтения, характера ошибок и особенностей структуры слов текста. Рассмотрим приемы формирования правильного чтения, которые мы рекомендуем для специальной школы [1, с. 21].

1. Чтение слогов и слов.

• Предварительный (до чтения всего текста) звукобуквенный анализ новых слов и словосочетаний с сопутствующим уточнением (если это необходимо) их значений:

ма-сте-рит, масте-рит, мастерит дом – стро-ит, строит дом;

кос-точ-ка, косточ-ка – косточка (дается картинка с изображением предмета);

с ут-ра до вече-ра – весь день.

Слова и словосочетания с расставленными надстрочными орфоэпическими знаками и ударением записываются на доске или даются детям на табличках. Читают их ребята вместе с педагогом, а затем каждый отдельно. Обращается внимание на необходимость слитного чтения слов с предложениями.

• Громкое чтение нотированного текста для закрепления норм произношения с опорой на образец, данный учителем.

• Дифференциация сходных слогов и слов:

ла-ра, ма-мя, дом-том;

ло-ро, мо-мё, Дима-Тима;

лу-ру, му-мю, кадушка-катушка.

• Чтение слогов и слов по подобию:

до, ды, дом, дым;

со, су, сок, сук;

ла, лу, лак, лук.

В этом упражнении педагог обращает внимание детей на одинаковый принцип образования слогов с одной и той же гласной, т.е. на сохранение положения губ при произнесении не только гласных, но и каждого слога с этим гласным. Кроме того, при неоднократном воспроизведении сходных слов в памяти учащихся быстрее накапливаются их зрительные образы.

• Чтение слогов и слов с «подготовкой»:

о, то, сто, стол;

у, ту, сту, стул;

а, ра, вра, врач;

ра, тра, трам-вай, трамвай.

Воспроизведение цепочки слоговых структур заканчивается чтением целого слова без слоговой разбивки в том случае, если детям уже доступно произнесение слоговых структур, из которых оно состоит.

• Чтение слов, написание которых отличается одной-двумя буквами или порядком расположения одной-двух букв:

кто-кот, следы-слёзы;

так-тот, мука-муха;

рак-как, лыжи-ложись.

• Чтение родственных слов, отличающихся друг от друга одной из морфем:

лес-лесок, шёл-пошёл, трава-травка, нырлял-нырнул.

• Чтение слов, имеющих одинаковую приставку, но разные корни:

прошёл – проделал – просмотрел, увял – увёл – увёз.

Последние два вида упражнений направлены на предупреждение весьма распространенной ошибки – чтение слова с ориентацией на его формальные признаки, а не на смысл. Так, восприятие знакомых, часто повторяющихся буквосочетаний или опорных букв может побудить ребенка назвать более привычное слово, например, *лесной*, вместо написанного в тексте *лесистый*.

• Предваряющее послоговое чтение слов, имеющих сложный слоговой или морфемный состав:

не-про-буд-но – непро-будно – непробудно.

• Круговое чтение слов текста:

зима, пушистый, забелело,

утро, ложится, пеленою,

земля, кружится, непробудно

Трудные для прочтения и произнесения слова, несущие смысловую нагрузку, например из стихотворения И. Сурикова «Зима», выписываются на доске или плакате [6, с. 76]. Дети вместе с педагогом, затем индивидуально многократно читают их (по столбикам и по строчкам в разных направлениях). Делать это можно и в виде соревнования между учениками.

От детей не требуется, чтобы они узнали стихотворение, ибо с его текстом они еще не знакомы, а значение неизвестных слов будет объяснено им в ходе словарной работы. Цель этих упражнений – многократная отработка правильного чтения (произнесения) целых слов; проводить их надо только после послогового чтения.

• Чтение слов по карточкам.

На карточках даются слова из текста для восприятия на время, чтобы дети могли различить и запомнить основные их элементы, а затем воссоздать по памяти или записать в тетради.

Предварительно выясняется понимание детьми лексических значений слов, без знания которых восприятие текста будет затруднено. С этой целью на этапе первичного целостного эмоционального восприятия текста проводится лексико-стилистическая работа по выделению незнакомых слов и их объяснение в ходе вводной беседы учителя, возможно, с использованием средств наглядности.

На подобные упражнения на уроке отводится 4-5 мин., и, как показывает практика, наиболее оптимальным для их проведения является тот этап, который непосредственно предшествует чтению текстов.

Тренировочные упражнения в чтении. Такие упражнения занимают большую часть занятия, ибо это основной путь, который ведет к выработке навыка правильного чтения.

• Чтение текста по цепочке: предложения текста читаются поочередно.

• Чтение текста по абзацам, которые поочередно читают вызванные ученики.

• Чтение по эстафете: дети сами называют одноклассника, который начинает чтение, а также тех, кто будет его продолжать.

• Выборочное чтение:

а) с опорой на иллюстрации («Рассмотрите рисунок. Подберите к нему строчки из рассказа»);

б) по вопросу учителя («Как выглядит лес после первого снега? Найдите и прочитайте этот отрывок еще раз», например, из рассказа И. Соколова-Микитова «Зимой в лесу»);

в) с опорой на конкретное задание («Прочитайте последние строчки сказки и постарайтесь запомнить их», например, в сказке «Снегурочка»).

Для формирования навыка правильного чтения очень важно организовать наблюдения учащихся за тем, как читают их одноклассники. Только при постоянном активном участии всего класса можно добиться успеха. Необходимо, чтобы дети продолжали читать в течении всего занятия либо вслух, либо про себя, следя за чтением своих товарищей.

Для организации наблюдения за процессом чтения рекомендуются следующие приемы [3, с. 102]:

• Восприятие образца правильного и выразительного чтения. Педагог медленно читает вслух текст, который предварительно уже был разобран, и детям известны значения всех слов. Учащиеся слушают, следят по книге. В любой момент преподаватель может прервать свое чтение и проверить внимание детей, предложив кому-нибудь из них продолжить с того места, где он остановился.

• Комбинированное чтение. В знакомом тексте выделяются предложения, которые учащиеся все вместе будут читать вслух. Сначала ученики начинают читать про себя; когда встретятся выделенные предложения, дети должны вовремя включиться в коллективное чтение.

• Сопреженное чтение. Педагог вместе с детьми начинают читать текст вслух. Затем он прекращает свое участие, учащиеся должны продолжить чтение.

Необходимо своевременно и методически верно исправлять все появляющиеся ошибки. Ошибки в регулировании дыхания и голоса, а также в воспроизведении звуковой структуры слов исправляются в процессе работы в классе сразу же после прочтения слова или предложения. С помощью учителя ребенок заново произносит речевой материал правильно. Над стойкими искажениями произносительного характера работа ведется на индивидуальных занятиях с логопедом.

Ошибку в окончании слова педагог может исправить, не прерывая чтение ученика; ошибку, в результате которой меняется смысл предложения, – при повторном его чтении или при постановке вопроса по содержанию, отвечая на который ребенок более внимательно еще раз прочитает это предложение.

Важно приучить детей участвовать в контроле за чтением своих товарищей с последующим исправлением допущенных ошибок.

Игровые упражнения: «Слог потерялся» или «Буква потерялась».

На доске записываются слова из знакомого текста, в которых пропущены либо одна буква, либо слог. Учащиеся должны прочитать их и догадаться, что пропущено. Эта игра заставляет внимательно вглядываться в слова и вдумываться в их смысл. Особенно хорошо использовать для этого тексты, где много родственных слов:

сн..г, сне..ный, сне..овой, сне..ки.

«Кто самый внимательный?»

За определенное время учащимся надо прочитать и запомнить пары слов, различающиеся одной-двумя буквами, количеством букв, входящих в их состав. Первые слова в каждой паре детям знакомы по тексту, вторые подобраны учителем. Ученики должны вспомнить и сказать, какие слова они только что читали, например: *зима-земля, потемнело-потеплело*.

«Шепни на ушко».

До начала урока на доске записываются слова из знакомого текста и закрываются полосками бумаги. На занятии эти полоски на короткий промежуток времени снимаются. Ребята должны успеть прочитать и запомнить слова, а когда их вновь закроют, произнести то, что они читали.

«Бегущая волна». Слова из знакомого текста записываются на ленте (полоске бумаги), которую педагог постепенно разворачивает. Это могут быть родственные слова, синонимы, слова, несущие в тексте смысловую нагрузку. Дети должны прочитать и запомнить как можно больше (как правило, четыре-пять) слов.

С некоторыми слабоуспевающими учениками педагогу приходится предварительно поработать индивидуально, чтобы потом удалось вовлечь их во фронтальную работу группы.

Этому содействуют следующие приемы:

- создание игровых ситуаций с привлечением внимания к ответам слабоуспевающего ребенка;

- уточнение артикуляции звуков, исправление произношения трудных слов и сложных предложений;

- предварительная отработка текста (или отдельных абзацев), который на следующем уроке будет предложен группе. Полезно также, чтобы такой учащийся читал текст после

сильного ученика и имел возможность ориентироваться на правильный образец.

К такой работе можно подключить учителя-дефектолога, который на индивидуальных занятиях поможет слабому ученику справиться с выявленными затруднениями.

Важной характеристикой технической стороны является **беглость** чтения – соблюдение определенного темпа, т.е. оп-

ределенного количества слов, произносимых в минуту. Беглость чтения находится в прямой зависимости от способа чтения и, естественно, от понимания. Ориентировочные показатели темпа чтения детей с нарушениями речи, согласно действующим программам [5], приведены в табл. 1 (программные требования к концу года обучения в данной группе).

Таблица 1

Группа	Количество слов, прочитанных в минуту
ОНР:	Свыше 20
I уровень	15-17
II уровень	10-12
III уровень	25-30
ФФН:	

В течение обучения этот темп постепенно нарастает. Проверяя беглость чтения, педагог учитывает сложность текста – его содержание, структуру слов и предложений, распространенность слов в детской речи и т.п., – а также правильность и сознательность его прочтения детьми.

Над развитием беглости чтения необходимо работать систематически, и достижению успеха способствуют, прежде всего, заинтересованность самих учащихся, появление у них желания и потребности читать книги.

Большую пользу приносят специальные упражнения, побуждающие детей к чтению вслух, заставляющие вдумчиво разбираться в читаемом материале. Положительное влияние оказывают также задания, требующие перечитывания текста в целях более осознанного его восприятия (например, подбор материала для подтверждения правильности суждения, подготовка к пересказу, словесное рисование и т.д.). Педагогу необходимо заранее планировать работу на уроке таким образом, чтобы, выполняя различного вида упражнения, почти все учащиеся могли читать вслух.

Заметное влияние на беглость чтения оказывают упражнения, содействующие расширению поля чтения и развитию оперативной памяти. При этом отмечено, что активную заинтересованность старших дошкольников вызывают упражнения на скорость чтения, а также упражнения, содержащие специально оговоренные задания.

1. Чтение по времени: сначала для восприятия предлагается одно слово, состоящее из двух, затем из трех слогов, потом – два слова из 10-12 знаков. Например: *друг, дружба, пришла весна;*

- число слов увеличивается до трех-четырех; они даются в строку или в столбик, в конце может быть включено целое предложение. Например: *дружба, дружно, дружный. Нет друга – ищи, а нашел – береги.*

2. Чтение «пирамидки»: *сад, садик, садовник, палисадник.* «Пирамидку» лучше строить из слов произведения, которое ученикам знакомо (упражнение можно провести при проверке домашнего задания) можно также использовать текст нового рассказа (при подготовке к его чтению) или раздать карточки для индивидуального восприятия.

3. Задания с целевой установкой: «Читаешь слово, смотри сразу на следующее за ним, постарайся его понять».

4. Чтение текста с пропущенными буквами в середине или в окончании слов:

Опасная встреча

Однажды Сереж.. пошел в лес. С ним побежал.. Чапа.

Вдруг в трав.. послышался шорох. Это ползл.. гадюка. Гадюк.. – ядовит.. змея.

Чап.. кинулась на гадюк.. и разорвал.. ее [4, с. 75].

5. Перемежающееся чтение текста в разных темпах – медленном, нормальном, быстром.

Для выполнения этих упражнений также используются прочитанные тексты, иногда новые произведения при подготовке к их изучению.

При отработке навыка беглого чтения в процессе обучения детей надо соблюдать следующие организационно-методические требования.

1. Своевременно исправлять ошибки. Нарушения в регулировании дыхания, звучании и силе голоса, неправильное воспроизведение звуковой структуры поправляются сразу же после прочтения слова или предложения. Затем ребенок прочитывает речевой материал заново.

2. Отводить на занятия достаточное время для чтения вслух.

3. Постоянно проводить предварительную работу над произношением и пониманием новых слов и словосочетаний, которые учащимся могут встретиться в текстах.

4. Для совершенствования навыка беглого чтения выбирать тексты, которые хорошо понятны детям, имеющим нарушения речи, по содержанию, а в работе над ними учитывать индивидуальный темп речи каждого ребенка.

Работа над смысловой стороной навыка. Смысловая сторона навыка чтения включает понимание прочитанного (сознательность) и выразительность произнесения текста (правильная интонация).

Сознательность чтения обусловлена многими факторами – пониманием детьми содержания читаемого текста, его образов и роли использованных художественных средств, а также правильным собственным отношением ученика к изображаемому автором. В настоящее время термин «сознательность чтения» используется в методической литературе в двух значениях: применительно к овладению самим процессом, т.е. техникой чтения, и к чтению в более широком смысле слова – осознанность как одно из качеств читающей личности.

Сознательность самого процесса чтения зависит от того, насколько учащиеся владеют слого-буквенным и звуковым анализом слов; умеют ли соотносить букву и звук, учитывая положение звука в слове и влияние других звуков; объединяют ли слоги в единый комплекс – слово, т.е. осознанно ли выполняют те аналитико-синтетические операции, которые в итоге приводят к правильному воссозданию звуковой формы слова на основе графического обозначения.

Сознательное чтение текста основывается на том, что учащиеся уже овладели техникой чтения и сам процесс не вызывает у них затруднений и протекает довольно быстро. Для того чтобы текст был воспринят детьми сознательно, проводится анализ его содержания и художественных средств изображения.

Таким образом, важнейшим условием сознательного чтения является понимание структуры и содержания произведения. О достижении этого качества педагог судит по выразительности чтения (если ученик читает вслух) и по правильности ответов на вопросы по содержанию произведения.

Сознательность и выразительность чтения обуславливаются всей совокупностью работы педагога с детьми – начиная от первичного целостного восприятия текста до обобщающего осмысления прочитанного. К методам формирования сознательного чтения относятся: аналитическое чтение; беседа по

содержанию прочитанного; проблемная, обобщающая беседа; детское иллюстрирование текста или его отдельных отрывков; показ действий персонажа на аппликации или макете; выборочное чтение по заданной теме; составление картинного и словесного плана прочитанного; сопоставление текста с иллюстрациями, с художественной картиной; выполнение лексико-стилистических упражнений.

К смысловой стороне навыка чтения относится также выразительность, т.е. чтение с соблюдением грамматических и логических пауз, выделением логических ударений, изменением темпа и ритма в зависимости от смысла читаемого.

Методика выделяет следующие приемы обучения выразительному чтению:

- работа над дыханием и артикуляцией;
- прослушивание грамзаписей образцов выразительного чтения в исполнении известных артистов;
- образец выразительного чтения педагога;
- различение на слух текстов разной интонационной окраски;
- нотирование (специальная разметка текста) как подготовительная работа к выразительному чтению;
- чтение предложений с выделением пауз, словесного и логического ударения;
- ответы на вопросы, поставленные к отдельным словам предложения;
- чтение по ролям;

- коллективное чтение;
- упражнение в чтении с разными установками (например: читать громко, тихо, медленно, быстро);
- чтение фраз с выделением отдельных слов на основе подражания учителю;
- повторное громкое чтение разнообразных по содержанию и специально нотированных текстов, в частности предназначенных для заучивания наизусть (стихотворений, басен, загадок, пословиц);

Подготовку к выразительному чтению можно разделить на три этапа.

1. Выяснение конкретного содержания произведения, анализ мотивов поведения действующих лиц, установление идеи произведения.

2. Разметка текста (проставление пауз, логических ударений), определение темпа чтения.

3. Практические упражнения в чтении, возможно, многократные, пока не удастся голосом и интонацией передать замысел автора, его отношение к изображаемым событиям и действующим лицам.

Перечисленные упражнения по овладению навыками сознательного, выразительного, беглого и правильного чтения, проводимые последовательно и постоянно, оказывают положительное влияние на развитие внимания и зрительной памяти детей с нарушением речи, формируют и поддерживают положительную мотивацию к чтению.

Библиографический список

1. Зикеев, А.Г. Развитие речи учащихся специальных образовательных учреждений. – М., 2000.
2. Егоров, Т.Г. Психология овладения навыком чтения. – М., 1953.
3. Красильникова, О.А. Развитие речи на уроках чтения / О.А. Красильникова, М.И. Никитина. – СПб., 2003.
4. Оморокова, М.И. Совершенствование чтения младших школьников. – М., 1997.
5. Программы специальных (коррекционных) образовательных учреждений V вида. – М., 2003.
6. Светловская, Н.Н. Детская книга и детское чтение / Н.Н. Светловская, П.С. Пиче-Оол. – М., 1999.
7. Светловская, Н.Н. Обучение детей чтению / Н.Н. Светловская, П.С. Пиче-Оол: Практическая методика. – М., 2001.
8. Специальная педагогика / под ред. Н.М. Назаровой. – М., 2001.
9. Филичева, Т.Б. Основы логопедии / Т.Б. Филичева, Н.А. Чевелева, Г.В. Чиркина. – М., 1989.
10. Эльконин, Д.Б. Избр. психологические труды. – М., 1989.
11. Сикорский, И.А. Душа ребенка. – М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2009.

Bibliography

1. Zikeev, A.G. Razvitie rechi uchastnikov special'nykh obrazovatel'nykh uchrezhdeniy. – M., 2000.
2. Egorov, T.G. Psikhologiya ovladeniya navikom chteniya. – M., 1953.
3. Krasilnikova, O.A. Razvitie rechi na urokakh chteniya / O.A. Krasilnikova, M.I. Nikitina. – SPb., 2003.
4. Omorokova, M.I. Sovershenstvovanie chteniya mladshikh shkol'nikov. – M., 1997.
5. Programmi special'nykh (korrektsionnykh) obrazovatel'nykh uchrezhdeniy V vida. – M., 2003.
6. Svetlovskaya, N.N. Detskaya kniga i detskoe chtenie / N.N. Svetlovskaya, P.S. Piche-Ool. – M., 1999.
7. Svetlovskaya, N.N. Obuchenie detey chteniyu / N.N. Svetlovskaya, P.S. Piche-Ool: Prakticheskaya metodika. – M., 2001.
8. Special'naya pedagogika / pod red. N.M. Nazarovoy. – M., 2001.
9. Filicheva, T.B. Osnovy logopedii / T.B. Filicheva, N.A. Cheveleva, G.V. Chirkina. – M., 1989.
10. Elhkonin, D.B. Izbr. psikhologicheskie trudi. – M., 1989.
11. Sikorskiy, I.A. Dusha rebenka. – M.: AST: Astrelj; Vladimir: VKT, 2009.

Статья поступила в редакцию 27.07.11

УДК 37.012

Kozhevnikova E.E. DEVELOPMENT OF TEACHERS COMPETENCE EVALUATION: METHODOLOGICAL ASPECT. The article deals with methodological aspects of competence evaluation of the teacher in continuing education. The results of research analysis in this area are provided, the main research approaches to studying the problem of evaluation of competence of the teacher training system (system, competence, activity, etc.) are identified. The principles and some ways to solve the aforesaid problems are defined.

Key words: competence, competency, competence evaluation, scientific approach, principles, ways of evaluation of teachers' competencies in the system of training.

Э.Э. Кожевникова, соискатель КРИПКУПРО, г. Кемерово, E-mail: e-liza-k@mail.ru

РАЗВИТИЕ ОЦЕНОЧНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПЕДАГОГОВ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассмотрены методологические аспекты развития оценочной компетентности педагога в условиях системы повышения квалификации. Представлены результаты анализа исследований в этом направлении, выявлены основные научные подходы в изучении проблемы развития оценочной компетентности педагога в системе повышения квалификации (системный, компетентностный, деятельностный и др.). Определены также принципы и некоторые пути решения означенной проблемы.

Ключевые слова: компетенция; компетентность; оценочная компетентность; научный подход; принципы, пути развития оценочных компетентностей педагогов в системе повышения квалификации.

Стратегия развития отечественного образования предъявляет качественно новые требования к деятельности современной общеобразовательной школы и ставит новые ориентиры в её образовательных целях. Это означает, что результатом деятельности современной школы выступает не только определённый уровень знаний учащихся, но и новые жизненные установки, социальный опыт самостоятельной деятельности и ответственности, а, в целом, ключевые компетенции, определяющие качество образования.

Ориентация образования на формирование ключевых компетентностей личности оказывает существенное влияние на систему оценки и контроля результатов обучения. Сложившаяся система оценки качества учебных достижений обучающихся в общеобразовательной школе на современном этапе развития образования трудно совместима с требованиями модернизации образования, в соответствии с которой оценочная компетентность является важной стороной личности современного гражданина, производителя, потребителя.

Осуществляемые реформы в системе общего образования не могут быть реализованы успешно без изменения системы оценки качества учебных достижений учащихся и качества образования в целом, без изменения системы подготовки педагогов к новой ситуации оценки образовательных достижений обучающихся на всех ступенях образования.

В современном обществе, как в мире, так и в России, формируется понимание того, что показателем положительных образовательных достижений обучающихся на различных ступенях образования является не репродуктивная информация, приобретённая в процессе обучения и воспитания, а умения, навыки, способы деятельности, необходимые учащимся для того, чтобы адекватно оценивать и решать возникающие задачи, проблемы.

Актуальной становится задача формирования оценочной компетентности педагогов, так как ориентация образования на формирование ключевых компетентностей личности предполагает необходимость формирования оценочной компетентности обучающихся в системе образования, а, следовательно, актуальной является проблема подготовки к этому педагогов.

Существующая система образования на всех её уровнях использует, как правило, традиционные процедуры оценки учебных достижений, основанные на пассивном воспроизведении учебного материала. Такая система контроля и оценивания учебных достижений обучающихся является ограничением для развития ключевых компетенций личности, которые в современных условиях развития общества востребованы в профессиональном образовании. Сложившаяся практика обусловлена уровнем профессионально-педагогического мастерства педагогов в контрольно-оценочной деятельности, не соответствующим требованиям модернизации образования. Это тормозит развитие системы образования по причине недостаточной подготовленности педагогов к использованию современных средств оценивания обучающихся.

В этой связи профессиональная компетентность современного учителя невозможна без специальных знаний, умений организации оценочной деятельности, отвечающей задачам модернизации образования.

В ФГОС ВПО педагогического образования в качестве одной из базовых компетентностей современного педагога выделена компетентность в педагогическом оценивании.

Актуальность исследования на социально-педагогическом уровне определяется несоответствием между необходимостью формирования оценочной компетентности педагогов в связи с модернизацией образования и состоянием исследованности данного процесса.

Анализ психолого-педагогической литературы, существующей практики и результаты нашего исследования показывают, что в настоящее время преобладает традиционно-авторитарная система оценивания, ориентированная на выявление, прежде всего, предметных знаний, умений, навыков учащихся.

Результаты нашего многолетнего исследования показали, что 83 % педагогов системы общего образования имеют поверхностное представление о современных подходах к осуществлению оценочной деятельности; 71% – о технологиях оценивания результатов учебной деятельности школьников; 75% испытывают затруднения в оценивании личностных достижений обучающихся; 94% педагогов оценили свою подготовку к оценочной деятельности на основе компетентностного подхода как недостаточную.

Эти проблемы, на наш взгляд, обусловлены, целым рядом существенных причин профессиональной подготовки педагогов, осуществляемой на основе предметоцентристского подхода, недооценкой роли в решении этой проблемы системы повышения квалификации др.

В последние годы в сфере образования в центре всеобщего внимания оказались проблемы оценки результатов школьного образования на всех его ступенях.

Необходимость изменения традиционной системы оценивания знаний обосновывали Ю.К. Бабанский, П.И. Пидкасистый, Н.Ф. Талызина, Д.Б. Эльконин, В.А. Якунин и др.

Психолого-педагогические аспекты организации оценочной деятельности учителя нашли своё отражение в исследованиях Ш.А. Амонашвили, В.П. Беспалько, Л.И. Божович, В.В. Давыдова, В.А. Сухомлинского, Л.М. Фридман, И.С. Якиманской и др.

Методологические основы оценочной деятельности педагога представлены в работах Ш.А. Амонашвили, Б.Г. Ананьева, В.В. Давыдова, Н.Ф. Талызиной, Д.Б. Эльконина и др.

Вопросы зависимости организации оценочной деятельности от педагогического мастерства нашли своё отражение в работах Н.В. Кузьминой, Л.М. Митиной, М.Н. Скаткина и др. В них подчёркивается, что высокий уровень педагогического мастерства в большой степени способствует объективности процесса оценивания.

Поиску различных путей модернизации процесса оценивания посвящены работы Л.А. Гаджиевой, А.В. Камелиной, Г.Ю. Ксензовой, А.И. Кукуева, И.М. Магусовой, Г.В. Прониной, А.Е. Смирновой, И.Е. Терещенко, Г.А. Хаустовой и др.

Проблемы подготовки учителя к оценочной деятельности нашли своё определённое разрешение в исследованиях И.В. Гладковой, Н.Ю. Максимовой и др. Возможности системы повышения квалификации в формировании и развитии оценочной компетентности педагогов представлены в работах Т.О. Автайкиной, Н.В. Кузьмина, А.К. Маркова и др.

В тоже время, несмотря на значительное число работ, посвящённых проблеме оценочной деятельности педагога, анализ научных исследований и практики свидетельствует о том, что недостаточно изучена проблема формирования оценочной компетентности педагогов. Это отмечали Ш.А. Амонашвили, В.П. Беспалько, А.Б. Воронцов, Г.Ю. Ксензова, П.Г. Нежнов, В.П. Симонов, Б.И. Хасан и др.

В связи с этим особую актуальность приобретает проблема развития оценочной компетентности педагога в системе повышения квалификации.

Выявленные недостатки в теории и практике формирования оценочной компетентности педагога объясняются наличием противоречий между:

- необходимостью всестороннего исследования процессов развития оценочной компетентности в системе повышения квалификации и недостаточным уровнем её научно-методической разработанности;

- потребностью практики системы повышения квалификации в развитии оценочной компетентности педагога и невозможностью её осуществления на должном уровне по причине недостаточной разработанности этого вопроса.

В Проекте нового Федерального государственного образовательного стандарта общего образования, как и в действующем стандарте образования, в качестве метапредметных результатов освоения основной образовательной программы

основного общего образования определены оценочные умения.

К ним относится умение осуществлять осознанную адекватную и критичную оценку учебной деятельности, умение самостоятельно и аргументированно оценивать свои действия и действия одноклассников, умение адекватно оценивать объективную трудность, как меру фактического или предполагаемого расхода ресурсов на решение задачи, умение адекватно оценивать свои возможности достижения цели определённой сложности в различных сферах самостоятельной деятельности.

Компетентность в педагогическом оценивании предполагает наличие умения оценивать достижения обучающихся с учётом их индивидуальных особенностей и возможностей, умения делегировать функцию контроля и оценивания педагога ученику, умения по созданию психологической комфортности обучающемуся в процессе контрольно-оценочной деятельности и др.

Изучение предлагаемой новым стандартом образования системы оценки достижения планируемых результатов освоения основной программы основного общего образования и её обсуждение с педагогами показало, что они не видят разницы в оценке, например, предметных результатов в условиях профильного и непрофильного обучения. Понимание оценки метапредметных и личностных результатов практически не сформировано более чем у 95% педагогов.

Если, в целом, педагоги ориентируются в современных формах государственной аттестации (ЕГЭ, ГИО), то, по-прежнему, по результатам нашего исследования, вызывает у них непонимание «...структуры и содержания аттестации внеурочной деятельности» – 92%; непонимание «требования к организации, содержанию и оценке проектной деятельности» – 94 % и другие вопросы оценочной деятельности педагога.

Сложившаяся система контроля и оценивания в системе общего образования является ограничением для развития ключевых компетенций личности, которые в современных условиях развития общества востребованы в профессиональном образовании.

Оценка образовательных результатов школьников на основе компетентностного подхода изучается в современной научно-педагогической литературе активно и разносторонне. Однако, недостаточно, на наш взгляд, исследуется проблема развития оценочной компетентности педагога в системе повышения квалификации, без чего невозможно осуществлять формирование личности школьника, компетентной в осуществлении оценочной деятельности.

В Концепции Модернизации образования отмечается, что успешность её реализации во многом зависит от «...формирования педагогического корпуса, соответствующего запросам современной жизни...» [1]. Поиски в этом направлении, на наш взгляд, целесообразно осуществлять с определения основных научных подходов к решению данных проблем.

Понятие «научный подход» имеет контекстный характер, однако, большинство исследователей понимают термин «подход» как некую «позицию, точку зрения, обуславливающую исследование, проектирование, организацию того или иного явления, процесса» [2].

В педагогической науке в качестве исходных исследовательских позиций представлены различные подходы, которые делятся по разным основаниям: по способу анализа – системный, структурный, комплексный, функциональный; по научным дисциплинам – антропологический, психологический, междисциплинарный, педагогический; по целеполаганию – деятельностный, когнитивный, личностный, компетентностный и др.; в зависимости от уровня обобщения – методологический, философский и др.

Во многом выбор подхода определяется целями и задачами исследования, предметом и объектом изучения. На наш взгляд, изучение развития оценочной компетентности педаго-

га в системе повышения квалификации предполагает использование совокупности подходов, что обусловлено сложной природой оценочной компетентности. Определяя совокупность подходов к изучению системы повышения квалификации педагогов в направлении развития их оценочной компетентности, считаем целесообразным обратиться к системному, компетентностному, деятельностному и андрогогическому подходам. На наш взгляд, предложенная совокупность подходов может дополняться и видоизменяться, она является открытой и незавершённой.

На наш взгляд, *системный подход* позволяет нам рассматривать процесс развития оценочной компетентности педагога в совокупности его элементов, которые взаимодействуют друг с другом и в силу этого выступают как единое целое во всём многообразии выявленных свойств и связей внутри объекта (Б.Г. Ананьев, В.П. Кузьмин, В.Д. Шадриков и др.). Опираясь на системный подход, можно получить при изучении оценочной компетентности её системные описания, а компоненты оценочной компетентности учителя рассмотреть не изолированно, а в их взаимосвязи с другими компонентами.

Опираясь на точку зрения ряда авторов (В.В. Давыдов, А.Н. Леонтьев, Г.П. Щедровицкий и др.) в понимании компетентности, что она не может быть передана кому-либо в виде информации, а формируется непосредственно в деятельности, в процессе преобразования собственного опыта, многие исследователи придерживаются *деятельностного подхода* в изучении оценочной компетентности учителя. К.А. Абульханова – Славская, Б.Г. Ананьев, Ш.А. Амонашвили и др. Выбор данного подхода в качестве фундаментального основания исследования природы оценочной компетентности объясняется тем, что человек формируется, развивается и проявляется в деятельности, а учебная информация используется не как цель обучения, а как средство освоения деятельности.

Инновационные процессы, связанные с модернизацией образования, предполагают изменения образовательного процесса в логике *компетентностного подхода* (И.А. Зимняя, Дж. Равен, А.В. Хуторской и др. Вырашивание личности, обладающей оценочной компетентностью, в условиях системы общего образования предполагает наличие сформированной оценочной компетентности педагога, включающей в себя: знания (критериев оценки уровня подготовки, оценки достижения школьников на основе формирования ключевых компетенций личности и др.); умения по оценке образовательных достижений школьников, по рефлексивности оценки, по самооценке, по вариативности оценки, по аутентичному оцениванию и др.; владение системой оценивания достижений учащихся через многообразие педагогического инструментария, мониторинга, различных видов оценочных шкал (количественной, порядковой, качественной).

Учитывая возможности повышения квалификации в образовательном учреждении, как модели развития внутрифирменной (внутришкольной) системы повышения квалификации, мы изучали её возможности в развитии оценочной компетентности педагога. На наш взгляд, в такой модели знания, полученные одним работником, становятся знаниями всего коллектива, а процесс повышения квалификации носит перманентный характер и осуществляется на рабочем месте учителя.

Реализация модели осуществлялась в ходе нашего исследования, на основе принципов: *прагматичности, адаптивности, гибкости, системности, прогностичности, актуальности, реалистичности, технологичности, целостности, открытости, диверсификации* и др.

Таким образом, мы пришли к выводу, что примером пути решения обозначенной проблемы, может быть модель внутришкольной (внутрифирменной) системы повышения квалификации педагогов, целью которой является развитие их оценочной компетентности.

Библиографический список

1. Кезина, Л.П. Проект Федерального государственного образовательного стандарта общего образования / Л.П. Кезина, А.М. Кондаков. – М., 2010.
2. Концепция модернизации российского образования на период 2010 г. Приложение к приказу Минобрнауки России 11.02.2002.

Bibliography

1. Kezina, L.P. Proekt Federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta obshchego obrazovaniya / L.P. Kezina, A.M. Kondakov. – M., 2010.
2. Konceptsiya modernizatsii rossiyskogo obrazovaniya na period 2010 g. Prilozhenie k prikazu Minobrazovaniya Rossii 11.02.2002.

Статья поступила в редакцию 28.06.11

УДК 37.012

Yadryshnikova O.V. UPDATING THE COMPETENCE IN TEACHER EDUCATION INNOVATION AS A CONDITION OF IMPROVING THEIR SKILLS. The article is about the importance of the problem of updating the competencies of a teacher in the field of educational innovation in continuing education; it proposes a structure for teacher competence in educational innovation, which consists of *innovative thinking, culture of innovation, reflection, innovation, innovative work*; the results obtained in the course of the pedagogical experiment are introduced.

Key words: update, update mechanism, competence, competence, teacher competence in the field of innovation, competence in the field of educational innovation.

О.В. Ядрышникова, соискатель НГПА г. Новокузнецк, E-mail: oxik-ya@mail.ru

АКТУАЛИЗАЦИЯ КОМПЕТЕНЦИЙ ПЕДАГОГА В СФЕРЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ИННОВАЦИЙ КАК УСЛОВИЕ ПОВЫШЕНИЯ ИХ КВАЛИФИКАЦИИ

В статье обоснована значимость проблемы актуализации компетенций педагога в сфере образовательных инноваций в системе повышения квалификации; предложена структура компетентности педагога в сфере образовательных инноваций, элементами которой являются *инновационное мышление, культура инновационной деятельности, рефлексия инновационной деятельности, инновационное творчество*; представлены полученные в ходе педагогического эксперимента результаты.

Ключевые слова: актуализация, механизм актуализации, компетентность, компетентность педагога, компетентность в сфере инноваций, компетенции в сфере образовательных инноваций.

В настоящее время система образования России находится на этапе активной её модернизации, принципиальных нововведений, что определяется общими экономическими и социальными переменами, происходящими в обществе.

Необходимость реализации государственной политики перехода страны на инновационный путь развития обусловлена глобальными переменами во всём мире. В соответствии со Стратегией развития России до 2020 года, в которой определён перевод научно-промышленного потенциала России на инновационный путь развития, необходимы существенные изменения в системе образования на всех её уровнях.

Для страны, ориентированной на инновационный путь развития, на инновационную экономику, необходимы кадры нового, инновационного типа. Основы формирования таких кадров для профессионального образования, для рынка труда, на наш взгляд, должны закладываться в системе общего образования, и в этом велика роль педагога. Только педагог, компетентный в сфере инноваций, может быть способным решать задачу подготовки личности к деятельности в условиях инновационных преобразований. Это определяет актуальность проблемы формирования профессионально компетентного педагога в сфере инновационной деятельности.

Для реализации цели актуализации компетенций педагога в сфере инновации весомый вклад должна вносить система повышения квалификации, так как основная её задача – это совершенствование уровня квалификации специалиста, его профессиональной компетентности, развитие профессионализма на основе инноваций в образовании. Поэтому мы рассматриваем актуализацию компетенций педагога в сфере образовательных инноваций как важное условие повышения их квалификации.

Осуществляемые в последние годы попытки широкого внедрения инноваций в систему образования наталкиваются на серьёзные препятствия, не происходит регулярного поступательного и эффективного их внедрения.

Предлагаемые инновационные мероприятия в системе образования при их нередкой полезности и важности страдают частностью и эмпиризмом, хаотичностью и бессистемностью, научной и методической необеспеченностью, неготовностью и неспособностью педагога к деятельности в условиях инновационных преобразований.

Современная школа требует от педагогов реализации цели формирования ключевых компетентностей (универсальных способов действия) обучающихся, позволяющих оценивать ситуацию; продуктивно действовать в изменяющихся условиях, в том числе и инновационного характера.

По сути, здесь речь идёт об образовании, которое ориентировано на формирование ключевых компетентностей обучающихся. Ряд учёных [1-6] утверждают, что именно компетентностный подход в образовании является «...обобщённым условием способности человека эффективно действовать за пределами учебных сюжетов и учебных ситуаций» [5], является необходимым условием модернизации образования, инновационного развития общества.

В связи с этим особое значение отводится формированию профессионально-педагогической компетентности учителей и, как важной её составляющей, компетентности в инновационной сфере деятельности. На основе имеющихся в науке точек зрения [1-6] мы рассматриваем компетентность педагога в сфере инновационной деятельности как *компонент* его профессионально-педагогической компетентности, способствующей развитию способности и готовности учителя быть успешным в инновационной деятельности. Структуру компетентности педагога в сфере инновационной образовательной деятельности, на наш взгляд, составляют *инновационное мышление, инновационная деятельность, инновационное творчество, рефлексия инновационной деятельности*.

Анализ научно-педагогической литературы, осуществлённый нами, позволил сформулировать сущность основных понятий по исследуемой теме. Компетентность в сфере инно-

ваний, наш взгляд, это «*владение компетенциями в сфере инноваций, это продуктивная деятельность в сфере инноваций, это способность к актуальному осуществлению инновационной деятельности*». Компетентность в сфере образовательных инноваций – это «*владение компетенциями в сфере образовательных инноваций, продуктивная деятельность в сфере образовательных инноваций, способность к осуществлению инновационной образовательной деятельности*». Компетенции в сфере инноваций мы понимаем как «*некоторое внутреннее, потенциальное новообразование, включающее инновационный тип мышления, универсальные знания инновационного свойства, обобщённые способы учебных и профессиональных действий, позволяющие продуктивно осуществлять деятельность в сфере инноваций*». Безусловно, на наш взгляд, такое понимание не является раз и навсегда сформировавшимся, наоборот, процесс развития очень важных для современного этапа отечественного образования категорий принципиально значим и поиск в этом направлении необходимо продолжать.

Изучение научной литературы по проблемам профессионального развития учителей в направлении инноваций показало, что их решение в настоящее время является весьма актуальным.

М.М. Поташник, А.И. Пригожина, В.А. Сластёнин, О.Г. Хомерики и др. в своих работах освещали проблемы создания, развития и распространения педагогических новшеств. Они рассматривают инновации как инновационные процессы в образовании, определяя различные виды нововведений, а также методы и технологии их внедрения.

Ряд учёных рассматривают инновационные процессы как сложную развивающуюся систему (А.И. Пригожин, В.И. Слободчиков и др.).

На основе комплексного подхода исследуют вопросы формирования инновационных установок В.Г. Вайцеховский, Н.А. Ильина, В.Ф. Галыгин и др.

Значительный вклад в разработку формирования профессионального мастерства педагога, связанного с инновационной деятельностью, внесли Ю.С. Арутюнов, В.В. Власов, В.М. Жураковский, Т.Г. Новикова, Ю.Ю. Ухин и др.

Анализ выявленной нами психолого-педагогической, методической литературы и результаты поисково-аналитической деятельности позволили выявить наличие **противоречий** в изучении процесса актуализации компетенций педагога в сфере образовательных инноваций в системе повышения квалификации:

- между возрастающими требованиями общества и государства к компетентности педагога в сфере образовательных инноваций и недостаточной разработанностью организационно – педагогических условий её актуализации в условиях системы повышения квалификации;
- между необходимостью и потребностью педагога в актуализации компетенций в сфере образовательных инноваций и недостаточным уровнем разработанности этой проблемы в науке;
- между высоким инновационным потенциалом модернизации системы образования и отсутствием теоретических разработок, позволяющих на научной основе осуществлять процесс актуализации компетенций педагога в сфере образовательных инноваций в условиях системы повышения квалификации.

Таким образом, актуальность проблемы формирования компетентности педагога в сфере инноваций объясняется, с одной стороны, процессами модернизации российской системы образования и ростом инновационных явлений, а, с другой стороны, потребностью педагогических кадров в подготовке к осуществлению всё возрастающей инновационной деятельности.

Кроме того, благодаря тому, что в настоящее время в целом разработана общеметодологическая база, способствующая исследованию педагогических явлений, возникает по-

требность и возможность использовать эти разработки для поиска путей актуализации профессиональных компетенций педагога в сфере образовательных инноваций средствами системы повышения квалификации. Это очень важно с учётом многообразия и многоплановости инноваций в условиях модернизации образования.

На основе теории и практики изучения проблемы мы пришли к ряду выводов:

1. Актуализация компетентности педагога в сфере образовательных инноваций в системе повышения квалификации – это процесс осуществления действий по извлечению и приращению компетенций педагогов в сфере образовательных инноваций, необходимых для инновационной профессиональной деятельности, с целью перевода их из потенциальной совокупности требований государства и общества в реальную, актуальную совокупность компетенций, которыми владеет педагог, понимаемую нами как компетентность педагога в сфере образовательных инноваций.

2. В отличие от сложившейся практики системы повышения квалификации педагогов, основанной на общепрофессиональной тематике или узкопрофильной направленности, мы пришли к выводу, что результативность образовательного процесса повышения квалификации в условиях инновационного развития общества определяется актуализацией в нём компетентности педагога в сфере образовательных инноваций на основе использования комплексных программ и технологий инновационной направленности.

3. Нами установлено, что разработка и реализация организационно-педагогических условий актуализации компетентности педагога в сфере образовательных инноваций в системе повышения квалификации, таких как структурно-функциональная *модель* актуализации компетентности педагога в сфере образовательных инноваций в системе повышения квалификации; наличие *механизма* актуализации компетентности педагога в сфере образовательных инноваций, который заключается в *определении* содержания компетентности педагога в сфере образовательных инноваций на основе представлений, сформированных в современных научно- педагогических исследованиях и нормативных квалификационно- педагогических требованиях; осуществление *проектирования* содержания образования комплексной программы повышения квалификации педагогов в соответствии с содержанием компетентности педагога в сфере образовательных инноваций; *использование* технологий обучения, адекватных способам деятельности педагога в условиях инновационного процесса (*исследовательских, экспериментальных и др.*) способствуют более результативному процессу актуализации компетентности педагога в сфере образовательных инноваций, что характеризуется положительной динамикой уровня компетентности педагога в сфере образовательных инноваций в ходе осуществлённого нами педагогического эксперимента.

4. Мы определили, что показателем актуализации компетентности педагога в сфере образовательных инноваций может выступать приращение уровня компетентности педагогов в сфере образовательных инноваций, которое выражается: *уровнем инновационного мышления* (по когнитивному критерию); *уровнем инновационной деятельности* (по праксиологическому критерию); *уровнем рефлексии инновационной деятельности* (по рефлексивному критерию), *уровнем инновационного творчества* (по творческому критерию).

Предпринятая нами попытка поиска научного решения проблемы актуализации компетенций педагога в сфере образовательных инноваций в условиях системы повышения квалификации привела нас к этим выводам. Они не претендуют на свою завершенность и абсолютность, а могут рассматриваться как промежуточные результаты, как начало исследования важной и перспективной проблемы для развития системы дополнительного образования – повышения квалификации педагога в условиях инновационного развития общества.

Библиографический список

1. Введенский, В.Н. Моделирование профессиональной компетентности педагога // Педагогика. – 2003. – № 10.
2. Браже, Т.Г. Профессиональная компетентность специалиста как многофакторное явление. – Л., 1990.
3. Каспаржак, А.Г. Новые требования к содержанию и методике обучения в Российской школе в контексте результатов международного исследования PISA – 2000 / А.Г.Каспаржак, К.Г.Митрофанов. – М., 2005.
4. Ленская, Е.А. Компетентностный подход в подготовке и переподготовке педагогов и их становление // Педагогика развития: ключевые компетентности и их становление: Материалы 10-й научно-практ. конф. – Красноярск, 2004.
5. Нагрели, Е.А. Формирование методической компетентности учителей в системе повышения квалификации // Фундаментальные и прикладные исследования в системе образования: сб. тр. Междунар. научн. практ. конф. / отв. ред. Н.Н. Бондырев. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009.
6. Шадриков, В.Д. Деятельность и способности / В.Д. Шадриков. – М.: Логос, 1993.

Bibliography

1. Vvedenskiy, V.N. Modelirovanie professional'noy kompetentnosti pedagoga // Pedagogika. – 2003. – № 10.
2. Brazhe, T.G. Professional'naya kompetentnost' specialista kak mnogofaktornoe yavlenie. – L., 1990.
3. Kasparzhak, A.G. Novye trebovaniya k sodержaniyu i metodike obucheniya v Rossiyskoy shkole v kontekste rezul'tatov mezhdunarodnogo issledovaniya PISA – 2000 / A.G.Kasparzhak, K.G.Mitrofanov. – M., 2005.
4. Lenskaya, E.A. Kompetentnostniy podkhod v podgotovke i perepodgotovke pedagogov i ikh stanovlenie // Pedagogika razvitiya: klyuchevye kompetentnosti i ikh stanovlenie: Materiali 10-y nauchno-prakt. konf. – Krasnoyarsk, 2004.
5. Nagreli, E.A. Formirovanie metodicheskoy kompetentnosti uchiteley v sisteme povysheniya kvalifikatsii // Fundamentalniye i prikladniye issledovaniya v sisteme obrazovaniya: sb. tr. Mezhdunar. nauchn. prakt. konf. / otv. red. N.N. Bondirev. – Tambov: Izdatel'skiy dom TGU im. G.R. Derzhavina, 2009.
6. Shadrikov, V.D. Deyatel'nost' i sposobnosti / V.D. Shadrikov. – M.: Logos, 1993.

Статья поступила в редакцию 28.06.11

Раздел 2

ФИЛОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Ведущие эксперты раздела:

ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ЖАТКИН – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой перевода и переводоведения Пензенской государственной технологической академии (г. Пенза)

ЛАРИСА МИХАЙЛОВНА ВЛАДИМИРСКАЯ – доктор филологических наук, профессор Алтайской академии экономики и права (г. Барнаул)

ТАМАРА МИХАЙЛОВНА СТЕПАНСКАЯ – доктор искусствоведения, профессор Алтайского государственного университета (г. Барнаул)

УДК 821.512.141.09

Baymukhametova V.M. THE EPIC POEM OF BASHKIR PEOPLE "URAL BATUR" AND "AKBUZAT". This article is about the memorial monuments of Bashkir epic poems "Ural batur" and "Ak buzat". The author researches the mythological principles and poetic significance of the epos, and describes specific value of the masterpiece and its leading role in the literary heritage of the Bashkir people.

Key words: being, culture, literature, myth, mythology, mythical characters, memorial monuments, plot, legendry, epos "Ural batur", "Ak buzat".

*В.М. Баймухаметова, аспирант Башкирского государственного университета, г. Уфа,
E-mail: bayven@mail.ru*

ДРЕВНЕЙШИЕ ЭПИЧЕСКИЕ СКАЗАНИЯ БАШКИРСКОГО НАРОДА «УРАЛ БАТЫР» И «АКБУЗАТ»

В статье рассматриваются монументальные памятники башкирского народа – эпосы «Урал батыр», «Акбузат», исследуются их мифологические основы и мифопоэтическая значимость, также описывается особая ценность данных шедевров и их главенствующее место в литературном наследии башкир.

Ключевые слова: бытие, культура, литература, миф, мифология, мифические образы, монументальные памятники, сюжет, эпическое сказание, эпос «Урал батыр», «Акбузат».

Память башкирского народа на протяжении тысячелетий сохранила шедевры народного творчества – мифы и эпические сказания, легенды и предания, песни и кубаиры. Они и сегодня доставляют нам огромное эстетическое наслаждение и массу позитивных эмоций. Эти произведения – неисчерпаемый источник по изучению истории, культуры, словесности народа.

Одним из таких замечательных и неоценимых памятников является эпос – фундаментальный жанр духовной культуры. Эпос отвечает на самые главные вопросы бытия, он пришел к нам из глубины тысячелетий. Отрадно, что башкирский народ сумел сохранить свою духовную культуру в памяти народных сказителей – сазенов, традиции которых продолжают и поныне.

Репертуар эпических сказаний башкирского народа очень богат и разнообразен. В нем можно выделить эпосы, сюжеты и образы которых характерны только для башкирского народного творчества: «Урал батыр», «Акбузат», «Заятулак и Хыу-хылу», «Кусяк-бий» и др.; и эпосы, сюжеты и образы которых являются общими для устно-поэтического творчества ряда тюркоязычных народов: «Алпамыша», «Бузйегет», Кузыйкурпес и Маянхылу» и др. Такие сказания, как «Юсуф и Зулейха», «Тахир и Зухра» и другие появились у башкир под влиянием восточной литературы. Эпосы «Урал батыр» и «Акбузат» являются наиболее яркими монументальными памятниками духовной культуры и давно стали достоянием общенности и гордостью башкирского народа. Они являются

уникальными источниками по изучению мифологии и эпике. Эти бесценные памятники открывают завесу над древней историей башкирского народа, а также мировой культуры в целом.

Будучи многогранными эпическими памятниками башкирского народа, данные эпосы довольно обстоятельно изучены. Многие поколения исследователей обращаются к нему в попытке проникнуть в их тайны и глубокий смысл. «Урал батыр», «Акбузат» продолжают удерживать внимание ученых и до сих пор исследуются с точки зрения филологии, фольклористики, философии, истории, культурологии, мифологии (В.М. Жирмунский, Б.Н. Путилов, В.М. Гацак, А.Н. Киреев, М.М. Сагитов, А.М. Сулейманов, Г. Б. Хусаинов, С.А. Галин, Ф. А. Надршина, В.Г. Котов, Д. Ж. Валеев, З. Г. Аминев, Г.В. Юлдыбаева, А.С. Мирбадалева, Р. М. Юсупов, Ш.Р. Шакурова, Ф.Г. Хисаметдинова и др.). Они всегда занимали важное место в башкирском обществе. В последние годы «Урал батыр» находится в центре внимания научной и культурной жизни РБ. Как величайший памятник человечества, он включен в Список нематериального культурного наследия Тюркской, является достойным кандидатом на включение в Список ЮНЕСКО «Шедевры устного и нематериального наследия человечества». Исследование и изучение данного эпоса позволяют расширить наши знания о детстве человечества, поскольк «Урал батыр» содержит в себе древние пласты исторического прошлого и является кладезью знаний о наших предках.

Для некоторых эпических произведений характерна преемственность идей. Хотя сюжетные линии совершенно различны, эпос «Акбузат» следует принимать как логическое продолжение «Урал батыра». Надо отметить, что в «Акбузате» сохранена не только основная идея «Урал батыра», но и некоторые герои – Хумай, жена Урала, Шульган, Кахкаха, конь Акбузат и алмазный меч. Главный герой «Акбузата» Хаубан является потомком Урал батыра. Эти два эпоса тесно переплетены между собой. Они являются богатейшим источником для изучения древнейших представлений башкир, так и всех тюркских народов в целом. В них мы видим мифопоэтическую модель мира, ее основные параметры и структуру. Эта проблема актуальна и в плане изучения нашей эпической культуры в более полном объеме.

Время создания эпоса «Урал батыр» восходит, по мнению ряда исследователей, ориентировочно к четвертому тысячелетию до нашей эры, он возник на стадии разложения первобытнообщинного строя; чуть позже появился эпос «Акбузат», главный герой которого – батыр по имени Хаубан, является правнуком Урал батыра. Сами тексты были впервые записаны в 1910 году видным башкирским фольклористом Мухаметшой Бурангуловым от эсэнов-сказителей, благодаря которым эти бесценные произведения были сохранены для потомков и научного изучения.

Сюжет эпоса «Урал батыр» достаточно сложен. В нем описывается борьба народного батыра за счастье людей с насильниками, угнетателями, с драконами и змеями. Персонажи сказания – богатыри, простые жители земли, небесные божеества, злые силы природы, мифические существа. В первой части произведения рассказывается о старике Янбирде и старухе Янбике, они со своими сыновьями Шульгеном и Уралом живут на затерянном острове, занимаются охотой на диких зверей. Во время охоты им попадает белый лебедь, от него герои узнают о существовании Родника Жизни и отправляются на его поиски с целью уничтожить Смерть. Вторая часть произведения повествует о подвигах Урал батыра и злодеяниях его брата Шульгена, который переметнулся на стан врагов. Здесь подробно описывается благодатная страна и райский уголок царя птиц Самрау и зловещая и страшная страна царя Катилы. Урал побеждает дивов, находит Родник бессмертия и понимает, что истинное бессмертие человека не в вечном существовании во плоти, а в добрых деяниях человека на благо мира. Таким образом Урал решает принести бессмертие природе, сам не пьет из источника и погибает. Третья часть поэмы посвящена подвигам сыновей Урала, они дальше продолжают благородные дела их могучего отца.

Обратим внимание эпосу «Акбузат». Условно выделенная первая часть начинается с описания трудной сиротской жизни главного героя Хаубана. Он – знатный охотник и меткий стрелок. Однажды на берегу озера он сумел поймать золотую утку, которая оказалась дочерью Шульгена, хозяина озера. Хаубан вместе с ней опускается на дно озера, там ему приходится пройти через многие испытания. В подводном царстве он приручает волшебного коня Урал батыра – Акбузата, знакомится с дочерью земного хана по имени Масем и другими многими девушками, которых похитил Шульген. Во всех благих делах Хаубану помогает Нэркэс, дочь подводного царя. Она отправляет батыра на землю вместе с конем Акбузатом и дочерью Масем хана. Вторая часть эпоса посвящена общественным деяниям главного героя и его борьбе со злом, воплощенном уже не в мифическом образе Шульгена, а в реальном земном правителе Масем хана. В этой же части Хаубан снова направляется на озеро Шульген, побеждает всех драконов и змей, освобождает народы, которые были там в заточении. Таким образом, Хаубан является освободителем народа от зла не только на земле, то есть в реальном бытии, но и от зла подводного, мифического. Главная мысль этих двух произведений – борьба со злом, единение героя и народа.

Эпос «Урал батыр» – своеобразная энциклопедия жизни древних башкир и великолепный образец мифологического мировосприятия народа. Мифы в эпосах имеют свою вневременную истинность, достоверность и структурность. При по-

моши них человек моделировал, классифицировал, интерпретировал окружающий мир, общество и самого себя. Мифология – почва, на которой могут расцвести произведения искусства. «Мифология – явление универсальное. Историческая типология как один из эффективных, проверенных методов научного анализа должна опираться на систематизацию особенностей и выявления доминирующих черт. Примечательно то, что мифы и созданные на их основе произведения время от времени актуализируются. Достаточно сказать о том интересе, который проявляет сейчас общество к эпосу «Урал-батыр» – произведению, отличающемуся своей философской и гуманистической глубиной» [1, с. 52]. Национальный миф в древности выполнял для человечества функции таких дисциплин как онтология, гносеология, этика и эстетика. Как рассуждал Ф.Ницше в своем труде «Рождение трагедии из духа музыки»: «...без мифа всякая культура теряет свой здоровый творческий характер природной силы: лишь обставленный мифами горизонт замыкает целые культурные движения в некоторое законченное целое» [2, с. 62]. Предполагается, что в древности башкиры, как и все другие индоевропейские племена, не отделяли искусство от ремесла и не знали философию как самостоятельную научную дисциплину и поэтому основой их духовной жизни были такие эпосы, как «Урал батыр» и «Акбузат». В них мы видим мироощущение и миропонимание наших предков, их чаяния и надежды, попытки познать окружающий мир и самого себя в нем, ответить на кардинальные вопросы человеческого бытия: проблемы жизни и смерти, добра и зла, гармонии и дисгармонии, чести, справедливости, человеческого счастья, бессмертия, смысла жизни и др. «Урал-батыр» дает богатый материал в плане изучения древнейших мифов о мироздании, первых людях, возникновении звезд, сотворении уральских гор, рек и озер, о всепоглощающем потопе. В нем в поисках живой воды люди оказываются во всех мирах – верхнем (Небесном), среднем (Земном) и нижнем (Подземелье, либо подводное царство). Наши прародители Янбирде и Янбика, могучий гигант Урал батыр, живая вода, чудесный конь Акбузат, алмазный меч, царь птиц благородный Самрау, прекрасные его жены Кояш (Солнце) и Ай (Луна), дочери-богини Хумай и Айхылыу, царь див ужасный Азрака, гадкий и хитрый Заркум, противный и жестокий царь Катил, грозный Кахкаха, вечно живущий старик, созвездие Етеган (Медведица), добрые богатыри Идель, Яик, Нугуш, Сакмар – все это показывает, насколько наши предки обладали богатой фантазией, сильным воображением и умом.

Особую ценность эпоса представляет то, что архаичный башкирский миф излагает философские отвлеченные, абстрактные понятия в художественных символах, а идеи и мышление человека здесь как образы, картины и пейзажи, увидеть и понять которые люди могут только при наличии Божественного света. С. Галлямов утверждает, что в философской мифологии башкир основные элементы мироздания представлены как Солнце-Самрау, воплощающее в себе Первоединое Божество – источник всего света в Космосе, лучи Солнца – это Хумай, которая, достигая нашей планеты, вступает в священный брак с Уралом, то есть с нашей землей, дающей начало всему живому [3].

Наше общество, наряду со строгой исторической фактографией, нуждается в притягательных и маниющих образах мифических героев. Без них человечество лишено движущей силы, души и сознания. В своем космогоническом мифе древние башкиры, метафорически используя художественные образы антропоморфных и зооморфных богов и героев, дали интересный анализ своего видения мира. Урал батыр вступает в борьбу с мировым злом и, победив, вступает в четыре священных брака, а затем, породив четырех сыновей (реки Уральских гор) Идель (Агидель), Яик (Урал), Нугуш и Сакмар, погибает, жертвуя своей жизнью ради счастья людей. А в эпосе «Акбузат» дела Урал батыра продолжает Хаубан. Эти два могучих батыра объединены единым порывом – борьба со злом, с несправедливостью на земле, их священная цель – осчастливить все человечество.

Нужно отметить, что сакральный смысл эпоса «Урал батыр» включает в себя основные аксиологические, ценностные ориентиры Корана и Библии. Через страдания Урал батыра и его смерть люди обретают счастливую жизнь. Но самое важное, поклоняются они не мертвому телу, а живой природе, красоте, добру как высшей ценности, завещанной Урал батыром – воплощением богочеловечности всему человечеству. Более того, как мы видим, в этих произведениях нет этнических предпочтений и возвеличивания одних людей над другими. Урал батыр и Хаубан восстанавливают справедливость, гармонию, требуют от людей выбирать сторону добра и бороться со злом во всех его проявлениях. Человек по совести сам должен различать порядок и хаос, добро и зло. В «Урал батыре» эти понятия ясно поляризуются в образах Урала и его брата Шульгена, а в «Акбузате» – в образах Хаубана и Шульгена. В последнем эпосе к Шульгену примыкает и Масем хан. Такая поляризация облегчает различение и формирует прочные нравственные основы личности. В образе Урала и Хаубана мы видим толерантность, терпимость, умение прощать

чужие ошибки и невежество, и благородную натуру. Таким образом, они, по башкирскому мифу, являются живым воплощением светлого начала в человеке. Борясь с темными силами Хаоса, Урал-батыр погибает и порождает из своего тела землю. Тем самым, с точки зрения древнебашкирской мифологии, вся земля, вся физическая материя оказалась пропитана изнутри духовно нравственным законом.

«Урал-батыр» и «Акбузат» оказали существенное влияние на литературу и фольклор башкир. Эти эпосы всегда будут занимать особое, знаковое место в жизни башкир, в самосознании народа, поскольку созданы в лучших традициях классического эпоса.

Таким образом, пришедшие к нам из глубины веков произведения «Урал батыр» и «Акбузат» отразили в себе устремленность народного духа к добру, мечту народа о счастливой и достойной жизни, веру в то, что Добро всегда побеждает Зло. Эти монументальные памятники всегда будут актуальными для современности.

Библиографический список

1. Надршина, Ф.А. Актуальные задачи современной башкирской фольклористики // Гуманитарные науки в Башкортостане: состояние и перспективы. – Уфа: Гилем, 2003.
2. Ницше, Ф. Рождение трагедии из духа музыки / пер. с нем. Г.А. Рачинского. – СПб.: Азбука-классика, 2005.
3. Галлямов, С.А. Основы башкирской индо-германской философии. – Уфа: Аманат, 2001. – Т. 1.

Bibliography

1. Nadrshina, F.A. Aktualniye zadachi sovremennoy bashkirskoy folkloristiki // Gumanitarniye nauki v Bashkortostane: sostoyaniye i perspektiv. – Ufa: Gilem, 2003.
2. Nicshe, F. Rozhdeniye tragedii iz dukha muzihki / per. s nem. G.A. Rachinskogo. – SPb.: Azbuka-klassika, 2005.
3. Gallyamov, S.A. Osnovih bashkordskoy indo-germanskoj filosofii. – Ufa: Amanat, 2001. – T. 1.

Статья поступила в редакцию 12.06. 11

УДК 81'36

Gorbazkay O.Y. THE REFLECTION OF CONCEPT OF THE CATEGORY OF COMMON GENDER IN GRAMMARS AND DICTIONARIES OF THE RUSSIAN LANGUAGE: PROBLEM AND SOLUTION. In the article the definition and composition of common gender nouns in different grammars, reference books and thesauruses of the Russian language is studied, the analysis of the material of thesauruses and grammars is undertaken; on the basis of the analysis the problem of absence of common opinion on this fact of the language is revealed and the possible way of its solution is suggested.

Key words: common gender nouns, grammars of the Russian language, thesauruses of the Russian language.

О.Ю. Горбацкая, аспирант АмГПУ, г. Комсомольск-на-Амуре, E-mail: oxanagorbazkay@mail.ru

ОТРАЖЕНИЕ ПОНЯТИЯ КАТЕГОРИИ ОБЩЕГО РОДА В ГРАММАТИКАХ И СЛОВАРЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА: ПРОБЛЕМА И РЕШЕНИЕ

В статье рассматривается определение и состав существительных общего рода в различных грамматиках, справочниках и толковых словарях по русскому языку. На основе анализа материала словарей и грамматик вскрывается проблема отсутствия единой точки зрения на данное языковое явление и предлагается возможный путь её решения.

Ключевые слова: существительные общего рода, грамматики русского языка, толковые словари русского языка.

Целью данной статьи является определение границ такого языкового явления, как существительные общего рода (СОР).

В статье рассмотрим определения СОР, которые даны в различных лингвистических словарях, в академических и неакадемических грамматиках русского языка разных лет, а также в монографиях и статьях исследователей, которые занимались изучением СОР, установим состав СОР в словарях русского языка.

Обратимся к определению понятия СОР в академических грамматиках.

В Грамматике русского языка 1960 года (далее – Грамматика-60) СОР «... являются существительные на -а(-я) со значением лица, употребляемые преимущественно в разговорной речи и просторечии, которые, смотря по употреблению, могут быть отнесены к лицам или мужского, или женского пола например: *настоящий ханжа* (когда говорят о мужчине) и *настоящая ханжа* (когда говорят о женщине)» [1, с. 109].

Данное определение, возможно, не отражает всей полноты такого языкового явления, как СОР. Это обнаруживается при обращении к академическому Словарю русского языка (1957-1961 гг.) в 4-х томах (далее – МАС1) [2]. Состав СОР в МАС1 и определение Грамматика-60 не соотносятся.

МАС1 в своём корпусе содержит слова *визави* и *протезе*. Эти слова относятся к несклоняемым существительным, следовательно, не имеют флексий, кроме того, они формально не оканчиваются на -а (-я), а значит, по вышеприведённому определению не являются СОР, однако в МАС1 эти слова имеют помету *м. и ж.*

Также МАС1 относит к СОР такие единицы, как *шантрапа*, *шушера*. По морфологическому признаку они подходят под определение СОР, но значение у них несколько иное, чем указывается в определении Грамматика-60: они имеют собирательное значение. В.В. Виноградов отмечает: «...обращает на себя внимание процесс индивидуализации бранных слов

женского рода, имеющих собирательное значение, но свободное применение к единичным лицам обоего пола: *шантрапа, шпана, гольтепа* и т.д. [3, с. 74]». Можно предположить, что процесс «индивидуализации» этих слов завершился и они перешли в СОР. Тогда возникает вопрос, на каком основании МАС1 относит слова *шантрапа, шушера* к СОР, а слова *гольтепа* и *шпана* к существительным женского рода.

Таким образом, с одной стороны, составители Грамматики не учли эти группы слов при терминализации СОР, с другой стороны, составители Словаря вышли за рамки прописанного в Грамматике определения.

Обратимся к «Грамматике современного русского литературного языка» под редакцией Н.Ю. Шведовой, вышедшей в 1970 году (далее – Грамматика-70) [4].

«Помимо мужского, женского и среднего рода существует так называемый общий род, который характеризует существительные женского склонения первого субстантивного склонения, обозначающие лицо по характерному действию или свойству. <...> например: *ужасный задира* и *ужасная задира*, *несносный плакса* и *несносная плакса* [4, с. 318]».

В Грамматике-70 также нет указания на то, что к СОР следует относить *визави, протеже*. Таким образом, между МАС1 и Грамматикой-70 сохраняется несоответствие в определении СОР.

В «Русской грамматике» под редакцией Н.Ю. Шведовой 1980 года (далее – Грамматика-80) [5] представлено следующее определение СОР: «Помимо мужского, женского и среднего рода у существительных есть так называемый общий род. Сюда относятся слова (обычно разг. или прост.) с флексией *-а* в им.п. ед.ч., называющие лиц по характерному действию или свойству и имеющие ту же систему падежных флексий, что и существительные женского и мужского рода с флексией *-а* в форме им.п. ед.ч.: *гуляка, зевака, недоучка, зубрила, привереда, плакса, грязнуха, злока, гулёна, сластёна, неженка*» [5, с. 466].

О несклоняемых существительных *визави, протеже, инкогнито* говорится, что им свойственна «двойная родовая принадлежность» [5, с. 469], но они не относятся к СОР.

В МАС1 и Грамматике-80 обнаруживается ещё одно несоответствие по определению рода у слов типа *глава (чего)*, *коллега, староста, судья*. В Грамматике-80 слова этой группы относятся к мужскому роду, а в МАС1 *глава (чего)*, *коллега, предтеча* относятся к СОР, но *судья, староста* – к мужскому роду.

На основе сведений, представленных в Грамматиках 1960, 1970 и 1980 годов, можно сказать, что за 30 лет существенных изменений в определении СОР не было внесено, границы этой группы не были расширены, подробного анализа её состава тоже не производилось.

Если в грамматиках понятие СОР застыло в своей первоначальной форме, то при сравнении двух словарей МАС1 и Словаря русского языка под редакцией А.П.Евгеньевой (1985-1988) в 4-х томах (далее – МАС2) [6], в МАС2 обнаруживается тенденция к расширению этой группы слов. Группа СОР расширяется не только за счёт включения новых существительных на *-а(-я)* со значением лица (*зануда, незнайка*, и др.), но и за счёт следующих групп слов, которые не прописываются в грамматиках: 1) несклоняемых существительных со значением лица (*визави, саами*); 2) существительных на *-а(-я)*, пришедших в общий род из мужского рода (*бузила, бумаго-марака* и др.); 3) существительных на *-а(-я)*, перешедших из женского рода (*кликуша, хромоножка* и др.); 4) существительных на *-а(-я)*, ставших СОР в переносном значении (*пустышка*); 5) существительные, которые в разных значениях являлись существительными мужского или женского рода (*коротышка*).

В неакадемической «Русской грамматике» под редакцией Н.Ю. Шведовой и В.В. Лопатина, вышедшей в 1990 году (далее – Грамматика-90) к СОР «относятся некоторые существительные со значением лица II склонения (с флексией *-а, -я* в форме (им. п. ед. ч.): *сирота, запевала*...» [7, с. 151]. В этом определении передаётся то же содержание, что и в оп-

ределениях предшествующих грамматик, но при этом в Грамматике-90 отмечается, что «разряд существительных общего рода активно пополняется новыми словами <...>: *трудога, стилига, вояка, задавака, доставала*», что «в современном языке приобретают или уже приобрели свойства слов общего рода такие, например, существительные, как *коллега, судья, глава* <...>, *староста* <...> (все они – первоначально слова мужского рода)» [7, с. 151]; слова «*иляпа, гадюка* в переносном значении лица (первоначально – слова женского рода)» [7, с. 151].

Авторы Грамматики-90 несклоняемые существительные со значением лица типа *визави, протеже, ханты* не относят к существительным общего рода, но указывают на то, что они «обнаруживают черты существительного общего рода» [7, с. 154].

Одна из тенденций, которая отмечается в Грамматике-90, нашла своё реальное воплощение в электронной версии «Большого современного толкового словаря русского языка» Т.Ф. Ефремовой 2006 года (далее – ЕС) [8].

Автор словаря относит к СОР слова типа *амёба, змея, иляпа* в переносном значении по отношению к человеку – в прямом значении эти слова являются существительными женского рода. Таких слов в словаре насчитывается более 90 единиц. Возникает вопрос, на чём основывается составитель словаря, когда относит к СОР подобные слова. В «Толковом словаре русского языка» С.И.Ожегова и Н.Ю.Шведовой (далее – СОШ) [9], вышедшего в 2006 году, данные слова не относятся к СОР ни в прямом, ни в переносном значении.

Как видим, не только в ЕС возникают вопросы по отнесению/ не отнесению ряда слов к СОР, но и в МАС1, МАС2 и СОШ. Ещё А.Б. Копелиович отмечал, что составители словарей, как правило, не придерживаются строго никаких традиционных критериев и выходят за рамки определения СОР» [10, с. 191].

Остаётся выяснить, чем руководствуются авторы словарей при отнесении ряда существительных к общему роду – на определение СОР, которые даны в грамматиках, они не ориентируются. Обратимся к словарям и справочным изданиям по грамматике русского языка, а также к монографиям отдельных исследователей, занимающихся изучением СОР: В.В. Виноградов [3], М.Г. Милославскому [11].

В «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахматовой говорится: «Род общий <...> Значение рода, которое, смотря по употреблению, может быть соотнесено как с лицом мужского, так и с лицом женского пола» [12, с. 389-390]. Данное определение общего рода, не даёт возможности сформулировать чёткого представления о значении и составе СОР, следуя этому определению к СОР можно отнести такие слова, как *врач, трепло* или *бездарь*.

В «Справочнике лингвистических терминов» Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой дается сходное понятие: «Род общий. Значение рода, которое может быть соотнесено как с лицом мужского, так и с лицом женского пола. *Сирота, плакса, молодчина, уродина, Валя, Женя, Шамбинаго, Седых, Хитрово, визави, инкогнито, протеже*» [13, с. 335]. Приведённые в справочнике примеры позволяют выявить группы внутри СОР: 1) СОР на *-а(-я)* со значением лица: *сирота, плакса, молодчина, уродина*; 2) ласкательные собственные имена: *Валя, Женя*; 3) несклоняемые фамилии на *-о, -ых (-их)*: *Шамбинаго, Седых, Хитрово*; 4) несклоняемые существительные: *визави, протеже*.

Исследователями при определении СОР обычно прописываются именно эти группы, но чаще всего – только первая.

Так, в книге Л.К. Граудиной «Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов» использовано определение общего рода из Грамматики – 70 [14, с. 99], хотя при анализе рода несклоняемых существительных указывается: «Некоторые существительные, имеющие значение общего рода, могут употребляться и применительно к мужчине, и применительно к женщине: *визави, инкогнито, протеже* <...> [14, с. 101]». Как видим, Л.К. Граудина относит к СОР только слова на *-а(-я)* со значением лица.

М.Г. Милославский, как и О.А. Ахматова, не указывает в определении СОР морфологического показателя, тем самым не ограничивает проникновение в общий род слов со значением лица, способных называть лицо женского и мужского пола. Однако исследователь в своей работе проводит границу между СОР и словами, относящимися к мужскому роду: *доктор, врач, директор* и т.д. [11, с. 409] – он называет их «кандидатами» в общий род и предполагает, что «едва липолное вхождение в общий род слов типа *директор* <...> произойдёт в ближайшее время» [11, с. 410].

В словаре-справочнике Г.И. Пановой «Современный русский язык. Морфология» СОР относят к одному из четырёх подтипов двуродовых существительных и определяют следующим образом: СОР – «субстантивы, обозначающие/характеризующие лицо в отвлечении от пола, но предполагающие конкретизацию пола на синтагматическом уровне в формах женского и мужского рода зависимых слов: *умница, разиня, энкуда, пройдоха, плакса, неряха* <...>» [15, с. 92].

В энциклопедическом словаре-справочнике лингвистических терминов и понятий под редакцией А.Н. Тихонова, Р.И. Хашимова, общий род склоняемых существительных не прописывается, говорится только о несклоняемых СОР, к которым авторы словаря-справочника относят: 1) названия лиц по народности (*коми, саами, манси* и др.); 2) фамилии типа *Гюго, Неру, Шевченко, Милых*... [16, с. 761].

Подробное, структурированное описание групп СОР даётся в книге Л.И.Рахмановой и В.Н. Суздальцевой «Современный русский язык. Лексика. Фразеология. Морфология» [17, с. 761].

К словам общего рода они относят: 1) собственные несклоняемые существительные (*Моруа, Книппович, Нестеренко, Борзых*); 2) нарицательные несклоняемые существительные (*банту, манси*); 3) неофициальные собственные склоняемые имена на -а (-я) (*Валя, Женя, Паша* и т.д.); 4) нарицательные склоняемые существительные на -а (-я), в подавляющем большинстве характеризующие лицо по склонности, пристрастию к чему-либо, по какой-либо особенности характера и т.д. и свойственные преимущественно устно-разговорному стилю (*задира, кривляка* и т.д.) [17, с. 287].

Кроме того, в своей работе они отграничивают от СОР следующие группы слов: 1) «слова-характеристики» типа *ворона, тряпка, язва* в случае использования их, по отношению к лицу мужского пола; 2) ряд слов на -а, которые являются существительными мужского рода по характеру занятия лица, требовавшего большой физической силы (*вышибала, громила*) или как присущего когда-то или вообще лишь мужчине (*рубашка, расстрига, тамада*), по традиции употребления характеристики лишь в отношении мужчины (*детина, заправила*), по грамматической традиции (*староста, старшина, судья*). В

примечании авторы говорят, что существительные являющиеся названиями профессий, должностей, звания и т.д. на согласную (*врач, геолог*) относятся к мужскому роду [17, с. 288].

Из анализа материала, изложенного в статье, попытаемся указать все группы слов, которые уже вошли в общий род, а также те, которые относятся к СОР только в отдельных словарях и грамматиках и в последующем могут стать СОР.

I. Склоняемые существительные на -а (-я): 1) со значением лица: *егоза, обжора, пьяница*; 2) ласкательные имена собственные: *Валя, Женя, Саша*; 3) названия животных, не-лица: *коняга, сивка, таракашка*; 4) женского рода (с собирательным значением, но «применяемые к единичным лицам» [3, с. 74]: *шантрапа, шпана, гольтепа*; в переносном значении по отношению к человеку: *ворона, звезда, шляпа*); 5) мужского рода (по грамматической традиции: *глава, судья, староста, коллега*; по характеру занятия лица: *забуддыга, барыга, пропойца*; с уменьшительно-ласкательным суффиксом: *воришка, трусишка, хвастунишка*).

II. Несклоняемые существительные: 1) иноязычные фамилии: *Моруа, Книпович*; 2) русские фамилии на -о, -ых/-их: *Живаго, Чутких*; 3) название народа, народности: *манси, сомали, ханты*; 4) наименования лиц: *визави, протеже*.

III. Склоняемые существительные на -ь женского рода в переносном значении по отношению к человеку: *бестолочь, лошадь, моль*.

IV. Склоняемые существительные мужского рода со значением профессий, должностей, званий: *врач, директор, сержант*.

Решение проблемы отнесённости/неотнесённости выделенных нами групп слов к СОР на системноцентрическом уровне представляется трудновыполнимым, поскольку словари и грамматики русского языка содержат много противоречивых и взаимоисключающих фактов по присвоению словам общего рода: «... в пределах зафиксированного объёма имён границы категории довольно зыбки: более чем в ста случаях словари оспаривают принадлежность того или иного существительного к общему роду, отражая различные точки зрения и критерии оценки родовой принадлежности» [10, с. 191]. Кроме того, внутри самих словарей нет системы, по которой определённые слова следует относить к СОР. И в свою очередь, не существует грамматики, которая бы отразила и обосновала все возможные случаи отнесения слов к СОР или ограничивала от проникновения в СОР определённые группы слов, а следовательно, предотвратила размывания границ определения. В этом случае, может помочь психолингвистический эксперимент, целью которого будет определение носителями русского языка рода (мужского, женского, общего) у слов, которые словари и грамматики по-разному рассматривают с точки зрения отнесённости/неотнесённости к СОР.

Библиографический список

1. Грамматика русского языка: в 2 т. Фонетика и морфология / под ред. В.В. Виноградова, Е.С. Истриной, С.Г. Бархударова. – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1960. – Т. 1.
2. Словарь русского языка: в 4 т. – М.: Госпиздат, 1957-1961.
3. Виноградов, В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – М.: Высш. школа, 1986.
4. Грамматика современного русского литературного языка / отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: «Наука», 1970.
5. Арутюнова, Н.Д. Русская грамматика: Фонетика, Фонология, Ударение, Интонация, Словообразование, Морфология: в 2 т. / Н.Д. Арутюнова, А.В. Бондарко, В.В. Иванов [и др.]; под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Изд-во Наука, 1980. – Т. 1.
6. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П.Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1985-1988.
7. Белоусов, В.Н. Русская грамматика / В.Н. Белоусов, И.И. Ковтунова, И.Н. Кручинина [и др.]; под ред. Н.Ю.Шведовой и В.В.Лопатина. – М.: Русский язык, 1990.
8. Ефремова, Т.Ф. Большой современный толковый словарь русского языка, 2006 / ABBYY Lingvo 12 Multilingual Trial.
9. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: ООО «ИТИ Технологии». 2006.
10. Копелиович, А.Б. К вопросу о кодификации имён существительных общего рода // Грамматика и норма: сб. ст. – М.: Изд-во «Наука», 1977.
11. Милославский, И. Г. Морфология // Современный русский язык / под ред. В.А. Белошапковой. – М.: Высш. шк., 1981.
12. Ахматова, О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1969.
13. Розенталь, Д.Э. Справочник лингвистических терминов / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – М.: Просвещение, 1972.
14. Граудина, Л.К. Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов / Л.К. Граудина, В.А. Ицкевич, Л.П. Катлинская. – М.: ООО «Издательство Апрель», 2004.
15. Панова, Г.И. Современный русский язык. Морфология: Словарь-справочник. – Абакан: Издательство Хакасского гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2003.
16. Тихонов, А.Н. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык: в 2 т. / А.Н. Тихонов, Р.И. Хашимов, Г.С. Журавлёва [и др.]; под общ. ред. А.Н. Тихонова, Р.И. Хашимова. – М.: «Флинта: Наука, 2008. – Т. 1.

17. Рахманова, Л. И. Современный русский язык. Лексика. Фразеология. Морфология / Л. И. Рахманова, В. Н. Суздальцева. – М.: Изд-во МГУ; «ЧеРо», 1997.

Bibliography

1. Grammatika russkogo yazhka: v 2 t. Fonetika i morfologiya / pod red. V.V. Vinogradova, E.S. Istrinoy, S.G. Barkhudarova. – M.: Izdatelstvo Akademii Nauk SSSR, 1960. – T. 1.
2. Slovarj russkogo yazhka: v 4 t. – M.: Gospizdat, 1957-1961.
3. Vinogradov, V.V. Russkiy yazhik (grammaticheskoe uchenie o slove). – M.: Vihssh. shkola, 1986.
4. Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazhka / otv. red. N.Yu. Shvedova. – M.: «Nauka», 1970.
5. Arutyunova, N.D. Russkaya grammatika: Fonetika, Fonologiya, Udarenie, Intonatsiya, Slovoobrazovanie, Morfologiya: v 2 t. / N.D. Arutyunova, A.V. Bondarko, V.V. Ivanov [i dr.]; pod red. N.Yu. Shvedovoy. – M.: Izd-vo Nauka, 1980. – T. 1.
6. Slovarj russkogo yazhka: v 4 t. / pod red. A.P. Evgenjevoy. – M.: Russkiy yazhik, 1985-1988.
7. Belousov, V.N. Russkaya grammatika / V.N. Belousov, I.I. Kovtunova, I.N. Kruchina [i dr.]; pod. red. N.Yu. Shvedovoy i V.V. Lopatina. – M.: Russkiy yazhik, 1990.
8. Efremova, T.F. Bolshoy sovremenniy tolkoviy slovarj russkogo yazhka, 2006 / ABBYY Lingvo 12 Multilingual Trial.
9. Ozhegov, S.I. Tolkoviy slovarj russkogo yazhka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyzheniy / S.I. Ozhegov, N.Yu. Shvedova. – M.: OOO «ITI Tekhnologii». 2006.
10. Kopeliovich, A.B. K voprosu o kodifikatsii imyon sushchestvitelnykh obshchego roda // Grammatika i norma: sb. st. – M.: Izd-vo «Nauka», 1977.
11. Miloslavskiy, I. G. Morfologiya // Sovremenniy russkiy yazhik / pod red. V.A. Beloshapkovoy. – M.: Vihssh. shk., 1981.
12. Akhmatova, O.S. Slovarj lingvisticheskikh terminov. – M.: Sovetskaya ehnciklopediya, 1969.
13. Rozentalj, D.Eh. Spravochnik lingvisticheskikh terminov / D.Eh. Rozentalj, M.A. Telenkova. – M.: Prosvethenie, 1972.
14. Gaudina, L.K. Grammaticheskaya pravilnostj russkoj rechi. Stilisticheskij slovarj variantov / L.K. Gaudina, V.A. Ickevich, L.P. Katlinskaya. – M.: OOO «Izdatelstvo Aprel», 2004.
15. Panova, G.I. Sovremenniy russkiy yazhik. Morfologiya: Slovarj-spravochnik. – Abakan: Izdatelstvo Khakasskogo gos. un-ta im. N.F. Katanova, 2003.
16. Tikhonov, A.N. Ehnciklopedicheskij slovarj-spravochnik lingvisticheskikh terminov i ponyatij. Russkiy yazhik: v 2 t. / A.N. Tikhonov, R.I. Khashimov, G.S. Zhuravlyova [i dr.]; pod obsh. red. A.N. Tikhonova, R.I. Khashimova. – M.: «Flinta: Nauka, 2008. – T. 1.
17. Rakhmanova, L. I. Sovremenniy russkiy yazhik. Leksika. Frazeologiya. Morfologiya / L. I. Rakhmanova, V. N. Suzdalceva. – M.: Izd-vo MGU; «CheRo», 1997.

Статья поступила в редакцию 27.07.11

УДК 81'23: 398

Kadyrova A. K. "ATTRIBUTES OF RUSSIAN FOLK-TALES IN PERCEPTION OF NATIVE SPEAKERS". In the article the peculiar ways the native speakers perceive the attributes of Russian folk-tales are described on the basis of the results of the psycholinguistic experiment made within the undertaken research.

Key words: folk-tale attributes, perception, native speakers, psycholinguistic experiment.

A.K. Кадырова, аспирант АмГПГУ, г. Комсомольск-на-Амуре, E-mail: kadyrovaak@mail.ru

АТТРИБУТЫ РУССКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКИ В ВОСПРИЯТИИ НОСИТЕЛЕЙ ЯЗЫКА

В статье описываются особенности восприятия носителями языка атрибутов русских народных сказок на основании результатов психолингвистического эксперимента, проведенного в рамках предпринимаемого исследования.

Ключевые слова: атрибуты народной сказки, восприятие, носители языка, психолингвистический эксперимент.

До недавнего времени сказка была объектом изучения преимущественно литературоведения. Одним из первых собирателей текстов русских народных сказок был А.Н. Афанасьев. На современном этапе развития науки исследователи все чаще рассматривают сказку в аспекте межкультурной коммуникации. Так, например, Е.Р. Корниенко в статье «Об опыте лингвокультурологического исследования русской народной сказки» рассматривает причины возникновения трудностей при восприятии иностранными студентами текстов русских народных сказок. Сказка является отражением культурно-познавательного опыта народа, его национального духа. В фольклорном тексте наиболее полно отражается уникальная, присущая определенной культуре символика. Следовательно, причиной неудач иностранцев при понимании текстов русских сказок, по мнению автора, является не только языковой барьер, но и национально-культурные особенности, которые могут затруднять процесс межкультурной коммуникации [1, с. 148].

К.В. Завьялова в статье «Сказка в контексте общественной и научной жизни» рассматривает то, как носители разных лингвокультур воспринимают один и тот же сказочный сюжет и героя этого текста на примере сказки «Золушка» (бродячий сюжет, известный у многих народов) [2, с. 125]. Далее автор приходит к выводу, что «несмотря на различия в сознании лингвокультурных сообществ, образ и восприятие интернационального сказочного героя в целом универсальны, но может приобретать вариативные национальные черты», а несовпадение этих образов у представителей различных лингвокультур может служить причиной непонимания при межкультурном общении [2, с. 127].

В русле актуального направления современной филологической науки – лингвофольклористики – выполнено монографическое исследование В.А. Черваневой и Е.Б. Артеменко «Пространство и время в фольклорно-языковой картине мира». В первой части данной работы рассматривается пространственно-временная организация текстов волшебной сказки и былины в плане выявления их количественных характеристик, что позволило более полно и глубоко, как отмечает В.А. Черванева, охарактеризовать их художественные функции [3, с. 4].

В данной статье мы рассмотрим атрибуты русских народных волшебных сказок в аспекте восприятия их носителями языка. Из сборника А.Н. Афанасьева методом случайной выборки было отобрано 50 оригинальных текстов русских народных волшебных сказок. В ходе анализа сказочных текстов были выявлены следующие сказочные атрибуты, наделенные определенными волшебными функциями: щетка, гребенка, хусточка, молодежные яблочки, полотенце, гребешок; ступа, толкач, пест, помело; платочек, печка, лук, стрела, волшебный ковер, смородиновый куст, волшебная книга, козлик, ковер-самолет, сапоги-скороходы, шапка-невидимка, клубочек, пошопок-перышко, перстень, живая и мертвая вода, ширинка, колечко, рубашка, мячик; серебряное донце, золотое веретенец; серебряное блюдо, золотое яичко; золотое пялечко и иглолка.

Чтобы проверить, воспринимают ли современные носители языка данные слова как сказочные атрибуты, нами был проведен психолингвистический эксперимент. Участники должны были ответить на следующий вопрос: в каких сказочных ситуациях перечисленные ниже слова, в том числе и общелитературные, могут использоваться? Для эксперимента

были отобранные почти все слова из приведенного выше списка сказочных атрибутов, кроме тех, которые, на наш взгляд, могут быть непонятны современным носителям языка.

В ходе анкетирования было опрошено 50 респондентов. При обработке результатов учитывалось, что респонденты давали не одну реакцию, а несколько. Результаты эксперимента представим в форме таблицы.

	Сказочный атрибут	Функция в сказке	Реакции носителей
1	Ступа, пест, помело	атрибуты бабы-яги, при помощи которых она передвигается по воздуху.	Транспорт бабы-яги – 35; Толочь что-либо – 9; Уборка – 3; Готовить пищу – 2; Гуси-лебеди – 1.
2	Клубочек	показывает герою дорогу	Для указания дороги в сказках – 33; Вязать – 12; Котенок играет с клубочком – 3; Нет ответа – 1; Общелитературное слово – 2.
3	Лук, стрела	трудная задача, испытание героя; навлекает беду на героя; используется для поиска невесты.	В сказках помогает герою найти невесту – 30; Нет ответа – 1; Выстрелил князь Гвидон – 1; Для Робина Гуда – 1; Оружие, охота – 17.
4	Сапоги-сороходы	В сказке помогают герою быстро передвигаться по суше.	Быстрое средство передвижения в сказке – 35; На ногах маленького Мука – 1; У мальчика-с-пальчика – 2; Иван носил – 2; В сказке «Золушка» – 1; Удобная, комфортная обувь – 1; Помогли герою – 1; Добраться до невесты – 1; Всегда ведут героя. Помогая ему – 1; Успеть на край света – 1; Сразу думаешь о быстроте – 4.
5	Ковер-самолет	Волшебное средство передвижения по воздуху, на котором герой путешествует по белу свету.	Средство передвижения, чтобы быстро летать по воздуху – 31; Нет ответа – 4; Используется в сказке – 1; Средство передвижения Аладдина – 8; Транспорт Хоттабыча – 3; Летающая тряпка – 1; Лень пешком идти – 1; Отвез их в сказочную страну – 1.
6	Шапка-невидимка	Помогает герою становиться невидимым, чтобы незаметно пробраться куда-либо или выполнить трудную задачу.	Помогает герою быть невидимым – 33; Головной убор, чтобы не видели – 2; Проникать куда-либо незамеченным, следить за кем-либо – 4; В сказке – 3; Нет ответа – 2. В сказке спасает от беды – 2; «Руслан и Людмила» – 2; Подвиги свершать – 1; Помогает герою в трудной ситуации – 1
7	Скатерть-самобранка	Кормит и поит героя после произнесения определенных слов	Используется в сказке – 5; Нет ответа – 5; Волшебная скатерть, используется в сказке – 7; На ней появляется еда, кормит героя – 33;
8	Платочек	превращается в высокий мост и помогает герою преодолеть преграду	Нет ответа – 5; Общелитературное слово – 4; Используется при насморке – 4; Вытирать что-либо (слёзы, нос, лицо) – 11; Песня «синий платочек» – 1; Народный танец – 1; Волшебный предмет в сказке – 1; Одевают на голову – 7; В сказке помогает отличить истинного героя от ложного – 1; Елена Прекрасная обронила – 1; Для выразительности быта – 1; Используется для волшебства; если бросить, то появится озеро – 1; Уронить, знак – 2; У Аленушки на голове – 1; Мама и папа Аленушке привезли – 1;

			Махать на перроне уезжающим – 4; Принц выхватывает из рук принцессы, сидящей в высокой башне, и делает ей предложение – 1; Красная девушка в сказке помахала, провожая любимого – 1; Аденушкааа помахала – 1; Скатерть-самобранка; раскинул его, и он накрыл на стол – 1.
9	Рубашка	Делает героя неуязвимым	Общелитературное слово – 7; Нет ответа – 4; Одежда, одевать, носить – 21; Защита, спасает – 4; Для солидного вида, образ делового человека – 2; Чтобы холодно не было – 3; Рождаются в ней – 3; В сказке – 1; Волшебная, одел рубашку, помолодел – 1; Одежда русского крестьянина – 1; Прикрыть наготу – 1; Одежда Ивана – 2; Из крапивы – 1.
10	Перстень	Добыть перстень, чтобы сыграть свадьбу – один из вариантов трудной задачи в сказке.	Нет ответа – 9; Общелитературное слово – 3; Для украшения – 8; Большое кольцо, чтобы носить – 9; Знак отличия, власти, ассоциируется с царем, повелителем, знатными людьми – 8; В сказках перстнем ставят печать на теле героя, чтобы отличить истинного героя от ложного – 2; У сказочных героев наделены определенной волшебной функцией – 1; Для того чтобы налить в него яд – 1; «Аленький цветочек» – 1; В сказке перстень Василисы Премудрой, царицы или царевны – 3; Взрослая, зрелая – 1; На хвосте у змейки – 1; Передается в знак благодарности, доверия – 1; Чтобы похвастаться – 1; Переворачивать на пальце – 1.
11	Перышко	В него превращается герой. Отдав перышко, отрицательный герой теряет свою силу и превращается в простого ворона.	Общелитературной слово – 7; Нет ответа – 5; У жар-птицы – 4; Набивать подушки – 8; Щекотать – 5; Для превращения – 5; В сказках обычно указывает путь – 5; Для письма – 1; Часть тела птицы – 1; Отпускать на ветер – 1; Гуси- лебеди – 2; Перышко счастья – 1; Предмет, с помощью которого происходит узнавание героя – 4; Гадкий утенок – 1.
12	Серебряное блюдо, золотое яичко	Диковинка, чудесный предмет, обладающий волшебными свойствами, который обычно обменивается героем на что-либо более желанное.	Нет ответа – 17; В сказке про курочку Рябу – 11; Сказка – 4; Используется в сказке, чтобы увидеть то, что находится далеко – 4; Чтобы узнать что-либо – 1; Общелитературное слово – 2; Увидеть будущее – 1; Обед – 2; Помогает насытиться, приносит счастье – 1; Чтобы разбить – 1; Для улучшения благосостояния – 4; Бабушке расстройство – 2 .
13	Яблоко	Съев его, старый человек вмиг помолодеет.	Фрукт, употребляемый в пищу – 11; Общелитературное слово – 6; Средство омоложения – 2; Чтобы отравить, убить кого-либо (царевну) – 12; Предсказывает будущее – 2; Яблоко раздора – 1;

			Для аппетита – 1; Ассоциации с Белоснежкой – 6. Катится по блюдечку, показывает что-нибудь – 3; Усыпить кого-либо – 1; Сказка о мертвой царевне – 2; Разрезать – 1; В сказке яблоко заколдованно – 1; Катись, яблочко, да по тарелочке – 1; Наливное яблочко, золотое блюдечко – 1.
14	Живая, мертвая вода	В сказке используется, чтобы исцелить, вернуть к жизни убитого героя.	Нет ответа – 6; Используется в сказке – 5; Исцеление, целебные свойства – 3; Живая вода – оживить, мертвая – умертвить героя – 16; Помогает оживить героя – 14; Чтобы пить – 1; «Конек-горбунек», три котла с водой – 1; Общелитературное слово – 1; Живая – чистая вода из ручья, мертвая – в бутылке – 1; Живая – освещенная в церкви, мертвая – после заморозков – 1; «Руслан и Людмила» – 1.
15	Золотое пялечко и иголочка	Диковинка, чудесный предмет, обладающий волшебными свойствами, который обычно обменивается героем на что-либо более желанное.	Вышивать, рукоделие – 10; Нет ответа – 12; Смерть кощя – 3; Сказочный предмет – 9; Для шитья – 3; В сказках шить наряды – 3; «Царевна-лягушка», ковер для царя – 2; В сказках принцессы, царевны, незамужние девицы вышивают – 8.
16	Серебряное донце, золотое веретене	Диковинка, чудесный предмет, обладающий волшебными свойствами, который обычно обменивается героем на что-либо более желанное.	Нет ответа – 24; Чтобы прясть – 4; Сказка – 6; Общелитературное слово – 2; Уколоть палец и уснуть мертвым сном – 7; Волшебный предмет, который используется в сказке – 4; Чтобы просто были – 1; Спасает, освобождает – 2.

Как видно из таблицы, носители языка воспринимают в качестве сказочных атрибутов следующие слова: ступа, пест, помело (35 положительных реакций); клубочек (33 положительные реакции); лук, стрела (30 положительных реакций); сапоги-скороходы (35 положительных реакций); ковер-самолет (31 положительная реакция); шапка-невидимка (33 положительная реакция); скатерть-самобранка (33 положительные реакции). В данном случае под положительной реакцией мы понимаем совпадение содержания ответов носителей языка и той функции, которую перечисленные выше атрибуты выполняют в оригинальных текстах рассмотренных нами сказок.

Однако в некоторых случаях ответы носителей языка не совпадают с отраженными в сказках свойствами волшебных предметов. Испытуемые наделяют их другими функциями. Рассмотрев данную группу ответов, мы можем предположить, что, возможно, существуют другие варианты сказок, которые в данной работе не рассматриваются, но известны носителям языка, и при ответе на вопросы анкеты респонденты опираются на знание именно этих сказочных текстов.

Так, по мнению испытуемых, *платочек* в сказке помогает отличить истинного героя от ложного; *рубашишка* «делает того, кто ее надевает, молодым»; *перстнем* в сказках царевна отмечает героя как выполнившего трудную задачу; *перышко* в сказках обычно указывает путь; *серебряное блюдо*, *золотое яичко* используются, чтобы увидеть то, что находится далеко;

яблоко – чтобы убить, отравить кого-либо; *живая вода* оживляет, а *мертвая* – умерщвляет героя.

Последний пример следует прокомментировать особо. В сказке *живая и мертвая вода* используются вместе, то есть выполняют одну общую функцию – исцелить, вернуть к жизни убитого героя, который обычно изрублен врагом на мелкие кусочки. Мертвая вода помогает телу *срастись*, а живая – *воскреснуть*, вернуть к жизни. Анализируя реакции респондентов, мы пришли к выводу, что носители языка разграничивают функции *живой и мертвой воды* в сказочном тексте: *живая вода* используется для оживления, а *мертвая* – для умерщвления, то есть они выполняют не одну общую функцию, а разные. Можно предположить, что при определении функции носители языка отталкиваются от внутренней формы слова, от его лексического значения. Антонимичность, заложенная в непосредственном названии парного атрибута, предполагает противоположность процесса и, таким образом, затрудняет определение его функции как единого целого. В сознании носителей целое разделяется на два составных элемента, каждому из которых приписывается отдельная функция.

Похожая тенденция наблюдается при определении носителями языка функций таких сказочных атрибутов, как *золотое пялечко и иголочка*, *серебряное блюдо* и *золотое яичко*, *серебряное донце* и *золотое веретене*. Во-первых, данные слова встречаются в сказочных текстах не так часто, как комплексы «*живая и мертвая вода*», «*ступа, пест, помело*». Во-

вторых, значение отдельных слов современным носителям языка может быть не совсем понятно, так как это слова устаревшие. Поэтому сознание носителей стремится разграничить два элемента и определить функцию только известного. Например, комплекс «золотое пялечко и иголочка» разбивается информантами на два элемента, где иголочка соотносится в сознании носителей со смертью Кошечки (3 реакции), а лексема пялечко опускается.

Такие слова, как *щетка, гребенка, полотенце, платочек; книга; колечко; перстень; перышко; рубашка* – в сознании носителей языка не соотносятся со сказочной атрибутикой.

Проведенный эксперимент позволяет нам сделать следующие выводы. Только семь слов из представленного в анкете списка (25 единиц) воспринимаются носителями языка как «абсолютно» сказочные атрибуты: *ступа, пест, помело; клубочек; лук, стрела; сапоги-скороходы; ковер-самолет; шапка-невидимка; скатерть-самобранка*. Определение функций других слов не всегда однозначно. В восприятии носителями языка парных (комплексных) атрибутов наблюдается тенденция к разделению единого целого на составные элементы и присвоению каждому из них, а в некоторых случаях – одному, самостоятельной функции.

Библиографический список

1. Корниенко, Е.Р. Об опыте лингвокультурологического исследования русской народной сказки // Вестник МГУ. – 2005. – №4. – Сер. 19.
2. Завьялова, К.В. Сказка в контексте общественной и научной жизни // Вестник МУ. – 2007. – № 2. – Серия 9.
3. Черванева, В. А. Пространство и время в фольклорно-языковой картине мира / В. А. Черванева, Е. Б. Артеменко. – Воронеж: ВГПУ, 2004.

Bibliography

1. Kornienko, E.R. Ob opite lingvokulturologicheskogo issledovaniya russkoy narodnoy skazki // Vestnik MGU. – 2005. – №4. – Ser. 19.
2. Zavjalova, K.V. Skazka v kontekste obshchestvennoy i nauchnoy zhizni // Vestnik MU. – 2007. – № 2. – Seriya 9.
3. Chervaneva, V. A. Prostranstvo i vremya v folklorno-yazikovoy kartine mira / V. A. Chervaneva, E. B. Artemenko. – Voronezh: VGPU, 2004.

Статья поступила в редакцию 27.07.11

УДК 8 Р1 К 23

Karimova E.S. THE ENIGMA OF COMPOSITIONAL UNITY "PETERSBURG'S" COLLECTION OF N.V.GOGOL. Enigma of compositional unity "Petersburg's stories" of Gogol is based on parodic displacement, doubling of the image. The author reveals the link "Petersburg's" text writer with such spectacular areal forms of urban art as a farce, lubok, rajok.

Key words: N.V.Gogol, "Petersburg's stories", compositional unity, parodic doubling of the image, lubok, rajok.

E.S. Каримова, аспирант ОГПУ, г. Оренбург, E-mail: eska_84@inbox.ru

ЗАГАДКА КОМПОЗИЦИОННОГО ЕДИНСТВА «ПЕТЕРБУРГСКОГО» СБОРНИКА Н.В.ГОГОЛЯ

Загадка композиционного единства «Петербургских повестей» Н.В.Гоголя основана на пародийном замещении, удвоении образа. Автор раскрывает связь «петербургского» текста писателя с такими площадными зрелищными формами городского искусства, как балаган, лубок, раек.

Ключевые слова: Н.В.Гоголь, «Петербургские повести», композиционное единство, пародийное удвоение образа, лубок, раек.

Внимание к мельчайшим деталям – существенная черта поэтики Гоголя, которая, в свою очередь, определяет особенности композиции петербургского сборника. Повествовательное пространство гоголевского цикла, по мысли Ю.М.Лотмана, организовано «точечно» [1, с. 254]. Весь текст писатель «искрошил» на сюжетно и композиционно законченные «куски», «лоскуты» (Гоголь). Между тем, «петербургский» текст инспирирован идеей созидания мира, идеей поиска новой формы его существования.

В своем строении гоголевская повесть воплощает «разобранную» (Гоголь) и, одновременно, самотрансформирующуюся модель современного мира. Отдельные, на первый взгляд, разрозненные повествовательные фрагменты в ее недрах способны соединяться и в момент соединения образовывать смысловые трансформы, раскрывающие новые смысловые грани образа. В «Петербургских повестях» писатель стремится, находя новые связи и способы соединения повествовательного материала, воссоздать целостность мира, преодолевая его настоящую расколотость. Читатель, по сути, становится свидетелем того, как рождается, живет, развивается художественная форма, и, вместе, как в ее недрах творится бытие.

На первый взгляд, «петербургская» повесть кажется хаотично организованной.

Между тем, внешняя «нечувствительность к границам» (М.Н.Виролайнен) в гоголевском тексте оборачивается необыкновенной внутренней чуткостью к границам [2, с. 316]. Смысловые грани гоголевского образа неуловимо проникают

друг друга, всплывают одна в другой, то ярко высвечиваясь, то погружаясь в тень. Процесс смыслопорождения, в чем, на наш взгляд, заключается загадка композиционного единства гоголевского цикла, основан на пародийном замещении, удвоении образа.

Так, художник Пискарев («Невский проспект») в стенах публичного дома превращается буквально в «пятно на чужом платье». Это сравнение выражает пренебрежение, насмешку, унижение, с которым проститутки смотрят на «бедного» художника. Между тем, в повести «Портрет» этот образ оказывается включенным в принципиально иной контекст. Старый художник-иконописец («Портрет») завещает своему сыну: «Кто заключил в свою душу талант, тот чище всех должен быть душою. Другому простится многое, но ему не простится. Человеку, который вышел из дому в светлой праздничной одежде, стоит только быть обрызгнутым одним пятном грязи из-под колеса, и уже весь народ обступил его <...> Ибо на будничных одеждах не замечаются пятна» [3, с. 154]. Художник и в миру пребывает в «светлой праздничной» одежде, потому, по мысли писателя, он должен оберегать чистоту своей души, чтобы не запятнать ее, ввергнув в череду мирской суеты, «вечных хлопот», что происходит с художником Пискаревым.

В приведенных эпизодах повествование, можно сказать, от сатирического возрастает до идиллического. Пародийное соединение этих повествовательных фрагментов призвано показать степень деформации Пискарева в сравнении с идеалом, каким Гоголю представляется художник-иконописец.

Отличительной чертой сюжетов «Петербургских повестей» является их зрелищность и злободневность. Они должны приковать внимание современного обывателя. Разнообразные формы уличного произнесенного слова и жанры городского фольклора (молва, слух, анекдот, легенда) являются в тексте Гоголя средством передачи особого колорита городской улицы. Следует отметить, что генетически жанр повести связан с устным народным словом (весть, молва) и, в свою очередь, с теми площадными зрелищными формами городского фольклора (балаган, раек, театр Петрушки и т. д.), которые также рождаются в недрах городского анекдота и молвы, притягательных ко всему странному и необъяснимому. В петербургском сборнике остросовременный материал представлен в виде «потешной панорамы» (райка), которая исконно выполняла функцию «устной газеты», а предметом ее изображения становились «любопытства достойные явления» (в интерпретации Гоголя «*происшествия*», «*неизъяснимые явления*»). Раек, по определению А.Ф. Некрыловой, – «непосредственное порождение города, его массовой, «низовой» культуры, он отразил все противоречия, все сильные и слабые стороны народных гуляний и ярмарочных увеселений, отчетливо проявившиеся во второй половине XIX века» [4, с. 140, 118]. Гоголю необходима эта форма изобразительного искусства, чтобы привнести в свою повесть дух того времени, воссоздать атмосферу площадной, уличной жизни тогдашнего Петербурга.

Более того, весь повествовательный материал в повестях организован по принципу механического переключения лубочных картинок в райке, что, в свою очередь, призвано заострить ощущение точности, расколотости созданной писателем картины мира. Между тем, эти картинки начинают странным, парадоксальным образом соединяться. На одной, к примеру, как в повести «Шинель», «*изображена какая-то красивая женщина, которая скидала с себя башмак, обнаживши, таким образом, всю ногу, очень недурную*» [3, с. 177]. Этот сюжет в «*окне магазина*» привлекает Акакия Акакиевича, оказавшегося на улицах вечернего Петербурга. Немногом позже дома Башмачкина встречается старуха, хозяйка квартиры, которая, «*услышав страшный стук в дверь, поспешно вскочила с постели и с башмаком на одной ноге побежала отворять дверь*» [3, с. 181]. Сценические зарисовки Гоголя уподобляются лубочным картинкам из потешной панорамы. На первой картинке – пошлый незамысловатый сюжет, привлекающий внимание петербургской публики, прежде всего, своей откровенностью, на другой же – очередная зарисовка из жизни старух «*в изодранных платьях и салопах*» и имеющих «*жалкую, бесчувственную мину*», которые становятся в повестях Гоголя заметным явлением современной петербургской действительности, дополняя картину всеобщего упадка и вырождения жизни. Упоминание же столь интимных подробностей гардероба старой хозяйки Акакия Акакиевича, особенно в сравнении с игривым сюжетом в витрине магазина, делает ее еще более нелепой.

В повести «Невский проспект», к примеру, упоминается, что улыбка так же подходит к лицу встреченной Пискаревым красавице, «*как идет выражение набожности роже взяточника*» [3, с. 22]. А на другой картинке – Нос из одноименной повести, который молился в соборе «*с выражением величайшей набожности*» [3, с. 60].

На следующей картинке – описание того театрализованного представления, которое свершается на главной улице Петербурга, провозглашенной в повествовании «*главной выставкой всех лучших произведений человека*». Само указание на картинно-выставочную природу этого действия делает его причастным к свершению действия действительно связанного с картинами. Так, рядом с описанием шествия по Невскому проспекту («Невский проспект») в «Петербургских повестях» возникает картинка с изображением аукциона («Портрет»).

«Хаос искусства», царящий на аукционе, по сути, – воплощение той же «*фантасмагории*», которая происходит на Невском проспекте. На аукционе «*множество картин было разбросано совершенно без всякого толку*». Так и на Невском

проспекте люди чаще всего появляются абсолютно без всякого смысла, «*толка*». Лишь временами на Невском проспекте «*чувствуется какая-то цель, или, лучше, что-то похожее на цель, что-то чрезвычайно безотчетное*» [3, с. 14].

В поэтике гоголевской повести укореняется идея о том, что в петербургском мире за внешней стройностью, порядком скрывается хаос, «ужас небытия» (В.Ш. Кривонос) [5, с. 17]. «*Ощущаемое нами чувство при виде аукциона, – заключает писатель, – страшно: в нем все отзывается чем-то похожим на погребальную процессию*» [3, с. 131]. Гоголь, используя метафору выставки, аукциона, фиксирует процессы угасания духовной жизни в мире: смысловое движение «петербургского» цикла устремлено от карнавальная процессии, точнее, ее имитации в описании шествия по Невскому проспекту к процессии погребальной в описании аукциона. Тем самым, буквально, от имитации жизни к смерти.

Потешная панорама Гоголя складывается из ярких, эксцентричных сюжетных картинок, которые, будучи рассмотрены панорамно, удваиваются, взаимоотражаются, порождая новые смысловые аллюзии.

По мысли Ю.М. Лотмана, «словесный текст и изображение соотносятся в лубке не как книжная иллюстрация и подпись, а как тема и развертывание: подпись как бы разыгрывает рисунок, заставляя воспринимать его не статически, а как действие» [6]. В повестях Гоголя подобный эффект достигается тем, что сюжет, запечатленный на одной картинке, по сути, «разыгрывается» на другой. В пространстве цикла отдельная зарисовка разворачивается далее, сцепляясь какой-то из своих граней с другой зарисовкой, обогащая, усиливая или трансформируя значение складывающегося целого, состоящего уже из нескольких картинок панорамы. В цикле, отмечает Ю.В. Лебедев, «повторяющаяся деталь при последующих возвращении несет с собой весь комплекс первоначально захваченных ассоциаций, проясняет контекст и обогащается сама художественными отражениями» [7, с. 50]. Между повествовательными фрагментами разных повестей «петербургского» цикла возникают, таким образом, явления комплементарности, что, в свою очередь, указывает на цикличную природу гоголевского текста.

На очередном лубочном офорте изображен сапожник Шиллер, который сидит, «*выставив свой довольно толстый нос и поднявши вверх голову*», а Готман держит «*его за этот нос двумя пальцами и вертит лезвием сапожнического ножа на самой его поверхности*» [3, с. 40]. На другой же – Иван Яковлевич бреет поручика Ковалева, «*хотя ему несподручно и трудно брить без придержки за нюхательную часть тела*» [3, с. 82]. Между тем, сюжет на первой картинке («Невский проспект»), несмотря на его убедительность и достоверность, оказывается в петербургском цикле псевдосюжетом, своего рода мистификацией, поскольку в действительности он свершается только в повести «Нос».

В гоголевском цикле не только центральный сюжет, но и повествовательный материал в целом, разворачивается, по сути, как потешная панорама, состоящая из лубочных картинок, «*пестрых, грязных масляных малеваний*» («Портрет»), на которых изображены вычурные, яркие, окарикатуренные персонажи из современной петербургской действительности, при этом, все картинки динамичные, сюжетно завершенные. Здесь и «*два толстяка, остановившиеся перед строящейся церковью*», которые судят не об ее архитектуре, а о том, «*как странно сели две вороны одна против другой*» («Невский проспект»); и «*торговка, которая продает на Воскресенском мосту очищенные апельсины*» («Нос»); и Акакий Акакиевич, на которого, как водится в Петербурге, из окон «*выбрасывали всякую дрянь, и оттого он вечно уносил на своей шляпе арбузные и дынные корки и тому подобный вздор*» («Шинель»); и «*одни только бабы, накрывшись полами платья, да русские купцы под зонтиками, да курьеры*» («Записки сумасшедшего») и т. д. В повествовательных зарисовках Гоголя, стилизованных под лубочные картинки, в доступной и привычной для современного петербуржца форме явилась «*вседневная*» жизнь современного города. Сюжеты «Петербургских повес-

тей», по сути, продолжают сюжетный ряд произведений, «отпечатанных лубками на больших листах, которые свидетельствуют самородное дарование русского человека» и в изобилии представлены в картинной лавке на Щукином дворе («Портрет»), у которых, отмечает писатель, «зрителей – куча» [3, с. 185]. Лубочная природа «Петербургских повестей» делает их сюжеты яркими, злободневными, потому популярными.

Предметом и, одновременно, способом изображения действительности в современной повести должен стать, по мысли Гоголя, «мастерски и живо рассказанный картинный случай» [8, с. 164]. Зрение – главный для писателя орган восприятия. Он, буквально, «вонзается» в петербургский мир «ястребиным взором наблюдателя» («Невский проспект»).

В народном слове, как, к примеру, в пословице, народ, по мысли Гоголя, «своим орудием» делает не только «иронию, насмешку», но «наглядность, меткость живописного соображения, чтобы составить животрепещущее слово, которое проникает насквозь природу русского человека, задирая за все ее живое» [8, с. 186]. Подобной яркости, живописности изображения писатель стремится достичь в «Петербургских повестях». Яркие зрительные акценты, как то: «красные рубашки рыбаков», вицмундир Акакия Акакиевича «не зелёный, а какого-то рыжеватого-мучного цвета», «лошадиная морда», которая «помещалась» всякий раз на плече у задумавшегося Акакия Акакиевича, «генерал с заклеенным бумажной лицом» на крышке табакерки Петровича, «богатырская наружность» значительного лица, «кулак величиною с чиновничью голову» у лица Акакия Акакиевича, «страшные глаза» ростовщика на портрете и т. д., делают гоголевские образы животрепещущими, запоминающимися, «задирающими за все живое» русского человека, поскольку, кроме всего прочего, взяты из повседневной жизни современного Петербурга.

Фрагментарность гоголевского текста призвана отразить катастрофизм мировидения писателя. Современным человеком, по мысли Гоголя, утеряно истинное, целостное знание о мире. Форма гоголевской повести, по сути, имитирует ту мировоззренческую расколотость, которая произошла в разобщенном сознании современного человека, как, к примеру, в сознании потерявших рассудок и потому всякое ощущение реальности Поприщина («Записки сумасшедшего») или Пискарёва («Невский проспект»).

Однако, раздробленность в строении гоголевской формы сочетается с ее невероятной живостью, пластичностью и способностью к сюжетной динамике, что позволяет писателю воспроизводить в тексте дискретную картину мира, составленную из отдельных «кусков», но, вместе, непрерывно длящуюся. Гоголевская повесть, будучи гротескной формой, становится подвижной, способной к самотрансформации, сообщая, тем самым, импульс к трансформации современного мира, с живой плотью, буквально, с естеством которого она взаимодействует. В «Петербургских повестях» автор уподобляется зодчему, мироустроителю, следуя же за сюжетом гого-

левской «Шинели», портному, который не из тех, «которые подставляют только подкладки и переправляют», а из тех, «которые шьют заново» («Шинель») «совершенно расплывшийся» старый капот, который, по сути, зримо воплощает в гоголевском цикле то состояние, в котором пребывает современный мир. «Кусочки-то можно найти», – уверяет Акакия Акакиевича Петрович. «Да заплаточки не на чем положить, укрепиться ей не за что, поддержка больно велика», – заключает портной [3, с. 167].

Петербургский мир, явившийся русскому человеку в повестях Гоголя, существует, подобно старой шинели Башмакина, на грани вырождения, обречен на гибель, поскольку в современном мироустройстве отсутствует основа, фундамент. И здесь возникает еще одна лубочная картинка из бытовой жизни современного Петербурга, на которой «грязный водовоз лил воду, мерзнувшую на воздухе, и козлиный голос разносчика дребезжал: «Старого платья продать»» [3, с. 29]. В гоголевском тексте бытовая, пошлый сюжет подвергается универсализации, поскольку петербургский мир существует на грани между реальным, ирреальным/сакральным планами бытия. Эта фраза, как водится в «Петербургских повестях», в пределах грубой пошлой реальности оказывается пустой в своей обыденности. Эта же случайно, возлеброшенная-фраза в пределах сакрального, вечного сюжета становится мистическим откровением, провозвестием надвигающейся катастрофы. Провозвестием того, что старый мир изжил, исчерпал себя.

Гоголь, подобно портному Петровичу, шьет заново, по сути, перекраивает сущность современного мира, ищет новые формы и трансформы его существования, воссоздавая динамику этого процесса в тексте. Между тем, войти в новое, точнее, «поновленное» (А.М.Панченко) современный человек должен органично, осознанно [9, с. 192]. Нельзя «совать» современному человеку в лицо Марса или Байрона, «прибавлять от себя» «вдоволь благообразия», которое «нигде не подгадит» и за которое простится автору «и самое несходство» с оригиналом, как делают современные художники, одним из которых в повести «Портрет» становится Чартков. С благообразными образами, рисуемыми современными «модными» портретистами, не согласуется суть современного человека. Гоголь, не искажая действительности, показывая человека таким, какой он есть на самом деле, включает современный мир в тот извечный контекст, которым ему представляются христианские ценности.

Фрагментарная природа строения «Петербургских повестей» призвана обнаружить связь гоголевского текста с такими традиционными зрелищными формами городского площадного искусства, как лубок, балаган и, одновременно, упрочить представление о переходности и уязвимости того состояния, в котором находится современный человек и мир, упрочить представление о дробности, фрагментарности человеческого познания, тем самым, о прогрессирующей в современном мире духовной инволюции.

Библиография

1. Лотман, Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. – М.: «Просвещение», 1988.
2. Виролайнен, М.Н. Четыре типа русской словесной культуры (Исторические трансформации): дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 2005.
3. Гоголь, Н.В. Повести. Комедии // Собр. соч.: в 7 т. – М., АСТ, 2006. – Т. 3-4.
4. Некрылова, А.Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. Конец XVIII- XIX века. – Л.: «Искусство», 1988.
5. Кривонос, В.Ш. Гоголь: Проблемы творчества и интерпретации. – Самара: СГПУ, 2009.
6. Лотман, Ю.М. Художественная природа русских народных картинок. [Э/р]. – URL: www.philologos.narod.ru/lotman/lubok.htm
7. Лебедев, Ю.В. У истоков эпоса. – Ярославль, 1975.
8. Гоголь, Н.В. Духовная проза. Критика. Публицистика // Собр. соч.: в 7 т. – М., АСТ, 2006. – Т. 6.
9. Панченко, А.М. История и вечность в системе русского барокко // ТОДРЛ. Т. XXXIV. – Л., 1979.

Bibliography

1. Lotman, Yu.M. V shkole poehticheskogo slova: Pushkin, Lermontov, Gogolj. – M.: «Prosvethenie», 1988.
2. Virolainen, M.N. Chetire tipa russkoy slovesnoy kul'turi (Istoricheskie transformacii): dis. ... d-ra filol. nauk. – SPb., 2005.
3. Gogolj, N.V. Povesti. Komedii // Sbr. soch.: v 7 t. – M., AST, 2006. – T. 3-4.
4. Nekrihlova, A.F. Russkie narodnihe gorodskie prazdniki, uveseleniya i zrelitha. Konec XVIII- XIX veka. – L.: «Iskusstvo», 1988.
5. Krivonos, V.Sh. Gogolj: Problemi tvorcestva i interpretacii. – Samara: SGPU, 2009.
6. Lotman, Yu.M. Khudozhestvennaya priroda russkikh narodnihk kartinok. [Eh/r]. – URL: www.philologos.narod.ru/lotman/lubok.htm
7. Lebedev, Yu.V. U istokov ehposa. – Yaroslavl, 1975.
8. Gogolj, N.V. Dukhovnaya proza. Kritika. Publicistika // Sbr. soch.: v 7 t. – M., AST, 2006. – T. 6.
9. Panchenko, A.M. Istoriya i vechnostj v sisteme russkogo barokko // TODRL. T. XXXIV. – L., 1979.

Статья поступила в редакцию 27.07.11

УДК 811.11-112

Komleva E.V. TO THE QUESTION ON THE PARITY OF TEXT'S CATEGORIES OF ADDRESSING AND APPEALING (on modern German). Addressing as a general concept is specified in the article. The addressing is the immanent property of any text. Addressing as the text category is compared with a functional-semantic text category of appealing which carries out a role of text forming element for a certain class of texts.

Key words: category of text, text class, addressing, functional-semantic category, appealing.

Е.В. Комлева, канд. филол. наук, доц. каф. иностранных языков ОГПУ, докторант РГПУ им.А.И. Герцена г. Оренбурга, E-mail: elenakmleva@rambler.ru

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ТЕКСТОВЫХ КАТЕГОРИЙ АДРЕСОВАННОСТИ И АПЕЛЛЯТИВНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

В статье уточняется понятие адресованности, являющееся имманентным свойством всякого текста. Адресованность как текстовая категория сопоставляется с функционально-семантической текстовой категорией апеллятивности, которая выполняет роль текстообразующего фактора для определенного класса текстов.

Ключевые слова: текстовая категория, класс текстов, адресованность, функционально-семантическая категория, апеллятивность.

Данная статья посвящена уточнению и конкретизации ряда важных положений теории текста, касающихся текстовой категории адресованности, которая, как известно, наряду с другими текстовыми категориями когезии, когентности, интертекстуальности, информативности, ситуативности, интенциональности, относится к имманентному свойству, присущему каждому тексту. В рамках антропоцентрического подхода к языку, когда направленность на адресата рассматривается как предпосылка коммуникации, возникает необходимость уточнения места адресованности в ряду других конститутивных признаков текста, что послужило основанием для дальнейшей разработки его категориальной модели.

Материалом для данной работы выбраны апеллятивные тексты современного немецкого языка. Данные тексты отличаются четко определенной апеллятивной функцией, т.е. функцией побуждения реального адресата к совершению речевого или посткоммуникативного действия (тексты с доминантой «обращение/требование», *dominant auffordernde Texte*). К апеллятивным текстам относятся тексты военной и политической пропаганды (листовки, плакаты, агитационные выступления политиков), военные и гражданские приказы, распоряжения, религиозные проповеди (относящиеся к текстовым группировкам с неспецифической книжностью, к массовой коммуникации), деловые письма (различные письма-просьбы, рекламации), заявления о приеме на работу, обиходно-деловые письма. Отметим, что в объеме данной работы не освещаются вопросы, связанные с серьезными отличиями письменных текстов от устных, каковыми являются, например, выступления политиков, т.к. считаем целесообразным остановиться на базовых особенностях апеллятивных текстов, которые сохраняются в их устном и письменном предьявлении.

Апеллятивный текст представляет собой систему смысловых единиц разной степени сложности, комплектности и значимости (с точки зрения достижения иллюкуции), функционально (т.е. для конкретной цели) объединенных в единую семантико-смысловую структуру общей концепцией, основной мыслью. Данная концепция /главная мысль/ основная идея – побуждение определенного адресата к совершению речевого или посткоммуникативного действия, должна иметь эксплицитное выражение при помощи совокупности взаимодействующих языковых единиц, которые репрезентируют присутствующую в тексте функционально-семантическую категорию апеллятивности. Апеллятивность трактуется нами как функционально-семантическая категория. Использование термина «функционально-семантическая категория апеллятивности» находит известное основание в том, что критерием для выделения рассматриваемой категории является общность семантической функции взаимодействующих языковых элементов – побуждение к действию, ориентированное на разные

типы адресата. Система разнородных языковых средств, способных взаимодействовать для выполнения семантических функций часто определяется как функционально-семантическая категория [1]. В структурном отношении функционально-семантическая категория апеллятивности представляет собой поле. В роли компонентов функционально-семантического поля апеллятивности выступают различные конструкции с семантикой прямого и косвенного побуждения к действию, обращения, вопросительные предложения. Функционально-семантическая категория апеллятивности трактуется нами как текстовая категория, которая наряду с данным статусом, является семантической доминантой, организующей текст, создает его текстостроительный ярус. Апеллятивность при этом становится и текстообразующим фактором, с помощью которого в тексте устанавливаются сложные и многоплановые отношения, обеспечивается единство текстостроительных и текстообразующих факторов.

Механизм текстообразования напрямую связан с актуализацией текстообразующих категорий. Как известно, иерархия категорий не установлена. Однако антропоцентризм языка обуславливает выдвижение на передний план, наряду с традиционными категориями текста, адресованности как категории коммуникативно-прагматического плана, образующей основу научного описания текста с позиции выполняемой им функцией сообщения и воздействия, т.е. ориентированной на читателя единицы речи.

Различным аспектам текстовой категории адресованности посвящено большое количество отечественных и зарубежных работ [2-10]. В упомянутых и многих других исследованиях по теории текста, так или иначе, указывается на адресованность как на «один из обязательных признаков текстuality» [6, с. 15], на «общетекстовый характер адресованности как категории текста» [11, с. 22]. Адресованность является всеобщей текстовой категорией, присущей любому тексту, но степень насыщенности ею текста бывает разной. Не останавливаясь подробно на особенностях данной категории текста, отметим лишь те теоретические обоснования, которые являются важными на данном этапе нашего исследования.

В отечественной лингвистике одним из наиболее цитируемых определений категории адресованности является определение, предложенное в фундаментальной работе О.П.Воробьевой, где данная категория рассматривается как свойство текста, «посредством которого опредмечивается авторское представление о предполагаемом адресате и особенностях его интерпретативной деятельности» [3, с. 2]. Отдельные аспекты категории адресованности составляют основу исследований общезыковой категории диалогичности в текстах различных сфер коммуникации [2; 11; 5; 12].

Адресованность выражается во всевозможных формах обращения автора текста к читателю. Сигналом адресованно-

сти может стать практически любой компонент текста, принадлежащий лексическому, синтаксическому и т.д. текстовому уровню [7, с. 51]. Категория адресованности реализуется в тексте через систему формально-содержательных средств и приемов привлечения внимания читателя, актуализации в текстовой структуре «образа читателя» как партнера по коммуникации [13, с. 103]. Для этого используются лингвистические сигналы адресованности, т.е. такие элементы текстовой ткани, функциональное назначение которых – завладеть читательским вниманием и управлять им [13, с. 104]. К наиболее частотным сигналам адресованности относятся прямое обращение, личные местоимения (контактоустанавливающие или активизирующие внимание), императивные и вопросительные конструкции, риторические вопросы, глаголы когнитивной семантики, указывающие на общность знаний, уровень информированности адресанта и адресата (wissen, erfahren) и т.д. Участие в формировании категории адресованности языковых единиц разных уровней, структурных особенностей, графических фрагментов текста, обуславливает существование различных форм адресованности: прямой и косвенной [14, с. 54]. Сигналы прямой адресованности непосредственно называют адресата, характеризуют его, в то время как сигналы косвенной адресованности придают текстовым компонентам функциональную значимость адресации.

Как известно, неадресованных текстов не существует, любой текст адресован, даже, если его адресат элиминирован из поверхностной структуры, выдвинут в подтекст. Например, в научных работах часто отсутствует прямое указание на адресата, однако это не означает, что адресата нет. В данном случае каждый сам определяет, является ли он адресатом того или иного научного текста. Круг адресатов, при условии достаточного специфического содержания текста, может быть довольно узким. В любом случае, лицо, обратившееся к тексту, вправе для себя определять его принадлежность к данному тексту в качестве адресата. Так, например, в предисловии к учебнику или учебному пособию может быть указан потенциальный круг адресатов (студенты, аспиранты). Однако соответствующей книгой может заинтересоваться и такой читатель, который к названному кругу лиц не относится. С другой стороны, не все лица из числа тех, кому книга эксплицитно адресована, могут или пожелают обратиться к ней. Что касается автора текста данной книги, он не контролирует ни получения адресатом текста книги, ни ее прочтения. В этой связи, под адресованностью лучше понимать предназначенность текста для адресата, т.к. прямое указание на адресата может отсутствовать.

Помимо текстов с «неопределенной» адресованностью, существуют тексты, адресованные конкретному определенному лицу или строго определенной группе лиц, которые однозначно понимают себя адресатами данных текстов. Именно так обстоит дело с адресатом аппеллятивного текста. Аппеллятивные тексты, всегда адресованы эксплицитному, а не «имплицитному читателю». Представление об адресате анализируемых текстов закладывается в основу их текстообразования. Эксплицитный читатель обозначен в препозиции к тексту в виде прямого обращения, выделенного графически и указывающего на лицо индивидуального или коллективного характера, которому предназначено совершить действие. Эксплицитное указание на адресата делает возможным прямолинейность воздействия. Целенаправленностью воздействия определяется не только выбор адресатом текста конкретных коммуникативных стратегий, программирование реакции адресата, но и контроль за получением и прочтением текста, исполнением перелучивного эффекта, который может быть представлен речевым или посткоммуникативным действием адресата. Так, мы подошли к прагматическому компоненту содержания аппеллятивного текста, не только его семантика, но и прагматика связана с реализацией коммуникативной направленности. По справедливому замечанию В.В.Богданова семантика текста вне прагматического контекста оказывается неполной, поскольку мир, «отражаемый или создаваемый текстом, должен быть встроен в мир коммуникантов – автора

и адресата – и ограничен пространственно-временными координатами» [15, с.48].

Для нас является актуальным исследование аппеллятивного текста не только с точки зрения структуры и семантики, но и обращение к особенностям его реального функционирования, а, следовательно, обращение к проблемам дискурса. Дискурс может рассматриваться как речевой материал, обусловленный экстралингвистическими факторами различной природы (социальными, психологическими, политическими, национально-культурными, прагматическими и др.) и включающий их как компоненты. В этом смысле дискурс не является собственно лингвистической формацией. Текст вычленяется из дискурса при отвлечении от широкого экстралингвистического контекста и представляет собой лингвистическое образование, имеющее определенную структуру, и характеризующееся цельностью, связностью, интенциональностью, информативностью, адресованностью, ситуативностью, интертекстуальностью, которые он сохраняет как свои основные свойства, и, которые, однако, получают в дискурсе определенное уточнение. Категория текста, таким образом, и категория адресованности, в частности, поставлена в соотношение с понятием «дискурс». В этой связи приобретает интерес изучение прагматических аспектов категориальных характеристик текста при помощи широкого включения экстралингвистической реальности, что позволяет учитывать фактор коммуникативной ситуации, в которой находятся адресант и адресат, и, под влиянием этого фактора, расширить границы некоторых текстовых категорий внесением в их понимание определенных уточнений.

В этой связи актуальным является вопрос о соотношении адресованности и аппеллятивности как текстовых категорий. Помимо особенностей реализации аппеллятивности в тексте, обусловленных функционально-семантическим статусом данной категории, ряд иных отличий получает объяснения при проецировании элементов содержательно-смысловой и композиционно-речевой организации аппеллятивного текста на плоскость дискурса, где данные отличия проявляют себя как дискурсивные характеристики функционально-семантической категории аппеллятивности.

Существенное отличие категорий адресованности и аппеллятивности связано с характеристиками субъектов аппеллятивного текста, для изучения которых необходимо обратиться к социальным аспектам коммуникации.

Адресант и адресат – главные антропоцентры аппеллятивного текста. Представление об антропологическом измерении коммуникации, являющееся с гуманистической точки зрения бесспорной прерогативой человека, в настоящее время существенно модифицируется. Развитие коммуникативной и коммуникационной сфер становятся важнейшим атрибутом и характеристикой современности, через которую преломляется и человеческое видение коммуникации. Проблеме разрыва коммуникации и информации уделяется в современной социологии большое внимание [16-18]. Ученые выделяют, ориентируясь на медиатизированный подход, развиваемый М. Маклюэном, коммуникативный (содержательный) и коммуникационный (связанный с носителем) аспекты коммуникации [16]. В контексте исследуемого общения посредством аппеллятивного текста коммуникативный и коммуникационный аспекты, упомянутые выше, также актуальны, поскольку позволяют с позиции социолингвистики, с осуществлением выхода в экстралингвистическую реальность, прояснить особенности субъектов аппеллятивного текста, возникающих между ними диалогических отношений, которые определяют дискурсивные характеристики аппеллятивности и не могут не сказаться на текстообразовании.

В рамках социолингвистики субъектами аппеллятивного текста являются реальные личности, чье статусное или ситуативное неравенство, индивидуальные и социальные черты, влияют на процессы текстопорождения, текстовосприятия, отражаясь в структурно-понятийном оформлении текста. Данное явление трактуется в текстологии как категория текстообразования – «установка на читателя» [3, с. 56] или адре-

сованность. Адресованность, с одной стороны, объясняется как способ отражения диалога двух субъектов – автора и читателя [3], а с другой, – как «диалогические отношения» текстов-высказываний, «если они хоть краешком касаются одной и той же темы мысли [2, с. 293]. Для нашей работы представляют интерес оба определения.

Согласно идее всеобщей диалогичности языка в рамках диалогической модели текста Гюлих Райбле [19, с. 150] адресованность рассматривается как имплицитированный в тексте диалог с Другим. Наличие «Другого» подразумевает отношение двух субъектов – автора и читателя, определения которых наполняются в научной литературе разными смыслами [7, с. 50]. Апеллятивные тексты создаются реальным автором – конкретным историческим лицом и направлены на реального читателя: массового (аудитория, публика) или индивидуального (реципиент-интерпретатор). Для обозначения реального читателя существуют различные термины: «внеположенный тексту адресат» [3, с. 12], «внешний адресат» [20, с. 8], «читатель-получатель» [21, с. 11], «эмпирический читатель» [22, с. 14], «подразумеваемый читатель» [23, с. 278], «фиктивный читатель» как читатель, смоделированный в тексте [24, с. 35].

Наличие реальных автора и читателя, их стабильная локализация в тексте обеспечивают его референциальную определенность. Референциальная определенность всех, содержащихся в апеллятивном тексте элементов субъектной (имеется в виду и субъект речи) и хронологической семантики является его важной особенностью. Требование определенности референции субъектных и хронологических элементов имеет онтологический характер и действительно, в принципе, для любого вида речевых произведений. Однако есть формы речи, к которым относятся рассматриваемые апеллятивные тексты, где эта черта проявляется наиболее ярко и последовательно, более того, представление об адресате закладывается в основу текстообразования.

Апеллятивные тексты, всегда адресованы «эксплицитным» адресатом («эксплицитному»), а не «имплицитному адресату». «Эксплицитный» читатель обозначен в препозиции к тексту в виде прямого обращения, выделенного графически и указывающего на лицо индивидуального или коллективного характера, которому предназначено совершить действие. Прагматическая направленность апеллятивных текстов, обуславливает появление маркеров диалогичности, отражающих двуналичие коммуникации, репрезентирующих факт личностно-ориентированного общения и организующих «дистантный диалог», хотя апеллятивный текст представляет собой исходную монологическую форму речи, инициирующую дальнейшую коммуникацию, поскольку здесь налицо усиление роли одного активного субъекта речи (адресанта), в то время как речепорождающая роль приемника информации либо не эксплицируется, либо присутствует в тексте опосредованно.

Даже в крайней форме монолога имеет место взаимодействие субъекта с субъектом, а не субъекта с объектом. Дело не в том, что при монологе активен только говорящий, а слушающий пассивен. В данной форме общения воздействие, оказываемое говорящим на слушающего, значительно сильнее, чем воздействие слушающего на говорящего. При этом второй субъект отнюдь не пассивен, ведь в плане внутренней речи идет интенсивная работа (комментирование, возражение, согласие и т.д.), чаще всего сопровождающая восприятие внешней речи. На данном основании можно утверждать, что связь адресанта и адресата апеллятивного текста – это связь субъекта с субъектом, а не субъекта с объектом, поскольку адресат также проявляет активность. В его внутренней речи выполняется работа по осмыслению прочитанного, кроме этого он совершает некоторое посткоммуникативное действие (например, ускоряет отправку документов/товаров, следует приказу и др.) Отправитель информации ориентируется на состояние приемника или на предыдущий опыт общения с ним, чтобы сделать воздействие на него более сильным. Субъектное и объектное распределение ролей в ситуациях общения посредством апеллятивных текстов сопряжены таким образом, что адресат является одновременно субъектом общения и

объектом как источник информации для адресанта. Являясь молчаливым на уровне поверхностной структуры текста, но все же равноправным партером, воспринимающим текст, адресат самим фактом своего существования как субъекта инициируемой с помощью апеллятивного текста деятельности, делает ситуацию коммуникативно открытой, социально значимой. Обмен информацией начинается с апеллятивного текста (с делового письма, приказа, листовки и т.д.), с так называемого «текста-стимула», в котором адресант заявляет о своем намерении вступить в коммуникацию с адресатом. Если следует «текст-реакция» (ответ на письмо, отчет о выполнении приказа, идеологическая листовка оппозиционной партии и т.д.), то можно говорить о переходе монологического письменного дискурса, представленного текстом в один конец, в диалогическую плоскость, поскольку, подобно диалогу, дискурс становится непрерывным, сохраняется одна тема – «инкорпорирующий дискурсивный топик» [5, с. 116] и реализуется трактовка адресованности, определяющая данную категорию как «диалогические отношения текстов». Тесная взаимосвязь чередующихся «текстов-стимулов» и «текстов-реакций», напоминающих чередование реплик в диалоге, дает возможность рассматривать обмен текстами между участниками коммуникации как коллективное речеобразование, осуществляемое двумя коммуникантами, а два смежных текста как своеобразное диалогическое единство, что позволяет выявить закономерности отношений между «текстом-стимулом» и «текстом-реакцией», подобно смысловому взаимоотношению «реплики-стимула» и «реплики-реакции» в диалоге. Создается обратимость отношений «адресант – адресат». Адресант апеллятивного текста, обращаясь к адресату, вступает с ним в диалог с целью побуждения к совершению речевого или посткоммуникативного действия. Адресат, подтверждая ответным текстом свое вступление в диалог, выступает в качестве адресанта. Для нашего исследования, таким образом, приобретают значимость оба аспекта изучения адресованности – как отражение «диалогических отношений» текстов-высказываний и как способ диалога субъектов.

Необходимо отметить, что подобный диалог в призме социальных аспектов коммуникации, исследуемой с коммуникативной и коммуникационной точек зрения, выполняет как созидательную, так и разрушительную функцию. С одной стороны, адресант и адресат объединяются общей коммуникативной деятельностью, а с другой стороны, происходит разлом человеческого «Я», отщепление «носителя сообщения» от его «экзистенциальной свободы» [17, с. 16]. В процессе диалога, инициирование которого осуществляется появлением апеллятивного текста, адресант не только налаживает определенные диалогические отношения с «Другим», но и сам постоянно предстает как «Другой», участвуя в различных сферах статусно-ориентированного общения под разными «масками», происходит его фрагментация, «расщепление». Как общая стратегия апеллятивного дискурса (здесь «дискурс» как диалог и как отражение некой тематической и когнитивной общности) установка на «Другого» лингвистически еще не изучалась, хотя проблема «Другого» в тексте, поставленная М.М. Бахтиным, широко обсуждается в разных аспектах и жанрах [2, с. 260]. Применительно к данному исследованию «Другой», как один из составляющих коммуникации, выступает не только в значении «иной», но и в значении «преобразованный», поскольку коммуникация рушит экзистенциальное субъекта, порождая его новый модус. Возникает многообразие «типических модусов являемости феноменов» [17, с. 15] и уникальная форма коммуникации «Я субъекта» и экзистенциала «люди» [25, с. 117]. Люди – это «Dasein» повседневности субъекта [25, с. 117]. Влияние людей (общества), их точка зрения, образование, воспитание, религия, политика планомерно выстраивают экзистенциально-тождественному «Я субъекта» то различное фрагментированное «Я», которым его должно видеть общество. «Фрагментированный» субъект более не является подлинным, он не присутствует в своем экзистенциальном измерении, он его посещает, иногда убегая от «людей» в свое одиночество [26, с. 302]. У такого «фрагмен-

тированного» субъекта интуиция подменяется индукцией, «он не может предаться спонтанному ощущению, ибо он знает, как «следует» ощущать «правильно» [26, с. 303]. В процессе развития субъекта как члена общества, его «фрагментированное Я» полностью полоняет субъективное, духовный мир постепенно превращается в пользовательский инструментальный «людей». Он становится в высшей степени коммуникационным, он – проводник той информации, которая сообщается ему «людьми», «Другими», при этом данная информация не является абсолютно новой, т.к. сам субъект и есть «Другой».

Фрагментация адресата апеллятивного текста обусловлена заданностью его социальной роли в общественной сфере. Обозначенный при помощи прямого обращения, адресат является для адресанта определенным фрагментированным гипотетическим конструктом, с ориентацией на которого разворачивается коммуникативная стратегия текста. Апеллятивный текст насквозь антропоцентричен, отличается жесткой, «заостренной» адресованностью, но при этом он создан не для всех, прямое обращение точно идентифицирует адресата как коллективного (Einwohner Leningrads!, Offiziere!, Soldaten der Roten Armee!, Frauen!, Leser!, Benutzer!, Fachkollegen!, Mütter!, Hausfrauen!, Soldaten und Offiziere!, Proletarier!, Mitglieder der offiziellen Delegationen und des Diplomatischen Corps!, Liebe Brüder und Schwester!, Liebe Kollegen und Kolleginnen! Verehrte Brüder im Bischofs- und Priesteramt!, Sehr geehrte Staatsoberhäupter!, Meine Herren Kardinäle!, Sehr geehrte Kunden!) или, напротив, как индивидуального (Herr Maier! Herr Doktor! Herr General! Ihre Majestät! Herr Direktor, Sehr geehrter Herr Präsident!), адресат рождается вместе с текстом, являясь движущей силой его интерпретационной стратегии. Соответственно коммуникативная компетентность адресата определяется генетикой самого текста. Адресат создается последовательностью текстуальных инструкций, представленных в линейном развертывании текста как последовательность предложений или иных сигналов.

Адресат и адресант апеллятивного текста являются четко идентифицируемыми, что подразумевает определенное место их позиционирования и функционирования в социуме, принадлежность к той или иной социальной группе, коммуникативной сфере. Программируя воздействие апеллятивного текста на получателя, адресант руководствуется различными параметрами адресата (социальная, политическая, религиозная принадлежность, пол, возраст и т.д.). Адресатами апеллятивных текстов являются определенные социальные слои населения, различные военные формирования, представители политических оппозиций, избиратели, т.е. группы людей, объединенные общностью отношения к человеческим ценностям (жизнь, дети, родина), историческим событиям (война, оккупация, выборы политических партий и т.д.). В самой природе человека заложено подмеченное Б.Малиновским стремление к созданию «уз общности» между людьми [27], отражающихся и в апеллятивном дискурсе. Не случайно и художники слова иногда подчеркивают, что считают своей задачей «поиск общих мест», где каждый человек может почувствовать, что его «Я» такая же частичка универсума, как и все остальные.

Пребывание в рамках определенной социальной группы формирует определенную «интенциональность» субъекта, что и делает его членом данной группы. Возможность произвольного действования субъекта, принадлежащего к некоторой

социальной группе, строго детерминирована. Четкая идентификация субъектов апеллятивного дискурса устанавливает контроль над его производством. Субъект дискурса порождается как форма, образуемая пересечениями различных дискурсивных практик («речевая деятельность, осуществляемая в соответствии с требованиями определенного типа дискурса в процессе его производства и воспроизводства» [28, с. 38], поэтому он подчинен предписаниям, общим для этих практик. Таким образом, возникает некоторый интересубъективный консенсус. Термин «интерсубъективный» применим здесь к социальной группе как к единому субъекту коммуницирующему внутри социального поля с другими такими же группами-субъектами. Интерсубъективный консенсус является в данном случае коммуникационным консенсусом, в противоположность коммуникативному консенсусу коммуникации. То есть, в первом случае отдельное сознание – есть только проводник, коммуникационный носитель, в который привносится некая среднестатистическая консенсуальная основа. В то время как во втором случае, сознание вступает в коммуникативное действие активно, конституируя конкретные тематизации коммуникативного консенсуса. Коммуникационный консенсус определяет особенности организованного посредством апеллятивного текста диалога, в который адресант и адресат участвуют идентифицированными фрагментами своих личностей и являются лишь проводниками информации, ее коммуникационными носителями, которые руководствуются определенными надиндивидуальными правилами речевого поведения. Среднестатистическая консенсуальная основа обеспечивает заданность коммуникации, прототипизацию как формы, так и содержания общения, что проявляется в построении апеллятивных текстов по установленным образцам (по своей сути апеллятивный текст во всех своих разновидностях принадлежит к так называемым «закрытым» текстам, построенным, как правило, по более или менее единым речевым клише), ограниченном наборе тем, однотипности коммуникативных стратегий и тактик, механизмов для осуществления воздействия, которыми являются: 1) авторитет, 2) законная власть, 3) убеждения, аргументации, 4) поощрения, наказания.

Завершая рассмотрение круга вопросов, связанных с разграничением понятий адресованности и апеллятивности, необходимо отметить следующее. В апеллятивном тексте при реализации адресованности, как всеобщей текстовой категории, происходит ее модуляция, она переходит в другую тональность, наполняется дополнительным содержанием – непосредственно называя, номинируя адресата, ему сообщается коммуникативное задание – совершение речевого или посткоммуникативного действия. В тексте апеллятивности смыкается с адресованностью и перерастает в нее. При этом всякий текст адресован, но не каждый текст апеллятивен. Апеллятивность является частным случаем, продолжением и уточнением категории адресованности, что обусловлено рядом факторов, основным из которых является особый характер субъектов апеллятивного текста. Объяснение данным факторам может быть дано привлечением экстралингвистической реальности – в дискурсе, где адресант и адресат наделяются различными социальными ролями, а коммуникативная ситуация обретает пространственно-временные показатели.

Библиографический список

1. Бондарко, А.В. Грамматическое значение и смысл. – Л.: Наука, 1978.
2. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986.
3. Воробьева, О.П. Лингвистические аспекты адресованности художественного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М.: Изд-во МГЛУ, 1993.
4. Арутюнова, Н.Д. Фактор адресата // Изв. АН СССР. – 1981. – № 4. – Сер. яз. и лит.
5. Славгородская, Л.В. Научный диалог. – Л.: Наука, 1986.
6. Гончарова, Е.А. Интерпретация текста. Немецкий язык / Гончарова Е.А., Шишкина И.П. – М.: Высшая школа, 2005.
7. Щирова, И.А. Текст и интерпретация: взгляды, концепции, школы / Щирова И.А., Тураева З.Я. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2005.
8. Schmidt, S.J. Texttheorie. – München: Universität, 1973.
9. Plett, H. Einführung in die Textanalyse. – Hamburg: Buske, 1979.
10. Petöfi, J. Texte und Sachverhalte: Aspekte der Wort- und Textbedeutung. – Hamburg: Buske, 1983.
11. Кожина, М.Н. О функциональных семантико-стилистических категориях в аспекте коммуникативной теории языка // Разновидности и жанры научной прозы: Лингвистические особенности. – М.: Наука, 1989.

12. Кожина, М.Н. Стилистика русского языка. – М.: Наука, 1996.
13. Чернявская, В.Е. Интерпретация научного текста. М.: КомКнига, 2005.
14. Романова, Н.Л. Языковые средства выражения категории адресованности в научном тексте // *Studia Linguistica. Язык и общество. Лингвистика текста и лингвистическая стилистика*. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1996. – Вып. 2.
15. Богданов, В.В. Текст и текстовое общение. – СПб.: Наука, 1993.
16. McLuhan, M. *Die magischen Kanäle*. – Düsseldorf: Econ-Verlag, 1992.
17. Лещев, С.В. Коммуникативное, следовательно, коммуникационное. – М.: Эдиториал УРСС, 2002.
18. Laclau, E. and Mouffe, C. *Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics*. – London: Verso, 1985.
19. Göllich, E. *Textsortenprobleme // Linguistische Probleme der Textanalyse. Sprache der Gegenwart / Göllich E., Raible W.* – Düsseldorf: Econ – Verlag, 1975. – Bd. 35.
20. Карасик, В.И. Язык социального статуса. М.: ИТДК «Гнозис», 2002.
21. Дридзе, Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: проблемы социопсихологии. – М.: Наука, 1981.
22. Эко, У. Шесть прогулок в литературных лесах. – СПб.: Симпозиум, 2002.
23. Iser, W. *The Implied Reader*. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1974.
24. Iser, W. *The Act of Reading*. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1976.
25. Heidegger, M. *Sein und Zeit*. – Tübingen: Niemeyer, 1984.
26. Лакан, Ж. Я в теории Фрейда и в технике психоанализа. – М.: Изд-во «Гнозис», 1999.
27. Malinowski, A. *Die Wissenschaft und die Arbeiterklasse*. Frankfurt. – М.: Makol -Verlag, 1971.
28. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – СПб.: А-кад: Талисман, 1994.

Bibliography

1. Bondarko, A.V. *Grammatisches Zeichen und semant. – L.: Nauka, 1978.*
2. Bakhtin, M.M. *Ehstetika slovesnogo tvorchestva*. – М.: Iskustvo, 1986.
3. Vorobjeva, O.P. *Lingvisticheskie aspekty adresovannosti khudozhestvennogo teksta: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk*. – М.: Изд-во МГЛУ, 1993.
4. Arutyunova, N.D. *Faktor adresata // Izv. AN SSSR*. – 1981. – № 4. – Ser. yaz. i lit.
5. Slavgorodskaya, L.V. *Nauchnyy dialog*. – L.: Nauka, 1986.
6. Goncharova, E.A. *Interpretatsiya teksta. Nemeckiy yazyk / Goncharova E.A., Shishkina I.P.* – М.: Vihsshaya shkola, 2005.
7. Thirova, I.A. *Tekst i interpretatsiya: vzglyadih, koncepcii, shkolih / Thirova I.A., Turaeva Z.Ya.* – SPb.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2005.
8. Schmidt, S.J. *Texttheorie*. – München: Universität, 1973.
9. Plett, H. *Einführung in die Textanalyse*. – Hamburg: Buske, 1979.
10. Petofi, J. *Texte und Sachverhalte: Aspekte der Wort- und Textbedeutung*. – Hamburg: Buske, 1983.
11. Kozhina, M.N. *O funktsionalnykh semantiko-stilisticheskikh kategoriakh v aspekte kommunikativnoy teorii yazyka // Raznovidnosti i zhanri nauchnoy prozhi: Lingvisticheskie osobennosti*. – М.: Nauka, 1989.
12. Kozhina, M.N. *Stilistika russkogo yazyka*. – М.: Nauka, 1996.
13. Chernyavskaya, V.E. *Interpretatsiya nauchnogo teksta*. М.: KomKniga, 2005.
14. Romanova, N.L. *Yazykovyye sredstva vyrazheniya kategorii adresovannosti v nauchnom tekste // Studia Linguistica. Yazyk i obshchestvo. Lingvistika teksta i lingvisticheskaya stiliatika*. – SPb.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1996. – Вып. 2.
15. Bogdanov, V.V. *Tekst i tekstovoe obshchenie*. – SPb.: Nauka, 1993.
16. McLuhan, M. *Die magischen Kanäle*. – Dusseldorf: Econ-Verlag, 1992.
17. Leshchev, S.V. *Kommunikativnoye, sledovatel'no, kommunikatsionnoye*. – М.: Ehdtorial URSS, 2002.
18. Laclau, E. and Mouffe, C. *Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics*. – London: Verso, 1985.
19. Göllich, E. *Textsortenprobleme // Linguistische Probleme der Textanalyse. Sprache der Gegenwart / Göllich E., Raible W.* – Dusseldorf: Econ – Verlag, 1975. – Bd. 35.
20. Karasik, V.I. *Yazyk social'nogo statusa*. М.: ИТДК «Гнозис», 2002.
21. Dridze, T.M. *Tekstovaya deyatel'nost' v strukture social'noy kommunikatsii: problemih sociopsikhologii*. – М.: Nauka, 1981.
22. Ehko, U. *Shest' progulok v literaturnykh lesakh*. – SPb.: Simpozim, 2002.
23. Iser, W. *The Implied Reader*. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1974.
24. Iser, W. *The Act of Reading*. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1976.
25. Heidegger, M. *Sein und Zeit*. – Tübingen: Niemeyer, 1984.
26. Lakan, Zh. *Ya v teorii Freyda i v tekhnike psikhoanaliza*. – М.: Изд-во «Гнозис», 1999.
27. Malinowski, A. *Die Wissenschaft und die Arbeiterklasse*. Frankfurt. – М.: Makol -Verlag, 1971.
28. Fuko, M. *Slova i vethi. Arkheologiya humanitarnykh nauk*. – SPb.: A-cad: Talisman, 1994.

Статья поступила в редакцию 27.07.11

УДК130.2

Kruglova N.V. STAGES OF DETERMINATION THE TOLERANCE AS A SOCIAL AND CULTURAL NORM. The article is an attempt of system investigation of the process determination the tolerance as social and cultural norm. The main points of culture genesis where the tolerance was produced as a real are described by the author. The own classification types of tolerance states and kinds of tolerance are presented.

Key words: tolerance, internal and external pluralism, types of tolerance states, kinds of tolerance (religious, political, gender, ethnic, racial, between the generations, tolerance to indeterminateness).

Н.В. Круглова, канд. филос. наук, доц. каф. культурологии философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург,
E-mail: N.V.Kruglova@mail.ru

ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ НОРМЫ

Настоящая статья – это попытка системного рассмотрения процесса становления толерантности как социокультурной нормы. Автор указывает наиболее значимые точки культурогенеза, в которых толерантность была представлена как реальность, приводит свою классификацию типов толерантных режимов и видов толерантности.

Ключевые слова: толерантность, интернальный и экстернальный плюрализм, типы толерантных государств, виды толерантности (религиозная, политическая, гендерная, этническая, расовая, между поколениями, толерантность к неопределенности).

Идея толерантности относительно недавно стала рассматриваться российской гуманитарной мыслью, менее 20 лет назад. До этого толерантность расценивалась как чисто буржуазная идея и, соответственно, не вписывалась в идеологи-

ческий каркас, сковывавший развитие общественно-научного знания. Иными словами, толерантность как реальность, и как понятие были чужды советской культуре. Советский Союз, государство с имперским типом устройства, доставшимся от самодержавной

России, обозначался идеологами как страна, где процветает «дружба народов» и где возник новый тип общности – советский человек. Ситуация кардинально меняется при перестройке и обозначении вектора модернизации, как российской экономики, политики, социума, так и общественности и культуры в целом. Происходящая в обществе плюрализация всех аспектов жизни от мировоззрения, религии, политических, педагогических систем, медицинских стратегий, исторических переосмыслений сопровождается и определенным «взрывом» в сфере гуманитарного знания, вышедшего из – под идеологического сдерживания и контроля.

Однако, каждый российский исследователь, обращающийся к проблеме толерантности, сталкивается с целым рядом противоречий. Почему Европа, являясь родиной понятия толерантности, в глазах большинства народов оценивается как агрессор. "Как бы ни отличались между собой народы, они относятся к Западу одинаково, называя его архиагрессором... Без сомнения, это суждение о Западе определенно подтверждается в последние 4,5 столетия... Запад – всегда агрессор..." [1, с. 156-157]. Насильственность, по мнению Н.Я. Данилевского, является одной из общих черт для народов романо-германского типа. «Такой склад ума, чувства и воли ведет в политике и общественной жизни, смотря по обстоятельствам, к аристократизму, к угнетению народностей или к безграничной, ничем не умеряемой свободе, к крайнему политическому дроблению; в религии – к нетерпимости или отвержению всякого авторитета» [2, с. 179]. Иными словами, как коррелируют с принципом толерантности такие факты западноевропейской истории, как захватнические войны, колониализм, политика империализма, миссионерская деятельность по насаждению христианства, классовая борьба, Первая и Вторая мировые войны, появление тоталитарных режимов в XX веке? В каких пределах функционирует толерантность как социокультурная норма? На каких субъектах она распространяется? Как взаимосвязаны принципы толерантности и мультикультурализма? Что из них первично и почему современные западноевропейские государства признают провал политики мультикультурализма? Означает ли это одновременно и отказ от принципа толерантности? Как влияет на проблему толерантности процесс глобализации? Конечно, самыми кардинальными и актуальными для российского исследователя являются вопросы, обращенные к России. Являлась ли Россия толерантным государством в силу исторически заданных параметров ее поликонфессиональности, полиэтничности и, еще шире, поликультурности? Менялся ли уровень терпимости и в каких пределах в стране при переходе от имперской, самодержавной России к России советской и постсоветской? И почему модернизация страны вызвала, прежде всего, межэтнические войны, распад СССР, а затем постоянно обостряющуюся межэтническую напряженность, социальные конфликты?

Итак, специфика рецепции идеи толерантности современным российским исследователем задана двумя моментами: 1. осознанием природы, сущностных характеристик, пределов функционирования, спектра включенных субъектов в толерантные отношения и потенциалов для ревизии самого концепта толерантности; 2. степени представленности толерантных отношений в современной России и перспектив их закрепления и воспроизведения. Все эти вопросы и задают основные параметры данной статьи.

Структура толерантных отношений, как показывает философ Зимбули А.Е., сводится к следующему: «субъект терпимости, адресат терпимости, предмет терпимости. Иными словами, кто сдерживается (субъект), в отношении кого (адресат) и по какому поводу» [3, с. 23]. Таким образом выглядит ситуация терпимости, при которой субъект терпимости может сдерживаться относительно адресата в выражении своих оценок, эмоций и поведения в связи с одним или несколькими предметами терпимости. Описанная структура толерантных отношений деликатно обходит вопрос о том, к какому виду отношений она относится: субъект-объектных или субъект-субъектных. Безусловно, категории субъекта и объекта функ-

циональные, диспозиционные и способны переходить одна в другую. «Объект деятельности субъекта предстает как предмет приложения активности, который *допускает и терпит*, чтобы с ним подобным образом обращались – преобразовывали, познавали, оценивали, короче, так или иначе с ним манипулировали (показательно, что во французском языке «объект» означает также «вещь»); объекту действительно присуще свойство «вещности», то есть способность быть пассивным орудием чужой воли, даже если в роли объекта выступает не вещь в буквальном смысле слова, а животное или сам человек» [4, с. 90-91]. Модус субъекта всегда приобретает, обретается индивидом, социальной группой, обществом, а не изначально дается, изначально присущ им. У человека – это воспитание через социализацию и самоутверждение, которые часто принимают форму конфликта. «Возможно, что правилом является возникновение у некоего социума субъектных качеств в тех случаях, когда он вступает в конфликт с другим социумом и в том противостоянии начинает осознавать себя, свои цели, интересы, идеалы, вырабатывая на этой основе программу собственных действий» [4, с. 105]. История становления толерантных отношений демонстрирует, что постепенно из субъект-объектных (одна из исторически первых и развитых рефлексий на тему толерантности – Джона Локка – так и была впоследствии названа: «толерантность как любезность») они трансформируются в субъект-субъектные, что обозначает их прогрессивный, гуманистический вектор развития. Таким образом, главным направлением исследования становится рассмотрение экспликации культурной универсалии – толерантности – в социокультурную норму. «Культурная норма* – стандарт культурной деятельности, регулирующий поведение людей, свидетельствующий об их принадлежности к конкретным социальным и культурным группам и выражающий их представление о должном, желательном. Назначение нормы состоит в минимизации случайных обстоятельств, субъективных мотивов, психологических состояний. Нормативное регулирование отношений предполагает добровольное и сознательное принятие каждым человеком распространенных в данной культуре норм деятельности» [5, с. 321].

Автор данной статьи исходит из посылки, что терпимость членов общества друг к другу является универсальным и всеобщим социальным феноменом в каждом обществе и каждую историческую эпоху, ибо невозможно представить абсолютно гомогенное общество, члены которого не различаются по полу, возрасту, социальному статусу, экономическому положению, образовательному уровню, даже, если мы рассматриваем мононациональное (моноэтническое) и моноконфессиональное общество. Таким образом, толерантность является культурной универсалией. Толерантность незаметна, поскольку обеспечивает единство общества при многообразии его членов, и именно плюрализм, как неустрашимая черта человеческого общежития, обеспечивает его (общества) стабильность, целостность, ресурс приспособления и выживания общества как закрытого (традиционного, тоталитарного), так и открытого (новоевропейского) типа.

Вопрос о толерантности впервые в истории человечества ставится при переходе от традиционного общества к обществу гражданскому, в этом состоит вторая авторская посылка. В традиционном обществе толерантность групповых субъектов социокультурной деятельности задана сакральным характером власти, жесткой определенностью социальной иерархии, отсутствием социальной мобильности, доминированием принципа коллективности. Поскольку в наиболее развитой форме гражданское общество впервые обнаруживает себя в древнегреческой цивилизации в эпоху расцвета полисов, то толерантность как социокультурную реальность в неотрелексированном виде можно обнаружить на указанном этапе культурогенеза. Именно тогда начинает формироваться, закрепляться и отстаиваться субъектность широкого спектра культурных акторов как индивидуумов, в связи с десакрализацией власти, появлением социальной мобильности, рационализма, секуляризации и многообразия культурных сценариев самоосуществления свободного гражданина. Появление

новых субъектов социокультурной деятельности, увеличивающих степень внутренней дифференциации общества и стремящихся к признанию полноценности их статуса, ведет к актуализации конфликтной формы социального взаимодействия, что оптимизирует структуру социума и расширяет спектр субъектов толерантных отношений. Свободная Греция рождает новый тип культуры – агональный [6] – в котором соревнование, состязание, борьба становится универсальным публичным культурным ритуалом, выявляющим лучшего из лучших. Соревновательность и конкуренция и, следовательно, открытость критике в дальнейшем становятся неотъемлемыми чертами любого толерантного общества. Разнообразие древнегреческих полисов от культурного цветения Афин до исключительно милитаризованной Спарты свидетельствует о свободном выборе культурных векторов развития.

Однако, уже античный мир, да и античная культура в целом демонстрируют два различных исторических типа толерантности: толерантность может конституироваться либо с преобладанием феномена взаимопользования свободой, либо с преобладанием феномена плюрализма различных видов. Первая из двух указанных социокультурных систем, в основном, ориентирована на человека, как на важнейшую ценность и цель. Государство стремится обеспечить ему максимально возможную свободу, свобода каждого становится условием и предпосылкой свободы всех. Гражданское общество и его оптимальное функционирование при этом обозначаются как пределы личной свободы или индивидуального произвола. Полноценность гражданского статуса стимулирует свободную социальную, политическую, военную, хозяйственную и творческую активность в различных видах деятельности, что приводит к эндогенному (внутреннему, интернальному) плюрализму, дифференциации общества, формированию индивидуализма, противостоящего коллективизму, и построению универсалистского типа культуры. Вопрос о толерантности в данном типе культуры может и не ставиться изолированно, так как толерантные отношения спонтанно и естественно становятся наиболее адекватными в динамичном обществе всеобщей предприимчивости, как знак взаимопользования свободой. Это полисный тип толерантности, манифестируемый в Древней Греции [7, с. 131-137].

Противоположная социокультурная система ориентирована на сохранение и воспроизведение самой себя, высшей ценностью и целью является само государство, незыблемость его границ, стабильность его бытия, официально же декларируемой высшей целью часто обозначается некий идеологический конструкт (религиозный или псевдорелигиозный). Создается такое государство – империя – путем военной экспансии. Человек в этой системе – лишь средство, материал, функциональная единица. При хорошо отлаженной системе управления и контроля, состоящей, как правило, из четко регламентированных методов унификации социокультурного пространства, огромное, труднообозримое государственное тело может состоять из самых различных (в этническом, религиозном, хозяйственном или культурном плане) частей. Этот тип общества характеризуется экзогенным (внешним, экстернальным или, просто, чужеродным – поликонфессиональным, полиэтническим) плюрализмом. Толерантность различных субъектов культурного многообразия друг к другу задается самим имперским государством в качестве основного правила существования в пределах такого образования, как первым и главным распорядителем социального пространства. Несвобода, подчиненность и закреплённость – основа такого типа толерантности. Это имперский тип толерантности, который наиболее ярко проявлен уже в эллинистических монархиях, затем транслируется в Римской империи, воспроизводится в Российской империи и других [8, с. 404-419]. Между обозначенными, может быть, несколько схематично или идеализированно, полюсами, как между некоторыми экстремумами, можно расположить все промежуточные или смешанные исторические типы толерантности.

Запрос на толерантность как социокультурную норму возникает в Западной Европе в Новое время в связи с развора-

чиванием эндогенного (внутреннего) плюрализма: мировоззренческого (Возрождение), плюрализации форм христианского вероисповедания (Реформация), утверждения рационализма (Просвещение), появления новых субъектов социокультурной деятельности, добивающихся своего политического, социального, религиозного и культурного признания (протестанты, буржуазия, пролетариат, женщины, молодежь и другие). Формирование субъектности нового культурного актора, его представление о самостоятельности (идентичности) и движение к признанию осуществляются через конфликтную форму социального взаимодействия. В этой связи очень показателен исторический опыт обретения толерантных отношений в Англии, так как позволяет проследить полную картину того, как, зародившись, это понятие становится не только основой государственной политики, но и общественной ценностью, и чертой отдельных индивидуумов, то есть создает наиболее полноценный круг субъектов терпимости. При этом речь идет не только о религиозной терпимости, но об обосновании и освоении других ее видов (политической, классовой, гендерной [9, с. 210-218], межпоколенной [10, с. 88-95]), хотя удовлетворительное решение вопроса, связанного исключительно с религиозной толерантностью, тоже заслуживает самого пристального исследовательского интереса, тем более, что именно эта толерантность завоевывалась в жестоких религиозных войнах, чего уже не наблюдалось при женском и молодежном движениях, которые становились «тихими» культурными революциями. Здесь важно подчеркнуть, что освоение отдельных видов толерантности в Западной Европе обозначает некую последовательность и то, что данное движение началось именно с вопросов веры, задало всему процессу высокое значение, так разрешались центральные смысловые вопросы для человека той эпохи: отношения с Богом, спасения души и предопределения, вопрос бессмертия.

Первыми очагами толерантности в Европе стал первые страны, осуществившие буржуазные революции: Англия и Голландия. Именно от успешности их опыта, прежде всего, конечно, на Британских островах, как более мощного государства, зависела судьба континентальной Европы и выбора ею своего пути. Необратимость тех процессов, которые привели к трансформации традиционного (средневекового) общества в индустриальное (модерное), была задана и испытана именно в Англии, несмотря на все своеобразие и неповторимость ее пути. Свообразие его заключалось в том, что Англия по-своему откликнулась на возрожденческий призыв, внося свой вклад в так называемое Северное Возрождение и подарив ему самого яркого гения – В. Шекспира, специфическим образом прошла путь Реформации, так же обогатив его исключительными чертами, прежде всего, породив феномен Англиканской церкви как государственно-политический проект, первая обозначила такой важнейший культурный феномен как *Просвещение. Конфликт ценностей*, связанный с протестантизмом, и *конфликт интересов*, связанный с нарождающимися буржуазными отношениями, здесь совместились наибольшим образом и породили прецедент самой консервативной революции в истории, что, вероятно, и способствовало закреплению ее результатов. Англия – единственная страна в Европе, которая совершила буржуазную революцию до оформления Просвещения как особого культурного феномена.

Обицим в становлении толерантности как *социокультурной нормы* в Великобритании является: определение данного вопроса при переходе к буржуазному, либерально-демократическому обществу, принесшему с собой парламентаризм, социально-политический плюрализм, социальную мобильность, конституционные свободы, институт прав человека, секулярный характер культуры, ориентацию на инновационное развитие. *Особенным* является то, что опыт данной страны в этом вопросе стал первичным опытом «европейского» масштаба, она первой (наряду с Голландией) встала на путь буржуазного преобразования экономики, общества, политики и культуры и прошла его, как указывалось выше, своеобразно. Она сохранила после двух революций XVII века монархическую форму правления в виде конституционной

монархии, придав ей статус исполнительной власти в ряду разделения властей, создала неписанную конституцию, реально действующие конституционные свободы, институт прав человека. Опыт Англии показал, что вопрос о толерантности становится актуальным в нестабильные, трансформационные периоды жизни общества, этот вопрос, как признак критического состояния, требует пересмотра ситуации терпимости. Как показывает опыт обретения толерантности как социокультурной нормы в Великобритании, она (толерантность) осваивалась в условиях нарождающегося плюрализма как следствия саморазвития данной социокультурной системы в результате реформационного течения и буржуазных преобразований, что одновременно породило как конфликт ценностей, так и конфликт интересов. Первыми видами плюрализма, поставившими особенно остро вопрос о толерантности, стали религиозный и социально-политический, что привело к обоснованию первых типов толерантности: религиозной и политической. Как показала дальнейшая история, данная норма функционирует только внутри страны (с XVII по XX вв. включительно), не препятствуя проводить экспансионистскую, колонизаторскую политику с применением насилия за ее пределами. Процесс эмансипации человека, получивший толчок вследствие буржуазных преобразований, привел в дальнейшем к порождению рабочего, а затем феминистского и молодежного движений внутри страны с появлением новых субъектов социокультурной деятельности, борющихся за свое призвание, что породило следующие формы толерантности: классовую, гендерную и межпоколенную. Последним моментом в закреплении статуса нового субъекта толерантности является обретение им избирательного права. Социокультурная норма толерантности наиболее оптимально функционирует относительно именно этих эндогенных (внутренних, интернальных) видов плюрализма, как показателей процесса свободной дифференциации данного общества, вызванного логикой его развития. Факты манифестации феномена бытового расизма в Великобритании, стране с наиболее давними традициями толерантности, после Второй мировой войны свиде-

тельствуют, что эта социокультурная норма функционирует менее успешно относительно экзогенного (внешнего, экстерналичного) плюрализма, а именно межэтнического и межрасового. Поэтому в наши дни с особой остротой вновь поднят вопрос о пересмотре правил и пределов толерантности в историческом эпицентре ее – Западной Европе – в связи с ситуацией мультикультурализма и этнической терпимости [11, с. 134-145 и 12, с. 166-173]. Таким образом, становится очевидным, что толерантность как социокультурная норма является *этифеноменом*, заданном базисными характеристиками западноевропейской (и западной в целом) социокультурной системы: социально-политическим плюрализмом, парламентаризмом, секуляризмом, конституционными свободами и институтом прав человека, социальной мобильностью и ориентиром на инновационное развитие.

Своеобразие становления толерантности как социокультурной нормы в постсоветской России связано с одновременной, а не последовательной (как в Западной Европе) актуализацией всех типов плюрализма (эндогенного и экзогенного) и стремлением широкого спектра социальных акторов к признанию, что обуславливает повышенную конфликтность [13, с. 31-38 и 14, с. 125-133].

Период глобализации как новое состояние миро-системы требует уточнения вопроса о социокультурной норме толерантности, так как индуцирует специфически новые культурные феномены (в том числе, глобальный экономический кризис) и актуализирует толерантность к неопределенности. *Толерантность к неопределенности* [15, с. 298-304] лежит в основе всей культурогенетической активности человека. Преодоление неопределенности, создание проекта по определению ее есть проявление и когнитивных, и креативных способностей, позволяющих направить культурогенез по пути не только трансформационного, но и, преимущественно, инновационного развития.

ПРИМЕЧАНИЕ

*Автором данной статьи используется понятие «социокультурная» норма, как более широкое

Библиографический список

1. Тойнби, А. Россия и Запад // Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. – М.: СПб., 1996.
2. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа. – М., 1991.
3. Зимбули, А.Е. Почему терпимость и какая терпимость? // Вестник СПбГУ. – 1996. – Сер. 6. – Вып. 3.
4. Каган, М.С. Мир общения: Проблема межсубъектных отношений. – М., 1988.
5. Норма культурная // Культурология. XX век. Словарь. – СПб., 1997.
6. Зайцев, А.И. Культурный переворот в Древней Греции VII-V вв. до н.э. – Л., 1985.
7. Круглова, Н.В. К вопросу о первом историческом типе толерантности // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2009. – № 97.
8. Круглова, Н.В. Исторические типы толерантности: культурологическое сопоставление // Российско-американский ежегодник: Философская Россия: сб. ст. – Нью-Йорк, 2009.
9. Круглова, Н.В. Перспективы гендерной толерантности в России // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2009. – № 108.
10. Круглова, Н.В. Россия: судьба поколений // Вестник СПбГУ. – 2007 – Серия 6. – Вып. 3.
11. Ачкасов, В.А. Мультикультурализм и этническая толерантность: опыт стран Запада // Толерантность и интолерантность в современном обществе: сб. ст. – СПб., 2005.
12. Ачкасов, В.А. «Исламская проблема» в современной Европе // Толерантность и интолерантность в современном обществе: Восток – Запад: сб. ст. – СПб., 2008.
13. Круглова, Н.В. Конфликт и идентичность: аспекты взаимосвязи // Вестник СПбГУ. – 2008. – Сер. 6. – Вып. 3.
14. Круглова, Н.В. Толерантность и идентичность: ситуация в современной России // Вестник СПбГУ. – 2008. – Сер. 6. – Вып. 2.
15. Круглова, Н.В. Актуализация толерантности к неопределенности в эпоху кризиса // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2009. – № 110.

Bibliography

1. Toynbi, A. Rossiya i Zapad // Toynbi A. Civilizaciya pered sudom istorii. – M.; SPb., 1996.
2. Danilevskiy, N.Ya. Rossiya i Evropa. – M., 1991.
3. Zimbuli, A.E. Pochemu terpimostj i kakaya terpimostj? // Vestnik SPbGU. – 1996. – Ser. 6. – Vihp. 3.
4. Kagan, M.S. Mir obsheniya: Problema mezhsujbektnihk otnosheniy. – M., 1988.
5. Norma kuljturnaya // Kuljturologiya. XX vek. Slovarj. – SPb., 1997.
6. Zajcev, A.I. Kuljturnihj perevorot v Drevnej Grecii VII-V vv. do n.eh. – L., 1985.
7. Kruglova, N.V. K voprosu o pervom istoricheskom tipe tolerantnosti // Izvestiya RGPU im. A.I. Gercena. – 2009. – № 97.
8. Kruglova, N.V. Istoricheskie tipih tolerantnosti: kuljturologicheskoe sopostavlenie // Rossijsko-amerikanskiy ezhegodnik: Filosojskaya Rossiya: sb.st. – Nju-York, 2009.
9. Kruglova, N.V. Perspektivih gendernoj tolerantnosti v Rossii // Izvestiya RGPU im. A.I. Gercena. – 2009. – № 108.
10. Kruglova, N.V. Rossiya: sudjba pokolenij // Vestnik SPbGU. – 2007 – Seriya 6. – Vihp. 3.
11. Achkasov, V.A. Muljtkuljturalizm i ehtnicheskaya tolerantnostj: opihst stran Zapada // Tolerantnostj i intolerantnostj v sovremennom obthestve: sb. st. – SPb., 2005.
12. Achkasov, V.A. «Islamskaya problema» v sovremennoj Evrope // Tolerantnostj i intolerantnostj v sovremennom obthestve: Vostok – Zapad: sb. st. – SPb., 2008.
13. Kruglova, N.V. Konflikt i identichnostj: aspektih vzaimosvazi // Vestnik SPbGU. – 2008. – Ser. 6. – Vihp. 3.
14. Kruglova, N.V. Tolerantnostj i identichnostj: situaciya v sovremennoj Rossii // Vestnik SPbGU. – 2008. – Ser. 6. – Vihp. 2.
15. Kruglova, N.V. Aktualizaciya tolerantnosti k neopredelennosti v ehpokhu krizisa // Izvestiya RGPU im. A.I. Gercena. – 2009. – № 110.

Статья поступила в редакцию 03.08.11

УДК 82 (091) (4/9)

Niyazov R.T. PROBLEM OF RESPONSIBILITY OF THE PERSON BEFORE THE SOCIETY IN JOHN GRISHAM'S WORKS. In article the problem of responsibility of the person in society on an example of John Grisham's works is considered. Also some acts of people which despite deadly risk try to achieve justice in society are analyzed in it.

Key words: John Grisham, responsibility, the person, a legal thriller, situations of legal character, a private responsibility, risk.

Р.Т. Ниязов, соискатель каф. «Иностранные языки» Ташкентского Государственного юридического института, E-mail: rushan14@rambler.ru

ПРОБЛЕМА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЧЕЛОВЕКА ПЕРЕД ОБЩЕСТВОМ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДЖОНА ГРИШЭМА

В статье рассматривается проблема ответственности человека в обществе на примере произведений Джона Гришэма. Также в ней анализируются некоторые поступки людей, которые, несмотря на смертельный риск, пытаются добиться справедливости в обществе.

Ключевые слова: Джон Гришэм, ответственность, личность, юридический триллер, ситуации правового характера, личная ответственность, риск.

Категория ответственности зачастую не в полной мере воспринимается большинством людей, хотя категория свободы не будет иметь смысла вне контекста категории ответственности. Формирование и воспитание личности проходит через всю незамысловатую сферу общественных отношений, однако не каждый способен стать подлинным социальным актором, отвечающим всем основным требованиям общественной жизнедеятельности. Одним из критериев личностного отбора является способность принимать решения и чувствовать ответственность за происходящее вокруг личности, за поступки, совершаемые ею или за бездействие в ситуациях, требующих участия. Особенно актуальной проблема ответственности человека перед обществом стоит сегодня, в условиях формирования демократического правового государства и гражданского общества в Узбекистане. В свете этого необходимо рассматривать в качестве теоретической базы и зарубежный опыт, в том числе опыт художественных произведений. На этом фоне в современной мировой литературе особенно выделяется фигура известного американского писателя, основателя нового жанра в мировой художественной литературе – жанра юридического триллера – Джона Гришэма.

В своих произведениях Джон Гришэм ставит героев в различные ситуации правового характера. Практически все ситуации имеют драматический, а порой и трагический исход. Однако до конца произведения у читателей остаётся надежда на счастливое решение той или иной проблемы.

Категория ответственности красной нитью проходит через все произведения американского писателя. Во всех книгах Джона Гришэма присутствует понятие юридической ответственности, но проблема личной ответственности перед обществом оказывается порой выше своих собственных убеждений и, что самое важное, выше собственного страха.

В произведении «Время убивать» («Пора убивать», 1989 г.) [1] «афроамериканец убивает двух белых негодяев, изнасиловавших его малолетнюю дочку. Молодой юрист Джейк Брайгенс защищает его в ходе процесса» [1]. Расовая дискриминация – это «белое пятно» в истории США. Ситуация, в которой оказывается главный герой, является абсолютно проигрышной, так как в истории штата, в котором происходит данное событие, изнасилование темнокожего ребёнка было и раньше. Брайгенс, несмотря ни на что, вступает в настоящую войну с последователями «ку-клукс-клана», подвергаясь даже смертельной опасности. Чувствуя ответственность перед обществом, адвокат доводит дело до конца, когда уже все разуверились в оправдательном приговоре. Взаимоотношение белого и чернокожего населения в США является опасной темой, но, тем не менее, Гришэму удалось по-новому и фантастически реально отразить положение дел, отражаю-

щих, существующую и по сей день, дискриминацию афроамериканского населения страны.

В своей книге «Фирма» [2] (1991 г.) Гришэм поднимает проблему ответственности в ином ракурсе. Выпускнику престижного юридического вуза предлагают работу в престижной фирме, где он через пол года покупает свой дом, шикарную машину, а впереди видится собственная яхта и личный самолёт... Но чем дальше, тем больше вопросов возникает. Из этой фирмы никто никогда не увольнялся, только в результате несчастного случая... И один человек вступает в неравную схватку с корпорацией, имея при этом приличный счёт в банке и роскошное будущее. Герой, первоначально «одурманённый» роскошью и наличными, впоследствии, возможно, задаётся вопросом, а можно ли быть счастливым, на несчастье других людей, не замечать этого, игнорировать, а зачастую способствовать несчастью других людей. Зная о преступлениях, можно ли спокойно существовать и жить так, как будто ничего и не было. Многие члены общества живут именно так, но только не наш герой. Опять-таки рискуя собственной жизнью и безопасностью своей семьи, он изменяет ситуацию и доводит до общественности всю нить преступлений, совершаемых юридической корпорацией. Трудно сделать выбор между благополучием и средним достатком, когда человек прикоснулся к миру роскоши, но всегда ли роскошь так же прекрасна изнутри и зиждется ли она на крови невинных людей? Этот вопрос может задать себе не каждая личность, а тем более сделать выбор в пользу общества в ущерб своим интересам.

Ситуация риска и вступления в смертельную схватку с «монстром» в угоду интересам общества и отдельных граждан – основная сюжетная линия всех произведений американского писателя и сценариста.

Сюжет произведения «Дело о пеликанах» [3] (1992 г.) сводится к следующему: убиты два члена Верховного суда. Студентка юрфака выдвигает собственную версию. Скрываясь от мафии, ей вместе с корреспондентом удаётся найти свидетеля и сделать сенсационную статью в газете. За её смертью гонится убийца, которому за каждое убийство платят 3-4 миллиона долларов. И, казалось бы, проще всего лечь на дно, бросить все дела, забыть о расследовании, взять деньги и жить припеваючи, но только не для главной героини. Опять-таки, рискуя собственной жизнью, она добивается правды. Вопрос вопросов: стоит ли правда человеческой жизни? А нужна ли эта правда обществу, и вообще нужны ли ответственные люди, которые не могут согласиться с несправедливостью, особенно если несправедливость эта исходит от высокопоставленных чиновников.

В другом романе – «Клиент» [4] (1993 г.) главные герои – люди с очень сложными характерами. Представьте следующую ситуацию. Вы стали свидетелем самоубийства. Однако незадачливая жертва невратений успела-таки провести с вами весьма познавательную беседу, прежде чем пустить себе пулю в лоб. Как выяснилось из разговора, остывающее на ваших глазах тело некогда принадлежало преуспевающему юристу, рьяно защищающему представителей мафиозного калана. И этот юрист был осведомлён о том, где один из его клиентов спрятал труп сенатора, убитого накануне... Собственно, именно это сакральное знание законник и решил передать вам непосредственно перед своей собственной добровольной кончиной. Далее события начнут разворачиваться с ужасающей быстротой – на вас откроют охоту: полиция, мафия и ФБР. Все три структуры в процессе будут страшно мешать друг другу, что в общем-то окажется вам на руку... Но на всякий случай придётся нанять адвоката – правда, в кармане у вас лежит лишь пара долларов. И – кстати говоря – вам всего... 11 лет. Здесь ответственность перед обществом на себя берут уже личности иного порядка – несовершеннолетний мальчишка «трудный подросток» и неудачница-адвокат, прошедшая курсы анонимных алкоголиков. Такой сюжет произведения вьётся зигзагом и постоянно держит в напряжении, и сила, с которой герои, практически в одиночку борются за выживание и, конечно, за справедливость, передаётся и читателям.

В центре внимания произведения «Камера» [5] (1994 г.) в камере смертников находится человек, осуждённый за жестокое убийство и ожидающий исполнения приговора. Казалось бы, его вина доказана полностью. Но молодой адвокат, мечтающий о сенсационном деле, уверен – всё не так, как кажется и готов начать борьбу, которая либо спасёт жизнь его клиенту, либо будет стоить ему самому карьеры. Здесь чувство ответственности уже приобретает оттенок ответственности перед одним человеком. Но также перед самим адвокатом встаёт вопрос о том, действительно ли приговорённый не совершал преступления или всё это просто кажимость?

Интересно и то, что в произведениях Гришэма герои борются, в первую очередь, со своими недостатками, пороками, слабостями и страхами. И если в начале произведения мы встречаем достаточно слабого, заблудившегося или ослеплённого славой человека, то к середине и концу книги перед читательской аудиторией предстаёт совершенно другой человек – сильная личность, выстрадавшая справедливое решение и изменившая свою жизнь.

В другом произведении – «Золотой дождь» [6] (1995 г.) истина: «Адвокат защищает клиента» поворачивается в другую сторону: «Адвокат должен защитить себя». «Адвокат должен всегда знать, как доказать невиновность своего клиента, – даже если клиент этот виновен по определению. Адвокат должен всегда верить в победу. Но что делать, когда в совершении жестокого преступления обвиняют самого адвоката» [6]. Герой книги оказывается затянутым в водоворот смертельно опасных событий, из которых ему предстоит или выбраться совсем другим человеком, или попрощаться с жизнью.

Ответственность перед самим собой, перед своей совестью, перед своим «Я» – ещё одна фабула в романах Гришэма.

Действие романа «Вердикт» [7] (1996 г.) разворачивается следующим образом: судебный процесс, в котором могущественные табачные корпорации с одной стороны и не менее могущественные юристы, с другой стороны пытаются перетянуть на свою сторону присяжных в деле по иску вдовы американца, умершего от рака легких против табачных компаний. Однако, у юрии свое мнение, своя игра и свои правила. Решают не деньги, решает жюри. Суд превращается не в процесс утверждения справедливости, а в такую специальную игру в процесс утверждения справедливости, где всё действие выносится за страницы, а на бумаге остаются только слова. Все детали продумываются, просчитываются и планируются под ковром, каждая стадия процесса – выбор каждого члена жюри, тотальное расследование каждого. У каждого должна

быть кнопка, чтобы её можно было нажать в нужное время. И потому переиграть корпорацию – это не просто выиграть партию. Это пойти против закона, против огромных денег, против людей, которые готовы за эти деньги на всё. Это смертельная опасность.

Произведение «Партнёр» [8] (1997 г.) начинается достаточно легко и просто: «не нужно выяснять, кто и у кого украл деньги. С первых страниц ясно, что 90 миллионов долларов украдены Патриком у юридической фирмы, в которой он работал. Правда, деньги эти незаконные – вот в чем вся суть. Патрик инициирует свою смерть и живёт, не тужит незамеченным 4 года в Бразилии, пока его не выслеживают наемники, и не возвращают в Америку» [8].

Гришэм блестяще показывает, как главный герой с помощью своей возлюбленной Евы (тоже, кстати, юриста) и старого друга-адвоката Сэнди, парирует каждый удар своих врагов, жаждущих получить обратно несметное количество денег и посадить Патрика за решётку или на электрический стул. Тут и ФБР с местными властями, которые хотят судить его за мошенничество и убийство (якобы он съёл тело невинного человека, чтобы сфальсифицировать свою смерть), и неверная жена со своим любовником, и преступный лидер, которому как раз и принадлежат 90 миллионов, и его юридическая фирма, проводящая финансовые махинации. Да мало ли найдётся людей, желающих человеку зла при таких-то деньгах!..

Патрик Лэниган организовал преступление просто феноменально, с особой точностью, без права на ошибку. И как ни странно – начинаешь сопереживать ему, болеть за то, чтобы он вышел сухим из воды. Ищешь оправдания его поступку в его рассказах. А Гришэм постоянно держит нас перед решением «казнить или помиловать» Патрика. Лэниган будто человек с двойным дном. Он трепетно относится к своей дочери, которая впоследствии окажется не его ребёнком, и поддерживает терпеливую дружбу с Кловисом. Но мы постоянно сталкиваемся с его самодовольством, с его пренебрежительным отношением к госучреждениям и потрясающей аморальностью в краже «грязных» денег. Гришэм словно проверяет этику читателя – должен ли жить Патрик долго и счастливо или нет? И выбрал он достаточно нетривиальный способ проверки, заложив его в окончание романа. Если мы смирились с тем, что Патрика оправдали за всё, что он сделал, то читатели, должны быть обижены на автора, что он не дал своему главному герою уехать в закат со своей возлюбленной. Но если понять, что Патрик всё же «хитрый лис» и всё, что он сделал, преступно, какими бы словами он не разбрасывался, то вполне можно сказать, что он заслужил всё, что приготовила ему судьба на последних страницах.

Совсем по-иному сюжет разворачивается в книге «Завещание» [9] (1999 г.). Умирает очень богатый человек, наследники уже делят и прикидывают, кому сколько достанется, покупают или собираются покупать дорогие машины и прочее, ссорятся – и вдруг оказалось, что все деньги завещаны неизвестно кому... Девушке, которая давно оставила этот светлый мир, живёт в другой стране, в таком месте, куда даже письма почти не доходят. И деньги ей совсем не нужны. Как бы по контрасту – два мира, две точки зрения на смысл жизни и на её ценности. И подумаешь – стоило ли наживать такие богатства, чтобы потом дети и внуки ждали как радости смерти родителя? Как у А.С.Пушкина: «Вздыхать и думать про себя: когда же чёрт возьмёт тебя?». Страшный мир больших денег. Совместим ли он вообще каким-то боком с любовью – детей, родителей, супругов?

Совсем уж закрученным является сюжет «Повестки» [10] (2002 г.). «Как стать миллионером? Да очень просто: обнаружить у своего умершего отца три миллиона наличными» [10]. Судья Этли был гордостью своего городка, да и всего штата Миссисипи. На всех у него находилось время, только не на собственных сыновей – Рэя и Форреста. Первый не в обиде, он крепко стоит на ногах, получает свою профессорскую зарплату, летает время от времени на собственном самолёте и не мечтает о лучшей жизни. Второй превратился в алкоголика и наркомана и отца не слишком жалуется. И вот почтенный судья

умирает, а Рэй, назначенный душеприказчиком, неожиданно находит те самые три миллиона наличными. Судья брал взятки? Играл в казино? И никто об этом даже не подозревал? В общем, Рэю предстоит надёжно припрятать денежки и попытаться выяснить их происхождение. Разумеется, таинственные незнакомцы будут чинить ему всяческие препятствия. Как всегда у Гришэма присутствует в произведении мораль, преподанная чётко, но в то же время ненавязчиво. А так ли мы хорошо знаем самых близких людей? И так ли мы хорошо знаем самих себя? И что такое ответственность перед самим собой и перед другими членами общества?

В центре внимания отличной от других книг Гришэма – «Трибуны» [11] (2003 г.) воспоминания выпускника средней школы, который когда-то был одним из лучших квотбебков. Размышления героя об игре в американский футбол, безжалостный и беспощадный. Маленький городок Мессина, где всё и вся подчинено лишь двум вещам – американскому футболу и школьной футбольной команде «Спартанцы». Если игрокам требовались новые кабинки в раздевалку или тренажеры, жители Мессины забывали о Рождестве. Экономить на команде – смерти подобно. Главный тренер «Спартанцев», Эдди Рейк, живая легенда этого места. Бог и Дьявол в одном лице. Его почитают, его проклинают, им восторгаются и ненавидят всей душой. Даже впад в опалу, он не сходит со своего пьедестала, о нём говорят, думают, помнят. «Трибуны» – рассказ о четырех днях, в которые уместилась кончина «великого и ужасного» Эдди Рейка, его похороны и ещё многое другое – те мелочи, из которых, обычно, складывается нечто важное, к примеру, самый главный и сложный вопрос, мучавший каждого «Спартанца» – они любили или ненавидели своего тренера? Многие игроки, вернувшиеся в Мессину после долгого времени, кумиры прошлого, в ожидании смерти Рейка, собираются по вечерам на трибунах поля, чтобы размотать клубок канувших в лету событий и найти ответ на этот, казалось бы, риторический вопрос.

В «Апелляции» [12] (2008 г.) описываются очень масштабные события: «крупные корпорации лоббируют свои интересы, сажают в суды своих людей, чтобы обеспечить в свою пользу решения по искам, поданным против них простыми гражданами. Подробно описывается, как именно из никому неизвестного юриста делается судья Верховного суда штата, корпорации выбрасывают огромное количество денег: миллионы долларов разлетаются, как мятые сотни» [12]. Сначала массам внушают, какие именно идеалы представляют для них интерес, потом агрессивной рекламой продвигают кандидата, который эти идеалы обещает поддерживать. Получается,

что сознанием и предпочтениями масс очень легко манипулировать, самое интересное, что после всей кампании каждый конкретный человек, сходявший на выборы и отдавший свой голос за этого кандидата, считает, что сам принял решение и выбрал именно того, кто обеспечит защиту его интересов наилучшим образом. На самом деле всё происходит с точностью до наоборот: выбрали того, кто действует во вред простым людям. И пусть даже этот всенародно избранный понимает, что стал всего лишь пешкой, его угрызения совести уже никто не волнуют. Эта книга – гимн богатой корпоративной Америке, деньги правят миром, а простые люди остаются ни с чем. Хотя нет, им же дано право избирать тех, кто защитит их интересы, и им даже предлагают того, кто именно это сделает лучше всех.

В одной из своих последних книг – «Признание» [13] (2010 г.) Джон Гришэм проводит следующую линию: у каждого невинного человека, отправленного в тюрьму, есть кто-то на воле – настоящий преступник. Он не может понять, как полиция и прокуроры могли ошибиться, и ему, конечно же, не о чем волноваться. Он просто не может поверить в свою удачу. Но время проходит, и невинный осознаёт, что ошибка не будет исправлена. Как себя поведёт человек в такой безнадёжной ситуации. Сдаться или бороться? А если бороться, то это сродни человеку, ищущему чёрную кошку в тёмной комнате.

За более чем 20-летнее творчество Гришэм совершенствовал своё писательское мастерство. В каких-то произведениях он превосходно отражает всю предлагаемую сюжетную линию от начала и до конца, в других произведениях он закручивает сюжетные линии, перекрещивает их друг с другом и, возможно, от этого теряется красота изложенного ряда ситуаций. Но как бы то ни было, произведения американского писателя Джона Гришэма показывают, что и один человек и небольшая группа людей, осознающих свою ответственность перед лицом общества могут изменить многое, хотя при этом велика вероятность и потерять многое. Выбор остаётся лишь за нами. Сможет ли каждый из нас, подобно некоторым самодержавным героям произведений Гришэма вступить в схватку с преступной системой, корпорациями, готовыми ради больших денег на уничтожение всего, что только попадётся на их пути.

Ответственность за происходящее в обществе лежит на каждом из его членов и поэтому только осознание данного факта позволит с уверенностью смотреть в справедливое будущее своей страны и человечества в целом.

Библиографический список

1. Гришэм, Д. Пора убивать. – Москва: АСТ, 2008. – 573 с.
2. Гришэм, Д. Фирма. – Москва: АСТ, 2010. – 477 с.
3. Гришэм, Д. Дело о пеликанах. – Москва: АСТ, 2008.
4. Гришэм, Д. Клиент. – Москва: АСТ, 2007.
5. Гришэм, Д. Камера. – Москва: АСТ, 2006.
6. Гришэм, Д. Золотой дождь. – Москва: АСТ, 2003.
7. Гришэм, Д. Вердикт. – Москва: АСТ, 2011.
8. Гришэм, Д. Партнёр. – Москва: АСТ, 2007.
9. Гришэм, Д. Завещание. – Москва: АСТ, 2001.
10. Гришэм, Д. Повестка. – Москва: АСТ, 2009.
11. Гришэм, Д. Трибуны. – Москва: АСТ, 2009.
12. Гришэм, Д. Апелляция. – Москва: АСТ, 2010.
13. Grisham, J. The Confession. – N.Y.: Arrow books Ltd., 2010.

Bibliography

1. Grisham, D. Pora ubivatj. – Moskva: AST, 2008. – 573 s.
2. Grisham, D. Firma. – Moskva: AST, 2010. – 477 s.
3. Grisham, D. Delo o pelikanakh. – Moskva: AST, 2008.
4. Grisham, D. Klient. – Moskva: AST, 2007.
5. Grisham, D. Kamera. – Moskva: AST, 2006.
6. Grisham, D. Zolotoj dozhdj. – Moskva: AST, 2003.
7. Grisham, D. Verdikt. – Moskva: AST, 2011.
8. Grisham, D. Partnyor. – Moskva: AST, 2007.
9. Grisham, D. Zavethanie. – Moskva: AST, 2001.
10. Grisham, D. Povestka. – Moskva: AST, 2009.
11. Grisham, D. Tribunih. – Moskva: AST, 2009.
12. Grisham, D. Apellyaciya. – Moskva: AST, 2010.
13. Grisham, J. The Confession. – N.Y.: Arrow books Ltd., 2010.

УДК [808.2:801.3]:159.955

Pyankova T.V. **ASSOCIATIVE SEMANTIC FIELD "FAMILY" IN THE NARRATIVE "TIME NIGHT" BY L. PETRUSHEVSKAYA.** The whole of the language units of different structure of associative semantic field "Family" embodying the element of the art reality and being the language projection of the art concept "Family" in the narrative "Time night" by L. Petrushevskaya are examined and analyzed, and the ways of author's individualization of the universal concept which language realization is associative semantic field "Family" are shown in the article.

Key words: the world picture, the language world picture, the art world picture, concept, the art concept, associative semantic field, micro field, lexical unit.

Т.В. Пьянкова, аспирант каф. русского языка РГПУ им. А.И. Герцена, г. С.-Петербург,
E-mail: tvpyankova@yandex.ru

АССОЦИАТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «СЕМЬЯ» В ПОВЕСТИ Л. ПЕТРУШЕВСКОЙ «ВРЕМЯ НОЧЬ»

В статье рассмотрена и проанализирована совокупность языковых единиц разной структуры ассоциативно-семантического поля «Семья», воплощающего элемент художественной реальности и являющегося языковой проекцией художественного концепта «Семья» в повести Л. Петрушевской «Время ночь», а также продемонстрированы способы авторской индивидуализации концепта-универсалии, языковым воплощением которого является ассоциативно-семантическое поле «Семья».

Ключевые слова: языковая картина мира, художественная картина мира, концепт, художественный концепт, ассоциативно-семантическое поле, микрополе, лексическая единица.

Художественная картина мира любого автора может не совпадать в той или иной мере с языковой картиной мира и по структуре концептосферы, и по содержанию концептов. Экспликация художественного концепта «Семья» в творчестве Л. Петрушевской наглядно демонстрирует специфические, свойственные индивидуально-авторской картине мира писательницы содержательные особенности и средства вербализации этого концепта, языковым воплощением которого является ассоциативно-семантическое поле «Семья».

И языковая и художественная картина мира воплощается концептами, под которыми подразумеваются «некие ментальные образования, присутствующие в языковом (коллективном или индивидуальном) сознании, прошедшие процесс означивания, осознаваемые языковой личностью как инвариантное значение ассоциативно-семантического поля (далее – АСП) и вербализованные лексическими единицами данного языка» [1, с. 63].

Материалом исследования является повесть Л. Петрушевской «Время ночь», поэтому нас в первую очередь интересует индивидуально-авторский (художественный) концепт «Семья» «как единица поэтического сознания автора» [2, с. 163].

При анализе языковых единиц АСП «Семья» в этом произведении необходимо описать структуру данного АСП, т.е. распределить основные семантические признаки, воплощенные в языке в виде тех или иных лексических единиц, по структурным макрокомпонентам АСП «Семья».

Концепт «Семья» – один из значимых, основополагающих в языковой картине мира, поэтому закономерно, что экспликанты данного концепта употребляются в текстах русской современной художественной прозы. Женщины-писательницы особенно часто пишут о семейных ценностях, соответственно, концепт «Семья» очень важен для современной женской прозы.

В творчестве Л. Петрушевской художественный концепт «Семья» не является ключевым, но его оригинальное представление в текстах и индивидуализация смысловой составляющей компонентов концепта, воплощающих образ семьи в лексических единицах, микрополях и макрополях вызывают большой интерес.

В текстах Л. Петрушевской АСП «Семья» состоит из таких основных макрополей, как «состав семьи, родственные отношения», «взаимоотношения в семье», «пространство семьи», «время семьи», характерных для общенационального мировосприятия. Но в произведениях этого автора перечисленные поля часто включают в себя специфические вербализаторы, а лексические единицы, даже традиционные для АСП «Семья», наполняются индивидуально-авторским значением.

Необходимо также отметить, что АСП «Семья» в произведениях Л. Петрушевской структурируется с некоторыми сложностями, поскольку наблюдается пересечение макрополей.

Проанализировав повесть Л. Петрушевской «Время ночь», можно утверждать, что набор и значение части лексических единиц АСП «Семья» в тексте в значительной мере отличается от единиц АСП «Семья» в общенародном языке. В русском языке это поле включает лексемы, называющие роли членов семьи, знания и опыт, относящиеся к семейным отношениям и семейным ценностям, характерные для социума в целом и ориентированные на положительное восприятие содержания концепта «Семья», а в языке писателя единицами АСП могут быть лексемы и словосочетания, которые в языке совершенно не связаны с представлением о семье.

Герои повести «Время ночь» погружены в неразрешимые бытовые проблемы, житейскую неустроенность, которая, в свою очередь, превращается в неустроенность судеб. В произведении передается постоянное ощущение тоски, подавленности, душевной тяжести, обреченности, отчаяния и предчувствие новых проблем и трагедий всеми героями. Это состояние воплощается с помощью таких лексем и словосочетаний, как *утро начала зловещих перемен; утро расплаты; убогая, загаженная кухня; скандал (ежегодный, регулярный, великий, дикий, взаимный); слезы и скандалы; безумные ночи; взрыв ненависти; постоянная борьба; освежающая сила оскорблений; полное разорение дома; тяжелое детство; ужас и разврат; нищие слезы; вечное скотство; полное разорение* и других подобных лексических единиц и сверхсловных номинаций.

Проанализировав словарные дефиниции языковых единиц АСП «Семья» в рассмотренной повести, можно утверждать, что большинство слов-составляющих этого поля либо имеют отрицательную коннотативную сему, либо приобретают ее в контексте. Например, в словосочетании *утро начала зловещих перемен* лексическое значение лишь одного компонента имеет отрицательную коннотацию, но именно данная лексема является наиболее значимой в микроконтексте и «задает тон» всему фрагменту текста: *«зловещий. 1. Свидетельствующий о приближении, наступлении чего-либо дурного, тяжелого, какой-либо беды. Предвещающий несчастье, зло. || Вселяющий страх, тревогу, опасение; мрачный»* [3]. Следовательно, *утро начала зловещих перемен* – это время, свидетельствующее о наступлении чего-то нового, но эти изменения несут в себе несчастье, беду, зло, безысходность.

Анализ повести «Время ночь» показал особенную актуальность в АСП «Семья» микрополя «состав семьи, родствен-

ные отношения». Оно представлено лексическими единицами, характерными для языка в целом, в том числе, самой лексемой *семья* и ее дериватами, наименованиями членов семьи, лексемами, называющими отношения между родственниками.

И, тем не менее, специфичность АСП «Семья» отчетливо прослеживается на протяжении всей повести Л. Петрушевской. В тексте сочетаемость основных номинантов с другими лексическими единицами демонстрирует индивидуально-авторское выражение и состав этого поля. Таким образом, макрополе «состав семьи» включает следующие лексемы и словосочетания: *семья (прямая, кривая, групповая); семейка; семейный дом; по-семейному; муж (брошенный, придавленный, бывший, изменник, рогоносец, клеветник, хро- мой на голову, мелочный до омерзения, выкормыш правитель- ственных дач); мать (мать-одиночка, мать-кукушка, много- детная); мамаша (сбрэндившая); отец (неугомонный, подлец, пресловутый, дармоед, ловкач); родители враги; дочь – (дочь- мамаша, нагульная, прибудная, незаконнорожденная, нена- вистная, престарелая, грудастая, плечистая, крикливая, бед- ная, нищая, сволочь, собака); дети (брошенные, дураки); ре- бенок (для отца – опасность, погибель); внук (замкнутый, сволочь неотвязная); зять (негодяй, охломон, обалдуи, быдло, ценок, пьяная свинья, лишний привесок, тернопольская про- рва) и т.д.:*

«... нашего папу считала дармоедом, ловкачом...» [4, с. 34] // «...с нагульной дочерью от воображаемого сожигате- ля...» [4, с. 48] // «...пресловутый твой отец...» [4, с. 49] // «...таких матерей-кукушек, и как их любят брошенные де- ти...» [4, с. 62] // «мать-одиночка многодетная будет пользо- ваться благами детсада, тюрьмы для своих детей...» [4, с. 67] // «Замкнутый ребенок до слез, тяжелое выпало детство...» [4, с. 10] // «я должна денежку зарабатывать ... для тебя же, сво- лочь неотвязная...» [4, с. 11] // «И эта в коляске [дочка], ее прибудная, тоже проснулась и зашлась в крике, а моя груда- стая, плечистая дочь тоже кричит...» [4, с. 12] // «...я была темой номер один, сбрэндившая мамаша» [4, с. 26] и др.

Всю череду жизненных ситуаций и неурядиц автор пред- ставляет через восприятие главной героини повести и боль- шое внимание уделяет внутреннему миру женщины-матери. В семье и отношениях между родными отсутствуют нежность, тепло и участие, только непонимание, обида, ненависть, насилие

И, тем не менее, при всех сложных отношениях в семье мать печалится, беспокоится и тревожится за детей, в повести «Время ночь» к дочери она обращается, употребляя следую- щие номинации: *моя страдальца; моя вечная боль; глупая ты глупая; моя мокрая кура*; в адрес сына могут звучать такие лексемы, как *подлец, трус, грубиян, дурак, бесталанный, мой страдалец* и др. Многие лексические единицы употребляются как бранные слова и выражают презрение, недовольство по отношению к детям – самым близким людям. Подобные но- минации значительно отличаются от типичных для языковой картины мира.

И в то же время в редкие моменты у героини проявляется безусловная материнская, родительская любовь, ее выражают такие сверхсловные номинации, как *светлые мои глазки; моя младшая дочь, моя красавица; мое тихое гнездышко, которое согревало меня после бурь; солнце всей жизни, дочь-ангел; любящие и заботливые родители; любимое дитя; нежный ребенок; чудо природы; счастье, радость, моя звезда, ясенек- кий мальчик; ангел; ненаглядный* и т.д.

Приведенные словосочетания в целом сходны с типич- ными для АСП «Семья» в русском языке. Образные номина- ции *тихое гнездышко* (убежище, то, где тепло, тихо и уютно); *солнце всей жизни* (самый важный человек, «сокровище», гордость для близкого); *звезда* связаны с выражением крайней нежности к ребенку, любовью к нему и заботой о нем, радо- стью от того, что он есть, желанный и любимый всеми члена- ми семьи:

«Я счастливая бабушка, дивные внучата Тимофей, Ека- терина, Николай, дивные имена...» [4, с. 68] // «Красавец мой, ангел... дети... как ангелы...» [4, с. 50] // «...Молчаливый,

тихий ребенок временами, *моя звезда, моя ясочка. Ясенек- кий мальчик, от него пахнет цветами...*» [4, с. 10] // «...с нетерпе- нием мы поехали вдвоем с подлеем отцом встречать нашего *Ненаглядного...*» [4, с. 27] // «Мое солнце вернулось! *Солнце моей всей жизни!*» [4, с. 30] и др.

Определения *счастливый, дивный, прекрасный, нежный, тихий, ясенек, молчаливый* и существительные *чудо, бо- жество, звезда, ясочка, ангел* включают в структуру контек- ста положительную коннотативную сему. Следовательно, в художественной картине мира Л. Петрушевской присутствует представление о том, что дети – это счастье, то, ради чего стоит жить и создавать семью.

Макрополе «взаимоотношения в семье» АСП «Семья» является доминирующим в повести «Время ночь» и оно вклю- чает в себя, прежде всего, лексические единицы, связанные с любовью и ненавистью мужчин и женщин, родителей и детей, а также состояния разъединенности, отчужденности от близ- ких.

В произведении Л. Петрушевской происходит смещение значения ядерных лексем, входящих в АСП «Семья», и ядро этого поля перестает совпадать с его ядром в языке. При рас- смотрении данного макрополя закономерно идти от содержа- тельной составляющей, хотя эмоционально-оценочный слой тоже очень значим, т.к. данное микрополе неоднозначно и противоречиво, и многие лексемы, входящие в поле, включа- ют как положительную, так и отрицательную эмоционально- оценочную сему: «любовь, семейная жизнь» – это *ненависть, жалость, ревность, стыд, ужас, сумасшествие, насилие, обреченность, скандалы, унижение; жизнь от удара до уда- ра, страдания родителей и детей, равнодушие, скука* и т.д.

Приведенные номинации ярко демонстрируют характер- ное для восприятия семьи Л. Петрушевской непонимание, ссоры, равнодушие между ее членами, невозможность и не- способность понять своих самых близких, не соответствую- щие представлению о семье в традиционной языковой карти- не мира.

Языковые единицы называют различные отрицательные эмоции, испытываемые близкими людьми, выражают невоз- можность испытывать душевный комфорт в собственной се- мье, от общения с ее членами (родителями, детьми, братьями, сестрами):

«...это было *сумасшествие* одной археологической экс- педиции и моя *очередная грандиозная ошибка* в людях...» [4, с.32] // «Она [дочь Алена] глаза в сторону и *медленно налилась слезами, набухла. Налилась опять ненавистью ко мне*» [4, с. 20] // «...я, *оскорбляемая, одинокая, брошенная* ею мать...» [4, с. 23] и др.

Семья и близкие в повести Л. Петрушевской могут вызы- вать чувства *наслаждения; счастья; нежности*; они могут быть *опорой*. И все же, номинация *неосуществимость любви* подчеркивает невозможность этого чувства.

Любовь выражается и в лексемах, называющих вполне нейтральные действия. Любовь – это желание *обнять; вы- мыть, накормить; держать за руку; пристроиться (в сердце)* и т.д. Глагол *вымыть* употребляется не только в прямом зна- чении. Он выражает желание главной героини Анны отмыть свою дочь от невзгод и несчастий тяжелых жизненных об- стоятельств:

«Не знаю ничего *прекрасней ребенка!*» [4, с. 11] // «...безумно тоже любит своего сына...» [4, с. 11] // «...плотски люблю его, *страстно. Наслаждение держать в своей руке* его тонкую, невесомую ручку, видеть его синие круглые глазки с такими ресницами...» [4, с. 31] // «Как я *лю- била* свою дочь, ее худенькую спину, ее розовые грязноватые пяточки ... я бы ее всю *вымыла, накормила...*» [4, с. 26] и др.

Спокойствие, отсутствие скандалов и присутствие взаимо- понимания, терпения к близким – это очень редкие составля- ющие семейной жизни героев Л. Петрушевской. Лексические единицы воплощают в языке образы семьи, не типичные для текстов писательницы. Номинации, характеризующие данное состояние, немногочисленны: *мало-мальски тихое мгновение; выкладываться с упоением; быть милой и ласковой.*

Любовь мужчины и женщины в семье в произведениях Л. Петрушевской отягчена бытовыми неурядицами, проблемами, отсутствием взаимопонимания с детьми, и отсутствие положительного примера родителей предопределяет невозможность построения модели благополучных семейных отношений с партнером в будущей семье у ребенка. Следующие словосочетания входят в данное макрополе *любить колено-преклоненно, то ли как мать, то ли как сподвижница, благоговеть перед каждым словом и жестом; любовь неразделимая, неосуществимость любви; ужас и разврат; бороться за счастье такими методами, как сеновал* и т.д.

Отношения между мужчиной и женщиной – это не только возвышенные и теплые чувства, глубокая привязанность, желание защитить любимого человека, позаботиться о нем, делать всё, чтобы ему было хорошо и комфортно, но и близкие, чувственные, сексуальные отношения двоих. При описании подобных отношений в языковой картине мира, как правило, присутствует некоторый романтизм и эстетизм, но в повести Л. Петрушевской он полностью отсутствует. Любовные, сексуальные отношения изображаются с большой долей натурализма и убивающей всякую романтику физиологичностью, и выражены лексемами и словосочетаниями, употребляющимися в своем прямом значении: *химические реакции, судороги, лоскутья, кровавое месиво, слизь, вонь, пот, кровь, болят, гореть, бурлить, разбухать, пищать* и т.д.:

«...внутри тела шли какие-то химические реакции, бурлила какая-то слизь, все разбухло, болело и горело, что-то происходило такое, что нужно было пресечь, закончить, задавить, иначе я бы умерла...» [4, с. 14] // «Он лез в кровавое месиво, в лоскутья, как насосом качал мою кровь, солома подо мной была мокрая, я пицала вроде резиновой игрушки с дырочкой в боку...» [4, с. 16] и др.

Предельная натуралистичность изображения заставляет воспринимать любовь как болезненный процесс, болезнь. Любовь – это не возвышенные, светлые чувства, это прежде всего ужас, разврат, стыд, позор, грязь, грандиозная ошибка; любовь бывает преданной, поруганной и т.д. Данные лексемы являются наиболее значимыми в представлении микрокомпонента «противоестественность любви в семье»:

«...ехала домой, вся замирая от стыда...» [4, с. 18] // «Сердце падает, уходит в ямки каждый раз как подумаю! Все, все предано, поругано!» [4, с. 18] // «Волосы у меня на голове буквально зашевелились от ужаса, когда я представила себе...» [4, с. 18] и др.

Создается образ противоестественности любви в семье. Даже значение лексемы любовь трансформируется: данный номинант в художественном концепте «Семья» оказывается несоответствующим языковым значением лексемы. Любовь оказывается чувством противоестественным, болезненным, приносящим одни страдания.

Таким образом, отношения в семье в повести Л. Петрушевской – это не чувство глубокой привязанности, влечения к другому человеку, склонности, расположения и симпатии или радости от близкого общения с родным человеком, а ненависть, невозможность находиться вместе, но в силу многих обстоятельств вынужденность совместного проживания и обреченность на него.

Следовательно, можно утверждать, что макрополе «взаимоотношения в семье» в тексте значительно меняется по сравнению с этим макрополем в языке и может быть названо в соответствии с типом показанных отношений «любовь – ненависть в семье».

В повести Л. Петрушевской присутствуют лексические единицы, входящие в ассоциативно-семантическое поле «Семья», которые незначительно отличаются от репрезентантов одноименного концепта-универсалии, например, в макрополе «пространство семьи» входят такие словосочетания, как *теплый дом; мирное гнездо; материнское гнездо; детский очаг; теплая пеленочная опитель* и т.д. Словосочетание *священная опитель* подчеркивает исключительную важность семейного очага, где есть маленькие дети.

Однако макрополе «пространство семьи» в индивидуально-авторском представлении почти не совпадает с положительным образом *семьи-дома, семьи-хозяйства*, где члены семьи могут найти поддержку, опору, отдохновение. Данная составляющая поля в тексте повести представлена прежде всего лексемами и словосочетаниями *страшная, убогая, загаженная кухня; грязная комната; бывшее, прежнее семейное гнездо; бывший очаг, пустой дом, содом, угол (углы)* и т.д. *Семейное гнездо* – это часть пространства семьи, но не всегда очаг, гнездо.

«...на фоне нашей убогой, загаженной кухни...» [4, с. 31] // «Из каких подземелий она воротилась, если комната восемнадцать квадратных метров на четверых ей кажется убежищем!» [4, с. 64] // «...родился Тима, Андрей явился спустя шестнадцать дней. Вот-то был содом...» [4, с. 21] и др.

Макрополе часто представляют лексемы и словосочетания с отрицательной коннотацией, вопреки традиционному восприятию очага в культуре как чего-то, воплощающего покой, счастье и близость и объединяющего всех членов семьи. Употребляемые лексемы и словосочетания подчеркивают неблагоприятную атмосферу, царящую в домах персонажей повести и, соответственно, данная атмосфера демонстрирует неблагоприятное семейной жизни в целом. (Ср. *содом* – «беспорядок») [3], воспринимающийся крайне отрицательно; лексема *угол* приобретает экстралингвистическое значение, обозначающее тесное, неудобное «жилище, пристанище» [3].

Лексемы и словосочетания, называющие бытовые проблемы, нищету, частотны среди единиц макрополя «пространство семьи»: *где-то жить, негде жить, убогая, загаженная кухня, проклятие, чужое тепло, запах зверинца, продавленное ложе, голодающая семейная пара, экономить на всем, последнее, ветошь, рвань, нищий, сидеть в калоше* и т.д.

Прилагательные *убогий, загаженный* заставляют воспринимать кухню, которая в семейной жизни часто кажется символом уюта и тепла, как воплощение неблагоприятия, нужды, несчастья. Словосочетание с противоречивостью стилистической окраски *продавленное ложе* включает лексему, относящуюся к высокому стилю. Ср. *ложе*, (устар., высок.) Специально устроенное для лежания ... место» [3]; и причастие *продавленный*, т.е. сломанный, испорченный, такой, который доставляет массу неудобств, но его никак не сменить из-за отсутствия средств. Словосочетание *запах зверинца* в языке невозможно употребить применительно к дому, домашнему очагу. Но в тексте Л. Петрушевской эта номинация демонстрирует дикое, невозможные не только для комфортного, но нормального проживания условия и взаимоотношения между членами семьи, которые уподобляются с дикими животными, посаженными в клетку. Особенно страшно, что с животным сопоставляется мать семейства – человек, который в русском языке является центром семьи, ее сердцем, оплотом. Лексемы *голодать, экономия, ветошь, рвань*, словосочетание *нищие слезы* дополняют образ несчастной, неблагоприятной, нуждающейся, нищей семьи в повести Л. Петрушевской «Время ночь»:

«Живет где-то, снимает с ребенком. На что?» [4, с. 11] // «...отсутствие лифта — наше проклятие...» [4, с. 20] // «...всю ночь я вертелась на своем продавленном ложе, «в норочке»...» [4, с. 58] // «Я поняла, что не могу взять мать домой, не имею права перед Тимошей, за что ему эти дела, этот запах зверинца...» [4, с. 60] // «...я, голодая перед приездом из колонии ... сына, экономия на всем...» [4, с. 23] // «...мы пообедали последним...» [4, с. 13] // «... мы сидим совершенно уже в калоше...» [4, с. 53] // «...узел детского рванья и всю ночь стирала и кипятила ту ветошь, какую они набрали по знакомым...» [4, с. 27] // «...катятся эти слезы, нищие слезы...» [4, с. 56] и др.

Проблемы, связанные с неустроенностью семейного очага, социальная незащищенность и тяготы жизни, болящие и полуголодные дети, и невозможность разорвать этот замкнутый круг порождает нездоровую эмоциональную атмосферу в семье главной героини Анны и проблемы между близкими в целом.

Описание постоянной нехватки денег в семье, экономии на самом необходимом, существующего из-за этого неизменного напряжения между членами семьи, непрерывных конфликтов, обид, ненависти между самыми близкими, создает образ страдающей и поистине нищей семьи.

Макрополе «время семьи» вплотную смыкается с ассоциативно-семантическим полем «время». Однако это поле выделяется в связи с тем, что в пределах сочетания словосочетаний и на уровне ассоциаций часто видно, что речь идет не о времени вообще, а о времени существования семьи.

Таким образом, данное макрополе представлено не лексемами, совпадающими с вербализаторами, характерными для языковой картины мира, например *утро, день, ночь, неделя, месяц, годы, зима* и т.д., а в ходе анализа повести «Время ночь» было выявлено большое количество входящих в макрополе «время существования семьи» языковых сверхсловных номинаций с ярко выраженной отрицательной эмоционально-оценочной окраской, с помощью которых и проявляется специфика художественного концепта «Семья» в произведении: *ночь, время разговора, страшный период, ежегодный скандал, мутное утро казни, утро стрелецкой казни, утро расплаты, утро начала зловещих перемен, платить двумя месяцами каши за неделю свободы, безумные ночи, вечная гонка, время перед пенсией, время алиментов, время пик, ежемесячная дань* и т.д.:

«Это было *время пик, время перед моей пенсией*, я получаю двумя днями позже ее алиментов.» [4, с. 12] // «Мама и бабушка доругивались перед телевизором после *ежегодного скандала*...» [4, с. 42] // «За каждую *неделю свободы* (моей) он платил *двумя месяцами каши*...» [4, с. 58] // «*Ежемесячная дань*, которую, он думает, я должна ему платить, ему уже два раза перепала!» [4, с. 45] // «Это белое это был уже *мутный рассвет. Утро стрелецкой казни, утро начала зловещих перемен, утро расплаты*» [4, с. 58] // «...мое *время, ночь*, свидание со звездами и с Богом, *время разговора*» [4, с. 73] и др.

Показательно словосочетание *ежегодный скандал*, которое рельефно выделяет регулярность и обыденность конфликтов в семье, где столкновения непримиримы и сильны. Фак-

тически, *ежегодный скандал* в текстах Л. Петрушевской оказывается синонимичным *новогоднему празднику*.

Метафора *утро стрелецкой казни* очень ярко передает настроение трагизма и безысходности, ждущие героев произведений Л. Петрушевской. Название картины В.И. Сурикова, изображающей последние минуты приговоренных стрелцов и ставшее прецедентным высказыванием, дополняется контекстуальными синонимами, словосочетаниями *утро начала зловещих перемен* и *утро расплаты*, связанные с мотивом постоянства дурных ожиданий в семейной жизни.

Содержащие сему времени лексемы и словосочетания описывают именно время существования семьи, семейные традиции и наследственность – те определенные вехи, которые в тексте Л. Петрушевской считаются нормальными, традиционными. Все номинации указывают на неблагополучие семейной жизни, на дискомфорт и дисгармонию внутри семьи.

Итак, ассоциативно-семантическое поле «Семья» в повести Л. Петрушевской «Время ночь» представлено следующими макрополями:

1. *состав семьи, родственные отношения*
2. *любовь – ненависть в семье*
3. *пространство семьи*
4. *время семьи*

Структура ассоциативно-семантического поля «Семья», включающее в себя данные макрополя, в целом совпадает со структурой одноименного ассоциативно-семантического поля в русском языке в целом. Однако, лексическое наполнение АСП «Семья» в повести Л. Петрушевской, включающее в себя перечисленные макрополя, лишь отчасти совпадает с характерным для общенародного языка, вследствие чего возможна трансформация макрополей в пределах рассмотренного АСП. Это относится, прежде всего, к макрополю «любовь – ненависть», которое выделяется в тексте вместо характерного для АСП «Семья» в русском языке макрополя «взаимоотношения в семье». Таким образом, можно говорить об индивидуализации ассоциативно-семантического поля «Семья» в художественном тексте Л. Петрушевской.

Библиографический список

1. Сергеева, Е.В. Концепт-универсалия и художественный концепт: проблема классификации // Сибирский филологический журнал. – Новосибирск: Изд-во НГУ. – 2006. – № 1-2.
2. Тарасова, И.А. Категории когнитивной лингвистики в исследовании идиостили // Вестник СамГУ. – 2004. – № 1 (31).
3. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Изд-во «Русский язык», 1999.
4. Петрушевская, Л. Время ночь. Дом девушек. – М.: Вагриус, 1999.

Bibliography

1. Sergeeva, E.V. Koncept-universaliya i khudozhestvenniy koncept: problema klassifikatsii // Sibirskiy filologicheskij zhurnal. – Novosibirsk: Izd-vo NGU. – 2006. – № 1-2.
2. Tarasova, I.A. Kategorii kognitivnoy lingvistiki v issledovanii idiosstilya // Vestnik SamGU. – 2004. – № 1 (31).
3. Slovarj russkogo yazyhka: v 4 t. / pod red. A.P. Evgenjevoy. – M.: Izd-vo «Russkiy yazihk», 1999.
4. Petrushevskaya, L. Vremya nochi. Dom devushek. – M.: Vagrius, 1999.

Статья поступила в редакцию 07.07.11

УДК 81'23

Svinchukova E.G. SELF PERCEPTION OF RUSSIANS AND KAZAKHS (THE ANALYSIS OF THE IMAGE "I" IN RUSSIAN AND KAZAKH CULTURES). The image "I" in Russian and Kazakh cultures is analyzed with the help of the associative experiment. To achieve this purpose the three groups of interviewees are considered: Russians in Russia, Russians in Kazakhstan and Kazakhs in Kazakhstan. Besides the data of "Russian associative dictionary" are analyzed.

Key words: psycholinguistics, language consciousness, language image.

Е.Г. Свинчукова, аспирант Института языкознания РАН, сектор психолингвистики, г. Москва,
E-mail: elena-neutral2@rambler.ru

АВТОПОРТРЕТЫ РУССКИХ И КАЗАХОВ (АНАЛИЗ ОБРАЗА «Я» В РУССКОЙ И КАЗАХСКОЙ КУЛЬТУРАХ)

В статье анализируется образ «Я» в русской и казахской культурах на основании результатов свободного ассоциативного эксперимента. Для этого рассматриваются три группы испытуемых: русские в России, русские в Казахстане и казахи в Казахстане. Кроме того анализируются данные «Русского ассоциативного словаря».

Ключевые слова: психолингвистика, языковое сознание, языковой образ.

При анализе содержательной стороны портрета русских, проводимом Валинкиным П.В., обнаружилась размытость образа «мы». При этом большая размытость выявляется в группе студентов (т.е. мало совпадений в характеристиках, приписываемых респондентами самим себе, особенно по сравнению с респондентами более молодого возраста). Качество «добрые» чаще других выбирается респондентами (19% от общего числа характеристик), но начиная с 10–11-летнего возраста наблюдается падение его удельного веса с 25% в 10–11 лет до 11% у студентов [1, с. 154].

Целью данной статьи является рассмотрение особенностей образа «я» у носителей русского языка и русской культуры, проживающих на территории России и Казахстана, и у казахов.

В качестве экспериментальной группы выступали 135 русских жителей Казахстана, а в качестве контрольных групп выступали 110 казахов и 193 русских респондента России. В процессе обработки данных на первом этапе были отобраны 129 анкет русских жителей Казахстана, 100 анкет казахов и 187 анкет россиян.

По половозрастным характеристикам три указанные группы респондентов практически одинаковы, большую часть испытуемых составляют студенты различных курсов высших учебных заведений России и Казахстана.

Для «овнешнения» содержания языкового сознания нами был использован метод свободного ассоциативного эксперимента. В такого рода эксперименте, по словам Тарасова Е.Ф., «отражается закономерность человеческого сознания, которая заключается в том, что явления реального мира, предстающие человеческому сознанию в определенной временной или пространственной близости, отображаются таким образом, что сознание помимо образов этих явлений фиксирует также и их близость. За близостью в сознании испытуемых слова-стимула и слова-реакции лежат причины, которые в большинстве своем осмысливаются как семантические связи стимулов и реакций» [2, с. 259].

По результатам проведенного нами свободного ассоциативного эксперимента (См. подробнее [3]) общее количество ответов по группам довольно сильно отличается: казахстанцы более единодушны в своих ответах, чем россияне. Коэффициента разнообразия (далее КР) представляет собой отношение числа различных реакций на стимул к общему числу реакций. КР составляет 0,57 в группе россиян (далее «группа Р») и 0,5 в группе казахстанцев (далее «группа К»).

Все полученные реакции были проанализированы с точки зрения логико-понятийной модели языкового сознания, предложенной А.В. Ивановым (См. подробнее [4]).

Логико-понятийная модель сознания представляется А.В. Ивановым в виде круга, куда вписан крест, делящий его на четыре части. В нашем исследовании мы следуем модели А.В. Иванова, разделяя реакции на 4 поля, вписанные в прямоугольник с выделенной 5-й зоной, предназначенной для тех

реакций, которые, по нашему мнению, не вошли ни в одну из указанных зон в силу того, что в некоторых случаях трудно отнести ту или иную реакцию в какую-либо конкретную зону из-за многозначности слов и невозможности определить, какое именно значение было выявлено в ходе эксперимента.

К сектору I А.В. Иванов относит ощущения, восприятия и конкретные представления, с помощью которых человек получает первичную информацию о внешнем мире, о своем собственном теле и о его взаимоотношениях с другими телами. Здесь индивид формирует непосредственную чувственно-телесную картину реальности, обеспечивающую удовлетворение его базисных телесно-витаальных потребностей и внешнепредметную деятельность.

В логико-понятийном секторе (II) отражаются способности человека к мыслительному постижению внутренних, феноменологически не данных свойств и связей внешнего мира. Этот сектор составляют те реакции, которые выходят за пределы непосредственно чувственно данного, т.к. при формировании реакций данного типа сознание опирается уже не на ощущения, образы восприятия и конкретные представления, а на «мощь философских категорий и абстракций различного уровня, существующих в виде языковых терминов». Эту сферу сознания Иванов называет «царством общих понятий, четких аналитико-синтетических мыслительных операций и жестких логических доказательств» [4, с. 84].

Секторы I и II образуют внешнепознавательную (внешнепредметную) составляющую сознания, где «субъективно-личностные и ценностно-смысловые компоненты психического мира находятся как бы в снятом, латентном состоянии».

Реакции эмоционально-аффективного сектора (III) лишены непосредственной связи с внешним предметным миром, к ним автор относит переживания, воспоминания, предчувствия, эмоции, наслаждение, симпатию, антипатию, любовь и т.п.

В ценностно-мотивационном секторе (IV) отражаются высшие мотивы деятельности и духовные идеалы личности, а также способность к их формированию и творческому пониманию в виде фантазий, продуктивного воображения. Целью бытия этой сферы, по определению автора, выступает «не истина как форма согласования мысли с предметной действительностью, а ценности как форма согласования предметной действительности с нашими духовными целями и смыслами» [4, с. 85].

Секторы III и IV образуют ценностно-эмоциональную составляющую сознания, где в качестве предмета познания выступают собственно «я», другие «я», а также продукты их творческой саморегуляции в виде гуманитарно-символических образований [4, с. 86].

Результаты анализа нашего эксперимента представлены в таблицах 1 и 2. В таблице 3 продемонстрированы результаты анализа словарной статьи для стимула «я» из «Русского ассоциативного словаря» (РАС).

Таблица 1

Логико-понятийная модель языкового сознания русских респондентов России для стимула «Я»

Ценностно-смысловой		Логико-понятийный	
Личность (5,5%)	Путь (0,5%)	Человек (13,4%)	Парень (1%) Девочка (0,5%)
Должен (0,5%)	Самодостаточность (0,5%)	Ты (7,1%)	Личное местоимение (0,5%)
И моя семья (0,5%)	Самооценка (0,5%)	Он (2,7%)	Мать (0,5%)
Индивидуальность (0,5%)	Семья (0,5%)	Студентка (2,28%)	Мы (0,5%)
Мечта (0,5%)	Страна (0,5%)	Мужчина (1,6%)	Ребенок (0,5%)
Молодость (0,5%)	К/р 0,93	Студент (2,1%)	Эго (0,5%)
Надежда (0,5%)		Девушка (1%)	К/р 0,25
Обязанность (0,5%)	8%	Женщина (1%)	36,9%
Один (0,5%)		Мужик (1%)	
Пустота (0,5%)		Они (1%)	

Не знаю (1%) Свинья (1%) Кто (0,5%) Это я (0,5%) Я (0,5%)			
Эмоционально-аффективный		Телесно-перцептивный	
Лучшая (1,6%)	Милая (0,5%)	Есть (2,7%)	Люблю себя (0,5%)
Молодец (1,6%)	Неповторимая (0,5%)	Здесь (2,7%)	Много дел (0,5%)
Хороший (1,6%)	Перспективный (0,5%)	Живу (1%)	Пишу (0,5%)
Лучший (1%)	Счастлива (0,5%)	Алфавит (0,5%)	Солнце (0,5%)
Могу (1%)	Сарказм (0,5%)	Блондинка (0,5%)	Умею (0,5%)
Умница (1%)	Сильная (0,5%)	Весна (0,5%)	Учусь (0,5%)
Бог (0,5%)	Смешная (0,5%)	Ветер (0,5%)	Язык (0,5%)
Возмущена (0,5%)	Существую в единственном	Вита (0,5%)	К/р 0,71
Да, я! (0,5%)	экземпляре (0,5%)	Вокруг (0,5%)	16,6%
Дебил (0,5%)	Требовательный (0,5%)	Дождь (0,5%)	
Дура (0,5%)	Устал жить (0,5%)	Креведко (0,5%)	
Зайчик (0,5%)	Ужасна (0,5%)	Круг (0,5%)	
Звезда (0,5%)	Целеустремленная (0,5%)	Лена (0,5%)	
Красавица (0,5%)	К/р 0,77	Люблю (0,5%)	
Красивая (0,5%)	20,9%		
Красота (0,5%)			
Лучший (0,5%)			
Любима (0,5%)			
Любимая (0,5%)			

Таблица 2

Логико-понятийная модель языкового сознания русских респондентов Казахстана для стимула «Я»

Ценностно-смысловой		Логико-понятийный	
Личность 14%)	Уверенность (0,78%)	Ты (15,5%)	Буква (0,78%)
Всего добьюсь (1,5%)	Уникум (0,78%)	Человек 14,7%)	Автолюбитель (0,78%)
Семья 1,5%)	Центр (0,78%)	Мы (3,9%)	Студентка (0,78%)
Благосклонность (0,78%)	К/р 0,35	Он (2,3%)	Член семьи (0,78%)
Всегда (0,78%)		Женщина (2,3%)	Эго (0,78%)
Выше всего (0,78%)	22%	И ты (2,3%)	К/р 0,22
Индивидуальность (0,78%)		Девушка (1,5%)	47,2%
		Они (1,5%)	
Кто (0,78%) Это я (0,78%) Ты, он, она (0,78%) Кто я (0,78%) Я (0,78%)			
Эмоционально-аффективный		Телесно-перцептивный	
Красивая (3,1%)	Скромная (0,78%)	Лицо (1,5%)	
Люблю (1,5%)	Стеснительная (0,78%)	Думаю (0,78%)	
Отзывчивая (1,5%)	Страшная (0,78%)	Есть (0,78%)	
Псих (1,5%)	Супер (0,78%)	Кроссовки (0,78%)	
Умная 1,5%)	Счастлива (0,78%)	Лежу (0,78%)	
Хороший (1,5%)	Счастливый человек (0,78%)	Существую (0,78%)	
Идеальный (0,78%)		Твоя (0,78%)	
Звезда (0,78%)	Хитрая (0,78%)	Устала (0,78%)	
Крута (0,78%)	Хороший мальчик (0,78%)	К/р 0,89	
Любимая (0,78%)	К/р 0,7	7%	
Самовлюбленный (0,78%)	20%		

Таблица 3

Логико-понятийная модель языкового сознания русских респондентов для стимула «Я» по данным РАС

Ценностно-смысловой		Логико-понятийный	
Личность (2,5%)		Ты (12,2%)	Женщина (1%)
Сам (2,1%)		Человек (9,8%)	Девушка (0,6%)
И ты (1,3%)		Студент (3,3%)	Учитель (0,5%)
Сама (0,6%)		Мы (2,7%)	Инженер (0,3%)
Вселенная (0,6%)		Он (2,5%)	Они (0,3%)
Семья (0,3%)		Студентка (1,7%)	К/р 0,05
К/р 0,13			35%
7,4%			
Свинья (0,6%) Кто (0,6%) Я (2,8%) Это я (1%)			

Логико-понятийный		Телесно-перцептивный	
Люблю (1,7%)	Молодец (0,3%)	Учусь (1,3%)	Люда (0,3%)
Хороший (1,1%)	Нечто (0,3%)	Иду (1,1%)	Не люблю (0,3%)
Дурак (0,6%)	Одна (0,3%)	Живу (0,6%)	Пришел (0,3%)
Никто (0,6%)	Оптимистка (0,3%)	Пишу (0,6%)	Света (0,3%)
Устал (0,6%)	Самая (0,3%)	Хочу (0,6%)	Сижу (0,3%)
Хорошая (0,6%)	Такой (0,3%)	Знаю (0,5%)	Смотрю (0,3%)
Умница (0,3%)	Хороший человек (0,3%)	Думая (0,3%)	Ушел (0,3%)
Большая (0,3%)	Эгоист (0,3%)	Жду (0,3%)	<u>К/р 0,32</u>
Гений (0,3%)	<u>К/р 0,33</u>		<u>7,4%</u>
Молодец (0,3%)	<u>9,1%</u>		
Могу (0,3%)			

Коэффициента разнообразия (т.е. отношение числа различных реакций на стимул к общему числу реакций) ценностно-смыслового сектора составляет 0,93 и 0,35 в группах Р и К соответственно, логико-понятийного сектора – 0,25 и 0,22 для групп Р и К, эмоционально-аффективного сектора – 0,77 в группе Р и 0,7 в группе К, телесно-перцептивного сектора – 0,71 и 0,89 соответственно. Это говорит о довольно большом единодушии респондентов группы Казахстан при относитель-

но небольшом количестве реакций, относящихся к ценностно-смысловому сектору. (См. График 1) Для сравнения приводятся данные анализа словарной статьи «Я» по «Русскому ассоциативному словарю», для которого не учитывались единичные ответы в следствии того, что количество респондентов было на порядок выше, чем в нашем эксперименте, и каждая единичная реакция составляла слишком маленький процент об общего числа ассоциаций.

График 1. Коэффициент разнообразия по секторам

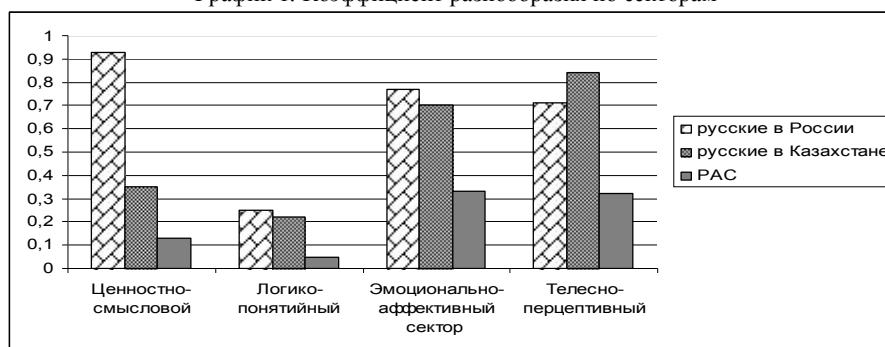
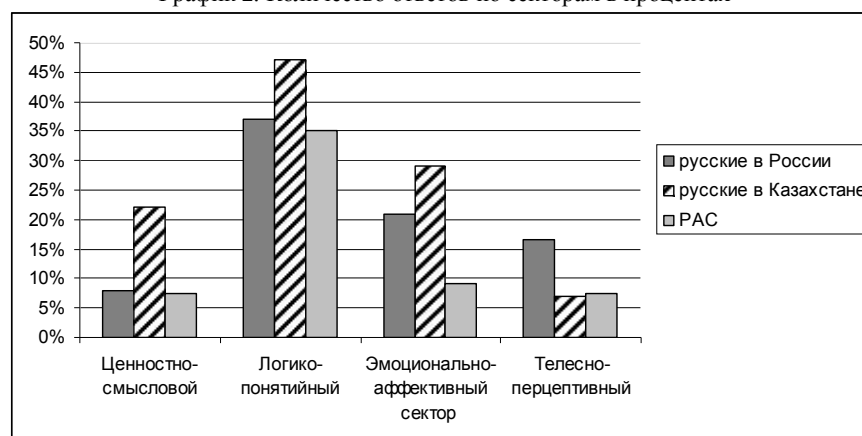

График 2. Количество ответов по секторам в процентах

Как мы видим, наибольшее количество ответов в трех группах относится к логико-понятийному сектору. Наблюдается также довольно большое отличие в количестве ответов в ценностно-смысловом секторе групп Р и РАС от группы К. (См. График 2)

Все реакции, за исключением единичных, можно представить в виде таблицы (см. Таблица 4), где первое число в скобках обозначает общее число подобных реакций, а через / указан ранг реакции.

Таблица 4

Частотные реакции в двух группах русских и по данным РАС

Россия русские (2010 г.)	Казахстан русские (2010 г.)	РАС (1988-1998гг.)
Человек (13,4% / 1); ты (7,1% / 2); личность (5,5% / 3); здесь, он (2,7% / 4,5); есть, студентка (2,28% / 6,5);	Ты (15,5% / 1); человек (14,7% / 2); личность (14% / 3); мы (3,9% / 4); красивая (3,1% / 5);	Ты (12,2% / 1); человек (9,8% / 2); студент (3,3% / 3); я (2,8% / 4); мы (2,7% / 5);

лучшая, молодец, мужчина, студент, хороший (2,1% / 10,5); девушка, женщина, живу, лучший, могу, мужик, не знаю, они, парень, свинья, умница (1% / 17,5)	он, женщина, и ты (2,3% / 7,5); всего добьюсь, девушка, лицо, люблю, они, отзывчивая, псих, семья, умная, хороший, это я (1,5% / 14,5)	личность, он (2,5% / 6,5); сам (2,1% / 8); люблю, студентка, это я (1,7% / 9,5); и ты, учусь (1,3% / 12,5); иду, хороший (1,1% / 14,5); женщина (1% / 16)

В целом образ себя (Я) и для русских в России и для русских в Казахстане положителен (30% от общего количества ответов в группе Р и 40% в группе К против 7% отрицательных характеристик в группе Р и 9,2% в группе К). Как видно из приведенных данных, сумма оценочных характеристик (как положительных так и отрицательных) в группе Р на 12,2% меньше, чем в группе К. Но это не означает, что казахстанцы больше ориентированы на себя, ведь самым частотным ответом является «ты» (15,5%) и почти столько же ответов «человек» (14,7%). В группе Р эти две реакции занимают первую («человек» – 13,4%) и вторую («ты» – 7,1%) позиции. Но разрыв между этими реакциями больше в группе Р. Таким образом, казахстанцы более ориентированы на другого, чем россияне. Причем эта ориентированность на другого отмечается также и среди реакций, зафиксированных в «Русском ассоциативном словаре», данные для которого собирались в 2000 году. Кроме того, реакция «мы» занимает ранг 4 в группе русских казахстанцев и ранг 5 в РАС и составляет всего 0,5% ответов русских россиян по данным нашего эксперимента, проведенного в 2010 году. Из этого можно сделать вывод о том, что языковое сознание казахстанцев сохранило те особенности, которые подверглись изменению у русских жителей России за последние 10 лет, а в частности значимость другого человека и коллективизм (соборность в терминах В.М. Соловьева) на примере ассоциации «мы».

Третье место у всех респондентов занимает ассоциация «личность» (5,5% в группе Р и 14% в группе К), что говорит о достаточно высокой самооценке респондентов: репрезентация испытуемых себя как «человека», т.е. биологического вида вполне нейтральна с нашей точки зрения, с этой характеристикой трудно поспорить (все они представители человеческого рода), в отличие от реакции «личность», т.к. если руководствоваться распространенным в толковых словарях определением этого слова, то мы получим следующую характеристику респондентов: «человек как носитель каких-либо свойств, лицо», т.е. это уже не просто биологический вид, а лицо с определенными характеристиками. Можно было бы охарактеризовать «личность» с точки зрения психологии, где за личность признается «система социально-значимых черт, характеризующих индивида как члена общества», но мы полагаем, что респонденты, в большинстве своем, не проводят четкой границы между понятиями «индивид» и «личность» в

том понимании, в котором они рассматриваются психологией и социологией. Значимым, на наш взгляд, является то обстоятельство, что в целом «личность» имеет довольно положительную коннотацию и большую ценность.

В настоящее время значимость «личности» в автопортрете русских выросла по сравнению с данными двадцатилетней давности (с данными «Русского ассоциативного словаря»). В то же время языковое сознание русских в Казахстане по некоторым ассоциациям ближе именно к языковому сознанию респондентов, чьи ответы послужили основой для составления статей «Русского ассоциативного словаря».

Среди ответов казахов на стимул *мен* (я) (данные эксперимента 2010) мы находим следующие: *өзім* (сам) (27,3%); *жалқау* (ленивый) (9%), *менікі* (мой), *студент* (6%). Можно отметить самостоятельность казахов: я – сам, нет ориентации на другого человека (или других). Отмечается самокритичность (я – ленивый). В отличие от русских казахи воспринимают себя как «человека» и «личность» лишь в 3% ответов.

По результатам проведенного нами психосемантического эксперимента можно сделать вывод о том, объект исследования «я» рассматривается по фактору «сила» как «очень сильный» (т.е. «большой», «сложный», «тяжелый», «сильный») в группе казахов и как «довольно слабый» (т.е. «маленький», «простой», «легкий», «слабый») в группе Р (-0,087) и в группе К (-0,266). Эти данные подтверждают сделанные на основе свободного ассоциативного эксперимента выводы об ориентированности русских на другого и о большой самостоятельности («силе», «сложности» в терминах Ч. Осгуда) авторитета казахов. (О психосемантическом эксперименте см. подробнее [5]).

Следовательно, русские россияне и казахстанцы более ориентированы на другого человека, чем казахи, при этом казахстанцы еще более тесно связаны между собой (возможно именно в силу диаспорного расселения русских и вытекающим из этого особенностям противопоставления «свой – чужой»). В данном случае самостоятельность и психическая изолированность от представителей своей диаспоры может иметь различные негативные последствия, поэтому русские казахстанцы более дружные, чем русские россияне, которые не испытывают необходимости в постоянном объединении и противопоставлении себя титульной нации, как в случае русских казахстанцев.

Библиографический список

1. Валинкин, П.В. Этническая идентичность, этноаффилиация и этнические стереотипы русских – коренных жителей Саратовской области // Этническая психология и общество: материалы 1-ой конференции секции этнической психологии при Российском психологическом обществе. – М., 2007.
2. Тарасов, Е.Ф. Исследование ассоциативных полей представителей разных культур // Ментальность россиян (Специфика сознания больших групп населения России) / под ред. И.Г. Дубова. – М., 1997.
3. Свинчукова, Е.Г. «Мир» глазами русских, казахов и русских казахстанцев: межкультурный диалог (по материалам ассоциативного эксперимента) // Языковой дискурс в социальной практике: материалы: Междунар. научно-практ. конф. 1-2 апреля 2011г. – Тверь, 2011.
4. Иванов, А.В. Сознание и мышление. – М., 1994.
5. Петренко, В.Ф. Основы психосемантики. – М., 2010.
6. Григорьев, А.А. Проблемы количественного анализа в сопоставительных исследованиях ассоциативных полей / А.А. Григорьев, М.С. Кленская // Языковое сознание и образ мира. Сборник статей / отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М., 2000.
7. Гриценко, В.В. Русские среди русских: проблемы адаптации вынужденных мигрантов из стран Средней Азии и Казахстана в России // Этническая психология и общество: материалы 1-ой конференции секции этнической психологии при Российском психологическом обществе. – М., 2007.
8. Горошко, Е.И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. – Харьков: М., 2001.
9. Диалог культур в глобализирующемся мире: мировоззренческие аспекты / отв. ред. В.С. Степин, А.А. Гусейнов. – М., 2005.
10. Колесов, В.В. Язык и ментальность. – СПб., 2001.
11. Никитина, С.Е. Языковое сознание и самосознание личности в народной культуре // Язык и личность. – М., 1989.
12. Почепцов, О.Г. Языковая ментальность: способ представления мира // Вопросы языкознания. – 1990. – № 6.
13. Проблемы национального самосознания русских: этнические стереотипы населения / отв. ред. Н.Л. Полякова. – М., 1998.
14. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Е.Ф. Тарасов, Ю.А. Сорокин. – М., 2002.

Bibliography

1. Valihnkina, P.V. Ehtnicheskaya identichnost', ehtnoaffiliatsiya i ehtnicheskie stereotipih russkikh – korennykh zhitel'ey Saratovskoy oblasti // Ehtnicheskaya psikhologiya i obshchestvo: materialih 1-oy konferentsii sekcii ehtnicheskoy psikhologii pri Rossiyskom psikhologicheskom obshchestve. – М., 2007.

2. Tarasov, E.F. Issledovanie associativnykh polej predstavitelej raznykh kul'tur // *Mentalnost' rossiyan (Specifika soznaniya bol'shikh grupp naseleniya Rossii)* / pod red. I.G. Dubova. – M., 1997.
3. Svinchukova, E.G. «Mir» glazami russkikh, kazakhov i russkikh kazakhstancev: mezhkul'turnyy dialog (po materialam associativnogo eksperimenta) // *Yazhkovoy diskurs v social'noy praktike: materialy: Mezhdunar. nauchno-prakt. konf. 1-2 aprelya 2011g.* – Tver', 2011.
4. Ivanov, A.V. Soznanie i mihshlenie. – M., 1994.
5. Petrenko, V.F. Osnovy psikhosemantiki. – M., 2010.
6. Grigorjev, A.A. Problemy kolichestvennogo analiza v sopostavitel'nykh issledovaniyakh associativnykh polej / A.A. Grigorjev, M.S. Klenskaya // *Yazhkovoe soznanie i obraz mira. Sbornik statej / otv. red. N.V. Ufimceva.* – M., 2000.
7. Gricenko, V.V. Russkie sredi russkikh: problemy adaptacii vhnuzhennikh migrantov iz stran Sredney Azii i Kazakhstana v Rossii // *Ehtnicheskaya psikhologiya i obshchestvo: materialy 1-oj konferencii sekcii ehtnicheskoy psikhologii pri Rossijskom psikhologicheskom obshchestve.* – M., 2007.
8. Goroshko, E.I. Integrativnaya model' svobodnogo associativnogo eksperimenta. – Khar'kov; M., 2001.
9. Dialog kul'tur v globaliziruyemykh mire: mirovozzrencheskie aspekty / otv. red. V.S. Stepin, A.A. Guseynov. – M., 2005.
10. Kolesov, V.V. Yazhik i mentalnost'. – SPb., 2001.
11. Nikitina, S.E. Yazhkovoe soznanie i samosoznanie lichnosti v narodnoy kul'ture // *Yazhik i lichnost'. – M., 1989.*
12. Pohepcov, O.G. Yazhkovaya mentalnost': sposob predstavlenniya mira // *Voprosy yazhkoznaniya.* – 1990. – № 6.
13. Problemy nacional'nogo samosoznaniya russkikh: ehtnicheskie stereotipy naseleniya / otv. red. N.L. Polyakova. – M., 1998.
14. Russkiy associativnyy slovar': v 2 t. / Yu.N. Karaulov, G.A. Cherkasova, N.V. Ufimceva, E.F. Tarasov, Yu.A. Sorokin. – M., 2002.

Статья поступила в редакцию 27.07.11

УДК 494.3:415.6

Sereedar N.CH. SENTENCE PATTERNS WITH THE VERB MIMICRY AND GESTURE IN TUVAN. The paper considers a model with facial expressions and gestures verbs in tuvan. Identified different semantic values of these models. Showing systemic relations between the models, decorated by different grammar-cal means.

Key words: Tuvan language, the models with verbs of facial expression and gesture, accusative, analytic construction of the with postposition Biel.

Н.Ч. Серээдар, канд. филол. наук, ведущий н. с. Туvinского института гуманитарных исследований, зав. сектором языка, г. Кызыл, E-mail: sereedar.62@mail.ru

МОДЕЛИ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ГЛАГОЛАМИ МИМИКИ И ЖЕСТА В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассмотрены модели с глаголами мимики и жеста в тувинском языке. Выявлены разные семантические значения данных моделей. Показаны системные отношения между моделями, оформленными разными грамматическими средствами.

Ключевые слова: тувинский язык, модели с глаголами мимики и жеста, винительный падеж, аналитическая конструкция с послелогом биле.

Выражение мимики и жестов вербальными средствами – проблема актуальная для каждого языка. Описание формальной и содержательной структуры элементарных простых предложений с глаголами жеста и мимики в тувинском языке представляет собой мало исследованную область и интересную научную задачу. Объектом нашего внимания являются тувинские глаголы названной семантики, их сочетаемость с именами существительными в составе элементарного простого предложения.

Под элементарным простым предложением (ЭПП) вслед за М.И.Черемисиной мы понимаем языковую сущность, недоступную прямому наблюдению, поэтому его принято записывать в виде формул. ЭПП отражает необходимые компоненты синтаксической единицы, которые представляются с помощью традиционных «символов классов слов» [1, с. 58]. Подобный подход к описанию структурно-семантического устройства предложений позволяет за множеством фраз увидеть небольшое число минимальных «образцов», к которым это разнообразие можно и нужно свести, чтобы понять их истинную природу [2, с. 47]. План выражения ЭПП можно представить в виде структурной схемы. Что же касается плана содержания, то означаемым ЭПП является пропозиция – абстракция, которая соответствует смыслу предложения как знака языка [3, с. 401; 4, с. 47].

Под структурной схемой понимается система актантов (имен) в определенных падежных формах. Содержательной структурой мы называем смысловые отношения между актантами и предикатом. Под актантом называем обязательный компонент, без которого предложение не самодостаточно. К актантам относятся: 1) субъект (имя существительное в именительном (т.е. в неопределенном) падеже – N1; 2) прямой объект (имя существительное в винительном и неопределенном падежах) – N4; 3) косвенные объекты (имена существительные в направительном падеже, имена существительные +

послелог биле). Предикатами являются глаголы мимики и жеста – Vf.

Для определения норм образования семантической структуры предложения выделение группы предикатов пропозиционального отношения представляет чрезвычайный интерес. Эта группа семантически весьма разнообразна. К ней принадлежат глаголы речи, мышления, глаголы эмоции, глаголы зрительного восприятия, глаголы жеста и мимики и др. Информацию передается не только вербальными средствами, но и в передаче информации очень важную роль играют мимика и жесты. Объектом статьи является роль мимики и жеста в передаче информации. Как писала проф. М.И. Черемисина: «эту группу глаголов еще предстоит выявить на материале изучаемых языков» [5, с. 55]. В тувинском языке глаголы мимики и жеста с их специфическими свойствами выявлены пока недостаточно.

Под мимикой обычно понимают движения глаз и мышц лица, тогда как под жестами – все другие телодвижения. Так, например, Верещагин Е.М. и Костомаров В.Г. подчеркивают, что мимика и жесты имеют именно коммуникативное значение. С его помощью коммуниканты сознательно передают информацию друг другу [6, с. 36].

Мимическое движение, в котором задействовано все лицо или все тело, а не отдельные его части (глаза, губы и т. д.), может обозначаться одним словом, без аффикса понудительного залога, например, *дырыжаҥна* = 'дергаться' (о лице) в переносном значении 'сердиться, дуться', *оорлуҥна* = 'кривляться', *долгажаҥна* = 'ломаться, кривляться, жеманничать', *сууреҥейн* = 'шевелить-ся', *сыртылаҥна* = 'дергаться, кривляться, ломаться', *сыртай* = 'перен. гордиться, важничать, зазнаваться', *хыйыжаҥна* = 'кривляться, корчить гримасничать', *шоюжаҥна* = 'кривляться, ломаться, дергаться', *ойтаҥна* = 'чваниться, быть заносчивым, задаваться', *ыртаҥна* = 'смеяться, зубоскалить (показывая зубы), Данные сло-

ва без сочетания со словами *арын* 'лицо', *хавак* 'лоб', *карак* 'глаза', *эрин* 'губы' употребляются самостоятельно в модели {N1 Vf}.

В модели {N1 N4 Vf} в большинстве случаев глаголы жеста и мимики принимают аффиксы понудительного залога. Формы данного залога в тувинском языке представлены аффиксами *-т*, *-тыр/-тур*, *-тур/-түр*, *-дыр/-дир*, *дур/-дүр*, например, *согаһна=т* = 'кивать (головой)', *халай=т* = 'склонить голову, поникнуть головой', *кедей=т* = 'осторожно приподнимать голову', *ковай=т* = 'приподнимать голову', *коваһна=т* = 'приподнимать голову', *согай=т* = 'склонить голову', *мокураһна=т* = 'двигать голову', *вертеть головой*, *халаһна=т* = 'склонить голову (вниз)', *хыйыжай=т* = 'наклонить голову набок (вбок, к плечу)', *доһаһна=т* = 'кивать (головой)', *дырыш=тыр* = 'морщить'.

Отмечают два общепризнанных основных значения понудительного залога:

1) понудительное – 'заставлять делать что-либо'; 'заставлять, понуждать, вынуждать, побуждать, позволять, допускать, давать делать что-либо';

2) страдательное – 'подвергаться какому-либо действию', 'допускать сделать что-либо с собой' [7, с. 274].

Глаголы жеста и мимики с аффиксами понудительного залога требуют прямого объекта с оттенком 'заставлять делать что-либо', например, *думчуу=н дырыш=тыр* = 'морщить нос' (букв. заставляя морщить нос), *арн=ы=н дырыш=тыр* = 'морщить лицо', *хаваа=н дырыш=тыр* = 'морщить лоб', *караа=н чивеһне=т* = 'мигать глазами' (букв. заставляя глаза мигать), *караа=н алар=т* = 'посмотреть широко открытыми бегающими глазами', *караа=н алар=аһна=т* = 'часто смотреть широко открытыми бегающими глазами' (букв. заставляя смотреть), *караа=н имирер=т* = 'шурить глаза', *карактары=н чиди=т* = 'смотреть пронзительным взглядом (букв. пронзительным взглядом)', *караа=н сыгдый=т* = 'делать (глаза) узкими, маленькими', *караа=н оңгай=т* = 'делать ввалившимся (о глазах)', *караа=н сыпый=т* = 'делать маленьким, узким глаза, сузить глаза' и др.

Лишь несколько глаголов принимают аффикс возвратного залога, например, *диштери=н ызыр=тын* = 'скалить зубы', *бажы=н шаи=тын* = 'бить себя по голове', *бажы=н тут=тун* = 'держаться за голову', *экти=н кыс=тын* = 'пожимать плечами', *салаалары=н чуруруктан* = 'сложить пальцы руки в кулак'.

Есть несколько непроизводных глаголов жеста и мимики, которые не имеют никаких аффиксов: *хаваа=н дүй* = 'морщить лоб', *холу=н чаңгы* = 'махнуть рукой на кого-что-л.', *холу=н булга* = 'махать рукой', *холу=н чай* = 'махать руками; жестикулировать рукой'; *холдары=н сыйбагыла* = 'часто гладить руки', *холу=н мажы* = 'мять, массировать руку', *холу=н тут* = 'крепко пожать (руку)', *бажы=н чай* = 'качать головой', *холу=н сун* = 'протянуть руку', *экти=н кыс* = 'пожимать плечами (букв. пожимать плечи)', *холдары=н нугу* = 'потереть руки', *холдары=н сарбаһнаткыла* = 'часто дрыгать, двигать руками', *караа=н шим* = 'закрывать глаза', *бажы-биле имне* = 'дать знак головой'.

В модели {N1 N4 Vf} с типовым значением «кто чем занимается» выделяются следующие семантические роли: N1 – субъект-адресант, обычно одушевленное имя существительное (местоимение); N4 – объект, существительное в форме винительного падежа, указывающий на содержание сообщения, Vf – глагол. Например: *Шокар кадай* (N1) *уруунуң салаалары=н* (N4) *суудур-суудур сыйбагылаан* (Vf) (М. Кенин-Лопсан) – Женщина по имени Шокар гладила пальцы своей дочери.

Интересные наблюдения и замечания авторов находят непосредственные подтверждения и на материале тюркских языков. Так, например, Черемисина М.И., Озонова А.А., Тазранова А.Р. отмечают, что предикаты с семантикой 'делать знак', 'кивать' открывают позиции субъекта и «орудия», но не прямого объекта, подтверждая это примерами из алтайского, хакасского, а также из тувинского языка: тув. *Ийи холумда сумка тудуп алган болгаи, ол меһэ бажы-биле чайып калды*

(И5) – Так как у него в обеих руках были сумки, он кивнул мне головой [8, с. 111].

Анализ текстов классиков тувинской литературы, а также примеры информантов показывают, что глагол *чай* = 'качать' со значением мимики и жеста не употребляется с аналитической конструкцией с послелогом *биле* (аналог орудного падежа в других тюркских языках), а требует от имени существительного винительного падежа, например, *бажы=н чай* = 'качать головой', *бажы=н согаһнат* = 'кивать головой', *бажы=н доһаһнат* = 'кивать головой', *бажы=н халай=т* = 'склонить голову, поникнуть головой' (букв. заставляя склонить голову), *бажы=н кедейт* = 'осторожно приподнимать голову' (букв. заставляя поднять голову), *бажын кедеһнет* = 'закидывать голову', *бажы=н ковайт* = 'приподнимать голову', *бажы=н коваһнат* = 'приподнимать голову', *бажын согайт* = 'склонить голову', *бажы=н шаишын* = 'бить себя по голове', *бажы=н тут=туттун* = 'держаться за голову', *бажы=н сава* = 'махать головой', *бажы=н өндөйт* = 'приподнимать голову', *бажы=н мокураһнат* = 'вертеть головой', *бажы=н халаһнат* = 'склонить голову (вниз)', *бажы=н хыйыжайт* = 'наклонить голову набок (вбок, к плечу)', *бажын эргилдир* = 'вернуть голову'.

Например: Экии. *Чолаачылар харыы кылдыр баиштарын согаһнаткан*, а Сат Сатович харыылаваан (СС, А-Т, 28) – Водители в ответ ему кивнули головами, а Сат Сатович не ответил; *Сулдем ашак бажы=н чайган*: – *Хоржок, хоржок* (КЭК, УХ) – Старик Сулдем покачал головой: – Нельзя. Нельзя; – Бээжин, Бээжин – деп, ашак чугаалааш, чегейи кончуг хулүмзүрээр. – *Билдивис деп, уруглар баиштары=н согаһнаткылаан* (КЭК, УХ) – Пекин, Пекин – так сказав, старик улыбулса. – Поняли – кивая головами, сказали девушке; *Бажы=ым чайдым. Ыттар кырар деп айтыгышкын дыһнаваан мен* (ССС, АТ, 69) – Я покачал головой. Не слышал указания – убивать собак; *Чейзең кызыл сөөскен сыптыг кымчызын сөөртүп алган, чиңгезин көгөреңнедир бажы=н чайган*: – *Чок, чок* (КЭК, УХ) – Чейзен, плетку из красной таволги волоча, покачал головой так, чтобы шарик на головном уборе посинел (знак ранга у чиновников; прикреплялся к головному убору). – Нет, нет; (*Шупту-Билир*) ... *бажын кедейтин келди* (С. Сүрүң-оол) – Шупту-Билир ... поднял голову; *Бак кижжи чорбадың бе – дээш, бажын халайтыпкаш, ыңай-бээр чаяһнаан* (СС, А-Т., 51) – Ты, оказывается, плохой человек, – так сказав, опустил голову, он туда-сюда ходил; *Чолдак-Степан холдарын быктынга даянып, бажын кедеңнеттиһаан...* С. Тока) – Чолдак-Степан, закинув свою голову, подперев бока руками...

Глаголы же *имне* = 'жестикулировать', *айыт* = 'указать, показать' употребляются с аналитической конструкцией с послелогом *биле* в модели {N1 N7 N биле Vf}: *бажы-биле имне* = 'давать знак головой', *караа-биле имне* = 'подавать знак глазами', *холу-биле имне* = 'жестикулировать руками', *холбуду-биле имне* = 'жестикулировать руками-ногами', *салаазы-биле имне* = 'жестикулировать пальцами'. Например: *Че, дарга! — деп, ол Бапыжайже бажы-биле имнээн* (ЭД, ЭХ) – Ну, давайте, начальник – так сказав, он подал знак головой Бапыжаю; *Губанов ... Буянче караа-биле имнээн турган* (КЭК, УХ) – Губанов ... глазами подавал знак Буяну.

Рассмотрим подробно структуру и значения, передаваемые моделью {N1 N4 Vf}.

В качестве субъекта в модели {N1 N4 Vf} выступают имена существительные в именительном падеже, обозначающие людей, животных, птиц. В качестве объекта выступают имена существительные, обозначающие части тела человека, животных: *аас* 'рот', *баи* 'голова', *думчук* 'нос', 'ноздри', *хаай* 'нос', *танак* 'нос', *карак* 'глаза', *быгын* 'бок' и др. Имя существительное в винительном падеже обозначает **определённый объект**. Аффиксом винительного падежа всегда оформляются имена существительные с аффиксом принадлежности 3-го лица в значении 'их, свой', например, *думчуу=у=н* 'свой нос', *арн=ы=н* 'свое лицо', *бажы=ы=н* 'свою голову', а реже – в форме 1-го лица *бажы=ым*. И данные имена существительные занимают позицию **только перед сказуе-**

мым. Предикат, обозначающий мимический жест, предполагает объект и без него не употребляется. А если употребляется без объекта, то семантика изменится. В нашей картотеке с предикатами мимического жеста по этой модели представлено около 1000 предложений, в составе которых в большинстве случаев предикаты употребляются с прямым объектом в винительном падеже, реже – в неопределенном падеже. Они всегда оформляются аффиксом принадлежности. Чаще всего в качестве прямого объекта употребляются имена существительные в форме 3-го лица в значении ‘их, свой’. Например: *(Та – дээш,) кижим экин кысты* (СС, А-Т, 88) – Не знаю – так сказав, он пожал плечами.

В пословице *Ыт думчуу борбацнатпас, кижик караа кылацнатпас*, хотя имя существительное, которое выполняет функцию объекта, принимает аффикс принадлежности 3-го лица, но стоит в неопределенном падеже.

Словосочетания, состоящие хотя и из воспроизводимых, но все же свободных сочетаний слов, обычно имеют минимальную степень экспликации: глагол называет действие, а имена называют части тела, которые выполняют действие или к которым действие прилагается. Подобные двухсоставные словосочетания – это, пожалуй, самый употребительный способ мимики и жеста. Например, только со стержневыми словами *хол* ‘рука’ или *баш* ‘голова’ их по несколько десятков: *холу=н кожацнат* – ‘торчком подняв вверх, покачать рукой’, *холу=н чаңгы* – ‘махнуть рукой на кого-что-л.’, *холу=н булга* – ‘махать рукой’, *холу=н чай* – ‘махать руками; жестикулировать рукой’.

Все предикаты со своим прямым объектом выражают разные типы ситуации человека: **жесты внутреннего состояния** – **эмоции**: *хол чаңгы* – ‘махать рукой’, выражает отчаяние, отказ от намерения, перестать обращать внимание, перестать заниматься кем-либо или делать что-либо; *бажы=н туттун* – ‘схватиться за голову’, выражает отчаяние, сожаление; **ментальные состояния, удивление**: *бажы=н ковайт* – ‘приподнимать голову’, *бажы=н чай* – ‘качать головой’, действительные жесты включают в себя **этикетные жесты** – **приветствия**: *бажы=н согацнат* – ‘кивать головой’, *бажы=н чай* – ‘качать головой’, *ийи холу=н сун* – ‘протянуть две руки’, *холу=н булга* – ‘махать рукой’, *холу=н чай* – ‘махать руками’, **прощания**: *холу=н булга* – ‘махать рукой’, *холу=н чай* – ‘махать руками’, **извинения, речевые действия** – **согласие**: *бажы=н согацнат* – **отрицание**: *бажын чай* – ‘качать головой’, **угроза, утешение, несогласие**: *бажын чай* – ‘качать головой’, **клятва, незнание**: *бажын чай* – ‘качать головой’, *экти=н чай* – ‘пожимать плечами’, *экти=н кыс* – ‘пожимать плечами (букв. пожимать плечи)’, *эгиннери=н кыскацнаткыла* – *эгиннери=н кыстылацнат* – *эгиннери=н кыска* – *экти=н кыстылаш кыл* – *кыс=кыстын* – ‘пожимать плечами, выражая непонимание чего-л., недоумение, жать, сжимать, зажимать, сдавливать, стискивать плечами’. Как показывает материал, одни и те же словосочетания могут передавать разные значения в контексте.

Например: *Экиш. Чолаачылар харыы кылдыр баштарын согацнаткан*, а Сат Сатович харыылаваан (СС, А-Т, 28) – Здравствуйте. Водители в ответ ему кивали головами, а Сат Сатович не ответил; *Чүвениң ужурун будүү иштинде даап бодап каапкан. Ам-на ат болган-дыр мен деп бодан, боду билбейн-даа бажын туттунган, харын-даа сукуннуптар часкан, эрни сүүрерип чоруй-чоруй соксаан* (СС, А-Т., 118) – Он понял в чем дело. Теперь я попал – так подумав, сам этого не замечая, схватился за голову; – *Хы – дээш, Оолак бажын чайгады. – Ыттың угааннуы ындыг кончуг-дур, кижилерни ылгап билер. Моозу эки, дүүзү багай деп. Хевирин бодаарга, өжээн негеп чыткан аа? Честемден аан?* (СС, А-Т., 94) – Хы, так сказав, Оолак покачал головой. – Вот какие собаки умные, умеют различать людей. Вот этот хороший, а тот плохой. Видимо, она мстила зятю; *Дүктүг-Хилээп холун чаңгаан* –

Ажырбас, ажырбас. Мен диң албас (КЭК, УХ) – Дуктүг-Хилээп махнул рукой: – Ничего, ничего. Я не возьму белок; *Хар адаанда ышка илдиге бээр болдум бе, будук сый базытпар болдум бе деп сестип, шала чавызап алгаи, ийи*

холун бурунгар сунупкаш, черниң черинде коя кижиниң баарына келген (КЭК, УХ) – Подумав, как бы не споткнуться об дерево, немного сутулясь, протянув две руки, он подошел к нарядно одетому человеку; *Мында, Коптуда, хуртун бооларлыг орус шериглер база бар ышкажыл. – Оларга идегеве – дээш, Шархуу холун чаңгаан. – Орустарның бисти камгалаар харыы чок. Олар герман деп улус-биле чаалажып турар дидир. Бо шериглерни удавас ынаар аппаар* (КЭК, УХ) – Здесь, в Хомду, есть ведь русские войска с ружьями. – Не надейся на них – так сказав, Шархуу махнул рукой. – У русских нет возможности нас защитить. Говорят, они воюют с народом по имени ‘герман’. Вот этих войск скоро туда повезут.

Словосочетание *бажын халайтыпкан* ‘опустить голову’ обозначает сознание вины (человека): *Менде чүнүң буруузу боорлаан. Ой та, бодум билбейн, бир кемниг яланы үүлгедипкен чадавас мен – дээш, бажын халайтыпкан* (К-Л, ЧС, 287) – У меня какая может быть вина. Может быть, сам не зная, совершил какую-нибудь ошибку – так сказав, (он) опустил голову.

Глаголы жеста и мимики выступают как предикаты элементарного простого предложения. Большинство из них сочетается только с одним именем существительным, которое нередко лишь подразумевается. В ходе исследования, нами было выявлено около 140 глаголов мимики и жеста в тувинском языке в составе элементарного простого предложения: глазами ‘*карак*’ (27), головой ‘*баш*’ (16), руками ‘*хол*’ (12), ушами ‘*кулак*’ (6), носом ‘*думчук*’ (3), носом ‘*танак*’ (2), губами ‘*эрин*’ (9), пальцами ‘*салаа*’ (8), зубами ‘*диш*’ (6), плечами ‘*эгин*’ (6), грудью (5), ногами (4), шеей ‘*моюн*’ (3), спиной ‘*оорга*’ (3), пальцем ‘*эргек*’ (1), ладонью ‘*адыш*’ (2), кулаком ‘*чудурук*’ (2), лицом ‘*арын*’ (2), лбом (2), боками ‘*быгын*’ (2), щекой ‘*чаак*’ (2), языком ‘*дыл*’ (1), ртом ‘*аас*’ (1), небом ‘*таалай*’ (1), висками ‘*кастык*’ (1), усами ‘*сал*’ (2), краем рта ‘*чырык*’ (1) и др.

Как показал материал, в тувинском языке самыми активными являются мимика глаз, общая мимика лица. Из них самая многочисленная группа связана с общими обозначениями мимики лица. Многие лексемы содержат отражение эмоции, сопровождающей обозначаемое лексемой мимическое движение, например, *хаваа=н дүер* ‘морщить лоб’, *думчуу=н дырыштыр* – ‘морщить нос’, *арны=н дырыштыр* – ‘морщить лицо’, *арны=н бырыжацнат* – ‘морщить лицо’. Представим словосочетания, выражающие мимики губ: *эриннери=н сүүрерт* – ‘вытянуть губы’, *эрни=н чөлбейт* – ‘вытягиваться, выпячиваться, быть вывернутыми (о губах)’, *эриннери=н/эриннериниң чырыктары=н сыртылацнат* – ‘делать дёргающимся, кривить губы’ выражает недовольство, *эрни=н эмчийт* – ‘скривиться; покривиться’, *эрни=н чөтпөңнет* – ‘дрожать, вытягиваясь (о губах при обиде)’, *эрни=н шомуйт/ионуйт* – ‘выпячивать губы, чырыгы=н чырттайт’ – ‘улыбаться уголком рта’. Например: *Дандар авазы-биле чөтпөңнөшүзүң илередип арнын дырыжацнаткан* (ОС, ЧЧ, 24) – Дандар, выражая свое несогласие со своей мамой, поморщился (букв. подергал свое лицо); *Оолак эриннерин сүүрерткеи, сыылады сыгыргылаан* (СС, А-Т, 37) – Оолак свистел, вытянув губы; *Оон Нинаже бир көргөш, катап столче эргилеп келгеш, таалайын-даа таккылаткылаан* (СС, А-Т, 37) Он, посмотрев на Нину, смотрит на стол, чокал языком; *Кыс чуга эриннериниң чырыктарын сыртылацнатпышаан, карактарын куду чивеш кылырга, борбак-борбак чаитар черже кылаш дигилээн* (КЭК, ЫБ, 34) – Девушка подернула губы, опустила глаза и из которых упали слезы; *(Ол) эриннерин хоолайгылаштыр туттунгаиш, улам-улам үргүлээн* (КЭК, УХ, 13) – Он выпятил губы, сложил их колечком и сильно подул: густой белый пар вырвался изо рта.

Таким образом, глаголы мимики и жеста в модели {N1 N4 Vf} дают богатый материал и тонкие оттенки значений слов, номинирующих мимические движения. Характерная особенность модели {N1 N4 Vf} – это употребление прямого объекта только в винительном, реже – в неопределенном падеже. Кроме глаголов *имне* – ‘жестикулировать, давать знак’ и *айыт* –

‘указать, показать’, остальные глаголы мимики и жеста обязательно употребляются с прямым объектом. Конструкция ‘**глагол со значением мимики и жеста + прямой объект**’ близка к синтаксическим связанным сочетаниям. В данных предложениях глаголы сами по себе не употребляются без имен существительных, которые обозначают объект. Они употребляются по структуре: имя существительное + глагол. Например: – *Хы – дэши, Оолак бажы=н чайгады* (СС, АТ, 94) – Хы – так сказав, Оолак **покачал головой**. Один и тот же глагол может передавать разные смыслы содержания и разные валентности. Внутри моделей одни и те же словосочетания могут переда-

вать разные значения. Когда глагол *чай=* ‘махать, размахивать’; *хол чайр* ‘махать руками; жестикулировать’; ‘качать’; *баи чайр* ‘качать головой’ передает значение жеста, тогда употребляется с именем существительным в винительном падеже, а когда значение орудия – в орудном падеже. Конструкция с глаголами названной семантики в тувинском языке могут различаться в зависимости от семантики предложения, и даже от контекста: *Чыдыг кырза какпаны солагай холу-биле каңырадыр чайбышаан...* (К-Л, ЧС, 244) – Хорек покачивая левой лапой капкан...

Библиографический список

1. Черемисина, М.И. Исследование моделей элементарного простого предложения в тюркских языках народов Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. – Новосибирск, 1997. – № 4.
2. Черемисина, М.И. О системе моделей элементарных простых предложений в языках Сибири / М.И. Черемисина, Е.К. Скрибник // Гуманитарные науки в Сибири. – Новосибирск. – 1996. № 4.
3. Арутюнова, Н.Д. Пропозиция // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990.
4. Черемисина, М.И. О системности в сфере моделей предложения // Языки коренных народов Сибири. – Новосибирск. – 1995. – Вып. 1.
5. Черемисина, М.И. Модель (гипермодель) описания действия {N-1 N-4 (N – 7) Vtr} // Языки коренных народов Сибири. – Новосибирск. – 1998. – Вып. 4.
6. Верещагин, Е.М. О своеобразии отражения мимики и жестов вербальными средствами (на материале русского языка) / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров // Вопросы языкознания. – М. – 1981. – № 1.
7. Исхаков, Ф.Г. Грамматика тувинского языка / Ф.Г. Исхаков, А.А. Пальмбах. – М., 1961.
8. Черемисина, М.И. Элементарное простое предложение с глагольным сказуемым в тюркских языках Южной Сибири / М.И. Черемисина, А.А. Озонава, А.Р. Тазранова. – Новосибирск, 2008.

Bibliography

1. Cheremisina, M.I. Issledovanie modeley ehlementarnogo prostogo predlozheniya v tyurkskikh yazykhkh narodov Sibiri // Gumanitarniye nauki v Sibiri. – Novosibirsk, 1997. – № 4.
2. Cheremisina, M.I. O sisteme modeley ehlementarnikh prostikh predlozheniy v yazykhkh Sibiri / M.I. Cheremisina, E.K. Skribnik // Gumanitarniye nauki v Sibiri. – Novosibirsk. – 1996. № 4.
3. Arutyunova, N.D. Propozitsiya // Lingvisticheskiy ehnciklopedicheskiy slovarj. – M.: Sovetskaya ehnciklopediya, 1990.
4. Cheremisina, M.I. O sistemnosti v sfere modeley predlozheniya // Yazyhki korennikh narodov Sibiri. – Novosibirsk. – 1995. – Vihp. 1.
5. Cheremisina, M.I. Modelj (gipermodelj) opisaniya devjstviya (N-1 N-4 (N – 7) Vtr} // Yazyhki korennikh narodov Sibiri. – Novosibirsk. – 1998. – Vihp. 4.
6. Verethagin, E.M. O svoeobrazii otrazheniya mimiki i zhestov verbal'nimi sredstvami (na materiale russkogo yazyhka) / E.M. Verethagin, V.G. Kostomarov // Voprosih yazyhkoznaniya. – M. – 1981. – № 1.
7. Iskhakov, F.G. Grammatika tuvinskogo yazyhka / F.G. Iskhakov, A.A. Paljmbakh. – M., 1961.
8. Cheremisina, M.I. Ehlementarnoe prostoe predlozhenie s glagoljnim skazuemim v tyurkskikh yazykhkh Yuzhnoy Sibiri / M.I. Cheremisina, A.A. Ozonova, A.R. Tazranova. – Novosibirsk, 2008.

Статья поступила в редакцию 27.07.11

УДК 8212.512.145

Taskarakova N.N. SHADOWS OF ANCESTORS" IN MODERN KHAKASS LYRICS. Clause is devoted to an actual problem of modern Khakass poetry. In it products of M. Kilchichakov, M. Chebodaev, V. Maynashev, and V. Tatarova are analyzed. They show, that as though – to a miscellaneous the ancient image of a barrow, an essence one was not treated – it is necessary to protect relics for the subsequent generations. This image reflects not only an image of ancient Khakass people, but also all Turkic people.

Key words: khakas lyrics poetru, figuratively system, figure burial mound, figure steppe, feather grasses.

Н.Н. Таскаракова, канд. филол., доц. каф. хакасской филологии наук ХГУ им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, Республика Хакасия, E-mail: – n-tas@mail.ru

«ТЕНИ ПРЕДКОВ» В СОВРЕМЕННОЙ ХАКАССКОЙ ЛИРИКЕ

Статья посвящена актуальной проблеме современной хакасской поэзии. В ней анализируются произведения М. Кильчичакова, М. Чебодаева, В. Майнашева, В. Татаровой. Они показывают, что как бы по-разному не трактовался древний образ кургана, суть одна – надо беречь святыни для последующих поколений. Этот образ отражает не только образ древнего хакасского народа, но и всего тюркского народа.

Ключевые слова: хакасская лирика, образная система, образ кургана, образ степи, ковыли.

В последнее время одной из актуальных проблем национальных литератур является тема далекого прошлого, истории народа и хакасская литература в этом плане не является исключением.

«Поистине достойна изумления эволюция народа, прошедшего путь от лирического представления о действительности до обобщения глубинных процессов жизни, их философского и художественного осмысления.

Хакасы-потомки некогда высокоразвитых тюркских племен, оставивших миру древнюю енисейскую письменность, которая в силу ряда исторических причин была утрачена...» [1, с. 25]. Существуют разные точки зрения по поводу ранней письменности хакасов. Например, тюрколог И. В. Стеблева, определяя жанровое своеобразие орхоно-енисейских памят-

ников, орхонские надписи относит к историко-героическим поэмам, а енисейские памятники – к эпитафийной лирике. Она пишет, что «орхонские сочинения были написаны под влиянием традиции дружинного эпоса, складывавшегося в окружении предводителя войска. В жанровом отношении их можно рассматривать как историко-героические поэмы» [2, с. 8]. Исследователь И. Пухов назвал записи предков – «древнейшими образцами художественного творчества тюркских народов» [3, с. 28].

Цель нашего исследования: рассмотрение образной системы, которая черпается национальными поэтами из древнего памятника.

К числу ученых – литературоведов, посвятивших свои труды истории тюркских народов Сибири, можно отнести

С. Суразакова, С. Каташа, З. Казагачеву, Н. Киндикову (Горный Алтай); В. Майногашеву, В. Карамашеву, П. Троякова (Хакасия); Н. Тобурокова (Якутия-Саха); Г. Косточакова (Горная Шория) и многих других.

Опираясь на труды вышеназванных ученых, мы пытаемся увидеть «тени предков» в творчестве хакасских поэтов.

«Общеизвестно определение литературы как мышления в образах» (В.Г. Белинский). Применительно к лирике – особому ряду литературы – оно означает воплощение идеи в живых поэтических образах [4, с. 30]. Одним из «живых образов» для отражения истории Хакасии для национальных поэтов является столь же «живой» образ кургана. Правда он как «остановившиеся часы», рассказывает людям о былом. Многие ученые-историки пытаются определить то время, которое отмечено на древних памятниках. Бытует мнение, что «большинство земляных курганов, расположенных в Хакасии, в южной части Красноярского края и на соседних территориях, относится к тагарской культуре, названной на Енисее около г. Минусинска, где был раскопан крупный могильник...» [5, с. 228].

Каждый поэт по-своему использует древний образ. Например, Михаил Кильчичаков в стихотворении «Курганы рассказывают» умело использует мотив противопоставления прошлого настоящему. Стиль произведения близок к фольклорному, видимо, поэтому выбрана форма близкая тапху – песни – импровизации. Здесь можно проследить подбор слов, обладающих аллитерацией и ассонансом в начале трех и более стихотворных строк. Приведем пример: *Алтын поралап ас искебіс, / Аргыс поларга сос пиргебіс, / Алтанган аттар хости колгебіс- / Орыс, хакас-ікі харындас. (Пили вместе мы / Дружьюми быть слово давали/ Коней вместе запрягали/ Русский и хакас – два брата/* [6, с. 37].

Заметно преобладание глагольной рифмы (*салган – настырган, парган – полган, сурдирген – икен* и т.д.).

На многострадальной хакасской земле можно было увидеть все: и омытые горькой слезой хакасские степи, и гору трупов богатырей, подобной белой скале – тасхылу... Обо всем этом свидетельствуют молчаливые курганы, стоящие в любой снег и дождь под открытым небом.

Однако тяжелая жизнь минула, на смену пришла другая пора. Теперь на хакасских полях созревает пшеница, колышась на теплом ветру.

Подобное сравнение прошлого с настоящим господствовало в хакасской литературе долгое время. Об этом пишет П.А. Трояков: «Прием художественного контраста, вошедший в творчество первых хакасских поэтов в конце 20-х и начале 30-х годов, в качестве доминирующего сохраняется в молодой литературе до середины 50-х годов» [7, с. 16].

Несколько иначе подходит к образу кургана Валерий Майнашев. Тонкий лирик способен слышать монотонный голос молчаливых курганов, разбросанных по всей Хакасии. Видимо, поэтому Майнашев передает голос прошлого будущему. Он использует курган как Время, повествующего о былом, о радостях и печалях предков: *Красная река- / Река заката, Каждый вздох твой! И даже улыбку твою / Унесет по далеким степям! / В иные века, / К иным берегам* (Перевод А. Федоровой) [8, с. 84]. Мир, полный тревоги, радости и забот воссоздан автором в романтическом ключе: там, где течет река времени, где дуют его освежающие ветры, где все наполнено ароматом полевых цветов – все спешит и торопится в будущее. В художественном почерке поэта все устремляется в будущее: и загадочная степь, и непролазная тайга, и курганы-алпы (курганы-богатыри), и седые тасхылы (скалы). В нем, с каменным бадожком в ночи бредет курган, «красная река заката беззвучно течет по далеким степям в иные века, к иным берегам», а сама вечность и небо над степями дышат», «город качается, как парус», ветер в Абаканских степях «шаманит вовсю, рвет, словно струны чатханов, электрические провода». Яркая метафоричность, свежесть и неожиданность сравнений увлекают читателя, создают в его сердце приподнято-романтическое настроение.

Последние десятилетия 20 века выражались особо бережным отношением к древним памятникам. Это выражалось в

создании музеев в Хакасии под открытым небом с целью сохранения и изучения истории народа. Однако в середине прошлого столетия та же самая цель достигалась перемещением наиболее ценных курганов в музей г. Абакана. Вот как об этом пишет Михаил Чебодаев: В музее стоят каменные идолы, высеченные древними людьми: вот они, стоя здесь, / *Как гости, грустно, чувствуя себя неудобно. Каждый из них – / Древнее письмо/ Без языка- / Древняя история* [9, с. 52].

М. Чебодаев, прибегая к приему многообразных ассоциаций, по сравнению с предыдущими поэтами по-новому раскрывает связь времен, которая показана через героев произведения. Это две старушки: живая и каменная. Живая старушка, как и все люди, придя сюда, не только восторгается теми памятниками, но и ведет с ними разговор. Ведь для них, пожилых людей, это живое олицетворение священных легендарных событий. Старушка подходит к одному из курганов и начинает кормить, что-то шептать. Именно она и есть «Хуртуях тас», считающаяся матерью хакасского этноса, хранительницей рода. Каменную старушку и живую старушку поэт ставит в один поэтический ряд: *«Каждая из вас, старушка, / Старые годами, / Вы обе, / Как живые стоите, / Или как гости были». Меж собой говорите о прошлых делах... Ни ветер свирепый и лютый, / Ни стрелы смертельные / Не могли сразить ту и другую. / Все горе народа и страдания / Я вижу на сморщенном каменном лице / И на живом лице старушки. / Все в сердце своем они поглотили. В их образах я вижу / Прошлое женщины-хакас, / Терпеливой, неприхотливой, / С тяжелой печалью и горем»* (Построчный перевод П. Троякова) [10, с. 232]. Подобный прием кормления каменного идола встречается в советской поэзии у киргизской поэтессы М. Абылкасымовой в поэме «Памятник не молчит». Повествование в поэме ведется посредством монологов и диалогов лирического героя и памятника воину-солдату и его матери. Поднимая одну и ту же проблему, вышеназванные авторы по-своему пытаются решить ее. Так, если в поэме «Памятник не молчит» М. Абылкасымовой показан памятник, свидетельствующий об одной войне, то в стихотворении «Хуртуях тас» М. Чебодаева памятник- свидетель несчетных войн, происходивших на хакасской земле в далекие времена.

К приему кормления каменного идола обращается позже так же и хакасская поэтесса В. Татарова, переводящая свои произведения на русский язык сама, в стихотворении «Святыни в плену» (1972):

*... тихо присев у подножья обаа,
К лику богини стеной обратясь, строга,
Старушка в дорожном запыленном платье.
Кормит ее. С уст сорвавшееся проклятье.
Не достигнет уже ничьих ушей.
Крошки хлеба того доклет воробей.
Смоет дождь с губ богини струю молока.
Завтра ткнет ее грубо чужая рука* [11, с. 44].

Поэтесса выражает возмущение по поводу «заарканивших в просторной степи, как коней, святынь». Жалость и понимание одолевает поэтессу. Эти чувства определены оборотами: «тоскливо на мир городской глядят; в раскосых глазах столько горькой тоски; они бы давно ускакали в степи» – но главный крик души автора заключено в словах: «горько стонут ночами, кричат (курганы)/ Что они, святыни, в плену!».

В 1986 году В. Татарова на пике своей творческой деятельности в «обществе традиционной религии хакасского народа – Центре хакасского шаманизма» вновь вернулась к данной теме и создала стихотворение «Молитва Иней Тас». «В звоне новой зари» обращается лирическая героиня, – отмечает А. Кошелева – с молитвой к «Иней Тас – Каменная женщина» «помочь ей сопрячь времена, чтобы своим современникам правдиво рассказать об их «древней земле», чтобы песня ее стала «песней степи, / как стада, тонкорунна» [12, с. 236].

Автора беспокоит древняя история народа, она как будто через нее хочет увидеть «добрую дорогу» в будущее, в век космоса, когда вместе с НТР существует много безразличия.

*Как постичь мне
В печали твоей, Иней Тас,*

*Свой народ в скорбный час,-
Непомерной утраты,
Слыша вновь сквозь века.
Обезумевшей крик матери,
Гул земли*

Под копытами яростной рати [13, с. 34].

В августе 2004 года «люди услышали, люди поняли» стон одной из каменных старушек и вернули ее на свое место. И теперь «Хургуях тас» омывается дождем, протирается ветром,

одновременно, и в образованном музее под открытым небом, продолжает свой диалог с современными людьми. Этот музей находится в более 120 км от столицы Хакасии г. Абакана.

Как видим, современные поэты по-разному трактуют древний образ. Однако у всех суть одна – курган был и остается свидетелем былого времени и надо его беречь. Хакаские поэты, обратившись к святыням, поднимают одну из актуальных проблем не только Хакасии, но и всего мира.

Библиографический список

1. Карамашева, В.А. К вопросу становления хакасской советской литературы // Вопросы развития хакасской литературы. – Абакан, 1990.
2. Стеблева, И.В. Изучение тюркских литератур в России XX в. – М.: изд-во «Вост. лит.» РАН, 1998.
3. Пухов, И.В. Алтайский героический эпос // Маадай Кара. Алтайский героический эпос. – М.: «Наука», 1978.
4. Киндикова, Н.М. Эволюция образной системы в алтайской лирике. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтай. Кн. изд-ва, 1989.
5. Мартынов, А.И. Археология. – М., 2000.
6. Кильчицаков, М.Е. Стихтар. – Абакан: Хызылчар кн. изд-зы, 1970.
7. Трояков, П.А. Хакасская литература 20-30х годов // Вопросы развития хакасской литературы. – Абакан, 1990.
8. Майнашев, В. Река заката, красная река // Сибирские огни. – 1972. – № 12.
9. Чебодаев, М. Октябрь сузы. – Абакан: Хызылчар кн. изд., 1973.
10. Очерки истории хакасской советской литературы. – Абакан: Хакас. Кн. изд., 1985.
11. Татарова, В. Брусника на ладони: сб. стихов. – Абакан, 1995.
12. Кошелева, А.Л. Хакасская поэзия 1920-1990х годов: типология и закономерности развития. – Абакан, 2001.
13. Татарова, В. Брусника на ладони: сб. стихов. – Абакан, 1995.

Bibliography

1. Karamasheva, V.A. K voprosu stanovleniya khakasskoy sovetskoy literatury // Voprosy razvitiya khakasskoy literatury. – Abakan, 1990.
2. Stebleva, I.V. Izuchenie tyurkskikh literatur v Rossii KhKh v. – M.: izd-vo «Vost. lit.» RAN, 1998.
3. Pukhov, I.V. Altayskiy geroicheskiy ehpos // Maaday Kara. Altayskiy geroicheskiy ehpos. – M.: «Nauka», 1978.
4. Kindikova, N.M. Evelyuciya obraznoy sistemih v altayskoy lirike. – Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskoe otdelenie Altay. Kn. izd-va, 1989.
5. Martynov, A.I. Arkheologiya. – M., 2000.
6. Kilichichakov, M.E. Stikhtar. – Abakan: Khizhzhilchar kn. izd-zh, 1970.
7. Troyakov, P.A. Khakasskaya literatura 20-30kh godov // Voprosy razvitiya khakasskoy literatury. – Abakan, 1990.
8. Maynashev, V. Reka zakata, krasnaya reka // Sibirskie ogni. – 1972. – № 12.
9. Chebodaev, M. Oktyabrj suzh. – Abakan: Khizhzhilchar kn. izd., 1973.
10. Ocherki istorii khakasskoy sovetskoy literatury. – Abakan: Khakas. Kn. izd., 1985.
11. Tatarova, V. Brusnika na ladoni: sb. stikhov. – Abakan, 1995.
12. Kosheleva, A.L. Khakasskaya poehziya 1920-1990kh godov: tipologiya i zakonomernosti razvitiya. – Abakan, 2001.
13. Tatarova, V. Brusnika na ladoni: sb. stikhov. – Abakan, 1995.

Статья поступила в редакцию 27.07.11

УДК 75

Khristolyubova T.P. BIBLICAL MOTIFS IN THE WORK OF K.S. PETROV-VODKIN: SACRAL UND ORDINARY.

In the given article are considering the Biblical motifs in the work of Russian artist K.S. Petrov-Vodkin on a material both works with purely religious content and secular works, which contain Christian allusions.

Key words: K.S. Petrov-Vodkin, Biblical motifs, church fresco, Russian icon, Secular painting.

Т.П. Христоролюбова, филолог, искусствовед, соискатель кафедры русского искусства факультета теории и истории искусств Санкт-Петербургского государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина РАН, г. С-Петербург, E-mail: festlent@yandex.ru

БИБЛЕЙСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ К.С. ПЕТРОВА-ВОДКИНА: САКРАЛЬНОЕ И ОБЫДЕННОЕ

В данной статье рассматриваются библейские мотивы в творчестве русского художника К.С. Петрова-Водкина на материале как произведений исключительно религиозного содержания, так и работ светского характера, заключающих в себе христианские аллюзии.

Ключевые слова: К.С. Петров-Водкин, библейские мотивы, церковная роспись, икона, светская живопись.

Отношение к христианской религии у К.С. Петрова-Водкина было особенным. Не случайно исследователи отмечают происхождение художника из старообрядческой среды. Так, Е.Н. Селизарова, ссылаясь на материалы Хвалынского краеведческого музея, утверждает, что родители художника были из старообрядцев, и говорит о Хвалынске, родном городе К.С. Петрова-Водкина, как об одном из центров российского раскола [1, с. 10]. Таким образом, отмечая противоречивые особенности религиозных взглядов художника, исследовательница делает вывод: «Вера в творца как в некую силу, пронизывающую единопричастностью, высокой духовностью все сущее на земле, принятие как гуманного, глубоко нравственного учения Христа сочетались в нем с поистине бунтарским отрицанием поповщины, с его точки зрения, искажающей

христианское вероучение, сводящей его к догматам и схоластике, воплощая зло, разрушение, насилие» [1, с. 41]. Негативное и пренебрежительное отношение К.С. Петрова-Водкина к священникам отмечает и Н.Л. Адашкина. По справедливому замечанию исследовательницы, «в ранней юности в дерзком свободомыслии он доходил до нигилистического отрицания религии», однако со временем «все его богоборческие и обращенные к Богу порывы вошли в русло своеобразной пантеистической, гуманистической бесцерковной религиозности» [2, с. 252].

Подтверждение данным словам можно найти в репликах самого художника. Так, например, К.С. Петров-Водкин призывал свою мать не слишком соблюдать религиозный пост, поскольку в нем «особой святости-то нет» [3, с. 57]. «Хорошо

было святым-то отцам, жирным да толстым, посты предписывать, а нам это ни к чему, да и грех отравлять себя» [3, с. 57], – вослициал художник в своем письме к ней. В другом письме, из Рима, рассказывая своей матери о посещенных им раннехристианских катакомбах и Колизее, в котором когда-то погибали первые христианские мученики, художник, говоря с горечью о состоянии современной ему церкви, отмечал: «Исчезли тайные богослужения под землей, выстроились огромные, блестящие золотом храмы с жирными, озверевшими попами, и ничего не осталось в них от прячущихся под землю красот человеческой души. Так быстро человек все загаживает. Те же потомки, как только получили свободу, стали такими же травителями, с той же злобой и зверством стали не терпеть и преследовать своих врагов, проснулось месть, разрушение всего того, что с ними не согласно. Собираются невежественные попы, спорят, ругаются из-за каких-то перстосложений, одежды, и Христос все дальше, туманнее скрывается от людей, загороженный торгашами, непонятный, печальный, одинокий остается Христос» [3, с. 82–83].

Скорее всего, такого рода религиозность К.С. Петрова-Водкина, соединявшая в себе христианскую веру в бога с резко негативным отношением к церковному институту связана не только со старообрядческой позицией художника, но и с его революционными антисамодержавными настроениями (о чем художник также неоднократно высказывался). Скорее всего, вера была для К.С. Петрова-Водкина очень личным, интимным аспектом жизни, в то время как религия представлялась одним из компонентов жизни общественно-политической, поэтому и в своем творчестве художник не проводил четкой грани между религиозной и светской живописью, «секуляризировал» религиозные образы на своих полотнах, а в светские композиции, наоборот, мог добавить библейский элемент, провоцируя и по сей день недовольство религиозно настроенных граждан.

Рассуждая о религиозном искусстве К.С. Петрова-Водкина, следует в первую очередь коснуться его монументальных произведений. Первой монументальной работой религиозной тематики К.С. Петрова-Водкина, в то время еще студента Московского художественного училища живописи, ваяния и зодчества стала роспись в церкви Казанской Божьей Матери в Саратове, непринятая православным духовенством из-за ее новаторского звучания и уничтоженная вскоре после ее создания. Над данной росписью К.С. Петров-Водкин работал вместе с друзьями П. Кузнецовым и П. Уткиным в 1902 году.

Несмотря на столь печальное начало карьеры фрескового живописца К.С. Петров-Водкин уже в следующем, 1903 году получил заказ от друга и мецената Р.Ф. Мельцера на выполнение эскиза для майоликового панно, изображающего Богоматерь с младенцем и установленного на фасаде церкви в здании клиники Вредена (сегодня известной как Ортопедический институт). По мнению Н.Л. Адаскиной, несмотря на «привычный для русской иконописи тип «Умиление», в данном произведении видна ориентация скорее на западные образцы, чем на русскую традицию» [2, с. 255]. Примечательно, что в одном из писем матери, рассказывая о своей работе над данным майоликовым панно, К.С. Петров-Водкин ласково называл фигуру Богоматери «Божьей Мамашей» [3, с. 67]. Данные слова лишний раз характеризуют художника как носителя внутренней религиозной свободы, религиозных взглядов, отличных от традиционного православного канона.

В 1910 году по приглашению А. Щусева К.С. Петров-Водкин принял участие в росписи возведенного из руин храма Св. Василия в Овруче. В своих росписях художник ориентировался на фрески церкви Спаса на Нередице, что было обусловлено временем создания храма. Росписи, выполненные К.С. Петровым-Водкиным во внутреннем убранстве храма Св. Василия назывались «Жертвоприношение Авеля» и «Каин убивает своего брата Авеля». Данные ветхозаветные композиции располагаются в одной из башен, в куполе которой изображено «всевидящее око». «Работа очень интересная <...> мне впервые представляется прекрасный случай свободно

творить в области красоты линий и цветов, единственное, что меня направляет, это стиль XII века, что вполне совпадает с моим вкусом» [3, с. 135], – сообщал художник своей супруге.

В 1913 году К.С. Петров-Водкин принял участие в создании росписи Морского собора в Кронштадте, выполнив композицию «Благовещение». А в 1915 году начал работать над заказом для росписи православного храма в городе Бари в Италии, которому было не суждено осуществиться. Самой продолжительной (1911–1915 гг.) была работа К.С. Петрова-Водкина над росписями и витражом в Троицком соборе в городе Сумы на Украине. В задачи художника входило выполнение четырех икон на евангельские сюжеты и витража «Троица».

Следует заметить, что кроме монументальных работ на библейские сюжеты у К.С. Петрова-Водкина есть и станковые произведения. В 1911 году К.С. Петров-Водкин создал полотно «Изгнание из Рая», которое многие исследователи относят к традиции итальянского Ренессанса. Так, например, по выражению С. Яремича, данная картина «откровенно сделана по итальянским образцам» [4, с. 11]. Такое мнение разделяет и В.И. Костин, называя картину «огрубленной репликой росписи Мазаччо в часовне Бранкаччи во Флоренции» [5, с. 37]. Данная гипотеза представляет определенный интерес, однако не может быть трактована как единственно верная. Действительно, отдаленное композиционное сходство этих двух произведений бросается в глаза, а именно поза Евы в обоих произведениях имеет некоторые общие черты. Следует отметить так же схожее колористическое решение обеих работ. Однако если на фреске Мазаччо явно просматривается контраст женского и мужского начал как телесного и духовного соответственно (Ева, стыдясь, прикрывает части своего тела: лоно и грудь; в то время как Адам закрывает обеими руками свое лицо, скрывая таким образом гримасу страдания), то в картине К.С. Петрова-Водкина акценты расставлены иначе. Его Адам и Ева выглядят более гармоничными: их лица печальны, но не искажены экспрессией. Листва, которой оба персонажа прикрывают свои тела дана как некий обязательный атрибут: так, Ева, повернувшись к Адаму, не заметила, что ее грудь стала частично открыта для обозрения. Сюжет изгнания из Рая К.С. Петрова-Водкина представлен не как ветхозаветная кара Господня, но как закономерный процесс человеческого развития.

1914–1915 годами датируется одна из самых волнующих картин К.С. Петрова-Водкина «Богоматерь Умиление злых сердец». Это произведение не очень похоже на привычный иконный образ православной традиции, однако настолько одухотворено и лишено каких бы то ни было мирских черт, что провоцирует зрителя на восприятие ее исключительно в сакральном контексте. В 1920-е годы в творчестве К.С. Петрова-Водкина все активнее начинает заявлять о себе образ Богоматери. Появляются такие работы как «Богоматерь Умиление» (1921), «Мадонна с младенцем» («Пробуждающая») (1922), «Мадонна с младенцем» (1923), «Богоматерь с младенцем» (1925) и другие. Во многом столь упорное обращение к образу Богоматери было продиктовано ожиданием рождения собственного ребенка художника (дочь К.С. Петрова-Водкина, Елена, появилась на свет в 1922 году).

Важную веху в религиозном творчестве К.С. Петрова-Водкина представляет собой цикл из 28 рисунков пером (1919) на сюжеты Евангелия от Иоанна. К сожалению, издать альбом данных рисунков ни в России, ни за рубежом художнику не удалось. Три работы из данного цикла были опубликованы в 1919 году в журнале «Пламя» и представляли собой иллюстрации сюжетов на тему «Страстей Христовых». Три рисунка называются: «Страстная ночь. Целование Иуды», «Страстная ночь. Отречение Петра», «Страстная ночь. На кресте». В начале двадцатых годов К.С. Петров-Водкин неоднократно обращался к образу Христа («Распятие. Композиция» (1921), «Композиция» (1922) и др.). Н.Л. Адаскина даже делает интересное замечание о внешнем сходстве лика распятого Христа с автопортретами художника, характерное для данного периода его творчества [2, с. 267].

Говоря о религиозных произведениях К.С. Петрова-Водкина, можно сказать, что все они, с одной стороны, отражают необычные, индивидуальные религиозные взгляды их автора, которые часто расходятся с православной церковной традицией, однако, с другой стороны, данные произведения характеризуют К.С. Петрова-Водкина как глубоко верующего человека, разделяющего высокие моральные духовные ценности библейских сюжетов.

Тем не менее, наибольшая часть живописных работ художника носит светский характер. Во многих из них можно проследить библейские аллюзии. До 1917 года это было во многом связано с параллельной работой художника над росписями стен церквей и соборов. Скорее всего, включая в свои светские произведения религиозные интонации, художник, таким образом, стремился выразить то, что в православной живописи ему не позволял канон.

В 1911 году, сразу после окончания работы над овручскими росписями, К.С. Петров-Водкин написал картину «Мальчики» («Играющие мальчики»). Данное произведение очень символично и способно выдержать немало трактовок. С одной стороны, бросается в глаза колористическая и композиционная аналогия с картиной А. Матисса «Танец» (1910). Интересно, однако, что сам К.С. Петров-Водкин в тяжелые 30-е годы провозглашал следующую интерпретацию символики данного полотна: по мнению художника, «Мальчики» являлись «результатом смерти Серова и Врубеля», «были написаны как похоронный марш на их смерть»; в то же время художник подчеркивал, что данная картина «как будто ничего общего <...> со смертью не имеет» [6, л. 5].

Тем не менее, без упоминания о библейских мотивах трактовка данного произведения представляется неполной. Примечательно, что еще в 1978 году О. Тарасенко высказала идею о программной связи «Мальчиков» с овручскими росписями [7, с. 9]. Интересно, что в данной картине помимо четкой ассоциации с сюжетом о Каине и Авеле можно различить и менее четкий христианский мотив. Композиционно данную картину можно соотносить с «плясками смерти» – аллегорическими сюжетами, распространенными в живописи и словесности эпохи западного Средневековья и представляющими собой один из вариантов европейской иконографии смерти и бренности человеческого бытия. Согласно данному сюжету, персонафицированная Смерть уводит в могилу цепочку людских фигур. Часто данное действие облекалось в форму некоего ритуального танца. Конечно, говоря о картине К.С. Петрова-Водкина, следует отметить, что речь идет главным образом о композиционном сходстве. Сложная поза обеих фигур, их ритм задают картине напряженную динамику, а зажатый камень в руке одного юноши и закрывающий голову от удара жест его партнера вводит в композицию мотив насилия и страха. Как таковой образ смерти в картине отсутствует, однако наличествует его идея. Следует отметить, что в данный контекст довольно органично вписываются слова К.С. Петрова-Водкина о «похоронном марше».

Еще одной дореволюционной картиной К.С. Петрова-Водкина, содержащей в себе ряд библейских аллюзий, является «Купание красного коня» (1912). Современник художника В. Дмитриев призывал искать истоки красного коня в древних новгородских иконах, где «без всякого сожаления забывали о правдоподобии, чтобы одной чертой <...> дать нужную страсть и силу образу» [8, с. 18]. Впрочем, В. Дмитриев оговаривает, что видит данную связь не столько в наследовании религиозной традиции, сколько в приближении к ней [8, с. 18]. По мнению многих исследователей, в том числе, В.И. Косина, на создание данной картины в том виде, в каком она есть сейчас, во многом повлияла «встреча» К.С. Петрова-Водкина с недавно расчищенными древнерусскими иконами, засиявшими своими первоначальными яркими красками [9, с. 7]. При взгляде на красного коня и восседающего на нем юношу напрашивается ассоциация с христианским образом Георгия Победоносца. В этой связи Ю.А. Русаков отмечает трансформацию данного библейского образа художником. По мнению исследователя, К.С. Петров-Водкин переакцентиро-

вал внимание со всадника на коня, сохранив в облике всадника «вневременную отрешенность от всего суетного» [10, с. 64]. Вполне закономерную (если учесть эсхатологические настроения, царившие в умах граждан России начала XX века) трактовку образам данной картины дает Е. Грибоносова-Гребнева, отмечая «очевидное, хотя, быть может, и неосознанное самим автором уподобление героя картины всаднику Апокалипсиса, призванному возвестить о конце истории» [11, с. 386]. В частности, исследовательница проводит аналогию со «Всадниками Апокалипсиса» (1908) К. Карра.

Полотно «1918 год в Петрограде», написанное К.С. Петровым-Водкиным в 1920 году и получившее в народе второе название – «Петроградская мадонна», представляет особый интерес как произведение послеоктябрьского периода, органично сочетающее в себе как религиозные, так и светские, бытовые элементы. Следует заметить, что такого рода мадонна является уникальной в творчестве художника. До этого времени К.С. Петровым-Водкиным был написан ряд картин, изображающих как матерей с грудными младенцами, так и образы богоматерей, однако женский образ, столь явственно и органично сочетающийся в себе как сакральные элементы мадонны, так и черты современной действительности появился в творчестве художника впервые и не был повторен в дальнейшем.

Не удивительно, что советские искусствоведы проявляли к данной картине очень неоднозначный интерес. Так, например, современники художника видели в религиозных аллюзиях этого произведения дань дореволюционному прошлому, отмечая условную, иконописную трактовку лица «женщины из народа» – «желто-коричневого по тону, суховатого, спокойного и маловыразительного» [12, с. 82]. Во второй половине 60-х годов, после некоторой «реабилитации» творческого наследия художника, положение изменилось. Бытовая сторона его работ стала выдвигаться исследователями на первый план, заслоняя собой религиозную. Так, В.И. Костин в 1966 году утверждал, что на картине изображена исключительно «мать-пролетарка с ребенком на фоне городского пейзажа» [5, с. 82]. Примечательно, что даже в 1993 году Е.Н. Селизарова отмечала в данном произведении в первую очередь «изменения в духовном облике петроградской работницы под влиянием революции», а также «намек на переселение новым правительством рабочих из подвальных этажей в верхние, освобожденные бежавшими из города богачами» [1, с. 142].

Что же касается современных исследователей творчества К.С. Петрова-Водкина, то в данной картине они зачастую стремятся увидеть именно мадонну и Богоматерь. «Перед нами словно сошедшая с иконы богоматерь с младенцем. «Петроградского» в ней, пожалуй, только белая косынка вместо плаща-мафория» [13, с. 116], – отмечает В. Чайковская. А Е.Г. Середнякова прямо трактует центрального персонажа как образ «Божией Матери – заступницы небесной», которая с дремлющим младенцем на руках вознесена над улицами города и незримо присутствует во всем» [14, с. 11]. Заброшенный дом с арками, по мнению исследовательницы, светится «фресковым голубцом», а улица становится похожей на неф храма. Н.Л. Адашкина отмечала, что при интерпретации данного «истинно символистского произведения» религиозная и бытовая трактовки просвечивают одна сквозь другую и даны в неразрывном единстве [2, с. 262]. С такой концепцией интерпретации данного полотна хочется согласиться. В 1920 году К.С. Петрову-Водкину, члену-учредителю недавно открытой и процветающей Вольной Философской Ассоциации в Петрограде, оппозиционной большевикам, было еще не за чем зашифровывать свои произведения сложными символами. Скорее всего, художник действительно стремился персонифицировать облик революции, которая должна принести в мир «нового человека», одухотворить окружающую действительность.

Еще одной картиной К.С. Петрова-Водкина послеоктябрьского периода, содержащей в себе библейские аллюзии, является «После боя», написанная художником в 1923 году. На картине изображены трое бойцов Красной армии, сидящие

за столом; фоном для них является написанная в синих тонах композиция, изображающая гибель бойца на поле сражения. Композиционное расположение фигур, идея жертвы, выраженная в погибающем воине и высокая одухотворенность произведения в целом позволяют выявить в данной картине связь с иконографическим типом «Ветхозаветной Троицы». (Примечательно, что и совмещение разновременных действий в одном композиционном пространстве является характерным для икон.) Интересно, что сам К.С. Петров-Водкин трактовал образы данной картины в духе идеологической установки — исключительно в бытовом ключе, отмечая свое стремление «передать типаж того времени, когда Красная армия конструировалась» [15, л. 24 (об.)]. Эту интерпретацию подхватили и советские искусствоведы. Лишь А. Матвеев в 1978 году осторожно заговорил об ассоциации с ветхозаветной Святой Троицей — «одной из самых гармоничных композиций древнерусской живописи» [16, с. 68].

Можно проследить некоторое сходство в лицах трех центральных персонажей данной картины. Здесь стоит вспомнить об образе единственности и образе неслиянности трех ветхозаветных ангелов, которые, будучи абсолютно одинаковыми, тем не менее, различаются позыми и цветом одежд [17]. Следовательно, характеристика внешнего облика красноармейцев может также косвенным образом указывать на сакральность их фигур. Что касается обращения К.С. Петрова-Водкина к данному библейскому сюжету, то, возможно, это было связано с появлением в семье художника в 1922 году долгожданного ребенка. (Как гласит библейская легенда, Бог, явившись в образе трех ангелов в дом Авраама, предсказал, что у старых Авраама и Сарры родится сын.) Возможно, что, использование К.С. Петровым-Водкиным в композиции данной картины аллюзии на ветхозаветный сюжет было своего рода выражением благодарности Богу.

В 1928 году К.С. Петров-Водкин написал картину «Смерть комиссара», которая несколькими годами позже была раскритикована А.Э. Эфросом за «иконоподобность» [18, с. 34]. В целом же сюжет данного полотна советскими исследователями было принято трактовать как героическую гибель комиссара на поле сражения во имя великой цели. Однако в постсоветский период появились работы, истолковывающие

сюжет этой картины в том числе и в религиозном ключе. Так, Е.Н. Селизарова отмечала черты святости, жертвенности и одухотворенности, присущи персонажам данного полотна [1; с. 164]. А В. Дьяконов видел в композиции данной картины «мотивы pietas итальянцев кватроченто» [19, с. 21]. Наиболее объемные рассуждения о библейских аллюзиях в данном произведении можно найти у В. Куткового. Этот религиозно ориентированный исследователь также отмечал в картине аллюзии Пьеты, однако, по его мнению, у К.С. Петрова-Водкина получилась скорее «антипьята» [20]. Основной идеей данного произведения, по мнению В. Куткового, настроенного резко негативно по отношению к большевикам, является трагедия «отпадения людей от Бога», вызванная свершившейся революцией. Так, описывая уходящий строем отряд бойцов, исследователь отмечает, что те почти не реагируют на утрату их идейного лидера [20]. В связи с этим хочется вспомнить отряд из поэмы А. Блока «Двенадцать». Характерно, что в картине визуально присутствует и барабанная дробь, и «кровавый флаг»; тайной остается лишь то, кто теперь ведет войско: Иисус Христос или кто-то другой...

На основе рассмотренных выше картин становится ясно, что К.С. Петров-Водкин систематически на протяжении всего своего творческого пути использовал религиозные аллюзии в своих произведениях. В его дореволюционных работах это было связано скорее с параллельной работой художника над религиозными произведениями, таким образом художник стремился выразить то, что в религиозной живописи не позволял канон. Что же касается произведений, созданных Петровым-Водкиным после революции, то здесь уместнее говорить о некоем эзоповом языке, к которому художник прибегал для общения со зрителем. Современные исследователи, уже имели возможность убедиться, как по-разному могут быть трактованы многие произведения этого художника в ту или иную эпоху: от атеистического пафоса до религиозного. Однако, говоря о К.С. Петрове-Водкине, следует помнить, что вера в бога сочеталась у него с революционными социалистическими убеждениями, поэтому в большинстве случаев объективный анализ его произведений требует тонкого и многостороннего подхода.

Библиографический список

1. Селизарова, Е.Н. Петров-Водкин в Петербурге – Петрограде – Ленинграде. – СПб.: Лениздат, 1993.
2. Адашкина, Н.Л. «Право человека быть божественным...» // Библия в культуре и искусстве: Материалы научной конференции «Випперовские чтения – 1995». – М.: Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, 1996.
3. К.С. Петров-Водкин Письма. Статьи. Выступления. Документы / сост. Е.Н. Селизарова. – М.: Советский художник, 1991. – Вып. XXVIII.
4. Яремич, С. Выставка «Мир искусства» // Солнце России. – 1912. – № 6.
5. Костин, В.И. К.С. Петров-Водкин: Альбом. – М.: Советский художник, 1966.
6. РГАЛИ. Ф. 2010. Оп. 2. Ед. хр. 44. // Стенограмма творческого вечера, посвященного художнику Петрову-Водкину. – 1933. – 25 мая.
7. Тарасенко, О.К. Петров-Водкин и традиции древнерусской живописи // Творчество. – 1978. – № 11.
8. Дмитриев, В. Купание красного коня // Аполлон. – 1915. – № 3.
9. Костин, В.И. Вступительная статья к альбому // Кузьма Сергеевич Петров-Водкин: Альбом / автор вступ. ст. В.И. Костин, сост. альбома и приложения Н.А. Антонович. – М.: Советский художник, 1986.
10. Русаков, Ю.А. Вступительная статья // Кузьма Сергеевич Петров-Водкин. Живопись. Графика. Театрально-декорационное искусство: Альбом / авт. статьи и илл. Ю.А. Русаков; сост., автор кат. и летописи жизни и творчества К.С. Петрова-Водкина, Н.А. Барабанова. – Л.: Аврора, 1986.
11. Грибоносова-Гребнева, Е. Творчество К.С. Петрова-Водкина и «метафизическая живопись» // Искусствознание. – М.: Искусствознание, 1999. – Вып. 2.
12. Лебедева, Ю. К.С. Петров-Водкин // Искусство. – 1935. – № 6.
13. Чайковская, В. Три лика русского искусства XX века. Роберт Фальк. Кузьма Петров-Водкин. Александр Самохвалов. – М.: Искусство-XXI век, 2006.
14. Кузьма Петров-Водкин. 1878—1939 / отв. ред. Л.И. Ойвлева; автор текста Е.Г. Середнякова. – М.: Галарт, 2002.
15. РГАЛИ. Ф. 2010. Оп. 2. Ед. хр. 44. // Вечер творческого самоотчета К.С. Петрова-Водкина. – 1938. – 29 марта.
16. Матвеев, А. Художник нового времени. 100 лет со дня рождения К.П. Петрова-Водкина // Наука и религия. – 1978. – № 11.
17. Мовлева, Н.С. Малый православный толковый словарь. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2005.
18. Эфрос, А.М. Вчера. Сегодня. Завтра // Искусство. – 1933. – № 6.
19. Дьяконов, В. Забота о зрителе – забота о художнике // НОМИ. – 2004. – № 1.
20. Кутковой, В. Неузнанный Петров-Водкин [Э/п]. – Р/д: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/28171.htm>

Bibliography

1. Selizarova, E.N. Petrov-Vodkin v Peterburge – Petrograde – Leningrade. – SPb.: Lenizdat, 1993.
2. Adaskina, N.L. «Pravo cheloveka bihtj bozhestvennim...» // Biblija v kul'ture i iskusstve: Materialih nauchnoj konferencii «Vipperovskie chteniya – 1995». – M.: Gosudarstvennij muzej izobrazitel'nykh iskusstv im. A.S. Pushkina, 1996.
3. K.S. Petrov-Vodkin Pisma. Stat'ji. Vihstupleniya. Dokumenty / sost. E.N. Selizarova. – M.: Sovetskij khudozhnik, 1991. – Vihp. XXVIII.
4. Yaremich, S. Vihstavka «Mir iskusstva» // Solnce Rossii. – 1912. – № 6.
5. Kostin, V.I. K.S. Petrov-Vodkin: Aljbom. – M.: Sovetskij khudozhnik, 1966.
6. RGALI. F. 2010. Op. 2. Ed. khr. 44. // Stenogramma tvorcheskogo vechera, posvyatennogo khudozhniku Petrovu-Vodkinu. – 1933. – 25 maya.
7. Tarasenko, O.K. Petrov-Vodkin i tradicii drevnerusskoj zhivopisi // Tvorchestvo. – 1978. – № 11.
8. Dmitriev, V. Kupanie krasnogo konya // Apollon. – 1915. – № 3.

9. Kostin, V.I. Vstupitel'naya statiya k albomu // Kuzjma Sergeevich Petrov-Vodkin: Aljbom / avtor vstup. st. V.I. Kostin, sost. aljboma i prilozheniya N.A. Antonovich. – M.: Sovetskij khudozhnik, 1986.
10. Rusakov, Yu.A. Vstupitel'naya statiya // Kuzjma Sergeevich Petrov-Vodkin. Zhivopisj. Grafika. Teatraljno-dekoracionnoe iskusstvo: Aljbom / avt. statij i ill. Yu.A. Rusakov; sost., avtor kat. i letopisi zhizni i tvorчества K.S. Petrova-Vodkina, N.A. Barabanova. – L.: Avra, 1986.
11. Gribonosova-Grebeva, E. Tvorchestvo K.S. Petrova-Vodkina i «metafizicheskaya zhivopisj» // Iskusstvoznanie. – M.: Iskusstvoznanie, 1999. – Vihp. 2.
12. Lebedeva, Yu. K.S. Petrov-Vodkin // Iskusstvo. – 1935. – № 6.
13. Chajkovskaya, V. Tri lika russkogo iskusstva KhKh veka. Robert Faljk. Kuzjma Petrov-Vodkin. Aleksandr Samokhvalov. – M.: Iskusstvo-KhKh vek, 2006.
14. Kuzjma Petrov-Vodkin. 1878—1939 / otv. red. L.I. Oivleva; avtor teksta E.G. Serednyakova. – M.: Galart, 2002.
15. RGALI. F. 2010. Op. 2. Ed. khr. 44. // Vecher tvorcheskogo samootcheta K.S. Petrova-Vodkina. – 1938. – 29 marta.
16. Matveev, A. Khudozhnik novogo vremeni. 100 let so dnya rozhdeniya K.P. Petrova-Vodkina // Nauka i religiya. – 1978. – № 11.
17. Movleva, N.S. Malihy pravoslavniyh tolkovihy slovarj. – M.: Rus. yaz. – Media, 2005.
18. Ehfrs, A.M. Vchera. Segodnya. Zavtra // Iskusstvo. – 1933. – № 6.
19. Djakonov, V. Zabota o zritele – zabota o khudozhnike // NOMI. – 2004. – № 1.
20. Kutkovoy, V. Neuznanniy Petrov-Vodkin [Eh/r]. – R/d: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/28171.htm>

Статья поступила в редакцию 27.07.11

УДК: 687.01

Turganbaeva Sh. S. THE MAGIC LIGHT OF PRIMEVAL PEOPLE. The article is examined questions of the similarity of color symbolism in the primitive peoples of different parts of the world. Definition of color triad as origins for humanity. For the primitive person three “main things” of color – it is not simple difference in the visual perception of color palette, but abbreviated or concentrated designation of the large areas of his psycho-biological experience, which affects both the reason, and all sensory organs. Since this experience has by its source very nature of man, it is universal for all people as the representatives of mankind.

Key words: archaic forms of art, psychological sign, symbolical meaning of triad colour.

Ш.С. Турганбаева, канд. ист. наук, специалист по творческому развитию и международным связям Академии дизайна и технологии «Сымбат», г. Алматы, E-mail: Shahizada08@mail.ru

МАГИЯ ЦВЕТА У ПЕРВОБЫТНЫХ НАРОДОВ

В статье рассматриваются вопросы сходства цветовой символики у первобытных народов различных частей света. Определение цветовой триады как архетипической для всего человечества. Для первобытного человека три «главных» цвета – не просто различия в зрительном восприятии цветовой палитры, а сокращенное или концентрированное обозначение больших областей его психобиологического опыта, затрагивающее как разум, так и все органы чувств. Поскольку этот опыт имеет своим источником саму природу человека, он является всеобщим для всех людей, как представителей человеческого рода.

Ключевые слова: художественные архаичные формы, психологический знак, символическое значение цвета триады.

Памятники мирового искусства, являясь достоянием всего человечества, несут в себе глубочайший эмоциональный и духовный заряд. Одним из носителей этого заряда является цвет в произведениях искусств, будь то ранние образцы наскальных изображений, зодчество, предметы художественных ремесел или картины профессиональных художников.

Внимание к осознанному цветовым решениям проявляется с древнейших времен, когда человек наносил на стены пещер первые изображения, передающие фигуры животных. При этом цвет всегда играл важную роль в создании художественного образа.

Для нас важным является то, что в основе этих первых анималистических изображений лежит реалистическая передача действительности, в которой превалирует живое наблюдение, исполненное по памяти и по представлению. Сотни силуэтов, обведенных темными контурами черного, красного, желтого коричневого цветов, писанных сажей, охрой, травой, украшают своды пещер.

Монументальная живопись на стенах пещер относится к числу древнейших образцов изобразительного искусства. Никто еще не знал технологии, не готовил грунт, не штукатурил стены специально под живопись, но природная интуиция первобытных художников привела к использованию известняковых сводов, тем самым дав нам возможность говорить о существовании прототипа монументальной живописи и древней фрески. Рисунки делались на стенах пещер, но иногда – высоко на потолке, на более увлажненной поверхности. Уже тогда учитывались правила композиции, например, размер и форма камней, использовавшихся как основа под рисунок. Большой выступ был более уместен для размещения пары мамонтов, а длинная стена – для изображения сцены охоты.

Рисунки вырубались в камне и затем выемки покрывались краской. Ее получали из природных материалов, например, камней и растений или их корней, которые давали красный, желтый, светло – коричневый и синий цвета. Красители растирали в порошок и засыпали в полые кости, закупоренные с одного конца. Для размягчения и разжижения краски применяли животный жир. Краски наносились на стену пальцами, палочками, подушечками из меха или мха.

Доминирующую роль в спектре цветовых оттенков играл красный, для получения которого использовалась природная охра. С помощью огня существовала возможность изменять оттенки охры, и ее гамма варьировалась от светло-желтых до темно-красных тонов. Черный цвет добывался из угля и природного марганца. Такого рода наскальная живопись была характерна для многих первобытных народов по всему миру. Так, на стенах пещер Австралии встречаются окрашенные и процарапанные рисунки, изображающие сцены из жизни людей и животных; это изображения людей и кенгуру, нарисованные красной, желтой, черной и отчасти синей краской на белом фоне [1, с. 74].

Некоторые племена и народы, сохраняющие в своем развитии родоплеменные отношения, по-прежнему используют приемы, характерные для искусства первобытного мира. Так, в культуре южноафриканских бушменов известны изображения на глыбах придорожных скал, при входах в пещеры, сделанные красной и желтовато-охристой красками, к которым присоединяются черный и белый цвета. Архаичные формы искусства можно встретить в культуре меланезийцев, у которых еще встречается людоедство, а также у более кротких микронезийцев и полинезийцев. «В середине фронтона своих домов они помещают пластическую, окрашенную в желтый цвет женскую фигуру, отличающуюся округлыми формами;

остальная часть фронтона расписана красной и черной красками, причем внутри крупных расчленяющих линий помещены предметы и знаки, среди которых главную роль играют розетки вроде подсолнечников и натурально переданные морские рыбы, расположенные около нескольких рядов более мелких человеческих фигур. Рисунки отчасти врезаны в сырое дерево и затерты белой массой, отчасти намалеваны на плоскости черной и красной красками» [1, с. 91]. Согласно К. Верману, темнокожие австралийцы, как тело, так и свою утварь, окрашивали белой глиной, черным древесным углем и желто-красной охрой. Нанесенные белые полосы считаются везде праздничной одеждой, как и белая окраска. Иногда лишённая всяких рисунков, она служит выражением печали. Большинство австралийцев украшали себя красной краской, собираясь на войну, но также красный наносили на тела своих покойников, отправляя их в загробный мир.

Из приведенного краткого обзора следует, что в наскальной живописи первобытных народов, а также народов, находящихся даже в XX в. на стадии родоплеменных отношений, чаще всего встречаются и, по-видимому, играют особую роль белый, черный и красный цвета.

Была ли данная цветовая гамма обусловлена наличием имеющихся под рукой красителей, или же это был осознанный выбор, вытекающий из понимания особого смысла того или иного цвета? Ученые пришли к выводу, что издревле цвет использовали для усиления образности и информативности, для передачи эстетических предпочтений, но, пожалуй, более всего цвет выполнял символическую функцию.

Изучение возможной символики цвета, архетипических представлений о цветовых сочетаниях впервые стали проводить западными исследователями на примере первобытных народов современности. В этой связи мы обратимся к основным положениям и выводам их умозаключений. Доминирование трех основных указанных красок, согласно полученным результатам, нельзя объяснить, например, одной лишь легкостью их добычи.

Главенствующее значение этих трех цветов подтверждается изучением магических обрядов народов, живущих в Африке, Южной Америке и т.д. Проблема цветовой квалификации наиболее полно была изучена английским этнографом, социологом и фольклористом В. Тэрнером и показана им на примитивных культурах, в частности, на примере африканского племени *ндембу*. Он предложил трактовку символического значения трех «основных» цветов в жизни первобытного человека, ведя наблюдение за бытовавшими обрядами и ритуалами. Члены племени связывали эти цвета с тремя реками (сущностями) одного Бога, который ими представлен.

Символическое значение белого цвета – чистота, главенство или власть, благо, источник сил и здоровья, безбедность, отсутствие неудач, слез, смерти; встреча с духами предков; жизнь, здоровье; зачатие и рождение ребенка; охотничья доблесть; щедрость; поминание духов предков; дружелюбие; поедание пищи; размножение; явность для глаза (ясность, открытость, доступность); возмужание или созревание; омоложение; отсутствие насмешек. Это обобщенное значение белого было универсально для всех первобытных народов, как древности, так и современности. Белый для них – символ бытия, мира, жизни.

Белая краска использовалась в тех магических ритуалах первобытных людей, в которых они апеллировали к силам добра и жизни или защищались от воздействия злых духов и божеств. Белый цвет притягивал добрых богов и отпугивал злых. Наиболее важными из этих ритуалов были ритуалы, посвященные рождению, инициации, браку и смерти.

Остановимся более подробно на роли белого в ритуале похорон. У многих восточных народов использование белой ткани во время похорон является обязательным правилом. Белый цвет для древних не имел негативных значений, и тем более, не являлся атрибутом смерти, траурным цветом. Использование белого имеет давние истоки. Жизнь представлялась первобытным людям как последовательность рождений и смертей. Умерший член племени не считался исчезнувшим

без следа, окончательно ушедшим в небытие. Смерть рассматривалась как трансформация, переход в новое качество. Ушедший либо воскресал, перевоплощаясь во вновь родившемся члене племени, либо становился духом, божеством. Поэтому присутствие белого на похоронах (раскрашивание покойника белой краской и т.д.) указывает переход в иную, загробную, жизнь умершего соплеменника [2, с. 60].

Белый цвет использовался и как защитное средство от глаза и порчи. Злые силы не могли нанести вред человеку, животному или жилищу, если они были помечены белой краской, либо имели амулеты белого цвета.

Интересна роль белого и в ритуале жертвоприношения. Добрым богам и духам стремились приносить в жертву животных белого цвета, либо окрашенных в белое. В дополнение к вышесказанному белый выявлял основные морально-этические принципы поведения. Так, у ряда африканских народов до сих пор существует обычай, если дающий клятву хочет доказать свою честность, порядочность то специально указывает на то, что у него «белая печень». В этой связи хочется подчеркнуть правовую роль белого в поведении первобытных людей, как своеобразного критерия, с помощью которого люди организовывали свое поведение. В этом аспекте белый цвет можно рассматривать как психологический знак, т.е. средство управления человека своими психическими функциями и поведением. Как указывал В. Тэрнер, у *ндембу* есть понятие «белого поведения» – быть «чистым».

Каковы истоки символики белого у первобытных людей? В. Тэрнер полагает, что ее корни (впрочем, как и других основных цветов) следует искать в психобиологическом опыте человека. Ученый проводит параллель между белым цветом и двумя важнейшими жидкостями (тканями) человеческого организма – семенной и молочной, которые считались древними людьми священными, при этом выявляя их несомненную связь. Вспомним, что *ндембу* трактуют белый в качестве одной из рек верховного божества. Семенная и молочная жидкости лежат в основе жизни человека, являясь теми началами, от которых первобытный человек вел отсчет своего существования и поэтому их цвет получил значения блага, жизни, здоровья и т.п. Кроме этого, белый – это свет, день. Оптически, белый – эталон чистоты, противоположность хаоса и грязи и поэтому служит образцом чистоты мыслей и поведения. Таковы основные психобиологические истоки символики белого цвета, позволяющие понять его магическое значение в жизни первобытного человека [2, с. 65].

Альтер-эго белого логически является черный. Эти два цвета относятся к дуальным символам и, как отмечал Х.Э. Керлот, подобно всем дуальным формулам имеют непосредственную связь с великим мифом о Ближнецах. Члены дуальной пары (люди, животные, растения и т.д.) имеют противоположную окраску, что отражает противопоставление двух миров [3, с. 83]. У племен засушливых районов Африки черный понимается как цвет дождевых туч, а люди, обладающие насыщенным, черным цветом волос, считаются красивыми.

В жизни первобытных людей выражал черный – смерть, зло, отсутствие чистоты, удачи, страдание, болезни, колдовство, необузданное половое влечение, ночь, тьма – все самое негативное. Метки черной краской на хижинах людей, информировали о злом колдовстве. Выражение «у него черная печень» имеет соответствующую трактовку.

Интересна связь черного с половым влечением. У *ндембу* черный считается цветом, возбуждающим половую страсть, поэтому женщины этого племени специально чернят свои половые органы. В случае удачного полового акта в первую брачную ночь у порога молодоженов рассыпают черный пепел.

Истоки символики черного также необходимо искать в психобиологическом опыте первобытных людей. Черный – это ночь, отсутствие света, когда активность человека снижена, и он не может хорошо ориентироваться в окружающем пространстве, становится беззащитным перед страстями, стихиями и хищниками. Черный – отсутствие сознания, сон, подобный смерти, цвет пепелища и распада. Черная река – река

смерти и забвения. У первобытных людей черный символизирует внутреннюю или подземную сферу мира, Скрытый Источник, из которого исходит первоначальная (черная, оккультная или бессознательная) мудрость.

Осталось рассмотреть символику красного цвета, также являющегося в мировой практике амбивалентным символом. По данным В. Тэрнера, для *ндембу* красный выражает т.н. «красные вещи», которые сделаны из крови или красной глины. Символические значения красного определяются «видом» крови: кровь животных; кровь последа (рожицы); кровь всех женщин (менструальная кровь); кровь процедуры обрезания крайней плоти; кровь убийства; кровь колдовства.

Все «красные вещи» разделяются на две категории, в зависимости от того, приносят они добро или зло. Но, независимо от своей валентности, все «красные вещи» обладают силой, т.к. кровь – сила, без нее человек умирает. Сила – главное значение красного и этим объясняется его роль в качестве магического средства. Например, в ритуале, посвященном рождению ребенка, новорожденному наносились красные точки на голову, половые органы и другие части тела для того, чтобы он рос здоровым и сильным. По мнению упомянутого выше автора, рисунок красной руки перед входом в первобытную пещеру служил для отпугивания злых демонов. Раскрашивание красной краской лиц воинов магически должно было придать им силу и храбрость и одновременно устрашить врагов. Как символ силы, красный использовался и в качестве средства от сглазов и наговоров [4, с. 81]. Первобытные люди верили в лечебную силу красного цвета, способного заживлять раны и возвращать здоровье. К пораженным участкам тела прикладывалась красная тряпка или глина, а на предметы, которые хотели оживить, наносилась кровь.

Священная роль красного цвета в обрядах очищения. Проводившие обряд обрезания должны были носить на руках и шее предметы красного цвета на протяжении времени, предусмотренного ритуалом. В тандеме с белым цветом красный образует «жизнеутверждающую пару», символизирующую добрые силы, могущество, почет, власть и богатство. В паре с белым нивелируются отрицательные значения красного и, наоборот, сочетание красного и черного усиливает негативные стороны красного цвета, придает ему зловещий характер, и, с точки зрения древней магии, символизирует злые силы [4, с. 90].

Символическое значение красного объясняется его связью в сознании древних с кровью. Красный – третья река верховного Бога, цвет одной из самых важных жидкостей человеческого организма. Причем связь красного с кровью для первобытного сознания более существенна, чем с огнем.

Главенство белого, черного и красного в цветовой символике наблюдается практически у всех ныне живущих племен Африки с первобытнообщинной организацией. Это *догоны*, *ману*, *бакту*, *семаңи*, *сакаи* и др. Сходная картина отмечается и на Мадагаскаре. У первобытных племен этого острова черный выражает низменное, неприятное, злое; белый – радость, свет, надежду, чистоту; красный – силу, могущество, богатство, успех. Пещерные росписи австралийских аборигенов также, в основном, выполнены этими тремя красками. Белый у них символизирует воду, а красный – кровь. Практически сходные значения «основных» цветов наблюдаются и в Северной Америке у индейцев племени *чирики*: белый – мир, счастье; красный – успех, торжество; черный – смерть [4, с. 45]. В цветовой гамме первобытных людей присутствуют и другие цвета. К примеру, в пещере Ласко, открытой на юго-западе Франции, присутствует синий и желтый. Но эти цвета не являются «самостоятельными». Желтый ближе (в символическом плане) к белому, а синий «тяготеет» – к черному.

В целом В. Тэрнер отмечал, что цветовая триада «белое – красное – черное» имеет выдающееся значение, а опыт, представленный этими цветами, является общим для всего человечества» [4, с. 101]. В этой связи для нас важно экстраполировать его выводы и на памятники древнего искусства Казахстана, подтвердив или опровергнув мнение известного ученого.

Казахстан – богатейший клад по числу и разнообразию наскальных рисунков. На сегодняшний день найдено более 130 крупных скоплений наскальных изображений. В 1940–50 гг. на территории республики была открыта целая серия «картинных галерей». На востоке республики – это памятники Тарбагатай, Нарын, Калба, Монрак и Саур, в районе Семиречья – Тамгалы, а также пещеры в других районах – Ешкильмес, Каратау, Маймака, Букентау, Караункур, Ой-Жайлау. Крупнейшим скоплением наскальных рисунков считается район Семиречья (урочище Тамгалы) [5, с. 58].

Древний человек появился в Южном Казахстане предположительно полмиллиона лет тому назад. Едва ли не первое упоминание о наскальных изображениях, сделанных первыми насельниками, принадлежит знаменитому средневековому ученому XI в. аль-Бируни, рассказавшему о загадочных рисунках в стране кимаков, служивших объектом поклонения местного населения.

Нанесение рисунков предварялось поиском «инструмента». Найдя уплощенную гальку, древний человек оббивал ее с одной стороны крупными сколами. Это грубое рубящее оружие весом в несколько килограммов археологи называют *чоппером* (сечка). Южно-казахстанский человек умел делать и другое орудие – *чоппинг*. Он брал округлую гальку и отесывал рабочий край уже с двух сторон чередующимися сколами. Излюбленной манерой изображения у древних «гравиров» Казахстана был силуэт. Процесс создания рисунков зачастую состоял из трех этапов: вначале резцом-метчиком делался линейный набросок фигуры, затем орудиями с острой ударной частью удалялась в пределах изображения вся черная корка загара (патины) и, наконец, весь этот углубленный силуэт подвергался дополнительной обработке – шлифовке. Нередко встречаются рисунки, сделанные контурной выбивкой или желобчатой резьбой, либо точечной выбивкой всей площади силуэта. В некоторых изображениях применялись не один, а два-три технических приема гравировки [6, с. 133].

Интересна трактовка техники петроглифов у А. Медоева: «Линейный петроглиф в классическом выражении – это четкий абрис, врезанный в массу несколькими стремительными движениями, *la prima*. Соотношение прочерченного участка с фоном имеет свой цвет и свое пространство. Масса, отвоёванная у косной материи, приобретает самодовлеющее значение. Линейная гравюра не знает компромисса. Она является высшим достижением петроглифики» [7, с. 82]. «Солнцеголовые божества», изображенные на скалах ущелья Тамгалы, обозначение солнца в виде круга с линиями в пещере Тесиктас информируют нас о поклонении древних людей солнцу, являющегося главным объектом культа плодородия и расцветающей природы. Образ солнца воплощал также космогонические представления. Согласно Н.Агапову и М. Кадырбаеву [6, с. 23], на стенах и потолках Кылтауских, Каркаралинских, Улутауских, Баянаульских, Чингизских, Каратауских, Бухтарминских пещер и гротов древние рисунки животных и людей выполнены красной охрой.

В 1926 году русский географ и путешественник Драверт обнаружил наскальные рисунки в Баянаульских горах. В Павлодарском Прииртышье были выявлены святилища, где антропоморфные и зооморфные изображения нанесены на поверхность камней с помощью специальной техники выбивки и гравировки, с использованием охры, органической краски бурого или красного цвета. На стеновых рисунках из пещеры Тесиктас, находящейся в Джезказганской области, мирно пасутся дикие коровы, выполненных красно-бурыми красками [8, с. 68].

Помимо внимания к цветовым решениям в наскальных изображениях, известно, что в эпоху бронзы у андроновских племен Семиречья и Южного Казахстана существовал обычай подсыпать в могилу охру. Охра обнаружена в трех могильниках: Мыншункур III, Куйган II, Айдахар в виде кусочков красноватого цвета или в виде следов на костях, на дне или на стенках могил. В могиле Капал отмечены следы красной охры на костях, также окрашены челюсть ребенка и дно могильной камеры. Древесные угли черного цвета отмечены в

погребениях могил Арасан и Биен. Следует отметить, что данное захоронение сильно ритуализировано – на дне зафиксирован прокол, на костяке – окраска охрой. Вероятно, этот ритуал связан с причиной смерти – захоронена женщина с младенцем, умершая, видимо, во время родов [9, с. 34]. Согласно гипотезе, похоронный обряд, сопровождаемый посыпанием мертвых красной охрой, символизировал кровь и жизнь; в подтверждение к данному утверждению – в отдельных погребениях были обнаружены лежащие рядом богатые украшения в виде бус.

В эпоху бронзы религия во многом определяла развитие искусства. Жизнь для древних насельников представляла собой череду повторяющихся циклов природы, каждое из этих событий сопровождалось жертвоприношением богам, молитвами и особыми обрядами в специальных святилищах – горных ущельях, у священных родников. Изображенные рисунки на камнях этих святилищ отражают представления андроновцев об окружающем мире. Поиск художественных образов происходил у первобытного человека в контексте его представлений об устойчивой системе знаков, кодирующих многообразие природы и Вселенной. Выработав способность к передаче условных знаков, первобытный художник, используя приемы стилизации, преобразовывал реальный объект в символ, который обретал значение универсального кода, шифрующего многообразие его представлений о Вселенной.

Цветовые приоритеты древнейших в Казахстане памятников искусства уже становились объектом внимания исследователей. В Верхнем Прииртышье З. Самашевым [10, с. 39] обнаружен грот Акбаур «пирамидальной формы с прямоугольным основанием, который мог ассоциироваться в мифологическом мышлении древнего человека с центром упорядоченного мира». Использование красного цвета в религиозных церемониях, в частности, в передаче идеограммы – орнамента, своеобразного «иконостаса» на стенах грота, где «через круглое отверстие, имеющее, очевидно, сакральное значение, скользящие солнечные лучи, освещая рисунки, нанесенные красной охрой, «творили» космический акт» [11, с. 39] говорит о применении магической силы красного цвета – символа успеха, могущества, жизни.

Установив свои правила пропорций и выбора цветовой гаммы, первобытные художники передавали в графических рисунках магические символы, олицетворяющие быстротечность жизни, земной и вечной. Одной из форм их художественного самовыражения являлась трансформация и стилизация фрагментов повседневности. С помощью систематизации и сравнительного анализа нами было установлено, что в цветовой гамме первобытных живописцев Казахстана также преобладает три цвета: красный (охра), черный и белый, что в целом подтверждает вышеприведенный тезис В. Тэрнера.

Древние художники чаще всего выбирали для своих рисунков освещавшиеся солнцем блестяще-черные поверхности скал, покрытые темной коркой пустынного загара, образовавшегося в результате сложного взаимодействия палящих солнечных лучей и воздействия натеков органических соединений, окиси железа и марганца – выбитый чоппингом на скалах, на черном фоне, белый или светло-серый цвет выглядел особенно выразительно.

Черный цвет в вышеперечисленных объектах является доминантой во многих сюжетах, но в большинстве случаев преобладает излюбленный красный. Встречаются и коричневые оттенки, но их применение минимально.

К. Кешин пишет: «Жирная черная линия рисуночного контура позволяет отрешиться от всего, кроме того, что со-

ставляет неповторимую прелесть доисторической гравюры. С сердечным трепетом понимаешь – это открытие необыкновенно тебя поднимает, заметно прибывает зрелость, и в этой зрелости столь много от юности человечества – от твоей собственной юности, того самого праздника, который всегда с тобой – неизвестный художник обозначил, «обрисовал» неизменные людские страсти. Вот они здесь – эмблемы и символы того, что составляло жизнь человечества на протяжении немалого числа тысячелетий, что пронесли, потекли на земле после того, как на скалах шербатым кремневым осколком или иным способом, вплоть до факельной копоти прозрачно намечалось движение цивилизации» [12, с. 4].

В Восточном Казахстане, в низовьях реки Бухтармы, найдены изображения оленя и человека, также изображенные красной охрой. «...Под трепещущим светом факелов красные фигуры зверей кажутся как бы живыми. Но даже если вера в магическую силу творимого им деяния главенствовала в первобытном художнике над всем прочим, как не предположить, что сознательно или подсознательно, это деяние рождало в них и в тех, кто следил за его работой, радостно-вдохновляющее эстетическое наслаждение...» [13, с. 27].

Как мы видим, издревле красному и белому цвету приписывались преимущественно позитивные смыслы. Также в древнейших ритуалах всех народов белый цвет в виде одежды, окраски, талисманов, употреблялся как знак очищения и приобщения к добру.

В целом мы можем подтвердить, что вопросы цвета в мифологическом сознании предков казахов имели особую информативную ценность. Символическая трактовка цвета не менее важна в отношении понимания древнейших памятников искусства на территории Казахстана – наскальных изображений (петроглифов).

Таким образом, данные В. Тэрнера, канонизировавшего цветовую триаду как архетипическую и красной нитью проходящую в культурах первобытных народов различных частей света, показывают, что предшественники казахов, насельники Великой степи, не являлись исключением, и придерживались аналогичного мнения по поводу выбора цветовой палитры. Пещерные рисунки Казахстана, уникальные образцы древнего искусства, оставленные нам далекими предками, являются весьма внушительным вкладом в древнюю историю искусств Казахстана.

Сходство цветовой символики у первобытных народов различных частей света позволяет нам вслед за В. Тэрнером определить цветовую триаду как архетипическую для всего человечества. Для первобытного человека три «главных» цвета – не просто различия в зрительном восприятии цветовой палитры, а сокращенное или концентрированное обозначение больших областей его психобиологического опыта, затрагивающее как разум, так и все органы чувств, и связанное с первичными групповыми отношениями. Поскольку этот опыт имеет своим источником саму природу человека, он является всеобщим для всех людей, как представителей человеческого рода. Видимо, в этой трактовке и заложен ответ, почему символический смысл цветовой триады является принципиально схожим в самых различных культурах.

Искусство первобытного человека отображало вселенскую связь между космосом и человеком. Сохранившаяся торжественность мироощущения в изображениях – лишь условное отражение божественного мира, так как главнейшими выразительными средствами, призванными вызвать соответствующие ассоциации, являлись цвет и линии.

Библиографический список

1. Верман, К. История искусства всех времен и народов. – М.: АСТ, 2001.
2. Тэрнер, В.У. Проблема цветовой классификации в примитивных культурах (на материале ритуала Ндембу) // Семиотика и искусствоведение. – М., 1972.
3. Керлот, Х.Э. Словарь символов. – М., 1994.
4. Тэрнер, В.У. Символ и ритуал. – М., «Наука», 1983.
5. Ибраев, Б. Космологические представления наших предков // Декоративное искусство. – 1980. – № 3.
6. Агапов, Н. Кадырбаев. М. Сокровища древнего Казахстана. – Алма-Ата, 1979.
7. Медоев, А.Г. Гравюры на скалах. – Алма-Ата, 1979.

8. Сейдимбеков, А. Поющие купола. – Алма-Ата, 1985.
9. Карабаспакова, К.М. Племена Семиречья и Южного Казахстана в эпоху бронзы, 1998.
10. Самашев, З. Наскальные изображения Восточного Казахстана. Автореферат канд. дисс. Кемерово. 1987.
11. Каскабасов, С.А. История казахского искусства. Древний период / С.А. Каскабасов, Р.А. Ергалиева [и др.]. – Арда: Институт литературы и искусства им. М.О. Ауэзова, 2007. – Т.1.
12. Яковлев, Е.Г. Искусство и мировые религии. – М.: Высшая школа, 1977.
13. Серов, Н.В. Цвет культуры. – Санкт – Петербург: Речь, 2004.

Bibliography

1. Verman, K. Istoriya iskusstva vseh vremen i narodov. – M.: AST, 2001.
2. Tehrner, V.U. Problema cvetovoy klassifikatsii v primitivnykh kul'turakh (na materiale rituala Ndembu) // Semiotika i iskusstvometriya. – M., 1972.
3. Kerlot, Kh.Eh. Slovarj simvolov. – M., 1994.
4. Tehrner, V.U. Simvol i ritual. – M., «Nauka», 1983.
5. Ibraev, B. Kosmologicheskie predstavleniya nashikh predkov // Dekorativnoe iskusstvo. – 1980. – № 3.
6. Agapov, N. Kadihrbaev. M. Sokrovitsha drevnego Kazakhstan. – Alma-Ata, 1979.
7. Medoev, A.G. Gravyuri na skalakh. – Alma-Ata, 1979.
8. Seydimbekov, A. Poyutnie kupola. – Alma-Ata, 1985.
9. Karabaspakova, K.M. Plemena Semirech'ya i Yuzhnogo Kazakhstan. v ehpkhu bronzih, 1998.
10. Samashev, Z. Naskalniye izobrazheniya Vostochnogo Kazakhstan. Avtoreferat kand. diss. Kemerovo. 1987.
11. Kaskabasov, S.A. Istoriya kazakhskogo iskusstva. Drevniy period / S.A. Kaskabasov, R.A. Ergaliev [i dr.]. – Arda: Institut literatury i iskusstva im. M.O. Auehzova, 2007. – Т.1.
12. Yakovlev, E.G. Iskustvo i miroviye religii. – M.: Vihshaya shkola, 1977.
13. Serov, N.V. Cvet kul'tur. – Sankt – Peterburg: Rechj, 2004.

Статья поступила в редакцию 27.07.11

УДК: 687.01

Turganbaeva Sh.S. COLOUR PALETTE OF GRAPHIC DESIGN. The article is considered the questions of colour palette the decision of graphic design in Kazakhstan. The colour is considered as basic suppose factor in the field of competent and identical time of advertisement politic as one of the important ways assist the development of economics and social lives, quality of education, aesthetic and moral education, reflecting specific character of kazakh's art mental assist successful function image of institutional advertisement.

Key words: graphic design, century of information technology, evolution process, conception of positive brend, cultural legacy.

Ш.С. Турганбаева, канд. ист. наук, специалист по творческому развитию и международным связям Академии дизайна и технологии «Сымбат», г. Алматы; **В.А. Сидоров**, д-р искусствоведения, проф. Института архитектуры и дизайна Алтайского государственного университета, г. Барнаул, E-mail: Shahizada08@mail.ru

ЦВЕТОВАЯ ПАЛИТРА ГРАФИЧЕСКОГО ДИЗАЙНА

В статье рассматриваются вопросы цветового решения графического дизайна в Казахстане. Цвет рассматривается как основополагающий фактор в разработке грамотной и адекватной времени рекламной политики один их важнейших путей способствующий развитию экономики и общественной жизни, качеству образования, эстетического и нравственного воспитания, отражающий специфику художественной ментальности казахов, способствующий успешному функционированию имиджевой институциональной рекламы.

Ключевые слова: графический дизайн, век информационных технологий, эволюционный процесс, концепция позитивного бренда, культурное наследие.

С незапамятных времен одним из самых почитаемых в народе видов искусства является искусство графического дизайна. История возникновения его идет с момента появления первой прямой линии, изначальная функция которого имела сугубо эстетическое предназначение. Затем появились изобретения буквенно-звуковой азбуки, пиктографическая письменность, первые образцы рекламных обращений. Египтяне, придавшие графическую выразительность иероглифическому характеру рекламного текста предопределили и развитию шрифта новое звучание. " Возросшее стремление выделить среди всего текста имена фараонов, используя выразительные возможности графики привели мыслителей к усовершенствованию шрифта. Сначала увеличив толщину букв, несколько позднее начали применять витиеватые шрифты вывода имени фараонов особым овалчиком – картушем, предтечей современного академического, наклонного начертания. Уже в те времена предпринимавшиеся попытки выделить звучание ударных слов формой и цветом., говорят о высоком художественном уровне.

С течением времени искусство шрифта развивалось и совершенствовалось. Сегодня, в век информационных технологий графический дизайн имеет преимущества, играя все более существенную роль в многокультурном сообществе людей. Средства Массовой Информации формируют массовую культуру, при этом происходит стремительное развитие шрифто-

вой формы под влиянием электронных средств массовой информации, а также под воздействием новейших технологий, участвующих в создании шрифта.

Появление рекламы как нового объекта проектной деятельности в Казахстане относится к относительно недавнему времени. Развиваясь динамичными темпами дизайн рекламы в последнее десятилетие представляет собой ускоренный эволюционный процесс. Всего лишь пару десятилетий тому назад, при дефиците товаров, необходимость в рекламе практически отсутствовала. Именно реклама в наши дни становится важнейшим двигателем успеха в продвижении товаров и услуг. В этих условиях грамотные дизайнерские решения рекламы позволяют в значительной степени повысить уровень продаж.

Рекламная деятельность есть сложный высокоразвитый процесс взаимодействующих элементов, и цвет, становясь одним из этих элементов, действуют по специфичным для данной системы правилам. Чтобы наиболее эффективно оперировать им при исполнении обращений, необходимо изучить свойства цвета как маркирующего знака, его способы повышения выразительности и воздействия на зрителя. Среди всего разнообразия рекламы многие казахстанские дизайнеры не всегда учитывают важности шрифтового колорита, рассматривая ее лишь как средство передачи текста. Для шрифтового сообщения немаловажна историко – культурная составляю-

щая колорита, ведь любой шрифт и его цвет несут в себе формальные признаки той или иной эпохи.

Реклама советского периода – это в основном плакаты, каталоги, буклеты, афиши к кинофильмам, которые большей частью были нацелены на агитацию советского образа жизни, играли пропагандистскую, нежели коммерческую роль. К примеру, торговая реклама играла эстетическую роль и представляла искусство оформления витрин. Руководством по оформлению витрин того времени был ежемесячный журнал «Торговля за рубежом» Министерства торговли СССР, в котором рассматривались варианты оформления витрин, а также организация и новые методы торговли, техника и оборудование.

На современном этапе реклама в Казахстане – неотъемлемая и активная часть комплексной системы маркетинга, объект и субъект массовой культуры. Рекламный бизнес в Казахстане доминирует по развитию, он плодотворнее оснащен технологически, задействован в сфере как социального, так и экономического пространства. За короткий промежуток времени второстепенная роль рекламы сменилась на главенствующую, способствуя росту деловой активности, повышению объемов капиталовложения в стране, расширению общественного производства. Современная практика дизайна маркетинговых коммуникаций Казахстана разноформатна, актуальна и интересна своими дизайнерскими решениями.

Общеизвестно, что правильно выбранный цвет товара, рекламы, помогает продажам. Бросающимися в глаза цветовыми акцентами городской среды стали биллборды таких известных торговых марок, как «Coca-Cola». Их цветовое решение всегда символизирует отличительные черты товара, или приоритетов данной кампании или их продукции. Так, биллборды «Coca-Cola» отличаются насыщенным карминным цветом, присущим этому американскому по происхождению напитку. Известно, что данный цвет напитка получался за счет добавления в него карминоносных червцов – натурального красителя животного происхождения. Однако парадокс заключается в том, что данный краситель был известен и в Средней Азии, соответственно, цвет кока-колы был близок восприятию жителей региона на подсознательном уровне. В данном случае мы имеем пример удачного рекламного хода, когда цвет товара иностранной кампании совпадает с цветом, уже утвердившимся в психологии местных жителей как привычный, понятный, пробуждающий в сознании покупателя целую вереницу знакомых ассоциаций. Такое совпадение по цветам помогает повысить объемы продаж.

Рекламисты Казахстана стремятся в дизайне наружной рекламы – брендмауэров, биллбордов, баннеров, лайтбоксов, перетяжках – распространять социальные ценности, способствуя формированию современного стиля жизни, стремясь к достижению гармоничных отношений в обществе, отражая культурные особенности страны и проживающих в ней народов. Любовь к родному городу выразилась в разработках рекламной фирмы «Жарнама», под руководством дизайнера Сандугаш Борибековой, в целой серии биллбордов «Алматы – моя любовь». Красно-оранжевая гамма юрты с зеленью лугов отражена в биллборде «*Туған қуңиңмен!*», посвященном дню рождения города. Уважение к истокам выражено на многих биллбордах этой фирмы. На одном из них – на фоне красно-коричневых петроглифов, изображенных на сером фоне камней, идет надпись белым: «Будь достоин своих предков!». Решающий акцент шрифта выражен через белый цвет, символизирующий величие.

В решении таких актуальных вопросов, как пропаганда здорового образа жизни, борьба с преступностью, приходит на помощь социальная реклама. Брендмауэры на стенах зданий, биллборды вдоль улиц – «Мы за чистый город», «Брось курить», «Не курю, поэтому легко дышу» чистота воздуха подчеркнута светло – голубым цветом, белизной снега на вершине гор, белый цвет олицетворение чистоты, целомудрия, высоконравственности в данном случае, легкости и полноты жизни парящего в воздухе горнолыжника. Темы биллбордов «Мы против наркотиков» – направлены на решение острых

социальных проблем Жизнь до наркотиков передана посредством ярких жизнерадостных тонов: желтого, оранжевого, красного, зеленого, а существование с наркотиками через серые тона – цвет запутанных проблем, несчастий и злодеяний, символизируя беспросветное «будущее», которого нет.

Экологическая тема, борьба с загрязнением окружающей среды, рекламные плакаты и лозунги «Берегите природу» – одна из самых распространенных в Казахстане. Цветовое решение в подаче экологических проблем решается традиционно и эффективно, через привлечение внимания к зеленому цвету. Зеленый цвет – символ расцвета природы, символ обновления среды, наиболее «экологический» из всего цветового спектра.

Размещение рекламной продукции на радио, телевидении, в средствах массовой информации – один из важнейших путей продвижения глобальных брендов и фактор глобализации проектной культуры в целом. Разработка грамотной и адекватной времени рекламной политики способствует развитию экономики и общественной жизни, качеству образования, эстетического и нравственного воспитания, успешному функционированию имиджевой институциональной рекламы. Этот сложный процесс создания дизайна рекламы, его активное проникновение в нашу жизнь, не было бы полноценным без основополагающего фактора, обладающего силой воздействия на сознание и здоровье человека, характеризующегося широкомасштабной «экспансией», являющегося основным элементом современного брендинга – его величество цвета. По результатам исследования печатной рекламы, «цветные рекламные объявления увеличивают объем сбыта на 41% больше, чем их черно-белые аналоги» [1, с. 12].

Коммуникационное пространство, окружающее нас, становится все более насыщенным. В день мы получаем огромный поток информации, в том числе и в виде рекламных сообщений. Как привлекают наше внимание дизайнеры Казахстана? Интересным, продуманным слоганом и грамотной бренд-колористикой. Наиболее емкое определение понятию колористика принадлежит А. В. Ефимову, ведущему специалисту по цвету в архитектуре и градостроительстве; это определение приемлемо и в сфере дизайна. Проблемами колористики занимаются во многих странах; во Франции она давно (с начала 1940-х годов) приобрела самостоятельное значение. Достаточно сослаться на многолетний опыт французских дизайнерских бюро-консультантов по цвету Ж. Фиасье и Б. Ласюся, профессиональный подход которых основан на признании относительной самостоятельности цвета как средства формообразования предметной среды. Эстетические возможности цвета в сфере предметной среды они выявляют и изучают в связи с материалами, используемыми для всех форм предметного окружения, и в связи со светом [2, с. 4]. Согласно А. Ефимову, колористика – наука о цвете, включающая помимо традиционного цветоведения, раздел знаний о цветовой культуре, цветовой гармонии, цветовых предпочтениях, цветовом языке. Она опирается на физические основы цвета, психофизиологический фундамент его восприятия, одновременно учитывает цветокультурные представления общества и потому адресуется практически всем сферам его бытия [3, с. 5].

Цветовая культура той или иной страны имеет существенные различия, поэтому владение информацией о значении цвета для дизайнера-рекламщика является немаловажным фактором. В задачу дизайнера входит соединение колористического образа с символами страны, а не противоречие с оптической реальностью и традиционной символикой цвета.

Общеизвестны случаи серьезных неудач, связанных с незнанием символики цвета. К примеру, туристы, приезжающие на остров Мадагаскар, среди множества тканей, предлагаемых на рынке, чаще всего приобретали ткань, привлекающую их внимание – красивый, с необычными узорами, материал под названием *ребана*. Туристки, купив ткань, заворачивались в нее и пытались прогуляться по пляжу. Реакция местных жителей, выразившая ужас и панику, была

непонятна им, а причиной такой реакции было ритуальное назначение ткани – в нее заворачивали останки умерших.

Культурная составляющая местной колористической рекламы тщательно изучена дизайнерами Казахстана. В этой связи хотелось бы упомянуть имя известного дизайнера И.В. Полякова, вице-президента Союза дизайнеров республики, автора проектов раздела Казахстана на 8 международных выставках-ярмарках в Париже, Лионе, Канне, Багдаде, Дели, Триполи, Загребе, Брно. За период работы И. Поляков разработал более 400 товарных знаков, став экспертом агентства интеллектуальной собственности по товарным знакам и промышленным образцам. Ему принадлежит авторство эмблематики многих общественно-политических мероприятий Республиканского и международного уровня. «Меня очень радует глубина его понимания национальной культуры, ее внедрение в отечественный дизайн», – пишет о своем друге президент Союза дизайнеров Казахстана Т. Сулейменов. В разработке рекламного проспекта, посвященного 20-летию юбилею казахстанского Союза дизайнеров, применена сдержанная, теплая гамма красного, оранжевого, охры, красно-коричневого, голубого и серого цветов, контуры подчеркнуты тонкими черными линиями. На одном из образовавшихся прямоугольников изображен черным цветом в линейно-пятновом решении древний петроглиф. У казахов «кара» – это символ плодородной земли, цвет красоты (блестящие черные волосы – «кара шаш») и т.д. Цветовое решение рекламного проспекта мастерски передает традиционную цветовую гамму юрты.

Художественная выразительность цвета достигается и путем визуальной мотивации. Рекламный образ выступает в роли главного визуального предметного посредника маркетинговой коммуникации. Дизайнерские методы достигают цели, эволюционируя внутренние недра коммуникации на уровне архетипов, мифологем, используя зрительское восприятие, включенное в сопереживание герою. Пример применения такой дизайн-стратегии – всем известный фрагмент из фильма «Почему у ласточки хвост рождками» художника-постановщика Хайдарова Амен Абжановича, Заслуженного деятеля искусств Казахской ССР, режиссера и постановщика более 16 мультипликационных фильмов.

В одной из сцен мы видим спящего в *бесике*, на ковер-сырмаке, малыша. Вокруг него вьется комар, жаждущий крови. По мере приближения коварного насекомого создается ощущение тревоги, которое подспудно нагнетается кроваво-красным цветом орнамента ковров и других предметов обстановки. Напряженные, тревожные ожидания оправдываются, происходит кульминация сцены – комар жалит ребенка. Мертвая рыба в сосуде у комара оживает, в подтверждении того, что человеческая кровь и есть то единственное лекарство, способное излечить Дракона. Пример драматургического дизайна, где эмоциональное воздействие на зрителя достигнуто цветовым решением – насыщенным красным цветом, вызывающим ощущение тревоги. В данном случае подчеркнута амбивалентность красного цвета, ведь символика красного – плодородие, расцвет, процветание, и в то же время тревога, беспокойство, предостережение, предупреждение.

Интересные решения графического дизайна представлены в почтовых марках, где художественное решение выступает гарантом успешных коммуникаций. Привлекательный почтовый и филателистический имидж Казахстану создает, наряду с другими дизайнерами, Данияр Арстанович Мухамеджанов, один из авторов разработки Государственного стиля Республики Казахстан, автор многих книг, альбомов, эмблем, товарных знаков. Его графический дизайн вырастает до образа, в котором, как в зеркале, каждый потребитель видит символику своей страны. «Символ как идейно-образная конструкция обладает огромной смысловой насыщенностью. Абстрактность его формы позволяет в свернутом виде, симультанно, представить особое знание, создающее перспективу для бесконечного развития общества; знание, которое может быть воспринято и применено в развернутом виде» [4, с. 4]. Еще на заре независимости Казахстан объявил барса национальным

символом, расположив его в центре высшего ордена Казахстана «Барыс», который вручается за особые заслуги перед отечеством. Национальный символ размещен на гербах обеих столиц (Алматы и Астаны), талисман Азиады-2011.

Д. Мухамеджанов использует образ снежных барсов на почтовых марках, передавая их в теплой и холодной гамме. Звери изображены сытыми и всемогущими, переливы их шерсти говорят об экологическом благополучии, а уверенная поступь – о стабильности развития нашей страны. Такого рода рекламное послание, рассчитанное на восприятие зрителя, стимулирует патриотизм, активизирует личную подражательную мотивацию рецепта благополучия и успеха своей страны.

Одним из эффективных средств композиции является динамика. Изображения барсов, беркутов, коней представлены в стремительном движении. Конь в восприятии казахов – символ силы и могущества, материального благополучия. Беркут, орел – сила и храбрость в битве, высота духа и власти. Все эти образы – символы благополучного развития общества. Используя принципы символизации, Д. Мухамеджанов в тандеме с динамичной и колористически сбалансированной композицией обеспечивает положительную маркетинговую коммуникацию. Светло-зеленый фон в его работах – символ весны, надежды, роста. Теплая красно-охро-коричневая гамма вызывает ассоциации с богатым художественным наследием народа (ковры, войлок).

Среди разработчиков книжной графики лидирует Александр Кадыкаримович Садвакасов, имеющий многочисленные награды: диплом за «Лучший фирменный знак» (1999, 2001); «Лучшая книга года» (2007, 2008), диплом за дизайн серии книг-учебников для издательства «Мектеп». Его творческие работы опубликованы в российском сборнике «Индекс-Дизайн – 2005».

Подбор цветовой гаммы учебников – сложная задача, при решении которой необходимо учитывать возраст, вкус, интересы школьника. А. Садвакасов находит органичное решение, учитывающее вкусы и взгляды школьника. Его учебники выполнены в сдержанной гамме красного, оранжевого, охры, голубого, красно-коричневого и синего цвета, что психологически создает серьезный настрой на учебу. В основе работы А. Садвакасова используют четыре основных показателя коммуникативной эффективности рекламы: распознаваемость, запоминаемость, притягательность и агитационность.

Самым выразительным примером современного графического дизайна Казахстана можно считать дизайн государственных атрибутов – паспорт гражданина Республики Казахстан, герб, флаг. Автором дизайна паспорта является дизайнер Айрат Вагапович Исламбетов, работающий в книжной и промышленной графике, в индустриальном дизайне, который «постоянно находится на острие инновационных технологий» (Т. Сулейменов). Паспорт гражданина Республики Казахстан – золотой (желтый) герб на голубом фоне. Почему же выбраны данные цвета? Известно, что цвет несет определенную информацию и провоцирует эмоции, поэтому его выбор, тем более в отношении государственных символов, не может быть произвольным. Согласно тюркской мифологии, синий (голубой) цвет – символ священного неба, божественного *Тенгри*, мужского начала [5, с. 6] в то время как с желтым (золотым) связано понятие как Солнца (процветания), так и земли (Мать-Земля *Сары-Ер*). Исходя из такого соотношения, ответ на вопрос о выборе цвета государственной символики Казахстана, видимо, необходимо искать в символике тенгрианства. Цвета обожествляемых понятий, неба *Кок-Тенгри* и земли *Сары-Ер*, сохранив свое символическое значение через века, воплотился в государственной символике независимого Казахстана. В этой связи, хотелось бы привести слова Р. Ергалиевой: «Многие племена и народы в истории обитали и проносились над степью, арии сменялись саками и массагетами, мощные миграционные потоки с Востока сотрясали евразийские степи в эпоху гуннов, из племен кипчаков, арғынов, канглы, усуней, и других формировались народности и нации, приходили, оставались и сменяли друг друга религии, возникали и распадались государства, но древнее тенгрианство и языческие куль-

ты предков и природных стихий, священных гор, деревьев, рек и пещер, проходились сквозь тысячелетия» [6, с. 9].

У многих народов голубой цвет отождествляется также с бесконечностью и Богом, это цвет мудрости, великодушия, щедрости, веры, славы и истины. В Казахстане голубой – это еще и цвет куполов мечетей, выражающий единство и гармонию с природой. Золотой (желтый) – классический цвет солнца, богатства, благополучия. Сине-золотое сочетание в целом символизирует идею свободы, демократизма и гуманности, любовь к своему народу и преданность к своей стране и ее древним традициям, олицетворяя гармонию между человеком и природой. Какие эпитеты могут быть удачнее при объяснении выбора цвета государственной символики?! Безусловно, в данном случае разработана концепция позитивного бренда.

Двухцветное сочетание голубого (бирюзового) и желтого (золотого) стало визуализацией концептуальной дуальности, олицетворением процветания и богатства (золотой) в сочетании с принципами гуманистического добрососедства (принципы *Тенгри*).

Таким образом, цветовое решение государственной символики стало главным каналом трансляции новых ценностей общества, опирающегося на собственное культурное наследие. Использование голубого и золотого (желтого) цвета в казахских символах несет также в себе сильную эмоциональную составляющую и энергетику. Золотой (желтый) цвет хорошо различим на голубом (бирюзовом) фоне, при этом использование золотого, как «дорогого» цвета, придает объекту характер «элитности».

Библиографический список

1. Семенихин, П. Бренд – колористика в стиле Orang / П. Семенихин, М. Минский // Искусство продаж. – М.: ТОО «Эльмора», 2008.
2. Печкова, Т.А. Некоторые проблемы цвета промышленной продукции // Технич. эстетика. – 1985. – № 3.
3. Ефимов, А.В. Колористика города. – М.: Стройиздат, 1990.
4. Сурина, М.О. Цвет и символ в искусстве, дизайне и архитектуре. – М, 2006.
5. Карабаев, У. Праздники природы. – Ташкент: Мехнат, 1988.
6. Ергалиева, Р.А. Феномен степи // ж. ТОО «Арда +7». Древний и вечный дешт-и-кипчак глазами русских и европейских художников XIX-XX вв. – Алматы.

Bibliography

1. Semenikhin, P. Brend – koloristika v stile Orang / P. Semenikhin, M. Minskiy // Iskusstvo prodazh. – M.: TOO «Ehlmora», 2008.
2. Pechkova, T.A. Nekotoriye problemih cveta promyshlennoy produkci // Tekhnich. ehstetika. – 1985. – № 3.
3. Efimov, A.V. Koloristika goroda. – M.: Stroyizdat, 1990.
4. Surina, M.O. Cvet i simvol v iskusstve, dizayne i arkhitekture. – M, 2006.
5. Karabaev, U. Prazdniki prirodi. – Tashkent: Mekhnat, 1988.
6. Ergaliev, R.A. Fenomen stepi // zh. TOO «Arda +7». Drevniy i vechniy desht-i-kipchak glazami russkikh i evropeyskikh khudozhnikov XIX-XX vekov. – Almatih.

Статья поступила в редакцию 27.07.11

УДК 76.01: 004

Turlyun L.N. MATHEMATICS AT SOURCES OF COMPUTER ART. Article is devoted sources of computer art. In article basis Ben Laposki's creativity has laid down. The author focuses the attention on mathematical methods in computer art. Such concepts as an oscillograph, oscillons, harmonograph, curve Lissajous reveal.

Key words: **Computer Art oscillograph, oscillons harmonograph, mathematical methods in computer art.**

Л.Н. Турлюн, канд. искусствоведения ст. преп. каф. истории отечественного и зарубежного искусства АлмГУ, г. Барнаул, E-mail: barturagu@mail.ru

МАТЕМАТИКА У ИСТОКОВ КОМПЬЮТЕРНОГО ИСКУССТВА

Статья посвящена истокам компьютерного искусства. В основу статьи легло творчество Бена Лапоски. Автор акцентирует свое внимание на математических методах в компьютерном искусстве. Раскрываются такие понятия как осциллограф, осциллоны, гармограф, кривые Лиссажу.

Ключевые слова: компьютерное искусство, осциллограф, осциллоны, гармограф, математические методы в компьютерном искусстве.

Союз искусства и науки в области компьютерных технологий отражают время, в котором мы живем. Для большего осмысления и понимания синтеза искусства и науки требуется междисциплинарный подход к данной проблеме. В 1948 году художник и теоретик Джозеф Шилленгер в статье «Математические основы технического искусства» написал, что машина может создать произведение искусства, если этапы создания изображения прописать на языке математики. Компьютерное искусство и компьютерная графика тесно связано с метаматематикой. Начало компьютерной графики положили математики, многие математические функции обладают высокими эстетическими свойствами. С помощью математических формул создаются новые художественные формы, обладающие математической точностью и рациональностью. В основе компьютерного творчества лежали геометрические фигуры и числа, чередуя алгоритм чисел и геометрических фигур, компьютерный художник создавал сложные геометрические и природные формы, формируя новые художественные образы и стили. Абстрактный мир математики, объединенной с возможностью машины, отдалял художников от традиционных форм и образов в изобразительном искусстве. Использование прикладных

математических методов в компьютерном творчестве не освобождает от знания теоретических основ, из которых эти методы были получены, кроме того, компьютерное искусство было свое начало с аналоговых механических инструментов и чертежных машин, которые создавали графические образы на листах бумаги.

Американский математик и художник Бен Лaposky нарушил границы между искусством и наукой, он был первый, кому удалось получить графическое изображение, применив для этого аналоговый компьютер. Бен Лaposky был примером для будущих ученых и программистов в создании художественных образов техническими средствами. В 1952 году Бен Лaposky создал при помощи котодовой трубки осциллографа первые композиции «Электронные абстракции». Первый осциллограф был изобретен французским физиком Андре Блонделем в 1893 году. Осциллограф (лат. *oscillo* — качаюсь + греч. *gbsch* — пишу) — прибор, предназначенный для исследования электрических сигналов во временной области путём визуального наблюдения графика сигнала на экране либо записанного на фотоленте, а также для измерения амплитудных и временных параметров сигнала по форме графика. С помо-

щью осциллографа наблюдают за связью между двумя величинами – к примеру, за развёртыванием электрического сигнала во времени [1]. Суть идеи Бена Лапоски заключалась во всевозможных перемещениях электронных лучей на флуоресцентной поверхности катодной трубки осциллографа. В дальнейшем полученные Беном Лапоски изображения были записаны на высокоскоростную плёнку. По словам самого Лапоски, идея создания «Электронных абстракций» возникла благодаря его экспериментам с различными математическими системами; свою работу Лапоски называл «визуальной музыкой» [2]. Цвет в композиции создавался с помощью специальных фильтров, установленных на осциллографе. Осциллографическое искусство можно рассматривать, как визуальную музыку, так как основные художественные формы электронных абстракций напоминают звуковые волны. Используя и трансформируя синус волны, Бен Лапоски рисовал, квадратные, треугольные формы, деформируя и комбинируя их в различных сочетаниях, создавая сложные абстрактные композиции. Бен Лапоски менял форму и размер изображения, на экране, перемещая по горизонтальной и вертикальной плоскости электронный пучок света, тем самым изменял яркость и резкость цветового пятна. Важно отметить, что Бен Лапоски настраивал свой инструмент для создания более сложных композиций, некоторые осциллоны состояли больше чем 70 различных параметров и комбинаций фигур, созданных на экране осциллографа. Бен Лапоски также создавал цветные осциллоны с использованием красного, зеленого и синего люминофора или кругового цветного колеса, вращающегося с различной скоростью, работая на Осциллографе, Бен Лапоски заложил основу работы на компьютере, осциллографическое искусство было связующим звеном между абстрактной анимацией кинетическим искусством и компьютерной графикой. Изображения, созданные Беном Лапоски, производят впечатление пространственной глубины, движения объектов в пространстве. Художник взаимодействовал с компьютером для производства сложных фигур, которые не имеют аналогов в предыдущих художественных формах. В основном в творчестве Лапоски нет случайных элементов, каждый объект, каждая форма, продуманна, просчитана художником и задан нужный алгоритм для создания абстрактной композиции с использованием осциллографа [3].

Одна из важных особенностей в творчестве Бена Лапоски – это использование для создания композиций Фигуры Лиссажу. **Фигуры Лиссажу** — замкнутые траектории, прочерчиваемые точкой, совершающей одновременно два гармонических колебания в двух взаимно перпендикулярных направлениях. Впервые фигуры Лиссажу были изучены французским учёным физиком Ж. Лиссажу (J. Lissajous; 1822—80). Вид фигур зависит от соотношения между периодами (частотами), фазами и амплитудами обоих колебаний. В простейшем случае равенства обоих периодов фигуры представляют собой эллипсы, которые при разности фаз 0 или π вырождаются в отрезки прямых, а при разности фаз $\pi/2$ и равенстве амплитуд превращаются в окружность. Если периоды обоих колебаний неточно совпадают, то разность фаз всё время меняется, вследствие чего эллипс всё время деформируется. При существенно различных периодах фигуры Лиссажу не наблюдаются, однако, если периоды относятся как целые числа, то через

промежуток времени, равный наименьшему кратному обоим периодам, движущаяся точка снова возвращается в то же положение — получаются фигуры Лиссажу более сложной формы. Фигуры Лиссажу вписываются в прямоугольник, центр которого совпадает с началом координат, а стороны параллельны осям координат и расположены по обе стороны от них на расстояниях, равных амплитудам колебаний. Жан Лиссажу создавал сложные криволинейные фигуры, используя механические маятники. Механические маятники и электронные системы создавали симметричные и асимметричные движения, вырисовывая фигуры Лиссажу. В двадцатом столетии, число Лиссажу стало популярным как схема для создания абстрактных композиций. Многие экспериментировали с гармонографам для создания изображений. В 1951 году Иван Москович экспериментировал с различными механизмами для создания рисунка, используя математические кривые, в том числе и фигуры Лиссажу. Художественные образы, состоящие из математических кривых и фигур Лиссажу которые создавались на аналоговых чертежных машинах гармонографах и электронных осциллографах, были параллельны раннему компьютерному искусству. Гармонограф — это механический аппарат с маятниками для создания геометрических изображений. Рисунки, созданные на гармонографе — это кривые Лиссажу. Гармонографы, которые начали появляться в середине 19-го века и достигли пика популярности в 1890-е годы. Хью Блэкберна, профессора преподавателя математики в Университете Глазго, считают изобретателем Гармонографа [4]. Простой, так называемый "боковой" гармонограф при создании рисунка, использует два маятника, контролируют движение пера относительно поверхности. Один маятник движется вдоль одной оси, а другой маятник создаёт рисунок на поверхности перпендикулярно первой оси, изменяя частоту движения маятников, относительно друг друга создаются различные абстрактные рисунки. Даже простой гармонограф может создавать эллипсы, спирали, восьмерки и другие фигуры Лиссажу. Более сложные гармонографы состоят из трех и более маятников или связанных маятников вместе, например, один маятник прикреплен к другому, чтобы создавать вращательные движения в любом направлении.

В 70-ых годах, Бен Лапоски свяжет свою работу с кинетическим искусством, тем не менее, Бен Лапоски заложил основу компьютерного искусства, создавая на осциллографе и гармонографе разнообразные абстрактные формы, некоторые абстракции имитируют трехмерное изображение на двухмерной поверхности "почти скульптурного качества" [5]. Электронные абстракции, созданные Бенном Лапоски, тесно связаны с модернистскими направлениями в изобразительном искусстве: оптическим искусством кубизмом и футуризмом. Творчество Бена Лапоски было связующим звеном между аналоговыми и цифровыми устройствами. Конечно, те формы, которые создавались на осциллографе можно создавать без использования аналоговых или цифровой компьютерной системы, без электронно-лучевой трубки, однако, электронные методы значительно расширяют возможности в получении новых художественных форм. Гармонограф и осциллограф в 50-е годы XX века были новой творческой средой для художников, и предназначались для создания новых художественных форм в изобразительном искусстве.

Библиографический список

1. Материал из Википедии — свободной энциклопедии [Э/р]. — Р/д: <http://ru.wikipedia.org>
2. Ruth, L. Artist and Computer, 1976.
3. Ben, F.L. Oscillons: Electronic Abstractions, 1969. — Vol. 2.
4. Материал из Википедии — свободной энциклопедии [Э/р]. — Р/д: <http://ru.wikipedia.org>
5. Popper, F. Art of the Electronic Age. — L., 1993.

Bibliography

1. Material iz Vikipedii — svobodnoy ehnciklopedii [Eh/r]. — R/d: <http://ru.wikipedia.org>
2. Ruth, L. Artist and Computer, 1976.
3. Ben, F.L. Oscillons: Electronic Abstractions, 1969. — Vol. 2.
4. Material iz Vikipedii — svobodnoy ehnciklopedii [Eh/r]. — R/d: <http://ru.wikipedia.org>
5. Popper, F. Art of the Electronic Age. — L., 1993.

Статья поступила в редакцию 27.07.11

УДК 159.955

Znikina L.S., Zaostrovskaya N.A. **DISCOURSE-ANALYSIS AS THE BASIS OF SCIENTIFIC TEXT FORMALIZATION PROCESS.** The article considers composition and content aspects of English scientific and technical text formalization from the discourse-analysis point of view, the problems of formalized text adequacy problems to the primary one. The concrete examples of scientific text informative fullness distribution are given.

Key words: text formalization, primary text, formalized text, adequacy, informative fullness, composition and content aspects of translating the primary text into the formalized one.

Л.С. Зникина, д-р. пед. наук, проф., зав. каф. иностранных языков КузГТУ, E-mail: znikina@mail.ru;
Н.А. Заостровская, ст. преп. каф. иностранных языков КузГТУ, соискатель, г. Кемерово,
 E-mail: NZaostrovskaya@rambler.ru

ДИСКУРС-АНАЛИЗ КАК ОСНОВА ПРОЦЕССА ФОРМАЛИЗАЦИИ НАУЧНОГО ТЕКСТА

Рассматриваются композиционные и содержательные вопросы процесса формализации англоязычного научно-технического текста с позиций дискурс-анализа, проблемы сохранения адекватности вторичного текста по отношению к первичному. Приведены конкретные примеры распределения информативной насыщенности научного текста.

Ключевые слова: формализация текста, первичный текст, вторичный текст, адекватность, информационная насыщенность, композиционные и содержательные особенности перевода первичного текста во вторичный.

В исследовательском поле конструктивных эффектов языка дискурс-аналитические подходы представляют собой интерес как способность структурированного и качественного анализа текстов. Термин «дискурс», как известно, первоначально стал употребляться в значении «функциональный стиль» как особый тип текстов: научно-популярных, газетных, научно-технических и др., имеющих свои структурные, лексические, грамматические особенности [1]. Сейчас мы воспринимаем это понятие более широко, рассматривая дискурс как сложное коммуникативное явление, включающее в себя условия актуализации текстов. Естественно, к этим условиям относятся и экстралингвистические факторы, например, целевые установки адресанта. Это делает их «прагматическими дискурсами», выраженными соответствующими коммуникативными стратегиями в лексике, синтаксисе, семантике и т.д.

Мы использовали дискурс-анализ для исследования англоязычных научно-технических текстов с целью выявления последующей формализации этих текстов. Другими словами, дискурс-анализ мы рассматриваем как практический прием адекватной передачи первичного текста во вторичный.

Проблема вторичности в текстообразовании и собственно тексты, которые принято называть вторичными, являются объектом изучения многих исследователей. Этот интерес вполне закономерен, так как слишком высока доля вторичных текстов в том текстовом континууме, в котором мы живем.

В качестве такого объекта мы рассматриваем формализованный текст в виде резюме, реферата, являющиеся результатом свертывания (и одновременно перевода на русский язык) англоязычного научно-технического текста. Вопросы перевода и дальнейшей формализации иноязычного научно-технического текста, квалифицируемые как теоретико-методические, всегда были предметом интереса, так как в своем комплексе они касаются семантических аспектов языка, лексических закономерностей и структурно-системной организации текста. Изучение именно этих аспектов обеспечивают, на наш взгляд, достижимость и обоснованность необходимой и достаточной адекватности восприятия информации формализованного текста.

В теории информационных систем семантическая информация классифицируется на первичную и вторичную [2], то есть, первоисточник информации, с которой делается перевод, может быть назван первичной информацией. Отношения между элементами языковых систем являются структурированными и образуют модель перевода информации с определенным уровнем адекватности. Для получения вторичной семантической информации – а в нашем случае это перевод научно-технического текста с английского языка и его формализация – необходим лексический, грамматический, семантический и логический анализ первоисточника. С этой точки зрения получение вторичной семантической информации рассматрива-

ется как продолжение процесса познания объекта и является моделью первичной информации. Степень формального соответствия такой модели первоисточнику находится в прямой зависимости от поставленной цели перевода, а также намерений и знаний автора (субъективных факторов). Другими словами, отношения между элементами языковых систем необходимо рассматривать в двух уровнях: сохранение адекватности при семантическом свертывании, во-первых, и, во-вторых, обеспечение адекватности перевода.

Дискурс-анализ первичных / вторичных текстов базируется на допущениях конструктивных эффектов языка [3]. Так, представление перевода в виде реферата является формализацией первичной семантической информации. Следуя теории систем, схему преобразования первичной информации во вторичную (переход из одной языковой системы Я¹ в другую Я²) можно представить модельным отношением элементов этих систем – так называемым конструктивным отношением и пренебрегающим [1]. Первое отношение отображает переход из системы с более простой языковой структурой в систему с более сложной структурой. Пренебрегающее отношение определяет обратный переход, что в нашем случае соответствует формализованному переводу. Прагматический фактор, то есть конкретная постановка задачи, определяет степень формализации и, в данном случае, достаточности Я².

Перевод иноязычного текста на русский язык как речевой единицы является сложным как с когнитивной, так и собственно с языковой точки зрения. И дело не только в отсутствии необходимого лексического запаса или знаний грамматики: при чтении текста необходимо исходить не только и не столько из лексического набора, а из структуры текста в целом, особенностей его строения. Признак лингвистической организованности является исходным для перевода и формализации научно-технических текстов: они рассматриваются, как правило, с точки зрения наличия смысловых и формальных связей между единицами текста (лексическими единицами, предложениями, сверхфразовыми единствами, абзацами) как речевое произведение в многоуровневом и многоаспектном плане. Отсутствие этих связей делает текст нефункциональным.

Естественно, при переводе иноязычного текста актуальной становится проблема адекватности семантической информации языковых систем. На наш взгляд, под адекватным переводом научно-технического текста должна пониматься не исчерпывающая его точность, а перевод, определенный целями и информационными запросами реципиента. Если адекватным принято считать перевод, обеспечивающий совпадение денотатной структуры и форм представления информации, то установка на свертывание этой информации (резюме, реферат) предполагает, очевидно, изменение не денотатного единства текста, а фреймовой структуры высказывания, то есть перевод осуществляется посредством грамматического и структурного изменения. При такой постановке цели это тоже

адекватный перевод. Однако его не следует рассматривать прагматически адекватным, поскольку в этом случае он основан на некотором изменении коммуникативной установки, заложенной в первоисточнике.

В любом случае при правильном решении поставленной задачи вторичная семантическая информация ($Я^2$) адекватна первичной ($Я^1$). Иначе это противоречило бы структурному, аналитическому и логическому преобразованию информации. Сущность такого преобразования не в получении формальной копии, а в сохранении коммуникативной значимости.

В этом случае мы имеем дело с сверхфразовыми единствами. К таким единицам относится абзац, графически оформляющий текст и одновременно разделяющий его на информационные отрезки. Структура абзаца научно-технического текста не отличается большим разнообразием, вследствие чего поддается моделированию. Для технического текста характерно наличие ключевого предложения в абзаце. В концентрированном виде ключевое предложение передает информацию, содержащуюся в абзаце, и может находиться в любой его части. Однако в подавляющем большинстве абзацев оно находится в начальной позиции и служит как бы подзаголовком абзаца (на этом и строится метод ознакомительного или просмотрового чтения текста: поабзацный поиск информации предполагает умение достаточно быстро извлекать основные элементы смысла из первоисточника).

Информативно значимые отрезки логично занимают определенную позицию в структуре текста.

Рассмотрим (здесь и далее) некоторые примеры [4]. В научно-технической статье это в подавляющем большинстве начальные позиции: первый абзац и первые предложения средних абзацев текста. Из граничных позиций целого текста приоритет в плане информативности отдается первому абзацу.

Например:

1. *The methane content in coal bed can be estimated: a) directly in situ by desorption of the coal steam; b) under laboratory conditions by determination of the gas amount incorporated into the extracted coal.*

2. *The collected data made it possible to prepare models for the sedimentary environment of the coal beds on two different levels:*

- *General level, prepared from the study of inorganic/organic macrofacies relations, using mostly results of field studies and borehole lithological analysis;*

- *Detailed level, prepared from the study of microbotanical and micropetrographic features of coal.*

3. *As generally known, the problem of prevention for coal self-heating and self-ignition is of great importance. Such scientists as E. Pilarczyk, P. Leonhardt, W. Wanzl, D. Rusezev, K. Markova, N. Oils, X. Dong, D. Drysdale, A. C. Smith, P. Panek, B. Taraba, E. Sebestova and others study the process of coal oxidation and different inhibitors for suppressing of coal self-ignition.*

Это первые абзацы научно-технической статьи. Требование точности обусловило появление такой синтаксической особенности, как информативная насыщенность предложений. Необходимость выразить сложную систему научных понятий, установить взаимоотношения между ними порождает использование сложных и осложненных предложений, в которых вмещается максимум информации. Эти отрезки являются информативно значимыми, так как в них четко указаны ключевые идеи статьи, излагаемые, например, с использованием модальной конструкции *can be estimated*. В первом и втором примерах эта четкость достигается с помощью деления ключевой идеи на подпункты. Акцент на ключевых словах сделан графически посредством дееоточия. Кроме того, в третьем примере содержится вводная конструкция *As generally known* (как известно), что заставляет читателя обратить на него осо-

бое внимание, так как различные причинно-следственные связи и отношения как моменты всеобщей взаимосвязи, «связи всего», «цепи причин» особенно важны в научном рассуждении. Без этого невозможно оформление и восприятие сложных логико-понятийных связей содержания научных текстов, невозможна строгая, подчеркнутая логическая последовательность, связность научного изложения.

Структурно-системная организация научно-технического текста достаточно однозначна: в большинстве случаев он состоит из тезиса, аргумента и вывода с наличием конститuentов – аргументировать, убедить, вызвать научный интерес.

В распределении информационной насыщенности средствами прагматического воздействия для усиления убеждения и аргументации являются часто употребляемые единицы, такие как: *in addition to, for example; for instance, etc* и т.д. Усилением являются модальные и когнитивные глаголы, включающие компонент «знание» (*to convince, to persuade* и т.д.).

Поскольку основной функцией данного вида текста является коммуникативно-оценочная функция, базовой модальностью его структуры всегда остается предметная (объективная) модальность.

Примером конструкции из англоязычного научно-технического текста, представляющей не только вид модальности, но и позицию модальной структуры, является следующее предложение:

Therefore we must confine ourselves to a brief survey.

Использование модального глагола *must*, помимо вводного слова *therefore*, служит для большего акцентирования внимания читателя на ключевых идеях статьи (ср. с *Therefore we confine ourselves to a brief survey*).

Рассмотрим еще один пример:

The effect of temperature under 1MPa partial pressure of oxygen for 30 min on the solid product yield of the lignite from Gediz area is shown in Figure 2.

Это первое предложение второго абзаца, являющееся информативным фокусом разворачиваемой статьи: вводятся точные данные и есть ссылка на рисунок.

Таким образом, именно в начальных позициях текста, особенно в первых абзацах, мы наблюдаем информативную насыщенность предложений.

Подход поабзацного поиска и извлечения информации в процессе дискурс-анализа текста является основным при свертывании или формализации, в том числе при переводе информации любого текста (резюме, реферат, информационная справка, обзор и т.д.). Если продолжить рассуждения конкретно о переводе иноязычного текста, то логическое членение абзаца (определение ремы и темы) предполагает формализацию текста с достаточным уровнем адекватности перевода. Понятие «содержание» представляется набором объектов и их признаков. При известном ограничении на лексическом и синтаксическом уровнях в процессе формализации необходимым условием правильной передачи содержания текста является определение ключевой позиции в абзаце, выбор адекватного уровня ядерных структур к оригиналу и правильного (уместного с точки зрения прагматики и норм языка) переводного эквивалента.

Используя элементы дискурс-анализа научно-технического текста, мы исследуем композиционные и содержательные аспекты процесса формализации текста со следующих позиций: выявление информационно-насыщенных отрезков во взаимосвязи со структурным и графическим (поабзацным) оформлением текста; выявление логико-понятийных связей, выраженных лексическими особенностями дискурса, без которых невозможны восприятие и оформление логической связности научного изложения и, соответственно, последующей адекватности вторичного текста.

Библиографический список

1. Нестерова, Н.М. Текст перевода – текст вторичный? (к постановке и обоснованию проблемы) // Scripta linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики: сб. ст. / отв. ред. А.И. Новиков. – М.: «Азбуковник», 2001.
2. Соломатин, Н.М. Информационные семантические системы. – М.: Высшая школа, 1989. – Ч. 1.

3. Зникина, Л.С. Формализация текста и построение его адекватной языковой модели / Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике: Филологический сборник // Материалы I-ой Межд. науч. конф. г. Кемерово, 29-31 авг. 2006 г. – Кемерово, 2006. – Вып.8. – Ч. 2.
4. Coal Preparation / Editor Joseph W. Leonard, III, Associate Editor Byron C. Hardinge: Published by Society for Mining, Metallurgy, and Exploration, INC., Littleton. – Colorado, 1991.

Bibliography

1. Nesterova, N.M. Tekst perevoda – tekst vtorichniy? (k postanovke i obosnovaniyu problemih) // Scripta linguisticae applicatae. Problemih prikladnoy lingvistiki: sb. st. / otv. red. A.I. Novikov. – M.: «Azbukovnik», 2001.
2. Solomatin, N.M. Informacionnihe semanticheskie sistemih. – M.: Vihsshaya shkola, 1989. – Ch. 1.
3. Znikina, L.S. Formalizatsiya teksta i postroenie ego adekvatnoy yazikovoy modeli / Izmenyayuyasaya Rossiya: novihe paradigmih i novihe resheniya v lingvistike: Filologicheskij sbornik // Materialih I-oy Mezhd. nauch. konf. g. Kemerovo, 29-31 avg. 2006 g. – Kemerovo, 2006. – Vihp.8. – Ch. 2.
4. Coal Preparation / Editor Joseph W. Leonard, III, Associate Editor Byron C. Hardinge: Published by Society for Mining, Metallurgy, and Exploration, INC., Littleton. – Colorado, 1991.

Статья поступила в редакцию 27.06.11

удк 821.161.1

Kazimagomedova R.I. EVOLUTION OF TRIFONOV CREATIVE WORK IN A CONTEXT OF DISPUTES ON THE DOCUMENTARY BEGINNING IN LITERARY PROCESS OF SECOND HALF OF XX CENTURY. The aspects of documentary sources use in Trifonov's creativity are described in the article. The author shows the disputes around the documentation in the literature of 60-70th years, and then stops on document and fact as a literary material during the various periods of Trifonov creative work.

Key words: documentation, literary process, Yuri Trifonov, the polyphonic novel, historiosophia.

Р. И. Казимагомедова, аспирант каф. русской литературы Дагестанского государственного университета, г. Махачкала, E-mail: a-editor@yandex.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ТРИФОНОВА-ПИСАТЕЛЯ В КОНТЕКСТЕ СПОРОВ О ДОКУМЕНТАЛЬНОМ НАЧАЛЕ В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

В статье раскрываются аспекты использования документальных источников в творчестве Ю. Трифонова. Автор приводит сведения о спорах вокруг документалистики в литературе 60-70-х годов, а затем останавливается на использовании документа и факта как литературного материала в различные периоды творчества Ю. Трифонова.

Ключевые слова: документалистика, литературный процесс, Ю. Трифонов, полифонический роман, историософия.

«Споры о документалистике, о правде и правдоподобию, об эстетике достоверного, о факте и вымысле, не раз возникавшие в отечественном литературоведении в 20-40-е годы, в наиболее острой форме начались приблизительно с конца 50-х годов. Именно тогда появилось огромное число очерков, мемуаров, всевозможных дневников и записок, документальных романов и повестей» [1, с. 1]. Как отмечал в связи с возрастающим интересом к истории С. Бочаров, в XX веке литературный герой «подвергается воздействию исторического процесса в целом, несравненно более широкому, чем воздействию среды. В этом «рандеву» с историей человек выступает прежде всего не как составная часть социального сообщества, а как личность, имеющая непосредственный контакт с ведущей исторической закономерностью. История больше не позволяет замкнуться в рамках среды, что ослабляло бы субъективную ответственность человека, властно выволакивает человека из этих рамок, заставляет встать к себе, так сказать, в личное отношение» [2, с. 156]. В литературе XX века вопрос о соотношении частного человеческого бытия и исторического времени звучал с новой остротой.

В 60-х – начале 70-х годов состоялся ряд дискуссий по проблемам документальной литературы в журналах «Вопросы литературы», «Иностранная литература», «Вестник МГУ», «Ученые записки МГУ», в «Литературной газете»; на эту тему высказывались в печатных изданиях П.В. Палиевский, Л.Я. Гинзбург, Ю.В. Манн, С.П. Залыгин и другие. Эти дискуссии, однако, не привели к признанию собственно эстетического статуса и общелитературной значимости документалистики. Как писал Я. Кумок, от писателя-романиста писатель-биограф отличается тем, что художественные средства «под рукой биографа ... приобретают сугубо подчиненный характер», а «фантазия художника-биографа ... должна быть строго дисциплинирована» [3, с. 21].

В 70-х прошла новая волна документально-художественной прозы, «которая уже перестала казаться яв-

лением эпизодическим и случайным» [1, с. 1], появились литературоведческие работы, так или иначе связанные с проблемами документальной литературы, И.П. Золотуского [4], Д.В. Затонского [5], Т.В. Балашовой, Д.С. Лихачева [6], Л.Я. Гинзбург и других. Новые взлеты документалистики заставили литературоведов искать ее место в системе словесности, исследовать ее соотношение с художественной литературой.

Так, П. Палиевский приветствовал документализм, полагая, что «отличие нашего времени в истории документа... состоит, очевидно, в том, что документ получил самостоятельное эстетическое значение» [7, с. 421]; И. Золотуский, напротив, сетовал на потерю эстетических канонов: «документ ворвался на страницы литературы, смешав, кажется, все карты художественности, учинив ей строгий досмотр и поставив ее в подчиненное положение по отношению к себе» [4, с. 33]. Другие ученые полагали приливы и отливы интереса к документу естественной диалектикой литературного процесса: «Да, очевидно, литература так и существует, живет – пульсируя: расширение, больший захват действительности, а за этим следует уплотнение в формы, все более мускулистые и самостоятельные, пока самостоятельность формы не начинает превращаться в изощренность, в самоцель... И тогда спасение в том, чтобы побольше захватить правды самой жизни, факта...» [8, с. 46-47].

Несомненно, произведения Ю. Трифонова относятся к тем произведениям художественно-документальной литературы, которые характеризуют ее как своеобразное эстетическое явление высокого художественного уровня. К ним также справедливо отнести ценное методологическое замечание Е. Местергази: «Каждое произведение с главенствующим документальным началом должно рассматриваться отдельно ... И методология его анализа должна включать в себя прежде всего рассмотрение особенностей повествовательной структуры, а также изучение проблемы взаимоотношений реальных фактов и вымысла в рамках созданного автором художественного

мира» [9, с. 20], его необходимо исследовать исходя из собственных законов и эстетических установок как автора, так и собственно данного произведения.

Становление Трифонова-писателя проходило в несколько этапов, смена которых была детерминирована как сломами эпох, переменами в идеологии и политической жизни страны, так и факторами личного характера.

Первый этап его творчества (1950-е – первая половина 60-х годов) ознаменован его первой повестью «Студенты», туркменскими рассказами, спортивными и путевыми очерками, городскими рассказами. В этот период не только «произведения писателя рассматривались в общем русле идейно-художественных исканий советской литературы» [10, с. 3], но и в основном следовали ее магистральным линиям развития. В частности, преимущественно документальным началом были отмечены рассказы о Туркмении, очерки; топография Москвы структурирует хронотоп повести «Студенты».

Второй этап творчества (конец 1960-х – начало 70-х годов) обычно связывают с обращением писателя к городской тематике, созданием циклов «московских» повестей и рассказов. Документальное начало, всегда немаловажное для Трифонова, здесь утрачивает свою доминанту, однако не полностью нивелируется: заглавие повести «Дом на набережной», в частности, представляет собой историко-культурный концепт, призванный вызвать в сознании реципиента массу культурных ассоциаций: «Дом на набережной ... стал уникальным образом-символом целой эпохи» [11, с. 51]. Однако и здесь Трифонов остается верен правде истории: объектом его исследования становится кризис рубежа 60-70-х годов XX века; кроме того, он тщательно реконструирует повседневность этого времени. Уже в 70-е годы в статьях отдельных критиков (А.Г. Бочаров, «Восхождение», 1975; Б.Д. Панкин «По кругу или по спирали?», 1977) проявилось понимание связи между «московскими» повестями и исторической прозой Трифонова. М.В. Селеменова уточняет: «Городская проза стала для Ю.В. Трифонова формой выражения историософских взглядов. Историософская концепция писателя заключается в отказе от антитезы история/современность и утверждении присутствия истории в каждом дне и каждой судьбе» [12, с. 8]. Наиболее яркими продолжателями «городской прозы», нравственно-философскую систему координат которой заложил Ю. Трифонов, стали Ю.М. Нагибин, А.Г. Битов, В.С. Маканин, Е.В. Гришковец.

Кроме того, в этот период Трифонов пишет повесть «Отблеск костра» (1965), которой открывается «новая страница творчества писателя вообще» [13, с. 78]; которая выступает как «книга, за которой следует признать принципиальное значение поворотного рубежа, переломной вехи в творчестве писателя» [14, с. 621]. В этой повести впервые начинает доминантно звучать тема связи человека и истории, которая впоследствии станет важнейшей основой авторской историософии Трифонова.

Третий этап творчества писателя (1970-е–80-е годы) характеризовался углублением историзма и психологизма в его творчестве, что привело к укрупнению художественных форм и превалированию романа как наиболее адекватного способа эстетического пресуществления той жизненной «достоверности», которую писатель считал нужным отобразить. Романы «Старик», «Время и место», «Исчезновение» и повесть в рассказах «Опрокинутый дом» могут быть отнесены, в терминологии Бахтина, к полифоническому роману [12, с. 21]. Историософия поздней прозы Ю. Трифонова выражается наиболее полно в идее всеединства: «... жизнь – такая система, где все загадочным образом и по какому-то высшему плану закольцовано, ничто не существует отдельно, в клочках, все тянется и тянется, переплетаясь одно с другим, не исчезая совсем» [15, с. 521]. Эта концепция связана с «устойчивым интересом Ю. Трифонова к истории, обусловленным стремлением понять современное состояние России через призму историче-

ского опыта» [16, с. 7]. М.В. Селеменова формулирует сверхзадачу прозы Трифонова этого периода как «показать прошлое в настоящем» [12, с. 22], и этим объясняются ее характерные черты – непротиворечивое сочетание хроникальности и документальности с выраженным авторским началом в стиле и композиции.

Каждый герой Трифонова – это «частный человек в истории» (А.Латынина); независимо от того, является ли история предметом его интересов, он стоит на перекрестке эпох и времен. Эти «фоманы самосознания», как определял их сам автор, в центре своей проблематики содержат оппозицию память/забвение, с помощью которой писатель «выражает свою концепцию диалектического единства человека и времени» [12, с. 27], которую формулировал следующим образом: «... человек похож на свое время. Но одновременно он в какой-то степени – каким бы незначительным его влияние не казалось – творец этого времени. Это двусторонний процесс. Время – это нечто вроде рамки, в которую заключен человек. И конечно, немного раздвинуть эту рамку человек может только своими собственными усилиями» [17, с. 321]. Таким средством расширения границ и рамок является память, позволяющая человеку обрести историческую идентичность, ощутить узы семьи, рода, страны.

Н.А. Бугрова обращает внимание также на родство проблематики произведений Трифонова 1970-х годов с проблематикой «деревенской» прозы этого времени: «... в это время возрастает интерес к проблеме традиций. ... в этот период появляются образы «распутинских старух», к проблеме традиций обращаются В. Белов и В. Астафьев. Творчество Ю. Трифонова не было напрямую связано с творчеством писателей-деревенщиков, он был представителем другой линии русской прозы того времени. Тем более значимо это далеко не случайное совпадение – в нем проявилась определенная тенденция литературной эпохи» [16, с. 87]. Таким образом, творчество Ю. Трифонова может рассматриваться в различных контекстах, и историзм и документальность повседневности в его произведениях находят параллели не только в историческом романе и городской прозе.

Что касается документально-фактического материала произведений писателя, то в ходе работы над своими текстами Трифонов скрупулезно пользуется документами, как это, в частности, явно в повести «Отблеск костра», материал из которой в переработанном виде использован в романе «Старик». Работу почти над каждым своим произведением Ю. Трифонов начинал с изучения и отбора материала в архивах, библиотеках, о чем свидетельствуют записи в дневниках и рабочих тетрадях писателя (дневник Трифонова начал вести с 1934 года, когда будущему писателю было 9 лет) [16, с. 23]. Как правило, писатель, обращаясь в своем романе к истории России, рассматривает её сквозь призму истории своей семьи; автобиографизм – отличительная черта его документально ориентированной прозы.

Отметим также важную черту стиля, замеченную Н. Ивановой в романе «Старик» и позволяющую судить о принципах документальности в прозе Трифонова: «Обо всем, что происходит в настоящем, Трифонов сообщает в прошедшем глагольном времени; прошлое же восстановлено во времени настоящем. Этот парадокс времени положен писателем в основу стилистики произведения и дает содержательный эффект: прошлое в буквальном смысле слова возрождается. Тем самым прошлое становится более настоящим, более существенным, чем то настоящее, которое уже проходит и завершается» [18, с. 224]. Прошлое и настоящее не просто уравниваются в правах, подчиненные художественным мастерством бытовой детали; просвечивая через настоящее, прошлое оказывается своего рода айсбергом, во много раз превосходящим (по масштабам и значению) очевидную, видимую «верхушку» айсберга – настоящее. Эпос прошлого противопоставляет мелочности настоящего: «Прошлое – это своеобразный упрек настоящему,

с его искусственностью, неискренностью, отсутствием цели в жизни» [16, с. 96]¹. Такова, в самых общих чертах, суть обращения Ю. Трифонова к историческому документу в заключительный период его творчества.

¹ Бугрова Н.А. Роман Ю.В. Трифонова "Старик": творческая история. Поэтика. Литературные традиции: дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.01 / Волгогр. гос. пед. ун-т. - Волгоград, 2004. - С. 96.

Библиографический список

1. Федоров, В.С. Проблемы документалистики и развитие жанра документально-художественной прозы середины 70-х – начала 80-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 1991.
2. Бочаров, С.Г. Психологическое раскрытие характера в русской классической литературе и творчество М. Горького // Социалистический реализм и классическое наследие (проблема характера). – М., 1960.
3. Кумок, Я. Биография и биограф // Вопросы литературы. – 1973. – № 10.
4. Золотусский, И. Лучшая правда — вымысел // Литературное обозрение. – 1978. – № 2.
5. Затонский, Д. Роман и документ // Вопросы литературы. – 1978. – № 12.
6. Лихачев, Д.С. Литература – реальность – литература // Лихачев Д.С. Избранные работы: в 3 т. – Л.: Худож. лит., 1987. – Т. 3.
7. Палиевский, П. Роль документа в организации художественного целого // Проблемы художественной формы социалистического реализма. – М., 1971. – Т. 1.
8. Адамович, А. В соавторстве с народом // Вопросы литературы. – 1978. – № 5.
9. Местергази, Е.Г. Художественная словесность и реальность: документальное начало в отечественной литературе XX века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Москва, 2008.
10. Черданцев, В.В. Человек и история в городских повестях Ю.Трифопова (Проблематика и поэтика жанра): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 1994.
11. Селеменова, М.В. Поэтика заглавий городской прозы Ю.В. Трифонова // Культурная жизнь Юга России. – 2007. – № 6 (25).
12. Селеменова, М.В. Художественный мир Ю.В. Трифонова в контексте городской прозы второй половины XX века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Москва, 2009.
13. Турков, А. Герой, человек, история // Ю. Трифонов: избр. соч. в 2 т. – М.: Сов. писатель, 1979. – Т. 1.
14. Оскоцкий, В. Нравственные уроки «народной воли» // Роман и история (Традиции и новаторство советского исторического романа). – М.: Худож. лит., 1980.
15. Трифонов, Ю.В. Собрание сочинений: в 4 т. – М.: Художественная литература, 1986. – Т. 3.
16. Бугрова, Н.А. Роман Ю.В. Трифонова "Старик": творческая история. Поэтика. Литературные традиции: дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2004.
17. Трифонов, Ю. Как слово наше отзовется... – М.: Советская Россия, 1985.
18. Иванова, Н.Б. Проза Юрия Трифонова. – М.: Сов. писатель, 1984.

Bibliography

1. Fedorov, V.S. Problemy dokumentalistiki i razvitiye zhanra dokumental'no-khudozhestvennoy prozhi serezhiny 70-kh – nachala 80-kh godov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – SPb., 1991.
2. Bocharov, S.G. Psikhologicheskoye raskrytiye kharaktera v russkoy klassicheskoy literature i tvorchestvo M. Gor'kogo // Socialisticheskiy realizm i klassicheskoye nasledie (problema kharaktera). – M., 1960.
3. Kumok, Ya. Biografiya i biograf // Voprosih literaturih. – 1973. – № 10.
4. Zolotyckiy, I. Luchshaya pravda — vimihsel // Literaturnoye obozreniye. – 1978. – № 2.
5. Zatonskiy, D. Roman i dokument // Voprosih literaturih. – 1978. – № 12.
6. Likhachev, D.S. Literatura – realnost' – literatura // Likhachev D.S. Izbranniye rabotih: v 3 t. – L.: Khudozh. lit., 1987. – T. 3.
7. Palievskiy, P. Rol' dokumenta v organizatsii khudozhestvennogo celogo // Problemih khudozhestvennoy formih socialisticheskogo realizma. – M., 1971. – T. 1.
8. Adamovich, A. V soavtorstve s narodom // Voprosih literaturih. – 1978. – № 5.
9. Mestergazi, E.G. Khudozhestvennaya slovesnost' i realnost': dokumental'noye nachalo v otechestvennoy literature XX veka: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. – Moskva, 2008.
10. Cherdancev, V.V. Chelovek i istoriya v gorodskikh povestiyakh Yu.Trifonova (Problematika i poehtika zhanra): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Ekaterinburg, 1994.
11. Selemeneva, M.V. Poehtika zaglaviy gorodskoy prozhi Yu.V. Trifonova // Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii. – 2007. – № 6 (25).
12. Selemeneva, M.V. Khudozhestvenniy mir Yu.V. Trifonova v kontekste gorodskoy prozhi vtoroy poloviny XX veka: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. – Moskva, 2009.
13. Turkov, A. Geroy, chelovek, istoriya // Yu. Trifonov: izbr. soch. v 2 t. – M.: Sov. pisatel', 1979. – T. 1.
14. Oskockiy, V. Nравstvenniye uroki «narodnoy voli» // Roman i istoriya (Tradicii i novatorstvo sovetskogo istoricheskogo romana). – M.: Khudozh. lit., 1980.
15. Trifonov, Yu.V. Sbranie sochineniy: v 4 t. – M.: Khudozhestvennaya literatura, 1986. – T. 3.
16. Bugrova, N.A. Roman Yu.V. Trifonova "Starik": tvorcheskaya istoriya. Poehtika. Literaturniye tradicii: dis. ... kand. filol. nauk. – Volgograd, 2004.
17. Trifonov, Yu. Kak slovo nashe otzovetsya... – M.: Sovetskaya Rossiya, 1985.
18. Ivanova, N.B. Proza Yuriya Trifonova. – M.: Sov. pisatel', 1984.

Статья поступила в редакцию 11.08.11

Раздел 3

ИСТОРИЯ

Редактора раздела:

НИКОЛАЙ СЕМЕНОВИЧ МОДОРОВ – доктор исторических наук, профессор Горно-Алтайского государственного университета, академик РАГН, (г. Горно-Алтайск)

ВАЛЕРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ БАРМИН – доктор исторических наук, профессор Алтайской государственной педагогической академии (г. Барнаул), АлтГПА

УДК 942.074

Zotov S.A. THE BRITISH DEMOCRACY AND ITS ALTERNATIVES IN THOMAS CARLYLE'S WORKS. Thomas Carlyle, one of the greatest British thinkers of the Victorian epoch, in his compositions written in 1829-1850, consistently developed a number of arguments against strong and long existence of democratic system and doubted about real embodiment of a principle of democracy. The restoration of a priority of cultural wealth (first of all, religious bases) was, in Carlyle's opinion, the main condition of true political development: establishments of the social consent, diligent performance of the functions by all public groups, a recognition for each person of the right to a worthy life.

Key words: Victorian Britain, Thomas Carlyle, parliament democracy, industrial revolution, reform of Parliament, aristocracy of the spirit.

С.А. Зотов, канд. ист. наук, доц. каф. всемирной истории АГПИ им. А.П. Гайдара, г. Арзамас,
E-mail: kafvsem@yandex.ru

БРИТАНСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ И ЕЁ АЛЬТЕРНАТИВЫ В СОЧИНЕНИЯХ ТОМАСА КАРЛЕЙЛЯ

Томас Карлейль, один из крупнейших британских мыслителей Викторианской эпохи, в своих сочинениях, написанных в 1829-1850 гг., последовательно развивал ряд аргументов против прочного и длительного существования демократического строя и сомневался в реальном воплощении принципа народовластия. Именно восстановление приоритета духовных ценностей (прежде всего, религиозных основ) являлось, по мнению Карлейля, главным условием верного политического развития: установления социального согласия, добросовестного выполнения своих функций всеми общественными группами, признание за каждым человеком права на достойную жизнь.

Ключевые слова: Викторианская Британия, Томас Карлейль, парламентская демократия, промышленная революция, парламентская реформа, аристократия духа.

Тема демократии стала одной из ведущих в творчестве крупнейшего мыслителя Викторианской Британии – Томаса Карлейля (1795-1881 гг.). Его исторические и публицистические работы, выход которых становился заметным событием для современников, принесли автору известность одного из главного антидемократа XIX столетия.

Первые рассуждения о демократии появились в его очерках «Знамения времени» (1829 г.) и «Характерные черты» (1831 г.). Обе работы считаются переходными в его исследованиях: британский мыслитель перешёл от критики континентальной литературы и философии к изучению состояния современного ему общества [1]. В этих сочинениях проявилась собственная исследовательская манера Карлейля, подвигавшая «читателей к новым знаниям... путём эстетического подхода к материалу...» [2, р. 68]. Необходимо отметить также, что намеченные в этих эссе тезисы получили дальнейшее развитие во многих его последующих сочинениях.

Карлейль заявил о наступлении «Механического века», «века Машин», изменившем весь образ жизни человеческого существования. Особенностью времени являлась «исключительная вера во всеобщую значимость физических вещей», вещей внешних. Одно из выражений этой веры – всеобщий

интерес к политическому устройству. Во всех развитых странах, по Карлейлю, царило убеждение во всемогуществе институтов демократии: «Надлежащая структура законодательства, соответствующий контроль над исполнительной властью, мудрое устройство правосудия – это *всё* (курсив автора – З.С.), что требуется для человеческого счастья. Были бы законы, правительство в хорошем порядке, тогда всё будет хорошо с нами...» [3, р. 226, 231]. Однако «не учитывается нравственное, религиозное, духовное состояние людей», а лишь «их физическое, практическое, экономическое состояние». Тем самым «Политика Тела» (Body-politic) господствовала над «Политикой души» (Soul-politic). Общественная жизнь не ограничивается только лишь «демократическим участием», а зависит «от бесконечно более сложных влияний», от нравственного состояния индивидуумов. В очерке «Знамения времени» делался вывод о том, что «только основательное... исправление *себя* (курсив автора – З.С.) является тем, с чего всё начинается и завершается» [3, р. 245].

В эссе «Характерные черты» автор представил своё видение современного ему общества. Он справедливо утверждал, что «каждое Общество, каждая Политика имеет духовный принцип; является олицетворением какой-то Идеи» [4, р. 300].

Эта «Душа Государства» объединяет всех людей в одну «целостность». В британском обществе такой целостности не наблюдалось: богатство и бедность стали явно «противоположными, не сообщающимися, как силы на положительном и отрицательном полюсах». Карлейль подчёркивал социально-экономическое противоречие своей эпохи: «Печально смотреть, как на высшей стадии цивилизации» большинство людей «должны бороться в низшей битве дикого или даже животного человека, битве против Голода», хотя Британия «богатая, процветающая во всех видах роста, вне всякого примера» [4, р. 302]. В такой напряжённой социальной обстановке демократические проекты «в виде Кооперативных Обществ, Всеобщего Избирательного Права, ... Голосования с помощью избирательного бюллетеня» не являлись «панацеями». Главный вывод «Характерных черт» содержался в авторском убеждении в приоритете нравственных ценностей в обществе: «Именно не Механицизмом, а Религией; не Эгоизмом, а Любяльностью люди управляются или управляемы» [4, р. 309].

Размышления Карлейля о демократии на основе исторического материала нашли отражение в его книге «Французская революция. История» (1837 г.), принесшей автору известность как в Великобритании, так и за её пределами¹. Мыслитель указал на точку отсчёта, от которой современная демократия брала своё начало: именно война за независимость английских колоний в Северной Америке (1775-1783 гг.) возвестила «о рождении демократии», которая затем «подобно смерчу» охватила весь мир [5, с. 11, 21]. Её появление в Европе «нельзя было предвидеть», но этот процесс был закономерным в силу политических и социально-экономических причин Французской революции: день открытия Генеральных штатов (4 мая 1789 г.) стал «днём крещения демократии», которую «родило измученное время по истечении положенного срока» [5, с. 137-138]. В революции проявился фанатизм «отбрасывания формул», сметающий традиционные устои общества и сопровождавшийся кровопролитием, разгулом беззакония и падением нравственности. На наш взгляд, автор подразумевал под революционным процессом именно демократию, т.е. некий объективный переходный этап от старого общественного порядка к новому, в случае с Французской революцией, от «аристократии феодальных графов» к «аристократии денежного мешка» [5, с. 543].

Новым толчком к развитию темы демократии послужили современные Карлейлю социально-политические события на родине, в частности – чартистское движение. Памфлет «Чартизм» (1840 г.) стал первым объёмным произведением, написанным на злобу дня. Автор передал общественный настрой конца 1830-х гг.: «Демократия... вещь, повсеместно страстно требуемая для наших дней», массы стремятся к ней «как к финальной цели и победному рубежу» [6, р. 53]. Сам чартизм назван «одним из наиболее естественных феноменов в Англии» на том основании, что вера в «расширение избирательного права» как средство спасения от всех бед являлась «древней Британской верой» [6, р. 55]. В этом сочинении Карлейль чётко сформулировал аргументы против реального и прочного существования демократического строя. Во-первых, полная победа демократии приводила в конечном итоге к нулевому результату. Демократия – это лишь «отработанная система восстания и отмены закона; она отменяет старые установления вещей и оставляет... *ноль* (курсив автора. – З.С.) и пустоту» для учреждения нового общественного порядка [6, р. 91]. Другой аргумент состоял в том, что в принципе невозможно утвердить «само-правление» большинства большинства, ибо во все времена «жизненным элементом человеческого Общества» являлось соблюдение чёткой иерархии, раз-

деление социальных функций, стремление «всех человеческих сердец повсеместно и во все времена» установить правление «мудрейших», или «лучших». Эта иерархия простиралась над каждым человеком «вверх, степенью за степенью» «до самого Неба и Бога Творца, который создал Свой мир не ради анархии, а ради правления и порядка!» [6, р. 92-93]. Политические изменения, произошедшие после парламентской реформы 1832 г., дали Карлейлю основание для высказывания третьего аргумента. Представители радикальной партии, считавшиеся выразителями чаяний простых англичан, наиболее активно боролись за реформу. Но после их прихода к власти ситуация за «эти восемь лет» не изменилась: всё то же «Не-правление» правящих кругов вследствие политики *laissez-faire*², все принятые законы лишь «тени фактов», в целом, «Реформированное Правительство» обмануло надежды народных масс. Радикалов Карлейль назвал «жирондистами». Для таких политиков избиратели только «взрывные массы для снесения Бастилий», «сырьё» для достижения собственных корыстных целей и прихода к власти. Исследователь лишь удивлялся, почему соотечественники продолжали настаивать на дальнейшем расширении избирательного права, на праве иметь «свою двадцатитысячную часть мастера языкового искусства в Национальной Говорильне» [6, р. 94-95].

Среди многих острых общественных проблем, поднятых Карлейлем в следующей книге «Прошлое и настоящее» (1843 г.), видное место принадлежало теме демократии. Новое, что появилось у мыслителя, – это чёткое выражение своего отношения к демократическим свободам. Сравнивая положение средневекового раба и современного ему наёмного рабочего, он приходил к выводу о более предпочтительных условиях жизни у первого: раб имел уверенность «по крайней мере, в ужине и в общем помещении». Таких гарантий крова и пищи каждый день рабочие не имели, хотя они рождены свободными. Это положение большинства населения названо «Свободой умереть с голода» [7, с. 257]. Такая незавидная перспектива – результат господства в обществе власти денег и политики невмешательства государства в рыночную стихию: «...Человек стоит отдельно от другого и не имеет с ним «никакого дела», кроме наличного платежа...» [7, с. 262]. Автор пришёл к выводу о том, что в атмосфере «общественного одиночества» демократические свободы, в частности, всеобщее избирательное право, не в состоянии восстановить социальное согласие и взаимную ответственность социальных групп.

Революции 1848-1849 гг. в странах континентальной Европы заставили Карлейля снова обратиться к проблеме демократии. Им было написано восемь очерков, вошедших в книгу «Памфлеты последнего дня» (1850 г.)³ и вызвавших у многих современников самую резкую критику [8]. Именно в этих социально-политических эссе, на наш взгляд, наиболее развёрнуто представлены взгляды на парламентскую демократию и её альтернативы.

Революционное движение, развернувшееся в большинстве европейских стран, стало «повсеместным восстанием» народных масс против правящих верхов, которые «делали не то

² *Laissez faire laissez passer* (фр.) – «Пусть делают всё, что хотят» – принцип «невмешательства» экономистов-фритредеров, сторонников свободы торговли и невмешательства правительства в сферу хозяйственной жизни и экономических отношений. Первоначально принципы фритредерства были разработаны в трудах французских физиократов и позднее теоретически обоснованы А. Смитом и Д. Рикардо. В 1830-х гг. движение фритредеров усилилось, а его принципы получили дальнейшее развитие в трудах представителей Манчестерской школы политэкономии (Р. Кобден, Дж. Брайт).

³ «The Present Time», «Model Prisons», «Downing Street», «The New Downing Street», «Stump Orator», «Parliaments», «Hudson's Statue», «Jesuitism» (См.: Carlyle Th. *Latter-Day Pamphlets* // *The Works of Thomas Carlyle in Thirty Volumes. Centenary Edition* / Ed. by H.D. Traill. - L., 1896-1901. Vol. 20. В русском издании (1907 г.) не вошёл второй памфлет – «Образцовые тюрьмы»).

¹ «Французская революция» только при жизни Карлейля была издана в Европе и США 17 раз (подсчитано нами по: Dyer I.W. *A Bibliography of Thomas Carlyle's Writings and Ana.* N.Y., 1968. P. 85-89).

дело» и «банкротились». «Короли и правители... поспешили убраться», а их место заняла «неизмеримая демократия». Она стала «неоспоримой действительностью», наблюдалась «во всех речах и писаниях, во всех мыслях, модах и поступках людей». Все народы, сбросившие своих «королей-призраков», обратились к британской модели парламентской демократии как «к целительному средству против всех зол» и посчитали, что после введения всеобщего голосования «явится правда и наступит золотой век». Карлейль заявил об ином понимании демократии, об её «обратной стороне» [9, с. 11-12].

Он обратил внимание современников на качественные характеристики и кадровый состав британского парламента. Высший законодательный орган перестал быть «советом действительных правителей», наделённых «терпением, набожностью, честностью, скромностью». Члены верхней палаты превратились «в жирных капиталистов, железнодорожных директоров, в гигантских торгашей, королей денежной чумы», преследовавших только корыстные интересы и имевших только «кассовые» способности. Пэрство стало предметом торговли и предоставлялось «ничтожным» людям ради состояния и связей. Депутатами нижней палаты парламента становились представители «класса высших уличных ораторов», получившие популярность у избирателей своими речами. Благодаря «искусству говорить» стало возможным достичь политического Олимпа. Эти «ораторы подмостков» обладали «жалким умом адвоката», прислуживавшие избирательному процессу и поднимавшиеся «по милости какого-нибудь влиятельного журналиста». Такие политики ценили только популярность, выступления в общественных местах и парламентские интриги: «Погружённые в мерзкую стихию, они десятилетиями барахтаются в ней, сталкиваясь друг с другом и борясь по мере сил, причём самый сильный из них или самый ловкий достигает цели и делается первым министром». Парламентская деятельность принуждала «говорить ложь, двусмысленные неясности, пышные фразы», а это значило, что политики перестали «правдиво мыслить». С другой стороны, по мере развития «вредной привычки разглагольствовать» исчезало желание работать, «всякая мысль о труде»⁴. По мнению Карлейля, парламент «сделался национальным празднословием»: в обстановке обострения социальных контрастов, угрозы взаимного истребления классов парламент «ведёт дебаты, вносит предложения и встречные предложения». Части функций этот орган власти лишился: обязанность парламентариев «заявлять о нуждах» граждан перешла к свободной прессе. Но самое главное заключалось в невозможности долее «нести функции верховной власти». Причиной стала неспособность депутатов «уменьшить парламентское красноречие», иметь единое «верное мнение» и делать дело в качестве «верховного правителя о 658 головах». Политическая практика показала тщетность пути реформирования этого органа. Парламентская реформа 1832 г. прошла безрезультатно. Власть держащие не изменили политического курса «Не-правления» (политики *laissez-faire*). Не подвергся изменениям и состав парламента: «Совершенно тот же сорт людей, которые раньше повиновались традициям тори, а теперь руководствуются теориями вигов и криками толпы» [9, с. 20]. Несмотря на критику, Карлейль признавал необходимость существования парламента. Такой орган являлся, наряду с прессой, отражением общественного мнения и был способен играть определённую роль в разработке государственной политики, но только лишь в качестве законосовещательного учреждения.

Идея ввести всеобщее избирательное право подвергалась в «Памфлетах» разносторонней критике. Авторская позиция

выражалась с самых первых страниц: «Есть вещи, которые можно решить всеобщим голосованием и относительно которых в высшей степени полезно обратиться к всеобщему голосованию. Но для правильного решения большинства дел огромной важности, в особенности относительно подбора людей, у всеобщего голосования почти нет никаких средств» [9, с. 33]. С одной стороны, «всеобщая подача голосов» никогда не могла постичь, а тем более отменить, «вечный порядок Вселенной», тайны которой лишь частично приоткрыты меньшинству, только «мудрым и благородно мыслящим умам». С другой стороны, среди избирателей насчитывалось «не мало глупцов, трусов, плутов и предателей, преследующих только свои собственные аппетиты». Такие люди могли считаться свободными в своём волеизъявлении, но их «внутренний рабский образ» не в силах принести пользу обществу в достижении его главной цели – «знать в чём должен состоять мудрый образ действий». Выборы с имущественным цензом и, в целом, «избирательный мир с его любовью к красивым словам» не был способен верно определить подходящую кандидатуру. В эпоху «преклонения слову» не замечали «всё то, что глубоко и искренне», не узнавали мудрость, которая «отличается характером безмолвия»⁵. Не всегда всеобщее голосование вело по правильному пути согласно «божественным законам». Механический подсчёт голосов мог приводить к ошибке, к подмене «культы действительного» на «культ мнимого». Таким общественным заблуждением являлся «культ Гудзона»⁶, свидетельствовавший о глубине падения нравственности. Финансист Джеймс Гудзон согласно общественному избранию стал «самым подлинным из королей»: «Гудзон был избран народом... Они отдали свои голоса за него, покупая его облигации с барышом для него. Это не было подачей голосов в форме слова; это было подачей голосов на деле. В нём они доподлинно выразили всё, чему научил их аппетит, сметка, глупость и страсть к наживе» [9, с. 49-50].

Разрабатывая тему демократии, Карлейль использовал также исторический материал. В Афинах и Риме не было демократии, они являлись аристократическими республиками. В истории парламента только два имели успех в роли «верховного правителя» народа: «Долгий парламент» в Англии и «Якобинский Конвент» во Франции. Оба были «страшно серьёзны», так как их положение являлось «вопросом жизни и смерти»; каждый депутат был ответственным; «парламентское красноречие» было уменьшено в результате отсутствия оппозиции; в целом, их деятельность привела «к положительным результатам». Политический строй США, «символ надежды для всех народов», не являлся, по Карлейлю, образцом. В этой стране не сложилась единая нация, все основные ценности (конституция, английский язык, уважение к закону) были «в готовом виде» заимствованы «из английской старопуританской мастерской». Американцы ничего великого не совершили и не дали в духовном плане: ни «благородного дела», ни «великой души», ни «великой мысли». Америка дала лишь «хлопчатую бумагу, хлеб, доллары и полмира необработанной земли», на которой население, «уважающее Констебля», могло обойтись без правительства. Такой общественный строй назван «Анархией плюс Констебль». С точки зрения автора «Памфлетов», история свидетельствовала, что в течение долгого периода «ни одна нация не может существовать при Демократии» [9, с. 56-57].

Альтернативой развития парламентской демократии выступало усиление роли исполнительной власти, реформа «верховной корпорации правителей». По наблюдению Кар-

⁴ О теме труда в творчестве Т. Карлейля см. напр.: Осинковский И.Н. Этика труда у Томаса Карлейля // Политическая жизнь Западной Европы: античность, средние века, новое и новейшее время: межвуз. сб. науч. ст. вып. 5 / отв. ред. Е.В. Кузнецов. – Арзамас: АГПИ, 2008. С. 70-77.

⁵ О теме молчания в творчестве Т. Карлейля см. напр.: Костикова И.В. Философско-социологические взгляды Томаса Карлейля. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983.

⁶ Гудзон Джеймс – один из крупнейших финансистов середины XIX в. Он контролировал, в частности, половину железнодорожной сети Британии, поэтому его называли «железнодорожным королём».

лейля, «практическая организация государства» поставлена «криво и косо» и не отвечала потребностям населения: «сделать для английских граждан возможным жизнь и труд». Осуществление этих чаяний народа под силу лишь «реальной верховной власти» [9, с. 66-67]. В «Памфлетах» представлена программа практических шагов, которые должно было предпринять «новое правительство», точнее, ряд его важнейших министерств. Функции министерства иностранных дел сводились к поддержанию добрососедских отношений со всеми государствами, без вмешательства в их внутрисполитические дела. Военно-морскому ведомству следовало в мирное время организовывать «рабочие полки» из личного состава армии и обучать военному делу всех граждан. По мере развития международных связей (главным образом, экономического сотрудничества) войны становились «менее и менее неизбежными», к тому же, ведение войн «никогда не было и не будет истинной задачей Англии». Колониальному ведомству необходимо сохранять и укреплять Британскую империю. Колонии рассматривались как неотъемлемая часть страны: «Они составляют части земли, на которых теперь живут дети Англии, где боги благословили их усилия и дали им право жить». Карлейль выступал против предоставления самостоятельности и учреждения конституций для колоний. Внимание современников обращалось на кадровый вопрос: «действительное средство для поправления дела заключается в том, чтобы найти такое министерство», которое сделает колонии «нашим благодеянием». Экономические проблемы империи доказывали, с точки зрения мыслителя, что способ управления колониями «нелеп и настоятельно нуждается в реформе». Основным государственным ведомством считалось министерство внутренних дел. На него возлагалась «совершенно небывалая задача» – ликвидация пауперизма путём реформирования «организации труда». Под этой реформой Карлейль подразумевал организацию общественных работ, полное упразднение безработицы и предоставление гарантий рабочим со стороны и государства, и предпринимателей («новой», «промышленной» аристократии) – эти меры «в течение нескольких поколений» приведут к созданию «настоящего благоустроенного государства». Вся эта правительственная программа направлена на то, чтобы государство стало «действующей силой», которая направляет свои усилия на практические цели и дела» [9, с. 70-74], забытые вследствие политики *laissez-faire*.

Британский исследователь подчёркивал, что смысл любого политического режима, «всякого политического усилия» состоял в том, чтобы поставить во главе государства «способных людей», но не все политические методы подходили для этого. «Крупинки чистого золота» почти невозможно найти среди парламентариев, судя по их кадровому составу. Следовало отказаться от практики назначения на высшие государственные посты депутатов парламента, т.к. нельзя ручаться, что «искусный парламентский оратор есть в то же время и администратор, способный управлять колониями или внутренними делами». В вопросе, где найти нужных людей, автор «Памфлетов» не расходился со своими «демократическими друзьями»: «Пусть человек, которого боги одарили мудростью, доблестью и способностью быть полезным стране берётся из всех классов, не из нескольких сотен, а из нескольких миллионов» [9, с. 80]. Принципиальное расхождение состояло в способе выбора: право выбирать «среди всех английских граждан» Карлейль предоставлял «настоящему государственному человеку-реформатору, благородному ценителю и знатоку человеческого ума, наделённому талантом опытного политика». Таким государственным деятелем считался Роберт Пиль, один из лидеров либерального крыла партии тори⁷. Наличие в пра-

вительстве одного или нескольких «истинных руководителей и королей» предстаёт в качестве предварительного условия всех необходимых политических преобразований. На наш взгляд, это утверждение не даёт оснований обвинять Карлейля в приверженности авторитаризму или тоталитаризму, т.к. параллельно с этим развивался другой тезис. Появление национальных лидеров⁸ возможно лишь в результате высоко нравственного выбора каждого члена общества: «Оказывать наше уважение тому именно, кому следует, заставляя каждого из нас поступать так, чтобы почтенный человек... пользовался везде почтением, а способный попадал на то место, на которое он имеет вечное право» [9, с. 93]. Воздавать каждому по заслугам, проявлять взаимное уважение, молиться о получении «мудрости, вместо банковских билетов» – в этом состоит «социальная нравственность» для каждого гражданина в мире. Целью и идеалом таких всеобщих усилий будет установление «иерархии духа». В «Памфлетах» повсеместно присутствует призыв автора к современникам обратиться к религиозным основам, смысл которых заключался в «уважении к ценности человека, серьёзном и упорном к ней стремлении, благородной её поддержке и поощрении» [9, с. 107]. В заключении выражалась глубокая уверенность в том, что общество никоим образом не может строиться на «законах спроса и предложения», на потребительском отношении людей друг к другу: «Несомненно... это равнодушие ко всему, что не имеет отношения к Мамоне⁹, не есть естественное состояние человеческого рода. Должны быть и другие состояния или же мы никогда не бывали обществом, не было между нами и благородных деяний». Тех же, кто будет продолжать гнаться за деньгами, ждёт не человеческое счастье, а «океан тоски» [9, с. 130].

Таким образом, Томас Карлейль в своих исторических и публицистических сочинениях, написанных в 1829-1850 гг., придерживался одной определённой точки зрения относительно демократии. Мыслитель последовательно развивал ряд аргументов против прочного и длительного существования этого общественного строя и сомневался даже в реальном воплощении принципа народовластия. Он признавал демократию в качестве закономерного, но лишь временного этапа, когда в тех или иных исторических условиях происходили революционные, глубокие социальные, экономические и политические изменения в обществе, затрагивавшие интересы каждого человека. Критика парламентской демократии в работах этого мыслителя была связана, прежде всего, с исторической действительностью Британии второй четверти XIX века. В результате завершения промышленной революции в стране резко обострились социальные контрасты между меньшинством имущих и власть держащих и большинством неимущих, рухнули прежние социальные связи и нравственные нормы. Однако в обстановке роста напряжённости и падения духовности в обществе правящие круги придерживались политики невмешательства государства в социально-экономическую сферу. Парламент в этих условиях не проявил себя как орган власти, отвечавший требованиям широких слоёв населения и способный к решительному изменению государственного курса. Причиной неэффективности Карлейль считал его кадровый состав, формировавшийся или из состоятельных людей, или из политиков, добившихся дешёвой популярности у своих избирателей. Реформа парламента 1832 г. не внесла принципиальных изменений в политическую жизнь. Карлейль выступил не за дальнейшую демократизацию политического строя, а за реформирование государственной реальной политики, прежде всего, за участие государства в регули-

⁷ Роберт Пиль (1788-1850 гг.), премьер-министр в 1834-1835, 1841-1846 гг., на которого так надеялся Карлейль и с которым был лично знаком, внезапно скончался после падения с лошади, когда писался восьмой памфлет в июле 1850 г.

⁸ Подробнее концепцию «героев» Т. Карлейль изложил в книге «Герои, почитание героев и героическое в истории» (1841 г.). Это произведение британского автора выдержало в России пять изданий.

⁹ Мамон(а), Маммона – 1) миф. бог богатства у древних сирийцев; 2) перен. алчность, корыстолюбие.

ровании отношений труда и капитала. Осуществление этой основной задачи времени возлагалась на одного или нескольких национальных лидеров, представителей аристократии духа. Возможность их появления у власти обусловлена нравственным возрождением общества. Именно восстановление приоритета духовных ценностей (прежде всего, религиозных

основ) являлось, по мнению Карлейля, главным условием верного политического развития: установления социального согласия, добросовестного выполнения своих функций всеми общественными группами, признание за каждым человеком права на достойную жизнь.

Библиографический список

1. Rosenberg, Ph. The Seventh Hero: Thomas Carlyle and the Theory of Radical Activism. – Cam. (Mass.), 1974.
2. LaValley, A.J. Carlyle and the Idea of the Modern. Studies in Carlyle's Prophetic Literature and Its Relation to Blake, Nietzsche, Marx and Others. – New Haven etc, 1968.
3. Carlyle, Th. Signs of the Times // Carlyle Th. Scottish and Other Miscellanies. – L., 1897.
4. Carlyle, Th. Characteristics // Carlyle Th. Critical and Miscellaneous Essays. – N.Y., 1873.
5. Карлейль, Т. Французская революция. История / пер. с англ. Ю.В. Дубровина и Е.А. Мельниковой. – М.: Мысль, 1991.
6. Carlyle, Th. Chartism. – L., 1840.
7. Карлейль, Т. Прошлое и настоящее // Карлейль Т. Теперь и прежде / сост., подгот. текста и примеч. Р.К. Медведевой. – М.: Республика, 1994.
8. Coldberg, M.A. Universal "Howl of Execration": Carlyle's Latter-Day Pamphlets and Their Critical Reception // Carlyle and His Contemporaries. Essays in Honour of Charles Richard Sanders. – Durham, 1976.
9. Карлейль, Т. Памфлеты последнего дня / пер. с англ. А.М. Белова. – СПб., 1907.

Bibliography

1. Rosenberg, Ph. The Seventh Hero: Thomas Carlyle and the Theory of Radical Activism. – Cam. (Mass.), 1974.
2. LaValley, A.J. Carlyle and the Idea of the Modern. Studies in Carlyle's Prophetic Literature and Its Relation to Blake, Nietzsche, Marx and Others. – New Haven etc, 1968.
3. Carlyle, Th. Signs of the Times // Carlyle Th. Scottish and Other Miscellanies. – L., 1897.
4. Carlyle, Th. Characteristics // Carlyle Th. Critical and Miscellaneous Essays. – N.Y., 1873.
5. Karleyjlj, T. Francuzskaya revolyuciya. Istoriya / per. s angl. Yu.V. Dubrovina i E.A. Melnikovoy. – M.: Mihslij, 1991.
6. Carlyle, Th. Chartism. – L., 1840.
7. Karleyjlj, T. Proshloe i nastoyathee // Karleyjlj T. Teperj i prezhde / sost., podgot. teksta i primech. R.K. Medvedevoy. – M.: Respublika, 1994.
8. Coldberg, M.A. Universal "Howl of Execration": Carlyle's Latter-Day Pamphlets and Their Critical Reception // Carlyle and His Contemporaries. Essays in Honour of Charles Richard Sanders. – Durham, 1976.
9. Karleyjlj, T. Pamfletih poslednego dnya / per. s angl. A.M. Belova. – SPb., 1907.

Статья поступила в редакцию 10.06.11

УДК 947.086

Podrepy Y.I. THE BEGINNING OF THE FIGHTER MIG-25 AT THE GORKY AIRCRAFT PLANT (1962-1980-s).
The article relates to the beginning of the fighter MiG-25 at the Gorky aircraft plant No 21. Its production started in 1962 and lasted about 22 years. The MiG25 aircraft is one of the world's most renowned jet fighters.

Key words: MiG-25, aircraft, plant, technology.

Е.И. Подрепный, канд. ист. наук, доц. ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород,
E-mail: 2505575@mail.ru

МИГ-25 – НИЖЕГОРОДСКИЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

В статье на основе мемуарных и документальных источников освещаются некоторые ранее неизвестные эпизоды из истории одного из самых известных отечественных самолетов XX века – МиГ-25. Особое внимание уделяется вкладу нижегородских инженеров, конструкторов и технологов в совершенствование этой машины.

Ключевые слова: МиГ-25, авиационная промышленность, самолет, развитие, технология.

МиГ-25 – этапный самолет в истории отечественной авиационной промышленности. Этой машине посвящено немало публикаций [1, с. 131-134], однако, в последние годы вышло достаточно много воспоминаний работников Нижегородского авиастроительного завода «Сокол», которые позволяют существенно дополнить предыдущие работы по данной теме [2; 3; 8].

Серийное производство стальной машины МиГ-25 для Горьковского авиационного завода им. С. Орджоникидзе ознаменовало не только переход к очередному крылатому изделию, но и настоящую техническую революцию на предприятии. В статье В.П. Князюкова (начальник отдела 30 в 1971-1984 гг.), посвященной истории технологической службы авиазавода им. С. Орджоникидзе, отмечено: «Безусловно, освоение и производство этого новейшего самолета без снятия с производства серийно выпускаемого заводом самолета МиГ-21 потребовали решения большого числа вновь возникших проблем». [3, с. 142].

Освоение и начало серийного производства стального сварного самолета потребовало от руководства завода и тех-

нологической службы проведения глубокого анализа действующей структуры и ее совершенствования под изменившиеся во многом условия выполнения правительственного задания. В основном производстве были созданы новые цехи, участки, лаборатории. В службе главного технолога организовали новый специализированный отдел – главного сварщика. В действующих цехах открылись новые бюро. Очень важным и своевременным было перемещение цехов подготовки производства и отделов главного технолога в новый, только что построенный корпус № 102. В корпусе, кроме механических и слесарных участков, были построены и организованы термические и гальванические отделения, что позволило цехам подготовки производства изготавливать оснастку с замкнутым циклом от раскроя заготовок до окончательной сборки [3, с. 143-144].

Материалы «МиГовских чтений» позволяют лучше понять вклад отделов и служб завода в создание уникального самолета. Так, Е.С. Коровин, начальник отдела 22 (1973-1999 гг.) пишет, что «конструкторами отдела 27 спроектированы уникальные разделочные комплексы на все агрегаты самолета».

та; практически все механизмы, встроенные непосредственно в стапеля; многие манипуляторы и даже линия подвесных сварочных машин и много другое. Более того, по нашим техническим условиям под нашу технологию научно-исследовательский институт (НИАТ) спроектировал целую гамму сварочных установок с программным управлением» [4, с. 21]. Заслуженный технолог РФ П.М. Королев отмечает, что в период подготовки к производству стального самолета преобразовывалось механосборочное производство (этому производству были отданы лучшие площади); приобретено современное металлорежущее оборудование с ЧПУ. Число специализированных механосборочных цехов было доведено до 8 [5]. Архивные документы показывают, что на заводе постоянной практикой стали сверхурочные работы. Типичный пример – приказ директора завода А.И. Ярошенко № 363 от 21 ноября 1969 г. «О работе в выходной день 7 декабря 1969 г.»: «В воскресенье 7 декабря 1969 года организовать нормальный рабочий день в две смены с полетами в цехе 50 и 59» [6, л. 27.]. В 1969 году на заводе были внедрены следующие мероприятия: 1. Расширено производство точных видов заготовок литьем и штамповкой. 2. Внедрен технологический процесс плазменной резки заготовок на станках с программным управлением. 3. Расширена до 114 наименований номенклатура деталей, изготавливаемых гидроформированием [6, л. 2].

Обстановку того времени передал бывший начальник цеха 50 (Летно-испытательная станция завода – *Е.П.*) Э.Д. Юсупов: «В 60-е годы завод представлял собой стройплощадку. Строили везде: корпус для цехов и отделов главного технолога, боксы и новое здание КДП (контрольно-диспетчерский пункт – *Е.П.*) цеха 50 и т.д. Полным ходом шла подготовка к выпуску самолетов третьего поколения. Первые самолеты МиГ-25, собранные на старых площадях, были отправлены на государственные испытания в 1965 году. А завод продолжал их сборку, не дожидаясь результатов государственных испытаний.

Акт о принятии на вооружение самолетов МиГ-25Р был подписан в 1968 году. И в этом году первые «разведчики» были переданы в воинскую часть¹⁰. Госиспытания самолетов МиГ-25П продолжались, но уже в план завода 1968 года была включена сборка первой партии. Акт о принятии на вооружение самолетов МиГ-25П с приложением перечня замечаний, требующих обязательно устранения, был подписан в начале 1970 года. <...> Завод стал центром притяжения всего Министерства. Задача одна – за второй квартал доработать и облетать все самолеты, собранные за 1968-69 и 1970 годы. Начальник первого ГУ (Главного управления – *Е.П.*) МАП В.И. Давыдов находился на заводе и отсюда руководил своим управлением. Высадился «десант» конструкторов во главе с главным конструктором Н.З. Матюком. Работали представители поставщиков всех готовых изделий и агрегатов, устанавливаемых на самолетах. Здесь, на месте, принимались конструктивные, технологические и производственные решения по устранению отмеченных в приложении и возникающих в процессе наземных и летных испытаний замечаний.

В цехе организовали круглосуточную работу, не хватало рабочих мест, стоянок для самолетов. С целью сокращения потерь всем участкам и бригадам выдали велосипеды, построили и ввели в строй новую проходную (№ 28) организовали бесплатные обеды, приобрели кровати и создали условия для отдыха. Директор завода А.И. Ярошенко и районный инженер А.А. Дорохин безвылазно сидели на летно-испытательной станции и вместе решали возникающие вопросы. Напряженная

работа всего коллектива завода, смежников, конструкторов и коллектива ЛИС принесла свои плоды. За первое полугодие все имевшиеся самолеты были доработаны, отработаны, облетаны и в августе отправлены в воинские части.

За годы моей работы на заводе было много разных сложных периодов, а год 1970 – особенно тяжелый, но победный. Впервые наша авиация получила уникальные самолеты, не превзойденные никем и сегодня. С появлением этих самолетов небо над страной очистилось от чужестранцев» [8].

Большое внимание уделялось проблеме качества выпускаемой продукции. В приказе директора завода № 350 от 27 ноября 1969 г. отмечалось, что «на изделиях т.т. 02 и 84 в серийном производстве проведена большая конструктивно-технологическая работа с целью улучшения качества изделий. Проведена специализация участков цехов, по изготовлению изделий 02 и 84. Резко обновлен парк оборудования, обучены и доукомплектованы кадры ИТР и рабочих. Однако в настоящее время в некоторых цехах имеют место случаи изготовления деталей, узлов отдельных агрегатов с отклонениями от чертежей и ТУ и допускаемые в дальнейшее производство оформлением технических запросов без тщательного анализа причин отклонений от чертежей и ТУ» [6, л. 50].

Директор завода приказал начальнику ОКБ Бородину, главному технологу Мюрисеппу провести тщательную проработку выставленных вопросов производственными цехами, выдать техническую документацию и уточнить ТУ к 31 декабря 1969 года. Начальники всех производственных цехов в I квартале 1970 года были обязаны провести техническую учебу с рабочими и мастерами и по окончании учебы переаттестацию всех производственных рабочих. На основании переаттестации и результатов производственного исполнения шире практиковать выдачу персональных клейм производственным рабочим – отличникам по качеству [6, л. 51].

9 июля 1970 года на аэродроме в Шаталово приземлились три первых самолета МиГ-25Р. Их в полк перегнали заводские летчики-испытатели. А уже через неделю состоялись первые полеты МиГов. Первых летчиков готовили и выпускали в самостоятельный полет летчики-испытатели – шеф-пилот ОКБ Микояна А.В. Федотов и летчики-испытатели Горьковского авиазавода В.Г. Гордиенко и М.Н. Элькинбард. Кроме того, в первые месяцы полетов на новых МиГах на аэродроме постоянно присутствовали генералы и полковники из Главкома ВВС и ВВС МВО, представители ОКБ Микояна и заводоизготовителей [7, с. 20].

Завод оказался в затруднительном положении с выполнением Государственного плана по выпуску самолетов МиГ-25П. Кроме 25-и самолетов МиГ-21 нужно было изготовить 10 самолетов МиГ-25П в месяц. Генеральным конструктором ОКБ им. А.И. Микояна был в то время Р.А. Беляков. На заводе, сменяя друг друга, подписывали чертежи представители ОКБ им. А.И. Микояна: М.М. Красивов, Я.Г. Кокушкин, Л.А. Агроник.

Ветеран ОКБ завода «Сокол» А. Подшивалов пишет: «Евгений Иванович вышел с предложением к директору завода Силаеву И.С. взять «в дровах» у военных самолет как бы ими уже принятый под обязательство довести его до состояния, резко отличающегося от серийных самолетов в части повышения его эксплуатационных характеристик, а заодно и производственно-технологических. Для этого должна быть разработана и утверждена программа с указанием конкретных финальных результатов. У ОКБ и завода в целом такой опыт имелся. Военные, по мнению Е.И. Миндрова, должны были бы ухватиться за это.

Почему такое могли и должны были сделать мы на серийном заводе? Почему это не сделали и не могли сделать в ОКБ им. Микояна? К тому времени уже имелись замечания к самолету и предложения с Государственных и заводских испытаний, из эксплуатирующих воинских частей, были замечания и предложения от технологических служб завода, от

¹⁰ 27 мая 1969 г. Главный штаб ВВС издал директиву, предписывающую перевооружить одну эскадрилью разведывательной авиации на новые разведчики МиГ-25Р, к серийному выпуску которых приступил Горьковский авиационный завод. Выбор командования в очередной раз пал на 47-й отдельный гвардейский разведывательный авиационный полк (Шаталово) [7].

производства были наработки творческих тем и были задумки с до конца сформулированными представлениями. Микоянцы были заняты разработкой новых перспективных самолетов, их делом было осваивать наши разработки.

Миндровым так решалась не только задача выполнения заводом Государственного плана. Так решалась задача повышения эксплуатационно-производственной технологичности самолетов» [9, с. 26].

Позже таким образом решался вопрос о выделении самолета МиГ-25РБ (№ 020703), самолета МиГ-31 (№ 010503).

По истребительно-перехватчику МиГ-25П была разработана программа по совершенствованию, которая включала 563 темы. Легко произносится цифра. Но сколько за этим труда конструкторов, технологов, производственников, и в первую очередь, Главного конструктора Евгения Ивановича Миндрова. Программу нужно было утвердить в ОКБ им. Микояна, в Управлении заказов ВВС Министерства Обороны СССР.

Начальником Управления заказами ВВС был хороший знакомый Евгения Ивановича Ефремов Виктор Романович. Они познакомились в те годы, когда Ефремов В.Р. служил еще лейтенантом в Военном представительстве № 256 на заводе № 21. В.Р. Ефремов подошел к делу по-государственному, поверив Евгению Ивановичу [9, с. 26].

И вот самолет МиГ-25П с заводским номером 841304 готов. В декабре его перегнали на аэродром Московского военного округа ПВО в Истомино (Правдинск) для оценки, для испытаний. Конструкторы, ездили туда каждый день заводским автобусом. От военных руководил работами Главный инженер авиации ПВО Московского военного округа Пахомов Владимир Романович. Самолет ему очень понравился. Он писал акт оценки, признавая, что впервые сам пишет похвальный акт оценки.

Высокая оценка была дана и интерьеру кабины самолета. Этими работами руководил бывший летчик-испытатель 1 класса Представительства заказчика № 256 Рогатнев Алексей Кондратьевич. Кто лучше А.К. Рогатнева мог знать потребности летчика, остающегося один на один с самолетом на высоте более 30 км и скоростях за 3000 км/час? Это Е.И. Миндров пригласил А.К. Рогатнева, вышедшего в отставку, поработать налетчиков ведущим конструктором в ОКБ по интерьеру кабин. А.К. Рогатнев выступал как идеолог и исполнитель,

Миндров Е.И. – как конструктор и как таран. Помогал Рогатневу Г.Д. Дробышевский [9, с. 27].

Когда улучшенные самолеты по образцу 841304 уходили в строевые части, в формуляр каждого самолета вкладывалось обращение к командиру, в котором дополнительно отражалась новизна самолета и была просьба сообщить, сколько часов самолет налетал, сколько совершил взлетов-посадок до того, как выявилась неисправность, какие есть предложения по дальнейшему совершенствованию. В то время Главный инженер авиации войск ПВО страны Виктор Иванович Суворов сказал, что усовершенствованный самолет МиГ-25П отличается от выпущенных ранее как небо от земли. При таких же обстоятельствах был получен для модернизации разведчик-бомбардировщик МиГ-25РБ № 020503, такая же была схема разработки программы совершенствования, так же работали люди, так же руководил Е.И. Миндров [9, с. 29]. Позже по заданию Горьковского авиазавода Коломенским заводом был изготовлен и смонтирован пресс усилием 24 тысячи тонн с удельным давлением 1000 кг на кв. см. для бездвухочной штамповки деталей для МиГ-25 и последующих типов самолетов. Миндров предложил и реализовал опытные образцы сварных створок перепуска воздуха в воздухозаборники самолета МиГ-25 с применением плазменной сварки. Цикл изготовления сокращался с 2-х недель до 2-х рабочих смен, экономилось 5 кг серебра на один самолет [9, с. 31].

В изготовлении самолета МиГ-25 участвовали и другие нижегородские предприятия, в первую очередь, завод № 119 «Гидромаш». Первые два комплекта шасси были отправлены на завод № 21 еще в 1966 году [10, с. 197]. В 1967 году завод разработал и внедрил в производство принципиально новый механизм рулевого управления МРК-20 для будущего МиГ-25 [10, с. 199]. В 1969 году «Гидромаш» выпустил уже 37 комплектов шасси для лучших в мире истребителей-перехватчиков МиГ-25 [10, с. 206]. В 1972 году на заводе освоили выпуск гидроаккумулятора аварийного торможения для МиГ-25 и т.д. [10, с. 215]. Бывший генеральный директор Горьковского авиазавода имени С. Орджоникидзе Владимир Михайлович Помолов отмечал, что поставки самолетов МиГ-25П и МиГ-25Р на экспорт позволяли стране заработать громадные деньги, так как каждый рубль, вложенный в самолет МиГ-25, приносил отрасли 20 долларов [11, с. 130].

Библиографический список

1. Подрепный, Е.И. Самолет МиГ-25 в публикациях 2000-х годов // Материалы «Миговских чтений», посвященных жизни и судьбе знаменитого истребителя МиГ-25 (в честь 70-летия завода и 35-летия первого полета МиГ-25) 22-23 января 2002 г. – Нижний Новгород: ОАО «НАЗ «Сokol»», 2002.
2. См. об этом, например: Агафонов, Ю.И. Жизнь, отданная МиГам. Посвящается 90-летию со дня рождения Талгата Фатыховича Сейфи. – Нижний Новгород: ОАО «НАЗ «Сokol»», 2006; Ярошенко, Л.А. Александр Ильич Ярошенко в воспоминаниях дочери. – Нижний Новгород: Изд-во «Дятловы горы», 2007; Евгений Иванович Миндров. К 100-летию со дня рождения. Воспоминания о Главном конструкторе Горьковского авиационного завода. – Нижний Новгород, 2010.
3. Мюрисеп, В.А. Полет наших птиц. – Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2005.
4. Коровин, Е.С. Внедрение новейших достижений в агрегатно-сборочное производство // Материалы «Миговских чтений», посвященных жизни и судьбе знаменитого истребителя МиГ-25 (в честь 70-летия завода и 35-летия первого полета МиГ-25) 22-23 января 2002 г. – Нижний Новгород: ОАО «НАЗ «Сokol»», 2002.
5. Королев, П.М. На острие технического прогресса // Агафонов Ю.И. Жизнь, отданная МиГам. – Нижний Новгород: ОАО «НАЗ «Сokol»», 2006.
6. Государственное учреждение Центральный архив Нижегородской области. Ф. 2066. Оп. 13. Д. 328.
7. Пазынич, С.С. 47 ОГРП. Действия в интересах главных штабов / С. Пазынич, С. Цветков // Мир авиации. – 2001. – № 3.
8. Юсупов, Э.Д. Год 1970 – трудный, но победный // Рабочая жизнь. Газета трудового коллектива ОАО «Нижегородский авиастроительный завод «Сokol»». – 2008. – 28 апреля.
9. Подшивалов, А. О том, что хранит память // Евгений Иванович Миндров. К 100-летию со дня рождения Воспоминания о Главном конструкторе Горьковского авиационного завода. – Н. Новгород, 2010.
10. Карпенко, В.Ф. От кареты до ракеты: Очерки истории Нижегородского открытого акционерного общества «Гидромаш» (1805-2005) / В.Ф. Карпенко, Л.Е. Козлова, Г.Л. Нелидов, В.А. Харламов; под ред. В.И. Лузянина. – Н. Новгород, 2005.
11. Помолов, В.М. Производственный потенциал завода и организация работы коллектива в 1970-1990 гг. // Материалы «Миговских чтений», посвященных жизни и судьбе знаменитого истребителя МиГ-25 (в честь 70-летия завода и 35-летия первого полета МиГ-25) 22-23 января 2002 г. – Нижний Новгород: ОАО «НАЗ «Сokol»», 2002.

Bibliography

1. Podrepniy, E.I. Samolet MiG-25 v publikatsiyakh 2000-kh godov // Materiali «Migovskikh chteniy», posvyatennikh zhizni i sudjbe znamenitogo istrebitelja MiG-25 (v chesti 70-letija zavoda i 35-letija pervogo poleta MiG-25) 22-23 yanvarya 2002 g. – Nizhniy Novgorod: OAO «NAZ "Sokol"», 2002.
2. Sm. ob etom, naprimer: Agafonov, Yu.I. Zhiznj, otdannaya MIGam. Posvyatetsya 90-letiyu so dnya rozhdeniya Talgata Fatikhovicha Seyfi. – Nizhniy Novgorod: OAO «NAZ "Sokol"», 2006; Yaroshenko, L.A. Aleksandr Il'ich Yaroshenko v vospominaniyakh docheri. – Nizhniy Novgorod: Izd-vo «Dyatlovih gorih», 2007; Evgeniy Ivanovich Mindrov. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya. Vospominaniya o Glavnom konstruktore Gor'kovskogo aviacionnogo zavoda. – Nizhniy Novgorod, 2010.
3. Myurisep, V.A. Polet nashikh ptic. – Nizhniy Novgorod: DEKOM, 2005.

4. Korovin, E.S. Vnedrenie novейshikh dostizheniy v agregatno-sborochnoe proizvodstvo // Materialih «Migovskikh chteniy», posvyatennikh zhizni i sudbe znamenitogo istrebitelya MiG-25 (v chesti 70-letiya zavoda i 35-letiya pervogo poleta MiG-25) 22-23 yanvarya 2002 g. – Nizhniy Novgorod: OAO «NAZ «Sokol», 2002.
5. Korolev, P.M. Na ostrie tekhnicheskogo progressa // Agafonov Yu.I. Zhiznj, otdannaya MiGam. – Nizhniy Novgorod: OAO «NAZ «Sokol», 2006.
6. Gosudarstvennoe uchrezhdenie Centralniy arkhiv Nizhegorodskoy oblasti. F. 2066. Op. 13. D. 328.
7. Pazihnich, S.S. 47 OGRAP. Deystviya v interesakh glavnikh shtabov / S. Pazihnich, S. Cvetkov // Mir aviacii. – 2001. – № 3.
8. Yusupov, Eh.D. God 1970 – trudniy, no pobedniy // Rabochaya zhiznj. Gazeta trudovogo kolektiva OAO «Nizhegorodskiy aviastroitelniy zavod «Sokol». – 2008. – 28 aprelya.
9. Podshivalov, A. O tom, chto khranit pamyat' // Evgeniy Ivanovich Mindrov. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya Vospominaniya o Glavnom konstruktore Gor'kovskogo aviacionnogo zavoda. – N. Novgorod, 2010.
10. Karpenko, V.F. Ot karetyh do raketih: Ocherki istorii Nizhegorodskogo otkritogo akcionernogo obshchestva «Gidromash» (1805-2005) / V.F. Karpenko, L.E. Kozlova, G.L. Nelidov, V.A. Kharlamov; pod red. V.I. Luzyanina. – N. Novgorod, 2005.
11. Pomolov, V.M. Proizvodstvenniy potencial zavoda i organizatsiya rabot kolektiva v 1970-1990 gg. // Materialih «Migovskikh chteniy», posvyatennikh zhizni i sudbe znamenitogo istrebitelya MiG-25 (v chesti 70-letiya zavoda i 35-letiya pervogo poleta MiG-25) 22-23 yanvarya 2002 g. – Nizhniy Novgorod: OAO «NAZ «Sokol», 2002.

Статья поступила в редакцию 28.06.11

УДК 942

Sorokina T.B. **EDWARD HERBERT'S IDEAL OF POLITICAL SYSTEM.** In work characterizes political views of E. Herbert – English philosopher, politic, statesman of first half of XVII century. Herbert in the three political poems explores the general conflict between what was and what should be in the political system, English conception of the ideal commonwealth, the roles of evil in government and the qualities of the ideal monarch.

Key words: state, monarchy, Herbert, politics, ill, poems.

Т.Б. Сорокина, канд. ист. наук, доц. каф. всемирной истории ГОУ ВПО «Арзамасский государственный педагогический институт им. А.П. Гайдара», E-mail: sorok-tat@yandex.ru

ИДЕАЛ ПОЛИТИЧЕСКОГО УСТРОЙСТВА ЭДВАРДА ГЕРБЕРТА

В работе характеризуются политические взгляды Э. Герберта – английского философа, политика и общественного деятеля первой половины XVII в. Герберт в трёх политических поэмах изучает главное противоречие между тем, что было и тем, что должно быть в политическом устройстве, английскую концепцию идеального государства, действия зла в государственном аппарате и качества идеального монарха.

Ключевые слова: государство, монархия, Герберт, политика, зло, поэмы.

За длительную историю политической практики люди могли сравнить различные формы правления и государственного устройства, методы осуществления власти, взаимоотношения власти и общества. Однако такое сравнение не дало окончательного ответа на вопрос о наиболее эффективной форме социального и политического устройства. Для современной России является крайне важным и актуальным соотнесение себя с феноменом демократии. При этом демократические перспективы развития российского общества подвергаются широкой публицистической и научной критике. Таким образом, вопрос о поисках оптимальных форм организации общества и государства по-прежнему остаётся в числе наиболее важных и неотложных. В истории политических учений видное место занимают теории английских философов XVII в., многие из которых занимались поиском наилучшей формы государственного устройства. Политико-правовые идеи того времени остаются актуальными и в наши дни, поскольку содержат в себе потенциальный заряд для развития новых воззрений на российское общество и государство, на политические институты XXI века.

Эдвард Герберт, лорд Чербери (1583-1648), – первый английский деист, о философских трудах которого восторженно отзывались самые прославленные мыслители Европы [1], оставил потомкам богатое и разнообразное творческое наследие. Универсальность таланта Э. Герберта удивляла и современников и потомков. Неслучайно его называли последним представителем Возрождения. Бесспорно, самую большую известность Герберту принесли его философские труды, признанные и высоко оцененные ещё при жизни автора¹¹. Помимо философских работ широкую известность получили

его литературные произведения¹²: имя Эдварда Герберта занимает почётное место среди поэтов-«метафизиков» XVII в. Вместе с тем Герберт написал целый ряд исторических произведений¹³.

Герберт был заметным политическим и общественным деятелем не только в масштабах своей страны, но и всей Европы. Значительную часть своей жизни он посвятил государственной службе. Начиная с восемнадцати лет, когда Герберт с семьёй переехал в Лондон, он активно приобретал полезные связи и знакомства при дворе королевы Елизаветы. С 1604 г. Герберт участвовал в работе первого парламента Якова I, в 1605 г. стал шерифом в уэльском графстве Монтгомери. Кульминацией в политической карьере Герберта явилось назначение его послом во Францию. Герберт был очень популярным человеком при французском королевском дворе во многом благодаря выдающимся дипломатическим способностям и экстравагантности поведения. Всё это время Герберт много путешествовал по Европе, участвовал в различных военных кампаниях, лично общался с королевскими особами и видными государственными деятелями [2]. На страницах автобиографии Герберт подробно описывает этапы своей политической карьеры. Собственное жизнеописание автор дошёл до событий 1624 г. и закончил по непонятным причинам. Без сомнений, активный и наблюдательный ум Герберта мог бы подарить историкам много важных деталей, особенно в период долгой и событийной борьбы между королём и парламентом. Была у Герберта идея написать историю своего пребывания при французском королевском дворе [2, с. 308], но это

¹² The Poems English and Latin of Edward Lord Herbert of Cherbury, ed. by C.C. Moore Smith. Oxford, 1923.

¹³ Expeditio Buckinghami Ducis in Ream Insulam. L.1656. The Live and Reign of King Henry the Eighth. L.1649, 1672, 1682. The Life of Edward, First Lord Cherbury, Written by Himself, and continued to his death. With letters. L. 1826.

¹¹ De Veritate, De caysis errorum, De religione laici, De religione gentiliu, A Dialogue between a Tudor and a Pupil.

намерение, к сожалению, не исполнилось. Но сохранились письма, которые были написаны Гербертом в этот период жизни. Они являются образцом пронизательности, таланта и политической бдительности автора. Особый интерес представляют собой послания, адресованные королю Якову I [2, с.308]. Богатый практический опыт политика, несомненно, способствовал формированию собственного понимания и видения путей развития государства и общества. Трудно предположить, что Герберт не использовал в своём творчестве знания и наблюдения, накопленные за время многолетней государственной службы.

В наиболее концентрированном виде политические идеи Герберта нашли своё отражение в трёх поэмах, написанных им в разное время, – «Государство – прогресс Зла», «Элегия для принца», «Эпитафия королю Якову I». В них Эдвард Герберт пытался решить многочисленные интеллектуальные, нравственные и даже эмоциональные проблемы, порождённые существующими противоречиями между концепцией идеального государства Герберта и современным ему состоянием английского политического правления. Исследователи творчества Герберта расходятся в оценках этих произведений. Некоторые из них вообще отрицают политическую природу названных поэм [3]. Причина в том, что написаны они в характерном для Герберта метафизическом стиле. Увлечение абстракциями в поэзии принесло Герберту заслуженную репутацию изящного и таинственного сочинителя. Однако излишняя замысловатость и неопределённость послужили причиной того, что политические идеи Герберта долгое время вообще игнорировались, так как читатели просто не замечали их за паутиной острот и афоризмов. Вместе с тем стоит отметить, что произведения поэтов школы «метафизиков» в большинстве своём были элитарными, так как адресовались они немногим искушённым читателям определённого круга, которым предстояло не только оценить остроумные парадоксы, но и проверить собственную эрудицию. Подобная стилистика в поэтической практике XVII в. имела определённую пользу. Активно применяя метафоры и персонификации, Герберт сумел превратить сложные абстрактные понятия (монархия, тирания, свобода) в живые конкретные образы на сцене истории. Поэма «Государство-прогресс Зла» была написана Гербертом в 1608 г. в ходе полемической переписки с известным английским поэтом Джоном Донном [4, с. 4]. В то время Герберту было всего 26 лет. Сатирический характер поэмы определило осознание молодым человеком той пропасти, которая пролегла между его политическими идеалами и реальностью. Название и основная тема поэмы поднимают вопрос о политической лояльности автора. Однако критические оценки в поэме не касаются личности монарха, они связаны с общими процессами в управлении государством.

Всю свою жизнь Эдвард Герберт был убеждённым монархистом. Даже в самые острые периоды английской истории XVII в. он оставался верным своим взглядам и присяге. Сохранилось свидетельство о том, что в 1642 г, когда в парламенте обсуждалась петиция об изменниках государства, к которым причислялись все те, кто встанет на сторону короля в войне против парламента, Герберт заявил: «Я бы согласился с этой петицией, если бы был уверен, что у короля не будет причин начать войну с парламентом» [3]. Очевидно, что в развернувшейся борьбе Герберт стоял на стороне монархии. Вместе с тем Герберт находит множество вредных и дурных проявлений в деятельности государства. Основная тема поэмы – природа этого Зла, его источники и направления развития. «Источник Зла, – писал Герберт, – как источник Нила, спрятан, но природа его проявляется в разных божественных началах»[5].

Герберт задаётся вопросом об изначальной целесообразности Зла. Возможно, предполагает он, Зло служит неведомой нам цели в достижении будущего божественного устройства. Зло у Герберта – абсолютный правитель со всеми атрибутами

власти. В его карательных и управляющих силах присутствует божественная природа, но реализуются эти силы не по божественной воле, а благодаря человеческой глупости и несостоятельности. В этом отмечается проявление деизма Герберта. Зло действует в государстве как тиран, осуществляющий месть. Но государства, по мнению Герберта, должны осуществлять не только месть, но и милосердие. Герберт использует язык торговцев и юристов, описывая милосердие как склад или сокровищницу для «обанкротившихся» («Bankrupt») душ. Милосердие является первым основанием в отношении к истощённым грехами душам. Таким образом, Герберт утверждает, что для гармоничного правления необходима определённая система сдержек и противовесов, построенная на балансе наказаний и милостей. С одной стороны, в государстве неизбежно развивается зло, но с другой стороны, без государства общество не сможет полноценно развиваться. Это парадоксальное утверждение Герберта вполне укладывалось в рамки политической философии XVII века. В своей сатире Герберт разделяет так называемое «большое зло» (III) и «меньшее зло» (mischief and sin). Вред и грех имеют своих носителей – тайных агентов Зла. Это некий интеллигент или шпион – хорошо известная фигура в политических интригах Англии времён правления Якова I. Слово «intelligence» намекало на некий собирательный стереотипный образ современников поэта.

Герберт использует много метафор и аллегорий при описании дел Вреда и Греха. Страх и Стыд маскируют Вред под благо, а Грех под удовольствие, но всё это нельзя утаить от Бога и искупить смертью [5]. Зло в человеке проявляется как Грех стремления к удовольствию, а в государстве Зло – это Вред, который прикрывается «деянием Бога» и держит под контролем людей. Для невежественных людей эта власть оправдывается доблестью завоевателя и правителя. Однако Герберт остаётся сторонником монархического правления. Монархия, по мнению Герберта, так же необходима для общества, как первородный грех для спасения человечества [5]. При всей своей чрезмерности монархическое правление должно существовать, в первую очередь, для самоподчинения и самоограничения граждан.

Во времена Герберта во французских интеллектуальных кругах было распространено мнение о том, что самые свободные и счастливые граждане – венецианцы. В своей поэме Герберт выводит формулу идеального гражданина-носителя «восторженного духа» (Exalted Spirit), существование которого не определяется конкретным местом, социальным и имущественным положением. Главное его отличие в том, что он обладает свободой духа. Но большинство людей далеко от идеала. Доказав свою неспособность свободно управлять собой и другими, человек становится объектом власти – Зло приходит в мир. Рождаясь свободными, люди сами отдаются в руки восьми правителей – семи смертных грехов и самого Зла [4, с. 5]. Издавна критики демократии ставили под сомнение способность простых людей управлять собой. Герберт обосновывает это положение с помощью своих поэтических образов. В заключении Герберт проводит аналогию между миром и Ноевым ковчегом [5], намекая на то, что в государстве многие контролируют большинство так же как Ной спасённых им животных. Таким образом, развитие государства неизбежно приводит к развитию дурных и вредных качеств, как в людях, так и в системе правления. В результате утрачиваются свобода и равенство, множатся человеческие грехи и амбиции и создаётся сложная иерархия власти [4, с. 5]. Но при этом государственный порядок служит для человека защитой и позволяет поддерживать жизнь членов общества, обеспечивать общий мир и оборону. Психология человека такова, что твердое руководство его поступкам дает лишь некоторый сверхчеловеческий авторитет. Отсюда неизбежна связь государственной власти с религией. И при демократическом, и при монархическом правлении человек сам отвечает за свои дея-

ния, а свобода по Герберту – категория внутреннего, а не внешнего порядка.

В своих поэмах Герберт развивает идею противопоставления монарха и обычного человека. Существует явное несоответствие между хорошим человеком и хорошим королём, которое объясняется разными критериями в оценках первого и второго. То, что принято считать положительным для рядового человека, не всегда одобряется в характеристике правителя. Так, например, Яков I отличался миролюбием, однако предпочтительней, по мнению Герберта, более активное и решительное правление, надежды на которое он связывает с Карлом I [6]. Отдавая последнюю дань Якову, Герберт пишет «Эпитафию королю Якову», которая – в большей степени является предостережением новому королю Карлу, чем оплакивает старого.

Надежды на сильного правителя, способного противостоять усилившейся контрреформации в Англии, во времена Якова I были поначалу связаны с его сыном – принцем уэльским Генрихом. Но этим надеждам не суждено было осуществиться, так как в 1612 г. принц умер. Присоединяя свой поэтический голос к общественному трауру, Герберт пишет «Элегию для принца» [7]. Необыкновенная популярность принца Генриха объяснялась, по мнению Герберта, особой любовью народа к нему. Именно в нём многие видели будущего идеального правителя, который смог бы объединить общество и власть. Герберт убеждён, что легендарный образ короля Артура так глубоко укоренился в сознании англичан, что людям трудно было расстаться с желанием видеть в монархе, в первую очередь, добродетельного и мудрого человека. Именно таким, по мнению многих, был принц Генрих. «Элегия» начинается с целой серии вопросов (что особенно характеризует данный литературный жанр), в которых Герберт пытается решить в свойственной ему манере сложные

философские проблемы. Принц был олицетворением общей любви людей, через эту действительную любовь осуществлялись многочисленные духовные связи, как же, вопрошает Герберт, такая любовь может быть уничтожена. Принц будет продолжать жить на земле в памяти людей через поколения. Такая общественная память, считает Герберт, работает на благо государства.

Таким образом, оставаясь убеждённым монархистом, лично преданным королям правящей династии Стюартов, Эдвард Герберт пытался критически осмыслить современное ему состояние политического правления в Англии и его перспективы. В соответствии с концепцией идеального государства Герберта правление должно осуществляться по образу и подобию божественной власти. Очевидное несоответствие между заветными идеалами и реальностью заставляло Герберта искать причины этого в истории возникновения и развития государства. В политических взглядах Герберта нет целостной законченной теории государства, да и форма подачи этих идей далека от научной. Но в сложных поэтических образах Герберта просматриваются вполне определённые взгляды и политические предпочтения. Монархическая власть воспринималась как естественное концентрированное выражение политической системы общества. Критика государства соединяется с обоснованием его необходимости. Божественный замысел устройства государства исказили сами люди, отказавшись от свободы и равенства, уступив своим слабостям и искушениям, допустив развитие вредных и дурных сторон власти. Особый поэтический стиль Герберта придавал его произведениям многозначительность и таинственность, что, впрочем, вполне соответствовало литературным нормам «метафизической» школы XVII в. Политические идеи Эдварда Герберта открыли возможность для возникновения более поздних теорий о природе государства.

Bibliography

1. Butler, J.A. Lord Herbert of Chirbury. An Intellectual Biography. Lewiston: Edwin Mellen Press. 1990.
2. The Life of Edward, First Lord Cherbury, Written by Himself, and continued to his death. With letters. L., 1826.
3. Mangum, A.B. The Unsteady Crown: The State of the Monarchy in Edward Herbert's Poetry of Politics // <http://www.bartleby.com/217/0902.html>.
4. Shawcross, J.T. The Virtue and Discipline of Wrestling with God. Early Modern Literary Studies Special Issue 7 (May, 2001):3.1-29. // URL:<http://purl.oclc.org/emls/si-07/shawcross.htm>.
5. Herbert, E. The State-progress of Ill // <http://www.luminarium.org/sevenlit/chirbury/stateprogress.htm>
6. Herbert, E. Epitaph of King James // <http://www.sonnets.org/Herbert.htm>.
7. Elegy for Prince // <http://www.sonnets.org/Herbert.htm>.

Статья поступила в редакцию 28.06.11

УДК 940.20

Tretyakova M.V. POLITICAL SYSTEMS OF EUROPEAN STATES IN TRAVELING NOTES OF THE STOLNIK P.A. TOLSTOY. The article deals of perception with by stolnik P.A. Tolstoy of a state system of the European countries which he visited during the voyage across the Western Europe per 1697–1699.

Key words: Western Europe, Russian traveler, political system of the states Western Europe, stolnik P.A. Tolstoy, travel notes.

М.В. Третьякова, канд. ист. наук, доц. каф. всемирной истории АГПИ им. А.П. Гайдара, г. Арзамас,
E-mail: kafvsem@yandex.ru

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ В ПУТЕВЫХ ЗАМЕТКАХ СТОЛЬНИКА П.А. ТОЛСТОГО

В статье рассматриваются особенности восприятия стольником П.А. Толстым государственного устройства европейских стран, которые он посетил во время своего вояжа по Западной Европе в 1697–1699 гг.

Ключевые слова: Западная Европа, русский путешественник, политические системы государств Западной Европы, стольник П.А. Толстой, путевые заметки.

Сочинение П. А. Толстого (1645–1729) «Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе 1697–1699» [1] давно вошло в научный обиход отечественной историографии [2; 3; 4]. Исследователей привлекала как сама судьба этого полити-

ческого деятеля петровской эпохи, которая во многом является отражением «бунташного» XVII в. и не менее беспокойного XVIII в., так и его труд, который стал объектом исследования уже в XIX в. [5; 6; 7; 8].

В 1697 г. П. А. Толстой вместе с другими представителями русской аристократии¹⁴ по приказу Петра I был отправлен в Европу для того, чтобы изучить морское дело. В вояж стольник отправился в феврале 1697 г. и вернулся на родину в январе 1699 г. Целью его путешествия была Италия, а точнее Венеция, где он должен был освоить навигационное дело. Во время своего заграничного путешествия стольник побывал в Польше (Речи Посполитой), в Священной Римской империи, в землях испанской короны (в Милане, в Неаполе), итальянских государствах (в Венеции, в Риме, во Флоренции), в Истрии, в Далмации, в Дубровнике, на Мальте.

Путевые заметки П. А. Толстого, с точки зрения многих исследователей, несколько напоминают статейные списки русских послов и представляют собой полуофициальный отчет о поездке [3, с. 284]. В статейных списках исполнителей дипломатических поручений, естественно, в первую очередь, речь шла о выполненной ими дипломатической миссии, но в то же время могли содержаться личные наблюдения дипломатов о западноевропейской действительности [4, с. 320]. Причем, именно те сведения, которые были бы полезны русскому государству с точки зрения геополитики и имели бы познавательно-ознакомительную ценность в культурном плане, поэтому во многих статейных списках можно найти небольшие сообщения о политике, экономике, культуре и повседневной жизни Западной Европы.

В своем же путевом дневнике стольник П. А. Толстой в большей степени сообщает именно о разных сторонах жизни западноевропейского мира – архитектурных особенностях того или иного города, модах, национальных обычаях, христианских святынях, климатических особенностях, продуктах питания, ценах, сельскохозяйственных культурах, которые выращаются в той или иной стране, курортах.

Среди заметок стольника есть сообщения и о политических системах европейских стран, где побывал русский дипломат. Как указывает М. А. Алпатов «русские дипломаты XVII в. оценивали посещаемые ими страны с позиций русского монархического государства. Всякие отклонения от монархического строя рассматривались как отклонения от нормы, вызывали недоумение, а то и осуждение» [4, с. 332-333]. Чаше всего осуждение в этом плане у русских дипломатов вызывало политическое устройство Польского государства. Во многом неким итогом подобного негативного восприятия устоев поляков, по мысли исследователей [4, с. 334], стали путевые заметки стольника П. А. Толстого, оставившего в своем дневнике нелицеприятное суждение о выборной шляхетской республике. В Польше П. А. Толстой находился с 24 марта по 12 мая 1697 г. В это время в польском государстве готовились к проведению выборов нового короля. Он пишет, что ему с большим трудом удалось найти постоянный двор для останова в Варшаве из-за того, что «... понеже приезд мой в Аршаву прилучился под час или во время самая алекции, которая алекция в то время у поляков была для обирания короля полскаго...» [1, с. 23].

Отдав дань памяти покойному королю Яну Собескому, посетив Виллянувский дворец, где умер польский король, стольник указывает, что короля должны были похоронить в Кракове (в Вавельском замке). Стольник, описывая место, где проходят сеймы, заметил, что «...между ...королевских полат есть одна полата великая, которую поляки называют изба сенаторская, в той полате бывает у поляков сейм, у которой полаты окна великие, окончины были стеколчетые, все повыломаны и окна разбиты от нестройного совету и от несогласия во всяких делех пьяных поляков...» [1, с. 24]. Далее стольник обратил внимание еще на одну деталь, которая была присуща

ритуалу избрания нового короля, заключавшуюся в том, что родственники умершего короля должны были покинуть Варшаву: «В бытность мою в Аршаве умершего короля полскаго Яна Сабескаго жены и детей в Аршаве не было, выехали в Прусы для того, что есть обыкновение у поляков такое: когда король полской умрет и учинят поляки алекцию для обирания нового короля, в то время умершего короля полскаго жену и детей и сродников из Варшавы высылают вон» [1, с. 24-25]. П. А. Толстой пишет, что во время проведения элекционных процедур часто случаются эксцессы, и чтобы избежать подобных неурядиц польские власти предпринимают особые меры: «...для алекции чрез реку Вислу зделан был мост на судах, и по тому мосту стоял караул, для того что во время алекции между поляков бывают многие ссоры и бой, а также и у литвы между собою, и у поляков с литвою бывают многие драки и смертное убийство; а болши на мосту дерутца за ссоры и за пьянство; и всегда у них между собою мало бывает согласия, в чем они много государства своего растеряли. Однако ж, когда напьются пьяны, не тужат о том и не скорбят, хотя б и все згибли» [1, с. 25].

П. А. Толстой специально отправился посмотреть место, предназначенное для проведения сейма. Приведем пространную цитату, которая демонстрирует почти неприкрытое неуважение стольника к шляхте: «...От Варшавы с полверсты на поле зделан вал немалой и кругом выкопан ров. В тот вал зделаны четыре вьезда, тут съезжаются послы ис поветов и начальные люди от хоронгвей, а посольство все бывает за валом. В округе того вала к одной стороне зделан великий сарай дощаной, ...подобно тому как делаются **покон скотские** (выделено мной – М. Т.). Воистину и поляки делом своим во всем подобятца **скотине, понеже не могут никакого государственного дела зделать без бою и без драки** (выделено мной – М. Т.), и для того о всяких делех выезжают думать в поле, чтоб им пространно было без размышления побиваться и гинуть. В том вышеписанном сарае много поделано лавок, на которых заседают сенаторы. В первом месте садитца примаз, то есть архиепископ гнезненский, и от него бискупы по местам, воеводы и протчие сенаторы, а против лица примазова садитца маршалок великой королевской с ляскою, которой задает голоса чинно, **доколе не все пьяны**» (выделено мной – М. Т.) [1, с. 28; 4, с. 334].

В своих описаниях политического строя европейских государств стольник в основном лоялен, не рассуждая о том, чем плоха или хороша та или иная политическая система, и не делая никаких выводов по этому поводу. Единственная страна, которая вызвала столь резкое его осуждение – это Польша. Во многом такая позиция, скорее всего, объясняется традиционным тезисом, высказанным исследователями, что чем ближе к Русскому государству находится страна, тем большую опасность для России она представляет [9, с. 166]. Кроме того, естественно, что стольник, будучи государственным деятелем, прекрасно был осведомлен о взаимоотношениях между Московским государством и Речью Посполитой.

Следующей страной, через которую пролегал путь стольника в Италию, была Священная Римская империя. Следует заметить, что как такового описания государственного устройства империи в заметках нет. Думаем, что это объясняется тем, что монархическое устройство было хорошо известно стольнику, поэтому в своем дневнике он больше рассматривает участие императорского семейства в публичных мероприятиях, как светского, так и религиозного характера, детально останавливаясь на родственных отношениях членов императорской фамилии.

Далее в своих путевых заметках П. А. Толстой сообщает об олигархической демократии Венецианской республики [10]. В Венеции стольник пробыл (с перерывами) с 15 июня 1697 г. до 28 октября 1698 г. Касаемо венецианского государственного устройства, он пишет, что во главе венецианской республики стоит правитель («венецкий князь»), которого

¹⁴ Было две группы русских аристократов, которые отправились по воле Петра I изучать науки за границу: одна – была отправлена в Голландию, вторая, более многочисленная – в Италию. В последней группе был и стольник П. А. Толстой.

«...венецианцы называют свой язык принцепом» [1, с. 52]. В это время дожем Венеции был Сильвестро Вальер (1694–1700). С одной стороны, стольник указал, что главой Венеции является дож, которому подчиняются другие магистраты, например, прокураторы: «прокураторы у венециан – первые люди под принцепом, то есть по князе», и что именно из прокураторов выбирается дож: «и когда умрет князь венецкой, и тогда из тех прокураторей в князи избирают старого летами» [1, с. 64]. Причем, стольник заметил и принцип геронтократии («избирают старого летами»), который был характерен для венецианской олигархической демократии. С другой стороны, стольник отметил и то, что в случае обвинения дожа в попытках изменения государственного устройства Республики, его могли казнить: «На ...площади блиско ворот княжеского двора поставлены каменные два столпа невысокие, на которых столпах казнят самих пренцепов венецких, ...которой, ...учнет чинить противно их древнему во всем положению» [1, с. 64]. Стольник перечислил некоторые Советы венецианского государства, причем в большей степени он остановился не столько на функциях этих советов, сколько на тех помещениях Дворца дожей, где размещались эти советы. Так, он пишет, что во Дворце дожей он побывал в Зале Сената («...в полате, в которой отправляют всяких послов.... Та полата великая, подволока в ней вся резная, золоченая, деревянная, и между резбами много изрядных живописных писем. У передней стены на середине поставлено княжеское место, и от того места по обе стороны лавки сделаны, на которых садятца прокураторы»), в зале Коллегии («...был в другой полате, где бывает у венетов тайная дума; толко в ней бывает в совете с князем венецким 24 человека прокураторей; ... И в той помянутой полате уборов никаких нет, одно княжеское место поставлено, обито красным отласом»), в Совете Десяти («...был в судебной полате, где и суд их видел») [1, с. 64]. В своем дневнике он подчеркнул еще одну особенность венецианского государства: он обратил внимание, что члены Совета Десяти решения принимали быстро, без проволочек. Стольник стал свидетелем подобного вынесения вердикта. Он пишет, что он видел, как проходила данная процедура: перед главами Совета Десяти предстали ответчик и истец, которые изложили свои претензии друг другу. Выслушав обе стороны, судьи пришли к некоторому решению, которое сразу же и было записано и оглашено: «...судьи ...подьячему ...приказывают писать декрет, то есть вершение делу и указ ... и того дня тот суд и вершился» [1, с. 64].

Как видим, больше стольника интересовало то, как осуществляется решение дел в Венеции. Он пишет: «А для управления всяких дел и все приказные полаты построены на ...княжеском дворе. И до самого князя венецкаго всякому человеку, имеющему нужду, достигнуть свободно таким обыновением: князь венецкой имеет обычай сидеть для управления всяких дел в свободные дни, кроме праздников, в полате с прокураторами...» [1, с. 65]. Прием просителей («челобитчиков») осуществлялся таким образом: секретарь собирал все жалобы просителей, составлял список желающих попасть на аудиенцию к дожу, и по списку приглашал на прием. Стольника, видимо, больше всего удивило то, что дож выслушивал прошения всех желающих попасть к нему на прием в этот день: «...И как челобитчик в тое полату перед князя придет и помянутый секретарь того челобитчика челобитную прочтет перед князем, и, учиня по той челобитной указ, ис полаты того челобитчика отпустит. Потом кликнут другога, и как того дня всех челобитчиков отправят: а, не отправя челобитчиков, князь и прокураторы из тое полаты не выйдут, сколько б челобитчиков на который день ни было» [1, с. 65]. Возможно, он вспомнил медлительность и волокиту русского делопроизводства, решив, что этими сведениями он побудит русское чиновничество к более эффективным действиям.

Следующее государство, чье политическое устройство освещает стольник – Рагузская (Дубровницкая) республика,

где он находился с 1 по 11 июня 1697 г. Политическое устройство олигархической патрицианской Дубровницкой (Рагузской) республики повторяло структуру Венецианского государства. Во главе республики стоял князь (ректор), избирался сенатом на 1 месяц, и существовала система советов – Малое вече, Большое вече, совет назначенных (сенат). Стольник пишет, что в Дубровнике он был на аудиенции у правителя республики «принцепа, то есть князя рагузского» [1, с. 114]. Так он именует ректора – главу Дубровницкой республики, избравшегося первоначально на 3 года, позднее на 1 год и менее, даже на месяц [1, с. 339]. Стольник сообщает, что «...принцепы, то есть князи, бывают у них помесешно, на всякий месяц выбирают нового князя из сенаторей; а всякие дела делают общию республикою» [1, с. 115]. Здесь стольник также больше обращает внимание на убранство Дворца ректора, нежели на его полномочия. Но тем не менее, он указывает, что он был «...в полате, где у рагузского князя и у всей их республики чинят суд и всякое управление. Та полата невелика, однако ж убрана нарочито, и есть та полата внизу по княжеских полатах», «в полате, в которой рагузяне избирают себе князей» [1, с. 114], и в «... полатах, в которых живет князь рагузский», где собственно и состоялась аудиенция, отметив, что во время беседы с «князем рагузским» сенаторы не входили в помещение: «...у рагузян есть такое обыновение: где князь их сидит с приезжими к нему иноземцы, в тое полату сенаторы к нему входить не повинны» [1, с. 115]. Заканчивая свое описание Дубровника, стольник указал, что «войны никогда рагузяне ни с кем не имеют, дают дары цесарю римскому, и королю гишпанскому, и князю венецкому, и салтану турецкому» [1, с. 115].

В своем путевом дневнике стольник также остановился на строе Неаполитанского королевства. В Неаполе стольник был с 21 июня по 8 июля 1697 г., откуда отправился на Мальту. П. А. Толстой пишет, что Неаполь – это владения испанского короля: «город Неаполь под властью короля гишпанского» [1, с. 144]. Неаполь управляется вице-королем: «... В Неаполе живет вицереи, то есть подвластной король под державою гишпанского короля» [1, с. 144]. Вице-короли назначаются испанским правительством на 6 лет. Правда, срок нахождения в Неаполе для вице-короля может быть продлен, если он, как пишет стольник: «...а которой вицереи будет неаполитанским жителем потребен, тот бывает в Неаполе вицереем и болши 6 лет по прошению неаполитанцев; а которой вицереи неаполитанским жителем будет непотребен, однако менши 6 лет в Неаполе не бывает» [1, с. 145]. Стольник пишет, что должность вице-короля в Неаполе занимают представители высших слоев социальной элиты Испании: «...посылаются в Неаполь вицереями самые честные люди высоких пород» [1, с. 145]; и что прежде чем занять эту магистратуру испанские гранды должны были побывать в должности командующего флотом и посла испанского короля у римского папы: «...кто хочет быть вицереом, тот повинен прежде быть в гармаде генералом, потом послом у папы в Риме (и жить у папы в Риме 2 года бес подмоги, на своем коште)» [1, с. 145], потом будет вицереем...» [1, с. 147]. Трудности получения должности вице-короля Неаполя, с точки зрения стольника, компенсировались тем, что «тому неаполскому вицерею от неаполитанцев великая почесть, имеют ево за короля и во всем ему послушны, а доходов всяких приходит ему в год 300 000 шкудов», и тем, что вице-король имеет право назначать «кво похочет» губернатором в города Неаполитанского королевства – «Бар, и Барлет, и Мамфредон, и иные» [1, с. 145].

Стольник в Неаполе посетил трибунал, «...где приказы Неаполитанского королевства» [1, с. 144]. Сие присутствие напомнило стольнику московскую действительность: «В тех приказах безмерно многолюдно всегда бывает и теснота непомерная, подобно тому как в московских приказах; а столы судейские и подьяческие сделаны власно так, как в московских приказах; и сторожи у дверей стоят всякого приказу, подобно мос-

ковским» [1, с. 144]. Но на этом сравнение и закончилось, потому что во время судебного заседания «...говорят чинно, с великою учтивостию, а не с криком»; но слова их также записываются, как и в Москве: «и подъячий слова их записывает подобно тому, как и в Москве» [1, с. 134].

Более подробно стольник остановился на устройстве Мальтийской республики, где он находился с 16 июля по 26 июля 1697 г. В это время гранд-магистром ордена был Раймунд де Рокафуль (гранд-магистр в 1697–1720 гг.). Напомним, что именно в его магистерство установились связи Мальты с русским государством. Россия видела в мальтийских рыцарях потенциальных союзников в борьбе с турками. П.А. Толстой пишет, что мальтийские рыцари («кавалеры») «все приезжие из разных государств: из Германии, и из Гишпании, и из Франции, и из Полши, и из Италии, и из иных мест – все суть католики» [1, с. 170]. Чтобы стать мальтийским рыцарем необходимо было представить свидетельство того, что претендент – католик и дворянин в четвертом поколении, а также холост, и внести «... в мальтийскую казну сто двадцать пять дупий гишпанских, итого будет 250 червонных золотых» [1, с. 170]. Затем он должен «ехать по два года на мальтийских галерах в Левант, то есть на Восток, в Морею, против турок бится в помощь венецкой гармаде и по два года быть повинен на тех мальтийских галерах, которые остаются в Малте спасать ципилийской дороги» [1, с. 170–171]. После того, как закончится его испытательный срок он получал «крест кавалерской за присягою трех притчин: первое – побожность, второе – послушание, третье – убожество, – и учинят его мальтийским кавалером» [1, с. 170]. С этого времени кавалерам выдается мальтийской казной «плата на пищу»: в которое время живет в Малте, по 80 шкудов на год; а будет которой кавалер взять той платы не похочет, и его кормят на всякий день с прочими кавалеры, которые не берут платы» [1, с. 171]. Стольник пишет, что на Мальте построены 7 домов, где «в одном едят немцы, в другом – гишпанцы, в третьем – италияне, в четвертом – французы, в пятом – поляки, в шестом – венгры, в седьмом – разных государств кавалеры» [1, с. 171; 11].

Стольник указывает на градацию рыцарей: «В Малте кавалеры суть разные: первое называются гранкруцы, то есть старые и честные люди, которые носят великие кресты, нашиты на верхних черных одеждах, белые, миткальные, ис тех выбираются в гранмайстеры; потом кавалеры, которые носят

кресты кавалерские, отправя две гармады; потом кавалеры, которым дают кресты побожности за каким прошением или по какой ни есть притчине знатной, честным особам, те кресты волны они носить при себе и в гербы свои ставить, где изволят; потом дают кресты грации, то есть милости, всяким людям, кому похочет дать мальтийский гранмайстер, и те кресты которым людям будут даны, те люди также волны их при себе носить, как хотят»¹⁵ [1, с. 172; 11].

Далее П. А. Толстой пишет, что в принципе мальтийские рыцари могут жить где угодно, не обязательно на Мальте, но если возникнет угроза военного нападения на остров, тогда «... от гранмайстера мальтийского посланы будут листы к мальтийским кавалерам, чтоб немедленно все съезжались в Мالت, тогда всякой мальтийской кавалер повинен, всякую свою нужду покинув, ехать до Мaltу: хотя б неприятель был при его отчизне, и тем он от мальтийской поездки удержан быть не может» [1, с. 172].

Несомненно, можно вполне согласиться с мнением исследователей, что «для Толстого характерен устойчивый интерес к современному периоду политической истории Европы», что он «...познакомил русского читателя с разными формами государственного правления в Европе: выборной системой польской монархии, наследственным монархическим правлением Священной Римской империи, независимой Венецианской республикой и находящейся в вассальной зависимости от Турции Рагузской республикой, Мальтийским «рыцарским» островом-государством...» [3, с. 275]. Как видим, несмотря на то, что, судя по его взглядам, П.А. Толстой был монархистом, тем не менее, он обращает внимание на разные политические системы современной ему Европы, не выделяя какую-либо из них как наиболее предпочтительную. Это можно объяснить и форматом сочинения, и возможно и тем, что такой задачи стольник перед собой и не ставил. Хотя отметим, что многое в политическом строе европейских государств он сравнивает с русским политическим устройством.

¹⁵ Структура ордена представляла собой следующее: члены ордена делились на три класса: к первому принадлежали только рыцари. Руководящий состав избирался только из их числа. Ко второму классу принадлежали орденские священники, к третьему классу обслуживающий персонал. Последний класс обетов монашества не давал.

Библиографический список

1. Путешествие стольника П.А. Толстого по Европе 1697–1699. – М., 1992.
2. Лихачев, Д.С. Повести русских послов как памятники литературы // Путешествия русских послов XVI–XVII вв. Статейные списки. – М.; Л., 1954.
3. Ольшевская, Л.А. «Умнейшая голова в России...» / Л.А. Ольшевская, С.Н. Травников // Путешествие стольника П.А. Толстого по Европе 1697–1699. – М., 1992.
4. Алпатов, М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа XII–XVII вв. – М., 1973.
5. Попов, Н.А. Граф Петр Андреевич Толстой // Древняя и Новая Россия. – 1875. – № 3.
6. Попов, Н.А. Из жизни П. А. Толстого // Русский вестник. – 1860. – № 11.
7. Попов, Н.А. Путешествие в Италию и на о-в Мальту стольника П. А. Толстого в 1697 и 1698 гг. // Атеней, 1859.
8. Пыпин, А.Н. Путешествия за границу времен Петра Великого // Вестник Европы. – 1897. – № 9.
9. Похлебкин, В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах // Справочник. Ведомства внешней политики и их руководители. – М. – 1992. – Вып. 1.
10. Фененко, А.В. Концепции и определения демократии. – М., 2006.
11. Андреев, А. История Мальтийского ордена. XI–XX века / А. Андреев, В. Захаров, И. Настенко. – М., 1999.

Bibliography

1. Puteshestvie stol'nika P.A. Tolstogo po Evrope 1697–1699. – M., 1992.
2. Likhachev, D.S. Povesti russkikh poslov kak pamyatniki literatury // Puteshestviya russkikh poslov XVI–XVII vv. Stateyniye spiski. – M.; L., 1954.
3. Ol'shevskaya, L.A. «Umneyshaya golova v Rossii...» / L.A. Ol'shevskaya, S.N. Travnikov // Puteshestvie stol'nika P.A. Tolstogo po Evrope 1697–1699. – M., 1992.
4. Alpatov, M.A. Russkaya istoricheskaya mihsly i Zapadnaya Evropa XII–XVII vv. – M., 1973.
5. Popov, N.A. Graf Petr Andreevich Tolstoy // Drevnyaya i Novaya Rossiya. – 1875. – № 3.
6. Popov, N.A. Iz zhizni P. A. Tolstogo // Russkiy vestnik. – 1860. – № 11.
7. Popov, N.A. Puteshestvie v Italiyu i na o-v Mal'tu stol'nika P. A. Tolstogo v 1697 i 1698 gg. // Atenej, 1859.
8. Phipin, A.N. Puteshestviya za granicu vremen Petra Velikogo // Vestnik Evropi. – 1897. – № 9.
9. Pokhlebin, V.V. Vneshnyaya politika Rusi, Rossii i SSSR za 1000 let v imenakh, datakh, faktakh // Spravochnik. Vedomstva vneshney politiki i ikh rukovoditeli. – M. – 1992. – Vihp. 1.
10. Fenenko, A.V. Konceptii i opredeleniya demokratii. – M., 2006.
11. Andreev, A. Istoriya Mal'tijtskogo ordena. XI–XX veka / A. Andreev, V. Zakharov, I. Nastenko. – M., 1999.

Статья поступила в редакцию 28.06.11

УДК 940.20

Schcelokova N.V. IDEOLOGICAL BACKGROUNDS OF THE ENGLISH REVOLUTION: JOHN WYCLIF'S DOCTRINE OF POWER. The article deals with John Wyclif's doctrine of power, which greatly influenced anticlerical trends and Puritans' views before the revolution.

Key words: England, John Wyclif, political trends of the English revolution, Lollards.

Н.В. Щелокова, канд. ист. наук, доц. каф. всемирной истории АГПИ им. А.П. Гайдара, г. Арзамас,
E-mail: kafvsem@yandex.ru

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ АНГЛИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ: УЧЕНИЕ ДЖОНА ВИКЛИФА О ВЛАСТИ

В статье рассматривается учение Джона Виклифа о власти, которое оказало большое влияние на развитие антиклерикальных течений, а также на воззрения пуритан накануне революции.

Ключевые слова: Англия, Джон Виклиф, политические течения английской революции, лолларды.

Буржуазное государство и право Англии образовалось в ходе революций XVII в. – «Великого мятежа» (1642-1660 г.) и «Славной революции» (1688 г.).

Перед революцией и в ходе ее определились политические течения с явно выраженной религиозной тенденцией, в частности, идеологическую оболочку движения составили лозунги реформы господствующей церкви и восстановления «старинных обычаев и вольностей», характерные для социальных движений средневековья. В 1640-х годах, когда цензура была отменена и церковные суды прекратили функционировать, появилось большое количество радикальных идей. Отсюда возникает вопрос, существовали ли данные идеи до 1640-х гг. Однако, прежде чем ответить на данный вопрос, стоит напомнить, насколько радикальными были некоторые идеи, возникшие в ходе революции.

Оппозиционные королю буржуазия и «новое дворянство» объединились под названием «пуритане» – протестантское движение, которое возникло еще в XVI в., требовавшее проведения Реформации английской церкви до конца, уничтожения епископата и замены его выборными пресвитерами (старейшинами), а также «дешевой церкви».

В ходе революции из лагеря пуритан выделились три самостоятельных политических течения. Пресвитериане – приверженцы кальвинистской церкви. Составляли правое крыло пуритан. Стремилась к установлению конституционной монархии с сильной властью короля. Они требовали очищения церкви от католицизма и преобразования ее по шотландскому образцу, утвердив во главе церковно-административных округов пресвитеров, объединявшихся в синоды. Индепенденты – последователи религиозно-церковного течения, представлявшего собой одно из ответвлений протестантизма. Добивались установления конституционной монархии, провозглашения неотъемлемых прав и свобод подданных (свободы совести и свободы слова). Выступали за независимость от администрации местных религиозных общин. Левеллеры – радикальная мелкобуржуазная группировка. Требовали равенства всех перед законом, коренной реформы суда и права, отмены монархии и сословных привилегий. Выступали за неприкосновенность частной собственности. Левеллеры защищали политическую демократию, республику с широко расширенными привилегиями, отменой Палаты лордов, выборами судей и судей, решительных правовых и экономических реформ. Диггеры – приверженцы крайне левого крыла левеллеров. Оформились в 1647-1649 г. Исповедовали идеологию примитивного коммунизма (всеобщая «уравниловка») и выражали интересы английской бедноты. По мнению К. Хилла, с мнением которого нельзя не согласиться, многие идеи восходят к лоллардам [1, с. 50].

Данная традиция восходит еще к Д. Фоксу, который, как мы знаем, часто преуменьшал радикализм лоллардов. Пред-

ставления семнадцатого столетия о том, что непрофессионалы также хороши, как и пасторы, что церковная иерархия нуждается в сломе – все эти идеи знакомы еще с Виклифа. И особенно большой интерес вызывает его учение о власти.

Как известно, к 70-м годам XIV века в Англии разразился острый социально-экономический и политический кризис, который проявился и в области идеологии. Развитие английского королевства определялось теперь не ростом власти короля, а ростом общественного самосознания, ответственности за судьбу королевства. Баланс интересов короны, магнатов и джентри дал «период принципиальных достижений в управлении» [2, с. 59]. Управление достигалось способностью английских королей организовать участие высших слоев общества в политической жизни. Однако о демократических тенденциях говорить еще не приходится. Это управление зависело теперь от согласованности целей и задач между монархом и подданными. Любая неудача в отношениях между ними приводила к политическому кризису, что особенно ярко проявилось в Англии во второй половине XIV века. В английском королевстве развернулось движение за реформу церкви. Одним из идеологов этого движения стал оксфордский профессор Джон Виклиф. Реформаторское учение Виклифа явилось ярким выражением идейной борьбы в английском обществе. Оно было направлено против господствовавших взглядов феодального католицизма на власть и папскую теократию.

Виклиф по своим политическим взглядам, как и большинство людей средневекового общества, был монархистом. Однако нельзя говорить о том, что проблема власти его не интересовала. В конце XIV века в Англии эта проблема приобрела несколько иное содержание. В обществе формируются новые представления о характере власти и роли монарха. Этой старой проблеме соотношения духовной и светской власти Виклиф посвятил несколько своих работ. Первый политический трактат «Рассуждение о власти» был написан им в 1374 г. Этим же вопросам он посвятил еще две больших работы – «О власти божьей» [3] и «О власти гражданской» [4]. Виклиф не почитал римских взглядов на отношения между церковью и государством, суть которых состояла в разделении богом власти на духовную и светскую и подчинении светской власти духовной, так как бог светскую власть передает её носителям только через посредничество духовной власти, главной на земле. Очевидно, у него была своя идея о государстве.

Главный вопрос, который занимал Виклифа в начале его реформаторского пути, был вопрос о том, должно ли государство подчиняться папству или же государство суверенно, независимо от папства и самостоятельно. По существу – это и был вопрос о власти.

Виклиф считал, что вселенская церковь возглавляется богом и состоит из трех церквей: небесной церкви всех святых, церкви, объединяющей души, находящихся в чистилище и

церкви, на земле, которая объединяет всех живущих людей, и которая является «воинствующей церковью», так как постоянно сражается против уловок дьявола, стремящегося ввергнуть людей в смертный грех. Заключив, таким образом, человеческое общество в рамки воинствующей земной церкви, Виклиф объяснял политические и социальные порядки в этом обществе следующим образом. Бог является верховным сюзереном всего мира и ему принадлежит право постоянно владеть всем существующим на земле. Но Бог в силу своей «милости» (grace) передает во временное держание за службу ему все, чем владеют люди, будь то короли и папы, епископы и приходские священники, господа и зависимые от них держатели, крестьяне, купцы и ремесленники. Эта служба состоит в «праведном поведении», которое определяется точным исполнением людьми «божьего закона», изложенного в Библии и обязательного для всех людей, какое бы они не занимали положение в обществе. Любой человек является держателем по милости божьей или «низшим должностным лицом Бога», его слугой. Из этого вытекает вывод, что каждый должен знать Библию, жить по ее заповедям и подражать Иисусу Христу, как своему господину и высшему идеалу [5, p. 310].

Но обязанности людей в обществе строго разделены божьим законом. Общество делится на три сословия: духовенство, светские лорды и простой народ. От всех сословий требуется, что бы они заботились об исполнении своих обязанностей по божьему закону и таким образом добивались «общественного блага» [6, p. 303]. Все сословия в обществе обязаны подчиняться королю, как викарию Бога. Сопротивление королю, даже тирану, запрещено божьим правом, как «тяжкий грех». Король должен быть мудрым; ему положены слуги, помогающие осуществлять его власть – духовенство, воины и чиновники [7, p. 340].

Духовенство – это «духовные воины» короля. Оно обязательно находится под юрисдикцией короля и не платит римскому папе никаких взносов, т.е. не вывозит деньги из Англии, которые часто поступают в руки врагов Англии [8, p. 198, 201]. Папа римский – лишь духовный глава церкви и никаких прав светской власти не имеет. На одной территории не может быть двух господ с равной властью. Папа должен быть в подчинении короля, считаться вассалом королевства. Король обязан содержать свое духовенство, которое должно существовать на десятину, которая есть простая милостыня, т.е. добровольные приношения мирян духовенству. Размеры этой мило-

стины не должны превышать потребностей духовенства, необходимых для исполнения его духовных обязанностей, и таким образом, не давать возможности жить роскошно.

По мнению Виклифа, высшей властью обладает только Бог. Человеческая власть основана на божьей благодати. Бог, будучи сюзереном вселенной, разделил свое управление как лены людям в их различных общественных положениях с обязательством повиновения его воле.

Таким образом, Виклиф – последовательный приверженец светской супрематии над церковью. Поскольку власть и господство принадлежат богу, он передает их не одной личности, его наместнику на земле, как претендует папа, а всем. Король такой же истинный наместник бога, как и папа. Королевская власть столь же священна, как и власть церкви над духовными делами. «Король – это представитель Христа в его стране. Он обладает «главной властью» (Capitelem dominium) и должен бдительно следить, чтобы «главный закон власти» в точности соблюдался [9, p. 221]. «Король в том государстве, где царствует, имеет право поправлять грехи духовенства» [5, p. 297]. «Если папа – викарий Христа, то король – викарий бога». Светская власть не нуждается в посредничестве церкви, так как король получает свою власть прямо от бога и она не только не ниже, но даже выше папской власти, «ибо папа представляет человеческую сущность Христа, а король – божественную» [10, p. 19]. Светская власть более совершенна и поэтому церковь должна находиться под ее надзором [10, p. 13]. Доказав первенство светской власти над духовной, Виклиф в работе «О королевской службе» приступает к рассмотрению обязанностей короля и границ королевской власти. По его мнению, все живущие на английской земле, обязаны подчиняться королю и выполнять его законы. Если же духовенство бойкотирует королевскую власть, восстанавливая нацию против бога и короля, последний имеет право объявить духовенство вне закона.

Доктрина власти, изложенная Виклифом, находилась в полном соответствии с феодальной идеологией, но она разрушала учение о феодальной папской церкви, проводила идею секуляризации. Данные идеи привлекли особенное внимание всех слоев общества и были использованы последователями на протяжении нескольких столетий. Таким образом, мы видим несомненную связь между лоллардами, анабаптистами и левеллерами.

Библиографический список

- Hill, K. English Bible and revolution of the XVII century. – М., 1998.
- Золотов, В.И. В поисках новых смыслов: история английской короны XV века // Старая и новая Европа: государство, политика, идеология. – М. – 2007. – Вып. 3.
- Wyclif, J. De Dominio Divino. Ed. R.L. Poole. The Wyclif Society. – L., 1890.
- Wyclif, J. De Civili Dominio. The Wyclif Society / ed. R.L. Poole. – L., 1895 – V. I; ed. J. Lozerth, 1900-1904 – V. II, III, IV.
- Wyclif, J. Trialogus cum supplemento trialogi / ed. G.V. Lechler. – Ox., 1869. – IV.
- Fasciculi Zizaniorum Magistri Johannis Wyclif cum Tritico / ed. by W.W. Shirley. – L., 1858.
- Chronicon Angliae, ab anno 1328 usque ad annum 1388, auctore monacho quodam Sancti Albani / ed. E.M. Thompson, 1874.
- Wycliffe, J. Select English Works / ed. Th. Arnold, 1869-1871. – Vol. I-III.
- The English Works of Wyclif hitherto unprinted / ed. F.D. Matthew. – L., 1902.
- Wyclif, J. Tractatus de Officio Regis / ed. by A.W. Pollard and C.S. Ayle. – L., 1887.

Bibliography

- Hill, K. English Bible and revolution of the XVII century. – М., 1998.
- Zolotov, V.I. V poiskakh novikh smyslov: istoriya angliyskoy koron XV veka // Staraya i novaya Evropa: gosudarstvo, politika, ideologiya. – М. – 2007. – Vihp. 3.
- Wyclif, J. De Dominio Divino. Ed. R.L. Poole. The Wyclif Society. – L., 1890.
- Wyclif, J. De Civili Dominio. The Wyclif Society / ed. R.L. Poole. – L., 1895 – V. I; ed. J. Lozerth, 1900-1904 – V. II, III, IV.
- Wyclif, J. Trialogus cum supplemento trialogi / ed. G.V. Lechler. – Ox., 1869. – IV.
- Fasciculi Zizaniorum Magistri Johannis Wyclif cum Tritico / ed. by W.W. Shirley. – L., 1858.
- Chronicon Angliae, ab anno 1328 usque ad annum 1388, auctore monacho quodam Sancti Albani / ed. E.M. Thompson, 1874.
- Wycliffe, J. Select English Works / ed. Th. Arnold, 1869-1871. – Vol. I-III.
- The English Works of Wyclif hitherto unprinted / ed. F.D. Matthew. – L., 1902.
- Wyclif, J. Tractatus de Officio Regis / ed. by A.W. Pollard and C.S. Ayle. – L., 1887.

Статья поступила в редакцию 28.06.11

УДК 902.7:39

Ahatov M. Sh. ON THE ISSUE OF PRESERVING AND DEVELOPMENT OF THE TATAR NATIONAL CULTURE IN THE CHELYABINSK REGION. The article considers the issues of development of the Tatar national culture in the Chelyabinsk region and studies the ways and forms of transmission of spiritual heritage, of learning the native language. Outstanding state and public organizations aim at distributing the Tatar national culture among the population of the region. Attention is focused on the activities of such institutions as the Congress of the Tatars of the Chelyabinsk region, the Tatar-Bashkir Library named after Babich, cultural establishments densely populated by the Volga-Urals Tatars of Chelyabinsk region.

Key words: language, national-cultural revival.

М.Ш. Ахатов, аспирант каф. Отечественной истории и МПИ Челябинского государственного педагогического университета, E-mail: ahatovms@mail.ru

К ВОПРОСУ О СОХРАНЕНИИ И РАЗВИТИИ ТАТАРСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье рассматриваются вопросы развития татарской национальной культуры в Челябинской области и исследования путей и форм передачи духовного наследия при изучении родного языка. Деятельность государственных и общественных организаций направлена на распространение культуры татарского национального среди населения региона. Особое внимание уделено деятельности таких институтов, как Конгресс татар Челябинской области, татаро-башкирская библиотека им. Бабица, культурные учреждения компактного проживания Приволжско-Уральского татар Челябинской области.

Ключевые слова: язык, национально-культурное возрождение.

Татары (общенациональный этноним – татар) являются вторым по численности этносом в Российской Федерации. Общая численность татар, живущих в РФ – 5669,9 тыс. чел. (2002), а в мире – 7920,5 тыс. чел. (2000-е гг.). Основная территория расселения – Волго-Уральский регион, где проживают свыше 4559,9 тыс. татар, в т.ч. в Челябинской области численность татар около 240 тыс. чел., в г. Челябинске – около 60 тыс. [1].

Татары относятся к числу немногих народов Евразии, создавших самостоятельную, уникальную тюрко-мусульманскую цивилизацию, обладающую значительной исторической глубиной. Именно в этот период взамен локальных, этносословных, конфессиональных наименований закрепился единый этноним «татар», который уже в первых десятилетиях XX века стал общим национальным наименованием почти для 90% представителей татарской национальности.

Татарская нация сложилась на территории России, она в этом государстве входит в число коренных народов. Хотя в некоторых случаях отдельные группы татар, живущие в РФ, могут быть причислены к диаспоре, большинство, населяющее Волго-Уральский регион и Западную Сибирь, к этой категории не относятся. Поэтому они находятся в составе государствообразующего этноса. Становление татарской нации шло параллельно формированию общенациональной культуры (в науке она называется «высокой» культурой), обслуживающей всех татар России. Эта «высокая» культура, создаваемая сложной системой государственных социальных институтов (национальные СМИ, школы, научные учреждения, издательства, театры, ансамбли и т.п.), обеспечивает реальное единство татар как национальной общности [2].

Проблема сохранения и развития татарской культуры в современных условиях становится предметом исследования с начала XXI века. Среди монографических изданий следует отметить работы Д.М. Исхакова и Д.Р. Шарафутдинова [3-5]. Посвящено исследованию исторических корней и развитию традиционной культуры татарского народа, главным образом таких его древних форм, как Сабантуй (Науруз). Опираясь на разнохарактерные исторические источники, ряд из которых введен в научный оборот впервые, автор выдвигает оригинальную концепцию происхождения и становления татарской культуры, являющейся частью общечеловеческого культурного наследия. Автором поднимается проблема бережного отношения к этим важнейшим факторам общественной жизни,

способствующих всемерному углублению и расширению духовных связей народов России.

В работах Д. М. Исхакова анализируются проблемы численности татарского населения России, географии компактного проживания, ставится вопрос теоретическое осмысления категории татарской нации, анализируются пути и формы развития общей культуры и национального самосознания татар.

В настоящей статье освещается региональная специфика решения вопроса культурно-национального развития татар Челябинской области. Одним из основных источников освещения данной темы стали архивные документы Объединенного государственного архива Челябинской области (ОГАЧО), отражено в следующем фонде ФР. 485 и ФР-485 (перепись населения).

В современных условиях развития демократии и плюрализма появилась потребность и востребованность широкого развития культурного многообразия. От овладения им зависит нравственное здоровье любого человеческого общества, его духовное и материальное благосостояние. Возврат к изначальным истокам проявляется через этническую культуру, и особенность любой национальной культуры заключается в её неповторимости, оригинальности, самобытности.

Духовное возрождение неразрывно связано с национальными корнями, поэтому вполне закономерно стремление волго-уральских татар к познанию истории, возрождению своих ценностей, традиций, обычаев. Национально-культурное возрождение – это естественный процесс, поскольку каждый народ имеет право на историческое, нравственное, политическое, индивидуальное развитие.

В процессе приобщения к ценностным сторонам этнической культуры ведущая роль выпадает на долю представителей культуры, образования, науки. В последние годы пополнилась когорта национальных кадров, которые понимают, что возрождение и развитие культуры – это система ценностей, формирующая духовность и нравственность этноса.

Среди факторов сохранения и развития духовной культуры большое значение имеет родной язык – основа всякой этнической культуры. Не случайно ученые считают, что язык – своеобразный генофонд национальной культуры. Роль языка в усвоении системы ценностей и особого типа национального мышления и социального поведения (менталитета) изъяснена, например, З. А. Махмутовым: «Язык является важнейшим

фактором, определяющим этническое самосознание народа. Лингвокультурное поведение этнической группы часто является показателем скрытых трансформационных процессов внутри данной группы. Утрата национального языка в большинстве случаев свидетельствует о начале распада этнической общности, демонстрируя ярко выраженные процессы ассимиляции. Особую сложность представляет сохранение

национального языка для малых этнических групп, находящихся в полиэтническом окружении» [6]. Знание национального языка является важным фактором не только внешней идентификации, но и внутренней идентичности субъекта, нам необходимо проследить динамику изменения этого фактора в изучаемый период:

Распределение населения по национальному и родному языку в Челябинской области
(Микроперепись 1994 г.) – сельское население [7]

национальность	всего	В том числе с родным языком			Из общей численности населения
		Свой национальный	татарский	другие	
Татары	2289	1813 (79,2%)	-	34	997
Татары мужчины	1081	850 (78,6%)	-	14	534
Татары женщины	1208	963 (79,7%)	-	20	463

Из данной таблицы следует, что из основного населения Челябинской области только 79,2% говорят на родном языке. При этом следует отметить, что доля женщин выше, чем мужчин. Этот факт вселяет надежду на то, что женщина будет передавать традиции своим детям. Хотя из данных фактов не можем делать однозначных выводов, но необходимо усилить внимание к освоению родного языка. В этой связи конгрессом татар предпринимаются меры по организации курсов по обучению татарского языка, открываются классы и детские группы в детских садах для желающих изучать татарский язык, в том числе русских и других национальностей. Так МОУСОШ № 81 открыт класс с углубленным изучением татарского языка, культуры и истории. Помимо школы была организована группа «Нур» в детском садике № 414 где детей обучают и приобщают родному языку и традициям, обычаям своего народа. А также в Челябинской государственной академии культуры и искусства открыта секция татаро-башкирской культуры на базе кафедры «Музыкальной фольклористики». Студентами данного ВУЗа ежегодно осуществляются фольклорные экспедиции в места компактного проживания татар, проводятся студенческие конференции по праздникам и обрядам. Среди татар 27 заслуженных учителей РСФСР и РФ по Челябинской области. Одна единственная во всей Челябинской области заслуженный учитель Республики Татарстан Шевченко Сония Вахитовна [8].

Одним из важнейших достижений Конгресса татар является популяризация татарского языка среди татарского населения Челябинской области. При поддержке Конгресса начали проводиться олимпиады по татарскому языку и литературе, уже ставшие сегодня традиционными, обучение татарскому языку в рамках программ медресе, открывшихся в последние годы в ряде территорий области, контакт с читательскими клубами в библиотеках татарской и башкирской литературы. Заметным явлением культурной жизни Челябинска это татаро-башкирская библиотека им. Бабича. Отдела национальной литературы. Сотрудниками отдела проводятся конференции, выставки, встречи с интересными людьми, дни культуры. Умение разнообразить мероприятия, привлекая заинтересованных людей, профессионализм и искреннее желание возродить и развивать этническую культуру, присуще данному отделу. При библиотеке действует клуб «Чишма», также библиотека проводит литературные чтения, посвященные творчеству Мусы Джалиля и Габдуллы Тукая. Работают кружки, классы, группы по изучению татарского языка и культуры. В Челябинске и Челябинской области есть такие писатели как И.Н. Сабиров, Р. Шагалева [9].

Одним из крупных учреждений культуры Челябинской области является общественная организация – «Конгресс татар Челябинской области». Импульсом для создания конгресса татар Челябинской области стал второй Всемирный кон-

гресс татар, который проходил в г. Казани. После него была проведена 27 марта 1998 года первая областная конференция Конгресса татар. 24 июня 1999 года Конгресс был зарегистрирован как общественная организация. Незадолго до этого 16 июня 1999 года – состоялось первое заседание исполкома Конгресса, на котором были избраны председатель Конгресса Равиль Хамитович Гибадуллин, занимавший пост главы администрации центрального района и председатель исполкома Саня Вахитовна Шевченко.

Вторая конференция Конгресса состоялась в мае 2004 года. Состав исполкома значительно расширился и обновился, председателем был избран Альберт Хусанович Еналеев, занимавший пост вице – мэра Челябинска. Сохранение и развитие национально – культурного наследия, возрождение татарского языка и народных обычаев, – вот те стратегические задачи, которые организация поставила перед собой.

Осенью 2009 года Конгресса татар Челябинской области обрёл новые дыхание. На третьей конференции, прошедшей в ноябре, организация большинством голосов выбрала нового председателя исполкома. Ею стала динамичная, современно мыслящая Лена Рафиковна Колесникова, генеральный директор «Классики» – самой крупной аптечной сети на Урале. После третьей конференции организация сменила главный вектор своей деятельности, приняв основной лозунг: «Дойти до каждого простого татарина». Излишняя формализация работы уступила место активной культурно-просветительской деятельности, направленной на интересы, в первую очередь, простых людей.

Важным направлением его деятельности выступает организация национальных праздников (сабантуй, праздник башкирского языка “Туган тел”), праздников, посвященных Дню Победы, Дню защиты детей, Дню пожилого человека, Дню матери, конкурсы семейных коллективов, фестивали детского творчества. Конгресс татар имеет контакты с духовными учреждениями в проведении религиозных праздников (ураза-байрам, курбан-байрам). В конце марта 2010 года увидел свет первый выпуск телепередачи «Хазина», ставший плодом совместной деятельности исполкома Конгресса и телеканала ОТВ.

На протяжении последних лет большую работу осуществляют учреждения культуры в местах компактного проживания волго-уральских татар. Так, например Султаевский дом культуры проводит такие праздники как «Науврыз», «Сабантуй» и многие другие. При этом же доме культуре существует творческий коллектив «Султаевские девочки» участники многих национальных праздников и конкурсов. Также активно развивается культура в г. Озерске там действует творческий коллектив «Лейсан», проводят национальные праздники. Народное творчество волго-уральских татар в настоящее время находится на этапе возрождения. С ростом интереса населе-

ния к этнической культуре возникает ряд проблем, связанных с развитием самостоятельного творчества. Данные проблемы связаны, прежде всего, с отсутствием профессиональных кадров и закрытием многих учреждений культуры в сельской местности из-за финансовых проблем. Однако, сохраняются стабильно работающие коллективы в таких районах, как Кунашакский, Сосновский, Каслинский, Аргаяшский. Это связано, прежде всего, с плодотворной деятельностью национально-культурных центров, созданных в этих районах. Так, Кунашакский район проводит национальные праздники, в 2010 году в Кунашаке проходил в первые областной «Сабантуй». В Аргаяшском районе существует татарский театр. Сосновский район знаменит талантливыми коллективами художественной самодеятельности.

Несмотря на то, что в области многое делается для возрождения и развития культуры волго-уральских татар, проблема их сохранения остается острой сказывается влияние объективных факторов – экономического и демографического кризисов. Большинство молодежи не остается жить в сельской местности из-за отсутствия работы и досуговых учреждений, хотя следует сказать, что их связь с малой родиной крепка, так как в традициях татарского народа велика роль почитания родителей и старших.

Этнокультурная ситуация усугубляется тем, что у многих городских татар из-за снижения языковой компетенции и недостаточного уровня сохранения этнической культуры, происходит переориентация культурных потребностей в пользу инонациональных культур. К этому также добавляется большой процент смешанных браков, хотя однозначно данное явление не следует оценивать негативно, но оно порождает новые проблемы.

Как утверждают культурологи, именно во взаимодействии культур можно сохранить уникальность различных этнических культур. Назрела необходимость обмениваться не только творческими и концертными коллективами, но и также создавать общие программы по сохранению и развитию уникальной татарской культуры.

Решение этих проблем усиливает роль и значение государственной политики, при которой должно быть обеспечено культурно – национальное многообразие. Однако возрождение культуры возможно в том случае, если государственная политика будет направлена на принятие комплекса нормативно – правовых документов, определяющих юридический, экономический статус органов самоуправления татар в области культуры, образования, науки.

Библиографический список

1. Исхаков, Д.М. Татары: перепись, политика / Д.М. Исхаков; Магариф. – К., 2010.
2. Сборник научных статей Татарская нация в XXI в: веке проблеме развития /отв. ред. Д.М. Исхаков. – Казань, 2006.
3. Шарафутдинов, Д.Р. Исторические корни и развитие традиционной культуры татарского народа XIX – начало XXI вв. / Д.Р. Шарафутдинов; Магариф. – Казань, 2004.
4. Исхаков, Д.М. Татары: краткая этническая история / Д.М. Исхаков; Магариф. – К., 2002.
5. Исхаков, Д.М. Татары: перепись, политика / Д.М. Исхаков; Магариф. – К., 2010.
6. Махмутов, З.А. Лингвокультурное поведение современного татарского населения северо-казахстанской области // Ученые записки Казанского государственного университета. – 2009. – Том 151. – Кн. 2. – Ч. 1. – Серия. Гуманитарные науки.
7. ОГАЧО. ФР-485. Оп. 28. Д.5.
8. Нечаева, С.Б. Южный Урал в судьбе России: история и современность. – Ч., 2000.
9. Привалов Н. Основные общественные и другие некоммерческие организации Урала. – Екатеринбург; Ч., 1998. – Т. 2.

Bibliography

1. Iskhakov, D.M. Tatarih: perepisj, politika / D.M. Iskhakov; Magarif. – K., 2010.
2. Sbornik nauchnihk statej Tatarskaya naciya v XXI v: veke probleme razvitiya /otv. red. D.M. Iskhakov. – Kazanj, 2006.
3. Sharafutdinov, D.R. Istoricheskie korni i razvitie tradicionnoj kuljurih tatarskogo naroda XIX – nachalo XXI vv. / D.R. Sharafutdinov; Magarif. – Kazanj, 2004.
4. Iskhakov, D.M. Tatarih: kratkaya ehnicheskaya istoriya / D.M. Iskhakov; Magarif. – K., 2002.
5. Iskhakov, D.M. Tatarih: perepisj, politika / D.M. Iskhakov; Magarif. – K., 2010.
6. Makhmutof, Z.A. Lingvokuljturnoe povedenie sovremennogo tatarskogo naseleniya severo-kazakhstanskoj oblasti // Ucheniye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2009. – Tom 151. – Kn. 2. – Ch. 1. – Seriya. Gumanitarniye nauki.
7. OGACHO. FR-485. Op. 28. D.5.
8. Nechaeva, S.B. Yuzhniyhj Ural v sudjbe Rossii: istoriya i sovremennostj. – Ch., 2000.
9. Privalov N. Osnovniye obshchestvenniye i drugie nekommercheskie organizacii Urala. – Ekaterinburg; Ch., 1998. – T. 2.

Статья поступила в редакцию 28.06.11

УДК 908 + 355/359.08

D.A. Sizov THE ACTIVITY OF THE DEFENCE-INDUSTRIAL COMPLEX ENTERPRISES' AUTHORITIES UNDER THE SCIENTIFIC REVOLUTION CIRCUMSTANCES IN 1945-1965 YEARS. The article presents the peculiarities of director's corpus activity at the South Urals enterprises of the defence-industrial complex in the period of 1945-1965 years; reveals the reasons of changing "Stalin" styled authorities to new democratic ones, substantiates the role of scientific revolution in this process.

Key words: defence-industrial complex, scientific revolution, director's corpus, South Urals enterprises of DIC.

Д.А. Сизов, ст. преп. ЮУрГИИ им. П.И. Чайковского, г. Челябинск; E-mail: elsizova@mail.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ПРЕДПРИЯТИЙ ОБОРОННО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА ЮЖНОГО УРАЛА В УСЛОВИЯХ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1945-1965 ГГ.

В статье рассматриваются особенности деятельности директорского корпуса предприятий оборонно-промышленного комплекса Южного Урала в период 1945-1965 гг.; раскрываются причины смены руководителей «сталинского» типа на руководителей нового демократического типа, обосновывается роль научно-технической революции в этом процессе.

Ключевые слова: оборонно-промышленный комплекс, научно-техническая революция, директорский корпус, предприятия ОПК Южного Урала.

Научно-техническая революция, развернувшаяся в СССР после окончания Второй мировой войны, поставила перед директорским корпусом предприятий оборонно-промышленного комплекса (ОПК) совершенно иные задачи, чем это было в годы первых пятилеток. Результаты деятельности ОПК напрямую влияли на внешнюю политику советского государства, в первую очередь реализация программ создания ядерного и ракетного оружия. Решение этих задач лежало не столько в плоскости организации производства, сколько в организации работы научных коллективов в рамках предприятий и предполагало решение сложнейших производственных проблем в тесном союзе с академической наукой. Это потребовало от директорского корпуса иных качеств и иного стиля руководства, чем в годы первых пятилеток и Великой Отечественной войны.

Новые качества управленческой элиты были обусловлены изменением характера производства, его технологии. Рядом с традиционными для Южного Урала заводами черной и цветной металлургии во второй половине 1940-х гг. началось строительство предприятий атомной и ракетной промышленности, производство новых моделей танков стимулировало развитие машиностроения.

В основе промышленного производства ракетно-ядерного оружия и бронетанковой техники лежали новые наукоемкие технологии, которые требовали комплектования персонала предприятий ОПК рабочими и инженерно-техническими кадрами, способными овладеть сложнейшими технологиями и оборудованием. Начался процесс кардинальной замены той части директорского корпуса, которая пришла к руководству производством в годы первых пятилеток и достигла максимума своих возможностей в годы Великой Отечественной войны.

Однако, следует отметить, что «кадровая революция» произошла только на уровне директорского корпуса и главных специалистов предприятий, другие уровни управления производством испытывали жестокий кадровый голод. Мастера «практики», т.е. работники, не имевшие специального среднего или высшего образования составляли на предприятиях танкостроения до 70%, среди начальников цехов и отделов – до 50% (подсчитано автором по: [1]). В первые годы существования предприятий атомной промышленности «практики» на инженерно-технических должностях составляли 30-40% [2]. Вследствие такого положения с кадрами инженерно-технических работников культура производства находилась на низком уровне, что влекло за собой постоянное нарушение технологической дисциплины, и, как следствие, частое возникновение аварийных ситуаций, выход из строя оборудования и пр.

Директорский корпус бурно развивавшегося на Южном Урале в послевоенные годы ОПК в значительной степени оказался заложником создавшейся ситуации – не имея ресурсов, прежде всего кадровых, он не мог переломить ситуацию к лучшему. Это привело к тому, что срывались важнейшие правительственные задания по организации выпуска ядерного и ракетного оружия, танков, не выполнялись графики ввода в эксплуатацию важнейших оборонных предприятий [3].

Значительный вклад в повышение профессионального уровня директорского корпуса внесла эвакуация в Челябинскую область руководителей предприятий Ленинградского и Харьковского промышленных районов, составивших основу танкового промышленного комплекса в послевоенные годы. Директорский корпус предприятий Московского промышленного района и Центральной Европейской части страны стал базой для генезиса и развития ракетной промышленности. Атомную промышленность создавал директорский корпус сибирских и уральских оборонных предприятий.

В первые послевоенные годы казалось, что наступившая мирная жизнь сама по себе унесёт в прошлое большинство наболевших проблем, но получилось наоборот – без всякой передышки, в условиях послевоенной экономической разрухи следовало развернуть производство намного более сложных видов вооружения и ядерных боеприпасов наряду с выпуском гражданской продукции. К этому значительная часть директорского корпуса оказалась не готова.

Самым слабым звеном оказался директорский корпус танкового промышленного комплекса, не сумевший предотвратить глубокий кризис, поразивший его работу в 1946-1950 гг. Директоры Челябинского Кировского завода И.М. Зальцман, завода № 200 С.К. Щербаков, завода № 255 А.А. Мороз блестяще справлялись с трудностями военного времени и смогли обеспечить фронт всем необходимым, не считаясь ни с какими затратами. Они снискали признание правительства, свидетельством чему были высшие государственные награды, почетные звания и отличия, которые увенчали их деятельность военной поры. Казалось, что в послевоенный период их ждет дальнейшее продвижение по карьерной лестнице, успешная деятельность по реализации планов восстановления и развития народного хозяйства страны. Однако, на практике все произошло по-другому. В 1947-1949 гг. в Челябинской области произошла смена тех руководителей оборонных предприятий, профессиональные и личностные качества которых оказались невостребованными в новых условиях развивающейся научно-технической революции.

Замена значительной части директорского корпуса ОПК произошла в результате многих причин как объективного, так и субъективного характера. Главная, на наш взгляд, причина «чистки» директорского корпуса заключалась в том, что за годы войны руководители предприятий в условиях, несомненно, намного большей свободы действий, чем до войны, приобрели такую силу и авторитет, что вышли из-под контроля региональной партийной элиты. Они попытались диктовать свои условия и навязывать свои оценки не только по проблемам производственной политики, но и по другим актуальным вопросам всех сфер жизни трудовых коллективов. В основе этого лежала монополия данных руководителей на огромные ресурсы, которых в первые послевоенные годы была лишена региональная власть.

Вынужденная по каждому вопросу социальной политики обращаться за материальной помощью к гигантам оборонной промышленности, местная бюрократия не хотела дальше терпеть фактически подчиненного положения. Обком партии и другие органы ВКП(б) стремились избавиться от функции диспетчера военного производства. Для этого после войны имелись все объективные возможности.

В условиях послевоенной конверсии производства руководители оборонных предприятий, оставшиеся один на один с тяжелейшими проблемами демилитаризации экономики страны, стали терпеть одно поражение за другим. В годы войны главной их задачей было выдать продукцию любой ценой, не считаясь с затратами. В наступившее время на первое место вышла проблема экономической эффективности производства, государственные органы управления стали больше внимания обращать на финансовые показатели работы трудовых коллективов. С повестки дня не сходили вопросы рентабельности производства, ликвидации излишков материальных запасов, наличия оборотных средств. Большой проблемой директорского корпуса стала заработная плата, которую не выплачивали много месяцев из-за провалов в финансовой деятельности оборонных заводов.

Руководители военного времени были сильными администраторами, способными мобилизовать на достижение самой трудной цели десятки тысяч людей, организовать мощный

штурм, бурный натиск за счет своих морально-волевых качеств. Но они недостаточно хорошо владели знанием экономических механизмов развития производства, с большим трудом переходили на новые технологии, плохо видели резервы, лежащие внутри производственного процесса и по-прежнему уповали на административные рычаги руководства коллективами.

В послевоенный период изменилось отношение инженерно-технических работников и рабочих к своим легендарным директорам. Если ранее они мирились со многими, в том числе и крупными недостатками своих руководителей, относя их к издержкам экстремальных ситуаций войны, то в мирное время люди открыто выступили против сугубо административных методов руководства, откровенной грубости, недооценки материального и морального стимулирования работников.

Олицетворением значительной части директорского корпуса, продолжавшего и в послевоенные годы руководить по законам военного времени, являлись директор Челябинского Кировского завода Исаак Моисеевич Зальцман и директор строящегося плутониевого комбината № 817 Ефим Павлович Славский. У них было много общего не только в методах и стиле руководства, но и в особенностях личностей, человеческих характерах и судьбах. Оба родились в беднейших семьях, рано пошли работать, учиться начали уже в зрелом возрасте, но сумели получить высшее образование и сделали блестящую карьеру на производстве. За производственные успехи в годы Отечественной войны И.М. Зальцман был удостоен звания Героя Социалистического Труда, Е.П. Славский награжден десятью орденами Ленина.

И.М. Зальцман и Е.П. Славский были лучшими представителями директорского корпуса военного времени и обладали выдающимися организаторскими способностями. Для них обоих были характерны колоссальная энергетика, трудоспособность, жесткая рациональность, умение максимально эффективно использовать самые минимальные ресурсы. Оба обладали ярко выраженной харизмой, притягивали к себе людей с самым разным опытом жизни, образованием, культурой, могли на равных разговаривать и с министром и с простым рабочим. Неоднократно в сложных, опасных ситуациях личным примером увлекали за собой на ликвидацию последствий тяжелых аварий, никогда не прятались за спинами подчиненных.

Это были директоры-комиссары времён гражданской войны. Время таких руководителей безвозвратно ушло в атомной и ракетной промышленности в 1947-1948 гг., во всех других отраслях ОПК – на рубеже 1940-х – 1950-х гг. На смену им пришёл директорский корпус, олицетворением которого стали директор комбината № 817 Борис Глебович Музруков, начальник и главный конструктор СКБ-385 Виктор Петрович Макеев.

Биография Б.Г. Музрукова внешне очень похожа на жизненный путь И.М. Зальцмана. Он также прошел жестокую жизненную школу периода Гражданской войны, воспитывался в детдоме. Ранняя самостоятельность, необходимость полагаться только на свои силы закаляли его характер, сформировали понимание необходимости получить высшее образование, несмотря на многие сложности. Б.Г. Музруков сделал блестящую карьеру на Ленинградском Кировском заводе, в 35 лет стал директором Уралмаша. Под его руководством Уралмаш подошел к военной поре мощным промышленным гигантом, что позволило ему в годы великой Отечественной войны стать одним из главных производителей танков. Поэтому не случайно именно Б.Г. Музруков пришел к руководству плутониевым комбинатом № 817 вместо освобожденного от этой должности Е.П. Славского.

Как вспоминают сослуживцы, если Е.П. Славский в работе доверял до конца только себе, то у Б.Г. Музрукова испол-

нители несли полную ответственность за порученное дело. Но и спрос бывал жестким: требовательный, собранный, в делах он бывал методичным, скрупулезным, никогда ничего не забывающим. На окружающих производила сильное впечатление эта его скрупулезная неукоснительность в сочетании с поразительной широтой мышления и ясным умом [4].

Полными антиподами «сталинскому» стилю руководства являлись представители директорского корпуса ракетной отрасли ОПК Южного Урала. Ядро коллективов ракетостроителей составили крупные специалисты московских конструкторских бюро и научных организаций. Руководить столь сложными по составу коллективами было под силу только таким внутренне свободным и талантливым людям, как В.П. Макеев.

Виктор Петрович для директорского корпуса Южного Урала являл собой новый тип руководителя, сочетавший в себе качества выдающегося учёного, гениального инженера, незаурядного дипломата и государственного деятеля. В возрасте 27 лет он, ученик С.П. Королева, приехал в златоустовское СКБ-385 в должности Главного конструктора и перевернул жизнь устоявшегося коллектива, предложив невероятную в то время перспективу создания лучшего в СССР научно-инженерного ракетного центра. Реализация этой перспективы и сформировала уникальный по своим возможностям коллектив создателей ракетной техники подводного базирования [5].

Благодаря В.П. Макееву СКБ-385 стало первым предприятием на Южном Урале, структура и органы управления которого были построены на строго научной основе, что дало крупный положительный эффект, когда на окраине г. Миасса за несколько лет был построен и успешно развивался ракетный центр – мировой лидер по созданию ракет подводного базирования [6].

Обладея незаурядным интеллектом, В.П. Макеев умел относиться ко всему с пониманием, но внутренне был бескомпромиссным руководителем. Стратегические решения им вынашивались годами и всегда предполагали постановку определенных задач, которые порой казались исполнителям нереальными [7]. Это относилось не только к производственным вопросам, но и к социально-бытовому обустройству ракетостроителей. Поэтому микрорайон Машгородок г. Миасса стал крупным культурным центром, где выступали выдающиеся деятели культуры с мировыми именами: оперные певцы, артисты, музыканты, симфонические оркестры. Это говорило о понимании В.П. Макеевым единства научно-технической и гуманитарной культуры, её непреходящем значении для жизни любого человека, в какой бы точке страны он не находился.

Анализ деятельности предприятий ОПК Южного Урала в 1945-65 гг. позволяет сделать вывод о том, что в этот период в директорском корпусе сменилось три типа руководителей. «Сталинский» тип руководителя достиг максимума своих возможностей в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное пятилетие. Развитие научно-технической революции и процесс становления ОПК привел к появлению, а после XX съезда КПСС к господству нового типа директора предприятия ОПК, отличительными чертами которого являлись глубокое знание принципов научной организации труда, технологии производства, понимание необходимости проведения научных исследований с привлечением академической и прикладной науки для решения проблем производства. В первой половине 1960-х гг. к управлению некоторыми предприятиями ОПК Южного Урала приходят учёные, образуются научно-производственные объединения, в рамках которых создаются наилучшие условия для осуществления военной научно-технической революции и создания новейших видов вооружений.

Библиографический список

1. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. П-288. Оп. 42. Д. 8. Л. 37-39.
2. ГФ ФГУП ПО Маяк Ф. 1. Оп. 1. Д. 112. Л. 54.
3. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 42. Д. 13. Л. 114, 257.
4. Полухин, Г.А. Атомный первенец России. ПО «Маяк». Исторические очерки. – Озерск: Изд-во ПО «Маяк», 1998.

5. СКБ-385, КБ машиностроения, ГРЦ «КБ им. академика В.П. Макеева» / сост. Р.Н. Канин, Н.Н. Тихонов; под общ. ред. академика РАН В.Г. Дегтяря. – М.: Гос. ракет. центр «КБ им. академика В.П. Макеева»; «Военный парад», 2007.
6. Апальков, Ю.В. Отечественные баллистические ракеты морского базирования и их носители / Ю.В. Апальков, Д.И. Мانت, С.Д. Мانت. – СПб.: Галлея Принт, 2006.
7. Пяткин, В.А. Генеральный конструктор В.П. Макеев. – Челябинск ОАО «Юж.-Урал. кн. изд-во», 2004.

Bibliography

1. Objedinenniy gosudarstvenniy arkhiv Chelyabinskoy oblasti (OGACHO). F. P-288. Op. 42. D. 8. L. 37-39.
2. GF FGUP PO Mayak F. 1. Op. 1. D. 112. L. 54.
3. OGACHO. F. P-288. Op. 42. D. 13. L. 114, 257.
4. Polukhin, G.A. Atomniy pervenec Rossii. PO «Mayak». Istoricheskie ocherki. – Ozersk: Izd-vo PO «Mayak», 1998.
5. СКБ-385, КБ машиностроения, ГРЦ «КБ им. академика В.П. Макеева» / сост. Р.Н. Канин, Н.Н. Тихонов; под общ. ред. академика РАН В.Г. Дегтяря. – М.: Гос. ракет. центр «КБ им. академика В.П. Макеева»; «Военный парад», 2007.
6. Apal'kov, Yu.V. Otechestvennye ballisticheskie raketniy morskogo bazirovaniya i ikh nositeli / Yu.V. Apal'kov, D.I. Mant, S.D. Mant. – SPb.: Galleya Print, 2006.
7. Pyatkin, V.A. General'niy konstruktor V.P. Makeev. – Chelyabinsk ОАО «Yuzh.-Ural. kn. izd-vo», 2004.

Статья поступила в редакцию 28.06.11

УДК 94 (5) : 327

Pestushko J.S. DISCUSSION BY JAPAN AND RUSSIA OF THE QUESTION ABOUT APPOINTMENT TO KOREA THE RUSSIAN THE DIPLOMATIC REPRESENTATIVE. As a result of the Russo-Japanese War Russia recognized Korea as a Japanese sphere of interests. Autumn of 1905 the Japanese government declared that foreign consuls in Seoul would obtain the exequatur (a written official recognition of a consul) only from the Japanese Ministry of Foreign Affairs. Unlike other countries, Russia considered such a decision to be against existing practice of international relations. Moreover, the Russian government tried to obtain the exequatur from the Emperor of Korea. The discussion between Russia and Japan on the question of the exequatur is regarded in the historical literature as a struggle of Russia against the Japanese protectorate over Korea. Obviously, there needs to be more thorough review of the duality of Russia's policy toward Korea.

Key words: Japan, Korea, Russia, exequatur, consul, protectorate, the Portsmouth Peace Treaty, international law.

Ю.С. Пестушко, доц. каф. японского языка ДВГУ, г. Хабаровск E-mail: yuripestushko@yahoo.co.jp

ОБСУЖДЕНИЕ ЯПОНИЕЙ И РОССИЕЙ ВОПРОСА О НАЗНАЧЕНИИ В Корею РОССИЙСКОГО ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ

В статье рассматриваются дискуссии между правительствами Японии и России по вопросу назначения в Сеул российского дипломатического представителя. В работе проанализированы послевоенные мероприятия Японии, направленные на установление контроля над внешней политикой Кореи. Особое внимание уделяется анализу позиции царского правительства, выступившего против выдачи консульского разрешения министерством иностранных дел Японии. Хронологические рамки исследования – сентябрь 1905 г. – май 1906 г.

Ключевые слова: Япония, Корея, Россия, экзекватура, консул, протекторат, Портсмутский мирный договор, международное право.

Корейский полуостров оказался в сфере интересов Японии и России в последней трети XIX в. Оба государства, включившиеся в борьбу за влияние на Дальнем Востоке, рассматривали Корею как важный стратегический пункт, овладением которым являлось необходимым условием для осуществления ближайших и долгосрочных внешнеполитических задач в Восточной Азии.

Японию Корея интересовала не только в качестве объекта колониальной экспансии, но и как территория, необходимая для подготовки военной агрессии против Китая и дальнейшего продвижения на континент. В свою очередь, Россия надеялась посредством закрепления на Корейском полуострове получить незамерзающие порты, чтобы круглогодично контролировать акватории Японского и Желтого морей со стороны материка. Таким образом, в указанное время Корея играла ключевую роль в отношениях Японии и России.

Борьба между двумя государствами за политическое и экономическое господство на Корейском полуострове явилась одной из главных причин Русско-японской войны. На первый взгляд, точка в русско-японском противостоянии по вопросу доминирования в Корею была поставлена на переговорах в Портсмуте в августе 1905 г. В соответствии со статьей 2 Портсмутского мирного договора, российское правительство признало за Японией в Корею преобладающие интересы –

политические, военные и экономические. Кроме того, Россия обязалась не препятствовать тем мерам руководства, правительства и надзора, которые японское правительство могло бы считать необходимым принять в Корею [1, с. 115]. Таким образом, Россия отказалась от дальнейшей борьбы за Корею и признала ее сферой интересов Японии.

Корейская проблематика и ее влияние на развитие русско-японских отношений начала XX в. рассматривались в отечественной и зарубежной историографии. В частности, Пак Чён Хе проанализировал столкновение интересов Японии и России на Корейском полуострове накануне Русско-японской войны, а также развитие корейского вопроса после подписания Портсмутского мирного договора [2, с. 20 – 32, 232 – 262]. В.О. Курбанов в одной из своих работ фрагментарно затронул японскую колонизацию Кореи и борьбу корейского народа за независимость на территории Корейского полуострова [3, с. 353 – 358]. И.Р. Савельев уделил внимание деятельности корейского сопротивления на русском Дальнем Востоке и ее влиянию на русско-японские отношения в 1905 – 1916 гг. [4, с. 82 – 103], [5, с. 147 – 162]. В сборнике «История Кореи в Новое время и Япония» была проанализирована политика японского правительства в отношении Кореи в начале XX в. [6]. В исследованиях Вада Харуки получили рассмотрение история корейской иммиграции на русский Дальний Вос-

ток, а также попытки Токио нейтрализовать антияпонскую деятельность дальневосточных корейцев посредством заключения с царским правительством соглашения о взаимной выдаче преступников [7, с. 235 – 286], [8, с. 86 – 116].

С одной стороны, проблема Кореи и ее влияние на послевоенное развитие русско-японских отношений получили рассмотрение в российской и зарубежной исторической науке. Вместе с тем, отдельные аспекты указанной проблематики нуждаются в уточнениях и дополнениях. Сказанное относится в первую очередь к вопросу назначения в Сеул послевоенного дипломатического представителя России.

В отечественной историографии высказывается мнение, что разногласия между Японией и Россией по вопросу выдачи экзекватуры* носили принципиальный характер, так как решение указанного вопроса сводилось к признанию или непризнанию японского протектората в Корее [9, с. 56], [10, с. 94]. Другими словами, подписав Портсмутский мирный договор, Россия согласилась со свободой действий Японии на Корейском полуострове, а в вопросе выдачи консульского разрешения заняла принципиальную позицию, которая фактически сводилась к непризнанию японского протектората. Такая двойственность политики России в корейском вопросе нуждается в более детальном рассмотрении.

В представленном исследовании предпринята попытка проанализировать обсуждение правительствами Японии и России вопроса о выдаче экзекватуры российскому консулу в Сеуле. В работе рассматриваются послевоенные мероприятия Японии, направленные на установление контроля над внешней политикой Кореи. Особое внимание уделяется анализу позиции царского правительства, выступившего против выдачи консульского разрешения министерством иностранных дел Японии. Источниковой базой представленной работы послужили неопубликованные материалы Государственного архива Российской Федерации (Москва), Архива внешней политики Японии (日本外交史料館 Нихон гайко сирёкан, Токио), а также исследования российских и зарубежных ученых.

Одним из первых послевоенных мероприятий Японии в Корее стало взятие в свои руки международных сношений корейского государства. Подготовку к этому шагу японское правительство начало еще в годы Русско-японской войны. В 1904 г. был подписан Корейско-японский договор о сотрудничестве (в японской исторической литературе — Дайитидзи никкан кёяку **第一次日韓協約**, Первый японо-корейский договор), в соответствии с которым, Япония получила право контролировать внешнеполитические мероприятия Кореи.

Подписание указанного договора дало японскому правительству основание потребовать от иностранных держав отзыва «послов из Кореи с сохранением лишь консульских делов» [11]. Кроме того, корейским дипломатам, находившимся за границей, было предписано вернуться на родину. 6 сентября 1905 г. российский вице-консул в Пекине Г.А. Козаков направил в МИД России телеграмму следующего содержания: «... корейское правительство не имеет уже никакой власти в международных сношениях, иностранные представители отзываются» [12, с. 1].

Своими действиями Япония фактически возложила на себя функции корейского правительства. С одной стороны, в соответствии с вышеупомянутым корейско-японским договором 1904 г., для заключения корейским правительством внешнеполитических соглашений с третьими державами было

необходимо согласие Японии [11]. В то же время, на тот момент корейский МИД не был распущен, а сама Корея формально являлась независимым государством. Таким образом, издание Японией распоряжений от имени корейского Министерства иностранных дел не могло считаться законными с точки зрения международного права.

Законность своим действиям японское правительство постаралось придать подписанием в ноябре 1905 г. Корейско-японского договора о протекторате (в японской исторической литературе — Дайидзи никкан кёяку **第二次日韓協約**, Второй японо-корейский договор). В соответствии с условиями соглашения, Япония брала на себя ответственность за выполнение действовавших между Кореей и другими государствами договоров, а Корея обязывалась не заключать никаких международных соглашений кроме как через посредничество Японии [13, с. 325]. Подписание договора означало передачу Японии заведования внешнеполитическими делами Кореи. В то же время, Корейско-японский договор о протекторате не содержал статьи, которая бы предусматривала выдачу Японией разрешения на право осуществлять консульские функции.

После того, как Япония возложила на себя функции корейского Министерства иностранных дел, иностранные миссии приостановили свою деятельность в Корее. Первым из Кореи выехал американский дипломатический представитель, после чего его примеру последовали представители других держав. Одним из последних Сеул покинул посланник Китая — государства, в вассальной зависимости от которого Корея находилась последние несколько столетий.

В декабре 1905 г. российский посланник в Китае Д.Д. Покотилов сообщил находившемуся в Пекине министру иностранных дел Японии Комура Дзютаро о желании царского правительства назначить в Корею генерального консула. В ответ Комура заметил, что России (как и другим державам — Ю.П.) следует официально поставить об этом в известность правительство Японии, чье согласие будет необходимо в случае этого назначения [14]. Однако, в отличие от Китая, США, Франции, Великобритании и Германии, Россия попыталась отстоять право получать экзекватуру непосредственно от корейского императора. По мнению Санкт-Петербурга, полученные согласия императора Коджона на назначение иностранных дипломатических представителей якобы означало сохранение независимости Кореи. Царское правительство также устраивал вариант, если бы «...экзекватура выдавалась японским министерством иностранных дел от имени корейского императора» (курсив мой — Ю.П.) [15, с. 19].

Свое несогласие с действиями Японии на Корейском полуострове царское правительство обосновывало сложившейся к тому времени практикой выдачи консульских разрешений. До документального оформления японского контроля над внешними делами Кореи в ноябре 1905 г., процедура аккредитации иностранных консулов в этой стране проходила следующим образом. Руководство иностранной дипломатической миссии, в подчинении которой находилось консульское представительство, официальной нотой извещало корейский МИД о прибытии и вступлении в должность нового консула и просило объявить об этом местным властям. После этого корейское внешнеполитическое ведомство извещало миссию об исполнении запроса [16, с. 6].

С точки зрения международного права начала XX в., подписание Корейско-японского договора о протекторате не означало изменения вышеозначенной процедуры выдачи консульского разрешения, так как правила дипломатической аккредитации в протектируемом государстве нигде не оговаривались. Например, в Болгарии, находившейся в вассальной зависимости от Османской империи, экзекватура выдавалась болгарским князем Михду, а не Стамбулом.

Российский агент в Шанхае А.И. Павлов считал возможным направить царского консула с верительным письмом на

* ЭКЗЕКВАТУРА (от лат. exequare — выяснять), в международном праве — официальный документ, удостоверяющий, что правительство принимающей стороны признает иностранного консула (главу самостоятельного консульского учреждения) в этом качестве. Выдачей экзекватуры завершается процесс аккредитации консула для работы в стране пребывания. Экзекватура подразумевает наличие у консула консульского патента, выданного направившим его государством. В тексте экзекватуры могут быть определены границы и состав консульского округа, где действительны полномочия консула.

имя корейского Министерства иностранных дел [16, с. 6]. Правительственные круги России в целом разделяли такой подход, считая, что существующая процедура выдачи экзекватуры оставляет возможность для назначения дипломатического представителя в Сеул в обход Японии. Кроме того, по мнению царского правительства, признание за Японией особых прав на Корейском полуострове не означало упразднения заключенных ранее русско-корейских договоров и изменения правил дипломатической аккредитации: «...Корея не утратила статус независимого государства, ... и Портсмутский договор ничего не изменил в этом отношении» [17].

Однако у Японии было иное мнение на этот счет. В январе 1906 г. японский министр иностранных дел Комура Дзютаро уведомил российскую сторону через посланника в Пекине Д.Д. Покотилова, что прежние российско-корейские соглашения были аннулированы указом императора Коджона от 5 мая 1904 г. Кроме того, Комура отметил, что договорные права России в Корею отныне определяются статьей 2 Портсмутского мирного договора, «... в смысле наибольшего благоприятствования» [18, с. 2]. Тем самым министр иностранных дел дал понять, что Япония не намерена ущемлять российские интересы на Корейском полуострове. В то же время, Комура Дзютаро напомнил, что в соответствии с вышеупомянутой статьей, Россия признала Корейский полуостров сферой интересов Японии и обязалась не вмешиваться в японскую политику в отношении Кореи.

В вопросе о выдаче экзекватуры японская сторона ссылалась на три документа: Портсмутский мирный договор, декрет корейского императора от 5 мая 1904 г. и корейско-японское соглашение 1905 г. Содержание двух последних документов не было известно в российской столице.

17 января 1906 г. правительство России направило поверенному в делах в Токио Г.А. Козакову указания, выяснить у министра иностранных дел Японии детали подписанного в ноябре 1905 г. корейско-японского соглашения [18, с. 2]. Кроме того, Г.А. Козакову предстояло уточнить содержание декрета, которым император Коджон в 1904 г. объявил недействительными все ранее заключенные корейско-русские соглашения. Царский МИД интересовало, затронет ли указанный декрет только Россию, либо недействительными будут объявлены все договора, заключенные ранее между Кореей и другими иностранными державами.

Во время одной из ближайших встреч между Г.А. Козаковым и новым главой министерства иностранных дел Японии Като Такааки последний обещал официально сообщить текст японо-корейского соглашения России, «если это было сделано для других правительств». Таким образом, со слов министра следовало, что он якобы сам не знал, были ли уведомлены другие иностранные державы об условиях договора, подписанного в ноябре 1905 г. Никаких объяснений относительно соглашений, заключенных между Кореей и другими державами, от министра иностранных дел получить не удалось. Като Такааки ограничился заявлением, что он находит вполне естественным объявление недействительными всех прежних русско-корейских договоров [19, с. 3].

Следует пояснить, что декрет императора Коджона, которым объявлялись недействительными все ранее заключенные Кореей договора, не имел отношения к выдаче консульского разрешения. Японское правительство, вынудившее корейского императора издать вышеуказанный декрет, преследовало целью лишить Россию привилегий на Корейском полуострове. Такие привилегии обеспечивали главным образом два межправительственных соглашения: подписанная в 1888 г. конвенция, именованная «Правила для сухопутной торговли с Кореей» [11] и Русско-корейское соглашение 30 / 17 марта 1900 г. о предоставлении России концессии в Масампо. Конвенция 1888 г. значительно расширяла права российских подданных в корейской части приграничной области с центром в г. Кёнхыне. Соглашение 1900 г. предусматривало предостав-

ление России участка земли на побережье на правах концессии [20, с. 140 – 141]. В арендованной части Масампо Россия учредила консульство, построила гостиницу, а также установила военный караул. Никто из ведущих держав не имел на Корейском полуострове аналогичных преимуществ. Именно эти преимущества японское правительство было намерено ликвидировать вышеуказанным декретом корейского императора [15, с. 20].

19 января 1906 г. Като Такааки сообщил Г.А. Козакову, что новый российский дипломатический представитель в Корею перед прибытием в эту страну должен будет явиться в МИД Японии для получения консульского разрешения. Судя по содержанию письма, сам Г.А. Козаков не имел возражений против выдачи экзекватуры японским министерством иностранных дел. Его лишь интересовал вопрос, согласно ли японское правительство с кандидатурой Г.А. Плансона: «Для того, что избежать возможных недоразумений, я хотел бы знать, будет ли выдана императорским правительством экзекватура Георгию Плансону, который был выбран графом Ламздорфом на должность русского генерального консула в Сеуле» [21; 22, с. 4].

В начале февраля 1906 г. Като передал Г.А. Козакову текст корейско-японского договора о протекторате, после чего документ был отправлен в российскую столицу [23, с. 8]. Согласно договору, все соглашения, ранее подписанные Кореей с другими державами, сохраняли свою силу. Кроме того, Сеул по-прежнему мог заключать соглашения с другими державами, однако лишь после их одобрения правительством Японии [24, с. 12]. МИД России посчитал, что содержание корейско-японского договора о протекторате свидетельствует о неправомерности решения Токио выдавать экзекватуру самостоятельно.

В соответствии с полученными из Санкт-Петербурга инструкциями, в середине февраля 1906 г. Г.А. Козаков снова встретился с Като Такааки для обмена мнениями по вопросу выдачи экзекватуры. Г.А. Козаков разъяснил позицию царского правительства, считавшего, что установленное Японией правило выдачи консульского разрешения расходится с общепринятой международной практикой и никак не связано с условиями вышеупомянутого договора о протекторате. Представитель России подчеркнул, что «...консульские экзекватуры даже в странах, не пользующихся полной самостоятельностью, выдаются по общепринятому порядку главою государства» [25, с. 18]. В ответ Като Такааки заявил, что как консул России, так и консулы всех остальных держав будут получать экзекватуру от правительства Японии. В качестве юридического обоснования такого решения японский министр сослался на передачу заведования внешними делами Кореи японскому министерству иностранных дел [26, с. 15].

Российское правительство попыталось заручиться поддержкой ведущих держав в вопросе экзекватуры. Однако США, Великобритания, Германия и Франция не поддержали Россию. Например, госсекретарь США Элиу Рут (Elihu Root) иронично назвал «очень интересными» попытки царского правительства восстановить свой прежний статус на Корейском полуострове и апеллирование Санкт-Петербурга к утратившим силу соглашениям. В беседе с Р.Р. Розеном Э. Рут совершенно открыто сказал, что Россия теряет время, пытаясь изменить предсказуемый результат (выдачу консульского разрешения Японией — Ю. П.), тем более что в Портсмуте Россия признала преобладание японских интересов в Корею [27]. Поддержка Японии ведущими державами была во многом предсказуемой. На переговорах в Портсмуте Россия уступила в главном, признав Корейский полуостров сферой японских интересов. Несогласие Санкт-Петербурга с частным вопросом, к которому относилась выдача консульского разрешения, не могло рассматриваться ведущими державами как принципиальная позиция в корейской проблеме.

Таким образом, даже ознакомление с содержанием корейско-японского договора о протекторате не позволило Санкт-Петербургу отстоять свою точку зрения. Для Японии вопрос о выдаче консульского разрешения имел принципиальное значение, а позиция царского правительства рассматривалась ею как попытка вмешаться в корейско-японские отношения. Следовательно, никакие доводы царского правительства не могли заставить Токио оставить прежней процедуру назначения в Сеул иностранных дипломатических представителей. Правительство Японии не смущало даже то, что в качестве юридического обоснования своего решения самостоятельно выдавать экзекватуру оно ссылается на соглашения, не имевшие прямого отношения к консульским вопросам – декрет императора Коджона 1904 г. и Корейско-японский договор о протекторате 1905 г.

Россия могла продолжать до бесконечности апеллировать к «общепринятой мировой практике», а японская сторона односложно отвечать о «своих правах на ведение внешними делами Кореи». Кроме того, Россия оказалась единственной страной, не согласившейся с изменением процедуры выдачи экзекватуры. Дальнейшее затягивание решения вопроса с выдачей консульского разрешения было бессмысленным. 29 апреля (12 мая) 1906 г. министерство иностранных дел России сообщило своему посланнику в Токио нижеследующую информацию. Российское правительство по-прежнему не считает верной с правовой точки зрения выдачу экзекватуры японцами, но «искренне стремясь к скорейшему установлению доверчивых отношений с Японией, мы были бы готовы ныне удовольствоваться получением экзекватуры для Г.А. Плансона от японского правительства» [10, с. 96].

После согласия царского правительства на получение экзекватуры от Японии Россия стала все больше дистанцироваться от корейско-японских дел. Император Коджон и корейские государственные деятели (Ли Джун, Ли Саноль Ли Виджон, Ли Бомджин) еще надеялись на помощь Санкт-Петербурга в восстановлении суверенитета Кореи. В июне 1907 г. в Гааге открывалась международная конференция, что позволяло вынести на обсуждение ведущих держав японскую политику на Корейском полуострове. Однако председательствовавший на Гаагской конференции А.И. Нелидов, в соответствии с указаниями А.П. Извольского, не допустил к участию в ее работе представителей корейского императора.

Аннексия Японией Кореи в 1910 г. была встречена совершенно спокойно большинством российских политиков. Заместитель министра иностранных дел России А.А. Нератов прокомментировал это событие следующим образом: «Присоединение Кореи к Японии не явилось для нас неожиданно: оно было совершенно с нашего ведома, и мы не заявили против этого акта возражений. Поэтому мы должны относиться вполне добросовестно к этому факту, отнюдь не поддерживать в корейцах надежды, которые они, может быть, еще питают, и не имеем оснований содействовать стремлению корейцев свергнуть японское владычество» [28, с. 117]. Таким образом, судьба независимости Кореи была окончательно решена с молчаливого одобрения царского правительства. Подобный результат был во многом предсказуем исходя из общеполитического курса Санкт-Петербурга, направленного на послевоенное урегулирование отношений с Японией и соблюдение условий Портсмутского мирного договора.

Заключение

Не вполне верным представляется высказываемое в российской историографии мнение, что Япония с трудом признала право России назначить своего представителя в Сеул [10, с. 94]. Рассмотрение вопроса о выдаче консульского разрешения свидетельствует, что японское правительство не было принципиально против назначения в Корею российского генерального консула. Возражение Токио вызвало намерение России получать консульское разрешение в обход японского правительства. Вместе с тем, Япония не собиралась ущемлять российские интересы в Корее и заявляла о готовности соблюдать условия Портсмутского мирного договора, предусматривавшего признание за Россией на Корейском полуострове статуса наибольшего благоприятствования. Как отмечал Г.А. Козаков, не было никаких «... оснований подозревать японское правительство в намерении отказать нам в Корее в правах и имуществах, которые оно признает за другими державами» [15, с. 19].

В вопросе выдачи консульского разрешения царское правительство апеллировало к практике, установленной в международных отношениях и обыкновенной логике, которой якобы должно было руководствоваться японское правительство. Практика выдачи экзекватуры протектируемым государством действительно существовала, но нигде не была закреплена юридически. С этой точки зрения, самостоятельной выдачей экзекватуры Япония не нарушала никаких норм международного права. Кроме того, японское правительство действовало вполне логично с позиций государства, чьи преобладающие интересы на Корейском полуострове были подтверждены Россией документально. Выдача консульского разрешения корейским императором, на чем настаивало царское правительство, уже никак не повлияла бы на статус самой Кореи, потеря независимости которой была фактически предreshена на переговорах в Портсмуте. Россия не могла не признать установление над Кореей японского протектората, поскольку такой шаг противоречил бы условиям мирного договора с Японией.

Неуступчивость царского правительства в вопросе выдачи консульского разрешения нельзя рассматривать как принципиальное несогласие России с установлением японского протектората. Указанные разногласия скорее отражали общую картину русско-японских отношений первого послевоенного времени, отличавшихся заметной напряженностью. Следует принимать во внимание, что после завершения Русско-японской войны часть российских военных кругов (А.Н. Куропаткин, В.А. Сухомлинов, Н.П. Линевиц) не только продолжала рассматривать Корейский полуостров в качестве субъекта русско-японских отношений, но и выступала за проведение там активной политики.

Постепенный переход царского правительства к политике поддержания статус-кво на Дальнем Востоке и урегулированию отношений с Японией оказал влияние и на позицию Санкт-Петербурга в корейском вопросе. Компромисс в вопросе выдачи консульского разрешения был достигнут после назначения в конце апреля 1906 г. министром иностранных дел А.П. Извольского, являвшегося сторонником соглашения с Японией [10, с.96]. Кроме того, в указанное время правительствами двух стран были начаты переговоры по заключению первых послевоенных соглашений по торговле, рыболовству и разграничению сфер влияния в Маньчжурии. Успешное решение указанных вопросов было для царского правительства намного важнее, чем не имевшее смысла продолжение противоборства по вопросу выдачи консульской экзекватуры.

Библиографический список

1. 1905 г., августа 23. – Мирный договор между Россией и Японией, заключенный в Портсмуте // Русско-китайские отношения. Официальные документы (1689 — 1916). – М.: Издательство восточной литературы, 1958.
2. Пак Чон Хё. Русско-японская война 1904 – 1905 гг. и Корея. – М.: Восточная литература РАН, 1997.
3. Курбанов, С.О. Курс лекций по истории Кореи с древности до конца XX в. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2002.
4. イゴリ R. サヴェリエフ 『移民と国家：極東ロシアにおける中国人、朝鮮人、日本人移民』 / ИГОРИ R. САВЕЛИЕВ. – 東京：御茶の水書房、2005年。 – vi、323、Iviiiページ=Савельев И. Р. Иммигранты и государство. Китайская, корейская и японская диаспоры на русском Дальнем Востоке. – Токио: Отя но мидзу сёбо, 2005.

5. Saveliev, Igor. *Militant Diaspora: Korean Immigrants and Guerrillas in Early Twentieth Century Russia* // *Forum of International Development Studies*. – 26 (Mar. 2004).
6. 朝鮮の近代史と日本. – 東京：大和書房、1987年。 – 300ページ = История Кореи в Новое время и Япония. – Токио: Дайва сёбо, 1987.
7. 和田春樹『ロシア領極東の朝鮮人 1863—1937』/和田春樹 // 東京大学社会科学研究所紀要. – 第6号. – 1989年. – 235-286ページ = Вада Харуки. Кореяцы на русском Дальнем Востоке, 1863 – 1937 гг. // Бюллетень Исследовательского центра социальных наук Токийского университета. – 1989. – № 6.
8. 和田春樹『日露逃亡犯罪人引渡条約付属秘密宣言書』/和田春樹 // 東京大学社会科学研究所紀要. – 第4号. – 1976年. – 86-116ページ = Вада Харуки. Секретное приложение к русско-японскому договору о выдаче преступников // Бюллетень Исследовательского центра социальных наук Токийского университета. – 1976.
9. Маринов, В.А. Россия и Япония перед первой мировой войной (1905 – 1914 годы). Очерки истории отношений. – М.: Наука, 1974.
10. Шулатов, Я.А. На пути к сотрудничеству. Российско-японские отношения в 1905 — 1914 гг. / Я.А. Шулатов. – Хабаровск – Москва: Изд-во Института востоковедения РАН, 2008.
11. Курбанов, С.О. Россия и Корея [Э/р]. – Р/д: http://www.asia-times.ru/countries/koreas/russia_korea1.htm. – Загл. с экрана. – Яз. русс.
12. Телеграмма Г.А. Козакова. Пекин. 6 сентября 1905 г. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). – Ф. 818. – Оп. 1. – Д. № 113. – Л. 1.
13. Японо-корейский договор об установлении протектората Японии, заключенный в Сеуле 17 ноября 1905 г. // Ключников, Ю.В., Сабанин, А.В. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. От французской революции до империалистической войны / Ю.В. Ключников, А.В. Сабанин. – М.: Изд. Литиздата Н.К.И.Д., 1925. – Ч.1.
14. Mutsu, London. 5 мая 1906 г. 日本外交史料館、東京. – 6.1.3. 16. – 在韩国外国領事認可状交付一件 = Архив внешней политики Японии (Токио). – Ф. 6.1.3. 16. – О вручении находящимся в Корею иностранным консулам экзекватуры.
15. Г.А. Козаков – В.Н. Ламздорфу. 17 февраля 1906 г. ГАРФ. – Ф. 818. – Оп. 1. – Д. № 113. – Л. 19 – 20.
16. Секретная телеграмма действительного статского советника Павлова. Шанхай, 25 февраля 1906 г. ГАРФ. – Ф. 818. – Оп. 1. – Д. № 111. – Л. 6.
17. Inouye – Saionji, Tokio, April 19, 1906. 日本外交史料館、東京. – 6.1.3. 16 = Архив внешней политики Японии (Токио). – Ф. 6.1.3. 16. В цитируемом документе Иноуэ ссылается на ноту царского правительства правительству Германии, в которой говорится о несогласии России с выдачей экзекватуры Японией.
18. Секретная телеграмма министра иностранных дел – Г.А. Козакову. 17 января 1906. ГАРФ. – Ф. 818. – Оп. 1. – Д. № 113. – Л. 2.
19. Копия с секретной телеграммы Г.А. Козакова. – Токио, 19 января / 1 февраля 1906 г. ГАРФ. – Ф. 818. – Оп. 1. – Д. № 113. – Л. 3.
20. Гримм, Э.Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842 – 1925). – М.: Издание Института Востоковедения, 1927.
21. Legation Imperiale de Russie – His Excellency Monsieur T. Kato. 20 January 1906. 日本外交史料館、東京. – 6.1.3. 16 = Архив внешней политики Японии. – Токио. – Ф. 6.1.3. 16.
22. Г.А. Козаков – Като Такааки. – Токио, 20 января 1906 г. – ГАРФ. – Ф. 818. – Оп. 1. – Д. № 113. – Л. 4.
23. Секретная депеша Козакова. – Токио, 26 января 1906 г. ГАРФ. – Ф. 818. – Оп. 1. – Д. № 113. – Л. 8.
24. Секретная телеграмма Г.А. Козакова. – Токио, 28 января / 10 февраля 1906 г. ГАРФ. – Ф. 818. – Оп. 1. – Д. № 113. – Л. 12.
25. Секретная телеграмма Козакова. – Токио, 15 февраля 1906 г. ГАРФ. – Ф. 818. – Оп. 1. – Д. № 113. – Л. 18.
26. Секретная телеграмма Г.А. Козакова. – Токио, 3 / 16 февраля 1906 г. ГАРФ. – Ф. 818. – Оп. 1. – Д. № 113. – Л. 15.
27. Aoki – Saionji, Tokio. May 10, 1906. 日本外交史料館、東京. – 6.1.3. 16 = Архив внешней политики Японии. – Токио. – Ф. 6.1.3. 16.
28. Временно управляющий министерством иностранных дел – Генеральному консулу в Сеуле Лютшу. 1 декабря / 18 ноября 1911 г. // Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архивов царского и Временного правительств 1878 – 1917. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1938. – Серия II, Т. XIX, – Ч. 1.

Bibliography

1. 1905 g., avgusta 23. – Mirnyj dogovor mezhdru Rossiej i Japoniej, zakljuchennyj v Portsmute // Russko-kitajskie otnoshenija. Oficial'nye dokumenty (1689 – 1916). – М.: Izdatel'stvo vostochnoj literatury, 1958.
2. Pak Chon Hjo. Russko-japonskaja vojna 1904 – 1905 gg. i Koreja / Pak Chon Hjo. – М.: Vostochnaja literatura RAN, 1997.
3. Kurbanov, S.O. Kurs lekcion po istorii Korei s drevnosti do konca XX v. / S.O. Kurbanov. – SPb.: Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet, 2002.
4. イゴリ R. サヴェリエフ『移民と国家：極東ロシアにおける中国人、朝鮮人、日本人移民』/ イゴリ R. サヴェリエフ. – 東京：御茶の水書房、2005年. – vi, 323, lviiiページ = Savel'ev I. R. Immigranty i gosudarstvo. Kitajskaja, korejskaja i japonskaja diaspory na russkom Dal'nem Vostoke / I.R. Savel'ev. – Tokio : Ota no midzu sjobo, 2005.
5. Saveliev Igor. *Militant Diaspora: Korean Immigrants and Guerrillas in Early Twentieth Century Russia* / Igor Saveliev // *Forum of International Development Studies*. – 26 (Mar. 2004).
6. 朝鮮の近代史と日本. – 東京：大和書房、1987年。 – 300ページ = Istoriia Korei v Novoe vremja i Japonija. – Tokio : Dajva sjobo, 1987.
7. 和田春樹『ロシア領極東の朝鮮人 1863—1937』/和田春樹 // 東京大学社会科学研究所紀要. – 第6号. – 1989年. – 235-286ページ = Vada Haruki. Korejcy na russkom Dal'nem Vostoke, 1863 – 1937 gg. / Vada Haruki // Bjulleten' Issledovatel'skogo centra social'nyh nauk Tokijskogo universiteta. – 1989. – № 6.
8. 和田春樹『日露逃亡犯罪人引渡条約付属秘密宣言書』/和田春樹 // 東京大学社会科学研究所紀要. – 第4号. – 1976年. – 86-116ページ = Vada Haruki. Sekretnoe prilozhenie k russko-japonskomu dogovoru o vydache prestupnikov / Vada Haruki // Bjulleten' Issledovatel'skogo centra social'nyh nauk Tokijskogo universiteta. – 1976. – № 4.
9. Marinov, V.A. Rossija i Japonija pered pervoj mirovoj vojnoj (1905 – 1914 gody). Ocherki istorii otnoshenij / V.A. Marinov. – М.: Nauka, 1974.
10. Shulatov Ja.A. Na puti k sotrudnichestvu. Rossijsko-japonskie otnoshenija v 1905 — 1914 gg. / Ja.A. Shulatov. – Habarovsk – Moskva : Izdatel'stvo Instituta vostoikovedenija RAN, 2008.
11. Kurbanov, S.O. Rossija i Korja [jelektronnyj resurs] / S.O. Kurbanov. – Rezhim dostupa: http://www.asia-times.ru/countries/koreas/russia_korea1.htm. – Zagl. s jekrana. – Jaz.russ.
12. Telegramma G.A. Kozakova. Pekin. 6 sentjabrja 1905 g. GARF (Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii). – F. 818. – Op. 1. – D. № 113. – L. 1.
13. Japonno-korejskij dogovor ob ustanovlenii protektorata Japonii, zakljuchennyj v Seule 17 nojabrja 1905 g. // Ključnikov, Ju.V., Sabanin, A.V. Mezhdunarodnaja politika novjšego vremeni v dogovorah, notah i deklaracijah. Ch. 1. Ot francuzskoj revoljucii do imperialističeskoj vojny / Ju.V. Ključnikov, A.V. Sabanin. – М.: Izd. Litizdata N.K.I.D., 1925.
14. Mutsu, London. 5 maja 1906 g. 日本外交史料館、東京. – 6.1.3. 16. – 在韩国外国領事認可状交付一件 = Arhiv vneshnej politiki Japonii (Tokio). – F. 6.1.3. 16. – O vruchenii nahodjajawmsja v Koree inostrannym konsulam jekzekvatury.
15. G.A. Kozakov – V.N. Lamzдорfu. 17 fevralja 1906 g. GARF. – F. 818. – Op. 1. – D. № 113. – L. 19 – 20.
16. Sekretnejaja telegramma dejstvitel'nogo statskogo sovetnika Pavlova. Shanhaj, 25 fevralja 1906 g. GARF. – F. 818. – Op. 1. – D. № 111. – L. 6.
17. Inouye – Saionji, Tokio, April 19, 1906. 日本外交史料館、東京. – 6.1.3. 16 = Arhiv vneshnej politiki Japonii (Tokio). – F. 6.1.3. 16. V citiruемом dokumente Inouje ssylaetsja na notu carskogo pravitel'stva pravitel'stvu Germanii, v kotoroj govoriťsja o nesoglasii Rossii s vydachej jekzekvatury Japoniej.
18. Sekretnejaja telegramma ministra inostrannyh del – G.A. Kozakovu. 17 janvarja 1906. GARF. – F. 818. – Op. 1. – D. № 113. – L. 2.
19. Kopija s sekretnoj telegrammy G.A. Kozakova. Tokio, 19 janvarja / 1 fevralja 1906 g. GARF. – F. 818. – Op. 1. – D. № 113. – L. 3.
20. Grimm, Je.D. Sbornik dogovorov i drugih dokumentov po istorii mezhdunarodnyh otnoshenij na Dal'nem Vostoke (1842 – 1925) / Je.D. Grimm. – М.: Izdanie Instituta Vostokovedenija, 1927.
21. Legation Imperiale de Russie – His Excellency Monsieur T. Kato. 20 Januery 1906. 日本外交史料館、東京. – 6.1.3. 16 = Arhiv vneshnej politiki Japonii (Tokio). – F. 6.1.3. 16.
22. G.A. Kozakov – Kato Takaaki. Tokio, 20 janvarja 1906 g. – GARF. – F. 818. – Op. 1. – D. № 113. – L. 4.
23. Sekretnejaja depesha Kozakova. Tokio, 26 janvarja 1906 g. GARF. – F. 818. – Op. 1. – D. № 113. – L. 8.
24. Sekretnejaja telegramma G.A. Kozakova. Tokio, 28 janvarja / 10 fevralja 1906 g. GARF. – F. 818. – Op. 1. – D. № 113. – L. 12.
25. Sekretnejaja telegramma Kozakova. Tokio, 15 fevralja 1906 g. GARF. – F. 818. – Op. 1. – D. № 113. – L. 18.
26. Sekretnejaja telegramma G.A. Kozakova. Tokio, 3 / 16 fevralja 1906 g. GARF. – F. 818. – Op. 1. – D. № 113. – L. 15.

27. Aoki – Sajonji, Tokio. May 10, 1906. 日本外交史料館、東京。 — 6.1.3. 16=Arhiv vneshnej politiki Japonii (Tokio). – F. 6.1.3. 16.

28. Vremennno upravljajuij ministerstvom inostrannyh del – General'nomu konsulu v Seule Ljutshu. 1 dekabnja / 18 nojabnja 1911 g. // Mezhdunarodnye otnosheniya v jepohu imperializma : Dokumenty iz arhivov carskogo i Vremennogo pravitel'stv 1878 – 1917. – Serija II, T. XIX, Ch. 1. – M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1938.

Статья поступила в редакцию 08.07.11

УДК 940.3.4. (571.15)

Sulimov V.S. LABOUR TEAMS OF PUPILS OF SCHOOLS THE ALTAY DISTRICT IN 1915. Annotation. Article is devoted research of movement of labor teams of pupils of schools of the Ministry of national education in territory of the Altay district in 1915. The basic attention in the publication is given formation of the first labor teams in Barnaul and Biisk.

Key words: war, a team, peasants, pupils, an economy.

В.С. Сулимов, канд. ист. наук, доц. каф. права и методики преподавания обществознания Тобольской государственной социально-педагогической академии им. Д.И. Менделеева, г. Тобольск, E-mail: vsulimov@km.ru

ТРУДОВЫЕ ДРУЖИНЫ УЧАЩИХСЯ ШКОЛ АЛТАЙСКОГО ОКРУГА В 1915 ГОДУ

Статья посвящена исследованию движения трудовых дружин учащихся школ Министерства народного просвещения на территории Алтайского округа в 1915 году. Основное внимание в публикации уделено формированию первых трудовых дружин в Барнауле и Бийске.

Ключевые слова: война, дружина, крестьяне, учащиеся, хозяйство.

В годы первой мировой войны в учебных заведениях Министерства народного просвещения начали организовываться трудовые дружины из учащихся старших классов для оказания помощи семьям крестьян, призванных на армию. Свой вклад в развитие движения трудовых дружин внесли учащиеся школ Барнаула и Бийска.

Данная проблематика нашла отражение в публикациях дореволюционного периода [1, с. 12–13; 2, с. 32–33]. Этот вопрос исследовался в монографиях советского периода [3, с. 253]. Об организации трудовых дружин в Западной Сибири упоминал Ф.Ф. Шамахов [4, с. 183]. В последнее время вопрос о формировании дружин рассматривался О.Н. Гордиенко [5, с. 83–85]. Однако в ее работе мало уделялось событиям 1915 года.

Летом 1915 г. попечитель Западно-Сибирского учебного округа разослал начальникам средних учебных заведений и директорам народных училищ для сведения циркуляр департамента земледелия от 26 июня 1915 года. В циркуляре говорилось, что воспитанники общеобразовательных средних учебных заведений проявили желание участвовать в сборе урожая и выполнении других сельскохозяйственных работ, им доступных. Признавая необходимым поддержать этот патристический порыв, главноуправляющий землеустройством и земледелием приказал подведомственным средним и низшим сельскохозяйственным заведениям принять на себя по мере возможности руководство полевыми работами учеников общеобразовательных школ.

В связи с этим следовало совместно с местным учебным начальством организовать партии воспитанников средних общеобразовательных школ, для производства полевых работ. Для руководства каждой отдельной партии необходимо было откомандировать к ней необходимое число учащихся старших классов сельскохозяйственных учебных заведений, достаточно опытных для проведения полевых работ с целью показать приемы таковых участникам партии. Общее руководство и наблюдение за работами партий возлагалось на начальников сельскохозяйственных школ [6, л. 8]. В дружины добровольно вступали учащиеся старших классов мужских учебных заведений согласия родителей. В школах в этот период наступили каникулы, и собрать учащихся в дружины было затруднительно.

Данная схема организации и руководства дружинами в 1915 г. не работала. Не дожидаясь поддержки со стороны сельскохозяйственных учебных заведений и обществ, педагоги в Барнауле и Бийске проявляли инициативу по организации трудовых дружин, изыскивая средства для реализации своих планов.

Первая трудовая дружина на Алтае для оказания помощи крестьянам в полевых работах из учащихся школ Министерства народного просвещения была отправлена 21 июля 1915 г. в село Усятское в 30 верстах от Бийска. Дружина была образована при содействии комитета начальников средних и низших учебных заведений Бийска из 7 учениц Николаевской женской гимназии под наблюдением и надзором учительницы географии Т. Жуковой. Дружина получила средства от Бийского частного комитета для оказания помощи семьям, взятых на войну, в количестве 100 рублей. Ученицы занимались полевыми работами. Первоначально крестьяне отнеслись скептически к помощницам, однако вскоре отношение стало доброжелательным. Последовало приглашение приезжать на работы в следующем году [6, л. 410об. – 411]. Затем в комитет поступило заявление от попечительства села Сростков, что в 30 верстах от города, о желании воспользоваться трудом дружинников. На основании этого обращения комитет решал отправить дружину мужскую или женскую [6, л. 32].

В г. Барнауле Б.С. Абольник проявил инициативу по организации трудовой дружины, изыскав средства для реализации своих планов. В июне 1915 г. преподаватель математики Барнаульского реального училища Б.С. Абольник сообщил попечителю Западно-Сибирского учебного округа (далее ЗСУО – В.С.) о своем обращении к начальнику Алтайского округа с просьбой командировать его в учреждение Красного Креста на войну в течение летних каникул. Учитель ответа на свою просьбу не получил. Затем Абольник переехал на дачу, однако «необходимость сидеть, сложа руки и отдыхать», когда каждый русский отдает «все свои силы и жизнь на пользу Родины», тяготила его [6, л. 21-21об.]. Преподаватель чувствовал в себе достаточно сил и энергии принять участие в общем деле защиты Отечества и просил дать ему какую-либо работу в этом направлении, командировав его до начала учебного года туда, где бы он мог быть полезен. До получения назначения Абольник собирался работать на участке призванного по мобилизации владельца дачи. Хотя учитель предпола-

гал, что мог быть использован в другом деле, «требующем умственного развития, нравственной энергии и готовности отдать все свои силы и жизнь за Родину» [6, л. 21об.]. Он был разносторонне образован: по окончании Петроградского университета поступил на механическое отделение Технологического института. Последний вуз учитель не закончил по независящим от него обстоятельствам. Попечитель ЗСУО поддерживал стремление Абольника, предложив ему устроить дружину из учащихся средних школ Барнаула для уборки урожая в сельской местности.

Абольник получил предложение попечителя ЗСУО о формировании дружины 18 июля. На следующий день учитель отправился в комитет по внешкольному надзору за решением на организацию дружины. Получив разрешение, Абольник обратился к председателю Алтайского сельскохозяйственного общества (далее АСХО – В.С.) с просьбой указать, где была необходима помощь по уборке урожая. Оказалось, что село Шадрино в 28 верстах от Барнаула, находилось в «беспомощном» состоянии из-за отсутствия рабочих рук. Учитель заручился обещанием секретаря общества В. В. Капустина об оказании помощи дружине в качестве инструктора. Капустин собирался выехать вместе с дружиной на полевые работы и познакомить учеников с сельскохозяйственными машинами на месте, в связи с небольшим периодом времени до начала учебных занятий.

В тот же день Абольник объездил ближайшие дачи, обращаясь к родителям учащихся с просьбой отпустить своих детей в дружину. Надзор за учениками учитель брал на себя. Заручившись согласием родителей, Абольник назначил сбор учащихся на 20 июля в здании реального училища для переговоров о времени отъезда. Желающих выехать на работы оказалось 8 человек. Незначительное количество желающих объяснялось отъездом учеников на каникулы, близостью начала учебного года и срочностью отправки на работы. Капустин мог выехать с дружиной только 22 июля. Тогда Абольник предложил учащимся собраться для отъезда в училище в этот день после молебна по случаю тезоименитства императрицы Марии Федоровны. После молебна в соборе, на котором присутствовали дружинники, учитель отправился в реальное училище: туда были вызваны экипажи для учащихся. Около 3 часов дня дружина выехала с инструктором в Шадрино. По дороге дружина побывала на даче председателя комитета по внешкольному надзору, где Абольник представил учеников. Официальное извещение о формировании дружины и времени выезда было направлено председателю комитета по почте заранее.

Прибыв вечером в Шадрино, Абольник разместил учащихся в здании местной школы, а затем вместе с Капустиным составил списки беднейших семей запасных солдат после опроса крестьян. Рано утром 23 июля в сопровождении инструктора дружина отправилась знакомиться с механизмом «самосброски», на которой предстояло работать ученикам. С этой целью учащиеся под руководством инструктора собрали машину данного типа, принадлежавшую семье солдата. Таким образом, учащиеся познакомились с устройством машины. Инструктором были указаны наиболее часто встречающиеся поломки и способы их устранения [6, л. 69].

После сборки машины дружина отправилась на поле, где под руководством инструктора каждый из учащихся поочередно работал на «самосброске», предоставленной одним из крестьян. Во время работы были наглядно продемонстрированы случаи «затора» машины и способы ее налаживания. Инструктор отметил, что учащиеся в достаточной мере ознакомились с предстоящей им деятельностью. С 24 июля дружинники стали самостоятельно выезжать на поля. Сначала Абольник назначал по три ученика на каждую машину. Затем по желанию учащихся этот порядок был изменен, и на каждую машину выделялось по два ученика. Так как АСХО не предоставляло дружине машин, то приходилось работать на машинах

семей запасных солдат. Между тем, жены беднейших солдат, у которых не было ни машин, ни работников, «осаждали» просьбами помочь убрать им хлеб. Поэтому, с целью помочь бедным семьям, Абольник отправился в Барнаул, где ему удалось «выхлопотать» у председателя АСХО «самосброску» в полное распоряжение дружины. Через несколько дней учитель достал еще две машины: «самосброску» и «сенокосилку с приводом». Благодаря этой инициативе, учащиеся стали убирать хлеб на полях беднейших семей запасных солдат [6, л. 69об.].

Обычно учащиеся выезжали на работу рано утром – около 6 часов, и возвращались часов в 8-9 вечера, так как поля находились в среднем в верстах 8 от села. Выезжавшие на более отдаленные пашни для экономии времени ночевали на месте работы в специально приспособленных помещениях – крытых маленьких избушках, имеющихся на таких полях. Впрочем, на отдаленных полях работа продолжалась не более двух дней подряд, и в избушках приходилось ночевать одну ночь. Дружинникам доставляло удовольствие ночевать на поле. Вечером происходило распределение работы на следующий день. Для установки очереди беднейших семей приходилось пользоваться указанием местных попечителей о семьях запасных, а в дальнейшем обращаться за советом к сельскому учителю. Во избежание несчастных случаев Абольник неоднократно предупреждал учащихся на счет осторожного обращения с машиной. Указывались опасные ее места, а также запрещалось быть вожатым, садясь верхом на своевольную лошадь. Запрягали лошадей в машину обычно крестьянские мальчишки, умеющие это делать. Учитель просил давать под машину наезженных лошадей, так как треск, производимый машиной, пугал непривычных животных. За все время пребывания дружины на полевых работах несчастных случаев не наблюдалось. Все воспитанники были здоровы. У одного ученика образовался «ячмень» в правом глазу, и учитель отправил его немедленно в город к родителям. Учащийся вернулся обратно через три дня.

В праздничные дни некоторые дружинники уезжали в город, оставшимся предлагалось посетить сельскую церковь. Если Абольник находился в эти дни в селе, то все вместе отправлялись в храм. До 4 августа дружина работала под наблюдением Абольника. Вечером того дня учитель выехал в город для подготовки тем к экзаменационным испытаниям по математике во всех классах, по причине отсутствия другого преподавателя по данному предмету. На время своего отсутствия Абольник поручил воспитательный надзор и распределение работ местному учителю. В свободные от занятий дни, Абольник приезжал в село, привозя с собой новых дружинников, взамен уезжавших.

Кроме восьми учеников изъявили желание принять участие в полевых работах еще четыре ученика 4-6 классов реального училища. Они были в разное время откомандированы на работу. Двое из них, Болотов и Кривенко, вызвались работать последние дни в 7 верстах от Шадрино в селе Бурановское. Туда они и были отправлены вместе с «самосброской» по просьбе жителя этого села, вернувшегося в отпуск с фронта. Он настоятельно пригласил помочь двум семьям его односельчан, находившимся в «беспомощном состоянии» [6, л. 70об.].

Работы закончились 20 августа. Всего насчитывалось 14 рабочих дней. На праздники пришлось 9 дней и 5 дней шли дожди. Всего было убрано 62 $\frac{1}{4}$ десятины хлеба. Если принять во внимание, что каждый день в работе принимало участие не более 6 учащихся, то следовало считать труд учеников «достаточно» продуктивным. Большей продуктивности работы препятствовало отсутствие в распоряжении дружины машин с момента приезда в село. Имело место некоторое недоверие, проявленное на первых порах собственниками машин. Они сомневались относительно умелости дружинников: боялись поломки, хотя Абольник заверил, что ответственность за

целость машины и исправление ее, несет дружина. В связи с этим отсутствовало необходимое количество машин. Только через неделю после прибытия в село работы пошли полным ходом, когда селяне «воочию убедились в искусстве» учеников и стали охотно предлагать свои машины для уборки. Затем прибыли из города машины, присланные АСХО. Последние были оставлены Абольником на попечение учителей сел Шадрино и Бурановского для предоставления их женам запасных, наиболее нуждающимся.

По мнению Абольника, полевые работы оказали на учащихся в воспитательном отношении «благотворное» влияние. Каждый чувствовал, что своим трудом он приобщается к доблестной армии, принимая «личное участие в общем великом деле дорогой Родины» [6, л. 71]. В физическом отношении условия полевых работ сослужили также известную пользу: по наблюдениям учителя участники дружины заметно окрепли и «поздоровели». Проезд дружины и продовольствие Абольник оплачивал из своих личных средств. В селе Шадрино помощь была оказана семьям 16 запасных солдат. В селе Бураново двум семьям. В большинстве хозяйств убрали пшеницу. Только в четырех семьях пшеницу и овес.

Была также организована дружина в Барнаульской мужской гимназии. На призыв директора гимназии откликнулись 6 гимназистов и реалист. Из них удалось организовать дружину монтеров для управления сельскохозяйственными машинами при уборке урожая. Дружина познакомилась с машинами при АСХО и приступила в июле к полевым работам в деревне Бельмесево [6, л. 28-28об.].

Всего в Барнаульском уезде летом 1915 г. было организовано 4 трудовые дружины. Первая состояла из 5 человек, вторая из 8 человек, третья – также из 8 человек и четвертая сначала из 6, а затем из 8 человек. Первая дружина была образована без участия учащихся местных учебных заведений. Во вторую вступили 3 ученика реального училища, 3 учителя, 1 студент и один воспитанник духовной семинарии. В третью дружину вошли 8 учеников мужской гимназии. В четвертую

дружину вступили сначала 6, затем 8 учеников реального училища [6, л. 440об.].

Первые три дружины состояли из лиц, прошедших устроенные специально для них АСХО монтерские курсы. Они работали самостоятельно небольшими группами. Последняя группа, состоявшая из учеников реального училища, была собрана за два дня до отъезда на место работы, и на курсах по машиноведению не занималась. Данная дружина приступила к практическим работам под руководством Капустина и под наблюдением учителя Абольника. Расходы на содержание дружинников 1 и 2 групп взяло на себя АСХО. Учащиеся гимназии поехали за счет своих средств. Реалисты содержались на личные сбережения учителя, возмещенные осенью из специальных средств училища. В связи с поздним образованием дружин учащиеся занимались уборкой полей. Особенно успешно шла работа у дружинников, посещавших монтерские курсы. Погода благоприятствовала уборке. Ученики гимназии трудились с 14 июля по 1 сентября, учащиеся реального училища с 23 июля по 20 августа. На здоровье учащихся и их психическое состояние физический труд оказал благотворное влияние. Крестьяне на первых порах относились к деятельности дружинников недоверчиво, полагая, по недоразумению и недостаточной осведомленности, что за работу учащихся будут взysкиваться в дальнейшем деньги. Недоверие это в некоторых селениях старались поддерживать лица, заинтересованные в эксплуатации бедноты. Не смотря на эти моменты, дружинникам удалось завоевать благожелательное отношение со стороны большинства населения и благодарность крестьян, пользовавшихся бесплатной их помощью.

Организация трудовых дружин школ МНП в Барнауле и Бийске в 1915 г. имела ряд особенностей. Дружины приняли участие в полевых работах со второй половины июля. Этому способствовали следующие моменты: МНП выступило с инициативой о создании дружин только в июне, отсутствовала проработанная нормативная база по формированию дружин, не было налажено взаимодействие между учебными заведениями и учреждениями, оказывающими помощь крестьянам.

Библиографический список

1. Яковлев, Л.Н. Доклад об основании Комитета для организации в 1916 г. полевых работ на землях призванных // Алтайский крестьянин. – 1915. – № 42.
2. Алтайское сельскохозяйственное общество (об ученических дружинах) // Алтайский крестьянин. – 1916. – № 47.
3. Крестьянство в Сибири в период капитализма. – Новосибирск, 1983.
4. Шамахов, Ф.Ф. Школа Западной Сибири между двумя буржуазно-демократическими революциями. – Томск, 1966.
5. Гордиенко, О.Н. Организация трудовых дружин учащихся в помощь солдатским семьям на территории Алтайского округа в период первой мировой войны // Вестник ТГПУ. – Томск, 2008.
6. ГАТО (Государственный архив Томской области). Ф. 126. Оп. 2. Д. 3054.

Bibliography

1. Yakovlev, L.N. Doklad ob osnovanii Komiteta dlya organizatsii v 1916 g. polevikh rabot na zemlyakh prizvannikh // Altajskij krest'yanin. – 1915. – № 42.
2. Altajskoe sel'skokhozyajstvennoe obshchestvo (ob uchenicheskikh družinakh) // Altajskij krest'yanin. – 1916. – № 47.
3. Krest'yanstvo v Sibiri v period kapitalizma. – Novosibirsk, 1983.
4. Shamakhov, F.F. Shkola Zapadnoj Sibiri mezdu dvumya burzhuažno-demokratičeskimi revolyuciyami. – Tomsk, 1966.
5. Gordienko, O.N. Organizatsiya trudovikh družin uchastnikhsya v pomoshch' soldatskim sem'jam na territorii Altajskogo okruga v period pervoj mirovoj vojny // Vestnik TGPU. – Tomsk, 2008.
6. GATO (Gosudarstvennij arkhiv Tomskoj oblasti). F. 126. Op. 2. D. 3054.

Статья поступила в редакцию 28.06.11

УДК: 94 (100)

Yurchenko E.S. W. WILSON'S ADMINISTRATION POSITION ON THE PROBLEM OF STATUS OF NATIONAL STATES, APPEARING ON THE TERRITORY OF FORMER RUSSIAN EMPIRE, DURING PARIS PEACE CONFERENCE. The article deals with self-determination of nations problems of Russian – American relations in 1919-1920. The author of the article investigates the connection between a new track in foreign affairs of W. Wilson's government and development of separatist's movement in former provinces of Russian Empire. Attitude of USA to the national question crises and the problem of the status of national states.

Key words: self-determination, national question, status of national states, peace settlement, borderline conflict, territorial integrity.

Е.С. Юрченко, ст. преп. каф. всемирной истории ГОУ ВПО ДВГУ, г. Хабаровск, E-mail: Y-K22@yandex.ru

ОТНОШЕНИЕ АДМИНИСТРАЦИИ В. ВИЛЬСОНА К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ, ОБРАЗОВАВШИХСЯ НА ТЕРРИТОРИИ БЫВШЕЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ, В ПЕРИОД ПРОВЕДЕНИЯ ПАРИЖСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

В работе отражена позиция американского руководства по вопросу о статусе национальных государственных образований в период проведения Парижской мирной конференции. Отношение администрации США к концепции самоопределения наций и роль национального вопроса в «русской политике» официального Вашингтона в 1919-1920 гг.

Ключевые слова: признание независимости, территориальная целостность, самоопределение наций, территориально-пограничные конфликты, внешнеполитическая стратегия.

Поиск путей и методов завоевания и сохранения доминирующего положения на международной арене уже больше века остается для правительства США центральной проблемой. В период развития дезинтеграционных процессов на постсоветском пространстве в 90-е гг. США планомерно наращивали силовое давление, стремясь закрепить получившие независимость республики в орбите американского влияния, а также обеспечить военное присутствие в регионе СНГ [1]. Поддержка администрацией США чеченских сепаратистов, попытки вмешаться в развитие грузино-абхазского конфликта, а также курс на «отрыв» Косова от Сербии, – все это свидетельствует о том, что фактор национального самоопределения является одним из наиболее актуальных методов реализации государственных интересов для американского руководства. В связи с этим особое значение приобретает изучение истоков курса администрации Белого Дома на формирование моноэтнических государств, а также анализ первых попыток правительства США использовать национальный вопрос в России для реализации внешнеполитических целей и задач.

Необходимо отметить, что проблема взаимодействия администрации В. Вильсона с правительствами национальных окраин бывшей Российской империи крайне незначительно представлена как в работах отечественных, так и зарубежных исследователей. Она, как правило, рассматривается либо в контексте общей политики иностранных государств по отношению к национальным правительствам в период гражданской войны и интервенции, либо в рамках исследования истории национального вопроса в России¹⁵. Для большинства отечественных исследований характерно признание того факта, что национальные правительства полностью доверили гарантии суверенитета своих стран иностранным державам, которые использовали процесс дезинтеграции Российской империи для реализации собственных целей и задач.

Среди исследований, затрагивающих проблему отношения правительства США к вопросу о будущем национальных государственных образований необходимо отметить исследования Дж. Киракосяна в которых нашло отражение намерение правительства США еще в конце XIX века вступить в борьбу с европейскими державами за контроль над черноморскими проливами и Турецкой Арменией [2; 3]. В работе А. Ментешавили «Из истории взаимоотношений Грузинской Демократической Республики с советской Россией и Антантой.

1918 – 1921 гг.» рассмотрены отдельные аспекты политики американского руководства в отношении государств Закавказья в период иностранной интервенции [4].

Англоязычные авторы больше акцентируют внимание на стремлении администрации Вильсона заложить право наций на самоопределение в основу послевоенного мирного урегулирования, чтобы им могли воспользоваться народы, достигшие определенного уровня экономической и политической зрелости [5, с. 99-100]. Расхождение между правом наций на самоопределение и декларировавшимся президентом стремлением сохранить территориальную целостность России, они объясняют тем, что в представлении президента реализация права на самоопределение в отношении всех, претендующих на суверенитет государственных образований, возникших на территории бывшей Российской империи, была невозможна. Так Д. Фоглесонг отмечает двойственное отношение американского президента к тому, какие из наций могут немедленно претендовать на независимость, а какие должны будут пройти длительный путь становления государственности под патронажем более развитой демократической державы [6, с. 602–626].

Первая мировая война коренным образом изменила политическую карту мира. Крушение империй, возникновение огромного количества слабых, неспособных противостоять утверждению иностранного влияния национальных государств, – все это предоставило исключительную возможность укрепить позиции США в послевоенном мире. Еще в ходе Первой мировой войны американская администрация предложила заложить принцип самоопределения наций в основу послевоенного мирного урегулирования. Включив в него национальный компонент, американский президент выступил за воссоздание независимого Польского государства и передачу Турецкой Армении под международный контроль. Однако реализация этих инициатив зависела от позиции российского руководства, стремившегося не допускать иностранного вмешательства в решение «польского вопроса», а также добивавшегося, чтобы Турецкая Армения и черноморские проливы были переданы России. Революционные кризисы, гражданская война и дезинтеграция российского государства в 1917-1918 г. экономическая и политическая отсталость большинства национальных регионов, их стремление заручиться иностранной поддержкой способствовали тому, что к концу 1918 г. большинство окраин бывшей Российской империи оказались под контролем иностранных государств.

Правительство США было ограничено в средствах реализации целей и задач внешней политики из-за сильных изоляционистских традиций и оппозиции в Конгрессе. Руководство Белого Дома рассчитывало, что создание международного регулирующего механизма Лиги Наций, позволит США играть ключевую роль при решении вопроса о статусе и границах новых государств. На Парижской мирной конференции, проходившей с 18 января 1919 г. по 21 января 1920 г., позиция американской делегации отличалась двойственностью. С одной стороны, принцип самоопределения народов являлся ос-

¹⁵ См. подробнее: Аманджолова, Д.А. Национальный вопрос в России в годы гражданской войны / Д. А. Аманджолова. URL: <http://his1september.ru> (дата обращения 4. 10. 2005); Гушин, А.В. Польша и вопрос о международно – правовой охране национальных меньшинств на Парижской мирной конференции / А. В. Гушин. URL: <http://i-grappa.livejournal.com/291302.html> (дата обращения 15. 09.2009); Клейменова, Н.Е. Польский вопрос во внешней политике России в первой мировой войне август 1914 – октябрь 1917 гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Н. Е. Клейменова. – М., 1996; Михайлов, Я. Л. Экспансия британского империализма в Азербайджане (1918-1920): автореф. дисс. ... канд. ист. наук / Я. Л. Михайлов. – Баку, 1985; Пипия, Г. В. Германский империализм в Закавказье / Г.В. Пипия. – М., 1978;

новой американской мирной программы, с другой его реализация в отношении всех национальностей была невозможна, поскольку была связана с вопросом о территориальной целостности Германии, Турции и России и вызывала острые противоречия между союзниками. Администрация В. Вильсона настаивала, чтобы представители национальных окраин к не были допущены к участию в мирной конференции. Последовательно добиваясь решения всех вопросов, связанных с судьбой новых государств посредством Лиги Наций, американское руководство на протяжении 1919- 1920 гг. стремилось лишить своих стратегических соперников возможности действовать в одностороннем порядке. Намерение Франции укрепить свои позиции в Центральной Европе за счет усиления Польши, также как попытки Великобритании закрепиться в Закавказье за счет поощрения сепаратизма национальных правительств, как и стремление Японии создать буферное государство на Дальнем Востоке встретили активное противодействие американской стороны.

В конце января 1919 г. разведывательная группа Американской комиссии по заключению мирного договора подготовила проект рекомендаций. Согласно ему, «пограничные районы», не обладавшие «достаточными возможностями для создания сильных независимых государств, особенно балтийские провинции и Украину», следовало поощрять к объединению с Россией в том случае, «если это воссоединение может быть осуществлено в рамках федеративной или подлинно демократической России». С другой стороны, заявляли специалисты, если большевики удержатся у власти, «не остается иной альтернативы, кроме как признать независимость и определить границы» проживания нерусских национальностей [7, с. 338]. В ноябре 1918 – феврале 1919 г. советские войска заняли почти всю территорию Белоруссии, значительную часть Прибалтики, Левобережную Украину. Постановлением от 13 ноября 1918 г. ВЦИК об аннулировал Брест – Литовский мирный договор. В постановлении подчеркивалось, что трудящиеся массы России, Лифляндии, Эстляндии, Польши, Литвы, Украины, Финляндии, Крыма и Кавказа должны сами решить свою судьбу. После того как в марте 1919 г., советский режим был установлен в Риге и на большей части территории Латвии, правительство США одобрило продвижение германских войск в Прибалтике. Госсекретарь США Р. Лансинг поддержал идею главы Американской администрации помощи Г.К. Гувера предоставить помощь прибалтийским государствам в расчете, что рано или поздно германские силы будут заменены латвийской армией [8, с. 347]. При этом союзники хотели иметь гарантии того, что Германия покинет Прибалтику, как только это потребуется. 2 мая 1919 г. при обсуждении текста договора с Германией они включили положение о том, что «Германия признает и ожидает неотъемлемой независимости всех территорий, которые были частями бывшей Российской империи» [9, с. 342–344].

Воспользовавшись стремлением американского руководства использовать войска национальных государств в качестве альтернативы союзной интервенции, К.Г. Маннергейм, которого после поражения Германии Сейм Финляндии назначил регентом, предложил союзникам использовать финские войска для захвата Петрограда [10, с. 178]. Маннергейм изъявил готовность начать боевые действия, если США согласятся быстро доставить запасы продовольствия в Финляндию, и пообещают ему территориальную компенсацию на Мурманском полуострове. Предложение

Маннергейма стало для руководства США поводом определить свою позицию по вопросу о предоставлении дипломатического признания Финляндии¹⁶. 1 мая 1919 г. госсекретарь

США Р. Лансинг обратился к президенту в связи с инициативой британской стороны включить вопрос о признании финской независимости в повестку дня встречи Совета министров иностранных дел. «Это ставит нас лицом к лицу перед всеобщей политической признавать ли как отдельные суверенитеты все части бывшей Российской империи...», – писал Лансинг, – Я не хочу задевать достоинства Финляндии, которая как вы знаете, исключительно сильна, но мне необходим ваш совет по общей политике относительно признания государств, выделившихся из состава России» [9, с. 319]. В ответ президент выразил свою убежденность в том, что признание Финского правительства «не обременит правительство США признанием независимости других частей бывшей Российской империи» [9, с. 404]. 7 мая 1919 г. правительство США де-факто признало независимость Финляндии.

19 июня состоялось соглашение между К. Маннергеймом и Н.Н. Юденичем о совместных действиях. Союзники информировали Маннергейма о том, что «у них нет возражений против начала его боевых операций с целью взятия Петрограда» [6, с. 623]. Однако адмирал Колчак отверг соглашение Юденича-Маннергейма, заявив, что только русское Учредительное собрание, которое соберется после свержения большевистского режима в Москве, может признать независимость Финляндии. Наступление на Петроград провалилось. В июле, Маннергейм не смог занять пост президента Финляндии на выборах, продемонстрировавших усиление левоцентристских партий, выступивших против вмешательства в гражданскую войну в России [11, с. 707].

Борьба вокруг проблемы признания независимости национальных окраин России оказалась тесно связанной с борьбой за дипломатическое признание правительства А.В. Колчака. В качестве одного из основных условий продолжения союзнической помощи Совет четырех потребовал от Омского правительства признания независимости Польши и Финляндии, и чтобы все отношения между Латвией, Литвой, Эстонией, Кавказскими и Закавказскими территориями и Россией решались при посредничестве Лиги Наций [8, с. 468–470]. 4 июня 1919 г. Колчак признал независимость Польши, но подчеркнул, что её границы, как и судьба Финляндии и Бессарабии, будут определены новым Учредительным собранием. Верховный правитель согласался с автономией Прибалтики, Кавказа и Закаспия, но размеры этих автономий должны быть определены отдельно. В этом вопросе допускалось посредничество Лиги Наций.

Союзники продолжали реализовывать собственные внешнеполитические задачи. Желая укрепить свои позиции в Восточной Европе и создать буфер между Советской Россией и Германией, правительство Франции поощряло захватническую политику Польши на Востоке. Ставший главой польского государства в ноябре 1918 г. Ю. Пилсудский спустя пять дней после подписания Германией Компьенского перемирия провозгласил создание независимой Польши [12, с. 20]. Руководство Польши старалось захватить как можно больше территорий на Востоке. Из Франции в Польшу начали перебрасываться войска Ю. Галлера, которые вскоре развернули активные наступательные действия в Восточной Галиции против украинских войск. Как указывал в своем донесении 11 апреля 1919 г. президенту В. Вильсону американский представитель при миссии государств Антанты в Польше генерал-майор Дж. Кернан: «Хотя в Польше во всех сообщениях и разговорах постоянно идет речь об агрессии большевиков, я не мог заметить ничего подобного. Напротив, я с удовлетворением отмечал, что даже незначительные стычки на восточных границах Польши свидетельствовали скорее об агрессивных действиях поляков и о намерении как можно скорее занять русские земли и продвинуться насколько возможно

¹⁶ Финляндия объявила о своей независимости еще в 2 декабря 1917 г. Однако правительство США отказалось предоставить ей дипломатическое признание, сославшись на невозможность такого шага до созыва российского Учредительного собрания. См: State Dept. to

Embassy – St. Petersburg. December 13. Russia: From Czar to Commissars, 1914–1918. г. 5

далее» [12, с. 21]. И. Падеревский, возглавивший польскую делегацию в Париже объяснил военные мероприятия на Востоке беззаконием, чинимым по его словам, украинской армией. Однако американское руководство увидело в действиях польской армии попытки французских военных осуществить план по созданию санитарного кордона против большевиков [8, с. 531]. Несмотря на то, что США последовательно поддерживали идею воссоздания единой Польши с выходом к Балтике, укрепление позиций Франции в Восточной Европе за счет создания санитарного кордона противоречило планам американского руководства.

Американская администрация рассчитывала получить на конференции мандат на управление Турцией, и готовилась вести туда свои войска. Поскольку еще в октябре 1918 г. правительства США заявило о намерении сделать Кавказ частью Турции, то мандат подразумевал и включение Кавказа в сферу влияния США [13, с. 81-82]. В середине марта 1919 г. в Тифлис прибыли представители США Ф. Смит и Дж. Б. Мур. 22 марта состоялась их встреча с министром иностранных дел Грузии Е. Гегечкори и министром внутренних дел Н. Рамизвили. Грузинские руководители акцентировали внимание на том, что молодой грузинской демократии невозможно будет выжить без помощи извне. Добившись согласия на мандат США, американцы пообещали Грузии продовольственную и финансовую помощь [4]. Однако осенью 1919 г. в Закавказье побывала американская военная миссия во главе с генералом Д. Харбордом. Выводы генерала были неутешительны: «С точки зрения Запада все три правительства абсолютно не обладают никакой властью, не пользуются доверием и, несомненно, коррумпированы. Каждое из них находится в крайне запутанном финансовом положении. Ко всем этим сложностям добавляются религиозные различия, что постоянно грозит раздорами, если над ними не будет установлен общий контроль... Мы убедились, что каждый из этих народов с удовольствием согласился бы на передачу своего государства под мандат любой державы» [4].

Тем не менее, представители национальных правительств Закавказья не теряли надежды заручиться поддержкой США. 28 мая 1919 г. азербайджанской делегации в Париже удалось встретиться с президентом В. Вильсоном. Но Вильсон заявил, что вопрос Азербайджана будет решаться после решения вопроса о России. Азербайджанская делегация надеялась с помощью союзников урегулировать не только вопрос о дипломатическом признании и финансовой поддержке, но и о претензиях Ирана на территорию Азербайджана. С этой целью в Париже с 23 по 28 мая 1919 г. были проведены встречи с английским представителем Л. Маллетом и представителем США, бывшим послом в Турции Г. Морганом. После того как в Лондоне 19 августа 1919 г. был заключен англо-иранский договор, Иран отказался от территориальных претензий к Азербайджану. 1 ноября 1919 г. Иран признал независимость Азербайджана, и установил с Баку дипломатические отношения. «Совет десяти» Парижской мирной конференции осенью 1919 г. предложил мандат на Азербайджан Италии. Лишь падение кабинета В. Орландо не позволило итальянцам, которые планировали ввести в регион 100 тысячный контингент войск, оккупировать Закавказье. Новый кабинет Ф. Нитти не решился на такую операцию.

Активизация войск Н.Н. Юденича и А.И. Деникина в августе-сентябре 1919 г. заставила союзников занять выжидательную позицию по вопросу о признании правительств Закавказских республик. 14 ноября 1919 г. министр иностранных дел Великобритании Дж. Н. Керзон заявил, что «вопрос о признании Грузии связан и с признанием других Закавказских республик, что, в свою очередь, связано с решением всего «русского вопроса» и, хоть и в меньшей степени, с условиями мирного договора с Турцией» [4]. Правительство США, занятое подготовкой к голосованию в Конгрессе по вопросу о ра-

тификации Версальского договора, воздержалось от заявлений.

В Прибалтике, где в состав Северо-Западной армии продолжали вливаться немецкие части, британские представители решили поддержать независимость балтийских государств. В августе 1919 г. британские генералы добились от Н.Н. Юденича подписания «предварительной декларации», предусматривавшей независимость Эстонии. Российский посол в Вашингтоне Б. А. Бахметев немедленно проинформировал Государственный департамент США, что Юденич не имел полномочий предпринимать подобный шаг. Эстонцы попытались получить от союзников в Париже признание де-юре. Когда союзники отказались, они приняли предложение Советского правительства начать мирные переговоры. В середине сентября в Ревеле прошла конференция четырех балтийских государств. В донесении российского посланника в Швеции К.Н. Гулькевича министру иностранных дел Омского и Екатеринбургского правительств Д.С. Сазонову подчеркивалось, что переговоры ведутся с ведома союзников¹⁷. Б.А. Бахметев заявил в Госдепартаменте, что неясная политика союзников может толковаться народностями как поддержка сепаратистских тенденций¹⁸. 23 октября внешнеполитическое ведомство США одобрило инициативу Бахметева обратиться к британскому правительству с предложением, выдвинуть ультиматум правительствам балтийских государств и пригрозить им прекратить помощь, если они не прекратят переговоры с большевиками [11, с. 714,721]. Однако рост республиканской оппозиции и тяжелая болезнь заставили президента Вильсона в конце 1919 г. уклониться от вмешательства в развитие ситуации в Прибалтике и других регионах. Уже 13 декабря Лансинг заявил, что несмотря на «бедственное положение Эстонии», Соединенные Штаты лишены возможности оказывать поддержку этой стране, и что лично он «против расчленения России» [11, с. 748-749].

Д.С. Сазонов полагал, что в связи с ростом влияния левых на общественное мнение в Европе и Америке и возрастающими финансовыми затруднениями союзников, те будут все настойчивее продвигать мысль о «...необходимости привлечения к борьбе с большевиками всех, возникших на окраинах России государственных образований...». Он обратился к своим заместителям в Иркутске и Таганроге с просьбой информировать его о состоянии дел в России исходя из чего, рекомендовал, либо постараться избежать переговоров на данную тему как можно дольше, либо определиться в отношении степени уступок для каждого из национальных государственных образований¹⁹.

8 декабря 1919 г. Верховный совет Антанты огласил Декларацию о временных восточных границах Польши, согласно которой границей стала линия этнографического преобладания польского населения от Восточной Пруссии до бывшей русско-австрийской границы на Буге. Относительно оккупированных Польшей земель на востоке в декларации не было сказано ни слова. Д. С. Сазонов призвал Б.А. Бахметева усилить воздействие на американское правительство с целью не допустить реализации в жизнь этого плана²⁰. Бахметев ответил, что речь Ллойд Джорджа от 17 ноября, в которой он указал на опасность для Англии сохранения единой России,

¹⁷Посланник в Швеции К.Н. Гулькевич докладывал Д.С. Сазонову: «Представители одной из тесно связанных с Великобританией Держав стремятся убедить меня, что и создание независимости наших северозападных окраин и переговоры с большевиками – составные части глубоко продуманного плана, конечная цель которого: помешать возрождению нашей Родины в прежнем значении и величии». ГАРФ, ф.10003, к. 86, р. 5.

¹⁸Посол в Вашингтоне – поверенному в делах в Лондоне. 13 ноября 1919 г. ГАРФ, ф. 10003, к. 93, р. 3.

¹⁹Министр – МИД. 28 ноября 1919 г. ГАРФ, ф.10003, к. 86, р. 3.

²⁰Министр – Послу в Вашингтоне. 16 декабря 1919 г. ГАРФ, ф.10003, к. 93, р. 3.

вызвала в целом негативную реакцию в США. По его мнению, «это укрепляет американцев в мысли об отсутствии единства целей и побуждений с союзниками и неизбежности для Америки независимой политики в отношении России»²¹.

20 января 1920 г. госсекретарь направил президенту доклад по ситуации в России, с рекомендацией представить в Конгрессе в виде специального послания и послание английского премьера. В послании Ллойд Джорджа говорилось, что один из выводов, к которым пришли союзные правительства – то, что они должны провозгласить политику невмешательства в границы России, но при этом признать независимость пограничных государств [14, с. 307-309]. Вскоре после этого правительства Великобритании и Франции признали де-факто независимость Грузии и Азербайджана и Армении.

США отказались присоединиться к решению союзников. В конце января 1920 г. Бахметев доложил Сазонову в Париж, что Америка осознает, что «политика вознаграждения национальностей и пограничных государств за их отпор большевизму путем присоединения русских территорий или признания независимости ведет лишь к усилению большевиков, так как подобная борьба с большевистской опасностью за счет России объективно обращает большевистское военное движение в действие, направленное к защите и охранению России как таковой»²². Однако, для руководства США проблема Закавказских республик была неотъемлемой составляющей вопроса о судьбе Турции, Турецкой Армении и черноморских проливов [11, с. 778]. Поэтому уже в апреле 1920 г. правительство США признало де-факто независимость Армении. Верховный Совет союзных держав предложил президенту США В. Вильсону роль третейского судьи в определении армяно-турецкой границы и принять мандат на Армению [11, с. 779-783]. Американский президент выразил свое согласие и 24 мая 1920 г. обратился за полномочиями к Конгрессу [15]. Однако Сенат США отклонил предложение президента. По воспоминаниям сенатора Ф.Б. Маршала отказ основывался большей частью на докладе генерал-майора Джеймса Харборда. В докладе подчеркивался серьезный характер проблемы обеспечения с помощью военной силы внутреннего порядка и защиты региона от внешней агрессии. Отмечались политические осложнения, которые могли возникнуть для целого поколения или больше, если США ввяжутся в водоворот Восточного вопроса. Финансовое бремя мандата определялось высокой цифрой в 750 млн. долл. на период в пять лет [15].

В. Вильсон добился включения Армении в число стран победительниц при подписании мирного договора с Турцией

10 августа 1920 г. Он предложил передать Армянскому государству несколько вилайетов Турции. Турецкий парламент отказался ратифицировать договор, и войска Турции вновь вторглись в Армению. В связи с угрозой захвата столицы, ее правительство было вынуждено подписать перемирие, и Армению заняли войска Красной армии. К этому времени Советское правительство уже подписало мирный договор с Эстонией 2 февраля 1920 г., спустя полгода были заключены мирные договоры с Литвой (11 июля) и Латвией (12 августа). Осенью 1920 г. войска Красной армии заняли Украину. В связи с советизацией Армении союзники в конце декабря 1920 г. попытались привлечь американского президента к урегулированию ситуации. Однако Вильсон отказался. Он заявил, что всеобщего мира можно будет достичь только заключением соглашения между великими державами не пользоваться сложившимися в России условиями, и не нарушать ее территориальную целостность [16, с. 236].

Период проведения Парижской мирной конференции характеризуется наиболее активной политикой США направленной на ограничение суверенитета российского государства в решении вопроса о территориальной целостности страны и стремлением добиться в отношении России провозглашенного Вильсоном принципа «одна страна – одна нация». Не имея возможности из-за противодействия республиканской оппозиции опереться на масштабное военное присутствие, Вильсон стремился не допустить раздела де-факто территории империи между союзниками, и оттягивал предоставление независимости слабым, неспособным к самостоятельному выживанию национальным образованиям. При этом американская делегация добивалась от союзников отказа от интервенции в Россию и соблюдения в отношении нее принципа территориальной целостности. Это позволило бы прибегнуть к механизму Лиги Наций и посредничеству США при решении вопроса о статусе и границах национальных государств. Несмотря на то, что попытки официального Вашингтона использовать национальный вопрос в России для реализации внешнеполитических задач в 1919-1920 гг. оказались малоэффективными, они оказали существенное влияние на выбор средств и методов утверждения геополитического влияния США последующими администрациями.

²¹ Там же.

²² Посол в Вашингтоне – министру. 23 января 1920 г. ГАРФ. ф.10003. к. 86. р. 1.

Библиографический список

1. Кавтарадзе, С.Д. Этнополитические конфликты на постсоветском пространстве / С. Д. Кавтарадзе. – М.: Владос, 2005.
2. Киракосян, Дж. Ближневосточный кризис 1895 – 97 гг., Армения и политика США / Дж. Киракосян // Вопросы востоковедения. – Ереван. – 1983. – Вып. 1–2.
3. Киракосян, Дж. Западная Армения в годы Первой мировой войны. – Ереван: Изд-во Ереванского университета, 1971.
4. Ментешавили, А. Из истории взаимоотношений Грузинской Демократической Республики с советской Россией и Антантой. 1918 – 1921 гг. [Э/р]. – Тбилиси, 1989. – URL: <http://www.infospace.narod.ru>
5. Lansing, R. The Peace Negotiations. A personal narrative. – Boston; N.Y.: Houghton Mifflin company, 1935.
6. Фоглесонг, С.Д. Соединенные Штаты, проблема самоопределения наций и борьба против большевиков в Прибалтике. 1918–1920 гг. // Первая мировая война: Пролог XX века. – М.: Наука, 1998.
7. The papers of Woodrow Wilson: vol. 1–69. / A. S. Link. Ed. J. Wells Davidson and D. W. Hirst. – Princeton, New Jersey: Princeton univ. press., 1986. –Vol. 53.
8. The papers of Woodrow Wilson: vol. 1–69. / A. S. Link. Ed. J. Wells Davidson and D. W. Hirst. – Princeton, New Jersey: Princeton univ. press., 1989. –Vol. 59.
9. The papers of Woodrow Wilson: vol. 1–69. / A. S. Link. Ed. J. Wells Davidson and D. W. Hirst. – Princeton, New Jersey: Princeton univ. press., 1988. –Vol. 58.
10. Иоффе, Э. Линии Маннергейма. Письма и документы. Тайны и открытия. – СПб., 2005
11. Papers relating to the Foreign Relations of the United States, 1919. Russia. – Washington: U.S. Government Printing Office, 1936.
12. Мельтюхов, М. И. Советско – польские войны. Военно – политическое противостояние 1918 – 1939 гг. [Э/р]. – URL: <http://wcry.narod.ru>
13. The papers of Woodrow Wilson: vol. 1–69. / A. S. Link. Ed. J. Wells Davidson and D. W. Hirst. – Princeton, New Jersey: Princeton univ. press., 1987. –Vol. 55.
14. The papers of Woodrow Wilson: vol. 1–69. / A. S. Link. Ed. J. Wells Davidson and D. W. Hirst. – Princeton, New Jersey: Princeton univ. press., 1991. –Vol. 64.
15. Барсегов, Ю. Г. Геноцид армян. Ответственность Турции и обязательства мирового сообщества. Документы и комментарий: в 2 т. [Э/р]. – URL: <http://www.genocide.ru/lib/barseghov/responsibility/v1/425-442.htm>. – Т.1.
16. The papers of Woodrow Wilson: vol. 1–69. / A. S. Link. Ed. J. Wells Davidson and D. W. Hirst. – Princeton, New Jersey: Princeton univ. press., 1992. –Vol. 67.

Bibliography

1. Kavtaradze, S.D. Ehtnopoliticheskie konfliktih na postsovetском prostranstve / S. D. Kavtaradze. – M.: Vidos, 2005.
2. Kirakosyan, Dzh. Blizhnévostochniy krizis 1895 – 97 gg., Armeniya i politika SShA / Dzh. Kirakosyan // Voprosih vostokovedeniya. – Erevan. – 1983. – Vihp. 1– 2.
3. Kirakosyan, Dzh. Zapadnaya Armeniya v godih Pervoy mirovoy vojnih. – Erevan: Izd-vo Erevanskogo universiteta, 1971.
4. Menteshashvili, A. Iz istorii vzaimootnosheniy Gruzinskoy Demokraticheskoy Respubliki s sovetской Rossiej i Antantoy. 1918 – 1921 gg. [Eh/r]. – Tbilisi, 1989. – URL: <http://www.infospace.narod.ru>
5. Lansing, R. The Peace Negotiations. A personal narrative. – Boston; N.Y.: Houghton MIFFLIN kompani, 1935.
6. Foglesong, S.D. Soedinenniye Shtatih, problema samoopredeleniya natsiy i borjba protiv bolshevikov v Pribaltike. 1918–1920 gg. // Pervaya mirovaya vojna: Prolog XX veka. – M.: Nauka, 1998.
7. The papers of Woodrow Wilson: vol. 1– 69. / A. S. Link. Ed. J. Wells Davidson and D. W. Hirst.– Princeton, New Jersey: Princeton univ. press., 1986. –Vol. 53.
8. The papers of Woodrow Wilson: vol. 1– 69. / A. S. Link. Ed. J. Wells Davidson and D. W. Hirst.– Princeton, New Jersey: Princeton univ. press., 1989. –Vol. 59.
9. The papers of Woodrow Wilson: vol. 1– 69. / A. S. Link. Ed. J. Wells Davidson and D. W. Hirst.– Princeton, New Jersey: Princeton univ. press., 1988. –Vol. 58.
10. Ioffe, Eh. Linii Mannergejma. Pisjma i dokumentih. Taynih i otrikhiya. – SPb., 2005
11. Papers relating to the Foreign Relations of the United States, 1919. Russia. – Washington: U.S. Government Printing Office, 1936.
12. Meljtyukhov, M. I. Sovetsko – poljskie vojnih. Voенно – politicheskoe protivostoyanie 1918 – 1939 gg. [Eh/r]. – URL: <http://wcry.narod.ru>
13. The papers of Woodrow Wilson: vol. 1– 69. / A. S. Link. Ed. J. Wells Davidson and D. W. Hirst.– Princeton, New Jersey: Princeton univ. press., 1987. –Vol. 55.
14. The papers of Woodrow Wilson: vol. 1– 69. / A. S. Link. Ed. J. Wells Davidson and D. W. Hirst.– Princeton, New Jersey: Princeton univ. press., 1991. –Vol. 64.
15. Barsegov, Yu. G. Genocid arмян. Otvetstvennostj Turcii i obyazateljstva mirovogo soobthstva. Dokumentih i kommentarij: v 2 t. [Eh/r]. – URL: <http://www.genocide.ru/lib/barsegov/responsibility/v1/425-442.htm>. – T.1.
16. The papers of Woodrow Wilson: vol. 1– 69. / A. S. Link. Ed. J. Wells Davidson and D. W. Hirst.– Princeton, New Jersey: Princeton univ. press., 1992. –Vol. 67.

Статья поступила в редакцию 28.06.11

УДК 9(с)17

Novikov I.A. USE OF REGIONAL APPROACH TO THE STUDY OF THE RUSSIAN EMPIRE MINING INDUSTRY XVIII – EARLY XIX CENTURY. The article reflects the results of a regional approach in the study of mining industry in the Russian Empire XVIII – early XIX centuries and its control system, analyzed the reasons for the creation and evolution of regional governments to the mining and metallurgical industry of Russia in this period, revealed similarities and differences in the various mining and metallurgical regions.

Key words: the regional approach, mining industry, the industrial complex, mountain plants, mining bosses.

И.А. Новиков, канд. ист. наук, доц., Челябинский государственный педуниверситет, г. Челябинск,
E-mail: mns@gasu.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНО ПОДХОДА ПРИ ИЗУЧЕНИИ ГОРНОЗАВОДСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XVIII – НАЧАЛА XIX ВЕКА

В статье отражены результаты применения регионального подхода при изучении горнозаводской промышленности Российской империи XVIII – начала XIX вв. и системы управления ее; проанализированы причины создания и эволюции региональных органов управления горнозаводской промышленностью России в данный период, выявлены общие черты и отличия в различных горнозаводских регионах.

Ключевые слова: региональный подход, горнозаводская промышленность, индустриальный комплекс, горные заводы, горные начальства.

Начиная с 90-х гг. XX в., произошел всплеск интереса к изучению региональной тематики. Благодаря ему, были достигнуты определенные успехи, что позволило изучать характер Российской империи и СССР в различных временных плоскостях. Однако региональный подход до сих пор остается неопределенным в своих методологических основаниях, поэтому о наличии такого направления можно говорить лишь условно. Понятие «регион» крайне неопределенно. Особенно после образования федеральных округов. На такое «звание» претендуют любые территории, принципы выделения которых многообразны и зависят, как от историков, так и в большинстве случаев от региональных политиков. В подавляющем числе исследований способ воображения региона, причины и критерии выделения того или иного пространства не объясняются сколько-нибудь четко и подробно. Достаточно взглянуть на современные карты и школьные атласы, имеющиеся в постсоветских государствах. За этим скрывается убеждение историков, что выбранные ими границы региона «естественны», а не являются плодом их собственного или заимствованного у политиков пространственного воображения. Чаще всего, границы пространства определяются политиками, а исто-

рики лишь подгоняют под официоз свою национальную историю в заданных сверху границах.

Вместе с тем, региональный или национально-региональный подход необходимо рассматривать как направление, которое способствует рассматривать протекание исторических процессов более объективно, акцентируя внимание не только на определенной территории, но и на их совокупности, т.к. ход событий во многом имеет единую основу, но с региональным оттенком. Особенно объективно данный подход проявляется при изучении различных аспектов горнозаводских регионов Российской империи и СССР: Уральского, Олонечского, Алтайского, Забайкальского, Южнорусского (Украинского), Закавказского (Грузинского), Западнорусского (Польского, Белорусского, Литовского). Связано это с тем, что горнозаводская промышленность является стержневой основой развития любого государства. Но при очевидной важности, данная тема не нашла своего отражения в исторической литературе. Региональные историки акцентируют внимание только на протекании процессов на «своей» горнозаводской территории [1].

Начиная с XVIII в., черная и цветная металлургия стали основой промышленного развития Российской империи и

отдельных ее регионов. В начале XXI в. металлургия – это третья по важности отрасль для бюджета России. Мы занимаем ныне четвертое место в мире по выплавке чугуна и стали. До революции уральский и южнорусский (украинский) экономические районы являлись основными горно-металлургическими центрами Российской империи. В настоящий момент они продолжают занимать лидирующие позиции в мировом производстве металла: Урал производит в год 17 млн. т чугуна, что составляет 35 % от общероссийского выпуска и 3,2% от мирового, а Украина – 22,5 млн. т и 4,2% от мирового [2, с. 30, 32].

Горнозаводские регионы – это старопромышленные районы, отличающиеся исторически сложившейся производственной структурой. Именно металлургия даёт основной толчок развитию всей индустрии данных регионов, что стало особенно заметно с вовлечением России и Украины в мировой экономический кризис. На их территории не найти аналогичных примеров столь мощного и во многом определяющего влияния этой отрасли на всё социально-экономическое развитие и территориальную организацию хозяйства. Вместе с тем, металлургия, как и вся экономика России и Украины – основных горнозаводских регионов дореформенной России, в условиях реформирования 90-х гг., переживала острый кризис, во многом аналогичный упадку горнозаводского производства в России конца XVIII, в 60-80-е гг. XIX и в начале XX в. Как и тогда, упадок производства был связан с изменением промышленной политики правительства, экспортной составляющей производства, а также изменением системы управления экономикой.

Развитие горнозаводского производства и его модернизация во многом зависели от потребностей русской армии. Правительство лихорадочно предпринимало меры для снабжения ее новым оружием. Сделать же это могла только горнозаводская промышленность. Потому-то на необъятных просторах России возникали металлургические заводы, расположенные не только у месторождений железных, медных и серебряных руд, но и не слишком далеко от места сбыта, т.к. удаленность от них сказывалась на себестоимости металла и на его своевременной доставке. Необходимо было учитывать и потребность местного населения в металле на вновь присоединенных землях.

К концу XVIII в., благодаря победам в войне в против Османской империи и Польши, Россия сумела существенно расширить свои границы на юге и западе. Это привело к ликвидации в них рынка шведского металла, поскольку Россия установила высокие пошлины на его ввоз из-за границы, придавая, таким образом, большое значение становлению здесь металлургического производства. Результатом этого, стало появление в западнорусских губерниях, в Донбассе и в Закавказье новых заводов.

Но вновь присоединенные земли вдоль побережья Азовского и Черного морей надо было и защищать, и осваивать. В этих малонаселенных землях строились и новые крепости, и портовые города, а на верфях – корабли, нуждавшиеся в большом числе корабельных и крепостных артиллерийских орудий и снарядах. Всё это надо было производить на месте. Их эта задача, благодаря настойчивости Новороссийского генерал-губернатора Г.А. Потемкина (а затем П.А. Зубова) была решена. Организованные ими «поисковики», разведали в степном крае богатые месторождения каменного угля и других полезных ископаемых [3, л. 230]. Их освоение (посредством строительства завода) было поручено (по просьбам командира Черноморского адмиралтейства Н.С. Мордвинова и Новороссийского генерал-губернатора П.А. Зубова) Карлу Карловичу Гаскойну, выходцу из Шотландии, волею судьбы оказавшегося в 1786 г. в России и ставшего во главе Александровского пушечного завода в Карелии, а затем и директором Олонекских, Кронштадтского и Санкт-Петербургского заводов.

14 ноября 1795 г. Екатерина II подписала указ «Об устройстве литейного завода в Донецком уезде», при р. Лугани и об «учреждении ломки найденного там каменного угля», определив сумму на его сооружение – 650 тыс. рублей за счет казны [4, л. 264]. Строительство нового завода поручалось К.К. Гаскойну, на основании заключенного с ним соответствующего контракта [5, л. 13]. В связи с этим, на Александровском заводе в Петрозаводске началось изготовление необходимой техники, а весной 1796 г. на место постройки выехали К.К. Гаскойн, его первый управитель – А. Пикарон, управлявший до этого Кронштадтским заводом, шотландские мастера и рабочие с Олонекских заводов. В 1796 г. были построены дома для директора, мастеровых, склады, шахта в Лисичьем буераке (первая угольная шахта в России).

С самого начала строительства очень остро встал кадровый вопрос. Решался он за счёт мастеровых Олонекских заводов, закрытых из-за безлесья, а также Липецких заводов, Херсонского литейного двора [6, л. 22; 7, л. 32; 4, л. 265]. К.К. Гаскойн установил на строительстве строгую дисциплины, в отношении пьянства рабочих. Он запретил продавать вино и крепкие напитки при рудниках и заводах и выступил за сокращение числа имеющихся здесь кабаков [4, л. 267-267об]. Выступил он и за сокращение всех праздничных дней, определив выходными лишь воскресенье и еще четыре дня в году. Пьяниц он стал лишать «награждения», а ведущих трезвый образ – поощрять. Кроме того, приветствовалось чистота в избах и употребление полпива вместо вина [8, л. 15-16]. Кроме россиян, использовались «в работе» и польские военнопленные. В 1797 г. их было 70 чел. Спустя пять, их осталось 54 чел. После многочисленных просьб, они были отпущены на родину [9, л. 2].

Вновь выстроенный Луганский завод стал поставлять Черноморский флот и крепостям Азовского и Черноморского побережий пушки малых калибров, гранаты и ядра. Помимо этого, он отливал различные чугунные изделия: литые, решетки для печей винокурных заводов, памятники, кресты для церквей и др. [10, л. 15-17]. В работе он использовал привозной уральский чугун, доставлявшийся сюда весной по высокой весенней воде. Попытки организовать здесь свою плавку (на основе местных руд) оказались неудачными. В октябре 1800 г. строительство было закончено и на Украине была задута первая доменная печь. На ней (впервые в истории России и Украины) чугун был выплавлен с помощью каменноугольного кокса. Однако он оказался низкого качества. В дальнейшем попытки получения чугуна на коксе были также неудачными. Поэтому правительство вознамерилось закрыть Луганский (или Александровский) завод. Однако этого, не произошло, но данные «сопоры» очень подорвали здоровье К.К. Гаскойна и 20 июля 1806 г. он скончался [11, л. 32].

Природно-географические условия западно-русских губерний позволяли, как известно, еще с незапамятных времен (используя болотные руды и лесные ресурсы) получать железо. Отсутствие же развитой транспортной системы сильно повышало стоимость привозимого с Урала металла. В этих условиях развитие металлургического производства в западно-русских губерниях было для частных заводоладельцев экономически выгодным делом. Понемногу металл давали четыре завода: Вишневский (И. Хрептовича), Старинковский (А.И. Бенкендорфа), Чернявский (великого князя Николая Николаевича) и Налибокский (Л.П. Витгенштейна). Старейшим предприятием из них был Вишневский завод, на нём домна была задута еще в 1782 г. Он давал в среднем 10 тыс. пудов чугуна и стали. Берг-коллегия периодически рассматривала вопросы об оказании помощи владельцам заводов. Кроме того, металл добывался самими крестьянами из обломков старого железа. Словом, заводы западно-русских губерний и Царства Польского в среднем выплавляли в год до 6% общероссийского металла [12, л. 1-135; 13, л. 1-149; 14, с. 70-73; 15].

Значительная удаленность от центра страны, разбросанность горнозаводских регионов и необходимость контроля за частнозаводчиками понудили правительство создать центральное и региональное горнозаводское управление. В XVIII в. – это были Берг-коллегии, Кабинет Его Императорского Величества, Берг-конторы, Канцелярии заводов и горные начальства. С созданием в 1802 г. министерств, изменилась и структура органов управления горнозаводской промышленностью. Теперь её основой становятся горные правления (из одного или двух департаментов, в зависимости от формы собственности расположенных на подчиненной территории заводов).

Региональные органы горнозаводского управления создавались в зависимости от распространения металлургической промышленности на территории России. Их ядром стали в XVIII – начале XIX вв. сначала «бергамты», а затем – «Канцелярии заводов и горные начальства», а также «горные правления». По своему административно-правовому положению они приравнивались к губернским и провинциальным канцеляриям, берг-конторам, а управители – воеводам. Структура аппарата представляла собой разветвленную сеть «повытий» и приравненных к ним подразделений, которые со времени сливались, разделялись и реорганизовывались. В 20-е гг. XVIII в. возникло повышение, ведавшее Олонекскими Петровскими заводами (в их подчинение попадет с 1795 г. и Луганский завод); 1720 г. – Казанское; 1725 г. – Пермское и Нерчинское; 1736 – Томское и Кузнецкое; 1737 г. – Красноярское; 1747 г. – Колывано-Воскресенское; 1754 г. – Оренбургское; 1764 г. – Гороблагодатское горные начальства [12, л. 1; 16, л. 8; 5, л. 13; 17, с. 219; 18, с. 787].

От губернских и провинциальных властей им были переданы функции сбора по оброчным статьям, рекрутские наборы и сборы лошадей для драгунских команд. К ним поступали десятичный сбор и чрезвычайные подати с заводов. Именно они осуществляли контроль за частными заводами. В их функции состояло и освидетельствование причин остановки домен и вододействующего оборудования на заводах, рассмотрение земельных споров из-за месторождений и рудников, возникавших между казной и заводоладельцами [17, л. 220-221]. Данная региональная структура просуществовала (с небольшими изменениями) до 1781 г. и с 1797 по 1802 гг. – на Урале и до 1828 г. – в Западной Сибири (на Колывано-Воскресенских (Алтайских) заводах).

На Сибирских (Уральских) заводах (до середины XVIII в. Урал считался частью Сибири, и поэтому заводы назывались Сибирскими) местные органы создавались под руководством И.Ф. Близера, В.Н. Татищева и В.И. Геннина. С 1722 по 1734 гг. В.И. Геннин пытался воспроизвести систему управления, которая действовала (под его руководством) на Олонекских заводах. В 1723 г. ими стал руководить Высший горный совет – Сибирский обербергамт (в строящемся Екатеринбурге). Постепенно в новую «столиц» были переведены все органы управления горнозаводским краем. Обербергамт являл собою сложный и разветвленный госаппарат управления, решавший задачи по управлению горнозаводской промышленностью Урала и Сибири. В годы деятельности Сибирского обербергамта были заложены основы местной системы управления горными заводами региона. В его подчинении находились низовые звенья – бергамты.

Подчиненность Екатеринбургу проявлялась и в назначении управителей и руководителей Нерчинского бергамта, а также в проведении ревизий подчиненного учреждения. Чаше всего это происходило в период уменьшения выплавки серебра на заводах. Так, в 1736 г., по решению В.Н. Татищева, на Нерчинский завод, для его осмотра и свидетельства руд, был послан бергмейстер Н.Г. Клеопин, заключивший, что «в силу многих разных рудных признаков ... здешнее место оставить не надлежит» [19, л. 1 об-2]. Это дало толчок для дальнейшего развития Нерчинских заводов.

Промышленный вектор перекинулся в середине 40-х гг. XVIII в. на Южный Урал. В 1744 г. Берг-коллегии и оренбургский губернатор И.И. Неплюев разработали совместное решение по строительству и развитию горных заводов на Южном Урале, но только за счет частной инициативы [20, с. 143]. Позднее, в 1753 г., Сенатским указом их строительство было разрешено не только государству, но и «партикулярным людям» [21, с. 907]. Заводы Южного Урала подчинялись, первоначально, непосредственно Канцелярии Главного правления заводов в Екатеринбурге, а с 1753 г. – Оренбургскому горному начальству, во главе с шихтмейстером А. Степановым [21, с. 899, 907; 22; 23; 24; 25]. В 1755 г. последнее было переведено в Уфу, т.к. «все состоящие в тамошней губернии заводы туда прилежат». Территория Оренбургского горного начальства была охвачена тогда «бунтами башкир». Поэтому заводы представляли собой «мини крепости» [22, л. 11-11 об; 25 об; 62 об; 98].

Передача 1 мая 1747 г. в казну Колывано-Воскресенских горных заводов А.Н. Демидова, привела к образованию одноименной Канцелярии горного начальства, во главе с бригадиром А.В. Безром [26, л. 1]. Но подчинялась она не Берг-коллегии, а Кабинету Е И В [27, с. 700-701]. Связано это было с «производственной» спецификой заводов, добывавших серебро. Канцелярия возглавлялась начальником Колывано-Воскресенских заводов и состояла из общего присутствия и приказных служителей. В подчинении у неё находились горные и заводские конторы и земские управители, через которых осуществлялось руководство всей промышленностью, полицейские и судебные функции (в отношении приписных крестьян и мастеровых заводов и рудников).

Колывано-Воскресенское горное начальство, следуя указаниям Кабинета, постоянно расширяло границы и функции своего ведомства, распространяя административную власть на все большую территорию и на решение самых разнообразных функций. Его руководящим органом выступала Канцелярия – многофункциональное учреждение, осуществлявшее общее и специализированное управление подведомственными заводами, рудниками и населением, обслуживающим их. Она являлась важнейшим компонентом местной административно-хозяйственной системы, олицетворяя собой высший региональный уровень власти в регионе. Канцелярия состояла из присутствия и собственно канцелярии [28, с. 113-114]. Однако, некоторые важные вопросы решал сам главный командир. Таким образом, подлинного равенства между членами присутствия не существовало. Его центральной фигурой был главный командир Колывано-Воскресенского горного начальства. Назначаемый лично монархом, он обладал широкими полномочиями и был фактически высшим должностным лицом «горнозаводской» Западной Сибири.

С проведением Екатериной II губернской реформы и унификацией, управления Канцелярии заводов и горные начальства были (вслед за Берг-коллегией) закрыты. 23 марта 1783 г. Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства была упразднена, а ее функции переданы Горной экспедиции Колыванской губернии для управления рудниками и заводами. Образование последней бфло связано с реформой административно-хозяйственного управления территорий, рудниками и заводами Колывано-Воскресенского горного округа, в результате чего «свет» увидела Колыванская область и органы управления ею – казенный и судебный департаменты. Горная экспедиция вошла в состав казенного департамента [29, с. 874 – 875].

В 1785 г. в подчинение начальника Колывано-Воскресенских заводов перешла Горная экспедиция, ему предоставлялись все полномочия по руководству местными заводами, горнозаводской промышленностью и населением [30, л. 18-21]. Нерчинские заводы, как и Алтайские, находились у Кабинета на особом положении. 5 января 1787 г. Екатерина II подписала указ «Об отдаче Нерчинских заводов в ведомство

Кабинета Его Императорского Величества». Причиной передачи стала специфика заводского производства и поиск новой формы хозяйственного управления. Заводы были переданы под особое распоряжение генерал-майора М.Ф. Соймонова и управлялись как и Кольвано-Воскресенские [31, с. 787]. Вместо канцелярии, ими стала управлять горная Нерчинская экспедиция. Из-под ее юрисдикции отошли земские дела, «управление одними только горными и воинскими чинами и мастеровыми всякими заводскими людьми». Спустя год, 10 февраля 1788 г., эти обязанности Нерчинской горной экспедиции были подтверждены [19, л. 4 об-5].

Переход горных заводов под управление Горных экспедиций при Казенных палатах привел к падению производства, остановке и закрытию заводов. Всё это случилось из-за «невыполнения горных и заводских работ по независимости их от заводской команды воспоследовали немалые упущения и затруднения» [26, л. 115 об.]. Поэтому в 1797 г. Канцелярии были вновь восстановлены [32, с. 507], а Кольвано-Воскресенские и Нерчинские горные заводы переданы из ведомства Кабинета – Берг-коллегии. Для их руководства была учреждена (при Берг-коллегии) Экспедиция Кабинетских заводов во главе с А.Ф. Дерябиным [33, л. 681-681 об.].

Еще в период строительства Луганского завода начали создаваться будущие органы его управления. В 1795 г. был учрежден штат завода, а при Екатеринославской казенной палате – создана Горная экспедиция для управления литейным заводом [34, л. 35]. Открытие правления завода состоялось 5 августа 1798 г. В его обязанности входило, «все, что до соблюдения хорошего хозяйства касаться может, что полезно Императорскому Величеству...»: оно должно было следить за своевременной выдачей жалованья чиновникам, английским и русским мастерам, воинской команде, чтобы заводские строения содержались в прочности, вести заводскую корреспонденцию, предупреждать все недостатки в действии... завода, в первый день каждого месяца свидетельствовать заводскую казну по приходным и расходным книгам, заботиться о больнице и наблюдать за выполнением работ приписными крестьянами [34, л. 41-41 об.].

Новым начальником завода был назначен Я.Х. Нилус (возглавит завод до 1822 г.) [8, л. 4]. Но руководил он заводом уже в других условиях, т.к. в соответствии с реформой горнозаводского управления и принятием Проекта горного положения 1806 г., произошла реорганизация центрального и регионального горнозаводского управления.

Благодаря деятельности К.К. Гаскойна, на рубеже XVIII-XIX вв. и в течение первых десятилетий XIX в., Луганский завод оставался на уровне передовых заводов Европы. К.К. Гаскойн сочетал в себе разносторонние технические знания и редкий организаторский талант. Создание крупной металлургической и машиностроительной промышленности, строительство первых российских паровых машин, преобразования в области мер и весов, организация монетного дела с помощью паровых двигателей – такова только часть его заслуг. Он воспитал целую плеяду учеников, как шотландцев, так русских, которые определили развитие Олонецких и Луганского заводов в первой половине XIX в. К. К. Гаскойн, несомненно, был одной из наиболее значительных фигур среди горноза-

водских руководителей второй половины XVIII – первой половины XIX вв. Благодаря ему, была заложена база для развития металлургической, горнодобывающей и машиностроительной промышленности Украины, вышедшей во второй половине XIX в. на передовые позиции в России и оставалась таковой до крушения СССР.

В XVIII в. происходил, как видим, поиск оптимальной системы управления, что, в конечном итоге, привело не только установлению трехступенчатой структуры (Канцелярия – Горное начальство – заводская контора), но и к повышению роли горного начальника. Но это были лишь внешние очертания, и правительство продолжало искать пути для преобразования не только местных, но и центральных органов власти горнозаводской промышленности. Поскольку усиление единоначалия и коллегиальный способ управления нередко вступали в противоречие друг с другом, то появление Берг-коллегии и Канцелярий заводов правления можно характеризовать как переходный этап в системе управления горнозаводскими регионами.

С принятием Проекта горного положения 1806 г. происходит централизация регионального горнозаводского управления. Создается Горный департамент, с 1811 г. – Департамент горных и соляных дел. Основное направление реформы было направлено на Уральский горно-металлургический район. В соответствии с ним, вся территория страны делилась на горные области, одной из которых стала Западная. В 1816 г. управление горною частью в Царстве Польском было поручено Главной горной дирекции (с центром в г. Кельц), подчиненной департаменту ремесел и искусств при Комиссии внутренних дел [35, л. 9 об.]. В 1828 г., в соответствии с «Учреждением управления Кольвано-Воскресенских горных заводов» их Канцелярия преобразуется в Кольвано-Воскресенское горное правление [36]. После присоединения в 1801 г. Грузии к России, последовал указ «Об учреждении горного производства в Грузии» и там была учреждена в 1816 г. Горная экспедиция для заведывания горными делами. Ведению ей подлежали горные и минеральные промыслы в Закавказье [35, л. 8-8 об.].

Таким образом, центральные и региональные органы управления горнозаводской промышленностью и горнозаводскими регионами Российской империи, созданные в XVIII веке, трансформировались и модернизировались в начале XIX в., исходя из потребностей времени и промышленности. Методы управления во многом определялись уровнем развития общества. Поэтому они являлись общими для различных органов власти – светских и духовных, казенных и частных. Чем сильнее централизовывалась и бюрократизировалась государственная система управления, тем более унифицированно она относилась к своим низовым звеньям. Кроме того, управление всегда являло собой универсальную проблему, внимание к которой всегда усиливается на переломных этапах общественного развития. Анализ его специфических форм обогащает понимание предмета, способствует принятию необходимых решений в современной практике национально-регионального управления, что позволяет отходить от превалирования политико-идеологических тенденций над научными.

Библиографический список

1. Кричевцев, М.В. Кабинетная система центрального управления горнозаводским хозяйством Урала и Сибири во второй половине XVIII в. Автореф. дис. кин. Екатеринбург, 1995; Тороп В.В. Система управления частными горнозаводскими хозяйствами Среднего Урала в первой половине XIX в. Автореф. ... дис. кин. Екатеринбург, 1999; Зубков К.И., Корепанов Н.С., Побережников И.В., Тулисов Е.С. Территориально-экономическое управление в России XVIII – начала XX века. Уральское горное управление. М., 2008; Тулисов Е.С. История управления горнозаводской промышленностью Урала на рубеже XVIII и XIX веков. Екатеринбург, 1999; Соболева Т.Н., Разгон В.Н. Очерки истории кабинетского хозяйства на Алтае: (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.): управление и обслуживание. Барнаул, 1997 и др.
2. Запарий, В.В. История черной металлургии Урала. 90-е гг. XX века. – М., 2003.
3. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 271. Оп. 1/3. Д. 2199.
4. Там же. Д. 2203.
5. Там же. Оп. 1/6. Д. 2988.
6. Государственный архив Луганской области (ГАЛО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2.
7. Там же. Д. 103.

8. Там же. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 487.
9. Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 97.
10. Там же. Д. 69.
11. Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. 37. Оп. 5. Д. 50/261.
12. РГАДА. Ф. 271. Оп. 2. Д. 781.
13. Там же. Оп. 1/6. Д. 3005.
14. Киштымов А.Л. Урал и судьбы черной металлургии Беларуси в XIX в. // Три столетия уральской металлургии. – Екатеринбург, 2001.
15. Гагемейстер Ю. О торговле железом в России // Коммерческая газета. 1856. НА РК. Ф. 37. Оп. 5. Д. 2/9.
16. Корепанов Н.С. Уральское горное управление // Уральский исторический вестник. – 1996. – № 3.
17. ПСЗ-1. Т. 22. № 16496.
18. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1/6. Д. 3083.
19. Материалы по истории Башкирской АССР. М., 1956. – Т. IV. Ч. 2.
20. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ-1). – Т. 13. № 10141.
21. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 115. Оп. 1. Д. 11.
22. Там же. Д. 29.
23. Там же. Д. 30.
24. Там же. Д. 142.
25. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1/6. Д. 3081.
26. ПСЗ-1. Т. 12. № 9403.
27. Пережогин А.А. Канцелярия Горного начальства в системе управления Колывано-Воскресенских заводов (1747-1780 гг.) // Ползуновский альманах. – Барнаул, 2004. – № 2.
28. ПСЗ-1. Т. 21. № 15679.
29. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 163. Оп. 1. Д. 59.
30. ПСЗ-1. Т. 22. № 16496.
31. Там же. Т. 24. № 17862.
32. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1/5. Д. 2719.
33. Там же. Оп. 1/6. Д. 2973.
34. РГИА. Ф. 37. Оп. 67. Д. 144.
35. ПСЗ-2. – Т. 3. – № 1960.

Bibliography

1. Krichevcev, M.V. Kabinetnaya sistema central'nogo upravleniya gornozavodskim khozyaystvom Urala i Sibiri vo vtoroy polovine XVIII v. Avtoref. dis. kin. Ekaterinburg, 1995; Torop V.V. Sistema upravleniya chastnymi gornozavodskimi khozyaystvami Srednego Urala v pervoy polovine XIX v. Avtoref. ... dis. kin. Ekaterinburg, 1999; Zubkov K.I., Korepanov N.S., Poberezhnikov I.V., Tulisov E.S. Territorialno-ehkonomicheskoe upravlenie v Rossii XVIII – nachala XX veka. Ural'skoe gornoe upravlenie. M., 2008; Tulisov E.S. Istoriya upravleniya gornozavodskoy promyshlennost'yu Urala na rubezhe XVIII i XIX vekov. Ekaterinburg, 1999; Soboleva T.N., Razgon V.N. Ocherki istorii kabinetnogo khozyaystva na Altai: (vtoraya polovina XVIII – pervaya polovina XIX vv.): upravlenie i obsluzhivanie. Barnaul, 1997 i dr.
2. Zapariy, V.V. Istoriya chernoy metallurgii Urala. 90-e gg. XX veka. – M., 2003.
3. Rossiyskiy gosudarstvenniy arkhiv drevnikh aktov (RGADA). F. 271. Op. 1/3. D. 2199.
4. Tam zhe. D. 2203.
5. Tam zhe. Op. 1/6. D. 2988.
6. Gosudarstvenniy arkhiv Luganskoy oblasti (GALO). F. 1. Op. 1. D. 2.
7. Tam zhe. D. 103.
8. Tam zhe. F. P-2. Op. 1. D. 487.
9. Tam zhe. F. 1. Op. 1. D. 97.
10. Tam zhe. D. 69.
11. Nacionalniy arkhiv Respubliki Kareliya (NA RK). F. 37. Op. 5. D. 50/261.
12. RGADA. F. 271. Op. 2. D. 781.
13. Tam zhe. Op. 1/6. D. 3005.
14. Kishtimov A.L. Ural i sudbiny chernoy metallurgii Belarusi v XIX v. // Tri stoletiya uralskoy metallurgii. – Ekaterinburg, 2001.
15. Gagemeyster Yu. O torgovle zhelezom v Rossii // Kommercheskaya gazeta. 1856. NA RK. F. 37. Op. 5. D. 2/9.
16. Korepanov N.S. Ural'skoe gornoe upravlenie // Ural'skiy istoricheskiy vestnik. – 1996. – № 3.
17. PSZ-1. T. 22. № 16496.
18. RGADA. F. 271. Op. 1/6. D. 3083.
19. Materiali po istorii Bashkirskoy ASSR. M., 1956. – Т. IV. Ch. 2.
20. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii (PSZ-1). – Т. 13. № 10141.
21. Gosudarstvenniy arkhiv Sverdlovskoy oblasti (GASO). F. 115. Op. 1. Д. 11.
22. Там же. Д. 29.
23. Там же. Д. 30.
24. Там же. Д. 142.
25. RGADA. F. 271. Op. 1/6. Д. 3081.
26. PSZ-1. Т. 12. № 9403.
27. Perezhogin A.A. Kancelyariya Gornogo nachalstva v sisteme upravleniya Kolihvano-Voskresenskikh zavodov (1747-1780 gg.) // Polzunovskiy aljmanakh. – Barnaul, 2004. – № 2.
28. PSZ-1. Т. 21. № 15679.
29. Gosudarstvenniy arkhiv Altayskogo kraya (GAAC). F. 163. Op. 1. Д. 59.
30. PSZ-1. Т. 22. № 16496.
31. Там же. Т. 24. № 17862.
32. RGADA. F. 271. Op. 1/5. Д. 2719.
33. Там же. Оп. 1/6. Д. 2973.
34. РГИА. F. 37. Оп. 67. Д. 144.
35. PSZ-2. – Т. 3. – № 1960.

Статья поступила в редакцию 08.08.11

УДК 94 (571.1)

Nekrasov V.L. MODEL OF REGIONAL POLICY AND SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF REGIONS IN THE NORTH OF WESTERN SIBERIA (1957 – 1965). In this paper, based on documents and records of federal and regional archives – estimated model of regional politics and issues of industrial modernization of Tomsk and Tyumen regions in 1957–1965 years.

This article was prepared with financial support from RFBR, project «Industrial modernization of the northern regions of Western Siberia in the 1950s – the first half of 1960s», № 10-06-90713 and «Methodological problems in applying the concepts and methods of synergetic to analyze the industrial modernization of Siberian regions», № 11-06-90735.

Key words: North of Western Siberia, regional policy, industrial modernization, the model of socio-economic transformation.

В.Л. Некрасов, канд.ист. наук, с.н.с. Сургутского государственного педагогического университета, г. Сургут, E-mail: katon1981@yandex.ru

МОДЕЛИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1957–1965 гг.)

В данной статье на основе документов и материалов федеральных и региональных архивов – оцениваются модели региональной политики и проблемы индустриальной модернизации Томской и Тюменской областей в 1957–1965 гг.

Ключевые слова: Север Западной Сибири, региональная политика, индустриальная модернизация, модели социально-экономической трансформации.

«Великое десятилетие» в социально-экономическом развитии регионов Сибири аккумулировало разнонаправленные тенденции. С начала 1950-х гг. вновь обозначилась, прерванная Великой Отечественной войной, тенденция движения производительных сил на Восток. В государственной индустриальной и региональной политике доминирующей выступала цель подчинять региональное развитие общегосударственным интересам, одновременно регионы также накапливали социально-экономический и политический потенциал и начинали проявлять свою активность и самостоятельность. Этому способствовали, изменения в системе государственного управления в СССР, демонтаж отраслевой системы управления и создание новых механизмов регионального развития, связанный с решением проблем комплексного освоения территорий Сибири.

По единому мнению сибирских историков, т.н. «совнархозовский» период (1957–1965 гг.) имел большое значение для краев и областей Сибири [1, с. 98]. Несмотря на определенную ограниченность реформы управления промышленностью и строительством 1957 г., [2, с. 279] совнархозы придали новый импульс реализации принципа комплексности в региональном развитии. По словам А.Б. Коновалова, «в Сибири их руководители проявляли заинтересованность не только в развитии традиционных отраслей экономики, но и в развертывании принципиально новых производств, которые должны были стать источников социального развития провинции» [3, с. 372].

Ликвидация министерств и создание совнархозов расширило возможности региональных партийных и советских органов власти в определении приоритетов социально-экономического развития территорий. По инициативе партийных и советских органов начали активно разрабатываться региональные социально-экономические программы. Партийные руководители сибирских регионов стремились обосновать необходимость комплексного развития своих территорий, всячески способствовали проведению в них научных экспедиций и изысканий, организации конференций по изучению производительных сил, лоббировали строительство на подведомственных территориях промышленных предприятий и инфраструктурных объектов союзного значения. Иными словами, в 1957–1965 гг. необходимо признать существование региональной политики, проводимой центральными государственными органами власти и региональную политику местных партийных, советских и хозяйственных органов власти в отношении собственной территории [4, с. 552–553].

В «великое десятилетие» государственная индустриальная и региональная политика предусматривала широкомасштабное освоение восточных районов (Западная и Восточная Сибирь, Дальний Восток, Казахстан и Средняя Азия) [5, л. 1–5].

Директивы шестого пятилетнего плана (1956–1960 гг.) предполагали превращение Сибири в крупнейшую базу по

добыче угля и производству электроэнергии, создание третьей металлургической базы, современных центров машиностроения и химической промышленности [6, с. 82–83].

Несмотря на известный провал в выполнении шестого пятилетнего плана, в том числе кардинальное сокращение капитальных вложений по основным отраслям промышленности в восточных районах [4, с. 24], и фактическое признание советским правительством в нереальности достижения плановых показателей [7, с. 536], в высшем советском руководстве не отказывались от реализации программ освоения Сибири. 19 сентября 1957 г. на заседании Президиума ЦК было принято решение о разработке перспективного плана развития народного хозяйства СССР. В тот же день было принято Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О разработке перспективного плана развития народного хозяйства СССР на 1959–1965 гг.» [8, с. 688–691]. Данное постановление не получило, наш взгляд, должной оценки в отечественной историографии [9, с. 193–194], между тем, в постановлении и тексте сообщения ЦК КПСС и Совета Министров СССР, опубликованном 26 сентября 1957 г. в «Правде», определялся новый механизм индустриальной и региональной политики, включавший семилетнее планирование, совнархозы, новые приоритеты структурного и пространственного развития советской экономики. Восточные районы страны, и в первую очередь Сибирь выступили пространством, где совнархозы должны были продемонстрировать свои возможности, как экономические органы, заинтересованные в комплексном использовании ресурсов и развитии промышленности территорий [1, с. 131].

Во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг. в Сибири быстрыми темпами продолжался процесс индустриального обновления на основе реализации индустриальных, энергетических, сырьевых, инфраструктурных проектов, создания транспортных коридоров. Крупнейшими проектами, реализуемыми в Сибири в 1957–1965 гг. являлись строительство гидроэлектростанций на реках Ангара, Енисей, Обь, и создание на их базе энергоемких комплексов в сфере металлургии, химической промышленности, машиностроения, строительство Западно-Сибирского металлургического комбината в Новокузнецке, создание нового научного центра в Новосибирске, электрификация магистрали Москва-Байкал и др. [4, с. 330–345].

Новые промышленные агломерации Сибири (Кемерово, Красноярск, Новосибирск, Омск) смыкаясь с промышленными агломерациями Урало-Поволжья, образовывали производственный хребет советской экономики.

Лидерами индустриального развития Западной Сибири на рубеже 1950–1960-х гг. выступали Кемеровская и Новосибирская области – около $\frac{1}{3}$ и около $\frac{1}{5}$ валовой промышленной продукции соответственно. В Восточной Сибири 80% валовой промышленной продукции производилось в Красноярском крае и Иркутской области [10, с. 66, 67].

Север Западной Сибири находился на периферии индустриального обновления экономики Урала и Сибири. В середине 1950-х гг. Тюменская и Томская области представляли собой аграрно-индустриальные территории с неразвитой промышленностью, пространственной дихотомией между южными и северными районами. В 1960 г. доля Тюменской и Томской областей в промышленном производстве Западно-Сибирского экономического района составила 10% [10, с. 66].

В 1956 г. население Тюменской области составляло 1,088 млн. человек, в том числе городское – 307,9 тыс. (28,3%) и сельское – 780,2 тыс. (71,7%). В 1960 г. доля городского населения возросла до 34% [11, с. 13]. Из 750,8 тыс. человек, проживавших в Томской области, городское население составляло 316,2 тыс. (42,1%), сельское – 434,6 тыс. (57,9%). В 1959 г. доля городского населения выросла до 359,9 тыс. человек (48%) [12, с. 7; 22, с. 5]. Однако, в целом темпы урбанизации данных регионов отставали от роста городского населения в РСФСР, Урала, Западной и Восточной Сибири, где доля городского населения в 1959 г. составила 52%, 62%, 51%, 52% соответственно [13, с. 139, 187]. Следует отметить, что отличительной чертой формирования населения Тюменской области в конце 1950-х – первой половине 1960-х гг. являлось отрицательное сальдо миграционного обмена [14, с. 54].

В 1950-е гг. в экономике Тюменской области доминировали традиционные, низкотехнологические, трудоемкие отрасли, – лесная, рыбная промышленность, переработка сельскохозяйственной продукции, судостроительная и судоремонтная промышленность [15, л. 11-16]. В Тюменской области отсутствовала соответствующая масштабному промышленному строительству энергетическая база [16, л. 8-9].

Наибольший удельный вес промышленных рабочих в 1955 г. среди отраслей промышленности приходилось на лесную промышленность (лесоразработки и деревообработка) – 48%, в пищевой промышленности – 22%, машиностроении и металлообработке – 15%, на остальные отрасли приходилось 15% рабочих. К 1960 г. положение несколько изменилось, но в структуре занятых, по-прежнему лидировала лесная промышленность – 37% занятых, в отрасли работало 40 тыс. человек, пищевая промышленность – 23%, машиностроение и металлообработка – 18%, остальные отрасли – 22% [11, с. 8; 1, с. 111]. В традиционных отраслях промышленности было сосредоточено около половины основных производственных фондов и 60% всех промышленных рабочих [11, с. 92].

Иными словами, следует согласиться с оценкой, что на рубеже 1950-1960-х гг. Тюменская область продолжала оставаться «типичной сибирской глубинкой со слабо развитой промышленностью и сельским хозяйством» [17, с. 203].

В записке Тюменского обкома КПСС и Тюменского облисполкома, направленной 13 февраля 1956 г. секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущеву и Председателю Совета Министров СССР Н.А. Булганину, подчеркивали, что Тюменская область представляет собой географически исключительно выгодный для промышленного и сельскохозяйственного развития, находящийся между крупнейшими угольно-металлургическими базами Кузбасса и Урала, связанный с ними и центральными районами страны железнодорожной магистралью [18, л. 2]. Однако фактически эти «преимущества» выступили ее недостатками, – территория удалена от угольных баз Сибири, имеющиеся месторождения торфа и бурого угля имели небольшое экономическое значение, область примыкала к слабо развитым районам Свердловской области, Коми АССР на западе, Томской области и Красноярского края на востоке, сельскохозяйственным районам Казахстана на юге, $\frac{9}{10}$ территории было оторвано от железнодорожной сети.

Таким образом, на рубеже 1950-1960-х гг. в экономике Тюменской области отсутствовали сильные факторы, способствующие ее индустриальному обновлению.

На рубеже 1950-1960-х гг. структура экономики Томской области носила более многоукладный характер. С одной сто-

роны, в народном хозяйстве сложился сектор традиционных отраслей – лесная, пищевая, рыбная, легкая промышленность, определявших экономический облик территории, но с другой, в структуре промышленности Томской области сложились машиностроение, химическая промышленность. В Томске насчитывалось 24 крупных предприятия союзного и республиканского подчинения, не считая предприятий местной промышленности [19, л. 76; 10, с. 145]. Основная проблема этих предприятий заключалась в том, что большинство из них были эвакуированы в Томскую область в годы Великой Отечественной войны, располагались в старых и непригодных помещениях и требовали реконструкции [20, л. 12, 13, 18, 19].

В 1955 г. наибольшая доля промышленных рабочих была занята в лесной промышленности – 41,6%, машиностроении и металлообработке – 28,4%, пищевой промышленности – 10,2%, на остальные отрасли приходилось – 23,8% рабочих [21, с. 7]. К концу десятилетия структура распределения промышленных рабочих осталась прежней.

Фактором, оказывающим существенное влияние на размещение промышленности в Томской области, являлась транспортная неосвоенность территории и неразвитая железнодорожная связь с другими регионами.

Особенностью промышленности Томской области являлось наличие высокотехнологического предприятия военно-промышленного комплекса – «Сибирский химический комбинат» [21, с. 205]. Однако, как известно, атомные объекты представляли собой «государство в государстве», функционировали изолировано от территории, обеспечивая решение задач не связанных с нуждами местной экономики [22, с. 267].

Более важным фактором, оказывающим положительное влияние на социально-экономическое развитие Томской области, и в особенности г. Томска являлось то обстоятельство, что в середине 1950-х гг. «в Томске было размещено 6 вузов, 6 научно-исследовательских институтов, 20 техникумов с количеством студентов свыше 30 тысяч человек», работало более полутора тысяч научных работников. В 1957 г. при обсуждении в Бюро ЦК КПСС по РСФСР вопроса о размещении Сибирского отделения АН СССР Томск рассматривался как «крупный научный центр с большими результатами в области исследовательской деятельности» и как возможное месторасположения нового крупного научного центра в Сибири [23, л. 58].

Таким образом, экономико-географическое положение Томской области в конце 1950-х гг. было противоречивым. С одной стороны, выгодное географическое положение области на границе Западной и Восточной Сибири, вблизи угольных и металлургических районов Кузбасса. Наличие крупных промышленных предприятий и научно-образовательного комплекса создавали определенные условия для создания в Томской области территориально-производственного комплекса. Но, с другой стороны, преимущества были ограничены в связи с неразвитостью транспортной инфраструктуры, кроме сезонного водного транспорта, что затрудняло экономическое развитие территории [24, л. 227]. Пограничное расположение области между Западной и Восточной Сибирью сильно ограничивало реализацию каких-либо крупных индустриальных, сырьевых проектов на этой территории. Так как находящиеся рядом Кемеровская, Новосибирская области, уже занимали нишу крупных центров металлургии и машиностроения, при этом их накопленный потенциал превосходил потенциал Томской области.

Таким образом, партийные руководители Тюменской и Томской областей не имея сильной индустриальной базы, и как следствие, имея неразвитую инфраструктуру территории и нерешенные социально-экономические проблемы, уже в начале 1950-х годов начинают выдвигать в качестве приоритета своей региональной политики крупные индустриальные проекты. Они стремятся привлечь капитальные вложения на реализацию этих проектов и заручиться соответствующей под-

держкой в ЦК КПСС, Совете Министров СССР, Госплане СССР, а также во всех заинтересованных комитетах и ведомствах.

В конце 1950-х годов у местных руководителей Тюменской и Томской областей появляется возможность реализовать стратегические варианты регионального развития и улучшить социально-экономические условия своих территорий, через организацию в областях совнархозов. Тюменские и Томские региональные руководители в ситуации формирования этих хозяйственных структур, высказала мнение о необходимости создания совнархозов в рамках их территорий [25, л. 89].

С организацией советов народного хозяйства в административных границах Тюменской и Томской областей, партийные руководители этих территорий, начинают все активнее, в рамках своей региональной политики, выдвигать на центральном уровне стратегические варианты развития, суть которых заключалась в развертывании на этих территориях новых крупных производств и создание территориально-производственных комплексов.

Как следует из докладной записки «О комплексном развитии производительных сил Тюменской области», которая была направлена 28 февраля 1956 года секретарем Тюменского обкома В.В. Косовым и председателем Тюменского облисполкома Д.Н. Крюковым в адрес секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева и Председателя Совета Министров СССР Н.А. Булганина, в качестве вариантов индустриальных развития территории предлагали ряд альтернативных проектов. Руководители Тюменской области предлагали создание новой угольно-металлургической базы в регионе на основе Северо-Сосьвинского бурогоугольного бассейна, ориентировочные запасы которого исчислялись в 50 млрд. тонн, развитие энергетики на базе открытых бурых углей Северного и Полярного Урала, газовых месторождений Березовского района и гидроресурсов рек Иртыш и Обь, на которых должны были быть возведены гидроэлектростанции, обеспечивавшие в дальнейшем электроэнергией весь Урал, Печору и новый угольно-металлургический бассейн Тюменской области [26, л. 1-7]. Фактически эти же предложения В.В. Косов изложил в статье в «Правде» 26 апреля 1957 г., в которой обосновывал необходимость создания совнархоза в административных границах Тюменской области [27, с. 3].

14 января 1959 года партийно-советским руководством Тюменской области была подписана докладная записка «Об освоении естественных богатств и заселении малообжитых районов Тюменской области». Записка была подготовлена с целью включения хозяйственных проектов области в будущий семилетний план развития народного хозяйства по федерации. Она была направлена заместителю председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР А.Б. Аристову, председателю Госплана СССР И.И. Кузьмину, председателю Совета Министров РСФСР Д.С. Полянскому, председателю Госплана РСФСР В.Н. Новикову.

В этой докладной записке конкретизировались ранее выдвинутые предложения.

Во-первых, следует отметить предложение об организации промышленной эксплуатации газа Березовского газового месторождения и усиления разведки на нефть в этом районе. Анализируя данный пункт записки можно заметить возрастание приоритетности данного предложения, в связи с увеличением ресурсов обеспечивающих его реализацию с 4 млрд. кубометров в 1956 г. до 21 млрд. в 1959 г. с перспективой дальнейшего роста [28, л. 3-4].

Во-вторых, появляется предложение о строительстве в регионе Нижнее – Обской ГЭС мощностью 5-6 млн. кВт в районе г. Салехард. Как отмечается в записке, «эта ГЭС находясь рядом с Уралом и Печорским бассейном, а отсюда близко к северным промышленным районам сыграет огромную роль в их развитии, и, она необходима даже более, чем строящаяся Братская ГЭС на реке Ангара» [28, с. 5].

В данных докладных записках проявилась особенность проводимой партийными руководителями области в конце 1950-х гг. региональной политики, заключающаяся в сильной ориентации на промышленную базу Урала и Печоры, иногда, как в случае с Нижнее – Обской ГЭС, даже в ущерб интересам области.

Данное положение объясняется тем, что в конце 1950-х гг. руководство Тюменской области, и в частности, первый секретарь обкома В.В. Косов, в ситуации когда Госплан СССР и министерства не были заинтересованы в реализации крупных индустриальных проектов в тяжелых природно-климатических условиях региона и ограничивались обычно принятием постановлений и отводом земельных участков под промышленные площадки, стремилось за счет усиления экономической интеграции с более сильным регионом, каким являлась Свердловская область, и даже в какой то мере путем ограничения своих хозяйственных и управленческих прав, реализацией не всегда выгодных проектов, улучшить экономическое положение своей области, хозяйственно привязав ее к более сильной территории. Так в одной из докладных записок на имя первого секретаря Н.С. Хрущева В.В. Косов просил при «окончательном рассмотрении вопросов экономического районирования и организации территориальных управлений промышленности и строительства отнести Тюменскую область к Свердловскому управлению, так как территориально и экономически область связана с Уралом» [29, л. 19].

Тем не менее, с начала 1960-х годов в качестве основного стратегического варианта развития области стал рассматриваться нефтегазовый вариант. Данный выбор был связан как со сменой партийного руководства в Тюменской области, вместо отправленного в отставку В.В. Косова, в 1961 г. первым секретарем Тюменского обкома стал Б.Е. Щербина, так и с происходившими в народном хозяйстве СССР объективными процессами и достижениями геологов в поиске нефти и природного газа в Тюменской и Томской областях.

Усилились потребности народного хозяйства СССР в большом объеме нефти и природного газа. В конце 1950-х – первой половине 1960-х гг. усилился дефицит нефтепродуктов и природного газа. Уже в середине 1950-х гг. в ряде экономических районов Северо – Запада, Юга и Сибири рост промышленного производства и развитие транспорта вызвали напряженность в энергетическом балансе [30, л. 34, 35]. По данным Государственного научно-экономического совета, к началу 1960-х гг. в Уральской, Кузбасской, Иркутской, Красноярской, Карагандинской, Центральной, Южной, Ленинградской, Прибалтийской, Кольской и Карельской энергетических системах создалось напряженное положение с обеспечением электроэнергией народного хозяйства [31, л. 2].

В Тюменской области наблюдался постоянный рост разведенных запасов нефти и природного газа. В Западной Сибири за 1961-1964 гг. было открыто 27 нефтяных месторождений и подготовлены запасы нефти промышленных категорий, выявлены крупнейшие месторождения природного газа. У нефтегазового варианта развития территории в Западной Сибири в конце 1950-х – начале 1960-х гг. не было конкурентов, так, как региональные власти тех областей Западной Сибири, где шла разведка на нефть и природный газ, т.е. Новосибирской и Омской, без инициативы относились к подобным проектам, занимаясь развитием оборонных предприятий, перебазированных в годы войны с запада и оставшихся в Новосибирске и Омске [32, с. 50]. Руководство Томской области, на севере которой располагались потенциальные запасы нефти и природного газа, серьезно не занималось развитием этого проекта.

Наиболее существенным фактором являлась поддержка в реализации этого проекта, оказанная заинтересованными в нефтегазовых ресурсах центральных хозяйственных субъектов, способных добиться выделения, на реализацию проекта освоения, необходимых материальных ресурсов. Наиболее

заинтересованными в тюменской нефти и газе в данный период можно считать несколько центральных комитетов и ведомств. Во-первых, это Главгеология РСФСР. Данному ведомству были необходимы новые перспективные территории, которые обеспечили бы выполнение плановых показателей на семилетку. Во-вторых, Главгаз СССР, который в 1957 г. возглавил А.К. Кортуннов, активно отстаивавший необходимость развития самостоятельной газовой отрасли. Для быстрого развития нового ведомства необходимы были проекты обеспеченные промышленными запасами природного газа.

Также и в высшем партийно-государственном руководстве находились влиятельные сторонники освоения Западно-Сибирской нефтегазовой провинции.

Таким образом, именно альтернативный подход региональных властей, дал возможность территории, не останавливаясь на одном лишь варианте социально-экономического развития области, выбрать наиболее перспективный. Усиление собственной хозяйственной политики, потребности экономики народного хозяйства в большом объеме эффективных энергоресурсов, постоянный рост разведанных запасов нефти и газа в регионе, отсутствие конкуренции, способствовали сосредоточению внимания на нефтегазовом варианте включения территории в индустриальную сферу, как самом быстром и эффективным, с точки зрения поддержки центральных властей.

Региональные руководители Томской области во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х годов, как и руководители Тюменской, искали оптимальные варианты развития территории, выдвигаемые проекты промышленного развития преимущественно также носили сырьевую направленность.

Изначально региональные власти в качестве стратегического варианта развития территории избрали развитие горно-металлургического комплекса. Суть, которых заключалась в реализации на территории области комплексных производств по добыче и переработке черных и цветных металлов.

Такая региональная политика была продиктована несколькими обстоятельствами, сложившимися на центральном и региональном уровне.

Директивами XX съезда КПСС было установлено расширить минерально-сырьевые базы всех металлов и, прежде всего в восточных районах страны, а также обеспечить высокие темпы роста производства всей номенклатуры черных и цветных металлов. На Внеочередном XXI съезде КПСС Н.С. Хрущев отметил, что «на строительство и реконструкцию предприятий черной и цветной металлургии предполагается вложить средств больше, чем их было вложено за прошедшие 30 лет». Предусматривалось поднять добычу железной руды примерно в 2 раза.

К этому моменту на территории области были открыто уникальное Бакcharское железорудное месторождение, с запасами руды в 110 млрд. тонн, из которых 40 млрд. тонн были пригодны для открытых разработок. Также было открыто крупное Туганское промышленное месторождение цветных металлов, с утвержденными запасами 58 млн. тонн.

У избранного варианта, как предполагали региональные власти, существовало мало конкурентов, особенно в восточной части страны. Обоснование этого тезиса отчетливо прослеживается в записке направленной первым секретарем Томского обкома В.А. Москвиным 11 сентября 1957 года министру геологии и охраны недр СССР П.Я. Антропову: «Томская область располагает крупнейшей минерально-сырьевой базой, развитие которой, безусловно, еще необходимо и потому, что область является своеобразным форпостом, от которого ведется завоевание таежно-болотистых слабо заселенных обширных пространств, простирающихся на запад, север, северо-восток. Ни одна другая из соседних областей, (исключая Кемеровскую, богатую полезными ископаемыми), пока не имеет таких необходимых промышленных полезных ископаемых, как Томская область» [33, л. 205].

Так же как и руководители Тюменской области, партийные лидеры Томской области для реализации своих проектов старались заручиться поддержкой центральных комитетов и ведомств. 3 декабря 1958 года при обсуждении тезисов Н.С. Хрущева «Контрольные цифры развития народного хозяйства СССР на 1959-1965 гг.» в Томской области был выдвинут ряд дополнений и предложений к семилетнему плану как в целом для Сибири, так и в отношении хозяйства области. Данные предложения можно рассматривать, как стратегические планы региональных властей в отношении собственного хозяйства. В частности, наряду с предложением об усилении изучения Западно-Сибирской низменности, было внесено предложение о развертывании «работ по детальной разведке Бакcharского железорудного месторождения Томской области. Форсирование разработки Туганского месторождения и строительство на его базе обогатительного комбината» [34, л. 377, 378]. Руководители Томского совнархоза основой развития области также видели горно-металлургические предприятия.

В перспективном плане развития народного хозяйства Томской области на 1959-1965 годы от 8 января 1957 года, в разделе капиталовложения, планируемые в городе Томске и Томской области, было замечено, что «наиболее значительными стройками в области является сооружение рудника и обогатительного комбината титано-циркониевых руд в Туганском районе и строительство горно-обогатительного комбината с вводом ориентировочно к 1965 году в Бакчаре» [19, л. 4-4об].

Следовательно, в качестве стратегических вариантов развития области партийные и хозяйственные региональные власти окончательно остановили свой выбор на горно-металлургических проектах. Предпринятые региональными властями мероприятия по продвижению Туганского проекта остались без результата. Госплан СССР сообщил в письме от 2 апреля 1962 года председателю Томского совнархоза Н.С. Гридину о переносе сроков строительства комбината за пределы 1965 года [35, л. 90].

После четкого ответа центральных властей о бесперспективности дальнейшего продвижения Туганского проекта, региональные власти области продолжили лоббировать второй крупный проект Бакcharского месторождения железных руд.

14 марта 1964 года окончательно решился вопрос о реализации Бакcharского проекта. Как говорилось в официальном ответе: «Учитывая неблагоприятные горно-геологические условия, невысокое качество руд, а также наличие в Сибири крупных разведанных запасов железных руд, которые в настоящее время не осваиваются, Госгеолком СССР не может считать производство разведочных работ на Бакcharском месторождении первоочередной задачей службы на ближайшие годы» [36, л. 36].

Только после утвердительного отказа Совета Министров СССР и Госплана СССР поддержать реализацию горно-металлургических проектов, региональные власти перешли к продвижению нефтегазового варианта развития области, который к тому моменту был наиболее обеспечен ресурсами. За 1962-1964 гг. на территории области было открыто 3 крупных газовых и 7 нефтяных месторождений. Это свидетельствовало о реальной возможности создания в области нефтегазодобывающей промышленности.

24 апреля 1965 года партийные власти направляют записку председателю Совета Министров СССР А.Н. Косыгину с просьбой рассмотреть проект постановления Совета Министров СССР «О дальнейшем развитии геологоразведочных и организации подготовительных работ к промышленному освоению открытых газовых и нефтяных месторождений в Томской области», в котором была изложена целая система мер призванная обеспечить промышленное развитие области на основе добычи нефти и природного газа [37, л. 120-126]. 27 мая 1965 года был получен официальный ответ Совета Министров СССР. В нем говорилось: «Создание нового нефтегазо-

добывающего района на базе месторождений Томской области потребует значительных капиталовложений. В то же время ограниченность средств, которые могут быть выделены в 1966-1970 гг. на развитие нефтяной и газовой промышленности, вызывает необходимость концентрировать их и планировать добычу нефти и газа в районах Западной Сибири, в первую очередь, в Тюменской области, где уже открыты и подготовлены к разработке крупные нефтяные и газовые месторождения» [37, л. 132-137]. Госплан СССР посчитал принятие специального постановления Совета Министров СССР по этому вопросу преждевременным. Так как появилась бы угроза распыления средств, планируемых на развитие нефтедобывающей промышленности в Западной Сибири.

Аналогичная участь постигла идея Томского обкома о строительстве в восьмой пятилетке (1966-1970 гг.) на территории Томской области нефтехимического комбината. В Госплане СССР посчитали, что «на основании прогнозных запасов начинать проектирование комплекса является преждевременным» [38, л. 10].

Таким образом, проводимая партийными и хозяйственными руководителями Томской области политика по реализации территории с помощью реализации горно-металлургических проектов была полностью провалена. Слабое развитие хозяйства Томской области способствовало тому, что бурное развитие промышленного освоения открытых месторождений в соседней Тюменской области, постепенно, в какой то мере, подчиняло экономику Томской области нуждам усиленно развивающегося соседнего региона. Такая ситуация еще сильнее ограничивала дальнейшее развитие новых производств в народном хозяйстве территории.

Можно сделать вывод, что формирование региональной политики тюменскими партийными и хозяйственными властями, заключавшейся в выдвижении альтернативных вариантов развития, дало возможность, слабо развитому в промышленном отношении региону, в условиях расширения своих хозяйственных возможностей и установления взаимовыгодных хозяйственных связей с центральными комитетами и ведомствами, вывести регион на новый этап динамичного индустриального развития.

Безальтернативная региональная политика, проводимая партийными и хозяйственными деятелями Томской области, по реализации горно-металлургических проектов на своей территории, оказалась неэффективной в долгосрочном периоде. Целое десятилетие было потрачено на продвижение и лоббирование проектов, которые в условиях сильной конкуренции с уже существующими подобными предприятиями, обладавшими более экономичными месторождениями и расположенными в более благоприятных природно-климатических условиях, при слабых позициях регионального руководства в центральных органах, не смогли бы быть реализованы в ближайшие десятилетия в СССР. Все это привело к сдерживанию интенсивного развития производительных сил, замедлению или даже стагнации экономических показателей традиционных производств хозяйства области, слабому изменению в социальной и урбанизационной структуре населения.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проекты «Индустриальная модернизация регионов Севера Западной Сибири в 1950-е – первой половине 1960-х гг.», № 10-06-90713 и «Методологические проблемы применения концепций и методов синергетики в анализе индустриальной модернизации регионов Сибири», № 11-06-90735.

Библиографический список

1. Бакулев, Г. Совершенствование организационных форм руководства и развитие топливной базы // Вопросы экономики. – 1957. – № 4.
2. Шестаков, В.А. Социально-экономическая политика советского государства в 50-е – середине 60-х годов. – М., 2006.
3. Гаврилова Н.Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1964-1985 гг.). – Тюмень, 2002.
4. История Сибири. – Л., 1969. – Т. 5.
5. XX съезд Коммунистической партии Советского Союза, 14-25 февраля 1956 г.: Стеногр. Отчет: в 2 т. – М., 1956. – Т. 1.
6. Taubman, W. The Khrushchev period, 1953-1964 // The Cambridge History of Russia. The Twentieth century / ed. R.G. Suny. Cambridge. – 2006. – Vol. III.
7. Хрущев, С.Н. Никита Хрущев: Реформатор. – М., 2010.
8. Президиум ЦК КПСС. 1954-1964. – Т. 2. – М., 2006.
9. Шестаков, В.А. Социально-экономическая политика советского государства в 50-е – середине 60-х годов. – М., 2006.
10. Сибирское отделение Российской академии наук: создание (1957-1961 гг.): Сборник документов. – Новосибирск, 2007.
11. Народное хозяйство Тюменской области и города Тюмени. Стат. сборник. – Омск, 1958.
12. Народное хозяйство Томской области. Стат. сборник. – Томск, 1957.
13. Сенявский А.С. Урбанизация России в XX веке: Роль в историческом процессе. – М., 2003.
14. Гаврилова Н.Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1964-1985 гг.). – Тюмень, 2002.
15. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИ ТО). Ф. 124. Оп. 54. Д. 6.
16. Там же. Ф. 124. Оп. 134. Д. 88.
17. Очерки истории Тюменской области / под ред. В.М. Кружинова. – Тюмень, 1994.
18. ГАСПИ ТО. Ф. 124. Оп. 117. Д. 80.
19. Государственный архив Томской области. Ф. Р-1591. Оп. 1. Д. 295.
20. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). Ф. 607 Оп. 1 Д. 2676
21. Тимошенко, А.И. Проекты социально-экономического развития Сибири в XX в.: концепции и решения. Исторические очерки. – Новосибирск, 2007.
22. Быстрова, И.В. Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930-1980-е годы). – М., 2006.
23. ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2526.
24. Там же. Д. 3353
25. ГАСПИ ТО. Ф. 124. Оп. 117. Д. 80.
26. Там же. Оп. 98. Д. 80.
27. Косов В. Полнее использовать природные богатства Тюменской области // Правда. – 1957. – 26 апреля. – № 116.
28. ГАСПИ ТО. Ф. 124. Оп. 134. Д. 88.
29. Там же. Оп. 117. Д. 78.
30. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 184. Оп. 1. Д. 62.
31. Там же. Ф. 7. Оп. 3. Д. 814.
32. Гурари, Ф.Г. Западно-Сибирская нефтегазовая провинция – открытие века! – Новосибирск, 1996.
33. ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2676.
34. Там же. Д. 2811.
35. Там же. Оп. 31. Д. 15.
36. Там же. Оп. 1. Д. 3440.
37. РГАЭ. Ф. 355. Оп. 1. Д. 388.
38. Там же. Ф. 70. Оп. 1. Д. 370.

Bibliography

1. Bakulev, G. Sovershenstvovanie organizacionnykh form rukovodstva i razvitie toplivnoy bazih // Voprosy ekonomiki. – 1957. – № 4.
2. Shestakov, V.A. Socialno-ehkonomicheskaya politika sovetского gosudarstva v 50-e – seredine 60-kh godov. – M., 2006.

3. Gavrilova N.Yu. Socialnoe razvitiye neftegazodobihvayuthikh rayonov Zapadnoy Sibiri (1964-1985 gg.). – Tyumenj, 2002.
4. Istoriya Sibiri. – L., 1969. – T. 5.
5. KhKh sjhezd Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuza, 14-25 fevralya 1956 g.: Stenogr. Otchet: v 2 t. – M., 1956. – T. 1.
6. Taubman, W. The Khrushchev period, 1953-1964 // The Cambridge History of Russia. The Twentieth century / ed. R.G. Suny. Cambridge. – 2006. – Vol. III.
7. Khruthev, S.N. Nikita Khruthev: Reformator. – M., 2010.
8. Prezidium CK KPSS. 1954-1964. – T. 2.- M., 2006.
9. Shestakov, V.A. Socialno-ehkonomicheskaya politika sovetskogo gosudarstva v 50-e – seredine 60-kh godov. – M., 2006.
10. Sibirskoe otdeleniye Rossiyskoy akademii nauk: sozdaniye (1957-1961 gg.): Sbornik dokumentov. – Novosibirsk, 2007.
11. Narodnoe khozyaystvo Tyumenskoy oblasti i goroda Tyumeni. Stat. sbornik. – Omsk, 1958.
12. Narodnoe khozyaystvo Tomskoy oblasti. Stat. sbornik. – Tomsk, 1957.
13. Senyavskiy A.S. Urbanizatsiya Rossii v KhKh veke: Rol' v istoricheskom processe. – M., 2003.
14. Gavrilova N.Yu. Socialnoe razvitiye neftegazodobihvayuthikh rayonov Zapadnoy Sibiri (1964-1985 gg.). – Tyumenj, 2002.
15. Gosudarstvenniy arkhiv socialno-politicheskoy istorii Tyumenskoy oblasti (GASPI TO). F. 124. Op. 54. D. 6.
16. Tam zhe. F. 124. Op. 134. D. 88.
17. Ocherki istorii Tyumenskoy oblasti / pod red. V.M. Kruzhinova. – Tyumenj, 1994.
18. GASPI TO. F. 124. Op. 117. D. 80.
19. Gosudarstvenniy arkhiv Tomskoy oblasti. F. R-1591. Op. 1. D. 295.
20. Centr dokumentatsii noveyshey istorii Tomskoy oblasti (CDNI TO). F. 607 Op. 1 D. 2676
21. Timoshenko, A.I. Proekti socialno-ehkonomicheskogo razvitiya Sibiri v KhKh v.: koncepcii i resheniya. Istoricheskie ocherki. – Novosibirsk, 2007.
22. Bihstrova, I.V. Sovetskij voenno-promishlenniy kompleks: problemih stanovleniya i razvitiya (1930-1980-e godih). – M., 2006.
23. CDNI TO. F. 607. Op. 1. D. 2526.
24. Tam zhe. D. 3353
25. GASPI TO. F. 124. Op. 117. D. 80.
26. Tam zhe. Op. 98. D. 80.
27. Kosov V. Polnee ispolizovat' prirodniye bogatstva Tyumenskoy oblasti // Pravda. – 1957. – 26 aprelya. – № 116.
28. GASPI TO. F. 124. Op. 134. D. 88.
29. Tam zhe. Op. 117. D. 78.
30. Rossiyskiy gosudarstvenniy arkhiv ehkonomiki (RGAEh). F. 184. Op. 1. D. 62.
31. Tam zhe. F. 7. Op. 3. D. 814.
32. Gurari, F.G. Zapadno-Sibirskaya neftegazovaya provinciya – otkriitie veka! – Novosibirsk, 1996.
33. CDNI TO. F. 607. Op. 1. D. 2676.
34. Tam zhe. D. 2811.
35. Tam zhe. Op. 31. D. 15.
36. Tam zhe. Op. 1. D. 3440.
37. RGAEh. F. 355. Op. 1. D. 388.
38. Tam zhe. F. 70. Op. 1. D. 370.

Статья поступила в редакцию 19.08.11

УДК 902

Cherloyakov I.G. **ABORIGINAL NORTH ALTAI AND THE ALTAI SPIRITUAL MISSION IN THE SYSTEM OF GOVERNMENT POLICY IN XIX CENTURY.** Based on an analysis of published and archival sources in the article the role of the Altai Spiritual Mission in the government policy regarding Aboriginal Northern Altai.

Key words: Russian state, "extension" to the east, Siberia, Northern Altai, local Aborigines, the province, managing "aliens", the Altai Spiritual Mission, joining "foreigners" to Orthodoxy.

И.Г. Черляков, аспирант ГАГУ, г. Горно-Алтайск, E-mail: mns@gasu.ru

АБОРИГЕНЫ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ И АЛТАЙСКАЯ ДУХОВНАЯ МИССИЯ В СИСТЕМЕ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В XIX В.

На основе анализа опубликованных и архивных источников в статье рассмотрена роль Алтайской духовной миссии в системе правительственной политики относительно аборигенов Северного Алтая.

Ключевые слова: Русское государство, «расширение» на восток, Сибирь, Северный Алтай, местные аборигены, губерния, управление «инородцами», Алтайская Духовная миссия, приобщение «инородцев» к православию.

Включение северных алтайцев в состав Русского государства в XVII в. и последующие административные преобразования, касавшиеся Сибири, не изменили систему управления аборигенами на протяжении XVIII в. [1, с. 44]. Тем не менее, в начале XIX в. русские власти образовали новую административно – территориальную единицу в Сибири – Томскую губернию [2, с. 247]. В состав её Бийского уезда и вошли черные татары (распределившись между шестью волостями: Кергежской, Комляжской, Кузенской, Южской, Верхне-Кумандинской и Нижне-Кумандинской). Их административное деление отражало ранее сложившуюся этническую структуру. Не произошло каких-либо изменений в ней и в «системе» их проживания и в последующие годы, что зафиксировали ученые и путешественники, посетившие их в XIX в.

Но инструкции, которыми руководствовались аборигенами Сибири, не могли охватить все вопросы, касавшиеся их жизнедеятельности. В силу этого, в начале XIX в. появились проекты, касавшиеся вопросов управления аборигенами (Г.И. Спасского (1805 г.), Н.И. Трескина. (1812 г.). Общей их чертой

было одно – сохранение прерогатив инородческой знати, опоры правительства на местах [3, л. 608, 610-612]. Этим последняя пользовалась в полной мере: она укрепляла и свою власть, и своё экономическое положение. Не чуралась при этом она и «злоупотреблений». Они-то и понудили правительство заняться «сибирскими делами». Первым делом был уволен сибирский генерал-губернатор. В марте 1819 г. И.Б. Пестеля сменил М.М. Сперанский. Его «ревизия» вскрыла вопиющую картину злоупотреблений и правительственных чиновников, и инородческих начальников [4, л. 99].

Чтобы «оптимизировать» управление Сибири, Сперанский представил свой проект правительству. Обсудив его, оно утвердило 22 марта 1822 г. «Устав об управлении инородцев», призванный регламентировать их экономическую, административную, судебную-правовую и культурно-бытовую жизнь. В его основу был положен принцип деления «инородцев» на три разряда: оседлых, кочевых и бродячих. Алтайцы Бийского уезда, в т.ч. и северные, были отнесены к кочевому разряду, управление которых состояло из трех ступеней: низшей (ро-

довое управление- управление улусами и стойбищами), средней (иностранная управа) и высшей (степная дума). Власть иностранной управы распространялась на объединение нескольких улусов и стойбищ. Дума же, согласно закону, управляла всем племенем.

Основу административной и экономической единицы составил, как и прежде, род. Сохранение же родовой общины не лишало родоначальников бывшего рычага внеэкономического воздействия на своих соплеменников.

Главная «забота» нового «Устава» состояла в своевременной и бездомочной уплате «иностранцами» ясака и натуральных повинностей. Меньше всего «заботился» он о распространении среди «иностранцев» хлебопашества и скотоводства, о своевременной подаче ими сведений о численности населения и заключении им торговых сделок. Со временем натуральный ясак был заменен денежным. Главной причиной этого стало падение роли пушного промысла в «иностранческом» хозяйстве и набиравший силу процесс развития товарно-денежных отношений в крае. В этой ситуации только так можно было обеспечить максимальное поступление налоговых платежей в казну, ибо введение дополнительных налогов на «иностранцев» запрещалось [5, № 29126].

Заметно ограничил «Устав» и полицейско-судебные функции родоначальников. Отныне они могли разбирать лишь незначительные гражданские дела, не затрагивавших интересов высшей власти. Политические же и уголовные дела были отныне делом царских чиновников.

Чтобы «не обидеть» родовую знать, Устав сохранил ей почетные звания, правда, с оговоркой: «звания наследственные остаются наследственными, звание избирательное остается избирательным». Оставило правительство за собой право и утверждения родоначальников в должности.

По мере укрепления Русского государства в Южной Сибири и в Северном Алтае, в частности, происходит и втягивание аборигенов в систему общерусских государственных связей. Именно это и продемонстрировал Устав 1822 г. Однако включение «северян» в состав России не изменило нормы их обычного права, чего нельзя сказать о их религиозных представлениях и обычаях. Тут свой вклад внесла Русская Православная церковь [6, с. 126-127], что стало одним из следствий целенаправленной деятельности М.М. Сперанского. Благодаря ей, «Сибирь стала на общий уровень русской жизни...». «Устав» же предоставил «иностранцам» широкие возможности для их общения с русскими, их культурой, бытом, способами ведения хозяйства, что привело «иностранцев», в конечном итоге, и к их образу жизни [7, с. 89].

Говоря о религиозных воззрениях, следует отметить, что «Устав» предоставил «иностранцам» свободу вероисповедания, не понуждая принимать господствующее в России православие, что способствовало «скреплению» малочисленных народов страны в единое целое [8, с. 24-31]. Но, «даруя это», Церковь не забывала и о распространении православия среди «иностранцев».

Несмотря на неудачный опыт второй половины XVIII в., она реанимировала в конце 20-х гг. XIX в. идею приобщения алтайцев к православию. В 1828 г. Православная церковь настойчиво ходатайствует перед правительством о «дозволении» ей вести целенаправленную миссионерскую деятельность среди «иностранцев» Алтая. Получив «добро», Святейший Синод предписал Иркутскому, Казанскому и Тобольскому епископам организовать при епархиях специальные миссии и подобрать людей, способных вести миссионерскую работу. Благодаря этому предписанию, и была учреждена 28 августа 1830 г. Алтайская Духовная миссия (АДМ) [9, № 21].

Начало ее деятельности связано с именем архимандрита Макария Глухарева. О его жизни, деятельности и истории созданной им миссии написано много, что освобождает нас от их освещения. Поэтому остановим свое внимание на «деле», которое стало для архимандрита «делом всей его жизни», т.е.

на «приобщении к вере Христовой иностранцев» Горного Алтая. Приобщая их к ней, Макарий пытался добиться для «новокрещенных» некоторых льгот, в частности, соблюдения положения Госсовета от 17 июля 1826 г. «о сложении с иностранцев, принимающих Святое крещение», на три года ясака и других податей и повинностей [10, с. 915-916]. Наряду с этим, он пытался создать (но безуспешно) особую волость для «новокрещенных», которая была бы независима и от зайсанов, и от госчиновников [11].

Словом, именно ему были обязаны «северяне» появлению у них первого миссионерского стана – Улалинского, открытого в 1834 г. [12, с.43], в ведение которого входили селения, айлы и займки, населенные «черневыми татарами» (как крещенными, так и некрещеными), а также русскими крестьянами [13, л. 9-10].

Отъезд о.Макария (в связи с болезнью) в 1843 г., мало что изменил в жизни миссии. Возглавивший её о. С. Ландышев всецело придерживался позиции и взглядов своего учителя. Учитывая обширность края, разбросанность по нему северных алтайцев, новый начальник продолжает работу по устройству новых станов миссии. Благодаря его усилиям, в 1854 г. открывается Макарьевский, а в 1857 г. – Кебезенский станы [14, л. 2-3].

Такая работа миссии по расширению сети станов не осталась незамеченной инспектирующим епископом Томским Парфением. Он «нашел «многотрудную апостольскую работу» миссионеров «весьма успешной», благодаря «коей многие идолопоклонники приобщились к вере», а край, «доселе слабозаселенный, покрылся... миссионерскими селениями, населенных новокрещенными алтайцами» [15, с. 69-78].

Представленный им отчет получил в июне 1857 г. «Высочайшее определение»: «1. В виду успешного действия АДМ на идолопоклонников и магометан..., обитающих в Томской губернии,... увеличить сверх существующих число миссионерских станов. 2. В каждом стане иметь миссионера, причетника, толмача и ...одного причетника ...для письмоводства. 3. Станы подчинить ведению начальника Миссии. 4. На случай болезни его, отлучек и других подобных обстоятельств, назначить ему двух сотрудников, старшего для участия в управлении и младшего для спешествования в проповеди,...не освобождая ни того, ни другого от общей миссионерской обязанности...» [16, л. 18].

Высокая оценка воодушевила миссионеров на новое подвижничество в деле приобщения северных алтайцев к «вере Христовой». Однако последние отнеслись к этому неоднозначно. Одни «иностранцы» принимали крещение добровольно. Это делали в большинстве своем (по нужде) – бедняки и калеки. Иеромонах Дометиан приводит случай крещения «слепого иностранца Комдожской волости Кереспесь Янушевой с тремя малолетними детьми – сиротами», которые были «совсем наги, истомлены голодом» [17, с. 3]. Такого рода крещений призывал и сами миссионеры. В одном из отчетов прямо говорится, что «переход в христианство начался с бедных, бесприютных и загнанных» [15, с. 69-78].

Наряду с таковыми, была еще одна категория алтайцев, которая соглашалась на добровольное крещение. Но, прежде чем его исполнить, они требовали от миссионеров выплаты им материальной «компенсации». Подобные «добровольцы» своим иждивенчеством вызвали неприязнь миссионеров. Такие новокрещенные, по их мнению, редко меняли свои взгляды. В миссии они видели лишь источник для своего дальнейшего безбедного существования [18, с. 910-911].

И, наконец, были «иностранцы», которые ни под каким предлогом не желали креститься. Когда отдельных из них же удавалось окрестить, то «идолопоклонники ополчались» и шли против «новокрещенных». Так, о. Дометиан (Коновалов) писал, что «мать – язычница, узнав, что дочь окрестилась, схватила ее за горло и начала душить. Лишь вмешательство соплеменников избавило девушку от смерти». В другом слу-

чае, «некрещенные кебезенцы в качестве мести за крещение сожгли у новокрещенной женщины юрту со всем имуществом» [19, с. 45]. Он же окрестил однажды тубаларку Тану. Но об этом не знал ее муж – Карын. Когда он узнал об этом, то тут же прискакал в Кебезень и бросился на коне в окно избы новокрещенного инородца И. Соколова, укрывшего у себя его жену. Требуя «выдачи» жены, он избивал плетью хозяина дома, пока его не схватили крещенные кебезенцы. Остыв от гнева, он пришел к о. Дометиану, который не только успокоил его, но и сумел склонить Карына к крещению [19, с. 18].

В ответ на подобные акции, миссия принимала меры по защите новокрещенных. В одних случаях, она переводила их в русские селения или в деревни крещенных алтайцев, ходатайствовала перед властями о «предотвращении туземного произвола». Последние лишь увещевали родовых правителей, чтобы их подчиненные не препятствовали желающим креститься и не судили бы без крещенных новокрещенных инородцев» [16, л. 18].

Вмешательство миссии во «внутренние дела инородцев» было не по душе их родоначальникам, не желавшим терять своего монопольного влияния на сородичей. Потому-то зайсаны и баштыки постоянно противодействовали крещению алтайцев, не останавливаясь, порой, перед наказанием «самовольцев». Но, несмотря на это, они видели, что их власть над соплеменниками слабеет. Потому-то они ненавидели миссию и негативно относились к ее деятельности [20, с. 63].

Той же «монетой» платила им и миссия. Уже при С. Ландышеве она стала добиваться, чтобы зайсаны и баштыки были выборными, притом из числа крещенных алтайцев. «Зайсаны, – указывали миссионеры, – имеют для себя особенный интерес держать массы единоплеменников во мраке язычества... они опасаются... потерять свое обаяние власти. Звание зайсанов у инородцев наследственно и сохраняется пожизненно, а потому и власть... их – неограниченна и подчиненные относятся к ним с раболепием, боясь и думать о протесте на несправедливые действия своего начальства. Под влиянием зайсанов инородцы... оказывают порой упорное сопротивление проповеди христианской... для устранения этого... враждебного отношения зайсанов – язычников к проповеди Евангелия, желательно... чтобы должность зайсанов на... Алтае была выборная на известный срок, при этом в... волостях, где есть достаточное количество инородцев, выбор начальника должен производиться непременно из числа крещенных... Если... не изменится порядок и образ местного инородческого управления на Алтае, миссия будет встречать великие препятствия со стороны тех самых инородцев, просвещение и обрусение которых составляет ее коренную задачу» [21, с. 3-4].

Однако Томское губернское правление идею миссии о реорганизации инородческого управления на Алтае не поддержало. Встретив непонимание губернских властей, миссионеры с особым рвением продолжили крещение инородцев, полагаясь в только на собственные силы [19, с. 45].

Но, окрестив «язычника», миссия все делала для того, чтобы освободить его от уплаты ясака. Но сделать это было нелегко: этому мешали многие препятствия. Одно из них – несовпадение официальных имен и фамилий «новокрещенных», записанных в ревизские сказки, и их повседневных имен и кличек. Именно в силу этого, миссии удавалось добиться льгот лишь малой части новокрещенных [22, с. 43].

Выше уже упоминалось, о категориях населения, решивших принять крещение. Но без личного желания «инородца» и элементарного понятия у него о вере, крещение его не осуществлялось. Так, макарьевский миссионер о. Александр (Гусев), соблюдая два этих принципа, окрестил за время своей службы в АДМ 740 человек, а о. Дометиан за 37 лет своего миссионерского служения – только 418 язычников [23, с. 137-138].

Крестя алтайцев, миссионеры понимали, что без закрепления веры у них – все их труды пойдут «прахом». «Укрепить» же новую паству в ней, можно было лишь поселением

«новокрещенных» в миссионерские селения, в которых имелись церкви, которые являлись главными опорными пунктами распространения Православия в Северном Алтае. Благодаря «жертвователям» (частично на средства Миссионерского общества), миссия и возводила здесь свои «опорные пункты».

Где и когда появился таковой в Бийской черни? Первым, согласно источнику, стал храм во имя преподобного Макария Египетского (небесного покровителя родоначальника АДМ – Макария Глухарева) появился в 1854 г. Спустя три года, – в 1857 г., церковь (во имя Покрова Божьей Матери) появилась в Кебезени [24, л. 3-4]. Были они деревянными. Внешне и внутренне они выглядели скромно и не имели никакой декоративной отделки. Именно такой «нашел» в с. Кебезени («свою церковь» о. Дометиан. Более того, она находилась «в жалком состоянии»: пол её прогнулся, отчего покосились печи, потолок закоптился потолок из-за неисправности дымоходов. Через окна, с выбитыми градом стеклами, в храм несло осеннюю сырость. От нее обветшал полотняный иконостас, а вместе с ним – и ризы на престоле, и на жертвеннике, заменить которые было нечем. Но больше всего пострадали в таких условиях богослужебные книги. Церковная утварь состояла из оловянных сосудов и деревянных подсвечников, обтянутых колеником» [24, с. 3]. Кое-как устроившись в притворе «своей церкви», иеромонах Дометиан (вместе с причтом) «подправил» ее и даже установили новые иконы («Спасителя, Божией Матери и святителя Николая»), пожертвованные причетником барнаульского купца Морозова – М. Савельевым.

А тем временем, миссия всё дальше углублялась в просторы Северного Алтая. С учреждением в 1869 г. Ыныргинской церкви (в честь «Казанской иконы Божией Матери»), устроенной на средства представителей «Товарищества торгового дома С.П. Петрова и П.В. Михайлова», под ее контролем оказалась значительная часть Правобережья Бии и территории, прилегающая с юга и запада к Телецкому озеру [25, с. 6].

К концу 70-х гг. миссия добились-таки поддержки своих «идей». Теперь православные (русские и алтайцы) проживали только в миссионерских селениях. Изъятые из рук некрещенных зайсанов и баштыков новокрещенные алтайцы, управлялись теперь сельскими старостами, выбиравшимся (на три года) из числа новокрещенных и утверждавшимися губернскими властями. Но так это выглядело на бумаге. Фактически же новокрещенными алтайцами «заправляла» миссия. Решительное ее вмешательство в административное управление северными алтайцами нанесло чувствительный удар старой системе управления инородцами, но особенно по прерогативам родовой верхушки [24, с. 3-4].

Из вышесказанного, становится ясно, что идея инициаторами реформы в административном устройстве «черновых татар Алтая» стали миссионеры, которых поддержали губернские власти. Немало потратил сил на это помощник алтайского отдельного заседателя И.С. Ландышев (сына протоиерея С.Ландышева), а также исправник А.К. Поршенников. Успех реформы в немалой степени зависел и от самих «северных алтайцев», которые, по свидетельству нынешнего служителя Алтайской Духовной миссии о. Георгия (Крейдуна), «отличались мягкостью характера и без препятствий согласились на замену родового правления выборным, а также на замену некрещенных зайсанов – крещеными» [12, с. 43]. Правда, светские исследователи, в частности, Н.А. Тадина считает, что это было следствие их русификации [26, с. 90-94].

Начало 80-х гг. XIX в. внесло новый штрих в деятельность Алтайской Духовной миссии. Трагические события 1 марта 1881 г. заметно ужесточили внутреннюю политику правительства. В 1883 г. центр миссии был переведен в г. Бийск. Произошли изменения и в ее руководстве Миссии. В 1884 г. ее начальником стал о. Макарий (в миру – Михаил Андреевич Невский (Парвицкий) – носитель промонархических взглядов. К концу XIX в. руководимая им миссия превратилась, по сути дела, в проводника правительственной политики правительст-

ва в крае. «Алтайская миссия, – гласило одно из ее заявлений, – совершает не только церковное служение, но и государственное» [26, с. 90-94].

Заметно активизировалось в 80-х гг. строительство новых храмов в отделениях Северного Алтая. Так, в 1880 г. «гшанием инородца селения Маймы – Андрея Семеновича Софронова-Чендекова», в благодарную память об... архимандрите Макарии была возведена новая церковь. В этом же году, на месте Сайдыпской часовни, на средства миссии и пожертвования, был сооружен молитвенный дом, во имя Святителя Николая Чудотворца [27, л. 4]. В то же время появился новый храм, «устроенный усердием о. Дометияна, прихожан и благотворителя – купца П. Тренкина», в Кебезени [27, л. 5].

Подобного рода изменения произошли не только в миссионерских селениях «северян», но и в русских деревнях. К примеру, в селе Никольском. В 1885 г. здесь появился молитвенный дом, построенный на средства мещанина Л.И. Огорова [28, с. 3-4]. В следующем году – «усердием новокрещенного баштыка Комдожской волости Михаила Васильевича Тобокова» открылся молитвенный дом в деревне Карасук. Он же построил в 1891 г. в Паспауле (после пожара) новую церковь. Через два года, жителями д. Салганда был построен молитвенный дом [29, с. 42].

Возросшее число церквей и молитвенных домов позволило миссии создать система богослужебных учреждений, ставшей определять организационную структуру деятельности станом (отделений), которые, в свою очередь, превратились в системообразующие звенья Алтайской Духовной миссии в Северном Алтае, состоявших из «самостоятельных» церквей (бывших главными в стане) и «приписанных» к ним храмов, молитвенных домов и часовен. Первые имели свой причт, состоявший из священника, дьякона и псаломщика. При них велись метрические книги, исповедные росписи, церковная летопись, приходно-расходные книги и др. [30, с. 148]. В приписных храмах и молитвенных домах ничего этого не было, как неполагавшегося по положению [31, с. 76-77].

Заключая всё вышесказанное, отметим, что в XIX веке Алтайская Духовная миссия превратилось в «специальное учреждение Русской Православной церкви, выступающее активным проводником политики правительства. Она способствовала закреплению за Россией национальных окраин, в т.ч. и Северного Алтая. Ее миссионерские станы (с храмами и молитвенными домами) стали опорными пунктами в приобщении аборигенов к православию. Одним из препятствий, стоявшим на этом пути, было общественно-административное устройство Северного Алтая и родовая верхушка, не желавшая терять свои былые привилегии и влияние на соплеменниками.

Библиографический список

1. История Сибири. – Л., 1968. – Т. 2.
2. История Хакасии с древнейших времен до 1917 г. – М., 1993.
3. Государственный архив Алтайского края (ГAAK). Ф. 1. Оп. 2. Д. 1416.
4. Российский исторический государственный архив (РГИА). Ф. 468. Оп. 476. Д. 594.
5. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Изд. 1. Т. 38.
6. Храпова, Н.Ю. Православное миссионерство на Алтае/ Храпова Н.Ю. //Русская идея. – Барнаул, 1992.
7. Владимиров, В.Н. Алтайцы во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. //Очерки истории Алтайского края. – Барнаул, 1987.
8. Бородавкин, А.П. М.М. Сперанский и Алтайская Духовная Миссия / А.П. Бородавкин, Н.Ю. Храпова // Культурное наследие Сибири. – Барнаул, 1994.
9. Вербицкий, В.И. Краткие сведения об Алтайской Духовной миссии (АДМ) // Томские Епархиальные ведомости. – 1886. – № 21.
10. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). – СПб., 1831. – Т. VII.
11. Носов, С.К. Русский миссионер // Звезда Алтая. – 1992. – 13 марта.
12. Крейдун, Георгий, свящ. Алтайская духовная миссия в 1830 – 1919 годы: структура и деятельность. – М., 2008.
13. Государственный архив Алтайского края (ГAAK). Ф. 164. Оп. 1. Д. 138.
14. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 184. Оп. 1. Д. 1.
15. Отчет АДМ за 1888 г. – Томск, 1889.
16. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 440. Д. 1255.
17. Записки Кебезенского миссионера Алтайской Духовной Миссии иеромонаха Дометияна за 1864 г. // Душеполезное чтение. – 1864. – октябрь.
18. Записки алтайского миссионера иеромонаха Дометияна за 1861-1862 гг. // Странник. – 1863. – ноябрь.
19. Отчет АДМ за 1886 г. – Томск, 1887.
20. Государственная публичная историческая библиотека (ГПИБ). Коллекция М.Д. Хмырова.
21. Природа и население Алтая//Томские епархиальные ведомости. – 1891. – № 4.
22. Отчет АДМ за 1896 г. – Томск, 1897.
23. Алтайская Церковная Миссия. Посвящается основателям первого в Отечестве Миссионерского Общества. – СПб., 1865.
24. ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 3.
25. Клировая ведомость Ыныргинского миссионерского стана за 1906 г. – Томск, 1907.
26. Тадина, Н.А. Тип «крещеных» алтайцев в прошлое и настоящее//Христианский мир: религия, культура, этнос (матер. конф.). – СПб., 2000.
27. ГAAK. Ф. 164. Оп. 1. Д. 46.
28. Отчет АДМ за 1887 г. – Томск, 1889.
29. Справочная книга по Томской епархии за 1902-1903 гг. – Томск, 1904.
30. Алтайская Духовная Миссия // Православный благовестник. – 1900. – № 4.
31. Ледебур, К.Ф. Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи. – Новосибирск, 1993.

Bibliography

1. Istoriya Sibiri. – L., 1968. – T. 2.
2. Istoriya Khakasii s drevneyshikh vremen do 1917 g. – M., 1993.
3. Gosudarstvenniy arkhiv Altayskogo kraia (GAAK). F. 1. Op. 2. D. 1416.
4. Rossiyskiy istoricheskiy gosudarstvenniy arkhiv (RGIA). F. 468. Op. 476. D. 594.
5. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii (PSZ). Izd. 1. T. 38.
6. Khrapova, N.Yu. Pravoslavnoye missionerstvo na Altae/ Khrapova N.Yu. //Russkaya ideya. – Barnaul, 1992.
7. Vladimirov, V.N. Altajcih vo vtoroy polovine XVIII – pervoy polovine XIX vv. //Ocherki istorii Altayskogo kraia. – Barnaul, 1987.
8. Borodavkin, A.P. M.M. Speranskiy i Altayskaya dukhovnaya missiya / A.P. Borodavkin, N.Yu. Khrapova // Kulturnoe nasledie Sibiri. – Barnaul, 1994.
9. Verbiцкий, V.I. Kratkie svedeniya ob Altayskoy dukhovnoy missii (ADM) //Tomskie Eparkhialnihe vedomosti. – 1886. – № 21.
10. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii (PSZ). – SPb., 1831. – T. VII.
11. Nosov, S.K. Russkiy missioner // Zvezda Altaya. – 1992. – 13 marta.
12. Kreydun, Georgiy, svyath. Altayskaya dukhovnaya missiya v 1830 – 1919 godih: struktura i deyatel'nostj. – M., 2008.
13. Gosudarstvenniy arkhiv Altayskogo kraia (GAAK). F. 164. Op. 1. D. 138.
14. Gosudarstvenniy arkhiv Tomskoy oblasti (GATO). F. 184. Op. 1. D. 1.
15. Otchet ADM za 1888 g. – Tomsk, 1889.
16. Rossiyskiy gosudarstvenniy istoricheskiy arkhiv (RGIA). F. 796. Op. 440. D. 1255.
17. Zapiski Kebezenskogo missionera Altayskoy dukhovnoy Missii ieromonakha Dometiana za 1864 g. // Dushepoleznoe chtenie. – 1864. – oktyabrj.
18. Zapiski altayskogo missionera ieromonakha Dometiana za 1861-1862 gg. // Strannik. – 1863. – noyabrj.
19. Otchet ADM za 1886 g. – Tomsk, 1887.
20. Gosudarstvennaya publichnaya istoricheskaya biblioteka (GPIB). Kollekcija M.D. Khmihrova.

21. Priroda i naselenie Altaya/Tomskie eparkhialjnihe vedomosti. – 1891. – № 4.
22. Otchet ADM za 1896 g. – Tomsk, 1897.
23. Altajskaya Cerkovnaya Missiya. Posvyataetsya osnovatelyam pervogo v Otechestve Missionerskogo Obchestva. – SPb., 1865.
24. GATO. F.184.Op.1.D.3.
25. Kirovaya vedomost' Ikhinginskogo missionerskogo stana za 1906 g. – Tomsk, 1907.
26. Tadina, N.A. Tip «kretshenikh» altajcev6 proshloe i nastoyatee//Khristianskiy mir: religiya, kul'tura, ehtnos (mater. konf.). – SPb., 2000.
27. GAAK.F.164.Op.1.D.46.
28. Otchet ADM za 1887 g. – Tomsk, 1889.
29. Spravochnaya kniga po Tomskoy eparkhii za 1902-1903 gg. – Tomsk, 1904.
30. Altajskaya Dukhovnaya Missiya // Pravoslavniy blagovestnik. – 1900. – № 4.
31. Ledebur. K.F. Puteshestvie po Altajskim goram i dzhungarskoy Kirgizskoy stepi. – Novosibirsk, 1993.

Статья поступила в редакцию 07.08.11

УДК 902

Zavialov A. A. THE ACTIVITIES OF THE TOMSK REGION OF RAILWAYS IN THE ALTAI REGION (OB AREA) IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES. The article, based on published and archival documents attempts to highlight the history of the Tomsk region of Communications (his work on the content and development of waterways in Siberia in 1895-1917.). We also consider it especially the organization of management of waterways in the Siberian region, the improvement of "navigable conditions in the province) development of new areas of the waterways, navigation and surveillance for the accumulation of gathering statistical information about the waterways of Siberia in the period of interest here.

Key words: Western and Eastern Siberia, railways, river navigation, the Ministry of Railways, the Siberian Railway.

А.А. Завьялов, аспирант Алтайской государственной академии образования им. В.М. Шукшина, г. Бийск, E-mail: zamnmr@mail.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТОМСКОГО ОКРУГА ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ АЛТАЙСКОГО ОКРУГА (ОБСКОЙ УЧАСТОК) В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

В статье на основе опубликованных и архивных документов предпринята попытка осветить историю Томского округа путей сообщения (его деятельности по содержанию и развитию водных путей Сибири в 1895-1917 гг.). Рассмотрены также в ней особенности организации управления водными путями в сибирском регионе, улучшение «судоходных условий в крае», разработка новых направлений водных путей, надзор за судоходством и накопление сбор статистических сведений о водных путях Сибири в интересующий нас период.

Ключевые слова: Западная и Восточная Сибирь, пути сообщения, речное судоходство, министерство путей сообщения, Сибирская железная дорога.

Проблема путей сообщения в любом государстве, в его отдельно взятом регионе всегда составляла и по сей день составляет довольно сложную проблему. Не стал исключением в этом плане и Российское государство и в частности, Сибирь. Первая попытка устройства здесь «организующего начала» на водных путях относится, согласно документам, к 1809 г., когда высочайшим манифестом в стране было учреждено 10 округов путей сообщения. Территория Сибири вошла тогда в ведомство 10-го округа [1, с. 220-221]. Однако 22 июля 1822 г. последний был упразднен, а управление путями сообщения перешло под надзор Главных управлений Западной и Восточной Сибири. По решению Департамента шоссейных и водных сообщений, упразднение округа было обусловлено преобразованием гражданского управления в Сибири. Впредь полагалось иметь в Западной Сибири только «особых начальников над сообщениями», с некоторым штатом. Главное внимание стало уделяться отныне сухопутным сообщениям. Все изыскания, съемки и наблюдения по устройству водных путей, строительство гидротехнических объектов (каналов, мостов, пристаней) предполагалось производить «временными комиссиями», а надзор за судоходством и сбор официальной информации (весьма ограниченной) вменялись в обязанность местным полицейским учреждениям.

Иначе говоря, до 90-х гг. XIX в. непосредственной организацией речного судоходства в Сибири практически никто не занимался. В ведомстве путей сообщения считалось, что содержание сибирских речных путей является прерогативой владельцев речного флота, который являлся их частной собственностью, «коей ими управляется и эксплуатируется». Влияние ведомства путей сообщения на работу судовладельцев состояло лишь в регламентировании правил плавания судов и

безопасного содержания судовых силовых установок. Несмотря на важную роль, которая принадлежала речному транспорту в Сибири (до развития здесь железных дорог) правительство принимало все меры для ограждения прав и интересов судовладельцев.

Наблюдение же за судоходством являлось, как было сказано выше, обязанностью местной гражданской полиции, которая, по отзывам официальных лиц, не справлялась с этим делом. «К сожалению, – признавался в 1877 г. представитель Министерства путей сообщения, – в Министерстве вовсе не имеется сведений о размере производящегося по рекам Западной Сибири судоходства» [2, л. 29-32 об.].

Между тем, развитие последнего здесь достигло к этому времени довольно значительных успехов [3]. Данное обстоятельство понудило местную администрацию ходатайствовать перед Министерством путей сообщения об образовании «необходимого учреждения для управления местными водными путями» (инспекции). Однако в силу финансовых затруднений в стране, таковая не была учреждена. Вместо нее, в 1881 г. в распоряжение генерал-губернатора Западной Сибири были выделены два инженера путей сообщения «для описания рек и дорог» [3, л. 131].

В 1882 г., после упразднения Главного управления Западной Сибири, непосредственное заведование местными водными путями перешло к Министерству путей сообщения [4, с. 10]. Однако его представители не располагали необходимыми возможностями в Обь – Иртышском бассейне. В силу этого, они, начиная с 1884 г., неоднократно обращаются в Министерство финансов, чтобы оно выделило необходимые средства для расширения своей деятельности, в частности, «для организации судоходного надзора» [4, л. 80]. Однако их

деятельность была несколько расширена лишь в конце 80-х гг. XIX в., когда министр путей сообщения санкционировал «учреждение Тобольского и Омского судоходных участков» с местопребыванием их начальников (инженеров Бельского и Чернышева) соответственно в Тюмени и Омске. Некоторое время последние находились в подчинении у правления Казанского округа путей сообщения [5, л. 1].

Только с сооружением Сибирской железной дороги, реки стали рассматриваться как естественные подъездные пути к ней. Это вызывало необходимость упорядочения управления «водными сообщениями». Положением от 30 июня 1893 г. было учреждено Западно-Сибирское управление внутренними водными путями (с двумя участками). Спустя два года (в марте 1895 г. – А.3.) был учрежден Томский округ путей сообщения, штат которого стал действовать с 1 июля 1895 г. Одновременно с этим, были упразднены временное Управление Западно-Сибирскими водными путями и Управление Обь – Енисейским водным путем.

В соответствии с новым положением, в состав Томского округа путей сообщения «вошли: р. Обь с притоками (Ница, Тура, Тобол, Иртыш, Чулым, Томь) и «Обь-Енисейский соединительный водный путь». Система первого охватывала «8328 верст естественных рек, 93 версты шлюзованных рек и соединительный канал протяженностью в 7 верст» [1, с. 193-194].

Томский округ речных путей сообщения отличался от аналогичных округов Европейской России тем, что имел большие финансовые и административные права [6, с. 149]. Его создание (взамен бывших временных управлений, ведавших лишь основными частями водных путей) имело большое значение для более правильной организации судоходства. В частности, уже в первый же год существования Томского округа путей сообщения был «обставлен фарватер р. Оби» и «устроено нам нем 76 водомерных и метеорологических станций и постов», составлявших «положенные бюллетени о горизонте воды» [7, с. 132-133].

Главной же целью деятельности Томского округа путей сообщения являлось содержание и развитие «местных водных путей» с учетом требований развивающегося сибирского судоходства.

Для реализации этой, поставленной цели было создано Управление округом, которое решало следующие задачи:

- а) гидротехническое строительство и обеспечение воднотранспортных соединений (строительство соединительных каналов, содействие строительству мостовых переходов и оборудование пристаней);
- б) организация судоходной обстановки и дноочистительных работ (разметка фарватера, установка на реках бакенов и фонарей, удаление камней и корчей);
- в) развитие дноуглубительных работ (в частности, землечерпание);
- г) развитие служебных средств передвижения (приобретение и эксплуатация пароходов, барж и др.);
- д) надзор за судоходством (техника безопасности плавания на реках, врачебно-санитарный надзор и т.д.);
- е) исследование и описание водных путей, сбор статистических сведений и других сведений.

9 ноября 1895 г. начальником Томского округа путей сообщения был назначен тайный советник, инженер путей сообщения, барон Б.А. Аминов, который находился на этой должности до 1 июля 1912 г. Его помощником начальника округа стал М.С. Чернышев – статский советник, инженер путей сообщения. Старшим инженером, заведующим инспекторско – технической части Управления округа, был назначен коллежский **ассессор**, инженер путей сообщения, Г.Н. Сидоренко. Управление округа, было располагалось в г. Томске. Его штат состоял в 1908 г. из 8 чиновников. В 1910 г. их число увеличилось до 12 человек. Кроме этого, имелись в управлении и должности «начальников пристанских постов». Ими были назначены: Ф.С. Смирнов (в г. Бийске), Н.И. Изосимов (в г. Барнауле), В.С. Ка-

линовский (в с. Камень), А.И. Мелешкин (в г. Новониколаевске) и В.А. Варен (в г. Томске) [8, с. 1-2].

С 1 июля 1912 г. по 1 января 1915 г. Томский округ путей сообщения возглавлял Н.В. Попов, надворный советник, инженер путей сообщения [9, с. 83-84], с 14 августа 1915 г. по 27 июля 1917 г. – А.А. Никитин.

В 1895 г. Томский округ путей сообщения был разделен, как известно, на следующие участки: 1. Обский участок (начальник участка К.М. Стрижев, его резиденция располагалась в г. Томске). В его «ведение» входили рр. Обь, Томь и Чулым. 2. Иртышский участок (начальник участка в г. Тюмени) – рр. Ница, Тура, Тобол, Иртыш. 3. Обь-Енисейский участок (начальник участка С.А. Жбиковский, в г. Томске) – р. Кеть, Озерная, Ломоватая, Малый Кас, Большой Кас, а также шлюзованные части рр. Ломоватой, Язевой, оз. Большое, Обь-Енисейский канал и часть р. Малый Касс [10, л. 2]. Одной из главных задач Томского округа путей сообщений стало гидротехническое строительство и обеспечение местных воднотранспортных соединений.

В 1900 г. сибирские пароходчики ходатайствовали перед властями о расширении сферы деятельности Томского округа путей сообщения. Они предложили им развивать буксирное пароходство вверх по р. Томи до г. Кузнецка [11, л. 2]. Развитие воднотранспортных путей сообщения рассматривалось ими, как средство поднять экономику Сибири. И в этом плане инициаторы данной идеи уделяли немалое внимание возведению Обь-Енисейского канала, истории строительства которого посвятили свои работы многие авторы [12]. Его введение в строй должно было вылиться в непрерывный путь по линии Обь – Енисей [13, с. 37].

Управление округа, в принципе поддержало эту идею и стало оказывать «поддержку» местным органам власти, но, главным образом, «рекомендательного и консультационного характера» в вопросах, проектирования и строительства речных мостов, паромных переправ, пристаней и т.д. Подобного рода позиция Управления округа объяснялась тем, что организация указанных работ находилась в ведении органов городского общественного управления и уездных распорядительных комитетов. Эти гидротехнические объекты имели местное значение, что и определяло их подчиненность, как в ходе их строительства, так и при их эксплуатации. Управление могло лишь вносить предложения по улучшению качества строительства и содержания речных переправ.

Исходя из вышеизложенного, Томский округ путей сообщения организовал в 1913 году изучение опыта создания паромов и перевозов через судоходные и сплавные реки Енисейской губернии [14, л. 5]. Велась такая работа и по Томской губернии. Таким образом Управление пыталось выяснить спрос «в потребности новых мостовых сооружений». Он же выявил, что самое большое количество мостов требовалось на Обском участке Томского округа путей сообщения [15, л. 17].

В 1913-1914 гг. его Управлении рассмотрело вопросы строительства моста и подъездных путей к пристани у г. Барнаула. В 1913 г. представители Кабинета Е.И.В., Главного управления Алтайского округа и Барнаульской городской думы направили в г. Томск свои проекты и расчеты, обосновывавшие необходимость переоборудования городской пристани, не имевшей хороших подъездных путей, что сдерживало подвоз товаров, особенно в непогоду [16, л. 21].

Другим не менее важным направлением деятельности Томского округа путей сообщения являлось обеспечение «судоходства и дноочистительных работ на вверенной ему территории. Как известно, правила обозначения фарватера реки на мелких местах бакенами (с правой стороны по ее течению – красного цвета, с левой – белого) были введены еще 1867 году. Бакены расставлялись на расстоянии не более одной версты один от другого, а в изгибах реки это расстояние сокращалось так, чтобы на всяком судне, подходящем к мели, ясно были видны направление и изгибы фарватера. Отдельные

опасные камни обозначались вежами-крестами (с красным или белым флагом). Кроме того, в ночное время предписывалось устанавливать обязательное освещение «береговых обстановочных знаков», а бакенов – на мелях и перекатах. Последние освещались в то время керосиновыми фонарями и должны были всегда исправными, что, к сожалению, не всегда соблюдалось.

На смену старым «указаниям», пришли 17 февраля 1878 г. новые «Правила обстановки рек и озер предостерегательными судоходными знаками», а 24 июня 1878 г. – «Правила для плавания по внутренним водным путям», действие которых распространялось на все реки и озера Российской Империи. В новых правилах, кроме старых «обозначений судоходного хода плавучими или береговыми предостерегательными знаками», вводились новые: обозначающие глубину воды на перекатах (об этом теперь полагалось объявлять и на пристанях); сигналы для обозначения свободного хода судов в порогах и знаки на пролетах мостов; обозначение входов в истоки и устья рек, мелей и отдельных опасностей на озерах, а также извещения судов о наступлении бури.

Одновременно были установлены и единые образцы знаков, заготовка которых, а также другого «обстановочного имущества» производилась техническими участками.

Внедрение и развитие «судоходной обстановки» способствовало некоторому упорядочению «пользования водными путями». Однако кардинально улучшить его, они были не в состоянии.

К сожалению, перечисленные выше меры по улучшению водных путей и упорядочению судоходства на реках относились главным образом к речным бассейнам Европейской России, в частности, к бассейну Волги. В Сибири же все осталось, по-прежнему. Наблюдение за водными путями здесь формально осуществляли местные губернские управления. В 1880 г. на содержание двух инженеров путей сообщения при Главном управлении Западной Сибири было ассигновано 7 тыс. руб. Однако в 1882 г. последнее было упразднено. Появление в 1895 г. Томского округа путей сообщения ситуацию, конечно же, не изменило, ибо судоходство на реках Сибири контролировали три инспектора, которые, естественно, не в силах были обеспечить безопасность местного судоходства. Поэтому-то и писал в 1903 г. журнал «Русское судоходство», что «на каком-нибудь неудобном перекае капитан парохода, вало, поставит несколько тычек, кои и служили какое-то время указателями,.. потом первый же едущий на лодке мимо этих жалких указателей, считал неперменным своим долгом вырвать эти тычки, чтобы не мешали» [17, с. 25]. Таким образом, отсутствие заботы о содержании водных путей порождало большие затруднения для развития судоходства в Сибири.

Сооружение Транссибирской железной магистрали внесло некоторое оживление в работу судоходных предприятий. Однако водные пути не были готовы к освоению возросших объемов всего необходимого для ее строительства. Поэтому-то эту задачу пришлось сначала решать строителям дороги. С этой целью Комитет Сибирской железной дороги отпустил в 1903 г. 1146 тыс. руб. на улучшение «судоходного хода на реках для подвоза материалов к строительству». На используемых для этой цели участках Туры, Тобола, Иртыша, Оби и Томи были устроены водомерные посты и метеостанции, поставили несколько «регуляционных водостеснительных сооружений», приобрели 2 землечерпательных снаряда, 2 камнеподъемных крана «минимально необходимый служебный путевый флот». Все остальное, на реках Сибири, решал Томский округ путей сообщения.

С момента своего основания его Управление сразу же занялось «устройством судоходной обстановки». Уже в 1895 г. был «обустроен 471 перекаат». К 1911 г. протяженность водных путей сообщения Томского округа возросла до 8040 км, а число знаков на них – до 5746. Спустя два года было «обустроено» уже 1313 перекаатов, а общая протяженность судо-

ходных путей достигла 9554 км. Однако при огромной протяженности водных путей Сибири, этого было мало.

Но надо было не только налаживать не только новые судоходные пути, но и во время ремонтировать их. Были случаи, когда речные суда портили «плавзнаки», установленные на мелях и перекатах. К примеру, 29 июня 1896 г. пароход купца Морозова, шедший с тремя баржами сверху р. Оби, зашел на перекаат, а баржи зашли за красный бакен и встали на мель. В результате, фарватер реки был перекрыт ею. К ней течение нагнало песок и тут образовался затор, а бакен был помят баржею [18, л. 14].

В общей сложности за всю навигацию 1896 г., на Обском участке было утрачено инвентаря на 454 руб. 32 коп. [18, л. 84-85об.]. Ремонт и изготовлением последнего занималась в 1897 г. мастерская И.И. Батуева, располагавшаяся в Томске (ул. Магистральная, в доме Крюгера). Изготовление, к примеру, бакенного фонаря обходилось в 3 руб., самого бакена – 3 руб., фонаря лодочного – 90 коп. и рупора – 2 руб. 50 коп. [10, л. 36].

Важными мерами в деле организации судоходства являлись систематические замеры глубин на участках рек, а также создание службы «судоходной обстановки». Однако они не могли кардинально изменить гидрологическую характеристику рек, мелководье, препятствовавшее нормальной работы флота. Требовались активные меры, к примеру, для увеличения габаритов «судоходного хода», путем шлюзования, что требовало огромных затрат. Для этого нужно было углубление рек с помощью «землечерпания», однако в первой половине XIX в. речники не располагали еще ни опытом, ни теоретической базой в этом деле.

В марте 1909 г., при Министерстве путей сообщения была образована особая межведомственная комиссия для составления плана работ по улучшению и развитию водных сообщений в Российской империи. По распоряжению Министра двора, в ее состав был введен представитель от Кабинета Е.И.В.. В его обязанности входило «высказывать пожелания об осуществлении работ по водным сообщениям» в Алтайском и Нерчинском округах. В связи с этим, начальник Алтайского округа доложил 26 марта 1909 г., что «существующее пароходство по Оби и Иртышу... оставляет желать много лучшего» [18, л. 1-2]. Однако кардинально решить эту задачу,

Томский округ путей сообщения был не в состоянии, из-за «своей оснащенности». Как явствует из документа, он имел в 1904 г. всего 7 землечерпательных машин, из которых работали только три. Их общая производительность землечерпательного каравана составляла 900 м³/ч, что для Сибири было явно мало. К 1913 г. число землечерпалок возросло до 9, а их общая производительность – до 1450 м³/ч [19, л. 3].

Словом, к концу XIX в. состояние судоходства в Сибири было «не на высоте». Его развитию препятствовало мелководье на реках. Землечерпание же, как метод углубления судоходного хода и ликвидации препятствующих судоходству перекаатов многими специалистами отрицалось. А потому развитие «землечерпательного флота» шло медленно. Естественным итогом этого были недостаточные темпы развития судоходства в регионе.

Невелик был и «сибирский флот». В 1900 г. Томский округ путей сообщения имел в наличии всего 6 казенных пароходов («Томск», «Обь», «Сибирский Первенец», «Тобол», «Бийск», «Томь») [12, л. 20-21об.]. К 1913 г. их число возросло до 32 пароходов. Кроме того, в распоряжении округа имелось 6 грунтоотвозных шаланд, 5 каречкранов, 9 брандвахт, баржей и пазуков и 6 морских лихтеров. Вот с таким «потенциалом» и намеревался Томский округ путей сообщения «организовать правильное движение пассажирских и грузовых пароходов в соответствии с расписанием» С этой целью его Управление обязало сибирских судовладельцев предоставить ему расписания движения паровых и непаровых судов по Обскому участку [19, л. 19]. Однако большинство судовладель-

цев не сделали этого, сославшись на то, что они занимаются собственными грузовыми перевозками и определить время отправления и прибытия «оних не могут», ибо это зависит от времени погрузки или разгрузки, погодных условий, туманов, мелководья и т.п.

Расписания своих легко-пассажирских судов предоставили только пароходные компании Е.И. Мельниковой, В.Е. Ельдештейн, и «Товарищество Западно-Сибирского пароходства и торговли». Их пароходы отходили из Томска, Ново-Николаевска и Барнаула от собственных пристаней. Продажа билетов и прием багажа производилась в местных кассах, пристанских конторках и на пароходах. Заблаговременно билеты «выдавались» только в Томске (в конторе В.Е. Ельдештейн, по Иркутской улице), а в Барнауле – в собственном доме П.П. Никольского. Плата с пассажиров и за багаж взималась по таксе. Дети до двух лет ехали бесплатно (если они не занимали отдельного места), а от 2-х до 8 лет – провозились за половину таксы соответствующего класса. Провоз собаки (под наблюдением проводника) осуществлялся на месте указанием командиром парохода, с оплатой (без корма) как за 2 пуда багажа. В пассажирские помещения 1 и 2 класса вводить собак не разрешалось.

Пассажиру разрешалось иметь при себе подушку и саквояж весом не более 30 фунтов. За багаж, хранящийся на руках пассажиров, пароходство и служащие не несли ответственности.

Лица, не предъявившие билетов при контроле, должны были купить их от начального пункта, с уплатой вдвое дороже против таксы. Пассажиры с лодок принимались и высаживались по усмотрению командира. Пассажиры 1 и 2 классов, взявшие билеты на проезд туда и обратно, пользовались 10-ти процентной скидкой.

Такие правила действовали в пароходстве В.Е. Ельдештейна, являвшегося хозяином двухэтажного легко-пассажирского (американского производства) парохода «Евгений» и легко-пассажирского парохода «Любимец», совершавших два раза в неделю рейсы (по расписанию) между Томском, Ново-Николевском и Барнаулом.

В начале XX века на Обском участке курсировали как пассажирские, так и буксирно – пассажирские пароходы, принадлежавшие Богословскому горнозаводскому обществу, И.Н. Корниловой, В.А. Горохову, Г.И. Фуксману, В.Г. Бодунову, Н.А. Олюнину и И.К. Платонову. Большинство пароходов были буксирными, поэтому они совершали рейсы без расписаний, в зависимости от грузов, подлежащих к перевозке.

В 1903 г. было произведено освидетельствование судов Томского округа путей сообщения. Его произвел Комиссия во главе с начальником Обского участка г.Стрижевским. Освидетельствованию подверглись все речные суда, курсировавшие по Бии, Оби, Чулыму и Томи [20, л. 42 об. – 43].

В 1905-1908 гг. были проведены «санитарные осмотры пассажирских пароходов», которые были вызваны участвовавшими случаями заболеваний пассажиров. Судовладельцам, получившим замечания «санитарной комиссии», было предписано устранить их «в срочном порядке» [21, л. 9].

Особое место в налаживании судоходства занимали навигационно-описные партии, изучавшие топографию и гидрологию речного бассейна. Наряду с этим, им полагалось собирать материал о характере перевозимых грузов и загрузке судов, перевозке пассажиров, изучать «сопротивление потока движению судна» и др. Не обходили они и вопрос наличия в районе местных строительных материалов, которые могли быть

использованы для нужд путевого хозяйства, рабочей силы и возможности ее использования для нужд флота и т.п. Словом, навигационно-описная партия в Томском округе путей сообщения была одним из важнейших его подразделений, ибо она давала исходные данные не только для прогнозирования путевых мероприятий, но и для изучения перспектив развития водных путей в регионе.

Однако главную роль в округе играла «Описная партия Обского участка», ведшая большую работу на пристанских постах. Она составляла протоколы инвентаризации речных пристаней и постов, ведомости о судах, прошедших по Обскому участку, вела учет непаровых судов, журналы их движения через пристанские посты. Благодаря ее работе, в Управлении накапливался различный статистический материал, который затем обрабатывался и публиковался [22, с. 188, 267].

Безопасность судоходства во многом зависела от многих факторов, в частности, от уровня воды в реке и его «временных колебаниях». Эти данные всегда служили основой для проектирования путевых мероприятий и расстановки навигационных знаков и ограждений. О значимости этой работы говорил еще 19 марта 1876 г. председатель навигационно-описной комиссии Департамента шоссейных и водных сообщений П.А. Фадеев. Тогда он впервые изложил развернутую программу организации водомерных наблюдений на реках России. В том же году была разработана «Инструкция по производству» таких наблюдений. На ее основе были тогда созданы водомерные посты и осуществлен наем водомерщиков. Собираемая ими информация сыграла немалую роль в деле упорядочения движения речных судов, в определении правильной загрузки судов (в зависимости от состояния глубины рек, что заметно сократило простои судов у обмелевших участков рек). Сообщение этих данных на пристанях официально было введено перекатов в 1878 г. Со временем всем этим стала заниматься специальная служба – технический отдел Департамента водных и шоссейных путей сообщения, ставший печатью необходимую для пароходств и капитанов информацию. Сначала (с 1897 г.) это были «Дополнения к телеграфным сообщениям», а с 1912 г. (если брать интересующих нас регион, то) — «Известия Томского округа путей сообщения». В них присутствовали сведения о погоде и опасных метеорологических явлениях, о состоянии уровней воды и габаритах пути, важнейшие директивы округа и Министерства путей сообщения, сведения о происшествиях на водных путях и пристанях, объявления о торгах на производство строительных работ и строительство флота. С 28 июня 1913 г. циркулярным распоряжением были введены в них и штормовые предупреждения [23, с. 103].

Подводя итог всему сказанному выше, можно констатировать, что по мере роста в регионе объемов путевых работ и расширения функций органов управления водными путями, формировалась и структура управления путевым хозяйством. Надо заметить, что в системе государственного управления царской России ведомство водных путей сообщения было одним из наиболее бюрократических и консервативных, а это довольно существенно тормозило развитие водных путей и судоходства в стране, в том числе и в Сибири. Но, несмотря на это, прогрессивные идеи и начинания в деле развития водных путей сообщения пробивали себе дорогу, а пробив, содействовали развитию и совершенствованию речного транспорта в Сибири, заметно повышали его роль в укреплении экономики региона и страны в целом.

Библиографический список

1. Краткий исторический очерк развития и деятельности ведомства путей сообщения за сто лет существования (1798-1898 гг.). – СПб., 1898.
2. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.174. Оп.1. Ч.1. Д.687.
3. Большаков В.Н. Техническое перевооружение на речном транспорте Западной Сибири в XIX в. // Вопросы истории дореволюционной Сибири. – Томск: ТГУ, 1986.
4. Чернышев, М.С. Иртыш. Гидрографическо-навигационный очерк. – СПб., 1887.

5. Об учреждении на реках Западной Сибири надзора по обстановке путей // Русское судоходство. – 1889. – № 95.
6. Особый округ путей сообщения // Русское судоходство. – 1895. – № 159.
7. Томский округ путей сообщения // Русское судоходство. – 1897. – № 180.
8. Памятная книжка Томской губернии 1908 г. Ч. II. – Томск, 1908.
9. Памятная книжка Томской губернии 1913 г. – Томск, 1913.
10. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф.134. Оп.2. -Д.1.
11. ГАТО. Ф.134. Оп.1. Д.12.
12. Большаков В.Н. Очерки истории речного транспорта Сибири, XIX век. – Новосибирск: Наука, 1991.
13. Жбиковский, С.А. Материалы для описания русских рек и истории улучшения их судоходных условий. – СПб., 1908. – Вып. II.
14. ГАТО. Ф.134. Оп.1. Д.205.
15. Там же. Д.91.
16. Там же. Д.163.
17. Русское судоходство – 1903. – № 250.
18. Государственный архив Алтайского края (ГAAK). Ф.4. Оп.1. Д.343.
19. ГАТО. Ф.134. Оп.1. Д.8.
20. Там же. Д.15.
21. Там же. Д.39.
22. Статистические материалы о движении грузов и пассажиров по водным путям, состоящих в заведывании Томского Округа Путей Сообщения, за навигации 1904-1910 гг. / Сост. М.И.Цитович. – Томск: Тип. Дет. Приюта и Дома Трудолюбия, 1913. – с. 188, 267.
23. Краткое описание исследований реки Оби от г. Бийска до юрт Тяговых, произведенных Обскою описною партией в 1897-1900 гг. под начальством инженеров Степанова и Стрижева / Министерство путей сообщения. – СПб.: Отд. статист. и картогр. МПС, 1905.

Bibliography

1. Kratkiy istoricheskiy ocherk razvitiya i deyatel'nosti vedomstva putey soobsheniya za sto let sushchestvovaniya (1798-1898 gg.). – SPb., 1898.
2. Rossiyskiy gosudarstvenniy istoricheskiy arkhiv (RGIA). F.174. Op.1. Ch.1. D.687.
3. Bol'shakov V.N. Tekhnicheskoe perevooruzhenie na rechnom transporte Zapadnoy Sibiri v XIX v. // Voprosih istorii dorevolucionnoy Sibiri. – Tomsk: TGU, 1986.
4. Chernyshev, M.S. Irtish. Gidrograficheskoe-navigatsionniy ocherk. – SPb., 1887.
5. Ob uchrezhdenii na rekakh Zapadnoy Sibiri nadzora po obstanovke putey // Russkoe sudokhodstvo. – 1889. – № 95.
6. Osobiy okrug putey soobsheniya // Russkoe sudokhodstvo. – 1895. – № 159.
7. Tomskiy okrug putey soobsheniya // Russkoe sudokhodstvo. – 1897. – № 180.
8. Pamyatnaya knizhka Tomskoy gubernii 1908 g. Ch. II. – Tomsk, 1908.
9. Pamyatnaya knizhka Tomskoy gubernii 1913 g. – Tomsk, 1913.
10. Gosudarstvenniy arkhiv Tomskoy oblasti (GATO). F.134. Op.2. -D.1.
11. GATO. F.134. Op.1. D.12.
12. Bol'shakov V.N. Ocherki istorii rechnogo transporta Sibiri, XIX vek. – Novosibirsk: Nauka, 1991.
13. Zhbikovskiy, S.A. Materiali dlya opisaniya russkikh rek i istorii uluchsheniya ikh sudokhodnykh usloviy. – SPb., 1908. – Vihp. II.
14. GATO. F.134. Op.1. D.205.
15. Tam zhe. D.91.
16. Tam zhe. D.163.
17. Russkoe sudokhodstvo – 1903. – № 250.
18. Gosudarstvenniy arkhiv Altayskogo kraia (GAAK). F.4. Op.1. D.343.
19. GATO. F.134. Op.1. D.8.
20. Tam zhe. D.15.
21. Tam zhe. D.39.
22. Statisticheskie materialii o dvizheniiy gruzov i passazhirov po vodniym putyam, sostoyathikh v zavedivaniy Tomskogo Okrug Putey Soobsheniya, za navigatsii 1904-1910 gg. / Sost. M.I.Citovich. – Tomsk: Tip. Det. Priyuta i Doma Trudolyubiy, 1913. – s. 188, 267.
23. Kratkoe opisanie issledovaniy reki Obi ot g. Biiyska do yurt Tyagolovikh, proizvedennikh Obskoyu opisnoyu partieyu v 1897-1900 gg. pod nachal'stvom inzhenerov Stepanova i Strizheva / Ministerstvo putey soobsheniya. – SPb.: Otd. statist. i kartogr. MPS, 1905.

Статья поступила в редакцию 05.08.11

Раздел 4

СОЦИОЛОГИЯ

Ведущий эксперт раздела:

ЮРИЙ ЕФИМОВИЧ РАСТОВ – д-р социологических наук, профессор, действительный член Академии социальных наук, зам. председателя диссертационного совета по социологии при Алтайском Государственном университете (г. Барнаул)

УДК 316.4

Dityatev A. Y. THE CONCEPT OF VITAL FORCES OF THE PERSON AS A METHODOLOGICAL BASIS OF SOCIOLOGICAL STUDYING OF PHENOMENA OF OPTIMISM AND PESSIMISM IN A MODERN SOCIETY. In the article substantive provisions of the concept of vital forces of the person with reference to studying of social moods of optimism and pessimism in a modern society are stated. Intrinsic characteristics of studied phenomena are revealed. The basic problems of methodology of the given research, and also a way of their decision are designated.

Key words: vital forces, social self-realization, individual self-realization, social mood, optimism, pessimism, methodology of sociological research.

А.Ю. Дитятев, аспирант АлтГУ, г. Барнаул, E-mail: antidityatev@yandex.ru

КОНЦЕПЦИЯ ЖИЗНЕННЫХ СИЛ ЧЕЛОВЕКА КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВАСОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ФЕНОМЕНОВ ОПТИМИЗМА И ПЕССИМИЗМА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

В статье изложены основные положения концепции жизненных сил человека применительно к изучению социальных настроений оптимизма и пессимизма в современном обществе. Выявлены сущностные характеристики изучаемых феноменов. Обозначены основные проблемы методологии данного исследования, а также пути их решения.

Ключевые слова: жизненные силы, социальная субъектность, индивидуальная субъектность, социальное настроение, оптимизм, пессимизм, методология социологического исследования.

Проблема счастья и путей его достижения издавна увлекала человека. Более того, вся человеческая деятельность прямо или опосредованно обусловлена стремлением к искомому счастью. Эта проблема тесно связана с понятиями оптимизма и пессимизма как альтернативами видения благополучия или страдания в будущем.

Однако в рамках данной статьи мы анализируем оптимизм и пессимизм не как абстрактные категории философии или психологии. Наша цель – рассмотреть данные феномены с социологической точки зрения. Тем не менее, необходимо отметить, что подобное исследование неизбежно носит междисциплинарный характер. Во-первых, оптимизм и пессимизм – это субъективные переживания и оценки индивидами жизни в целом, а также перспектив на будущее. Во-вторых, это не только рефлексии, обусловленные исключительно психологическими особенностями, но также являющиеся отражением объективной реальности. И, наконец, в третьих, оптимизм и пессимизм носят социальный характер, поскольку эти альтернативные позиции отчасти сформированы обществом и по поводу общества, то есть отношений и процессов, которые в нем протекают. В рамках данного исследования оптимизм и пессимизм изучаются как социальные феномены, как социальные настроения. На этой основе было сформулировано рабочее определение понятий оптимизма и пессимизма.

Таким образом, оптимизм – это социальное настроение, характеризующееся позитивными самооценками индивидов,

оценками мира, общества, социальных групп, социальных процессов, а также тенденций их развития. Пессимизм, соответственно, будет проявляться в негативных оценках.

Концепция жизненных сил человека, развиваемая С.И. Григорьевым, Л.Д. Деминой, Ю.Е. Растовым и др., способна расширить и углубить понимание изучаемых процессов. Данная концепция, по нашему мнению, обладает высоким методологическим потенциалом в изучении нашей проблемы. Виталистская социология, отличаясь специфическим категориальным аппаратом, способна выступить в качестве объяснительной модели формирования и динамики оптимизма и пессимизма в современном обществе. Перейдем к анализу и интерпретации основных категорий социологического витализма применительно к нашему исследованию.

Под жизненными силами человека авторы концепции понимают способность людей «... воспроизводить и совершенствовать свою жизнь индивидуально-личностными и организационно-коллективными средствами» [1, с. 33]. Жизненные силы, в свою очередь, реализуются в рамках жизненного пространства как единства экологического, территориального, экономического, политического, и социально-бытового пространства среды обитания [2].

По мнению, Л.Д. Деминой и И.А. Ральниковой, изучающих психологическое здоровье с позиций витализма, психо-семантическая характеристика жизненных сил раскрывается в категориях «образ», «действие», «мотивация», «индивид»,

«личность», «индивидуальность», а также «психологическое время личности» [3]. Проанализировав содержание данных понятий, мы пришли к выводу, что отнюдь не все категории, характеризующие жизненные силы, представляют одинаковую ценность для нашего исследования. Категория «образ» является основой формирования индивидуальных и социально-групповых картин мира. Становление «образа» происходит под воздействием как личного, так и коллективного психосоциального опыта, а также на основе научного знания о людях. Если оптимизм и пессимизм представляют собой оценки человеком мира, себя в мире, а также перспектив на будущее, то использование категории «образ» позволит описать объективно-субъективные представления индивидов, сформированные как социальной реальностью, так и на основе личностного опыта и индивидуальных психологических особенностей каждого человека. Понятие «действие» характеризует структуру активности индивида, а «мотивация» является побуждающей основой этой активности. Потребности входят в структуру мотивации и представляют особый интерес для нашего исследования. Изучение социальных действий, мотивов и потребностей позволит выявить степень активности членов общества и косвенно определить, насколько оптимистично или пессимистично последнее. Как известно, оптимизм чаще всего проявляется в активности и ориентации на преобразование реальности. Пессимизм, напротив, чаще всего характеризуется пассивностью и квиетизмом. Ведь если нет веры в улучшение жизни в будущем, то нет и смысла действовать. Понятия «индивид», «личность» и «индивидуальность» являются второстепенными в данной работе. Несмотря на то, что мы исследуем общество с позиций социологического номинализма, а также не отрицаем некоторый «психологизм» данной работы, тем не менее считаем, что глубокое изучение индивидуальных особенностей респондентов не входит в задачи исследования. Категория «психологическое время личности» рассматривается в контексте планов на будущее. В виталистской социологии уделяется внимание жизненным перспективам, что также представляет методологическую ценность для изучения оптимизма и пессимизма. Жизненные перспективы условно разделены на три элемента:

1) ближайшая перспектива (включает планирование средств достижения цели),

2) средняя (включает постановку жизненных целей),
3) дальняя (анализ потребностей и мотивов – того, ради чего достигается цель) [4]. Анализируя планы на будущее, мы сможем выявить особенности социальных настроений. Так, например, если в ходе исследования будет выявлено отсутствие долгосрочных и четко оформленных планов на будущее, то можно будет косвенно заключить о пессимистических настроениях, проявляющихся в пассивности, и вызванных объективными социальными факторами.

Авторы концепции напрямую связывают степень удовлетворения потребностей индивидов и реализацию их жизненных сил. Эта идея близка основному положению данной работы о том, что оптимизм и пессимизм зависит от возможности удовлетворять основные потребности в рамках общества. Социолого-психологический аспект жизненных сил рассматривается как способность к удовлетворению потребностей по-

средством активной деятельности в основных сферах общества [5]. Таким образом, если индивид или социальная группа способны реализовывать свои потребности в контексте социальных отношений, то, условно выражаясь, их жизненные силы будут развиваться, что, несомненно, будет обеспечивать оптимистическое восприятие жизни. С другой стороны, оптимизм побуждает индивидов вступать в социальное взаимодействие по поводу удовлетворения базовых потребностей, предполагая веру в достижимость поставленных целей. Следовательно, жизненные силы общества и их реализация тесно связаны с социальными настроениями оптимизма и пессимизма. Они обуславливают друг друга в процессе жизнедеятельности общества. Иными словами, оптимизм можно назвать источником жизненных сил, и поступательно развивающиеся, реализующиеся жизненные силы общества являются гарантом оптимистического восприятия реальности. Это воля к жизни, к успеху и достижениям. В противном случае, фрустрация, недостижимость целей и невозможность реализовать свои планы провоцирует пессимистические настроения.

Другими важными категориями виталистской социологии являются: социальная и индивидуальная субъектности. Под социальной субъектностью понимается

«... способность индивида к решению общественно значимых задач, достижению социальных целей, к эффективному использованию в своих целях социально-организационных мер, общественных институтов» [1, с. 137]. Индивидуальная субъектность формируется на основе врожденных биологических особенностей человека и позволяет реализовывать его жизнь индивидуально-личностными средствами. Авторы концепции также выделяют несколько типов субъектности человека. К ним относятся: производственно-экономическая, политическая, духовно-культурная, социально-бытовая и правовая субъектности [1]. Понимание жизненных сил человека как единства его социальной и индивидуальной субъектностей позволяет сформулировать особенности поведенческих стратегий индивидов, групп или общества в целом. Так, например, первую стратегию можно условно назвать «коллективистской». Ее сущность заключается в том, что индивиды или социальные группы видят гарантию осуществления своих жизненных сил посредством использования тех или иных социальных институтов. Иными словами, жизненные силы реализуются организационно-коллективными средствами. Такая установка предполагает веру в поддержку индивида обществом, какой-либо социальной группой, властью. Вторую ориентацию можно охарактеризовать как «индивидуалистскую», содержание которой заключается в вере в собственные силы, целеустремленность, волю, таланты и т.п. Несомненно, в реальной жизни невозможно встретить «абсолютных» представителей вышеуказанных моделей поведения. В каждом человеке зачастую парадоксальным образом сочетаются эти жизненные стратегии, отражая индивидуальный и коллективный опыт.

Таким образом, анализ концепции жизненных сил человека представляет собой достаточно целостную теоретическую модель и позволяет раскрыть сущность процессов формирования оптимизма и пессимизма в современном обществе, что и требовалось доказать.

Библиографический список

1. Жизненные силы человека: социальная метатеория или виталистская парадигма?: монография / под ред. С.И. Григорьева, Л.Д. Деминой. – Барнаул, 2000.
2. Словарь виталистской социологии / под ред. чл. – корр. РАО С.И. Григорьева. – М., 2006.
3. Демина Л.Д., Ральникова И.А. Психологическое здоровье и защитные механизмы личности: учебное пособие / Л.Д. Демина, И.А. Ральникова. – Барнаул, 2000.
4. Современное общество и личность в социологии жизненных сил человека // Социальные детерминанты эволюции жизненных сил человека и общества / под. ред. С.И. Григорьева, Л.Д. Деминой. – Барнаул, 1999.
5. Григорьев С.И. Концепция жизненных сил человека в структуре социологического знания / С.И. Григорьев, Л.Д. Демина, Ю.Е. Растов. – Барнаул, 1996.

Bibliography

1. Zhiznenniye sili cheloveka: social'naya metateoriya ili vitalistskaya paradigma?: monografiya / pod red. S.I. Grigorjeva, L.D. Deminoy. – Barnaul, 2000.
2. Slovarj vitalistskoj sociologii / pod red. chl. – korr. RAO S.I. Grigorjeva. – M., 2006.

3. Demina L.D., Ralnikova I.A. Psikhologicheskoe zdorovje i zathitnihe mekhanizmihi lichnosti: uchebnoe posobie / L.D. Demina, I.A. Ralnikova. – Barnaul, 2000.
4. Sovremennoe obthstvo i lichnostj v sociologii zhiznennihkh sil cheloveka // Socialnihe determinanti ehvolucii zhiznennihkh sil cheloveka i obthstva / pod. red. S.I. Grigorjeva, L.D. Deminoy. – Barnaul, 1999.
5. Grigorjev S.I. Konceptiya zhiznennihkh sil cheloveka v strukture sociologicheskogo znaniya / S.I. Grigorjev, L.D. Demina, Yu.E. Rastov. – Barnaul, 1996.

Статья поступила в редакцию 20.07.11

УДК 316.4

Maslov M.S. CURRENT BOOK CASE OF RUSSIA AND SIBERIA: ASPECTS OF DEVELOPMENT. In article pressing question of a condition of modern regional book cases is considered. The analysis of self-appraisals and estimations of activity of the basic participants of book business reveals the problems demanding the decision. Activity of participants of book business has got different orientations that generates distruction studied social institute.

Key words: book publishing, bookselling activities, book business, the reader's interest, participants of book business, social significance, social institute, sociological research.

М.С. Маслов, аспирант АлмГАКИ, E-mail: maslovmc@mail.ru;

Р.А. Трофимова, д-р. социол. наук, проф. АлмГАКИ, E-mail: maslovmc@mail.ru

СОВРЕМЕННОЕ КНИЖНОЕ ДЕЛО СИБИРИ ГЛАЗАМИ ЕГО УЧАСТНИКОВ

В статье рассмотрен актуальный вопрос состояния современного регионального книжного дела. Анализ самооценок и оценок деятельности основных участников книжного дела выявляет проблемы, требующие решения. Деятельность участников книжного дела приобрела разноректорную направленность, что порождает дисфункционирование изучаемого социального института.

Ключевые слова: книгоиздание, книготорговая деятельность, книжный бизнес, читательский интерес, участники книжного дела, общественная значимость, социальный институт, социологическое исследование.

Сегодня социологи солидарны в утверждении того, что реформирование российского общества привело не только к успехам в развитии рыночных экономических отношений и демократизации политической жизни, но и к существенным духовно-нравственным потерям. Протекающий процесс обездуховления большинства россиян имеет много причин. Попробуем выделить их посредством самооценок книгоиздате-

лей, книготорговцев, книгопокупателей, библиотечных работников состояния книжного дела в Сибири.

Начнем анализ самооценок книгоиздателей с таблицы, составленной нами по итогам изучения документации двадцати частных и двадцати вузовских (государственных) издательств, вошедших в выборку исследования (таблица 1).

Таблица 1

Формальные показатели обобщенной деятельности книжных издательств четырех регионов
Сибирского Федерального округа (в абсолютных цифрах)

№	показатели	Годы										
		2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
1	Издано (по наименованиям)	203	182	191	190	195	198	201	208	187	192	198
2	Суммарный тираж (в тыс. экземпляров)	203	120,5	191	152	159	189	201	203,5	102	110	135,65
3	Отмеченные премиями вузов органов власти, общественных организаций и вузов	53	49	56	89	63	71	68	56	69	73	76
4	Получили официальные рекламации	5	3	2	0	0	5	3	3	2	2	0
4.1.	В т.ч. по содержанию	1	0	0	0	0	2	1	1	0	2	0
4.2.	оформлению	2	2	1	0	0	1	1	0	0	0	0
4.3.	редактированию	0	1	1	0	0	2	1	1	0	0	0
4.4.	типографическому исполнению	2	0	0	0	0	0	0	1	1	0	0
4.5.	Срокам исполнения заказов	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0

Таблица 1 свидетельствует о сравнительно благополучности состояния сибирского книгоиздательства. Колебания в показателях изданных книг (по количеству наименований и тиражам), обусловленные экономическими кризисами, не выглядят катастрофическими, а малочисленность рекламаций на продукцию местных издательств характеризует ее как высококачественную. При этом семь рекламаций (из 25) связано

с контекстом (содержанием) изданных книг. Заметим, что под рекламациями, относящимися к содержанию книг, подразумеваются официальные заключения органов власти, судов и общественных организаций. Все рекламации подобного рода относятся к продукции частных издательств. Гипотеза о благополучии книгоиздания в Сибири, на первый взгляд, подтверждается диаграммами 1, 2 (рис.1).

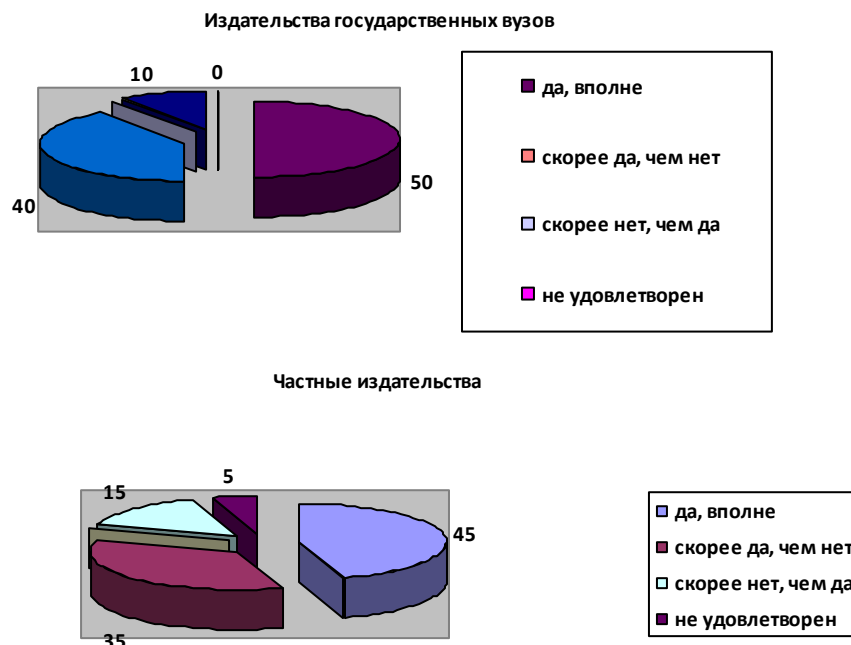

Рис. 1. Распределение ответов руководителей издательств на вопрос:
«Довольны Вы своей работой?» (в % к числу опрошенных)

Однако, это утверждение не выдерживает критики, когда дело доходит до углубленного анализа самооценок книгоиздателей и книготорговцев.

В сентябре 2009 года в Москве состоялась научно-практическая конференция по теме: «Социальная ответственность книжного бизнеса», на которой были оглашены результаты экспертного опроса, проведенного Центром коммуникативных технологий по заказу Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям. Выяснилось, что наиболее значимыми аспектами социальной ответственности книжного бизнеса эксперты считают: 1) художественную и / или научную ценность вновь публикуемых книг (средний ранг значимости этого аспекта измеряется условной величиной, равной 1,75); 2) просветительскую функцию книжного дела (ранговый показатель – 1,8); 3) технологическую качественность издаваемых книг (художественно-полиграфический уровень, корректура, верстка текста и т.п.) – усредненный ранг значимости – 3,2; 4) социальную политику работодателей на предприятиях книгоиздания и книготорговли по отношению к наемным работникам (т.е. соблюдение нормативов Трудового кодекса РФ) – ранговый показатель 3,6; 5) благотворительную деятельность – 4,4; 6) иные формы безвозмездной помощи социально ослабленным группам населения, своевременную и

полную уплату налогов – 5,9. Примечательно, что вопрос исследователей о качестве книжной продукции был понят в технолого-типографском стиле, без связи с содержанием книг, без учета влияния их прочтения на мировоззрение, духовность, морально-нравственные установки людей. Качество содержания (контекст) книг издателями не оценивалось вообще, они и организаторы опроса показывают, что такая оценка – не их забота, а дело литературоведов и читателей, социальных функций института книжного дела.

Многое из вышесказанного о региональных книгоиздателях в полной мере относится и к книготорговцам. По мнению руководителей крупных книготорговых фирм Сибирского Федерального округа, торговать художественной классикой (русской дореволюционной, советской и зарубежной), публицистикой, поэзией и социально-политической литературой, по убеждению книготорговцев, убыточно. Стабильный доход приносит торговля детективами, фантастической и приключенческой литературой, «женскими романами», сборниками анекдотов, учебниками и произведениями для детей. При этом эксперты-книготорговцы полагают, что они хорошо знают, в каких книгах нуждаются основные категории покупателей книг (таблица 2).

Таблица 2

Распределение ответов руководителей книжных магазинов и фирм на вопрос:
«Знаете ли Вы читательские предпочтения следующих категорий покупателей?» (в % к числу опрошенных)

№	Категория читателей	Да, вполне	Скорее да, чем нет	Скорее нет, чем да	Нет, не знаю	Трудно сказать
1	Студенты и учащиеся	90,0	10,0	0	0	0
2	Бизнесмены (частные предприниматели)	65,0	25,0	5,0	0	5,0
3	Чиновники	50,0	40,0	5,0	5	5,0
4	Служащие силовых структур	80,0	20,0	0	0	0
5	Интеллигенты (ученые, учителя, врачи, работники культуры)	55,0	20,0	10,0	10,0	5,0
6	Пенсионеры и инвалиды	75,0	95,0	0	0	0

Ниже будет показано, что таблица 2 иллюстрирует излишнюю самоуверенность руководителей книготорговых организаций, которая небезобидна, так как приносит ущерб не

только им самим, но и другим участникам книжного дела. Последнее замечание относится к таблице 3.

Таблица 3

Распределение ответов руководителей книготорговых организаций на вопрос: «Бывали ли случаи...?»
(в % к числу ответивших по каждой позиции)

№	Варианты продолжения вопроса	Варианты ответа			Итого
		Да	Нет	Не знаю	
1	жалоб покупателей на работу Вашего магазина	2,5	87,5	10,0	100,0
2	расторжения договоров с издательствами по их инициативе	15,0	85,0	0	100,0
3	оштрафования магазина органами власти и управления	95,0	5,0	0	100,0
4	судебных исков к магазину (фирме)	7,5	92,5	0	100,0
5	иных конфликтов с властью, издательствами, покупателями, общественными организациями, покупателями книг	12,5	75,0	12,5	100,0

Любая торговля, в том числе книжная, конфликтотенна. Поэтому низкие показатели первой колонки, особенно, по первой и пятой строкам таблицы 3 вызывают сомнения в искренности опрошенных книготорговцев. Эти сомнения усиливаются многочисленными случаями отказов предоставлять покупателям книги жалоб и предложений. Такие книги имеются во всех обследованных книготорговых центрах, но первому требованию покупателей получить их трудно. Об этом заявили 85% книгопокупателей, а интервьюеры убедились в их правоте лично. Кроме того, ознакомление с записанными в этих книгах замечаниями покупателей свидетельствует о том, что показатель, зафиксированный в левой верхней клеточке комментируемой таблицы, как минимум в десять раз занижен.

Обратим внимание на высокие показатели неудовлетворенности практикой взаимодействия книготорговых организаций друг с другом (62,5%), книжными издательствами, органами власти и общественными организациями (30% и выше). Здесь мы опять сталкиваемся с противоречивым желанием книжных бизнесменов такого (ныне существующего управления) их деятельностью, которое будет регулировать взаимодействие структур и учреждений книжного дела без ущемления самостоятельности бизнесменов. А сейчас перейдем к характеристике оценок, даваемых книжным бизнесменам, другими акторами книжного дела.

Речь пойдет о соответствии библиотечных фондов запросам читателей (смотри рис. 2).

Оценка руководителями библиотек соответствия библиотечных фондов запросам читателей (в %)

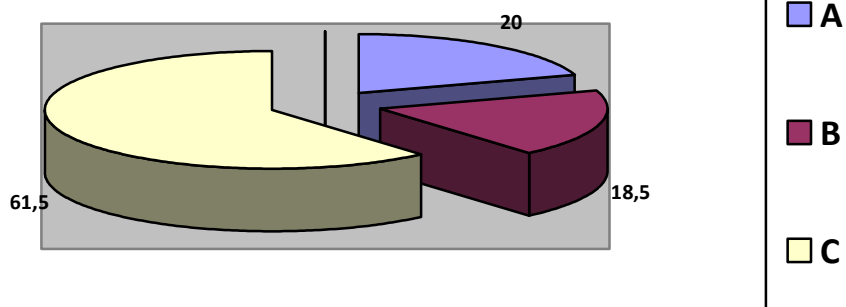

Рис. 2.

A – фонд библиотеки превышает запросы большинства читателей

B – фонд удовлетворяет все запросы читателей

C – фонд явно не удовлетворяет запросы читателей

Уточним данные рисунка 2. Когда руководители библиотек говорят о том, что книжные фонды не удовлетворяют запросам читателей, то они имеют в виду два качественных неравноценных обстоятельства – несоответствие содержания фонда потребностям: а) некоторых читателей; б) большинства читателей. Поэтому показатель 61,5% образуется сложением 15,5% (столько ответов по варианту а) и 46% (ответивших по варианту б). На вопрос: «Заявки на литературу каких жанров Ваша библиотека чаще всего: а) удовлетворяет в какой мере; б) не удовлетворяет?» были получены разнообразные ответы, систематизация и соответствующие подсчеты, которых позволяют сделать такие выводы:

- Муниципальным библиотекам явно не достает литературы: религиозной, особенно, православной; научно-популярной; учебной (по программам начального и среднего профессионального образования); справочной, в т.ч. словарей; краеведческой (книг местных авторов и изданий художественного, историче-

ского и культурологического характера); классической художественной, как российской, так и зарубежной; исторических романов и мемуаров.

- Большинство государственных (религиозных и вузовских) библиотек испытывают дефицит, прежде всего: переводной научной литературы; отечественной научно и научно-популярной литературы по социальной проблематике (социологической, экономической, юридической, политической и конфликтологической и экологической); учебно-методической (по профилактике высшего и поствузовского образования, а также организации бизнеса); справочной (по отраслям знания); краеведческой (по всем направлениям этого жанра).

Эти выводы, интегрирующие оценки шестидесяти руководителей библиотек региона Сибири, слабо согласуются с установками книгоиздателей на производство и воспроизводство развлекательной литературы в т.ч. легких жанров, что

обнаруживает комплекс проблем, нерешенность которых тормозит развитие социального института книжного дела.

Важно заметить, что население региона (точнее, ее репрезентативная группа, ставшая нашими респондентами) деятельностью библиотек довольна в гораздо большей степени, чем работой книгоиздательств и книготоргов. Из четырехсот опрошенных покупателей книг книжные магазины посещают: а) систематически, точнее не менее 1 раза в месяц, 82 человека (20,5%); б) периодически (раз в 2-3 месяца) – 152 (38%); в) редко – 166 (41,5%), в т.ч. оказались в книжном магазине покупатели книг – 51,5%.

Удельный вес несостоявшихся покупателей (46,5%) среди редких посетителей книжных магазинов выше, чем среди покупателей периодически посещающих магазин, и, особенно, систематических клиентов книготоргов. Это вполне естественно. Однако эти проценты указывают и на обратную связь – редкие приходы в книготорги могут быть следствием неоднократных неудач в поиске нужного произведения.

Ценообразование книжной продукции, изготовленной как местными, так и центральными издательствами, остается неведомой ее покупателям. Многие из них задают продавцам книг вопросы типа: «Почему качественно изданная (на хорошей бумаге и в надежном переплете) книга московского изда-

тельства стоит столько же (или даже дороже) такой же по объему книги, изготовленной местным издательством на газетной бумаге, в т.ч. в мягком переплете, разваливающимся в руках читателя?» Как правило, удовлетворяющего книгопокупателя ответа не дают ни продавцы, ни издатели, что естественно, снижает желание приобретать продукцию частных региональных издательств. Большинство книгопокупателей недоумевает по поводу отсутствия в книготоргах практики торга, в т.е. рыночных механизмов процедуры купли-продажи книг. В этой связи показателен результат (90,5% покупателей считают, что торговаться при покупке книг неуместно), отражающий соотношение ответов книгопокупателей на вопрос: «Торгуетесь ли с продавцами при покупке книг?»

Анализ самооценок и оценок деятельности основных участников книжного дела обнаруживает большое количество проблем, требующих решения. То, что устраивает книгоиздателей, противоречит интересам потребителей книжной продукции. Практика книготорговли не проявляется ни у книгопокупателей, ни у библиотечных работников, а предложения последних игнорируются производителями книг. Деятельность структур системы книжного дела приобрела разновекторную направленность, что порождает дисфункционирование изучаемого нами социального института.

Статья поступила в редакцию 20.07.11

УДК 316.4

Fotieva O.N. EXTREMISM AS SOCIAL PATHOLOGY. In the article the basic senses of concept of "social pathology" are analyzed and their general kernel is isolated. On this basis the extremism phenomenon is considered, two various aspects of concept of extremism are allocated and there is shown that the extremism, in its second aspect, can be classified as social pathology.

Key words: social pathology, ethnopolitical extremism, ideology and practice of extremism.

О.Н. Фотиева, аспирант кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий АлтГУ, г. Барнаул, E-mail: ollyanf@yandex.ru

ЭКСТРЕМИЗМ КАК СОЦИАЛЬНАЯ БОЛЕЗНЬ

В статье анализируются основные смыслы понятия «социальной болезни» и вычленяется их общее ядро. На этой основе рассматривается феномен экстремизма, выделяются два различных аспекта понятия экстремизма и показывается, что экстремизм, во втором его аспекте, может быть классифицирован как социальная болезнь.

Ключевые слова: социальная болезнь, этнополитический экстремизм, идеология и практика экстремизма.

В понятие социальной болезни, как известно, вкладываются два устойчивых, но разных смысла. Первый сформировался в рамках медицины, и, согласно ему, к социальным болезням относятся заболевания, связанные с неблагоприятными социально-экономическими условиями: туберкулез, венерические заболевания, алкоголизм, наркомания и т.д. Они являются спутниками бедности, войн и других социальных катаклизмов. Принято считать, что уровень заболеваемости социальными болезнями отражает социально-экономическую ситуацию в стране. В данном случае термин «болезнь» употребляется в своем прямом смысле.

Второй смысл понятия «социальная болезнь» связан с социальными науками и в широком смысле близок понятию «социальная проблема». Здесь термин «болезнь» употребляется в переносном смысле (вначале более употребительным был термин «социальные патологии»), и здесь очевидна аналогия с биолого-медицинскими представлениями, когда социальные проблемы воспринимаются как угрозы нормальной работе *социального организма*. Во многом эти представления опирались на органическую школу в социологии, основателем которой является Г. Спенсер. Кроме подхода *социальной патологии*, можно также выделить подходы *социальной дезорганизации* (У. Томас, Ф. Знанецкий, Р. Парк, Р. Маккензи, и др.) и *функционалистский* (Р. Мертон, Р. Нисбет и др.). В последнем социальные проблемы и соответствующие им виды девиант-

ного поведения рассматриваются как нормальное реагирование людей на социальную ситуацию, в которой они оказываются. «Наша главная задача состоит в том, чтобы понять, каким образом *социальная структура* побуждает некоторых членов общества к несоответствующему предписаниям поведению» [1, с. 29]. В конце 20 века большую роль приобрел конструкционистский подход, основные идеи которого были сформулированы М. Спектором и Дж. Китсьюзом. Социальные проблемы понимаются здесь «...как *деятельность индивидов или групп по выражению недовольства и выдвижению утверждений-требований относительно некоторых предполагаемых условий*. Социальные проблемы, с этой точки зрения, конструируются индивидами или группами, привлекающими внимание общественности к тем или иным условиям и выступающими с требованием их изменения» [2, с. 273]. Но, так или иначе, при всех расхождениях данные подходы близки в том, что социальные проблемы – это то, что препятствует нормальному функционированию и развитию общества в целом, а, значит, и его членов.

В чем отличие понятия «социальная проблема» от понятия «социальная болезнь»? Как пишет И. Рывкина, понятие «социальные проблемы» «высвечивает отдельные негативные черты общества (например, проблему безработицы, проблему бедности, проблему преступности и др.). Но оно не ориентирует на изучение здоровья общества как целого, как социаль-

ной системы... Если в обществе накапливается поведение, которое не соответствует ожиданиям общества, то есть накапливается «аномальное», «ненормативное поведение», то наступает социальная дезорганизация. Такое общество можно считать больным» [3].

На наш взгляд, с учетом вышесказанного, различие здесь надо проводить более тонко, особенно учитывая, что многие социальные болезни являются одновременно и сугубо медицинскими, как, например, наркомания. Судя по всему, можно применять термин «социальная болезнь» именно по отношению к тем социальным проблемам, когда налицо, во-первых, прямой медицинский аспект ситуации, как в случаях той же наркомании, или СПИДа, или проблем инвалидов, или тех или иных психических отклонений. Таким образом, например, безработица, это скорее социальная проблема, чем социальная болезнь. Во-вторых, социальная болезнь, как и медицинская, имеет свойство «заражения», то есть индивид, подверженный ей, имеют влияние на социальное окружение. Таким образом, **два вышеотмеченных смысла термина «социальная болезнь» обнаруживают общее ядро.**

Данный подход является, на наш взгляд, весьма продуктивным при интерпретации многих современных социальных явлений и в том числе **экстремизма**. В последнее время многие авторы относят различные формы экстремизма к числу социальных болезней, среди которых выделяется этнополитический экстремизм, вызывающий растущую озабоченность как правительств многих стран, так и специалистов, и населения. Но в то же время часто подчеркивается размытость и неопределенность самого понятия экстремизма. В.С. Мартынов и Л.Г. Фишман считают, что в самом общем приближении экстремизм «...это *политическая практика*, в основе которой лежат *радикальные идеи*, отрицающие идейно-институциональные основы данного общественно-политического устройства и призывающие к немедленному насильственному изменению легитимного конституционного строя» [3, с. 3]. В то же время В.Е. Петрищев определяет его следующим образом: «Экстремизм (от латинского *extremus* – крайний) – приверженность отдельных лиц, групп, организаций и т.п. к крайним взглядам, позициям и мерам в общественной деятельности. Экстремизм распространяется как на сферу общественного сознания, общественной психологии, морали, идеологии, так и на отношения между социальными группами (социальный экстремизм), этносами (этнический или национальный экстремизм), общественными объединениями, политическими партиями, государствами (политический экстремизм), конфессиями (религиозный экстремизм)» [4, с. 35] Как легко видеть, первое определение однозначно связывает экстремизм с политической практикой, второе же определение гораздо шире. Сразу скажем, что оно нам представляется более адекватным, хотя бы потому, что большинство авторов выделяют разные виды экстремизма: политический, религиозный, национальный, социальный, социоэкономический и т.д., то есть виды, которые могут не иметь выраженной политической окраски.

Таким образом, налицо смешение *двух, совершенно различных аспектов данного понятия.*

Первый связан с неприятием определенными социальными группами существующего политического строя и с действиями, которые в рамках данного строя относятся к нелегитимным. При этом легитимность действий самого государства может рассматриваться в рамках международного права, которое в качестве наднационального, основанного на правах человека, может признавать действия *государства* нелегитимными. Отметим, что различные, в том числе нелегитимные практики, направленные на изменение тех или иных социальных институтов (в том числе института власти) подпадают под классификацию конструкционистского подхода. «Исключительно важное место в рамках конструкционистского подхода занимает модель *стадий социальной проблемы* Спектора

и Китсьюза, более сложная по сравнению с версией Фуллера и Майерса. Она включает следующие стадии. Стадия 1. Группа (или группы) пытается утверждать, что некоторое условие существует, определяет его как оскорбительное, вредное, нежелательное, предаст эти утверждения гласности, инициирует обсуждение, делает данное условие предметом общественного внимания и политического интереса. Стадия 2. Признание обоснованности требований этой группы некоторыми официальными органами. Это может привести к официальному расследованию, предложениям реформы, созданию официальной организации с целью отреагировать на эти утверждения-требования. Стадия 3. Повторное выдвижение утверждений-требований инициативной группой (или другими группами), выражающее неудовлетворенность установленным порядком ведения дел относительно данного условия, бюрократическим обращением с утверждениями-требованиями, неспособностью создать условия сотрудничества и доверия в рамках этого порядка и бездушным отношением к утверждениям-требованиям. Стадия 4. Отказ группы, выдвигающей утверждения-требования, от надежды на деятельность официальной организации или института или отсутствие официальной реакции и разворачивание деятельности по созданию альтернативных, параллельных или противодействующих институтов» [2, с. 268]

Второй же аспект, на наш взгляд, отражает специфические психологические установки определенных групп и индивидов, которые классифицируются как патологические или близкие к патологическим с собственно медицинской точки зрения. Как пишет О. Бахтияров, участники экстремальных действий, как правило, находятся в измененных состояниях сознания, при которых изменяется картина мира, базовые ценности, механизмы восприятия и оценки окружающей среды. Понять экстремальное явление можно лишь сформировав особое сознание, сочетающее в себе ключевые регулярные и экстремальные характеристики, в частности, при использовании специальных деконцентрационных психотехнологий. [4].

Таким образом, данное явление требует самого пристального внимания не только социологов, но и социальных психологов и медиков. Типичным примером являются так называемые «молодежные субкультуры» экстремистски-националистической ориентации, например, скинхэды. Исследователи классифицируют данное явление именно как социальную болезнь; так, например, Ягубян А.В. анализирует данное явление, опираясь на работы А. Адлера и введенные им понятия «комплекса неполноценности», «компенсации и сверхкомпенсация». Как известно, «комплекс неполноценности – это психопатологический синдром и одновременно особая форма мироощущения и поведения отдельных индивидов. Он заключается в стойкой уверенности человека в собственной неполноценности как личности... Позднее это, чувство вытесняется в бессознательное. Парадоксальным является то обстоятельство, что комплекс неполноценности зачастую переходит в комплекс превосходства. Социальная неприспособленность, неуверенность в себе сменяется искаженным стремлением самоутвердиться любой ценой... На этой психологической основе возникает стойкая установка на деструктивное агрессивное поведение» [5]. При этом скинхэды, по мнению автора, это «продукт тяжелых социальных потрясений, маргинальные элементы, балансирующие на грани законности и правопорядка... Одни из них сублимируют свою неудовлетворенность в клубах и на дискотеках, другие находят утешение в алкоголе и других наркотических средствах, а третьи, чтобы хоть как-нибудь отличаться, сбрасывают на голове волосы и с криком “бей жидов, спасай Россию!” бросаются на кавказцев, азиатов, негров» [там же]. Иными словами, и идеология, и действия подобных экстремистских течений иррациональны и характеризуются следующими основными признаками: безапелляционность, агрессивность, предельно жесткое деление социума на «своих» и «чужих», «плохих» и «хороших».

Предложенный нами подход, на наш взгляд, дает основания выделить в широком спектре идеологий и практик, которые сейчас классифицируются как экстремистские, две группы, соответственно двум выделенным выше аспектам. Оценка социального статуса данных групп; последствий их деятельности для общества в целом (конструктивной или деструктив-

ной); а также выработка мер по адекватному реагированию на из деятельности – *принципиально различны в зависимости от того, о какой из этих двух групп идет речь*. Таким образом, данный подход может иметь не только теоретическое, но и практическое значение.

Библиографический список

1. Мертон, Р.К. Социальная структура и аномия // Социс. – 1992. – № 2-4.
2. Ясавеев, И. Социология социальных проблем // Социология. – Казань, 2001.
3. Рыбкина, И. Социальное нездоровье современной России как предмет изучения социальной науки [Э/п]. – Р/д: [hse.ru › data/549/870/1238/тезисы_28.10.08.pdf](http://hse.ru/data/549/870/1238/тезисы_28.10.08.pdf)
4. Бахтияров, О.Г. Экстремистские ресурсы общества [Э/п]. – Р/д: <http://www.varvar.ru/arhiv/texts/bahtijarov8.html>
5. Ягубян, А.В. Национал-экстремизм как одно из проявлений социальной болезни общества [Э/п]. – Р/д: edu.eup.ru/Documents/2003-01-30/930E.asp

Bibliography

1. Merton, R.K. Socialjnaya struktura i anomiya // Socis. – 1992. – № 2-4.
2. Yasaveev, I. Sociologiya socialnihkh problem // Sociologiya. – Kazanj, 2001.
3. Rihykina, I. Socialjnoe nezdorovje sovremennoj Rossii kak predmet izucheniya socialjnoj nauki [Eh/r]. – R/d: [hse.ru › data/549/870/1238/tezisih_28.10.08.pdf](http://hse.ru/data/549/870/1238/tezisih_28.10.08.pdf)
4. Bakhtijarov, O.G. Ekhstremistskie resursih obthstva [Eh/r]. – R/d: <http://www.varvar.ru/arhiv/texts/bahtijarov8.html>
5. Yagubyan, A.V. Nacional-ekhstremizm kak odno iz proyavlenij socialjnoj bolezni obthstva [Eh/r]. – R/d: edu.eup.ru/Documents/2003-01-30/930E.asp

Статья поступила в редакцию 20.07.11

УДК 316.3:314.6

Shrayber A.N. REHABILITATION OF INSTITUTIONAL PARENTHOOD. The urgency of the theoretic-methodological basis of the solution of demographic problems in Russia is analyzed in the article. The various sociological approaches to the understanding of the parenthood are considered there. The main author's attention is focused on the sociological analysis of the term of the parenthood as a social institution.

Key words: social institution, institutional set-up, parenthood, transformation of family institution, motherhood, fatherhood, demographic problems.

А.Н. Шрайбер, аспирант АлтГУ, г. Барнаул, E-mail: ka-lina2007@yandex.ru

РЕАБИЛИТАЦИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО СТАТУСА РОДИТЕЛЬСТВА

В статье анализируется актуальность теоретико-методологической базы решения демографических проблем в России. Рассматриваются различные социологические подходы к осмыслению родительства. Основное внимание автора концентрируется на социологическом анализе понятия родительства в качестве социального института.

Ключевые слова: социальный институт, институциональный подход, родительство, трансформация института семьи, материнство, отцовство, демографические проблемы.

В связи с изменениями и негативными явлениями в демографической ситуации России становится актуальным изучение родительства в качестве отдельного социального института. Для современной социологии вопрос о родительстве является недооцененным, мало изученным и запутанным. Следовательно, в современной научной литературе нет четкого определения понятия родительства, т.е. происходит подмена понятий, нет четких критериев отнесения к родительству, вариативность понятия. Такая теоретико-методологическая неопределенность обуславливается тенденцией последних десятилетий – разделения родительства и семьи. В настоящее время имеется целый ряд социальных показателей, свидетельствующих о трансформации родительских отношений в современной России. Среди них: гражданский брак; феномен сознательной бездетности; увеличение числа семей с одним родителем; отделение родительства от биологической основы; профессионализация родительства; отделение родительства от сексуальной основы; сдвиг родительства на более ранний или более поздний возраст [1]. В этой связи появляется необходимость пересмотра теоретико-методологической базы изучения феномена родительства.

Анализ зарубежных и российских исследований свидетельствует, что изучение родительства в качестве самостоятельного феномена в социологии это формирующееся направление. В России исследований родительства непропорционально мало в сравнении с высокой потребностью в них не только в связи с трансформацией брака и дальнейшим разви-

тием родительства как независимого явления, но и исходя из практических задач разработки федерального и регионального законодательства, совершенствования социальной политики.

Исходя из потребностей общества и государства, основной задачей социологии на сегодняшний день является корректировка и конкретизация теоретико-методологической базы реализуемых в России демографических программ.

Развитие каких социальных институтов должно быть положено в основу этих программ – материнства, отцовства, родительства или семьи? Сформулированный вопрос, к сожалению, в сознании многих законодателей и чиновников не возникает. Он не осмысливается теми, кто не видит сущности отличий между вышеназванными понятиями. Почему не задумываются над эмпирически очевидными фактами увеличения случаев бессемейного материнства и отцовства, с одной стороны, бездетных семей с другой, и детных безродительских (в том числе безотцовских и безматеринских) семей?

Упрека заслуживают не только лица, принимающие и реализующие социально-демографические программы, но и социологическая теория. Она рекомендует практикам-управленцам упрочивать и совершенствовать, прежде всего, социальные институты, образующие общественную жизнь. Но при этом считает социальным институтом и семью [2], и материнство [3], и отцовство [4], и зачастую забывает про институт родительства.

Изучение родительства в рамках социологического подхода связано, прежде всего, с проблематикой функциональной

трансформации института семьи в современном российском обществе. Это предполагает комплексное исследование, включающее элементы гендерной социологии, социологии детства, феминологии, и др. В то же время смысловым центром такого исследования является изучение состояния родительства на основе структурных и функционалистских представлений о природе и сущности социального института.

На Западе (преимущественно в США) проводится множество исследований родительства. Зарубежные специалисты выделяют метатеории, которые позволяют делать общие предположения о роли родителей в развитии ребенка. Биопсихосоциальный подход представлен теорией развивающихся систем Р. Лернера, эволюционной психологией, например, работы Д. Белла об эволюции «нейросистемы заботы». Теория семейных систем предполагает анализ динамики отношений, включая и влияние детей на родителей, эффективности родительно-детского общения, представлена в работах Д. Олсона, К. Рассел, Д. Спрэнкла. Теория научения А. Бандуры востребована для интерпретации данных, например, при изучении гендерной социализации. Одно из устоявшихся направлений родительства – исследования в рамках теории развития семьи Э. Дювол, Р. Хилла, К. Рассел.

В 1970-1980-е годы в рамках феминистской перспективы появляются работы, которые направлены на критику психоаналитических и структурно-функциональных концепций. В них анализируется материнство как социальный институт и реальные практики материнства. Это работы Д. Диннерстайн, Э. Оэкли, С. Раддик, А. Рич, А. Росси, Б. Фридан, Н. Чодоров, К. Хорни, А. Хоксчайлд. В 1990-е и 2000-е годы изучение материнства продолжается в русле феминистского подхода под влиянием этих концепций. В 1980-е гг. в определенном мере как реакция на исследования женщин получили развитие и исследования мужчин, в рамках которых изучается и отцовство – Р. Ла-Росса, М. Лэм, Дж. Плек.

В отечественной общественной науке проблематика, связанная с трансформационными явлениями в социальном функционировании института семьи, брака и родительства, также нашла широкое отражение. Общие проблемы плодотворно рассматривались в работах А.И. Антонова, И.В. Бестужева-Лады, А.Г. Вишневого, А.Г. Волкова, С.И. Голода, И.А. Гундарова, А.А. Клецина, А.Г. Харчева, Н.Г. Юркевича, Н.А. Соловьева, М.С. Мацкого, Ю.Б. Рюрикова, В.А. Ядова и др., а основные сегодняшние тенденции в функционировании российской семьи нашли отражение в исследованиях Т.М. Афанасьева, И.В. Гребенниковой, Л.В. Лебедевой, В.М. Медкова, А.Б. Синельникова, С.А. Сорокина, Н.И. Стрельниковой и др.

С начала 1990-х годов родительство в качестве самостоятельной категории исследуется на эмпирическом уровне: проведены исследования незамужних матерей различного брачного статуса, в которых изучались их социально-экономические проблемы, нарушение прав в сложный период трансформации общества (Е.А. Баллаева, М.В. Библицкая, Л.Г. Луныкова, А.Р. Михеева). Исследовались особые проблемы родителей детей инвалидов (Е.Ф. Ачильдиева, Е.В. Кулагина, Е.Р. Ярская-Смирнова, Л.В. Ясная), анализировались социально-экономические причины материнского отказа от детей (О.Г. Исупова, М.Г. Панкратова). Специальное внимание уделялось многодетным родителям (А.И. Антонов, Е.Ф. Ачильдиева, С.С. Балабанов, З.Х. Саралиева, И.О. Шевченко, П.В. Шевченко), выплате алиментов и общению отцов с детьми после развода (М. Валетас, Л.М. Прокофьева).

Актуальной проблемой институциональной социологии является вопрос: что считать социальным институтом, который находится в основе общественной жизни? Существует несколько вариантов ответа на данный вопрос. В зарубежной и отечественной социологической литературе мы привыкли сталкиваться с понятием институт семьи. И может быть семья отвечает основным требованиям отнесения того или иного явления к институту: наличие общественно значимых функций, ролевой структуры, системы норм и правил, определенных учреждений и символов. Но как быть с таким фактом, что

в большинстве современных словарей социальный институт определяется как форма или вид устойчивой и общественно необходимой деятельности [5, 6]. Так же под внешним социальным влиянием происходит внутренняя трансформация института семьи. В связи с разделением семьи, брака и родительства, можно говорить о потере таких социально значимых специфических функций института семьи как воспроизводство и воспитание. Так же современная социальная ситуация говорит нам об утрате обществом таких ценностей как семья, дети, домашний очаг. И если общественный институт перестает быть значимым элементом в обществе, то ни о каком институциональном статусе не может быть и речи. В социологии как это ни странно, до сих пор подобный вопрос не решен. Большинство социологов по привычке повторяют, что семья – это социальный институт, не задумываясь над теоретическими и практическими последствиями этих повторений, в том числе не приняв родительской деятельности как фундаментально значимого феномена.

В науке и политике стал актуален вопрос материнства. Считать ли институт материнства основой всего общества, здесь много противоречий, но исходя из государственной политики в пользу материнства, то можно говорить о наличии больше положительных моментов. Что касается отцовства в качестве основополагающего социального института, здесь так же не обходится без дискуссий. Наука и государство понимает, что расставляя приоритеты на институт отцовства, будет трудно добиться положительных тенденций в приросте населения, как в количественных, так и в качественных показателях. Это объясняется общепринятыми моделями социального поведения мужчин-отцов в нашем обществе.

На наш взгляд, родительство – социальный институт, лежащий в основе общественной жизни. В институциональной парадигме принято выделять ряд признаков, по которым мы можем определить, какое явление общественной жизни является социальным институтом. В зарубежной и отечественной литературе по социологии выделяется достаточно широкий спектр таких признаков. При концептуальном анализе изучаемой нами проблемы была проделана работа по соотносению родительства к социальному институту по выделенным институциональным признакам. Опишем наиболее фундаментальные из них.

Прежде всего, нужно указать, что социальный институт – это устойчивый, закономерный, социально необходимый и повторяющийся вид деятельности. Данные признаки мы можем отнести к феномену родительства. В связи с этим в обществе родительство – общепринятый и юридически закрепленный вид деятельности, который удовлетворяет потребности общества и государства по воспроизводству населения. По мнению П. Бурдьё, П. Бергера и Т. Лукмана, социальный институт это – хабитуализированная деятельность, т.е. исторически «опривыченная» и ставшая образцом поведения [7]. Литература позволяет нам заглянуть в период христианской Руси, Петровских времен, дореволюционное и послереволюционное время. На каждом из этих этапов мы можем проследить развитие брачно-семейных, родительских отношений. Большой круг ученых интересовался проблематикой русского, а потом и российского родительства, это – Н.А. Бердяев, У. Вейдль, А.М. Коллонтай, М.Н. Вернадская и др. Родительство как социальный институт имеет общие для всех институтов функции, это обеспечение функционирования и развития общества с одной стороны, социализация и контроль, с другой. Специфическими функциями будут являться воспроизводство и воспитание. Выполняя свои функции, родительство, тем самым, решает актуальные социальные проблемы общества, в настоящее время связанные с рождаемостью. Так же отвечая методологическим нормам отнесения к социальным институтам, мы можем сказать, что родительство имеет следующие составляющие: определенные роли и структуры (материнство, отцовство); материальную базу, в виде поддержки государства и собственных родительских ресурсов; учреждения (семья); систему норм и правил, регламентирующих деятельность по выполнению функций. Как и любой социальный институт,

родительство развивается под влиянием двух механизмов, экзогенных и эндогенных. Экзогенными факторами развития и изменений является общество и государство (например, общественное мнение, законодательство). Эндогенными факторами – внутриинституциональные традиции и нормы. Так же родительство как социальный институт является опорой, на которой строится общественная жизнь, это первичная структура общества. Причем, институт родительства не имеет четкой привязки к определенной стороне общественной жизни, он действует одновременно во всех сферах, будь то экономическая, социальная, культурная, политическая.

Таким образом, применив основные институциональные признаки к родительству, мы можем сделать вывод о состоя-

тельности нашего тезиса о том, что родительство является социальным институтом. А ориентация научного сообщества и государства на семью, а тем более на материнство как институтов, лежащих в основе общества, методологически не верна. В основе демографических программ должны быть интересы родительства, института способного решить актуальные задачи общества, а именно увеличения количественных и качественных показателей рождаемости, повышения уровня безопасности и благосостояния населения, уменьшение количества детей-сирот и возрождения нравственных отношений между мужчинами и женщинами.

Библиографический список

1. Гурко, Т.А. Родительство в изменяющихся социокультурных условиях // Социс. – 1997. – № 11.
2. Антонов, А.И. Социология семьи / А.И. Антонов, В.М. Медков. – М., 1996.
3. Сологуб, Л.Г. Материнство как социальный институт: автореф. дис. ... канд. социол. наук. – М., 2001.
4. Кон, И.С. Отцовство как социокультурный институт // Педагогика. – 2005. – № 9.
5. Голованов, О. Краткий словарь по социологии [Э/р]. – Р/д: <http://voluntary.ru/search/>
6. Осипов, Г.В. Институциональная социология // Современная западная социология: словарь / Г.В. Осипов, А.И. Кравченко. – М., 1990.
7. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. Истоки институционализации [Э/р]. – Р/д: http://polbu.ru/berger_socialdesign/ch07_all.html

Bibliography

1. Gurko, T.A. Roditel'stvo v izmenyayutikh sociokul'turnihk usloviyakh // Socis. – 1997. – № 11.
2. Antonov, A.I. Sociologiya semji / A.I. Antonov, V.M. Medkov. – M., 1996.
3. Sologub, L.G. Materinstvo kak social'nyj institut: avtoref. dis. ... kand. sociol. nauk. – M., 2001.
4. Kon, I.S. Otcovstvo kak sociokul'turnij institut // Pedagogika. – 2005. – № 9.
5. Golovanov, O. Kratkiy slovarj po sociologii [Eh/r]. – R/d: <http://voluntary.ru/search/>
6. Osipov, G.V. Institucional'naya sociologiya // Sovremennaya zapadnaya sociologiya: slovarj / G.V. Osipov, A.I. Kravchenko. – M., 1990.
7. Social'noe konstruirovaniye real'nosti: traktat po sociologii znaniya. Istoki institucionalizacii [Eh/r]. – R/d: http://polbu.ru/berger_socialdesign/ch07_all.html

Статья поступила в редакцию 20.07.11

УДК: 316.334.5

Yakovleva I.Y. A STRATEGY OF THE STABLE DEVELOPMENT AS A CONCEPITIVE PREREQUISITE OF THE ECOLOGY ORIENTATED ECONOMY. A stable development of the society means the division of some problems, one of main – is a satisfy of the humanity as a biological kind and a society as well. To supply a safe stable development it's necessary to supply the protection of the resource potential of modern Russia.

Key words: stable development, social life, ecology orientated economy, ecological safety.

И.Ю. Яковлева, доц. филиала РГСУ в г. Дедовске Московской области, E-mail: i.yu.yakovleva@mail.ru

СТРАТЕГИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ КАК КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ПРЕДПОСЫЛКА ЭКОЛОГИЧЕСКИ ОРИЕНТИРОВАННОЙ ЭКОНОМИКИ

Устойчивое развитие общества предусматривает решение ряда проблем, одной из основных является сохранение человечества как биологического вида и как общества. Для обеспечения безопасного устойчивого развития общества необходимо обеспечить защиту ресурсного потенциала современной России.

Ключевые слова: устойчивое развитие, общественная жизнь, экологически ориентированная экономика, экологическая безопасность.

Предшествующее десятилетие ознаменовалось в плане управления экологической безопасностью, созданием концепции устойчивого развития. Ей предшествовало осознание того, что достижение целей устойчивого развития предполагает разрешение целого комплекса противоречий, среди них можно указать следующие: необходимость воздействия на природу и необходимость её охраны; использование ресурсов и в то же время их сохранение; научно-технический прогресс, обеспечивающий рост потребления и нравственно-гуманистического требования нормирования потребностей; и наконец, противоречие между традициями и новациями, самодостаточностью как первых, так и вторых.

Существуют различные подходы к разрешению этих противоречий и поиску компромиссов в системе природа – общество. Среди подобных методологических подходов можно выделить следующие:

- алармизм, т.е. ожидание скорых экологических катастроф и быстрого истощения ресурсов;

- экологический оптимизм, или вера в возможности коэволюции, в переход мировой и национальных экономик на возобновляемые ресурсы;
- рационализм, под которым понимается вера в опережающее развитие науки, в том числе гуманитарной, включение её достижений в решение глобальных проблем;
- экологический реализм, или актуализация проблем, использование позитивного опыта решения экологических проблем и регламентации воздействий на природу и пр.;
- биотическая регуляция, т.е. определение ёмкости биосферы по отношению к воздействиям человека, сохранение биоты и природных экосистем как «гарантов» её устойчивости.

В дискуссии о перспективах и последствиях взаимодействия природы и общества участвуют разные стороны, отражающие весь спектр гуманитарных воззрений на будущее и

все аспекты нравственных основ ответственности перед будущим. Среди них «геисты» (от «Гёя» Д.Лавелока), которые говорят, что всё саморегулируется; «армагедонисты» (пессимисты), ожидающие близкого конца света из-за нарастающего экологического кризиса; «изобилисты» (оптимисты), подчёркивающие, что пределов развития нет и потенциал Земли, в том числе природные ресурсы, присутствуют на Земле в избытке; «рационалисты», объединяющие всех в поисках рецепта выхода из «затянувшейся болезни» – антропогенной деградации природной среды; наконец, «равнодушные», рассуждающие так: наш век короткий, нам хватит. К сожалению, последнюю группу формируют и учёные – экологи, географы, которые выбирают направлением своих исследований фиксацию разрушения экосистем, мониторинг загрязнения природных сред и пр.

Общие позиции почти для всех названных категорий – необходимость сохранения биосферы в близком к исходному состоянию. Различия заключаются в прогнозах, сценариях, используемых для прогнозирования методах, в определении пропорции сохранности и преобразования среды.

Устойчивое развитие предусматривает решение ряда проблем, среди которых основная проблема – проблема сохранения человечества как биологического вида и как общества. Эта проблема – двоякая и требует различных средств для ее решения, среди которых выделяются с одной стороны, научно-технические средства, а с другой стороны, социально-политические средства, включающие весь комплекс экономических, политических и культурных институтов. Для решения этой проблемы необходимо сохранять природные комплексы, биогеоценозы, существенно ограничить использование природных ресурсов, принимать во внимание в программах социального развития требования экологических законов, включать в практику принятия властных решений на всех уровнях управления, экологические требования. Иными словами, для обеспечения безопасного устойчивого развития общества следует радикально перестроить технологические процессы в соответствии с ограничениями природного характера, обеспечить защиту ресурсного потенциала, включая демографический, от уничтожения, деградации и вредного использования, всемирно обеспечивать опережающее развитие естественных наук, а также, что представляется самым трудным, изменение культурных концептов национального менталитета; последнее особенно актуально для развивающихся стран, в число которых постепенно входит и Россия, в которой наблюдается тенденция спада общественной значимости задач национальной безопасности.

Общество более или менее эффективно способно управлять в определенной мере и природными, и техническими, и социальными системами, и человеком. Однако, тенденции развития общественных систем постоянно порождают условия, в которых общество сталкивается с неуправляемыми процессами, имеющими негативные последствия. Притом все попытки уменьшить и отрегулировать эти процессы оказываются недостаточно эффективными и даже неудачными. Отсюда следует, что попытки решения частных задач силовыми методами должны смениться целой системой адаптации общества к требованиям законов природы. В этом состоит важнейшее требование устойчивого развития. Негативные последствия традиционного индустриального и постиндустриального развития требуют радикального изменения всей системы не только экономических, но уже и витальных приоритетов. Экологически направленной должна стать не только трансформация рыночной системы с присущими ей системами социальной и политической организации управления, но и трансформация государственно-регулируемой экономики, оказавшейся перед лицом экологической угрозы ничуть не более способной управлять процессами выживания человечества, чем рыночная.

Современный этап разработки концепции устойчивого развития требует новых мировоззренческих, теоретических и методологических подходов к решению проблем развития нашей страны. Можно говорить о складывании новой социальной картины мира, новой философии, экономики и политики.

Стратегию устойчивого развития наиболее чётко и содержательно можно определить как стратегию развития, направленную на достижение гармонии между природой и обществом, гармонии, не ограниченной рамками экономических, политических, технологических или культурных процессов.

Для категории «устойчивое развитие» имеют значение две основные стороны её содержания. Во-первых, это констатация возможности дальнейшего постоянного, непрерывного и максимально долгого развития человечества и вследствие этого возможности сохранения качества бытия настоящего поколения в будущих поколениях. Во-вторых, это стремление к сохранению биосферы как основного условия сохранения и эволюции жизни на Земле, и возможно, за её пределами. Однако эти предельно широкие содержательные стороны необходимо конкретизировать, чтобы выработать понятие устойчивого развития. основополагающей характеристикой такого развития является то, что оно должно быть для общества безопасным во всех отношениях, т.е. позволяющим избегать социальных и природных катастроф и тем самым обеспечивать решение позитивных общечивилизационных задач. Экологическая безопасность является производной от экономической и технологической безопасности; пренебрежение любой из них чревато экологической катастрофой: локальной, региональной или глобальной.

В связи с разработкой и поиском методов реализации стратегии устойчивого развития встаёт вопрос о субъекте этих процессов. Существует точка зрения о том, что в качестве такого субъекта выступает сложная глобальная система, соединяющая воедино человека, общество и природу [1]. Правда, сразу же замечается, что критерий устойчивого развития носит рациональный характер. Последнее обстоятельство позволяет считать субъектом всё-таки социальное образование, любую форму социума. Мысль же о субъектных характеристиках природы вообще представляется спорной с позиции традиционного естественнонаучного материализма.

Концепция рационального критерия устойчивого развития своим источником имеет учение о ноосфере, которое создали в первой половине XX в. Леруа, Тейяр – де – Шарден и В.И. Вернадский. Содержание самого понятия ноосферы включало биологическую эволюцию как уже исчерпавшую себя предпосылку существования человека и биосферы; продолжение эволюции будет носить уже не природный, а социальный, гуманитарный, духовный характер, основанием же её является человеческий разум, создающий новые формы социальности, интегрированные в масштабах человечества [2].

Сейчас предпринимаются попытки объединения в единое целое идей устойчивого развития и идеи ноосферы, причём само устойчивое развитие трактуется как ноосферогенез, притом учитываются исключительно позитивные параметры. Подобная идеальная модель, несомненно, выполняет важные эвристические, прогностические и методологические функции, выступая как рационально-гуманистический идеал возможного развития, однако её утопические черты нельзя не заметить.

Но самое удивительное – в том, что этот утопический идеал – единственный вариант позитивного, оптимистического развития общества: только сознательная и рационально-рефлексивная установка на гармонизацию экономического и экологического развития, осуществляющуюся на базе формирования радикально новых ценностных установок (политических, правовых, философских), при учёте новейших технических достижений и экологизированных технологий.

Основным принципом концепции устойчивого развития выступает изменение общественного производства, его ориентация на создание замкнутых производственных циклов, предусматривающих минимизацию производственных отходов.

К важнейшим предпосылкам экологизации экономики можно отнести: складывание правовых и организационно-управленческих условий рационального природопользования, использование имеющихся научно-технических достижений для создания природосберегающей основы экономики, и наконец, немаловажную роль может сыграть разработка философских основ хозяйственной деятельности человека, её методологии и аксиологии.

Экологически безопасное устойчивое развитие должно предусматривать следующие основные приоритеты: сокращение потребления ресурсов; значительное уменьшение антропогенных воздействий на природу; экологическая экспертиза и учет экологических требований в деле принятия экономических решений; интенсивный рост научных исследований экологически безопасных технологий. Отметим, что два последних требования в принципе достижимы при наличии политической воли и экономических ресурсов; в то же время два первых требования весьма трудно выполняемы в силу инерционности затратной модели производства и высокой стоимости технологий, нейтрализующих антропогенные воздействия на природу. Однако, в России в настоящее время сложилась ситуация, облегчающая решения этих задач: это, во-первых, необъятность ресурсов, и во-вторых, сокращение производства, причины которого весьма далеки от экологических забот. Россия, в сравнении с развитыми странами, имеет значительное преимущество в возможности реализации программы устойчивого развития. Предпосылками решения проблемы выступают принятие системы правил для баланса ресурсов, технологических и социальных ограничений для выработки модели социально-экономического развития, которая должна в полной мере отражать специфику всех уровней производства.

Реализация частных направлений стратегии устойчивого развития должна учитывать имеющиеся концепции, предложения, исследования, отраженные в общественных изданиях, научных публикациях и государственных документах. Несомненно, стратегия устойчивого развития может строиться для различных уровней организации социума: как глобальная, национальная или региональная. Важнейшую роль, конечно, играет концепция национальная, обладающая полнотой социальных ресурсов ее обеспечения, и именно она должна поставить главные вопросы, на которые необходимо найти ответы, открывающие основные ее направления.

При оценке возможности реализации концепции устойчивого развития возникает ряд вопросов. Это прежде всего вопрос о конкретных исполнителях, о сроках реализации и, наконец, самый важный: о судьбе всех тех институтов общества (производственных, управленческих, научных), которые окажутся неадекватными требованиям модели устойчивого развития. Ведь традиционные общественные структуры, не ориентированные жестко на экологические императивы, создавались в расчете на постоянный рост потребления, причем потребления не для обеспечения интеллектуального, культурного, информационного развития человека, а для обеспечения роста возможностей человека обладать или контролировать обладание другими людьми возможно большим количеством материальных благ.

Если второстепенные вопросы о финансировании и сроках описываемой концепции более или менее решаемы, то другие вопросы решить весьма сложно. Очевидно, что финансирование может быть обеспечено только в границах высоко-развитой страны или сообщества стран. Сроки осуществления, при учете смены структуры производства, системы управления и идеологических ориентиров оцениваются в рамках при-

мерно столетия, даже если принять во внимание интенсивные методы издания общественного мнения. Однако вопросы о субъектах столь масштабной деятельности и перестройке существующих экономических и управленческих структур, не находящихся себе места в экологическом проекте, весьма сложны, так как затрагивают жизненно важные интересы влиятельных социальных групп как внутри страны, так и в международных масштабах, причем интересы неявные и очень сложно переплетенные.

Масштаб реализации столь значимого социального проекта может быть сравнен с масштабами социальной революции, технологической революции, смены формации или цивилизационного типа. Столь глубокие, коренные изменения, если опираться на исторический опыт, занимали отнюдь одно-два столетия, хотя тот же опыт показывает нам, что подобные изменения возможны достаточно быстро (вспомним, например, промышленную революцию конца XVIII века, информационную революцию второй половины XX века или торжество ислама).

Это происходит, если в обществе созревает сильная и многочисленная группа социально-активных людей, причем достаточно быстро усвоивших определенные идеологические стереотипы, и то это возможно, только если эта группа уже обладает опытом управления. В противном случае, если эта группа не консолидирована и не имеет практического опыта, коренное общественное преобразование осуществляется в несколько этапов, разделяемых краткими периодами реставрации. Объективное положение дел показывает, что в большинстве стран, и в том числе в России, такой социальной группы нет, т.е. нет достаточно надежной социальной базы реализации стратегии устойчивого развития; эту базу еще надо создавать, воспитывая необходимые экологические императивы и формируя мотивацию отражающую национальный интерес. Однако, все-таки Россия обладает потенциалом для подготовки к осуществлению программы устойчивого экологического развития. Это прежде всего ресурсная и энергетическая независимость и сравнительно высокий уровень развития современных отраслей производства.

Имея общецивилизационный характер, устойчивое развитие может иметь свою специфику для каждой страны. В России, например, оно невозможно без повышения уровня и улучшения качества жизни на основе широкого использования достижений науки и техники, притом, в первую очередь, науки управления.

Если говорить о реализации концепции устойчивого развития в России, то нужно иметь в виду, что она будет поэтапной, и каждый этап будет иметь свои специфические цели и задачи. Первый этап предусматривает стабилизацию социального, экономического, экологического и политического положения, формирование социальноориентированной экономики, обладающей потенциалом длительного роста, а также внедрение экологически безопасных технологий.

На втором этапе предполагается решение ряда задач, обеспечивающее динамичное социально-экономическое развитие страны при сохранении способности воспроизводства природного комплекса. Задача в экологической сфере – сохранение и восстановление экосистем; в социальной сфере – совершенствование качества жизни, включая улучшение среды обитания человека; в духовно-культурной сфере – это формирование экологической этики и продвижение её принципов в массовое сознание; в сфере науки и техники – это развитие комплекса наук о биосфере, популяризации и внедрение их основных принципов и достижений в научную, социальную и производственную практику.

Конечно, реализация концепции устойчивого развития содержит в себе не только внутренние качественные, структурные и функциональные изменения в экономике и обществе в целом, но и внешние, экстенсивные изменения, другими

словами – экономический рост; в то же время он будет эффективен, если будет обусловлен интенсивными факторами.

Для экономического роста важнейшее значение имеет экологизация не только производственной, но и непроизводственной деятельности; она предусматривает не только комплекс технологических мер, но и включение экологического аспекта в экономический механизм устойчивого развития. Это прежде всего: структурная перестройка экономики с учётом её экологизации; инновационная деятельность, необходимо включающая экологические элементы; обязательное включение экологических аспектов в законодательство, налоговую систему, все виды регламентирования производственной деятельности.

Нельзя не отметить и социально-гуманитарной компоненты анализируемой концепции: невозможно защищать природу, не защищая человека, идеи устойчивого развития общества на основе природосбережения и экологизации производства должны дополняться идеями охраны человека и человечества не только как субъекта, но и как объекта экологии. Без социальной защищенности и социальной стабильности жизни человека невозможна и активизация экологических факторов. В особенности актуальна эта проблема для России, которая начав переход к системе рыночного хозяйства и ещё не освоив её, уже вынуждена обращаться к таким формам производства и социальной организации, которые перерастают рыночные механизмы, становящиеся тормозом на пути глобального и

локального устойчивого развития. В этом плане задачи, стоящие перед Россией, представляются значительно более сложными, чем задачи развитых стран, уже преодолевших этапы классической индустриально-рыночной системы хозяйства. Единственное направление выхода из сложной ситуации – качественное изменение управления социально-экологическими процессами со стороны государства и совершенствование самого государства, его структуры и функций. Сами эти процессы составляют содержание нового социального направления – неозатизма – отражающего изменения государственности в эпоху постиндустриального общества с его специфическими особенностями и прежде всего с необходимостью гармонизации отношения человек – природа.

В заключении нужно отметить, что главный акцент в осмыслении рассматриваемой концепции необходимо делать не просто на обеспечении устойчивого развития общества, но на развитие системы общество – природа, на создание таких экономических и социальных структур, которые поддерживали бы и укрепляли природную основу жизнедеятельности человека на Земле. Можно сказать, что устойчивое развитие общества должно осуществляться только при условии устойчивой поддержки природных закономерных процессов. И человечество может это сделать только в ходе коренных технических, культурных, управленческих и политических изменений, позволяющих создать экологически ориентированный тип экономики и всей общественной жизни.

Библиографический список

1. Скибицкий, М.М. Экообразование в интересах устойчивого развития // Вестник экологического образования в России. – 2006. – №3 (41).
2. Рубцова, В.Н. Основные подходы к обоснованию новой концепции организации и самоорганизации населения регионов России на этапе перехода к рынку. Региональные агросистемы: экономика и социология // Ежегодник, 2002.

Bibliography

1. Skibickiy, M.M. Ehkoobrazovanie v interesakh ustoychivogo razvitiya // Vestnik ehkologicheskogo obrazovaniya v Rossii. – 2006. – №3 (41).
2. Rubcova, V.N. Osnovniye podkhodi k obosnovaniyu novoy konceptii organizatsii i samoorganizatsii naseleniya regionov Rossii na ehtape perekhoda k rihniku. Regionalniye agrosistemi: ehkonomika i sociologiya // Ezhegodnik, 2002.

Статья поступила в редакцию 20.07.11

Раздел 5

МЕДИЦИНА

Редактор раздела:

МАРИНА ГЕННАДЬЕВНА ЧУХРОВА – доктор медицинских наук, профессор, Новосибирский государственный университет (г. Новосибирск)

УДК 612.654

Kalyuzhny E.A., Kuzmichev Y.G., Mikhailova S.V. VEGETATIVE ADAPTATION OF PUPILS AT THE STAGE PRESCHOOL-ELEMENTARY EDUCATION. In article the technique and experience of studying of a problem of vegetative adaptation of pupils at a stage preschool-elementary education under the longitudinal data cardiointervalographic are presented.

Key words: preschool, school teaching load, adapt, cardiointervalography, initial autonomic tone, the index Baevsky-stress index, inter-group variability, intra-group comparative analysis, operational medical and educational control.

Е.А. Калюжный, канд. биол. наук., доц. ГОУ ВПО «АГПИ им. А.П. Гайдара», г. Арзамас, E-mail: eakmail@mail.ru; **Ю.Г. Кузмичёв**, д-р. мед. наук, проф. ГОУ ВПО «НГМА Росздрава», г. Н. Новгород. E-mail: dr_kuzmichev@mail.ru; **С.В. Михайлова**, ассистент ГОУ ВПО «АГПИ им. А.П. Гайдара», г. Арзамас, E-mail: quality-infolab@mail.ru

ВЕГЕТАТИВНАЯ АДАПТАЦИЯ УЧАЩИХСЯ НА ЭТАПЕ ДОШКОЛЬНОЕ-НАЧАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

В статье представлена методика и опыт изучения проблемы вегетативной адаптации учащихся на этапе дошкольное-начальное образование проспективным данным кардиоинтервалографии.

Ключевые слова: дошкольная, школьная учебные нагрузки, адаптация, кардиоинтервалография, исходный вегетативный тонус, индекс Баевского - стресс индекс, межгрупповая вариативность, внутригрупповой сравнительный анализ, оперативный медико-педагогический контроль.

Наиболее перспективным для оценки состояния здоровья является изучение функциональных возможностей организма с позиций его целостности, системной организации внутренних функций, при учете одного из ведущих свойств живой материи – адаптивности [1, с. 3]. Качественные морфофункциональные изменения отдельных систем организма происходят в разные возрастные периоды, что определяет избирательное повышение чувствительности на отдельных этапах онтогенеза отдельных физиологических функций [2, с. 148].

В исследованиях по возрастной физиологии проблема адаптации детей и подростков к учебным и физическим нагрузкам является одной из ведущих. Основная цель этих исследований состоит в том, чтобы изучить физиологические механизмы адаптации и получить возможность влиять на нее средствами педагогики и гигиены. Ведущее место среди системных механизмов адаптации принадлежит центральной нервной системе (ЦНС) и вегетативной нервной системе (ВНС) [3, с. 36-41; 4, с. 27].

Организм ребенка в период от 5,5 до 7 лет свидетельствует о готовности к переходу на более высокую ступень возрастного развития, предполагающую более интенсивные умственные и физические нагрузки, связанные с систематическим школьным обучением. Формируется физиологическая готовность ребенка к обучению в школе [5, с. 7].

Многолетний опыт использования кардиоинтервалографии в клинике позволяет считать ее целесообразной для оцен-

ки состояния здорового и больного организма, вегетативного гомеостаза [6, с. 97-98].

Цель и задачи исследования:

Изучить методом естественного проспективного наблюдения функциональную адаптацию сердечно-сосудистой системы подготовительной группы дошкольников с последующим переходом её в первый класс в условиях современного педагогического процесса. Исследовать особенности и динамику вегетативной регуляции сердца по данным кардиоинтервалограммы и провести анализ степени напряженности адаптационных механизмов вегетативной нервной системы ребенка в количественном выражении Индекса Напряжения (ИН) или Стресс Индекса (SI) в зависимости от педагогических программ обучения на данном этапе.

Материалы и методы:

Исследование выполнено на базе Арзамасского образовательного комплекса дошкольное образовательное учреждение (ДООУ) – школа.

Для реализации поставленной цели и задач в двухлетний период методом кардиоинтервалографии проведено проспективное, в начале и конце каждой учебной четверти, исследование динамики вегетативной регуляции сердца.

Показатели кардиоинтервалограммы (КИГ) регистрировались у 42 детей обучающихся ДООУ и у 31 ребенка первого года школьного обучения, принадлежащих к предыдущей исследуемой группе, всего 580 измерений. Отработка кардиоинтервалограмм проводилась на аппарате «Кардиоэксперт-1».

Оценка исходного вегетативного тонуса и вегетативной реактивности проводилась в соответствии с унифицированными рекомендациями [6, с. 97-98]. По результатам обследования создана персонализированная база данных в «EXCEL 2000». Статистическая обработка проводилась средствами параметрического и непараметрического анализа с использованием ППП «STADIA v.6». Показатели вегетативной регуляции сердца оценивались по интегральному коэффициенту, наиболее полно информирующему о напряжении компенсаторных механизмов организма, уровне напряженности и лабильности функционирования симпатического и парасимпатического отделов (ВНС) – Индексу напряжения (ИН). Он отражает степень централизации управления как сердечным ритмом, так и напряжением регуляторных систем всего организма, имеет собственные названия – «Индекс Баевского» или «Стресс-Индекс (SI)» [3, с. 36-41; 6, с. 97-98].

Результаты исследования и их обсуждение:

Анализируя индекс напряжения (ИН) между группой детей находящейся в ДООУ и этими же детьми перешедшими в первый класс, мы наблюдаем статистически значимую разницу 13% ($p < 0,05$) по среднегодовому значению (ИН) (Таблица 1). Хотя и в первой и во второй группе ИН находится в зоне умеренного симпатического тонуса, тем не менее, в семилетнем возрасте среднегодовое значение более приближается к цифрам удовлетворительной адаптации. Распределение параметра при высоком коэффициенте вариации предполагает, что больший процент исследуемой группы демонстрировал уме-

ренный симпатический тонус и некоторое напряжение адаптации, что свидетельствует об адекватном реагировании вегетативной нервной системы ребенка на учебный процесс и предполагает положительный тренировочный эффект. При осмотре в детском саду дети показали тенденцию ($F = 0,68$; $ss = 7/342$; $p = 0,69$) вариации исследуемого признака ИН в пределах умеренной симпатикотонии, по половому признаку статистических различий не наблюдалось ($p = 0,1$).

Дети, пришедшие из ДООУ и продолжившие обучение в первом классе, в течение учебного года между осмотрами, внутри группы, показали динамику варьирования ИН в общем плане противоположную динамике периода детского сада (Таблица 2). Если в прошлом году релакция планомерно шла от более низких значений до шестого осмотра с последующим снижением, то вариация первого года начального обучения более выражена от начала к концу четверти, и демонстрирует статистически значимую разницу ($F = 2,47$; $ss = 7/244$; $p = 0,02$) между значениями ИН в течение учебного года. Различий адаптационного процесса по половому признаку не выявлено ($F = 0,63$; $ss = 1/244$; $p = 0,43$). Интегральный показатель адаптации ИН менее значительно выходит из зоны эйтонии, всплеск повышения пришелся на конец второй и четвертой четвертей, что предположительно объясняется в первом случае повышением общего утомления организма в конце первого полугодия и повышением простудной заболеваемости; во втором случае утомлением к концу учебного года и авитаминозом.

Таблица 1

Вариация (ИН)/(СИ) детей на этапах
подготовительной группы ДООУ и первого класса начального образования

Осмотры	Детский сад (возраст 6 лет)	Школа (возраст 7 лет)	Статистика	
	(ИН)/(СИ) ($M \pm m$)		Ts	P <
1	160,9 \pm 18,4	159,8 \pm 16,3	0,43	0,96
2	154,1 \pm 16,7	158,8 \pm 29,1	0,15	0,88
3	166,4 \pm 19,5	138,4 \pm 16,6	1,04	0,30
4	167,3 \pm 18,7	162,9 \pm 29,6	0,13	0,89
5	158,4 \pm 20,1	133,6 \pm 13,4	0,94	0,35
6	204,4 \pm 23,6	110,2 \pm 16,3	3,02	0,01
7	183,7 \pm 21,8	103,9 \pm 9,3	2,96	0,01
8	174,5 \pm 18,7	183,3 \pm 15,1	0,34	0,73
Всего:	164,8 \pm 6,27	143,6 \pm 6,9		
Статистика	Осмотры: F=0,68; CC 7/342; p=0,69 Пол: F=1,66; CC 1/342; p=0,10	Осмотры: F=2,47; CC 7/244; p=0,02 Пол: F=0,63; CC 1/244; p=0,43		

Совокупная оценка исходного вегетативного тонуса (ИВТ) изучаемой группы, в бальном выражении как в ДООУ, так и в первом классе, характеризуется как оптимальная (Таблица 2). Большая масса наблюдаемых детей показала параметры нормотонии, в ДООУ – 50,3% и первом классе – 64,9%; и умеренного симпатического тонуса – 20,3% и 12,5% соответственно. Крайние позиции адаптационного процесса свидетельствующие о неудовлетворительной адаптации как по гиперсимпатическому – 20,3% и 12,5%, так и по гиперваготоническому типу 1,43% и 3,63% в общей массе, показали закономерность снижения в первом случае и повышение во втором

($\chi^2 = 24,46$). По половому признаку между возрастными группами также выявлена закономерная динамика движения вегетативной напряженности в сторону ее уменьшения – с возрастом, статусом и разницей интеллектуальной нагрузки ($\chi^2 = 11,24$; $\chi^2 = 14,80$), более явно этот процесс виден в первой и пятой градации (ИВТ). Очевидно это отображение стабилизации взаимодействия центрального и автономного контуров в сторону снижения активности централизации регуляторных механизмов сердца, вследствие стабилизации адаптационных процессов.

Таблица 2

Распределение Исходного Вегетативного Тонуса (ИВТ) в динамике
по годам обучения и по половому признаку

(ИВТ) ¹	Детский сад (возраст 6 лет)			Школа (возраст 7 лет)		
	♂	♀	Общее значение	♂	♀	Общее значение
1	3 0,86%	2 0,57%	5 1,43%	7 2,82%	2 0,81%	9 3,63%
2	53 15,4%	60 17,14%	11 32,29 %	34 13,71%	49 19,76%	83 33,47%

3	26 7,43%	37 10,57%	63 18,00%	27 10,89%	51 20,56%	78 31,45%
4	44 12,57 %	54 15,04%	98 28,00%	17 6,85%	30 12,10%	47 18,95%
5	24 6,86%	47 13,43%	71 20,29%	11 4,44%	20 8,06%	31 12,50%
Всего:	150 42,86%	200 57,14%	350 100,00%	96 38,71%	152 61,29%	248 100,00%
Статистика:	По возрасту: $\chi^2 = 24,46$; $\delta\text{-}\chi^2 = 11,24$; $\phi\text{-}\chi^2 = 14,80$					

¹ Примечание: Критическое значение $\chi^2 = 9,49$ для $CC = 4$ и $p < 0,05$. (**ИВТ**) – 1 – ваготония, 2-3 – эйтония, 4 – симпатикотония, 5 – гиперсимпатикотония.

Распределение по группам здоровья произошло согласно общей тенденции итогов диспансеризации. В общем плане сравнения общегородской результативности и выборки исследуемых нами групп наблюдается более положительная тенденция в распределении по группам здоровья у детей, находящихся в детском саду. Данное положение свидетельствует

об адекватной медицинской активности в данном образовательном комплексе. Тем не менее, первая группа здоровья уменьшилась на 2,6%, вторая группа выросла на 4,7%, третья группа уменьшилась на 2%, с учетом того, что из детского сада в наблюдаемую школу пошли не все 42 ученика, 30% из них ушли в другие учебные заведения (Таблица 3).

Таблица 3

Распределение наблюдаемых детей по группам здоровья(%)

Класс/возраст	Группа здоровья		
	I	II	III
ДОУ подг. группа	9,1	43,2	47,7
СОШ 1 класс	6,5	47,9	45,6
Диспансеризация (муниципальная)			
Возраст < 7 лет	15,1	66,6	18,3
Возраст 7 < лет	23,4	42,6	34,0
Статистика ¹ :	$\chi^2 = 35,2$		

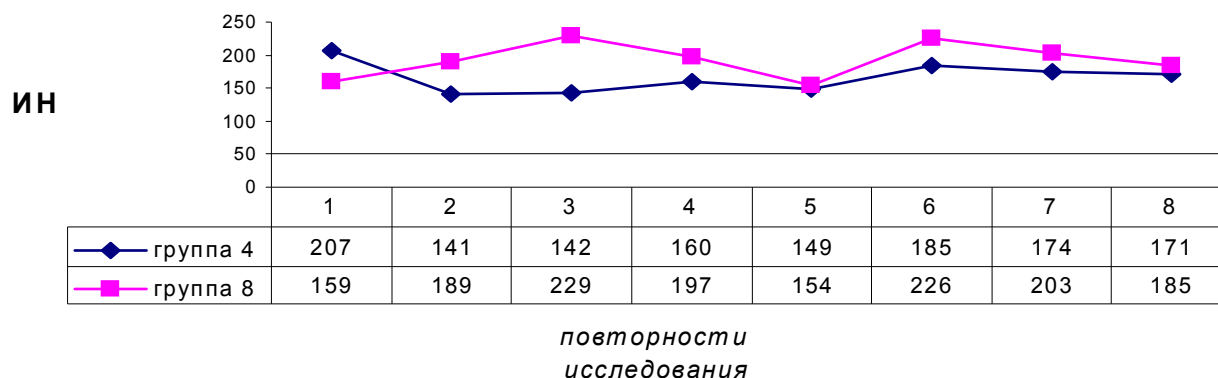
¹ Критическое значение $\chi^2 = 12,59$ для $CC = 6$ и $p < 0,05$.

Анализ вариабельности значений показателя ИН в зависимости от факторов возраста, пола и педагогических программ и выборки непосредственно выпускной – подготовительной группы дошкольного образовательного учреждения показал, что динамика индекса Баевского зависима от условий среды (Рис. 1). Общий фон напряжения адаптационных процессов в течение всего года обучения не выходит из границ эйтонии и умеренного симпатического тонуса и в 80% случаев соответствует уровню удовлетворительной адаптации, а в 20% случаев проявлялось некоторое напряжение адаптационных процессов (ИН $\approx 160-180$ у.е). Следовательно, устойчивость

вегетативной реактивности объясняется как реализация морфофункциональных перестроек на системном и органном уровне в организме под воздействием адекватного учебного процесса. Группа № 4, реализующая образовательную программу «Развитие», которая акцентирует развивающее обучение на принципах художественно-эстетического воспитания, демонстрирует на уровне тенденций более низкие, устойчивые и стабильные цифры индекса напряжения в течение всего учебного года в сравнении с учениками группы № 8, работающей по программе «Детский сад – дом радости» на базе типовой программы по Васильевой (Рис. 1).

Рисунок 1

Динамика (ИН)|(СИ) в процессе дошкольного образования (группы 4 и 8).

Значимых различий в адаптационном процессе фронтально между группами 4-й и 8-й по осмотрам не обнаружено ($F_{осм} = 0,73; F_{грп} = 3,23$). Половая дифференциация не проявила закономерностей различий в динамике напряженностей вегетативного тонуса у мальчиков (δ - $p < 0,95$; $p < 0,26$). По осмотрам в течение года внутри группы девочек различия в реактивности проявились лишь на уровне тенденций ($p < 0,81$); однако между группами 4 и 8 у девочек отмечается значительная статистически значимая разница в динамике адаптации в пользу группы № 4 ($p < 0,01$).

В анализе корреляционных связей индекса напряжения (ИН) в группе детей детского сада, с изучаемыми переменными и факторами обнаружилась значимая положительная – функциональная корреляция с индексом вегетативного равновесия (ИВР) ($r = 0,87$ при $p < 0,01$) и индексом исходного вегетативного тонуса (ИВТ) ($r = 0,78$ при $p < 0,01$), следовательно, эти индексы также адекватно и качественно отражают напряженность функционирования сердечно-сосудистой системы, степень централизации вегетативной реактивности и качественные характеристики адаптационных процессов детского организма в конкретных условиях образовательного процесса; с фактором «пол» ($r = 0,14$ при $p < 0,01$) и фактором «группа дет-

ского сада» ($r = 0,10$ при $p < 0,05$) обнаружена слабая, но значимая корреляция. С осмотром и группой здоровья значимой обусловленности не установлено.

Заключение:

Таким образом, полученные результаты лонгитудинального кардиоинтервалографического исследования одних и тех же детей в период подготовительной группы детского сада и первого года начального образования подтвердили данные об индивидуальных особенностях вегетативной регуляции как сердечного ритма, так и адаптационных процессов в зависимости от возраста, пола, учебной нагрузки и исходного состояния здоровья.

Для успешного проведения целенаправленной работы по сохранению и укреплению здоровья детей в период перехода из ДООУ к начальному школьному образованию, необходимо систематическое слежение за состоянием физического здоровья детей с привлечением современного метода – кардиоинтервалографии – Современного наукоемкого метода, позволяющего исследовать и констатировать резервные возможности сердечнососудистой системы и потенциал вегетативной обеспеченности процессов адаптации, при выборе разнообразных по интенсивности программ обучения.

Библиографический список

1. Аболенская, В.Н. Адаптационные возможности организма и состояния здоровья детей. – М.: Международный фонд охраны здоровья матери и ребенка, 1996.
2. Безруких, М.М. Физиология развития ребенка: теоретические и прикладные аспекты / М.М. Безруких, Д.А. Фарбер. – М.: Образование от А до Я, 2000.
3. Баевский, Р.М. Вариабельность сердечного ритма: Теоретические аспекты и практическое применение / Р.М. Баевский, Н.И. Шлык // Тез. докл. междунар. симп. – Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 2003.
4. Адаптация организма учащихся к учебной и физической нагрузкам / А.Г. Хрипкова [и др.]. – М.: Педагогика, 1982.
5. Нижегородцева, Н.В. Психолого-педагогическая готовность ребенка к школе / Н.В. Нижегородцева, В.Д. Шадриков. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001.
6. Белоконов, Н.А. Болезни сердца и сосудов у детей: Руководство для врачей: в 2 т. / Н.А. Белоконов, М.Б. Кубергер. – М.: Медицина, 1987. – Т. 1.

Bibliography

1. Abolenskaya, V.N. Adaptacionniye vozmozhnosti organizma i sostoyaniya zdorov'ya detej. – М.: Mezhdunarodniy fond okhrani zdorov'ya materi i rebenka, 1996.
2. Bezrukikh, M.M. Fiziologiya razvitiya rebenka: teoreticheskie i prikladnye aspekty / M.M. Bezrukikh, D.A. Farber. – М.: Obrazovanie ot A do Ya, 2000.
3. Baevskiy, R.M. Variabelnost' serdechnogo ritma: Teoreticheskie aspekty i prakticheskoe primeneniye / R.M. Baevskiy, N.I. Shlyk // Tez. dokl. mezh-dunar. simp. – Izhevsk: Izd-vo Udm. un-ta, 2003.
4. Adaptatsiya organizma uchashchikhsya k uchebnoy i fizicheskoy nagruzkam / A.G. Khripkova [i dr.]. – М.: Pedagogika, 1982.
5. Nizhegorodceva, N.V. Psikhologo-pedagogicheskaya gotovnost' rebenka k shkole / N.V. Nizhegorodceva, V.D. Shadrikov. – М.: Gumanit. izd. centr VLADOS, 2001.
6. Belokonj, N.A. Bolezni serdca i sosudov u detej: Rukovodstvo dlya vrachej: v 2 t. / N.A. Belokonj, M.B. Kuberger. – М.: Medicina, 1987. – Т. 1.

Статья поступила в редакцию 20.07.11

УДК 572.024 + 612.821

Demidko N.N., Gainanova N.K., Miroshkin D.G., Kozlikina N.B. THE PATTERNS OF DISTRIBUTION OF BRAIN FUNCTIONAL ASYMMETRY OF TEENAGER BOYS IN TOWNS OF ALTAI REGION DIFFERS BY LEVEL OF POLLUTION. The results of investigation of boys confirmed the impact of environment condition on lateralization profiles in teenager population are presented. When the left cerebral hemisphere dominate the degree of left-laterality in areas polluted by heavy metals increased.

Key words: brain functional asymmetry, teenagers, industrial pollutions.

Н.Н. Демидко, канд. биол. наук, доц. каф. биологии Алтайской государственной академии образования имени В.М. Шукшина; **Н.К. Гайнанова**, д-р биол. наук, проф. каф. биологии Алтайской государственной академии образования имени В.М. Шукшина; **Д.Г. Мирошкин**, аспирант каф. биологии Алтайской государственной академии образования имени В.М. Шукшина; **Н.Б. Козликина**, аспирант кафедры биологии Алтайской государственной академии образования имени В.М. Шукшина, E-mail: bnn77@bk.ru

ОСОБЕННОСТИ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ПРОФИЛЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ АСИММЕТРИИ МОЗГА У МАЛЬЧИКОВ-ПОДРОСТКОВ, ПРОЖИВАЮЩИХ В ГОРОДАХ АЛТАЙСКОГО КРАЯ С РАЗЛИЧНОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКОЙ

Представлены результаты обследования мальчиков, подтверждающие влияние экологической обстановки на распределение профилей латерализации в подростковой популяции. На фоне общего доминирования левого полушария отмечена тенденция к повышению леволатеральности на территориях, подвергшихся эмиссии тяжелых металлов.

Ключевые слова: функциональная асимметрия мозга, подростки, промышленное загрязнение.

Вопросу влияния экологических условий на функциональное состояние организма человека в настоящее время в связи с возросшей актуальностью уделяется достаточно много внимания. В большинстве работ, посвященных данной проблеме, рассматривается воздействие антропогенных загрязнений на здоровье и развитие основных систем организма человека в разные периоды онтогенеза [1-7].

Вместе с тем известно, что экологическая обстановка населенного пункта, в котором проживает человек, оказывает значительное влияние на показатели его психофизиологического состояния. Некоторыми авторами предпринимались попытки установить связь между экологическим состоянием территории и психофизиологическим состоянием жителей. Так, изучались сенсомоторные реакции, самооценка личности и уровень нервно-психической адаптации в условиях экологического стресса [8], умственная работоспособность и внимание у подростков, проживающих в химически загрязненных районах [9]; внимание и эмоциональная напряженность [10].

Наличие связи между преобладанием латерального профиля и окружающей средой отмечалось многими авторами [11-13]. Однако, в этих работах в качестве экологических факторов учитывались только природно-климатические условия, в частности проживание в условиях полярного климата. С целью изучения частоты встречаемости право- и леволатеральных фенотипов у подростков, проживающих в городах с разной экологической обстановкой нами обследованы мальчики 14-15 лет из городов Алейск, Горняк и Заринск Алтайского края. В обследовании приняли участие 492 мальчика в возрасте 14-15 лет, из них 196 подростков из г. Алейска, 176 из г. Заринска и 120 мальчиков из г. Горняка.

Известно, что на развитие и функциональное состояние подростков существенное влияние оказывают социальные условия жизни, обусловленные численностью населения города, уровнем доходов жителей и развитием промышленных предприятий [14-16]. Данные города являются центрами административных районов и согласно классификации, принятой в географии населения, относятся к малым. Анализ уровня доходов населения, проведенный по среднемесячной заработной плате [17] не выявил значимых различий. Однако, структура промышленности в исследуемых городах резко различна. Так, на территории г. Алейска расположены, в основном, предприятия пищевой промышленности (мукомольно-крупяное производство, выработка растительного масла, комбикормов, мясокомбинат, маслосыркомбинат). Основу промышленности г. Горняка длительное время составлял Алтайский горно-обогатительный комбинат (АГОК). Хотя в настоящее время комбинат прекратил свою деятельность, её последствия продолжают пагубно сказываться на экологической обстановке в городе. Кроме того, аналогичный комбинат находится в шести километрах от города на территории Казахстана. Основным градообразующим предприятием г. Заринска является завод «Алтайкокс». Такая структура промышленности определяет различия антропогенных загрязнений по количеству и видам поллютантов, а следовательно и экологической обстановки в целом. Таким образом, г. Алейск можно считать «чистым», а г. Горняк и Заринск отнести к городам экологического неблагополучия. Два этих города отличаются по основным поллютантам: в г. Горняке это тяжелые металлы (мышьяк, кадмий, цинк, медь и свинец), а в г. Заринске – отходы коксохимического производства (сернистый ангидрид, оксид углерода, диоксид азота, фенол, формальдегид, сероводород, цианистый водород) [18; 19; 20].

Для оценки функциональной асимметрии мозга у мальчиков, проживающих в разных экологических условиях, нами выявлены сенсорные и моторные предпочтения (доминирующие стороны органов слуха и зрения, ведущие руки и ноги). Выбор проб обусловлен их преимуществом наглядной демонстрации доминирования левой или правой стороны в конкретном задании [12; 21]. Все подростки подразделялись на группы, отличающиеся степенью выраженности признаков праволатеральности [12].

В результате было получено пять групп:

1. синистралы (леволатеральные);
2. амбидекстры;
3. мальчики с сочетанием двух праволатеральных показателей с левосторонними или симметричными показателями;
4. мальчики, всегда имеющие два правосторонних показателя, характеризующих слух, руки и ноги;
5. декстралы (праволатеральные).

Анализ полученных данных показал, что в 14 лет у большинства подростков доминирующим является левое полушарие, так 48,9% заринцев и 53,8% алейчан являются декстралами, в то время как у жителей г. Горняк 43,9% относятся к 4 группе и лишь 17,1% – к 5 группе ($P \leq 0,05$).

Необходимо отметить, что мальчики, всегда имеющие два правосторонних показателя, характеризующих слух, руки и ноги (4 группа) чаще встречаются среди подростков из городов экологического неблагополучия. Представители данной группы составляют 43,9 % 14-летних жителей г. Горняка и 31,9% – г. Заринска, тогда как в г. Алейске показатель составил – 18,5 % ($P \leq 0,05$).

Процент подростков, относящихся к третьей группе близок в г. Алейск и г. Горняк (24,1% и 26,8 % соответственно), а в г. Заринске – всего 14,9%.

Амбидекстры встречаются среди жителей всех городов, но их число достоверно ниже ($P \leq 0,01$) в г. Алейск (1,8%) и Заринск (4,7%) по сравнению со сверстниками из г. Горняка (7,3%). Синистралы, в целом, наиболее малочисленная группа в исследуемой популяции подростков, причем большая часть 14-летних подростков, входящих в эту группу, проживает в г. Горняке.

Таким образом, анализ распределения мальчиков 14 лет по группам с учетом индивидуального латерального профиля показал, что у большинства подростков отмечено доминирование левого полушария. Однако, в условиях загрязнения тяжелыми металлами (г. Горняк) отмечается относительное увеличение леволатеральности.

По результатам обследования подростков старшей возрастной группы (15 лет) отмечена аналогичная тенденция. Так, у жителей г. Алейска и Заринска достоверно чаще в равной степени представлены четвертая и пятая (38,1 % и 41,5% соответственно) группы, в то время как в г. Горняке – третья (42,1%). В условиях повышенного содержания тяжелых металлов представители 4 и 5 групп составили лишь по 15,8%.

Сочетание двух праволатеральных показателей с левосторонними или симметричными показателями регистрировалось в меньшей степени у подростков из г. Алейск (21,4%) и г. Заринск (17,1 %). Подростки с симметричным профилем (амбидекстры) не выявлены лишь в г. Заринске, причем их число значительно выше в г. Горняке (26,3 %) в сравнении с г. Алейском (2,4%).

Следовательно, в возрасте 15-ти лет большинство подростков также являются левополушарными, однако среди жителей г. Горняк существенен процент симметричных и отмечена тенденция увеличения леволатеральности.

Согласно результатам исследования установлена зависимость между экологической обстановкой места проживания и преобладанием профиля функциональной асимметрии мозга. У большинства подростков доминирующим является левое полушарие, однако у жителей г. Горняк показатель праволатеральности несколько меньше, а в 15 лет выявлено значительное число амбидекстров. Несмотря на редкую встречаемость синистралов, необходимо отметить, в г. Горняк их больше, чем в г. Алейске. Большая распространенность правшей отмечалась многими авторами [12; 13; 21]. Тенденция к повышению леволатеральности у жителей г. Горняка может являться результатом воздействия неблагоприятных условий среды, что совпадает с литературными данными [11; 13; 21; 22]. Так, В.П. Леутин (1985-1988) отмечает, что синистралы и амбидекстры обладают повышенной устойчивостью в процессе адаптации к климатогеографическим условиям и чаще встречаются среди жителей территорий с неблагоприятными условиями [12]. Можно предположить, что в условиях эмиссии тяжелых металлов, которая выступает в качестве фактора экологиче-

ского риска, преобладают представители профилей латерализации более способных к адаптации. Известно, что моторная асимметрия в большей степени определяется средовыми факторами [23]. Поскольку по климатогеографическим и основным социальным показателям изучаемые города близки между собой, то можно предположить, что различия по представленности профилей функциональной асимметрии головного мозга подростков вызваны особенностями экологической обстановки, в частности видами поллютантов.

Таким образом, результаты проведенного исследования позволяют сделать следующие выводы:

1. Существует связь между экологической обстановкой места проживания и распределением профилей латерализации у подростков.

2. Отмечено преобладание во всех группах подростков с доминированием левого полушария.

3. Установлено увеличение доли синистралов и амбидекстров на территориях, подвергшихся эмиссии тяжелых металлов, на фоне общего доминирования левого полушария.

Библиографический список

1. Баранов, А.А. Состояние здоровья детей и подростков в современных условиях. Проблемы и пути решения // Российский педиатрический журнал. – 1998. – № 1.
2. Агаджанян, Н.А. Экология и здоровье населения района с развитой горнодобывающей промышленностью / Н.А. Агаджанян, Т.Е. Батоциренова, Н.Г. Гомбоева // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2005. – № 2(30).
3. Барвинко, Н.Г. Состояние атмосферного воздуха и здоровье населения Удмуртии: автореф. дис. ... д-ра мед. наук. – Архангельск, 2007.
4. Суржиков, Д.В. Загрязнение окружающей среды промышленного центра металлургии как фактор риска для здоровья: дис. ... д-ра биол. наук. – Новокузнецк, 2007.
5. Мамчик, Н.П. Загрязнение атмосферного воздуха и здоровье населения крупного промышленного центра / Н.П. Мамчик, А. В. Платунин // Здравоохранение Российской Федерации. – 2008. – № 1.
6. Блинова Н.Г. Комплексная оценка функционального состояния и развития детей и подростков в системе образования: методические рекомендации / Н.Г. Блинов, Л.Н. Игешева. – Кемерово, 1996.
7. Ефимова, Н.В. Комплексная оценка функциональных возможностей сердечно-сосудистой системы детей промышленного города / Н.В. Ефимова, Ю.Н. Катульский, О.Ю. Катульская // Гигиена и санитария. – 2008. – № 6.
8. Бартош, Т. П. Особенности психофизиологического статуса у подростков различных районов Магаданской области / Т.П. Бартош, А. Л. Максимов // Экология человека. – 2007. – № 6.
9. Ермоленко, Г.В. Особенности функционирования ведущих адаптационных систем и психофизиологический статус подростков, проживающих в условиях химического загрязнения окружающей среды: автореф. дис. ... канд. биол. наук. Москва, 2007.
10. Солонин Ю.Г. Влияние экологического фактора на функциональное состояние организма подростков / Ю.Г. Солонин, Е.Р. Бойко, Н.Г. Варламова [и др.] // Физиология человека. – 2008. – Т. 34. – № 3.
11. Брагина, Н.Н. Функциональные асимметрии человека / Н.Н. Брагина, Т.А. Доброхотова. – М.: Медицина, 1988.
12. Леутин В.П. Психофизиологическая и функциональная асимметрия мозга / В.П. Леутин, Е.И. Николаева. – Н-ск.: Наука, 1988.
13. Гребнева, Н.Н. Эколого-физиологический портрет современных детей и подростков в условиях Тюменской области. / Н.Н. Гребнева – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2006.
14. Ямпольская, Ю.А. Физическое развитие и адаптационные возможности современных подростков // Российский педиатрический журнал. – 1998. – № 1.
15. Котышева, Е.Н. Анализ антропометрических показателей физического развития детей 5–7 лет в условиях промышленного города / Е.Н. Котышева, Н.А. Дзюндзя, М.Ю. Болотская // Педиатрия. – 2008. – № 2.
16. Федотова, Т.К. Влияние экологии современного мегаполиса на ростоые процессы дошкольников // Педиатрия. – 2006. – № 6.
17. Федеральная служба государственной статистики. База данных показателей муниципальных образований. Алтайский край. – Р/д: <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst01/DBlnet.cgi>
18. Янин, Е.П. Эмиссия ртути в окружающую среду при производстве кокса в России. – М.: ИМГРЭ, 2004.
19. Рождественская, Т.А. Тяжелые металлы в почвах и растениях юго-западной части Алтайского края: автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Новосибирск, 2003.
20. Ковалев, С.И. Закономерности распределения Cd, Pb и Hg в почвах Алтайского края: автореф. дис. ... канд. геол.-мин. наук. – Новосибирск, 2000.
21. Яхонтов, С.В. Адаптивный потенциал и полушарная ассиметрия младших школьников / С.В. Яхонтов, Н.К. Грицкевич, Л.Г. Шалагина. – Томск: Издательство ТГПУ, 2006.
22. Ковалева, Е.Л. Половой диморфизм процессов адаптации у детей / Е.Л. Ковалева, К.Б. Магнитская // Проблемы кибернетики: Мат. XI Междуна. конф. по нейрокибернетике. – Ростов-на-Дону, 1997.
23. Будук-оол, Л.К. Адаптация студентов республики Тыва к обучению в вузе (этноэкологические, морфофункциональные и психофизиологические особенности): автореф. дис. ... д-ра биол. наук. – Челябинск, 2010.

Bibliography

1. Baranov, A.A. Sostoyanie zdorov'ya detey i podrostkov v sovremennikh usloviyakh. Problemih i puti resheniya // Rossiyskiy pediatricheskiy zhurnal. – 1998. – № 1.
2. Agadzhanian, N.A. Ehkologiya i zdorov'ye naseleniya rayona s razvitoj gornodobyvayuthej promishlennost'yu / N.A. Agadzhanian, T.E. Batocirenova, N.G. Gomboeva // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. – 2005. – № 2(30).
3. Barvinko, N.G. Sostoyanie atmosfernogo vozdukh a i zdorov'ye naseleniya Udmurtii: avtoref. dis. ... d-ra med. nauk. – Ar-khangelsk, 2007.
4. Surzhikov, D.V. Zagryaznenie okruzhayuthej sredih promishlennogo centra metallurgii kak faktor riska dlya zdorov'ya: dis. ... d-ra biol. nauk. – Novokuzneck, 2007.
5. Mamchik, N.P. Zagryaznenie atmosfernogo vozdukh a i zdorov'ye naseleniya krupnogo promishlennogo centra / N. P. Mamchik, A. V. Platunin // Zdravookhranenie Rossiyskoy Federacii. – 2008. – № 1.
6. Blinova N.G. Kompleksnaya ocenka funkcional'nogo sostoyaniya i razvitiya detey i podrostkov v sisteme obrazovaniya: metodicheskie rekomendacii / N.G. Blinov, L.N. Igisheva. – Kemerovo, 1996.
7. Efimova, N.V. Kompleksnaya ocenka funkcional'nykh vozmozhnostey serdechno-sosudistoy sistemih detey promishlennogo goroda / N.V. Efimova, Yu.N. Katul'skiy, O.Yu. Katul'skaya // Gigena i sanitariya. – 2008. – № 6.
8. Bartosh, T. P. Osobennosti psikhofiziologicheskogo statusa u podrostkov razlichnykh rayonov Magadanskoy oblasti / T. P. Bartosh, A. L. Maksimov // Ehkologiya cheloveka. – 2007. – № 6.
9. Ermolenko, G.V. Osobennosti funkcionirovaniya vedutikh adaptacionnykh sistem i psikhofiziologicheskiiy status podrostkov, prozhivayutikh v usloviyakh khimicheskogo zagryazneniya okruzhayuthej sredih: avtoref. dis. ... kand. biol. nauk. Moskva, 2007.
10. Solonin Yu.G. Vliyanie ehkologicheskogo faktora na funkcional'noe sostoyanie organizma podrostkov / Yu.G. Solonin, E.R. Boyko, N.G. Varlamova [i dr.] // Fiziologiya cheloveka. – 2008. – Т. 34. – № 3.
11. Bragina, N.N. Funkcional'nihe asimetrii cheloveka / N.N. Bragina, T.A. Dobrokhotova. – М.: Medicina, 1988.
12. Leutin V.P. Psikhofiziologicheskaya i funkcional'naya asimetriya mozga / V.P. Leutin, E.I. Nikolaeva. – N-sk.: Nauka, 1988.
13. Grebneva, N.N. Ehkologo-fiziologicheskiiy portret sovremennikh detey i podrostkov v usloviyakh Tyumenskoy oblasti. / N.N. Grebneva – Tyumenj: Izd-vo TyumGU, 2006.
14. Yampolskaya, Yu.A. Fizicheskoe razvitie i adaptacionnihe vozmozhnosti sovremennikh podrostkov // Rossiyskiy pediatricheskiy zhurnal. – 1998. – № 1.
15. Kotishsheva, E.N. Analiz antropometricheskikh pokazateley fizicheskogo razvitiya detey 5–7 let v usloviyakh promishlennogo goroda / E.N. Kotishsheva, N.A. Dzyundzya, M.Yu. Bolotskaya // Pediatriya. – 2008. – № 2.
16. Fedotova, T.K. Vliyanie ehkologii sovremennogo megapolisa na rostovye processii doskol'nikov // Pediatriya. – 2006. – № 6.
17. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki. Baza dannikh pokazateley municipal'nykh obrazovaniy. Altayskiy kray. – R/d: <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst01/DBlnet.cgi>
18. Yanin, E.P. Ehmissiya rtuti v okruzhayutuyu sredu pri proizvodstve koksa v Rossii. – М.: IMGREh, 2004.
19. Rozhdestvenskaya, T.A. Tyazhyolihe metallih v pochvakh i rasteniyakh yugo-zapadnoy chasti Altayskogo kraya: avtoref. dis. ... kand. biol. nauk. – Novosibirsk, 2003.

20. Kovalev, S.I. Zakonomernosti raspredeleniya Cd, Pb i Hg v pochvakh Altajskogo kraja: avtoref. dis. ... kand. geol.-min. nauk. – Novosibirsk, 2000.
 21. Yakhontov, S.V. Adaptivniy potencial i polusharnaya assimetriya mladshikh shkolnikov / S.V. Yakhontov, N.K. Grickevich, L.G. Shalagina. – Tomsk: Izdatel'stvo TGPU, 2006.
 22. Kovaleva, E.L. Polovoy dimorfizm processov adaptatsii u detey / E.L. Kovaleva, K.B. Magnitskaya // Problemy kibernetiki: Mat. XI Mezhdun. konf. po neyrokibernetike. – Rostov-na-Donu, 1997.
 23. Buduk-ool, L.K. Adaptatsiya studentov respubliki Tihva k obucheniyu v vuze (ehtnoekologicheskie, morfofunktsionalniye i psikhofiziologicheskie osobennosti): avtoref. dis. ... d-ra. biol. nauk. – Chelyabinsk, 2010.

Статья поступила в редакцию 20.07.11

УДК 616.98:578.8321

Sergeeva I.V. CURRENT OF THE FLU AND H1N1swIN IN KRASNOYARSK IN 2011. In article results of the analysis of stories of illnesses with the diagnosis a flu of type And, caused by virus H1N1swIN are resulted. The greatest susceptibility to disease is registered among persons of young age of 16-29 years. At flu H1N1swIN along with an intoxication, a leading symptom is dry, приступообразный cough. The heavy current of disease with development of complications is registered in age group of 24-44 years. Risk group являются pregnant women and patients with a metabolic syndrome.

Key words: flu A H1N1swIN, an epidemiological situation, treatment.

И.В. Сергеева, соискатель Красноярского государственного медицинского университета имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого, г. Красноярск, E-mail: infeccia7979@mail.ru

ТЕЧЕНИЕ ГРИППА А H₁N₁SWIN В Г.КРАСНОЯРСКЕ В 2011 ГОДУ

В статье приведены результаты анализа историй болезней с диагнозом грипп типа А, вызванного вирусом H₁N₁swIN. Наибольшая восприимчивость к заболеванию регистрируется среди лиц молодого возраста 16-29 лет. При гриппе H₁N₁swIN наряду с интоксикацией, ведущим симптомом является сухой, приступообразный кашель. Тяжелое течение заболевания с развитием осложнений регистрируется в возрастной группе 24-44 лет. Группой риска являются беременные женщины и пациенты с метаболическим синдромом.

Ключевые слова: грипп А H1N1swIN, эпидемиологическая ситуация, лечение.

В структуре инфекционных заболеваний грипп и ОРВИ занимают ведущее место и составляют в период эпидемии 10–50% всей временной нетрудоспособности населения, а в остальное время – более 80% всей инфекционной патологии [1–4]. В г.Красноярске подъем заболеваемости начался с середины декабря 2010 года, максимальное количество заболевших регистрировалось в январе месяца. Всего в Красноярском крае зарегистрировано 5799 случаев ОРВИ и гриппа, из них 1496 случаев подтвержденного высокопатогенного гриппа А H₁N₁swIN. В инфекционные и перепрофилированные для ОРВИ терапевтические отделения МУЗ ГКБ № 6 им. Н.С. Карповича было госпитализировано 849 больных, среди них обследованы на грипп 627 больных, у 380 (60,6%) – подтвержден диагноз гриппа.

Цель исследования. Выявить клинко-эпидемиологические особенности гриппа А H₁N₁swIN на территории г. Красноярска.

Материалы и методы. Нами проанализировано 380 историй болезней с диагнозом грипп, по материалам инфекционных отделений МУЗ ГКБ № 6 им. Н.С. Карповича. Из них 336 (88,4%) случаев гриппа H₁N₁swIN и 44 (11,6%) – сезонного гриппа типа А или В. Среди обследованных: мужчин – 231 (60,8%), женщин 149 (39,2%), из них – 48 (32,2%) беременных. Возрастная структура: 15-18 лет – 178 пациентов (46,8%), 19-29 лет – 157 пациентов (41,3%), 30-44 лет – 30 пациентов (8%), 45-55 лет – 10 пациентов (2,6%) и старше 56 лет – 5 пациентов (1,3%).

Диагноз гриппа был выставлен на основании клинко-эпидемиологических проявлений, подтвержден ПЦР – диагностикой, вирусологическими и серологическими методами исследований сыворотки крови, мазков и смывов из носоглотки и ротоглотки, которые забирались у пациентов сразу при поступлении и при необходимости в динамике заболевания.

Результаты исследования. Первые случаи заболевания возникли среди студентов и учащихся средних и высших учебных заведений, проживающих в общежитиях, что способствовало быстрому распространению инфекции, затем случаи заболеваемости отмечались среди сотрудников и медицинских работников, которые находились в очагах инфекции. Вспышки гриппа А H₁N₁swIN регистрировалась в четырех средних и высших учебных заведениях г.Красноярска, в нескольких

войсковых частях. Рост заболеваемости был отмечен в различных возрастных группах, но в основном это пациенты 15-29 лет (88,16% заболевших). Данные специфических (вирусологических, ПЦР, серологических) исследований свидетельствовали о вытеснении циркулирующих сезонных штаммов вируса гриппа на высокопатогенный штамм – H₁N₁swIN (у 60,6% обследованных).

Анализ клинических проявлений гриппа А H₁N₁swIN выявил, что у всех заболевание начиналось остро: симптомы интоксикации и катаральные явления. Повышение температуры тела до 37,5°C отмечалось у 78 пациентов (23,2%), 37,5–38,9°C – у 209 пациентов (62,2%) и выше 39,0°C – у 49 пациентов (14,6%). Слабость и снижение работоспособности в 100%. Головная боль слабая – у 36 пациентов (10,7%), умеренная – у 143 пациентов (42,6%), интенсивная – у 114 пациентов (34%). Головокружение отмечалось у 131 пациента (39%). Миалгии и артралгии отмечались у 164 пациентов (48,8%). Ведущим симптомом (у 295 пациентов – 87,8%) с первых часов заболевания был сухой, приступообразный кашель; 28 пациентов (8,3%) отмечали появление сухого кашля до повышения температуры и других симптомов. Катаральные явления проявлялись в виде обильных слизистых выделений из носа или заложенности носа, умеренной гиперемии ротоглотки с вирусной зернистостью задней стенки глотки у всех больных, явления склерита регистрировались у 86 пациентов (25,6%), боли при движении глазных яблок регистрировали только у 22 пациентов (6,5%). У всех больных с первых дней болезни при аускультации легких выслушивалось жесткое дыхание, а при рентгенологическом исследовании диагностировалось усиление легочного рисунка за счет сосудистого компонента у 192 пациентов (57,1%) – эти проявления отмечались даже при скудных катаральных явлениях и отсутствии кашля, что свидетельствовало о развитии раннего отека легочной ткани, осложненного трахеобронхитом или вирусной пневмонией. Жидкий стул до 2-8 раз в сутки в течение 1-3 дней отмечали 36 пациентов (10,7%), отмечавшийся на 3-5 день болезни на фоне противовирусной и антибактериальной терапии.

Госпитализация осуществлялась в различные сроки, на 1-2 сутки от начала заболевания было госпитализировано 257

пациентов (67,63%), на 3-4 сутки – 105 пациентов (27,63%), позднее 5 суток – 18 пациентов (4,73%).

У 49 пациентов (14,6%) отмечалось тяжелое течение гриппа, что было обусловлено развитием осложнений, чаще всего это были пневмонии у 42 пациентов (85,7%). Энцефалитический синдром (судороги на высоте лихорадки) отмечался у 2 пациентов 15 и 16 – летнего возраста. Явления менингизма сопровождались стойкой головной болью, тошнотой, рвотой, ригидностью затылочных мышц у 8 больных (в возрасте 15-23 лет). У 1 пациента на первой неделе заболевания развился постгриппозный миокардит. При среднетяжелом течении гриппа осложнения развились по типу трахеобронхита у 234 пациентов (69,6%), синусита у 68 пациентов (20,1%), гнойного отита у 7 пациентов (2,1%).

Особое внимание уделялось беременным женщинам, как группе риска по развитию тяжелой пневмонии с возможным летальным исходом. Всего госпитализировано было 102 беременные женщины, грипп A H₁N₁swin диагностирован у 46 и сезонный грипп типа A у 2 пациенток. В первом триместре (до 12 недель) поступило 16 (34,8%) пациенток: легкое течение гриппа отмечалось у 2 (12,5%), среднетяжелое – у 13 (81,2%), тяжелое с развитием пневмонии у 1 (6,3%) пациентке. У 2 беременных была диагностирована замершая беременность в сроках 5 и 8 недель беременности, у 1 беременной – угроза выкидыша. Во втором триместре (13-24 недели) поступило 16 пациенток (34,8%): у 3 пациенток (18,8%) регистрировалось легкое течение заболевания, у 12 пациенток (75%) – среднетяжелое течение, у 1 пациентки (6,2%) – тяжелое течение гриппа, осложненного пневмонией. Во втором триместре беременности осложнения не диагностировались. В третьем триместре (25-40 недель) поступило 14 пациенток (30,4%): у 2 пациенток (14,3%) – легкое течение, у 9 пациенток (64,3%) – среднетяжелое, у 3 пациенток (21,4%) – тяжелое, с развитием двухсторонней пневмонии, и плеврита. У 1 беременной в сроке 37 недель произошли преждевременные роды. Осложнения: пневмонии и плевропневмонии отмечались у 5 пациенток (10,7%), что было связано с поздней госпитализацией на 5-7 день болезни; трахеобронхит отмечался у 34 пациенток (73,9%), гайморит отмечался у 3 пациенток (6,6%). Наибольшее количество осложнений (18,8%), связанные с развитием и вынашиванием беременности были диагностированы в первом триместре беременности.

Летальные исходы зарегистрированы у 5 пациентов (1,5%): 4 женщины (24, 28, 43 и 44 лет) и один мужчина (32 лет). При этом у 2 пациентов отмечалось позднее поступление на 5-6 день болезни. Причиной смерти послужило: в 3 случаях двухсторонняя тотальная пневмония, в 1 случае инфекционно-токсический шок. Следует отметить, что летальные исходы были у пациентов с неблагоприятным преморбидным фоном: выраженный метаболический синдром (ожирение IV степени), острый лейкоз.

С первого дня поступления в инфекционное отделение все больные получали противовирусную терапию: тамифлю (в том числе всем беременным не зависимо от срока беременности) по 75 мг×2 раза в сутки перорально в течение 5 дней (при тяжелом течении гриппа дозу препарата увеличивали вдвое или втрое и продолжали до 10 дней); арбидол по 200 мг×4 раза в сутки перорально в течение 5 дней. Назначение противовирусной терапии с ранних сроков заболевания позволила избежать тяжелых осложнений. 89,5% пациентам назначали антибактериальную терапию в результате развития осложне-

ний (трахеобронхит, отит, синусит, пневмония) и профилактики развития осложнений с первых дней заболевания. При тяжелых пневмониях одновременно назначали два и три антибактериальных препарата. Дезинтоксикационная терапия проводилась глюкозо-солевыми растворами, назначалась аскорбиновая кислота; жаропонижающие средства (50% раствор анальгина по 2 мл внутримышечно) вводились до 2-х раз в сутки при температуре выше 38,5°C.

Нормализация температуры тела у больных, которым назначался «Арбидол» отмечалась на 2,5±0,1 день, а при назначении «Тамифлю» – на 2,2±0,2 день. Купирование симптомов интоксикации при назначении «Арбидола» отмечалось на 3,9±0,2 день, а при назначении «Тамифлю» – на 3,7±0,2 день. Купирование катаральных явлений, которые характеризовались обильными слизистыми выделениями из носа, заложенностью носа, умеренной гиперемией ротоглотки с вирусной зернистостью задней стенки глотки, явлениями склерита, першением в горле, при назначении «Арбидола» отмечалось на 6,0±0,4 день, а при назначении «Тамифлю» – на 5,7±0,3 день. Побочные явления при приеме этиотропных препаратов отмечались только у одного пациента (беременная женщина в сроке 7-8 недель беременности) на прием «Тамифлю»: тошнота и рвота на 2 день приема, в связи с чем препарат был отменен, и больная получала только симптоматическую терапию. Сроки госпитализации больных составили при назначении «Арбидола» 6,8±0,3 дня, а при назначении «Тамифлю» – 7,5±0,3 дня.

Выводы. 1. На территории г. Красноярска произошло вытеснение сезонных штаммов вируса гриппа высокопатогенным H₁N₁swin за короткий промежуток времени.

2. Наиболее уязвимым к гриппу, вызванному H₁N₁swin, оказался молодой возраст 16-29 лет (88,2% заболевших). Осложнения со стороны нервной системы (менингизм и энцефалитический синдром), миокардит регистрировались у пациентов 15-23 лет; со стороны дыхательных путей (в том числе пневмония) в возрастной группе 25-44 лет, что свидетельствует о наибольшей восприимчивости к гриппу, вызванному H₁N₁swin, людей молодого возраста.

3. В большинстве случаев (85,4%) грипп H₁N₁swin протекал в легкой и среднетяжелой форме заболевания.

4. К группе риска при гриппе по развитию осложнений и неблагоприятных исходов заболевания относятся беременные и пациенты с метаболическим синдромом (ожирением). Среди беременных, больных гриппом H₁N₁swin, наибольшее количество осложнений, связанные с развитием и вынашиванием беременности зарегистрированы в первом триместре (18,6%); осложнения, связанные с присоединением вторичных инфекций и поражением дыхательных путей (в том числе тяжелой двухсторонней пневмонии и плевропневмонии) развились у пациенток в третьем триместре беременности (63%).

5. Результаты настоящего исследования показали высокую эффективность и хорошую переносимость при применении «Арбидола» и «Тамифлю» в этиотропной терапии ОРВИ, на что указывают равнозначные сроки купирования симптомов интоксикации, катаральных явлений, а также нормализация температуры тела.

6. Осложнения заболевания, в том числе летальные исходы обусловлены как поздней госпитализацией (5-6 день болезни), тяжестью состояния, сопутствующими заболеваниями (преморбидным фоном), так и ошибками по ведению больных на догоспитальном этапе.

Библиографический список

1. Грипп. Руководство для врачей/ под ред. Г.И. Карпукхина. - СПб.: Гиппократ, 2001.
2. Карпукхин Г.И. Диагностика, профилактика и лечение острых респираторных заболеваний / Г.И. Карпукхин, О.Г. Карпукхина. - СПб.: Гиппократ, 2000.
3. Киселев, О.И. Прогресс в создании пандемических противогриппозных вакцин и технологии их производства // Биотехнология, 2010. - № 2.
4. Ратникова, Л.И.. Новый подход к терапии острых респираторных вирусных инфекций и гриппа / Л.И. Ратникова, Е.А. Стенько // Поликлиника. – 2009. - № 2.

Bibliography

1. Gripp. Rukovodstvo dlya vrachej/ pod red. G.I. Karpukhina. - SPb.: Gippokrat, 2001.
2. Karpukhin G.I. Diagnostika, profilaktika i lechenie ostrikh respiratornykh zabolevaniy / G.I. Karpukhin, O.G. Karpukhina. - SPb.: Gippokrat, 2000.

3. Kiselev, O.I. Progress v sozdanii pandemicheskikh protivogrippoznykh vakcin i tekhnologii ikh proizvodstva // *Biotehnologiya*, 2010. - № 2.
 4. Ratnikova, L.I. Noviy podkhod k terapii ostrikh respiratornykh virusnykh infektsiy i grippa / L.I. Ratnikova, E.A. Stenjkova // *Poliklinika*. – 2009. - № 2.
 Статья поступила в редакцию 20.07.11

УДК [612.821] / (159.913)

Chanchayeva Y.A., Aizman R.I., Zakrikchinova A.S. INTERETHNOLOGICAL PSYCHOSOCIAL ADAPTATION OF MOUNTAINOUS ALTAI'S ABORIGINES. Since problems of social adaptation of different ethnic groups to conditions of living are still presented science-practical importance, the emotion's status, functional asymmetry of brain and psychosocial adaptation of Mountainous Altai's Altaian, Russian and Kazahian nationality aborigines have been estimate. Emotions discomfort and low level of social adaptation of Altaian's aborigines has been determined.

Key words: adaptation, altaians, functional asymmetry of brain, emotion status.

Е.А. Чанчаева, канд. биол. наук, доц. каф. безопасности жизнедеятельности, анатомии и физиологии Горно-Алтайского государственного университета; **Р.И. Айзман**, д-р биологических наук, проф. каф. анатомии, физиологии и безопасности жизнедеятельности Новосибирского государственного педагогического университета; **А.С. Закиркичнова**, студентка биолого-химического факультета Горно-Алтайского государственного университета, E-mail: roman.aizman@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ГОРНОГО АЛТАЯ

В связи с тем, что вопросы социальной адаптации различных этнических групп к условиям проживания представляют значительное научно-практическое значение, проведена оценка эмоционального состояния, функциональной асимметрии мозга и социально-психологической адаптации коренного населения русской, алтайской и казахской национальностей Горного Алтая. Установили, что у алтайцев на фоне эмоционального дискомфорта отмечается сравнительно низкий уровень социально-психологической адаптации.

Ключевые слова: адаптация, алтайцы, функциональная асимметрия мозга, эмоциональное состояние.

Природная адаптация проявляется в ответных реакциях всех функциональных систем организма на факторы внешней среды [1]. Суровые климатические условия предъявляют к организму человека жесткие требования, в результате чего приспосабливаются лишь те индивидуумы, которые обладают определенными психофизиологическими особенностями [2; 3]. По данным многочисленных исследований, доминирование правого полушария проявляется как в процессе срочной, так и долговременной адаптации к экстремальным климатическим условиям [3], тогда как люди с преобладанием левополушарной асимметрии обладают лучшими психосоциальными адаптивными возможностями [2; 3]. Существует мнение, что для монголоидов Сибири [4-6] и Севера [7; 8] характерны трудности в социальной адаптации в связи с правополушар-

ным типом доминирования. В связи с тем, что указанные работы не затрагивают вопросов, касающихся национальных и половых особенностей, мы поставили цель - оценить эмоциональный статус и уровень социально-психологической адаптации коренного населения Горного Алтая русской, алтайской и казахской национальностей.

МЕТОДИКА

Проведена оценка функциональной асимметрии (ФА) мозга, эмоционального состояния, социально-психологической адаптации коренного населения Горного Алтая. Всего обследовано 330 человека в возрасте от 20 до 59 лет, из них 119 русских, 106 алтайцев и 105 казахов. Все обследованные были разделены на группы по половой и национальной принадлежности (табл. 1).

Таблица 1

Количественный состав обследованных групп

Национальность	Пол	Число наблюдений
Русские	Женщины	60
	Мужчины	59
Алтайцы	Женщины	56
	Мужчины	50
Казахи	Женщины	54
	Мужчины	51

Для оценки моторной и сенсорной асимметрии использовали следующие пробы:

- для определения ведущей руки: а) «Динамометрия». Трижды оценивается сила сжатия каждой кисти. Средние значения ведущей руки больше соответствующих значений неведущей руки; б) «Переплетение пальцев рук». Большой палец ведущей руки ложится сверху; в) «Скрещивание рук». Ведущая рука первая начинает действие и располагает кисть на противоположном предплечье; г) «Развитие венозной сети на тыльной стороне кисти». Венозная сеть ведущей руки более развита; д) «Самооценка». На основании самооценки отмечается, какая, по мнению испытуемого, рука является более активной и др.;
- для определения ведущей ноги: а) «Закидывание ноги на ногу». Ведущей считается нога, лежащая свер-

ху; б) «Подпрыгивание на одной ноге». Нога, активная при движении, оценивается как ведущая; в) «Поднятие и спуск со стула». Ведущей является нога, начинающая движение; г) «Разница в величине стоп». Стопа ведущей ноги длиннее; д) «Отклонение движения от заданного направления». При отсутствии зрительного контроля испытуемый проходит вперед около 5м. Нога, противоположная отклонению от центральной прямой оси, оценивается как ведущая и др.;

- для оценки асимметрии зрения: а) «Рассматривание отдаленного предмета через полую трубу». Глаз, к которому поднесена труба, считается ведущим; б) «Сравнение величин двух одинаковых кругов», предъявляемых последовательно одному, потом другому глазу. Круг, предъявленный ведущему глазу,

кажется больше; в) «Прицеливание». При стрельбе прицеливание осуществляется ведущим глазом; г) проба «Розенбаха». В вытянутой руке испытуемый держит карандаш и фиксирует его взором на определенной точке (на расстоянии не ближе 2 м), закрытие ведущего глаза ведет к смещению карандаша; д) «Прищуривание глаза». После команды: «Поочередно прищурить глаза», - первым прищуривается недоминирующий глаз;

- для оценки асимметрии слуха: а) проба «Часы». Перед обследуемым на стол кладут механические часы. Предлагается поднести их к каждому уху. Оценивается, к какому уху испытуемый подносит часы в первую очередь, и каким ухом слышит звук громче; б) «Телефон». Ведущим считается ухо, к которому чаще подносят телефонную трубку при разговоре; в) «Воспроизведение цифр», произносимых экспериментатором шепотом при одном закрытом ухе испытуемого. Правильность воспроизведения цифр, прослушанных ведущим ухом, выше; г) «Прислушивание». Испытуемому предлагается приложить ухо к стене для прислушивания к шуму за стеной. Прислушивание осуществляется ведущим ухом [3]. Показатель функциональной асимметрии каждого анализатора определяли по формуле:

$$ФА = \frac{\text{Суммарное количество баллов}}{\text{Число тестов}} * 100\%$$

ФА моторики (ДА) и сенсорики (СА) оценивали: ДА = (АР+АН)/2; СА = (АЗ+АС)/2,

где АР – асимметрия рук, АН – асимметрия ног, АЗ – асимметрия зрения, АС – асимметрия слуха. Общую функциональную асимметрию (ОА) оценивали по формуле: ОА =

(ДА+СА)/2. Обследованные лица разделялись на группы, отличающиеся степенью выраженности признаков лево- и праволатеральности: 1 – от -100% до -50% - полное или почти полное левшество; 2 – от -5% до -10% - сильное левшество; 3 – от -10% до +10% амбидекстр (неопределенный); 4 – от 10% до 50% - выраженное правшество; 5 – от 50% до 100% - сильное (полное) правшество.

Для диагностики депрессивных состояний использовали опросник В. Зунга (1965), адаптированный Т.И. Балашовой; состояние стресса оценивали с помощью цветового теста М. Люшера (1947). Уровень социально-психологической адаптации определяли с помощью опросника А.В. Осницкого (1999). Статистическая обработка данных проводилась с использованием программного пакета "Statistica 6.0 for Windows" и "Microsoft Excel 2003". Значимость различий в распределении показателей эмоционального состояния по степени выраженности признаков оценивалась с помощью критерия χ^2 . Достоверность различий показателей социально-психологической адаптации оценивали с помощью t -теста для независимых переменных.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Анализируя различия в распределении показателей эмоционального состояния аборигенов Горного Алтая по степени выраженности признаков, выявили достоверные различия между женщинами в распределении показателей депрессии ($\chi^2=12,29$; $df=5$; $p<0,01$) (табл. 2) и между мужчинами в распределении показателей стресса ($\chi^2=11,55$; $df=3$; $p<0,01$) (табл. 3). Так, состояние без депрессии отмечалось преимущественно среди русских женщин, субдепрессивное состояние (маскированная депрессия) – среди алтаек и казашек. Отсутствие стресса чаще встречалось среди русских мужчин, в то время как состояние стресса – среди алтайцев и казахов. Таким образом, проявления эмоционального дискомфорта более выражены у алтайского и казахского населения.

Таблица 2

Соотношение людей с состоянием депрессии
среди коренного населения Горного Алтая

Национальность	Пол	Без депрессии		Легкая депрессия		Субдепрессия		Истинная депрессия	
		абсолютное число	%	абсолютное число	%	абсолютное число	%	абсолютное число	%
Русские	Ж	26 *	43,3	27 *	45,0	6 *	10,0	1	1,6
	М	27	45,8	24	40,7	8	13,5	0	0
Алтайцы	Ж	21 *	33,9	16 *	38,9	19 *	25,4	0	1,7
	М	25	48,1	17	29,8	8	20,3	0	1,8
Казахи	Ж	19 *	35,2	23 *	42,5	12 *	22,2	0	0
	М	23	45,1	21	41,2	7	13,7	0	0

* - $\chi^2=12,29$; $df=5$; $p<0,01$

Таблица 3

Соотношение людей с состоянием стресса
среди коренного населения Горного Алтая

Национальность	Пол	Состояние стресса		Без стресса	
		абсолютное число	%	абсолютное число	%
Русские	Ж	11	18,3	49	81,6
	М	7 *	11,8	52 *	88,1
Алтайцы	Ж	18	32,1	38	67,8
	М	19 *	38,0	31 *	62,0
Казахи	Ж	17	31,5	37	68,5
	М	18 *	35,3	33 *	64,7

* - $\chi^2=11,55$; $df=3$; $p<0,01$

При сравнении уровня социально-психологической адаптации по национальной принадлежности внутри одной половой группы (табл. 4) мы установили, что он выше у русских ($p=0,001$) и казахских ($p=0,021$) женщин по сравнению с алтайками; у мужчин-казахов выше, чем у алтайцев ($p=0,008$). Следовательно, у алтайских жителей обоего пола на фоне

эмоционального дискомфорта отмечался сравнительно низкий уровень социально-психологической адаптации. Выявлены достоверные различия уровня социально-психологической адаптации по полу. У мужчин в алтайской и казахской группах указанный показатель выше, чем у женщин (соответственно $p=0,005$; $p=0,023$).

Таблица 4

Показатели социально-психологической адаптации
коренного населения Горного Алтая ($M \pm \sigma$)

Пол	Национальность	Уровень социально-психологической адаптации, баллы	P*	P+	P#
Женщины	Русские	77,1 \pm 8,5	0,001	0,021	
	Алтайки	70,3 \pm 12,2			
	Казашки	75,3 \pm 10,0			
Мужчины	Русские	76,7 \pm 7,4		0,008	0,005
	Алтайцы	75,8 \pm 6,0			
	Казахи	79,0 \pm 5,5			

Примечание: достоверные различия: по национальному признаку в рамках одной половой группы: P* - между русскими и алтайцами; P+ - между алтайцами и казахами; P# - по половому признаку в рамках каждой национальности.

На основании различий в распределении показателей функциональной асимметрии на группы по степени выраженности признаков праволатеральности установили, что синистральность (1-ая, 2-ая группы) и амбидекстрия (3-ая группа)

более выражены среди алтайских и казахских женщин, праворукость (5-ая группа) – среди русских ($\chi^2=13,69$; $df=6$; $p<0,05$) (табл. 5).

Таблица 5

Соотношение типов функциональной асимметрии
среди коренного населения Горного Алтая

Национальность	Пол	Тип функциональной асимметрии				
		I	II	III	IV	V
Русские	Ж	1 *	2 *	13 *	21 *	23 *
	М	2	2	13	18	24
Алтайцы	Ж	4 *	4 *	17 *	20 *	11 *
	М	5	3	16	16	10
Казахи	Ж	3 *	7 *	19 *	11 *	14 *
	М	4	6	16	10	15

* - $\chi^2=13,69$; $df=6$; $p<0,05$

Принимая во внимание существующее мнение об идентичности мыслительных процессов во всех культурах, исследователи отмечают этнопопуляционные различия в психосоциальной адаптации, значимость которой отличается в отдельных обществах [9]. Так среди студентов-тувинцев выявлены более низкие показатели силы возбуждения и торможения нервных процессов, больший латентный период простой сенсомоторной реакции, отражающие меньшую возбудимость и силу нервных процессов в коре головного мозга по сравнению с русскими [4]. На фоне лучших показателей морфофункциональной адаптации снижение психосоциальных адаптивных возможностей у аборигенного населения, возможно, является «ценой адаптации», сформировавшейся при проживании в суровых климатических условиях. В результате исследований алтайских и русских подростков в Горном Алтае было отмечено накопление синистральных личностей и амбидекстров в алтайской группе [10]. Подобные признаки функциональной асимметрии были выявлены также у жителей Севера и монголоидов Сибири [2, 4, 7]. Вероятно, более вы-

раженная синистральность и амбидекстрия у алтайского и казахского населения свидетельствует о лучших функциональных адаптивных возможностях к суровым климатическим условиям этих национально-этнических групп, тогда как сравнительно низкие показатели социально-психологической адаптации алтайцев, по-видимому, отражают «цену» этой адаптации и особенности нейродинамических процессов коренного населения.

ВЫВОДЫ

1. Проявления эмоционального дискомфорта в виде депрессивных состояний у женщин и стрессовых состояний у мужчин более выражены у алтайского и казахского населения.

2. У алтайского населения, в отличие от русского и казахского, на фоне эмоционального дискомфорта отмечается сравнительно низкий уровень социально-психологической адаптации.

3. У алтайских и казахских мужчин в отличие от женщин выявлен более высокий уровень социально-психологической адаптации.

Библиографический список

1. Агаджанян, Н.А. Адаптация и резервы организма. – М.: Физкультура и спорт, 1983.
2. Хаснулин, В.И. Адаптация к экстремальным геофизическим факторам. – Новосибирск: РАМН СО, 1989.
3. Леутин, В.П. Психофизиологические механизмы адаптации человека и функциональная асимметрия мозга / В.П. Леутин, Е.И. Николаева. – Новосибирск: Наука, 1988.
4. Будук-Оол, Л.К. Адаптация студентов к обучению в ВУЗе (Этно-экологические, морфофункциональные и психофизиологические особенности): автореф. дис. ... д-р. биол. наук. – Кызыл: Издательство ТывГУ, 2011.
5. Суховеркова, Г.В. Индивидуально-типологические особенности адаптации студентов алтайской национальности к процессу обучения в вузе: автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Горно-Алтайск: РИО ГИГУ, 2002.
6. Чухрова, М.Г. Патологические и психосоматические аспекты потребления алкоголя в Туве / М.Г. Чухрова, С.А. Курилович, В.П. Леутин. – Новосибирск, 1999.
7. Аршавский, В.В. Межполушарная асимметрия в системе поиска. – Владивосток, 1988.
8. Кривошеков, С.Г. Психофизиологические аспекты незавершенной адаптации / С.Г. Кривошеков, В.П. Леутин, М.Г. Чухрова. – Новосибирск, 1998.
9. Коул, М. Культурно-историческая психология. – М.: Институт психологии РАН, 1997.
10. Ыжикова, Е.А. Характеристика фенотипа подростков 14-15 лет алтайской национальности / Е.А. Ыжикова, Н.К. Гайнанова // Физиология человека. – 2003. – Т. 29. – № 4.

Bibliography

1. Agadzhanian, N.A. Adaptatsiya i rezervih organizma. – M.: Fizkultura i sport, 1983.
2. Khasnulin, V.I. Adaptatsiya k ehkstreimal'nim geofizicheskim faktoram. – Novosibirsk: RAMN SO, 1989.
3. Leutin, V.P. Psikhofiziologicheskie mekhanizmy adaptatsii cheloveka i funktsional'naya asimmetriya mozga / V.P. Leutin, E.I. Nikolaeva. – Novosibirsk: Nauka, 1988.
4. Buduk-Ool, L.K. Adaptatsiya studentov k obucheniyu v VUZe (Ehtno-ehkologicheskie, morfofunktsional'nye i psikhofiziologicheskie osobennosti): avtor. ref. dis. ... d-r. biol. nauk. – Kizhi: Izdatel'stvo TihvGU, 2011.
5. Sukhoverkova, G.V. Individualno-tipologicheskie osobennosti adaptatsii studentov altajskoj nacional'nosti k processu obucheniya v vuze: avtor. dis. ... kand. biol. nauk. – Gorno-Altajsk: RIO GIGU, 2002.
6. Chukhrova, M.G. Patofiziologicheskie i psikhosomaticheskie aspekty potrebleniya alkogolya v Tuve / M.G. Chukhrova, S.A. Kurilovich, V.P. Leutin. – Novosibirsk, 1999.
7. Arshavskiy, V.V. Mezhpolutsharnaya asimmetriya v sisteme poiska. – Vladivostok, 1988.
8. Krivothekov, S.G. Psikhofiziologicheskie aspekty nezavershennoy adaptatsii / S.G. Krivothekov, V.P. Leutin, M.G. Chukhrova. – Novosibirsk, 1998.
9. Koul, M. Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya. – M.: Institut psikhologii RAN, 1997.
10. Izhikova, E.A. Kharakteristika fenotipa podrostkov 14-15 let altajskoj nacional'nosti / E.A. Izhikova, N.K. Gayjanova // Fiziologiya cheloveka. – 2003. – T. 29. – № 4.

Статья поступила в редакцию 20.07.11

УДК 616

Drobyshev V.A., Poddubnyakova V.A., Gantimurova O.G. USE MICROCURRENT ELECTROTHERAPY IN TREATMENT OF MOVEMENT DISORDERS IN PATIENTS WITH HAND, PRENESSHII STROKE. Double blind placebo-controlled research has shown efficiency of dynamic electroneurostimulation in rehabilitation of the patients after ischemic stroke with infringement of function of the top finiteness that was expressed in expansion of functionality of a brush, due to decrease spastic, pain relief and increase of muscular force, and also improvement of peripheral microcirculation as activation collateral circulation and amplifications of venous outflow.

Key words: movement disorders, dynamic electroneurostimulation, ischemic stroke, rehabilitation, early recovery period, spasticity.

В.А. Дробышев, зав. каф. восстановительной медицины ГОУ ВПО НГМУ Росздрава, д-р мед. наук, проф. г. Новосибирск, E-mail: Doctorvik@yandex.ru; **В.А. Поддубнякова**, невролог Городского центра реабилитации больных с последствиями нарушений мозгового кровообращения, г. Новосибирск, E-mail: novistil@mail.ru; **О.Г. Гантимурова**, доц. каф. факультетской терапии ГОУ ВПО НГМУ Росздрава, канд. мед. наук, г. Новосибирск, E-mail: vangog01@yandex.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МИКРОТОКОВОЙ ЭЛЕКТРОТЕРАПИИ В ЛЕЧЕНИИ ДВИГАТЕЛЬНЫХ НАРУШЕНИЙ КИСТИ У БОЛЬНЫХ, ПЕРЕНЕСШИХ МОЗГОВОЙ ИНСУЛЬТ

В рамках двойного слепого плацебо-контролируемого исследования изучена эффективность медицинской реабилитации у больных с нарушением функции кисти у пациентов, перенесших ишемический инсульт. К завершению курса лечения, выявлено увеличение объема движений в суставе, уменьшение спастичности, расширение функциональных возможностей кисти, улучшение микроциркуляции, достоверно превышавшие аналогичные показатели в группе плацебо.

Ключевые слова: двигательные нарушения, динамическая электростимуляция, ишемический инсульт, курс реабилитации, ранний восстановительный период, спастичность.

Актуальность. Медико-социальная значимость проблемы мозгового инсульта (МИ) обусловлена его высокой долей в структуре заболеваний и смертности населения, а также лидирующим местом среди всех причин инвалидности [1]. В числе осложнений раннего восстановительного периода ишемического инсульта преобладают двигательные нарушения, сопровождающиеся стойким изменением мышечного тонуса по типу спастичности [2]. Вопросы оптимизации реабилитационных программ пациентов с последствиями перенесенных ишемических инсультов обусловлены как снижением качества жизни этой категории больных, так и ограниченными возможностями лечения, направленными на уменьшение боли, облегчение ухода за парализованным пациентом [3; 4].

В клинических и экспериментальных исследованиях последних лет показано, что в механизме действия современного метода микротоковой терапии - динамической электростимуляции (ДЭНС) лежат многокомпонентные рефлекторные и нейрогуморальные реакции, запускающие каскад регуляторных процессов в организме, что позволяет использовать метод в лечении пациентов, перенесших инсульт [5; 6].

Целью исследования явилась оценка эффективности лечения больных в раннем восстановительном периоде ишемического инсульта, с двигательными нарушениями функции кисти, при оптимизации лечения динамической электростимуляцией.

Материалы и методы исследования. В условиях Новосибирского городского центра реабилитации больных с последствиями нарушений мозгового кровообращения проведе-

но обследование и курс медицинской реабилитации 112 больных (48 мужчин и 64 женщины) после перенесенного ишемического инсульта давностью 1-5 месяцев, с двигательными нарушениями в виде грубого и умеренного гемипареза. Возраст пациентов колебался от 48 до 70 лет (средний возраст $65,3 \pm 4,8$ лет), при этом, более половины группы (64,5%) составили пожилые лица (от 60 до 70 лет), тогда как оставшаяся часть (35,6%) была представлена пациентами 45-59 лет. Показаниями для включения в исследование служили: 1. нарушение функции кисти по типу ограничения движений в лучезапястном суставе, снижения мышечной силы; 2. способность пациента к самостоятельному передвижению. Критериями исключения являлись: 1. ИБС, СН ФК III; 2. злокачественное течение гипертонической болезни; 3. грубая сенсорно-моторная афазия; 4. нарушение жизнедеятельности по Шкале Ренкина (по J. Rankin, 1957) выше четырех баллов; 5. болезнь Альцгеймера; 6. наблюдение у врача-онколога.

Методы исследования включали неврологический осмотр по общепринятой схеме, оценку двигательной сферы по шеститочечной Шкале Оценки Мышечной Силы (по L. McPeak, 1996; M. Вейс, 1986), модифицированной шкале спастичности Ашфорта (D. Wade, 1992), оценку болевого синдрома по шкале A.B. Swanson (1978), оценку функции кисти по Тесту для руки Френчай (Frenchay Arm Test); определение степени инвалидизации по Шкале Ренкина; оценка нарушений жизнедеятельности согласно модифицированной шкалы Бартел (D. Wade, 1992); мышечная сила измерялась кистевым динамометром ДК-25, объем движений – угломером.

В основе лечения была медикаментозная терапия (сосудистые, ноотропные, метаболические препараты, витамины, дезагреганты) и немедикаментозные методы, направленные на активацию трофики конечностей и коррекцию проприоцептивной чувствительности (массаж конечностей и комплексы лечебной физкультуры). Все больные методом случайной выборки были разделены на две группы: 1-я (основная) - в количестве 60 человек, кроме общепринятой реабилитации получала курс динамической электростимуляции от аппарата ДиаДЭНС-ПКМ, во 2-й (сравнения), куда вошли 52 человека, проводилась имитация аналогичной процедуры от плацебо-аппарата. Никто из участников исследования (ни врач, ни пациент) не знали, каким прибором выполнялось воздействие, что позволяло расценивать работу как двойное слепое плацебо-контролируемое исследование. Схемы воздействия аппаратом ДиаДЭНС-ПКМ соответствовали утвержденным методическим рекомендациям, лечение осуществлялось с помощью выносного зонального электрода (ДЭНС-аппликатор), интенсивность воздействия выбиралась на уровне комфортного энергетического уровня (средняя интенсивность воздействия).

На стороне поражения ДЭНС проводилась по наружной поверхности плеча, предплечья, сустава и воротниковой зоны - на частоте 7710 Гц, на внутренней поверхности - 7,7 Гц в течение 5 минут в каждой зоне. На противоположной стороне воздействие выполнялось на внутреннюю поверхность плеча

и предплечья на частоте 10 Гц. На второй процедуре время сеанса на стороне поражения увеличивали в 2 раза и в последующем доводили продолжительность сеанса до 60 минут. Длительность реабилитации, оптимизированной ДЭНС, составляла 16-18 сеансов.

Результаты исследования и их обсуждение. К завершению курса медицинской реабилитации все пациенты указывали на улучшение субъективного самочувствия (уменьшение спастичности и болевого синдрома, увеличение объема движений и мышечной силы), однако, в 1-й группе показатели оказались лучшими, чем в группе плацебо (табл. 1). При изучении показателя шкалы оценки мышечной силы было зафиксировано его увеличение в 1,7 раза от первоначального значения ($p < 0,05$), тогда как в группе сравнения - лишь в 1,18 раза ($p > 0,05$). Оценка параметров кистевой динамометрии подтвердила результаты тестирования: в группе оптимизированного ДЭНС лечения показатель мышечной силы к концу реабилитационного курса увеличился в 3,4 раза (до $4,1 \pm 0,4$ кг по сравнению с $1,2 \pm 0,3$ кг исходно, $p < 0,05$). У пациентов во 2-й группе изменения носили достоверный, но менее выраженный характер и составили 2,1 раза ($2,7 \pm 0,3$ кг по сравнению с $1,3 \pm 0,3$ кг изначально, $p < 0,05$). Таким образом, в группе оптимизированной реабилитации, показатель мышечной динамометрии к завершению курса восстановительного лечения оказался в 1,5 раза выше, чем у больных, получавшей базовое лечение и имитацию ДЭНС.

Таблица 1

Изменение параметров двигательной и чувствительной сферы у больных мозговым инсультом на фоне дифференцированного лечения

	1-я группа (n=60)		2-я группа (n=52)	
	До лечения	После лечения	До лечения	После лечения
Мышечная сила, баллы	$2,1 \pm 0,4$	$3,6 \pm 0,5^*$	$2,2 \pm 0,6$	$2,6 \pm 0,7$
Спастичность, баллы	$3,9 \pm 0,4$	$2,9 \pm 0,4^*$	$3,7 \pm 0,4$	$3,3 \pm 0,4$
Болевой синдром, баллы	$2,6 \pm 0,4$	$1,1 \pm 0,4^*$	$2,6 \pm 0,4$	$2,2 \pm 0,4$

Примечание: * – достоверность различий до и после лечения ($p < 0,05$)

Сопоставление параметров спастичности выявило аналогичную направленность: в основной группе регистрировалось снижение показателей по Шкале Ашфорта на 25,6% (с $3,9 \pm 0,4$ до $2,9 \pm 0,4$ баллов, $p < 0,05$), в то время как во второй – наполовину меньше (на 10,8%). Возможно предполагать, что афферентная импульсация, поступающая при воздействии ДЭНС в

корковые структуры, способствует активации тормозных влияний на α -мотонейроны, отвечающие за тонус и движение антигравитационных мышц, тем самым снижая спастичность заинтересованной мускулатуры [7-9].

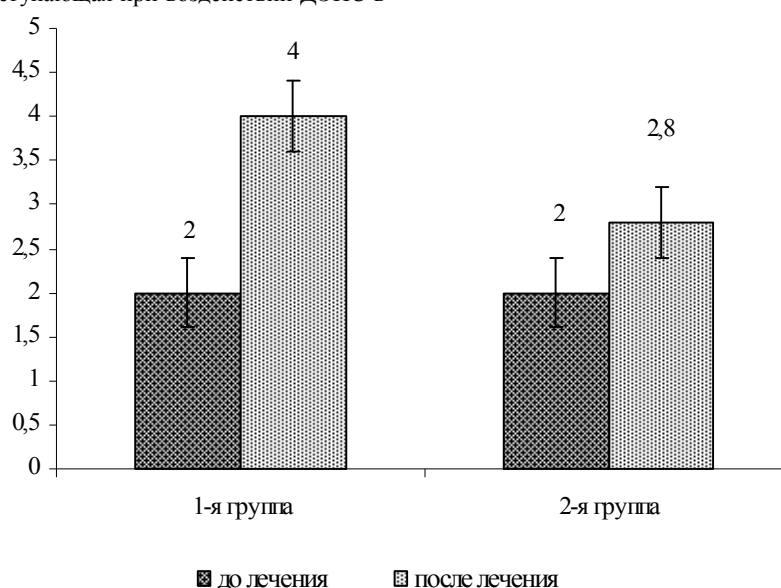

Рис. 1. Изменение функциональной возможности кисти по тесту Френчай у больных мозговым инсультом на фоне дифференцированного лечения (в баллах)

Примечание: * – достоверность различий до и после лечения, $p < 0,05$

Подтверждением эффективности реабилитационного курса явилось также уменьшение болевого синдрома по шкале Swanson: в 2,4 раза у больных, лечение которых было дополнено ДЭНС (с $2,6 \pm 0,4$ баллов до $1,1 \pm 0,4$ баллов, $p < 0,05$), и существенно меньше (в 1,2 раза) – у пациентов из группы плацебо (с $2,6 \pm 0,4$ баллов до $2,0 \pm 0,4$ баллов, $p > 0,05$).

Одним из ведущих критериев повышения качества жизни больных с двигательными расстройствами является восстановление функции кисти, определяемое согласно теста Френчай [10]. Из представленных на рисунке 1 данных следует, что в 1-й группе больных изменения параметров теста носили достоверно положительную направленность (увеличение в 2 раза), в то время как в группе плацебо значения аналогичного показателя возросли в меньшей степени – в 1,4 раза, что предполагает возможность влияния динамической электростимуляции на расширение функциональной возможности кисти у постинсультных больных.

Увеличение активных движений в суставах пораженной конечности представляет собой значимый компонент активации саногенетических процессов у больных, перенесших ишемический инсульт [11]. Согласно результатам угломерии, прирост активных движений в пораженной кисти при проведении дифференцированных реабилитационных мероприятий отличался (рисунок 2): в 1-й группе больных, с оптимизированным ДЭНС лечением, объем движений в лучезапястном

суставе в положении “сгибание-разгибание” возрос в 1,8 раза (с $29,9 \pm 1,5^\circ$ до $52,3 \pm 1,4^\circ$, $p < 0,05$), вследствие уменьшения спастичности, снижения болевого синдрома и увеличения мышечной силы. Во 2-й группе (плацебо) изменение аналогичных показателей было достоверно меньшим – в 1,1 раза (с $30,1 \pm 1,6^\circ$ до $38,2 \pm 1,8^\circ$, $p > 0,05$).

Одной из основных задач нейрореабилитации лиц, перенесших инсульт является снижение инвалидизации [3]. К завершению лечебного курса максимальная степень инвалидизации по Шкале Рэнкина снизилась на 26,9% (с $2,6 \pm 0,04$ до $1,9 \pm 0,03$, $p < 0,05$), тогда как в группе плацебо – лишь на 15,3% (с $2,6 \pm 0,4$ до $2,2 \pm 0,4$ ($p > 0,05$), что указывало на возможное влияние ДЭНС в расширении функциональных возможностей кисти у обездвиженных больных. Оценка повседневной жизнедеятельности согласно индекса Бартел свидетельствовала о том, что пациенты из группы оптимизированного ДЭНС лечения по завершении курса реабилитации испытывали меньше затруднений при проведении гигиенических процедур, переодевании, приготовлении пищи, чем лица из группы плацебо. Так, в 1-й группе изучаемый показатель возрос на 15,1% и составил $72,8 \pm 4,3$ баллов по сравнению с $63,2 \pm 4,5$ баллов исходно ($p < 0,05$), тогда как во 2-й группе увеличение оказалось вдвое меньшим – 7,0% ($67,2 \pm 4,6$ баллов и $62,8 \pm 4,3$ баллов соответственно, $p > 0,05$).

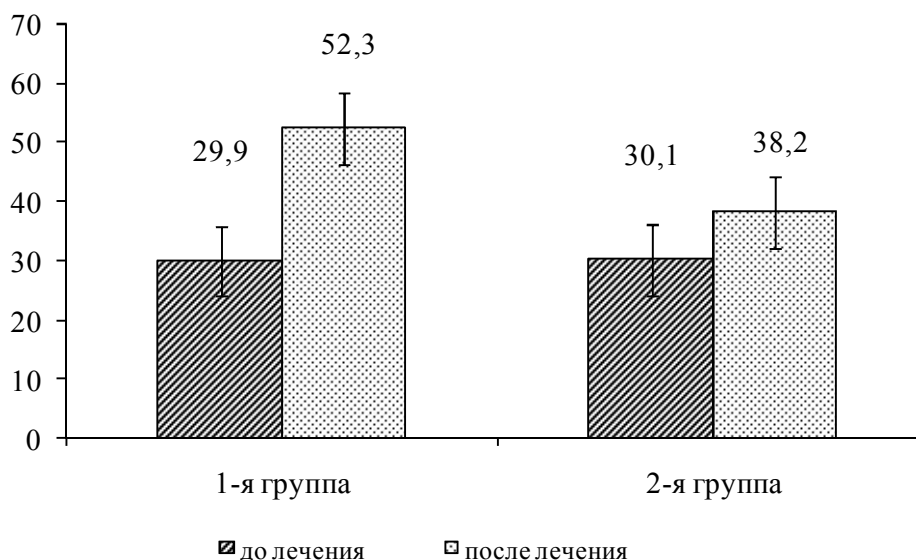

Рис. 2. Показатели объема движений в лучезапястном суставе пораженной конечности в сравниваемых группах на фоне дифференцированного лечения (в градусах)

Примечание: достоверность различий до и после лечения, $p < 0,05$.

Таким образом, у больных с двигательными нарушениями в раннем восстановительном периоде ишемического инсульта проведение лечения, дополненного динамической электростимуляцией, способствовало расширению функциональных возможностей кисти, вследствие повыше-

ния объема движений в лучезапястном суставе за счет снижения спастичности, уменьшения болевого синдрома и увеличения мышечной силы, а также улучшению периферической микроциркуляции, что способствовало повышению качества жизни больных.

Библиографический список

1. Яхно, Н.Н. Инсульт как медико-социальная проблема / Н.Н. Яхно, Б.С. Виленский // Русский медицинский журнал. - 2005. - № 12.
2. Beer, R.F. Target-dependent differences between free and constrained arm movements in chronic hemiparesis / R.F. Beer, J.P. Dewald, M.L. Dawson, W.Z. Rymer // Exp. Brain Res. - 2004. - Vol. 156 (Suppl. 4).
3. Гольдблат, Ю.В. Медико-социальная реабилитация в неврологии. - СПб.: Политехника, 2006.
4. Гусев, Е.И. Терапия ишемического инсульта / Е.И. Гусев, В.И. Скворцова, И.А. Платинова // Consilium medicum, 2003. - спец. выпуск.
5. Черныш, И.М. Предварительные результаты оценки применения динамической электростимуляции в неврологической практике / И.М. Черныш, М.Н. Дубова, М.В. Королева [и др.]: сб. мат. науч. конф. ЦНИИР «Итоги и перспективы развития традиционной медицины в России». - М.: Федер. науч. клин.-эксперимент. центр trad. метод. диагностики и лечения, 2002. 6. Универсальный регистр ДЭНС-терапии II / В.В. Чернышев, В.В. Малахов, А.Ю. Рязкин [и др.] - НППРМП ДЭНАС, Екатеринбург, 2003.
7. Barnes, M.P. Management of spasticity // Age and Ageing. - 1998. - Vol. 27.
8. Решетняк, В.К. Нейрофизиологическое обоснование параметров электро-акупунктурной, электропунктурной и чрескожной электростимуляции при лечении болевых синдромов различного генеза / В.К. Решетняк, М.Л. Кукушкин, Е.Е. Мейзеров: сб. мат. науч. конф. ЦНИИР «Итоги и перспективы развития традиционной медицины в России». - М.: Федер. науч. клин.-эксперимент. центр trad. метод. диагностики и лечения. - 2002.
9. Кадыков, А.С. Реабилитация неврологических больных / А.С. Кадыков, Л.А. Черникова [и др.]. - Москва: «МЕДпресс-информ», 2008.
10. Platz, T. Impairment-oriented training for arm paresis after stroke: a single blind, randomized, controlled multicentre trial / T. Platz, C. Eickhof, L. van Kaick // Neurologie&Rehabilitation. - 2004. - Vol. 4.
11. Черникова, Л.А. Реабилитация больных после инсульта: роль физиотерапии // Физиотерапия бальнеология и реабилитация. - 2005.

12.Черникова, Л.А. Влияние нервно-мышечной электростимуляции на мышечный кровоток у больных с постинсультными гемипарезами / Л.А. Черникова, Т.Н. Шарыпова, Т.П. Разинкина, Н.Г. Торопова // Физиотерапия, бальнеология и реабилитация. – 2003. – № 3.

Bibliography

1. Yakhno, N.N. Insuljt kak mediko-socialnaya problema / N.N. Yakhno, B.S. Vilenskiy // Russkiy medicinskiy zhurnal. - 2005. - № 12.
2. Beer, R.F. Target-dependent differences between free and constrained arm movements in chronic hemiparesis / R.F. Beer, J.P. Dewald, M.L. Dawson, W.Z. Rymer // Exp. Brain Res. - 2004. - Vol. 156 (Suppl. 4).
3. Goljdblatt, Yu.V. Mediko-socialnaya reabilitaciya v nevrologii. - SPB.: Politehnika, 2006.
4. Gusev, E.I. Terapiya ishemicheskogo insuljta / E.I. Gusev, V.I. Skvortsova, I.A. Platinova // Consilium medicum, 2003. - spec.vihpusk.
5. Chernihsh, I.M. Predvaritel'nye rezul'taty ocenki primeneniya dinamicheskoy ehlektronejrostimulyacii v nevrologicheskoy praktike / I.M. Chernihsh, M.N. Dubova, M.V. Koroleva [i dr.]: sb. mat. nauchn. konf. CNIR «Itogi i perspektiv razvitiya traditsionnoy medicinih v Rossii». - M.: Feder. nauch. klin.-ehksperiment. centr trad. metod. diagnostiki i lecheniya, 2002. 6. Universalnij registr DEhNS-terapii II / V.V. Chernihsh, V.V. Malakhov, A.Yu. Ryavkin [i dr.] - NPPRMP DEhNAS, Ekaterinburg, 2003.
7. Barnes, M.P. Management of spasticity // Age and Ageing. - 1998. - Vol. 27.
8. Reshetnyak, V.K. Neyrofiziologicheskoe obosnovanie parametrov ehlektro-akupunkturoy, ehlektropunkturoy i chreskoznoy ehlektronejrostimulyacii pri lechenii bolevihkh sindromov razlichnogo geneza / V.K. Reshetnyak, M.L. Kukushkin, E.E. Meyzerov: sb. mat. nauchn. konf. CNIR «Itogi i perspektiv razvitiya traditsionnoy medicinih v Rossii». - M.: Feder. nauch. klin.-ehksperiment. centr trad. metod. diagnostiki i lecheniya. - 2002.
9. Kadikov, A.S. Reabilitaciya nevrologicheskikh bol'nykh / A.S. Kadikov, L.A. Chernikova [i dr.]. - Moskva: «MEDpress-inform», 2008.
10. Platz, T. Impairment-oriented training for arm paresis after stroke: a single blind, randomized, controlled multicentre trial / T. Platz, C. Eickhof, L. van Kaick // Neurology & Rehabilitation. - 2004. - Vol. 4.
11. Chernikova, L.A. Reabilitaciya bol'nykh posle insuljta: rol' fizioterapii // Fizioterapiya bal'neologiya i reabilitaciya. - 2005.
12. Chernikova, L.A. Vliyaniye nervno-mishhechnoy ehlektronejrostimulyacii na mishhechniy krovotok u bol'nykh s postinsul'tnymi gemiparezami / L.A. Chernikova, T.N. Sharipova, T.P. Razinkina, N.G. Toropova // Fizioterapiya, bal'neologiya i reabilitaciya. - 2003. - № 3.

Статья поступила в редакцию 20.07.11

УДК 616

Firsov S.A. CLINICAL STATISTICAL ANALYSIS OF FEATURES AND OUTCOMES OF COMBINED TRAUMATIC INJURIES. This paper presents a statistical analysis of clinical features and outcome of combined traumatic brain injury, and skeletal, depending on age and gender, and social factors, according to one of the districts of Novosibirsk.

Key words: combined cranial and skeletal injuries.

С.А. Фирсов, канд. мед. наук, НИИТО, г. Новосибирск, E-mail: serg375@yandex.ru

КЛИНИКО-СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ И ИСХОДОВ СОЧЕТАННЫХ ЧЕРЕПНО-МОЗГОВЫХ И СКЕЛЕТНЫХ ТРАВМАТИЧЕСКИХ ПОВРЕЖДЕНИЙ

В статье представлен клинико-статистический анализ особенностей и исходов сочетанных черепно-мозговых и скелетных травм, в зависимости от половозрастных и социальных факторов, по данным одного из районов г. Новосибирска.

Ключевые слова: сочетанные черепно-мозговые и скелетные травмы.

Повреждение нескольких анатомических областей, полостей или сегментов человеческого тела – множественная и сочетанная травма – часто сопровождается синдромом взаимного отягощения и содержит в себе одновременно начало и развитие нескольких патологических состояний. Это изменения в центральной нервной системе, в сердечно-сосудистой, дыхательной и гипоталамо-адrenalовой системах, глубокие нарушения всех видов обмена веществ. Разнообразие множественных и сочетанных механических повреждений приводит к тому, что врачи скорой помощи и травматологи зачастую не всегда правильно ориентируются в особенностях этого вида патологии, организации помощи, диагностики и лечения [1-3].

Причинами множественных и сочетанных механических повреждений чаще всего становятся транспортные аварии, падения с высоты, занятия некоторыми видами спорта (например, альпинизм, слалом, автоспорт, мотоспорт и др.). При множественных и сочетанных травмах тяжелые и критические состояния, травматический шок встречаются более чем у 50% пострадавших, летальность в ближайшие дни после поступления в стационар у пострадавших с множественными и сочетанными травмами составляет, по данным различных авторов, от 14 до 28% [3-5]. Характерной чертой современного травматизма является постоянное относительное увеличение числа множественных и сочетанных травм, которые отличаются тяжелым течением, значительными сроками лечения в стационаре, высокими показателями инвалидности и летальности. Несмотря на постоянное развитие современных методов лечения и реабилитации пострадавших, проблема лечения сочетанных травм, которые составляют до 10-12% случаев, далека от окончательного решения. Особое место среди данного вида травм занимают огнестрельные повреждения [6].

Целью настоящего исследования явилось определение основных закономерностей течения и исходов сочетанных травм у пострадавших с сочетанными черепно-мозговыми и скелетными травмами.

За период 2007-2010 гг. в одном из районов г. Новосибирска нами проанализированы 5338 случаев черепно-мозговых травм (ЧМТ), из них - 4865 с изолированной черепно-мозговой травмой (ИЧМТ) - 81,1% и 473 с сочетанной черепно-мозговой и скелетной травмой (СЧМСТ) - 8,9%, из них 365 мужчин (77,2%) и 108 женщин (22,8%). Отношение мужчины/женщины составило 3,4:1. В табл. 1 показано распределение случаев СЧМСТ по годам наблюдения.

Таблица 1

Распределение случаев СЧМСТ по годам наблюдения (2007-2010) (оба пола)

Годы	ЧМТ	СЧМСТ	
	N*	N	%
2007	1316	107	8,1
2008	1351	137	10,1
2009	1349	122	9,0
2010	1322	107	8,1
Всего	5338	473	8,9
M*±m	1335±18	118±14	9±1

Примечание: Здесь и в следующих таблицах *p* – значимость различий между показателями в различные годы, *N* – количество случаев, *M* – среднее количество случаев за 1 год.

Из таблицы 1 видно, что в течение периода 2007-2010 гг. доля СЧМСТ в ЧМТ составляет в среднем $9\pm 1\%$ и существенной динамики в изученные годы не наблюдалось.

Была рассчитана частота госпитализаций с диагнозом ИЧМТ и СЧМСТ в клиники г. Новосибирска 2007-2010 гг. (экстенсивный показатель) на 1000 взрослых городских жителей (15 лет и старше).

Таблица 2

Частота случаев ИЧМТ и СЧМСТ в г. Новосибирске в 2007-2010 гг. на 1000 человек взрослого населения (оба пола)

Годы	ЧМТ	СЧМСТ
2007	1,78	0,16
2008	1,79	0,20
2009	1,81	0,18
2010	1,79	0,16
M \pm m	1,8 \pm 0,01	0,18 \pm 0,7

Из таблицы видно, что частота госпитализаций в связи с ИЧМТ и СЧМСТ в клиники Новосибирска (соответственно 1,8 \pm 0,01 и 0,18 \pm 0,7 на 1000 взрослых жителей) не имеет существенной динамики.

Была изучена частота ИЧМТ и СЧМСТ в зависимости от пола пострадавших (табл. 3).

Таблица 3

Частота случаев СЧМСТ в 2007-2010 гг. на 1000 человек взрослого населения по полу

Годы	Мужчины		Женщины	
	N	частота	N	частота
2007	84	0,12	23	0,03
2008	101	0,15	36	0,05
2009	99	0,15	23	0,03
2010	81	0,12	26	0,04
M \pm m	91,2 \pm 10,2	0,13 \pm 0,2	27 \pm 6,2	0,04 \pm 0,1
Всего	365		108	

В таблице 4 показано распределение пострадавших по возрастным группам.

Таблица 4

Распределение пострадавших с СЧМСТ по возрастным группам

Пол	Возраст, лет	N	%
Мужчины	15-19,9	29	7,9
	20-39,9	169	46,3
	40-59,9	132	36,2
	60 и старше	35	9,6
	Всего	365	100,0
Женщины	15-19,9	15	13,9
	20-39,9	33	30,6
	40-59,9	34	31,5
	60 и старше	26	24,1
	Всего	108	100,0

Больше всего тяжелых травм, каковыми являются СЧМСТ, регистрировалось в возрасте 20-39,9 лет у мужчин (46,3%) и в 40-69,9 лет у женщин (31,5%).

Данные о распределении случаев СЧМСТ по времени года представлены в таблице 5.

Таблица 5

Распределение случаев СЧМСТ по временам года (оба пола)

Пол	Время года	N	%
Мужчины	Зима	79	7,9
	Весна	76	46,3
	Лето	112	36,2
	Осень	98	9,6
	Всего	365	100,0
Женщины	Зима	19	13,9
	Весна	27	30,6
	Лето	26	31,5
	Осень	36	24,1
	Всего	108	100,0

Наибольшее количество СЧМСТ у мужчин наблюдалось весной (46,3%), у женщин – летом (31,5%). Однако в разных возрастных группах пики частоты приходились на разные сезоны. Так, в возрастных группах 15-19,9 и 20-39,9 лет вклад СЧМСТ, произошедших в летние месяцы, был наибольшим (43,2% и 29,7%, оба пола) и был высоким в осенние месяцы (22,7% и 29,2%), а зимой и весной – меньше всего ($p < 0,05$). В возрастных группах 41-59,9 лет и старше 60 лет пик наблюдался в осенние месяцы (27,1% и 31,1%), вклад летних месяцев был несколько меньше (26,5% и 26,2%), различия между вкладом в общее количество СЧМСТ в зимние и весенние месяцы не достигало уровня статистической значимости ($p > 0,05$).

В системе организации экстренной медицинской помощи особое значение и практический интерес представляет распределение пострадавших с СЧМСТ по времени суток (табл. 6).

Таблица 6

Распределение случаев СЧМСТ по времени суток (оба пола)

Пол	Время суток	N	%
Мужчины	0-3 ч.59 мин.	52	14,2
	4-7 ч.59 мин.	37	10,1
	8-11 ч.59 мин.	26	7,0
	12-15 ч.59 мин.	96	26,2
	16-19 ч.59 мин.	73	20,1
	20-23 ч.59 мин.	82	22,4
	Всего	365	100,0
Женщины	0-3 ч.59 мин.	8	7,4
	4-7 ч.59 мин.	11	10,2
	8-11 ч.59 мин.	13	12,0
	12-15 ч.59 мин.	30	27,8
	16-19 ч.59 мин.	25	23,1
	20-23 ч.59 мин.	21	19,4
	Всего	108	100,0

У мужчин большая часть СЧМСТ наблюдается в период между 12-16 и 20-24 часами суток (26,2% и 22,4%), у женщин – в 12-16 и в 16-20 часов (27,8% и 23,1%).

Анализ возникновения СЧМСТ по времени суток и возрасту показывает, что, поскольку социальная и трудовая деятельность различных возрастных групп в разное время суток неодинаковая, то и распределение частоты травматизма в этих группах отличается (табл. 8).

Таблица 8

Распределение случаев СЧМСТ по времени суток (оба пола)

Время суток \ Возраст, лет	15-19,9	20-39,9	40-59,9	60 и ст.
0-3 ч.59 мин.	8 18,2%	38 18,8%	17 10,1%	4 6,6%
4-7 ч.59 мин.	5 11,4%	15 7,4%	20 12,0%	8 13,1%
8-11 ч.59 мин.	3 6,8%	11 5,4%	10 6,0%	9 14,8%
12-15 ч.59 мин.	9 20,5%	39 19,3%	57 34,3%	19 31,1%
16-19 ч.59 мин.	9 20,5%	45 22,3%	30 18,1%	11 18,0%
20-23 ч.59 мин.	10 22,6%	54 26,8%	32 19,3%	10 16,4%
Всего	44	202	166	61

По способу доставки пострадавших – 74,2% из них были доставлены бригадами скорой медицинской помощи (БСМП), 12,3% - переведены из других лечебных учреждений, в 13,5%

- доставлены попутным транспортом. Распределение по срокам доставки с момента травмы показано в таблице 9.

Таблица 9

Сроки доставки и вид транспортировки пострадавших с СЧМСТ (оба пола)

Время \ Возраст, лет	БСМП	ЛПУ	ПТ*	Всего
0-59 мин.	118 33,7%	15 25,9%	25 38,5%	158 33,4%
1ч.-1ч.59 мин.	112 32%	7 12,1%	16 24,6%	135 28,5%
2ч.-2ч.59 мин.	33 9,4%	12 20,7%	8 12,3%	53 11,2%
3ч.-5ч.59 мин.	42 12%	10 17,2%	6 9,2%	58 12,3%
6ч.-11ч.59 мин.	24 6,9%	3 5,2%	6 9,2%	33 7%
12ч.-24ч.	21 6%	11 19%	4 6,2%	36 7,6%
Всего	350	58	65	473

Примечание: ПТ – попутный транспорт

Из таблицы 9 видно, что в течение «первого золотого часа» было госпитализировано 33,4% пострадавших, в срок до 2-х часов 61,9% всеми способами, а БСМП – 33,7% и 65,7% соответственно.

По причинам СЧМСТ в период 2000-2003 гг. преобладали умышленные повреждения (38,3%) и дорожно-транспортные происшествия (39,1%), меньше всего было производственных

травм (5,1%) и спортивных травм (0,6%). Среди мужчин умышленные повреждения как причина СЧМСТ наблюдались в 164 случаях (44,9%), автодорожные травмы – в 124 случаях (34%), среди женщин – автодорожные травмы - в 61 случае (56,5%) и бытовые травмы - в 20 случаях (18,5%).

Распределение СЧМСТ по виду повреждающего фактора в разных возрастных группах показано в таблице 10.

Таблица 10

Распределение случаев СЧМСТ по виду травмы и возрасту (оба пола)

Вид травмы \ Возраст, лет	15-19,9	20-39,9	40-59,9	60 и ст.
Бытовая	2 4,5%	16 7,9%	15 9%	14 23%
Умышленное повреждение	11 25%	93 46%	66 39,8%	11 18%
ДТП	26 59,1%	72 35,6%	60 36,1%	27 44,3%
Производственная	2 4,5%	10 5%	11 6,6%	1 1,6%
Спортивная	2 4,5%	1 0,5%	0	0

Вид не установлен	1 2,3	10 5%	14 8,4%	8 13,1%
Всего	44 100%	202 100%	166 100%	61 100%

Из 473 пострадавших с СЧМСТ 200 человек находились в состоянии алкогольного опьянения (42,3%), 5 человек – в состоянии наркотического опьянения (1,1%) и 268 были трезвыми (56,7%). Из общего числа пострадавших в состоянии алкогольного опьянения мужчин было 172 (86%), женщин 28 (14%).

Большинство пострадавших, 171 человек (87,5%), которые были в состоянии алкогольного опьянения, были лица молодого (20-39,9 лет) и среднего (40-59,9 лет) возраста. Меньше всего было лиц из возрастных групп 15-19,9 лет - 11 человек (5,5%) и старше 60 лет – 18 человек (9%). Соотношение мужчины/женщины в разных возрастных группах составило: в возрастной группе 15-19,9 лет - 1,6: 1, 20-39,9 лет - 1,2: 1, 40-59,9 лет - 1,6: 1 и 60 лет и старше - 1:3. Таким образом, найдено, что соотношение мужчины/женщины с возрастом увеличивается в пользу женщин. Это, вероятно, связано преобладанием женщин в старших возрастных группах в популяции Новосибирска.

Из всех случаев СЧМСТ 33,8% было среди не работающих лиц трудоспособного возраста, 20,1% - среди рабочих бюджетной сферы, 19,7% среди наемных рабочих, 2,7% среди предпринимателей, 6,6% среди служащих, 6,6% среди учащихся и 10,6% среди пенсионеров. Результаты анализа показали, что при умышленном и автодорожном виде травмы чаще обращаются за экстренной медицинской помощью рабочие бюджетной сферы, наемные рабочие, предприниматели и служащие. В то же время у них бытовой и производственный травматизм колебался от 4,2% до 16,1%. Пенсионеры чаще страдали при получении травмы в быту и на автотранспорте. Учащиеся получали СЧМСТ чаще всего при автодорожном виде травмы. Отмечено, что у пенсионеров и учащихся умышленная травма определялась в 3 раза реже, чем автодорожная. У бюджетных и наемных рабочих, предпринимателей показатели умышленной и автодорожной травмы отличаются незначительно. Спортивный травматизм имел место только у учащихся. Следует подчеркнуть, что в Новосибирске среди видов травм на первом месте стоят умышленные повреждения

- 38,3% и автодорожные травмы - 30,1%. Остальные виды СЧМСТ распределены примерно поровну. Меньше всего спортивных травм – 0,6%.

Проведен анализ клинического течения сочетанной черепно-мозговой и скелетной травмы по ведущему признаку. Пострадавшие с СЧМСТ были разделены на 4 группы по степени тяжести в зависимости от преобладания черепно-мозгового или внечерепного слагаемых травмы:

I группа - тяжелая ЧМТ и нетяжелая скелетная травма.

II группа - легкая ЧМТ и тяжелая скелетная травма.

III группа - тяжелая ЧМТ и тяжелая скелетная травма.

IV группа - легкая ЧМТ и нетяжелая скелетная травма.

Из общего числа госпитализированных с СЧМСТ большинство пострадавших имели сочетание, соответствующее IV группе (табл. 11).

Таблица 11

Распределение случаев СЧМСТ по группам тяжести

Пол	Группы тяжести	N	%
Мужчины	I	68	18,6
	II	60	16,4
	III	72	19,7
	IV	165	45,2
	Всего	365	100
Женщины	I	17	15,7
	II	19	17,6
	III	23	21,3
	IV	49	45,4
	Всего	108	100

Распределение случаев СЧМСТ по возрасту и группам тяжести показано в таблице 12.

Таблица 12

Распределение случаев СЧМСТ по виду травмы и группам тяжести (оба пола)

Вид травмы \ Группы тяжести	I	II	III	IV	Всего
Бытовая	11 12,9%	8 10,1%	10 10,5%	18 8,4%	47 9,9%
Умышленное повреждение	21 24,7%	32 40,5%	19 20%	109 50,9%	181 38,3%
ДТП	29 34,1%	29 36,7%	51 53,7%	76 35,5%	185 39,1%
Производственная	9 10,6%	5 6,3%	5 5,3%	5 2,3%	24 5,1%
Спортивная	0	1 1,3%	0	2 0,9%	3 0,6%
Вид не установлен	15 17,6%	4 5,1%	10 10,5%	4 1,9%	33 7%
Всего	85 100%	79 100%	95 100%	214 100%	473 100%

Сочетание ЧМТ с повреждением опорно-двигательного аппарата (ОДА) наблюдалось в 407 случаях (86%). Пострадавших в результате в ДТП было 185 человек, из них 53% составили пешеходы, 19,5% водители и 27,6% - пассажиры. У водителей и пассажиров челюстно-лицевые повреждения (ЧЛП) наблюдались чаще, чем у пешеходов (водители - 11,1%, пешеходы - 11,8% и пассажиры 6,1% соответственно), у пассажиров чаще встречались абдоминальные повреждения

(в 9,8%), чем у пешеходов (8,2%) и водителей (2,8%). Данные приведены в таблице 13.

Черепно-мозговая травма с сочетанием повреждения ОДА у всех участников ДТП были равной степени (86,1%, 78,4% и 85,7% соответственно). Наиболее тяжелое клиническое течение СЧМСТ наблюдалось у пассажиров (78,4%), с присоединением ЧЛП (11,8%) и абдоминальных повреждений (9,8%).

Таблица 13

Сочетание повреждений при СЧМСТ, возникшей при ДТП (оба пола)

Внечерепное повреждение	Пострадавшие при ДТП							
	Водитель		Пассажир		Пешеход		Всего	
	N	%	N	%	N	%	N	%
ОДА	31	86.1	40	78.4	84	85.7	155	83.8
ОДА+ЧЛП	4	11.1	6	11.8	6	6.1	16	8.6
ОДА+Абдом	1	2.8	5	9.8	8	8.2	14	7.6
Всего	36	100.0	51	100.0	98	100.0	185	100.0

Таблица 14

Исходы СЧМСТ в 2007-2010 гг. (оба пола) в %

Исход \ Год	2007	2008	2009	2010
Благоприятный	93,5	87,7	83,5	80,4
Неблагоприятный	6,5	12,3	16,5	19,6

Случаи СЧМСТ были разделены по благоприятному и неблагоприятному функциональному исходу, под которым мы понимали выздоровление, улучшение (благоприятный) и смерть (неблагоприятный). Степень восстановления трудоспособности на момент выписки из стационара: трудоспособность восстановлена, снижена, временно утрачена и полностью утрачена. Благоприятный исход на момент выписки из стационара зафиксирован у 408 человек (86,3%), умерло 65 человек (13,7%).

Анализ динамики исходов при СЧМСТ в 2007-2010 гг. выявил следующее. Наблюдалось снижение доли пострадавших с СЧМСТ с благоприятным исходом (с 93,5% в 2007 г. до 80,4% в 2010 г.) и увеличение доли пострадавших с неблагоприятным исходом (с 6,5% до 19,6% соответственно). Увеличение доли неблагоприятных исходов отмечено у лиц обоего пола. Ежегодный прирост доли неблагоприятных исходов составил в среднем 4,4% в год (табл. 14).

К моменту выписки из стационара выздоровление отмечено у 16 человек (3,7%), выписано с улучшением 365 человек (89,5%), без улучшения (инвалидизированы) - 28 человек (6,9%).

Благоприятный исход оценен во всех группах тяжести СЧМСТ. Из таблицы 15 видно, что более чем половина благоприятных исходов наблюдалась у пострадавших IV группы - 189 случаев (51,8%) и во II группе - 67 (18,4%). В I группе было только 60 пациентов с благоприятным исходом (16,4%).

Таблица 15

Исходы СЧМСТ в зависимости от группы тяжести среди выживших, оба пола

Группы тяжести	Исходы СЧМСТ							
	Выздоровление		С улучшением		Без улучшения		Всего	
	Абс	%	Абс	%	Абс	%	Абс	%
I	0	0	60	16,4	3	10,7	63	15,4
II	0	0	67	18,4	10	35,7	77	18,9
III	0	0	49	13,4	7	25,0	56	13,7
IV	15	100,0	189	51,8	8	28,6	212	52,0
Всего	15	100,0	365	100,0	28	100,0	408	100,0

На момент выписки у 286 человек с СЧМСТ (70,1%) трудоспособность была резко снижена, у 11 (27,9%) - утрачена временно, в 2 случаях трудоспособность была полностью утрачена.

Заключение. Проведенный клинко-статистический анализ показал, что исследования в области изучения сочетанных черепно-мозговых и скелетных травм имеют не только медицинское, но и социальное значение. Сочетанная черепно-мозговая и скелетная травма предъявляет повышенные требования к организации и проведению медицинских пособий пострадавшим: необходима как адекватная и быстрая профилактика отека и дислокации головного мозга, так и своевре-

менное выявление и лечение скелетных повреждений, для профилактики травматического шока и кровопотери. Проведение медицинских пособий при сочетанной черепно-мозговой и скелетной травме необходимо осуществлять в первые 3-6 часов после получения повреждений.

Данные о частоте и распространенности СЧМСТ в зависимости от социальных и половозрастных факторов, способов и сроков оказания специализированной экстренной медицинской помощи и хирургического лечения могут стать основой для осуществления комплекса медико-организационных мероприятий по оптимизации оказания специализированной экстренной медицинской помощи пострадавшим.

Библиографический список

1. Агаджанян, В.В. Организационно-тактические аспекты межгоспитальной транспортировки пациентов с политравмой, находящихся в критическом состоянии // В.В. Агаджанян, А.В. Шаталин, С.А. Кравцов // Политравма. - 2006. - № 1.
2. Анкин, Л.Н. Травматология. Европейские стандарты. - М., 2005.
3. Брюсов, П.Г. Оказание специализированной медицинской помощи при тяжелой механической сочетанной травме / П.Г. Брюсов, Н.А. Ефименко, В.Е. Розанов // Вестн. хир. - 2001. - Т. 160. - № 1.
4. Валиев, Э.Ю. Некоторые организационные аспекты лечения больных с политравмой опорно-двигательной системы // IV Респ. научно-практ. конференция «Актуальные проблемы организации экстренной медицинской помощи». - Ташкент. - 2004.
5. Герасименко, В.И. Эпидемиология ЧМТ при ДТП // IV Респ. научно-практ. конф. «Актуальные проблемы организации экстренной медицинской помощи». - Ташкент. - 2004.

6. Лукьяненко, А.В. Огнестрельные ранения лица. – СПб., 1996.

Bibliography

1. Agadzhanian, V.V. Organizatsionno-takticheskie aspekty mezhgospital'noy transportirovki pacientov s politravmoy, nakhodiyatsya v kriticheskom sostoyanii / V.V. Agadzhanian, A.V. Shatalin, S.A. Kravcov // Politravma. - 2006. - № 1.
2. Ankin, L.N. Travmatologiya. Evropeyskie standarty. – M., 2005.
3. Bryusov, P.G. Okazanie spetsializirovannoy meditsinskoj pomoshchi pri tyazheloy mekhanicheskoy sochetannoy travme / P.G. Bryusov, N.A. Efimenko, V.E. Rozanov // Vestn. khir. – 2001. – Т. 160. – № 1.
4. Valiev, E.Yu. Nekotorye organizatsionnye aspekty lecheniya bol'nykh s politravmoy oporno-dvigatel'noy sistemih // IV Resp. nauchno-prakt. konferenciya «Aktual'nye problemy organizatsii ehkstreynoy meditsinskoj pomoshchi». – Tashkent. – 2004.
5. Gerasimenko, V.I. Ehipidemiologiya ChMT pri DTP // IV Resp. nauchno-prakt. konf. «Aktual'nye problemy organizatsii ehkstreynoy meditsinskoj pomoshchi». – Tashkent. – 2004.
6. Lukyanenko, A.V. Ognestrel'nye raneniya lica. – Spb., 1996.

Статья поступила в редакцию 20.07.11

УДК 616

Korepanov C.V., Openko T.G., Veriaskina N.D. THE ANTICANCER PROPERTIES OF WILD PLANTS XANTHIUM ORDINARY (*Xanthium strumarium*) IN VIVO. We studied the anticancer activity of the xanthium ordinary extract (*Xanthium strumarium*) in experimental conditions in vivo. It was shown that the introduction of the extract xanthium mice lines C57B1/6 with transplanted Lewis lung carcinoma leads to slower tumor growth and reduce the frequency of metastasis. Reduce the average number of metastases and their average weight in one animal. Extract xanthium enhances antitumor effect of cyclophosphamide introduced to these animals and reduces its toxic effect on white blood cells in the experiment in mice. In experiment with rats Wistar, who was transplanted Pliss lymphosarcoma, extract xanthium showed dose-dependent antitumor effect. Introduction xanthium extract to rats with transplanted tumors significantly increases the duration of their lives.

Key words: *Xanthium strumarium*, anticancer activity.

С.В. Корепанов, канд. мед. наук, врач-фитотерапевт, онкогинеколог, директор Алтайского краевого фитоцентра «Алфит», E-mail: nsk217@rambler.ru; **Т.Г. Опенко**, науч. сотрудник лаборатории клинко-популяционных и профилактических исследований хронических неинфекционных и эндокринных заболеваний НИИ терапии СО РАМН, г. Новосибирск, E-mail: nsk217@rambler.ru; **Н.Д. Веряскина**, Алтайский филиал РОНЦ им. Н.Н. Блохина РАМН, г. Барнаул.

ИЗУЧЕНИЕ В ЭКСПЕРИМЕНТЕ IN VIVO ПРОТИВООПУХОЛЕВЫХ СВОЙСТВ ДИКОРАСТУЩЕГО ЛЕКАРСТВЕННОГО РАСТЕНИЯ ДУРНИШНИКА ОБЫКНОВЕННОГО (*XANTHIUM STRUMARIUM*)

Изучена противоопухолевая активность экстракта дурнишника обыкновенного (*Xanthium strumarium*) in vivo. Показано, что введение экстракта дурнишника мышам линии C57B1/6 с перевиваемой карциномой легкого Льюис приводит к замедлению роста опухоли и снижению частоты метастазирования. Уменьшается среднее количество метастазов и их средняя масса у одного животного. Экстракт дурнишника усиливает противоопухолевый эффект вводимого этим животным циклофосфана и уменьшает его токсический эффект на лейкоциты крови в эксперименте у мышей. В эксперименте с крысами-самцами линии Wistar, которым была перевита лимфосаркома Плисса, экстракт дурнишника показал дозо-зависимость противоопухолевого эффекта. Введение экстракта дурнишника крысам с перевиваемыми опухолями статистически значимо увеличивает продолжительность их жизни.

Ключевые слова: дурнишник обыкновенный, злокачественные новообразования, торможение роста опухоли.

Актуальность исследования. Лекарственные растения представляют собой неисчерпаемый источник биологически активных веществ с различными свойствами. В лечении онкологических больных могут быть использованы растения с цитостатическими свойствами и растения-модификаторы биологических реакций, действие которых направлено на регуляторные системы организма, восстановление противоопухолевого иммунитета, уменьшение токсичности или лучевого повреждения [1–3]. Однако доля цитостатиков растительного происхождения в химиотерапевтическом арсенале невелика, а доля растительных препаратов-модификаторов биологических реакций, возникающих в процессе лечения, еще меньше. А практика показывает, что пациенты онкологического профиля сами прибегают к дополнительному лечению травами. Это явление наблюдается не только в России, где это можно было бы объяснить определенной необходимостью, но и в странах с высоким уровнем здравоохранения. Например, исследование, проведенное в Канаде (2008), показало, что примерно 60% пациентов в течение года прибегают хотя бы один раз к лечению травами, и не по совету врача, а по рекомендации родственников и друзей, в силу своей традиционной приверженности к лечению травами и веры в эффективность, отсутствие побочных эффектов и комплексное воздействие растительных биологически активных компонентов на организм [4]. Лекарственные растения обладают широким спектром регулирую-

щих эффектов, низкой токсичностью и высокой биологической доступностью [5]. Поэтому интерес к изучению состава и механизма действия лекарственных трав и к расширению перечня разрешенных к употреблению в широкой практике лекарственных растений закономерен [4; 6; 7; 8; 9].

Малоизученное слабодовитое растение семейства сложноцветных дурнишник, включающий близкие виды дурнишник колючий (*Xanthium spinosum* L.) и дурнишник зубной или обыкновенный (*Xanthium strumarium*) привлекают внимание исследователей как потенциальное сырье для производства растительных препаратов для онкологии. Эти виды дурнишника повсеместно произрастают в южной и средней части России, в Европе, в Северной и Южной Америке, и их запасы практически неограниченны [10, 11]. Отвар дурнишника и мазь из свежих листьев когда-то применялись в народной медицине при раке, заболеваниях щитовидной железы и кожи [10; 12].

Дурнишник содержит гликозиды ксантострумарин, струмарозид (β-D-гликозид β-ситостерина), β-ситостерол, ксантон $C_{15}H_{18}O_3$, жиры, альбуминоиды, органические кислоты и смолы [6; 12]. Комплекс биологически активных сесквитерпеновых лактонов из дурнишника получил общее название ксантанонидов [12; 13], среди которых более известны и хорошо изучены ксантанол, изоксантанол и их изомер в С-4 [14]. Дурнишник содержит также каурановые дитерпены и их про-

изводные гликозиды и производные мевалоновой кислоты, имеющие тетрациклическую структуру [15; 16]. Эти вещества не уникальны в природе, они найдены также в других растениях и в грибах, в морских организмах и некоторых насекомых [17; 18].

В результате многоцентровых скрининговых исследований дикорастущих растений семейства Asteraceae, проведенных в Канаде, ксантатин и ксантинозин были названы перспективными биологически активными веществами. Хлороформный экстракт надземных частей *X. strumarium* L. показал противоопухолевый эффект против всех видов клеток рака при невысокой токсичности и большой широте терапевтического действия. Полулетальная доза IC₅₀ экстракта дурнишника в эксперименте на лабораторных мышах составила от 0,1 до 6,2 мг/мл. Сейчас продолжается исследование биологической активности высокоочищенных фракций ксантатаина и ксантинозина *in vivo* [19]. В экспериментах *in vitro*, ксантатин и ксантинозин проявили выраженные противоопухолевые свойства на клеточных культурах WiDr ATCC (толстая кишка), MDA-MB-231 ATCC (молочная железа) и NCI-417 (легкое) [19].

Ксантанойды 8-эпиксантатин и 8-эпиксантатин эпоксид, выделенные из листьев, проявили значительную цитостатическую активность в отношении клеток рака человека A549 (мелкоклеточный рак), SK-OV-3 (рак яичника), SK-MEL-2 (меланома), XF498 (опухоль центральной нервной системы) и HCT-15 (рак толстой кишки) *in vitro* и проявили способность блокировать фермент фARNезилтрансферазу в тромбоцитах человека в дозо-зависимой форме *in vitro* (IC₅₀ 64 и 58 мкг/мл, соответственно). В высоких концентрациях эти ксантанойды показали цитотоксический эффект [20]. Выделенный из дурнишника и других растений семейства Compositae карбоксиатрилозид проявил противоопухолевое действие против клеток меланомы (100 мМ) и опухоли Эрлиха (3 мМ) [21; 22].

Каурановые дитерпены проявили *in vivo* и другие биологические эффекты. Ксантанойд ксантатин показал выраженный противовоспалительный эффект у крыс при язвах в желудке, индуцированных чистым этиловым спиртом, 0,6N раствором соляной кислоты или 0,2N раствором едкого натра. Редукция язв достигала 58-96% при введении ксантатаина внутрь в дозе от 12,5 до 100 мг/кг массы тела животного. Предполагается, что в механизме защиты от повреждения клеточного ядра играют роль сульфгидрильные группы биологически активных молекул, фиксированных на слизистой желудка [23].

Найдено, что каурановые дитерпены препятствуют агрегации тромбоцитов [24], оказывают антиспастический эффект

[25], антидиабетический и препятствуют ожирению [26], проявляют антиноцицептивную активность [27], антиаллергические свойства [28], снижают уровень глюкозы в крови [29], являются индукторами апоптоза [30], замедляют сокращение гладкой мускулатуры [31], есть указания на эмбриотоксическое [32] и генотоксическое действие [33].

Таким образом, каурановые дитерпены и их гликозиды обладают широким спектром биологических эффектов, многие из которых могут найти применение при лечении ЗНО и сопутствующих им состояний. Дурнишник обыкновенный является ценным сырьем для получения каурановой кислоты и каурановых дитерпенов, которые можно использовать самостоятельно или как исходные материалы для синтеза новых веществ с биологической активностью. О возможности этого появляется все больше сообщений [18].

Цель исследования: изучить противоопухолевую активность экстракта дурнишника обыкновенного в условиях эксперимента *in vivo*.

Материалы и методы исследования. Перевивку карциномы легких Льюис (3LL) производили мышам линии C57B1/6 обоего пола (масса тела 18-20 г) в мышцу задней лапы в количестве 10⁶ клеток в 0,1 мл физиологического раствора (n=137).

Перевивку лимфосаркомы Плисса (LS) выполняли крысам-самцам линии Wistar под кожу спины 20% взвесью клеток в 0,2 мл физиологического раствора (n=65).

Жидкий водный экстракт дурнишника обыкновенного был изготовлен из измельченной высушенной надземной части растения в отношении 1: 20. Экстракт дурнишника (ЭД) вводили внутрижелудочно крысам в дозе 0,5, 1,0 и 1,5 г/кг массы тела животного, на 2-11-е сутки после перевивки опухоли, ежедневно; мышам в дозе 1,0 г/кг массы тела, на 2-е сутки, ежедневно 7 дней. Раствор циклофосфана (ЦФ) вводился мышам (2-я и 3-я экспериментальные группы) однократно в дозе 100 мг/кг массы внутримышечно в заднюю лапу через 24 часа после перевивки опухоли. Мышам 1-й экспериментальной группы и контрольной группы вместо циклофосфана вводили физиологический раствор 0,2 мл внутримышечно однократно, крысам контрольной группы вводили физиологический раствор по 1,0 мл внутрижелудочно ежедневно 10 дней, начиная со 2-го дня (табл.1).

По окончании эксперимента животных усыпляли, согласно «Правилам проведения работ с использованием экспериментальных животных», и проводили вскрытие.

Таблица 1

Распределение животных по группам в эксперименте

Воздействие	Мыши C57B1/6				Крысы Wistar			
	1	2	3	Контроль	1	2	3	Контроль
Количество животных в группе	34	33	35	35	16	17	17	15
3LL, внутримышечно	+	+	+	+				
LS, под кожу спины					+	+	+	+
Экстракт дурнишника	0,5 г/кг				+			
	1,0 г/кг	+	+			+		
	1,5 г/кг						+	
Р-р циклофосфана, 100 мг/кг		+	+					
Физиологический р-р	+	*		+				+

* - внутримышечно, 0,2 мл

** - внутрижелудочно, 1 мл

Торможение роста опухоли (ТРО) оценивалось по массе опухолевого узла в граммах и выражалось в процентах по отношению к показателю в контрольной группе по формуле:

$$\text{ТРО} = \frac{A-B}{A} \times 100\%;$$

где А – масса опухоли в контрольной группе, В – масса опухоли в опытной группе [7].

Интенсивность метастазирования LS оценивали по частоте метастазирования в группах, среднему количеству метастазов у одного животного и массе метастатических узлов. По этим данным рассчитывали индекс ингибирования метастазирования (ИИМ) как выраженное в процентах отношение раз-

ности произведений частоты метастазов на среднее число метастазов в контрольной и основной группах к произведению частоты метастазов на среднее их количество в контрольной группе по формуле:

$$\text{ИИМ} = \frac{(A_k \times B_k) - (A_0 \times B_0)}{(A_k \times B_k)} \times 100\%;$$

где A_k и A_0 – частота метастазирования в основной и контрольной группах, B_0 и B_k – среднее количество метастазов у

одного животного [7]. Были рассчитаны ИИМ-1 по приведенной формуле и ИИМ-2 по формуле, в которой вместо показателя частоты был введен показатель средней массы метастатических узлов у одного животного в опытной и контрольной группах. За метастазы лимфосаркомы Плисса принимали узлы массой 0,15 г и более и выборочно исследовали их гистологически [7].

Результаты исследования. При введении ЭД мышам с 3LL в дозе 1 г/кг массы наблюдалось статистически значимое торможение роста опухоли во всех группах (табл.2).

Таблица 2

Влияние экстракта дурнишника обыкновенного на развитие 3LL у мышей C57B1/6

Группа	Масса опухоли, г	Частота метастазирования, %	Количество метастазов на 1 мышь	Масса метастазов на 1 мышь, г	ТРО, %	ИИМ-1 %	ИИМ-2 %
1. ЭД 1 мл/кг	3,1±0,11	76,5	3,2±0,22	2,5±0,30	26,2	53,9	58,4
2. ЭД+ЦФ	1,2±0,05	64,9	1,3±0,10	1,0±0,05	71,4	84,1	93,2
3. ЦФ 100мг/кг	2,6±0,07	72,0	2,4±0,11	2,2±0,09	38,1	67,4	72,6
Контроль	4,2±0,15	96,5	5,5±0,40	3,5±0,40	-	-	-

Введение животным с перевиваемыми опухолями ЭД привело к замедлению роста опухоли и снизило частоту метастазирования. Уменьшилось среднее количество метастазов и средняя масса метастатических узлов у одного животного. Эти процессы нашли отражение в индексах ТРО, ИИМ-1 и ИИМ-2. В группе, где вводился цитостатик ЦФ эти эффекты

были выражены сильнее, а в группе с сочетанием ЭД и ЦФ – максимально из всех опытных групп.

Противоопухолевый эффект введения ЭД сопровождался снижением токсического влияния ЦФ на клетки крови (табл.3).

Таблица 3

Содержание лейкоцитов в периферической крови мышей C57B1/6 с перевиваемой 3LL

Группа	Количество лейкоцитов, 10 ⁶ /л		
	Перед перевивкой опухоли	4-е сутки	8-е сутки
1. ЭД 1 г/кг	20,5±1,2	20,1±1,5	19,9±1,3
2. ЭД+ЦФ	21,0±1,3	18,4±1,4	11,3±1,2
3. ЦФ 100 мг/кг	21,3±1,2	8,9±1,1	7,0±0,5
Контроль	20,9±1,5	21,1±1,6	20,7±1,4

После введения ЦФ мышам с перевитыми опухолями наблюдалось снижение уровня лейкоцитов в периферической крови на 4-е сутки, и еще более выраженное – на 8-е. В группе, получавшей ЭД одновременно с ЦФ эти изменения носили менее выраженный характер ($p < 0,05$). Значимых различий в

количестве лейкоцитов в периферической крови между группой, получавшей только ЭД и контролем, не было.

В эксперименте с крысами-самцами линии Wistar, которым была перевита лимфосаркома Плисса, была показана дозозависимость противоопухолевого эффекта ЭД (табл. 4).

Таблица 4

Влияние ЭД на развитие LS у крыс Wistar

Группа	Масса опухоли, г	Частота метастазирования, %	Количество метастазов на 1 крысу	Масса метастазов на 1 крысу, г	ТРО, %	ИИМ-1, %	ИИМ-2, %	Средняя продолжительность жизни, дни
1. ЭД 0,5 г/кг	8,3±0,60	92,5	4,0±0,35	5,1±0,54	2,4	13,5	12,8	12,8
2. ЭД 1,0 г/кг	6,2±0,45	73,6	2,6±0,25	3,9±0,40	27,1	55,2	56,7	24,3
3. ЭД 1,5 г/кг	5,9±0,54	70,5	2,4±0,30	3,9±0,35	30,6	60,4	60,0	23,2
Контроль	8,5±0,55	95,0	4,5±0,55	5,2±0,65	-	-	-	12,6

Введение крысам ЭД в дозе 0,5 г/кг массы животного приводило к незначительному уменьшению массы основного опухолевого узла, по сравнению с контролем, и не препятствовало появлению и росту метастазов. Введение ЭД в дозах 1,0 и 1,5 г/кг приводило к статистически значимому торможению роста опухоли и метастазов, что отражено индексами ТРО и ИИМ-1 и ИИМ-2 (табл.4). Продолжительность жизни

крыс, получавших ЭД, была выше, чем в контрольной группе. На рисунке 1 показана динамика выживаемости крыс в опытных и контрольной группах в эксперименте.

Выживаемость в группе крыс, получавших ЭД в дозе 0,5 г/кг не имела значимых отличий от выживаемости в контрольной группе, в то время как крысы, получавшие ЭД в более высокой дозировке, показали лучшую выживаемость.

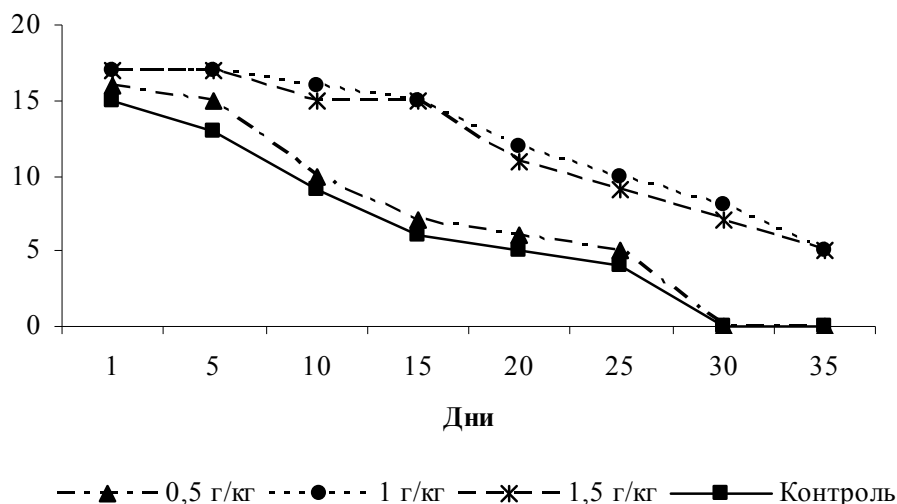

Рис. 1. Выживаемость крыс в опытных группах и в контроле

Выводы:

1. Введение экстракта дурнишника мышам линии C57B1/6 с перевиваемой карциномой легкого Льюис приводит к замедлению роста опухоли и снижению частоты метастазирования. Уменьшается среднее количество метастазов и их средняя масса у одного животного.

2. Экстракт дурнишника усиливает противоопухолевый эффект циклофосфана и уменьшает его токсический эффект на клетки крови в эксперименте.

3. В эксперименте с крысами-самцами линии Wistar, которым была перевита лимфосаркома Плисса, была показана дозо-зависимость противоопухолевого эффекта экстракта дурнишника.

4. Введение экстракта дурнишника крысам с перевиваемыми опухолями статистически значимо увеличивает продолжительность их жизни.

Библиографический список

1. Горяев, М.И. Растения обладающие противоопухолевой активностью / М.И. Горяев, Ф.С.Шарипова. - Алма-Ата: АН КазССР, 1983.
2. Гольдберг, Е.Д. Растения в комплексной терапии опухолей / Е.Д. Гольдберг, Т.Г. Разина, Е.П. Зуева, Е.Н. Амосова, С.Г. Крылова, В.Е. Гольдберг. - М., 2008.
3. Балицкий, К.П., Воронцов А.Л. Лекарственные растения и рак. - Киев, 1982.
4. Quan, H. Complementary and alternative medicine use among Chinese and white Canadians // Can Fam Physician. - 2008. - 54(11).
5. Гольдберг, Е.Д. Препараты из растений в комплексной терапии злокачественных новообразований. - Томск, 2000.
6. Горяев М.И., Шарипова Ф.С. Растения обладающие противоопухолевой активностью / М.И. Горяев, Ф.С. Шарипова. - Алма-Ата: АН КазССР, 1983.
7. Гольдберг Е.Д. Растения в комплексной терапии опухолей / Е.Д. Гольдберг, Т.Г. Разина, Е.П. Зуева, Е.Н. Амосова, С.Г. Крылова, В.Е. Гольдберг Растения в комплексной терапии опухолей. - М., 2010.
8. Kala, Ch. Pr. Developing the medicinal plants sector in northern India: challenges and opportunities // Ethnobiol Ethnomed. - 2006.
9. Łuczaj, Ł. Wild vascular plants gathered for consumption in the Polish countryside: a review // Ethnobiol Ethnomedicine. - 2007.
10. Балицкий, К.П. Лекарственные растения и рак / К.П. Балицкий, А.Л. Воронцова. - Киев, 1982.
11. Минаева, В.Г. Лекарственные растения Сибири. - Новосибирск, 1991.
12. Шупинская, М.Д. Фармакогнозия. - Л., 1970.
13. McMillan, C. Systematic implications of the sesquiterpene lactones in the "strumarium" morphological complex (*Xanthium strumarium*, Asteraceae) of Europe, Asia and Africa // Biochem. Syst. Ecol. - 1975. - Vol. 2.
14. Marco, J. Al. Xanthanolides from *Xanthium*: Absolute configuration of xanthanol, isoxanthanol and their C-4 epimers. Phytochemistry. - 1993. - Vol. 34.
15. Bruneton, J. Pharmacognosy, Phytochemistry, Medicinal Plants. - London, 1995.
16. Hanson, J.R. Nat. Prod. Rep. 2004.
17. Zgoda-Pols, J.R. Fitoterapia. - London, 2002.
18. Garsia, P.A. Biological Activities and Synthesis of Kaurane Diterpenes and their Glycosides // Molecules. - 2007. - № 12.
19. Ramírez-Erosa I. Xanthatin and xanthinosin from the burs of *Xanthium strumarium* L. as potential anticancer agents. Can. J. Physiol // Pharmacol. - 2007. - Vol. 85 (11).
20. Kim, Y.S. Two cytotoxic sesquiterpene lactones from the leaves of *Xanthium strumarium* and their in vitro inhibitory activity on farnesyltransferase // Planta Med. - 2003. - Apr 69 (4).
21. Dembitsky, V. Chem. Biodiv. - 2004. - № 1.
22. Piacente, S. Phytochemistry. - 1996. - № 41.
23. Favier, L.S. Anti-ulcerogenic activity of xanthanolide sesquiterpenes from *Xanthium cavanillesii* in rats // Ethnopharmacology. - 2005. - Vol. 100.
24. Yang, Y.L. Nat. Prod. 2002.
25. Tirapelli, C.R. Pharmacol. 2005. - № 57.
26. Kim, S. Enzyme Inhib // Med. Chem. - 2006. - № 21.
27. Block, L.C. Ethnopharmacol. - 1998. - № 61.
28. Cheenpracha, S. Phytochemistry, 2006. - № 67.
29. Bresciani, L. Biosci, 2004. - № 59.
30. Liu, J.J. Cancer Invest, 2006. - № 24.
31. Ambrosio S. R. AM Life Sci, 2006. - № 79.
32. Costa-Loftu L.V. Rao VSN Toxicon, 2002. - № 40.
33. Cavalcanti, B.C. Food Chem. Toxicol, 2006. - № 44.

Bibliography

1. Goryaev, M.I. Rasteniya obladayutie protivoopukholevoy aktivnostiyu / M.I. Goryaev, F.C.Sharipova. - Alma-Ata: AN KazSSR, 1983.
2. Goljdborg, E.D. Rasteniya v kompleksnoy terapii opukholey / E.D. Goljdborg, T.G. Razina, E.P. Zueva, E.N. Amosova, S.G. Krihlova, V.E. Goljdborg. - M., 2008.
3. Balickiy, K.P., Voroncov A.L. Lekarstvennihe rasteniya i rak. - Kiev, 1982.
4. Quan, H. Complementary and alternative medicine use among Chinese and white Canadians // Can Fam Physician. - 2008. - 54(11).
5. Goljdborg, E.D. Preparatih iz rasteniy v kompleksnoy terapii zlokachestvennikh novoobrazovaniy. - Tomsk, 2000.

6. Goryaev M.I., Sharipova F.C. Rasteniya obladayut protivopukholevoy aktivnost'yu / M.I. Goryaev, F.C. Sharipova. – Alma-Ata: AN KazSSR, 1983.
7. Goljdberg E.D. Rasteniya v kompleksnoy terapii opukholey / E.D. Goljdberg, T.G. Razina, E.P. Zueva, E.N. Amosova, S.G. Krihlova, V.E. Goljdberg. Rasteniya v kompleksnoy terapii opukholey. – M., 2010.
8. Kala, Ch. Pr. Developing the medicinal plants sector in northern India: challenges and opportunities // *Ethnobiol Ethnomed.* – 2006.
9. Luczaj, L. Wild vascular plants gathered for consumption in the Polish countryside: a review // *Ethnobiol Ethnomedicine.* – 2007.
10. Balickiy, K.P. Lekarstvenniye rasteniya i rak / K.P. Balickiy, A.L. Voroncova. – Kiev, 1982.
11. Minaeva, V.G. Lekarstvenniye rasteniya Sibiri. – Novosibirsk, 1991.
12. Shupinskaya, M.D. Farmakognosiya. – L., 1970.
13. McMillan, C. Systematic implications of the sesquiterpene lactones in the "strumarium" morphological complex (*Xanthium strumarium*, Asteraceae) of Europe, Asia and Africa // *Biochem. Syst. Ecol.* – 1975. – Vol. 2.
14. Marco, J. Al. Xanthanolides from *Xanthium*: Absolute configuration of xanthanol, isoxanthanol and their C-4 epimers. *Phytochemistry.* – 1993. – Vol. 34.
15. Bruneton, J. Pharmacognosy, Phytochemistry, Medicinal Plants. – London, 1995.
16. Hanson, J.R. *Nat. Prod. Rep.* 2004.
17. Zgoda-Pols, J.R. *Fitoterapia.* – London, 2002.
18. Garsia, P.A. Biological Activities and Synthesis of Kaurane Diterpenes and their Glycosides // *Molecules.* – 2007. – № 12.
19. Ramirez-Erosa I. Xanthatin and xanthinosin from the burs of *Xanthium strumarium* L. as potential anticancer agents. *Can. J. Physiol // Pharmacol.* – 2007. – Vol. 85 (11).
20. Kim, Y.S. Two cytotoxic sesquiterpene lactones from the leaves of *Xanthium strumarium* and their in vitro inhibitory activity on farnesyltransferase // *Planta Med.* – 2003. – Apr 69 (4).
21. Dembitsky, V. *Chem. Biodiv.* – 2004. – № 1.
22. Piacente, S. *Phytochemistry.* – 1996. – № 41.
23. Faviera, L.S. Anti-ulcerogenic activity of xanthanoid sesquiterpenes from *Xanthium cavanillesii* in rats // *Ethnopharmacology.* – 2005. – Vol. 100.
24. Yang, Y.L. *Nat. Prod.* 2002.
25. Tirapelli, C.R. *Pharmacol.* 2005. – № 57.
26. Kim, S. *Enzyme Inhib // Med. Chem.* – 2006. – № 21.
27. Block, L.C. *Ethnopharmacol.* – 1998. – № 61.
28. Cheenpracha, S. *Phytochemistry.* 2006. – № 67.
29. Bresciani, L. *Biosci.* 2004. – № 59.
30. Liu, J.J. *Cancer Invest.* 2006. – № 24.
31. Ambrosio S. R. *AM Life Sci.* 2006. – № 79.
32. Costa-Lotufo L.V. Rao VSN *Toxicol.* 2002. – № 40.
33. Cavalcanti, B.C. *Food Chem. Toxicol.* 2006. – № 44.

Статья поступила в редакцию 20.07.11

УДК 616

Korepanov C.V., Openko T.G. RADIOMODIFYING ACTIVITY OF THE PLANTS EXTRACTS FOR IRRADIATION IN EXPERIMENT. In the present study was investigated the radiomodifying activity of the complex of medicinal plants extract: chamomile (*Matricaria chamomilla* L.), plantago (*Plantago major* L.), St. John's wort (*Hypericum perforatum* L.), liquorice (*Glycyrrhiza uralensis* Fisch./*Gl. glabra* L.), bearberry (*Arctostaphylos uva-ursi* Spr.) and yarrow (*Achillea millefolium* L.) in the experiment in vivo. It was found that the life expectancy and survival of totally irradiated mice treated with the extract, was significantly higher than in the control group. Cellular indicators of bone marrow and peripheral blood in the study group were significantly better and faster return to normal than in the control. Studied medicinal plants in the complex can be proposed for use in supporting therapy for prevention of radiation damage.

Key words: medicinal plants, radiomodifying activity.

С.В. Корепанов, канд. мед. наук, Алтайский филиал РОНЦ им. Н.Н. Блохина РАМН, Барнаул,
E-mail: nsk217@rambler.ru; **Т.Г. Опенко**, науч. сотр. НИИ терапии СО РАМН, г. Новосибирск,
E-mail: nsk217@rambler.ru

РАДИОМОДИФИЦИРУЮЩАЯ АКТИВНОСТЬ ЭКСТРАКТОВ ЛЕКАРСТВЕННЫХ РАСТЕНИЙ ПРИ ОБЛУЧЕНИИ В ЭКСПЕРИМЕНТЕ

Изучена радиомодифицирующая активность экстракта из комплекса лекарственных растений (ромашка аптечная, подорожник большой, зверобой продырявленный, бадан толстолистный, солодка голая, толокнянка обыкновенная и тысячелистник обыкновенный) в эксперименте на мышах. Найдено, что продолжительность жизни и выживаемость totally облученных мышей, получавших экстракт, значимо выше, чем в контрольной группе. Клеточные показатели костного мозга и периферической крови в основной группе статистически значимо лучше и быстрее возвращаются к норме, чем в контрольной. Изученные лекарственные растения в комплексе предложены для использования в сопроводительной терапии для профилактики лучевых повреждений.

Ключевые слова: лекарственные растения, радиомодифицирующая активность.

Развитие методов управления лучевыми реакциями организма с помощью радиомодифицирующих агентов определяет прогресс радиационной онкологии. Усиление радиационного повреждения опухоли и уменьшение повреждения нормальной ткани, а также активация собственных противоопухолевых факторов повышает эффективность терапии, качество и продолжительность жизни больных.

Радиационное воздействие на клетку вызывает образование в ней активных форм кислорода и азота, и сопровождается изменениями в липидах клеточной стенки, белках и ДНК, которые приводят к дисфункции и гибели клетки. Радиационное повреждение клетки приводит к клоногенной гибели клетки или к включению каскада сигнальных реакций, приводящих к индукции апоптоза [1]. Другой эффект ионизирующей радиации – перестройка фосфолипидов мембран в цитоплазматиче-

ских органеллах и нарушение структуры и функции клетки [2, 3]. Ухудшается текучесть двойного липидного слоя и нарушается проницаемость клеточной мембраны [4]. Окислительное повреждение ДНК приводит к её одиночным или двойным разрывам, что вызывает нарушение клеточного цикла и активацию ферментов репарации [5, 6]. Повреждения на молекулярном и клеточном уровне приводят к клиническим проявлениям лучевого поражения, к развитию осложнений, вторичных нарушений и обострению имеющейся сопутствующей патологии. Все это в большой степени ограничивает возможности лучевой терапии.

Применение радиомодифицирующих агентов является перспективным, однако синтетические радиомодификаторы при длительных курсах лечения оказывают токсическое влияние на нормальные ткани и сами вызывают осложнения. Кро-

ме того, они практически непригодны для лечения отдаленных последствий лучевой терапии.

Поэтому интерес к лекарственным растениям, которые обладают радиосенсибилизирующими и радиопротекторными свойствами, и в то же время нетоксичны, удобны в использовании, доступны и дешевы, является закономерным. Их потенциал в сопроводительном лечении злокачественных новообразований все более признается официальной медициной [7].

Механизм радиопротективного действия веществ растительного происхождения изучен недостаточно полно, однако считается доказанным факт, что полифенольные компоненты и флавоноиды, содержащиеся в лекарственных растениях, обладают способностью уменьшать явления оксидативного стресса в нормальных клетках во время проведения противоопухолевого лечения [8, 9]. С другой стороны, эти вещества могут проявлять себя как проокислители, что зависит от их концентрации и цитозольного окислительно-восстановительного статуса. Некоторые полифенольные соединения обладают свойством нарушать клеточный цикл, оказывать цитостатическое действие в сочетании с ионизирующей радиацией (ресвератрол) и выраженное радиосенсибилизирующее действие на ослабленные клетки рака (циркумин), что увеличивает выживаемость [10; 11].

Содержащиеся в лекарственных растениях биологически активные компоненты с радиосенсибилизирующими свойствами способны действовать на разных фазах клеточного цикла и не вызывают побочных эффектов. Их комплексное антиметастатическое и радиопротекторное действие травяных сборов реализуется через адаптогенные, иммуномодулирующие свойства их биологически активных компонентов. Лекарственные растения содержат сбалансированные комплексы биологически активных компонентов с разным механизмом действия и поэтому являются хорошей альтернативой синтетическим монопрепаратам.

Наиболее адекватной моделью для изучения радиопротекторных свойств лекарственных растений принято считать исследование влияния на выживаемость при рентгеновском облучении *in vivo*.

Цель: Изучить влияние экстракта лекарственных трав на выживаемость, показатели костного мозга и периферической крови облученных мышей.

Материалы и методы: Исследование проведено на 250 половозрелых мышках-самцах 2-4 месячного возраста линии C57B1/6JY обоего пола массой 18-20 г. Мыши были получены из питомника НИИ фармакологии ТНЦ СО РАМН. Животные содержались, были использованы в экспериментах и забивались в соответствии с правилами Европейской Конвенции по защите позвоночных животных, используемых для экспери-

ментальных и иных научных целей в Страсбурге (European Convention, 1986 г.).

Облучение всех животных производили стандартным рентгеновским излучателем РУМ-17 (с фильтром 0,5 мм меди и 1,0 мм алюминия, напряжение 200 Кв, анодный ток 5 мА). Однократное общее облучение проводили в специальных камерах при мощности дозы 0,5 Гр/мин. Набор дозы контролировался с помощью клинического дозиметра в интегральном режиме его работы. Монитором служила прутковая камера, расположенная в отверстии коллиматора в зоне облучения.

После облучения в этот же день начинали курсовое внутрижелудочное введение водного экстракта из смеси в равных весовых частях высушенных свежесобраных (этого года сбора) активных частей шести дикорастущих лекарственных растений: травы ромашки аптечной (*Matricaria chamomilla* L.), листьев подорожника большого (*Plantago major* L.), листьев бадана толстолистного (*Bergenia crassifolia* L.), цветков зверобоя продырявленного (*Hypericum perforatum* L.), корневища солодки голой (*Glycyrrhiza uralensis* Fisch./*G. glabra* L.), листьев толкунки обыкновенной (*Arctostaphylos uva-ursi* Spr.) и цветков тысячелистника обыкновенного (*Achillea millefolium* L.). Пять граммов фитосбора заливали 200 мл кипящей воды и настаивали 10 минут. После фильтрования и охлаждения до комнатной температуры вводили внутрижелудочно экспериментальным мышам в дозе 5 мл/кг и 10 мл/кг массы тела, что составило в среднем 0,45-0,5 мл (n=50) и 0,9-1,0 мл (n=50) на 1 животное ежедневно в течение 10 дней. Мышам из контрольной группы (n=50) вводили физиологический раствор в объеме 1 мл.

Радиозащитное действие сбора оценивали по средней продолжительности жизни животных, динамике восстановления клеточности крови и иммунологическим показателям на 11 сутки после облучения. Фактор изменения дозы рассчитывали как отношение дозы облучения рентгеновским облучением в моноварианте к дозе рентгеновского облучения в условиях применения сбора, приводящих в обоих случаях к равным эффектам. Равноэффективные дозы определяли методом пробит-анализа [12].

Исследование периферической крови (общее количество лейкоцитов, эритроцитов, тромбоцитов, ретикулоцитов), костного мозга (количество миелокарицитов в костном мозге бедренной кости), приготовление мазков и анализ миео- и гемограмм проводили стандартными гематологическими методами [13].

Результаты исследования. Выживаемость мышей после сублетального облучения (6,4 Гр) в группах, получавших экстракт сбора лекарственных трав статистически значимо выше, чем в контрольных группах (рис. 1).

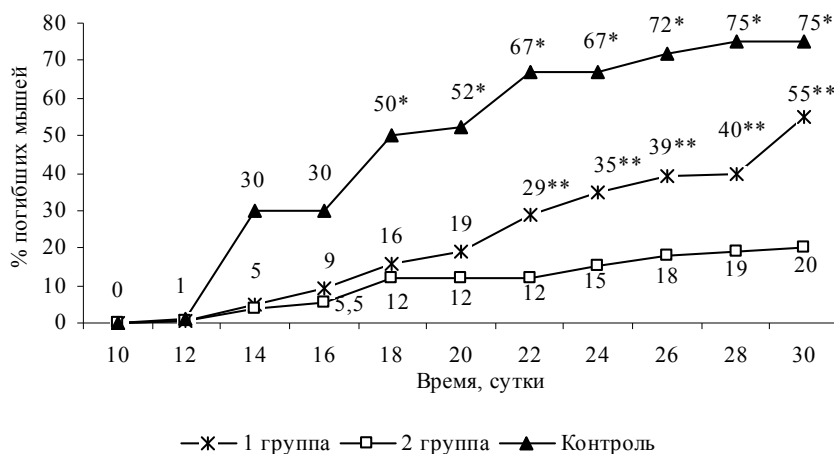

Рис. 1. Динамика гибели мышей C57B1/6JY после общего рентгеновского облучения в дозе 6,4 Гр. 10-кратное внутрижелудочное введение экстракта сбора: 1 группа - 0,5 мл, 2 группа - 1,0 мл.

* - статистически значимые различия между контролем и 1 и 2 группами,

** - статистически значимые различия между 1 и 2 группами.

Выживаемость мышей после сублетального облучения в группе, получавшей 0,5 мл экстракта выше, чем в контрольной, а в группе, получавшей 1,0 экстракта – выше, чем в двух предыдущих, значимость различий $p < 0,05$.

На основании полученных в эксперименте данных методом пробит-анализа построены кривые зависимости доза-

эффект и найдены LD различных доз облучения. Рассчитан коэффициент изменения дозы экстракта для равноэффективных доз рентгеновского облучения мышей, величина которого составила 1,15. С увеличением дозы экстракта величина коэффициента изменения дозы увеличивалась (рис. 2).

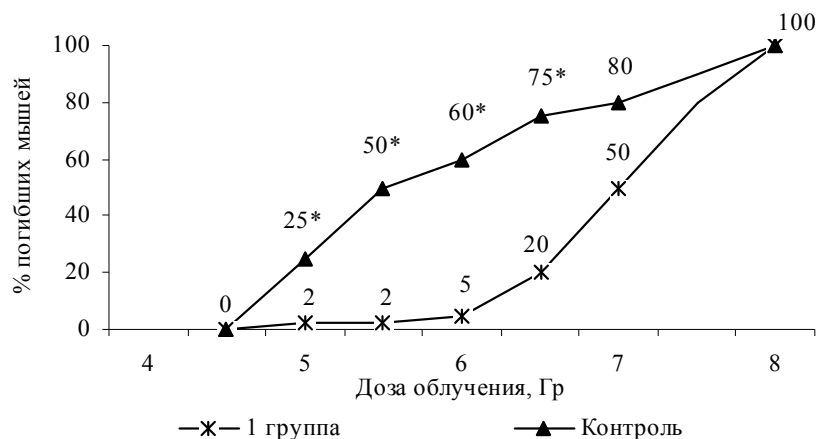

Рис. 2. Влияние экстракта растительного сбора (суточная доза 1,0 мл) на выживаемость мышей после однократного общего рентгеновского облучения в диапазоне доз 2-8 Гр (n=50)

* - различия между 1 группой и контролем статистически значимы.

При малых, среднелетальных и сублетальных дозах облучения доля выживших мышей значимо выше в группе, получавшей экстракт из изучаемого сбора, чем в контрольной группе. При летальных дозах облучения (8 Гр) значимых различий не было – все мыши погибли.

Через сутки после тотального облучения число миелокарицитов в костном мозге мышей в обеих группах резко снижалось и достигало минимального уровня в 8,2% от исходного количества (рис. 3).

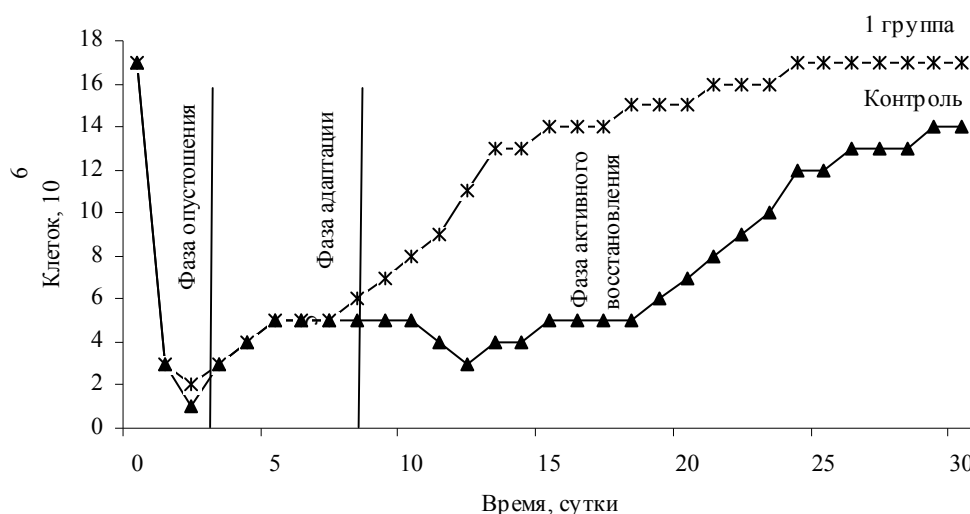

Рис. 3. Динамика изменения общего числа миелокарицитов в костном мозге мышей после общего облучения в дозе 6,4 Гр; 1 группа – мыши, получавшие экстракт сбора по 1,0 мл ежедневно (n=50).

Статистическая значимость различий $p < 0,05$ в период 11-25 суток

В фазе адаптации наблюдались отчетливые различия динамики количества миелокарицитов: в основной группе увеличение клеточности костного мозга отмечалось в более ранние сроки, чем в контрольной. В фазе активного восстановления в основной группе происходило восстановление клеточности до исходного уровня, в контрольной – до уровня 82,5% от исходного. Фаза адаптации в контрольной группе более продолжительна, чем в основной ($p < 0,05$). Аналогичные закономерности выявлены при анализе количества отдельных ростков гемопоэза – эритроидных, лимфоидных, гранулоцитарных, моноцитарно-макрофагальных.

Для оценки тяжести лучевого поражения костномозгового кроветворения и степени радиопротективного эффекта экстракта сбора изучена динамика и степень уменьшения числа форменных элементов периферической крови облученных мышей. Общее однократное облучение вызвало резкое снижение количества эритроцитов в периферической крови мышей, однако степень и длительность этого явления в основной и контрольной группах на протяжении периода наблюдения различны (рис. 4).

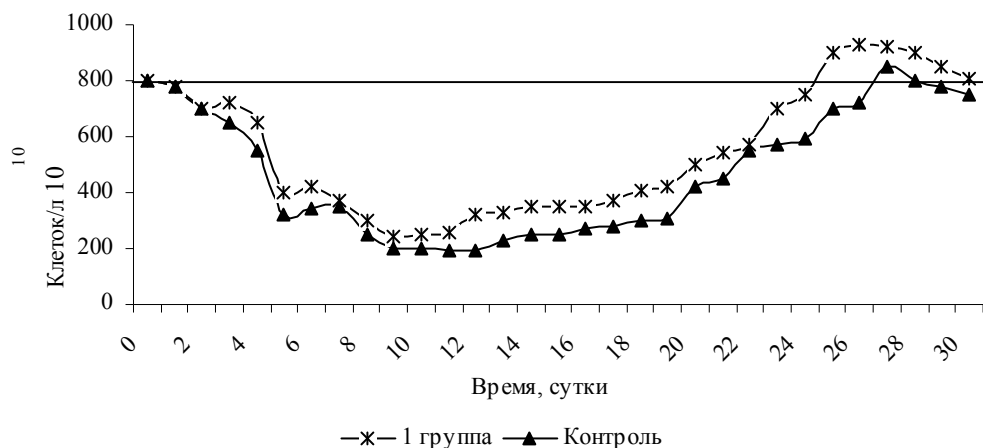

Рис. 4. Динамика изменения количества эритроцитов в периферической крови мышей после общего облучения в дозе 6,4 Гр. 1 группа – основная группа, получавшая экстракт сбора в дозе 1,0 мл ежедневно (n=50). Значимые различия в период 14-20 сутки и 25-27 сутки

В основной группе наблюдалось менее выраженное снижение количества эритроцитов в периферической крови и более быстрое возвращение этого показателя к исходному уровню, чем в контрольной, что отражало состояние эритроидного костномозгового ростка. Снижение числа лейкоцитов в периферической крови происходило аналогично, как эритроцитов, однако восстановление до исходного уровня наблюдалось в более поздние сроки, как в основной группе, так и в контрольной.

Обсуждение.

Все использованные в исследовании лекарственные травы включены в Перечень лекарственных растений, разрешенных к применению в медицинской практике. Они давно применяются в медицине и являются хорошо изученными с точки зрения входящих в их состав биологически активных веществ и их фармакологических свойств.

Так, ромашка аптечная – хорошо известное лекарственное растение. Входящий в её состав сесквитерпен азулен, составляющий до 5% эфирного масла, обладает седативным, противовоспалительным, антисептическим действием. Флавоны апигенин расщепляется в организме с образованием апигенина, оказывающего выраженный спазмолитический эффект [14].

Листья подорожника большого (*Plantago major* L.) содержат 2-3% иридоид-гликозидов (аукубин, каталпол и др.), [15], 3-8% фенолэффиров (астеозид, цистанозид и др.), 2-6,5% слизи (галактуроновая кислота), сахара [16], флавоноиды и их производные [17], танины (6,5%), фенольные карбоксильные кислоты, кумарины гемолитический и антимикробный сапонины и летучие масла [18]. Противовоспалительный эффект комплекса биологически активных веществ подорожника подтвержден в экспериментах *in vitro* и *in vivo*. Показана выраженная противоопухолевая активность экстракта из его листьев *in vivo* у мышей [19]. Полисахарид пектин РМ-II из листьев подорожника оказался мощным активатором комплемента с активностью такой же величины, как человеческий иммуноглобулин IgG [20], и показал *in vivo* антибактериальный эффект против пневмококковой инфекции у мышей за счет активизации не адаптивного, а врожденного иммунитета [21]. Иммуностимулирующие свойства подорожника большого доказаны в клинических исследованиях [22]. Экстракт подорожника зависимо от дозы индуцирует пролиферацию лимфоцитов (в 3-12 раз), что доказывает целесообразность его применения для регуляции функций иммунитета при различных, а не только при онкологических, заболеваниях [7, 23].

Высушенная трава зверобоя продырявленного (*Hypericum perforatum* L.) содержит многочисленные активные компоненты: нафтодиантроны в количестве 0,1-0,3% (гиперицин, псевдогиперицин и др.) [14], производные флороглюцинола 0,2-4,0% (гиперфорин и др.), 2,0-4,0% флавоноидов (гиперозид и

рутозид), бифлавоны и другие фенолы [24; 25]. Гиперицин и гиперфорин обладают выраженными антидепрессантными, противоопухолевыми, антибактериальными и противовирусными свойствами [26, 27]. Экстракт зверобоя близок по эффективности к синтетическим антидепрессантам, например, к сертралину или имипрамину. Гиперфорин ингибирует обратный захват серотонина и норадреналина в аксоплазме синапса и обратный захват дофамина, гамма-аминомасляной кислоты и L-глутамата. Гиперицин тоже проявляет такую активность, но только в высокой концентрации. Подобно действию классических антидепрессантов, экстракт зверобоя оказывает регулирующее воздействие на β -адренергические рецепторы и 5-HT₂-рецепцию [24]. Последние исследования показали, что механизм действия гиперфорина, гиперпина и псевдогиперпина тесно связан с транспортом олигонуклеотидов через клеточные везикулы [28]. Освобожденный от гиперфорина и гиперпина экстракт зверобоя тоже обладает антидепрессивной активностью, обусловленной специфическими флавоноидами зверобоя. Экстракт зверобоя является единственной среди растений альтернативой синтетическим антидепрессантам, эффективность которого доказана в клинических испытаниях [29].

Гиперфорин обладает способностью подавлять опухолевую инвазию и неоангиогенез за счет ограничения хемотаксической миграции эпителиальных клеток. Он ингибирует эндотелиальные клетки в капиллярноподобных структурах *in vitro* и потенциально способен подавлять ангиогенез *in vivo*. Иммунофлуоресцентное исследование показало, что в цитокин-активированных клетках гиперфорин блокирует транскрипцию генов, регулирующих рост, жизнеспособность, ангиогенез и инвазивность опухолевых клеток и ингибирует матричную металлопротеиназу-2, что подтверждает его потенциальную роль в подавлении процесса метастазирования [30].

Высушенное корневище солодки голой (*Glycyrrhiza uralensis* Fisch./*G. glabra* L.) содержит до 6% сапонина глицирризин [14], а всего из содержащихся в корневищах солодки биологически активных веществ изучено около 400 [24]. Препараты из солодки обладают противовоспалительным и спазмолитическим действием. Их терапевтический эффект подтвержден клинически и экспериментально, хотя механизм действия солодки не совсем понятен. Противовоспалительное действие глицирризовой кислоты и ее агликона глицирретиневой кислоты изучено хорошо и заключается в блокировании продвижения лейкоцитов к очагу воспаления, а не в подавлении синтеза простагландинов [14; 31]. Глицирризин является эффективным селективным ингибитором тромбина [32]. Описано защитное действие экстракта корня солодки на слизистую желудка, подавление секреции соляной кислоты и пре-

дупреждение развития язв, индуцированных действием ацетилсалициловой кислоты [33].

Листья толокнянки обыкновенной (*Arctostaphylos uva-ursi* Spr.) содержат фенолгетерозиды (до 7% гидроквинона моногликозида арбутина), метиларбутин, эфир арбутин-галлат, свободную галловую кислоту и префенольные карбоксильные кислоты, 15-20% танинов [14], флавоноиды (гиперазид), кверцетин, мирицетин-гликозиды и тритерпены (урсоловая кислота), спирт уваол и криоидный гликозид монотропин [24]. Экстракты толокнянки обладают мочегонным и бактерицидным действием за счет гидрохинона (образуется в организме при расщеплении арбутина и выделяется с мочой) и комплексом флавоновых соединений [14].

Высушенное растение тысячелистника обыкновенного (*Achillea millefolium* L.) содержит 0,2-1% летучих масел - проазуленов, из них от 10% до 40% составляет азулен [14, 34], монотерпены (1,8-хинол) [34], линалул и комплекс сесквитерпенов [35]. В настоящее время в траве тысячелистника идентифицировано и изучено около 100 биологически активных компонентов. Тысячелистник обладает противовоспалительным (за счет сесквитерпен-лактонов, азулена), спазмолитическим (флавоноиды) и антимикробным (эссенциальные летучие масла, сесквитерпен-лактоны) действием и применяется при заболеваниях желудочно-кишечного тракта [14]. Водные экстракты и эссенциальные масла из тысячелистника обладают противовоспалительным и противогрибковым действием. Недавно обнаруженный в тысячелистнике метиловый эфир ахилилловой кислоты показал противоопухолевую активность. В эксперименте на мышах он подавлял рост клеток лейкоза, что привело к увеличению продолжительности их жизни на 30% [36].

Береза повислая (*Betula pendula*) включена в список лекарственных растений для лечения заболеваний мочевых путей. Ее сухие листья содержат около 3,0% флавоноидов [24], которые обуславливают диуретические свойства. Препараты березы используются для лечения инфекционных, воспалительных и спастических расстройств при пиелонефрите, цистите и уретрите, самостоятельно или в комплексе с другими препаратами. Флавоноиды из листьев и почек березы повислой ингибируют нейтральную металло-эндопротеиназу, которая отвечает за разрушение натрийуретических пептидов и регуляцию экскреции хлористого натрия. Ингибция нейтральной металло-эндопротеиназы способствует быстрому уropoззу и экскреции. Усиливают эффект содержащиеся в сырье аскорбиновая кислота и летучие масла [24].

Бетулин и бетулиновая кислота обладают цитотоксической активностью и могут найти применение в лечении злокачественных новообразований у человека. Была найдена прямая корреляция между чувствительностью опухолевых клеток к воздействию тритерпенов и чувствительностью или лекарственной устойчивостью к цитостатикам (даунорубин, митоксантрон) [37]. Бетулиновая кислота оказывает прямое повреждающее действие на митохондрии, вызывая апоптоз клетки [38], что отличается от механизма действия противоопухолевых препаратов, что представляет дополнительный интерес [39]. Папириферовая кислота, содержащаяся в почках и молодых побегах берез оказалась мощным ингибитором сукцинатдегидрогеназы, подавление которой приводит к снижению образования АТФ в митохондриях и выбросу гистамина [40].

В листьях бадана толстолистного содержится комплекс биологически активных веществ с антибактериальным, противовоспалительным, противоопухолевым и иммуномодулирующим действием [40-45].

Наше исследование показало, что водный экстракт из комплекса этих растений при приеме внутрь оказывал благоприятный эффект при лучевом поражении в эксперименте у мышей: наблюдались менее выраженные изменения со стороны костного мозга и периферической крови, которые быстрее возвращались к исходному уровню в основной группе, по сравнению с контрольной, выживаемость мышей, получавших экстракт была статистически значимо выше. Мы считаем, что применение этого комплекса в сопроводительном лечении при лучевой терапии может быть рекомендовано, однако механизм общего радиомодифицирующего действия этих лекарственных растений требует дальнейшего изучения.

Выводы:

Изученный экстракт из комплекса лекарственных растений (ромашка аптечная, подорожник большой, зверобой продырявленный, бадан толстолистный, солодка голая, толокнянка обыкновенная и тысячелистник обыкновенный) проявил выраженную радиомодифицирующую активность. Продолжительность жизни и выживаемость totally облученных мышей, получавших экстракт, была статистически значимо выше, чем в контрольной группе. Клеточные показатели костного мозга и периферической крови в основной группе были статистически значимо лучше и быстрее возвращались к норме, чем в контрольной. Исходя из этого, изученные в исследовании лекарственные растения в комплексе предложены для использования в сопроводительном лечении при лучевой терапии.

Библиографический список

1. Maith, A. The molecular basis for cell cycle delays following ionizing radiation: a review *Radiother. Oncol* 1999;31:1-13.
2. Ross, G.M. Induction of cell death by radiotherapy. *Endocrine Related Cancer*, 1999; 6:41-4.
3. Pandey BN, Mishra KP. In-vitro studies on radiation induced membrane oxidative damage in apoptotic death thymocytes. *Int J Low Radiat*, 2003; 1:113-9.
4. Girdhani, S. Potential of radiosensitizing agents in cancer chemo-radiotherapy. *J Can Res Ther*, 2005;1:129-31.
5. Hwang, A. Radiation and G2 phase of cell cycle. *Radiation Res*, 1998;150:52-9.
6. Онкология / под ред. Д. Касчиато. - М., 2008.
7. Гольдберг, Е.Д. Растения в комплексной терапии опухолей / Е.Д. Гольдберг, Т.Г. Разина, Е.П. Зуева, Е.Н. Амосова, С.Г. Крылова, В.Е. Гольдберг. - М.: Издательство РАМН, 2008.
8. Bestwick, C.S. Quercetin modifies reactive oxygen levels but exerts only partial protection against oxidative stress within HL-60 cells / C.S. Bestwick, L. Milne. *Biochem Biophys Acta*, 2001; 1528:49-59.
9. Van Acker, F.A., Schouten O., Haenen R.M., Van der Vijh W.J.F., Bast A. Flavanoid can replace tocopherol as an antioxidant. *FEBS letter*, 2000; 473:145-8.
10. Zoberi, I., Bradbury C.M., Cury H.A. Radiosensitizing and antiproliferative effects of resveratrol in two human cervical cell lines. *Cancer Lett* 2002; 175:65-73.
11. Chendil, D, Ranga RS, Meigooni D, Satishkumar S, Ahmed MM. Curcumin confers radiosensitizing effect in prostrate cancer cell line PC-3. *Oncogene* 2004;23:1599-607.
12. Бюль, А., Цёфель П. SPSS: искусство обработки информации. Анализ статистических данных и восстановление скрытых закономерностей. Пер. с нем. // Ахим Бюль, Петер Цёфель - СПб.: ООО «ДиаСофтЮП», 2005.
13. Кассирский, И.А. Клиническая гематология / И.А. Кассирский, Г.А. Алексеев. - М., «Медицина», 1970.
14. Шупинская, М.Д. Фармакогнозия / М.Д. Шупинская, В.К. Карпович. - Л., 1970.
15. Vajsa V., Vugdelijab S., Trifunovi S., Karad I., Jurani N., Macurad S., Milosavljevi S. / Further degradation product of hyperforin from *Hypericum perforatum* (St. John's Wort) // *Fitoterapia*. - 2003. - Vol. 74, Iss. 5.
16. Brautigam, M., Franz G. / Structural Features of *Plantago lanceolata* mucilage // *Planta Med.* - 1985; 51; 293-297.
17. Ronsted N., Franzyk H., Mølgaard P., Jaroszewski J. W., Jensen S.R. // Chemotaxonomy and evolution of *Plantago* L. // *Plant Systematics and Evolution*. - 2003. - Vol. 242. - № 1-4.
18. Fons F., Gargadennec A., Rapior S. Culture of *Plantago* species as bioactive component resources: a 20-year review and recent applications. *Acta Bot. Gallica*, 2008. 155 (2), 277-300.
19. Ozaslan M, Didem Karagöz I, Kalender ME, Kilic IH, Sari I, Karagöz A. In vivo antitumoral effect of *Plantago major* L. extract on Balb/C mouse with Ehrlich ascites tumor. *Am J Chin Med*. 2007; 35(5):841-51.

20. Michaelsen TE, Gilje A, Samuelsen AB, Høgåsen K, Paulsen BS. Interaction between human complement and a pectin type polysaccharide fraction, PMII, from the leaves of *Plantago major* L. *Scand J Immunol*, 2000. - Nov; 52(5):483-90.
21. Hetland G, Samuelsen AB, Løvik M, Paulsen BS, Aaberge IS, Groeng EC, Michaelsen TE. Protective effect of *Plantago major* L. Pectin polysaccharide against systemic *Streptococcus pneumoniae* infection in mice. *Scand J Immunol*, 2000. - Oct; 52(4):348-55.
22. Dorhoi A, Dobrea V, Zahan M, Virag P. Modulatory effects of several herbal extracts on avian peripheral blood cell immune responses. *Phytother Res*, 2006. - May; 20(5):352-8.
23. Gomez-Flores R, Calderon CL, Scheibel LW, Tamez-Guerra P, Rodriguez-Padilla C, Tamez-Guerra R, Weber RJ. Immunoenhancing properties of *Plantago major* leaf extract. *Phytother Res*, 2000. - Dec; 14(8):617-22.
24. Herbal Drugs and Phytopharmaceuticals. A Handbook for Practice on a Scientific Basis / Edited by Prof. Dr. Max Wichtl // Medpharm, Scientific Publishers Stuttgart, 2004.
25. Butterweck V, Schmidt M. St. John's wort: role of active compounds for its mechanism of action and efficacy. *Wien Med Wochenschr*, 2007;157(13-14):356-61.
26. Vacek J, Klejdus B, Kubán V. Hypericin and hyperforin: bioactive components of St. John's Wort (*Hypericum perforatum*). Their isolation, analysis and study of physiological effect. *Ceska Slov Farm*, 2007. - Apr; 56(2):62-6.
27. Brenner R., Azbel V., Madhusoodanan S., Pawlowska M. Comparison of an extract of hypericum (LI 160) and sertraline in the treatment of depression: a double-blind, randomized pilot study. *Clin Ther*, 2000. - Apr; 22(4):411-9.
28. McCue PP, Phang JM. Identification of human intracellular targets of the medicinal Herb St. John's Wort by chemical-genetic profiling in yeast. *J Agric Food Chem*, 2008. - Nov 26; 56(22):11011-7.
29. Wurglics M, Schubert-Zsilavecz M. *Hypericum perforatum*: a 'modern' herbal antidepressant: pharmacokinetics of active ingredients. *Clin Pharmacokinet*, 2006; 45(5):449-68.
30. Lorusso G, Vannini N, Sogno I, Generoso L, Garbisa S, Noonan DM, Albini A. Mechanisms of Hyperforin as an anti-angiogenic angioprevention agent. *Eur J Cancer*, 2009 May;45(8):1474-84. Epub 2009 Feb 14.
31. Kimuraa M., Inoue H., Hirabayashi K., Natsume H., Ogihara M. Glycyrrhizin and some analogues induce growth of primary cultured adult rat hepatocytes via epidermal growth factor receptors. *Eur. J. of Pharmacol.* - 2001. - Vol. 431. - Iss. 2.
32. Francischetti I.M., Monteiro R.Q., Guimarães J.A. Identification of glycyrrhizin as a thrombin inhibitor. *Biochem Biophys Res Commun*, 1997. - Jun. 9; 235(1):259-63.
33. Bennett A., Melhuish P. B., Stamford I. F. Carbenoxolone and deglycyrrhized liquorice have little or no effect on prostanoid synthesis by rat gastric mucosa ex vivo. *Br J Pharmacol*, 1985. - November; 86(3): 693-695.
34. Mustakova E., Todorova M., Tsankova E. Sesquiterpene Lactones from *Achillea colina* Becker. *Z. Naturforsch*, 2002.
35. Hofmann L., Fritz D., Nitz S., Kollmannsberger H., Drawert F. Essential oil composition of three polyploids in the *Achillea millefolium* complex. *Phytochemistry*, 1992.
36. Tozjo T, Yoshimura Y, Sakurai K, Uchida N, Takeda Y, Nakai H, Ishii H. Novel antitumor sesquiterpenoids in *Achillea millefolium*. *Chem Pharm Bull*. - Tokyo, 1994. - May; 42(5):1096-1100.
37. Drag M, Surowiak P, Drag-Zalesinska M, Dietel M, Lage H, Oleksyszyn J. Comparison of the cytotoxic effects of birch bark extract, betulin and betulinic acid towards human gastric carcinoma and pancreatic carcinoma drug-sensitive and drug-resistant cell lines. *Molecules*, 2009. - Apr 24; 14(4):1639-51.
38. Liu WK, Ho JC, Cheung FW, Liu BP, Ye WC, Che CT. Apoptotic activity of betulinic acid derivatives on murine melanoma B16 cell line, 2004. - Sep. 13; 498(1-3):71-8.
39. Fulda S. Betulinic acid: a natural product with anticancer activity. *Mol Nutr Food Res*, 2009. - Jan; 53(1):140-6.
40. McLean S, Richards SM, Cover SL, Brandon S, Davies NW, Bryant JP, Clausen TP. Papyriferic Acid, An Antifeedant Triterpene From Birch Trees, Inhibits Succinate Dehydrogenase From Liver Mitochondria. *J Chem Ecol*, 2009. - Oct. 17.
41. Ryzhikov MA, Ryzhikova VO. Application of chemiluminescent methods for analysis of the antioxidant activity of herbal extracts. *Vopr Pitan*, 2006; 75(2):22-6.
42. Mironova GD, Shigaeva MI, Belosludtseva NV, Gritsenko EN, Belosludtsev KN, Germanova EL, Lukyanova LD. Effect of several flavonoid-containing plant preparations on activity of mitochondrial ATP-dependent potassium channel. *Bull Exp Biol Med*, 2008. - Aug; 146(2):229-33.
43. Kokoska L, Polesny Z, Rada V, Nepovim A, Vanek T. Screening of some Siberian medicinal plants for antimicrobial activity. *J Ethnopharmacol*, 2002. - Sep; 82(1):51-3.
44. Churin AA, Masnaia NV, Sherstoboev EY, Suslov NI. Effect of *Bergenia crassifolia* extract on specific immune response parameters under extremal conditions. *Eksp Klin Farmakol*, 2005. - Sep-Oct; 68(5):51-4.
45. Popov SV, Popova GY, Nikolaeva SY, Golovchenko VV, Ovodova RG. Immunostimulating activity of pectic polysaccharide from *Bergenia crassifolia* (L.) Fritsch. *Phytother Res*, 2005. - Dec; 19(12):1052-6.

Bibliography

1. Maith, A. The molecular basis for cell cycle delays following ionizing radiation: a review *Radiother. Oncol* 1999;31:1-13.
2. Ross, G.M. Induction of cell death by radiotherapy. *Endocrine Related Cancer*, 1999; 6:41-4.
3. Pandey BN, Mishra KP. In-vitro studies on radiation induced membrane oxidative damage in apoptotic death thymocytes. *Int J Low Radiat*, 2003; 1:113-9.
4. Girdhani, S. Potential of radiosensitizing agents in cancer chemo-radiotherapy. *J Can Res Ther*, 2005;1:129-31.
5. Hwang, A. Radiation and G2 phase of cell cycle. *Radiation Res*, 1998;150:52-9.
6. *Onkologiya / pod red. D. Kaschiato*. - M., 2008.
7. Goljdborg, E.D. Rasteniya v kompleksnoy terapii opukholej / E.D. Goljdborg, T.G. Razina, E.P. Zueva, E.N. Amosova, S.G. Krihlova, V.E. Goljdborg. - M.: Izdatel'stvo RAMN, 2008.
8. Bestwich, C.S. Quercetin modifies reactive oxygen levels but exerts only partial protection against oxidative stress within HL-60 cells / C.S. Bestwich, L. Milne. *Biochem Biophys Acta*, 2001; 1528:49-59.
9. Van Acker, F.A., Schouten O., Haenen R.M., Van der Vijn W.J.F., Bast A. Flavanoid can replace tocopherol as an antioxidant. *FEBS letter*, 2000; 473:145-8.
10. Zoberi, I., Bradbury C.M., Cury H.A. Radiosensitizing and antiproliferative effects of resveratrol in two human cervical cell lines. *Cancer Lett* 2002; 175:65-73.
11. Chendil, D, Ranga RS, Meigooni D, Satishkumar S, Ahmed MM. Curcumin confers radiosensitizing effect in prostrate cancer cell line PC-3. *Oncogene* 2004;23:1599-607.
12. Byuyulj, A., Cyofelj P. SPSS: iskusstvo obrabotki informacii. Analiz statisticheskikh dannikh i vosstanovlenie skrihtikh zakonornostey; Per. s nem. // Akhim Byuyulj, Peter Cyofelj - SPb.: OOO «DiaSoftYuP», 2005.
13. Kassirskiy, I.A. *Klinicheskaya gematologiya* / I.A. Kassirskiy, G.A. Alekseev. - M., «Medicina», 1970.
14. Shupinskaya, M.D. *Farmakognosiya* / M.D. Shupinskaya, V.K. Karpovich. - L., 1970.
15. Vajsa V., Vugdelijab S., Trifunovi S., Karad I., Jurani N., Macurad S., Milosavljevi S. / Further degradation product of hyperforin from *Hypericum perforatum* (St. John's Wort) // *Fitoterapia*. - 2003. - Vol. 74, Iss. 5.
16. Brautigam, M., Franz G. / Structural Features of *Plantago lanceolata* mucilage // *Planta Med*. - 1985; 51; 293-297.
17. Ronsted N., Franzky H., Molgaard P., Jaroszewski J. W., Jensen S.R. // Chemotaxonomy and evolution of *Plantago* L. // *Plant Systematics and Evolution*. - 2003. - Vol. 242. - № 1-4.
18. Fons F., Gargadennec A., Rapior S. Culture of *Plantago* species as bioactive component resources: a 20-year review and recent applications. *Acta Bot. Gallica*, 2008. 155 (2), 277-300.
19. Ozaslan M, Didem Karagoz I, Kalender ME, Kilic IH, Sari I, Karagoz A. In vivo antitumoral effect of *Plantago major* L. extract on Balb/C mouse with Ehrlich ascites tumor. *Am J Chin Med*. 2007; 35(5):841-51.
20. Michaelsen TE, Gilje A, Samuelsen AB, Høgåsen K, Paulsen BS. Interaction between human complement and a pectin type polysaccharide fraction, PMII, from the leaves of *Plantago major* L. *Scand J Immunol*, 2000. - Nov; 52(5):483-90.
21. Hetland G, Samuelsen AB, Løvik M, Paulsen BS, Aaberge IS, Groeng EC, Michaelsen TE. Protective effect of *Plantago major* L. Pectin polysaccharide against systemic *Streptococcus pneumoniae* infection in mice. *Scand J Immunol*, 2000. - Oct; 52(4):348-55.
22. Dorhoi A, Dobrea V, Zahan M, Virag P. Modulatory effects of several herbal extracts on avian peripheral blood cell immune responses. *Phytother Res*, 2006. - May; 20(5):352-8.
23. Gomez-Flores R, Calderon CL, Scheibel LW, Tamez-Guerra P, Rodriguez-Padilla C, Tamez-Guerra R, Weber RJ. Immunoenhancing properties of *Plantago major* leaf extract. *Phytother Res*, 2000. - Dec; 14(8):617-22.
24. Herbal Drugs and Phytopharmaceuticals. A Handbook for Practice on a Scientific Basis / Edited by Prof. Dr. Max Wichtl // Medpharm, Scientific Publishers Stuttgart, 2004.

25. Butterweck V, Schmidt M. St. John's wort: role of active compounds for its mechanism of action and efficacy. *Wien Med Wochenschr*, 2007;157(13-14):356-61.
26. Vacek J, Klejdus B, Kuban V. Hypericin and hyperforin: bioactive components of St. John's Wort (*Hypericum perforatum*). Their isolation, analysis and study of physiological effect. *Ceska Slov Farm*, 2007. - Apr; 56(2):62-6.
27. Brenner R., Azbel V., Madhusoodanan S., Pawlowska M. Comparison of an extract of hypericum (LI 160) and sertraline in the treatment of depression: a double-blind, randomized pilot study. *Clin Ther*, 2000. - Apr; 22(4):411-9.
28. McCue PP, Phang JM. Identification of human intracellular targets of the medicinal herb St. John's Wort by chemical-genetic profiling in yeast. *J Agric Food Chem*, 2008. - Nov 26; 56(22):11011-7.
29. Wurglics M, Schubert-Zsilavecz M. *Hypericum perforatum*: a 'modern' herbal antidepressant: pharmacokinetics of active ingredients. *Clin Pharmacokinet*, 2006; 45(5):449-68.
30. Lorusso G, Vannini N, Sogno I, Generoso L, Garbisa S, Noonan DM, Albini A. Mechanisms of Hyperforin as an anti-angiogenic angioprevention agent. *Eur J Cancer*, 2009 May;45(8):1474-84. Epub 2009 Feb 14.
31. Kimuraa M., Inoue H., Hirabayashi K., Natsume H., Ogiharua M. Glycyrrhizin and some analogues induce growth of primary cultured adult rat hepatocytes via epidermal growth factor receptors. *Eur. J. of Pharmacol.* - 2001. - Vol. 431. - Iss. 2.
32. Francischetti I.M., Monteiro R.Q., Guimaraes J.A. Identification of glycyrrhizin as a thrombin inhibitor. *Biochem Biophys Res Commun*, 1997. - Jun. 9; 235(1):259-63.
33. Bennett A., Melhuish P. B., Stamford I. F. Carbenoxolone and deglycyrrhized liquorice have little or no effect on prostanoid synthesis by rat gastric mucosa ex vivo. *Br J Pharmacol*, 1985. - November; 86(3): 693-695.
34. Mustakero E., Todorova M., Tsankova E. Sesquiterpene Lactones from *Achillea colina* Becker. *Z. Naturforsch*, 2002.
35. Hofmann L., Fritz D., Nitz S., Kollmannsberger H., Drawert F. Essential oil composition of three polyploids in the *Achillea millefolium* complex. *Phytochemistry*, 1992.
36. Tozjo T, Yoshimura Y, Sakurai K, Uchida N, Takeda Y, Nakai H, Ishii H. Novel antitumor sesquiterpenoids in *Achillea millefolium*. *Chem Pharm Bull*. - Tokyo, 1994. - May; 42(5):1096-1100.
37. Drag M, Surowiak P, Drag-Zalesinska M, Dietel M, Lage H, Oleksyszyn J. Comparison of the cytotoxic effects of birch bark extract, betulin and betulinic acid towards human gastric carcinoma and pancreatic carcinoma drug-sensitive and drug-resistant cell lines. *Molecules*, 2009. - Apr 24; 14(4):1639-51.
38. Liu WK, Ho JC, Cheung FW, Liu BP, Ye WC, Che CT. Apoptotic activity of betulinic acid derivatives on murine melanoma B16 cell line, 2004. - Sep. 13; 498(1-3):71-8.
39. Fulda S. Betulinic acid: a natural product with anticancer activity. *Mol Nutr Food Res*, 2009. - Jan; 53(1):140-6.
40. McLean S, Richards SM, Cover SL, Brandon S, Davies NW, Bryant JP, Clausen TP. Papyrifera Acid, An Antifeedant Triterpene From Birch Trees, Inhibits Succinate Dehydrogenase From Liver Mitochondria. *J Chem Ecol*, 2009. - Oct. 17.
41. Ryzhikov MA, Ryzhikova VO. Application of chemiluminescent methods for analysis of the antioxidant activity of herbal extracts. *Vopr Pitan*, 2006; 75(2):22-6.
42. Mironova GD, Shigaeva MI, Belosludtseva NV, Gritsenko EN, Belosludtsev KN, Germanova EL, Lukyanova LD. Effect of several flavonoid-containing plant preparations on activity of mitochondrial ATP-dependent potassium channel. *Bull Exp Biol Med*, 2008. - Aug; 146(2):229-33.
43. Kokoska L, Polesny Z, Rada V, Nepovim A, Vanek T. Screening of some Siberian medicinal plants for antimicrobial activity. *J Ethnopharmacol*, 2002. - Sep; 82(1):51-3.
44. Churin AA, Masnaia NV, Sherstoboev EY, Suslov NI. Effect of *Bergenia crassifolia* extract on specific immune response parameters under extremal conditions. *Eksp Klin Farmakol*, 2005. - Sep-Oct; 68(5):51-4.
45. Popov SV, Popova GY, Nikolaeva SY, Golovchenko VV, Ovodova RG. Immunostimulating activity of pectic polysaccharide from *Bergenia crassifolia* (L.) Fritsch. *Phytother Res*, 2005. - Dec; 19(12):1052-6.

Статья поступила в редакцию 20.07.11

УДК 616-01/09

Openko T.G., Bogatyrev S.N., Verevkin E.G., Nasonova N.V., Scherbakova L.V. CARDIOMETABOLIC RISK FACTORS AND MALIGNANT TUMORS: POPULATION STUDY IN NOVOSIBIRSK. The relation between cardiometabolic risk factors and cancer in the population-based case-control study is found. Authors shown that the risk of developing cancer increases with higher levels of α -cholesterol and total cholesterol and decreases with hypertriglyceridemia and hypercholesterolemia of cholesterol low density. The association between levels of blood pressure and body weight is found. Obtained in the study results can be used to predict individual risk of developing cancer.

Key words: cardiometabolic risk factors, cancer, population-based study.

Т.Г. Опенко, С.Н. Богатырев, Е.Г. Веревкин, Н.В. Насонова, Л.В. Щербаклова, НИИ терапии СО РАМН, Новосибирск, Россия, E-mail: nsk217@rambler.ru

ФАКТОРЫ КАРДИОМЕТАБОЛИЧЕСКОГО РИСКА И ЗЛОКАЧЕСТВЕННЫЕ НОВООБРАЗОВАНИЯ: ПОПУЛЯЦИОННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ В НОВОСИБИРСКЕ

Найдена связь между факторами кардиометаболического риска и злокачественными новообразованиями в популяционном исследовании типа «случай-контроль». Показано, что риск развития опухоли увеличивается при высоких уровнях α -холестерина и общего холестерина и уменьшается при гипертриглицеридемии и гиперхолестеринемии холестерина низкой плотности. Найдены связи между уровнем артериального давления и индексом массы тела. Полученные в исследовании результаты можно использовать для прогнозирования индивидуального риска развития рака.

Ключевые слова: факторы кардиометаболического риска, злокачественные новообразования, популяционное исследование.

Введение. Факторы кардиометаболического риска - абдоминальное ожирение, дислипидемия, артериальная гипертензия, нарушение толерантности к углеводам - широко распространены в современных популяциях, в том числе, в Западной Сибири [1]. Исследования показывают, что абдоминальное ожирение как результат избыточного потребления высококалорийной пищи и низкой физической активности патогенетически связано с нарушениями в системе гомеостаза, снижением иммунитета и развитием метаболической иммунодепрессии. Метаболическая иммунодепрессия повышает

риск развития рака [2]. Дополнительные факты дают эпидемиологические исследования в этой области.

Цель исследования: Изучить связь между факторами кардиометаболического риска и заболеваемостью злокачественными новообразованиями на примере популяции г. Новосибирска.

Материалы и методы: использованы данные двух крупных исследований, проведенных в двух районах г. Новосибирска. Это «MONICA» - изучение трендов сердечно-сосудистой заболеваемости и смертности и факторов риска

(руководитель проекта академик Ю.П.Никитин). В нем обследована репрезентативная выборка лиц обоего пола в возрасте 25-64 лет ($n=11283$, 1985-1995 гг.) в двух типичных районах г. Новосибирска (Октябрьском и Кировском) с общей численностью 345 000 человек. Обследование включает: социально-демографические данные; опрос о курении, опрос об употреблении алкоголя; измерение артериального давления (АД); антропометрию; биохимические исследования (липидный профиль, тест толерантности к глюкозе) по стандартизированным методикам. Второе исследование - популяционный регистр рака, включающий записи обо всех впервые выявленных на этой же территории случаях ЗНО ($n=23\,365$, 1988-2009 гг.) согласно данным, полученным из первичных медицинских документов (извещение о выявленном случае рака, форма №281; карта диспансерного наблюдения, форма №030-6/у). Путем сопоставления баз данных, из числа лиц, обследованных в проекте «MONICA», сформирована группа «случай ЗНО» ($n=618$, из них 402 мужчины и 216 женщин). Случаи ЗНО, выявленные через 1 год или раньше после обследования в скрининге, исключены ($n=22$). Средний промежуток времени между обследованием в скрининге и выявлением ЗНО составил 14 лет (оба пола). Из обследованных в скринингах лиц, у которых до 31 декабря 2009 г., по данным регистра рака, не было выявлено ЗНО, сформирована контрольная группа в соотношении 1: 2. Применен метод случайных чисел, с заданными группой «случай ЗНО» параметрами (пол, возраст, район и номер скрининга), по общепринятым методикам [3]. В группу «контроль» вошло 1232 случая, 795 мужчин и 437 женщин. Сформированы дополнительные группы ЗНО и соответствующие группы контроля:

- «случай ЗНО желудочно-кишечного тракта (ЖКТ)», код по МКБ-10 C00-C26, $n=192$, из них 142 мужчины и 50 женщин, контроль $n=401$ (298 мужчин и 103 женщины);
- «случай ЗНО органов дыхания (ОД)», код по МКБ C32-C34, $n=124$, из них 113 мужчин и 11 женщин, контроль $n=264$ (242 мужчины и 22 женщины);
- «случай рака простаты (случай РП)», код по МКБ-10 C61, $n=26$, и «случай рака молочной железы (случай РМЖ)», C50, $n=50$, и контроль $n=52$ (мужчины) и $n=100$ (женщины).

Из известных факторов кардиометаболического риска в исследование включены холестерин липопротеидов высокой плотности (ХС ЛПВП), триглицериды (ТГ), холестерин липопротеидов низкой плотности (ХС ЛПНП), общий холестерин (ОХС), артериальное давление (АД), постпрандиальная глюкоза крови и индекс массы тела (ИМТ). За отрезные точки оптимальных уровней показателей приняты критерии Комитета экспертов ВНОК: систолическое АД (САД) ≥ 140 мм рт.ст., диастолическое АД (ДАД) ≥ 90 мм рт.ст.; ТГ в плазме крови $>1,7$ ммоль/л; ХС ЛПВП у мужчин $<1,0$ ммоль/л и у женщин $<1,2$ ммоль/л; ХС ЛПНП $>3,0$ ммоль/л; глюкоза через 2 часа после углеводной нагрузки от 7,8 до 11,1 ммоль/л, ОХС оптимальный $<5,0$ ммоль/л, [4]; и критерии ВОЗ: избыточная масса тела - ИМТ ≥ 25 кг/м², ожирение - ИМТ ≥ 30 кг/м².

В группах «случай» и «контроль» изучены частоты факторов кардиометаболического риска и их средние значения. Рассчитано отношение шансов (ОШ) ЗНО в крайних квартилях переменных ОХС, ХС ЛПВП, ХС ЛПНП, ТГ, САД, ДАД, постпрандиальной глюкозы и ИМТ.

Результаты и обсуждение. Обследованная в скринингах популяция (средний возраст 45 лет) характеризуется высокими уровнями факторов кардиометаболического риска: средний уровень ОХС у мужчин составляет 5,5 ммоль/л, у женщин - 5,6 ммоль/л, что выше оптимальных уровней для здоровых лиц [4]. ИМТ находится в диапазоне избыточной массы тела: мужчины - 25,8 кг/м², женщины - 28,6 кг/м². Сочетание ожирения с двумя другими факторами риска в возрастной группе 55-64 лет достигает 15,8% у мужчин и 41,7% у женщин. Аналогичные данные получены для городских жителей Европы и Северной Америки [5].

Нами найдено, что у тех лиц, у которых при дальнейшем наблюдении был выявлен рак, во время скрининга реже отмечалась дислипидемия, гипертензия и ожирение, чем в контрольной группе. В группе «случай ЗНО» частота гипохолестеринемии ЛПВП, гипертриглицеридемии, гиперхолестеринемии ЛПНП, высокого ДАД, ожирения и сочетания ожирения с двумя другими факторами кардиометаболического риска оказалась ниже (рис.1). Анализ показателей у мужчин и женщин раздельно показал те же закономерности.

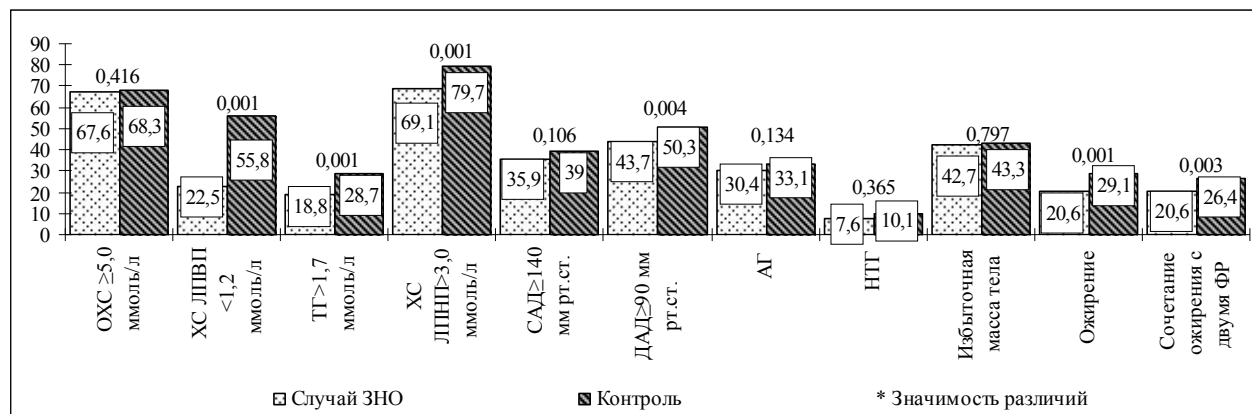

Рис. 1. Частота высоких (низких для ХС ЛПВП) уровней переменных в группах «случай ЗНО» и «контроль», в %, оба пола

Анализ по группам локализаций ЗНО показал, что в группе «случай ЗНО ЖКТ» частота гипертриглицеридемии не выше, чем в контроле (24,8%, $p>0,05$), а частота гиперхолестеринемии ОХС значимо выше (81,3%, $p<0,05$) у лиц обоего пола. В группе «случай ЗНО ОД» у мужчин значимо ниже частота гипертриглицеридемии (11,7%, $p<0,05$), гипохолестеринемии ЛПВП (16,5%) и выше частота гипертензии (41,6%, $p<0,05$), чем в контроле; у женщин значимых различий нет. В группе «случай РП» у мужчин найдена более низкая частота гипохолестеринемии ЛПВП (26%), гипертриглицеридемии (18,2%), гиперхолестеринемии ЛПНП (61%), ожирения (4%) и сочетания абдоминального ожирения с двумя факторами кардиометаболического риска (4%), $p<0,05$. У женщин в группе

«случай РМЖ» найдена более низкая частота гипохолестеринемии ЛПВП (28,3%), гипертриглицеридемии (15,2%), гиперхолестеринемии ЛПНП (65,2%), артериальной гипертензии (18%) и сочетания переменных (28%), а также более высокая частота избыточной массы тела (48%), во всех случаях $p<0,05$.

В группе «случай ЗНО» нами отмечен более высокий средний уровень ХС ЛПВП и более низкие уровни ТГ, ХС ЛПНП, ДАД, глюкозы и ИМТ, чем в группе «контроль» (табл. 1, 2). Показатели САД и ОХС не имели значимых различий. Анализ у мужчин и женщин раздельно показал те же закономерности. Анализ по группам локализаций показал, что в группе «случай ЗНО ЖКТ» средний уровень ХС ЛПВП выше (1,38 ммоль/л), а ХС ЛПНП (3,63 ммоль/л), САД (134,7 мм

рт.ст.), ДАД (88,5 мм рт.ст.) и ИМТ (27,3 кг/м²) ниже, чем в контроле, $p < 0,05$. Значимых различий ТГ и постпрандиальной глюкозы не найдено. После разделения по полу у мужчин найден более высокий уровень ОХС (5,91 ммоль/л, $p < 0,05$), чем в контроле, у женщин не найдено различий в уровнях САД и ДАД. В группе «случай ЗНО ОД» средние уровни переменных не имеют различий с контролем, за исключением ИМТ у мужчин, который в группе «случай ЗНО ОД» ниже

(24,9 кг/м², $p = 0,05$). Найдены различия между группами «случай РП» и «контроль»: средние уровни ХС ЛПВП (1,29 ммоль/л), ОХС (5,97 ммоль/л) выше, а САД (130,4 мм рт.ст.), ДАД (86,5 мм рт.ст.) и ИМТ (26,1 кг/м²) ниже в группе «случай РП», $p < 0,05$. У женщин в группе «случай РМЖ» средний уровень ХС ЛПВП (1,43 ммоль/л) выше, а ТГ (1,19 ммоль/л), ХС ЛПНП (3,3 ммоль/л), САД (131,8 мм рт.ст.), ДАД (85,8 мм рт.ст.) и ИМТ (28,8 кг/м²) – ниже, чем в контроле.

Таблица 1

Средние уровни переменных в группах «случай ЗНО» и «контроль, оба пола

Группы	N		Среднее		Std. Deviation		Std. Error of Mean		p
	Случай ЗНО	Контроль	Случай ЗНО	Контроль	Случай ЗНО	Контроль	Случай ЗНО	Контроль	
ОХС, ммоль/л	558	1232	5,73	5,67	1,22	1,23	0,05	0,03	0,345
ХС ЛПВП, ммоль/л	538	1232	1,39	1,11	0,43	0,34	0,02	0,01	0,000
ТГ, ммоль/л	544	1232	1,26	1,43	0,64	0,67	0,03	0,02	0,000
ХС ЛПНП, ммоль/л	505	1232	3,54	3,91	1,43	1,14	0,06	0,03	0,000
САД, мм рт.ст.	618	1230	134,9	136,5	21,36	21,26	0,85	0,60	0,137
ДАД, мм рт.ст.	618	1230	87,9	90,0	12,47	12,41	0,50	0,35	0,001
Глюкоза*, ммоль/л	237	465	5,42	5,76	1,90	2,07	0,12	0,09	0,035
ИМТ, кг/м ²	611	1232	27,0	28,0	4,77	4,78	0,19	0,13	0,000

* - Глюкоза крови после углеводной нагрузки

Таблица 2

Отрезные точки 1-го и 4-го квартилей переменных

Переменные	Мужчины		Женщины	
	1 квартиль	4 квартиль	1 квартиль	4 квартиль
ОХС, ммоль/л	4,83	6,31	4,91	6,47
ХС ЛПВП, ммоль/л	0,88	1,27	1,03	1,58
ТГ, ммоль/л	0,90	1,77	0,82	1,58
ХС ЛПНП, ммоль/л	3,11	4,50	2,89	4,55
САД, мм рт.ст.	120,0	146,0	120,0	150,0
ДАД, мм рт.ст.	80,0	98,0	79,0	97,0
Постпрандиальная глюкоза, ммоль/л	3,83	6,05	4,77	7,33
ИМТ, кг/м ²	23,734	28,842	26,045	33,121

Рассчитано отношение шансов ЗНО (ОШ) у лиц в 4-м квартиле переменных-факторов кардиометаболического риска (ОХС, ХС ЛПНП, ТГ, ХС ЛПВП, АД, глюкозы после углеводной нагрузки и ИМТ), рассчитаны доверительные интервалы (ДИ), критерий χ^2 и статистическая значимость различий p раздельно по полу (табл.3). ОШ ЗНО значимо больше 1 у лиц обоего пола в 4-м квартиле ХС ЛПВП и только у мужчин - в 4-м квартиле ОХС. Для переменных ТГ, ДАД и ИМТ (мужчины) и ХС ЛПНП и САД (женщины) ОШ ЗНО в 4-х квартилях переменных меньше 1. Значимого риска ЗНО в 4-х квартилях постпрандиальной глюкозы (оба пола), САД (мужчины), ТГ, ДАД и ИМТ (женщины) не найдено. Из научных

публикаций известно, что высокие уровни ХС ЛПВП наблюдаются у лиц, злоупотребляющих алкоголем. Анализ показал, что среднее потребление алкоголя в пересчете на чистый спирт у мужчин в 1-м квартиле ХС ЛПВП составило 42,1 мл, в 4-м – 80,7 мл, у женщин – 3,4 мл и 15,5 мл соответственно ($p < 0,05$). Однако проведенные дополнительно расчеты методом мультиномиальной логистической регрессии не показали значимого вклада употребления алкоголя в риск развития ЗНО при квартильном разделении по уровню переменной ХС ЛПВП: вклад величины дозы алкоголя в ОШ составил 1,001, $p = 0,127$, курения – 0,938, $p = 0,812$.

Таблица 3

Отношение шансов ЗНО в 4-м квартиле переменных

Пол	Переменная	ОШ	ДИ	χ^2	p
Мужчины	ОХС	1,64	1,12-2,39	7,23	0,007
	ХС ЛПВП	11,9	7,71-18,44	162,77	0,000
	ТГ	0,37	0,25-0,55	28,31	0,000
	ХС ЛПНП	0,71	0,49-1,04	3,45	0,063
	САД	1,0	0,69-1,43	0,0	0,977
	ДАД	0,58	0,41-0,83	9,8	0,002
	Глюкоза	0,81	0,44-1,48	0,53	0,466
Женщины	ИМТ	0,46	0,32-0,66	19,29	0,000
	ОХС	0,69	0,41-1,16	2,19	0,139
	ХС ЛПВП	2,93	1,69-5,08	17,27	0,000
	ТГ	0,72	0,43-1,20	1,76	0,184

	ХС ЛПНП	0,30	0,18-0,52	21,94	0,000
	САД	0,66	0,41-1,06	3,3	0,069
	ДАД	0,71	0,42-1,19	1,91	0,166
	Глюкоза	0,62	0,29-1,29	1,92	0,165
	ИМТ	0,77	0,47-1,25	1,29	0,256

Референсная группа – 1-й квартиль каждой переменной

Итак, изучение факторов кардиометаболического риска в популяции выявило различия в распределении по частоте и средним уровням между группами «случай» и «контроль». Нами найдено, что средние уровни ХС ЛПВП у лиц обоего пола выше в группе «случай ЗНО», а также и в группах отдельных локализаций – ЗНО ЖКТ, РП и РМЖ, но не выше в группе «случай ЗНО ОД». Найдена более низкая частота гипохолестеринемии ЛПВП в группе «случай ЗНО» (оба пола), и «случай РП», «случай ЗНО ОД» (мужчины) и «случай РМЖ». Показатель ОШ развития ЗНО в течение 1988-2009 гг. у мужчин в 4-м квартиле ХС ЛПВП ($>1,27$ ммоль/л) составил 11,9, у женщин ($>1,58$ ммоль/л) – 2,93, в обоих случаях $p=0,000$. По данным литературы, имеется прямая корреляция между низким уровнем ХС ЛПВП и развитием РМЖ, что обуславливается неблагоприятным гормональным профилем [6]. Другие авторы считают, что при высоких уровнях ХС ЛПВП ниже риск рака молочной железы, легкого и лимфом [7] и рака толстой кишки [8]. В нашем исследовании найдена подтверждение первая точка зрения.

Мы нашли более низкую частоту гипертриглицеридемии в группе «случай ЗНО» у лиц обоего пола и в группах «случай РП», «случай ЗНО ОД» у мужчин и «случай РМЖ». Средний уровень ТГ был ниже в группе «случай ЗНО» и в группе «случай РМЖ». ОШ ЗНО в 4-м квартиле ТГ у мужчин ($>1,77$ ммоль/л) составил 0,90, у женщин не был значимым. По данным литературы, риски злокачественных опухолей могут быть выше при высоком уровне ТГ, однако, для некоторых раков (толстой кишки, дыхательных путей, почек, щитовидной железы и меланомы у мужчин и рака дыхательной системы, шейки матки и немеланомного рака кожи у женщин) зависимость обратная [9]. В нашем исследовании тоже найдена отрицательная корреляция.

Нами найдена более низкая частота гиперхолестеринемии ХС ЛПНП в группах «случай ЗНО» (оба пола), «случай РП» и «случай РМЖ» и более низкие средние уровни этой переменной в группах «случай ЗНО» (оба пола), «случай ЗНО ЖКТ» (оба пола) и «случай РМЖ». ОШ развития ЗНО в 4-м квартиле было меньше 1 (тенденция у мужчин, значимо у женщин), что свидетельствует о более высоком риске ЗНО при низком ХС ЛПНП. Есть исследования, показавшие аналогичные результаты [10].

Определены более высокие средние уровни ОХС в группах «случай ЗНО», «случай ЗНО ЖКТ», «случай РП» и «случай РМЖ», но не в группе «случай ЗНО ОД». Частота гиперхолестеринемии ОХС в группе «случай ЗНО ЖКТ» была выше, чем в контрольной. ОШ развития ЗНО при ОХС $>6,31$ ммоль/л у мужчин составило 1,64, $p=0,007$, у женщин было незначимо. Это не противоречит литературным данным: риск ЗНО некоторых локализаций у лиц с гиперхолестеринемией ОХС повышен (рак толстой кишки, молочной железы, простаты), однако для других локализаций (рак печени, рак желудка, рак легких) имеется обратная зависимость [11].

Найдена связь между низкими уровнями АД и ЗНО: в группах «случай ЗНО ЖКТ», «случай РП», «случай РМЖ» средние уровни САД и ДАД были ниже, чем в контрольной группе, а в группе «случай ЗНО» – только ДАД. Наблюдалась более высокая частота АГ у мужчин в группе «случай ОД», чем в группе контроле. ОШ ЗНО у мужчин в 4-м квартиле ДАД, а у женщин – САД оказалось меньше 1, что свидетельствует о более высоком риске ЗНО у лиц с низкими уровнями АД. Исследований, в которых доказана корреляция между уровнем АД и развитием ЗНО, немного, и их результаты противоречивы. Найдена прямая связь между раком почки [12], раком простаты [13] и АД. Наше исследование показало обратную корреляцию между САД, ДАД и ЗНО всех локализаций,

а также АД и злокачественными опухолями органов дыхания.

Более низкие уровни постпрандиальной глюкозы найдены в группе «случай ЗНО». По литературным данным, есть обратная связь между уровнем глюкозы и риском развития некоторых видов рака, в частности, щитовидной железы [14]. Высокий уровень глюкозы в крови ассоциирован с раком печени, поджелудочной железы, яичников, толстой кишки, легких, мочевого пузыря и молочной железы [15]. В нашем исследовании найдена обратная ассоциация уровня постпрандиальной глюкозы и развитием всех ЗНО, но не ЗНО отдельных локализаций.

Более низкий средний ИМТ найден во всех сформированных группах ЗНО у лиц обоего пола. Частота избыточной массы тела была выше только в группе «случай РМЖ», а частота ожирения была ниже в группах «случай ЗНО», «случай РП» и «случай РМЖ». ОШ ЗНО у мужчин в 4-м квартиле ИМТ было меньше 1, у женщин значимых различий не найдено. В других исследованиях прямая связь с ИМТ доказана для рака щитовидной железы [14], для рака эндометрия 1 типа [16], рака толстой кишки, молочной железы, простаты [17]. Другими авторами получены обратные зависимости [18]. Мы разделяем точку зрения тех авторов, которые считают, что строгая связь между массой тела и раком не установлена. Поскольку ожирение и рак связаны не непосредственно, а через каскад сложных метаболических нарушений, получение разнонаправленных тенденций при разных локализациях рака закономерно.

Частота сочетания ожирения с двумя другими ФР была ниже в группах «случай ЗНО», «случай РП» и «случай РМЖ». В некоторых публикациях показана прямая связь между распространенностью метаболических нарушений и заболеваемостью раком молочной железы [19], заболеваемостью колоректальным раком [17], раком мочевого пузыря [20] и, возможно, раком поджелудочной железы, однако наши результаты не согласуются с этим. Возможно, это связано с различиями популяций, в которых проводились исследования.

Таким образом, найдена связь ЗНО с дислипидемиями: риск развития ЗНО в целом, а также ЗНО ЖКТ, РП и РМЖ увеличивается при высоких уровнях ХС ЛПНП и ОХС и уменьшается при высоких уровнях ТГ и ХС ЛПНП. Найдена связь с другими переменными: обратная – с уровнем АД и ИМТ (мужчины). В группе «случай ЗНО» найдены более низкие уровни постпрандиальной глюкозы. В целом, анализ нескольких важных факторов кардиометаболического риска в популяционном исследовании «случай-контроль» показал наличие прямых и обратных зависимостей между факторами риска и развитием ЗНО при дальнейшем продолжительном наблюдении. Тема исследования требует дальнейшего глубокого изучения, однако на этом этапе можно использовать полученные результаты для прогнозирования индивидуального риска развития ЗНО.

Выводы

1. Средние уровни ХС ЛПВП и ОХС в группах ЗНО, а также в группах отдельных локализаций ЗНО – ЖКТ, РП и РМЖ выше, а средние уровни ТГ, ХС ЛПНП – ниже, чем в контрольных группах.

2. Частота гипохолестеринемии ХС ЛПВП, гиперхолестеринемии ХС ЛПНП и гипертриглицеридемии ниже в группе «случай ЗНО», «случай РП» и «случай РМЖ».

3. Найдена обратная связь между уровнем ИМТ у мужчин и прямая – у женщин в группе «случай РМЖ».

4. Полученные результаты можно использовать для прогнозирования индивидуального риска развития ЗНО.

Библиографический список

1. Никитин, Ю.П. Распространенность компонентов метаболического синдрома X в неорганизованной городской популяции (эпидемиологическое исследование) / Ю.П. Никитин, Г.Р. Казека, Г.И. Симонова // Кардиология. – 2001. – № 9.
2. Дильман, В.М. Эндокринологическая онкология (Руководство для врачей). – Л.: Медицина, 1983.
3. James, J. Case-control studies. Design, conduct, analysis // Oxford University press. – New York, 1982.
4. Диагностика и лечение метаболического синдрома. Российские рекомендации. – М., 2008.
5. Ford, E.S. Increasing prevalence of the metabolic syndrome among U.S. adults. – Diabetes Care 27:2444–2449, 2004.
6. Furberg, A.S. Metabolic and hormonal profiles: HDL cholesterol as a plausible biomarker of breast cancer risk. The Norwegian EBBA Study // Cancer Epidemiol Biomarkers Prev. – 2005. – Jan. 14(1):33–40.
7. Mc Growder, D. The role of high-density lipoproteins in reducing the risk of vascular diseases, neurogenerative disorders, and cancer. – Cholesterol, 2011.
8. Van Duijnhoven, F.J. Blood lipid and lipoprotein concentrations and colorectal cancer risk in the European Prospective Investigation into Cancer and Nutrition. – Gut: (2011-03-07).
9. Borena, W. Serum triglycerides and cancer risk in the metabolic syndrome and cancer (Me-Can) collaborative study // Cancer Causes Control. – 2010. – Dec. 8.
10. Benn, M. Low-density lipoprotein cholesterol and the risk of cancer: a mendelian randomization study // J Natl Cancer Inst. – 2011. – Mar 16;103(6):508–19.
11. Kitahara, C.M. Total cholesterol and cancer risk in a large prospective study in Korea // J Clin Oncol. – 2011. – Apr. 20; 29(12):1592–8.
12. Chow, Wong-Ho. Hypertension, and the Risk of Kidney Cancer in Men // The New England Journal of Medicine. – 2000. – № 18. – Nov. 2. – Vol. 343:1305–1311
13. Takeshita, K. Hypertension is positively associated with prostate cancer development in the TRAP transgenic rat model. Pathol Int. – 2011. – Apr 61(4).
14. Almquist, M. Metabolic factors and risk of thyroid cancer in the Metabolic syndrome and Cancer project (Me-Can). Cancer Causes and Control. – Volume 22. – May 2011.
15. Seshasai, S.R. Diabetes mellitus, fasting glucose, and risk of cause-specific death. N Engl J Med. – 2011. – Mar 3.
16. Nakamura, K. Fat accumulation in adipose tissues as a risk factor for the development of endometrial cancer. Oncol Rep. – 2011. – Jul. 26 (1).
17. Giovannucci, E. The role of obesity and related metabolic disturbances in cancers of colon, prostate and pancreas // Gastroenterology, 2007.
18. Rodriguez, C. Body mass index, weight change, and risk of prostate cancer in the Cancer Prevention Study II Nutrition Cohort. // Cancer Epidemiol Biomarkers Prev. – 2007. – Jan. 16(1).
19. Bjørge, T. Metabolic syndrome and breast cancer in the Me-Can (metabolic syndrome and cancer) project // Cancer Epidemiol Biomarkers Prev. – 2010. – Jul. 19(7).
20. Häggström, C. Metabolic syndrome and risk of bladder cancer: prospective cohort study in the metabolic syndrome and cancer project (Me-Can) // Int J Cancer. – 2010. – Jun. 21.

Bibliography

1. Nikitin, Yu.P. Rasprostranennost' komponentov metabolicheskogo sindroma Kh v neorganizovannoy gorodskoy populyacii (ehpidemiologicheskoe issledovanie) / Yu.P. Nikitin, G.R. Kazeka, G.I. Simonova // Kardiologiya. – 2001. – № 9.
2. Dilman, V.M. Ehndokrinologicheskaya onkologiya (Rukovodstvo dlya vrachej). – L.: Medicina, 1983.
3. James, J. Case-control studies. Design, conduct, analysis // Oxford University press. – New York, 1982.
4. Diagnostika i lechenie metabolicheskogo sindroma. Rossijskie rekomendacii. – M., 2008.
5. Ford, E.S. Increasing prevalence of the metabolic syndrome among U.S. adults. – Diabetes Care 27:2444–2449, 2004.
6. Furberg, A.S. Metabolic and hormonal profiles: HDL cholesterol as a plausible biomarker of breast cancer risk. The Norwegian EBBA Study // Cancer Epidemiol Biomarkers Prev. – 2005. – Jan. 14(1):33–40.
7. Mc Growder, D. The role of high-density lipoproteins in reducing the risk of vascular diseases, neurogenerative disorders, and cancer. – Cholesterol, 2011.
8. Van Duijnhoven, F.J. Blood lipid and lipoprotein concentrations and colorectal cancer risk in the European Prospective Investigation into Cancer and Nutrition. – Gut: (2011-03-07).
9. Borena, W. Serum triglycerides and cancer risk in the metabolic syndrome and cancer (Me-Can) collaborative study // Cancer Causes Control. – 2010. – Dec. 8.
10. Benn, M. Low-density lipoprotein cholesterol and the risk of cancer: a mendelian randomization study // J Natl Cancer Inst. – 2011. – Mar. 16;103(6):508–19.
11. Kitahara, C.M. Total cholesterol and cancer risk in a large prospective study in Korea // J Clin Oncol. – 2011. – Apr.. 20; 29(12):1592–8.
12. Chow, Wong-Ho. Hypertension, and the Risk of Kidney Cancer in Men // The New England Journal of Medicine. – 2000. – № 18. – Nov. 2. – Vol. 343:1305–1311
13. Takeshita, K. Hypertension is positively associated with prostate cancer development in the TRAP transgenic rat model. Pathol Int. – 2011. – Apr 61(4).
14. Almquist, M. Metabolic factors and risk of thyroid cancer in the Metabolic syndrome and Cancer project (Me-Can). Cancer Causes and Control. – Volume 22. – May 2011.
15. Seshasai, S.R. Diabetes mellitus, fasting glucose, and risk of cause-specific death. N Engl J Med. – 2011. – Mar 3.
16. Nakamura, K. Fat accumulation in adipose tissues as a risk factor for the development of endometrial cancer. Oncol Rep. – 2011. – Jul. 26 (1).
17. Giovannucci, E. The role of obesity and related metabolic disturbances in cancers of colon, prostate and pancreas // Gastroenterology, 2007.
18. Rodriguez, C. Body mass index, weight change, and risk of prostate cancer in the Cancer Prevention Study II Nutrition Cohort. // Cancer Epidemiol Biomarkers Prev. – 2007. – Jan. 16(1).
19. Bjørge, T. Metabolic syndrome and breast cancer in the Me-Can (metabolic syndrome and cancer) project // Cancer Epidemiol Biomarkers Prev. – 2010. – Jul. 19(7).
20. Häggström, C. Metabolic syndrome and risk of bladder cancer: prospective cohort study in the metabolic syndrome and cancer project (Me-Can) // Int J Cancer. – 2010. – Jun. 21.

Статья поступила в редакцию 20.07.11

УДК 616

Openko T.G., Nikitin Y.P. TRENDS IN MORTALITY FROM TUMORS IN THE NORTHERN TERRITORY THE FAR EASTERN FEDERAL COUNTY IN 1997-2007. It is shown that despite the unfavorable population of the North of demographic trends, low life expectancy and higher mortality from all causes, there is a high mortality rate from neoplasms, particularly in the Chukotka and Magadan region. The contribution of mortality from neoplasms in the structure of all-cause mortality in the northern regions are generally higher than in Russia.

Key words: morbidity and mortality from neoplasms, epidemiology of cancer, the indigenous people of the North.

Т.Г. Опенко, научный сотрудник НИИ терапии СО РАМН; Ю.П. Никитин, академик РАМН, проф. НИИ терапии СО РАМН, г. Новосибирск, E-mail: nsk217@rambler.ru

ДИНАМИКА СМЕРТНОСТИ ОТ НОВООБРАЗОВАНИЙ НА СЕВЕРНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА В 1997-2007 ГГ.

Показано, что на фоне неблагоприятных для популяций народов Севера демографических тенденций, низкой продолжительности жизни и высокой смертности от всех причин, наблюдается высокая смертность от новообразований, особенно в Чукотском АО и Магаданской области. Вклад смертности от новообразований в структуру общей смертности на северных территориях в целом выше, чем в РФ.

Ключевые слова: заболеваемость и смертность от новообразований, эпидемиология рака, коренное население Севера.

Введение. В настоящее время на территориях Российской Севера сложилась неблагоприятная экологическая ситуация. Так, на Чукотке наблюдается загрязнение бытовыми отходами всех прибрежных сухопутных экосистем, загрязнение побережья нефтепродуктами, отходами леса, морского промысла и другими выбросами. Крупные реки Чукотки постоянно загрязняются выбросами горнодобывающей промышленности. Это приводит к быстрому сокращению среды обитания местного населения, разрушению системы его традиционного жизнеобеспечения: оленеводства, охотничьего и зверобойного промысла и к угрозе вымирания коренных народов в ближайшем будущем. Исследователи северных народов обращают внимание на высокий уровень заболеваемости раком, связанный с особенностями образа жизни и питания [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 12]. Исследования, проведенные на Аляске, показали, что среди северных народов наблюдается высокий уровень заболеваемости раком легкого, как у мужчин, так и у женщин, а также распространенные в странах с умеренным климатом опухоли как рак молочной железы у женщин и рак простаты у мужчин среди северных народов встречаются гораздо реже [8; 11]. Часты опухоли печени, почки [9]. Исследования, проведенные на северных территориях Норвегии, Швеции, Финляндии и на Кольском полуострове (Россия) показали, что сохранение традиционного уклада жизни, занятость промыслами, сопровождающаяся высоким уровнем физической активности, традиционное питание коренных жителей (саамы) оказывает протективное действие – сохранившие традиционный уклад жизни народы редко болеют раком [7]. В то же время, нарушение традиционного уклада жизни, складывавшегося тысячелетиями, приводит к появлению несвойственных данной популяции заболеваний и к их широкому распространению [11; 12].

Эпидемиологические исследования, в частности исследования злокачественных новообразований, позволяют косвенно оценить состояние экологического и социально-гигиенического благополучия региона. Уровень заболеваемости и смертности от рака напрямую зависит от состояния среды обитания населения изучаемых регионов [5]. Обязательная

регистрация всех впервые выявленных случаев рака, проводимая в нашей стране более полувека, позволяет детально проанализировать уровни заболеваемости и смертности от рака в разных регионах. Однако возникают трудности при попытке проанализировать эти показатели у отдельных коренных народов, поскольку графа «национальность» не является обязательной к заполнению. Это с сожалением отмечают исследователи заболеваемости северных народов [12].

По данным ежегодных демографических отчетов, в России у мужчин-жителей города наблюдается стабилизация смертности от новообразований (класс II, C00-D48 по МКБ-

10) - 239‰ (1995 г.) и 237‰ (2007 г.), у мужчин – жителей сельской местности - снижение - 244‰ и 226‰ соответственно, у женщин-горожанок наблюдается увеличение смертности - 174‰ и 184‰ , у сельских женщин –

снижение - 145‰ и 142‰ [1]. Исследование динамики заболеваемости и смертности от новообразований на отдельных территориях с учетом природных условий, экологической обстановки, образа жизни коренных народов позволяет приблизиться к пониманию причин возникновения опухолей и к их профилактике.

Цель исследования: по данным официальных отчетов изучить динамику смертности от ЗНО на северных территориях Дальневосточного федерального округа.

Материалы: данные официальных отчетов по заболеваемости и смертности от злокачественных новообразований, 1997-2007 гг. [1, 2]. Северные территории Дальневосточного ФО - Республика Саха (Якутия), Чукотский АО, Магаданская область. Территории сравнения - Новосибирская область и РФ в целом.

Результаты. На Северных территориях остро стоит проблема депопуляции. Данные за 1997-2007 гг. приведены в табл.1.

Таблица 1

Динамика демографических показателей на северных территориях Дальневосточного ФО, 1997-2007 гг.

Регион	Население	Демографические показатели		Динамика	
		1997 г. ¹	2007 г. ²	Человек	%
Республика Саха	Всего человек	988605	951436	-37169	-3,8
	0-15 лет	27,4	23,3		-4,1
	% Мужчины 16-59 лет, женщины 16-54 лет	62,3	65,2		2,9
	Мужчины ≥ 60, женщины ≥ 55 лет	10,3	11,5		1,2
Чукотский АО	Всего человек	78594	50263	-28331	-36,0
	0-15 лет	22	21,6		-0,4
	% Мужчины 16-59 лет, женщины 16-54 лет	69,4	69,7		0,3
	Мужчины ≥ 60, женщины ≥ 55 лет	8,6	8,7		0,1
Магаданская область	Всего человек	239125	165820	-73305	-30,7
	0-15 лет	19,7	16,8		-2,9
	% Мужчины 16-59 лет, женщины 16-54 лет	69,9	68,7		-1,2
	Мужчины ≥ 60, женщины ≥ 55 лет	10,4	14,5		+4,1
Новосибирская область	Всего человек	2740411	2635642	-104769	-3,8
	0-15 лет	19,2	15,2		-4,0
	Мужчины 16-59 лет, женщины 16-54 лет	60,4	63,7		+3,3

		Мужчины ≥ 60 , женщины ≥ 55 лет	20,4	21,1		+0,7
РФ		Всего человек	145559208	142008838	-3550370	-2,4
	%	0-15 лет	20	15,8		-4,2
		Мужчины 16-59 лет, женщины 16-54 лет	59,3	63,2		+3,9
		Мужчины ≥ 60 , женщины ≥ 55 лет	20,7	21,0		+0,3

1 – данные [1]

2 – данные [2]

Численность населения на Севере за 10 лет значительно уменьшилась. Так, в Магаданской области количество жителей в 2007 г. стало меньше на 30,7% по сравнению с 1997 г., в Чукотском АО – на 36,0%, в Республике Саха – на 3,8%. Это явление отражает процесс ухудшения социальных и экономических условий жизни в этих регионах. Численность населения в Новосибирской области уменьшилась на 3,8%, что так же больше, чем уменьшение населения в РФ в целом (-2,4%). В Северных регионах наблюдается уменьшение доли детей, которая исходно была высокой (Республика Саха, Чукотский АО) или не очень высокой (Магаданская, Новосибирская области) и пропорциональное увеличение доли трудоспособного населения (Республика Саха, Чукотский АО, Новосибирская область) или доли пенсионеров (Магаданская область). Доля

лиц пенсионного возраста в северных регионах была в 1997 г. значительно ниже, чем в РФ или Новосибирской области, и осталась очень низкой, несмотря на незначительный прирост к 2007 г. Опухоли, как правило, развиваются в пожилом возрасте. Так, средний возраст мужчин, умерших от новообразований, составил в РФ 65,2-65,4 года в 2006-2007 гг., у женщин он был 66,7-66,9 лет. В северных регионах средний возраст умерших от новообразований мужчин был от 60,0 до 65,8 лет, женщин – от 64,7 до 69,4 лет в 2006-2007 гг. [1]. При малой доле лиц пожилого и старческого возраста в популяции (в Чукотском АО всего 8,6-8,7% пенсионеров), смертность от новообразований не должна быть высокой. Однако это не так (табл.2). Смертность от новообразований в северных регионах оказалась выше средней по России.

Таблица 2

Смертность от новообразований (класс II, C00-D48 по МКБ-10), в $\frac{\%}{0000}$, мужчины

Регионы	1997 ¹	1998 ¹	1999 ¹	2006 ²	2007 ²	Прирост уровня 1997-1999 гг. к 2006-2007 гг. в %
Республика Саха	279,6	300,6	257,1	278	277,9	-0,4
Чукотский АО	185,5	192,3	219,4	299,7	410,7	+78,4
Магаданская область	335,7	325,0	270,9	447,6	390,2	+34,9
НСО	314,0	315,0	324,3	304,2	285,0	-7,3
РФ	296,2	293,9	293,4	270,5	269,2	-8,4

1 – данные [1]

2 – данные [2]

Данные официальных отчетов [1; 2] показывают, что смертность от новообразований у мужчин в Республике Саха в 2007 г. снизилась, по сравнению с 1997 г. а в Чукотском АО и Магаданской области – увеличилась. Показатели смертности в этих регионах выше, чем по РФ в целом (рис.1).

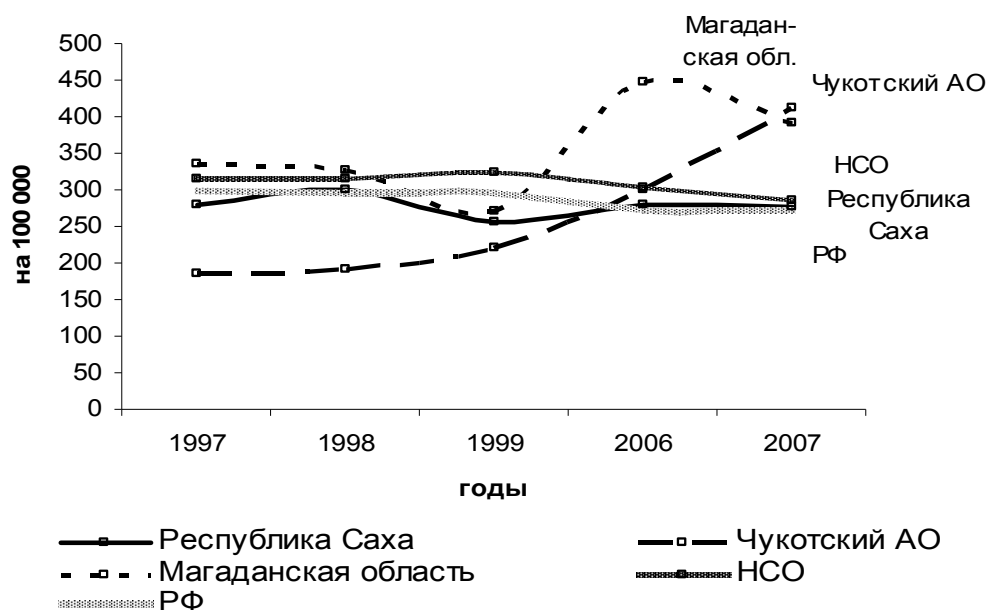

Рис.1. Динамика смертности от новообразований жителей северных регионов (класс II, C00-D48 по МКБ-10) на 100 000 жителей, мужчины

Таблица 3

Смертность от новообразований (класс II, C00-D48 по МКБ-10), в $\frac{\%}{0000}$, женщины

Регионы	1997 ¹	1998 ¹	1999 ¹	2006 ²	2007 ²	Прирост среднего 1997-1999 гг. к 2006-2007 гг. в %
Республика Саха	183,6	169,9	145,7	152,1	150,1	-9,2
Чукотский АО	95,7	198,1	97,3	133,0	181,7	+20,7
Магаданская область	158,1	179,3	188,1	167,6	171,6	-3,2
НСО	150,8	147,1	139,5	137,3	140,9	-4,6
РФ	139,4	139,0	140,0	132,9	132,9	-4,7

1 – данные [1]

2 – данные [2]

Смертность от новообразований среди женщин во всех северных регионах выше, чем в РФ. Значительный рост смертности у женщин за 10 лет наблюдался в Чукотском АО, в остальных регионах было снижение, наиболее выраженное – в Республике Саха (рис.2).

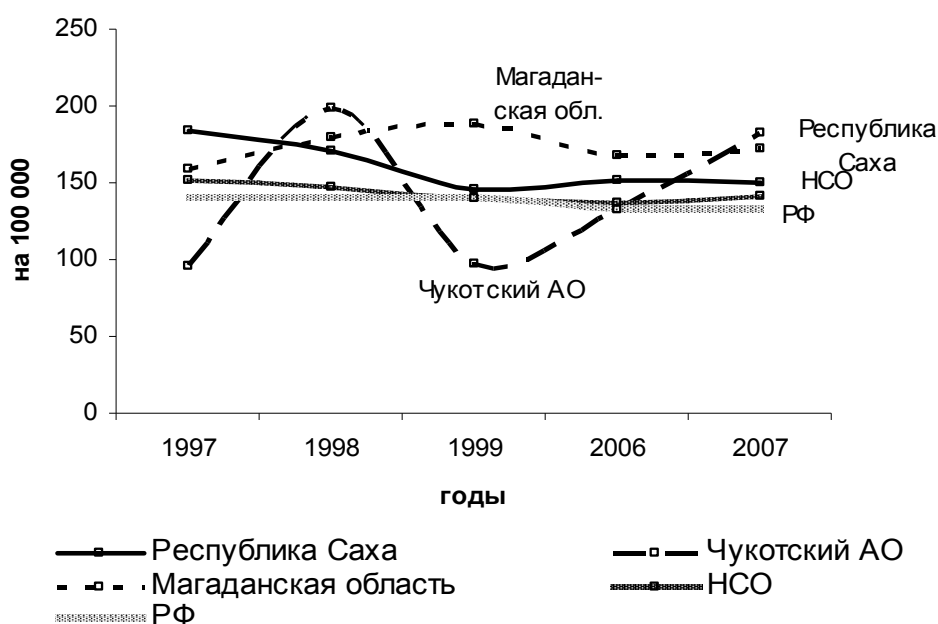

Рис.2. Динамика смертности от новообразований жителей северных регионов (класс II, C00-D48 по МКБ-10) на 100 000 жителей, женщины

По данным [1, 2] рассчитан вклад смертности от новообразований в структуру общей смертности населения северных территорий. В среднем по РФ этот показатель находится в пределах 13,5-15,8% у мужчин (табл.4) и 13,6-14,4% у женщин (табл.5).

Таблица 4

Доля смертности от новообразований (класс II, C00-D48 по МКБ-10) в структуре общей смертности, в %, мужчины

	1997	1998	1999	2006	2007
Республика Саха	14,1	16,0	12,8	13,9	13,9
Чукотский АО	12,0	12,4	15,9	11,5	14,5
Магаданская область	16,7	16,1	13,9	17,3	16,3
НСО	16,7	17,5	17,3	15,1	15,0
РФ	15,4	15,8	14,6	13,5	14,3

Найдено, что у мужчин вклад смертности от новообразований в структуру смертности от всех причин у жителей северных регионов выше всех в Магаданской области (кроме 1999 г.), в Республике Саха и Чукотском АО – тоже высок. Смертность от всех причин в Магаданской области (20/1000 в 1997 г. и 24/1000 в 2007 г.) значительно выше средней по РФ (19,2/1000 в 1997 г. и 19/1000 в 2007 г.) и во все годы и имела тенденцию к увеличению. Смертность в Республике Саха тоже выше, чем в РФ (19,9/1000 в 1997 г. и 20/100 000 в 2007

г.), а в Чукотском АО – ниже уровня РФ в 1997-1999 гг. (15,5-13,8/1000) и значительно выше в 2006-2007 гг. (26,0-28,3/1000) [1; 2]. Таким образом, не только доля смертности от опухолей, но и смертность от всех причин в целом на изучаемых северных территориях оказалась выше, чем в РФ. Проведена оценка уровня смертности от новообразований на основании его вклада в общую структуру смертности, после сравнения общей смертности в северных регионах со средними показателями по России в целом и с учетом доли пожилых

людей в изучаемых популяциях. Это позволило выявить значительно более высокий уровень смертности от новообразований у мужчин в северных регионах, чем на территориях с

умеренными и благоприятными для проживания климатическими условиями.

Таблица 5

Доля смертности от новообразований (класс II, C00-D48 по МКБ-10) в структуре общей смертности, в %, женщины

	1997	1998	1999	2006	2007
Республика Саха	16,2	15,9	13,2	14,4	14,3
Чукотский АО	9,9	20,4	10,2	8,7	14,6
Магаданская область	14,2	15,9	15,4	12,9	14,1
НСО	15,4	15,7	14,4	14,3	15,3
РФ	14,2	14,4	13,8	13,6	14,4

У женщин вклад смертности от новообразований в структуру общей смертности выше, чем в РФ, лишь в отдельные годы (табл. 5). Смертность от всех причин у женщин, как и у мужчин, в Магаданской области намного выше и увеличивается на протяжении 10 лет (11,1/1000 в 1997 г. и 12,2/1000 в 2007 г.), чем в РФ (9,9/1000 и 9,2/1000 соответственно), в Республике Саха – выше (11,3/1000 и 10,5/1000), в Чукотском АО – ниже в 1997-1999 гг. (9,6-9,5/1000) и намного выше в 2006-2007 гг. (15,3-12,4/1000) [1, 2]. В Республике Саха и в РФ нет тенденции к увеличению показателей общей смертности в 1997-2007 гг., а в Чукотском АО и Магаданской области на-

блюдается отчетливый рост уровней общей смертности у женщин.

Заключение. На фоне неблагоприятных для популяций народов Севера демографических тенденций, а именно уменьшения доли детей (0-15 лет), низкой продолжительности жизни (очень маленькая доля пенсионеров) и высокой смертности от всех причин, наблюдается также и более высокая смертность от новообразований, особенно в Чукотском АО и Магаданской области, в меньшей степени - в Республике Саха (Якутия). Очень тревожной тенденцией является рост смертности среди женщин.

Библиографический список

1. Демографический ежегодник России: Стат. сб. Росстат. – М., 2008.
2. Демографический ежегодник России: Стат. сб. Госкомстат России. – М., 2000.
3. Железнов, Н.К. Вопросы экологии Крайнего Северо-Востока России: Материалы Третьей научно-практической конференции и лекции для врачей, Анадырь, 1994 г. – Новосибирск, 1995.
4. Проблемы экологии Архангельской области на рубеже веков: приоритеты, направления, стратегии: монография / под ред. проф. М.Шрага, чл.-корр. АЕН С.Сафина. – Архангельск, 2002.
5. Симонова, Г.И. Злокачественные новообразования в Сибири и на Крайнем Севере / Г.И. Симонова, Ю.П. Никитин, Н.С. Бойченко, Т.И. Астахова: Материалы третьей научно-практической конференции и лекции для врачей, Анадырь, 1994 г. – Новосибирск, 1995.
6. Cassady, J. "Eating for outsiders": cancer causation discourse among the Icupiat of Arctic Alaska // International Journal of Circumpolar Health 67:4 2008.
7. Hassler, S. Cancer among the Sami – A review on the Norwegian, Swedish and Finnish Sami populations // International Journal of Circumpolar Health 67:5 2008.
8. Kelly, J. Cancer among the circumpolar Inuit, 1989–2003 // International Journal of Circumpolar Health 67:5 2008.
9. Louchini, R. Cancer incidence and mortality among Aboriginal people living on reserves and northern villages in Quibec, 1988–2004 // International Journal of Circumpolar Health 67:5, 2008.
10. Rubin, C.H. Breast cancer among Alaska native women potentially exposed to environmental organochlorine chemicals // International Journal of Circumpolar Health 65:1, 2006.
11. Snyder, Or.B. Prostate cancer in Alaska native men, 1969-2003 // International Journal of Circumpolar Health 65:1, 2006.
12. Vaktiskjold, A. Cancer incidence in the Nenetskiy Avtonomnyy Okrug, Arctic Russia // International Journal of Circumpolar Health 67:5, 2008.

Bibliography

1. Demograficheskiy ezhegodnik Rossii: Stat. sb. Rosstat. – M., 2008.
2. Demograficheskiy ezhegodnik Rossii: Stat. sb. Goskomstat Rossii. – M., 2000.
3. Zheleznov, N.K. Voprosih ehkologii Kraynego Severo-Vostoka Rossii: Materialih Tret'eyj nauchno-prakticheskoy konferencii i lekci dlya vrachej, Anadihrj, 1994 g. – Novosibirsk, 1995.
4. Problemih ehkologii Arkhangel'skoy oblasti na rubezhe vekov: prioritetih, napravleniya, strategii: monografiya / pod red. prof. M.Shraga, chl.-korr. AEN S.Safina. – Arkhangel'sk, 2002.
5. Simonova, G.I. Zlokachestvennihe novoobrazovaniya v Sibiri i na Kraynjem Severe / G.I. Simonova, Yu.P. Nikitin, N.S. Boychenko, T.I. Astakhova: Materialih tret'eyj nauchno-prakticheskoy konferencii i lekci dlya vrachej, Anadihrj, 1994 g. – Novosibirsk, 1995.
6. Cassady, J. "Eating for outsiders": cancer causation discourse among the Isupiat of Arctic Alaska // International Journal of Circumpolar Health 67:4 2008.
7. Hassler, S. Cancer among the Sami – A review on the Norwegian, Swedish and Finnish Sami populations // International Journal of Circumpolar Health 67:5 2008.
8. Kelly, J. Cancer among the circumpolar Inuit, 1989–2003 // International Journal of Circumpolar Health 67:5 2008.
9. Louchini, R. Cancer incidence and mortality among Aboriginal people living on reserves and northern villages in Quibec, 1988–2004 // International Journal of Circumpolar Health 67:5, 2008.
10. Rubin, C.H. Breast cancer among Alaska native women potentially exposed to environmental organochlorine chemicals // International Journal of Circumpolar Health 65:1, 2006.
11. Snyder, Or.B. Prostate cancer in Alaska native men, 1969-2003 // International Journal of Circumpolar Health 65:1, 2006.
12. Vaktiskjold, A. Cancer incidence in the Nenetskiy Avtonomnyy Okrug, Arctic Russia // International Journal of Circumpolar Health 67:5, 2008.

Статья поступила в редакцию 20.07.11

УДК 616

Novikova M.V. CLINICAL ANALYSIS OF OPERATING RISK-ANESTHESIA FOR SURGICAL CORRECTION SCOLIOTIC SPINAL DEFORMITY. The paper presents an analysis of clinical surgery and anesthesia risks when performing surgical correction of scoliotic spinal deformities, when comparing two groups of patients with different anesthetic software.

Key words: scoliosis surgery, anesthesia support, anesthesia risk, sevoran.

М.В. Новикова, врач анестезиолог-реаниматолог НИИТО, г. Новосибирск, E-mail: arina7891@mail.ru

КЛИНИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОПЕРАЦИОННО-АНЕСТЕЗИОЛОГИЧЕСКОГО РИСКА ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ ХИРУРГИЧЕСКОЙ КОРРЕКЦИИ СКОЛИОТИЧЕСКИХ ДЕФОРМАЦИЙ ПОЗВОНОЧНИКА

В статье представлен клинический анализ операционно-анестезиологического риска при выполнении хирургической коррекции сколиотических деформаций позвоночника, при сравнении двух групп больных с разным анестезиологическим обеспечением.

Ключевые слова: хирургия сколиоза, анестезиологическое обеспечение, анестезиологический риск, севоран.

Современные направления хирургического лечения сколиотических деформаций позвоночника ориентированы на выполнение нескольких этапов хирургической коррекции сколиоза последовательно за однократно выполняемую операцию, что позволяет реализовать тактику ранней активизации больных, сократить сроки пребывания оперированных в стационаре и снизить стоимость лечения [1; 2].

Однако подобные операции относятся к операциям высокой степени риска. Это связано с высокой инвазивностью хирургического вмешательства, массивной и быстрой по темпу кровопотере, продолжительности хирургической операции с необходимостью неоднократных изменений положения больного на операционном столе. Успех подобных хирургических вмешательств зависит не только от уровня хирургической техники, но и от эффективности и безопасности используемых методов анестезиологической защиты. При этом адекватная анестезиологическая защита во многом предопределяет не только успех хирургической коррекции сколиотических деформаций позвоночника, но и качество течения послеоперационного периода [3; 4].

Согласно требованиям современной концепции общей анестезии (ОА) любой вариант ее должен обеспечивать адекватность защиты, что достигается обоснованным применением компонентов общей анестезии. Под адекватностью анестезиологической защиты понимают не только ее соответствие инвазивности и длительности хирургической травмы, но и учету возрастных особенностей пациента, характера сопутствующей патологии, тяжести исходного состояния и нейровегетативного статуса [5; 6]. Дискутабельность ряда научно-практических положений, мощный стрессогенный фактор многоэтапного хирургического лечения сколиоза и необходимость мониторингирования функции спинного мозга определяют потребность в проведении исследования в интересах патогенетического обоснования рационального выбора наиболее эффективных и безопасных методов антистрессовой и антиноцицептивной защиты при выполнении вертеброхирургических операций высокого риска.

Цель исследования: изучение и клинический анализ операционно-анестезиологического риска при выполнении хирургической коррекции сколиотических деформаций позвоночника.

Материал и методы исследования. В связи с целью исследования была использована научно-практическая информация, полученная в процессе хирургического лечения 305 больных сколиотической болезнью. С учетом известных факторов операционно-анестезиологического риска у больных сколиотической болезнью (клинически значимые нарушения функции жизненно важных органов, многоэтапность хирургических операций, возможные неблагоприятные эффекты постурального генеза, связанные с повторным изменением положения больного в ходе хирургического вмешательства, неизбежность повышенной кровопотери и т.д.) было обосновано оптимальное минимально допустимое использование материально-технических возможностей. В частности используемыми средствами были: аппараты ИВЛ с испарителем для севорана, монитор анестезиологический для определения концентраций ингаляционного анестетика, неинвазивный монитор импедансной кардиографии, оборудование клинической и биохимической лабораторий, регистрация глубины анестезии и нейромышечного блока.

Особенностью дизайна выполненного исследования является выделение двух групп наблюдений оперированных больных. Первая группа (основная) – 162 больных, вторая группа (сравнения) – 143 больных. Обследованные больные в обеих группах клинически значимо не отличались по объему и продолжительности выполненных операций, возрастным и половым характеристикам. Принципиальным отличием основной группы наблюдений было использование в программе анестезиологического обеспечения севорана по технологии малопоточной ИВЛ. В группе сравнения концепция анестезиологического обеспечения базировалась на использовании ТВА с ИВЛ.

Больные были оперированы за период с октября 2009 по март 2011 года. Критерии исключения не допускались.

Результаты. В табл. 1 и 2 представлены сведения о возрастном и половом составе оперированных больных в общей группе наблюдений. При формировании групп по возрастному составу использовали существующую в вертебрологии возрастную классификацию деформаций позвоночника [7], которая существенно не противоречит общепринятой возрастной классификации [8].

Таблица 1

Распределение больных в группах наблюдений в соответствии с возрастной классификацией деформаций позвоночника (%)

Деформации позвоночника	Группы наблюдений		Всего (%)
	I	II	
Ювенильные (4 – 10 лет)	17	4	21 (6,9%)
Подростковые (10 -20 лет)	94	100	194 (63,6%)
Деформации взрослых (старше 20 лет)	51	39	90 (29,5%)
Всего	162	143	305 (100%)

Как видно из представленных в таблице 1 данных, большинство оперированных больных 70,5% в общей группе наблюдений составили дети и подростки. Больных взрослого

возраста было 29,5%. Средний возраст больных составил: в основной группе наблюдений составили $19,3 \pm 4,1$ лет, в группе сравнения $18,6 \pm 5,2$ лет.

Таблица 2

Распределение больных в группах наблюдений по полу (%)

Пол	Группы наблюдений		Всего (%)
	I	II	
Женский	117	102	219 (71,8%)
Мужской	45	41	86 (28,2%)
Всего	162	143	305 (100%)

В общей группе наблюдений женщин было 219 (71,8%), мужчин – 86 (28,8%). Соотношение больных женского и мужского пола в общей группе наблюдений составило 2,6:1. Зарегистрировано относительно сравнимое соотношение больных

мужского и женского пола в двух выделенных группах наблюдений. В табл. 3 представлено распределение больных по типу деформации позвоночника с учетом этиологического фактора.

Таблица 3

Распределение больных в группах наблюдений по типу деформации позвоночника с учетом этиологического фактора (%)

Деформации позвоночника с учетом этиологии	Группы наблюдений		Всего (%)
	I	II	
Сколиотические деформации			
Идиопатические	108	93	201 (65,9%)
Врожденные	27	18	45 (14,8%)
Нейромышечные (ДЦП)	3	2	5 (1,7%)
На почве нейрофиброматоза	5	4	9 (3%)
Синдромальная патология (С-м Марфана, с-м Элерса-Данлоса)	1	4	5 (1,7%)
На почве остеохондродистрофии	4	3	7 (2,3%)
Гиперкифозы			
Врожденные	7	6	12 (3,9%)
Болезнь Шейермана	7	13	20 (6,7%)
Всего	162	143	305 (100%)

Как видно из данных, представленных в табл. 3, наиболее частыми показаниями к хирургической коррекции были идиопатические, врожденные сколиозы и гиперкифозы грудного отдела позвоночника при болезни Шейермана (87,4%). Редкие причины развития сколиотической болезни были установлены у 8,7% оперированных больных: детский церебральный

паралич (ДЦП) у 1,7% больных, нейрофиброматоз у 3,0% больных, синдромальная патология у 1,7% больных и остеохондродистрофические изменения у 2,3% больных.

В табл. 4 представлены данные о распределении больных в группах наблюдений по классификации В.Д. Чаклина с учетом величины угла Кобба.

Таблица 4

Распределение больных в группах по классификации Чаклина (с учетом величины угла Кобба (%))

Степень тяжести деформации	Группы наблюдений		Всего (%)
	I	II	
III ст. (от 25 ° до 50 °)	55	51	106 (34,8%)
IV ст. (50 ° и более °)	107	92	199 (65,2%)
Всего	162	143	305 (100%)

Как видно из представленных в табл. 4 данных, в двух выделенных группах клинических наблюдений по критерию тяжести сколиотической деформации зарегистрирована значимая сопоставимость. Вместе с тем следует отметить, что 57 (18,7%) больных в общей группе имели тяжелые деформации позвоночника (90 ° и более): в основной группе 30 (18,5%) больных, в группе сравнения 27 (18,9%).

В табл. 5 представлены сведения о характере выполненных хирургических операций с учетом примененных технологий хирургического лечения. У 137 (84,6%) больных основной

группы были применены современные технологии многоэтапного хирургического лечения с последовательным вмешательством на вентральных и дорсальных отделах позвоночника в объеме одной операции. При этом 119 (73,5%) больных хирургическая коррекция деформаций выполнялась в условиях тракционного воздействия на позвоночник. У больных в группе сравнения технологии многоэтапного хирургического лечения были применены у 114 (79,7%) больных, в условиях скелетного вытяжения 108 (75,5%) больных.

Таблица 5

Распределение больных в группах наблюдений с учетом примененных технологий хирургического лечения (%)

Технологии хирургического лечения	Группы наблюдений		Всего (%)
	I	II	
Задний спондилодез в условиях скелетного вытяжения	21	22	43 (14,1%)
Задний спондилодез без скелетного вытяжения	4	7	11 (3,6%)

Многоступенчатое лечение в объеме одной операции • Многоуровневая мобилизующая дискэктомия • Задний спондилодез в условиях скелетного вытяжения	119	108	227 (74,4%)
Многоступенчатое лечение в объеме одной операции • Многоуровневая мобилизующая дискэктомия • Задний спондилодез без скелетного вытяжения	18	6	24 (7,9%)
Всего	162	143	305 (100%)

В табл. 6 представлено распределение больных с учетом сопутствующей патологии. Как видно из представленных данных, в анализируемых группах у 287 больных (94%) была выявлена различная сопутствующая патология. Преобладали заболевания сердечно-сосудистой системы (малые аномалии развития сердца), органов желудочно-кишечного тракта (хр. гастрит, гастродуоденит, рефлюкс эзофагит, язвенная болезнь

желудка, хр. холецистит), мочевыделительной (хр. пиелонефрит, нефроптоз, гипоплазия почек), бронхолегочной системы (бронхиальная астма, хр. бронхит, эмфизема) и патология лор-органов (хр. тонзилит, ринофарингит, аденоидит). В 38% случаев установлено сочетание нескольких заболеваний.

Таблица 6

Частота сопутствующей патологии у больных в группах наблюдений (%)

Сопутствующая патология по органам и системам	Группы наблюдений		Всего (%)
	I	II	
Сердечнососудистая	28	32	60 (19,7%)
Бронхиально-легочная	10	8	18 (5,9%)
Мочевыделительная	10	7	17 (5,6%)
Желудочно-кишечная	14	17	31 (10,2%)
Лор-органы	9	12	21 (6,9%)
Заболевания органов зрения	4	7	11 (3,6%)
Нервная система	7	4	11 (3,6%)
Инфекционные заболевания	3	5	8 (2,6%)
Гинекологические заболевания	1	0	1 (0,3%)
Аллергические заболевания	4	3	7 (2,3%)
Без сопутствующей патологии	8	10	18 (5,9%)

Для оценки физического развития больных фактические антропометрические данные сравнивали с нормативными показателями, соответствующими возрасту больного [8]. Выявлено отставание в физическом развитии у 236 больных (77,4%) с дефицитом массы тела, составляющим в среднем 36,7% от должных возрастных параметров. При этом у 45 (14,8%) больных дефицит массы тела превышал 30,0%.

При определении предоперационного объективного статуса больных использовали классификацию Американского

общества анестезиологов (ASA) (табл. 7). Как видно из представленных в табл. 7 данных, у 40 (13,1%) больных объективный статус соответствовал II классу, у 202 (66,23%) больных объективный статус соответствовал III классу, у 63 (20,65%) больных IV классу в связи с наличием тяжелого системного заболевания, которое привело к несостоятельности функций жизненно важных органов и систем организма.

Таблица 7

Оценка объективного предоперационного статуса больных в группах наблюдений по классификации ASA (%)

Класс по ASA	Группы наблюдений		Всего (%)
	I	II	
II	22	18	40 (13,1%)
III	89	113	202 (66,23%)
IV	28	35	63 (20,65%)
Всего	162	143	305 (100%)

При определении степени операционного риска использовали классификацию МНОАР-89, предусматривающую количественную (бальную) оценку операционно-

анестезиологического риска по трем основным критериям – оценка общего состояния больного, объем и характер хирургической операции и используемый метод анестезии (Табл. 8).

Таблица 8

Распределение больных в группах наблюдений по степени операционно-анестезиологического риска (%)

Степень операционно-анестезиологического риска	Группы наблюдений		Всего (%)
	I	II	
III	29	25	54 (17,7%)
IV	137	114	251 (82,3%)
Всего	162	143	305 (100%)

Из представленных в табл. 8 данных следует, что у большинства больных I и II групп наблюдений регистрировалась IV степень операционно-анестезиологического риска, так как объем многоэтапного хирургического вмешательства предо-

пределял значительное увеличение травматичности, продолжительности операции и объема кровопотери.

Таким образом, анализируя представленный материал исследований, следует отметить, что выделенные группы наблюдений были сопоставимы по объективному статусу боль-

ных, возрасту, полу, типу тяжести деформаций позвоночника и характеру выполненных хирургических операций. Для того, чтобы понять сложность решения проблемы адекватного анестезиологического обеспечения вертеброхирургических операций высокого риска, следует принять во внимание реальные факторы риска, связанные как с особенностями исходного соматического статуса больных сколиотической болезнью, так и специфическими особенностями выполняемых операций у данного контингента больных. Фактор тяжести анатомо-функциональных изменений жизненно важных органов и систем, прежде всего, дыхательной и сердечно-сосудистой, должны учитываться в программе анестезиологической защиты

и ведении послеоперационного периода. Предоперационное выявление и оценка степени исходных анатомо-функциональных нарушений должны учитываться при определении степени хирургической дозволенности в конкретной клинической ситуации. Мониторинг и анализ гемодинамических параметров может оказаться решающим в выборе компонентов анестезии, а уточнение закономерностей гемодинамических нарушений и сдвигов в системе гомеостаза при вертеброхирургических вмешательствах на этапах операционного и послеоперационного периодов, являются реальными путями поиска наиболее эффективных и безопасных вариантов анестезиологической защиты.

Библиографический список

1. Кулешов, А.А. Хирургическое лечение тяжелых прогрессирующих форм сколиоза: одномоментное вмешательство на вентральном и дорсальном отделах позвоночника с использованием инструментария Cotrel-Dubousset / А.А. Кулешов, С.Т. Ветрилэ // Вестник травматологии и ортопедии им. Н.Н. Приорова. – 2000. – № 3.
2. Михайловский, М.В. Хирургия идиопатического сколиоза: ближайшие и отдаленные результаты // под ред. М.В. Михайловского. – 2007.
3. Ежевская, А.А. Комплексное периоперационное обеспечение хирургической коррекции сколиоза / А.А. Ежевская, М.С. Акулов, Ж.Б. Прусакова // Хирургия позвоночника. – 2010. – № 1.
4. Лебедева, М.Н. Анестезиологическая защита на этапах хирургического лечения больных с тяжелыми деформациями позвоночника: автореф. дис. ... д-ра. мед. наук. - Новосибирск. - 2010.
5. Гвак, Г.В. Хирургический стресс и естественные стресс-лимитирующие системы у детей: автореф. дис. ... д-ра мед. наук. – М., 2005.
6. Мизиков, В.М. Севофлуран: свойства, применение, перспективы / Бунятян А.А., Мизиков В.М. // Анестезиология и реаниматология. – 2006. - № 5.
7. Михайловский, М.В. Хирургия деформаций позвоночника / М.В. Михайловский, Н.Г. Фомичев. - Новосибирск, 2002.
8. Доскин, В.А. Морфофункциональные константы детского организма: справочник / В.А. Доскин, Х. Келлер, Н.М. Мураенко [и др.]. – М.: Медицина, 1997.

Bibliography

1. Kuleshov, A.A. Khirurgicheskoe lechenie tyazhelikh progressiruyushikh form skolioza: odnomomentnoe vmeshatel'stvo na ventral'nom i dorsal'nom otdelakh pozvonochnika s ispol'zovaniem instrumentariya Cotrel-Dubousset / A.A. Kuleshov, S.T. Vetrileh // Vestnik travmatologii i ortopedii im. N.N. Priorova. – 2000. – № 3.
2. Mikhaylovskiy, M.V. Khirurgiya idiopatcheskogo skolioza: blizhayshie i otdalenniye rezul'tatit // pod red. M.V. Mikhaylovskogo. – 2007.
3. Ezhevskaya, A.A. Kompleksnoe perioperacionnoe obespechenie khirurgicheskoy korrekcii skolioza / A.A. Ezhevskaya, M.S. Akulov, Zh.B. Prusakova // Khirurgiya pozvonochnika. – 2010. – № 1.
4. Lebedeva, M.N. Anesteziologicheskaya zashita na etapakh khirurgicheskogo lecheniya bol'nykh s tyazhelimi deformatsiyami pozvonochnika: avtoref. dis. ... d-ra. med. nauk. - Novosibirsk. - 2010.
5. Gvak, G.V. Khirurgicheskiiy stress i estestvenniye stress-limitiruyushie sistemiy u detey: avtoref. dis. ... d-ra med. nauk. – M., 2005.
6. Mizikov, V.M. Sevofluran: svoystva, primeneniye, perspektiv / Bunyatyan A.A., Mizikov V.M. // Anesteziologiya i reanimatologiya. – 2006. - № 5.
7. Mikhaylovskiy, M.V. Khirurgiya deformatsiy pozvonochnika / M.V. Mikhaylovskiy, N.G. Fomichev. - Novosibirsk, 2002.
8. Doskin, V.A. Morfofunktsional'niye konstanti det'skogo organizma: spravochnik / V.A. Doskin, Kh. Keller, N.M. Muraenko [i dr.]. – M.: Medicina, 1997.

Статья поступила в редакцию 20.07.11

Раздел 6

ФИЛОСОФИЯ

Редактор раздела:

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ГУК – доктор философских наук, профессор, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово)

УДК 101.1:316 + 323.28

Baryshnikov S.G. SPECIFICALLY-SCIENTIFIC BASES OF BUILDING THE SYSTEM OF KNOWLEDGE IN TERROLOGY: THE PRINCIPLE OF DEVELOPMENT. The article reveals the principle of development, which is used when building the specially-scientific knowledge in terrology. The principle of development in specifically-scientific knowledge is a methodological basis of a scientific explanation of the development of the essence of states' terrorist struggle. One of the most important methodological requirements of the principle of development is the need to detect and disclosure the forms of contradictions resolution in the inner unity of terrorism and antiterrorism, in the very essence of terrorist struggle.

Key words: terrology, the principle of development, terrorist struggle, specifically-scientific bases.

С.Г. Барышников, соискатель ЧелГУ, г. Челябинск, E-mail: SG. Baryshnikov@mail.ru

СПЕЦИАЛЬНО-НАУЧНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПОСТРОЕНИЯ СИСТЕМЫ ЗНАНИЙ В ТЕРРОЛОГИИ: ПРИНЦИП РАЗВИТИЯ

В статье раскрывается принцип развития, который используется при построении специально-научных знаний в террологии. Принцип развития в специально-научном познании составляет методологическую основу научного объяснения развития сущности террористической борьбы государств. Одним из важнейших методологических требований принципа развития заключается в необходимости обнаружения и раскрытия форм разрешения противоречий во внутреннем единстве терроризма и антитерроризма, в самой сущности террористической борьбы.

Ключевые слова: террология, принцип развития, террористическая борьба, специально-научные основания.

В имеющейся современной научной литературе уже достаточное количество ученых-террологов в своих исследованиях, посвященных террористической проблематике, приходят к общему выводу о необходимости построения и институализации террологии [1-9].

Содержание специально-научных оснований построения системы знаний о террористической и антитеррористической деятельности составляют логические критерии теоретической зрелости данной системы знаний, а также их функции реализации, применения требований логических критериев в построении данной системы.

В концентрированном виде важнейшие логические критерии теоретической зрелости системы знаний о террористической и антитеррористической деятельности определяются методологическими требованиями теоретическому к специально-научному познанию, которые выражают принципы диалектической логики, диалектического способа мышления.

По степени соответствия содержания специально-научных знаний этим методологическим требованиям, по уровню реализации основных принципов диалектической логики в специально-научном познании можно судить о теоретической зрелости всех частнонаучных теорий и системы специально научных знаний о террористической и антитеррористической деятельности в целом.

Важнейшими принципами диалектической логики, которые реализуются в построении системы специально-научных знаний и методологические требования которых составляют

логические критерии определения уровня ее (системы) теоретической зрелости являются: принцип историзма, принцип восхождения от абстрактного к конкретному, принцип единства теории и практики, принцип развития, принцип детерминизма, отдельные из которых уже были использованы в нашем исследовании.

В связи с необходимостью классификации системы специально-научных знаний о террористической (военной) борьбе государств, следует раскрыть методологические требования принципа развития.

Принцип развития в специально-научном познании составляет методологическую основу научного объяснения развития сущности террористической борьбы государств. Первое важнейшее методологическое требование принципа развития заключается в том, чтобы наиболее полно и всесторонне раскрывался и объяснялся внутренний механизм развития сущности террористической борьбы, ее необходимых элементов, характер связей и отношений между ними в историческом процессе.

Второе важнейшее методологическое требование принципа развития заключается в том, чтобы в исследовании сущности террористической борьбы раскрывался и объяснялся ее объективный внутренний источник развития, развития антитеррористической составляющей необходимых элементов на каждом этапе исторического процесса.

Третье важнейшее методологическое требование принципа развития заключается в необходимости обнаружения и

раскрытия форм разрешения противоречий во внутреннем единстве терроризма и антитерроризма, в самой сущности террористической борьбы.

Важность и необходимость реализации этих требований, раскрывающих функцию специально-научных оснований в построении системы знаний о террористической и антитеррористической деятельности заключается в том, что они определяют возможность понимания и раскрытия объекта и предмета своего исследования - природы (происхождения и сущности) террористической борьбы государств, развитие которой характеризуется: необходимостью, обновлением, как сменой одних качественных состояний другими, преемственностью, направленностью, циклическостью.

Иначе говоря, реализация этих важнейших методологических требований означает раскрытие развития террористической борьбы государств по законам диалектики, что и позволяет показать в ней остатки прошлого, основы настоящего и зачатки будущего. Какое же практическое значение для сотрудников антитеррористических подразделений имеет понимание природы современной террористической борьбы государств?

Очевидно, что самое первостепенное значение, ибо понимание природы современной террористической борьбы государств, места и роли антитеррористических структур государства в ней означает одновременно понимание ими своего предназначения, смысла своего существования, глубокого осознания того, что они находятся на самом остром и переднем крае борьбы за сохранение и выживание Российского государства, российского этноса, материальной и духовной культуры своего народа. Творческое решение каждым сотрудником антитеррористических подразделений своих задач важнейшим условием имеет глубокое знание природы современной террористической борьбы государств.

Отсюда очевидно, что уровень специальной подготовки сотрудников антитеррористических структур определяется пониманием ими существа своей профессии (специальности), квалификация которой находится в зависимости от знания ими природы и уровня организации и ведения антитеррористической борьбы.

Построение системы специально-научных знаний предполагает обнаружение и раскрытие необходимых, устойчи-

вых, повторяющихся связей между противостоящими друг другу терроризмом и антитерроризмом в их развитии и внутреннем единстве, т.е. обнаружение и раскрытие законов террористической борьбы.

Обнаружение и анализ законов террористической борьбы составляет содержание и функцию специально-научных оснований в построении системы специально-научных знаний, а потому является важнейшим логическим критерием их теоретической зрелости.

Террологические (конспиративные) связи проявляются во внутреннем единстве терроризма и антитерроризма, в их развитии и взаимодействии, обмена террористическими и антитеррористическими действиями, следовательно, в террористической борьбе есть частный случай всеобщей связи, а потому законы террористической борьбы есть частный случай наиболее общих законов всякого развития и взаимодействия, т.е. законов диалектики.

Глубокое понимание диалектики взаимосвязи сущности и явлений террористической борьбы с необходимостью требует от сотрудников антитеррористических структур руководствоваться практическим правилом: в практике организации и ведения террористической борьбы недостаточно ограничиваться анализом отдельных сторон, элементов террологической обстановки, необходимо вскрыть сущность террологической обстановки в целом, всесторонне.

Метафизический разрыв сущности и явлений в специально-научном практическом познании конкретной террологической обстановки характеризует догматизм и шаблон в практическом мышлении сотрудников антитеррористических подразделений, что в практике организации и ведения террористической борьбы может привести к бездарно принятому решению, а в конечном счете - к поражению.

Такова сущность одного из важнейших требований к специально-научному познанию, который предъявляет объективный процесс развития к явлениям терроризма и антитерроризма в каждой отдельной форме террористической борьбы. Реализация этого требования в построении системы научных знаний о террористической борьбе составляет важнейшую функцию специально-научных оснований общей теории террористической деятельности.

Библиографический список

1. Володин, А.Г. Террология / А.Г. Володин, В.Н. Коновалов // Международная безопасность и проблемы терроризма: южнороссийское обозрение. - Ростов-н/Д, 2002. - Вып. 13.
2. Грякалов, Н.А. Фигуры террора. - СПб., 2007.
3. Журавель, В.П. О терроризме, террологии и антитеррористической деятельности / В.П. Журавель, В.Г. Шевченко. - М., 2007.
4. Иноземцев, В.Л. Война идентичностей // Свободная мысль - XXI. - 2005. - № 7.
5. Кафтан, В.В. Введение в террологию // Логико-гносеологические основания институционализации. - М.: ВУ, 2009.
6. Одесский, М.П. Поэтика террора и новая административная реальность: очерки истории формирования / М.П. Одесский, Д.М. Фельдман. - М., 1997.
7. Свендсен, Л. Философия зла. - М., 2008.
8. Степанов, Е.И. Современный терроризм: состояние и перспективы. - М., 2000.
9. Тюгашев, Е.А. Террористическая деятельность в транзитивном обществе: интерактивная интерпретация. Социальные взаимодействия в транзитивном обществе. - Новосибирск, 2006. - Вып. VIII.
10. Холмс, Р. Терроризм, жестокость и ненасилие // Метафизические исследования. // Этика: Альманах Лаборатории метафизических исследований. - СПб., 2005. - Вып. 216.

Bibliography

1. Volodin, A.G. Terrologiya / A.G. Volodin, V.N. Kononov // Mezhdunarodnaya bezopasnostj i problemih terrorizma: yuzhnorossiyskoe obozrenie. - Rostov-n/D, 2002. - Vihp. 13.
2. Gryakalov, N.A. Figurih terrora. - SPb., 2007.
3. Zhuravelj, V.P. O terrorizme, terrologii i antiterroristicheskoy deyateljnosti / V.P. Zhuravelj, V.G. Shevchenko. - M., 2007.
4. Inozemcev, V.L. Vojna identichnostej // Svobodnaya mihslj - KhKhKh. - 2005. - № 7.
5. Kaftan, V.V. Vvedenie v terrologiyu // Logiko-gnoseologicheskie osnovaniya institucionalizacii. - M.: VU, 2009.
6. Odesskiy, M.P. Poehtika terrora i novaya administrativnaya realjnostj: ocherki istorii formirovaniya / M.P. Odesskiy, D.M. Feljdman. - M., 1997.
7. Svendsen, L. Filosofiya zla. - M., 2008.
8. Stepanov, E.I. Sovremennihyj terrorizm: sostoyanie i perspektivih. - M., 2000.
9. Tyugashev, E.A. Terroristicheskaya deyateljnostj v tranzitivnom obthestve: interaktivnaya interpretaciya. Socialjnihe vzaimodeyjstviya v tranzitivnom obthestve. - Novosibirsk, 2006. - Vihp. VIII.
10. Kholms, R. Terrorizm, zhhestokostj i nenasilie // Metafizicheskie issledovaniya. // Ehtika: Aljmanakh Laboratorii metafizicheskikh issledovaniy. - SPb., 2005. - Vihp. 216.

Статья поступила в реакцию 02.06.11

УДК 008:001.8

Bekaryukov M.V. CONSTRUCTION OF ESOTERIC REALITY: BASIC ELEMENTS AND THEIR SPECIFIC. In the article considers the coordinates of space, time and language, how the basic elements construction of esoteric reality, and analyzed the characteristics of "esoteric thinking", what causing the specifics of these coordinates, the adepts of esoteric teachings.

Key words: construction of reality, esotericism, esoteric thinking, esoteric reality, occultism, mysticism, myth, mythology.

М.В. Бекарюков, аспирант АлтГУ, г. Барнаул, E-mail: bekaryukovmv@gmail.com

КОНСТРУИРОВАНИЕ ЭЗОТЕРИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ: БАЗОВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ И ИХ СПЕЦИФИКА

В работе рассматриваются координаты пространства, времени и языка, как базовые элементы конструирования эзотерической реальности, а также, анализируются особенности «эзотерического мышления», обуславливающие специфику восприятия этих координат адептами эзотерических учений.

Ключевые слова: конструирование реальности, эзотеризм, эзотерическое мышление, эзотерическая реальность, оккультизм, мистицизм, миф, мифология.

В последние десятилетия, отмечается рост интереса к мистицизму и эзотеризму во всём мире. Сюжеты, символы и идеи, связанные с различными аспектами мистицизма и эзотеризма, играют немалую роль в различных слоях общества, проникают в научные и философские парадигмы, художественное творчество, а зачастую господствуют в массовом сознании и формируют особые субкультуры и ценностно-смысловые миры, которые можно назвать *эзотерической реальностью*. Поэтому проблема осмысления феномена эзотеризма и формируемых им сегментов социокультурной реальности становится постоянным объектом научных исследований. С 60-х гг. XX в. в США и ряде стран Европы (Франция, Германия, Великобритания, Нидерланды) создаются кафедры и исследовательские общества, изучающие эзотеризм и мистицизм. С начала 90-х гг. XX в., данная проблема становится объектом исследований и российских учёных. К настоящему времени в отечественной и западной науке сложился ряд подходов к рассмотрению феномена эзотеризма и выявлению основных особенностей эзотерической реальности, среди которых наибольшую популярность получили подходы А. Февра, В. Ханegraафа, К. фон Штукрада, В.М. Розина и С.В. Пахомова.

Для А. Февра эзотерика является особой «формой мысли», отличающаяся от остальных на основе шести критериев: 1) мышление в соответствии; 2) идея живой, одушевлённой природы; 3) воображение и посредничество; 4) опыт трансмутации; 5) идея фундаментального соответствия нескольких или всех духовных традиций; 6) идея более или менее тайной передачи духовного знания, т. е. идея посвящённого эзотерика, избранности, учителя и т. д. Четыре первых критерия являются обязательными, а два последних – дополнительными, свойственными не всем эзотерическим традициям [1].

В. Ханegraаф, полагает, что: «эзотерика является воображаемой сущностью, созданной и гипостазированной фундаментальным полемическим дискурсом западной культуры» [2]. Другими словами, в обществе формируется образ врага, который предстаёт в виде «зла», противопоставленного «добр», носителем которого является само общество. Эзотерика, таким образом, представляет собой не определённую историческую линию или контркультуру, а «пренебрегаемое измерение общей культуры» [3, р. 30].

С.В. Пахомов определяет эзотеризм как: «комплекс специфических интерпретаций реальности, претендующих на тайный характер и подтверждающихся особыми психодуховными практиками» [4, с. 11]. Эзотерическое знание представляется как особая сложно организованная когнитивная база или информационная система, элементы которой позволяют его носителю адекватно и логично, с его точки зрения, интерпретировать действительность [5].

По мнению В.М. Розина, эзотерика это не столько тайное знание доступное посвящённым, сколько определённый круг проблем и особое мироощущение [6, с. 6]. Эзотеризм является

одной из форм эволюции социума, которая опирается на личное творчество, самоактуализацию и психотехническую работу [7, с. 130]. С эзотерическим мироощущением автор связывает следующие моменты: 1) критику ценностей обыденной жизни и культуры; 2) веру в существование иной, подлинной, реальности; 3) убеждение, что человек уже при жизни может войти в эту реальность, посредством трансформации своей личности, духовной работы, переделки себя в иное существо. Целью эзотерика является постижение подлинной реальности, вхождение в особый эзотерический мир. В этом мире действуют законы, которым подчиняется вселенная и сам эзотерик, а в некоторых эзотерических учениях – даже сам Бог [8].

Такая эзотерическая реальность не обязательно представляет собой фантастический или мистический мир. По мнению В.М. Розина, эзотерической является любая реальность, вводящая в идеальный мир. Она становится эзотерической не благодаря содержанию, а посредством индивидуальной реализации личности. Эзотерическая личность проникает в эзотерический мир и одновременно творит его, создавая и уясняя эзотерическое учение [8, с. 169].

Исследования, проведённые А. Февром, В. Ханegraафом, В.М. Розиним, С.В. Пахомовым и другими учёными, позволили сделать значительный шаг к пониманию сути эзотеризма как феномена культуры. Однако, несмотря на то, что исследователи пытались определить сущность эзотеризма и выделить основные особенности и характеристики, выделяющие его из ряда иных форм культуры, ни один из предложенных подходов, не рассматривает принципы конструирования эзотерической реальности и ту систему координат, на основе которой она строится. Между тем, понимание механизмов конструирования эзотерической реальности и рассмотрение её структурных элементов открывает новые перспективы понимания сущности эзотерических учений.

В данной работе, предлагается взглянуть на эзотеризм под новым углом зрения и рассмотреть те аспекты, которые не были затронуты в подходах, рассматриваемых выше. Для этого, нами была избрана теоретико-методологическая база, основанная на феноменологической социологии знания, разрабатываемой П. Бергером и Т. Лукманом [9], с помощью которой, возможно рассмотреть механизмы конструирования и основные структурные элементы эзотерической реальности. Данный подход, позволяет подойти к определению эзотерики функционально и рассматривать её как: *особый вид знания, имеющий иррациональный источник, на основе которого осуществляется конструирование символического универсума – эзотерической реальности, необходимого для реконструкции и воспроизведения мистического или оккультного опыта* [10]. Помимо этого, выбранная методология является перспективным инструментом выявления роли и места эзотерики в процессе конструирования и воспроизводства ценностно-смысловых миров культуры, выявления их функций в социокультурном пространстве и тех потребностей общества, на которые они отвечают. Проведённое

исследование, может стать отправным пунктом для проведения такого рода анализа.

Исходным пунктом нашей работы, является предположение о том, что структура любой субъективной реальности, так или иначе задаётся координатами времени пространства и языка [9], что должно быть релевантно и по отношению к реальности эзотерической. Безусловно, вопрос рассмотрения особенностей понимания времени, пространства и языка эзотериками, неоднократно рассматривался различными учёными и не является новым. Принципиальным отличием данного исследования является рассмотрение пространства, времени и языка, как системообразующих координат – своеобразного каркаса, вокруг которого конструируется эзотерическая реальность, и формируются все её особенности. Помимо этого, в статье предпринимается попытка выявления причины, обуславливающей **именно такую** специфику понимания пространства времени и языка, в результате чего, формируемая реальность становится эзотерической, а не какой-то другой.

Представления о пространстве в эзотерике связаны с понятием *сакральной географии*, начало изучения которой, было положено Р. Геноном [11; 12]. В дальнейшем, этот вопрос рассматривали М. Элиаде, А.Г. Дугин, Ю.Ю. Завгородний и др. Согласно представлениям адептов эзотерических учений, пространство является не только физическим. Оно включает в себя все существующие в конкретном эзотерическом учении планы бытия, которые проявляют себя в большей или меньшей степени в тех или иных сакральных местах. Сакральное пространство – живое, динамичное, вибрирующее и развивающееся по своим законам. Оно исполнено различными духовными влияниями и колебаниями и открыто во всех направлениях – вглубь,вширь, вверх и вниз [13]. Каждый элемент сакрального пространства является одушевлённым. Все точки и объекты сакрального пространства связаны между собой сложной сетью взаимосвязей. Каждая такая точка отсылает адепта к какой-то другой точке пространства, а также к реальности стоящей за ней. Таким образом, всё пространство оказывается пронизанным символами. Эти символы могут создаваться специально или отыскиваться там, где первоначально не предполагались.

Сакральное пространство иерархически упорядочено вокруг некоей метафизической мировой оси: Древа Жизни каббалистов; дерева Игдрасиль германо-скандинавской традиции; горы Абиегнус розенкрейцеров и т.д. В центре пространства находится Центр Мира: Шамбала, Агарта, Замок Грааля и т.д., который часто подразумевает конкретное географическое положение, но, по сути, является также метафизическим внепространственным местом [14].

Ещё одной важной особенностью сакрального пространства является его телеология. Основная цель субъектов этого пространства заключается в движении от периферии к центру мира. Это выражается в идеях познания воли Божией, обожении, просветлении, осознании тождественности Брахмана и Атмана и т.д. Движение в сакральном пространстве, это всегда движение вовнутрь, а само внутреннее пространство обладает приоритетом по отношению к внешнему.

Представление о времени. М. Элиаде предложил идею существования двух вариантов восприятия истории: циклического (мифологического, традиционного, сакрального, *эзотерического*) и линейного (иудео-христианского, исторического, профанного). Подобные идеи рассматривали также и другие авторы: К.Г. Юнг, М.-Л. фон Франц, А.Г. Дугин и др. Такое разделение восприятия времени и истории имеет большие эвристические перспективы для понимания мировоззрения эзотеризма.

По мнению М. Элиаде, все народы древности и современные «первобытные» общества воспринимают мир как периодическое повторение временных циклов. Космос и история периодически переживает разрушение и повторное сотворение, при этом люди принимают непосредственное участие в этом цикле посредством ритуалов и мистерий. Большинство ритуалов представляет собой повторение действия совершенного богом или мифическим героем «в то время» (*in illo tem-*

pore), на заре истории. Совершая это действие в процессе ритуала, человек воспроизводит деяние божества или героя, тем самым поддерживая и восстанавливая гармонию и порядок в мире. Эта идея получила название «мифа о вечном возвращении» [15].

Подобную картину восприятия времени мы можем наблюдать и в эзотерике. *Время для эзотериков также имеет циклическую структуру.* Однако в большинстве эзотерических учений, в отличие от представлений архаических и первобытных народов, отсутствует идея того, что участие в ритуалах связанных с годовыми циклами как-то реально влияет на возрождение космоса и необходимо для поддержания его существования. В эзотеризме акцент переносится с объективной истории на *историю субъективную*. В процессе Великого Делания, адепт «растворяет» свою индивидуальную историю в истории архетипической, свершающейся в *in illo tempore* или другими словами – принадлежащего Вечности [16, с. 33]. Понятие «Вечности» является ещё одной важной особенностью восприятия времени в эзотеризме. Как отмечает А.Г. Дугин: Вечность обладает актуальным характером. Вечность это то, что *есть здесь и сейчас*, а не то, что может быть. Она есть всегда. Вечность – это то место, где пересекаются пространство и время, образуя единство [13, с. 412–413].

Особенное восприятие языка. Помимо того что язык в эзотерике нагружен специфическими терминами, релевантными только для данной культуры, он представляет собой ещё и инструмент воздействия на реальность. Инструментальное и сигнификативное использование объективаций языка в эзотерических практиках тесно переплетены. Воздействие на реальность посредством языка осуществляется за счёт того, что язык наделяется особыми магическими свойствами и могуществом. Такими свойствами может наделяться как язык вообще, так и язык, считающийся священным. В качестве примера использования существующего языка, можно привести каббалистический трактат «Сефер Йецира», в котором повествуется о том, как Бог сотворил Мир посредством перестановки букв еврейского алфавита.

Иногда, в эзотерических практиках используется и особый язык, созданный для ритуальных целей. В качестве иллюстрации, здесь можно упомянуть об енохианском языке Дж. Ди и Э. Келли, который они получили в процессе сеансов общения с ангелами через видения в магическом кристалле. Другим примером использования такого рода языка являются «Варварские имена для вызывания духов» [17].

Такое понимание языка тесно связано с тем, что для эзотерика слово (имя), и то, что этим словом обозначается – непосредственно связаны между собой. В эзотерическом мышлении наблюдается практически полный параллелизм между словом и реальностью. Здесь имеет место оккультная ориентация обычного языкового значения на мистический денотат, а модель языка выступает при этом как модель передачи неязыкового сакрального знания, понимания основного кода культуры. Особенно ярко это выражается в оккультной литературе, представляющей собой практические инструкции по проведению ритуалов. Так, например, магическое заклинание, как отмечает Д.Б. Зильберман, не может быть произнесено неправильно, поскольку тогда оно не может быть понято. Заклинания и ритуальные формулы не имеют смысла за пределами текста как такового и ситуаций, в которых они произносятся. Их смысл заключается не в содержании, а в том, что они помещены в строго определённых местах текста, для использования в строго фиксированных ритуальных действиях. Они хранятся в тексте как *парадигмы действия* [18, с. 170].

Рассмотренные координаты пространства, времени и языка, являются базовыми для образования каркаса эзотерической реальности и задают всю её структуру. Все остальные, более частные особенности эзотерической реальности, так или иначе, выводятся из них. Однако остаётся непонятным, что именно заставляет адептов эзотерических знаний воспринимать пространство, время и язык именно таким образом?

Наиболее вероятным, представляется, что специфика восприятия времени, пространства и языка, свойственная адептам

эзотерических учений, определяется, спецификой *мышления* особого типа. Это мышление, по своей сути является диалектичным, синкретичным и интровертивным. Оно не замечает противоречий и не стремится их устранить, а наоборот объединяет их в единую стройную систему. Данный тип мышления максимально приближается к тому, который К.Г. Юнг [19, р. 20–21] и юнгианцы называют «сновидческим», символическим, или «синхронистическим», а М. Элиаде – «мифологическим». Помимо К.Г. Юнга и М. Элиаде, мифологический тип мышления рассматривался такими исследователями как: Л. Леви-Брюль, К. Леви-Строс, А.Ф. Лосев, А.Г. Дугин, Я. Голосовкер и другие.

Здесь важно отметить, что, **мышление** в данном исследовании понимается в соответствии с традицией феноменологической социологии знания, **как механизм конструирования реальности**, в то время как сама *субъективно воспринимаемая реальность является продуктом деятельности мышления*. Вопрос о том, что является в данном случае первичным – мышление или характеристики реальности, является дискуссионным и лежит за рамками данного исследования. Наиболее важным здесь является то, что мышление и мировоззрение являются взаимозависимыми. Мышление, как механизм конструирования реальности конструирует эту реальность, после чего, само начинают функционировать в рамках полученной реальности и определяться ей.

Как показывают исследования, проведённые М. Элиаде – в мифологическом мышлении, речь идёт не о «внешнем», «абстрактном» познании, а о познании которое «переживается» в ходе ритуала воспроизведения мифа или в ходе обряда, для которого данный миф служит основанием [20, с. 28]. Такую точку зрения на мифологию архаических народов нельзя проверить эмпирическим путём. Однако можно исследовать роль знания и способы познания в мышлении современных эзотерических обществ. В эзотерических обществах передаваемое знание выполняет особую функцию. Как следует из определения эзотерики, данного нами выше, эзотерические знания являются теоретической базой для конструирования особого мистического или оккультного опыта, который является более значимым, чем само знание. Подлинное тайное знание в эзотерике понимается скорее как познание (*гнозис*) высшей реальности – непосредственное переживание и приобщение к ней через личный опыт. Для того чтобы реально постигнуть эзотерическую тайну нужно находиться в системе координат эзотерического учения [21]. Такая интровертивная направленность мышления эзотериков, определяет ряд специфических особенностей восприятия времени, пространства и языка, таких как: стремление к слиянию с архетипической историей; движение от периферии к центру; сопричастность слова и вещи, этим словом обозначаемой и т.п.

Следует сделать одно важное замечание: мифологическое мышление, которое исследовали К.Г. Юнг и М. Элиаде – не тождественно мифологии как объяснительной системе. Мифология содержит непосредственно мифы как средства объяснения происходящих процессов и явлений. В то время как мифологическое мышление – это особый способ познания, некая метапарадигма обуславливающая познавательный процесс. В рамках мифологического мышления (как метапарадигмы) могут существовать религиозные, философские и собственно мифологические системы (парадигмы).

Помимо высказанного замечания, необходимо сделать оговорку о том, что рассматриваемые материалы относятся только к истории и философии эзотерических учений, на основе изучения которых делаются выводы о том, что мышлению эзотериков присущи те же черты, которые выделяются К.Г. Юнгом и М. Элиаде в мышлении мифологическом. Нам хотелось бы избежать преждевременных обобщающих выводов относительно тождественности мышления используемого эзотериками и мышления представителей первобытных обществ или других социокультурных групп использующих

мифы и мифологию. Решение этого вопроса требует проведения дальнейших исследований. Поэтому, для разделения областей мифологии и эзотеризма вместо термина *мифологическое мышление*, которое тесно ассоциируется с мифологией, в контексте данного исследования мы предлагаем использовать понятие *эзотерическое мышление*.

При введении термина *эзотерическое мышление*, с одной стороны – мы опираемся на концепцию А. Февра, определявшего эзотерику, как особую форму мысли и выделявшего её основные характеристики. С другой стороны – избегаем критики в эссенциализме, которая была адресована данному подходу, поскольку не определяем эзотеризм как особую форму мысли, а лишь указываем на то, что эзотерикам всегда свойственна определённая форма мышления. При этом вопрос её исключительной принадлежности эзотерике и определяющего значения для эзотеризма остаётся за скобками.

Однако если предположить тождество эзотерического и мифологического мышления, то возникает вопрос, почему в одном случае результатом деятельности данного мышления является мифология, а в другом случае – эзотерическое учение? На наш взгляд, ответ на этот вопрос заключается в различиях изначальной целевой установки создателей данных систем. Мифологические системы содержат мифы, отвечающие за сохранение традиции всей культуры в целом, в то время как эзотерические учения создаются как теоретические основания для реконструкции и воспроизведения частного сегмента духовной культуры – оккультного или мистического опыта. Традиционная мифология редко знает своих авторов – мифы создаются в недрах коллективного опыта самой культуры. Напротив, авторы эзотерических учений, за редким исключением, всегда известны, а их образ является гарантом легитимности традиции. Мифологическая реальность, являющаяся отражением опыта и знаний культуры и является фактором, объединяющим её носителей. Тогда как эзотерическая реальность, как отмечает В.М. Розин, является субъективной реальностью её автора [22]. Она с трудом объективируется и выводится на общезначимый уровень. Эзотерическая реальность, создаётся в процессе личного опыта гнозиса и самопознания индивида.

Таким образом, можно говорить о наличии, диалектической взаимосвязи, существующей между теоретической базой эзотеризма – составляющей суть эзотерических учений. И оккультными и мистическими практиками – поставляющими эмпирический и эмоциональный материал, позволяющий подтвердить то, что изложено в теории и реконструировать опыт полученный однажды. Иррациональный и эмоциональный опыт, полученный посредством практик, подкрепляет формируемые в сознании адепта теоретические построения, которые, таким образом, актуализируются и становятся частью его субъективной реальности. Само «отмысливание» теоретических концепций также является видом практической деятельности и механизмом конструирования эзотерической реальности. Теория и практика в процессе построения эзотерической реальности являются взаимозависимыми.

Оккультные и мистические практики сами по себе – также не способны сконструировать эзотерическую реальность. Так как для их осмысления необходим определённый теоретический смысловой контекст, в котором явления, существующие в эзотерической реальности, являются возможными, а также особая установка сознания, направленная на получение и воспроизводство данного вида опыта.

На основе вышеизложенного, можно сделать вывод, что эзотерическая реальность, также как и другие субъективные реальности, существующие в рамках культуры, задаётся координатами пространства, времени и языка. Специфика восприятия этих координат, определяется особенностями эзотерического мышления, находящегося в тесной взаимосвязи с оккультными и мистическими практиками, предоставляющими эмпирический материал для конструирования эзотерической реальности.

Библиографический список

1. Faivre, A. Renaissance Hermeticism and the Concept of Western Esotericism // Gnosis and Hermeticism from Antiquity to Modern Times / ed. by Roelof Van Den Broek. – N.-Y., 1997.
2. Hanegraaff, W.J. Forbidden Knowledge: Anti-Esoteric Polemics and Academic Research // Aries. – 2005. – № 5/2.
3. Hanegraaff, W.J. Beyond the Yates Paradigm: the Study of Western Esotericism between Counterculture and New Complexity // Aries. – 2001. – № 1/1.
4. Пахомов, С.В. К вопросу о демаркации понятия «эзотеризм» // Мистико-эзотерические движения в теории и практике. История. Психология. Философия. Сб. материалов / под ред. С.В. Пахомова, Ю. Ю. Завгороднего, С. В. Капанова. – СПб., 2008.
5. Пахомов, С.В. Специфика эзотерического знания // Мистико-эзотерические движения в теории и практике. Проблема интерпретации эзотеризма и мистицизма: Сб. материалов Третьей международной научной конференции / под ред. С.В. Пахомова. – СПб., 2010.
6. Розин, В.М. Эзотерический мир. Семантика сакрального текста. – М., 2002.
7. Розин, В.М. Эзотеризм как форма индивидуальной и социальной жизни // Дискурсы эзотерики (философский анализ) / отв. ред. Л.В. Фесенкова. – М., 2001.
8. Розин, В.М. Личность в религиозном, эзотерическом и научном мире // Общественные науки и современность. – 1994. – № 5.
9. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман; пер. Е.Д. Руткевич. – М., 1995.
10. Бекарюков, М.В. Социокультурный феномен эзотерики // Известия Алтайского государственного университета. – Барнаул. – 2010. – Т. 2. – № 2.
11. Генон, Р. Восток и Запад. – М., 2005.
12. Генон, Р. Царь мира // Вопросы Философии. – 1993. – № 3.
13. Дугин, А.Г. Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли. – М.: «Евразийское движение», 2009.
14. Элиаде, М. Тайные общества. Обряды инициации и посвящения. – СПб., – 1999.
15. Элиаде, М. Миф о вечном возвращении. – СПб., 1998.
16. Джаммари. Эта неизвестная алхимия. – М.; Воронеж, 2010.
17. Regardie, I. The Tree of Life a Study in Magic. – N.-Y., 1972.
18. Зильберман, Д.Б. Генезис значения в философии индуизма. – М., 1998.
19. Jung, C.G. (1911-12/1952) Collected. Works, vol. 5, Symbols of Transformation. - London, 1967.
20. Элиаде, М. Аспекты мифа. – М., 2010.
21. Телемский, О. Юнгизм и эзотеризм [Э/п]. - Р/д: http://www.castalia.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=558&Itemid=35
22. Розин, В.М. Эзотерический мир // Общественные науки и современность. – 1992. – № 4.

Bibliography

1. Faivre, A. Renaissance Hermeticism and the Concept of Western Esotericism // Gnosis and Hermeticism from Antiquity to Modern Times / ed. by Roelof Van Den Broek. – N.-Y., 1997.
2. Hanegraaff, W.J. Forbidden Knowledge: Anti-Esoteric Polemics and Academic Research // Aries. – 2005. – № 5/2.
3. Hanegraaff, W.J. Beyond the Yates Paradigm: the Study of Western Esotericism between Counterculture and New Complexity // Aries. – 2001. – № 1/1.
4. Pakhomov, S.V. K voprosu o demarkacii ponyatiya «ehzoterizm» // Mistiko-ehzotericheskie dvizheniya v teorii i praktike. Istoriya. Psikhologiya. Filosiya. Sb. materialov / pod red. S.V. Pakhomova, Yu. Yu. Zavgorodnego, S. V. Kapranova. – SPb., 2008.
5. Pakhomov, S.V. Specifika ehzotericheskogo znaniya // Mistiko-ehzotericheskie dvizheniya v teorii i praktike. Problema interpretacii ehzoterizma i misticizma: Sb. materialov Tret'ey mezhdunarodnoy nauchnoy konferencii / pod red. S.V. Pakhomova. – SPb., 2010.
6. Rozin, V.M. Ehzotericheskij mir. Semantika sakral'nogo teksta. – M., 2002.
7. Rozin, V.M. Ehzoterizm kak forma individual'noj i social'noj zhizni // Diskursih ehzoteriki (filosofskij analiz) / otv. red. L.V. Fesenkova. – M., 2001.
8. Rozin, V.M. Lichnost' v religioznom, ehzotericheskom i nauchnom mire // Obshchestvenniye nauki i sovremennost'. – 1994. – № 5.
9. Berger, P. Social'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sociologii znaniya / P. Berger, T. Lukman; per. E.D. Rutkevich. – M., 1995.
10. Bekaryukov, M.V. Sociokul'turnij fenomen ehzoteriki // Izvestiya Altaj'skogo gosudarstvennogo universiteta. – Barnaul. – 2010. – Т. 2. – № 2.
11. Genon, R. Vostok i Zapad. – M., 2005.
12. Genon, R. Carj mira // Voprosih Filosofii. – 1993. – № 3.
13. Dugin, A.G. Postfilosofiya. Tri paradigmi v istorii mihsli. – M.: «Evraziyskoe dvizhenie», 2009.
14. Ehliade, M. Tajnihe obshchestva. Obryadih iniciacii i posvyatheniya. – SPb., – 1999.
15. Ehliade, M. Mif o vechnom vozvrathenii. – SPb., 1998.
16. Dzhammariya. Ehta neizvestnaya alkhimiya. – M.; Voronezh, 2010.
17. Regardie, I. The Tree of Life a Study in Magic. – N.-Y., 1972.
18. Ziljberman, D.B. Genezis znacheniya v filosofii induizma. – M., 1998.
19. Jung, C.G. (1911-12/1952) Collected. Works, vol. 5, Symbols of Transformation. - London, 1967.
20. Ehliade, M. Aspektih mifa. – M., 2010.
21. Telem'skij, O. Yungianstvo i ehzoterizm [Eh/r]. - R/d: http://www.castalia.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=558&Itemid=35
22. Rozin, V.M. Ehzotericheskij mir // Obshchestvenniye nauki i sovremennost'. – 1992. – № 4.

Статья поступила в редакцию 20.07.11

УДК 130.2

Lobanov Y.S. LIMITATION OF THE SOVIET SPIRITUALITY IN MATERIALS OF XXII-th CONGRESS OF THE CPSU. III th Program of the CPSU postulates necessity of overcoming of some the moments of Russian spirituality within the limits of the Soviet sociocultural project - absence of belief in productivity of own actions, spiritual individualism and escapist isolation of spirituality, personal immortality, and a lack of abstract system thinking which is planned to bring up, having shipped spirit in interaction with a technosphere.

Key words: nuance culture, the Soviet spiritual culture, management, immortality, limitation

Ю.С. Лобанов, аспирант ОмГПУ, г. Новосибирск, E-mail: lobanov-y@mail.ru

ОГРАНИЧЕННОСТЬ СОВЕТСКОЙ ДУХОВНОСТИ В МАТЕРИАЛАХ XXII-ГО СЪЕЗДА КПСС

III-я Программа КПСС постулирует необходимость преодоления в рамках советского социокультурного проекта ряда моментов русской духовности - отсутствия веры в результативность собственных действий, духовного индивидуализма и эскапистской замкнутости духовности, личного бессмертия и недостатка абстрактного системного мышления, которое планируется воспитывать, погрузив дух во взаимодействие с техносферой.

Ключевые слова: «нюансная» культура, советская духовная культура, управление, бессмертие, ограниченность.

Находясь в тяжелых природных и исторических условиях существования, советская культура ограничивает неконтролируемое познание и спонтанное изменение картины мира, с тем

чтобы она могла эффективнее управлять миром и собой. Она относится к ограниченным «нюансным» культурам [1, с. 82-87], познание в которых концентрируется на узком круге про-

блем, разрабатывая их до мельчайших подробностей. Преодолевая русскую неспособность к созданию «срединной культуры» [2, с. 57], советская культура должна была уделить особое внимание политике как области непосредственного переустройства реальности. Поэтому именно советский политический текст должен быть направлен не только на непосредственную практику переустройства мира, но и на изменение самоощущения и качеств культуры в акте этого переустройства. Значит, он должен содержать концепты ограниченности советской культуры, и задача в том, чтобы понять, от каких именно феноменов советская культура стремится избавиться себя.

Наиболее полно и ясно программа духовной ограниченности и ее преодоления сформулирована на XXII-м съезде КПСС. В его материалах еще сохранен искренний романтизм оптимизма советской духовности, для которой еще предельно ясна необходимость пафоса великого преодоления границ. Концепты ограничивающего и преодоления границ здесь еще ясны и действенны, еще не успели быть поставленными под сомнение, это сомнение еще не требуется ищущему подлинной ясности и единства с миром русскому духу. Границы модели совершенной, успешно и рационально управляющей собой культуры еще не вполне искажены встречей с практикой и меняющейся, развивающейся, освобождающейся русской антропологией, которая в течение последующих десятилетий перестала испытывать необходимость в индивидуально-коллективном пафосе преодоления. Этот оптимизм виден в завроженности самим автором мировой трагедийностью происходящего. И партия, и общество еще верят, что «мировая капиталистическая система в целом созрела для социальной революции пролетариата» [3, с. 324.]. Жизненные успехи культуры: победа в Великой Отечественной войне, индустриализация, прорыв в науке и развитие техносферы – все еще говорят о том, что воплощение культурно-исторического плана овладения реальностью возможно в максимально точном соответствии с его идеей и рациональностью.

Многие положения Программы никогда не будут реализованы, никогда не станут частью культуры вне ожиданий духа, но это не важно. Важен образ того идеального будущего, который культура хочет объективировать, и тот набор характеристик, которые она хочет себе приписать, и символов, которыми она хочет себя обозначить. Ведь каждое такое приписывание будет свидетельствовать о ментальном акте осознания необходимости преодоления противоположного качества или, по крайней мере, о негативно воспринимаемом отсутствии таких характеристик в прошлом при возникшей в них необходимости. Программа партии выступает как манифест советского духа.

При этом политические документы нельзя считать и чистой сказкой о будущем, фантазией культуры о себе. Многие из того, что декларирует и обещает Программа, уже реально происходит или начинает происходить в действительности советской культуры, и поэтому становится ясным ощущением духовности. Это ощущение подтверждается победой в войне, революционным развитием науки и возникновением техносферы, освоением космического пространства, реальным улучшением бытовых условий жизни. «Именно тогда возникли закрепленные в государственной идеологии (и в то время укреплявшие государство) специфические стереотипы советского массового сознания: уверенность в завтрашнем дне и убеждение, что жизнь может только улучшаться» [4, с. 54], говорит С. Кара-Мурза о периоде, предшествующем XXII съезду.

Программа логически не обосновывает своих положений, она говорит либо о самоочевидных вещах, либо о вещах безусловного духовного требования, которые уже есть в духовности, и поэтому реальны. Ее положения – интуитивное абсолютное требование того, чтобы мир существовал только как осмысленный и освоенный, как первично антропоэссенциальный и антропоморфный, как мир, с которым можно достигать единства. В этом уже заключается ограничение познания, требование которого исходит непосредственно из духа. Сама духовность и есть мир, который должен быть незыблем, так

как человек не может повторно создать такого же прекрасного и загадочного нового мира, мира мужественного преодоления вековой ограниченности, который был бы наполнен благородством, смыслом и надеждой.

Художественность стилистики документального текста также говорит о том, что советская культура относится к себе и своему проекту эмоционально-напряженно, что она переживает его как свою живую жизнь, а не только как просто практику чистого управления. «Над миром проносится великая очистительная гроза, знаменующая весну человечества». [3, с. 321]. Коммунизм есть стихийная сверхмировая сила, это сила над миром, которая выше мира, сильнее его, отделена от него и готова его полностью переустроить. «Величественное здание нового мира, возводимое героическим трудом свободных народов на огромных пространствах Европы и Азии — прообраз нового общества, будущего всего человечества» [3, с. 330]. Преодолевая влияние образов своих прошлых ограниченностей, советская культура создает картину здания, человеческого творения и дома, стремящегося из неразличенной пространственной пустоты ввысь, стремящегося организовать бескрайние пространства своей огромностью, сделать их менее значительными, менее бескрайними; разграничивает пространство, различая центр и периферию.

Коммунистическое общество есть общество, в котором становится возможной всеобщая четкость, интеллигентность и различенность. «Светлый гений великого учителя трудящихся всего мира Ленина, чье имя будет жить вечно, озаряет человечеству путь к коммунизму» [3, с. 321]. Гений, преодолевающий старую, смутную картину мира, светел, то есть рационален, определяет себя в своем понятии, преодолел свой аффект и неразличенность. Коммунизм есть принадлежность к великой вечности, к неразрушимому, к пребывающему всегда, к стабильному, неизменному и неподверженному случайному и стихийному, в том числе времени. Советская культура ищет бесконечной длительности символической жизни в противовес досоветскому страху смерти и неконтролируемого изменения, она собирается быть утвержденной в своей неразрушимости, существовать всегда. Советская метафизика есть преодоление конечности материального через веру в универсальную преобразующую силу духа как необходимости. Советское преодоление конечного состоит в том, что в каждом конечном феномене видны следы бесконечной, познанный духом закономерности, и каждый конечный объект больше не отделен, не случаен, он связан познающим интеллектом с бесконечным количеством других объектов.

Великий пафос личного, сверхудовольствие от жизни должны снять страх окончательной личной смерти. Советский человек заботится о бессмертии своих идей, своего имени, своего содержания, а не своего сознания или души, он жив в этих общественных символах, они и есть его реальная жизнь, более надежная и реальная, чем жизнь индивидуальной души.

Эти символы, с которыми он отождествляет себя, будут жить в воображаемой им сверхреальности будущего, которое прорастает в настоящее уже сейчас. Оно требует предельной ясности и не хочет никакого загробного мира, так как тот неясен. Советский человек уже спокойно относится к абсолютному ничто, преодолел страх перед ним, он готов мужественно раствориться в ничто, оно больше не имеет значения, так как оно не уничтожит в нем ничего важного — все важное осталось в вещах, в мире, в «пароходах». Мистическим образом советский человек представляет себя живущим в них в духе некоторого машинного гилозоизма. Машинизируемая советская духовность словно имеет представление, что может воплотиться в своей идеальной модели — машине, стать ее частью. Личное бессмертие с надеждой на лучшую жизнь в загробном мире обменяно на коллективное бессмертие общего дела, бессмертие уверенной жизни своих детей, которой теперь ничего существенно не грозит, на надежность самой жизни вообще.

Мощный поток событий идей и фантазии и всякой динамики внутренней реальности отодвигает в представлении встречу с «ничто», так как советский человек в принципе пе-

рестает четко представлять, что такое «ничто», дух никогда не оставляется наедине с пустотой. В сращении духа с реальностью у советского человека пропадает острота переживания ничто, неизвестности.

После восторга смелого овладения миром и собой душе уже не нужна «какая угодно» вечная жизнь. Земная жизнь должна стать настолько интенсивной, что после нее уже не требуется никакого продолжения, она должна уместить в себя все невозможные ощущения, от нее необходимо устать. Потусторонний мир, мир ирреальных возможностей наступает для советского человека наяву, и ему не жаль расстаться с раем.

Освобождающаяся советская культура впервые мыслит себя как исторический субъект, и тут же требует своей сверхисторичности, претендует на то, чтобы выбрать направление всеобщего-исторического движения. «Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую эру в истории человечества — эру крушения капитализма и утверждения коммунизма» [3, с. 321]. Преодоление собственной ограниченности «перед лицом всего мира» должно носить в русской культуре именно сверхчело-веческий, сверхтрадиционный характер. С одной стороны, в рамках традиционного, компенсирующего русского мессианского пафоса самоутверждения, а с другой — в рамках требования универсальности, принципиальной всечелове-ческой неограниченности вырабатываемой ценностной системы, которая снимет национальное как принципиальную границу познаваемости и взаимодействия, которая опишет максимально представимое — весь мир и саму человеческую историю.

В этом акте великого преодоления советский народ находит свою принадлежность к вечной истории, которая есть для духовности предмет интеллектуального, идеального вмещения, момент удовольствия от субъективного переживания фантастического, управления субъективной реальностью, которая теперь не хаотична, упорядочена целью и мечтой. Все это — способы актуализации субъективной реальности, радость различности и богатства субъективной реальности, переходящие в удовольствие от силы и разнообразия собственного субъективного вообще. История в дореволюционной России стала носить в определенный период образ дурной бесконечности, бессмысленного однородного приращения времени и формы там, где дух уже требовал качества и сути, требовал подлинного управляемого движения либо к единству с реальностью, либо к управляемой тотальной разделенности с ней, в которой есть возможность контролируемого сообщения между ними, контакта и в перспективе всеобщего единства.

Советская культура в рамках «выполнения всемирно-исторической миссии» [3, с. 383] ищет свое предназначение, необходимость мира в себе. Оно необходимо культуре в качестве возможности движения духа, подтверждения своей жизненной динамичности, нетождественности себе, перспективы смены своего содержания. Здесь же он актуализирует себя в качестве возможности познания, приписанного себе содержания, которое связывает духовность, будущее и настоящее. В активной и системной внешней политике культура стремится показать себя миру, стать для него некоторым содержанием, быть описанным другими и таким образом укрепить границы знания о себе. Советская культура хочет быть достойными пристального внимания, интересным и значимым для наблюдателя постоянно, не быть «terra incognita», и в смысле национальной гордости как минимум не смотреть на Запад «снизу вверх».

Советская духовность теперь «вечна» в своей свободной воплощаемости во всем мире, она переживает причастность великой и надежной судьбе, и в этой судьбе снимает символическую зависимость от конечного, конкретного, телесного, распадающегося, множасьего и ввергающего дух в хаос бесцельного многообразия жизни.

Поскольку коммунизм в конечном счете принципиально основан на построении специфической новой антропологии, освобождающейся при помощи границ, поскольку он сам по

себе есть прежде всего антропологический проект, принципиальными для его построения будут «задачи партии в области идеологии, воспитания, образования, науки и культуры» [3, с. 416]. Это антропология ясного представления и самоуправления, антропология, в которой культура в каждом из своих индивидов должна отчетливо представить себя как культуру, сделать себя саму предметом себя, в интеллекте, в воле разделить с собой, со своей природой, со своим прошлым или, по крайней мере, показать саму возможность такого разделения.

В смысле наращивания объема контролируемого субъективно-антропологического содержания страна, за счет ограниченности познания «большинство населения которой было неграмотным, совершила гигантский взлет к вершинам науки и культуры» [3, с. 325]. Культура получила свободу управляемой, потенциально конструируемой абстракции, духовное удовольствие различности, ясности и предсказуемость своего мышления. Советский человек нашел возможность внутреннего интеллектуального творческого самоудовлетворения, изменил свое традиционное отвергающее отношение к стро-го рациональности как таковой. Он, в отличие от дореволюционного русского интеллигента, получил мышление по правилам, мышление, которое свободно как незамкнутое в себе, как имеющее выход к реальности, как имеющее необходимое правило объективности и достаточно простое для овладения и оформленности результатов деятельности.

Качества новой русской рациональной антропологии должны быть найдены во всеобщей ориентации на научное мировоззрение классического типа, когда оно утверждается как культурная ценность, антропологический образец. Научность есть образец новых черт духовности как систематического, ограниченного, повторяемого другими, то есть универсального, неуничтожимого, потенциально принадлежащего всей массе индивидов и таким образом ограничивающее антропологию в исключительно индивидуальном, субъективном, случайном содержании. Наука есть инвариантное знание о мире, ее продукт не может быть значительно изменен чьим-либо жизненным аффектом или превратностью судьбы. Она — образец организации духовной жизни советской культуры, то, с чего можно снимать нормы этой жизни, обладать теми капитальными характеристиками, к которым стремится дух культуры в своей необходимости преодолеть себя, снять в себе свои неспособности как причины своего прошлого страдания.

Все враждебное для советской культуры выражается в символах биологии, животности, преодолеваемой в советской культуре, — по-видимому, так переживается значительная прошлая зависимость русской культуры от природы. Капитализм — это спонтанное животное, социализм — целенаправленное сверхприродное, машина. Западное общество охвачено процессами «загнивания», а «монополистическая буржуазия является бесполезным наростом на общественном организме» [3, с. 332].

Советская культура как освобождающаяся и рефлексирующая сама осознает это свое отношение к тотальной природной зависимости как к источнику духовной слепоты, слитности с собой, сама видит себя вовлеченной в стихийные основы духовной жизни. «Необходимо систематически вести широкую научно-атеистическую пропаганду, терпеливо разъяснять несостоятельность религиозных верований, возникших в прошлом на почве придавленности людей стихийными силами природы и социальным гнетом, из-за незнания истинных причин природных и общественных явлений» [3, с. 419]. Здесь видно, что она осознает многофакторность своей ограниченности, видит, как ограничивающие объективные условия становятся еще более тотальными при неспособности духа.

Разделяющим советскую культуру природе и пространству может быть противопоставлен объединяющий как физически, так и символически, унификационно, образ техники. Только техника может эффективно и быстро ограничивать и разрушать природу, только техника символизирует духу его рационализирующее действие и воспитывает рациональное, последовательное в той части антропологии, где этого качест-

ва еще нет. В этом смысле техника – воспитательное средство советской культуры, образ для снятия необходимых качеств, для подражания, благодаря которому в человеке преодолевается природное. По выражению идеолога научной организации труда А. Гастева, важна не сама машина, а «установка на машину» [5, с. 32].

Русскому мышлению необходимо что-то внешнее, с чего можно снять закономерность, он помнит о своем эскапизме и не доверяет своей субъективности как источнику идеального. Он хочет отнестись к природе с позиции равнодушной техники, разделить и расчленив ее, ограничить ее, прекратить ее стихийность. Взаимодействие со сложными технологиями, принцип которых не может быть понят интуитивно, косвенно повышает осознанность своей культуры вообще. Развитие «массового изобретательства и рационализаторского движения, предприятий, цехов, совхозов, колхозов, бригад и новаторов труда» [3, с. 397] есть проект в том числе всеобщей рационализации и унификации индивидуальных сознаний.

Систематическое разумно-волевое следование плану противопоставляется природно-эмоциональному, животной необходимости, от которой необходимо освободиться как от своей тотальной границы, но для этого нужно ограничить это самое стихийно-духовное, ограничить неясные, внесознательные и иррациональные аспекты духовности.

Советская наука «увеличивает власть человека над природой и не оставляет места для фантастических вымыслов религии о сверхъестественных силах». Советская культура не хочет содержать в себе ничего такого, чего принципиально не могла бы познать, относительно чего не могла бы выступать как интеллектуально-управляющая, как вместилище все в свою рациональность. Эта невозможность есть символ ее страдания в историческом прошлом, есть капитальная черта ее прошлого образа, от которого она хотела бы уйти. Поэтому советская духовность запрещает к познанию и рассмотрению все то, что не может быть познано однозначно и с методологией, которая передавалась бы другому быстро и в определенном смысле гарантированно.

Чтобы система могла быть создана и не могла быть разрушена, ограниченная советская культура поражает в правах любое индивидуальное, в том числе и индивидуальный интеллект, так как оно может быть случайным, так как этиология возникновения этого индивидуального не ясна на уровне механистической или математической модели. Индивидуальный дух при этом и сам не хочет быть отделенным, хочет участвовать в том, что несравнимо больше, чем он, поэтому индивид и коллективная интуиция движутся в ограничении навстречу друг другу.

Поэтому Программа говорит, «выражая коллективную мысль партии» [3, с. 322], которая есть переход от индивидуальной замкнутости к коллективно отобранному и выработанному идеальному. Коллективная мысль реальна в качестве

жизненно необходимых доминирующих интеллектуальных установок, она основана на неосознанных в интуициях культуры, на всеобщих очевидностях. Их отсутствие нелепимо, так как сама независимая от духа, тотальная в своем воздействии на дух реальность советской культуры диктует стремление к универсальному, которое возможно в рамках упрощенной тотальной болью и удовольствием схемы бытия в качестве необходимости.

Несмотря на особое положение идей в советской культуре, советская научность ограничена и в ее чистой спекулятивности, она не может порождать знание из самой себя, знание, которое усложняет монистичную картину мира, разрывает представление своей относительной спонтанностью. В коммунистической культуре «наука станет в полной мере непосредственной производительной силой» [3, с. 397], потому теория не может быть чистой теорией, теорией для себя, замыкающей разум, ведущем его от объективного закона реальности в предельную абстракцию ради игры ум, без необходимости духа или практики. Поэтому «теория и впредь должна освещать путь практике, помогать выявлению и преодолению препятствий и трудностей, мешающих успешному коммунистическому строительству» [3, с. 417].

Необходимость ограничения чистой, спонтанной теоретичности состоит еще и в том, что дух не может впасть в иллюзорность чистой теорией, он должен связываться с реальностью, корректироваться, избегать замыкания в себе.

Требование постепенного выхода из этой теоретичности еще не означает, что советская культура не содержит сакрализованных идей, которые символизируют доминирование человеческого, логического над спонтанным. Но опыт приобретает все большее значение по мере наращивания ощущения успешности культуры, идеи не должны больше быть фактором ненадежной деуниверсализации реальности – советская культура хочет знать мир во всей возможной полноте, не замыкаться в новом эскапизме, пусть он уже и содержит твердые правила движения.

Спонтанная жизненность, так же как спонтанная теоретичность, есть извращение истинного, подконтрольного воле идеального, неконтролируемое изменение системы ценностей. «Извращенным» противопоставляются именно «простые», непротиворечивые нормы нравственности и справедливости.

В смысле отношения духа к самому себе и миру ограниченность советской культуры есть требование духовного постоянства, непрерывности, отсутствие кардинальной разности состоянии духовности. Это стремление природную цикличность и психологическую дуальность, не испытывать когнитивного диссонанса от незнания того, как действовать сейчас и в будущем; двойственность и цикличность есть конечность, временность, ненадежность, неаффирмативность мироощущения, которую нужно снять.

Библиографический список

1. Федяев, Д. М. Литературные формы приобщения к бытию. - Омск: ОмГПУ, 1998.
2. Бердяев, Н. А. Судьба России. - М., 2004.
3. Материалы XXII съезда КПСС. - М.: Госполитиздат, 1961.
4. Кара-Мурза, С. Г. Советская цивилизация: от Великой Победы до наших дней (книга вторая). - М., 2001.
5. Гастев А. К. Как надо работать: Практическое введение в науку организации труда / под общ. ред. Н. М. Бахарова. — М., 1966.

Bibliography

1. Fedyaev, D. M. Literaturniye formi priobtheniya k bihtiyu. - Omsk: OmGPU, 1998.
2. Berdyayev, N. A. Sudjba Rossii. - M., 2004.
3. Materialih XXII sjhezda KPSS. - M.: Gospolitizdat, 1961.
4. Kara-Murza, S. G. Sovetskaya civilizaciya: ot Velikoj Pobedih do nashikh dneij (kniga vtoraya). - M., 2001.
5. Gastev A. K. Kak nado rabotaj: Prakticheskoe vvedenie v nauku organizacii truda / pod obth. red. N. M. Bakharova. — M., 1966.

Статья поступила в редакцию 20.07.11

Раздел 7

ЭКОЛОГИЯ.

ЭКОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА И ГИГИЕНА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Редакторы раздела:

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ ПУЗАНОВ – доктор биологических наук, профессор, зам директора по научной работе Учреждения Российской академии Института водных и экологических проблем Сибирского отделения РАН (г. Барнаул)

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ МЕШКОВ – доктор медицинских наук, профессор Научно-исследовательского института экологии человека и гигиены окружающей среды им. А.Н. Сысина РАМН, член Российской научной комиссии по радиационной защите (г. Москва)

УДК 614.777:576.8.078

Artemova T.Z. **SUBSTANTIATION OF AN INTEGRATED DISPLAY PARAMETER OF AN ESTIMATION OF POTENTIAL DANGER OF OCCURRENCE OF INTESTINAL INFECTIONS AT DRINKING WATER USE.** In work the scientific substantiation of display value of a parameter of an estimation of quality of potable water, as the most reliable in an establishment of a degree of epidemic danger of occurrence of intestinal infections is submitted at drinking water use and based on a fermentation of glucose.

Key words: колиформные параметры, an integrated parameter, display bacteria, сальмонеллы, potential – pathogenic bacteria, intestinal infections, quality of potable water.

Т.З. Артемова, Ю.А. Рахманин, А.Е. Недачин, Е.К. Гипп, Н.Н. Буторина, А.В. Загайнова, Ю.Г. Талаева, Т.Н. Максимкина, лаборатория санитарной микробиологии и паразитологии ФГБУ «НИИ ЭЧ и ГОС им. А.Н. Сысина» Минздрава России, г. Москва, E-mail: mi1kbacterialab@1st.ru

ОБОСНОВАНИЕ ИНТЕГРАЛЬНОГО ИНДИКАТОРНОГО ПОКАЗАТЕЛЯ ОЦЕНКИ ПОТЕНЦИАЛЬНОЙ ОПАСНОСТИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КИШЕЧНЫХ ИНФЕКЦИЙ ПРИ ПИТЬЕВОМ ВОДОПОЛЬЗОВАНИИ

В работе представлено научное обоснование индикаторного значения показателя оценки качества питьевой воды, как наиболее надежного в установлении степени эпидемической опасности возникновения кишечных инфекций при питьевом водопользовании и основанного на ферментации глюкозы.

Ключевые слова: колиформные показатели, интегральный показатель, индикаторные бактерии, сальмонеллы, потенциально-патогенные бактерии, кишечные инфекции, качество питьевой воды.

Решение вопроса об индикаторной значимости показателей необходимо для обоснования включения этих показателей в комплексную оценку качества питьевой воды по критерию эпидемической безопасности в отношении кишечных инфекций, ассоциированных с водным фактором передачи. Для оценки микробного риска при питьевом водопользовании необходим выбор интегрального показателя, надежность которого в установлении степени эпидемической опасности возникновения кишечных инфекций должна быть научно обоснована.

Использована методология научного обоснования показателей, которая заключается в установлении соответствия закономерностей жизнедеятельности индикаторных с патогенными микроорганизмами в реальных условиях действия комплекса факторов, в том числе обеззараживающих агентов. В одной пробе воды одновременно определяли индикаторные общие (ОКБ), термотолерантные (ТКБ), глюкозоположитель-

ные (ГКБ) колиформные бактерии, *E.coli*, энтерококки, клостридии, патогенные бактерии (сальмонеллы), а также потенциально-патогенные бактерии (синегнойные палочки, клебсиеллы). *E.coli* и энтерококки оценивали с точки зрения показателей, рекомендуемых в качестве основных параметров Директивы ЕС [1].

При проведении экспериментальных и натурных исследований получена сравнительная оценка показателей по наличию основных признаков индикаторного микроорганизма, а именно устойчивость к обеззараживающим агентам, длительность выживаемости в питьевой и подземных водах. Эти признаки должны превышать таковые у возбудителей, без чего индикаторные показатели не будут иметь достаточно высокую степень надежности контроля в обеспечении эпидемической безопасности водопользования.

В экспериментальных исследованиях установлено, что колиформные бактерии, определяемые по ферментации лакто-

зы, оказались менее устойчивыми, чем сальмонеллы и потенциально-патогенные бактерии (синегнойная палочка, клебсиелла) к действию обеззараживающих агентов (хлор, озон, фотосенсибилизаторы, гуанидинсодержащие препараты, и др.), что не должно быть присуще индикаторному микроорганизму.

При изучении эффективности диоксида хлора (рис. 1) в отношении бактерий выявлена сравнительно с сальмонеллами меньшая устойчивость *E.coli*, ОКБ и ТКБ, которые не обнаруживали при двух часах контакта, в то время как сальмонеллы и ГКБ оставались жизнеспособными более 3 часов.

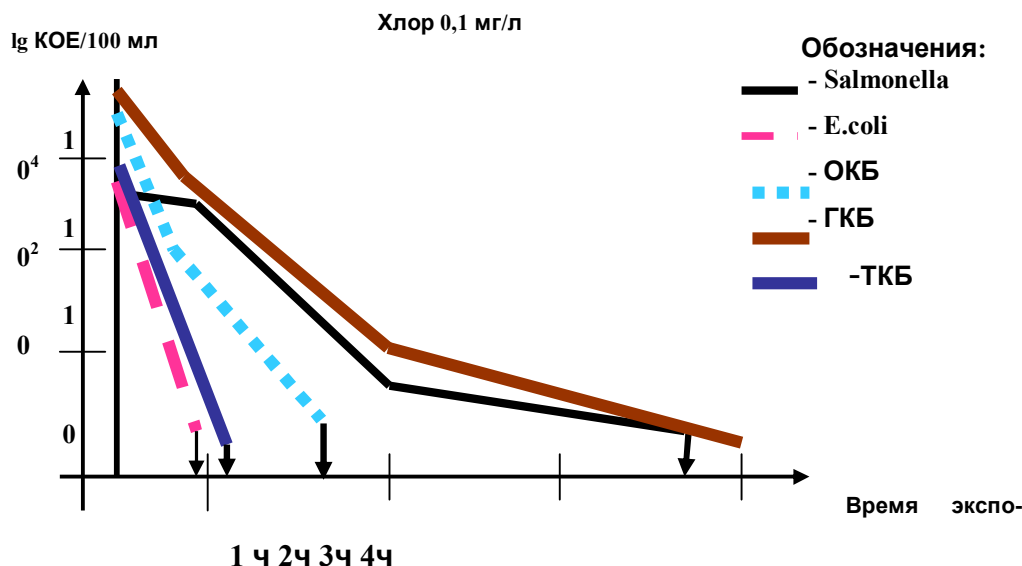

Рис. 1. Сравнительная устойчивость индикаторных и патогенных бактерий к действию диоксида хлора

В модельных водоемах при действии гипохлорита натрия на бактерии установлено, что через один час контакта более устойчивыми, чем сальмонеллы оказались ГКБ и энтерококки, и тем самым сохраняли индикаторное значение, в отличие от бактерий ОКБ и ТКБ.

Изучено индикаторное значение бактериологических показателей при комбинированном действии обеззараживающих агентов (хлора и озона). Установлена большая устойчивость сальмонелл к совместному действию этих дезинфектантов, чем термотолерантная *E.coli* и ОКБ. Сальмонеллы отмирали при времени контакта 4 часа, в то время как *E.coli* и ОКБ не обнаруживали через два часа. Индикаторное значение в отношении патогенных бактерий сохраняли только ГКБ.

Выявлена меньшая устойчивость ТКБ к физическим факторам, чем сальмонеллы, что было показано в экспериментах на модельных водоемах под воздействием технологии Грандера (рис. 2). ТКБ инактивировались на вторые сутки, а сальмонеллы только на четырнадцатые. В этом эксперименте ГКБ также сохраняли индикаторное значение [2].

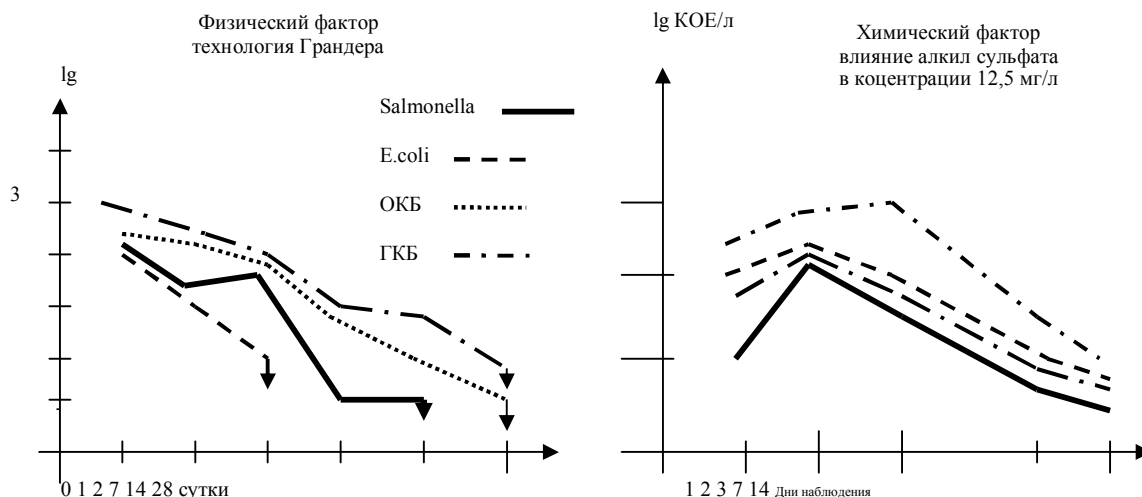

Рис. 2. Индикаторное значение колиформных показателей под воздействием факторов окружающей среды

Выявлена меньшая устойчивость термотолерантной *E.coli* по сравнению с *Salmonella* к физическим факторам, например низкочастотному облучению. В экспериментах под воздействием технологии Грандера *E.coli* инактивировались на вторые

сутки, а *Salmonella enteritidis* и *Salmonella infantis* на 14 сутки. При этом общие и глюкозоположительные колиформы сохраняли индикаторное значение, выживая в два раза дольше, чем *Salmonella*.

Таким образом, в экспериментах по изучению эффективности различных дезинфектантов глюкозоположительные колиформы обладали равной или большей устойчивостью по сравнению с возбудителями кишечных инфекций, что обеспечивает надежность контроля эффективности обеззараживания по этому показателю.

Эти экспериментальные данные подтверждены натурными наблюдениями на водопроводах различных климатических зон страны. Так, изучение видового состава бактерий, выделяемых после первичного хлорирования на Рублевской водопроводной станции, показало наибольшую устойчивость клебсиелл, энтеробактеров, цитробактеров и других видов, входящих в показатель ГКБ, что подтверждает индикаторное значение этого показателя в выявлении возможного пути про-

никновения возбудителей инфекционных заболеваний в питьевую воду. Бактерии *E.coli* при этом не были обнаружены и, следовательно, не обладали этой функцией [3].

Экспериментально доказано, что *E.coli* и другие лактозоположительные колиформные бактерии не могут служить надежными индикаторами при выявлении потенциальной эпидемической опасности в случаях вторичного загрязнения питьевой воды в сетях, водоразборных колонках, резервуарах и других водопроводных сооружениях, протяженных водоводах и т.п. Так, при моделировании вторичного загрязнения водопроводной дехлорированной воды установлено размножение сальмонелл (*Salmonella infantis* и *Salmonella enteritidis*) и длительное выживание в воде до 42 суток (рис. 3).

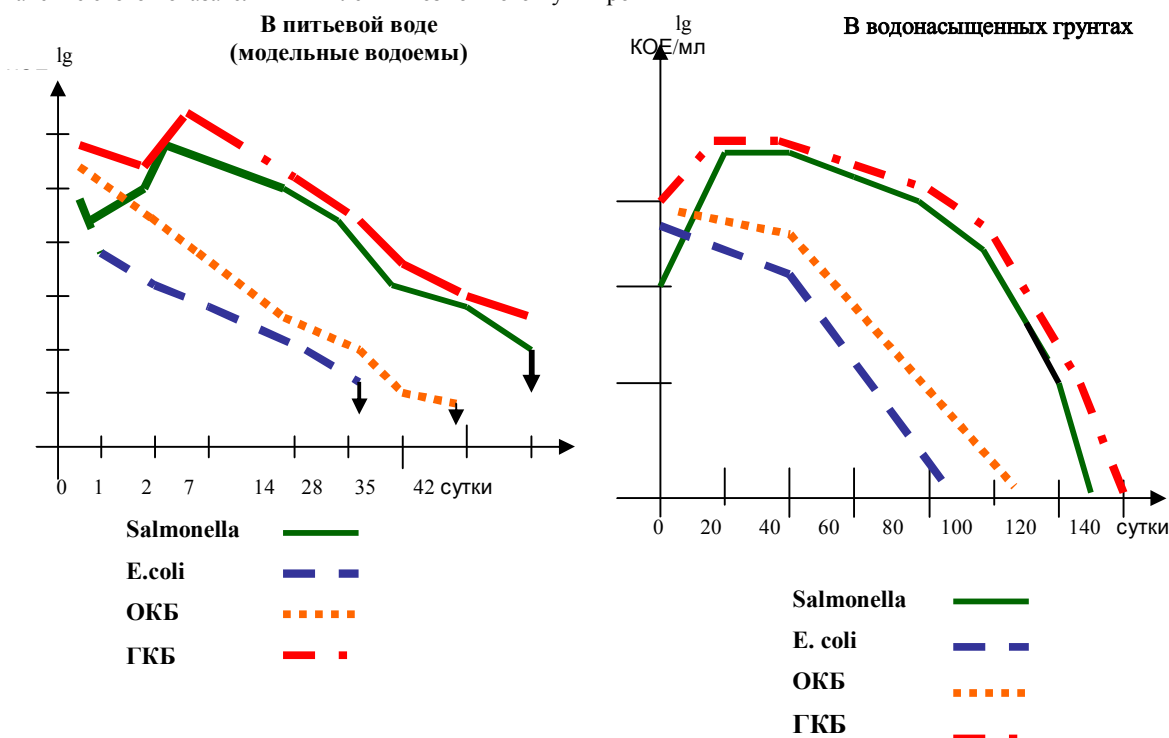

Рис. 3. Выживаемость сальмонелл и колиформных бактерий в питьевой воде и водонасыщенных грунтах

При этом *E.coli* отмирали через 15 суток, ОКБ через 35 суток, ГКБ выживали более длительно, чем сальмонеллы и, следовательно, только этот показатель сохранял индикаторную значимость [4].

Демонстративные данные, показывающие к каким последствиям привело введение лактозоположительных индикаторов при выявлении вторичного загрязнения водоразборных колонок в городе Димитровграде Ульяновской области. По показателям ОКБ и ТКБ загрязнение воды установлено только в 60 колонках и на основании этих результатов проведено их санирование. В остальных 63 колонках города население было вынуждено пить воду, загрязненную лактозоотрицательными бактериями, среди которых преобладали условно-патогенные виды. Для проведения санации этих колонок не было основания, так как по существующим критериям СанПиН 2.1.4. 559-96 вода отвечала установленным требованиям.

Что касается индикаторного значения показателей при оценке качества воды подземных источников, то многолетними исследованиями закономерностей вегетирования патогенных и индикаторных микроорганизмов в зависимости от таких факторов как степень исходного заражения, pH, температуры, присутствия химических веществ в различного типа водонасыщенных грунтах были установлены длительные сроки выживания сальмонелл, особенно паратифа В и шигелл,

достигавшие 300-400 суток при сохранении их вирулентности [5]. При длительном вегетировании в воде показано изменение видового состава бактерий за счет более интенсивного отмирания *E.coli* по сравнению с цитробактерами и энтеробактерами. В ряде экспериментов установлено размножение сальмонелл и их более длительная выживаемость по сравнению с *E.coli*, что указывает на снижение индикаторного значения этого показателя (рис. 3).

В натурных условиях при изучении скорости миграции микроорганизмов в подземных водах при их искусственном пополнении установлено наибольшее индикаторное значение ГКБ и энтерококков (рис. 4). При этом дальность распространения *E.coli* составила всего 20м, ГКБ – 100м, а энтерококков – 200м [6]. Эти данные объясняют, почему при исследовании свыше 150 проб питьевой воды из подземных источников в Подмоскowie ни разу не была выявлена *E.coli*, ТКБ обнаруживали только в 2% проб, ОКБ – в 5% проб. При этом возможность загрязнения водоносных горизонтов была показана по выделению ГКБ в 21% проб и синегнойных палочек в 6,1% проб.

Натурные наблюдения на водопроводах различных территорий подтвердили экспериментальные данные о большей устойчивости и выживаемости возбудителей по сравнению с лактозоположительными колиформами.

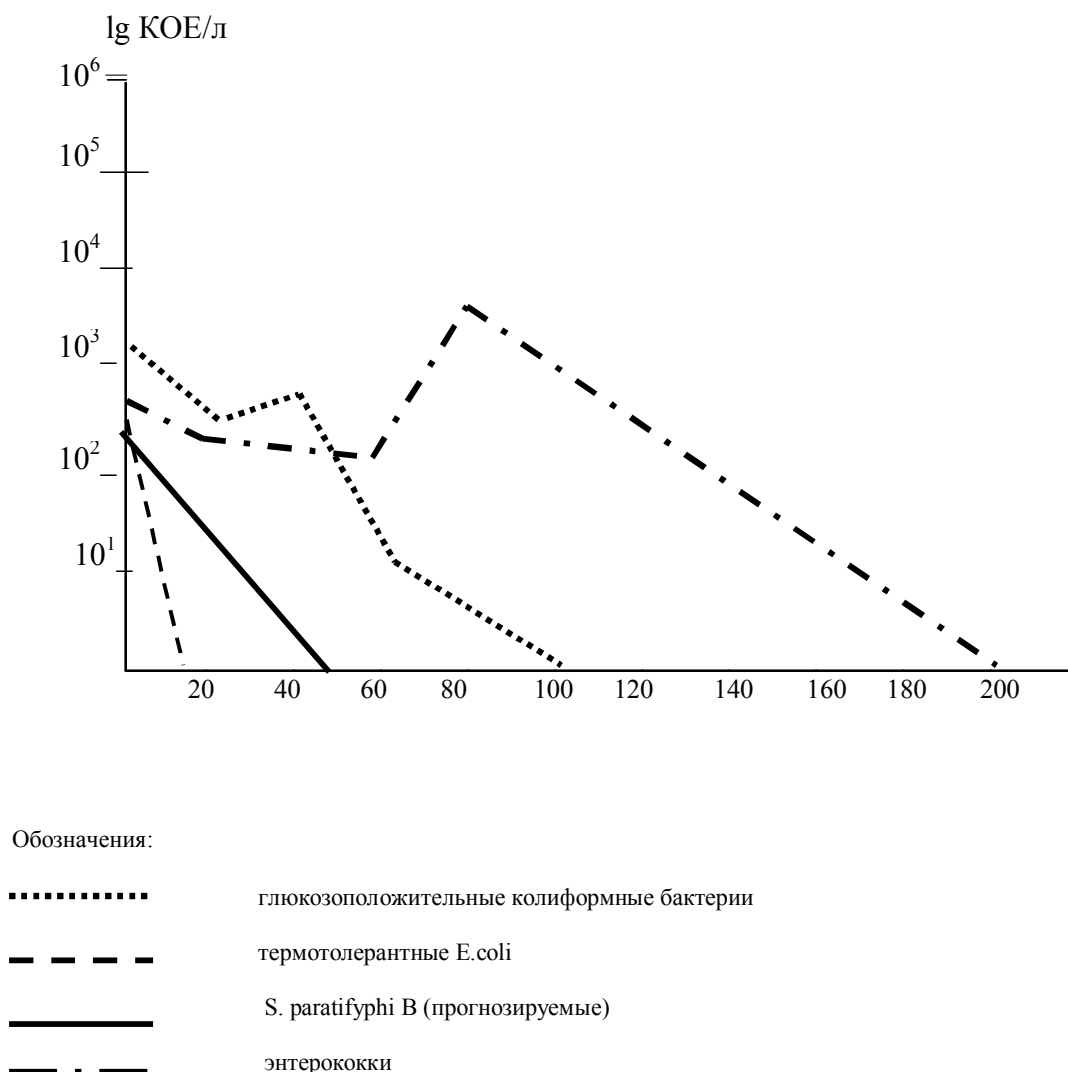

Рис. 4. Динамика микробного самоочищения подземных вод при фильтрации в среднезернистых песках (натурные исследования)

Размножение сальмонелл было выявлено на оголовке скважины детской базы отдыха в Подмоскowie (бактериологом ЦГСЭН г. Москвы К.М. Клименковой). Вспышка сальмонеллэза была предотвращена только при использовании для контроля глюкозоположительных колиформных бактерий, в то время как по лактозоположительным колиформам качество воды соответствовало установленным требованиям.

При оценке эффективности опреснения воды доказана большая устойчивость сальмонелл, их способность к размножению, накоплению на поверхностях фильтрующих материалов, стимулирующее действие на эти процессы ПАВ и нефтепродуктов, что привело к вторичному загрязнению опресненной воды [7].

Снижение надежности контроля эпидемической безопасности питьевой воды по лактозоположительным индикаторам было наглядно показано на территориях в южных регионах страны, где был установлен водный путь передачи кишечных инфекций (рис. 5.).

Показано, что при отсутствии в питьевой воде ОКБ и E.coli и высоком числе нестандартных проб по глюкозоположительным колиформам регистрировалась заболеваемость кишечными инфекциями среди контингента повышенного риска (дети до 2 лет, учащиеся и престарелые). Этиологическая расшифровка показала, что возбудителями заболеваний являлись потенциально-патогенные бактерии семейства Enterobacteriaceae и синегнойная палочка. Эти же бактерии были

выделены из воды разводящей сети, загрязнение которой было обусловлено перепадами давления при периодическом отключении напора, изношенностью сетей и разгерметизацией трубопроводов. На этом же массиве данных подтверждена надежность критерия безопасности в отношении кишечных инфекций – отсутствие ГKB в 300 мл питьевой воды. Лактозоположительные показатели при таком же нормативе не гарантировали эпидемическую безопасность. При отсутствии ОКБ и E.coli в 300 мл имела место заболеваемость ОКИ среди детей 1-3 года, учащихся и взрослых старше 50 лет. В городах Ростовской области – Азове, Цимлянске [8] потенциально-патогенные бактерии (синегнойные палочки, клебсиеллы) были выделены при отсутствии E.coli в 26,4% проб, а при отсутствии ОКБ- в 12,5% проб (таблица 1.2.1). Клебсиеллы были обнаружены в количестве свыше 1000 КОЕ на 100мл, что превышает инфицирующую дозу этого микроорганизма [9]. Во всех этих случаях только показатель ГKB надежно отражал высокую эпидемическую опасность питьевого водопользования.

В этот же период времени данные лаборатории ЦГСЭН в г. Азове, проводившей анализ по лактозоположительным показателям СанПин 2.1.4. 1074-01 [10], свидетельствуют об обнаружении всего лишь 10,4% нестандартных проб по наличию ОКБ. Из этого числа ТКБ подтверждены в 2% проб (таблица 1).

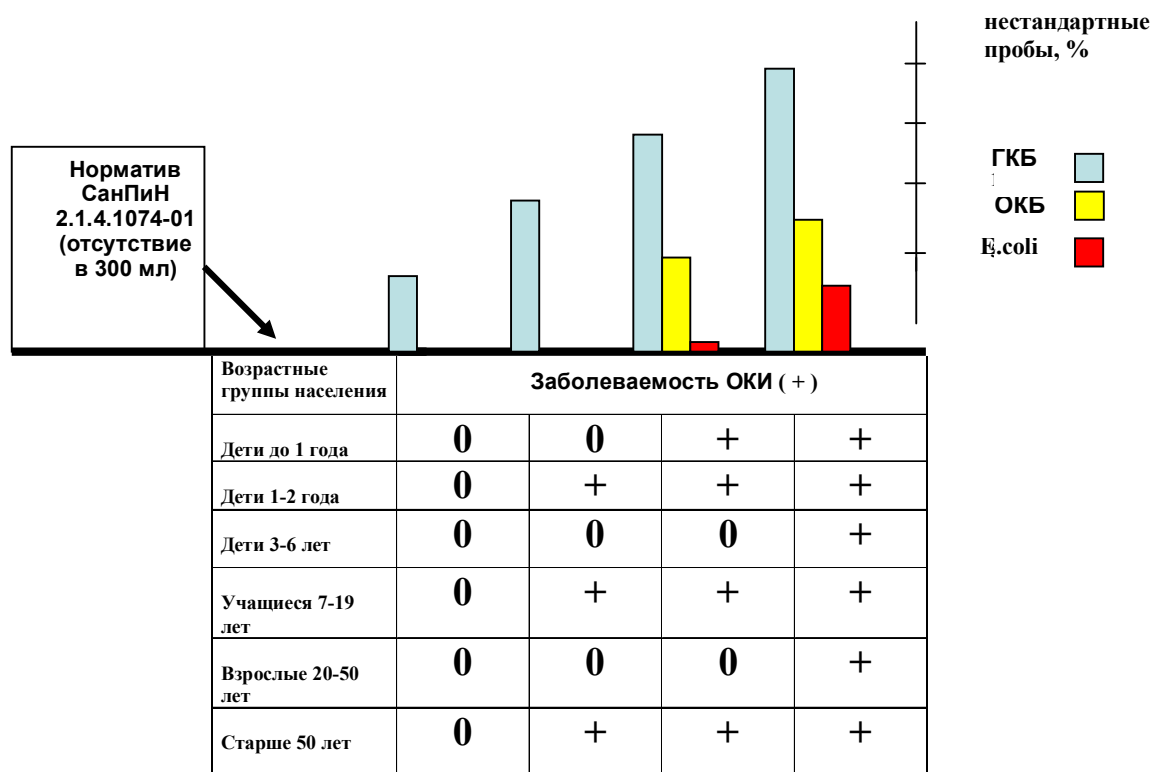

Рис. 5. Приоритетность показателя ГКБ при оценке эпидемической безопасности питьевой воды

Таблица 1

Частота выделения санитарно-показательных и потенциально патогенных микроорганизмов в водопроводной воде г. Азова за 2001-2003 гг. (по данным ФБУН «Ростовский НИИ микробиологии и паразитологии» Роспотребнадзора)

Год	Количество проб	Частота выделения, %.				
		ГКБ	ОКБ	ТКБ	Klebsiella	Ps. aeruginosa
2001	24	21,4	15,1	8,3	19,2	4,2
2002	24	39,3	20,1	4,2	38,3	12,5
2003	24	38,7	19,6	0	35,2	0
Итого	72	33,1	18,3	4,2	30,9	5,6

Наибольшее значение показателя ГКБ в оценке риска возникновения кишечных инфекций на данной территории подтверждается данными заболеваемости ОКИ, которые выше

в г. Азове, чем в целом по Ростовской области, (311 и 240 на 100 тысяч населения соответственно в 2004 г).

Таблица 2

Частота выделения санитарно-показательных микроорганизмов в водопроводной воде г. Азова за 2001-2003 гг. (по средним данным ЦГСЭН в г. Азове)

Год	Количество проб	ОКБ		ТКБ	
		Частота выделения, %	КОЕ/ 100 мл	Частота выделения, %	КОЕ/100 мл
2001	208	16,8	0,2	3,8	0,07
2002	148	9,1	ОД	0,7	0,002
2003	187	5,3	0,14	1,6	0,03
Итого	617	10,4	0,15	2,0	0,034

Вышеизложенное свидетельствует о том, что при массовом загрязнении водоисточника, недостаточной барьерной роли водоочистных сооружений и несоблюдении санитарных условий распределения воды, водный фактор распространения кишечных инфекций был выявлен при оценке качества воды по широкому интегральному показателю ГКБ и определении при контроле качества питьевой воды потенциально-патогенных бактерий (клебсиелл и синегнойной палочки).

Утрата предупредительной функции микробиологического контроля воды по показателям ОКБ и ТКБ можно продемонстрировать на примере г. Протвино, где вспышку ОКИ и гепатита А не удалось предотвратить, т.к. при отсутствии показателей ОКБ и ТКБ в питьевой воде не было доказано поступление загрязнений в водоносный горизонт, при этом по обнаружению бактерий, ферментирующих глюкозу, было четко прогнозировано развитие вспышечной ситуации, но из-

за отсутствия этого показателя в нормативных документах не было основания к организации профилактических мероприятий – введения обеззараживания питьевой воды.

За рубежом опубликованы материалы, показывающие, что контроль качества воды в европейских странах и США, проводимый по лактозоположительным колиформным бактериям и *E.coli* не обеспечивает эпидемическую безопасность водопользования. Описаны вспышки заболеваний кишечными инфекциями водного происхождения при стандартном качестве воды (Seligman, Reitler в Ливерпуле в 1965г., Gallagher, Spino в Риверсайде в 1968г.).

По данным известного американского аналитика (G. Craun с соавт., 2002), за 1991-1998 годы на трех территориях США больше половины из 126 водных вспышек происходило при отсутствии в воде колиформных бактерий, что не позволило предотвратить заболеваемость населения [11].

Все вышеизложенное свидетельствует, что только контроль качества воды по интегральному показателю ГKB надежно гарантирует отсутствие в питьевой воде патогенных и потенциально-патогенных бактерий при стандартном качестве воды, обеспечивает предупредительную функцию контроля, необходимого для своевременного проведения мероприятий, в результате чего предотвращается заболеваемость населения бактериальными кишечными инфекциями.

В нашей стране имеется более чем тридцатилетний опыт контроля качества питьевой воды [12] с использованием в качестве основного нормируемого показателя широкой группы колиформных бактерий – ГKB (БГКП)*, являющейся уникальным интегральным показателем потенциальной опасности возникновения кишечных инфекций бактериальной этиологии. За этот период не наблюдалось вспышек кишечных

инфекций при стандартном качестве воды, неоправданного повышения доз хлора на водопроводных станциях, а гиперхлорирование проводилось только по эпидемическим показаниям.

Таким образом, в экспериментальных исследованиях и в реальных ситуациях контроля качества воды различного водопользования установлено существенное преимущество индикаторного показателя, идентифицируемому по ферментации глюкозы и отрицательному оксидазному тесту по сравнению с лактозоположительными индикаторами. Сравнение проведено по основному критерию надежности выявления степени потенциальной эпидемической опасности возникновения бактериальных кишечных инфекций, связанных с водным фактором передачи, этиологическим агентом которых могут быть не только патогенные, но и потенциально-патогенные бактерии.

На основании многолетних исследований в различных регионах страны по сопоставлению качества воды и заболеваемости населения кишечными инфекциями целесообразно рекомендовать глюкозоположительный показатель в качестве основного нормирования при пересмотре нормативных документов, что было поддержано главным санитарным врачом Онищенко Г.Г. [14]. Целесообразно также обсудить возможность новой расшифровки аббревиатуры БГКП, предложенной авторами [13], который по нашему мнению более точно определяет сущность показателя называемого ранее бактерии группы кишечных палочек.

*БГКП – бактериологический глюкозоположительный колиформный показатель, вместо бактерий группы кишечных палочек.

Библиографический список

1. Директива Совета Европейского Союза 98/83/ЕС от 03.11.98 по качеству воды предназначенную для потребления человеком. – М., 1999.
2. ЕКВАТЕК: Материалы конгресса. – М. - 2000. – Т. 1, 3.
3. Гигиена и санитария. – 2005. – № 6.
4. Итоги и перспективы научных исследований по проблеме экологии человека и гигиены окружающей среды. – М, 2005.
5. Моложаева, Е.И. Гигиенические аспекты охраны окружающей среды: сборник научных трудов / Е.И. Моложаева, Ю.Г. Талаева, Г.А. Багдасарьян [и др.] / под ред. Е.И. Корневской. – М, 1976.
6. Николаева, Т.А. Актуальные вопросы санитарной микробиологии / Т.А. Николаева, Е.И. Моложаева, И.И. Корнев. – М., 1973.
7. Рахманин, Ю.А. Гигиеническое изучение биологического загрязнения окружающей среды: материалы IX Всероссийской конференции / Ю.А. Рахманин, Ю.Н. Никитина. – М., 1983.
8. Алешня, В.В. Угрозы здоровью человека: современные гигиенические проблемы и пути их решения: материалы пленума межведомственного научного совета по экологии человека и гигиены окружающей среды РФ / В.В. Алешня, П.В. Журавлев, С.В. Головина [и др.]. – Москва, 2002.
9. Артемова, Т.З. Гигиеническое изучение биологического загрязнения окружающей среды: материалы IX Всесоюзной конференции / Т.З. Артемова, Ю.Г. Талаева, Б.С. Киселева. – М., 1983.
10. СанПиН 2.1.4.1074-01 Питьевая вода. Гигиенические требования к качеству воды централизованных систем питьевого водоснабжения. Контроль качества/Минздрав России. – М., 2002.
11. Craun, U.F. Environmental Health / U.F. Craun, N. Nwachuku, R.L. Calderon, M.F. Craun, 2002. – № 65(1).
12. ГОСТ 18963-73 Вода питьевая. Методы санитарно-бактериологического анализа // Минздрав СССР. – М., 1973.
13. Онищенко, Г.Г. Бенчмаркинг качества питьевой / Г.Г. Онищенко, Ю.А. Рахманин, С.В. Кармазинов, В.А. Грачев, Е.Д. Неведова. – СПб., 2010.
14. Онищенко, Г.Г. Эффективность обеззараживания воды - основа профилактики инфекционных заболеваний // Водоснабжение и санитарная техника. – 2005. – № 12. – Ч. 1.

Bibliography

1. Direktiva Soveta Evropejskogo Soyuzu 98/83/ES ot 03.11.98 po kachestvu vodih prednaznachenuyu dlya potrebleniya chelovekom. – М., 1999.
2. EhKVATEK: Materialih kongressa. – М. - 2000. – Т. 1, 3.
3. Gigena i sanitariya. – 2005. – № 6.
4. Itogi i perspektivih nauchnikh issledovaniy po probleme ehkologii cheloveka i gigenih okruzhayuthey sredih. – М, 2005.
5. Molozhavaya, E.I. Gigenicheskie aspektih okhrani okruzhayuthey sredih: sbornik nauchnikh trudov / E.I. Molozhavaya, Yu.G. Talaeva, G.A. Bagdasarjyan [i dr.] / pod red. E.I. Korenevskoy. – М, 1976.
6. Nikolaeva, T.A. Aktualnihe voprosih sanitarnoy mikrobiologii / T.A. Nikolaeva, E.I. Molozhavaya, I.I. Kornev. – М., 1973.
7. Rakhmanin, Yu.A. Gigenicheskoe izuchenie biologicheskogo zagryazneniya okruzhayuthey sredih: materialih IX Vseroiyskoy konferencii / Yu.A. Rakhmanin, Yu.N. Nikitina. – М., 1983.
8. Aleshnya, V.V. Ugrozih zdorov'yu cheloveka: sovremennihe gigenicheskie problemih i puti ikh resheniya: materialih plenuma mezhvedomstvennogo nauchnogo soveta po ehkologii cheloveka i gigenih okruzhayuthey sredih RF / V.V. Aleshnya, P.V. Zhuravlev, S.V. Golovina [i dr.]. – Moskva, 2002.
9. Artemova, T.Z. Gigenicheskoe izuchenie biologicheskogo zagryazneniya okruzhayuthey sredih: materialih IX Vsesoyuznoy konferencii / T.Z. Artemova, Yu.G. Talaeva, B.S. Kiseleva. – М., 1983.
10. SanPiN 2.1.4.1074-01 Pitjevaya voda. Gigenicheskie trebovaniya k kachestvu vodih centralizovannih sistem pitjevo vodosnabzheniya. Kontrol' kachestva/Minzdrav Rossii. – М., 2002.
11. Sraun, U.F. Environmental Health / U.F. Sraun, N. Nwachuku, R.L. Calderon, M.F. Craun, 2002. – № 65(1).
12. GOST 18963-73 Voda pitjevaya. Metodih sanitarno-bakteriologicheskogo analiza // Minzdrav SSSR. – М., 1973.
13. Onithenko, G.G. Benchmarking kachestva pitjevoy / G.G. Onithenko, Yu.A. Rakhmanin, S.V. Karmazinov, V.A. Grachev, E.D. Nefedova. – SPb., 2010.
14. Onithenko, G.G. Ehffektivnost obezzarazhivaniya vodih - osnova profilaktiki infekcionnihh zabolovaniy // Vodosnabzhenie i sanitarnaya tekhnika. – 2005. – № 12. – Ch. 1.

Статья поступила в редакцию 20.07.11

УДК 614.777:579.68

Zagajnova A.V. DEVELOPMENT OF APPROACHES TO AN ESTIMATION OF RISK OF OCCURRENCE OF THE BACTERIAL INTESTINAL INFECTIONS DISTRIBUTED BY A WATERWAY. Work is devoted to development of two mathematical models according to risk of occurrence of bacterial intestinal infections: at allocation and identification of bacterial activators of intestinal infections from water sources in view of their pathogenic and вирулентных properties and depending on sanitary-and-hygienic conditions and real bacterial loading of water. The first model allows to predict probability of occurrence of bacterial intestinal infections at allocation of several bacterial activators from water of various water sources. In the second model in an estimation of microbic risk takes into account dependence of sanitary-and-hygienic conditions of water use of the population and real bacterial loading. This model allows not only to predict change of sanitary – epidemic conditions but also to isolate major factors by which these changes are caused to prove противозидемические the actions providing safety of water use.

Key words: an estimation of microbic risk, the potential – pathogenic bacteria, infecting doze, time of development of infectious process, intestinal infections.

А.В. Загайнова, канд. биол. наук, науч. сотрудник лаборатории санитарной микробиологии и паразитологии ФГБУ «НИИ ЭЧ и ГОС им. А.Н. Сысина» Минздравсоцразвития России, г. Москва, E-mail: angelikaangel@mail.ru; **Ю.А. Рахманин**, академик РАМН, директор ФГБУ «НИИ ЭЧ и ГОС им. А.Н. Сысина» Минздравсоцразвития России, г. Москва, E-mail: sysin@comcor.ru

РАЗРАБОТКА ПОДХОДОВ К ОЦЕНКЕ РИСКА ВОЗНИКНОВЕНИЯ БАКТЕРИАЛЬНЫХ КИШЕЧНЫХ ИНФЕКЦИЙ, РАСПРОСТРАНЯЕМЫХ ВОДНЫМ ПУТЕМ

Работа посвящена разработке двух математических моделей по оценке риска возникновения бактериальных кишечных инфекций: при выделении и идентификации бактериальных возбудителей кишечных инфекций из водоисточников с учетом их патогенных и вирулентных свойств и в зависимости от санитарно-гигиенических условий и реальной бактериальной нагрузки воды. Первая модель позволяет прогнозировать вероятность возникновения бактериальных кишечных инфекций при выделении нескольких бактериальных возбудителей из воды различных водоисточников. Во второй модели оценки микробного риска учитывает зависимость санитарно-гигиенических условий водопользования населения и реальной бактериальной нагрузки. Эта модель позволяет не только прогнозировать изменение санитарно-эпидемической обстановки, но и вычленить основные факторы, которыми эти изменения обусловлены, обосновать противозидемические мероприятия, обеспечивающие безопасность водопользования.

Ключевые слова: оценка микробного риска, потенциально-патогенные бактерии, инфицирующая доза, время развития инфекционного процесса, кишечные инфекции.

Заболеваемость населения острыми кишечными инфекциями выходит далеко за рамки вопросов, решаемых здравоохранением, и напрямую связана с охраной окружающей среды, улучшением экологической обстановки и, в частности, с качеством подаваемой населению питьевой воды. Одним из наиболее значимых факторов распространения инфекционных кишечных заболеваний является водный путь передачи, вероятность которого в современных условиях существенно расширяется и представляет собой серьезную эпидемиологическую проблему [1; 2]. По данным ЮНЕСКО, более 80% болезней человека связано с качеством воды. Экономический ущерб от использования недоброкачественной питьевой воды составляет сотни миллиардов долларов [3].

Новым направлением в методологии оценки риска является концепция риска от воздействия патогенной и потенциально-патогенной микрофлоры водной этиологии, под которым понимают вероятность развития нарушений состояния здоровья человека, вследствие реальной бактериальной нагрузки воды различного вида водопользования, используемой населением в процессе жизнедеятельности.

Проведение исследований с помощью математического моделирования инфекционного процесса, обусловленного водным фактором передачи инфекции в условиях реальной бактериальной нагрузки, с учетом: нормативной документации, степени опасности самих бактерий, влияния приоритетных санитарно-гигиенических факторов, сезонности и возрастных групп населения, а также прогнозирования заболеваемости населения кишечными инфекциями на конкретной территории имеет определенную актуальность.

Из литературных источников известно, что условно-патогенные микроорганизмы способны при снижении иммунорезистентности организма человека вызывать заболевания, для которых характерно отсутствие нозологической специфичности. В настоящее время для бактерий, являющихся по-

тентциальными возбудителями бактериальных кишечных инфекций (БКИ) и обладающих агрессивными свойствами применяется термин «потенциально-патогенные микроорганизмы». Установлено, что в результате антропогенного загрязнения водоисточников происходят как количественные, так и качественные изменения микробных биоценозов, проявление которых выражается в увеличении числа потенциально-патогенных (ППБ) и патогенных бактерий (ПБ), изменении их биологических свойств, и, как следствие, увеличение видового разнообразия этиологических агентов инфекционных заболеваний.

В связи с этим в настоящей работе проводили идентификацию микробного пейзажа вод различного вида водопользования по международной схеме типирования патогенных и потенциально-патогенных бактерий как факторов риска распространения БКИ.

Проведенные исследования 880 проб воды водоисточников различного вида водопользования за период с 1999 по 2009гг. свидетельствуют о широком распространении ППБ. Так, в 31% исследованных проб качество воды не соответствовало санитарно-гигиеническим требованиям по показателю ОКБ, при этом сальмонеллы были выделены только в 8% проб, тогда как ППБ (псевдомонады, клебсиеллы, энтерококки, клостридии,)- в 66,2%. Псевдомонады обнаружены в 30,5 % (*Pseudomonas aeruginosa* -50%, *Pseudomonas putida* -12,5%, *Pseudomonas fluorescens* – 37,5%), клебсиеллы – в 19,0 % исследуемых проб (*Klebsiella pneumoniae* -90% и *Klebsiella oxytoca* -10%).

Анализ материалов Государственных докладов о санитарно-эпидемическом состоянии воды водоисточников на территории отдельных субъектов РФ за 1992-2007 г. также показал существенную роль ППБ в возникновении вспышек ОКИ установленной этиологии. В 2004 г. заболеваемость, вызванная ППБ, составила 10,8%; в 2006 г.- 6,6%; в 2007 г. – 7,7% . В последние десятилетия увеличивается число инфек-

ционных заболеваний, вызванных ППБ: *Enterobacter*, *Klebsiella pneumoniae*, *Klebsiella oxytoca*, *Pseudomonas aeruginosa* и др., представляющими большую опасность для лиц с ослабленной антиинфекционной устойчивостью. По литературным данным видовой состав бактерий, выделенных из мочи и крови пациентов, показал широкое распространение указанных видов бактерий не только в водных объектах, но и их циркуляцию

среди больных различными нозологическими формами заболеваний. При этом *Klebsiella pneumoniae* выделялась у больных ОКИ (таблица 1) в 30,2%, токсикосептическом состоянии – 34,1%, инфекцией урогенитального тракта – 18%, при дисбиотическом нарушении кишечника – 17,6% (Материалы КМАХ за 2003-2009 гг.).

Таблица 1

Видовой состав бактерий, выделенных от больных в период 2003-2009 гг.

Видовой состав бактерий, выделенных от больных (% от общего числа заболевших)						
Потенциально-патогенные бактерии						Патогенные энтеро-бактерии
<i>Escherichia coli</i>	<i>Enterobacter</i>	<i>Klebsiella pneumoniae</i>	<i>Klebsiella oxytoca</i>	<i>Pseudomonas aeruginosa</i>	<i>Enterococcus faecalis</i>	
31,4	5,2	29,3	3,0	20,5	2,8	7,9

Число острых кишечных инфекций, вызванных неустановленными возбудителями ОКИ в течение последних 15-ти лет, практически не менялось, при этом доля вспышек ОКИ с неустановленным возбудителем водной этиологии, начиная с 2006 г., постоянно растет. На основании выше изложенного можно предположить, что ППБ при их высокой численности в водах различных водисточников, могут являться возбудителями ОКИ неустановленной этиологии, наряду с вирусами и простейшими.

В результате экспериментальных исследований было доказано, что у патогенных и ППБ выделенных из различных водисточников, в том числе после реактивации изменяются морфологические и биохимические свойства, ДНК-азная и гемолитическая активности, сохраняются или усиливаются патогенные и вирулентные свойства и увеличивается устойчивость к антибиотикам широкого спектра действия, что подтверждает повышение степени опасности ППБ и указывает на необходимость учета этих микроорганизмов как факторов риска.

В настоящей работе на основании проведенных исследований по выявлению видовой состава (ПБ и ППБ) бактерий и их биологической активности была усовершенствована модель ВОЗ [4], основанная на оценке риска содержания в речной воде отдельных микроорганизмов (криптоспоридий, кампилобактеров и ротавирусов). Разработанная нами математическая модель, позволяет прогнозировать вероятность возникновения бактериальных кишечных инфекций при выделении нескольких бактериальных возбудителей из воды различных водисточников.

Расчет вероятности возникновения (расчет риска) у человека инфекционного процесса ($H_{patogen}$) мы рассматривали как произведение опасности на экспозицию, включающую в себя:

- отношение количества (КОЕ) конкретного возбудителя, находящегося в воде (С), к инфицирующей дозе рассматриваемого возбудителя для человека;

- объем потребляемый человеком жидкости, загрязненной возбудителями БКИ (условно по ВОЗ принято считать 1 литр);

- с учетом очистки воды от конкретного возбудителя для установления приемлемого риска (P_r);

- генерации бактериального роста;

- временем развития инфекционного процесса $T = (t - t_0)$ (с учетом проявления бактериями патогенных и вирулентных свойств в макроорганизме: адгезии, колонизации, выделения экзотоксина, инвазии).

Расчет риска производили по модифицированной формуле ВОЗ:

$$H_{patogen} = (C \cdot (100 - P_r) \cdot V \cdot v / r) \cdot T.$$

Увеличение бактериального роста в макроорганизме вы-

$$v = \frac{n}{t - t_0} = \frac{\lg N - \lg N_0}{(t - t_0) \cdot \lg 2}$$

числяли по формуле:

(Галынкин В.А. и др., 2007), где n-число делений (генераций) бактериальных клеток), N_0 -исходное число клеток к моменту времени t_0 , N- число клеток к моменту t.

В результате проведения экспериментальных исследований по выживанию и размножению бактерий в условиях совместного культивирования с клетками BGM при ежедневной смене среды и искусственном увеличении вирулентности бактерий путем их предварительного инкубирования в МПБ и МПБ+0,5% глюкозы (длительность эксперимента составила 7 суток), были вычислены константы генерации бактериального роста для некоторых микроорганизмов (таблица 3). Использование в расчетах константы генерации бактериального роста дало возможность с большей надежностью рассчитать вероятность возникновения у человека инфекционного процесса с учетом свойств возбудителя БКИ.

Таблица 3

Константы генерации бактериального роста, рассчитанные на основании экспериментальных исследований

Константы генерации роста (КОЕ/сут.)	Возбудители БКИ				
	<i>E. coli</i>	<i>Klebsiella</i>	<i>Pseudomonas</i>	<i>Salmonella</i>	<i>S. aureus</i>
	0,18	0,15	0,62	0,28	0,19

Риск возникновения инфекционного процесса зависит от полученной человеком дозы микроорганизмов, обладающих патогенными и вирулентными свойствами. По литературным данным известно, что единичные клетки микроорганизмов, имеющие свойства патогенности, при попадании в благоприятные условия (организм человека) восстанавливают свою вирулентность (например, *Salmonella typhi*) и могут инициировать инфекционные заболевания. Для расчета оценки риска развития инфекционного процесса при контаминации воды патогенной и потенциально-патогенной микрофлорой исполь-

зовали инфицирующие дозы бактериальных возбудителей кишечных инфекций водного пути передачи, полученные на волонтерах, собранные по литературным данным для: *Vibrio cholera*, *Salmonella typhi*, *Salmonella paratyphi* A и B, *Shigella flexnera*, *Shigella sonnei*, *Salmonella*; для *Klebsiella* в результате исследований клебсиеллезной вспышки в г. Гантиади [5], а также в процессе исследований была вычислена заражающая доза для *Pseudomonas* с применением распределения Пуассона.

Расчет интегрального показателя возникновения инфекционного процесса риска R_v с учетом всех возбудителей БКИ, выделенных и идентифицированных при проведении микробиологического анализа воды, проводили по разработанной нами формуле

$$R_v = \frac{1}{W} \sum_{i=1}^M (X_i \cdot H_{патоген_i})$$

где: M – число возбудителей кишечных инфекций, идентифицированных при проведении микробиологического анализа воды; i – порядковый номер показателя; X_i – весовой коэффициент показателя; $H_{патоген}$ – показатель вероятности возникновения БКИ при контаминации воды патогенной и потенциально-патогенной микрофлорой; W – сумму весовых коэффициентов X_i , рассчитывали по формуле

$$W = \sum_{i=1}^M X_i$$

Оценку риска контаминации воды патогенной и потенциально-патогенной микрофлорой на популяционном уровне производили по формуле: $R_p = R_v \cdot 100000$, где R_v – интегральный показатель риска вероятности возникновения ОКИ при контаминации воды возбудителями кишечных инфекций; R_p – популяционный риск, 100000 – расчет популяционного риска производится на 100000 тысяч населения.

Математическая модель апробирована на материалах собственных и ретроспективных данных санэпидстанций по Нижегородской и Тамбовской областям (рис.1). Достоверность прогноза заболеваемости кишечными инфекциями для гг. Нижнего Новгорода и Тамбова составила 65-75% в связи с тем, что в настоящее время согласно нормативным документам в воде определяются такие показатели качества воды, как ОКБ (грамотрицательные, оксидазоотрицательные, не образующие спор палочки, способные расти на дифференцированных лактозных средах, ферментирующих лактозу до кислоты, альдегида и газа при температуре 37°C), ТКБ (рост при 44°C) и колифаги. Использование только лактозоположительных представителей семейства Enterobacteriaceae исключают из учета многие виды бактерий, в частности сальмонеллы и клебсиеллы, как показали наши исследования, большинство которых обладают свойствами патогенности и вирулентности, т.е. возможностью представлять опасность возникновения БКИ при попадании в определенных дозах в организм человека. Получение ложноположительного результата бактериологического анализа не дает возможности точного прогнозирования возникновения БКИ. Выдвинутая гипотеза подтверждает необходимость при контроле качества воды учитывать наличие в ней ППБ (клебсиелл, псевдомонад и т.д.) как факторов микробного риска.

Рис. 1. Сравнение прогнозируемого уровня и реальной заболеваемости кишечными инфекциями гг. Нижнего Новгорода и Тамбова (вычислено по ретроспективным данным санэпидстанций, проводящих контроль качества воды по [6] отсутствию в воде нормируемых бактериологических показателей: ОКБ, ТКБ, ОМЧ, колифаги и споры сульфитредуцирующих клостридий)

Полученные результаты экспериментальных исследований позволили подойти к принципиально новому решению вопроса взаимозависимости между уровнем бактериального загрязнения воды и степенью риска возникновения заболеваний кишечными инфекциями, распространяющимися водным путем.

Для прогнозирования изменений санитарно-эпидемиологической обстановки, выявления основных факторов, которыми эти изменения обусловлены, а также обоснования противоэпидемических мероприятий, обеспечивающих безопасность водопользования – управления риском, разработана вторая модель расчета микробного риска в зависимости

от состояния санитарно-гигиенических условий водопользования населения и реальной бактериальной нагрузки.

В качестве примера на основании проведенного эпидемиологического анализа заболеваемости населения кишечными инфекциями с подтверждением водного пути передачи инфекции был выбран г. Каттакурбан. В результате применения метода математической статистики многофакторного анализа, примененного к данным по заболеваемости населения г. Каттакурбана и реальной бактериальной нагрузке воды также был подтвержден водный путь передачи кишечных инфекций, связанных с централизованным водоснабжением. Установлены достоверные корреляционные связи по среднесезонным микробиологическим показателям качества воды (в том числе ППБ) и заболеваемостью населения по нозологическим формам. Регрессионный анализ и полученные линейные уравнения позволяют говорить о том, что повышение на 1% микробного загрязнения питьевой воды по рассчитанным относительным среднесезонным показателям приводило к росту заболеваемости брюшным тифом на 0,4%, дизентерией – на 0,6%, БКИ – на 0,4%. Вариативность показателей заболеваемости населения обусловлена на 25-35% колебаниями показателей качества питьевой воды. Коэффициент множественной детерминации составил 60%, что свидетельствует о тесной связи водного фактора передачи возбудителей и заболеваемости БКИ на рассматриваемых территориях.

Расчет микробного риска в зависимости от санитарно-гигиенических условий водопользования в конкретном населенном пункте проводили по 30 показателям [7]. На основании экспериментальных исследований в систему показателей включен новый показатель – «потенциально-патогенные бактерии», который использовался при оценке микробного риска всех санитарно-гигиенических условий водопользования населения.

Санитарно-гигиенические условия включали оценку: источников водоснабжения по 9 показателям; централизованное хозяйственно-питьевое водоснабжение – по 10; источников нецентрализованного водоснабжения – по 5; хозяйственно-бытовое водопользование населения и зоны рекреации – по 6; коммунальное благоустройство – по 5. В результате проведенных исследований разработана трехступенчатая методика оценки риска, связанная с условиями водопользования населения и реальной бактериальной нагрузке по каждому показателю (взвешенный коэффициент риска A), санитарно-гигиеническим условиям водопользования населения (интегральный коэффициент риска R_{fac}) и в целом с учетом всех санитарно-гигиенических условий (обобщенная оценка риска C), применимая для конкретного населенного пункта.

Разработанный алгоритм расчета микробного риска заключается в определенном порядке математической свертываемости информации по расчету взвешенных, затем интегральных и обобщенных показателей.

I часть метода заключается в расчете взвешенного коэффициента микробного риска, который проводился по относительным показателям для каждого фактора по разработанной формуле: (1)

$$A = \sum_{i=1}^n (V_i \cdot P_i)$$

где A – взвешенный коэффициент с учетом всех относительных показателей; P_i – вероятность возникновения кишечных заболеваний по каждому относительному показателю; V_i – весовой коэффициент, i – порядковый номер показателя, n – количество показателей. Взвешенный показатель включает санитарно-гигиенические и бактериологические показатели по каждому санитарно-гигиеническому условию водопользования населения. Например, ОМЧ, численность населения, обеспеченного централизованным водоснабжением (%), процент населения, проживающего в благоустроенных домах коммунального и частного секторов с внутренним водопроводом и канализацией, средний индекс ОКБ до и после обеззараживания воды и т.д.

Взвешенный коэффициент оценки риска по отдельным показателям устанавливается экспертным путем и позволяет провести сравнительную оценку влияния этих показателей на интегральную оценку риска (R_{fac}) бактериальной контаминации воды в зависимости от санитарно-гигиенических условий водопользования на контролируемой территории. Чем больше значение коэффициента, тем весомее его влияние на изучаемый фактор.

II часть методики заключается в расчете интегрального показателя микробного риска R_{fac} , который проводили по разработанной нами формуле:

$$R_{fac} = \frac{1}{W} \sum_{i=1}^n (V_i \cdot P_i)$$

где n – число показателей, используемых при оценке санитарно-гигиенических условий, влияющих на качество питьевой воды; i – порядковый номер показателя; V_i – весовой коэффициент i -го показателя; P_i – вероятность возникновения кишечных заболеваний по каждому относительному показателю; W – сумма весовых коэффициентов, определяемых по формуле:

$$W = \sum_{i=1}^n V_i$$

которая устанавливает интервал измерения интегрального показателя оценки риска R_{fac} каждого санитарно-гигиенического фактора от 0 до 1.

При вычислении R_{fac} для условий централизованного хозяйственно-питьевого водоснабжения учитывается: уровень бактериального загрязнения питьевой воды по частоте нестандартных проб, интенсивность загрязнения, показатели водообеспечения населения, санитарно-техническое состояние разводящей сети, регулярность подачи воды населению, обнаружение в воде ОКБ, ТКБ [6], ПБ и ППБ;

При расчете R_{fac} для источников централизованного хозяйственно-питьевого водоснабжения обобщается уровень бактериального загрязнения воды в источнике с учетом ее последующего обеззараживания, наличие зон санитарной охраны [6,8,9].

При расчете R_{fac} для источников нецентрализованного водоснабжения, учитывается не только уровень и интенсивность бактериального загрязнения воды, но и соответствие эксплуатации источника требованиям [9].

При вычислении R_{fac} для условий хозяйственно-бытового водопользования населения и зон рекреации учитывается степень использования населением воды поверхностных водоемов для хозяйственно-бытовых нужд, частоту проб, превышающих допустимый уровень и интенсивность загрязнения в местах купания, обнаружение в воде возбудителей инфекционных заболеваний, влияние выпусков хозяйственно-бытовых сточных вод в зоне водопользования и т.д. [10].

При расчете R_{fac} для условий коммунального благоустройства населенного пункта, учитывается водообеспечение и канализование жилого фонда в коммунальном и частном секторах, развитие водопроводной и канализационной сети.

III часть методики заключается в расчете обобщенного показателя C микробного риска, которую проводили с учетом всех интегральных показателей по разработанной нами формуле:

$$C = \frac{1}{W} \sum_{i=1}^N G_i \cdot R_{fac i}$$

где N – число факторов, используемых при расчете обобщенного показателя микробного риска; i – порядковый номер фактора; G_i – весовой коэффициент; $R_{fac i}$ – интегральный показатель риска каждого санитарно-гигиенического фактора; W – сумма весовых коэффициентов.

Для оценки микробного риска интегрального и обобщенного показателей были установлены уровни оценки микробного риска (табл. 4).

Таблица 4

Уровни микробного риска, обусловленного санитарно-гигиеническими условиями водопользования

Пятиуровневый классификатор		Трехуровневый классификатор	
Вычисленное значение показателя	Оценка риска	Вычисленное значение показателя	Оценка риска
$0 \leq R^* < 0.15$	Низкий	---	---
$0.15 \leq R < 0.20$	Приемлемый	$0 \leq R < 0.2$	Приемлемый
$0.20 \leq R < 0.40$	Повышенный	$0.2 \leq R < 0.4$	Повышенный
$0.40 \leq R < 0.60$	Высокий	$0.4 \leq R \leq 1.0$	Высокий
$0.60 \leq R \leq 1.0$	Очень высокий	---	---

Примечание: *R – оценка микробного риска для интегральных показателей (R_{fac}) и обобщенных показателей (C).

С целью апробации методики рассчитывали интегральные системы показателей, характеризующие санитарно-гигиенические условия водопользования г. Каттакургана (99 месяцев, 17 сезонов и 10 лет). Для апробации методики наибольший интерес представляли данные за каждый месяц, так как бактериальная нагрузка этого города резко изменялась в течение года, что позволило оценить методику в разных условиях.

В результате использования математического подхода установлено, что бактериальная нагрузка, связанная с источником водоснабжения г. Каттакургана, имеет повышенный уровень риска R_{fac} (менее 0,4), возрастая до высокой в отдельные месяцы летнего периода. По годам наблюдения наиболее неблагоприятными по уровню микробного риска R_{fac} были 1981 и 1987 гг. (0,53 и 0,48, соответственно).

Интегральные показатели R_{fac} , рассчитанные за каждый месяц за 10-летний период отражают изменение бактериаль-

ной нагрузки, связанной с питьевым водопользованием населения и выявляют временные интервалы, опасные в эпидемическом отношении, что позволяет рекомендовать оптимальные сроки проведения профилактических мероприятий. На изучаемой территории таковыми были апрель-май – начало подъема заболеваемости кишечными инфекциями населения. В зимние месяцы 1986 г., был отмечен низкий уровень риска R_{fac} и низкая заболеваемость, однако в декабре рассчитанный по интегральному показателю (0,44) высокий уровень риска был связан с обнаружением в питьевой воде *S.paratyphi B*. Находка патогенных бактерий в питьевой воде в месяцы, когда качество воды по индикаторным микроорганизмам соответствовало нормативам (апрель 1985 г., декабрь 1986 г.), были расценены как локальные очаги бактериального загрязнения, обусловленного разгерметизацией сети. Заболеваний кишечными инфекциями, связанными с выделениями возбудителей из питьевой воды, не последовало.

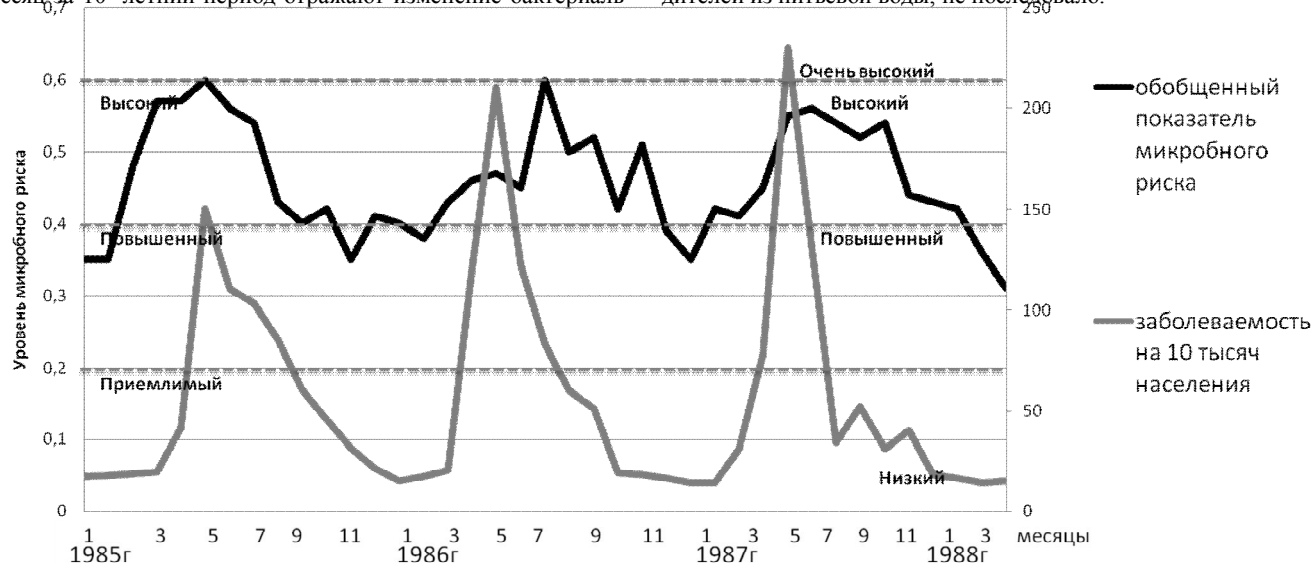

Рис. 2. Оценка риска, связанного с водопользованием населения и реальной бактериальной нагрузкой г. Каттакургана по обобщенному показателю (прогнозируемая заболеваемость) и реальной заболеваемости КИ

В соответствии с полученными фактическими значениями уровней индикаторных микроорганизмов в воде были вычислены высокие уровни микробного риска (0,8 и 0,9). Максимальные значения уровней риска, связанные с реальной бактериальной нагрузкой на протяжении всех лет наблюдения показывают, что в водоемах г. Каттакургана постоянно присутствует высокая степень фекального загрязнения, что говорит о возможности нахождения в воде возбудителей кишечных инфекций. И действительно, из воды поверхностных водоемов города выделялись шигеллы (в мае-июле 1985 г.) и сальмонеллы (5 раз в разные периоды года). В эти периоды по расчетным данным риск, связанный с реальной бактериальной

нагрузкой воды поверхностных водоемов (по интегральным показателям) существенно возрастал.

Динамика обобщенного показателя микробного риска C за каждый месяц 1985-1988 гг. колебалась в меньших пределах, чем интегрального показателя R_{fac} . Однако общая закономерность для данного населенного пункта, выражающаяся в ухудшении всех условий водопользования в летний период, оказалась свойственна и показателю обобщенного микробного риска C , так как тенденция сезонной динамики его составляющих имела одинаковый характер по всем изученным факторам (кроме фактора коммунального благоустройства) (Рис. 2).

Высокий уровень риска (особенно в летний период), полученный на основании расчета обобщенного показателя при прогнозировании заболеваемости населения г. Каттакургона кишечными инфекциями подтверждает водный фактор их передачи. В зимние месяцы оценка микробного риска характеризуется как повышенная (0,35-0,38), но значения *C* близки критическому уровню-0,4. Методика позволяет также вычлени из всех изученных санитарно-гигиенических факторов те факторы, фактический вклад которых в общий показатель оценки микробного риска наиболее значимый. Таким фактором в г. Каттакургане является состояние коммунального благоустройства. Остальные факторы имеют примерно одинако-

вое значение (по среднегодовым данным). Уровень достоверности прогноза составлял от 75 до 95%.

Впервые с использованием разработанной методики можно дать углубленную обобщенную оценку реальной бактериальной нагрузки, обусловленной водопользованием. Таким образом, разработанная методика оценки риска в зависимости от санитарно-гигиенических условий водопользования населения и реальной бактериальной нагрузки позволила не только прогнозировать изменение санитарно-эпидемической обстановки, но и вычлени основные факторы, которыми эти изменения обусловлены, обосновать противоэпидемические мероприятия, обеспечивающие безопасность водопользования.

Библиографический список

1. Рахманин, Ю.А. Итоги и перспективы научных исследований по проблеме экологии человека и гигиены окружающей среды / Ю.А. Рахманин, А.Е. Недачин, Ю.Г. Талаева [и др.]. – М., 2005
2. Craun, U.F. I.Environmental Haeif. – 2002. – № 65 (1).
- 3.Онищенко, Г.Г. Основы оценки риска для здоровья населения при воздействии химических веществ, загрязняющих окружающую среду / Г.Г. Онищенко, С.М. Новиков, Ю.А. Рахманин, С.Л. Авалиани, К.А. Буштуева / под ред. Рахманина Ю.А., Онищенко Г.Г. – М., 2002.
4. Руководство по питьевой воде. – Женева, 2004. – Т. 3. – Раздел 7.
5. Артемова, Т.З. Гигиеническое изучение биологического загрязнения окружающей среды: материалы IX Всесоюзной конференции / Т.З. Артемова, Ю.Г. Талаева, Б.С. Киселева. – М., 1988.
6. СанПиН 2.1.4.1074-01. Питьевая вода. Гигиенические требования к качеству воды централизованных систем питьевого водоснабжения. Контроль качества. – М., 2002.
7. Методические указания по эпидемической оценке санитарно-гигиенических условий в целях профилактики кишечных инфекций // Министерство здравоохранения СССР. – М., 1986.
8. МУК 4.2.1884-04 Санитарно-микробиологический и санитарно-паразитологический анализ воды поверхностных водных объектов. – М., 2005.
- 9.СанПиН 2.1.4.1175-02 Гигиенические требования к качеству воды нецентрализованного водоснабжения. Санитарная охрана источников: Санитарно-эпидемиологические правила и нормативы. – М., 2003.
10. СанПиН 2.1.5.980-00 Водоотведение населенных мест, санитарная охрана водных объектов. Гигиенические требования к охране поверхностных вод. – М., 2001.

Bibliography

1. Rakhmanin, Yu.A. Itogi i perspektivih nauchnihk issledovaniy po probleme ehkologii cheloveka i gigienih okruzhayutheyj sredih / Yu.A. Rakhmanin, A.E. Nedachin, Yu.G. Talaeva [i dr.]. – М., 2005
2. Craun, U.F. I.Environmental Haeif. – 2002. – № 65 (1).
- 3.Onithenko, G.G. Osnovih ocenki riska dlya zdorov'ya naseleniya pri vozdeystvii khimicheskikh vethestv, zagryaznyayutikh okruzhayutuyu sredu / G.G. Onithenko, S.M. Novikov, Yu.A. Rakhmanin, S.L. Avaliani, K.A. Bushtueva / pod red. Rakhmanina Yu.A., Onithenko G.G. – М., 2002.
4. Rukovodstvo po pit'evoy vode. – Zheneva, 2004. – Т. 3. – Razdel 7.
5. Artemova, T.Z. Gigienicheskoe izuchenie biologicheskogo zagryazneniya okruzhayutheyj sredih: materialih IX Vsesoyuznoy konferencii / T.Z. Artemova, Yu.G. Talaeva, B.S. Kiseleva. – М., 1988.
6. SanPiN 2.1.4.1074-01. Pit'evaya voda. Gigienicheskie trebovaniya k kachestvu vodih centralizovannihk sistem pit'evogo vodosnabzheniya. Kontrol' kachestva. – М., 2002.
7. Metodicheskie ukazaniya po ehpidemicheskoyj ocenke sanitarno-gigienicheskikh usloviy v celyakh profilaktiki kishechnihk infekciy // Ministerstvo zdavookhraneniya SSSR. – М., 1986.
8. МУК 4.2.1884-04 Sanitarno-mikrobiologicheskij i sanitarno-parazitologicheskij analiz vodih poverkhnostnihk vodnihk objektov. – М., 2005.
- 9.СанПиН 2.1.4.1175-02 Гигиенические требования к качеству водih necentralizovannogo vodosnabzheniya. Sanitarnaya okhrana istochnikov: Sanitar-no-ehpidemiologicheskije pravila i normativih. – М., 2003.
10. СанПиН 2.1.5.980-00 Vodootvedenie naselennihk mest, sanitarnaya okhrana vodnihk objektov. Gigienicheskie trebovaniya k okhrane poverkhnostnihk vod. – М., 2001.

Статья поступила в редакцию 20.07.11

УДК 614.777:576.8.078

Nedachin A.E. About USE OF A METHOD OF MOLECULAR DIAGNOSTICS FOR DETECTION ENTEROVIRUS IN WATERS, PAST PROCESSING DISINFECTIONS. The developed method of indication of viruses in water completely meets modern requirements enables for fast detection of infectious viruses in water of sources, at stages of water-preparation of clearing constructions, in potable water.

Key words: polymerase chain reaction method, ОТ – ПЦП, enterovirus, eluat, zitotoctions action, cell culture, infectious viruses.

А.Е. Недачин, канд. мед. наук; **Д.В. Лаврова**, канд. мед. наук; **Р.А. Дмитриева**, канд. биол. наук; **Т.В. Доскина**, канд. мед. наук, ст. н.с.; **В.А. Долгин**, мл. науч. сотрудник лаборатории санитарной микробиологии и паразитологии ФГБУ «НИИ ЭЧ и ГОС им. А.Н. Сысина» Минздравсоцразвития России, г. Москва, E-mail: microblab@list.ru

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ МЕТОДА МОЛЕКУЛЯРНОЙ ДИАГНОСТИКИ ДЛЯ ОБНАРУЖЕНИЯ ЭНТЕРОВИРУСОВ В ВОДЕ, ПРОШЕДШЕЙ ОБРАБОТКУ ДЕЗИНФЕКТАНТАМИ

Разработанный метод индикации вирусов в воде полностью отвечает современным требованиям даёт возможность для быстрого обнаружения инфекционных вирусов в воде источников, на этапах водоподготовки очистных сооружений, в питьевой воде.

Ключевые слова: полимеразная цепная реакция, ОТ-ПЦР, энтеровирус, элюат, цитопатическое действие, культура клеток, инфекционные вирусы.

В связи с постоянным антропогенным загрязнением объектов окружающей среды, и в первую очередь водных, чрезвычайно важной является проблема вирусного загрязнения воды поверхностных водоёмов, служащих источниками централизованного водоснабжения. В настоящее время известно более 140 видов различных вирусов передаваемых водным путем, обладающих значительно большей устойчивостью, способных проходить барьеры водоподготовки, что определяет формирование спорадической, сезонной, а также вспышечной заболеваемости населения.

Использование санитарно-вирусологических методов исследования воды источников, питьевой воды позволяет получить данные, свидетельствующие о циркуляции вирусов в поверхностных и подземных водах и о возможности попадания их в распределительную сеть. По данным ряда исследователей, современные способы обработки воды не полностью удаляют энтеровирусы. Это представляет чрезвычайную опасность, т.к. известно, что минимальной инфицирующей дозы для человека является одна вирусная частица, проникновение которой в организм человека с питьевой водой может привести к заболеванию.

в организм человека с питьевой водой может привести к заболеванию.

Одной из важных проблем является совершенствование методов индикации вирусного загрязнения в объектах окружающей среды в отношении их чувствительности, экспрессности, специфичности, что способствует быстрому определению возбудителя и разработке ответных профилактических мероприятий.

На протяжении последнего времени различными исследователями предпринимаются попытки использования молекулярно-биологических методов для быстрой диагностики вирусных агентов в водных объектах, в частности для исследования эффективности обеззараживания воды на водоочистных сооружениях [1]. Так, были проведены исследования для изучения возможности использования ОТ-ПЦР для оценки степени инаktivации вирусов в воде и объяснения механизма инаktivации ВГА при хлорировании.

Действительно, методика индикации вирусов с использованием ОТ-ПЦР отвечает большинству требований, предъявляемых к вирусологическим методам исследования. Однако важным является ответ на вопрос о инфекционности вирусов, определяемых с использованием ОТ-ПЦР, т.к. зачастую в некоторых случаях после обеззараживания при анализе вирусная нуклеиновая кислота продолжает определяться в пробах, при этом вопрос об инфекционности, по нашему мнению, остаётся открытым.

Аналогичная проблема отмечается и при определении инфекционности вирусов в воде при анализе иммуноферментным методом (ELISA).

Исходя из этого, ряд авторов придерживается мнения, что методы молекулярной диагностики не могут быть использованы для оценки эффективности и механизма обеззараживания [1-5].

Определение инфекционности вирусов – наиболее важный и прямой показатель для оценки её эпидемической безопасности при последующем хозяйственном и питьевом использовании. Ответ о инфекционной безопасности пробы методами как ОТ-ПЦР, так и ELISA может быть установлен только при отсутствии вирусных частиц и их маркеров в исследуемом элюате.

Так, разными исследователями показано, что инаktivация инфекционных вирусов при хлорировании наблюдается при содержании остаточного хлора в диапазоне 1,0-25,0 мг/л и времени воздействия 30 минут [2-4].

Jun Wen Li et al. [2] показано, что антиген вируса гепатита А, определяемый методом ELISA, перестаёт определяться при концентрации хлора 10 мг/л и времени воздействия 60 мин. Было высказано предположение, что отсутствие антигена вируса свидетельствует о потере его инфекционности. На наш взгляд это неверно, т.к. ИФА в тысячи раз менее чувствителен по сравнению с ОТ-ПЦР и РНК вируса определяется значительно дольше в пробе после удаления антигена [7]. Аналогичные данные получены Scarpino et al. [3], что даёт возможность предположить, что мишень инаktivации вирусов хлором может находиться не в капсидном белке, а скорее в нуклеиновой кислоте, определяемой в ОТ-ПЦР.

В работе Leveque et al [4] также для оценки механизмов обеззараживания вирусов была использована ОТ-ПЦР. Было показано, что при облучении УФ морской воды в течение 60 мин., вирус гепатита А (ВГА) не проявляет инфекционности при культуральном исследовании, но его РНК продолжает определяться в ОТ-ПЦР. В работе Han et al [5] опубликованы сходные результаты. Авторы этих работ также придерживаются мнения о некорректности использования только молекулярных методов для оценки эффективности обеззараживания воды от вирусов без определения их инфекционности. В сущности только традиционный «золотой стандарт» – культуральный метод позволяет сделать окончательный вывод о инфекционности и вирулентности определяемых вирусов, хотя для получения окончательного результата требуется от 1 до 3 недель.

Blackmer F. et al [6] сделана попытка применить интегрирование молекулярного и культурального методов для оценки эффективности обеззараживания воды (ИКК-ОТ-ПЦР). Стандартным культуральным методом показано, что полиовирус инаktivруется 0,5мг/л свободного остаточного хлора через 2 минуты. Методом ИКК-ПЦР определяли вирусы на протяжении 8 мин. после начала воздействия этой концентрацией хлора. Для полной инаktivации РНК требовалось 10 мин, и это свидетельствует, что время контакта с хлором необходимым для обеззараживания полиовирусов в 3-5 раз больше, чем при использовании только культурального метода. Цитопатическое действие на культуре клеток наблюдали только через 14 дней, проводя при этом повторные пассажи вирусов для устранения неспецифичности цитопатического действия и подтверждающие их инфекционность.

Таким образом, данные различных исследователей свидетельствуют, что для получения положительных результатов методом ИКК-ПЦР необходимо всего 2 дня по сравнению с 14 днями при использовании культурального метода, причём было показано, что в большинстве случаев полная инаktivация вирусов осуществлялась за 2-8 минут при содержании в воде 0,5 мг/л свободного остаточного хлора.

Интеграция культурального метода и ОТ-ПЦР даёт возможность объединить быстроту, чувствительность и специфичность ОТ-ПЦР с репрезентативностью культивирования вирусов в монослое атапированных клеток, диагностируя их инфекционность, что, в результате, позволяет быстро определить РНК патогенных энтеровирусов в низких концентрациях.

Исходя из приведенного можно сделать заключение, что ИКК ОТ-ПЦР более чувствительный и экспрессный метод для детекции инфекционных вирусов по сравнению с традиционным культуральным анализом, который можно применять при анализе воды после обеззараживания её хлором. Применение ИКК ОТ-ПЦР может оказаться более эффективным для определения минимального времени полной инаktivации вирусов хлором, сводя также к минимуму количество ложноположительных результатов, получаемых и при анализе на I-м пассаже в культуре ткани. Это является чрезвычайно актуальным

для практического использования, так как точное определение скорости инактивации вирусов в воде представляет особую важность для процесса водоподготовки на станциях и последующего обеспечения потребителей эпидемически безопасной водой.

В развитие этой проблемы нами были проведены исследования по изучению процессов обеззараживания вирусного загрязнения воды под воздействием различных доз УФ-облучения (УФО) и свободного остаточного хлора, используя предварительное концентрирование вирусов на поляризованных мембранных фильтрах ММК с последующим анализом на культуре клеток BGM, в ОТ-ПЦР и в ИКК ОТ-ПЦР.

Исследования проводили с использованием вирусов полиомиелита I типа LSc2ab и РНК-содержащих фагов MS-2 в качестве дополнительной модели вирусного загрязнения.

Пробы дехлорированной водопроводной воды, содержащей вирусы, облучали УФ в дозах 16, 25, 23, 40, 50 и 60 мДж/см². После проведения УФО воды, заражение культуры клеток выявило инактивацию полиовируса во всех пробах, подвергавшихся облучению. Было показано, что даже доза УФО в 16 мДж/см² вызывает инактивацию вирусов (табл. 1). В то же время методом ОТ-ПЦР было выявлено наличие РНК вирусов полиомиелита во всех пробах с дозами облучения от 16 до 60 мДж/см².

Вирусологический анализ, проведенный методом ИКК-ОТ-ПЦР после 2-х суток инкубирования, показал наличие вирусов в пробах при облучении УФ от 16 до 40 мДж/см². На 4-е сутки результат в этих вариантах опыта был также положительным в каждой второй повторности, что подтвердило наличие инфекционных вирусов, тогда как в пробах, облученных дозами 50 и 60 мДж/см² в культуральной жидкости на 2 и

4 сутки РНК вирусов не было обнаружено. Это свидетельствует об отсутствии размножения вирусов в культуре клеток в этих пробах.

Данные об отсутствии инфекционных вирусов при облучении 60 мДж/см² были подтверждены анализом фагов MS-2, которые, являясь наиболее адекватными индикаторами вирусного загрязнения, так как имеют равную с энтеровирусами устойчивость к обеззараживающим агентам, отражают эффективность очистки воды и ее обеззараживания в отношении кишечных вирусов, не были обнаружены в этих пробах. Методом корреляционного анализа установлена статистически достоверная связь (P=95%) между обнаружением колифагов и РНК инфекционных энтеровирусов, определяемых методом ИКК ОТ-ПЦР ($\kappa=0,63$), в пробах воды, обрабатываемых УФО.

Во второй серии аналогичных исследований были подтверждены закономерности, полученные в предыдущем опыте. Также, пробы воды подвергали комбинированной обработке: обрабатывали дозами 0,5 мг/л свободного остаточного хлора (время контакта 30 минут), облучали УФ в дозах 16, 25 и 45 мДж/см². В третьей серии экспериментов пробы водопроводной воды обрабатывали только хлором в дозах 0,5; 1,0 и 1,5 мг/л свободного остаточного хлора (время контакта 30 минут).

Результаты исследования представлены в 2 и 3 таблицах. При заражении монослоя культуры клеток цитопатическое действие проявилось в I пассаже (при исключении неспецифической дегенерации клеток культуры) при дозе облучения 16 мДж/см² и в III пассаже при дозах 25 и 45 мДж/см². При дозе облучения 60 мДж/см² наблюдается инактивация инфекционности вирусных частиц (Табл.2).

Таблица 1

Инактивация вирусов полиомиелита I типа LSc2ab и фагов MS-2 в воде при различных дозах УФ излучения

№ пробы	Доза облучения мДж/см ²	Врусы pm 1 LSc2ab на к-ре клеток ТЦД ₅₀ /100мл	РНК полиовируса			Концентра-ция фагов MS-2 БОЕ/100мл
			ОТ-ПЦР	ИКК ОТ-ПЦР		
				2-е сутки	4-е сутки	
1	0	1,4x10 ³	+	+	+	100
2		1,1x10 ³	+	+	+	80
3	16	-	+	+	+	2
4		-	+	+	-	3
5	25	-	+	+	+	5,6
6		-	+	+	-	0
7	30	-	+	+	+	0
8		-	+	+	-	3,2
9	40	-	+	+	-	0
10		-	+	+	+	3,6
11	50	-	+	-	-	0
12		-	+	-	-	0
13	60	-	+	-	-	0
14		-	+	-	-	0

Таблица 2

Инактивация фага MS-2 и вируса полиомиелита I типа LSc2ab при различных дозах УФ излучения и свободного остаточного хлора

№ п/п	Доза УФО в мДж/см ²	фаги MS-2 в БОЕ/100мл	PV* в ТЦД ₅₀ /100мл	PV* в пассажах			РНК PV	
				I	II	III	ОТ-ПЦР	ИКК ОТ-ПЦР
1	контроль	203	9,8x10 ²	+	-	-	+	+
2		415	8,1x10 ²	+	-	-	+	+
3	16	16	69	+	-	-	+	+
4		18,3	43	+	-	-	+	+
5	25	0	-	-	-	+	+	+

6		6	-	-	-	+	+	+
7	45	0	-	-	-	+	+	+
8		0	-	-	-	+	+	+
9	60	0	-	-	-	-	-	-
10		0	-	-	-	-	-	-

При проведении ОТ-ПЦР-анализа в стандартной постановке с пробами, обработанными 60 мДж², положительный сигнал продуктов амплификации специфической последовательности кДНК энтеровирусов отсутствовал. Для проб, обработанных 16-45 мДж/см² наблюдался положительный сигнал продуктов амплификации, то есть было выявлено отсутствие инактивации РНК данными дозами облучения, что подтверждается результатами других исследователей. Но опираясь только на эти данные нельзя сделать вывод об эпидемической опасности проб, положительных на РНК энтеровирусов, поэтому был проведен ИКК ОТ-ПЦР-анализ, результаты которого подтвердили наличие инфекционных энтеровирусов в пробах, обработанных дозами УФО 16-45 мДж/см². Используя эти данные, можно говорить о присутствии в пробах РНК энтеровирусов, опасных в эпидемическом отношении. В пробах, облученных 60 мДж/см² в культуральной жидкости РНК энтеровирусов не была обнаружена, то есть была выявлена инактивация РНК данной дозой облучения.

Данные свидетельствуют, что во всех вариантах эксперимента с использованием хлора (табл.3), как в сочетании с УФО, так и при изолированном его действии (УФО+Cl₂; Cl₂ в различных дозах) и использовании вирусологических культур-

ральных, молекулярных и интегрированного методов (ИКК-ОТ-ПЦР) были получены результаты, свидетельствующие о полной инактивации вирусов в этих пробах. Пробы, прошедшие обеззараживание в вышеуказанных комбинациях УФО и хлора не содержали ни инфекционных вирусов, ни РНК вирусов, ни РНК инфекционных вирусов (таблица 3).

На Рисунке 9 представлена динамика снижения концентрации полиовирусов и колифагов при обработке воды разными дозами УФО. Инактивация колифагов наблюдается при меньшей дозе УФО (45 мДж/см²), чем полиовирусов (60 мДж/см²).

Данные об отсутствии инфекционных вирусов при облучении УФО в дозе 60 мДж/см² были подтверждены результатами инактивации фагов MS-2, которые, являясь наиболее адекватными индикаторами вирусного загрязнения, отражают эффективность очистки воды и ее обеззараживания в отношении кишечных вирусов, не были обнаружены в этих пробах. Методом корреляционного анализа установлена статистически достоверная связь (P=95%) между обнаружением колифагов и РНК инфекционных энтеровирусов, определенных методом ИКК ОТ-ПЦР (κ=0,64), в пробах воды, обработанных УФО.

Таблица 3

Инактивация фага MS-2 и вируса полиомиелита I типа LSc2ab при различных дозах УФ излучения и свободного остаточного хлора

№ п/п	Доза УФО в мДж/см ² , и хлора в мг/л	Фаги MS-2 в БОЕ/100мл	PV*) в ТЦД ₅₀ /100мл	PV*) в пассажах			РНК PV	
				I	II	III	ОТ-ПЦР	ИКК ОТ-ПЦР
1	16+Cl _{0,5}	0	0	-	-	-	-	-
2	-30 ^{мин}	0	0	-	-	-	-	-
3	25+Cl _{0,5}	0	0	-	-	-	-	-
4	-30 ^{мин}	0	0	-	-	-	-	-
5	45+Cl _{0,5}	0	0	-	-	-	-	-
6	-30 ^{мин}	0	0	-	-	-	-	-
7	Cl _{0,5}	0	0	-	-	-	-	-
8	-30 ^{мин}	0	0	-	-	-	-	-
9	Cl _{1,0}	0	0	-	-	-	-	-
10	-30 ^{мин}	0	0	-	-	-	-	-
9	Cl _{1,5}	0	0	-	-	-	-	-
10	-30 ^{мин}	0	0	-	-	-	-	-

Примечание: *) PV – полиовирус;

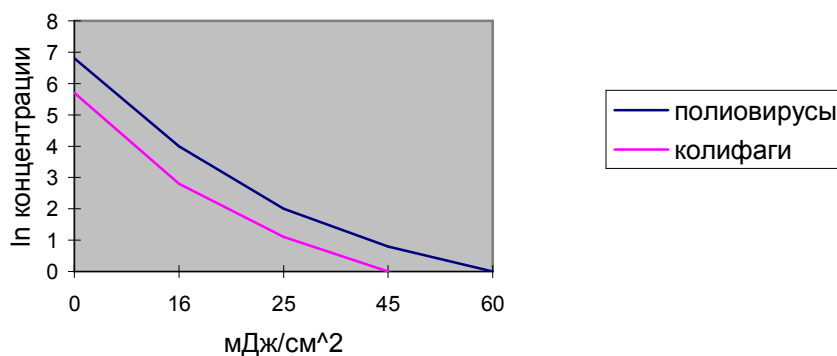

Рис. 9. Динамика убывания концентрации полиовирусов и колифагов при обработке воды разными дозами УФО

Приведенные данные свидетельствуют о высокой экспрессности метода ИКК-ОТ-ПЦР по сравнению с культуральным методом при определении полиовирусов в пробах воды, облученной УФ. Показано, что после обработки проб воды УФ методом ИКК ОТ-ПЦР можно определить РНК инфекционных энтеровирусов в пробах воды в течение 3 суток, а культуральным методом – только в течение 21 суток.

Установлена воспроизводимая в повторностях статистически достоверная связь ($P=95\%$) обнаружения полиовирусов методом ИКК ОТ-ПЦР и колифагов в пробах воды, обработанной УФО.

Таким образом, исследования показали, что чувствительность метода ПЦР при определении вируса в воде, являющаяся в тысячи раз выше по сравнению с ИФА, позволяет быстро (в течение 12-24 часов) обнаружить в исследуемом материале вирусную РНК, а также обладает высокой специфичностью и чувствительностью, что чрезвычайно важно, учитывая низкую концентрацию вирусов в воде [7].

Для вирусов, размножающихся в чувствительных клеточных культурах ткани, можно использовать комбинированную методику культивирования вирусов в перевиваемых клетках и ПЦР [8]. Комбинированная методика с применением культуральных клеток и ПЦР позволяет в течение 48-72 часов определить наличие вирусов в пробах воды, даже если они содержатся в низких концентрациях, что во много быстрее, чем традиционный культуральный метод.

По данным лабораторных исследований комбинированный метод является более чувствительным примерно на порядки, по сравнению с методом обнаружения вирусов на культуре ткани [9].

При анализе проб воды на наличие вируса гепатита А, ротавирусов и других некультивируемых вирусов, нами разработан и рекомендуется для повышения надёжности контроля эпидемической безопасности обработанной воды, выполнение метода ОТ-ПЦР в комплексе с определением колифагов, что позволяет уже через 24 часа с большей достоверностью судить о присутствии в воде живого вируса.

Использование на первом этапе эффективных быстрых методов концентрирования вирусов, основанных на фильтровании воды через поляризованные мембраны, и на втором – методов ОТ-ПЦР в комплексе с колифагами и ИКК-ОТ-ПЦР позволяет в короткие сроки (24-72 часа соответственно) определять вышеперечисленные вирусы по сравнению с методом прямого выделения вирусов на клеточных культурах ткани (3-4 недели).

В соответствии с этими разработками, для практической службы страны предложены комплексные схемы определения вирусов в различных водах до и после обеззараживания, включающие анализ воды на наличие индикаторов вирусного загрязнения (колифагов) и РНК энтеровирусов с использованием методов ПЦР и комбинированного с культуральными клетками ИКК-ОТ-ПЦР [10].

Библиографический список

1. Yoneyama, Li J. Genetic basis of the neurovirulence of type 1 polioviruses isolated from vaccine-associated paralytic patients. Arch. – Virol. – 1996.
2. Li, Jun Wen. Mechanism of Inactivation of Hepatitis A Virus by Chlorine. Applied and Environmental Microbiology. – Vol. 68. – № 10.
3. Scarpino, P.V. A comparative study of the inactivation of viruses in water by chlorine. – Water Res. – № 6.
4. Leveque, L. Virucidal effect of UV light on hepatitis A virus in seawater: evaluation with cell culture and RT-PCR. Water Sci. Technol. – № 31.
5. Han, Y.Q. Study of the relationship between PCR detection results and infectivity of HAV. Chin. J. Disinfect. – № 13.
6. Blackmer, F. Use of Integrated Cell Culture-PCR to Evaluate the Effectiveness of Poliovirus Inactivation by Chlorine. Applied and Environmental Microbiology, 2000. – Vol. 66. – № 5.
7. Материалы конференции 90-летия М.П. Чумакова. – М., 1999.
8. // Гигиена и санитария. – 2002. – № 1.
9. Материалы ВНПК «Окружающая среда и здоровье». – М., 2005.
10. Недачин, А.Е. Основы эпидемической безопасности питьевого водопользования населения России / А.Е. Недачин, Т.З.Артемова, Р.А. Дмитриева [и др.] // Сб., посвященный 80-летию НИИЭЧ и ГОС им. А.Н. Сысина РАМН. – М., 2006.

Bibliography

1. Yoneyama, Li J. Genetic basis of the neurovirulence of type 1 polioviruses isolated from vaccine-associated paralytic patients. Arch. – Virol. – 1996.
2. Li, Jun Wen. Mechanism of Inactivation of Hepatitis A Virus by Chlorine. Applied and Environmental Microbiology. – Vol. 68. – № 10.
3. Scarpino, P.V. A comparative study of the inactivation of viruses in water by chlorine. – Water Res. – № 6.
4. Leveque, L. Virucidal effect of UV light on hepatitis A virus in seawater: evaluation with cell culture and RT-PCR. Water Sci. Technol. – № 31.
5. Han, Y.Q. Study of the relationship between PCR detection results and infectivity of HAV. Chin. J. Disinfect. – № 13.
6. Blackmer, F. Use of Integrated Cell Culture-PCR to Evaluate the Effectiveness of Poliovirus Inactivation by Chlorine. Applied and Environmental Microbiology, 2000. – Vol. 66. – № 5.
7. Materialih konferencii 90-letiya M.P. Chumakova. – M., 1999.
8. // Gigena i sanitariya. – 2002. – № 1.
9. Materialih VNPk «Okruzhayutaya sreda i zdorovye». – M., 2005.
10. Nedachin, A.E. Osnovih ehpideicheskoj bezopasnosti pit'evogo vodopol'zovaniya naseleniya Rossii / A.E. Nedachin, T.Z.Artemova, R.A. Dmitrieva [i dr.] // Sb., posvyatennihy 80-letiyu NIICh i GOS im. A.N. Sihsina RAMN. – M., 2006.

Статья поступила в редакцию 20.07.11

УДК 614.7-07

Ponomareva O.Y., Budarina O.V., Belyaeva N.N. CELLULAR PARAMETERS OF RESPIRATORY SYSTEM FOR HYGIENIC EVALUATION OF AIR POLLUTION BY ODOROUS SUBSTANCES. The work presents the research results of cytological status of the mucous membranes of the nose and mouth of children living in areas where companies whose emissions have a smell, located; with the estimation of possible impact of air pollution by odorous substances on human health.

Key words: odorous substances, air pollution, cytological status, cellular parameters, organoleptic research.

О.Ю. Пономарева, врач по общей гигиене, ФБУЗ «Центр гигиены и эпидемиологии», г. Москва, E-mail: henia_ponomareva@mail.ru; **О.В. Бударина**, ведущий научный сотрудник, канд. мед. наук, ФГБУ НИИ экологии человека и гигиены окружающей среды им. А.Н. Сысина Минздрава России, г. Москва, E-mail: vozdudch2002@mail.ru; **Н.Н. Беляева**, руководитель лаборатории цитогистологии, д-р мед. наук, проф., ФГБУ НИИ экологии человека и гигиены окружающей среды им. А.Н. Сысина Минздрава России, г. Москва, E-mail: belnatnik@mail.ru

КЛЕТОЧНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ДЫХАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ПРИ ГИГИЕНИЧЕСКОЙ ОЦЕНКЕ ЗАГРЯЗНЕНИЯ АТМОСФЕРНОГО ВОЗДУХА ВЕЩЕСТВАМИ, ОБЛАДАЮЩИМИ ЗАПАХОМ

В работе приводятся результаты исследований цитологического статуса слизистых оболочек носа и рта детей, проживающих в районах размещения предприятий, выбросы которых обладают запахом; дана оценка возможного влияния загрязнения атмосферного воздуха пахучими веществами на состояние здоровья населения.

Ключевые слова: вещества, обладающие запахом; загрязнение воздуха; цитологический статус; клеточные показатели; органолептические исследования.

Введение. Наличие запаха в воздухе всегда являлось одним из важных гигиенических критериев рефлекторного действия атмосферных загрязнений [1, 2]. В результате воздействия любого запаха (приятного или неприятного), помимо снижения комфорта проживания в данной местности, у людей могут возникать различные нарушения со стороны здоровья (эмоциональные и невротические расстройства, депрессия, тревога, головная боль, катаральные явления). Так, результаты исследования населения, проживающего в районе размещения целлюлозно-бумажной фабрики в Финляндии [3] показали, что у жителей с большой вероятностью наблюдаются следующие симптомы: кашель, одышка, раздражение глаз и дыхательных путей.

Как известно, первой мишенью действия факторов окружающей среды на организм являются пограничные эпителиальные ткани, которые имеют генетически детерминированные клеточные механизмы защиты от воздействия этих факторов. Поэтому, исследования цитологического состояния клеток слизистых оболочек населения, проживающего на разных расстояниях от источников выбросов пахучих веществ, приобретает все большее значение при оценке загрязнения атмосферного воздуха веществами, обладающими запахом.

Цель работы – оценка возможного влияния загрязнения атмосферного воздуха веществами, обладающими запахом, на состояние здоровья населения по результатам исследования показателей цитологического статуса слизистых оболочек.

Материал и методы исследования. Изучение зонального содержания компонентов выбросов на различных расстояниях от исследуемых предприятий проводилось расчетным, инструментальным и органолептическим методами.

При применении расчетного метода были использованы материалы дисперсионного моделирования, проведенного по унифицированным программам серии “Эколог”, согласованным в установленном порядке с ГГО им.Воейкова.

Инструментальный метод основывался на отборе проб воздуха в районе расположения предприятий с последующим их анализом в лаборатории физико-химических исследований НИИЭЧиГОС им.А.Н.Сысина методом хромато-масс-спектрометрии (хроматомасс-спектрометр Хьюлетт Паккард модель 5890 серия II с масс-селективным детектором HP 5972).

Принцип органолептического метода, разработанного в НИИЭЧиГОС им. А.Н.Сысина, заключается в том, что специально подобранной группой испытателей определяется наличие запаха по принципу “да” или “нет” под факелом на различных расстояниях от источников запаха [4, 5]. При этом учитывается не только наличие запаха, но и дается оценка его интенсивности по 6-ти балльной шкале.

Определение цитологического состояния (цитологического статуса) населения осуществлялось неинвазивным методом, разработанным в НИИЭЧиГОС им. А.Н.Сысина [6] путем исследования мазков-отпечатков слизистых оболочек носа и рта (щеки) детей различных дошкольных образовательных учреждениях (ДОУ), а также школ, расположенных на различных расстояниях от источников запаха. Метод позволяет качественно и количественно оценивать эпителиоциты, лейкоциты и микрофлору, и определять следующие цитологические состояния слизистых: «норму», «воспаление»,

«гиперкератинизацию», «риск наличия патогенной микрофлоры» и «аллергическое состояние».

Исследования цитологического статуса были проведены:

- в 3-х ДОУ (детских дошкольных учреждениях), расположенных от источников выбросов табачной фабрики: в 800 м к северу (обследовалось 30 детей), в 400 м к северо-востоку (33 ребенка) и в 550 м к северо-западу (30 детей);

- в двух школах, расположенных на разном удалении от источников ЦБК (1600 м к северо-востоку и 2600 м к востоку), всего было обследовано 154 школьника 1-х и 10-х классов;

- в 2-х ДОУ, расположенных от предприятия по производству растворимого кофе: в 7 км к юго-востоку (всего обследовано 22 ребенка) и около 27 км к северу (всего 20 детей).

Достоверность различий между показателями определялась по t-критерию.

Результаты исследования. Результаты оценки загрязнения атмосферного воздуха веществами, обладающими специфическим запахом, в районе размещения табачной фабрики с помощью расчетного метода показали, что концентрации летучих органических веществ (ЛОВ) в атмосферном воздухе не превышают их предельно-допустимых значений и составляют (в долях ПДК_{м.р.} табачной пыли): в 65 м от источника – 0,36; в 180 м – 0,25; в 300 м – 0,2; в 490 м – 0,1.

Согласно результатам инструментального определения ЛОВ, их концентрация в атмосферном воздухе также уменьшается по мере увеличения расстояния от источников выбросов табачной фабрики и составляет еще меньшие величины, чем определенные расчетным методом. Так, на расстоянии 190 м концентрация ЛОВ составила 0,04 ПДК_{м.р.}; 225 м – 0,016 ПДК_{м.р.}; 300 м – 0,024 ПДК_{м.р.}.

Вместе с тем, органолептические замеры показали, что специфический табачный запах распространяется на расстояния, превышающие 500 м от источников, при этом общий процент ощущения запаха выбросов фабрики на расстоянии 65 – 450 м составляет 51,1 – 54,3%; достоверное снижение запаха (11,1%) наблюдается только в 475 – 525 м, при этом на расстояниях до 400 м существует вероятность появления «четко различимого» запаха силой 3 балла (до 15,5%).

Исследование возможного неблагоприятного влияния выбросов табачной фабрики на цитологический статус слизистых оболочек носа и рта детей 5-7 летнего возраста показало, что наибольшее число детей с нормальным цитологическим статусом слизистой носа отмечено в ДОУ, расположенных на расстоянии 800 м (20%) и 550 м (18,2%), тогда как в ДОУ, расположенном на расстоянии 400 м, отмечено наименьшее число детей (6,7%) с этим состоянием. При большем удалении от выбросов табачной фабрики (800 м) наблюдалось также достоверно повышенное число детей (26,7%) с нормальным цитологическим статусом слизистой щеки и меньшее число детей с «воспалением», достоверно выраженное в ДОУ, расположенных в 550 и 800 м от фабрики [7].

Согласно результатам инструментальных исследований атмосферного воздуха в районе размещения целлюлозно-бумажного комбината (ЦБК) на различных расстояниях от источников выбросов (750 м, 1600 м, 3500 м), концентрации обнаруженных веществ (всего 27) не превышали значений их гигиенических нормативов (концентрации метилмеркаптана и других

меркаптанов в атмосферном воздухе не определены вследствие невозможности длительного хранения проб воздуха).

Проведенные органолептические исследования показали, что, несмотря на тенденцию уменьшения частоты (вероятности) обнаружения запаха с увеличением расстояния от источников предприятия, запах может распространяться на довольно значительные (3500 м и далее) расстояния. В месте расположения школ №1 и 2 вероятность ощущения запаха составила 30% и 18% соответственно, причем запах в основном характеризовался как умеренный, слабый и очень слабый (от 1-го до 3-х баллов).

Сравнительная оценка загрязнения атмосферного воздуха в районах размещения двух школ с учетом расчетных данных показала, что концентрации метилмеркаптана и сероводорода превышали нормативные значения и составили: у школы №1 – соответственно 1,17 и 3 ПДК_{м.р.}; у школы №2 – 0,67 и 2,5 ПДК_{м.р.}, что свидетельствует о большем загрязнении воздуха у школы №1 веществами, обуславливающими специфический запах выбросов предприятия.

Результаты оценки цитологического статуса детей, проживающих в районе размещения ЦБК показали, что у всех обследованных детей обнаружен повышенный индекс альтерации эпителиоцитов (ИАЭ), что говорит о цитотоксическом воздействии веществ, содержащихся в атмосферном воздухе в концентрациях, превышающих их гигиенические нормативы, и обуславливающих специфический запах выбросов ЦБК; при этом цитотоксическое воздействие в большей степени проявляется у десятиклассников в школе, расположенной в 1600 м от источников целлюлозно-бумажного комбината. Кроме этого, у первоклассников этой школы отмечено достоверное повышение коэффициента дифференцировки эпителиоцитов (КДЭ), характеризующее повышенную частоту заболеваний [8].

Оценка загрязнения атмосферного воздуха веществами, обладающими специфическим запахом в районе размещения предприятия по производству растворимого кофе с помощью расчетного и инструментального методов показала, что концентрации ЛОВ, обуславливающих специфических запах выбросов предприятия, в атмосферном воздухе не превышают 0,1 ПДК_{м.р.} на границе санитарно-защитной зоны (360 – 400 м от источников основного производства (корпуса сушки и обжарки кофе)).

Однако, согласно результатам органолептических исследований, специфический запах в атмосферном воздухе в районе размещения предприятия по производству растворимого кофе может распространяться под факелом выбросов на значительные расстояния и, в соответствии с графическим анализом, достигать 7 км, причем вероятность обнаружения интен-

сивного запаха с увеличением расстояния уменьшается, а вероятность слабого – возрастает, но в 7 км не более, чем до 10 – 15%.

Согласно проведенным исследованиям основных показателей цитологического статуса слизистых оболочек носа и рта, у всех обследованных детей отмечено незначительное повреждение плоского эпителия, определяемого по повышенным значениям индекса альтерации эпителиоцитов (ИАЭ), однако большинство из изученных показателей цитологического статуса слизистых оболочек носа и рта не показали достоверных отличий в пределах сравниваемых групп [9].

Выводы

1. Цитологический статус слизистых оболочек носа и рта детей в ДОО, расположенном в 400 м от источников выбросов табачной фабрики, характеризовался худшими показателями (наименьшее число детей с нормальным цитологическим статусом и большее число детей с диагнозом «воспаление»), чем в ДОО, расположенных в 550 и 800 м от источников, что может свидетельствовать об определенном влиянии на состояние слизистых веществ, содержащихся в концентрациях, не превышающих их ПДК, но обуславливающих специфический, четко различимый запах. Однако это предположение должно быть подтверждено более углубленными исследованиями, включающими оценку возможного влияния других факторов окружающей среды (автотранспорта и др.), генетических факторов и т.д.

2. Оценка цитологического статуса детей, проживающих в районе размещения ЦБК (1600 и 2600 м от предприятия) показала, что у всех обследованных детей обнаружен повышенный индекс альтерации эпителиоцитов, свидетельствующий о цитотоксическом воздействии веществ, обуславливающих специфический запах выбросов ЦБК, и содержащихся в атмосферном воздухе в концентрациях, превышающих их гигиенические нормативы.

3. Показатели цитологического статуса слизистых оболочек носа и рта детей 2-х ДОО, расположенных в 7 и 27 км от предприятия по производству растворимого кофе, достоверно не отличались в пределах сравниваемых групп, и, следовательно, не могут свидетельствовать о долговременном влиянии слабого запаха выбросов предприятия (силой 1 балл) на состояние здоровья населения.

4. Цитологический статус слизистых оболочек носа и рта как один из критериев состояния здоровья населения может быть использован в оценке различных уровней загрязнения атмосферного воздуха веществами, обладающими запахом.

Библиографический список

1. Пинигин, М.А. Гигиенические основы оценки степени загрязнения атмосферного воздуха // Гигиена и санитария. - 1993. - № 7.
2. Рязанов, В.А. Основные принципы гигиенического нормирования атмосферных загрязнений // Гигиена и санитария. - 1949. - № 5.
3. Naahtela, T. Human health risks caused by malodorous sulfur compounds in ambient air in South-Karelia, Finland // Man and his Ecosystem: Proc. 8-th World Clean Air Congr. - The Hague. - 1989. - Vol. 1.
4. Пинигин, М.А. Гигиеническое нормирование и контроль атмосферных загрязнений в России с учетом запаха, а также пути гармонизации в этой области // Международная конференция «Актуальные вопросы оценки и регулирования запаха»: сборник докладов. - М., 2006.
5. Пинигин, М.А. К развитию положений В.А.Рязанова о навязчивости запаха при оценке качества атмосферного воздуха / М.А. Пинигин, О.В. Бударина [и др.] // Теоретические основы и практические решения проблем санитарной охраны атмосферного воздуха. - М., 2003.
6. Беляева Н.Н. Оценка цитологического и цитогенетического статуса слизистых оболочек полости носа и рта у человека / Н.Н. Беляева, Л.П. Сычева, В.С. Журков [и др.] // Методические рекомендации. Утверждены Председателем научного совета Российской Федерации по экологии человека и гигиене окружающей среды академиком РАН Ю.А. Рахманиным. - М., 2005.
7. Беляева, Н.Н. Использование неинвазивной оценки цитологического статуса слизистой оболочки носа и рта в социально-гигиеническом мониторинге / Н.Н. Беляева, О.Ю. Пономарева, В.П. Александрова, А.А. Олесинов, О.В. Бударина, З.М. Гасимова // Гигиена и санитария. - 2009. - № 6.
8. Беляева Н.Н. Воздействие загрязнения атмосферного воздуха Котласским целлюлозно-бумажным комбинатом на цитологический статус слизистых оболочек носа и рта детей / Н.Н. Беляева, С.И. Иванов, В.С. Журков, Л.П. Сычева, О.Ю. Пономарева, Б.М. Анциферов // Гигиена и санитария. - 2009. - № 3.
9. Беляева, Н.Н. Использование структурно-функциональных показателей при оценке воздействия на организм наночастиц, канцерогенов и промышленных выбросов / Н.Н. Беляева Л.П., Сычева, А.А. Алтаева, О.Ю. Пономарева, О.В. Бударина // Экология человека и медико-биологическая безопасность населения, материалы VI международного симпозиума. - М., 2010.

Bibliography

1. Pinigin, M.A. Gigenicheskie osnovy ocenki stepeni zagryazneniya atmosfernogo vozdukha // Gigena i sanitariya. - 1993. - № 7.
2. Ryazanov, V.A. Osnovniye principii gigenicheskogo normirovaniya atmosfernihkh zagryazneniy // Gigena i sanitariya. - 1949. - № 5.

3. Haahtela, T. Human health risks caused by malodorous sulfur compounds in ambient air in South-Karelia, Finland // *Man and his Ecosystem: Proc. 8-th World Clean Air Congr. – The Hague. – 1989. – Vol. 1.*
4. Pinigin, M.A. Gigienicheskoe normirovanie i kontrolj atmosfernih zagryaznenij v Rossii s ucheto zapakha, a takzhe puti garmonizacii v ehtoj oblasti // *Mezhdunarodnaya konferenciya «Aktualnihe voprosih ocenki i regulirovaniya zapakha»: sbornik dokladov. – M., 2006.*
5. Pinigin, M.A. K razvitiyu polozhenij V.A.Ryazanova o navyazchivosti zapakha pri ocenke kachestva atmosfernogo vozdukha / M.A. Pinigin, O.V. Budarina [i dr.] // *Teoreticheskie osnovih i prakticheskie resheniya problem sanitarnoj okhrani atmosfernogo vozdukha. – M., 2003.*
6. Belyaeva N.N. Ocenka citologicheskogo i citogeneticheskogo statusa slizistihk obolochek polosti nosa i rta u cheloveka / N.N. Belyaeva, L.P. Sihcheva, V.S. Zhurkov [i dr.] // *Metodicheskie rekomendacii. Utverzhdenih Predsedatelem nauchnogo soveta Rossijskoj Federacii po ehkologii cheloveka i gigiene okruzhayuthey sredih akademikom RAMN Yu.A. Rakhmaninihm. – M., 2005.*
7. Belyaeva, N.N. Ispolzovanie neinvazivnoj ocenki citologicheskogo statusa slizistoy obolochki nosa i rta v socialjno-gigienicheskom monitoringe / N.N. Belyaeva, O.Yu. Ponomareva, V.P. Aleksandrova, A.A. Olesinov, O.V. Budarina, Z.M. Gasimova // *Gigiena i sanitariya. – 2009. – № 6.*
8. Belyaeva N.N. Vozdeystvie zagryazneniya atmosfernogo vozdukha Kotlaskim cellulozno-bumazhnihm kombinatom na citologicheskij status slizistihk obolochek nosa i rta detej / N.N. Belyaeva, S.I. Ivanov, V.S. Zhurkov, L.P. Sihcheva, O.Yu. Ponomareva, B.M. Anciferov // *Gigiena i sanitariya. – 2009. – № 3.*
9. Belyaeva, N.N. Ispolzovanie strukturno-funkcionalnihk pokazatelej pri ocenke vozdeystviya na organizm nanochastic, kancerogenov i promishlennihk vihbrosov / N.N. Belyaeva L.P., Sihcheva, A.A. Altaeva, O.Yu. Ponomareva, O.V. Budarina // *Ehkologiya cheloveka i mediko-biologicheskaya bezopasnostj naseleniya», materialih VI mezhdunarodnogo simpoziuma. – M., 2010.*

Статья поступила в редакцию 20.07.11

УДК 612.017.2:616.12-008.331(1-17)

Hasnulin V.I., Gevorgyan M.M., Bakhtina I.A. LIPID METABOLISM CHARACTERISTICS AT THE ALIEN INHABITANTS OF THE NORTH WITH ARTERIAL HYPERTENSION. The arterial hypertension in conditions of northern stress proceeds with significantly greater increase in blood atherogenic lipids in comparison with similar patients of mid-latitudes. With the increase of the north experience weight of hyperpiesis in the north depends on the level of atherogenic lipids. For patients in the capacity of fabrics is the north mionectic as compared to healthy for utilization of lipids.

Key words: north, northern stress, arterial hypertension, lipids metabolism disorders.

В.И. Хаснулин, д-р мед. наук, проф. НЦКЭМ СО РАМН; **М.М. Геворгян**, канд. мед. наук, зав. лаб. клиники НЦКЭМ СО РАМН; **И.А. Бахтина**, канд. мед. наук, зав.отд. клиники НЦКЭМ СО РАМН,
E-mail: hasnulin@ngs.ru

ОСОБЕННОСТИ ЛИПИДНОГО ОБМЕНА У ПРИШЛЫХ ЖИТЕЛЕЙ СЕВЕРА, БОЛЬНЫХ АРТЕРИАЛЬНОЙ ГИПЕРТЕНЗИЕЙ

Артериальная гипертензия в условиях северного стресса протекает со значительным увеличением в крови атерогенных липидов в сравнении с аналогичными больными в средних широтах. С увеличением северного стажа тяжесть артериальной гипертензии на Севере зависит от уровня атерогенных липидов. У больных на Севере снижена по сравнению со здоровыми способность тканей к утилизации липидов.

Ключевые слова: Север, северный стресс, артериальная гипертензия, нарушения метаболизма липидов.

Известные факты о необходимости переключения обменных процессов, в условиях экологически обусловленного хронического северного стресса на северный тип метаболизма с преимущественным использованием белково-липидных компонентов питания, требуют дальнейшего изучения участия особенностей обменных характеристик в формировании как высокой адаптивной устойчивости человека на Севере, так и в развитии патологии. Данные, подтверждающие необходимость переключения на белково-жировой тип обмена на Севере, получены в работах Л.Е.Панина, П.Е. Влощинского, А.И. Козлова, Е.Р. Бойко, В.И. Хаснулина, А.Ю. Людиной [1-6]. Л.С.Останина [7] показала, что при хроническом воздействии на организм субэкстремальных и экстремальных факторов повышается роль липидов в энергообеспечении адаптационных реакций. Усиливается жиромобилизирующий эффект и образование транспортных форм жира – ЛПП всех классов. Возрастает способность тканей (в основном мышечной) использовать жиры на энергетические нужды. В этой же работе было выявлено, что в процессе адаптации к условиям Заполярья у человека повышается способность тканей к утилизации липидов, о чем свидетельствуют увеличение постгепариновой липолитической активности плазмы крови.

Вместе с тем, исследования Т.С. Неустроевой, К.Г. Ноздрачева, Т.М. Климовой и др. [8-10] подтвердили наличие серьезных нарушений липидного обмена при формировании сердечно-сосудистых заболеваний у пришлых жителей Севера. Было показано [7], что у пришлого населения Заполярья, страдающего ишемической болезнью сердца, наблюдается торможение процесса катаболизма липопротеидов очень низ-

кой плотности, обусловленное снижением липолитической активности крови. Эти же исследования выяснили, что об особенностях метаболизма липидов на Севере можно судить по капиллярно-венозной разнице показателей липидного обмена. Все перечисленное позволило нам при изучении особенностей механизмов формирования артериальной гипертензии у пришлых жителей Севера обратить внимание на особенности показателей липидного обмена у больных АГ, а также на капиллярно-венозную разницу основных липидных показателей, характеризующую особенности использования липидов тканями у больных жителей высоких широт.

Материалы и методы исследования. Были обследованы 42 больных артериальной гипертензией (АГ) на Севере и 37 больных АГ в г.Новосибирске (средние широты), аналогичным обследованиям были подвергнуты 45 практически здоровых пришлых жителей Севера и 32 здоровых жителя средних широт. Возраст обследованных колебался в пределах 31-59 лет. Обследование людей проведено с их информированного согласия, соответствует этическим стандартам Хельсинкской декларации Всемирной ассоциации «Этические принципы проведения научных медицинских исследований с участием человека» и приказам Минздравсоцразвития РФ.

Проведено комплексное клинико-лабораторное, функциональное и биохимическое обследование. У всех обследованных людей производилось разовое определение параметров ЭКГ, общих клинических анализов крови, также производилось взятие крови на биохимические анализы в одни и те же утренние часы. Капиллярно-венозная разница была определена у 7 северных больных АГ и 7 больных АГ из средних ши-

рот, а также у 5 здоровых жителей Севера и 8 практически здоровых жителей г.Новосибирска.

Статистическую обработку данных проводили с использованием стандартного пакета статистических программ STATISTICA (StatSoft, США) версии 7.0. Количественные данные представлены как $M \pm m$ при нормальном распределении показателей. Достоверность различий определяли по t-критерию Стьюдента для независимых выборок, достовер-

ность присваивалась при значении $p < 0,05$. Корреляционный анализ проводился по методу Пирсона.

Результаты исследования. Обследование больных артериальной гипертензией показало, что у больных АГ на Севере по сравнению с аналогичными больными в средних широтах выявляется более высокий уровень концентрации атерогенных липидов в крови (таблица).

Таблица

Показатели липидного обмена у больных с артериальной гипертензией в регионах Севера в сравнении со средними широтами

Показатели	Больные АГ	
	на Севере (n= 42)	в средних широтах (n = 37)
Общий холестерин, ммоль/л	* 6,5 ± 0,1	5,4 ± 0,2
Триглицериды, мг%	* 139,10 ± 1,2	112,0 ± 2,8
ЛПНП и ЛПОНП, г/л	* 5,2 ± 0,2	4,1 ± 0,1
Коэффициент атерогенеза	4,62 ± 0,34	4,0 ± 0,20

Примечание: * – достоверные отличия по отношению к группе больных АГ в средних широтах ($p > 0,005$)

Как видно из таблицы у пациентов с артериальной гипертензией, проживающих в высоких широтах, по сравнению с группой больных АГ, проживающих в средних широтах, повышена концентрация в крови общего холестерина, триглицеридов, атерогенных липопротеидов низкой и очень низкой плотности, а также выявляется более высокий коэффициент атерогенности. Полученные данные подтвердили зависимость течения артериальной гипертензии на Севере от степени нарушений липидного обмена. Корреляционный анализ выявил у больных АГ на Севере зависимость повышения систолического артериального давления от уровня общих липидов в крови ($r = 0,43$), от уровня липопротеидов низкой и очень низкой плотности ($r = 0,18$), от уровня триглицеридов ($r = 0,16$), от уровня атерогенности липидов ($r = 0,19$). Обнаружена корреляционная зависимость диастолического артериального давления у этих же больных от уровня общих липидов в крови ($r = 0,43$), от уровня липопротеидов низкой и очень низкой плотности ($r = 0,14$), от уровня триглицеридов ($r = 0,16$), от уровня атерогенности липидов ($r = 0,24$).

Подтверждение выявленной зависимости тяжести артериальной гипертензии от нарушений обмена липидов на Севере мы видим и в высокой корреляционной зависимости повышения концентрации атерогенных липидов в крови от срока проживания человека на Севере: общих липидов в крови ($r =$

0,24), от уровня липопротеидов низкой и очень низкой плотности ($r = 0,34$). При этом повышение артериального давления в первый год по данным корреляционного анализа практически не зависит от показателей липидного обмена, а на 15 году северного стажа повышение систолического артериального давления увеличивает зависимость от уровня общих липидов в крови ($r = 0,52$) и от уровня липопротеидов низкой и очень низкой плотности ($r = 0,25$). Корреляционная зависимость диастолического артериального давления после 15-летнего проживания на Севере увеличивается от уровня общих липидов в крови ($r = 0,37$) и от уровня липопротеидов низкой и очень низкой плотности ($r = 0,40$).

Полученные факты о зависимости формирования артериальной гипертензии от увеличения нарушений липидного обмена по мере увеличения срока пребывания в экстремальных северных условиях подтверждают патогенетическую роль расстройств метаболизма липидов в формировании артериальной гипертензии на Севере.

Более подробную картину нарушений метаболизма липидов у людей, больных артериальной гипертензией на Севере мы получили при сравнении показателей липидного обмена по капиллярно-венозной разнице у северных больных АГ с аналогичными больными в средних широтах (рис. 1).

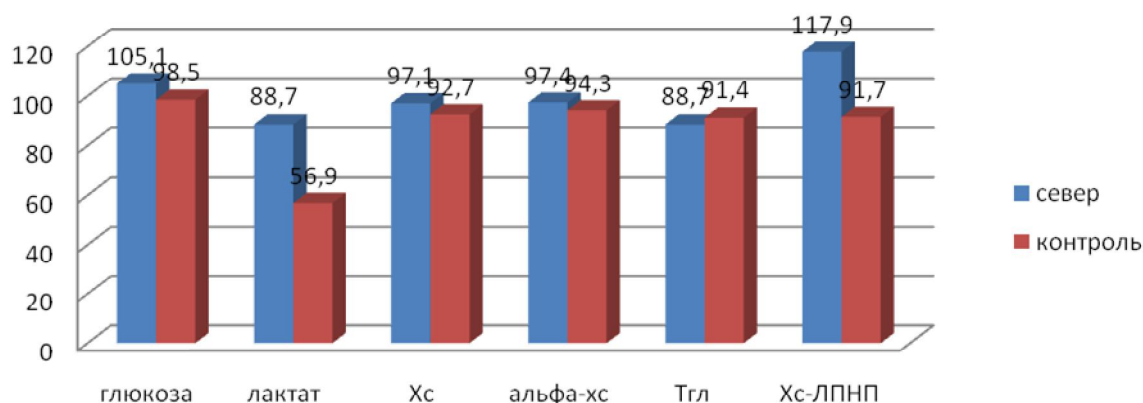

Рис. 1. Капиллярно-венозная разница метаболитических показателей у больных АГ на Севере в сравнении с аналогичными больными из средних широт в % к капиллярной крови

Как следует из рисунка 1, у северных больных артериальной гипертензией в меньшей степени чем у больных в средних широтах в тканях используется холестерин, альфа-холестерин, но больше используются триглицериды, поступающие с артериальной кровью. Вместе с тем, положительная капиллярно-венозная разница по липопротеидам низкой плотности, говорит о том, что атерогенные липиды практически не использу-

ются в обменных процессах в тканях, и за счет нарушений тканевого метаболизма липидов постепенно накапливаются в крови у больного. Сравнение капиллярно-венозной разницы метаболических показателей у здорового и больного АГ людей на Севере и в средних широтах представляет нам более полноценную картину особенностей метаболических процессов на Севере (рис. 2).

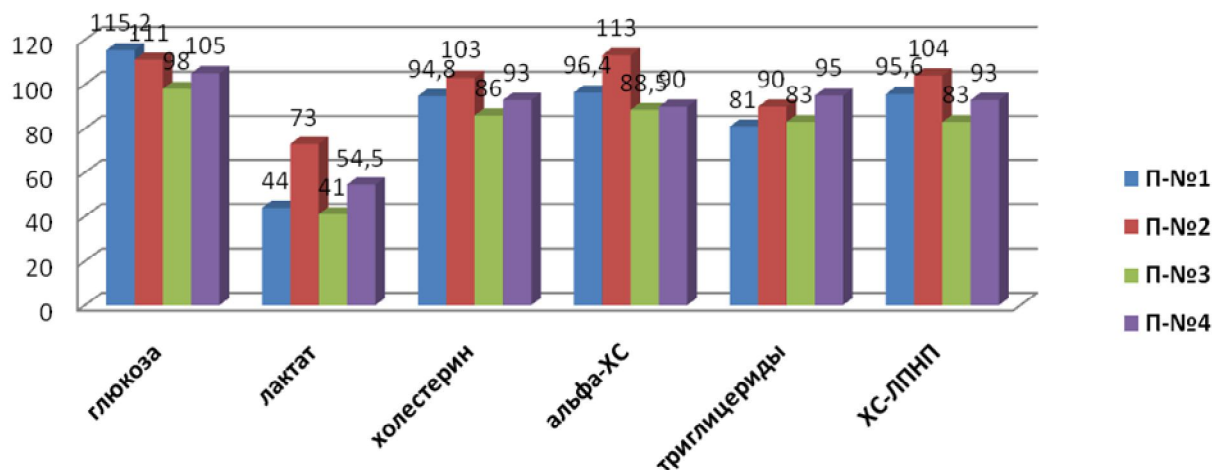

Рис. 2. Капиллярно-венозная разница метаболических показателей крови у практически здорового (П-№1) и у больного АГ (П-№2) жителей Севера в сравнении с практически здоровым (П-№3) и больным АГ (П-№4) жителями средних широт в % к капиллярной крови

Выявленная отрицательная капиллярно-венозная разница у здоровых жителей Севера и средних широт по холестерину, альфа-холестерину, триглицеридам и липопротеидам низкой плотности подтверждает, что у здоровых людей ткани активно используют в энергетическом обмене липиды. Меньшая отрицательная разница по перечисленным показателям выявляется и у больных артериальной гипертензией из средних широт. У больных АГ пришлых жителей Севера мы выявили положительную капиллярно-венозную разницу по холестерину, альфа-холестерину, липопротеидам низкой плотности, что диаметрально отличается метаболизм липидов при артериальной гипертензии на Севере. Активное использование в метаболических процессах триглицеридов как основного энергетического субстрата как здоровыми, так и больными жителями Севера, а также резкое снижение использования углеводов, говорит о том, что организм северян все-таки переключается, хотя и неполноценно, на северный тип метаболизма.

Обсуждение. Учитывая результаты прежних исследований на Севере [8], выявившие у пришлых жителей высоких широт положительную капиллярно-венозную разность по содержанию свободных жирных кислот, суммарной фракции липопротеидов низкой и очень низкой плотности, а также сдвиг липопротеидного спектра в венозной крови в сторону увеличения липопротеидов высокой плотности, мы можем говорить о том, что полученные нами данные об особенностях показателей липидов крови у больных артериальной гипертензией жителей Севера свидетельствуют о существовании присущей Северу закономерности формирования нарушения обмена липидов. В отличие от выявленной Л.С.Останиной закономерности, у здоровых людей на Севере повышения способности тканей к утилизации липидов, у больных артериальной гипертензией эта способность значительно снижена. Именно эти нарушения, связанные с неиспользованием липопротеидов низкой и очень низкой плотности в тканях организма, способствуют избыточному накоплению атерогенных липидов в крови, что становится дополнительным фактором

повреждения стенок сосудов и ускорению формирования артериальной гипертензии у пришлых жителей Севера.

Вероятно, полученные нами факты говорят о том, что у больных артериальной гипертензией жителей Севера не происходит полноценного переключения энергетического обмена с углеводного типа на жировой. Это связано с экологически обусловленной на Севере функциональной метаболической недостаточностью печени, со снижением ферментативной активности, обеспечивающей полноценное использование липидов в клетках и тканях. Кроме того, недостаточное использование клетками жиров может быть связано с формирующейся тканевой гипоксией, хорошо описанной в работах Н.И. Цирельникова [11]. Подтверждение высокой тканевой гипоксии у больных артериальной гипертензией на Севере мы видим по максимальному повышению капиллярно-венозной разницы содержания в крови лактата (рис.1 и рис. 2), высокий уровень которого считается маркером тканевой гипоксии [12].

Резюмируя проведенные исследования, можно сказать, что артериальная гипертензия в условиях северного стресса протекает со значительно большим увеличением в крови атерогенных липидов в сравнении с аналогичными больными в средних широтах. Клинические наблюдения и корреляционный анализ подтвердили, что тяжесть артериальной гипертензии на Севере зависит от уровня концентрации общих липидов, липопротеидов низкой плотности, триглицеридов и атерогенности липидов крови. Подтверждается эта закономерность и усилением влияния нарушения метаболизма липидов на повышение артериального давления у больных артериальной гипертензией на Севере с увеличением сроков проживания в высоких широтах. Положительная капиллярно-венозная разница по холестерину, липопротеидам низкой плотности и альфа-холестерину говорит о том, что у больных артериальной гипертензией на Севере снижена (по сравнению со здоровыми) способность тканей к утилизации липидов, что, вследствие накопления атерогенных липидов в крови, способствует прогрессированию артериальной гипертензии.

В целом же, существующие в научной литературе данные не могут полностью ответить на вопрос, почему у значительного числа пришлых жителей Севера не происходит полноценное переключение на северный тип метаболизма и какие механизмы определяют эти дефекты обмена веществ в высоких широтах.

Заключение. Таким образом, наши исследования показали, что нарушения липидного обмена у пришлых жителей

Севера при невозможности переключения на северный тип метаболизма становятся одним из важных звеньев прогрессирования артериальной гипертензии в высоких широтах. Вместе с тем, результаты работы требуют планирования дополнительного изучения клеточных и молекулярных механизмов торможения переключения обменных процессов у пришлых жителей Севера на северный тип метаболизма.

Библиографический список

1. Панин, Л.Е. Биохимические механизмы стресса. – Новосибирск, 1983.
2. Влощинский, П.Е. Состояние углеводного и жирового обменов, их взаимосвязь со структурой питания у жителей Крайнего Севера / П.Е. Влощинский: автореф. ... дис. д-ра мед. наук. – Новосибирск, 1999.
3. Козлов, А.И. Экология питания: курс лекций. – М., 2002.
4. Бойко, Е.Р. Физиолого-биохимические основы жизнедеятельности человека на Севере. – Екатеринбург, 2005.
5. Хаснулин, В.И. Основы традиционных рационов питания коренных жителей Севера / В.И. Хаснулин, Е.Р. Бойко, А.В. Хаснулина // Медико-социальные проблемы коренных малочисленных народов Севера. – Ханты-Мансийск, 2005.
6. Людина, А.Ю. Функциональная роль мононенасыщенных жирных кислот плазменных липидов у человека на Европейском Севере: автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Сыктывкар, 2010.
7. Останина, Л.С. Роль липидов в энергообеспечении организма человека в условиях Крайнего Севера / Л.С. Останина: автореф. дис. ... канд. мед. наук. – Новосибирск, 1984.
8. Неустроева, Т.С. Особенности перекисного окисления липидов эритроцитов у больных коронарным атеросклерозом Крайнего Севера и Сибири: автореф. ... дис. канд. мед. наук. – Новосибирск, 1990.
9. Ноздрачев, К.Г. Особенности липидно-гормональных ассоциаций у коренных и пришлых жителей Севера при ИБС и её факторах риска: автореф. ... дис. д-ра мед. наук. – Новосибирск, 1999.
10. Климова, Т.М. Динамика распространенности артериальной гипертензии и её связь с факторами риска среди мужского населения г. Якутска за период с 1984–1986 по 1998–2000 годы: автореф. ... дис. канд. мед. наук. – Новосибирск, 2001.
11. Цирельников, Н.И. Тканевая гипоксия как важное звено синдрома полярного напряжения // Медико-экологические основы формирования, лечения и профилактики заболеваний у коренного населения Ханты-Мансийского автономного округа. Методическое пособие для врачей. – Новосибирск: СОРАМН. – 2004.
12. Hameed, S.M. Oxygen delivery / S.M. Hameed, W.C. Aird, S.M. Cohn // Crit Care Med. – 2003. – № 31 (12).

Bibliography

1. Panin, L.E. Biokhimicheskie mekhanizmi stressa. – Novosibirsk, 1983.
2. Vlothinskiy, P.E. Sostoyanie uglevodnogo i zhirovogo obmenov, ikh vzaimosvyaz so strukturoy pitaniya u zhitel'ey Kraynego Severa / P.E. Vlothinskiy: avtoref. ... dis. d-ra med. nauk. – Novosibirsk, 1999.
3. Kozlov, A.I. Ekologiya pitaniya: kurs lekciy. – M., 2002.
4. Boyko, E.R. Fiziologo-biokhimicheskie osnovy zhiznedeyatel'nosti cheloveka na Severe. – Ekaterinburg, 2005.
5. Khasnulin, V.I. Osnovnykh traditsionnykh racionov pitaniya korennykh zhitel'ey Severa / V.I. Khasnulin, E.R. Boyko, A.V. Khasnulina // Mediko-social'niye problemiy korennykh malochislennyykh narodov Severa. – Khatiy-Mansiysk, 2005.
6. Lyudinina, A.Yu. Funktsional'naya rol' mononenasihtennyykh zhirnykh kislot plazmennyykh lipidov u cheloveka na Evropeyskom Severe: avtoref. diss. ... kand. biol. nauk. – Siktivkar, 2010.
7. Ostanina, L.S. Rol' lipidov v ehnergoobespechenii organizma cheloveka v usloviyakh Kraynego Severa / L.S. Ostanina: avtoref. dis. ... kand. med. nauk. – Novosibirsk, 1984.
8. Neustroeva, T.S. Osobennosti perekisnogo okisleniya lipidov ehritrocitov u bol'nykh koronarnim aterosklerozom Kraynego Severa i Sibiri: avtoref. ... dis. kand. med. nauk. – Novosibirsk, 1990.
9. Nozdachev, K.G. Osobennosti lipidno-gormonal'nykh assotsitsiy u korennykh i prishlykh zhitel'ey Severa pri IBS i eyo faktorakh riska: avtoref. ... diss. d-ra med. nauk. – Novosibirsk, 1999.
10. Klimova, T.M. Dinamika rasprostranennosti arterial'noy gipertonii i eyo svyaz s faktorami riska sredi muzhskogo naseleniya g. Yakutsk za period s 1984–1986 po 1998–2000 godih: avtoref. ... dis. kand. med. nauk. – Novosibirsk, 2001.
11. Cirelnikov, N.I. Tkanevaya gipoksiya kak vazhnoe zveno sindroma polyarnogo napryazheniya // Mediko-ehkologicheskie osnovy formirovaniya, lecheniya i profilaktiki zabolevaniy u korennoho naseleniya Khatiy-Mansiyskogo avtonomnoho okruga. Metodicheskoe posobie dlya vrachej. – Novosibirsk: SORAMN. – 2004.
12. Hameed, S.M. Oxygen delivery / S.M. Hameed, W.C. Aird, S.M. Cohn // Crit Care Med. – 2003. – № 31 (12).

Статья поступила в редакцию 20.07.11

Раздел 8

ЭКОНОМИКА

Ведущие эксперты раздела:

ИННА НИКОЛАЕВНА САННИКОВА - доктор экономических наук, профессор, зав. каф. бухучета, аудита и анализа Алтайского государственного университета (г. Барнаул)

ВЕРА СТЕПАНОВНА СТАРОДУБЦЕВА – кандидат экономических наук, доцент (г. Горно-Алтайск)

УДК 331.101

Demidko E.V., Goman E.U. FORMATION OF LABOUR POTENTIAL OF THE REGION. The thesis, that the employment potential, as a factor influencing the quality of socio-economic development of the region in present time we have no doubts. Hence, revealing regularities of its development is an important task in the study of the processes associated with the transformation of qualification-demographic structure of the region.

Key words: social-economic development of region, labour potential, research potential, labour, labour facility, human capital, production-economic structure.

Е.В. Демидько, канд. экон. наук, доц. кафедры «Менеджмент, финансы и право» Института психологии и управления ГОУВПО «Дальневосточный государственный гуманитарный университет», г. Хабаровск, E-mail: evgdem@yandex.ru; **Е.Ю. Гоман**, аспирант Дальневосточной академии государственной службы, E-mail: gomanelena@rambler.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА

Тезис о том, что трудовой потенциал, как фактор, влияющий на качество социально-экономического развития региона в настоящее время уже не вызывает сомнений. Следовательно, выявление закономерностей его формирования является важной задачей при исследовании процессов, связанных с трансформацией квалификационно-демографической структуры региона.

Ключевые слова: социально-экономическое развитие, трудовой потенциал, научно-технический потенциал, рабочая сила, трудовые ресурсы, человеческий капитал, производственно-экономическая структура.

Для создания инструментов формирования положительной динамики социально-экономического развития региона (далее – СЭРР) необходимо выявить причины и закономерности его изменения. Как показывает анализ, использование классических моделей и теорий не позволяет это осуществить с требуемой эффективностью и результативностью [1]. Методологически, для решения данной проблемы необходим подход, основанный на комплексном рассмотрении взаимосвязи базисных факторов и элементов СЭРР и его результаты: трудового и научно-технического потенциала; системы социально-экономических показателей; индикаторов уровня качества жизни населения. Данный подход может позволить как выявить причины динамики показателей СЭРР и их внутренние корреляции, так и определить возможности для повышения качества жизни населения региона. В рамках указанной проблематики в данной статье рассматривается процесс формирования его трудового потенциала.

Проблематика трудового потенциала рассматривалась многими зарубежными и российскими исследователями на протяжении многих десятилетий. Результаты этих исследований можно свести к двум преобладающим концепциям, различающимся подходами в определении сущности трудового потенциала и его оценке.

Одни авторы характеризуют трудовой потенциал региона как совокупную способность её трудовых ресурсов к производству максимально возможного в данных экономических и социальных условиях объема продуктов и услуг, необходимых для удовлетворения потребностей и обеспечения посту-

пательного развития экономики [2]. Данное определение, автором которого является Г. Д. Кулагина, указывает на необходимость рассмотрения трудового потенциала как в количественном аспекте – численность трудовых ресурсов, так и в его качественном аспекте – эффективности их использования. Г. Д. Кулагина также указывает, что понятие «максимально возможный в данных экономических и социальных условиях объем продуктов и услуг» не поддается объективной оценке. К тому же изменение структуры промышленности региона меняет и величину максимально возможного выпуска продуктов и услуг, следовательно, в соответствии с данной концепцией, это будет означать и изменение трудового потенциала, хотя количественно и качественно состав и структура населения может оставаться постоянной.

Другие исследователи считают, что трудовой потенциал – это резервы наращивания потенциала рабочей силы и повышения эффективности ее использования [3]. Возможности улучшения образовательной и профессиональной структуры трудовых ресурсов выражаются в повышении ее теоретических знаний, практических навыков и квалификации в целом. Развитие социальной инфраструктуры региона, улучшение качества и доступности ее услуг позволяют населению перераспределить свои усилия с решения бытовых проблем на задачи личностного и профессионального роста, что, как правило, повышает социальную ответственность населения, его позитивное отношение к труду. Что касается демографической структуры населения, то она является основой для формирования социально-трудового потенциала региона и харак-

Особый интерес при рассмотрении трудового потенциала представляет сформировавшаяся квалификационно-демографическая структура человеческого капитала и ее дальнейшая трансформация посредством производственно-экономической структуры региона в качество и количество трудового потенциала. При этом наличие «критической массы» накопленного опыта и знаний, проблемных направлений и требующих решения задач в научно-технических областях существующей производственной структуры региона может генерировать новые идеи и научные направления. В свою очередь это будут способствовать как к росту научно-технического потенциала региона, так и к увеличению качества трудового потенциала и перехода их на новый уровень, что объективно должно приводить к повышению конкурентоспособности региона.

В краткосрочном периоде трудовой потенциал можно повысить за счет снижения структурной безработицы и приведения сформированной совокупности количества и качества трудовых ресурсов в соответствие с текущими потребностями производственно-экономической структуры региона.

В долгосрочном периоде повысить трудовой потенциал, исходя из представленного на рисунке 1 процесса, можно путем:

- устранения или снижения степени воздействия факторов, отрицательно влияющих на воспроизводство и здоровье населения;
- улучшения системы здравоохранения, структуры питания;
- изменения мотивационного паттерна и социальных предпочтений населения в сторону положительного отношения к труду;
- организации систем профессионального образования и переподготовки в соответствии с текущими и перспективными потребностями региона;
- повышение доли научно-технических производств в регионе.

Несколько слов о мотивационном паттерне (мотипаттере) – интегрированных ценностных ориентациях населения региона к труду [4]. Мотипаттеры могут быть самого различного уровня. Мотипаттер организации формирует качество совокупного работника с определенным типом мотивации к труду (качество труда, заработок, карьерный рост, престиж, социальный статус и т.д.). Мотивационный паттерн труда, формирующийся на национально-государственном уровне, определяет уровень иерархии трудовой мотивации:

- низшую, где труд представляется обязанностью, обусловленной необходимостью зарабатывать себе на жизнь;
- промежуточную, при которой труд считается такой же жизненной ценностью как семья, отдых, здоровье и т.д.;
- высшую, когда труд для человека является инструментом самовыражения, куда он стремится вложить все свои знания и опыт, независимо от оплаты.

Одним из инструментов повышения трудового потенциала региона, нацеленного на долгосрочную перспективу, может быть создание системы образования, основанной на центрах,

объединяющих учреждения профессионального образования отдельной или смежных групп отраслей. Деятельность этих центров должна быть основана на планах развития региона и, следовательно, главным условием для функционирования указанных центров является наличие долгосрочных программ развития региона, однозначно определенных как качественно, так и количественно, структурированных по времени и направлениям, учитывающих все аспекты внешней и внутренней среды региона.

Цель функционирования таких центров – обеспечение потребностей региона в высококвалифицированных специалистах различного уровня. Сущность их функционирования – разработка и координация системы образования региона для достижения следующих основных задач:

✓ **обеспечение количественных потребностей региона в кадрах необходимой специализации**, что предполагает наличие актуальной и системной информации по следующим аспектам регионального развития, а также тенденций и перспектив в их изменении:

- отраслевая структура и кадровая обеспеченность отраслей;
- уровень безработицы, возрастная и половая структура, квалификация, навыки и опыт незанятых в региональной экономике;
- демографическая структура региона.

✓ **подготовка высококвалифицированных специалистов**, что предполагает системность их теоретических знаний и практических навыков по основным аспектам их профессиональной деятельности, а также тенденций и перспектив их изменения в регионе по следующим основным направлениям:

- технология производства работ;
- средства и предметы труда, применяемые при производстве работ;
- организация и экономика труда;
- нормативно-правовое регулирование хозяйственной деятельности.

✓ **формирование информационной образовательной среды региона на основе современных технологий**, что должно основываться на:

- требованиях к структуре, содержанию и технологии образовательных программ;
- количестве пользователей образовательных программ;
- возможностях пользователей образовательных программ.

В заключение необходимо отметить, что, так как уровень трудового потенциала непосредственно влияет на значение такого важного показателя функционирования экономики региона – валовой региональный продукт, проблема повышения трудового потенциала является одной из первоочередных задач для всех уровней государственного управления при управлении социально-экономическими процессами в регионе. Тезис о том, что «рынок сам все рассудит и поставит на места» в контексте данной статьи является необоснованным.

Библиографический список

1. Демидко, Е.В. О применении экономических методов и моделей для анализа причин динамики социально-экономического развития региона. // Власть и управление на востоке России. – 2008. – № 44 (3).
2. Кулагина, Г.Д. Макроэкономическая статистика. – М.: МЭСИ, 1998.
3. Тоньшева, Л.Л. Социально-трудовой потенциал территории: выбор стратегии развития // Налоги. Инвестиции. Капитал. – 2004. – № 3-4.
4. Шкуркин, А.М. Мотипаттеры Камчатки. Теория и практика управления бизнесом, финансами и кадрами / А.М. Шкуркин, Я.В. Ганич // Сборник научных трудов профессорско-преподавательского состава кафедры «Менеджмент, финансы и право» по итогам 51 и 52-ой конференций преподавателей ДВГТУ. – Хабаровск: ДВГТУ, 2008.

Bibliography

1. Demidko, E.V. O primeneniі ekonomicheskikh metodov i modeley dlya analiza prichin dinamiki socialjno-ekonomicheskogo razvitiya regiona. // Vlasti i upravlenie na vostoке Rossiі. – 2008. – № 44 (3).
2. Kulagina, G.D. Makroekonomicheskaya statistika. – M.: MEHSI, 1998.
3. Tonihsheva, L.L. Socialjno-trudovoy potencial territorii: vıhbor strategii razvitiya // Nalogi. Investicii. Kapital. – 2004. – № 3-4.
4. Shkurkin, A.M. Motipaterih Kamchatki. Teoriya i praktika upravleniya biznesom, finansami i kadrami / A.M. Shkurkin, Ya.V. Ganich // Sbornik nauchnih trudov professorsko-prepodavatel'skogo sostava kafedrih «Menedzhment, finansih i pra-vo» po itogam 51 i 52-oy konferencyj prepodavateley DVGGU. – Khabarovsk: DVGGU, 2008.

Статья поступила в редакцию 20.07.11

УДК: 330.59

Shkurkin A.M., Demidko E.V. THE QUALITY OF LIFE OF THE POPULATION AS A SOCIO-ECONOMIC CATEGORY. For management of socio-economic processes it is necessary to have volumes objective data on the dynamics of the quality of life of the population. This task should ensure monitoring the quality of life of the population, which in this case acts as a feedback, closing contour of management of social-economic processes.

Key words: the validity of the measurement, quality of life, the monitoring of the quality of life, quality of life indicators, the social dimension.

А.М. Шкуркин, д-р филос. наук, канд. эконом. наук, ведущий научный сотрудник Института комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН, г. Биробиджан, E-mail: shkurkin@mail.ru;

Е.В. Демидко, канд. эконом. наук, доц. каф. «Менеджмент, финансы и право» Института психологии и управления ГОУВПО «Дальневосточный государственный гуманитарный университет», г. Хабаровск, E-mail: evgdem@yandex.ru

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ КАК СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Для управления социально-экономическими процессами необходимо располагать объективными данными о динамике качества жизни населения. Эту задачу должен обеспечить мониторинг качества жизни населения, который в этом случае выполняет функцию обратной связи, замыкающий контур управления социально-экономическими процессами.

Ключевые слова: валидность измерения, качество жизни, мониторинг качества жизни, показатели качества жизни, социальные измерения.

Одна из центральных проблем современности - это углубление противоречия между личностью и обществом - одна из коренных причин разбалансированности социального пространства, таящая в себе возможности нарастающих сегодня социальных взрывов и катастроф. Углубления этого противоречия ведет к деградации личности, к усилению ее апатии и отчаяния, к укреплению ложных ценностей в духовном мире.

Осознание всего этого требует и новой стратегии развития. Прошедшая в 1992 году конференция в Рио-де-Жанейро, сформулировала новую мировоззренческую парадигму мировой цивилизации. Если во все предшествующие периоды развития основная цель человечества сводилась к завоеванию места в мире, то теперь ему предстоит решить принципиально иную и очень не простую задачу - научиться в нем жить.

В этой связи перед человеком встают три вопроса, от ответа на которые зависит его будущее, а, может быть, и сама жизнь: 1) способно ли человечество стать лучше; 2) какие условия, средства и механизмы реализации нужны для такого улучшения; 3) какими будут последствия таких действий.

Все сказанное определяет фундаментальной важности задачу социальных измерений в современном мире: построение комплексной информационной системы для получения систематических, достоверных, непротиворечивых знаний, позволяющих оценить социальное самочувствие человека в условиях нестабильности, определить доминирующие мировые и региональные тенденции определяющие положения человека в современном мире, получить интегральную оценку всех условий его жизнедеятельности, оценить становится ли бытие людей в социальном, экономическом, политическом и правовом пространстве лучше. Другими словами речь идет о необходимости построения на всех цивилизационных уровнях мониторинга качества жизни населения. Поиском таких возможностей в настоящее время заняты различные научные и общественные организации. В современный оборот все в большей степени вовлекаются такие специфические термины качества жизни как, например, "коэффициент гуманитарного развития", "биосоциальное здоровье человека", "социальная сетка безопасности" и т.д. Проводятся многочисленные замеры в сопоставимых показателях различных сфер жизнедеятельности человека и его отношения к происходящим переменам.

Для России, которая находится как бы на перекрестке двух кризисных тенденций - собственного и общечивилизационного, вопросы измерения качества жизни на всех уровнях является сверх актуальными. Однако теоретическая и практическая обоснованность построения такой информационной системы, по существу, находится только на начальной стадии.

Не решены многие вопросы, начиная от построения процедур измерения различных сфер и аспектов качества жизни до обоснования технологий агрегирования, "сворачивания" первичных социальных индикаторов в систему немногих обобщенных показателей.

В предлагаемой вниманию статье авторы в порядке постановки вопроса рассматривают только небольшую часть из затронутых проблем, отдавая себе при этом отчет, в том, что многие предлагаемые положения не бесспорны и требуют обсуждения и практической апробации.

Среди большого множества работ посвященных специальному рассмотрению качества жизни населения и различных его сторон и до настоящего времени нет единства в понимании того, какие социально-экономические процессы и явления обозначаются этим термином. С одной стороны, встречается предельно расширительное толкование данной категории, которое, по существу, вбирает в себя все процессы жизнедеятельности человека и общества. С другой - в показатели качества жизни иной раз включается безо всякой научной аргументации только узкая часть процессов жизнеобеспечения людей. Характерно, что с течением времени ситуация в этой области не только не проясняется, а, наоборот, становится все более запутанной, ибо в сферу рассмотрения включаются все более острые проблемы и мало исследованные социальные последствия, которыми так богата быстрая и изменчивая жизнь постиндустриального общества.

Существенным является и то, что разногласия затрагивают не только семантический аспект проблемы, но, что более важно, содержательный ее контекст. Очень часто используют близкие термины, отождествляемые с "качеством жизни": уровень жизни, уклад жизни, стандарт жизни, стиль жизни, образ жизни и т.д. [1-6]. Исследователи, которые в качестве синонима используют термин "уровень жизни" больше ориентируются на экономическую, материальную сторону жизни населения. Речь в этом случае идет прежде всего об оценке здоровья населения, о материальном и социальном обеспечении, уровне образования, структуре потребностей различных социальных групп и степени их удовлетворения. Имеет место и противоположная точка зрения, в соответствии с которой качество жизни является максимально интегрированным социальным показателем, включающим в себя в качестве составляющих признаков уровень жизни, стиль жизни, уклад жизни. Иногда речь идет о том, что качество жизни наряду с условиями жизни, уровнем жизни, социальным поведением входит в состав более широкого понятия "образ жизни". Нет единогласия в понимании качества жизни и среди зарубежных исследователей. Обычно их определения включают в большей

степени субъективные переменные, характеризующие социальное самочувствие личности, удовлетворенность гражданскими свободами, правами человека, безопасностью существования и т.д. Например, Дж. Ван Гиг понимает качество жизни населения предельно широко, рассматривая его как состояние благополучия. Показательно, что он эту категорию самым тесным образом связывает с целями, определяющими государственную политику, направленными на удовлетворение социальных, экономических и иных потребностей, повышение общего благосостояния населения, поддержание таких условий, в которых человек и природа могли бы вести гармоничное сосуществование [7, с. 314]. Изложенное понимание качества жизни представляет собой междисциплинарный подход, предметом исследования в котором является комплекс условий обеспечивающий существование человека, в том числе и взаимоотношение человека с природой.

Анализ различных интерпретаций категории "качество жизни" можно было бы продолжить и дальше. Например, в одной из известных работ по технологиям измерения качества жизни ее авторы называют восемь модельных модификаций реализующих различные признаковые комбинации представления качества жизни [8]. В целом же следует отметить, что большинство исследователей в конечном счете, в том или ином контексте под качеством жизни понимают некую комплексную характеристику населения, определяющую его социально-экономическое положение и совокупность условий обеспечивающих жизнедеятельность человека на вполне определенной территории. Важно понять, что речь здесь должна идти не только об экономическом благополучии. Конечная задача состоит в том, чтобы оценить различные множественные взаимозависимости между проводимой социально-экономической политикой, структурой государственных или муниципальных затрат, складывающимися социальными условиями жизнедеятельности населения и *социальным самочувствием* человека включенным в ту или иную систему жизнеобеспечения. Качество жизни является сложным комплексным феноменом общественной жизни, каждый из структурных элементов которого является отражением экономических, социальных, политических, правовых, идеологических отношений складывающихся в обществе, а потому понимаемый как *социальное благополучие* населения в целом.

Еще один срез проблемы понимания качества жизни состоит в определении объекта исследования и его отражения в информационных моделях. Речь идет прежде всего, о технологиях измерения и преобразования информации. Качество жизни как интегративный социально-экономический показатель предстает как некий синтез объективных и субъективных социологических замеров. С одной стороны, объектом рассмотрения выступает население той или иной территориальной общности в целом. И в этом случае регистрируются объективно существующие процессы и факторы отраженные в социальной статистике. Объективная составляющая качества жизни здесь предстает как совокупность статистических показателей регистрирующих положение населения в стратифицированном социально-экономическом пространстве какой-либо территории. С другой стороны, объект качества жизни населения выступает в форме субъективных ощущений отдельных людей, в виде некоего целостного показателя удовлетворенности человеком условиями жизнеобеспечения, своей жизнью в целом. Такая сложная субъектно-объектная структура рассматриваемой дефиниции создает значительные как методологические, так и технологические трудности при построении информационной модели качества жизни.

Проблема номер один, с которой приходится сталкиваться проектировщикам всех информационных моделей, в том числе и качества жизни - это *проблема измерения*. Процедуры замеров должны быть таковыми, чтобы полученная модель с максимальной полнотой и достоверностью отражала исследуемый объект. Информационная реконструкция реального объекта, как известно, начинается с построения некоторой шкалы. В самом простом смысле процедура измерения сводится к предписыванию каждому признаку объекта некоторо-

го числа. Результатом такого сопоставления является числовая модель исследуемого эмпирического объекта. Смысл этой операционализации состоит в том, что устанавливается соответствие между свойствами эмпирического объекта и свойствами сопоставленных им чисел. Набор свойств объекта и сопоставленных им чисел называют в теории измерения шкалой $\langle F1, R1, q \rangle$. Здесь $F1$ - эмпирический объект, $R1$ - числовая система, q - преобразование свойств эмпирического объекта в числовые. Существует множество различных способов предписывания чисел пунктам шкалы, т. е. процедура шкалирования допускает определенные группы преобразований $\{Q\}$, не меняющие свойств признаков объекта. Искусство измерения объекта состоит в получении шкалы как можно более высокого уровня.

Основная трудность при измерении качества жизни состоит в разнородности его показателей. Измерение одних составляющих качества жизни не представляет каких-либо особых процедурных сложностей и, как правило, осуществляется в метрических шкалах. К таким показателям относится, например, уровень дохода, число детей в семье, размер заработной платы, уровень образования, количество квадратных метров в занимаемом жилье, объем реализации населению платных услуг, продолжительность свободного времени и т.д. Измерение практически всех объективных аспектов качества жизни принципиальных проблем не вызывает и допускает использование относительно несложных математических преобразований.

Совсем по другому выглядит проблема, когда в качестве объектов измерения выступают субъективные ощущения человека, уровень его удовлетворенности различными сторонами жизнеобеспечения. В этом случае для регистрации различных субъективных составляющих качества жизни чаще всего используется, так называемые, *номинальные* или *ранговые* шкалы. Процедурно замеры таких объектов осуществляются путем приписывания некоторых оценочных баллов субъективным ощущениям человека, его настроениям, социальному самочувствию или некоторому упорядочиванию своих субъективных оценок в том или ином признаковом пространстве. Например, для измерения степени удовлетворенности населения транспортным обслуживанием может быть предложена пяти (или семи) балльная система, каждый балл которой сопоставляется с субъективной оценкой индивидом того, в какой степени его удовлетворяет существующая в данном муниципальном образовании транспортная сеть. Величина балла, избранная человеком, соответствует степени его удовлетворенности данной сферой, начиная от самой низкой ("совсем не удовлетворяет") и кончая самой высокой ("удовлетворяет в полной мере"). Общий уровень удовлетворенности населения производится посредством вполне определенного усреднения, полученных индивидуальных оценок - чаще всего используют статистические "средневзвешенные показатели". Если, к примеру, в каком либо населенном пункте удовлетворенность населения транспортным обслуживанием окажется равной 4.31, то этот результат, при условии выполнения всех требований необходимых для обеспечения репрезентативности социологического опроса, можно интерпретировать как в достаточной степени высокий уровень удовлетворения жителей данного населенного пункта качеством транспортного сервиса. Приведенный пример является простейшим приемом измерения качественных признаков. В более сложных случаях, например при оценке уровня бедности, степени удовлетворенности человеком в целом своим социальным статусом, ощущением счастья, тревожности, депрессии используются более тонкие измерительные процедуры, такие как шкальный анализ, тестирование, психосоматические методы, латентно-структурный анализ и т.д.

Наличие этих зависимостей между объективным окружением людей и их субъективной оценкой, с одной стороны, предопределяет возможность конструирования измерительных процедур субъективной составляющей качества жизни, с другой - показывает определенную условность данного измерения, ведет к некоторым парадоксальным оценкам, когда,

например, возможно сочетание хороших условий жизни с критической их оценкой и высоким уровнем неудовлетворенности и, напротив, - удовлетворительных субъективных ощущений с крайне неудовлетворительными условиями жизнеобеспечения. Этот последний результат вносит дополнительные проблемы в получение объективных знаний о качестве жизни.

Для того чтобы комплексно оценить качество жизни, нужно представить ее в виде немногочисленных интегративных показателей, которые позволили бы оценить условия жизнедеятельности населения на максимально обобщенном уровне. Это, в свою очередь, предполагает построение процедуры агрегирования, "сворачивания" многих сотен первичных признаков к показателям, описывающим качество жизни как некоторое целостное явление. То есть информация от первичных измерений, зафиксированная через элементарные показате-

ли, должна совершить вполне определенное восхождение, проделать путь "наверх" и предстать в виде системы интегративных социальных параметров.

Методологически, для конкретной наполненности показателей, в чем, собственно и состоит смысл измерения, интегративные показатели должны содержать информацию о качестве исследуемого объекта, предоставлять возможность "видеть" обобщенные закономерности и тенденции, ранее скрытые во множестве единичных наблюдений. Для решения данной задачи может быть разработан подход, основанный на комплексном рассмотрении взаимосвязи: критериев качества жизни населения региона; факторов формирования ее трудового и научно-технического потенциала; результатов его функционирования (см. рис. 1). Данный подход позволит содержательно оценивать состояние качества жизни населения в целом.

Рис. 1. Качество жизни в системе взаимосвязи социально-экономических факторов, условий и результатов

Структура показателей при таком подходе позволит выявить причины динамики показателей социально-экономического развития региона и их внутренние корре-

кции, так и определить возможности для повышения качества жизни населения.

Библиографический список

1. Бутенко, А.П. Социалистический образ жизни. Вопросы философии, – 1975. – № 3.
2. Бестужев-Лада, И.В. Социалистический образ жизни: методология исследования. Вопросы философии, – 1974. – № 2.
3. Толстых, В.И. Образ жизни. Понятие, реальность, проблемы. – М., 1975.
4. Показатели и индикаторы социальных измерений. – М.: РИЦ ИСПИ РАН, 1995.
5. Социальная статистика. – М.: Финансы и статистика, 1997.
6. Могилевский, Р.С. Проблемы качества жизни крупного города. – Л. 1987.
7. Дж. Ван Гиг. Прикладная общая теория систем. В 2-х кн. Кн. 1. – М.: Мир, 1981.
8. Давыдова, Е.В. Измерения качества жизни / Е.В. Давыдова, А.А. Давыдов. – М., 1993.

Bibliography

1. Butenko, A.P. Socialisticheskiy obraz zhizni. Voprosih filosofii, – 1975. – № 3.
2. Bestuzhev-Lada, I.V. Socialisticheskiy obraz zhizni: metodologiya issledovaniya. Voprosih filosofii, – 1974. – № 2.
3. Tolstikh, V.I. Obraz zhizni. Ponyatie, realnostj, problemih. – M., 1975.
4. Pokazateli i indikatorih socialnihkh izmerenij. – M.: RIC ISPI RAH, 1995.
5. Socialjnaya statistika. – M.: Finansih i statistika, 1997.
6. Mogilevskij, R.S. Problemih kachestva zhizni krupnogo goroda. – L. 1987.
7. Dzh. Van Gig. Prikladnaya obthaya teoriya sistem. V 2-kh kn. Kn. 1. – M.: Mir, 1981.
8. Davihdova, E.V. Izmereniya kachestva zhizni / E.V. Davihdova, A.A. Davihdov. – M., 1993.

Статья поступила в редакцию 20.07.11

Раздел 9

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Редактор раздела:

СЕРГЕЙ АЛЬБЕРТОВИЧ ПОЛЯКОВ – кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой уголовного права и процесса Новосибирского государственного технического университета (г. Новосибирск)

УДК 342.31

Kazmina E.A. RUSSIAN PEOPLE'S LEGAL PERSONALITY. The article deals with the problem of Russian people's declaration as a subject of constitutional law. The author substantiates that Russian people have all the signs of subject of law, sorts out the elements of the people's constitutional status, the main of those is people's legal personality.

Key words: *people, constitutional status, elements of the people's constitutional status, people's legal personality.*

Е.А. Казьмина, ст. преп. каф. конституционного и международного права БЮИ МВД России, г. Барнаул, E-mail: eakazmina@mail.ru

ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ НАРОДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья посвящена проблеме признания народа Российской Федерации субъектом конституционного права. Автор обосновывает наличие у народа признаков субъекта права, выделяет элементы конституционного статуса народа, ключевым из которых является правосубъектность народа.

Ключевые слова: *народ, конституционный статус, элементы конституционного статуса народа, правосубъектность народа.*

Традиционно в число элементов конституционного статуса личности, исходя из положений отечественной правовой науки, включаются правосубъектность, принципы, права и свободы, обязанности, ответственность и гарантии.

Между тем народ Российской Федерации выступает не простой совокупностью субъектов права – граждан, а единым самостоятельным субъектом, имеющим общие интересы и единую волю. Поэтому естественно то, что конституционный статус народа, хоть и имея в своей основе начала правового статуса личности, должен обладать и обладает своими особенностями. В науке конституционного права не так часто говорится о содержании понятия конституционного статуса народа, но в то же время А.Н. Кокотов, анализируя правовой статус такого коллективного субъекта, как этнос, говорит о том, что он включает в себя «правосубъектность этносов, а также правовой статус индивидов и организаций, их составляющих, и юридические процедуры взаимодействия указанных лиц. При этом правосубъектность этносов тождественна их правоспособности, которая в свою очередь не содержит юридических обязанностей, включая ответственность» [1, с. 25].

Казалось бы, что эта точка зрения применима и к другим коллективным субъектам. Но с предложенной позицией нельзя согласиться в полной мере.

Следуя указанному мнению, необходимо было бы среди элементов конституционного статуса народа выделить и конституционный статус наций (этнических групп), объединений граждан и отдельных лиц, составляющих народ. Однако эти

субъекты могут обладать принципиально иным статусом, чем народ, что объективно обусловлено самой природой того или иного объединения или даже индивида. Кроме того, далеко не все права, свободы и обязанности, выступающие необходимыми элементами правового статуса любого из названных субъектов, являются элементами правового статуса народа в целом. Представляется, что правовой статус народа категория самостоятельная, не имеющая прямого отношения к правовому статусу индивидов и их групп, в своей совокупности составляющих народ.

Говоря о таком бесспорном, на наш взгляд, вопросе, как элементы правового статуса, необходимо обратить особое внимание на то, что в науке конституционного права нет единой точки зрения не только на содержание статуса указанного субъекта, но даже не достигнуто единства в вопросе самого факта обладания народом правовым статусом. Ведь многие авторы отказывали и отказывают народу в признании его субъектом права вообще. Рассматривать настоящую проблему представляется целесообразным именно в ходе исследования элементов правового статуса и правосубъектности народа.

Ядром правового статуса народа Российской Федерации, его основой является правосубъектность.

Исходя из общей теории права, предпосылками и составными частями конституционной правосубъектности являются конституционная правоспособность и конституционная дееспособность, между которыми существует непосредственная связь. В правовой науке традиционно под конституционной правоспособностью принято понимать способность субъекта

иметь конституционные права, а под конституционной дееспособностью – способность субъекта своими действиями приобретать и осуществлять конституционные права, а также исполнять конституционные обязанности [2, с. 398]. Тем временем, существенное значение имеет особый статус рассматриваемого нами субъекта.

Представляется, что применительно к народу разделить правоспособность и дееспособность невозможно. Какие действия должен совершить народ для того, чтобы достичь способность приобретать и осуществлять права, исполнять обязанности или нести ответственность? Такой субъект либо обладает этими способностями изначально, либо не будет признан субъектом права (в частности, конституционного) вообще. По этим причинам применительно к народу возможно употребление только категории правосубъектность, без разложения ее на элементы. И под правосубъектностью следует понимать возможность субъекта быть участником конституционных правоотношений.

Этот вопрос приобрел остроту в науке конституционного права, где уже достаточно давно развернулась широкая дискуссия о том, может ли народ являться субъектом конституционных правоотношений и конституционного права в целом. (Сразу считаем необходимым оговориться, что субъекты конституционного права, в нашем понимании, – это лица, обладающие правосубъектностью, а субъекты конституционно-правовых отношений – действительные участники самого процесса действия конституционно-правовых норм).

По рассматриваемой проблеме в науке конституционного права сложились три основные точки зрения. Ряд правоведов (например, В.Т. Кабышев, О.О. Миронов, А.В. Мицкевич и др.) утверждают, что народ не обладает качествами субъекта конституционного права [3; 4, с. 42-43], «обладание которыми может повлечь за собой принижение его социальной роли, ограничение правовыми рамками, умаление его суверенитета». Другие авторы считают народ субъектом правовых отношений [5; 6]. Наконец, ряд ученых относят народ к числу особых субъектов конституционного права [7, с. 95; 8, с. 92]. Согласно последней позиции, народ, как правило, осуществляет свои права через государство, но иногда выступает непосредственным носителем правомочий.

Для того чтобы разрешить настоящий вопрос, следует обратиться к общей теории права, где, например, С.С. Алексеевым сформулированы основные свойства, наличие которых необходимо для признания социальной единицы субъектом права. Такими свойствами являются: а) известная внешняя обособленность; б) персонификация (выступление вонне в виде единого лица – «персоны»); в) способность вырабатывать, выражать и осуществлять единую волю; г) наделение нормами права совокупностью прав и обязанностей (С.С. Алексеев это называет правосубъектностью) [9, с. 296].

В самом общем виде народ не подпадает под все свойства, указанные учеными, однако, подвергнув тщательному

анализу эту позицию, можно говорить и о персонификации народа. Ведь мы можем определиться с составом народа, под которым мы понимаем совокупность граждан Российской Федерации вне зависимости от места их проживания, а также иностранных граждан и лиц без гражданства, постоянно проживающих на территории Российской Федерации, обладающих политическими правами и выражающими свою политическую волю в отношении Российской Федерации [10].

Кроме того, народ прямо назван единственным источником власти и носителем суверенитета в статье 3 Конституции Российской Федерации. Законодатель не может исходить из абстрактного представления о том, что же такое народ. В том или ином виде он мог представить себе некую определенную, обособленную группу людей. Кроме того, народ все-таки имеет и некую организованность: в составе народа можно выделять отдельных граждан, иностранных лиц, лиц без гражданства, как индивидуально, так и в виде разнообразных объединений. Затем, народ все-таки способен сам себя отделить от других народов, в том числе и на основании принадлежности к государству (в широком смысле слова, не только в виде гражданства). Что касается единства воли, то народ вполне способен ею обладать. Народ – не простая толпа, а группа лиц, объединенных общим интересом, такой интерес и формируется в единую общую волю народа. Именно мнение народа как единого субъекта, а не отдельных его членов, имеет значение и ценность при его вступлении в правоотношение. Более того, мнение отдельного члена может и не совпадать с общей позицией, а может и вообще не быть выражено, однако решение будет принято и от его имени.

Весьма удачным является мнение Р.Г. Губенко, которая обращала внимание на то, что правосубъектность народа как носителя власти коренится в учредительной природе народо-власти и суверенитета народа и носит двухуровневый характер, а именно проявляется в «учредительных» (осуществление власти через представительные органы) и «конкретных» правоотношениях (непосредственное осуществление своей власти) [5, с. 115-116].

Несостоятельна и позиция, согласно которой «единственным государственно-правовым отношением, приводимым в порядке аргументации правосубъектности народа, является отношение, возникающее в процессе проведения референдума» [11, с. 106]. Наряду с референдумом народ участвует и выборах, и в публичных мероприятиях, и в ходе осуществления местного самоуправления и т.д.

Все сказанное позволяет нам говорить и том, что такая социальная общность, как народ, способна выступать единым субъектом конституционного права, следовательно, обладает собственным конституционно-правовым статусом, отличным от статуса других субъектов, и в полной мере обладает правосубъектностью.

Библиографический список

1. Кокотов, А.Н. Русская нация и российская государственность (Конституционно-правовой аспект взаимоотношений): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 1995.
2. Лучин, В.О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002.
3. Кабышев, В.Т., Миронов О.О. Категория «народ» в советском конституционном (государственном) праве. Сб. работ аспирантов (Саратовский юридический институт). – Саратов, 1968. – Кн. 1.
4. Мицкевич, А.В. Субъекты советского права. – М.: Государственное издательство Юридической литературы, 1962.
5. Губенко, Р.Г. Советский народ – субъект конституционных правоотношений // Советское государство и право. – 1980. – № 10.
6. Коток, В.Ф. Конституционно-правовые отношения в социалистических странах // Правоведение. – 1962. – № 1.
7. Бойцов, В.Я. Система субъектов советского государственного права. – Уфа, 1972.
8. Кечекьян, С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. – М., 1958.
9. Алексеев, С.С. Проблемы теории права. – Свердловск, 1972. – Т. 1.
10. Казьмина, Е.А. Категория «народ» и ее соотношение с категорией «нация» в современной науке конституционного права // Актуальные проблемы современного права в научных исследованиях молодых ученых-юристов: Материалы науч.-практ. конф. аспирантов и соискателей, посвященной 40-летию Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации (Москва, 4 июня 2010 года). – М.: РПА Минюста России, 2010.
11. Безуглов, А.А. Суверенитет советского народа. – М., 1975.

Bibliography

1. Kokotov A.N. Russkaya natsia i rossiiskaya gosudarstvennost (Constitutionno-pravovoy aspect vzaimootnoshenii). Avtoref. Dis. ... d-ra yurid.nauk. – Ekaterinburg, 1995.
2. Lutchun V.O. Constitutsia Rossiiskoi Federatsii. Problemy realizatsii. – M.: UNITI-DANA, 2002.
3. Kabyshev V.T., Mironov O.O. Categoria "narod" v sovetskom constitutionnom (gosudarstvennom) prave. Sbornik rabot aspirantov (Saratovskii yuridicheskii institut). Kn. 1. – Saratov, 1968.
4. Mitskevitch A.V. Subjecty sovetskogo prava. – M.: Gosudarstvennoe izdatelstvo Yuridicheskoi literatury, 1962.
5. Gubenko R.G. Sovetskii narod – subject constitutionnykh pravootnoshenii // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. – 1980. – № 10.
6. Kotok V.F. Constitutionno-pravovye otnoshenia v socialisticheskikh stranakh // Pravovedenie. – 1962. – № 1.
7. Boitsov V.Y. Sistema subjectov sovetskogo gosudarstvennogo prava. – Ufa, 1972.
8. Ketchekyan S.F. Pravootnoshenia v socialisticheskom obshchestve. – M., 1958.
9. Alekseev S.S. Problemy teorii prava. T.1. – Sverdlovsk, 1972.
10. Kazmina E.A. Categoria "narod" i iye sootnoshenie s categoriyei "natsia" v sovremennoi nauke constitutionnogo prava // Aktualnye problem sovremenno prava v nauchnykh issledovaniyakh molodykh uchenykh-yuristov: materialy nauch.-prakt. conf. Aspirantov i soiskatelei, posvyashennoi 40-letiu Rossiiskoi pravovoi akademii Ministerstva yustitsii Rossiiskoi Federatsii (Moskva, 4 iyunya 2010 goda). – M.: RPA Minyusta Rossii, 1010.
11. Bezuglov A.A. Suverenitet sovetskogo naroda. – M., 1975.

Статья поступила в редакцию 20.07.11

УДК 340.130.5 (430)

Ostapovich I.Y. THE ESSENCE AND THE PECULIARITIES OF THE NONLEGAL FORM OF INFLUENCE ON LAWMAKING. Lawmaking activity is manifested by a large number of processes: the preparation of a normative legal act's conception and project; the reveal of requirements in legal regulation of various social relations; the identification of the direction and kind of regulation. Besides, some external factors (economic, political, social ones) influence the participants of the process. These factors form their ideology, legal, moral and political consciousness as well as the conditions which affect them in the process of lawmaking.

Key words: lawmaking, mechanism of the force of law, interconnection of ideology and the law.

И.Ю. Остапович, канд. юрид. наук, доц., зав. каф. теории и истории государства и права Горно-Алтайского государственного университета, г. Горно-Алтайск, E-mail: ostapovich7@mail.ru

СУЩНОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ НЕЮРИДИЧЕСКОЙ ФОРМЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ПРАВОТВОРЧЕСТВО

Правотворческая деятельность выражается в значительном по объему круге процессов: в подготовке концепции и проекта нормативного правового акта, в выявлении потребностей в правовом регулировании тех или иных групп общественных отношений, в определении направления и характера самого регулирования. Кроме всего на участников этого процесса оказывают влияние и внешние факторы (экономические, политические, социальные), которые формируют идеологию этих лиц, их правовое, нравственное, политическое сознание и те условия, которые воздействуют на них в процессе правотворчества.

Ключевые слова: правотворчество, механизм действия права, взаимосвязь идеологии и права.

Государственная идеология является специфической формой взаимодействия, взаимосвязи идеологии и права, а следовательно и правотворчества. Взаимосвязи существующих в обществе идеологием и собственно правовой деятельности государства.

Государственная власть всегда предполагает идеологическую регуляцию общественной жизни. Во всей истории человечества, древней и новейшей, мы констатируем идеологическое бытие власти, ее официальную идеологизацию – вплоть до существования полностью детерминированных идеологическими системами государств, например теократических, социалистических, капиталистических и т.п. Поэтому характеристика всякого типа власти, государственности, режима непременно означает также и их идеологическую характеристику.

Существующее в прежней и современной отечественной литературе понимание идеологии ограничивается определением ее лишь как сугубо духовного феномена, определенной системы идей и взглядов, присущих различным субъектам жизни. Так, Г.Т.Журавлев определяет ее следующим образом: «Идеология – это система идей и взглядов определенного класса (общества), в ней выражаются общие, коренные интересы классов» [1, с. 15]. В более свежей, отечественной литературе этот ригоризм уже несколько смягчен. В «Философском словаре», содержится несколько более мягкая в отношении социально-классовой детерминированности идеологии дефиниция: «Идеология – совокупность общественных идей, теорий, взглядов, которые отражают и оценивают социальную действительность с точки зрения интересов определенных классов и разрабатываются, как правило, представителями этих классов и направлены на утверждение либо изменение, преобразование существующих общественных отношений»

[2, с. 152]. Будучи верным по сути, данное понимание все же несколько абстрактно, поверхностно и недостаточно полно.

Идеология обладает рядом важнейших свойств и функций, позволяющей ей интегрировать общество, служить своего рода скрепой всей совокупности общественных отношений в государстве, что также должно быть отражено в определении. Кара-Мурза А.А., Панарин А.С., Пантин И.К. отмечают, что это проявляется следующим образом: во-первых, она придает определенный смысл изменениям, происходящим в обществе, объясняет и оправдывает возникающие общественные реалии через соотнесение с высшими и самодавяющими ценностями; будучи формой рационализации мира, она позволяет индивиду найти устойчивые точки опоры для деятельности индивида; вырабатывая совокупность целей и ценностей, к которым может апеллировать индивид или группа, обеспечивает тем самым возможность взаимоузнавания и общения. Идеология, таким образом, привязывает человека к определенной социальной группе и общности, влияет на его поведение и направление воли [3, с. 129].

Поэтому правомерным представляется вывод о том, что государственная идеология, в любой из ее форм или обличий, является столь же неотъемлемым признаком всякого государства, как и признаки общеизвестные и общепризнанные в теории права и государства, такие как государственный суверенитет, территория, право, механизм управления и т.д. Известно, что отсутствие какого-либо из них делает невозможным существование как государства вообще, так и конкретной его формы. Более того, ослабление или меньшая, чем это необходимо, степень выраженности, артикулированности каждого из этих признаков способны привести к кризисным явлениям, а то и гибели данного государства.

Так, ослабление эффективности государственного управления, слабость органов государственной власти во всей ее вертикали, достигшие критического уровня, безусловно губельны для государства, но в той же степени, как и ослабление его идеологических основ и поддержки их общественным мнением населения. Такое государство может некоторое время существовать в силу инерции, тщетно пытаясь преодолевать многочисленные трудности и проблемы. Но оно утрачивает свою жизнеспособность, возможность адаптироваться к возникающим и нарастающим энтропийным явлениям.

Следствием ослабления воздействия на общественное мнение граждан является ослабление национальной или государственной самоидентификации, утрата субъективной значимости данного государства для его граждан. Перестает существовать чувство Родины, ощущение личностного характера связей между государством и индивидом, что не может не сказаться на прочности данного государства. Римская империя в последний век своей истории, Советский Союз конца 80-х годов - ярчайшее подтверждение того, что недостаточная артикулированность, а тем более осознанный отказ от государственной идеологии, в сочетании с другими проблемами, способны привести государство к гибели.

Осуществляемая государством идеологическая деятельность не противоречит тем статьям конституционных актов различных стран, которые провозглашают идеологическое многообразие или, подобно статье 13 Конституции Российской Федерации, гласят, что никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Исходящие от действительно демократического государства идеологии не авторитарны и тем более не репрессивны. Претендуя на универсальность, они вполне толерантны в отношении иных существующих в данном социокультурном и геополитическом пространстве ценностных систем. Характерная для тоталитарного общества воинствующая вездесущность единой партийно-государственной идеологии не свойственна большинству современных демократических государств. Они участвуют на равных условиях в борьбе за воздействие на общественное сознание своих граждан, конкурируя с иными субъектами политической жизни - оппозиционными партиями и общественными движениями, нередко с церковью, различными группами элиты и т.д. Государство не вытесняет из духовной сферы иные ценности и не пытается насильственно насадить единомыслие, его идеология не подменяет все многообразие существующих и возможных ценностных систем и оценочных суждений.

В связи с вышесказанным, следует отметить, что государственная идеология признается государством в качестве или единственно возможной, или абсолютно и безоговорочно лидирующей. Государство не просто провозглашает какие-либо ценности, но и придает им нормативный характер, ставит их в более привилегированное положение, чем все иные идеологические системы.

Государство стремится убедить своих граждан в существовании ценностей, интегрирующих всех - бедных и богатых, образованных и малограмотных, исповедующих разные религии и атеистов, говорящих на разных языках и проживающих в различных регионах. При этом государственная идеология является своего рода коммуникативным пространством для всего множества существующих в нем «частных» идеологий, предполагая процедуры и правила достижения согласованных решений, поиска компромиссов, нахождения согласия между всеми действующими в политике субъектами.

Влияние государственной идеологии на правотворческую жизнь раскрывается при исследовании механизма разработки, принятия и действия права. Возникающее на основе общественных отношений, право выступает в качестве важнейшего фактора их стабилизации. Выполняя функцию регулятора общественных отношений, право является связующим звеном между государством и обществом, позволяя им взаимодействовать друг с другом. Вопрос о средствах, с помощью которых право воздействует на общественные отношения, рассматривали в 20-х гг. XX столетия такие ученые как П.И.

Стучка, Е.Б. Паушканис, Н.В. Крыленко. В середины 60-х годов появилось много работ по проблемам правового регулирования общественных отношений, его предмета, метода, механизма [4].

Существует точка зрения, что в отдельных случаях правотворчество может быть напрямую не связано с государством и реализуется обществом в целом либо отдельными крупными социальными институтами. Так, приводится пример, принятие соответствующих актов путем референдума.

Однако, как нам представляется, эта точка зрения не совсем верна, так как акты, принятые на референдуме разрабатываются и совершенствуются субъектами публичной власти до вынесения их на всенародное обсуждение, и сам референдум назначается и проводится соответствующими органами государства.

Таким образом, истинное правотворчество осуществляется только при активном участии в этих процессах государства, его органов и должностных лиц [5, с. 69-79].

Правотворчество представляет собой сложное социальное явление. Нельзя ограничить его понимание лишь в виде издания нормативных правовых актов. Правотворческая деятельность выражается в гораздо более значительном по объему круге процессов: в подготовке концепции и проекта нормативного правового акта, в выявлении потребностей в правовом регулировании тех или иных групп общественных отношений, в определении направления и характера самого регулирования [6, с. 26].

Если имеет место наличие фактически сложившихся отношений в обществе, которые не закреплены в праве, то правотворчество закрепляет их в создаваемых правовых нормах.

Когда продолжают действовать отжившие и отживающие отношения, которые стали тормозить развитие нового, процесс правотворчества предполагает издание правовых норм, призванных ликвидировать действие отживших или ограничить действие отживающих.

В ряде случаев правотворческие органы создают правовые нормы, способствующие возникновению и дальнейшему развитию таких отношений, которые отсутствуют в реальной действительности, но могут и должны существовать, так как содействуют прогрессу в жизни общества [7, с. 122].

На субъектов правотворчества оказывают влияние внешние факторы (экономические, политические, социальные), которые формируют идеологию этих лиц, их правовое, нравственное, политическое сознание и те условия, которые воздействуют на них в процессе правотворчества. Будучи внешними по отношению к правовой деятельности, данная совокупность факторов, ориентирует процесс правового регулирования и придает ему научно обоснованный характер.

Так социальные нормы с одной стороны являются результатом целенаправленного творчества определенных социальных субъектов, а с другой стороны - отличаются объективным характером, не зависят от воли человека [8].

Таким образом, правотворчество представляет собой организационно-оформленную деятельность субъектов публичной власти по выражению в предписаниях закона общественной воли путем выявления потребностей и создания в соответствии с данными потребностями новых правовых норм, замены либо отмены действующих устаревших норм.

Правильно организованное правотворчество должно обеспечить принятие правовых норм, оказывающих эффективное воздействие на общественные отношения, обладающих качествами, свойствами, которых обеспечивают такое воздействие [9, с. 162].

Так как российское право, по большинству своих признаков, относится к романо-германской (континентальной) правовой семье, поэтому основным направлением правотворческой деятельности в Российской Федерации, и ее субъектах, является работа над созданием, принятием и вступлением в силу законов, других нормативных правовых актов и нормативных договоров. Поэтому термин «правотворчество» стал фактически синонимом термина «законотворчество», однако действующее в настоящее время на территории Российской

Федерации законодательство и современная теории права совершенно справедливо разграничивают понятия «право» и «закон».

Законотворческая деятельность, по формально-юридическому критерию, определяется как система взаимосвязанных процессов создания, принятия и введения в действие законов (Конституции, федеральных конституционных законов, кодексов, других федеральных законов; конституций, уставов и других законов субъектов Российской Федерации), при этом подчеркивается высшая сила закона, а также исключительная важность работы по созданию такого рода нормативных правовых актов (законопроектной работы) [10, с. 4].

С социально-политической точки зрения под законотворчеством понимается процесс выявления и реализации в законе социальных интересов. Так, например, В.В. Лапаева определяет задачу законотворчества как поиск правовой модели согласования различных социальных интересов, при которой свобода одних лиц в реализации своих интересов не ущемляла бы свободу других. Такая модель согласования интересов позволяет выявить правообразующий интерес [11, с. 151].

В свою очередь, правообразующий интерес, согласно Н.Л. Ореховой, это не интерес каких-то конкретных социальных групп, а некая теоретическая конструкция выражения и защиты различных интересов, которая каждый раз должна быть творческой находкой законодателя [12, с. 28].

Следующие общие критерии, требования к содержанию законодательства выделяет В.С. Афанасьев: соответствие норм права прогрессивно развивающимся общественным отношениям, социальным интересам и потребностям; правильность определения необходимости правовой регламентации тех или иных общественных отношений; законность самих нормативных актов, их соответствие нормам международного права, конституции, другим вышестоящим актам, соответствие норм права принятым в обществе нормам морали, обычаям, идеям добра, справедливости, гуманизма, общечеловеческим ценностям, ясность, понятность, доступность правовых предписаний; правильность определения уровня правовой регламентации; отсутствие противоречий между нормами права; их систематизированность; наличие необходимых служебных норм, характер юридических санкций.

Именно на основе проблем и потребностей социальной среды формируется правообразовательный интерес. В сфере правотворчества социальная среда влияет на уровни правового регулирования, способы обеспечения регулируемого поведения, темпы принятия нормотворческого решения через разнообразные политические структуры, средства массовой информации и т.д.

Статья подготовлена в рамках проекта «моб ст» - научная работа молодых российских ученых в ведущих научных организациях Российской Федерации № 11-06-90705-моб_ст, поддержанного РФФИ.

Библиографический список

1. Журавлев, Г.Т. Социальная информация и управление идеологическим процессом. - М., 1973.
2. Философский словарь. - М., 1991.
3. Кара-Мурза, Л.А. Духовный кризис в России: есть ли выход? / Л.А. Кара-Мурза, А.С. Панарин, И.К. Паитин // Октябрь. - 1996. - № 6.
4. Алексеев, С.С. Механизм правового регулирования в советском государстве. - М., 1966.
5. Щербанов, А.Ф. Форма советского права. - М., 1968.
6. Спиринов, М.Ю. Теоретические проблемы законотворческой деятельности в Российской Федерации. - Самара, 2000.
7. Керимов, Д.А. Свобода, право и законность в социалистическом обществе. - М., 1960.
8. Бобнев, М.И. Социальные нормы и регуляция поведения. - М., 1978.
9. Афанасьева Л. В. Нормы права и их действие (вопросы теории): дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2000.
10. Поленина, С.В. Законотворчество в Российской Федерации. - М., 1996.
11. Лапаева, В.В. Социология права: краткий учебный курс. - М., 2000.
12. Орехова, Н.Л. Законотворчество: теоретико-правовые аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2003.

Bibliography

1. Zhuravlev, G.T. Socialnaya informatsiya i upravlenie ideologicheskim processom. - M., 1973.
2. Filosofskiy slovarj. - M., 1991.
3. Kara-Murza, L.A. Dukhovniy krizis v Rossii: estj li vihkhod? / L.A. Kara-Murza, A.S. Panarin, I.K. Paitin // Oktyabrj. - 1996. - № 6.
4. Alekseev, S.S. Mekhanizm pravovogo regulirovaniya v sovetskom gosudarstve. - M., 1966.
5. Thebanov, A.F. Forma sovetskogo prava. - M., 1968.
6. Spirin, M.Yu. Teoreticheskie problemih zakonotvorcheskoj deyateljnosti v Rossijskoj Federacii. - Samara, 2000.
7. Kerimov, D.A. Svoboda, pravo i zakonnostj v socialisticheskom obshestve. - M., 1960.
8. Bobnev, M.I. Socialjnihe normih i reguljaciya povedeniya. - M., 1978.
9. Afanasjeva L. V. Normih prava i ikh deyjstvie (voprosih teorii): dis. ... kand. yurid. nauk. - M., 2000.
10. Polenina, S.V. Zakonotvorchestvo v Rossijskoj Federacii. - M., 1996.
11. Lapaeva, V.V. Sociologiya prava: kratkiy uchebniy kurs. - M., 2000.
12. Orekhova, N.L. Zakonotvorchestvo: teoretiko-pravovihe aspektih: dis. ... kand. yurid. nauk. - M., 2003.

Статья поступила в редакцию 08.08.11

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

А		К		С	
Айзман Р.И.	219	Кадырова А.К.	98	Сахариева С.Г.	30
Артемова Т.З.	262	Казачков А.В.	37	Свинчукова Е. Г.	119
Ахатов М.Ш.	162	Казимагомедова Р.И.	144	Северина В.Ф.	59
Б		Казьмина Е.А.	290	Семенов В.Н.	63
Багачук А.В.	14	Калюжный Е.А.	211	Сергеева И.В.	217
Баймухаметова В.М.	93	Каримова А.Д.	40	Серээдар Н.Ч.	124
Барышников С.Г.	253	Каримова Е.С.	102	Сидоров В.А.	137
Бахтина И.А.	280	Киришина О.Н.	43	Сизов Д.А.	164
Бекарюков М.В.	255	Коженикова Э.Э.	87	Смирнова Н.Г.	67
Беляева Н.Н.	277	Козликина Н.Б.	214	Сорокина Т.Б.	154
Бирюлина Т.С.	18	Комлева Е.В.	105	Сулимов В.С.	172
Богатырев С.Н.	240	Корепанов С.В.	230, 234		
Большунова Н.Я.	51	Круглова Н.В.	109		
Бударина О.В.	277	Кузмичев Ю.Г.	211		
Буторина Н.Н.	262				
Быстрова Н.Н.	20				
В		Л		Т	
Васильев А.С.	75	Лаврова Д.В.	273	Талаева Ю.Г.	262
Веревкин Е.Г.	240	Лазаренко И.Р.	59	Таскаракова Н.Н.	127
Веряскина Н.Д.	234	Лобанов Ю.С.	258	Третьякова М.В.	156
Г				Трофимова Р.А.	200
Гайнанова Н.К.	214			Турганбаева Ш.С.	133, 137
Галакова О.В.	24			Турлюн Л.Н.	140
Гантимурова О.Г.	222				
Геворгян М.М.	280				
Гипп Е.К.	262				
Гоман Е.Ю.	284				
Горбачкая О.Ю.	95				
Д		М		У	
Даржуман Г.К.	51	Максимкина Т.Н.	262	Усова А.В.	10, 11
Демидко Н.Н.	214	Маслов М.С.	200		
Демидько Е.В.	284, 287	Мирошкин Д.Г.	214		
Дитятев А.Ю.	198	Михайлова С.В.	211		
Дмитриева Р.А.	273	Морозова Н.В.	47		
Долгин В.А.	273				
Доскина Т.В.	273				
Дробышев В.А.	222				
Е		Н		Ф	
Ежов В.С.	70	Нарзулаев С.Б.	63	Фирсов С.А.	225
З		Насонова Н.В.	240	Фотиева О.Н.	203
Завьялов А.А.	193	Недачин А.Е.	262, 273		
Загайнова А.В.	262, 268	Некрасов В.Л.	184		
Закриччинова А.С.	219	Никитенко А.В.	49		
Заостровская Н.А.	142	Никитин Ю.П.	245		
Зникина Л.С.	142	Ниязов Р.Т.	113		
Зоткин А.О.	27	Новиков И.А.	179		
Зотов С.А.	147	Новикова М.В.	249		
И		Нурумов Б.А.	51		
Искаков Б.А.	30, 34				
		О		Ч	
		Опенко Т.Г.	230, 234, 240, 245	Чанчаева Е.А.	219
		Остапович И.Ю.	292.	Черлюков И.Г.	189
		П		Чухров А.С.	79
		Пестушко Ю.С.	167		
		Петренко Н.В.	72		
		Плугина Н.А.	53		
		Поддубнякова В.А.	222		
		Подрепный Е.И.	151		
		Пономарева О.Ю.	277		
		Пьянкова Т.В.	116		
		Р		Ш	
		Рахманин Ю.А.	262, 268	Шаромова В.С.	83
				Шкуркин А.М.	287
				Шрайбер А.Н.	205
				Щ	
				Щелокова Н.В.	160
				Щербакова Л.В.	240
				Ю	
				Юрченко Е.С.	175
				Я	
				Ядрышников О.В.	90
				Яковлева И.Ю.	207

СТРУКТУРА ИНСТИТУТА ЭКСПЕРТНОЙ ОЦЕНКИ

ИСТОРИЯ

- **Николай Семенович Модоров** – д-р исторических наук, профессор, академик РАГН, (г. Горно-Алтайск), ГАГУ, E-mail: mns@gasu.ru
- **Валерий Анатольевич Бармин** – д-р. ист. наук, профессор (г. Барнаул), АлтГПА, E-mail: Valbarmin@mail.ru; 8-905-985-70-35
- **Владимир Григорьевич Дацышен** – д-р ист. наук, профессор (г. Красноярск), Сибирский федеральный университет, зав. кафедрой всеобщей истории
- **Михаил Александрович Демин** – д-р. ист. наук, профессор (г. Барнаул) АлтГПА,
- **Татьяна Кирилловна Щеглова** – д-р. ист. наук, профессор, первый проректор по учебной работе (г. Барнаул), АлтГПА
- **Татьяна Кирилловна Щеглова** – д-р. ист. наук, профессор, первый проректор по учебной работе (г. Барнаул), АлтГПА
- **Виктор Яковлевич Бутанав**, д-р ист. наук, профессор, зав. каф. этнографии Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова
- **Аркадий Васильевич Контев** – канд. ист. наук, доцент (г. Барнаул), АлтГПА
- **Надежда Федоровна Иванцова** – д-р ист. наук, профессор (г. Москва) МГПИ
- **Михаил Викторович Шиловский** – д-р исторических наук, профессор, зав. сектором истории 19 в. института истории СО РАН, (г. Новосибирск)
- **Вадим Владимирович Горбунов** – д-р ист. наук, профессор (г. Барнаул), АТУ
- **Анатолий Иванович Мартынов** – д-р ист. наук, профессор, академик РАЕН, , зав каф. археологии, (г. Кемерово), КГУ

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- **Лидия Павловна Гекман** – д-р культурологии, профессор Алтайской государственной академии культуры и искусств, ведущий эксперт раздела «Культурология» (E-mail: sonet312@mail.ru)
- **Ольга Васильевна Первушина** – канд. культурологи, профессор Алтайской государственной академии культуры и искусств, проректор по научной работе (г. Барнаул)
- **Ирина Александровна Жерносенко** – канд. культурологии, доцент, зав. каф. культуры и коммуникативных технологий Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова (г. Барнаул), E-mail: iaj2002@mail.ru

МЕДИЦИНА

- **Марина Геннадьевна Чухрова** – д-р мед. наук, профессор, Новосибирского государственного университета (г. Новосибирск), НГУ, E-mail: mba@sibmail.ru
- **Курпатов Владимир Иванович** – д-р мед. наук, профессор, зав. каф. психотерапии СПбМАПО, гл. психотерапевт СПб., председатель правления СПб регион. об-ва психотерапевтов (г. Санкт-Петербург), E-mail: kafedrapt@yandex.ru
- **Мириана Миланкова** – д-р медицины и философии (г. Нови Сад, Сербия), E-mail: drmirjana.milankov@gmail.com
- **Владимир ПЕТРОВИЧ Шевченко** – д-р медицинских наук, профессор, главный анестезиолог (г. Новосибирск)
- **Николай Алексеевич Мешков** – д-р мед.ицинских наук, профессор, заслуженный врач РФ, член Российской научной комиссии по радиационной защите, вед. науч. сотр. лаборатории сравнительного анализа и управления рисками, E-mail: Professor121 [professor121@rambler.ru]
- **Калачев Геннадий Анатольевич** – д-р. мед. наук, профессор (специализация – морфология), начальник научного отдела (г. Барнаул), АлтГПА, E-mail: gak@uni-altai.ru

ПЕДАГОГИКА, ПСИХОЛОГИЯ

- **Альбина Алексеевна Темербекова** – д-р педагогических наук, профессор Горно-Алтайского государственного университета (г. Горно-Алтайск)
- **Анатолий Андреевич Шаповалов** – д-р педагогических наук, профессор Алтайской государственной педагогической академии (г. Барнаул), E-mail: pnb@uni-altai.ru
- **Людмила Степановна Колмогорова** – д-р психологических наук, профессор, заведующий каф. психологии Алтайской государственной педагогической академии (г. Барнаул), E-mail: pnb@uni-altai.ru
- **Татьяна Ивановна Лукьяненко** – канд. психологических наук, доцент, зав. каф. психологии Горно-Алтайского государственного университета (г. Горно-Алтайск)

СОЦИОЛОГИЯ

- **Юрий Ефимович Растов** – д-р социологических наук, профессор, действительный член Академии социальных наук, зам. председателя диссертационного совета по социологии при Алтайском Государственном университете (г. Барнаул)
- **Святослав Иванович Григорьев** – д-р социологических наук, профессор, член-корр. Академии образования РФ, декан факультета социального управления Горно-Алтайского государственного университета (г. Горно-Алтайск)
- **Раиса Афанасьевна Трофимова** – д-р социологических наук, профессор, член-корр.Петровской академии наук и искусств, первый проректор АлтГАКИ (г. Барнаул)
- **Людмила Денисовна Демина** – д-р социологических наук, профессор, декан факультета психологии АлтГУ (г. Барнаул)
- **Наталья Андреевна Заруба** – д-р социологических наук, профессор кафедры педагогики и психологии Кемеровского государственного университета культуры и искусств, зам. председателя совета по защите докторских и кандидатских диссертаций при Кузбасской государственной педагогической академии (г. Кемерово)
- **Анатолий Андреевич Удоденко** – д-р. социологических наук, профессор, зав. каф. социологии в АлтГТУ (г. Барнаул)
- **Наталья Станиславовна Тимченко** – д-р социологических наук, профессор, зав.каф. социальных наук АлтГПА (г. Барнаул)
- **Александр Яковлевич Троцковский** – д-р социологических наук, профессор, зав. Барнаульской лабораторией института экономики и организации производства СО РАН (г. Барнаул)
- **Виктор Васильевич Желтов** – д-р философских наук, профессор, проректор Кемеровского госуниверситета (г. Кемерово)
- **Светлана Геннадьевна Максимова** – д-р социологических наук, профессор, зав. каф. ПКПТ ФС АлтГУ (г. Барнаул)

- **АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ НОВОКРЕЩЕННОВ** – д-р социологических наук, профессор, зав. каф. Сибирской академии государственной службы (г. Новосибирск)
- **Юрий Владимирович Попков** – д-р филос. наук, проф., зав. сектором этносоциологии отдела социологии института истории СО РАН (г. Новосибирск)
- **Валентин Геннадьевич Немировский** – д-р. социологических наук, професср, зав.каф. социального менеджмента Сибирского федерального университета (г. Красноярск)
- **Алие Мустафаевна Сергиенко** – д-р социологических наук, доцент, ст. науч. сотрудник Барнаульской лаборатории института экономики и организации производства СО РАН (г. Барнаул)
- **Людмила Герасимовна Гусяткова** – д-р социологических наук, профессор факультета социального управления Горно-Алтайского государственного университета (г. Горно-Алтайск)

ФИЛОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

- **Елена Васильевна Лукашевич** – д-р филологических наук, профессор, зав. каф. языка массовых коммуникаций и редактирования Алтайского государственного университета (г. Барнаул), E-mail: stm@art.asu.ru
- **Нина Валерьевна Губина** – канд. филологических наук, доцент, зав. каф. литературы, социальной психологии и педагогики Алтайской государственной академии культуры и искусств (г. Барнаул)
- **Тамара Михайловна Степанская** – д-р искусствоведения, профессор Алтайского государственного университета (г. Барнаул), E-mail: stm@art.asu.ru
- **Дмитрий Николаевич Жаткин** – д-р филологических наук, профессор, зав. каф. перевода и переводоведения Пензенской государственной технологической академии (г. Пенза)
- **Лариса Михайловна Владимирская** – д-р филологических наук, профессор Алтайской академии экономики и права (г. Барнаул)

ФИЛОСОФИЯ

- **Алексей Александрович Гук** – д-р философских наук, профессор Кемеровского государственного университета культуры и искусств (г. Кемерово)
- **Виктор Иванович Марков** – канд. философских наук, д-р культурологии, профессор кафедры культурологи, председатель диссертационного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций при Кемеровском государственном университете культуры и искусств (г. Кемерово)
- **Маргарита Павловна Арутюнян** – доктор философских наук, доцент, зав. каф. философии Дальневосточного гуманитарного университета, E-mail: mpa@email.su
- **Михаил Юрьевич Шишин** – д-р философских наук, профессор Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова (г. Барнаул), Т_м: 8-913-211-72-37

ЭКОЛОГИЯ

- **Петухов Валерий Лаврентьевич** – д-р биологических наук, профессор, председатель докторского совета по экологии (биологические науки) при Новосибирском Государственном Аграрном университете (г. Новосибирск)
- **Хаснулин Вячеслав Иванович** – д-р медицинских наук, профессор, зав. Отделом дизадаптации НЦКЭМ СО РАМН
- **Александр Васильевич Пузанов** – д-р биологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Учреждения Российской академии наук Института водных и экологических проблем Сибирского отделения РАН (г. Барнаул), E-mail: bezmater@iwer.asu.ru
- **Дмитрий Михайлович Безматерных** – канд. биологических наук, доцент, ученый секретарь Учреждения Российской академии наук Института водных и экологических проблем Сибирского отделения РАН (г. Барнаул), E-mail: bezmater@iwer.asu.ru
- **Николай Алексеевич Мешков** – д-р медицинских наук, профессор Научно-исследовательского института экологии человека и гигиены окружающей среды им. А.Н. Сысина РАМН, член Российской научной комиссии по радиационной защите (г. Москва)

ЭКОНОМИКА

- **Инна Николаевна Санникова** – д-р экономических наук, профессор, зав. каф. бухучета, аудита и анализа Алтайского государственного университета (г. Барнаул)
- **Вера Степановна Стародубцева** – канд. экономических наук, доцент (г. Горно-Алтайск)
- **Марина Александровна Апсите** – канд. экономических наук, доцент, проректор по учебно-воспитательной работе Новосибирского филиала государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский государственный торгово-экономический университет» (г. Новосибирск)
- **Людмила Ивановна Любавская** – канд. экономических наук, д-р пед. наук, профессор, директор Новосибирского филиала государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский государственный торгово-экономический университет» (г. Новосибирск)
- **Ирина Павловна Лаптева** – канд. экономических наук, доцент Вяткинского сельскохозяйственного университета (г. Киров)

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

- **Степан Сузанович Тюхтенев** – д-р юридических наук, профессор, зав. каф. уголовного, административного права и процесса Горно-Алтайского государственного университета (г. Горно-Алтайск)
- **Сергей Альбертович Поляков** – канд. юридических наук, доцент, зав. каф. уголовного права и процесса Новосибирского государственного технического университета (г. Новосибирск)
- **Игорь Юрьевич Остапович** – канд. юридических наук, доцент, зав. каф. теории и истории государства и права Горно-Алтайского государственного университета (г. Горно-Алтайск), E-mail: ostapovich7@mail.ru

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Редакция научного международного периодического журнала «Мир науки, культуры, образования», включенного в Перечень ведущих журналов и изданий, в которых должны публиковаться основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук, приглашает вас к публикации статей по следующим научным направлениям:

• «Искусствоведение» • «История» • «Культурология» • «Медицина» • «Педагогика» • «Психология»	• «Социология» • «Филология» • «Философия» • «Экология» • «Экономика» • «Юриспруденция»

Для публикации в журнале необходимо предоставить *заявку* с указанием сведений об авторе (Ф.И.О. полностью, место работы, ученая степень, звание, должность, а также телефон, факс, E-mail и почтовый адрес). Наименование раздела, в который направляется статья.

Статью необходимо печатать в редакторе MS WORD 6-7, формате А 4, шрифтом 12 пт. (Times New Roman), межстрочный интервал – 1,5; отступ от всех сторон листа - 2,5 см.

Статья оформляется следующим образом:

- заявка на публикацию;
- на английском языке: Ф.И.О. автора (авторов), название статьи прописными буквами, аннотация (4-6 строк, до 300 знаков), ключевые слова;
- на русском языке: УДК, Ф.И.О. автора (авторов), сведения об авторе, город, Email, название статьи прописными буквами, аннотация (4-6 строк, до 300 знаков), ключевые слова, текст статьи, библиографический список.

Библиографический список (в порядке цитирования, не по алфавиту!) оформляется по ГОСТу 7.1.-2003. Библиографические ссылки в тексте указываются в квадратных скобках. Например, [1]. В случае дословной цитаты, указывается также номер страницы приведенной цитаты, т.е. «ТЕКСТ, ТЕКСТ, ТЕКСТ ...» [2, с. 5]. Примеры в тексте статьи оформляются курсивом.

Примечания к тексту в виде постраничных и концевых сносок не допускаются. В конце статьи указывается **дата ее отправки в редакцию**. Рисунки и таблицы должны выполняться по ширине текста в формате ***jpg**.

Статья (бумажный вариант) вместе с рецензией, должна быть выслана обычной почтой. Статья с рецензией и заявкой отправляются электронной почтой (E-mail: mnko@mail.ru).

Файлы необходимо именовать согласно фамилии первого автора с указанием города. Например, «Иванова_Челябинск». Если статья вторая, третья и т.д., то следует указывать в названии файла **соответствующий номер**: «Иванова_Челябинск_1», «Иванова_Челябинск_2». **Размещение в одном файле нескольких статей не допускается.**

После независимой научной и технической экспертизы, статья либо **возвращается на доработку**, либо **принимается к публикации**, о чем сообщается автору по электронной почте или указанному телефону.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ НАПРАВЛЯЮТСЯ ПО АДРЕСУ: 649006, г. Горно-Алтайск, пр. Коммунистический, 68, Офис 301, Редакция журнала «Мир науки, культуры, образования».

СПИСОК ОСНОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ, которые необходимо учитывать при подготовке статьи к публикации

биол.	–	биологических наук	пед. наук.	–	педагогических наук
геогр.	–	географических наук	проф.	–	профессор
гл. н.с.	–	главный научный сотрудник	психол. наук.	–	психологических наук
дис.	–	диссертация	Р/д	–	режим доступа
доц.	–	доцент	ред.	–	редактор
д-р.	–	доктор	рис.	–	рисунок
журн.	–	журнал	сельхоз. наук	–	сельскохозяйственных наук
зав. каф.	–	заведующий кафедрой	социол. наук	–	социологических наук
изд-во	–	издательство	ст. преп.	–	старший преподаватель
ист.	–	исторических	тех. наук	–	технических наук
канд.	–	кандидат	филол. наук	–	филологических наук
каф.	–	кафедра	филос. наук	–	философских наук
мед. наук	–	медицинских наук	Э/р	–	электронный ресурс
н.с.	–	научный сотрудник	эконом. наук	–	экономических наук
науч.	–	научный	юр. наук	–	юридических наук

С материалами журнала можно ознакомиться на сайте:

<http://amnko.ru/>

Тел.: +7(38822) 4-74-44, Факс: +7(388-22) 4-74-44, E-mail: mnko@mail.ru